

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlav 381.10 ($\frac{1882}{10}$)

**Harvard College
Library**

THE GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

Class of 1887

RUSSIAN COLLECTION OF 1922

cp 373-409

loc 1021212121

МИХАИЛЬ ДМИТРИЕВИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ.

Оз фотографіи, снятой въ 1881 году, гравировалъ на деревѣ
Паннемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 сентября 1882 г.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ТРЕТІЙ

ТОМЪ X

№ 140-

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

Т О М Ъ X

1882

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2

1882

P Slaw 381.10 (1882)
~~Slaw 25.15~~ (10)

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JULY 1 1922

1882

СОДЕРЖАНИЕ ДЕСЯТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯВРЬ и ДЕКАБРЬ 1882).

	стр.
Жизнь Аванасія Прокофьевича Шапова. Н. Я. Аристова	5, 295, 576
„Лихолѣтье“ (Смутное время). Историческій романъ. Часть II. Гл. X—XVIII. (Окончаніе). В. Л. Маркова	45, 337, 542
Воспоминаніе о Н. Д. Мизко. Д. Д. Рябинина	83
Посмертныя бумаги М. Д. Снеболева. I. Письма съ Кангарской границы. II. Записка о занятіи Хивы. III. Туркестанъ и англійская Индія. 1876	109, 275
Недоросль на сценѣ и въ литературѣ (1782—1882 гг.). Д. Д. Языкова	139
Къ исторіи войны 1853—1856 гг. Отрывокъ изъ записокъ ге- нераль-лейтенанта В. Д. Кренке	148
Изъ воспоминаній петербургскаго старожила П. И. Юркевича	156
Островъ Сахалинъ. Я. Н. Вутковского	175
Закулисная исторія парижской комуны 1871 года. Гл. II—IV. (Окончаніе). В. Р. Зотова	187, 443, 662
Рѣка лѣсныхъ пустынь (Изъ поѣздки по Уралу). В. И. Неми- ровича-Данченко	241, 501
Синодальныя персоны. Періодъ борьбы за преобладаніе (1820— 1840 гг.). Н. С. Лѣскова	373)
Русскій Литтре. В. Р. З—ва	410
Два врага (Отрывокъ изъ воспоминаній). В. М. Силкевича	422
В. В. Верещагинъ. (Съ 4-мя рисунками). В. С. Р.	431
Новиковъ въ Шлиссельбургской крѣпости (По новымъ докумен- тамъ). А. И. Невзеленова	481

Человѣкъ онъ былъ. О. Э. Миллера	619
Взглядъ французскаго писателя на нынѣшнюю Россію. П. С. Усова	624
Изъ недалекаго прошлаго. Я. Н. Вутковскаго	640
Сиракузы. Статья Влюмнера (съ 4-мя рисунками)	652
ИНОСТРАННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ	206, 466, 694

Баумгартенъ. „Передъ Вареломеевскою ночью“. Иф...ла. — Гиндели. „Исторія тридцати-лѣтней войны“. Томъ IV. Его же. — Preussen in Bundesrathe, von Poschinger. Leipzig, 1882. (Пруссія въ совѣтъ германскаго союза, Пошингера. Лейпцигъ, 1882). П. у. — Ретвишъ. „Министръ фонъ-Цедлицъ и положеніе высшихъ учебныхъ заведеній во времена Фридриха Великаго“. Иф...ла. — Шмидтъ. „Uns primaе postis“. Его же. — Штернъ. „Исторія англійской революціи“. Его же. — Денманъ Россъ. „Опытъ по древнѣйшей исторіи учреждений. Теорія о сельскихъ общинахъ“. Его же.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ 213, 469, 702

Родъ Шереметевыхъ. А. П. Барсукова. Кн. II-я. Спб. 1882 г. Съ приложеніемъ 4-хъ фотографическихъ снимковъ жалованныхъ грамотъ изъ семейнаго архива графа С. Д. Шереметева. Д. И — ва. — Образцы русской церковной проповѣди XIX вѣка. Составилъ священникъ М. А. Поторжинскій, преподаватель кievской духовной семинаріи. Кіевъ. 1882 г. И. п. — „Исторія російской академіи“. М. И. Сухомлинова. Выпускъ VI-й. Спб. 1882 г. Л. И. Майсова. — Избранныя сочиненія Ломоносова въ стихахъ и прозѣ, съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Спб., 1882 г. П. у. — Фабричный бытъ Германіи и Россіи. А. Погожева. Москва, 1882 г. А. Ф — ва. — Римскія вакханаліи и преслѣдованіе ихъ въ VI вѣкѣ отъ основанія Рима. П. Н. Воданскаго. Кіевъ. 1882 г. Печатано по опредѣленію совѣта университета св. Владимира. И. Л — ва. — Еврей-реформаторы. „Новый Израиль“ и „Духовно-библейское Братство“. Опытъ соціально-религіозной реформы еврейства и новой постановки еврейскаго вопроса въ Россіи. Соч. Эмануэла Вель-Сіова. Спб., 1882 г. Д — ва. — Два публичныхъ чтенія о свободѣ печати съ точки зрѣнія православной церкви. Амвросія, епископа дмитровскаго. Москва, 1882 г. П. у. — Меттернихъ и европейская реакція. Б. К. Надлера. Харьковъ, 1882 г. Вл. З. — Митрополитъ Виприанъ въ литургической дѣятельности. Историко-литургическое изслѣдованіе И. Мансветова. М., 1882 г. А. с — наго. — Библиотека европейскихъ писателей и мыслителей. Изданіе В. В. Чуйко. Спб., 1882 г. А. Ф — ва. — Д. В. Цвѣтаевъ. Баллады Шиллера. Опытъ объясненія. Первая группа балладъ. Воронежъ, 1882 г. Е. Г. — Изслѣдованіе о выдачѣ преступниковъ. А. Штвиглида. Спб., 1882 г. П. у.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 219, 718

Петръ Великій въ Даніи (Извлеченіе изъ воспоминаній Клауса Зейдена). Сообщ. Г. Шерфелингъ.—Праздникъ невѣждъ. Сообщ. И. С. Лысова. — Такса на взятки. Сообщ. А. Н. Трефолова. — Письмо Андрея Искры, поданное графу П. А. Зубову. Сообщ. Е. И. Морозовой.—Къ исторіи царствованія императора Александра I-го. Сообщ. А. С. Шацковичъ.—Случай изъ жизни графа Сперанскаго. Сообщ. П. С. Усова.—Письмо Булгарина къ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому. Сообщ. Е. И. Морозовой.

СМѢСЬ 224, 473, 725

Пятидесятилѣтній юбилей академика Я. К. Грота. — Н. Я. Аристовъ (некрологъ). — А. О. Смирнова (некрологъ). — М. И. Богдановичъ (некрологъ). — Брейцвальдъ (некрологъ). — Публичныя чтенія г. Миклухи-Маклая. — Официальное празднованіе 300-лѣтія Сибири. — Вторая Помпея. — Американское этнографическое бюро. — Памятникъ Карлейлю. — Кто управляетъ Тибетомъ? — Рѣдкія пріобрѣтенія. — Пещерный городъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 227, 479

Слѣдъ ноги Богородицы въ Почаевѣ (Замѣтка по поводу статьи кн. Н. С. Голицына). И. С. Лысова. — Замѣтка о первомъ провинціальномъ журналѣ „Уединенный Помехонецъ“. А. Н. Трефолова. — По поводу „Воспоминаній“ г. Юркевича. Вл. З-ва.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Варооломеевская ночь. Историческая хроника царствованія французскаго короля Карла IX. Переводъ съ французскаго. (Окончаніе). — Портреты и рисунки: 1) Портретъ М. Д. Сжобелева. — 2) Портретъ А. П. Щапова. — 3) Дмитрій Самозванецъ, картина профессора Венига, гравюра Паннемакера въ Парижѣ. — 4) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ „Историческаго Вѣстника“ 1882 года.

ЖИЗНЬ АНАСТАСІЯ ПРОКОФЬЕВИЧА ЩАПОВА.

I.

Происхождение Щапова. — Его первоначальное воспитание въ иркутскомъ духовномъ училищѣ и семинаріи. — Переходъ въ казанскую духовную академію. — Состояніе этого высшаго учебнаго заведенія въ началѣ пятидесятихъ годовъ. — Выдержки изъ писемъ Я. Г. Рождественскаго. — Житіе и занятія Щапова въ первые академическіе два года ¹⁾.

АНАСТАСІЙ Прокофьевичъ въ Петербургѣ передавалъ мнѣ, что его прадѣдъ или прапрадѣдъ по отцу служилъ священникомъ въ одномъ изъ селъ средней губерніи (а какой — онъ и самъ не зналъ), и сосланъ былъ за неизвѣстное преступленіе въ восточную Сибирь. „Я думаю, говорилъ Щаповъ, что предокъ мой переселенъ за упорство въ раскольниковыхъ убѣжденіяхъ, и вотъ на какомъ основаніи. Въ именномъ спискѣ выборныхъ депутатовъ въ екатерининскую комиссію о сочиненіи проекта уложенія значится депутатомъ отъ раскольниковыхъ слободъ войсковой обыватель Иванъ Щаповъ“. Онъ указалъ мнѣ дѣйствительно этого выборнаго подъ № 143-мъ въ „Матеріалахъ для исторіи Комиссіи“, напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Потомъ прибавилъ съ добродушнымъ смѣхомъ: „Вотъ какая моя знаменитая родословная! Видно, когда священника — моего предка со-

¹⁾ Приношу искреннюю мою благодарность за сообщеніе свѣдѣній о Щаповѣ Якову Григорьевичу Рождественскому, Дмитрію Александровичу Корсакову и Василію Ивановичу Калатузову.

Некрологъ Щапова помѣщенъ въ слѣдующихъ изданіяхъ 1876 г.: „Дѣло“, № 4-й, „Отеч. Записки“, № 5-й, „Вѣстн. Европы“, № 5-й, „Недѣля“, №№ 2-й и 3-й. Біографическій очеркъ А. П. Щапова, С. С. Пашкова: „Новое Время“ 1876 г., №№ 196-й, 198-й, 212-й, 227-й, 245-й, 252-й. „Къ біографіи А. П. Щапова“ — П. В. „Древн. и Нов. Россія“ 1876 г., № 9-й.

слали, братъ его улизулъ къ казакамъ. Все это могло быть!“ заключилъ онъ.

По какимъ отношеніямъ и связямъ Шаповъ доводился родственникомъ недавно умершаго московскаго митрополита Иннокентія—мнѣ неизвѣстно.

Отецъ Аванасія Прокофьевича былъ дьячкомъ села Анги за Байкаломъ, Иркутской губерніи, и женился на простой крестьянской дѣвицѣ—буряткѣ; впрочемъ, С. С. Шашковъ, самъ сибирскій уроженецъ, писалъ не разъ, что мать Шапова тунгусскаго племени. Спорить я не могу объ этомъ и только основываюсь на словахъ самого Шапова, который сообщалъ мнѣ, что мать его бурятскаго происхожденія и ходила всегда въ мѣстномъ крестьянскомъ костюмѣ¹⁾. Такъ или иначе, только Аванасій Прокофьевичъ родился въ 1830 г. и раннее дѣтство свое провелъ въ сельской избушкѣ такъ же, какъ проводятъ его крестьянскіе мальчики—на лонѣ природы; у него было два брата и три сестры. Дѣвочки помогали по домашнему хозяйству матери, а мальчики участвовали въ работахъ отца.

При скудныхъ доходахъ отъ прихожанъ, бѣдный дьячекъ принужденъ былъ пробиваться сельскимъ трудомъ для содержанія большого семейства.

Дочерей своихъ отецъ Шапова даже не считалъ нужнымъ учить грамотѣ и нѣкоторыхъ выдалъ замужъ за крестьянъ, а сыновей выучилъ читать и писать и отправилъ въ Иркутское духовное училище, гдѣ они воспитывались на казенный счетъ. Аванасій Прокофьевичъ на девятомъ году возраста поступилъ въ бурсу, вмѣстѣ съ братомъ, который былъ немного старше его. Какова была эта бурса и какое тяжелое и глубокое впечатлѣніе произвела она на юнаго Шапова, можно судить, основываясь на его воспоминаніяхъ о ней, самыхъ не лестныхъ, къ которымъ онъ обращался нерѣдко и съ грустью и со смѣхомъ въ кругу товарищей. Послѣ знаменитыхъ „Очерковъ бурсы“, онъ познакомился съ Н. Г. Помяловскимъ, который присылъ своихъ знакомыхъ литераторовъ семинарскаго образованія записывать черты бурсацкой жизни въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, отличныхъ отъ изображеній петербургской бурсы. Помню, Шаповъ

¹⁾ Аванасій Прокофьевичъ зналъ хорошо бурятъ и относился къ нимъ съ большою похвалою и сильнымъ сочувствіемъ; такъ, напримѣръ, онъ писалъ въ 1863 г.: „Вотъ мчится между горъ, по широкой долинѣ, между огромныхъ стадъ, мчатся бурятъ на своемъ лихомъ коврѣ во всю прыть: дикость ли, дурь ли бѣситъ его, или араки опились онъ?. А когда подумаешь, что этотъ бурятъ—отличный кузнецъ, отличный работникъ, хорошій скотоводъ, что онъ далъ намъ Банзарова, когда подумаешь, что дѣти этого бурята отлично учатся въ гимназіяхъ и даже въ университетѣ,—какъ грустно станетъ на душѣ, что люди эти остаются еще въ дикости“. Вѣроятно, духовныя лица охотно женились на буряткахъ, потому что многіе въ Иркутской семинаріи, учившіеся вмѣстѣ съ Шаповымъ, имѣли обличье бурятское особенно изъ Нерчинскаго округа („Этнографич. организ. рус. народонаселенія“).

съ большимъ жаромъ взялся тогда за изображеніе жизни духовнаго училища, припоминая свое воспитаніе въ Иркутскѣ; озаглавивъ статью: „Изъ бурсацкаго быта“, онъ напечаталъ ее въ „Искрѣ“ 1862 г., но окончаніе статьи не было пропущено цензурой. Несомнѣнно, Шаповъ изображаетъ здѣсь свое житье-бытье и въ основаніи грустное положеніе иркутской бурсы вѣрно; но въ частности замѣтны преувеличенія и литературныя прикрасы, такъ какъ онъ и готовилъ ее для „Искры“ по просьбѣ своего пріятеля, В. С. Курочкина. Интересно бы провѣрить печальную картину этихъ описаній показаніями его товарищей—какія въ ней черты дѣйствительныя, и какія фантастическія. Но во всякомъ случаѣ тяжелую жизнь испыталъ Шаповъ въ иркутской бурсѣ съ своими товарищами, какъ мнѣ извѣстно по его частымъ рассказамъ. Помѣщенія въ училищѣ были тѣсныя и сырыя, помы грязныя и проѣденныя во многихъ мѣстахъ крысами, воздухъ гнилой, отопленія почти совсѣмъ не полагалось даже въ зимнее время. Пища была самая грубая и въ малыхъ доляхъ, такъ что мальчики по утрамъ мелкіе ломтики чернаго хлѣба вырывали изъ рукъ другъ у друга: такую ничтожную порцію выдавали на каждого! Очевидно, юные питомцы вѣчно были голодны и развитіе организма шло неправильно, особенно при сидячей жизни. Но Шаповъ съ дѣтства привыкъ къ простому сельскому столу и развивался сносно, имѣя къ тому же крѣпкій складъ физическій, выносившій всякія невзгоды, лишенія и потрясенія. Одеждой ученикамъ служили затрапезныя халаты изъ домашняго сукна, рваные и изношенныя; ходили большею частью босые и безъ шапокъ; тюфяки и одѣяла просалены и пропитаны были миазмами; многочисленныя насѣкомыя кишѣли и въ грязномъ бѣльѣ, и въ одеждѣ.

Всѣ эти неблагопріятныя условія и нечистоплотность порождали сыни на тѣлѣ, чесотки; нерѣдко и заразительныя сильныя болѣзни находили въ бурсѣ великое раздолье. У мальчиковъ-бѣдняковъ совсѣмъ не было книгъ и учебныхъ пособій, да не только книгъ, даже и ложекъ не давала имъ школа; и учились по одной книжкѣ много, и переклебывались одной ложкой въ складчину за обѣдомъ и ужиномъ. Зато начальство, всегда злое и беспощадное, было безчеловѣчно строго къ своимъ юнымъ питомцамъ. Зуботычины и розги считались главными педагогическими приемами. Тѣлесныя наказанія производились иногда торжественно во дворѣ предъ воспитанниками и подъ звономъ; на подобное зрѣлище стекалась и городская публика. Шаповъ тоже учился по чужимъ книжкамъ и учился хорошо, но и ему доставалось нерѣдко весьма жестоко.

Изъ этой полуголодной, тяжелой и удушливой среды, отъ побоевъ и тиранства, дѣти рвались на вольный воздухъ, на раздолье полей и лѣсовъ, къ простому сельскому быту, къ роднымъ, которые съ любовью и сочувствіемъ встрѣчали мальчиковъ, въ противоположность придирчивымъ и гнѣвнымъ учителямъ. Деревенская жизнь до конца дней служила для Шапова идеаломъ и онъ враждебно всегда отно-

сился къ скопленію населенія въ большихъ городахъ, что считалъ источникомъ многихъ бѣдствій для человѣчества.

Отъ нестерпимаго житія ученики нерѣдко бѣжали, куда глаза глядятъ, блуждали по цѣлымъ сотнямъ верстъ, лишь бы не сидѣть въ ненавистой бурсѣ. Въ классномъ журналѣ невозмутимо отмѣчали, что одинъ не былъ по причинѣ болѣзни, другой—по неимѣнію одежды, третій—по неимѣнію обуви, четвертый—по находженію въ бѣгахъ. Несмотря на страшную тоску по родинѣ, на жажду видѣть природу, мать и домашній очагъ, Щаповъ сидѣлъ смирно, учился бойко—и только съ восторгомъ отправлялся домой на каникулы. И въ лѣтахъ зрѣлыхъ онъ нерѣдко съ глубокимъ сочувствіемъ относился къ исторической несчастной судьбѣ дѣтей духовенства, какъ, напримѣръ, въ XVIII столѣтіи изъ семинарскихъ бурсъ бѣжали горемычныя церковническія дѣти отъ жестокаго, инокамъ подобнаго житія. „Если и въ наше время, прибавляетъ онъ, еще сильно было въ обычаѣ въ классныхъ журналахъ „находеніе въ бѣгахъ“, то что же было въ прошломъ столѣтіи“? Этими побѣгами изъ бурсъ онъ объясняетъ участіе церковниковъ въ разбояхъ, бунтахъ и т. под. („Земство и расколъ“).

Вспоминая о горемычной судьбѣ своего первоначальнаго воспитанія, онъ увлекался еще сильнѣе варварской картиной жизни въ духовной школѣ прошлаго вѣка и любилъ приводить со смѣхомъ и слезами причитанье пономаря, отправлявшаго по принужденію дѣтей своихъ въ школу:

„Бѣдныя дѣтушки! Зачѣмъ вы на горе зародились?
Или зачѣмъ вы въ дѣтствѣ кселемъ не подавились?..“

Запасшись необходимыми свѣдѣніями въ иркутскомъ училищѣ по книжкамъ товарищей, какъ ревностный питомецъ, Щаповъ перешелъ въ 1846 году лучшимъ ученикомъ, послѣ 6-ти лѣтъ горькой жизни, въ духовную семинарію. Тамъ судьба его нѣсколько улучшилась: содержаніе сдѣлалось удовлетворительнѣе, обхожденіе человѣчнѣе, помѣщеніе сравнительно чище и опрятнѣе, да и научныя занятія стали для него интереснѣе. Втеченіе шестилѣтняго семинарскаго курса, Щаповъ съ великимъ усердіемъ и успѣхомъ занимался многочисленными семинарскими науками, которыя по обычаю мало давали знаній, но содѣйствовали развитію трудолюбія, мыслительной силы и умѣнья писать сочиненія. Въ семинаріи Аванасій Прокофьевичъ окончилъ курсъ въ 1852 г. и въ числѣ лучшихъ учениковъ посланъ былъ на казенный счетъ для дальнѣйшаго образованія въ казанскую духовную академію.

Онъ очень боялся вступительнаго академическаго экзамена, какъ бы не срѣзаться и не вернуться назадъ съ позоромъ въ распоряженіе спархіяльнаго начальства, которое иногда жестоко относилось къ такимъ ученикамъ, пораженнымъ на ученomъ поприщѣ, и долго не давало даже мѣста священника въ наказаніе. Но запасъ знаній Ща-

пова, приобретённый въ иркутской семинаріи, оказался достаточнымъ и онъ принятъ былъ въ академію въ числѣ лучшихъ студентовъ. Къ сожалѣнію, въ моемъ распоряженіи нѣтъ точныхъ свѣдѣній о семинарскихъ занятіяхъ Шапова, а сообщенныя въ печати данныя немогу ничѣмъ провѣрить. Знаю одинъ несомнѣнный фактъ, что онъ въ семинаріи уже читалъ „Исторію“ Карамзина, а это наводитъ на мысль, что любовь къ изученію русской старины и тогда нечужда была его симпатіямъ¹⁾.

Выступивъ на широкую дорогу высшаго образованія, Афанасій Прокофьевичъ блистательно обнаружилъ любовь свою къ труду и занятіямъ, къ которымъ рано приучило его воспитаніе. Казанская духовная академія, младшая въ сравненіи съ другими подобными заведеніями, въ короткое время успѣла воспитать немало дѣльныхъ и истинно образованныхъ людей. Не знаю, какое направленіе она имѣла сначала; но въ срединѣ пятидесятихъ годовъ она отличалась жизненнымъ настроеніемъ, преслѣдовала научныя задачи, — и уровень образованія ея питомцевъ стоялъ несомнѣнно выше университетскаго, разумѣется, въ извѣстныхъ предѣлахъ и объемахъ наукъ. Несмотря часто на неблагоприятныя условія, высоту образованія поддерживали свѣтскіе профессора, большею частью враги монаховъ-начальниковъ. Какъ ни старались послѣдніе теоретически унижать и практически топтать въ грязь свѣтскія науки, студенты, подъ руководствомъ дѣльныхъ профессоровъ, шли своей дорогой и презирали схоластику, стараясь изворачиваться на всѣ лады при внимательномъ надзорѣ, чтобы добиться самостоятельнаго развитія.

Особенно отличался ректоръ Григорій такимъ крайне враждебнымъ преслѣдованіемъ наукъ и введеніемъ схоластическаго преподаванія, но и его энергія не имѣла успѣха. О состояніи казанской духовной академіи въ началѣ пятидесятихъ годовъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія учитель гимназіи Яковъ Григорьевичъ Рождественскій, который воспитывался тамъ въ это время. Съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь его обязательными письмами для характеристики жизни и первоначальныхъ занятій Шапова въ академіи, тѣмъ болѣе, что онѣ рисуютъ отлично направленіе и самаго заведенія.

„Время нашего студенчества (1850—1854 годовъ), пишетъ онъ, было до такой степени смирно и скучно, что студенты послѣдующихъ курсовъ съ трудомъ могутъ составить себѣ объ этомъ понятіе: причетническое приниженіе, кошачья осторожность, безотвѣтная субординація были поистинѣ жалки и гадки. Я помню, меня чуть не выгнали изъ академіи при ректорѣ Григоріи за то, что я нагрубилъ мальчишкѣ гардеробщику, когда онъ наглѣмъ образомъ не хотѣлъ позволить мнѣ взять самому свою шинель изъ шкафа.

¹⁾ Въ биографическомъ очеркѣ С. С. Пашкова сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія объ иркутской семинаріи. „Новое Время“ 1876 г., №№ 196, 198.

„Умственной свѣжей, здоровой пищи, кромѣ затхлої казенщины, почти негдѣ было взять: „Исторія цивилизаціи“ Гизо считалась „ужасной книжкой“, а извѣстное сочиненіе Гиббона въ нѣмецкомъ переводѣ держали въ страшной тайнѣ; на свой счетъ студенты выписывали „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“, но читали по возможности скрытно отъ начальства. Когда началась крымская война, ректоръ Агаѳангелъ доставалъ официальную петербургскую газету на французскомъ языкѣ и съ таинственнымъ видомъ довѣрялъ своимъ излюбленнымъ изъ студентовъ читать для него выдержки. Журналы прежнихъ годовъ брали студенты изъ библіотеки Сахарова, а о современныхъ живыхъ интересахъ не имѣли ни малѣйшаго понятія.

„Но странное дѣло! во многихъ изъ насъ все-таки была какая-то либеральная закваска. Споры и разговоры, неизбежныя у молодежи, какъ бы она ни была пришиблена, по большей части отличались схоластически-отвлеченнымъ характеромъ, но и тутъ обнаруживался у нѣкоторыхъ своего рода либерализмъ. Гегель, толкуемый и вкривь и вкось, увлекалъ многихъ оригинальностью возрѣній и широтой системы. Говорить же о предметахъ церковно-историческихъ свободно рѣшались весьма рѣдко и очень немногіе, которые всѣ были на худомъ счету у начальства. Да чего? Достаточно было студенту попасться на глаза начальству съ свѣтскимъ сочиненіемъ — Гоголя, Пушкина или съ книжкой „Отечественныхъ Записокъ“, чтобы его взяли „подъ сумлѣнье...“

„Среди такой-то обстановки, между такими-то юношами, Афанасій Прокофьевичъ съ самаго начала рѣзко выдвинулся своей беззаветной откровенностью: что было у него на умѣ, то и на языкѣ, и всегда, и передъ кѣмъ угодно; его рѣчь отличалась прямотой, поведение было просто, искренне, а откровенность доходила до наивности, какъ у ребенка. Вслѣдствіе духовной чистоты своей, онъ не понималъ, что такое интрига, скрытность, лицемеріе; онъ даже не былъ чувствителенъ къ насмѣшкѣ, чего такъ боится молодежь. Его манера говорить, размахивая руками, трясая лохматой головой, бормоча и брызжа, не слушая никого и ни на кого не обращая вниманія, — возбуждали улыбку и смѣхъ въ товарищахъ, но онъ этого не замѣчалъ. Искренность его соединялась съ необыкновенной смѣлостью, отвагой; онъ говорил одинаковымъ тономъ съ сторожемъ, съ товарищемъ, съ ректоромъ и на экзаменахъ—и тутъ не было ни заносчивости, ни желанія выставиться предъ другими; смѣлость эта прямо вытекала изъ убѣжденія и чистаго сердца. Этой искренностью, этой смѣлостью, этимъ пренебреженіемъ ко всему, кромѣ дѣла, я объясняю его презрѣніе къ выработкѣ внѣшней формы своихъ сочиненій; онъ не обращалъ на нее вниманія такъ же, какъ не заботился о своей наружности въ самое золотое время юности; онъ былъ большой неглижеръ въ отношеніи себя и своей внѣшней обстановки.

„Въ Щаповѣ никогда не было зародыша скептицизма и онъ не зналъ, что такое сомнѣніе и нерѣшительность. Онъ подавалъ ежемѣсячныя сочиненія почти всегда не оконченными, потому что любилъ писать очень много и не успѣвалъ довести до конца. Какъ, бывало, профессоръ объявитъ темы, онъ быстро выберетъ себѣ по вкусу и въ тотъ же день засядетъ за работу; потомъ все свободное время употребляетъ на письменную работу; послушаетъ ли споръ товарищей, прочитаетъ ли какую статейку, повидимому, не относящуюся къ дѣлу, — тотчасъ бѣжитъ къ конторкѣ и дѣлаетъ выписки. Диссертація разрастается листовъ до 20-ти, окончаніе по задуманному плану еще далеко, а срокъ ея подачи наступилъ... Аванасій Прокофьевичъ мало любилъ споры чисто отвлеченныя, гдѣ можно было опираться на одну диалектику; онъ искалъ положительнаго, фактическаго знанія, потому что онъ уже съ младшаго курса преимущественно началъ заниматься исторіей. Только что стала выходить „Исторія Россіи“, С. М. Соловьева, онъ глоталъ ея содержаніе съ жадностью и дѣлалъ изъ нея выписки или замѣтки по поводу каждой прочитанной страницы...

„На первомъ курсѣ Щаповъ читалъ много и упорно и съ такимъ усердіемъ занимался, что всѣ изумлялись; онъ не зналъ никакихъ развлеченій, не участвовалъ въ играхъ, напримѣръ, въ мячъ, въ городки, и рѣдко выходилъ даже на прогулку. Часовъ по 17 въ сутки онъ проводилъ за конторкой, такъ что отъ его сапогъ образовались углубленія на полу; студенты водили другъ друга смотрѣть на это диво и углубленія прозвали ямами новаго столпника, блаженнаго Аванасія. Объ этой чертѣ необычнаго трудолюбія не мѣшаетъ упомянуть для молодежи, которая мечтаетъ поймать славу за хвостъ, не дѣлая ничего. Когда Щаповъ былъ занятъ работой, онъ совершенно не замѣчалъ, что вокругъ него происходитъ; случалось, что инспекторъ или помощникъ его приходили гнать его не только въ аудиторию, но и въ столовую, такъ какъ онъ не слышалъ звонка и не видѣлъ, что оставался одинъ въ номерѣ...

„Въ семинаріи мы почти ничего не читали, потому что не откуда было брать книги; знанія всѣхъ почти студентовъ при поступленіи въ академію ограничивались учебниками и сообщенными свѣдѣніями профессорами въ классѣ. Единственный умственный капиталъ нашъ состоялъ въ нѣкоторомъ развитіи формальной логики и диалектики; прочитать что-нибудь для сочиненія въ семинаріи считалось чуть ли не предосудительнымъ: „хорошій ученикъ долженъ все сочинять изъ своей головы“. Этотъ дикій взглядъ разсѣвался въ академіи, гдѣ профессора, предлагая темы, указывали на источники, большею частью иностранныя. Это побуждало, да и правила академіи обязывали, студентовъ изучать новыя языки, которыми въ семинаріи никто почти не занимался. Аванасій Прокофьевичъ не зналъ новыхъ языковъ и почти не занимался ими, потому-то, вѣроятно, онъ съ особеннымъ жаромъ бросился на русскія сочиненія; когда другіе студенты, на-

чиная съ азбуки, безъ руководства, сами собой, занимались новыми языками, губили много времени и добивались умѣнья читать авторовъ,—Щаповъ въ это время успѣлъ приобрести огромную массу свѣдѣній по русской литературѣ, особенно исторической. Всеобщю исторію онъ мало интересовался, вѣроятно, потому, что лучшія сочиненія по этой части недоступны были ему, по незнанію новыхъ языковъ.

„Изъ всей учащейся русской молодежи нашего времени, никто не зналъ такъ близко, такъ кровно простого нашего народа, его быта, нужды и горестей, какъ дѣти сельскаго духовенства, выросшіе въ средѣ крестьянъ. Учебный округъ казанской духовной академіи обнималъ всю Сибирь, Закавказскій край и треть Европейской Россіи; поэтому студенты, стекаясь изъ разныхъ мѣстностей, имѣли возможность знакомиться, помимо всякихъ книгъ, изъ взаимныхъ разговоровъ, съ разными сторонами народной жизни, и не замѣчая того, дѣлались порядочными этнографами. Кромѣ того, Щаповъ очень любилъ читать книги о бытовой русской жизни, какія находилъ въ академической библиотекѣ.

„Не знаю, чему приписать то замѣчательное обстоятельство, что казанская академія, духовная оффиціально, управляемая монахами, съ самаго перваго курса получила свѣтскій характеръ, и всѣ почти лучшіе студенты всегда охотнѣе занимались свѣтскими науками, нежели богословскими. Втеченіе десяти лѣтъ академія поставила только трехъ монаховъ и потомъ еще нѣсколько человѣкъ, тогда какъ другія академіи очень щедры были на поставку монаховъ. Тамбовскихъ студентовъ не любили товарищи именно за то, что они шли въ монахи охотнѣе другихъ. Духъ ли времени, отъ котораго не спасешься ни за какими стѣнами и оградами, бралъ свое, или съ самаго основанія академіи не было въ ней сильныхъ нравственно-вліятельныхъ монаховъ начальниковъ и профессоровъ,—студенты терпѣть не могли всего, что отзывалось монашескимъ. Былъ у насъ товарищъ глубоко-религіозный человѣкъ, В. А. Ложкинъ, который иногда ночи проводилъ на тайной молитвѣ, но и тотъ не пошелъ въ монахи, опасаясь, что товарищи заподозрятъ чистоту его побужденій.

„Вся почти библиотека казанской академіи образовалась изъ книгъ, пожертвованныхъ архіепископомъ, потомъ митрополитомъ с.-петербургскимъ, Григоріемъ; эти сочиненія были почти всѣ нѣмецкія, протестантскія; студенты первыхъ курсовъ занимались преимущественно нѣмецкой литературой, а въ ней немного вычиташь въ пользу монашества. Самъ покойный архипастыръ Григорій въ былые годы заподозрѣнъ былъ въ склонности къ протестантскимъ мнѣніямъ. Церковную исторію до V-го курса Андрей Игнатьевичъ Беневоленскій читалъ по Неандеру, но за либерализмъ его перевели на исторію библейскую; а онъ все твердилъ студентамъ: „Господа, не

читайте, пожалуйста, доктора Давида Штрауса, — онъ всю жизнь Иисуса Христа старается превратить въ мифъ!..“ Другой профессоръ, читавшій физику и математику, Димитрій Ѳедотовичъ Гусевъ — постоянно твердилъ, что тотъ студентъ — не студентъ, который не въ состояніи отъ доски до доски прочитатъ съ полнымъ понятіемъ книжки „Современника“ или „Отечественныхъ Записокъ“¹⁾. Богословіе всякаго сорта, догматическое, нравственное, обличительное и проч., надоѣло еще въ семинаріи, да и въ академіи читалось по схоластической методѣ; вотъ мы съ голоду и нападали на все новое и свѣтское; даже сочиненія курсовыя брали не прямо богословскаго характера, напримѣръ, „библейская ботаника, библейская зоологія“ (мы еще слушали въ академіи естественныя науки).

„Забывъ еще сообщить, что Шаповъ на младшемъ курсѣ въ академіи слушалъ монгольско-калмыцкій языкъ и буддійское вѣроученіе у своего земляка, профессора А. А. Бобровникова. Авторъ „Монгольской грамматики“, Бобровниковъ, былъ замѣчательной личностью въ высшей степени; чуть ли не природный буратъ, онъ буддизмъ зналъ, какъ никто въ Россіи, а можетъ и далѣе Россіи. Не имѣя другихъ обширныхъ свѣдѣній, кромѣ своей специальности, Бобровниковъ отличался необыкновенно крѣпкой логикой и сатирическимъ направлениемъ; буддійскую премудрость онъ преподавалъ такъ, что можно было заслушаться. Какъ землякъ, Аванасій Прокофьевичъ бывалъ у Бобровникова, и я полагаю, что послѣдній немало имѣлъ вліянія на перваго“.

„Всѣ студенты-сибиряки, сколько я ихъ зналъ, были люди очень даровитые и отличались характеромъ смѣлымъ и прямымъ; это, вѣроятно, зависѣло отъ того, что сибирское духовенство не знало приниженія, которое испытывало велико-русское духовенство отъ помѣщиковъ, и было зажиточнѣе его. Сибиряки-студенты въ наше время полущутъ, полусерьезно называли свою Сибирь русской Америкой и говорили, что она, рано или поздно, отдѣлится отъ Россіи. Эти мысли высказывались, разумѣется, мимоходомъ и не развивались, но, можетъ быть, онѣ подали поводъ Шапову мечтать о федераціи, хотя впоследствии объ этомъ немало говорено было въ литературѣ русской, особенно Н. И. Костомаровымъ. Вообще студенты-сибиряки обладали характеромъ независимымъ и настойчивымъ; въ частности объ этой чертѣ характера и самоувѣренности Шапова профессоръ всеобщей исторіи Иванъ Петровичъ Гвоздевъ говорил слѣдующее:

„Вотъ Николай Ивановичъ (Ильминскій), несмотря на всю свою эрудицію, ничего не пишетъ, все боится, что написанное имъ не будетъ имѣть значенія; а Аванасій Прокофьевичъ напротивъ: хотъ посади его въ французскую академію наукъ, онъ и тамъ никому не дастъ слова вымолвить!..“

¹⁾ О Веневоленскомъ и Гусевѣ я еще буду имѣть случай говорить ниже.

„Выводъ отсюда можно сдѣлать прямой и вѣрный. Новыя мысли и свѣжія знанія, точно подземные ключи изъ-подъ камней, выбивались съ разныхъ сторонъ въ средѣ студентовъ казанской академіи и быстро сообщались другъ другу въ небольшомъ замкнутомъ кругу. Когда одинъ дѣлалъ научное приобрѣтеніе или добывалъ рѣдкую книгу для чтенія, онъ тотчасъ дѣлился съ своими товарищами; особенно важны были дѣльныя указанія профессоровъ относительно плодотворныхъ занятій по извѣстному предмету. Открыто давать совѣты студентамъ о характерѣ и направленіи ихъ работъ не всегда было безопасно свѣтскимъ профессорамъ, при власти и силѣ ложно-монашескаго начальства, которое преслѣдовало большею частью личныя или чиновничьи цѣли. Поэтому, нѣкоторые изъ нихъ прибѣгали къ тонкимъ и сатирическимъ намекамъ, чтобы указать другой путь знаній, помимо сферы наукъ духовныхъ; впрочемъ, нѣкоторые изъ профессоровъ дѣльныхъ такъ и не могли ужиться съ монашеской схоластикой и оставили академію, наприм. Г. З. Елисеевъ, А. А. Бобровниковъ и впоследствии К., Ив. Ильминскій. Вотъ эти-то указанія свѣтскихъ профессоровъ на полезныя сочиненія студентами считались дѣльными и либеральными, хотя нерѣдко преувеличивалось ихъ значеніе по личнымъ воззрѣніямъ и вкусу каждаго, особенно въ тяжелое время севастопольской кампаніи. Тутъ каждая мелочь имѣла цѣну, „каждое лыко было въ строку“.

Немудрено, что и въ раннее время, по указаніямъ Я. Г. Рождественскаго, казанская духовная академія имѣла жизненную силу, такъ сказать, подземную, не вышедшую еще наружу, хотя и такія силы иногда появлялись случайно и неожиданно въ блистательномъ видѣ.

Мой землякъ, Матвей Семеновичъ Гремячинскій, выбралъ себѣ тему для курсоваго сочиненія „о библейской ботаникѣ“ и впоследствии сдѣлался замѣчательнымъ знатокомъ ботаники, выдержалъ экзаменъ на доктора въ казанскомъ университетѣ въ 1854 г. Потомъ онъ приглашенъ былъ на кафедру въ московскій университетъ и командированъ въ путешествіе за-границу; къ сожалѣнію, у этого даровитаго молодого профессора открылась въ Африкѣ злая чахотка и онъ скончался въ Италіи. Да это — примѣръ не единственный: можно указать на Ив. П. Гвоздева, М. М. Зефирова, Ив. Я. Порфирьева, Н. И. Ильминскаго и другихъ, которые достигли глубокихъ знаній и всесторонняго развитія, благодаря солидной академической подготовкѣ. Объяснять такія явленія случайностью черезчуръ было бы опрометчиво.

Вотъ въ какой обстановкѣ находился Аванасій Прокофьевичъ и какъ шли его занятія втеченіе двухъ лѣтъ въ Казани, когда мнѣ пришлось самому погрузиться въ ту же сферу дѣятельности, лично познакомиться съ этимъ оригинальнымъ ученымъ и съ характеромъ учебно-воспитательныхъ заведеній.

II.

Приѣздъ мой въ казанскую академію.—Наблюденія надъ житьемъ и дѣятельностью Шапова, споры его съ С. И. Шиловскимъ.—Афанасій Прокофьевичъ въ разгаръ севастопольской обороны.—Личный составъ начальниковъ и профессоровъ академіи въ 1854 г.—Монахи: ректоръ Агаангель, инспекторъ Серафимъ, помощникъ инспектора Веніаминъ. Свѣтскіе профессора: Д. Ѳ. Гусевъ, А. И. Беневоленскій, Г. С. Саблуковъ и другіе.—Любимыя занятія студентовъ русской и иностранной словесностью.

Утромъ, 15-го августа 1854 года, я приѣхалъ изъ Тамбова для изученія наукъ въ казанскую духовную академію; у параднаго крыльца сидѣлъ на стулѣ тщедушный старичекъ и читалъ газеты; это былъ служитель Кирьяковичъ, который во время приѣзда новичковъ изъ семинарій нарочно одѣвался въ черный сюртукъ и чистую рубашку, а воротнички выпускалъ до ушей; принимая его за профессора, нѣкоторые неопытные юноши отвѣщивали ему низкіе поклоны. Разумѣется, такая честь льстила самолюбію хитраго старика и потѣшала его, а часа черезъ два эти новобранцы давали себя знать Кирьяковичу, въ отмщеніе за его обманъ. Взяли наши чемоданы служители и понесли наверхъ; мы тоже стали взбираться по чугуннымъ плитамъ лѣстницы, и пріятное впечатлѣніе произвели на насъ изящные часы и отлично вычищенный полъ въ корридорахъ главнаго зданія. Въ третьемъ этажѣ въ гардеробной сложили весь нашъ багажъ и тамъ встрѣтили насъ земляки, окончившіе курсъ академіи. Надо замѣтить, что землячество въ то время въ академіи имѣло важное значеніе: прибывшій семинаристъ въ нѣсколько дней узнавалъ характеръ каждой власти, достоинство чтенія лекцій каждаго профессора, и тѣмъ ему заниматься удобнѣе на будущее время.

Встрѣтивъ по пути наверхъ громаднаго роста профессора въ вицъ-мундирѣ, я съ ужасомъ отшатнулся отъ него въ сторону и потомъ спросилъ земляка: „вѣроятно, этотъ ученый отвѣчаетъ латинской пословицѣ—*mens sana in corpore sano*?“ Съ сдержанной насмѣшкой сказалъ онъ мнѣ на это: „скорѣе къ нему можно приложить русскую пословицу: „велика Федора да дура“...“

Въ тотъ же день Успенья остановилъ мое вниманіе студентъ, фیزیономія котораго носила ясныя слѣды восточнаго происхожденія: длинный носъ, небольшіе черные глазки съ характернымъ разрѣзомъ, высокой лобъ, оливковый цвѣтъ кожи и вьющіеся черные волосы, нервныя движенія и живая частая рѣчь—все это сразу отличало его отъ другихъ студентовъ. Спрашиваю земляка: „кто этотъ студентъ и откуда?“ Онъ съ улыбкой отвѣтилъ: „Шаповъ, великій чудакъ, изъ бурятъ, присланъ изъ иркутской семинаріи и живетъ здѣсь два года, перешелъ на старшій курсъ; такого ретиваго къ занятію студента едва ли видѣла казанская академія въ стѣнахъ своихъ со дня основанія“.

— Что же онъ такъ трудится особенно, развѣ не обладаетъ способностями?

— Какое!.. Самый даровитый и самый трудолюбивый человѣкъ.

Это обстоятельство меня весьма заинтересовало и я ежедневно наблюдалъ несложный образъ жизни Щапова во время нашихъ приемныхъ экзаменовъ, когда у него были каникулы.

Утромъ, обыкновенно послѣ молитвы, онъ приходилъ въ столовую съ книгой и медленно выпивалъ стакана 4 или 5 крѣпчайшаго чаю (чай былъ свой) и большею частью безъ сахара, не отводя глазъ отъ книги. Потомъ отправлялся наверхъ и становился за конторку въ комнатѣ № 5-й, гдѣ свалена была у него масса изданій по русской исторіи. Въ отсутствіе Щапова, я не разъ пересматривалъ ихъ — и помню, что тутъ были всѣ изданія археографической комиссіи: Карамзинъ, Погодинъ, Арцыбашевъ, Медовиковъ, „Полное собраніе законовъ“ и другія. Въ эту пору онъ, видимо, знакомился съ памятниками для изученія исторіи раскола, потому что взялъ тему по этому предмету, предложенную архіепископомъ казанскимъ Григоріемъ. Тогда онъ дѣлалъ выписки, собиралъ факты, положительно можно сказать, безъ всякой строгой цѣли и системы.

Отъ скуки иногда, во время каникулъ, составлялась компанія старшихъ студентовъ, какъ бы сразить когонибудь со Щаповымъ и произвести шумный и запальчивый споръ. Съ этой цѣлью послѣ ужина, когда Щаповъ ходилъ минутъ 20 по корридору, подходили къ нему и начинали задирать задушевные его убѣжденія и шевелить его чувства, особенно насчетъ русскаго забитаго крестьянства. Горячее и ребяческое его сердце тотчасъ приходило въ неописанное негодованіе: какъ можно быть настолько безсовѣстнымъ, чтобы унижать силу Россіи — мужичка, кормильца всего государства; ясно, что онъ не подозревалъ всей сочиненной комедіи спора. Въ такихъ случаяхъ любили натравливать на него его товарища, С. И. Шиловскаго, который отличался великимъ краснорѣчивіемъ. Тогда часть студентовъ поддерживала убѣжденія Щапова, а другая стояла за Шиловскаго, чтобы нарочно продлить комедію. Борьба двухъ студентовъ была неравная: Щаповъ говорилъ всегда искренно, съ чувствомъ и нервно, хотя послѣшно, такъ что разобратъ его было мудрено, когда онъ толковалъ съ особымъ пафосомъ; но излагалъ всегда дѣло и доказывалъ неопровержимыми фактами. Другое явленіе представлялъ пермякъ Шиловскій: великій говорунъ и диалектикъ, онъ зналъ всего понемногу и спорилъ съ цѣлью показать свое краснорѣчіе и поливалъ имъ своего противника цѣлыми потоками, иногда безъ всякаго содержанія. Раздавались насмѣшливые аплодисменты то тому, то другому борцу, и еще сильнѣе закипалъ споръ между ними; они оба начинали горячиться, говорили вмѣстѣ быстро и запальчиво; ясно было видно, что они не понимаютъ другъ друга и даже не заботятся каждый понять смыслъ рѣчей противника; въ заключеніе обыкновенно, раздраженные неудачей убѣжденія, наплюютъ

въ глаза одинъ другому и быстро расходятся по комнатамъ, къ великому восторгу слушателей студентовъ.

С. И. Шиловскій былъ очень оригинальная личность: способность его къ словоговоренію уничтожала въ немъ умѣнье писать сочиненія. Пробывъ два года въ академіи, онъ не могъ написать ни по одному предмету сочиненія, несмотря на всѣ принятія понуканія. Хотя студентъ онъ былъ порядочный, но его уволили изъ академіи за неспособность излагать свои мысли письменно, и онъ поступилъ въ казанскій университетъ, гдѣ впоследствии краснорѣчіе помогло ему выдвигнуться на степень вожака и воротилы. Потомъ разгадали его и тамъ товарищи и всѣ вообще безсодержательныя рѣчи стали называть шилизмомъ (отъ фамилии—Шиловскій). Взойдетъ студентъ на кафедру и начнетъ излагать высокопарными фразами о какомъ-либо предметѣ жизненномъ, занимающемъ студентовъ,—ему тотчасъ закричатъ они: „Долой съ кафедры; это—шилизмъ!“ Этому клику придавалось значеніе шильничества словеснаго.

Съ осени 1854 г. мы выписывали газеты и журналы прямо и открыто, съ дозволенія начальства, которое разрѣшило ихъ читать въ свободное время отъ занятій. Съ переимѣненіемъ изъ Казани инспектора Серафима, житье студентовъ сдѣлалось свободнѣе прежняго, хотя столъ и платье скоро ухудшились.

Въ то время студенты чувствовали всю тяжесть севастопольской обороны, и по рукамъ ихъ ходили „Письма“ Погодина о славянахъ и много другихъ секретныхъ записокъ, въ которыхъ разоблачались разныя злоупотребленія русскихъ военныхъ начальниковъ подъ Севастополемъ. Затѣмъ слѣдовали газетныя вѣсти, одна другой печальнѣе, и наконецъ какъ громомъ поразило окончательное сообщеніе, что крѣпость сдана, но стѣны взорваны при отступленіи. Одаренный въ высшей степени добрымъ и сострадательнымъ сердцемъ, нервный Шаповъ нерѣдко плакалъ при вѣсти о людскихъ горестяхъ и общественномъ неурядствѣ въ Россіи. Никто съ такой жадностью не ловилъ газеты, какъ онъ, во время знаменитой севастопольской обороны, и никогда не сомнѣвался, что русскіе отобьются съ честью отъ союзныхъ войскъ. Но едва ли кто изъ студентовъ переживалъ такое тяжелое горе и разочарованіе при вѣсти о взятіи Севастополя, какъ будущій профессоръ русской исторіи: злость его не имѣла предѣловъ—и онъ рѣзко громилъ злоупотребленія военныхъ чиновъ, о чемъ много ходило тогда между студентами секретныхъ записокъ и извѣстій, какъ напримѣръ, французамъ продавали жертвованную со всей Россіи корпію, а своимъ солдатикамъ перевязывали раны сѣномъ по неимѣнію корпіи, и проч.

Шаповъ во всему былъ какъ будто равнодушенъ, кромѣ ученаго труда, а на самомъ дѣлѣ онъ проникнутъ былъ громаднѣмъ самолюбіемъ, которое бурно иногда прорывалось при оцѣнкѣ его достоинствъ. Не знавшій и непризнававшій никогда приличныхъ пріемовъ

общежитія, считавшій эти мелочи пустой искусственностью, Шаповъ воспламенялся какъ порохъ отъ пустяковъ или невинныхъ надъ нимъ шутокъ товарищей и бросался съ угрозами и кулаками. А въ первые два года онъ былъ равнодушенъ къ шуткамъ. Разъ студентъ, его товарищъ В. И. Годяевъ, на скучной лекціи о Агаѳангела, нарисовалъ съ затылка Шапова, съ его кудрявыми, нечесанными, въ видѣ львиной гривы волосами, и подписалъ: „Задній фасадъ Шапова“. Со-сѣдніе студенты, передавая одинъ другому, положили этотъ рисунокъ передъ носомъ оригинала. Съ ожесточеніемъ онъ досидѣлъ лекцію и послѣ нея тотчасъ набросился на Годяева и чуть не полѣзъ въ драку съ нимъ. Вообще, Шаповъ считался большимъ чудакомъ и чуть не юродивымъ по дикому характеру между товарищами, хотя они достойно цѣнили его умъ и трудолюбіе; впрочемъ, и тутъ дѣло не обходилось безъ остроумныхъ насмѣшекъ.

Для Аванасія Прокофьевича, поглощенного занятіями, чуть ли не было безразлично, какое начальство его окружаетъ: онъ выучился уживаться съ дѣтства даже съ варварами педагогическими. Во всякомъ случаѣ и оно не безслѣдно проходило мимо него и онъ одному монаху отдавалъ предпочтеніе передъ другимъ, одного профессора любилъ, къ другому былъ равнодушенъ. Поэтому для полноты очерка обратимъ вниманіе на составъ начальниковъ и профессоровъ академіи тогдашняго времени, тѣмъ болѣе, что о немъ ничего неизвѣстно въ литературѣ.

Въ 1854 г., ректоромъ академіи былъ архимандритъ Агаѳангелъ Соловьевъ, впослѣдствіи волынской епископъ, прославившійся ожесточеннымъ противодѣйствіемъ преобразованіямъ церковнаго суда въ Россіи.

Недалекій и односторонній по образованію, онъ умѣлъ поддѣлаться къ архіепископу казанскому Григорію, закупая раскольниковыя рукописи и прикидываясь необычайнымъ любителемъ русскихъ древностей. Желая оправдать недостатокъ и односторонность своего образованія, онъ постоянно твердилъ студентамъ: „Свѣтская наука и литература, это — обширѣйшая пустота!..“ Эта безсодержательная фраза всегда возбуждала смѣхъ между студентами, которые прилагали ее прямо къ головѣ самого ректора.

Не имѣя понятія объ „Исторіи русскаго раскола“, онъ читалъ ее по краткимъ запискамъ архіепископа Григорія и любилъ уснащать рѣчь свою самыми плоскими фразами, въ родѣ слѣдующихъ: „Дикихъ монголовъ погналъ кнутомъ дьяволъ на Русскую землю изъ глубины Азіи... Распространяли расколъ на сѣверѣ все дьячки, а кому не извѣстно, что дьячки—послѣдній народъ въ мірѣ!..“ Надо замѣтить, что онъ любилъ изъ себя корчить аристократа и постоянно держалъ въ рукахъ лорнетку; передъ приходомъ его на лекцію, сначала несли часы съ репетиторомъ и ставили на кафедрѣ, потомъ являлись книги—и шелъ самъ съ шикомъ и велелѣніемъ.

Когда Агаѳангелъ впослѣдствіи былъ ректоромъ духовной академіи въ

С.-Петербургѣ, тамъ разошлась складная сатирическая картинка съ его изображеніемъ, подѣ которой была смиренная подпись: „Виждь трудъ мой и прилежаніе мое“... Значить, какъ въ Казани, такъ и въ Питерѣ, онъ слылъ человѣкомъ невысокимъ на взглядъ студентовъ. Между тѣмъ, онъ самъ былъ о себѣ великаго мѣнья и всякую негѣдность готовъ былъ до упаду защищать, какъ упорный барабанъ. На этотъ счетъ въ академіи ходило нѣсколько смѣшныхъ разсказовъ между студентами, какъ профессора академіи разсуждали, нельзя ли ухитриться смягчить и улучшить ректора.

Курьезный былъ человѣкъ этотъ Агаангель! При немъ садили академическій садъ и онъ составлялъ планъ со студентами, гдѣ отвести мѣсто для Малороссіи, гдѣ для Финляндіи, гдѣ для Сибири, Кавказа и т. п. Онъ хотѣлъ изобразить всю Россію съ морями и горами на ровной, сухой площади.

Какъ-то зимой Агаангель замѣтилъ, что студенты мало гуляютъ послѣ обѣда; онъ приказалъ эконому принести въ садъ лопаты, которыя были куплены нарочно, вышелъ самъ и пригласилъ студентовъ дѣлать изъ снѣга гору для катанья. Пошла работа, но нѣкоторые стали поджимать ноги отъ холода подѣ шинель. „Что съ вами?“ спрашиваетъ ректоръ. Разумѣется, отвѣчали, что озябли ноги, потому что носки нитяные. Агаангель велѣлъ купить на свои деньги шерстяные чулки для всѣхъ студентовъ и раздать ихъ. Въ субботу являются вечеромъ всѣ старшіе по обычаю; разговоръ повелъ ректоръ о нуждахъ студентовъ и захотѣлъ вызвать благодарность за купленные имъ шерстяные чулки. Онъ обращается къ студенту: „Г. Соколовъ, что у васъ на ногахъ?“—Сапоги, ваше высокопреподобіе, отвѣчаетъ тотъ. „А въ сапогахъ что?“—Ноги, ваше высокопреподобіе.—Разумѣется, кончилось все общимъ смѣхомъ.

Инспекторомъ въ то время былъ архимандритъ Серафимъ (въ свѣтскомъ званіи профессоръ русской словесности, Семень Ивановичъ Протопоповъ), человѣкъ строгій, но дѣльный и хорошо образованный. Хотя мы его звали пиллой за придиричивость и мелочныя нападки, но уважали его за то, что онъ старался приготовить всегда отличный столъ, бѣлье и платье студентамъ. Тутъ, дѣйствительно, онъ пилилъ эконома ежедневно и безъ всякаго милосердія, несмотря на то, что монахъ Филаретъ—экономъ состоялъ подѣ покровительствомъ ректора Агаангела. Говорятъ, до посвященія въ монашество, Серафимъ читалъ очень хорошія лекціи по русской словесности, и И. Я. Порфирьевъ обязанъ ему отчасти руководствомъ и развитіемъ. Могу засвидѣтельствовать, что студенты обязаны ему благодарностью за его руководство практическаго общенія: онъ нерѣдко послѣ вечерней молитвы сообщалъ студентамъ самыя дѣльныя правила житейскаго обращенія, поведенія въ чужомъ домѣ и проч. Но Шаповъ во время этой житейской свѣтской мудрости думалъ о житеѣ крестьянскомъ.

Помощникъ инспектора, архимандритъ Веніаминъ Благонравовъ, читалъ намъ подробнѣйшій курсъ церковной исторіи, такъ что студенты прозвали его машиной въ 1.001 листъ и сравнивали съ арабскими сказками „Тысячи и одной ночи“, и находили сходство. Въ его лекціяхъ не было ни строгой научной системы, ни логическаго порядка, а всё онѣ пропитаны были монашескимъ духомъ, и главное вниманіе обращалось на высоту подвиговъ восточныхъ аскетовъ. Вотъ идутъ темы о нестяжательности монаховъ, о цѣломудріи, о смиреніи и т. под. — и онѣ нанизываютъ на каждую, какъ на нитку, разные преданія и рассказы, цѣпляя ихъ изъ Лавсалка, или подхватывая на „Лугахъ духовныхъ“. И чудесныя выходили монашескія четки изъ погремушекъ, къ общей потѣхѣ студентовъ. Одинъ рассказъ сохранился у меня въ памяти на тему о послушаніи, когда человекъ совсѣмъ отказывался отъ своей воли: настоятель восточнаго монастыря, желая узнать, насколько усовершенствовался братъ въ подвигѣ послушанія, при встрѣчѣ обратился къ нему съ словами: „Авва! а вѣдь ты собака“... Тотъ, ни слова не говоря, сталъ на четвереньки и громко залаялъ: гамъ, гамъ, гамъ!.. Тогда настоятель вполне убѣдился, что братъ испытанный достигъ высокой степени послушанія. Подобныя преданія сообщались обыкновенно съ искусственнымъ азартомъ и производили сильное впечатлѣніе на студентовъ. Но особенно нравился намъ общій взглядъ Веніамина на науку; онѣ часто твердилъ студентамъ: „Что вы, господа, все хотите разсудкомъ изслѣдовать и рветесь къ свѣту? въ примракѣ-то лучше и спокойнѣе“...

Былъ еще одинъ молодой монахъ, Григорій Полетаевъ, который занимался толкованіемъ св. писанія. Съ громаднымъ самолюбіемъ, лѣнью и безтактностью, онѣ вѣчно придирался къ студентамъ и раздражалъ ихъ, но съ нимъ они совсѣмъ не церемонились.

Вотъ весь монашескій персоналъ, который преслѣдовалъ отсталыя идеи и стремился внушать студентамъ аскетическія правила; но, какъ нарочно, достигалъ противоположныхъ цѣлей, можетъ быть, даже лучше и вѣрнѣе, чѣмъ прямыя нападки на жизнь монаховъ.

Затѣмъ идетъ рядъ профессоровъ академіи, которые въ большинствѣ были враждебно настроены противъ монашескаго направленія.

Мнѣ кажется, больше всѣхъ профессоровъ академіи содѣйствовалъ развитію и поддержкѣ научнаго духа студентовъ Д. Θ. Гусевъ, который преподавалъ физику и математику и человекъ былъ образованный, краснорѣчивый, остроумный и независимаго строгаго характера. Онѣ отлично зналъ нѣмецкій языкъ, выписывалъ либеральныя сочиненія нѣмецкія, въ родѣ Штрауса, Фейербаха и другихъ, и охотно читалъ ихъ студентамъ, посѣщавшимъ его. До обѣдни студентамъ не полагалось чаю въ праздники и многіе, по его приглашенію, цѣлое праздничное утро проводили у него. Тутъ онѣ говорилъ открыто за чаемъ и сатирическія его разсужденія противъ монаховъ имѣли громадное вліяніе на студентовъ; онѣ знакомилъ ихъ съ послѣдними

лучшими сочиненіями и касался въ разговорахъ постоянно современнаго состоянія дѣлъ въ академіи. Вообще, это былъ замѣчательный практическій умъ и прекраснымъ могъ бы выйти администраторомъ. Въ различныхъ изслѣдованіяхъ по физикѣ Гусевъ любилъ часто ссылаться на „Бриджватерскіе трактаты“; въ 1854 году, онъ читалъ на актѣ академическомъ дѣльную и краснорѣчивую рѣчь о свойствахъ тѣлъ природы.

Въ это время онъ наставлялъ, чтобы всѣ студенты слушали физику и математику, по эти предметы предоставили на выборъ желающихъ, которыхъ оказалось три студента. Онъ весьма былъ недоволенъ такимъ исходомъ дѣла и на лекціи сталъ ходить неохотно. Вотъ какія иногда присылалъ онъ записки студентамъ: „Ревматизмъ и усилившіяся отъ вчерашней дурной погоды гемморой не позволяютъ мнѣ нынче выдвинуться изъ моей квартиры. На лекціяхъ я не буду. Прошу въ журналахъ означить, что гг. студенты занимались повтореніемъ: а) изъ физики о законахъ движенія, б) изъ геометріи о четырехугольникахъ. Журналы прошу прислать ко мнѣ для подписи. Тишина да осѣнитъ время моихъ лекцій! И пора заняться намъ репетиціями. Я сдамъ гг. студентамъ нынче же конспектъ предметовъ динамики. Щегловъ будетъ нашимъ руководителемъ по содержанию, но не по плану. Планъ у насъ свой.“—Студенческая жизнь до конца его печальныхъ дней оставалась идеаломъ и онъ умеръ холостякомъ, совсѣмъ загнанный монахами ¹⁾).

Другой знатокъ нѣмецкой литературы, А. И. Беневоленскій, отлично преподавалъ церковную исторію по своему времени, но за либеральное направленіе сначала ему поручили читать библейскую исторію, какъ мы сказали выше, а въ наше время для выслуги пенсіи его перевели уже на литургику. И тутъ, при всей осторожности, онъ самымъ хладнокровнымъ чтеніемъ не могъ не внушить студентамъ о развитіи науки церковной исторіи и что надо штудировать ее по нѣмецкимъ источникамъ. Пострадавшій отъ преслѣдованія монаховъ, онъ невозмутимо передавалъ студентамъ самыя двусмысленныя вещи, въ чему придратъся было невозможно. Принесеть, бывало, нѣмецкую литургику Бинтерима или другую, и начать переводить ее, читая лекцію по-русски съ своими оригинальными добавленіями, въ родѣ слѣдующихъ: „Наша наука, такъ сказать, *materia substrata*... Пророкъ Исая не былъ въ буквальномъ смыслѣ пророкъ, а онъ былъ, такъ сказать, пророкомъ экстраординарнымъ, потому что ему Господь отпустилъ двойную порцію благодати, и она достойно почилъ на немъ“... Особенно часто, чуть не на каждой лекціи, онъ твердилъ студентамъ: „Изъ-за Лютера уже высматривалъ зоркій глазъ Штрауса, который до тонкости разобралъ жизнь Иисуса Христа; этотъ сочини-

¹⁾ См. „Историч. Вѣстн.“ 1880 г., № 12. „Къ характеристикѣ Іоанна, епископа смоленскаго“, стр. 793—4.

тель писалъ и не стѣснялся, оставилъ матерію такими сильными научными приемами и излагалъ съ такой безпощадной хитрой логикой, что я бы вамъ, господа, не совѣтовалъ и читать его, ибо вашъ молодой и незрѣлый умъ можетъ увлечься“... Впрочемъ, Беневоленскій скоро оставилъ академію.

Гордій Семеновичъ Саблуковъ былъ отличнымъ знатокомъ восточныхъ и классическихъ языковъ; онъ преподавалъ у насъ греческій языкъ замѣчательнымъ образомъ. Каждое слово, каждое выраженіе выяснялъ путемъ сравнительной филологіи, сообщалъ громадную массу свѣдѣній историко-этнографическихъ, литературныхъ, бытовыхъ и археологическихъ. Вообще, его приемы преподаванія можно считать образцовыми, да вдобавокъ и поучиться у него было чему. Онъ постоянно, для объясненія византійскихъ писателей, прибѣгалъ къ восточной литературѣ и указывалъ на ихъ взаимную связь. Цѣлыхъ 20 лѣтъ онъ трудился надъ составленіемъ татарской грамматики и, когда совсѣмъ приготовилъ ее къ печати, случайный пожаръ, въ 1856 г. іюня 5-го, уничтожилъ единственную рукопись—и весь замѣчательный трудъ ученаго погибъ безвозвратно, къ величайшему его огорченію. Онъ былъ полнымъ олицетвореніемъ идеала ученаго мужа, образцомъ необычайнаго трудолюбія, высокой честности и святой жизни.

При воспоминаніи о воспитаніи и образованіи Шапова, судили съ большимъ предубѣжденіемъ противъ преподаванія науки и состоянія жизни студентовъ въ казанской духовной академіи. Одинъ говоритъ, что профессора читали по старымъ запискамъ, покрытымъ плѣсенью; другой считаетъ это заведеніе какимъ-то душеспасительнымъ казематомъ. Для общей оцѣнки ни то, ни другое совсѣмъ нейдетъ: заведеніе это стояло высоко и на Шапова имѣло хорошее вліяніе. Достойная стороны образованія его мы надѣемся выяснитъ впоследствии, когда станемъ касаться сравнительно съ академіей состоянія казанскаго университета. Академія дала Шапову богатія средства для образованія и развитія самодѣятельности, какія другое высшее заведеніе едва ли могло доставить. Въ академіи читалось много такихъ наукъ, о которыхъ филологи-студенты не имѣли понятія. Положимъ, курсъ формальной философіи мы изучали по литографированнымъ запискамъ, а отъ профессора Нафанайла Соколова не слышали ни одного живаго слова; но зато мы знакомы были полно съ системой философіи Гегеля. На началахъ этой философіи читалъ намъ прекрасный курсъ словесности профессоръ Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ; у него подробно мы слушали философскую грамматику, эстетику, теорію словесности, исторію литературы.

Всеобщую исторію преподавалъ Иванъ Петровичъ Гвоздевъ, человѣкъ въ высшей степени скромный и трудолюбивый; каждая его лекція обработана была въ совершенствѣ. Послѣ оставленія академіи Г. З. Елисеевымъ, профессора русской исторіи долго не было и читалъ за него И. П. Гвоздевъ, большею частью по Соловьеву. Ша-

повь очень любилъ этого добрѣйшаго, простаго и добросовѣстнаго профессора и звалъ его съ любовью дѣдушкой, хотя онъ былъ еще молодой человекъ.

Кромѣ того, дѣльный курсъ патрологіи читалъ намъ М. М. Зефировъ, теперешній законоучитель казанскаго университета; онъ тоже придерживался нѣмецкихъ источниковъ и строго преслѣдовалъ научно-историческій методъ въ преподаваніи.

Такимъ образомъ, большинство лекцій читалось въ наше время дѣльно, по крайней мѣрѣ онѣ могли служить прочнымъ фундаментомъ для дальнѣйшихъ самостоятельныхъ занятій каждаго. Впрочемъ, лекціи въ дѣлѣ образованія еще не представляютъ особеннаго спасенія отъ всякаго другаго труда: самымъ важнымъ и полезнымъ для нашего развитія служило постоянное руководство профессоровъ, частыя указанія и взаимный обмѣнъ мыслей и взглядовъ. Нѣкоторые студенты ходили къ профессорамъ чуть не каждый день, если надо было навести справку, разрѣшить недоумѣнія и сомнѣнія, и всегда встрѣчали радушный и ласковый приемъ. Все это много значило для правильнаго теченія занятій. Громадную пользу для развитія самостоятельнаго труда студентовъ принесли постоянныя сочиненія, которыя отличнымъ образомъ приучали къ научной самодѣятельности и заставляли читать множество разныхъ источниковъ.

Подпольная литература, хотя не въ большомъ количествѣ, служила проводникомъ новыхъ идей: студенты академіи переносили съ удовольствіемъ „Письма Бѣлинскаго къ Гоголю“, нѣкоторыя либеральныя стихотворенія и проч. Еще при ректорѣ Григоріи былъ слѣдующій замѣчательный случай съ этими тайными рукописями. Помѣщикъ казанскій Горемыкинъ часто посѣщалъ богослуженіе церковное въ академіи, познакомился со многими студентами, любилъ бесѣдовать съ ними и съ нѣкоторыми сошелся на короткую ногу; по своей простотѣ и довѣрчивости, студенты стали читать ему подпольныя сочиненія, а онъ донесъ объ этомъ тайно жандармскому полковнику. Вдругъ тотъ нагрянулъ съ обыскомъ въ академію, но хорошо сдѣлалъ, что прежде зашелъ для объясненія къ ректору Григорію, который задержалъ его и далъ знать студентамъ, чтобы они уничтожили всѣ секретныя бумаги. Разумѣется, въ моментъ сожгли и разорвали въ клочки даже не подозрительныя рукописи, а только наводящія на сомнѣніе. Дѣло это обошлось благополучно.

Студенты въ это время воспитывались на эстетической школѣ Гегеля, зачитывались Бѣлинскимъ и Герценомъ, знакомы были съ лучшими произведеніями иностранной литературы классической и новой, не исключая англійской и итальянской. Кто читалъ въ переводахъ, а кто старался одолѣть въ подлинникъ; нѣкоторые изучали англійскій языкъ. Изъ русской литературы знакомы были въ совершенствѣ съ каждымъ писателемъ, даже едва выдающимся по своему таланту. Щаповъ тоже читалъ немало сочиненій по русской и ино-

странной переводной литературѣ и особенно любилъ поглощать всякія секретныя рукописи.

Нѣмецкій языкъ и литература пользовались большимъ почетомъ въ академіи и каждый студентъ старался изучать ихъ съ упорнымъ прилежаніемъ; любимыми сочиненіями были германскіе философы и поэты.

III.

Новое направленіе въ занятіяхъ студентовъ.—Соловецкая бібліотека.—Изданіе „Православнаго Собесѣдника“.—Миссіонерскія отдѣленія въ академіи.—Профессоръ В. И. Григоровичъ.—Занятія студентовъ университета и академіи.—Студенческая жизнь Шапова передъ окончаніемъ курса.—Его магистерская диссертация.—Оставленіе его бакалавромъ въ академіи по предмету русской исторіи.

Студенты академіи почти не тратили времени на записываніе лекцій, которыя выдавали къ экзаменамъ профессора готовыми рукописными или литографированными, и имѣли много свободнаго времени. Поэтому перечитали громадный запасъ разнообразныхъ сочиненій, собираваясь цѣлыми компаніями для чтенія и разсужденій о прочитанномъ. Сначала любимымъ занятіемъ студентовъ была литература русская и иностранная: романы, повѣсти, драмы, трагедіи и комедіи поглощались цѣлыми десятками. Потомъ наступилъ періодъ направленія историческаго вообще и въ частности изученія русской исторіи.

Исторія народной бытовой жизни, развитіе раскольниковыхъ ученій, отношенія къ нимъ церкви и государства, приковали къ себѣ всецѣло вниманіе студентовъ; затѣмъ введенъ былъ въ преподаваніе новый предметъ, а именно—славянскія нарѣчія и исторія славянскихъ литературъ.

Когда англичане осаждали Соловецкій островъ, монастырская рукописная бібліотека отправлена была для сохраненія въ Петербургъ; потомъ, по ходатайству архіепископа Григорія, препроводили ее въ казанскую академію. Студенты съ жаждою набросились на рукописи и все похваливали англичанъ: „Если бы не они,—наши благодѣтели,—лежали бы эти сокровища на концѣ свѣта! Вѣдь нынѣшніе монахи не древне-русскіе; имъ это ненадо; теперь они любятъ, что помягче, а книги готовы отдать грызть мышамъ, потому что очень тверды...“ Агаангелъ поручилъ студентамъ описать „Сборники“ соловецкой бібліотеки, и мы съ удовольствіемъ исполнили работу, которая познакомила насъ съ содержаніемъ этихъ неизвѣстныхъ прежде рукописей. Читая интересный отрывокъ въ „Сборникѣ“, студентъ

непрерывно тотчас сообщалъ объ этомъ другимъ, собирався кружокъ около него—и рѣдкость быстро становилась общимъ достояніемъ.

Сначала, когда Шаповъ занимался обработкой диссертации, онъ еще мало пользовался рукописнымъ матеріаломъ соловецкой бібліотеки, просматривалъ нѣкоторые „Сборники“, руководясь оглавленіями, и дѣлалъ выписки, какія относились къ сочиненію. Но по окончаніи курса познакомился хорошо съ содержаніемъ рукописей, такъ что разныхъ выдержекъ изъ нихъ и замѣтокъ привезъ въ Петербургъ цѣлый мѣшокъ, или узелъ въ простынь.

Изданіе журнала „Православный Собесѣдникъ“ привлекало къ работамъ профессоровъ, которые стали сообразоваться съ ходомъ и направленіемъ потребностей. Такъ, И. Я. Порфирьевъ почти исключительно сталъ заниматься „Исторіей русской литературы“ и напечаталъ цѣлый рядъ статей и изслѣдованій. Даже надъ Веніаминомъ Благонравнымъ совершилось чудо подъ вліяніемъ Григоровича: онъ понемногу сталъ вылѣзая изъ любезнаго ему примрака и касаться жизненныхъ вопросовъ, когда давалъ темы студентамъ для сочиненій, напримѣръ, объ отношеніи православныхъ славянъ къ Турціи. На одну изъ такихъ темъ товарищъ мой, А. С. Троянскій, написалъ и напечаталъ хорошее сочиненіе ¹⁾. Такъ современное тогдашнее направленіе принимало болѣе и болѣе жизненное значеніе.

Открытіе курсовъ въ академіи съ миссіонерскою цѣлью обращенія иноподцевъ и раскольниковъ въ православіе сразу сообщило занятіямъ студентовъ практическое направленіе. Изданіе журнала при заведеніи сильно также оживило дѣятельность ихъ, придавало силу и энергію въ письменныхъ работахъ: желаніе увидѣть ихъ въ печати увлекало и подталкивало къ литературнымъ и ученымъ занятіямъ. „Православный Собесѣдникъ“, подъ редакціей Іоанна, встрѣченъ былъ сочувствіемъ и одобреніемъ учеными людьми, а между тѣмъ въ немъ главнымъ образомъ печатались труды студентовъ, ихъ магистерскія и кандидатскія диссертации. Слѣдовательно, напрасно стараются увѣрить насъ, будто уровень образованія тогдашней академіи былъ низкій.

Съ перемѣщеніемъ соловецкой бібліотеки въ Казань тѣсно связано введеніе изученія славянскихъ нарѣчій и литературъ въ академіи, предметъ—совершенно новый и прежде не читавшійся.

Славянскій элементъ выступалъ у насъ на видный планъ, благодаря профессору университета В. И. Григоровичу, который дѣйствительно оказалъ большую услугу студентамъ, когда приглашенъ былъ читать лекціи въ академію. Онъ въ короткое время успѣлъ приготовить на каеэдру студента А. И. Лилова, который потомъ

¹⁾ „Отношенія палъ къ сербской церкви“ и „Отношенія палъ къ болгарской церкви“, напечатаны въ „Православномъ Собесѣдникѣ“.

читалъ въ академіи, подъ руководствомъ профессора, дѣльными лекціи по славянскимъ нарѣчіямъ и по исторіи славянскихъ литературъ; но, кажется, не поладилъ съ монахами и уѣхалъ на Кавказъ на службу къ Невѣрову.

Когда студенты казанскаго университета рѣдко заглядывали на скучныя лекціи профессора Григоровича, мы съ глубокимъ уваженіемъ относились къ нему, какъ къ прекрасному человѣку и превосходному профессору, и отлично понимали, что мы многимъ ему обязаны въ своемъ развитіи. Часто приглашалъ онъ насъ къ себѣ на квартиру и руководилъ нашими работами, надѣлялъ сочиненіями, какихъ не было въ нашей библіотекѣ; снѣ не скрывая дѣлалъ предпочтеніе студентамъ академіи сравнительно съ студентами университета и превозносилъ ихъ за труды и добросовѣстныя занятія ¹⁾. И съ какимъ удовольствіемъ, съ какою любовью онъ всегда вспоминалъ о нихъ, расспрашивая о судьбѣ каждого, особенно когда посѣтилъ меня въ Харьковѣ незадолго до своей кончины!.. Шаповъ тоже заходилъ къ нему по вечерамъ съ товарищами и любилъ съ нимъ бесѣдовать, а потомъ, занявъ должность бакалавра или адъюнта въ академіи, сблизился съ нимъ короче, бралъ у него нерѣдко рукописи, пользовался его указаніями и проч.

При дальнѣйшихъ отзывкахъ о воспитаніи и образованіи студентовъ казанскаго университета, въ избѣжаніе недоразумѣній,—я прошу читателя имѣть въ виду большинство ихъ съ вольными слушателями, а не меньшинство, которое занималось солидно наукой и изъ котораго вышло немало дѣльныхъ людей.

Казанскій университетъ, особенно филологическій факультетъ, представлялъ изъ себя руину, когда переведенъ былъ въ Петербургъ его восточный факультетъ. Цѣлыя десяти лѣтъ тогда студенты изъ всѣхъ силъ выбивались, чтобы всѣми неправдами и рискуя собственной участью воспитанія выгнать отжившихъ стариковъ нѣмцевъ — профессоровъ, не умѣвшихъ иногда говорить по-русски и все-таки нажившихъ состояніе въ Россіи. Молодые адъюнкты изъ русскихъ тоже не всегда внушали къ себѣ уваженіе студентовъ, которые отъ бездѣятельности и скуки сочиняли забавныя пѣсни и анекдоты о Мишенькѣ Славянскомъ, Сашенькѣ Соколовѣ и Колинкѣ Благовѣщенскомъ, извѣстномъ подъ кличкой институтки. Свѣтила науки, какъ математикъ Лобачевскій, астрономъ Симоновъ, анатомъ Аристовъ уже отживали свой вѣкъ; студентамъ открылся полный просторъ ничѣмъ не заниматься, кромѣ дебоширства, разныхъ мелочныхъ продѣлокъ, не дававшихъ покоя мирнымъ гражданамъ.

Они останавливали иногда карету дамы, ѣдущей на балъ зимой, вытаскивали ее и заставляли танцовать на снѣгу въ атласныхъ башмачкахъ. Они выбили окна каменьями съ навязанными на нихъ при-

¹⁾ То же не разъ слышалъ я отъ профессора Орданскаго.

личными надписями у предсѣдателя палаты удѣльнаго вѣдомства; поколотили офицеровъ около Чернаго озера и изорвали на нихъ все платье. Все это замѣняло интересы науки у студентовъ университета и они носились съ этими геройскими подвигами и рассказывали студентамъ академіи, которые тихо и упорно занимались дѣломъ. Когда въ университетѣ по наукамъ филологическимъ и историческимъ лекціи держались на пышныхъ фразахъ, въ духовной академіи читались большею частью лекціи, исполненныя прекраснаго содержанія, въ строгомъ научномъ видѣ. Студенты академіи, которые посѣщали иногда изъ любопытства университетскія лекціи, смѣялись надъ слабой ихъ стороною, надъ фразами.

Едва ли десятую долю серьезныхъ сочиненій перечитали студенты казанскаго университета въ сравненіи съ студентами академіи. Да и вообще развитіе многихъ изъ нихъ стояло не высоко. Въ наше время былъ забавный случай: одинъ изъ студентовъ университета обратился къ моему товарищу, чтобы онъ написалъ ему кандидатскую диссертацию по астрономіи. На первый разъ такое предложеніе показалось смѣшнымъ; но студентъ академіи, рассмотрѣвъ рiалы по разработкѣ темы объ исторіи движенія какой-то зв., взялся написать сочиненіе. Источники большею частью были на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; вооружившись фоліантами, онъ скоро окончилъ работу и разрѣшилъ вопросъ, къ обоюдному удовольствію. Студенту университета дали за диссертацию степень кандидата, а студентъ академіи получилъ отъ него деньги.

Несмотря на небольшое число окончивавшихъ курсъ въ академіи (черезъ два года до 23 студентовъ), многіе изъ нихъ сдѣлались замѣчательными учеными и профессорами высшихъ учебныхъ заведеній. Можетъ быть, свобода занятій содѣйствовала этому: даровитый студентъ года за два до окончанія курса намѣчалъ для себя специальный предметъ, знакомился съ его литературой, особенно когда писалъ диссертацию. Изъ товарищей Шапова много можно насчитать почтенныхъ и образованныхъ ректоровъ семинарій, иностранныхъ консуловъ и учителей гимназій, дѣлающихъ честь воспитавшему ихъ заведенію. Да тотъ же Я. Г. Рождественскій, который сообщилъ мнѣ воспоминанія о Шаповѣ, — развѣ онъ не извѣстенъ въ Вяткѣ и Пензѣ, какъ гуманѣйшій и образованнѣйшій педагогъ? Слѣдовательно, Аванасій Прокофьевичъ не составлялъ особаго исключенія по ходу академическаго образованія, а только выдвинулся при особыхъ обстоятельствахъ своей дикой натурой, азіатски-бурятской энергіей и тѣмъ, что проложилъ своеобразный проселочный путь въ наукѣ русской исторіи, а по своей жизни глубокою борозду; хотя и не многіе изъ студентовъ, въ то же время упорно занимались своими любимыми предметами и достигали солидной подготовки, а затѣмъ и высокаго развитія. Я лично благословляю судьбу, которая доставила мнѣ образованіе въ казанской академіи, а не въ

университетѣ, куда стремился я сильно и не попалъ по стеченію случайныхъ обстоятельствъ.

Профессоры высшихъ учебныхъ заведеній, товарищи Шапова, на-примѣръ, И. М. Добротворскій, А. С. Павловъ, П. В. Знаменскій и другіе могутъ засвидѣтельствовать своимъ образованіемъ, какую основательную подготовку получили они въ казанской академіи.

Отсутствіе желающихъ принять монашество изъ студентовъ академіи втеченіе четырехъ лѣтъ озабочивало высшее духовное начальство, которое считало студентовъ казанскихъ зараженными либеральнымъ духомъ. Студенты цѣнили науку и искусства со всѣмъ не въ духѣ аскетическомъ и преслѣдовали цѣли вовсе не монашескія, а жизненныя, касающіяся науки и общественной жизни цѣлой Россіи.

Мы смѣялись надъ отсталостью студентовъ другихъ академій, особенно с.-петербургской, въ которой тогда господствовали страшно-стѣснительные порядки.

Когда, на-примѣръ, въ академіи кievской процвѣтала полнѣйшая схоластика, въ Казани читались лекціи жизненно и научно, даже по патристикѣ. Студенты казанскіе подсмѣивались надъ кievскими, что послѣдніе спятъ на фоліантахъ св. отцовъ церкви, да и водку носятъ въ фоліантахъ. Дѣйствительно, говорятъ, при одномъ изъ строгихъ инспекторовъ, трудно было пронести въ академію дешевую горілку; они заказали ящикъ, наподобіе большой книги, въ который вошла четверть водки, велѣли обложить его кожей переплетчику, украсить золотыми разводами и на корешкѣ вытиснуть заглавіе: „*Oratio sancti Augustini*“. Въ этомъ мудрено-придуманномъ фоліантѣ студенты таскали водку мимо инспектора, который, бывало, спроситъ: „Что за книга?“ — и успокоится, когда услышитъ отвѣтъ, что это творенія святыхъ отцовъ церкви, да похвалитъ: „Хорошо, что выбираете серьезныя занятія!“

Но въ казанской академіи проносили водку проще: перевязетъ студентъ оба рукава шинели по срединѣ—въ одинъ сунетъ бутылку рому, въ другой бутылку смородиновки или персиковой водки и идетъ преспокойно мимо бдительнаго начальства, а контрабанда подъ капюшономъ покачивается направо и налево. Даже прозорливому Серафиму инспектору и его помощнику, все обнюхивавшему и ощупывавшему, Веніамину Благодравову, не могло придти въ голову—приподнять немного капюшонъ и полюбопытствовать, для чего перевязаны рукава шинели и почему раздулись вверхъ. А когда выбылъ Серафимъ и на мѣсто его поступилъ архимандритъ Ѳеодоръ Бухаревъ, мы вели себя совершенно свободно, и однако ни безпорядки, ни винопитіе, ни нравственность, ни въ чемъ почти не измѣнились; только занятія наши еще болѣе стали свободными и богословскіе предметы, которые прежде заставляли учить, теперь являлись менѣе тяжелыми.

Вообще съ этой поры начинается поворотъ въ жизни студентовъ

къ лучшему и дѣлается уступка за уступкой въ ихъ пользу, сравнительно съ прежними тяжелыми порядками. Профессоры становятся смѣлѣе и свободнѣе съ каждымъ годомъ, такъ что Д. Ѳ. Гусевъ уже преспокойно и открыто на лекціяхъ старался втоптать въ грязь часть невѣжественнаго „ученаго монашества“. Студенты тоже обнаруживали нерасположеніе свое къ монашеству.

Всѣ студенческія разныя продѣлки внутренно доставляли удовольствіе Аванасію Прокофьевичу, хотя онъ не только никогда въ нихъ не принималъ участія, но и не заботился выражать другимъ свой взглядъ на этотъ забавный предметъ.

На всѣ лекціи Шаповъ всегда ходилъ аккуратно и слушалъ внимательно; хороша или дурна была лекція, онъ никогда не высказывалъ о ней своего мнѣнія. На репетиціяхъ уклончиво какъ-то отвѣчалъ и, кажется, считалъ ихъ въ душѣ бесполезными; много разъ онъ прямо заявлялъ профессору: неготовилъ. Сочиненія всегда подавалъ въ срокъ каждый мѣсяцъ и по исторіи писалъ особенно большія.

Новыхъ языковъ Шаповъ почти совсѣмъ не зналъ и на старшемъ курсѣ; онъ могъ только съ помощью словаря прочитывать и переводить нѣсколько фразъ и, пожалуй, страницъ; на первомъ курсѣ онъ мало обращалъ на нихъ вниманія, но когда занялся исторіей раскола, то совсѣмъ бросилъ ихъ и только зналъ цитаты иностранныхъ. Всеобщей исторіи онъ тоже не изучилъ достаточно, чтобы вести параллель ея внутреннаго развитія сравнительно съ движеніемъ русской минувшей жизни. Въ этомъ я лично убѣдился и вполне согласенъ съ отзывомъ Я. Г. Рождественскаго, который приводилъ раньше. Хотя иногда Шаповъ при составленіи своихъ лекцій касался жизни европейскихъ народовъ, но это явленіе было рѣдкимъ и случайнымъ; къ тому же я свѣдѣнія эти онъ добывалъ изъ русскихъ источниковъ.

Ему было безразлично, какіе порядки его окружали, какой столъ былъ у студентовъ, и только сильное желаніе поскорѣе напитокъ чаю заставляло его иногда забираться въ столовую съ книгой за полчаса до срока. Чай пили обыкновенно земляки съ земляками.

На младшемъ курсѣ Шаповъ любилъ вступать въ разсужденія и споры съ товарищами о разныхъ научныхъ вопросахъ, но на старшемъ курсѣ уклонялся отъ нихъ и только часто прислушивался къ ихъ ходу и слѣдствіямъ.

Споры между студентами велись очень часто и въ большинствѣ случаевъ не одинъ на одинъ, а въ нихъ принимали участіе цѣлыя партіи. Вопросы, о которыхъ возбуждались горячія состязанія, были неотвлеченнаго характера, а большею частью касались современной жизни, науки и литературы. Помню, много разъ возникали пренія по поводу стихотвореній Некрасова: часть студентовъ восхваляла ихъ за жизненное содержаніе, а другіе судили о нихъ съ художественной точки зрѣнія и смѣялись надъ ними, какъ надъ прозаическими. Особенно оказалось спорнымъ новое его стихотвореніе — „Филан-

тропъ“, которое эстетики называли рубленой капустой и произносили безъ мѣры стиха: „Украшаютъ добродѣтели тебя, до которыхъ далеко другимъ“ и проч. Отъ этого частнаго случая переходили къ вопросамъ о направленіяхъ литературныхъ—художественномъ и реальномъ. Вообще эти постоянные споры, имѣвшіе серьезное содержаніе, были полны громаднаго интереса и приносили большую пользу студентамъ, развивая область знанія, заставляя глубже вдумываться въ дѣло, распространяли предѣлы мысли, приучали къ живой устной рѣчи и находчивости.

Вотъ какъ описываетъ В. И. Калатузовъ студенческую жизнь Щапова:

„Какъ бѣдность и изъ дальней окраины Россіи, онъ прожилъ въ стѣнахъ академіи безвыѣздно и почти безвыходно всѣ четыре года. Помѣщался онъ съ 1854 г., въ качествѣ старшаго, въ 6-мъ номерѣ, въ „татарской“ комнатѣ, гдѣ студенты изучали татарскій и арабскій языки. Всегда онъ былъ молчаливъ, сосредоточенъ, вѣчно торчалъ за конторкой и возился съ утра до глубокой ночи, особенно съ „Полнымъ Собраніемъ Законовъ“, томами котораго всегда былъ наполненъ стоявшій въ номерѣ шкафъ. У него въ это время не было близкихъ лицъ, съ которыми бы онъ дѣлилъ радость и горе; онъ даже пересталъ участвовать въ спорахъ, такъ обычныхъ въ средѣ молодыхъ студентовъ. Выглядѣлъ всегда какой-то дѣвочкой, по своей скромности и наивности въ практической жизни. Строго исполняя по внѣшности правила академической жизни, онъ не прониклся сознаниемъ необходимости этихъ правилъ: точно они были составлены не для него, а опутанъ онъ ими былъ по ошибкѣ. Между профессорами и студентами ему нравились головы, идеи и стремленіе къ знанію, а не лица съ характерами и практическимъ взглядомъ на дѣло“.

„Впрочемъ, широкая натура Аѳанасія Прокофьевича и симпатіи сказывались иногда еще на школьной скамьѣ по разнымъ мелкимъ поводамъ. Такъ, 8-го ноября 1855 г., въ день академическаго праздника и акта, затѣяли студенты вечеромъ въ № 5-мъ танцы подъ скрипку и флейту. Въ заключеніе вечера, кавказскіе студенты, какъ великіе мастера, отхватили казачка съ присядкой. Щаповъ, бывшій въ числѣ зрителей, пришелъ въ восторгъ и до такой степени умилился, что подошелъ ко мнѣ (Калатузову) и горячо пожалъ руку. Ему по душѣ пришлась не отдѣлка трепака, а то, что въ пляскѣ и присядкѣ сказалась широта и глубина русской души. „Вотъ такъ по-русски, это по-русски, твердилъ онъ,—вотъ люблю!“ Съ этого времени онъ сблизился съ кавказскими студентами-плясунами. Другой случай въ томъ же родѣ касается гѣнія. Въ лѣтніе каникулы 1856 г. оставшіеся въ академіи студенты временно помѣщены были въ правомъ флигелѣ, по случаю ремонта въ главномъ зданіи; Аѳанасій Прокофьевичъ жилъ въ отдѣльной комнатѣ и оканчивалъ свое курсовое сочиненіе. Въ каникулы тоже не освобождались студенты отъ надзора инспекціи; тоска

бывала смертельная; студентовъ мало, все надобѣсть — и чтеніе, и прогулка; остаются бѣдняки и не знаютъ, куда приклонить голову. Вотъ одинъ изъ студентовъ, шагая по комнатѣ, затынулъ съ горя лѣбно:

„Ахъ, подруженьки, какъ грустно
Цѣлый годъ жить въ-заперти,
Изъ-за стѣнъ лишь любоваться
На широкія поля!
Намъ и пѣсни—не веселье,
Отъ тоски мы ихъ поемъ“.

Вдругъ растворяется дверь, — въ комнату влетѣлъ Шаповъ. Наэлектризовавшись тоскливымъ пѣніемъ, онъ разразился чуть не со слезами на глазахъ цѣлой рѣчью: „Боже, какъ жутко жить въ-заперти русской душѣ! Простору, воздуху ей надо! Потому и спитъ русскій человѣкъ и охваченъ лѣбно, что находится въ-заперти и опутанъ тройными веревками; потому и чудится ему вавилонская блудница!..“ и проч.

Но въ этомъ горячемъ разсужденіи Аванасій Прокофьевичъ заступался за свободу другихъ лицъ, а не за свою собственную; если бы ему предоставили тогда абсолютную свободу и вдобавокъ средства, — и то едва ли бы онъ отрывался на часъ въ день отъ своихъ занятій, развѣ поѣхалъ бы для покупки книгъ. Его товарищи, обыкновенно, любили ходить по праздникамъ къ своимъ знакомымъ въ городъ на вечера, любили покутить, покататься на лодкахъ, вели разныя шурь-муры съ дѣвками; студентамъ особенно нравились прогулки на Дебрейсову дачу, отъ которой отдѣлялся однимъ оврагомъ садъ Родіоновскаго института; садятъ, бывало, на гребнѣ оврага и распѣваютъ пѣсни, а съ другой стороны используютъ институтки и тоже затягиваютъ романсы. Но Аванасій Прокофьевичъ чуждъ былъ всего этого и рѣдко куда-нибудь заходилъ на вечерній чай. О какихъ-либо кутежахъ или о сближеніи съ женщинами ему и въ голову никогда не приходило. Поэтому неудивительно, что онъ и послѣ всегда избѣгалъ общества женскаго и предпочиталъ компанію студенческую; если же случалось ему проводить время въ собраніи разныхъ лицъ, особенно не близко знакомыхъ, онъ держалъ себя, какъ неопытное дитя, неловко и угловато, стѣснялся и тяготился до крайности обществомъ. Отсутствие разнообразныхъ и жизненно-практическихъ отношеній къ людямъ, теоретическая оцѣнка лицъ и сидячая жизнь, громадное ученое самолюбіе, которое заставляло презирать мишурный блескъ общественной жизни, сдѣлали изъ Шапова дикаря и нелюдима.

Ни водки, ни вина Шаповъ до окончанія курса въ академіи не только ни разу ни пробовалъ, но терпѣть немогъ вкуса и даже запаха спиртныхъ напитковъ. На этотъ разъ я былъ очевидцемъ рѣдкаго явленія: собрались студенты покутить на радости окончанія

младшаго курса 1856 года въ больницу, гдѣ лежалъ въ лихорадкѣ Аванасій Прокофьевичъ, уже совсѣмъ окончившій курсъ; подали самоваръ и стали пить пуншъ съ большимъ увлеченіемъ, а Щаповъ изъ другой комнаты приходилъ къ самовару, наливалъ стаканъ чаю и уносилъ обратно. Только онъ налилъ себѣ стаканъ и поставилъ на столикъ, слугитель вызвалъ его для какихъ-то заказовъ. „Давайте-ка мы, господа, Щапову пуншъ сдѣлаемъ, — сказалъ со смѣхомъ, кажется, студентъ-сибирякъ А. С. Кузнецовъ, и влилъ въ его стаканъ рюмку рому, — посмотримъ, что отродится“... Но только вернулся онъ и хлебнулъ изъ стакана, какъ закричалъ: „что за мерзость!“ Стаканъ съ чаемъ полетѣлъ за окно—и едва удалось успокоить волненіе Щапова.

Какъ человѣкъ, вышедшій чуть не изъ среды крестьянства, онъ носилъ въ себѣ идеалъ скорби и нужды низшихъ классовъ общества,—и сразу пораженъ былъ идеей силы народной, проповѣдываемой славянофилами, и почувствовалъ здѣсь свое будущее призваніе и значеніе.

При простомъ и прямомъ характерѣ Щапова, легко прослѣдить настроіе развитія его научныхъ и соціальныхъ убѣжденій.

Сначала онъ трудился надъ изученіемъ печатныхъ источниковъ и сочиненій по русской исторіи; но съ привозомъ въ академію соловецкой бібліотеки, сталъ пользоваться рукописнымъ матеріаломъ, хотя не часто, и взглядъ его на науку расширился.

До 1855 года Щаповъ былъ великимъ труженникомъ чистой науки, безъ всякихъ заданныхъ тенденцій; онъ копилъ матеріалъ, получилъ основательное практическое знакомство съ источниками и относился симпатически къ крестьянству. Больше ничего не было замѣтно.

Но вотъ, когда извѣстно стало о неизбѣжномъ освобожденіи крестьянъ и о другихъ преобразованіяхъ прошлаго царствованія, когда стали появляться славянофильскія изданія, онъ началъ вводить въ свои изслѣдованія вопросы живой современности, еще во время студенчества. Исторія раскола складывалась въ его возрѣніи уже не на однихъ источникахъ враждебныхъ, но въ нее стали входить и начала другого рода, требованія и стремленія народныя. Вотъ почему „Расколъ старообрядства“ Щапова—студенческая-диссертация—представляетъ изъ себя двойственное сочетаніе идей старозавѣтныхъ церковныхъ и земскихъ народныхъ.

Горячее сочувствіе къ русской народности, преслѣдованіе отечественныхъ интересовъ и всестороннее изученіе родной старины, проповѣдываемая славянофилами, окончательно утвердили Щапова на избранномъ пути изученія своеобразнаго міра русскаго народнаго духа и жизни. Въ годъ его окончанія курса, стала выходить „Русская Бесѣда“ и другія московскія изданія. Особенно въ эти годы онъ сильно увлекался славянофильскимъ ученіемъ и зорко слѣдилъ за всѣмъ, что выходило изъ ихъ круга.

Надъ магистерскою диссертациею онъ трудился цѣлыхъ два года и, разумѣется, не могъ не подчиняться требованіямъ монашескаго начальства; все, что проводилъ онъ новаго и жизненнаго, не могло прійтись по вкусу духовнымъ цензорамъ. Поэтому мы видимъ—самое обыкновенное явленіе, повторявшееся изъ курса въ курсъ,—что даровитыя сочиненія съ смѣлымъ оттѣнкомъ мысли считались иногда ниже посредственныхъ, строго закованныхъ въ рамку обыденныхъ мнѣній. То же случилось и съ трудомъ Аѳанасія Прокофьевича.

Магистерское сочиненіе его не было оцѣнено по достоинству казанскимъ архіепископомъ Григоріемъ, который находилъ, будто сочиненіе Рудольфова, его товарища „О раздѣленіи раскола на секты“ несравненно лучше, чѣмъ Шапова.

Когда великолѣпный и велерѣчивый ректоръ Агаѳангель, не смыслившій ничего по исторіи раскола, неблагоприятно отозвался о магистерской диссертациі Шапова со словъ архіепископа Григорія, — тотъ въ порывѣ увлеченія и съ сознаниемъ собственнаго достоинства бросилъ тетрадь сочиненія къ его ногамъ и сказалъ: „Если не заслуживаетъ степени магистра моя диссертация, сожгите ее, а и такъ прожну, потому что знаю безъ отзывать достоинства своей работы“. Послѣ этой неожиданной выходки, Агаѳангель тотчасъ ступевался, началъ расхваливать хорошія стороны сочиненія и мягкимъ тономъ скоро умаслил раскодившагося и несправедливо обиженнаго студента. Между тѣмъ, съ этимъ обстоятельствомъ былъ связанъ существенный вопросъ въ жизни Шапова: послать ли его въ семинарію учителемъ, или оставить преподавателемъ въ академіи.

Аѳанасій Прокофьевичъ студентомъ былъ совершенный аскетъ—и мы не сомнѣвались, что, по окончаніи курса, онъ непремѣнно уйдетъ въ монахи; но до этого дѣло не дошло. Шаповъ окончилъ курсъ по списку четвертымъ, и думалъ, что его не оставятъ въ академіи, а пошлютъ въ семинарію профессоромъ; послѣднее равнялось осужденію—бросить всѣ серьезныя ученныя занятія; поэтому ему ужасно сильно хотѣлось получить въ академіи каѳедру, по своей страсти къ ученымъ работамъ. Сидимъ мы за вечернимъ чаемъ, вдругъ присылаетъ Агаѳангель, зоветъ Аѳанасія Прокофьевича въ садъ. Съ полчаса ходилъ онъ съ ректоромъ, который бесѣдовалъ съ нимъ, какъ онъ намѣренъ устроить свою будущую судьбу, и предложилъ ему поступить въ монахи, чтобы свободно и спокойно заниматься наукой. Шаповъ не отказывался отъ этого предложенія, говорилъ, что ему иноческа жизнь не будетъ тяжела, такъ какъ онъ мало видитъ разницы между монашеской кельей и кабинетомъ ученаго.

„Да, прибавилъ онъ, мнѣ придется избрать эту крайнюю мѣру, если не оставятъ меня при академіи на ученой дорогѣ безъ принятія монашества...“

Но Агаѳангель прямо сказалъ, что его назначили бакалавромъ по каѳедрѣ русской исторіи и представленіе о немъ пошло уже на

«истор. вѣстн.», годъ III, томъ I.

утвержденіе въ синодъ. Послѣ этого, Шаповъ прибѣжалъ опять къ чаю въ восторженномъ состояніи, съ сіяющимъ лицомъ, и тотчасъ подробно передалъ весь свой разговоръ съ ректоромъ, и такъ быстро отъ радости, что насилу можно было разобрать сначала, о чемъ онъ повелъ рѣчь. Разумѣется, мы поздравили его задушевно и увѣрили, что будемъ его самыми усердными слушателями. Тогда онъ засѣлъ за подготовку лекцій, а я уѣхалъ на каникулы въ Вятку.

IV.

Шаповъ въ должности бакалавра или адъюнкта академіи.—Его помѣщеніе и обстановка.—Способъ занятій.—Чтеніе лекцій студентамъ.—Характеръ и направленіе содержанія лекцій.—Близкія отношенія Шапова къ студентамъ.—Наклонность къ пьянству.—Горячность нрава и крайности увлеченій.—Ненависть къ искусственности.—Любовныя приключенія.

Когда я вернулся изъ Вятки, куда путешествовалъ съ товарищами на каникулы, близкій ко мнѣ студентъ В. И. Калатусовъ сталъ звать меня къ Шапову. Я высказалъ о неумѣстности такого посѣщенія, а онъ еще болѣе настаивалъ на своемъ:

„Пойдемъ, говорилъ онъ съ улыбкой, ты только посмотри на него и полюбуйся; теперь ты его не узнаешь, вѣдь онъ совсѣмъ измѣнился: это—не прежній монахъ и дикарь, а настоящій джентльменъ... Въ самомъ дѣлѣ, безъ шутокъ! Онъ теперь и вина выпиваетъ, и не прочь рюмку подлить въ чай; задушевный сталъ человѣкъ, говоришь и весельчагъ...“

Я очень удивился этому неожиданному извѣстію и плохо вѣрилъ въ быструю переимѣну Аванасія Прокофьевича, припоминая, какъ еще недавно онъ вышвырнулъ въ окно больницы стаканъ съ пуншемъ. Любопытство взяло верхъ и я согласился навѣстить его, захвативъ съ собою нѣсколько пѣсенъ и другихъ этнографическихъ матеріаловъ, приобретенныхъ въ Вятской губерніи.

Зная любовь его къ подобнымъ вещамъ, я понесъ ему ихъ въ подарокъ, чтобы визитъ мой не показался неловкимъ. Принялъ онъ насъ отлично и пришелъ въ восторгъ отъ свѣжихъ этнографическихъ матеріаловъ, тотчасъ раскупорилъ нѣсколько бутылокъ вина, угостилъ насъ чаемъ съ ромомъ. Просидѣли мы у него часа три и онъ все разспрашивалъ о состояніи и разныхъ сторонахъ жизни Вятскаго края, припоминая въ то же время объ особенностяхъ исторической судьбы его. Съ той поры я сталъ въ близкія отношенія къ Шапову, хотя въ первые два года почти не приходилось мнѣ бесѣдовать съ нимъ. Прежде я занимался русской словесностью почти исключительно,

теперь перешелъ къ изученію русской исторіи, читалъ много соловецкихъ рукописей и нерѣдко указывалъ Аванасью Прокофьевичу статьи, до которыхъ онъ еще не добрался. Но особенно сблизился и съ нимъ, когда назначилъ мнѣ ректоръ Іоаннъ для курсоваго сочиненія тему, данную Шаповымъ: „Обзоръ первоисто-рическаго содержанія русскихъ лѣтописей“.

Сдѣлавшись бакалавромъ, Шаповъ занималъ казенную квартиру, поселился и жилъ въ лѣвомъ флигелѣ внизу, въ трехъ комнатахъ съ передней, окнами на улицу. Меблировка его квартиры была самая незатѣйливая, казенная. Столъ рабочій, столікъ для чая и обѣда, нѣсколько старыхъ стульевъ, студенческая кровать, полуразбитый шкафъ для платья—и больше ничего. Пустыя пространства комнатъ наполняли книги и рукописи, „Цвѣтники“ и „Соборники“ соловецкой бібліотеки; они лежали въ беспорядкѣ на полу и на окнахъ, на столахъ и на стульяхъ. На стѣнѣ передъ рабочимъ столомъ висѣлъ портретъ Грановскаго, передъ талантомъ котораго Шаповъ благоговѣлъ. Сначала онъ держалъ общій столъ съ своими товарищами, молодыми бакалаврами, И. М. Добротворскимъ, А. И. Лиловымъ и Я. В. Рудольфовымъ; но не поладилъ съ ними и сталъ заказывать его для себя только, отдѣльно. Впрочемъ, слово заказъ сюда нейдетъ: что человѣку угодно было изготовить для обѣда, тѣмъ онъ и былъ доволенъ, и какую цѣну кушаньямъ назначалъ, то и выдавалось; вообще человѣкъ обиралъ его безсовѣстно.

Бакалаврское жалованье Шаповъ получалъ ничтожное, что-то рублей 30 съ небольшимъ въ мѣсяцъ, да перепадало помаленьку за статьи изъ редакціи „Православнаго Собесѣдника“. При бѣдности въ содержаніи и при неумѣннѣ поставить свое хозяйство на приличный и недорогой ладъ, онъ вѣчно нуждался во всемъ, начиная съ платья и кончая ваксой. Въ то время, какъ другіе его товарищи по профессіи сжумѣли, при одинаковомъ съ нимъ содержаніи, обзавестись енотовыми шубами, онъ продолжалъ зимой щеголять въ студенческомъ ватномъ пальто и успѣлъ только купить циммермановскую шляпу, въ которой ходилъ круглый годъ. Впрочемъ, недостатокъ въ средствахъ его мало тревожилъ, хотя онъ въ нихъ вѣчно нуждался; онъ совсѣмъ не зналъ цѣны деньгамъ и обходился безъ нихъ, перебываясь кое-какъ изо-дня въ день: есть деньги — хорошо, сейчасъ ихъ на расправу; нѣтъ денегъ — тоже ладно, и безъ нихъ можно какъ нибудь промаяться. Пренебреженіе къ матеріальнымъ выгодамъ доходило у него до крайнихъ предѣловъ; когда были деньги, онъ могъ ихъ раздать и раздарить въ одинъ день, а самъ потомъ бѣдствовалъ.

Преданный до глубины души дѣлу исторіи, Шаповъ, по своей широкой и горячей натурѣ, отдавался ему весь и увлекался имъ до самозабвенія. Засядетъ, бывало, съ утра за работу, обыкновенно, около стола, на какомъ лежитъ мѣнѣ книгъ, и строчить безъ

устали на сѣрыхъ четвертинкахъ бумаги до глубокой ночи, прилепивая наскоро холодный чай изъ стакана и попыхивая сигару. Для невзбѣжныхъ справокъ постепенно приносилъ онъ книги и рукописи въ такомъ количествѣ, что на этомъ столѣ не оставалось мѣста, гдѣ можно писать. Тогда онъ переходилъ къ другому столу и сюда мало-по-малу переносилъ ворохъ книгъ; затѣмъ присаживался къ окну— и здѣсь повторялась та же исторія.

Статьи для „Православнаго Собесѣдника“ готовилъ онъ съ рѣдкой энергійей и необычайной быстротой, такъ что два студента едва могли перебѣлывать ихъ, а писалъ онъ на клочкахъ разной бумаги, какая подвернется подъ руку. На письменныя принадлежности онъ тогда только обращалъ вниманіе, когда у послѣдняго пера лопнулъ рожокъ или когда не оставалось совершенно ни клочка бѣлой бумаги и вырвать его неоткуда было. Поэтому во время работы Шаповъ постоянно осаждалъ просьбами студентовъ о присылкѣ ему бумаги и перьевъ или сочиненій, разобранныхъ по рукамъ студентами.

Справки въ древне-русскихъ памятникахъ онъ наводилъ очень быстро: обладая громадной памятью, онъ хорошо помнилъ необходимое для него мѣсто въ актѣ и даже могъ указать папередъ страницу, на которой оно находится.

У Шапова замѣчательнень былъ, такъ сказать, нюхъ въ розысканіи необходимаго ему мѣста въ сочиненіяхъ иностранныхъ писателей: плохо владѣя языками, онъ безъ лексикона необходимался при переводахъ; читать и долго изучать источники иностранные для него было кропотливо и могло отнять много времени. Вотъ онъ и старался этотъ трудъ сдѣлать легкимъ: возьметъ, бывало, иностранную книгу и начнетъ перелистывать, внимательно пробѣгая страницу за страницей, и найдетъ—таки необходимую для извѣстной цѣли цитату и выпишетъ ее въ переводѣ на русскій языкъ.

Чтеніе лекцій по русской исторіи Шаповъ началъ съ сентября 1856 года, когда еще не былъ утвержденъ въ должности синодомъ; утвержденіе его въ степени магистра состоялось 10-го октября, а бакалавромъ опредѣленъ 15-го того же мѣсяца. Въ академіи обыкновенно курсъ русской исторіи преподавался втеченіе двухъ лѣтъ: въ въ одинъ годъ прочитывалась исторія церковная, а въ другой—гражданская. Шаповъ началъ съ курса исторіи церковной, какъ болѣе ему знакомой и сподручной. Поэтому и первыя его лекціи и статьи исключительно имѣли своимъ предметомъ сторону духовно-нравственной жизни народа.

Русскую церковную исторію ему хотѣлось излагать не съ общихъ византійскихъ началъ и не по опредѣленнымъ рамкамъ, какъ дотогѣ ее писали, но онъ желалъ выдвинуть на первый планъ отличительныя черты русской церкви и ея вліяніе на народъ, со всей жизненной средой и обстановкой, съ умственнымъ, нравственнымъ и экономическимъ уровнемъ развитія нашего отечества. Но работа приняла

характеръ отрывочный. Онъ замѣчалъ одностороннее направленіе въ тогдашнихъ трудахъ по русской исторіи церкви, въ которыхъ безъ мѣры прославлялись похвальные черты жизни нашихъ предковъ, и говорилъ на лекціи: „У насъ церковные историки вдаются въ крайность, представляютъ одно лишь только доброе, пишутъ не правдивую исторію, а панегиригъ...“ Но и его необходимость заставила впоследствии писать болѣе о добрыхъ качествахъ нравовъ русскихъ, чѣмъ о плохихъ, по крайней мѣрѣ, это замѣтно на статьяхъ, напечатанныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“.

Послѣ вступительной лекціи, онъ началъ намъ рядъ заготовленныхъ чтеній о внутренней жизни древне-русскаго народа и какое образовательное вліяніе имѣло на него христіанство. Лекціи его были не дѣланные, а самобытные, въ которыхъ онъ проводилъ свой личный взглядъ и убѣжденія, а потому содержаніе ихъ всегда отличалось простотой и задушевностью. Лекціи, впрочемъ, были не одинаковаго достоинства: одніе обработаны тщательно, другія защищены на живую нитку и состояли изъ ряда фактовъ, нанизанныхъ на извѣстную мысль.

Какъ человѣкъ впечатлительный и порывистый, онъ не въ состояніи былъ вести рядъ послѣдовательныхъ лекцій систематично; поэтому онъ постоянно перебѣгалъ отъ одного предмета къ другому и останавливалъ вниманіе на тѣхъ сторонахъ минувшей жизни, какія имѣли значеніе съ современной точки зрѣнія образованнаго человека и разработкой которыхъ интересовался онъ самъ.

Всѣ первоначальныя лекціи Шапова и статьи, напечатанныя въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, носятъ на себѣ явные слѣды привычнаго духовнаго направленія; самый выборъ предмета и разработка его отличаются характеромъ клерикальнымъ. Несмотря часто на новыя жизненныя воззрѣнія, въ лекціяхъ много видно стараго напускнаго тумана; вмѣсто прямо-ученой дѣятельности, замѣтна значительная уступка въ пользу схоластики, по пути которой такъ долго вели его услужливые воспитатели; вмѣсто логическихъ доказательствъ, выступаютъ убѣжденія чувства и проповѣдническій тонъ; онъ подробно читалъ намъ о господствѣ вѣры въ русскомъ народѣ, о значеніи чудесъ, о вліяніи монастырей, о господствующихъ порокахъ и суевѣріяхъ въ разныхъ классахъ общества, о грубости нравовъ и т. п.

Потомъ Шаповъ сталъ болѣе работать для „Православнаго Собесѣдника“, чѣмъ трудиться надъ составленіемъ лекцій, вмѣсто которыхъ онъ часто читалъ статьи, приготовленныя для печати, хотя съ разными объясненіями и подробными отступленіями. Проработавъ цѣлую ночь для „Православнаго Собесѣдника“, на другой день онъ совсѣмъ не являлся на лекцію и только подписывалъ журналъ, который приносилъ ему дежурный старшій на квартиру, чтобы скрыть отъ начальства отсутствіе его во время лекціи. Оупущеніе лекцій, впрочемъ, нисколько не роняло его въ глазахъ студентовъ: они знали.

что онъ трудился для науки, знали, чего стоила ему каждая лекція вначалѣ, да и часто немногое, сказанное имъ въ аудиторіи, было свѣжо и плодотворно. Когда отвлекало его составленіе статей для журнала, онъ иногда приходилъ на лекціи съ отрывками разныхъ секретныхъ сочиненій или приносилъ свѣжіе стихи Толстаго и другихъ и читалъ ихъ съ подробными историческими объясненіями. Въ такихъ случаяхъ онъ просилъ кого нибудь изъ студентовъ побыть въ корридорѣ, чтобы не подслушали его подъ дверью. Но тревога и опасеніе его были напрасны; ректоръ Агавангель, какъ аристократъ, не прибѣгалъ къ подслушиванью; инспекторъ, отецъ Федоръ Бухаревъ, погруженъ былъ въ мистицизмъ; помощники инспектора, хотя и лакомые до шпионства, не смѣли безъ приказа дѣлать доносы. Иногда появлялся Шаповъ на лекцію ни съ чѣмъ: придетъ, бывало, сильно стѣснится и скажетъ: „Ничего я, господа, сегодня не приготовилъ для лекціи; поговоримъ такъ о чемъ нибудь“... И поведетъ съ студентомъ рѣчь объ ученомъ предметѣ; разговоръ тянулся спокойно и серьезно, какъ будто читалась въ самомъ дѣлѣ настоящая лекція. Изъ такихъ неподготовленныхъ бесѣдъ студенты выносили нерѣдко то новыя воззрѣнія, то неизвѣстныя имъ свѣдѣнія о минувшей жизни русскаго народа.

Во второй годъ, курсъ гражданской исторіи онъ тоже читалъ набѣгами, выбирая нѣкоторые любимыя имъ стороны жизни и опуская, по обычаю, много лекцій.

Съ большимъ жаромъ и увлеченіемъ говорилъ онъ, когда дѣло касалось паденія земско-областной самобытности, и любилъ рядомъ съ лѣтописными картинами прочитывать подходящіе стихотворенія. Такъ, онъ писалъ о судьбѣ Новгорода: „Послѣдній заунывный звукъ новгородскаго вѣчеваго колокола, возвѣстившій погребальное шестіе новгородскихъ вѣчниковъ въ Москву, въ плѣнъ къ царю Ивану III, благовѣститъ намъ будущую свободу областныхъ общинъ. Поэтъ молодой Россіи, совершенно согласно съ простымъ рассказомъ новгородской лѣтописи, поетъ надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волховомъ:

„На широкой Вадимовой площади,
Заунывно поетъ, гудятъ колоколь.
Для чего созываетъ онъ Новгородъ?
Не мѣняютъ ли снова посадника?“ и проч.

При рассказахъ объ Украинѣ онъ тоже иногда пользовался стихами Т. Г. Шевченки:

„Свите тихій, краю мильнй,
Моя Украина!“...

Онъ читалъ съ необычайной быстротой и въ одинъ часъ прочитывалъ добрыхъ три лекціи; оттого не всегда хватало у него заготовленнаго матеріала, — и чѣмъ сильнѣе увлекался самъ содержаніемъ лекціи, тѣмъ поспѣшиѣе и невнятиѣе онъ сообщалъ ее. Поэтому онъ просилъ останавливать его, если чтеніе пойдетъ черезчуръ неразбор-

чиво; дѣйствительно, мы постоянно ему напоминали, чтобы читалъ рѣже, чуть не черезъ каждыя 5—7 минутъ. Впрочемъ, иногда и жалъ его было останавливать, когда онъ съ воодушевленіемъ излагалъ интересовавшія его идеи, говорилъ превосходно и возвышался до изображенія поэтическихъ картинъ.

Тяжелый и невоздѣланный языкъ его всегда отличался шероховатостью и угловатостью, хотя носилъ на себѣ своеобразный отпечатокъ оригинальности; это была своего рода щановщина, какъ окрѣстили его рѣчь студенты.

Въ промежуткахъ составленія лекцій и работъ для „Православнаго Собесѣдника“, Аванасій Прокофьевичъ любилъ проводить свободное время со студентами, изъ которыхъ довольно часто у него бывали: Калатусовъ, Залѣскій, Дим. Кузнецовъ, Ал. Кузнецовъ, Аристовъ, Павловъ, Соколовъ и Ив. Знаменскій. Разговоръ его со студентами, разумѣется, всегда вертѣлся на предметахъ науки и мысли, на занятіяхъ русской исторіей, на необходимости изученія народной жизни. Такимъ образомъ, Щановъ сильнѣе и сильнѣе возбуждалъ интересъ къ отечественной наукѣ въ студентахъ, которые съ своей стороны знакомили его со многими этнографическими особенностями разныхъ краевъ Россіи, что для него было весьма дорого. Много также сообщали ему свѣдѣній о находкахъ въ соловецкихъ рукописяхъ студенты старшаго курса, особенно когда писали выпускныя сочиненія и возились постоянно съ рукописными источниками. Объ А. С. Кузнецовѣ онъ выражался, какъ объ отличномъ философѣ, знатокѣ Гегеля и Канта, и не только цѣнилъ въ немъ знаніе, но и самъ учился у него философіи во время бесѣдъ.

Щановъ занимался съ какой-то лихорадочной дрожью, просиживалъ ночи до свѣта и терпѣть не могъ, когда прерывалъ его занятія какой-либо непрошенный посѣтитель. Сначала онъ принималъ его сухо и сурово, потомъ, когда заводилъ рѣчь о предметѣ, о которомъ въ данное время писалъ, мало-по-малу воодушевлялся и увлекался разговоромъ, иногда цѣлые часы любилъ сообщать о широкихъ замислахъ и планахъ будущихъ своихъ занятій. Если были хорошіе его знакомые, студенты, то нерѣдко окончаніемъ служила попойка, которая начиналась застѣнчиво и съ улыбкой хозяиномъ: „А что, ребята, не выпить ли намъ по маленькой?..“ Нужно замѣтить, что въ наше время, т. е. до сентября 1858 года, онъ еще пилъ умѣренно, и хотя нерѣдко любилъ покутить, но далеко не дошелъ до пьянства.

Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе онъ потомъ началъ прибѣгать къ народному напитку, а вина бросилъ. Сдѣлавшись гордымъ и неуживчивымъ съ своими товарищами, Щановъ запросто и съ большимъ удовольствіемъ проводилъ время со студентами, кутилъ съ ними по цѣлымъ вечерамъ; а иногда, зная его безденежье, они покупали четверть водки, приносили къ нему въ квартиру и тайкомъ ставили подъ

кровать, а потомъ какъ будто дѣлали нечаянное открытіе. Случалось, онъ занималъ деньги у студентовъ, прибрѣталъ водки и рому и съ ними же все выпивалось до капли.

Я не разъ слышалъ въ Петербургѣ обвиненія казанскаго книгопродавца Дубровина, будто онъ содѣйствовалъ развитію страсти къ пьянству Шапова. Это совершенно несправедливо: положимъ, онъ расплачивался съ нимъ по мелочамъ, но вѣдь эти деньги обязанъ былъ выдавать рано или поздно за его сочиненіе и, конечно, не его вина и не его дѣло, куда онъ ихъ тратилъ. Извѣстно, что склонность къ пьянству стала развиваться въ немъ тотчасъ по окончаніи курса въ академіи.

Вотъ что пишетъ землякъ Шапова, С. С. Пашковъ, о постепенномъ развитіи пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ: „Онъ рассказывалъ намъ, какъ онъ, приготавливая во время каникулъ свой первый курсъ академическихъ лекцій, писалъ обыкновенно со стаканомъ чая, стоявшимъ подлѣ него. Но чай часто уже не освѣжалъ молодого ученаго, работавшаго чуть не по цѣлымъ суткамъ, и вотъ онъ къ чаю началъ понемногу прибавлять ромъ. Ромъ придавалъ новыя силы, фантазія оживилась, перо быстро бѣгало по бумагѣ и работа шла чрезвычайно быстро, успѣшно. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Шаповъ до того уже привыкъ къ вину, что его дальнѣйшая печальная судьба была уже несомнѣнна. Часто въ своей душной комнатѣ, наполненной ѣдимымъ дымомъ сигары, окруженный пустыми бутылками отъ рома, шепалками и полустофами, пьяный Шаповъ, въ своемъ засаленномъ халатѣ, истерически рыдалъ, проклиная водку, проклиная бурсу и академію, которыя ничего полезнаго не сдѣлали для него, проклиная все, что ненавидѣла его страстная душа. Въ эти минуты на него невозможно было смотрѣть безъ слезъ и страха, и трудно было успокоить его. Часто Шаповъ доходилъ до того состоянія нервной раздраженности и безотчетнаго страха, которое непосредственно предшествуетъ бѣлой горячкѣ. Въ это время онъ писалъ обыкновенно своему другу, студенту 5-го курса медицинскаго факультета, Россову, лавоническую записку: „Россовъ, у меня что-то въ родѣ delirium tremens“. Россовъ являлся и скоро поправлялъ его“. („Дѣло“, 1876 года, № 4-й. Некрологъ, стр. 153).

Съ одной стороны, страстность и дикость натуры и крайняя напряженность въ работахъ, а съ другой — отсутствіе такта въ практической жизни, отчужденіе отъ общества и невагоды жизни привели его къ печальному концу. Но, кажется, проще и вѣрнѣе объяснить развитіе пагубной страсти въ Шаповѣ наследственной склонностью; къ этому заключенію приводитъ одинаковое несчастное расположеніе къ попойкамъ его старшаго брата. Онъ учился въ казанской академіи 1844—48 годахъ и обладалъ въ большей степени дикой, горячей и необузданной натурой, чѣмъ Аванасій Прокофьевичъ. Въ пьяномъ видѣ онъ, обыкновенно, ходилъ къ ректору Григорію объ-

ясниться, что онъ не умѣетъ управлять заведеніемъ, и вообще направленіе его отличалось отрицаніемъ, недовольствомъ и протестомъ противъ всякаго явленія общественной жизни. Товарищи боялись встрѣчаться съ нимъ, когда онъ былъ пьянъ, и его помѣстили въ городъ на квартирѣ, но все-таки за пьянство и безпокойный, грубый нравъ принуждены были уволить его передъ самымъ окончаніемъ курса.

Трезвый Шаповъ являлся всегда добрымъ и простымъ, скромнымъ и застѣнчивымъ, а пьяный никому не давалъ слова сказать и крестилъ всѣхъ дураками и невѣждами. Бурсацки-монашеское воспитаніе, невыносимое положеніе въ вѣчномъ приниженіи и тискахъ съ дѣтства заставляли искусственно обнаруживать во всей широтѣ собственное достоинство, а оно вырывалось бурно и въ уродливыхъ формахъ, когда человѣкъ былъ смѣлѣе и храбрѣе при ненормальномъ состояніи. Въ крайнемъ увлеченіи Аванасій Прокофьевичъ не могъ владѣть собой, являлся страшно капризнымъ и несноснымъ, представлялся незнакомымъ лицамъ совершеннымъ дикаремъ или азіатомъ, ошившимся бузы. Нетерпимый и вспыльчивый, онъ говорилъ съ злобой и ожесточеніемъ, билъ, рвалъ и коверкалъ окружающіе предметы, доходилъ до истеріи—и только обильныя слезы дѣйствовали на него успокоительно. Въ высшей степени нервный и чувствительный, Шаповъ постоянно плакалъ при воспоминаніи о своей горькой минувшей судьбѣ, которая изуродовала его характеръ, какъ онъ думалъ, прекрасный отъ природы; онъ всегда плакалъ навзрѣдъ, когда говорилъ о своихъ безграмотныхъ сестрахъ, обвиняя въ этомъ недостатокъ общество. Чаще всего плакалъ онъ о бѣдахъ и напастяхъ несправедливо забитаго и угнетеннаго крестьянства; страданія народа русскаго, заступникомъ котораго онъ былъ цѣлую жизнь, слишкомъ рѣзко напечатлѣлись въ его душѣ съ дѣтства, а въ зрѣлую пору совпали съ изученіемъ многочисленныхъ бѣдствій Россіи во всѣ вѣка. Дѣтскія мечты и юные идеалы носились всегда въ его воображеніи при научныхъ изслѣдованіяхъ и не отдѣлялись отъ правилъ житейскихъ; поэтому бѣдняку онъ готовъ былъ отдать послѣднюю рубашку и раздѣлить пополамъ послѣдній кусокъ хлѣба.

Конечно, тяжелая, горемычная жизнь давала ему право говорить, что онъ знаетъ народъ и быть его; но въ сущности онъ знаетъ только по книгамъ, да по воспоминаніямъ дѣтства. Любовь его къ народу отличалась свѣтлой искренностью, но въ то же время была весьма оригинальна. Разъ подъ вечеромъ онъ расположился съ знакомыми въ загородномъ саду „Швейцарія“ чай пить; мимо шла артель рабочихъ, человѣкъ 20, которую онъ остановилъ, угостилъ мамианскимъ, заставилъ пѣть пѣсни и плясать, да и самъ чуть не пошелъ въ присядку во фракъ и цилиндръ на лугу, приговаривая: „Я не лучше васъ, я и самъ изъ мужиковъ“.

Несмотря на всю горячку, на угрозы, будто народъ можетъ пе-

ревѣшать все боярство и чиновничество, Шаповъ боялся насилій, былъ самый незлобивый и безобидный человекъ, котораго считали опаснымъ либераломъ въ правительственныхъ сферахъ. Правда, случались съ нимъ горячія вспышки, когда онъ говорилъ озлобленно и ожесточенно; но все кончалось крупнымъ разговоромъ, а на дѣлѣ онъ не въ состояніи былъ задавить мухи. Этотъ идеалистъ, когда пускался въ разсужденія о дѣлахъ житейскихъ и современныхъ общественныхъ нуждахъ и обстоятельствахъ, всегда производилъ смѣхъ между практическими образованными людьми: истиннымъ его призваніемъ было блуждать въ теоретической сферѣ науки и выискивать новые пути въ области фактовъ русской старинной жизни. Сильная фантазія и тонкое чутье помогали ему иногда, на основаніи ничтожныхъ историческихъ данныхъ, добираться до разгадки сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ, въ родѣ разъясненія исторіи удѣльнаго или смутнаго времени. Онъ на разнообразіе событій смотрѣлъ просто и цѣльно.

Несмотря на плохое знаніе современной жизни высшихъ и низшихъ классовъ народа, у Аванасія Прокофьевича чаще и чаще сталъ обнаруживаться задоръ судить и ридить о дѣлахъ практическихъ, прикраивать и прилаживать къ нимъ теоретическіе и научные выводы и соображенія. „Много я могъ бы наговорить дѣльнаго, жизненнаго нашимъ деревяннымъ правителямъ, да развѣ они снизойдутъ до того, чтобы выслушать? Изумляешься недобросовѣстности, почему они не позволяютъ говорить-то свободно о дѣлѣ! Нѣтъ, наши предки въ старину сами умнѣе были и не зажимали рта умнымъ людямъ“.

Разсуждая о тяжелыхъ преслѣдованіяхъ свободнаго слова, онъ восклицалъ: „Что же дѣлать? Остается мыслить взаперти одному, бродя изъ угла въ уголъ. Но мысль подъ часъ такъ мучить, такъ напрягаетъ голову, что и самыхъ тяжелыхъ вздоховъ, а за вздохами слезъ, мало для облегченія мысленнаго давленія. Слово, свободное слово — единственный просторъ мысли. Это — ея свѣжій воздухъ!..“ Въ такіе тяжелые часы раздумья, онъ любилъ постоянно повторять стихи Шевченки:

„И день иде, и ночь иде...
И голову схопивши въ руки,
Дивуешься, чога нейде
Апостолъ правды и науки?..“

Всякая искусственная выходка или неискреннее выраженіе могли его довести чуть не до дикой вспышки; особенно не терпѣлъ онъ пышныхъ и безсодержательныхъ фразъ и журнальныхъ статей, сравнивая ихъ съ произведеніями чиновниковъ, этихъ „официальныхъ лгуновъ“, какъ онъ величалъ ихъ. Ему дорого было слѣдить за жизнью, какъ она двигалась въ исторіи въ взаимной связи безыскусственныхъ дробленій и подраздѣленій, вытекаая свободно изъ глублины народнаго создающаго духа.

Когда былъ С. И. Шиловскій еще студентомъ университета, а Шаповъ уже бакалавромъ, онъ навѣщалъ его иногда въ академіи и по старой памяти вступалъ съ нимъ въ горячіе споры. Но теперь эти запальчивыя состязанія уже совсѣмъ не имѣли смысла: Шаповъ вооруженъ былъ фактическими данными въ пользу самостоятельнаго развитія русской народности; а Степанъ Ивановичъ по-прежнему держался общихъ теоретическихъ соображеній и старался отстаивать широту европейскаго образованія. Однажды Шиловскій до такой степени разолилъ и ожесточилъ Шапова своими космополитическими словопреніями, что тотъ въ азартѣ выгналъ его въ шею изъ своей квартиры; потомъ онъ долго сожалѣлъ объ этомъ и плакалъ, что побилъ русскаго человѣка, хотя пропитаннаго западною фальшью¹⁾.

Когда Шаповъ сталъ пріобрѣтать порядочныя деньги за печатаніе статей въ журналъ и получилъ впередъ часть за изданіе книги о „Расколѣ старообрядства“ отъ Дубровина, онъ прилично одѣлся, сшилъ енотовую шубу, завелъ себѣ отличное бѣлье и чувствовалъ себя прекрасно; но вообще въ практической жизни нисколько не измѣнился и доходилъ иногда, какъ и прежде, до смѣшнаго. Разъ гулялъ онъ зимою по Воскресенской улицѣ и встрѣтилъ одну дѣвицу, которая чрезвычайно ему понравилась; сталъ онъ наводить справки, что за особа такая, и узналъ, что это — дочь губернскаго казначея и зовутъ ее Соничкой. Боже мой, что тогда случилось со Шаповымъ! Онъ началъ бредить этой Соничкой и во снѣ и наяву, рисуя ея красоту чисто русскаго склада и характера самыми возвышенными, идеальными чертами. Слово 14-лѣтній гимназистъ, онъ твердилъ о ея прелестяхъ встрѣчному и поперечному и всѣхъ увѣрялъ до упаду, что онъ ни заниматься, ни дышать безъ нея не въ состояніи; дѣло доходило до того, что солидный профессоръ сталъ нерѣдко ходить въ мечтательномъ настроеніи духа подъ окнами дома, гдѣ жила Соничка. Кто-то изъ знакомыхъ пригласилъ тогда Аванасія Прокофьевича на вечеръ съ танцами; по его соображеніямъ, тамъ непременно должна быть его русская красавица и, слѣдовательно, предстояло знакомство съ нею. Шаповъ въ восторгѣ: декламируетъ стихи приличные случаю, толкуетъ о высокомъ достоинствѣ и прелестяхъ натуры настоящей русской женщины, учится до изнеможенія силъ танцамъ у студента Калатузова, прыгаетъ отъ радости, какъ малый ребенокъ; онъ бѣжитъ въ городъ и заказываетъ у лучшаго портнаго, Банарцева, фракную пару, не договариваясь въ цѣнѣ и не имѣя въ карманѣ денегъ. И все это должно было послѣдовать въ нѣсколькочасовое время, и онъ ждалъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Чѣмъ же кончились всѣ эти хлопоты? Искусству танцовать онъ, разумѣется,

¹⁾ О С. И. Шиловскомъ см. „Латинскій кварталъ въ Парижѣ“. „Библ. для чтенія“ 1860 г. „Первый шагъ“. К. 1876 г. „Изъ воспоминаній студента“.

не выучился; за фразную пару съ него взяли около ста рублей съ разсрочкой, на вечеръ онъ не попалъ, потому что увлекся работою для журнала по соловецкимъ рукописямъ, а фразъ, ни разу ненадѣванный, повѣсилъ въ шкафъ, гдѣ съѣла его моль. Такъ быстро исчезли мечты его о Соничкѣ!..

Въ высшей степени щекотливый, застѣнчивый и неумѣвшій держать себя въ обществѣ, Шаповъ постоянно чуждался его и особенно стѣснялся въ присутствіи женщинъ. Можетъ быть, онъ не пересилилъ этого недостатка своего воспитанія и отказался познакомиться съ Соничкой. Зато замѣнилъ ее болѣе дешевымъ товаромъ, который, впрочемъ, обошелся ему въслѣдствіи черезчуръ дорого и даже остался памятенъ на всю жизнь до гробовой доски. Познакомился онъ тогда съ одной куртизанкой изъ Горшечной улицы и задался мыслью обратить ее на честный путь жизни. Стала она къ нему ходить чуть не каждый вечеръ и онъ для ея первоначальнаго просвѣщенія читалъ ей стихотворенія Кольцова съ длинными объясненіями, а за книжкой Кольцова присылалъ къ студентамъ, которые поэтому знали о приходѣ извѣстной личности и смѣялись надъ миссіонерскими затѣями молодаго ученаго.

Узнавъ, что „погибшее созданіе“ это—крестьянскаго происхожденія, Шаповъ и просвѣщать ее сталъ Кольцовымъ, какъ потомъ изъ народа и народнымъ; онъ съ жаромъ декламировалъ цѣлыя страницы стихотвореній, а крестьянка слушала его выпуча глаза.

Кончилась эта исторія печально: студенческая книжка Кольцова, взятая дѣвицей аки-бы для чтенія, исчезла въ Горшечной; а просвѣтитель и насадитель нравственности получилъ страшную болѣзнь, отъ которой, при своей безалаберной жизни, не могъ окончательно вылечиться.

Н. Аристовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

„ЛИХОЛѢТЬЕ“.

(Смутное время).

Историческій романъ.

Часть II.

X.

„Szemuż niestety nad memi oczyma
Bezsenność cieży—nocy niespożyte
We dnie i w nocy wypoczynku niema
Ciało znęcane i serce rozbite.
Toć nie jest febra ni insze niezdrowie,
Toć eie nie dzieje, ni skwarem, ni chłodem,
Cierpienie moje miłością się zowie.
Tyś krasawico mych cierpień powodem.
O tobie mówię ujęty tęsknotą,
O tobie marzę, dla ciebie to znoszę'
Lecz przebacz, przebacz, zaklinam cię oto
Przez łuk Kupidów, przez serca rokosze,
Zżał się nademną, i osłodź gorycze“...

„Уви! зачѣмъ бессонница тяготитъ мои очи?
Безконечныя ночи! ни днемъ, ни ночью нѣтъ
миѣ отдохновенія, тѣло утомлено и сердце
разбито. Это не лихорадка, и не другая бо-
лезнь; это не есть слѣдствіе жара или хо-
лода: страданія мои называются любовію.
Ты, красавица, вина моихъ страданій. Про-
нижнутый грустью, о тебѣ говорю я, о тебѣ
мечтаю, для тебя все спому! Но прости,
прости, я заклинаю тебя лукомъ купидона,
отрадою сердца: сжался надо мною и усла-
ди мои горести“...

(Эротическая латинская элегія Яна
Кохановскаго, переведенная по-поль-
ски В. Спрокомлей).

ОЛОДОИ панъ Пржемиславъ Дворжицкій очутился на-
чальникомъ польскаго отряда, пришедшаго подъ Курскъ,
несовсѣмъ по своей охотѣ. Такъ сложились обстоятель-
ства, въ числѣ которыхъ важнымъ двигателемъ оказалась

отвергнутая любовь.

Панъ Пржемыславъ, „dworzanin polski“, въ своей блестящей, выдающейся личности, богато надѣленной дарами природы, соединялъ красивую внѣшность съ рѣдкою душевною красотою. Онъ почти олицетворялъ идеаль польскаго дворянина, каковымъ его представляетъ себѣ Лукашъ Горницкій, авторъ „Дѣяній королевства Польскаго“. По идеалу Лукаша, польскій дворянинъ долженъ быть и красавецъ, и краснорѣчивъ, и уменъ, и образованъ. Все это было въ Дворжицеомъ. Изъ виленскаго университета, основаннаго Баторіемъ, онъ вынесъ основательное, по своему времени, научное образование и стремленіе къ истинѣ. Но онъ не забывалъ, что его старинный родъ *Supradw* значится въ „гербахъ польскаго рыцарства“; что предки его засѣдали на судейскихъ мѣстахъ съ титуломъ графа (*comes*), водили на враговъ Польши войско, какъ напольные гетманы. По рыцарскимъ преданіямъ сословія, къ которому принадлежалъ, по своему пылкому характеру, онъ не допускалъ мысли и возможности быть чѣмъ либо, инымъ, чѣмъ былъ; военное званіе онъ считалъ единственно благороднымъ и достойнымъ себя званіемъ. Онъ съ дѣтства мечталъ о подвигахъ.

Сердечная привязанность молодого дворянина къ русской красавицѣ княжнѣ Буйнсовой-Ростовской перешла въ страсть. Она питалась и усиливалась препятствіями, преграждавшими Дворжицеому путь къ достиженію того, что казалось ему счастьемъ. Это счастье, убѣдився онъ съ отчаяніемъ, для него недостижимо. Судьба и люди отнимаютъ у него княжну Марію для того, чтобы возвести ее на высоту земнаго величія. Она станетъ скоро русской царицей; онъ останется тѣмъ же польскимъ дворяниномъ. Дворжицкій былъ слышкомъ уменъ и самолюбивъ, чтобы не понять ложность своего положенія и не тяготиться имъ. Тоскуя, онъ рѣшился бѣжать изъ Москвы, напоминая ему счастливые дни, когда онъ могъ любоваться гордой красавицей и быть возлѣ нея. Нѣтъ большаго горя, какъ вспоминать невозвратимое счастье. Это высказалъ глубокій знатокъ человѣческаго сердца—всеобъемлющій Данте.

Дворжицкій, вернувшись на родину, засталъ ее въ волненіи. Политика короля Сигизмунда, болѣе въ интересахъ нѣмецкихъ и шведскихъ, чѣмъ въ интересахъ польскихъ, возбуждала открытое неудовольствіе магнатовъ и шляхты. Поляки дорожили своею свободою, а король домогался *absolutum dominium*, въ началахъ котораго онъ воспитывался, а теперь поддерживался внушеніями іезуитовъ. Свободѣ совѣсти, огражденной конституціей, грозила нетерпимость короля ко всякому вѣроученію, кромѣ католическаго, которому онъ былъ фанатически преданъ. Гордые паны роптали на пристрастіе короля къ препровожденію времени, недостойному преемника суроваго и воинственнаго Стефана Баторія. При сравненіи съ этимъ героемъ, ничтожными въ глазахъ пановъ казались характеръ и личность Сигизмунда. Его нѣмецкіе вкусы и желаніе казаться нѣмцемъ такъ не

соотвѣтствовали природному отвращенію славяно-польскаго характера къ чуждому ему по всему нѣмецкому характеру. Въ провинціяхъ ходили и распространялись „анекдоты“ о томъ, какъ король ежедневно молится въ дворцовой капеллѣ, проводитъ часы за игрой на клавикордахъ, или слушая придворный оркестръ; играетъ въ мячъ, вышиваетъ золотомъ завѣсу для Мадонны; запирается вдвоемъ съ Николаемъ Вольскимъ, старостою Краженицкимъ, въ своей дворцовой лабораторіи, гдѣ изводитъ драгоцѣнные металлы въ пустыхъ алхимическихкихъ опытахъ. Онъ сталъ извѣстенъ подъ названіемъ „króla do-jutka“—„откладчика до завтра“, такъ какъ вѣчно сомнѣвался, колебался и свое рѣшеніе откладывалъ до завтра. Въ то же время жаловались на жестокость и деспотизмъ короля-ханжи, на его скупость и придирчивость въ мелочахъ. Короннаго подкоморія Андрея Боболю называли въ насмѣшку „настоящимъ королемъ“ на томъ основаніи, что король безъ его совѣта ничего не дѣлалъ, какъ и Боболя въ свою очередь совѣтовалъ королю свѣдома и одобренія іезуитовъ, дѣйствовавшихъ ко вреду Рѣчи Посполитой и къ своей пользѣ. Гетманы Ходкевичъ и Жолкѣвскій только что разбили въ битвѣ, у мѣстечка Гузова, рошанъ, шедшихъ на Варшаву, подъ предводительствомъ Зебржидовскаго, Радзивилла и Гербурта, чтобъ исполнить приговоръ рокоша о низложеніи короля. Страсти дворянскихъ партій были возбуждены. Московскія дѣла еще болѣе обострили отношенія своевольныхъ магнатовъ и дворянъ къ королю и его политикѣ. Управясь съ „рокошемъ“, грозившимъ ему низверженіемъ съ престола, Сигизмундъ рѣшился вмѣшаться въ дѣла сосѣдняго московскаго государства, потрясеннаго внутренней смутой. Польшѣ представлялась возможность возвратить себѣ области, отобранныя у нея Москвою. Польскій король, какъ потомокъ Ягелло, сына русской княжны, не прочь былъ предъявить свои права на московскій престолъ. Случай для этого казался королю подходящимъ тѣмъ болѣе, что Шуйскій заключилъ вѣчный союзъ съ Карломъ IX-мъ шведскимъ, заклятымъ врагомъ Сигизмунда и католической Польши. Достоверныя слухи изъ Москвы обѣщали королю содѣйствіе бояръ, готовыхъ будто бы низложить Шуйскаго и признать московскимъ государемъ королевича Владислава; обстоятельства какъ бы сами вызвали Сигизмунда выйти изъ своей выжидающей нерѣшительности, обнаружить свои истинныя отношенія къ Шуйскому и Москвѣ. Подъ видомъ возвращенія Польшѣ Смоленска, Сигизмундъ мечталъ о присоединеніи къ Польшѣ всего московскаго государства, государемъ котораго могъ быть, по его мнѣнію, онъ, но не сынъ его Владиславъ. Какъ московскій государь, онъ тверже и самостоятельнѣе королевствовалъ бы въ Польшѣ, гдѣ королевскій престолъ избирательный, ограниченный не только конституціею, но и мятежнымъ духомъ магнатовъ. Конституція обязывала Сигизмунда заботиться не о своихъ династическихкихъ интересахъ, а о томъ, что выгодно и что невыгодно было королевству—республикѣ. Этими соображеніями слѣдуетъ

объяснить торжественное обѣщаніе Сигизмунда сенаторамъ, а потомъ на люблинскомъ сеймѣ—заботиться только о выгодахъ Польши и Литвы, приобретать войною земли не для себя, а для республики. Отсюда становится понятнымъ, почему Сигизмундъ не отпустилъ сына своего Владислава на царство въ Москву тогда, когда она ему присягнула и его ждала. Опытный гетманъ Жолкѣвскій совѣтовалъ идти съ войскомъ въ Сѣверщину, рассчитывая на шаткость населенія, а главное на то, что города плохо укрѣплены. Сигизмундъ рѣшилъ осадить Смоленскъ, увѣряя русскихъ, что придетъ посадить на московское государство королевича Владислава. „Кому Москва присягнула, тому и мы служимъ“, отвѣтилъ воевода Шейнъ на предложеніе сдать Смоленскъ, и рѣшилъ оборонять отъ поляковъ неприступную крѣпость. Смольняне знали отъ своихъ „сходниковъ“, то есть литовскихъ людей, сходявшихся съ русскими лазутчиками въ условныхъ мѣстахъ за рублиемъ, что король для себя, не для королевича, воветь московское государство.

Рѣшившись осадить Смоленскъ, Сигизмундъ номнилъ совѣтъ Жолкѣвскаго. Но королевское войско оказалось малочисленнымъ, посполитое рушенье собиралось неохотно, медленно; послать въ Сѣверщину отбирать города на имя королевича было некогда. Въ такую нужную минуту монсиньоръ Брамантини предложилъ свои услуги. Онъ вызвался на римское золото нанять сильный отрядъ вольныхъ пановъ. Но, не имѣя основанія довѣрять имъ, какъ королевскимъ военачальникамъ, просилъ короля назначить благороднаго пана съ хоругвами, которому поручилъ бы весь отрядъ и который дѣйствовалъ бы въ Сѣверщинѣ именемъ короля. Сигизмундъ съ благодарностью принялъ предложеніе услужливаго монсиньора и нанятыхъ имъ вольныхъ пановъ—Неборскаго и Лисовскаго съ ихъ полками, призналъ негласно состоящими на королевской службѣ, подчинивъ ихъ начальству своего молодого региментаря, Пржемислава Дворжицкаго, который, такимъ образомъ, привелъ подъ Курскъ гусарскій панцирный полкъ. Нечего говорить, какъ не по душѣ было Дворжицкому товарищество такого пьяницы, какъ Неборскій, и такого негодяя, какъ Лисовскій. Съ своей стороны, они относились къ нему съ нескрываемымъ презрѣніемъ, какъ къ „молокососу“, какъ къ „высочкѣ“, называя его „бабимъ региментаремъ“. Подчиненіе старыхъ доудцъ юному начальнику на дѣлѣ оказывалось болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Впрочемъ, сколько могъ Дворжицкій сдерживалъ жестокосердіе и неистовства пятигорцевъ съ лисовчиками. Ихъ замѣтно стѣсняло присутствіе панцирныхъ гусаръ и пѣхоты, отличавшихся духомъ военной дисциплины и лучшими преданіями постоянного королевскаго войска, строго охраняемыми Дворжицкимъ.

Неудача подъ Курскомъ принудила польскій отрядъ отойти въ пригородныя слободы и сосредоточиться. Курскъ нуженъ былъ королю, какъ надежный оплотъ, чтобы дѣйствовать изъ него на без-

покойное степное населеніе и на воинственный Донъ. Пославъ Косолапа захватить стараго боярина Ферापонтова, Дворжицкій разсчитывалъ, что захватить „голову и душу“ курскаго края. Онъ зналъ, что народная масса, руководимая своими инстинктами, тяготѣла къ боярину, къ своему излюбленному земскому человѣку. Только его крупное слово способно было, при безвластїи въ этой отдаленной области, направлять дѣло народной самозащиты и собирать вокругъ себя народную силу. Въ расчетѣ своемъ захватить боярина, Дворжицкій тоже ошибся, какъ мы видѣли. Нынѣшній день онъ не могъ не задуматься. Въ теплой избѣ, брошенной хозяевами, спрятавшимися съ своимъ „добромъ“ въ лѣсной деревушкѣ, одинъ, предоставленный своимъ грустнымъ думамъ, онъ почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ.

Свѣтлое, невозвратимое счастье! Оно глядитъ на него своими лучистыми, капризными глазами; оно зоветъ его за собою въ свою чудную даль; оно убаюкиваетъ его и раздражаетъ, радуетъ и печалитъ. Съ живымъ трепетомъ, полнымъ душевной тоски, душа вызываетъ изъ своего милаго, ярко промелькнувшаго прошлаго, прекрасный женскій образъ. Статная, гордая русская красавица шепчетъ Дворжицкому: „прощай навѣки, панъ!“ и бѣжитъ отъ него. Вспомнилась ему послѣдняя встрѣча на монастырскомъ дворѣ — и замерло сердце. Ея волненіе, ея слезы, которыя она поспѣшила унести съ собою, говорили ему то, чего онъ такъ страстно желалъ, чего не высказала она ему словами. Эти слезы счастливили его въ несчастїи, утверждали его въ мысли, что она любитъ его... Но можетъ ли это быть?..

Долго просидѣлъ Дворжицкій, упавъ головой на руку, лежавшую на столѣ. Сознаніе, что онъ потерялъ дѣвушку ему дорогою, съ которою у него связывалось столько свѣтлыхъ надеждъ, столько свѣтлыхъ дней — обезсиливало его. Въ такія минуты душевнаго отчаянїя онъ унывалъ, терялся, несмотря на силу воли, которою гордился. Оскорбленный въ самомъ святомъ и нѣжномъ чувствѣ, онъ готовъ былъ усомниться во всемъ, что только понималъ и видѣлъ. Сомнѣніе, овладѣвшее имъ, вызвало большее страданіе... Жизнь не улыбалась ему больше. Порвалась нѣжная струна его благороднаго, любящаго сердца и издавала унылый, похоронный звукъ, невыносимый для него самого. Это былъ уже не тотъ веселый, увлекающійся и за собою увлекающій юноша, который еще такъ недавно мечталъ о своемъ будущемъ съ тою неоглядывающейся увѣренностью, съ тѣми упорными, золотыми надеждами и неудержимыми порывами, какіе возможны только въ юношѣ, не помятомъ жизнью и не обманутомъ ею.

Вошелъ Лисовскій и, по своему обычаю, не снимая съ головы бараньей шапки, съ плетью черезъ плечо, гремя волочившеюся саблей, чуть кивнулъ своему молодому начальнику и сѣлъ на лавку, не ожидая приглашенїя. На его наглому смуглому лицѣ, какъ всегда, самонадѣянномъ и веселомъ, не замѣчалось того смущенїя, что такъ по-

нятно въ военачальникѣ, только что обращенномъ въ бѣгство. Равнодушіе этого негодяя къ своему поражению раздосадовало Дворжицкаго не менѣе его непрощеннаго появленія.

— Чортъ бы побралъ этихъ курскихъ севрюжковъ! развязно началъ ротмистръ.—Отработали насъ на оба бока! Надо намъ уходить...

— Безопасны ли мы здѣсь, въ слободахъ? тревожно спросилъ Дворжицкій.—Какъ ночь эта?..

— Что мы съ тобой, панъ Пржемыславъ, встанемъ завтра живы и свободны, такими же какъ ляжемъ, въ этомъ я ручаюсь, спокойно сказалъ Лисовскій.—Москали уходились не хуже насъ... ночь я не отойду отъ караульной цѣпи... Но завтра...

— Что завтра?

— Кто его знаетъ... На удачу не рассчитываю... Неборскій словно съ собой на тотъ свѣтъ понесъ нашу удачу... безъ него совсѣмъ не тѣ патигорцы. Ну, да полно о мертвыхъ! Мы еще живы и потолкуемъ лучше о томъ, что пріятно... Мнѣ попалась красота, какой не часто встрѣтишь: молодая монахиня...

— Монахиня! воскликнулъ Дворжицкій, невольно отступая отъ Лисовскаго и глядя на него съ выраженіемъ, нисколько для него не лестнымъ.—Ужъ не изъ монастыря ли прямо выхватилъ ты ее, безсовѣстный ротмистръ?

— Конечно, прямо изъ монастыря, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, не оскорбляясь названіемъ „безсовѣстнаго“, подтвердилъ Лисовскій.—Было бы безчеловѣчно съ моей стороны не освободить такую прелесть и молодость изъ неволи, налагаемой ханжествомъ и глупостью на женскую природу. Я поступилъ по-рыцарски.

Дворжицкій едва сдерживалъ свое негодованіе и презрительно усмѣхнулся. Онъ уже слышалъ о томъ, что Лисовскій ограбилъ монахинь и одну изъ нихъ захватилъ; теперь отъ него самого Дворжицкій слышитъ, что онъ поступилъ по-рыцарски.

— Я поклонникъ золота, но не Венеры, скромно продолжалъ Лисовскій,—и если взялъ съ собой красавицу, еще никогда не виданную подъ чернымъ покрываломъ, то вовсе не для себя. Какъ добрый товарищъ, я позаботился о тебѣ, панъ Пржемыславъ. Молодая красавица—я увѣренъ—разсѣетъ твои мрачныя думы, развеселитъ тебя... Если бы не ночная тревога, она была бы у тебя въ свое время. Она—твоя.

— Благодарю, сухо сказалъ Дворжицкій,—принимаю твой подарокъ, ротмистръ, какъ доказательство твоего вниманія ко мнѣ и твоей подлости, въ которой я ни на минуту не сомнѣвался съ тѣхъ поръ, какъ тебя узналъ.

— Мнѣ остается поблагодарить тебя за такое лестное обо мнѣ мнѣніе, панъ Пржемыславъ, грубо смѣясь, замѣтилъ Лисовскій.—Я убѣдился, что подлецами называютъ только умныхъ людей, къ числу которыхъ охотно причисляю и себя. Подлость, по мнѣнію просто-

душныхъ людей, все то, чего они сами не могутъ или не смѣютъ сдѣлать. Во всякомъ случаѣ, прекрасная монахиня въ твоёмъ полномъ распоряженіи...

— Ты сейчасъ услышишь, ротмистръ, мое распоряженіе.. панъ хорунжій! возвысивъ голосъ сказалъ Дворжицкій отворяя дверь въ сѣни и обращаясь къ дежурному офицеру.—Возьми у ротмистра Лисовскаго русскую монахиню и объяви ей моимъ именемъ, что она свободна; проводи ее самъ до курской крѣпости, сдай ее русскимъ, и вернись ко мнѣ съ докладомъ объ исполненіи моего приказанія. Ступай!

Хорунжій поспѣшилъ исполнить приказаніе своего молодаго региментаря.

— По чести, не въ коня кормъ! насмѣшливо замѣтилъ Лисовскій.—Ты, панъ Пржемиславъ, напоминаешь мнѣ маменькиныхъ сынковъ, которые на вербное воскресенье покушаютъ красивыхъ птичекъ, чтобы ихъ выпустить.

— А ты, панъ ротмистръ, напоминаешь мнѣ того разбойника, котораго король польскій и Рѣчь Посполитая присудили къ висѣльцѣ! не сдерживая себя болѣе и разгорячася, сказалъ Дворжицкій.—Поворъ кладешь ты на славную польскую націю, именуясь полякомъ! Безчестия саблю воина, которую носишь! Ужасъ тебѣ предшествуетъ и проклятія тебя провожаютъ!.. Нѣтъ! Я не могу, не падая въ своемъ собственномъ мнѣніи, не унижая своего достоинства во мнѣніи всѣхъ честныхъ людей королевства, служить дѣлу моего короля съ такимъ товарищемъ, какъ ты, панъ Лисовскій!.. Это сверхъ моихъ силъ! Мы должны разойтись!..

— Вепе, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, явно потѣшаясь надъ всплывшимъ Дворжицкимъ, продолжалъ Лисовскій.—Ты только предупредилъ меня, панъ региментарь, только ускорилъ развязку. Янъ Сапѣга ждетъ меня, обѣщая мнѣ выгоды, которыхъ мнѣ и во сѣи не видать на службѣ твоего одураченнаго іезуитами короля. Ровно три дня и три ночи осталось дослужить мнѣ съ моими лисовчизами за полученное мною королевское золото. На четвертый день я опять вольный ротмистръ и пойду, куда знаю и куда хочу. А пока до свиданья, панъ Пржемиславъ!

Лисовскій всталъ съ лавки и посмѣиваясь вышелъ изъ избы. Дворжицкій проводилъ его презрительнымъ взглядомъ.

Освобожденная великодушіемъ молодаго начальника, сестра Нимфодора возвратилась въ свой монастырь, гдѣ ее встрѣтили самыя искреннія изъявленія радости. Начиная съ игуменьи и кончая привратницей, всѣ горько оплакивали злую судьбу „прекрасы-Нимфы, благочестивой сестрицы, крива обительскаго“; самыя теплыя молитвы возносились за нее въ церкви и кельяхъ; старецъ-священникъ наложилъ на обительскихъ черницъ трехдневный постъ, въ видѣ эпитиміи, вопли раздѣляя взглядъ игуменьи Сандулеи, утверждавшей, что

Господь наслалъ бѣдствіе на святую обитель и казнилъ ихъ, черничевъ, за ихъ прегрѣшенія вольныя и невольныя. Была отправлена „соборно“ служба преподобному отцу Сергію игумену, радонежскому чудотворцу.

Словно вернувшуюся съ того свѣта встрѣтили Нимфодору черницы: аханьямъ, оханьямъ, вопросамъ, слезамъ, лобызаніямъ—не было конца.

Горе ждало бѣдную сестру Нимфодору и въ этотъ радостный для нея часъ. Приложась въ церкви къ иконамъ, она вспомнила сестру Улиту, оставленную ею въ безпамятствѣ. Улита лежала на Нимфодориной постели при послѣднемъ издыханіи. Мертвенная блѣдность ея истомленного, всегда грустнаго, лица, черные зубы и совсѣмъ потухшій взглядъ, прежде такой сердечный, привѣтливый для „милрой сестрицы Нимфушки“—испугалъ возвратившуюся сестру. Она только вскрикнула, съ болью въ сердцѣ: „Улита!“ и рыданія, ею сдерживаемыя, стѣснили ей грудь и она припала къ умирающей.

Ударилъ на колокольнѣ печальный колоколь, оповѣщающій обитель объ отошедшей къ Богу душѣ черницы. Протяжный, жалобный звонъ маленькихъ колоколовъ въ перемежку съ большими, заканчивающійся басистымъ и долго дрожащимъ въ воздухѣ мѣднымъ звукомъ, словно плачь бралъ за сердце. Тихо и молча, какъ бы боясь нарушить мрачное величіе смерти, одна за другой входили расофорныя старицы и сестры, крестились, клали передъ покойницей земные поклоны, давали „послѣднее лобызаніе“ и также тихо, молча, не слышно, съ глазами строго опущенными въ полъ, уходили, набожно перебирая четки и шепча молитвы.

А сестра Нимфодора читаетъ псалтирь, эту еврейскую книгу хвалений, при свѣтѣ церковнаго свѣщника. Краснымъ огнемъ горитъ толстая восковая свѣча и страшнымъ смысломъ звучать въ ухахъ чтяца слова Давидова псалма: „Подвигнись, пробудись для суда моего, для тяжбы моея, Боже мой и Господи мой! Суди меня по правдѣ твоей, Господи Боже мой, и да не торжествуютъ они надмною“. Тяжело молодой черницѣ убѣждаться, что этотъ смертный лаяъ, эта „предавшаяся тѣни“ и „сопругшаяся смерти“ женщина — ея милая и ей близкая по своимъ земнымъ несчастіямъ сестра о Христѣ Улита! Въ этой покойницѣ Нимфодора хоронила единственную женскую душу, которая понимала и любила ее такъ, какъ Нимфодорѣ хотѣлось; померкалъ свѣтъ въ плачущихъ глазахъ ея и монастырь отталкивалъ ее теперь отъ себя своимъ могильнымъ холодомъ и бездушнымъ равнодушіемъ во всему живому и любящему. Задумавшись надъ покойницей, она вспомнила посланіе св. апостола Павла къ солунянамъ: „Не хочу оставить васъ, братія, въ невѣдѣніи объ умершихъ, дабы вы не печалились. Ибо если мы вѣруемъ, что Иисусъ умеръ и воскресъ, то и умершихъ во Иисусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ. Ибо сіе говоримъ вамъ словомъ Господнимъ... Потому что самъ Господь при возвѣщеніи, при гласѣ архангела и трубы

Божией, сойдетъ съ неба и мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде. Потомъ мы, оставшіеся въ живыхъ, вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ на облакахъ, въ срѣтеніе Господу и такимъ образомъ всегда съ Господомъ будемъ“.

Высокая религіозная поэзія этихъ вѣщихъ апостольскихъ обѣщаній никогда не трогала такъ Нимфодору, никогда не утѣшала ее такъ, какъ именно теперь надъ покойницей Улитой.

„Полиелейный“ колоколъ уныло огласилъ тихую женскую обитель и замеръ въ зимнемъ ночномъ воздухѣ. Обитель погрузилась въ сонъ. Нимфодора, обловотаясь на аналой, продолжала читать псалтирь. Вдругъ вошла одна изъ черницъ и позвала ее къ игуменѣ, объявивъ, что пріѣхалъ стреманной боярина Фералпонтава, Ера. Чуткое дочернее сердце Нимфодоры сжалось какимъ-то тягостнымъ предчувствіемъ. Она поспѣшила къ игуменѣ.

— Бояринъ мой, а твой родитель, Иона Агѣичъ, поклонъ тебѣ шлетъ свой родительскій, честная сестрица, съ своею всегдашнею развязностью обратился къ Нимфодорѣ вѣрный слуга, бывший конечно на-веселѣ.

— Что жъ это ты, Иваша? воскликнула сестра Нимфодора. — Благополученъ ли родитель мой, бояринъ?

— По нынѣшнему времени кое тебѣ благополучіе? иносказательно продолжалъ Ера, явно обходя неприятную вѣсть, съ которою пришелъ. — Какъ живъ нынче человекъ—вотъ и благополученъ.

— Живъ ли мой отецъ? вскричала Нимфодора, внѣ себя отъ охватившаго ее страха. — Сказывай же, Иваша: живъ ли?

— Живъ, честная сестрица, благодаря Бога. Ну, только теперь не въ своемъ боярскомъ дѣтинцѣ... потому, слыхала ты, мы къ Курску пришли: литву потренили маленько...

— Гдѣ жъ мой отецъ? говори скорѣе, не мучь меня: гдѣ онъ? что съ нимъ?.. Ради Бога!..

— Въ овинѣ спрятался, въ полѣ. Другія сутки не ѣвши, не пивши... Насилу къ вамъ въ монастырь пробрался... Усторожливъ, какъ псы, лисовчики. На што, кажись воровать, Ивашка, а черезъ великую хитрость пробрался.

— Что съ нимъ случилось? что такое? старая нетерпѣливѣе допытывалась сестра Нимфодора, у которой ноги подкосились и принудили ее сѣсть. — Говори же: что такое?

— Пустое дѣло, сестрица, не пугайся! по-своему безопасно поспѣиваясь, успокоивалъ ее Ера. — Скакали мы за лисовчиками въ розсыпъ, бояринъ всѣхъ выпередилъ: конь-то подъ нимъ—что съоелъ, то верста! кусты... Наѣхалъ я на него, глядь: лежитъ сердечный; коня слѣдъ простылъ, ушолъ; „ногу, говорить, помялъ“, стоять не могу. Подумалъ я: на сѣдло его возьму? какъ вдвоемъ воевать на одномъ сѣдлѣ? А лисовчики, того гляди, вернутся! Садись—говорю—бояринъ на моего коня. — Не могу, упаду. — Что дѣлать? Своихъ ни-

кого. Вѣстимо, старъ-человѣкъ, тяжелый. На силушку я его, на закорвакъ, на себѣ до овина доперъ: въ овинѣ спряталъ, мѣсто глухое: значить, гумно помѣщичье, аль однодворческое; жилья нѣтъ, тронуться пока изъ овина ему нельзя, лисовчики рыскають кругомъ. Побѣждалъ было я къ своимъ сотнямъ казачьимъ, думалъ многолюдствомъ боярина изъ овина взять; такъ куда тебѣ! До ямской слободы не доѣхалъ — лисовчики. Спасибо, удралъ! А наши къ Муравьевѣ отошли, тамъ стоять. А кузьмодемьяновцы съ попомъ къ себѣ въ теплый станъ тогда жъ ушли... Вотъ и думай тутъ... За харчевымъ я прибѣгъ къ тебѣ, сестрица. Снести старичку твоему надо. Не голодомъ же ему помирать въ овинѣ. Накормлю его, а тамъ — авось проберусь къ своимъ и боярина изъ бѣды выручу, коли Богъ поможетъ. Ты не кручинься.

Сестра Нимфодора въ сильномъ волненіи глядѣла то на охавшую мать-игуменью, то на неунывающаго Еру, и спросила его:

— Когда жъ ты понесешь, Иваша, харчевое?

— Нести ночью надо, сейчасъ, сестрица: днемъ нельзя, сказалъ Ера.—Днемъ какъ можно!

— Я сама къ отцу пойду! рѣшила Нимфодора.

— Дѣло твое, сестрица, разсудительно замѣтилъ Ера.—Только не опасно бы? не ровенъ часъ: отцу не пособишь, и самое, пожалуй, обидать, не женское это дѣло...

— Бабы, вѣстимо, на что годны? куриный народъ, охая на горячей лежанкѣ отъ поясницы, замѣтила мать-игуменья.—Наше богомольное дѣло. Завтра соборне помолимся о здравіи и о спасеніи боярина, родителя твоего. А иди тебѣ, сестрица Нимфушка, по такой страсти, не зачѣмъ. Не ходи, дитячко милое.

— Гляну на тебя, честна мать-игуменья, не плохое твое житье! весело замѣтилъ словоохотливый Ера.—Слухомъ земля полнится.—Хозяйственная ты старушка. Сказываютъ, наливка-де у тебя стояла, отиѣнная, не годъ годуешь...

Мать игуменья невольно улыбнулась при такомъ понятномъ намекѣ и кивнула головой вопросительно глянувшей на нее старицѣ Иллариі. Старая боярышнина няня хорошо знала, къ чему подговаривается весельчакъ, гулящій человѣкъ, а потому не замедлила вынести бутылку наливки и стаканъ.

— Что это ты, тетенька, словно бы съ тѣла спала? участливо замѣтилъ Ера своей старой пріятельницѣ и всегдашней своей заступницѣ передъ бояриномъ, подносившей ему теперь, съ смиреннымъ видомъ черницы, полный стаканъ.—Аль это тебѣ не въ боярскихъ хоромахъ? Будьте здравы себѣ, тетенька! за игуменьины ноги—чтобъ прыгали, не болѣли!

Ера лихо опорожнилъ стаканъ и подставилъ его подъ бутылку съ молчаливымъ, но вполне понятнымъ требованьемъ снова его наполнить.

— Ты, гляжу, по старому гуляка, Иваша? смѣясь очень къ нему расположено, заамѣтила ему толстая сестра Илларія, которой Ера живо напоминалъ ея былую, благополучную жизнь въ почетномъ званіи боярышниной мамы. И она исполнила молчаливое требованіе своего любимца съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнія о невозвратномъ прошломъ.

— Благодарю моего Создателя, тетенька, подносить добрые люди! скромно сказала Ера, съ поклономъ учтиваго пьяницы осушая другой стаканъ.—Кабы не эта водка, тетенька, со свѣта Ивашку сжили бы давно. А то пока не поддаешься—боярину своему служишь.

— Гусларь ты тотъ же, уже веселымъ тономъ боярышниной мамы, забывшей, что она черница, заговорила старица Илларія, но сейчасъ же спохватилась и, поклонясь матери-игуменьѣ, ушла къ себѣ съ бутылкой и стаканомъ въ приспѣшную.

— Вотъ, мать-игуменья, развязно обратился къ ней Ера,—сказываютъ старики: виданное ли дѣло, чтобъ у бабы дворъ покрыть, огорожень стоялъ? Агъ у тебя, мать, бабье-то хозяйство не хуже должно мужичьяго... Дивоваться только!.. А ужъ наливка! только бы пьяницѣ пить!.. Богъ меня убей.

XI.

Что буде на разумѣ не весело:
 Либо батюшко мой померъ есть,
 Либо матушка моя померла;
 Нѣтъ ли у тебя гусельщиковъ,
 Поиграть во гусельшки яровчаты“.

(Былина о Ставрѣ Годиновицѣ).

Разсказъ вѣрнаго стремяннаго Еры о несчастіи, постигшемъ его стараго боярина, и о томъ, что онъ голодомъ сидитъ въ овины и мерзнуть—помутилъ голову доброй дочери, молодой черницы. И безъ того она покоя себѣ не имѣла эти дни, а тутъ вотъ какое горе!

Ее ужасно безноконли вопросы: живъ ли бѣдный отецъ? что съ нимъ? не замеръ ли въ овины? не взяли ли его поляки? Задаваясь этими вопросами, она мучилась, что не можетъ на нихъ отвѣтить себѣ. Но и подъ гнетомъ ужасной дѣйствительности, подъ непосильнымъ бременемъ жизни чловѣкъ все-таки надѣется. Надѣялась и бѣдная сестра Нимфодора; добрая дочь надѣялась спасти своего отца. Къ нему проведетъ ее Ера... А какъ ей страшно идти!—слишкомъ еще живы въ ней впечатлѣнія, оставленныя плѣномъ у Лисовскаго. Вспомнить это позорное, насильственное пребываніе у польскаго ротмистра она не могла безъ содраганія. Ужели опять попадетъ она

къ нимъ въ руки? помыслить—и то жутко. О, лучше смерть! Она возьметъ съ собой острый ножъ и заколетъ себя, но не отдастся имъ живою.

За нѣжнымъ голосомъ дочерней любви стихла въ молодой черницѣ грусть по покойницѣ Улитѣ настолько, что дала ей силы собраться въ путь. Сознаніе опаснаго положенія стараго отца утверждало ее въ ея дочернемъ долгѣ. Она трепетала, обдумывая опасность своего намѣренія, но не колебалась ни минуты. „Развѣ не библейская женщина Гудифъ спасла свой родной городъ Ветилу?“ спрашивала себя черница, чистая душой и помыслами. — А я отца иду спасти, помочь ему. Женская слабость и человѣческое пристрастіе къ жизни не всегда совмѣстны съ христіанскими обязанностями. Для жизни я умерла, нечего же бояться мнѣ смерти!

Одѣтая въ мамкину нагольную шубу, въ валяныхъ сапогахъ, повязанная по самыя глаза чернымъ платкомъ, съ палкой въ одной рукѣ и узелкомъ съ съѣстнымъ въ другой, сестра Нимфодора подошла подъ благословеніе матери игуменьи. Старица Иларія проводила свою сестру, бывшую боярышню, за ворота, сунувъ Ерѣ, по старой пріязни, недопитую имъ бутылку вишневки.

— Вотъ такъ тетенька! похвалилъ ее благодарный Ера, сунувъ милую бутылочку себѣ за пазуху. Долго простояла прослезившаяся старица у воротной калитки, крестя въ слѣдъ ушедшей Нимфодорѣ.

— Сабля не взялъ, сестрица, счелъ нужнымъ замѣтить Ера черницѣ,—не доведи Богъ поймаютъ лисовчики, мужикомъ сиволапомъ скажусь, потому мужика по зубамъ нарывать, а нашего брата, ратнаго человѣка, вѣшаютъ, черти! Ну и ты, сестрица, одѣлась не хуже бабы, признать тебя трудно...

Ера торопливо повелъ свою спутницу за посадъ и перешелъ ливенскую дорогу, дальше спускавшуюся къ Яиской горѣ. Скоро они попали на межу—лѣтній проселокъ. Онъ обозначался подъ снѣгомъ печальнымъ и безконечнымъ рядомъ полыньевъ, уходящихъ изъ глазъ въ печальную сѣрую мглу зимней ночи. Порошившій снѣжокъ пересталъ кружиться. Свыкаясь съ невѣрнымъ ночнымъ отблескомъ на снѣгу, Нимфодора могла распознать какъ бы темную полосу, легшую на горизонтѣ. Холодный воздухъ и непривычная скорая ходьба укрѣпляли ее силы и рѣшимость. Едва поспѣвая за Ерой по глубокому въ лощинахъ снѣгу, она съ безпокойствомъ оглядывалась, не гонятся ли за ними? Нѣтъ ли какой встрѣчи? Привычный во всякомъ походеженіи, Ера основательно замѣчалъ: полявамъ-де тутъ быть невачѣмъ.

Глухой шумъ зимняго вѣтра въ кустахъ, печальная мглистая даль, куда они шли, невольно смущали черницу тревожнымъ предчувствіемъ. Слѣдовъ признака не было, шли цѣликомъ. Мерещилось ей не вѣсть что:

— Не сбился ли ты, Иваша? спросила она Еру.

— Куда надо идемъ, сестрица, самоувѣренно сказалъ проводникъ.— Въ надеждѣ будь. Не впервой! Влизехонько теперя! ободрительно прибавилъ онъ, указывая на слабый красноватый отблескъ, обозначившій подымавшійся дымокъ, который, какъ казалось Нимфодорѣ, выходилъ изъ снѣжнаго сугроба, навороченного метелями. Бѣлые скирды чуть отдѣлялись отъ бѣлаго поля и ночнаго неба.

— Живъ старикъ, воли грѣется, весело замѣтилъ Ера.

— Дай духъ перевести! прошептала она, съ радостно бьющимся сердцемъ всматриваясь въ красноватые клубы дыма, вырывавагшася изъ подъ овиннаго подлаза.

Но нетерпѣнне скорѣе увидѣть, обнять и накормить своего стараго отца придало усталой дочери новыя силы. Утопая въ снѣгу, поддерживаемая Ерой, она очутилась у темной овинной ямы въ родѣ звѣриной норы и вслѣдъ за полѣзшимъ туда проводникомъ сама сползла по мерзлымъ землянымъ ступенькамъ въ глубокую яму, ничего рѣшительно не вида въ охватившемъ ее мракѣ, задыхаясь отъ ѣдкаго дыма и рискуя разбить себѣ голову о торчавшія слезги и рѣшетныя овинной крыши.

— Ты это, Ера? послышался изъ глубины мрачнаго овина родной Нимфодорѣ голосъ, заставившій ее радостно вздрогнуть. — Пришелъ?

— А то какъ же, бояринъ! твой холопъ Ера, да еще не одинъ: гостыя пришла, дочка родная!..

— Дочь! вскричалъ старикъ, и въ ослабѣвшемъ голосѣ его сестра Нимфодора услышала и неожиданную радость и отцовскую боязнь за нее. Она было бросилась къ нему на голосъ, но руки ея вездѣ встрѣчали земляныя стѣны и дубовыя столбы.

Догадливый Ера проворно раздулъ въ печи тлѣвшую солому и съ помощью сухой щепки зажегъ припасенную имъ въ карманѣ монастырскую восковую свѣчу. Мрачный овинъ тускло освѣтился. Дочь увидѣла отца на соломѣ, принужденнаго скрываться въ звѣриной норѣ.

— Батюшка! вырвался у сестры Нимфодоры крикъ восторга, зву- чавшаго сердечными слезами.

Она упала передъ старикомъ на колѣни, помогая ему привстать. Онъ полулежалъ на соломѣ и, истощенный голодомъ и страданіями, глядѣлъ умиленными глазами на дочь, протягивая къ ней руки, чтобы ее обнять. Любимое, единственное дитя его старости предстало неожиданно передъ нимъ, какъ чудное сказочное видѣніе. Онъ себѣ не вѣрилъ, что ее видитъ въ эту минуту.

Схвативъ холодныя стариковскія руки, она покрывала ихъ горячими поцѣлуями и слезами, согрѣвала своимъ дыханіемъ. Трепетъ ея теплыхъ рукъ живилъ его столько же, сколько и глубокое, про-

сившееся наружу дочернее чувство, свѣтившееся въ ея красивыхъ плачущихъ глазахъ.

— Батюшка! заговорила она, наконецъ, вспомнивъ, что онъ голоденъ, и торопливо развязывая свой узелокъ съ свѣтными припасами.—Отощаль ты, бѣдный! поѣшь, подкрѣпись и въ путь.

Она съ удовольствіемъ слѣдила за своимъ старикомъ, жадно принявшимся улетать бѣлые пироги съ горохомъ и огромнаго жирнаго карпа.

— Уфъ! вздохнулъ бояринъ, послѣ доброй работы зубами, отирая принесеннымъ полотенцемъ бѣлую бороду.— Спасибо, спасибо тебѣ, дочка милая, утѣшница! не дала съ голоду околотъ старому отцу,—и онъ нѣжно ее поцѣловаль.

— Теперь давай свою стѣляницу: впору романея, что-ль?

— Романея, батюшка. Выкушай на доброе здоровье!

Бояринъ, не отрывая губъ отъ фляжки, выпилъ половину ея съ наслажденіемъ стараго усталаго человѣка, нуждающагося въ подкрѣпленіи силъ.

— Дай тебѣ Богъ счастья, дочка, честная черничка! какъ словно встрепанный сталь! Спасибо!

Въ подтвержденіе своихъ словъ бояринъ всталъ на ноги, сбивая рукою солому съ своего мѣховаго кафтана.

— Теперь молодцомъ, дочка: три десятка годовъ съ плечъ! похвалился бояринъ, пристегивая съ помощью дочери саблю.—Куда-жь ты меня спрячешь, черничка?

— Въ монастырь пока, батюшка.

— Дѣло, подумавъ, согласился бояринъ.— Готовъ!

— А если поляки насъ поймають? вдругъ замѣтила Нимфодора, заплакавъ и ерѣвико прижимаясь къ отцовой груди,— что съ тобой будетъ тогда, батюшка? Убьютъ они тебя! Боюсь я!..

— Богъ милостивъ, дочка, на Него одного наша надежда! сказалъ бояринъ съ спокойствіемъ, отличавшимъ его въ опасныя минуты жизни.

Только что отецъ съ дочерью успѣли выйти изъ овина и вдохнуть свѣжаго воздуха, послышалось звяканье сабель и ихъ глаза, еще отуманенные ѣдимъ овинымъ дымомъ, разглядѣли темнѣющую толпу людей, пѣшихъ и верхами, тотчасъ же ихъ окружившую. Едва сестра Нимфодора отчаянно вскрикнула и прежде чѣмъ бояринъ обнажилъ саблю, сильные руки схватили его и связали. Въ ту же минуту въ ушахъ Еры что-то свистнуло въ воздухъ и петля ловко наброшеннаго аркана туго сдавила ему глотку. Коинный лисовчикъ потащилъ его на арканѣ отъ овина такъ быстро, что онъ упалъ. Первою мыслию находчиваго стремяннаго было, конечно, ухватиться за петлю руками и постараться высвободить изъ нея шею. Несмотря на то, что лисовчикъ скакалъ и привязанный къ сѣдлу арканъ тащилъ Еру по снѣгу какъ чурку, онъ уже ослабилъ роковую петлю;

но тутъ его связали подбѣжавшіе люди, освободивъ отъ петли. По ихъ говору, онъ призналъ въ нихъ лисовчиковъ. Они перекинули его черезъ сѣдло, позади того самаго молодца, который его заарканилъ.

— Вы меня никакъ за мѣсто зайца уторочили, братцы ляшки! обиженно выговорилъ Ера, почувствовавшій неловкость своего положенія съ головою внизъ.—То не по-нашему, по крещеному, человѣка по зайчю уторочивать!

— Растабарывай! смѣясь замѣтилъ ему его побѣдитель.—Москаль швидче зайца бѣжить...

— Ляцкая твоя образина! схватился съ нимъ ругаться Ера.— Посади, какъ человѣка садять: не обиженъ я своимъ Создателемъ, есть на чемъ сидѣть! эхъ, вы, глаголи бритые!

Лисовчики хохотали. Ера ихъ потѣшалъ.

— Еще лаетъ, пся-кревь! замѣтилъ одинъ изъ лисовчиковъ, развывая Ерѣ ноги, и далъ ему возможность сѣсть верхомъ на крупѣ лошади, съ обязательнымъ обѣщаніемъ поподчивать его доброю плетью, въ случаѣ, если бы ему вздумалось соскочить съ коня и бѣжать.

— Ну тебя съ плетью, соломенная ты голова! приободрася, заговорилъ Ера.— Десятеро на одного, конные на пѣшаго — куда ужъ тутъ бѣжать!

Между тѣмъ какъ стараго боярина сажали въ сѣдло на коня, повидимому, для него приготовленнаго, хорунжій гусарскаго регимента съ напускною важностью объявилъ ему, что онъ, бояринъ, взять по приказу пана Дворжицкаго, какъ мятежникъ, возставшій на своего государя Владислава, котораго хотятъ многіе русскіе люди. Затѣмъ, съ любезностью родовитаго шляхтича, хорунжій замѣтилъ молодой монашѣ, что она свободна: можетъ идти куда хочетъ.

— Поляки, рыцарская нація, воюютъ съ мужчинами и защищаютъ женщинъ! добавилъ онъ, покручивая рукою усъ, а другую положивъ на эфесъ сабли.

Бѣдная сестра Нимфодора въ глубокомъ уныніи смотрѣла на своего стараго, обезоруженнаго отца, котораго вновь теряла. Отчаянье ея было столь велико, что она не могла плакать.

— Куда-жъ она одна пойдетъ по ночи, въ полѣ? насмѣшливо замѣтилъ съ сѣдла бояринъ.—Рыцарями называетесь, а монашку безъ провожатаго бросаете?.. пустите съ нею парня моего: на что онъ вамъ?

— Такъ есть! согласился хорунжій.—Хлопъ свободный есть!

— Давно бы такъ, глаголи стриженые! весело замѣтилъ освобожденный Ера, проворно спрыгивая съ польскаго коня.—Сами не знаютъ, за что человѣка вязали. Ишь ихъ: человѣка было зайцемъ уторочили!

Ера взялъ свою дубинку и терпѣливо ждалъ, пока рыдающая дочь простится съ отцомъ.

— Я тебя не брошу, батюшка! съ тобой пойду! пусть ихъ дѣлаютъ, что хотять, безбожники! говорила въ порывѣ отчаянья Нимфодора, удерживая отца за руку.

— Господь съ тобою, милая дочка! иди въ святую обитель, молись за меня! нетвердымъ, растроганнымъ голосомъ успокоивала ее отецъ, положивъ обѣ руки на ее голову, какъ бы благословляя ее.— Твоя честная молитва, черница, авось дойдетъ къ праведному Богу! Христось страдалъ и намъ, грѣшнымъ, страдать повелѣлъ. Да будетъ святая Его воля!

— Амины! докончила рыдающая дочь, благословила отца и долго простояла на мѣстѣ, неподвижная, убитая горемъ, пока въ ночной мглѣ не скрылся польскій отрядъ, уведшій ее старика. Заглохли голоса, звукъ сабель, конское фырканье; не шумѣли болѣе вѣтви дубовыхъ кустовъ, сквозь которые продирались лошади... Глубоко вздохнула бѣдная, опять осиротѣлая монахиня и съ холодомъ въ сердцѣ стояла передъ тяжелымъ сознаниемъ необходимости одной, безъ отца, вернуться въ келью, гдѣ на столѣ ждетъ ее трупъ сестры Улиты, тоже ее покинувшей... Холодная снѣжная пустыня окружала ее; мглистое зимнее небо нависло надъ нею, равнодушное къ ее горю; темнѣлись раскодившіеся по лощинѣ кусты и въ нихъ похоронную пѣснь напѣвалъ полуночный проснувшійся вѣтеръ.

Искренно, горячо пожелала молодая монахиня умереть въ эту невыносимо тяжкую минуту своей жизни безъ радости въ прошломъ, безъ надежды въ настоящемъ...

— Не ночевать намъ въ полѣ, сестрица! рѣшился подать свой голосъ благоразумный проводникъ;—не близко вѣдь и не рано...

Ни слова не проронила за всю дорогу убитая Нимфодора. Она не чувствовала теперь ни усталости, ни страха; не замѣчала ни снѣжныхъ сугробовъ, въ которыхъ вязала, ни помощи Еры, вытаскивавшего ее изъ нихъ. Мысль объ опасности, угрожающей отцу, словно подавила всѣ чувства ея молодого сердца. Напрасно Ера пробовалъ остричь на счетъ „гололобыхъ глаголей“: она ничего не слыхала, не видала, не понимала, отъ страха за отцову жизнь.

Поздно они вернулись въ монастырь. Сестра Нимфодора должна была собрать всѣ свои силы, чтобы заставить себя войти въ келью, въ окнахъ которой свѣтился огонь толстой церковной свѣчи въ шандалѣ, а изъ дверей глухо доносилось чтеніе нараспѣвъ псалтиря у покойницы. Войдя въ келью, сестра Нимфодора растерялась и задумалась при мысли, что ей надо передать матери-игуменѣ и сестрѣ Иларіи о неудачѣ своей, о плѣнѣ отца. Языкъ ея не поворачивался, ноги подламывались. Она не понимала утѣшеній сочувствовавшихъ ей старицъ, не видѣла ихъ слезъ, не плакала, не говорила. Ея нравственную силу, ея добрую волю давило ужасное сознание ихъ безсилія въ борьбѣ за жизнь дорогого ей, родного старика. Безъ словъ, словно забывъ всѣ свои молитвы въ эту безконечную зимнюю

ночь, молилась она скорбнымъ сердцемъ. Всю ночь она провела въ моленной, на колѣняхъ, съ руками, крестомъ прижатыми на груди, съ глазами, устремленными на Спасовъ образъ, благословеніе отца. Едва разсвѣло, она встала къ аналою и раскрыла біблію на книгѣ „Іудифъ“. Она внимательно прочла въ IX главѣ слѣдующее мѣсто: „А Іудифъ пала на лице, посыпала голову свою пепломъ и сбросила съ себя вретиче, въ которое была одѣта; и только что воскурили въ Іерусалимѣ, въ домѣ Господнемъ, вечерній ѳиміамъ, Іудифъ громкимъ голосомъ воззвала къ Господу, и сказала: „Господи, Боже отца моего Симеона, которому Ты далъ въ руку мечъ на отмщеніе иноплемненнымъ, которые открыли ложе сна дѣвы для оскверненія, обнажили бедро для позора! Ты сказалъ: „Да не будетъ сего“, а они сдѣлали. Дальше Нимфодора нѣсколько разъ перечла: „Ибо не во множествѣ сила Твоя, и не въ могучихъ могущество Твое; но Ты — Богъ смиренныхъ, Ты — помощникъ умаленныхъ, заступникъ немощныхъ, покровитель упавшихъ духомъ; спаситель безнадежныхъ...“

Закрывъ біблію, она положила на нее голову и долго такъ простояла. Когда она подняла голову, взоръ ея свѣтился. Она почувствовала въ себѣ новыя силы; она рѣшилась идти въ польскій станъ, къ самому военачальнику, молодому пану Дворжицкому. Она уже знала его великодушіе.

Старицы, чинно сидѣвшія по сторонамъ покойницы, какъ черныя вороны наклеивали къ свѣту носами и съ просонья толкались отяжелѣвшими головами. Очередная сестра нараспѣвъ, гнусливо, читала уже ослабѣвшимъ голосомъ псалтирь, зѣвая все чаще. Въ слабо брезжавшемъ сонномъ свѣтѣ занимавшагося зимняго утра мертвое лицо и руки покойницы казались зелеными, а губы и носъ черными. Сестра Нимфодора спрятала въ карманъ своей теплой ряски кошелекъ, послѣднія деньги, уцѣлѣвшія отъ Лисовскаго, и острый кухонный ножъ, торопливо одѣлась и вышла тихонько изъ кельи. Ея красивыя синіе глаза блестѣли огнемъ рѣшимости. Черная теплая шапочка, черная на лисьемъ мѣху свободная ряса съ широкими рукавами и четки въ рукахъ только возвышали и строже обнаруживали ея замѣчательную красоту.

Выйдя за монастырскую стѣну въ калитку, которую съ трудомъ отворили ея, дрожавшія отъ волненія и бессонницы нѣсколькихъ ночей, красивыя руки, она съ минуту простояла въ нерѣшимости; но сейчасъ же опомнилась. Она знала, куда идти. На блѣдномъ, расчистившемся тускломъ зимнемъ небѣ еще мерцали хороводы блѣдныхъ звѣздъ, тусенѣвшихъ при слабомъ свѣтѣ занявшагося дня. Чуть видно мигаютъ съ своей высоты сторожары, какъ бы прячась отъ дневнаго свѣта. Красный отблескъ еще не выкатившагося изъ-за свѣжной горы солнца играетъ на свѣжныхъ крышахъ келій, на монастырскихъ крестахъ. Пустынная свѣжная улица съ брошенными домами и из-

бами посадскихъ жителей уныло провожала одинокую путницу. „Богъ моя защита и надежда!“ твердила себѣ она, освѣщенная здоровымъ утреннимъ морозомъ. И шла...

Панъ Пржемыславъ Дворжицкій, уже одѣтый и успѣвшій отдать нужныя по отряду приказанія, глядѣлъ на вошедшую къ нему въ избу молодую монашенку съ удивленіемъ, не исключавшимъ восхищенія. Красота сестры Нимфодоры не могла не затронуть впечатлительнаго, горячаго сердца молодого польскаго дворянина. Черная одежда, смущенье, съ которымъ она была бессильна справиться, только возвышали въ его глазахъ ея женскую прелесть. Но этотъ свѣтлый, чистый какъ само небо, взглядъ большихъ синихъ глазъ, широко раскрытыхъ внутреннимъ волненіемъ; эта строгая скромность классической жрицы, поддерживающей неугасаемый огонь вѣчному божеству; эта благородная простота движеній, какъ бы врожденная и чарующая, невольно смутили гордаго военачальника. Съ такимъ глубокимъ и правдивымъ взглядомъ онъ еще не встрѣчался.

— Что привело тебя ко мнѣ, прекрасная черница? рѣшился, наконецъ, спросить Дворжицкій пришедшую голосомъ, звучавшимъ радостнымъ недоумѣніемъ; онъ упорно, съ страстностью молодого мужчины, любовался прелестнымъ лицомъ монашки, раздуманнымъ морозомъ и ходьбой.— Кого тебѣ надо?..

— Тебя, начальникъ! тихо отвѣтила Нимфодора, облегчая свою, часто подымавшуюся подъ черной расой высокую грудь глубокимъ вздохомъ.— Ты тотъ, котораго великодушію я обязана своимъ избавленіемъ отъ ожидавшаго меня позора...

— Такъ это ты, прекрасная плѣнница ротмистра Лисовскаго?

— Я, начальникъ. Нимфодора опять глубоко вздохнула и, стыдливо опустивъ синіе глаза, вспыхнула при ужасномъ воспоминаніи, столь оскорбительномъ для ея женскаго достоинства.— Прими мою благодарность, великодушный ивоземець, и исполни просьбу страдающей дочери...

Прекрасные синіе глаза ея брызнули крупными, свѣтлыми какъ безцѣнный жемчугъ слезами; ея бѣлыя, красивыя руки съ кипарисными четками послѣдно закрыли плачущее, но и въ слезахъ прекрасное, лицо. Дворжицкій готовъ былъ оказать ей всякую возможную помощь; подвинутый своимъ благороднымъ сердцемъ, онъ ее спросилъ:

— Чѣмъ могу служить тебѣ, прекрасная черница? Располагай мною. По душевному волненію, съ какимъ молодая монахиня приступала къ своей просьбѣ, недоумѣвающій панъ понималъ, что дѣло для нея весьма важное.— Говори же: я слушаю.

Не сейчасъ отвѣтила ему сестра Нимфодора. Ей нужно было справиться съ горькими слезами, которыми, наконецъ, разрѣшилась тревога ея измученной души. Она отерла платкомъ глаза, глядѣвшіе теперь какъ синее небо, омытое весеннимъ дождемъ, и твердо сказала:

— Я пришла къ тебѣ, иноземный начальникъ, презрѣвъ стыдъ дѣвичій и обычай монастырскій, ради спасенія невиннаго, одинокаго, дорогаго мнѣ человѣка!

— Не за любовника ли просишь ты, красавица? весело спросилъ ее Дворжицкій съ легкомыслиемъ, составлявшимъ его характерную черту, безъ малѣйшаго, впрочемъ, желанія оскорбить монахиню. Но замѣчаніе его она выслушала съ городымъ достоинствомъ цѣломудрія, оскорбленнаго въ своей святынѣ. Дворжицкому больно и стыдно стало за свои глупыя слова. Чуткая душа его почувствовала ихъ тяжелое впечатлѣніе на монахиню. Упрекъ собственной совѣсти громко сказалъ ему, что онъ сдѣлалъ не только глупость, но подлость; сказалъ ему, что польскій рыцарь обидѣлъ беззащитную дѣвушку, да еще монахиню, ищущую его покровительства. Онъ даже покраснѣлъ и потерялся.

— Одинъ у меня любовникъ—Христосъ, ему вѣрна останусь до смерти, сказала съ горечью и сознаниемъ своей правоты Нимфодора.— За старика отца прошу...

— Не старый ли бояринъ Фералонтовъ отецъ твой? нетерпѣливо воскликнулъ Дворжицкій, котораго благородное лицо вдругъ омрачилось, а веселый тонъ смѣнился суровымъ.

— То мой отецъ! подтвердила сестра Нимфодора.— За него прошу тебя, начальникъ: отпусти его!

Дворжицкій прошелся по избѣ и строго сказалъ:

— Бояринъ, твой отецъ, прекрасная черница, возсталъ на короля Сигизмунда, пославшаго насъ привести Курскъ съ уѣздомъ подъ державство королевича Владислава, котораго бояре русскіе хотятъ имѣть своимъ государемъ; бояринъ стоитъ за Шуйскаго, возвысившагося на престолъ мятежемъ; на страхъ прочимъ пособникамъ Шуйскаго, бояринъ, твой отецъ, долженъ быть отведенъ въ Польшу...

— Бояринъ, мой отецъ, служилъ и служить только законнымъ русскимъ государямъ! съ убѣжденіемъ замѣтила монахиня. — Отецъ мой за правду стоитъ!

— Твои дочернія чувства дѣлаютъ тебѣ честь, прекрасная черница, замѣтилъ смягчался Дворжицкій, тронутый глубокою горечью ея словъ, звучавшихъ правдой и безкорыстной дочерней привязанностью. Что эти чистые, отражавшіе въ себѣ глубокую и высокую душу, женскіе глаза не могли лгать,—слишкомъ было понятно молодому пану, отзывчивому на все высокое. Какъ польскій рыцарь, какъ панъ Пржемыславъ Дворжицкій, онъ сочувствовалъ русскимъ, борющимся за свое народное дѣло, за независимость Московскаго государства, за своего „блага“, то есть свободнаго царя; лично онъ уважалъ подвигъ сѣдовласаго старца, боярина; но, какъ начальный панъ королевскаго войска, онъ долженъ былъ подчинять свои личные взгляды и симпатіи политическимъ видамъ короля и Посполитой Рѣчи и соотвѣтственно имъ поступалъ. Если подобныя обязательныя отношенія

къ польскому дѣлу нерѣдко стѣсняли Дворжицкаго въ случаяхъ, представлявшихся ему въ борьбѣ съ русскими; если его человѣческая совѣсть часто заговаривала въ разладъ съ его формальнымъ долгомъ королевскаго военачальника, то въ настоящую минуту благородный панъ чувствовалъ всю ложь своего положенія. Въ старомъ русскомъ боаринѣ, обвиняемомъ въ любви къ своему отечеству, онъ видѣлъ жертву польскаго насилія, котораго представителемъ здѣсь являлся онъ, Дворжицкій. Польская нація, заслуженно гордящаяся своей свободой и ревниво ее оберегающая, носящая на свободу сосѣднаго соплеменнаго себѣ государства. Никогда еще не тяготился Дворжицкій званіемъ королевскаго военачальника такъ, какъ въ эту минуту, передъ этимъ чистымъ, глубокимъ дѣвичьимъ взглядомъ. Строгая, вся въ черномъ, молодая фигура монашенки стояла живымъ упрекомъ той неправдѣ, которой служить онъ—тоже молодой, тоже честный, какъ и она; зачѣмъ же онъ согласился служить нечестному дѣлу? Зачѣмъ она позволила роднымъ своимъ и всендзамъ убѣдить себя въ томъ, что отвергаетъ его совѣсть? О! только бы вывести вѣранный ему отрядъ за рубежъ, онъ явится къ королю и сложить съ себя тяготящую его обязанность: дѣйствовать вопреки своего ума и сердца и въ русскихъ видѣть враговъ только потому, что они русскіе!.. Но передъ нимъ все-таки монахиня ждетъ своего приговора. Прекрасная жертва, а онъ палачъ. Ея законная печаль раздражаетъ его потому именно, что онъ рѣшился лгать; потому, что онъ напустилъ на себя суровый видъ праведнаго суди, будучи виновникомъ; потому, что праведный судія не онъ тутъ, а она, эта кроткая, строгая монахиня, прекрасная и чистая какъ силы небесныя, которымъ она служить. Тѣмъ не менѣе, онъ заставилъ себя сказать, избѣгая глядѣть на нее:

— Я ничего не могу для тебя сдѣлать, черница: твой отецъ завтра пойдетъ съ нами въ Польшу.

Сестра Нимфодора упала передъ Дворжицкимъ на колѣни, какъ бы сраженная этимъ ужаснымъ приговоромъ. Смертельная блѣдность покрыла ея красивое лицо. Она не плакала. Ея большіе синіе глаза выражали недоувѣріе къ такому невозможному приговору: полонить человѣка, защищающаго родину отъ вторгнувшихся въ нее иноземныхъ разбойниковъ.

— Иноземный начальникъ! вскричала она внѣ себя: — именемъ той женщины, которая дала тебѣ жизнь, именемъ всего для тебя святаго умоляю тебя: спаси моего невиннаго отца.

Дворжицкій нетерпѣливо пожалъ плечами и молча отвернулся къ окну. Вся его мужественная фізіономія выражала непреклонное рѣшеніе военнаго человѣка, непривыкшаго отбывать его и руководящагося только распоряженіями, получаемыми свыше.

— Если у тебя сердце не камень, если ты вѣруешь въ Бога правды, ты преклонишь сердце свое къ моей слезной просьбѣ, на-

чальникъ! продолжала монахиня, зарыдавъ.— Не унеси за гробъ свой великаго грѣха! Не осуждай праведнаго.

Дворжицкій мрачно на нее взглянулъ, скрестивъ на широкой груди своей руки и тихо, но твердо сказалъ:

— Уйди, черница! или я позову стражу!

Сестра Нимфодора встала и, шатаясь, сдѣлала къ нему шагъ. Глаза ея казались больше и, блестя слезами, горѣли отчаяніемъ. Прекрасное, поблѣднѣвшее лицо дышало глубокимъ презрѣніемъ къ молодому пану и какою-то отчаянною рѣшимостью.

— Если ты пришелъ къ намъ для корысти и обогащенія себя, начальникъ, возьми все, что имѣю! задыхаясь отъ волненія проговорила она, бросая къ его ногамъ свой тяжелый кошель съ золотомъ.

Дворжицкій вспыхнулъ негодованіемъ при такомъ оскорбленіи своей рыцарской чести, гордо вскинулъ красивую, блѣлую остриженную голову и повелительно, молча, указавъ отчаянной молодой женщинѣ на дверь.

— Не выйду отсюда безъ моего стараго отца! блѣдная, вся дрожа, шептала монахиня, сдѣлавъ еще шагъ къ Дворжицкому и вдругъ выхватила изъ кармана рясы остроконечный ножъ, съ рѣшимостью страсти, мстящей смертью за жизнь любимаго существа.

Дворжицкій не шелохнулся и сильною рукою схватилъ руку, замахнувшуюся на него ножомъ.

Ножъ выпалъ изъ обезсилившей женской руки. Сестра Нимфодора покачнулася на ногахъ и, блѣдная, готова была упасть.

Дворжицкій ее поддержалъ, растерявшись окончательно.

— Ты пришла меня убить? съ мрачнымъ упрекомъ спросилъ онъ, желая услышать отъ нея объясненіе ея поступка.

— Да! чуть слышно, вся дрожа, прошептала монахиня.

— Такъ русскую Іудифъ, спасающую родную Ветилу, видитъ передъ собой польскій Олофернъ? сказалъ съ насмѣшливой улыбкой Дворжицкій, убѣждаясь, что Іудифъ изнемогаетъ на его рукахъ.

— Если бы твоею смертью, начальникъ, я могла спасти отца и несчастную мою родину, терзаемую вами, хищники! глубоко вздохнувъ и по немногу оправляясь порывисто сказала молодая монахиня.— Гдѣ жъ Богъ? правда его гдѣ? Праведники посрамлены и въ темницахъ стонуть!

Она опять зарыдала. Поддерживавшій ее Дворжицкій невольно ею любовался. Въ его душѣ упрекъ монахинѣ смѣнился упрекомъ самому себѣ.

— Я не могла подкупить тебя, начальникъ, я не могла тебя убить! заговорила среди рыданья Нимфодора. — Меня вы, мужчины, называете красавицей: возьми же, если хочешь, мою женскую красоту, мою честь дѣвичью за отцову жизнь! Отдай мнѣ стараго отца!

Рѣшимость великодушной красивой монахини купить жизнь отца цѣною своего позора поразила гордаго пана. Онъ бережно посадилъ ее на лавку, видя, что она падаетъ и ноги ее не держатъ,

и въ большомъ волненіи отошелъ къ окну. Не могъ не понять благородный панъ всего величія этой женской рѣшимости. Но она оскорбляла его. Въ этой ужасной, исполненной высокаго женскаго самопожертвованія, рѣшимости нѣжно любящей дочери, бесплодно испытывшей всѣ способы, которыми только располагала, спасти отца, онъ усматривалъ глубокое презрѣнье русской монахини къ себѣ, врагу ея родины. Какъ грубому, безсердечному разбойнику она предложила ему все, что могла. Она отождествила его съ какимъ нибудь Лисовскимъ! Бдльшаго презрѣнія къ нему не могла оказать честная женщина. Ея слова глубоко прошли въ душу его. Она права, какъ права княжна Марія: польскіе паны заслужили презрѣніе лучшихъ русскихъ людей. Они не разбираютъ средствъ въ борьбѣ съ русскими. Они служатъ орудіемъ бездушнаго римскаго клерикализма и заблуждающейся польской политики, посягающей на независимость могучаго, добраго народа. Ей ли, польской республикѣ, мятежной и ослабленной своей домашней неурядицей, препирающейся съ своимъ королемъ и ищущей только его униженія да подчиненія королевской власти своеправію магнатовъ,—покорить Русь, рождающую такихъ великихъ сердцемъ женщинъ, какъ эта скромная монахиня, или та гордая княжна, что овладѣла душою Дворжицкаго? Ихъ отцы, конечно, съумѣютъ оберечь независимость своего народа и справятся, рано ли, поздно ли съ польскими и іезуитскими интригами. Сильная нравственная борьба разрѣшалась въ молодомъ панѣ, и онъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ. Рыданія прекрасной монахини, терзая его сердце, какъ фуріи греческой мифологіи, какъ несносный, вполне заслуженный упрекъ, пробудили въ немъ лучшія мужскія чувства.

— Я хочу остаться въ твоей памяти не такимъ, какимъ тебѣ кажусь, благородная черница, сказалъ онъ мягко, обратясь къ ней и глядя на нее совсѣмъ другимъ человѣкомъ.—Твое великодушіе женское не сильнѣе мужской гордости: твой отецъ свободенъ—возьми его себѣ!

Сестра Нимфодора радостно вскрикнула и упала на колѣни. Она горячо цѣловала его руку, смачивая ее радостными слезами.

Дворжицкій почувствовалъ, что переживаетъ лучшую минуту своей жизни. Онъ поторопился снять съ пальца дорогое кольцо съ вырѣзаннымъ на аметистѣ своимъ вензелемъ и подалъ его монахинѣ.

— Оставь мой перстень у себя на память о польскомъ панѣ, умѣвшемъ любить и уважать русскую женщину, сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ, въ которомъ Нимфодора услышала нѣжныя ноты, вызванныя въ немъ воспоминаніемъ о княжнѣ Маріи. — Одна русская красавица научила меня любить, другая напомнила мнѣ, что кромѣ земной правды, часто глушей, есть еще высшая, вѣчная правда, непогрѣшимая какъ самъ Богъ! Ты его достойная служительница, прекрасная монахиня!.. Кстати: перстень отворишь тебѣ темницу твоего отца. Ты права: отецъ такой дочери не можетъ быть преступникомъ!

Потомъ Дворжицкій поднялъ съ полу кошель съ деньгами и острокопечный ножъ съ деревянной рукояткой; кошель вручилъ Нимфодорѣ, а ножъ положилъ на столъ, сказавъ:

— Этотъ ножъ, монахиня, позволь мнѣ оставить у себя на память о русской героинѣ. Я велю обдѣлать его въ золотую ручку, на которой вырѣжится: день, мѣсто и твое имя; я его хочу знать.

— Сестра Нимфодора, скромно сказала монахиня.

— Я его не забуду. Я покажу этотъ драгоценный ножъ нашимъ молодымъ полькамъ; я имъ скажу, что не онѣ однѣ достойны прославляться поэтами и воспѣваться пѣвцами. Теперь прощай! Святая Марія да хранитъ тебя въ жизни! Молись за Божьяго раба Пржемыслава. Прощай!

— Въ моихъ молитвахъ ты всегда будешь вмѣстѣ съ моими отцомъ и матерью, будешь моимъ о Христѣ братомъ, благородный иноземный панъ! съ увлеченіемъ сказала сестра Нимфодора, вставая и утирая благородныя слезы.—Будь счастливъ и продли Богъ твои дни на счастье людей! Прощай!

Сестра Нимфодора вышла изъ избы начальника, окрыляемая радостью, съ одною мыслию, что старый ея отецъ свободенъ, спасенъ.

Старый бояринъ Ферापонтвъ, схваченный такъ неожиданно у овина, очутился запертымъ въ каменной и сырой наугольной башнѣ Троицкаго монастыря, что стоялъ за рѣчкою Курюю, и былъ занятъ польскимъ обозомъ. Изъ разговора стражи онъ понялъ, что его завтра уведутъ въ Польшу. Тяжело было убѣдиться гордому боярину, что онъ не увидитъ больше своей милой родной стороны, что навсегда разлучать его съ дочерью; еще болѣе того страшила его мысль, что съ нимъ погибнетъ русское дѣло въ курской сторонѣ, что ее ополчатъ паны съ есендами, оторвутъ ее отъ матушки Москвы. Съ его судьбой, зналъ онъ, тѣсно связана судьба курскаго края. А родная дочь?... эта кроткая, отрѣшившая себя отъ свѣта христіанка, юная черница? Что съ ней будетъ? Не захватили ли и ее поляки? Не опозорили ли ее уже? Не заплатила ли она дорогой цѣной своего женскаго цѣломудрія за самоотверженную попытку спасти отца? Удалось ли ей съ Ерой добраться въ монастырь?

Никто не отвѣчалъ старому боярину на безпокойшіе его вопросы; ничто изъ того, что онъ видѣлъ, не успокоивало его тяжелыхъ думъ и сомнѣній. Длинна показалась старику зимняя ночь, за которую онъ глазъ не сомкнулъ, лежа на голыхъ нарахъ. Свѣтъ въ его тюрьму проникалъ только черезъ окошечко въ запертой двери, изъ привратничьей кельи, обращенной теперь въ караульню. Тамъ раздавался веселый смѣхъ, грубая брань смѣнялась солдатскими остротами. На длинной лавкѣ сидятъ литовскіе копейщики, съ висячими усами, бритыми подбородками и низко остриженными головами; на нихъ цвѣтныя кунтуши съ широкими, разрѣзными рукавами. Поужинавъ, они дремлютъ, прислонясь къ стѣнѣ и кляя носомъ, другіе съ азартомъ

играють въ „дзябелка“, карточную игру, схожую съ „ландскнехтомъ“. На игру внимательно смотритъ часовой, пахолькъ, въ мѣдной шапкѣ съ обнаженной саблей въ рукахъ. Наконецъ, все смолкло въ караульной. Только сопѣнье и храпъ на всѣ лады, да унылое шмурыганье по кирпичному полу сапогъ, звязавшихъ шпорами. То часовой, позѣвывая, медленно бродитъ у двери, иногда ударяя въ нее при своихъ поворотахъ сабельными ножнами.

Едва забрезжила утренняя заря, на дворѣ трубачъ затянулъ „зору“. Грустному, плѣнному боярину показалось, что рѣзкіе звуки польской трубы словно о немъ подголашиваютъ; словно слезы перебиваютъ ей пѣсню и горе-горькое давить ей мѣдное горло и не можетъ она, какъ бы хотѣла, высказать это горе! Печальные звуки военной зари недалеко раскодились въ зимнемъ воздухѣ, смѣняя одинъ умирающій звукъ другимъ умирающимъ звукомъ... Вотъ послѣдій звукъ протянулся и оторвался отъ мѣдной трубы... это тѣ самые звуки, что, бывало, доносясь изъ далекаго польскаго лагеря, подымали старого боярина съ его походной постели — разостланнаго охобня и сѣдла подъ головой. Бояринъ всталъ и принялся за свою обычную утреннюю молитву. Долго ли, коротко ли шло время его заключенія — бояринъ не замѣчалъ. Мысль о вѣчной разлукѣ съ родиной и дочерью и чувство, ею вызванное, настроили его утреннюю молитву на грустный тонъ жалующагося сердца, отличающій пѣснопѣнія царя Давида. Вѣра въ будущую жизнь, гдѣ правда не смѣшается съ кривдой, гдѣ зло не переможетъ добро, какъ на землѣ, поддерживала сповойствие боярина въ его несчастіи. Когда на своихъ ржавыхъ петляхъ за скрипѣла тюремная дверь и боярина громко позвалъ часовой, Иона Агѣичъ оставилъ свою тюрьму и вышелъ въ караульную съ важнымъ видомъ старца, сознающаго свое достоинство. Со скрещенными на груди руками онъ готовился выслушать свой приговоръ отъ молодого хорунжаго, присланнаго Дворжицкимъ.

— По волѣ ясновельможнаго пана Пржемислава Дворжицкаго, королевскаго региментаря, бояринъ свободенъ! торжественно объявилъ шляхетный хорунжій, растворяя боярину любезно дверь караульной, изъ которой бросилась къ нему на шею дочь черница съ радостнымъ крикомъ: „батюшка родимый!“

Счастливыи отецъ понялъ, кому обязанъ своей свободой, и крѣпко прижалъ дочь къ своей старой груди, стѣсненной сладкимъ чувствомъ.

XII.

Друга милаго ждала,
 Да насилу дождалась...
 Ахъ ты, миленькій ты мой,
 Раскрасавчикъ дорогой!
 Что ты хвалишься мной,
 Похваляешься мной?
 Похваляешься мной,
 Моей русою косой...
 Моя русая коса
 Всему городу краса,
 Молодцамъ—сухота,
 Старымъ—оханье,
 Дѣвкамъ—плаканье“.

(Русская пѣсня).

Прошла зима. Появленіе самозванца смушало народъ. Въ маѣ, Василій Ивановичъ Шуйскій выступилъ изъ Москвы подѣ Тулу, „на свое государево и земское дѣло“, а въ октябрѣ вернулся въ бѣлокаменную столицу побѣдителемъ. Извѣстно: побѣдителя не судятъ. Хотя на короткое время замолекли народныя пересуды о царѣ. Казалось, общая радость соединила теперь его сторонниковъ и недруговъ въ Москвѣ; казалось, что злорадство и клевета, окружавшія благодушнаго государя и истолковывавшія всѣ его помыслы и дѣйствія въ смыслѣ, вредившемъ его царскому достоинству, подрывавшемъ довѣріе къ его правительственной мудрости, теперь заглушены громко заговорившимъ народнымъ восторгомъ. Въ торжественной встрѣчѣ Москвою своего царя, ведшаго доблестную рать, выразилось настроеніе народа и дворянства, дававшее Шуйскому основаніе надѣяться на возможность лучшаго будущаго. Патріархъ Гермогенъ съ священнымъ соборомъ встрѣтилъ его на паперти Успенія Богородицы, въ Кремлѣ. Теплая, разумная рѣчь святителя, обращенная къ царю и къ народу, тронула всѣхъ предстоявшихъ и проникла въ народныя массы. Слово, сказанное на текстъ апостола: „сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша“, — представлялось людямъ, глубже въ него вникавшимъ, вѣщимъ, прозирающимъ будущее строеніе російскаго государства. При царившей среди многотысячной толпы тишинѣ отчетливо раздавалось учительское слово патріарха. Онъ уподоблялъ землю російскую безбрежному океану, бурю возмущенному; указывалъ на опасность „безгосподарства“, грозящую разбить судно, государствомъ именуемое; сравнивалъ законнаго государя съ коричемъ; говорилъ: „легко-ли коричему ввести корабль въ пристань, когда бурныя волны, на хребтѣ своемъ, какъ щепку его швыряютъ; да къ тому же вѣтрила изорваны, мачты и кормило изломаны? И вотъ носится остовъ корабельный межъ камней подводныхъ, пока не потонетъ“. Изобразивъ мрачную картину государства безъ государя, патріархъ объяснялъ „нынѣшнюю смуту“ злыми затѣями

измѣнниковъ, русскихъ же людей, часто именитыхъ, которые суть „самые заводчики крови“; въ союзники себѣ литву латинскую призвали и царемъ русскимъ бродягъ нарѣкаютъ; предавая анаемѣ русскихъ измѣнниковъ, дерзнувшихъ на своего законнаго царя и на свою родную землю, почтенный старецъ призывалъ помнящихъ и боящихся Бога тѣсно окружить благовѣрнаго и христолюбиваго все-россійскаго государя, царя и великаго князя Василия Іоанновича, „яко овны пасомые пастыря окружаютъ“, въ единеніи-де подданныхъ съ правителемъ—государственной силой, устрашающая сосѣдніе народы. Припоминалъ, что самъ Господь изрекъ: да будетъ едино стадо и единъ пастырь, а лиходѣи и лукавцы стремятся нарушить стадное единство пасомыхъ и вмѣсто призваннаго пастыря ведутъ многихъ неприванныхъ, лицемѣрныхъ. Святитель взывалъ къ народу „уклониться отъ лъстивой злохитрости коварнаго вепря“ и придерживаться истиннаго своего христіанскаго государя Василия, „да сохранить его Богъ на многія лѣта!“ Указывалъ на одолѣніе враговъ въ твердынѣ тульской, какъ на помощь, дарованную правому дѣлу русскаго царя, свыше. Затѣмъ, по приглашенію его, патріарха, царь со своими „стратегами“ и народомъ вступили въ Успенскій соборъ для выслушанія божественной литургіи и благодарственнаго молебствія за побѣду.

Какъ только царь „избылъ доуку своего государственнаго и земскаго великаго дѣла“, поѣхалъ повидаться съ нарѣченной невѣстой. О ней онъ не забывалъ помышлять въ военномъ шатрѣ и подъ выстрѣлами. Впродолженіе тульской осады, онъ нерѣдко писалъ ей и получалъ отъ нея отвѣтныя грамотки, которыя несказанно радовали стараго жениха и сохранялись имъ въ особомъ ящичкѣ. Онъ искренно жалѣлъ теперь, что нѣтъ съ нимъ его „старшдго братца“, курскаго боярина Іоны, его постоянного спутника въ посѣщеніяхъ невѣсты. Василій Ивановичъ взомель на высокое крыльцо съ точенымъ баласникомъ и увидѣлъ хоромы княгини Анны съ замѣраемъ сердца, понятнымъ въ его положеніи.

Княжеская семья встрѣтила дорогаго гостя по искони заведенному въ домѣ обычаю, съ родовой иконою Божіей Матери Одигитріи, которую держала на груди вдова-княгиня. По сторонамъ ея стояли сынъ и дочь, съ горѣвшими толстыми свѣчами въ рукахъ. Старый женихъ, избѣгая глядѣть на разгорѣвшуюся какъ маковъ цвѣтъ княжну-невѣсту, въ пышномъ уборѣ, сіявшую молодостью и красотой, набожно приложился къ иконѣ, поклонился хозяйкѣ, дочери ея и сыну, и привѣтствовалъ ихъ по старинѣ, словами: „Здравствуйте себѣ, честна хозяйошва, матушва княгиня Анна съ милыми дѣтками во честной хороминѣ!“

Княгиня съ дѣтми отвѣтила общимъ низкимъ поклономъ.

— И тебѣ бы здраву быть, государь милостивый, великій князь Василій Ивановичъ! много благодарны за память твою о насъ,

твоихъ богомольцевъ и доброхотовъ, вѣрныхъ слугъ твоихъ! отвѣчала она ему на распѣвъ, какъ тогда было принято говорить у знатныхъ московскихъ женщинъ, заимствовавшихъ эту манеру у торжественной растянутости церковнаго пѣнія.—Тебя, царь Василій Ивановичъ, съ благополучнымъ прибытiемъ въ твой столичный градъ, съ великой побѣдой и одолѣнiемъ враговъ твоихъ и православной Руси; насъ, твоихъ сиротъ, съ радостью зрѣть тебя здрава и прославленна!

Василій Ивановичъ еще разъ приложился къ иконѣ и снова поклонился хозяйкѣ, дочери и сыну, затѣмъ, съ преднесенiемъ горѣвшихъ свѣчъ, княгиня бережно понесла икону на свое мѣсто, въ моленную. Старый женихъ слѣдовалъ сзади. Очень ужъ хотѣлось ему любоваться своей красавицей невѣстой. Онъ растерялся, когда княгиня, несмотря на свое дородство, поклонилась своему государю и нарѣченному зятю въ ноги.

— Что ты, княгиня Анна? на что это?.. Своими вѣдь считаемся, одна семья!.. Не подобаетъ! замѣтилъ Шуйскiй, торопясь помочь будущей тещѣ подняться.— Не надо... Не государь я здѣсь, съ вами, — свой человекъ...

— Съ радости, батюшка, Василій Ивановичъ! съ радости, нарѣченный зятекъ! Лебедка твоя бѣлая глазунки выплакала, тебя, государь, дожидаячися! съ радости.

Дородная княгиня приложила платокъ къ своимъ глазамъ, брызнувшимъ слезами материнскаго счастья, и проворно ихъ отерла, словно понимая ихъ неумѣстность. Княжна-невѣста совсѣмъ сгорѣла, молча потушивъ черные, искрившіеся глаза, чувствуя, что старый женихъ ею любитъся. Его не радовали бы слова матери о невѣстныхъ слезахъ, если бы онъ зналъ чувство, ихъ вызывавшее; если бы онъ убѣдился, что не о немъ, старомъ женихѣ, плакала въ его отсутствiе красавица невѣста.

Хороша она стояла передъ нимъ, высокая, стройная, съ прекраснымъ лицомъ, горѣвшимъ избыткомъ молодыхъ силъ и смущенiемъ дѣвичьяго, глубоко затаеннаго въ душѣ чувства. Къ ней такъ шелъ алый камчатный сарафанъ, по широкому подолу и по груди обшитый серебрянымъ позументомъ; бѣлоснѣжная кисейная рубашка съ широкими рукавами и широкимъ вырѣзомъ, обложеннымъ кружевомъ и обнажавшимъ верхнюю часть роскошной дѣвичьей груди, рѣзко выдѣляла бѣлизну и нѣжность молодого тѣла. На немъ, обвивая лебединую полную шею, блестяли три нитки дорогаго, крупнаго жемчуга—подарокъ стараго жениха. Въ розоватыхъ, изящной формы, ушахъ, висѣли тяжелыя, сверкавшiя драгоцѣнными камнями, золотныя серьги,—тоже память влюбленнаго жениха. На густыхъ, вьющихся, какъ смоль черныхъ волосахъ,—красиво расшитый малиновый бархатный маленькiй кокошникъ; съ него назадъ бѣлой воздушной волной ниспадала дымчатая дѣвичья фата до самаго пола и при малѣйшемъ движенiи красавицы волновалась легкимъ облакомъ.

— Развѣла ты тутъ, безъ меня, княжна Марья Петровна! могъ только съ легкимъ, впрочемъ счастливымъ, вздохомъ замѣтить Шуйскій. Крунъ тотъ же райскій цвѣтешь!..

— Тебѣ, государь Василій Ивановичъ, жениху своему суженому рада!—за дочь, упорно молчавшую, замѣтила княгиня, съ улыбкой материнской гордости поглядывая на красавицу дочь.—Ничто невѣстѣ, какъ не радоваться, суженаго дождавшись? Что жъ молчишь, дочка? Языкъ дѣвичій, скромный! что жъ стоишь? Дорогаго гостя гостить надо, по обычаю,—поучала мать безмолвную, какъ бы заду-мавшуюся, дочь.—Поднесла бы ты, Марьюшка, стопу вина сладкаго нарѣченному своему жениху, государю Василю Ивановичу!

Княжна молча, словно очнувшись отъ сладкаго забытья, взяла поволоченный подносъ съ золоченнымъ кубкомъ изъ рукъ брата и съ поклономъ поднесла кубокъ старому жениху, со словами:

— На здоровье выкушай, Василій Ивановичъ!

— Изъ молодыхъ-то дѣвичьихъ рукъ всякъ напитокъ вкусенъ да хмѣленъ, матушка княгиня, весело замѣтилъ Шуйскій, съ полнымъ кубкомъ въ рукѣ.—Какъ его пьютъ-то, матушка Анна Тимофѣевна? забылъ!

— По старинѣ, батюшка Василій Ивановичъ, по старинѣ, государь нашъ милостивый! также весело, въ тонѣ стараго жениха, подхватила княгиня, хорошо, конечно, понявшая смыслъ его вопроса, особенно лукавое выраженіе его подслѣповатыхъ глазъ, улыбавшихся невѣстѣ, и наставительно обратилась къ ней, пуще зардѣвшейся,—голосомъ, не допускаящимъ возраженія, сказать:

— Мы, дочка милая, невѣстами жениховъ уважали, не единымъ виномъ подчивали, матерей своихъ слушали: поцѣлуйтесь, женихъ со невѣстой. Честенъ невѣстинъ поцѣлуй, и жениховъ не срамной. И то по обычаю, дочка. Уважь жениха именитаго!

— Воля твоя, родимая! отвѣтила княжна и, вся пылая и трепеща, покорно подставила подъ поцѣлуй стараго жениха свою чудесную щечку. Этотъ поцѣлуй только ее смутилъ, повидимому, не доставивъ ей особеннаго удовольствія.

— Теперь, княжна, вино слаще! вѣрадно, разнѣженный сказалъ Шуйскій.—Буди здрава, Марья Петровна, съ милой семьей и роденкой!

Медленно выпивъ, женихъ поставилъ пустой кубокъ на золоченный подносъ. Его бороду и усы княжна, по обычаю, обтерла расшитымъ по концамъ полотенцомъ, поданнымъ ей проворнымъ меньшимъ братомъ. Подносъ съ кубкомъ княжна въ то же время передала брату.

— Теперь пречестнаго гостя и своего нарѣченнаго зятюшку милости прошу хлѣба-соли нашей откушать! обратилась къ Шуйскому хозяйка, приглашая его сѣсть за столъ, въ „красное мѣсто“, т. е. подъ иконы.—Не осуди насъ, государь Василій Ивановичъ; пожалуй насъ, сиротъ твоихъ! чѣмъ богаты—тѣмъ и рады!..

Шуйскій сѣлъ на указанное ему хозяйкой почетное мѣсто за столомъ, уставленномъ дымящимися кушаньями, и оглянулся на княжну, приготовившуюся прислуживать ему, вмѣстѣ съ матерью и братомъ.

— Невѣстѣ подобаеъ радышкомъ съ женихомъ, матушка княгиня! замѣтилъ онъ.

— То по старинѣ, Василій Ивановичъ, согласилась съ нимъ княгиня.—Уважь, дочушка, жениха своего: садись съ нимъ радышкомъ; любоваться бы намъ на васъ!

Княжна молча сѣла подлѣ жениха.

— А трапеза безъ хозяйки какая же? опять замѣтилъ Шуйскій.— Кто-жь у насъ, за столомъ, вмѣсто хозяйки будетъ безъ тебя, Анна Тимофеевна, нарѣченная моя теща?..

— Како повелишь—исполню по твоему повелѣнью, Василій Ивановичъ, отвѣтила княгиня, грувно усаживаясь на хозяйкино мѣсто, послѣ поклона гостю.

— И князекъ Юрій обѣдалъ бы съ нами, безъ чина, замѣтилъ красивому юношѣ Шуйскій.—Потому, мы здѣсь въ своей семьѣ, за-просто; родными нарѣклись — родственно и трапезуемъ. А чинъ мой господарскій мнѣ и въ Кремлѣ надобѣль. Отдохнуть съ вами душевн-кой всей усталой хочу, названные родичи.

По взгляду матери, князекъ Юрій не замедлил присѣсть возлѣ нея.

Теперь расторопный дворецкій Ипать Шульга вступилъ въ свои права, распорядясь челядью, приодѣтою по этому „особому случаю“.

Шуйскій, какъ и многіе умные люди, любилъ говорить за столомъ, особенно немного подпивши. Къ тому же было ему о чемъ говорить.

— Вернулся я, семья милая, не на отдыхъ, говорилъ Шуйскій послѣ второй стопы, выпитой имъ изъ бѣлыхъ рукъ красавицы не-вѣсты, только для вида дотрогивавшейся до кушаньевъ и мало ѣвшей. — Некогда, не то дѣло заварили наши измѣнники. Нарядъ строгій надлежитъ чинить по всей землѣ русской. Бѣлокаменная образумилась. Авось божьею силою и молитвою св. угодниковъ ути-шимъ крамолу! Пора! пора и мнѣ, труднику, за православную нашу мать общую, Русь, поборателю — о самомъ себѣ подумать. Изготови-лась ли ты, княгиня Анна Тимофеевна, къ свадьбѣ, обычнымъ дѣ-ломъ?

— Изготовилась къ свадьбѣ, обычнымъ дѣломъ, батюшка Василій Ивановичъ, твоего слова ждемъ, государь! отвѣтила дородная княгиня съ явнымъ удовольствіемъ,—что, наконецъ, давнишнее дѣло, о которомъ толковали по Москвѣ праздные языки, на всякіе лады, больше вѣсь и веривъ, подвигается къ своему вождельнному концу. Невѣста готова!

— А невѣста готова — за женихомъ остановки нѣтъ, матушка

княгиня, сказалъ Шуйскій, останавливая свои красные, подслѣповатые глаза на красавицѣ невѣстѣ, не знавшей отъ волненья, куда ей дѣться.

— По мясоѣду свадьбѣ бытъ! рѣшилъ старый женихъ, вволю налюбовавшись дѣвичьимъ смущеніемъ и пожаромъ прекраснаго лица.— Въ воскресенье.

— Твоя воля, батюшка Василій Ивановичъ, отвѣчала княгиня, привставая изъ-за стола и кланяясь.—Мы радешеньки...

Послѣднія слова матери переполнили горечь чувства, съ которымъ встрѣтила немилаго жениха и возлѣ него сидѣла молодая княжна. Обиднымъ вдругъ показалось ей, что мать за нее увѣряетъ немилаго жениха въ чувствахъ къ нему ея, невѣсты, будто бы радующейся этой свадьбѣ. Если бы знала мать, какъ вадрогнуло сердце невѣсты, какъ жутко и тяжело ей стало, когда она выслушала царскаго постельничаго боярина, торжественно извѣстившаго, что „государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ, воротясь съ побѣдой въ свой столичный градъ, сказываетъ своимъ: нарѣченной тещѣ, княгинѣ Аннѣ, и нарѣченной невѣстѣ, княжнѣ Маріи, свое милостивое, царское слово: нынче у нихъ кушать изволитъ“. Исподоволь приучивъ себя къ мысли быть женой Шуйскаго и царицей, княжна поборола тоску, ею овладѣвшую съ новою силою, и рѣшилась выдержать какъ слѣдуетъ свиданіе съ немымъ женихомъ. По требованію матери, она одѣлась и прибралась съ щегольствомъ и вкусомъ, всегда ее отличавшими. Поглядясь въ зеркало, она собою осталась довольна. Но къ суетливымъ хлопотамъ матери, поставившей домъ „ходуномъ“ и заклинавшей дочь „не ударить лицомъ въ грязь“,—невѣста относилась съ нескрываемой насмѣшкой, обижавшей хлопотливую мать, не подозрѣвавшей подъ этою насмѣшливостью раздраженія горькаго, затаеннаго въ печальномъ сердцѣ, дѣвичьяго чувства. Невѣста увѣрена была, что ея дѣвичья красота и ея дѣвичій нарядъ вызовутъ восторгъ стараго жениха; но этотъ восторгъ его не только ее не радовалъ, а словно обижалъ. Словно бы на угольяхъ горячихъ сидѣла она съ нимъ рядомъ, и большого насилія надъ собою стоилъ ей всякій поцѣлуй, что добросовѣстно, но не горячо печатали на ея горячей дѣвственной щекѣ старья, мокрыя губы противнаго, хотя и царственнаго жениха. Впрочемъ, къ истинному удовольствію княжны, Василій Ивановичъ ухалъ сейчасъ же послѣ обѣда, съ непритворнымъ вздохомъ сожалѣнія объявивъ, что въ Кремлѣ ждетъ его князь Мстиславскій по важному дѣлу. По какому—не сказалъ. „Важное“ дѣло—былъ допросъ Болотникова, посаженнаго въ „застѣнокъ“. Домъ красавицы невѣсты старый царственный женихъ долженъ былъ покинуть для мрачнаго застѣнка.

Мстиславскій уже сидѣлъ въ „красной“ горницѣ Шуйскаго. Онъ замѣтно похудѣлъ и поблѣднѣлъ, страдая отъ раны, полученной имъ, три года назадъ въ голову, подъ Новгородомъ Сѣверскимъ. Тогда,

благодаря шатости войска и нерасположенія подначальныхъ ему бояръ къ царю Борису, онъ былъ разбитъ вчетверо слабѣйшими полками Лжедмитрія. „Первый бояринъ“ получилъ тогда нѣсколько ранъ въ голову, сбитый съ коня. Раны зажили. Но въ непогоду, особенно зимой, онъ очень давали себя чувствовать и мучили его, не смотря на богатѣйшее сложеніе. Поэтому онъ и въ горницѣ не снималъ шелковой на ватѣ шапочки. Переодѣвшись по прощѣ, Шуйскій поторопился съ Мстиславскимъ къ Константино-Еленской башнѣ, гдѣ помѣщался застѣнокъ. Имъ хотѣлось избѣжать всякой встрѣчи. Въ застѣнокъ велъ каменный корридоръ, пристроенный съ внутренней стороны, къ толстой кремлевской стѣнѣ. Свѣтъ скупо лился въ узенькія окошки за желѣзной рѣшеткой и еле освѣщалъ этотъ холодный, длинный корридоръ, называемый „тюрьмой“, или „сибиркой“. Въ него можно было пройти не иначе, какъ только черезъ караулку, съ мрачнымъ, закончѣннымъ сводомъ. При входѣ князя Мстиславскаго, караульные стрѣльцы, шумно звеня саблями, поднялись съ лавокъ кругомъ стѣны; князь махнулъ рукой, чтобы сидѣли.

— Проводи! велѣлъ онъ уряднику, направляясь къ небольшой желѣзной двери, запертой на два желѣзные засова, безъ замка. — А въ застѣнкѣ кто? спросилъ Мстиславскій.

— Дьякъ губной Кравцовъ съ палачами, княже. Тебя ждутъ, отвѣтилъ урядникъ, съ грохотомъ отодвигая засовы и отворяя тяжелую, заскрипѣвшую на ржавыхъ петляхъ дверь. Князь оглянулся на царя, совсѣмъ закрытшагося мѣховымъ воротникомъ охобня и въ надвинутой на глаза соболей шапкѣ. Его нельзя было узнать, поэтому вниманіе караула сосредоточивалось только на князѣ.

Можно было задохнуться въ „сибиркѣ“ отъ гнилаго, затхлаго сирада, замѣнявшаго въ ней воздухъ. Словно смертью пахло и трупами. Среди печальной тишины и полумрака кое-гдѣ тупо звякали желѣза.

— Погляди, княже, нашихъ „сидѣльцевъ“, нашу „немшонную баню“! бойко замѣтилъ первому боярину крайній со входа преступникъ, ражій донской казакъ, назвавшійся царевичемъ Ерофеемъ, прикованный двумя цѣпами къ кольцу въ стѣнѣ и уже вынесшій три застѣнка. — Здѣсь-то у насъ людей вѣшаютъ, сколько потянетъ! кости правятъ!

— Молчать! прикрикнулъ на него вполголоса урядникъ, внушительно пригрозя кулакомъ.

— Чего молчать! еще громче продолжалъ бойкій „сидѣлецъ“, злобно тряхнувъ цѣпами, его опутывавшими. — Царевичъ Ерофей и на Лобномъ мѣстѣ, дай-ко-сь, не смолчить, не токмо въ сибиркѣ... Погоди, бояре, мы съ вами еще поговоримъ!.. Всѣхъ, должно, насъ не половите! останутся!

Мстиславскій съ Шуйскимъ торопились пройти мимо дерзкаго сидѣльда. Мрачное безмолвіе прикованныхъ другъ возлѣ друга заключенниковъ провожало ихъ по пути въ застѣнокъ. Ни одинъ не рѣ-

шился просить у знатнаго князя милости, умолять о пощаде. Сидѣльцы хорошо знали, что изъ сибирки два выхода: въ застѣнонь, да на Лобное. Отчаяніе и безнадежность имѣють своего рода гордость, мрачную и безмолвную.

Мстиславскій остановился передъ Болотниковымъ.

„Пограбленный“ стрѣльцами, т.-е. по-просту раздѣтый, въ рубахѣ и портахъ, гордый и неукротимый духомъ Иванъ Болотниковъ, „воевода царя Дмитрія Ивановича“, какъ онъ себя величалъ, представлялся теперь въ самомъ жалкомъ видѣ. Отъ желѣзнаго пробоа, пропущеннаго въ стѣну насквозь, тяжелая цѣпь шла къ желѣзному ошейнику, обмотанному суконной покрывкой, чтобъ не терлась шея; другая цѣпь схватывала его ногу; руки скованы. Во рту заткнута деревянный „кляпъ“, мѣшавшій ему не только говорить, но и дышать. Только для ѣды и питія, три раза въ день, „застѣнный мастеръ“ вынималъ изо рта этотъ „кляпъ“. Цѣпи не позволяли несчастному „сидѣльцу“ не только встать, но и шевельнуться. Онъ сидѣлъ, прислонясь спиной къ сырой стѣнѣ, вытянувъ на соломѣ ноги, уныло повѣсивъ разудалую голову, туло уставясь когда-то искрометными глазами въ кирпичный полъ. Шуйскій, старательно закрываясь воротникомъ мѣховаго охабня, чтобы не быть узаннымъ, всматривался въ этого страшнаго врага русскаго государства, въ этого мятежнаго холопа, побѣждавшаго лучшихъ царскихъ полководцевъ, съ чувствомъ удовлетвореннаго раздраженія, не исключавшимъ мстительной радости. Тотъ ли это самонадѣянный возмутитель, кто поклялся искоренить честной боярскій родъ на православной Руси и утвердить „холопское царство?“ Живо вспомнилъ Шуйскій торжественную минуту, когда изъ тульскаго каменнаго кремля, залитаго водой запруженной Упы, выѣхалъ, сопровождаемый своими подначальными „атаманами“, молодой воевода самозваннаго царя, и гордо сошелъ съ богато-убраннаго коня. „Хощь казнить — казни, государь! сказала онъ смѣло Шуйскому.— „А жизнь даруешь Ивану Болотникову—станеть Болотниковъ вѣрно служить тебѣ, государь, какъ служилъ тому, кто назвался сыномъ царя Ивана Грознова!“ Шуйскаго неволью смутило спокойствіе, съ какимъ мятежный „холопъ“ упалъ передъ нимъ на колѣни и, нагнувъ свою голову, подаль острю саблю, съ предложеніемъ обезглавить его тутъ же. Осторожный Шуйскій не спѣшилъ въ дѣлахъ государственной важности, не поддавался движеніямъ личнаго чувства. Голова Болотникова и безъ того была въ его рукахъ. Сабля, хотя и мятежная, — все же оружіе, и смерть отъ нея благороднѣе, чѣмъ смерть отъ пеньковой петли. Слѣдовало не срывать на Болотниковѣ сердце, а добыть отъ него точныя свѣдѣнія о самозванцѣ, его пособникахъ, его надеждахъ и способахъ. Шуйскій съ боярами вѣдали „воровъ, заводчиковъ крови и раззорителей“ объявившихся; ему нужно было знать „подѣискателей“ подъ него, т.-е. тайныхъ его враговъ.

„Застѣнокъ“ — темная сыскная изба, подъ тяжелымъ сводомъ, съ

малымъ вверху окномъ за желѣзными ершами, вполнѣ соотвѣтствовало своему страшному назначенію. Достаточно было ввести въ него преступника, чтобы тотъ понялъ ужасы нестерпимой пытки, ожидавшей его здѣсь. У приведеннаго сюда къ допросу Болотникова дыбомъ волоса поднялись и морозъ по кожѣ пошелъ при видѣ новой зеленоватой пеньковой веревки, змѣившейся въ его глазахъ своимъ концомъ, спускавшимся съ деревяннаго блока, укрѣпленнаго подъ сводомъ. Палачъ усердно раздувалъ мѣхомъ, устроеннымъ по-кузнечному, уголья въ горнѣ. На яркомъ огнѣ до красна накалялись клещи и прутья желѣзные. Эти клещи, которыя за длинныя ручки держалъ другой палачъ, употреблялись для ломанія реберъ. Сѣвиря, воткнутая въ дубовую плаху, клѣпники, хомуты и прочія принадлежности тогдашняго „сыска“ не располагали обреченнаго ему къ надеждѣ покинуть это зловѣщее мѣсто цѣлымъ и здоровымъ. „Заплетенный мастеръ“, старый стрѣлецъ въ кумачной рубахѣ сверхъ синихъ кубовыхъ штановъ, съ толстымъ сплетеннымъ изъ ремней кнутомъ, конецъ котораго былъ сыромятный, равнодушно засучилъ по локоть рукава красной рубашки, въ ожиданіи скорой „работы“. Этими мускулистыми руками „мастеръ“ убивалъ, когда требовалось, своимъ тяжелымъ ременнымъ кнутомъ съ двухъ ударовъ. Приземистый губной дыкъ сыскаго избы, Кравцовъ, засѣдалъ за своимъ столикомъ съ бумагами и чернилицей съ перомъ за ухомъ. Раскованный Болотниковъ, съ руками, связанными за спиною, въ одной рубашкѣ, узналъ Шуйскаго и Мстиславскаго и улыбка презрѣнія пробѣжала по его исхудалому, но въ эту минуту еще болѣе выразительному, смуглому лицу. Въ его черныхъ глазахъ отчаяніе, казалось, боролось съ ненавистью. Вмѣсто того, чтобъ трепетно ждать вопросовъ своихъ важныхъ судей, присѣвшихъ на плаху, Болотниковъ, будучи не въ силахъ совладѣть съ своимъ негодованіемъ, самъ къ нимъ обратился съ горячимъ словомъ, звучавшимъ упрекомъ:

— Здравствовать вамъ, именитые люди, князи міра сего! Онъ имъ поклонился съ почтеніемъ, съ усмѣшкой, оскорбительно наглыми и явно разсчитанными на оскорбленіе.—Пожаловали холопа пытать? Холопъ готовъ!.. Но въ холопѣ, помните, человѣчья душа, та самая, что въ тебѣ царь, и въ тебѣ князь... Помните еще: всего холопства не скажите! Что-жь молчите? — Вели же, не мѣшкай, доблестный князь! пси твои алчутъ крови моей, холопской! Застѣнокъ, вѣдь, не поле ратное, гдѣ холопи бояръ царскихъ дубьемъ побиваютъ, да какъ зайцевъ травятъ! Не бойсь Ивана Болотникова! руки скручены, воля сломана, въ застѣнкѣ одинъ съ своей правдой! Правда, знаю, вамъ не страшна, бояре московскіе... А ты, царемъ называющійся, не своимъ ли ты царскимъ словомъ обѣщаль мнѣ жизнь и честь? не сказнилъ ты меня, Василий Ивановичъ, саблей моей, что доброй волей отдалъ я тебѣ кодь Тулой; для застѣнка сберегъ меня! пытай: рви холопье тѣло!

— Забылъ ты кляпъ, холопъ дерзкій, что во рту смаковалъ?

строго замѣтилъ Мстиславскій, намекая Болотникову на вѣрное средство заставить его замолчать.

— Не грози, князь, тому, кто ничего не боится и ждетъ смерти, какъ своего лучшаго друга! порывисто вскричалъ Болотниковъ. — Глухой, хотя именитый человѣкъ! Ужели думаешь, что твой застѣнокъ пересилитъ правду, которой я послужилъ до сего моего послѣдняго часа? Знай: великій духъ, высокіе помыслы, подвигающіе меня стать за меньшихъ братьевъ, за обиженныхъ и угнетенныхъ земнымъ неправосудіемъ, научатъ меня умереть смертью, которой ты позавидовалъ бы, если бы не былъ невѣждой, подобно большей части русскихъ бояръ; знай, что не богатство земное, не знатность рода даютъ человѣку преимущество истинное, „человѣческое“; знай, что ты, князь, знатный, богатый, считающійся свободнымъ и господиномъ крѣпостныхъ людей,—рабъ; ибо душевное и умственное рабство дѣлаетъ человѣка рабомъ, а не рабское происхожденіе. Я, напротивъ, сынъ раба и рабыни, и по рабу—рабъ, и по рабынѣ—рабъ, рабъ по земному своему состоянію, я свободный человѣкъ; ибо духъ вѣчной правды, мною сознанный, во мнѣ одушевляетъ меня, ведетъ меня на жертву искушительную! рвите же, палачи, мое холопье тѣло раскаленными клещами! окровавьте мою холопью спину ремennemъ кнутомъ! отсѣкните холопью мою голову на плахѣ! за все тѣмочисленное холопство русское, за всѣхъ своихъ братьевъ злосчастныхъ, вами утѣсненныхъ, боярами, — пострадаю браннымъ моимъ холопьемъ тѣломъ; но безсильны всѣ вы, князи земли, съ своими палачами, поработить свободный мой духъ и свободные мои помыслы! Они не зароятся въ землю вмѣстѣ съ земными моими останками; они вѣчно останутся лучшимъ достояніемъ человѣка, котораго земные законы обываютъ рабомъ и подчиняютъ самовластію человѣка же! Они вѣчно будутъ поднимать раба на его насильника, именуемаго господиномъ! Пойми, царь, чтѣ пошатнуло престолъ Годунова? чтѣ шатало и пошатнетъ, рано-ли поздно-ли, твой царскій престолъ? не польскіе паны съ самозванцами,—холопство! Одумайся съ боярами и попами, объяви: нѣтъ де больше въ русской землѣ пространной ни боярина, ни холопа; сравняй дѣтей одной матушки, православной Руси, — и самъ узришь тишину государственную и дни благодатные!..

Болотниковъ высказался со всѣмъ пыломъ глубокаго убѣжденія, со всѣмъ безстрашіемъ человѣка, пренебрегающаго не только муками, но и смертью. Теперь не хвастливость врага, смѣющагося надъ угрозами и отвѣчающаго на нихъ съ дерзостью отчаянья, слышалась въ его горячей рѣчи, но негодованіе человѣческой свободной души, взывающей во имя равенства всѣхъ людей, требующей отъ земной власти сносной земной доли обездоленнымъ, признанія человѣческихъ правъ поработеннымъ. Умный Шуйскій слушалъ его терпѣливо и внимательно. Мстиславскій растерялся, понимая, что очутился въ положеніи обвиняемаго и не ему судить этого мятежнаго холопа, понимаю-

щаго и чувствующаго и шире, и глубже, чѣмъ самъ онъ, князь, понимаетъ и чувствуетъ. Безмолвные палачи въ недоумѣннн поглядывали на свою жертву, смутно сознавая, что она говоритъ правду, и отвѣтъ даетъ за правду.

— Человѣкъ съ твоимъ умомъ и образованіемъ, Иванъ, мягко началъ Шуйскій, — могъ бы, конечно, заслужить себѣ иную участь. Ты учился у иноземцевъ, въ фряжской землѣ, куда тебя судьба забросила. Ты позналъ фряжскіе нравы и законы и убѣдился въ превосходствѣ иноземныхъ порядковъ надъ нашими, русскими. Немудрено, что тебѣ не по праву старей русскій обычай. Правъ ты и въ томъ, что „последніе“ бываютъ „первыми“, если не въ чиновныхъ разрядахъ и не по богатству земному, то по духовному своему совершенству; и то правда: на землѣ не все дѣлается согласно закону Божію; понеже дѣла рукъ человѣческихъ, какъ-то: домостроительство и строеніе государственное—не имутъ совершенства; колыми паче російское государство юно есть и обуреваемо крамолой, и отъ зачатка своего иго магометово познало. Того ради, доброты наши съ нами должны твердо держаться предковскаго обычая въ домостроительствѣ и предковскаго закона въ правительственномъ державствѣ: хороши ли они, дурны ли, не время ихъ ломать. Довлѣетъ днени злоба его! Въ домостроительствѣ Божіемъ, въ природѣ, новая весна одѣваетъ лѣсъ въ новый уборъ, и молодне листья зеленѣютъ вмѣсто старыхъ, отпавшихъ подъ дыханіемъ осеннихъ холодовъ и бурь. И перемѣны въ человѣческомъ состояніи безвременны не бываютъ, но слагаются разумомъ и силою времени, постепенно, часто вопреки разуму и хотѣнію человѣческому; ибо разумъ и хотѣніе человѣческіе суть заблужденія, но разумъ и сила времени непреложны, какъ разумъ и сила самого Бога. Заблуждаешься ты, Иванъ, посягая на учрежденіе человѣческое, рабствомъ нарицаемое. Библейскіе патриархи имѣли своихъ рабовъ и рабынь, то ты вѣдаешь; Спаситель міра, Иисусъ Христосъ, не возбраняетъ рабовладѣніе въ ученіи своемъ. И въ иноземныхъ государствахъ, вѣдомо, суть господа и суть рабы. Не по нутру тебѣ родовые бояре, именитые люди! Завистуешь, Иванъ, потому самъ ты, худородный и отъ рабовъ рожденный, лѣзешь въ боярство! Величаться тебѣ нечѣмъ, по подлomu своему роду выслужиться тебѣ трудно; а башкой Господь тебя не обидѣлъ и талантомъ полнымъ наградилъ. Вотъ ты, завистуя лучшимъ людямъ, подбилъ на нихъ худшихъ людишекъ, свою холощю братью: старые-де порядки на Руси искоренимъ, холопы боярами стануть. И то я тебѣ въ вину вибняю, что въ союзники ты къ самозванцу пошелъ, съ польскими паннами за-одно сталъ. Отъ твоего холопства довольно государство наше разорено, и народу православнаго побито. Престольный самый градъ нашъ дерзнулъ ты воевать, и наши царскія рати въ полѣ и въ городахъ неоднократно ты побивалъ и посрамлялъ. И хвалился ты, Иванъ, въ грамотахъ прелестныхъ своихъ извести родовитыхъ

людей. Какъ же мнѣ вѣрить тебѣ, мятежному холопу, что ты служить мнѣ станешь твердо и неподвижно, какъ самозванцу служилъ? Врагъ ты намъ былъ, врагомъ нашимъ и умрешь! Развѣ не послалъ къ тебѣ я, не уговаривалъ тебя отстать отъ самозванца, не обѣщалъ тебѣ чинъ дворянскій и помѣстья?

— Обѣщаль! тихо подтвердилъ Болотниковъ.

— Ты презрѣлъ мое царское слово и мою милость.

— Да! заговорилъ Болотниковъ съ прежнею живостью. — Тогда я рассчитывалъ на другой исходъ дѣла холопскаго, которымъ я руководилъ. Твое обѣщаніе, царь, льстило мнѣ лично, но не дѣлу моему. Я получилъ бы отъ тебя чинъ думнаго дворянина, помѣстья; но что съ этимъ выиграли бы десятки тысячъ холоповъ, вооружившихся по моему слову и соединившихъ свою судьбу съ моею судьбою? Что получили бы миллионы холоповъ, насторожившихся по моимъ грамотамъ и нетерпѣливо ждавшихъ, на всемъ пространствѣ русскаго государства, успѣховъ моего оружія, за нихъ поднятаго? Ставь твоимъ, царскимъ, дворяниномъ, обѣленнымъ, истомѣщеннымъ именитымъ челоуѣкомъ, а собою только увеличилъ бы число утѣснителей моихъ братьевъ-холопей. Въмѣсто обѣщанной имъ свободы, я способствовалъ бы ихъ закрѣпощенію. Мои виды не совмѣщались съ твоими, государь! Вотъ почему не согласился я тогда на твое предложеніе. Долгъ совѣсти не дозволилъ мнѣ на него согласиться!

— Дѣло твое, спокойно замѣтилъ Шуйскій. — Ты мнѣ не повѣрилъ, я не вѣрю тебѣ. Всякъ при своемъ... теперь, вотъ что: скажи мнѣ, Иванъ, знаешь ли ты самозванца?

Болотниковъ подумалъ, прежде чѣмъ сказалъ:

— Знаю.

— Кто онъ такой, назвавшійся разстригинымъ именемъ? Вѣдаемъ воровъ, нарѣвшихся царскимъ титуломъ, а сего самозванца никто не вѣдаетъ.

— Самозванецъ сей столь преступенъ и подлъ, что порочить даже достоинство ложнаго государя, которое на себя принялъ! — мрачно, какъ бы подъ вліяніемъ тяжелаго воспоминанія, съ тихимъ вздохомъ сказалъ Болотниковъ.

— Полягъ или русскій, кто, откуда, какъ его имя?

— Я поклялся на своей саблѣ сохранить тайну его, и сдержу свою клятву, государь! твердо, поднявъ голову, отвѣтилъ плѣнникъ.

Шуйскій безпокойно глянулъ на Мстиславскаго.

— Кнутъ не дьяволъ, а правду сыщеть! строго замѣтилъ Болотникову первый бояринъ, намекая ему на пытку. — Не таишь, Иванъ, скрываешь царю про самозванца, что знаешь. Побереги себя.

— Не скажу! съ мрачною рѣшимостью повторилъ Болотниковъ. — Дѣлайте со мною, что хотите!

Шуйскій опять безпокойно глянулъ на Мстиславскаго, съ понятнымъ ему согласіемъ распорядиться, какъ знаеть.

— Пытать вора въ три переѣны! кратко приказалъ первый бояринъ, съ хладнокровіемъ чловѣка, привыкшаго къ ужасамъ застѣнка.— На виску!

— Приступите, царскіе палачи, къ своему дѣлу: сыскивайте! скомандовалъ, какъ бы пропѣлъ за своимъ столикомъ, губной дьякъ Кравцовъ и глубокомысленно обмакнулъ перо въ чернильницу, зорко поглядывая на „дѣло“.

Заплетный мастеръ и палачи бросились на свою жертву и, проворно развязавъ ей руки, привязали ихъ къ концу зеленоватой новой веревки, а ноги ея забили въ тяжелую дубовую колоду. Затѣмъ палачи дружно схватились за другой конецъ веревки и потащили. Деревянный блокъ заскрипѣлъ и запищалъ, словно приговаривая о горькой долѣ пытаемаго. Зеленоватая веревка натянулась, какъ струна. Болотниковъ закачался, медленно поднимаясь къ блоку и темному своду вслѣдъ за своими руками, вывернувшимися въ лопаткахъ; растерянными глазами, выражавшими и ужасъ, и боль нестерпимую, глядѣлъ несчастный на царя и на боярина и поднялся еще выше. Страшно вытаращенные глаза его какъ бы спрашивали: не шутка ли это одна съ нимъ? А руки, вывернутыя изъ „вертлюговъ“, все подтягивались къ жалобно скрипѣвшему блоку, таща за собою вытянувшееся и качающееся тѣло съ тяжелою колодкою на ногахъ.

— Первый кнутъ! пропѣлъ за своимъ столикомъ дьякъ Кравцовъ, отпѣвая на бумагѣ.— Приступи, заплетный!

Заплетный мастеръ, отступивъ на шагъ, ловко взмахнулъ кнутомъ. Свистнувъ въ воздухъ, онъ глухо шлепнулъ по спинѣ Болотникова. Ключки располосованной рубашки и кровь, брызнувшая изъ глубоко разсѣченнаго тѣла, пуще закачавшагося и завертѣвшагося, вывали въ Шуйскомъ доброе желаніе прекратить пытку. Онъ былъ слабобольнъ. Съ ужасомъ, закрывъ глаза и стиснувъ губы, онъ крѣпко сжалъ одною рукою коленно Мстиславскаго, а другою выразительно махнулъ, чтобъ кончили.

— Кнутъ не ангелъ—души не вынетъ, а правду скажетъ! замѣтилъ бояринъ, не обращая вниманія на волненіе царя, задавшійся рѣшимостью добиться отъ Болотникова, во что бы то ни стало, свѣдѣній о личности второго самозванца.—Молчишь, Иванъ? Поглядимъ: кто кого перемолчитъ?

Болотниковъ, блѣдный, какъ мертвецъ, молчалъ. Все тѣло его лихорадочно дрожало, спина посинѣла и вадулась, залитая кровью. Черные глаза горѣли, ноздри широко раздувались. Онъ задыхался...

— Другой кнутъ! пропѣлъ дьякъ за столикомъ.— Паки приступи, заплетный!

Заплетный повторилъ свой ударъ и бросилъ кнутъ. Сыскиваемый казался мертвымъ. Голова бессильно упала на грудь, тѣло не дрожало болѣе, глаза не горѣли, ноздри не раздувались, ротъ не дышалъ. Весь онъ обливался своею кровью...

Шуйскій не выдержалъ и послѣшилъ покинуть застѣнокъ. Мстиславскій, не могшій забыть срама своихъ поражений на ратномъ полѣ, понесенныхъ имъ отъ Болотникова, нѣхотя съ нимъ разстался. Выходя, онъ велѣлъ заплочному снять его съ виски и „убрать“ по прежнему. „Убрать“ — значило приковать узника и всунуть ему въ ротъ деревянный вляпъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНИЕ О Н. Д. МИЗКО.

В ПОСЛѢДНЕЕ время все чаще и чаще слышатся траурныя вѣсти объ отшедшихъ на вѣчный покой дѣятеляхъ русской литературы,—послѣднихъ могиканъ знаменательной эпохи сороковыхъ годовъ. Съ неумолимой послѣдовательностью смерть уноситъ въ свѣжія могилы одного за другимъ людей, когда-то честно послужившихъ родному слову, по мѣрѣ силъ и средствъ. Вотъ и недавно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, окончилъ свое земное бытіе одинъ изъ такихъ ветерановъ литературы,— правда, не пользовавшійся въ ней громкою извѣстностью, по скромному объему своихъ трудовъ, посвященныхъ въ особенности исторіи словесности и библиографіи, но горячо преданный дѣлу, Николай Дмитриевичъ Мизко, бывшій на своемъ вѣку усерднымъ и, болѣею частію, анонимнымъ вкладчикомъ многихъ періодическихъ изданій. Какъ человекъ и какъ литераторъ-любитель, онъ имѣетъ заслуженное право на посмертное о немъ воспоминаніе не среди однихъ лишь его близкихъ и друзей, но и тѣхъ, для кого не безразлично и дорого всякое правдивое сказаніе о нашихъ добросовѣстныхъ труженикахъ въ области мысли и печатнаго слова. Собственно съ этою цѣлью и передаются о покойномъ эти свѣдѣнія, взятыя преимущественно изъ автобиографическихъ его матеріаловъ: писемъ и памятныхъ замѣтокъ.

13-го мая 1818 года, въ Екатеринославѣ, у директора тамошней гимназіи, статскаго (впослѣдствіи дѣйствительнаго) совѣтника Дмитрія Тимоѣевича Мизко и жены его Александры Ѳеодоровны, рожденной Легкоступъ, родился сынъ-первенецъ Николай, вслѣдъ за которымъ, втеченіе четырехъ лѣтъ, семейство это умножилось еще

двумя дѣтьми: дочерью и другимъ сыномъ ¹⁾. Рожденіе послѣдняго стоило жизни матери, умершей въ цѣлѣтущихъ еще лѣтахъ ²⁾, когда старшему ея мальчику исполнилось почти 4 года. Такимъ образомъ, дѣти въ младенчествѣ лишились материнскихъ попеченій и всѣ заботы объ ихъ воспитаніи пали исключительно на овдовѣвшаго отца семьи,—къ счастью человѣка недѣлюжиннаго, обладавшаго солиднымъ образованіемъ и, мало того, педагогическою опытностью. Скажемъ здѣсь о немъ нѣсколько словъ.

Дмитрій Тимоѣевичъ Мизко, потомокъ стариннаго въ Малороссіи дворянскаго рода, происходившаго изъ австрійскихъ славянъ, родился въ г. Борзѣ (Черниговской губ.), 26-го октября 1772 г.; онъ былъ сынъ священника-дворянина, прошелъ курсъ кievской духовной академіи и потомъ, поступивъ на гражданскую службу, большую часть своей жизни подвизался съ честію на педагогическомъ поприщѣ. Между прочимъ, около тридцати лѣтъ сряду прослужилъ онъ въ должности сперва директора училищъ Екатеринославской губерніи (съ ноября 1803 г.), а затѣмъ—мѣстной гимназіи, со времени самого ея открытія, имъ же торжественно исполненнаго, 1-го августа 1805 г., по распоряженію начальства харьковскаго университета. Дмитрію Тимоѣевичу пришлось начать собою преемственную лѣстницу гимназическихъ директоровъ и стать на первой ея ступени; но, первый по счету, онъ едва ли не былъ имъ и по заслугамъ дѣлу, которому посвятилъ себя. При немъ екатеринославская гимназія выдавалась превосходнымъ во всѣхъ частяхъ состояніемъ и слыла не даромъ изъ лучшихъ въ своемъ учебномъ округѣ. Счастливая случайность совпала въ лицѣ Д. Т. Мизко истинное призваніе къ такой службѣ съ хорошо обеспеченнымъ матеріальнымъ положеніемъ и дала новорожденной гимназіи начальника, трудившагося не изъ нужды, а по внутреннему влеченію къ педагогической профессіи, и во весь долгій періодъ его директорства, — о которомъ бывшіе питомцы гимназіи, теперь уже почтенные старики, вспоминаютъ до сихъ поръ съ благодарнымъ чувствомъ, — заведеніе это стойко держалось на высотѣ своей доброй славы. Къ слову сказать, выпускавшіеся имъ воспитанники, отличаясь, вообще, болѣе чѣмъ удовлетворительнымъ школьнымъ образованіемъ, выносили оттуда хорошія практическія познанія въ новыхъ иностранныхъ языкахъ: явленіе очень рѣдкое и ничье въ провинціальныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Труженникъ-директоръ служилъ до тѣхъ поръ, пока не пришла старость и не измѣнило ему крайне ослабѣвшее зрѣніе (впослѣдствіи

¹⁾ Дочь Надежда Дмитриевна, р. въ 1820 г., умершая незамужнею въ 1866 г., и сынъ Георгій Дмитриевичъ, р. 26-го апрѣля 1822 г., здравствующій нынѣ и проживающій въ своемъ имѣніи, Екатеринославской губ., въ Новомосковскомъ уѣздѣ.

²⁾ На 88-мъ году жизни: она родилась въ 1790 г.

совершенно потерянное, за десять лѣтъ до смерти его). Эти причины заставили старика выйти въ отставку (въ 1831 году) и проводить остатокъ жизни на покой. Совсѣмъ уже ослабшій и немощный тѣломъ, хотя и бодрый умомъ, онъ тихо угасалъ среди своей семьи и, 19-го декабря 1847 г., отдалъ Богу душу ¹⁾. Ровно двадцатью годами пережилъ покойника его младшій братъ-холостякъ, Григорій Тимоѣевичъ Мизко, человѣкъ замѣчательнаго ума и большихъ познаній, масонъ и мистикъ, лично извѣстный знаменитому министру духовныхъ дѣлъ, князю Александру Николаевичу Голицыну, и пользовавшійся его благосклоннымъ вниманіемъ ²⁾.

Дмитрій Тимоѣевичъ, всецѣло поглощенный своими служебными обязанностями, на которыя уходило почти все его время, несмотря на свое здравомысліе и опытность, разумѣется, никоимъ образомъ не могъ вполне замѣнить дѣтямъ мать и, естественно, упускалъ изъ виду многое, что требовало бдительнаго вниманія. Кромѣ того, онъ имѣлъ слабость проявлять очень замѣтно пристрастіе къ своему первенцу и, довольный его счастливыми задатками, его учебными успѣхами, баловалъ любимца больше, чѣмъ бы слѣдовало. За этимъ мальчикомъ, обильно одареннымъ отъ природы добрымъ сердцемъ, бойкими способностями, благородными инстинктами, ухаживали съ младенчества до возмужалости словно за тепличнымъ продуктомъ, пѣстовали его, какъ неоперившагося птенца, чуть не кормили изъ рукъ. Для маленькаго Коли даже созданъ былъ своеобразный порядокъ, регламентировавшій его физическое существованіе. Богъ знаетъ, въ какихъ назидательныхъ книжкахъ вычиталъ Дмитрій Тимоѣевичъ премудрыя гигиеническіе рецепты, по указанію которыхъ, напримѣръ, ребенку ни подъ какимъ видомъ не дозволялось пить сырую воду, а предписывалось всегдашнее употребленіе отварной,

¹⁾ Не можемъ не отиѣтить здѣсь, что Д. Т. Мизко оставилъ въ печати нѣкоторые слѣды своей умственной дѣятельности. Вотъ они: I) Рѣчь, произнесенная при открытіи екатеринославской гимназіи и напечатанная въ № XIII „Періодическаго сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія“, стр. 107—114. II) Рѣчь, сказанная 1-го мая 1810 г., въ собраніи дворянства Екатеринославской губ., по случаю полученія высочайшей грамоты „за подвиги и пожертвованія, при составленіи и образованіи земскаго войска оказавшія“ (Харьковъ, въ унив. тип.). III) Рѣчь во время публичнаго испытанія, іюня 28-го дня 1810 г. (Харьковъ, въ университетѣ, 4^о, 1812). IV) Рѣчь, говоренная при торжественномъ открытіи уѣздныхъ училищъ, въ 1811 году, Херсонской губ., въ городахъ Елисаветградѣ, Новомиргородѣ и Вознесенскѣ (Харьковъ, 1812). V) Рѣчь, произнесенная іюня 28-го дня 1813 года (Харьковъ, 1816, 8^о). VI) „Нѣкоторыя черты жизни покойнаго преосвященнаго Іова (Потемкина), архіепископа екатеринославскаго“ (Спб. 1826. 8^о).

²⁾ Григорій Тимоѣевичъ Мизко род. 24-го января 1782 г., ум. 7-го іюля 1867 г., въ чинѣ статскаго совѣтника. Въ іюнѣ 1820 г. онъ былъ опредѣленъ въ Екатеринославской губерніи „попечителемъ общества Израильскихъ христіанъ“, учрежденнаго на основаніи высочайшаго указа 25-го марта 1817 г., а уволенъ отъ этой должности 2-го іюня 1838 г. за упраздненіемъ самаго комитета опекунства „Израильскихъ христіанъ“ въ 1833 г. 30-го марта.

или же съ подмѣсъю краснаго вина; строжайше вмѣнялось въ обязанность всепремѣнно и ежедневно ложиться спать послѣ обѣда, — изъ чего если допускались рѣдкія исключенія, то развѣ въ видѣ слезно-выпрошенной особенной льготы, и только по годовымъ или торжественно-семейнымъ праздникамъ... На открытый воздухъ выпускали „паныча“ не иначе, какъ съ большими предосторожностями, окутывая его въ вату либо въ мѣхъ, на подобіе запакованнаго тюфяка; а въ комнатѣ — пуше всякой напасти берегли отъ сквознаго вѣтра... Такое воспитаніе, въ концѣ концовъ, могло сломить самое дюжее здравье; но желѣзный организмъ Николая Дмитріевича, однако, перенесъ его благополучно. Зато въ иномъ отношеніи воспитаніе это принесло свои горькіе плоды: въ молодомъ человѣкѣ выработалась порядочная доля мнительности, недовѣрія къ самому себѣ, нервной раздражительности, но всего сильнѣе вкоренилась въ немъ вѣчная неумѣлость въ житейскихъ дѣлахъ, — дѣтская непрактичность, — рядомъ съ непомѣрно-развитою мечтательностью и падкостью къ порывистымъ увлеченіямъ, что и отозвалось потомъ въ жизни дѣйствительной... Одно драгоценное приобрѣтеніе вынесъ онъ изъ домашняго воспитанія: глубокую, никогда не ослабѣвавшую религіозность, навѣянную истинно-патріархальнымъ благочестіемъ отца и дяди. Эта теплая, крѣпкая вѣра въ Бога до конца жизни поддерживала въ немъ нравственныя силы и, въ союзъ съ прекраснымъ сердцемъ и просвѣщеннымъ умомъ, указывала вѣрный путь лучшимъ его стремленіямъ.

Оригинальная домашня выдержка не мѣшала, впрочемъ, Н. Д. хорошо учиться. Въ этомъ отношеніи онъ былъ направленъ гораздо разумнѣе, чѣмъ въ воспитательномъ, и въ августѣ 1828 года, десяти лѣтъ отъ роду, вступивъ въ екатеринославскую гимназію, радовалъ своими успѣхами отца, въ которомъ имѣлъ зоркаго надъ собой наблюдателя и неусыпнаго руководителя. Въ особености Николай Мизко отличался за все пятилѣтнее время курса (ограниченнаго въ тогданнее время этимъ только срокомъ) по предмету „россійской“ словесности, — излюбленному имъ предмету втеченіе цѣлой жизни. Мы имѣли случай просмотрѣть тетради ученическихъ его сочиненій, писанныхъ на заданныя темы (въ среднихъ и послѣднихъ, т. е. высшихъ классахъ) и не могли не изумиться почти безукоризненной правильности и гладкости изложенія, такъ же какъ и замѣчательной для юношескаго возраста начитанности. Вообще, литературныя способности сильно заявляли себя въ этихъ стилистическихъ упражненіяхъ и судили нѣчто въ будущемъ. Любознательный и надѣленный богатой памятью отрочекъ читалъ очень много вѣвъ обязательныхъ классныхъ занятій, пользуясь довольно-значительной по объему и выбору отцовскою бібліотекою, которая исправно пополнялась почти всѣми періодическими изданіями, какія выходили въ то время. Помѣщавшіяся въ нихъ беллетристическія произведенія Марлинскаго, Н. По-

леваго, Н. Ф. Павлова, Бенедиктова и Кукольника, сводившія съ ума наивныхъ читателей тридцатыхъ годовъ своимъ затѣйливо-цвѣтистымъ слогомъ, трескучими фразами и невѣроятными романтическими вымыслами, тѣмъ болѣе плѣняли нашего восторженнаго гимназиста и заохочивали его пускаться въ подражанія этимъ моднымъ тогда „сочинителямъ“,—въ поддѣлки подъ ихъ тонъ и слогъ, болѣе или менѣе удачныя. Въ тѣ блаженные годы были въ большомъ ходу у грамотныхъ подростковъ „дневники“, какъ альбомы у барышень, — и нашъ юный мечтатель затѣялъ тоже свой дневникъ, гдѣ исписывалъ цѣлыя страницы, изображая фразистымъ языкомъ небывалыя страданія „непонятой“ души, или муки изобрѣтенной на досугъ пламенной любви къ коварной незнакомкѣ... Но всѣ эти, совершенно невинныя въ сущности, измышленія служили только „пробой пера“, помогали только „набивать руку“, но не извратили навсегда въ начинающемъ литераторѣ ни здраваго вкуса, ни эстетическаго чутья. Уже недалеко оставалось до обновительной эпохи русскаго Лессинга, водворившей инныя понятія объ условіяхъ изящнаго, о задачахъ современной словесности...

Пятилѣтіе гимназическаго курса прошло незамѣтно. За два года до того, отецъ Николая Мизко оставилъ директорскую службу и продолжалъ уже дома слѣдить за ученьемъ сына, проживая постоянно въ Екатеринославѣ, откуда отлучался лишь по временамъ въ свои имѣнія Новомосковскаго уѣзда. Наконецъ, онъ дождался выпуска сына. 28-го іюня 1833 года, пятнадцатилѣтній его Коля получилъ аттестатъ объ окончаніи курса съ серебряною медалью въ награду. Само собою разумѣется, что велѣдъ затѣмъ предсталъ вопросъ о вступленіи въ университетъ, о чемъ давно и задушевно мечталъ молодой Мизко, соревнуя примѣру своихъ двоюродныхъ братьевъ и нѣкоторыхъ другихъ товарищей и, еще болѣе, повинуваясь тяготѣнію собственныхъ наклонностей, которое тянуло его къ высшему образованію, къ учено-литературной сферѣ. И однако, вопросъ этотъ, долго и многосторонне обсуждавшійся на семейномъ ареопагѣ, былъ разрѣшенъ отрицательно. Дмитрій Тимоѣевичъ, самъ вкусившій отъ плода познанія въ высшемъ учебномъ заведеніи и цѣлый вѣкъ изжившій надъ трудомъ подготовки молодыхъ людей въ центральный „храмъ наукъ“, оказался противъ вступленія сына въ университетъ, утверждая, что тотъ еще слишкомъ не зрѣлъ и слишкомъ пылокъ для самостоятельной,—т. е. освобожденной отъ непосредственнаго родительскаго надзора,—жизни въ университетскомъ городѣ, вдали отъ родной семьи, среди шумнаго общества студентовъ-шалуновъ, которое могло въ конецъ испорить добрую нравственность неопытнаго птенца, впутывать его въ скандальныя исторіи, и такъ далѣе, и такъ далѣе... Можетъ статься, мнительный старикъ не вовсе былъ не правъ въ своихъ соображеніяхъ, но, вѣрнѣе всего, старику просто не хотѣлось разстаться съ любимымъ дѣтищемъ, и онъ твердо на-

стоялъ на своемъ, опредѣливъ сына въ гражданскую службу, менѣе нежели черезъ годъ послѣ выпуска его изъ гимназіи. Въ маѣ 1834 года, Николай Мизко сдѣлался канцеляристомъ екатеринославской губернской строительной комиссіи и ровно по прошествіи года получилъ чинъ коллежскаго регистратора...

Канцелярская служба, хотя почти номинальная, сильно претмила новоиспеченному чиновнику. Она была, во-первыхъ, не въ его натурѣ, а во-вторыхъ — явила его самолюбіе, страдавшее при мысли, что даже для чиновничьей карьеры онъ, Мизко, не имѣетъ правъ и преимуществъ, приобретаемыхъ университетскимъ дипломомъ. Сѣтованіямъ явнымъ и тайнымъ не было конца. „Тебѣ извѣстно“ — писалъ онъ однажды въ 1837 году къ младшему кузену и другу своему, Николаю Семеновичу Рындовскому, — „что мнѣ со всѣхъ сторонъ подрѣзаны крылья... Судьба какъ будто нарочно окружаетъ меня неудачами во всемъ, рѣшительно во всемъ: въ дѣятельности сердца, ума и воли, которая находить для себя тяжелыя преграды. Не говоря о мелочахъ (т. е. о неудобствахъ настоящей моей стѣснительной домашней жизни), я упомяну только о томъ, что тебѣ извѣстно. Ты знаешь, какъ мнѣ хотѣлось учиться въ университетѣ, а меня засадили за преглупѣйшую канцелярщину; тебѣ извѣстно также, какая блестящая будущность представлялась мнѣ, если бъ я началъ службу подъ руководствомъ дядюшки Григорія Тимоѣевича, въ столицѣ, — а меня заставляютъ гнить въ кошлой до омерзения провинціи... Наконецъ, умственная моя дѣятельность, впервые стѣсненная тѣмъ, что я не учился въ университетѣ, состоитъ и теперь отовсюду въ самой тяжелой засадѣ (sic): я дѣлаю то, чего не хотѣлъ бы, я не могу дѣлать того, чего требуютъ благородныя побужденія моего духа. Но усовершенствоваться, или, вѣрнѣе, распространить кругъ моей умственной дѣятельности, — это, какъ мнѣ кажется, зависитъ нѣсколько и отъ меня, т. е. отъ посредственнаго или непосредственнаго дѣйствія моихъ силъ и средствъ... Я надумалъ писать для журналовъ, — на примѣръ, „Библиотеки для чтенія“, „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“... Не имѣешь ли ты въ виду какихъ-нибудь книгъ или брошюръ историческаго содержанія, или по части теоріи словесности или философіи, — на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, вышедшихъ не позже какъ года за два или за три въ Европѣ, изъ которыхъ можно бы позаимствоваться для переводныхъ статей. Касательно же оригинальныхъ, я готовилъ было извѣстное тебѣ разсужденіе: „О современномъ направленіи русской литературы“ (теперь совершенно измѣненное и исправленное), съ тѣмъ, чтобы употребивъ его для кандидатскаго экзамена въ университетѣ, послать потомъ въ „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“, но экзаменъ не состоялся, и сочиненіе лежитъ не оконченное“...

Не всѣ эти намѣренія осуществились, но Николай Мизко, не переставая мечтать о дипломѣ на ученую степень, рѣшилъ готовиться

дома къ университетскому экзамену, съ согласія отца, который весьма охотно одобрилъ это благое предпріятіе, видя въ немъ цѣль добиться не вступленія только въ университетъ, а выдержанія тамъ экзамена окончательнаго, для полученія извѣстной степени, что нисколько не грозило продолжительною разлукою отца съ сыномъ. На счастье Николая Дмитриевича судьба послала ему превосходнаго пособника и наставника въ особѣ одного изъ прежнихъ его гимназическихъ учителей. Это былъ Андрей Степановичъ Понятовскій, родомъ кievлянинъ, священнической сынъ, нѣкогда студентъ петербургской духовной академіи, временъ митрополита Амвросія (Подобѣдова), ректора Филарета (Дроздова), впоследствии знаменитаго московскаго архипастыря, и инспектора Григорія (Постникова), будущаго митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго. А. С. Понятовскій оставался навсегда незабвеннымъ для многочисленныхъ учениковъ своихъ. То былъ едва ли не лучший представитель типа наставниковъ старой школы, по необычайному трудолюбію, опытному знанію своего дѣла и благотворному вліянію на учащихся,—свѣтлая, благородная личность, умѣвшая вдохнуть въ молодыя сердца чистую любовь къ наукѣ и возвышенное сознаніе обязанностей человека и гражданина. На свою скромную профессію онъ смотрѣлъ какъ на святой долгъ передъ отечествомъ и съ какимъ-то религіознымъ благоговѣніемъ относился къ ней.

Естественно, что съ такимъ незауряднымъ учителемъ приготовительныя занятія юнаго коллежскаго регистратора шли очень дѣльно. Но ученикъ-чиновникъ, при всѣхъ успѣхахъ, страшно потрухивалъ и волновался, въ ожиданіи развязки, т. е. предстоящаго ему искуса.

Въ Харьковѣ скоро настала вождедѣнный конецъ этимъ тревоженіямъ и страхамъ. Все обошлось благополучно. Подготовившись еще и тамъ частными уроками у нѣкоторыхъ профессоровъ, Н. Д. Мизко удачно сдалъ университетскій экзаменъ въ первомъ отдѣленіи философскаго (словеснаго) факультета и былъ удостоенъ званія дѣйствительнаго студента. 27-го іюня, вечеромъ, довольный и счастливый, онъ возвратился во-своихъ и записалъ въ дневникѣ слѣдующія строки: „День возвращенія изъ Харькова. Благодарю Тебя, Господи, за прошедшее, настоящее и будущее, потому что оно, я увѣренъ, будетъ таково, какое должно быть“.

Въ этомъ же счастливомъ для него году дебютировалъ онъ въ печати первую свою статью, помѣщенную въ 12-й (декабрьской) книжкѣ „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“ 1838 года и подписанною инициалами „Н. М.“: „Программа полнаго курса теоріи словесности“. Коротенькая статейка эта,—всего въ восемь печатныхъ страницъ, — конечно, не особенно замѣчательна по содержанію, но свидѣтельствуетъ, впрочемъ, о добросовѣстномъ изученіи авторомъ своего предмета и, какъ первый опытъ, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Можно себѣ представить, сколько удовольствія доставило

молодому человѣку, давно грезившему о литературной аренѣ, появленіе на ней этой пробной работы, и притомъ на страницахъ серьезнаго, спеціального журнала! Авторское самолюбіе было вполне насыщено разговоромъ о статейкѣ, тотчасъ же поднявшимся въ провинціальномъ обществѣ какъ между немногими, читавшими ее, такъ и нечитавшими большинствомъ, для котораго производители печатныхъ сочиненій считались въ то блаженное время еще рѣдкостью, и дорогою рѣдкостью...

Пожиная свои первые литературные лавры, Николай Дмитріевичъ преуспѣвалъ и въ чинахъ: въ томъ же 1838 году онъ получилъ второй, а скоро затѣмъ и нѣсколько слѣдующихъ. Въ поискахъ лучшей для себя службы, — т. е. службы по своему вкусу, — онъ частенько мѣнялъ ее переходами изъ одного учрежденія въ другое (какъ-то: изъ строительной комиссіи сперва въ уголовную палату, потомъ въ казенную); но эти перемѣщенія оказывались, въ сущности, безразличными, потому что онъ только „числился“ въ канцеляріяхъ присутственныхъ мѣстъ (для чиновъ)... Наконецъ, онъ облюбовалъ себѣ дѣло рабочее, по своимъ склонностямъ: въ газетномъ столѣ губернскаго правленія, въ должности редактора „Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомосте“, что состоялось въ 1845 году. Здѣсь онъ попалъ въ родную стихію. Какъ вездѣ и повсюду на святой Руси, эта сѣренькая газетка, въ ея неофициальномъ отдѣлѣ, неизмѣнно носила до того времени свою заповѣдную казенную физиономію отчаянной безсодержательности и мертвенности, существуя исключительно крохоборствомъ, сирѣчь подборіемъ жалкихъ крупицъ, падающихъ отъ не роскошной трапезы тогдашней столичной прессы. Новый же редакторъ повернулъ дѣло на иную стать и принялся за него горячо и толково. Съ ретивымъ усердіемъ молодости, работая безъ усталы, въ одиночку, онъ успѣлъ придать трипичной губернской газетѣ невѣдомую ей жизнь и свѣжесть, сдѣлать занимательнымъ отдѣлъ мѣстныхъ извѣстій и заинтересовать безучастныхъ дотолѣ читателей, не находившихъ прежде ничего путнаго въ этихъ листкахъ, — статьями, легко и бойко написанными о разныхъ вызывающихъ вниманіе фактахъ и явленіяхъ общественнаго быта, насколько доступно было „трагтовать“ о нихъ при ветхозавѣтныхъ условіяхъ провинціальной печати. Самый выборъ неизбѣжныхъ перепечатокъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и Българинской „Сѣверной Пчелы“ дѣлался умѣлою, ловкою рукой и принималъ характеръ свода общезанимательныхъ замѣтокъ, а оригинальныя статьи самой редакціи „Губернскихъ Вѣдомостей“ имѣли успѣхъ небывалый. Большею частію, эти самодѣльныя статьи касались той области сужденія, гдѣ представлялось анализу болѣе простора, — на прим., театра, — и театральная хроника явилась едва ли не лучшимъ отдѣломъ газеты, по живости и меткости замѣчаній объ игрѣ артистовъ, сценической постановкѣ пьесъ и характеристикѣ ролей. Редакторъ страстно любилъ театръ, умѣлъ понимать его значеніе и цѣнить

исполнителей, а еще болѣе, исполнительницъ ¹⁾... Однако, отчетами о театральнѣхъ зрѣлищахъ, помѣщавшимися сверхъ того въ петербургскомъ „Репертуарѣ и Пантеонѣ ²⁾), не исчерпывалась литературная производительность молодой редакціи „Губернскихъ Вѣдомостей“, и въ нихъ находили мѣсто статьи, представляющія болѣе серьезный мѣстный интересъ ³⁾. Въ то же время редакторъ старался выяснитъ своимъ читателямъ значеніе мѣстной газеты для края, привлечь къ ней участіе публики и залучить себѣ сотрудниковъ изъ ея среды, но эти воззванія къ общественному содѣйствію оставались втунѣ, и гласъ вопіющаго въ пустынѣ вскорѣ опять раздался, — все-таки безъ отклика ⁴⁾. На послѣддокъ, измученный хроническою работою, безъ раздѣленія труда, редакторъ рѣшился отказаться отъ нея и, въ 1847 г., оставилъ свою должность, хотя не столько для отдыха, какъ для возможности свободно располагать своею дѣятельностью, обратившей уже на себя вниманіе столичной прессы. Такъ, еще въ 1843 г., онъ похѣстилъ въ „Москвитинѣ“ (№ 12-й) рецензію на книгу Чистякова: „Очеркъ теоріи изящной словесности“, а въ „Отечественныхъ Запискахъ“ того же года (№ 4-й) статью: „Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Гоголя „Мертвыя души“. Последняя статья въ особенности была замѣчена въ центрѣ литературнаго движенія, сопровождалась лестнымъ отзывомъ Бѣлинскаго и вызвала сочувственное слово самого Гоголя, какъ одна изъ лучшихъ, появившихся вѣ этого центра. Не безосновательно и не съ чужаго голоса авторитетныхъ критиковъ понялъ Н. Д. Мизко, нѣкогда поклонникъ Марлинскаго, высокое художественное достоинство и воспитательное вліаніе на русское общество такихъ твореній Гоголя, какъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“. Благодаря природному чутью, изощренному наукою и мышленіемъ, онъ давно уже сумѣлъ дать вѣрную оцѣнку великому писателю и стать въ ряды

¹⁾ Въ свои поздніе годы Н. Д. Мизко любилъ вспоминать объ этой порѣ жизни и часто повторялъ съ улыбкой Пушкинскіе стихи:

„Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ,
Младне дни мои неслись!“

²⁾ Напр. „Екатеринославскій театръ во время Петропавловской ярмарки“ (№ 10, 1843 г.); „Театръ въ Екатеринославѣ, въ 1844 г.“ („Р. и П., отд. „Театральн. лѣтописи“ при № 5, 1845 г.). Потомъ, тамъ-же, въ 1847 г.: „Сцены изъ ежедневной жизни“ (№ 12) и „Объ открытіи въ Екатеринославѣ постоянного театра“, 26 октября 1847 г. (1848 г., № 1).

³⁾ Какъ-то: „Открытіе памятника императрицѣ Екатеринѣ II“ („Е. Г. В.“ 1846 г. № 32-й): статья перепечатанная и въ „Новороссійск. Календаръ“ 1846 г.; „О самарскомъ монастырѣ и Екатеринославѣ“ (перепечат. въ „Иллюстраціи“ 1846 г. № 15-й); „Нѣсколько мыслей, соображеній и замѣтокъ о современной русской журналистикѣ“ („Е. Г. В.“ 1847 г., № 11-й) и проч.

⁴⁾ „О цѣли Губернскихъ вѣдомостей и ея исполненіи, равно и о причинахъ, замедлявшихъ ихъ успѣхъ, и о вспомогательныхъ средствахъ къ лучшему успѣху ихъ на будущее время“ (1846, №№ 1-й и 36-й); „Повтореніе приглашенія къ участію въ „Губ. Вѣд.“ (1847, № 3-й).

искреннихъ его читателей, къ которымъ применила дружная фаланга образованной молодежи, подъ призывный кличъ Бѣлинскаго. Не забудемъ, что поднятая его статьями агитація имѣла смыслъ не одного лишь спора за различіе литературныхъ взглядовъ, вкусовъ, направленій, но ожесточенной борьбы отжившаго съ нарождающимся, искусственнымъ и поддѣльнымъ съ естественнымъ и истиннымъ. Въ провинціальныхъ захолустьяхъ, гдѣ всѣ формы жизненныхъ движеній проявляются непосредственнѣе, грубѣе и угловатѣй, — разъ проникла туда борьба идей, она принимаетъ характеръ болѣе острый, болѣе рѣзкій. Такъ и на родинѣ Мизко, ровнь мнѣній выразилась въ непримиримыхъ распряхъ псевдо-классиковъ и псевдо-романтиковъ съ сторонниками новаго литературнаго направленія, будущими послѣдователями только что возникавшей „натуральной“ школы и нерѣдко вліяла на личныя отношенія антагонистовъ. Понятно, каково было положеніе литератора-обывателя съ его новыми понятіями объ искусствѣ, объ условныхъ въ немъ приличіяхъ... Тѣмъ не менѣе, названная выше статья (подписанная тоже начальными буквами) произвела тамъ большой эффектъ между читающимъ человѣчествомъ и доставила автору извѣстный почетъ въ средѣ, сочувствовавшей его воззрѣніямъ. Впослѣдствіи, при встрѣчѣ съ Гоголемъ, онъ имѣлъ удовольствіе увидѣть и его вниманіе къ своей статьѣ. Про эту встрѣчу расскажемъ послѣ, чтобы не нарушить теперь хронологической послѣдовательности. Съ Бѣлинскимъ же Мизко познакомился еще прежде, въ 1846 году. Объ ихъ свиданіи мы нашли только немногія строки въ дневникѣ Николая Дмитріевича: „10 іюня, въ Харьковѣ познакомился я съ Щепкинскимъ и Бѣлинскимъ, на пути ихъ въ Крымъ. Между прочимъ, Щепкинъ говорилъ, что Гоголевскія пьесы идутъ на московской сценѣ гораздо удачнѣе нежели на петербургской и понимаются гораздо съ большимъ сочувствіемъ въ Москвѣ, чѣмъ въ Петербургѣ: „Игроки“ слушаетъ московская публика какъ истинную драму, — съ ужасомъ... Бѣлинскій много философствовалъ о религіи, какъ о сущности человѣческой природы. Помнится, онъ выразился, что религія есть возведеніе къ какому то идеальному представленію собственныхъ феноменовъ духа человѣческаго, коего самыя лучшія стороны, самыя свѣтлыя моменты, человѣкъ, нося въ себѣ самомъ, какъ сущность своей природы, между тѣмъ ищетъ начала ихъ внѣ себя и обращается къ сферѣ неземнаго бытія, гдѣ воспроизводитъ ихъ какъ нѣчто выше себя. Онъ же объяснялъ различіе комизма отъ юмора. Комизмъ, по его опредѣленію, выражаетъ отрицательную сторону рѣзкихъ противоположностей и оттого производитъ смѣхъ; юморъ же изображаетъ жизнь какъ она есть, условливая непремѣнно *aggrège-pensée* о томъ, какъ она должна быть, — и потому слѣдствіемъ его бываютъ слезы“.

Н. Д. Мизко, для котораго литературныя занятія сдѣлались потребностію, пробовалъ себя не разъ въ беллетристическихъ попыткахъ, почти безысключительно оставленныхъ въ рукописи, но, со-

знавъ въ себѣ отсутствіе чисто-художественнаго творчества, онъ окончательно бросилъ эти попытки и ступилъ на дорогу, болѣе свойственную его силамъ: теоріи и исторіи литературы и библиографіи. И такъ, онъ занялся соотвѣтствующимъ трудомъ, который давно былъ задуманъ, подъ заглавіемъ: „Столѣтіе русской литературы“ (считая этотъ вѣковой періодъ съ 1739 по 1839 годъ). Цѣльнаго, систематическаго обзора и повѣрки итоговъ литературной дѣятельности за данное время, дѣйствительно не появлялось дотолѣ въ печати, и, потому, такой трудъ былъ затѣянъ благовременно, какъ полезное пособіе для учащихся,—чѣмъ долго и служилъ онъ. Слабая сторона этой книги — ощутительный недостатокъ независимой, серьезной критики и замѣтная робость передъ давно-установившимися, обветшалыми опредѣленіями достоинствъ каждаго дѣятеля: недостатокъ, оправдываемый можетъ быть самымъ назначеніемъ книги, не совсѣмъ удобнымъ для критическаго разбора авторитетныхъ писателей, — по крайней мѣрѣ въ то время.

Усердно работая надъ этимъ сочиненіемъ и доводя его до конца, Мизко былъ на нѣкоторое время прерванъ грустнымъ семейнымъ событіемъ. 19 декабря 1847 года, послѣ долгой болѣзни, умеръ старшій и слѣпой его отецъ. Потеря, скорбная для всѣхъ дѣтей покойнаго, тѣмъ горестнѣе почувствовалась любимымъ его сыномъ, который во всю свою жизнь, доживши самъ до старости, не могъ говорить объ отцѣ безъ умиленнаго чувства почтенія къ его памяти. Черезъ годъ спустя послѣ кончины старика (въ 1849 году), Николай Дмитриевичъ напечаталъ въ Одессѣ „Памятную записку о жизни Дмитрія Тимофеевича Мизко“, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, собственно для родныхъ и друзей ¹⁾. Вскорѣ затѣмъ, онъ тамъ же издалъ въ свѣтъ „Столѣтіе русской словесности“ ²⁾. Книга эта признаваема была въ свое время одною изъ лучшихъ при преподаваніи исторіи литературы и скоро разошлась въ книжныхъ магазинахъ, до послѣдняго экземпляра. Лѣтъ пятнадцать спустя, одинъ книгопродавецъ предлагалъ автору переиздать его книгу безъ всякой перемѣны и на довольно выгодныхъ для послѣдняго условіяхъ; но тотъ отказался на-отрѣзъ отъ этого предложенія, добросовѣстно сознавая, что трудъ его, въ первобытномъ, неизмѣненномъ видѣ своемъ, не подходитъ уже подъ ростъ современныхъ условій и не въ состояніи болѣе отвѣчать запросу значительно возвысившихся новыхъ критическихъ требованій, а нуждается въ радикальной переработкѣ всего содержанія, отъ начала до конца, — переработкѣ, равносильной составленію книги за-ново. Но приняться за это дѣло авторъ не захотѣлъ.

¹⁾ Съ литографированнымъ портретомъ покойнаго. Одесса. 1849. Въ типографіи І. Натче, въ 12°, 32 стр.

²⁾ Тамъ-же и въ той же типографіи, того же формата; 342 страници.

Со смертью отца, ему пришлось во многомъ измѣнить образъ жизни на болѣе хлопотливый и подвижной. Онъ сдѣлался теперь крупнымъ помѣщикомъ, владѣльцемъ довольно богатаго имѣнія при селѣ Барабиновѣ (Новомосковского уѣзда), состоявшаго изъ 5655 десятинъ земли и почти 400 душъ крестьянъ (ревизскихъ), переселился туда на постоянное пребываніе и долженъ былъ предпринимать частыя поѣздки по дѣламъ, то въ Борзну, Черниговъ и Полтаву, то въ Кіевъ, Харьковъ и Одессу: однимъ словомъ, разъѣзжать безпрестанно по всему пространству Новороссіи и Украйны. Конечно, эти поѣздки дѣлали невозможнымъ продолженіе службы, и онъ поспѣшилъ прежде всего раздѣлаться съ нею, подавъ въ отставку даже отъ почетныхъ должностей члена екатеринославскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета и попечителя арестантской роты ¹⁾. Съ другой стороны, частыя странствованія если и отрывали его отъ кабинетныхъ занятій, то способствовали интереснымъ знакомствамъ съ нѣкоторыми писателями и учеными, между прочимъ, и съ Гоголемъ, о чемъ мы уже говорили выше. Разсказъ объ этомъ знакомствѣ, которому предшествовала (гораздо прежде) посланка къ Гоголю отъ Николая Дмитриевича, чрезъ посредство Н. Д. Бѣлозерскаго, въ 1842 году, „Историко-статистическихъ свѣдѣній о раздачѣ земель въ Новороссійскомъ краѣ, съ начала 1764 года“ ²⁾, — переданъ, со словъ записки самого Мизко, въ извѣстномъ сочиненіи г. Кулиша о жизни Гоголя ³⁾. Мы дозволяемъ себѣ повторить здѣсь этотъ разсказъ:

„Въ первый разъ (говоритъ Н. Д. Мизко) я увидѣлъ Гоголя января 9-го, 1851 года, у одного стараго его знакомаго, А. И. Орлая. Хозяинъ представилъ меня Гоголю въ своемъ кабинетѣ, гдѣ онъ просидѣлъ цѣлый вечеръ. Разговоръ былъ между тремя или четырьмя лицами, общій—о разныхъ предметахъ, не касавшихся литературы. Меня собственно, какъ уроженца и жителя Екатеринославской губерніи, Гоголь спрашивалъ о Екатеринославѣ, о каменномъ углѣ въ нашей губерніи, о Святогорскомъ монастырѣ на мѣловыхъ горахъ (Харьковской губерніи, на границѣ Екатеринославской), въ которомъ я былъ; узнавъ же о намѣреніи моемъ побывать за-границею, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о планѣ и удобствахъ заграничнаго путешествія.

„Черезъ день я сдѣлалъ визитъ Гоголю, въ квартирѣ его, въ домѣ Тропинскаго. Это было около двухъ часовъ дня. Онъ стоялъ у конторки и, когда я вошелъ, встрѣтилъ меня пригѣтливо. Я пред-

¹⁾ Состоя въ званіи попечителя арестантской роты, Н. Д. Мизко устроилъ на собственный счетъ временное отдѣленіе больницы на 8 кроватей въ одной изъ ка- меръ зданія, занимаемаго ротой.

²⁾ См. „Записки о жизни Н. В. Гоголя“ (соч. П. А. Кулиша, подъ именемъ Н. М.), томъ I, стр. 806.

³⁾ Ibid., томъ II-й, стр. 245 — 248.

ставилъ ему экземпляръ моего сочиненія „Столѣтіе русской словесности“, сказавъ, что для меня очень лестно, если книга моя будетъ находиться въ его библіотекѣ. Онъ благодарилъ меня пожатіемъ руки и потомъ спросилъ:

„— Вы, кажется, еще что-то издали въ Одессѣ?

„Я отвѣчалъ, что напечаталъ „Памятную записку“ о жизни моего отца, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, собственно для родныхъ и друзей, и просилъ его принять отъ меня экземпляръ, такъ какъ, по сочувствію его къ человѣчеству, онъ съ-родни и лучший другъ каждому человѣку. Онъ благодарилъ меня и сказалъ:

„— Я описываю жизнь людскую, поэтому меня всегда интересуетъ живой человѣкъ болѣе, чѣмъ созданный чѣмъ-нибудь воображеніемъ, и оттого мнѣ любопытнѣе всякихъ романовъ и повѣстей біографіи или записки дѣйствительно жившаго человѣка.

„Перелистывая мою книгу „Столѣтіе русской словесности“, которую держалъ въ рукахъ, Гоголь замѣтилъ:

„— А, у васъ вездѣ приведены образцы изъ нашихъ писателей? Это очень полезно. А то вообще господа преподаватели словесности сами лишь перечитываютъ сочиненія нашихъ писателей за своихъ слушателей, а имъ навязываютъ свои взгляды, чаще же и не свои, а заимствованные. Лучше, если бы учащіеся сами читали сочиненія отечественныхъ писателей; тогда въ понятіяхъ о литературѣ нашей было бы болѣе самостоятельности.

„Затѣмъ Гоголь спросилъ:

„— Это вы писали статью о „Мертвыхъ душахъ“ изъ провинціи?

„Я отвѣчалъ утвердительно и самъ спросилъ: читалъ ли онъ ее?

„Онъ отвѣчалъ, что читалъ за-границей, не скоро послѣ того, какъ она была напечатана.

„— А я думалъ, что она не попала въ руки, отвѣчалъ я,—судя по предисловію ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ“, въ которомъ вы жалуетесь, что изъ провинціи не было подано ни одного голоса ¹⁾.

„— Кажется, сказалъ Гоголь:—я читалъ статью вашу, написавши уже предисловіе. Я тогда же получилъ письмо изъ провинціи. Оно не было напечатано. Меня интересовали мнѣнія провинціальныхъ. Истинно русская жизнь сосредоточена преимущественно въ провинціи.

„Отъ этого разговоръ перешелъ къ жизни въ Одессѣ, къ итальянской оперѣ. Гоголь сталъ рассказывать объ итальянскихъ театрахъ, объ Италіи, жаловался на вѣтеръ съ моря, который въ Одессѣ на-

¹⁾ Примѣчаніе г. Кулиша. Въ письмѣ къ Янкову, отъ 10-го іюня (кажется) 1843 года, Гоголь упоминаетъ объ этой статьѣ, а именно:

„Мнѣ прислали нѣсколько выданныхъ изъ журналовъ критикъ на „Мертвыя Души“. Замѣчательнаго, впрочемъ, немного. Лучшія критики болѣею частію изъ провинцій. Одна изъ Екатеринослава замѣчательнѣе другихъ“.

вѣваетъ колоде, и что онъ не можетъ довольно согрѣться. Наконецъ я раскланялся.

„Онъ просилъ посѣщать его, приложивъ:

„— Я буду рассказывать вамъ про Италию прежде, чѣмъ вы ее сами увидите.

„Черезъ нѣсколько дней Гоголь заплатилъ мнѣ визитъ въ квартиру моей, въ гостинницѣ Каруты, на бульварѣ. Онъ вошелъ въ залу, не будучи встрѣченъ слугою, и началъ ходить взадъ и впередъ, въ ожиданіи, что кто-нибудь появится. Слыша его шаги и полагая, что это кто-нибудь изъ домашнихъ, его обличили изъ гостинной вопросомъ: „Кто тамъ?“ на который онъ отвѣчалъ громко:

„— Николай Гоголь.

„Посидѣвъ немного, онъ сдѣлалъ замѣчаніе, что въ комнатѣ тепло, несмотря на то, что окнами на море. Разговоръ незамѣтно склонился къ Итали. Гоголь, между прочимъ, рассказывая объ умѣньи англичанъ путешествовать, хвалилъ дорожный костюмъ англичанокъ, отличающійся простотой, при всемъ удобствѣ ¹⁾.

„Въ февралѣ я уѣхалъ изъ Одессы. Ровно черезъ годъ, живя въ своемъ имѣніи Екаторинской губерніи, я былъ пораженъ роковой вѣстью о кончинѣ Гоголя.

„На другой годъ, тоже въ февралѣ, проживая въ городѣ Борзнѣ, Черниговской губерніи, а вмѣстѣ съ однимъ изъ знакомыхъ Гоголя, Николаемъ Даниловичемъ Бѣлозерскимъ ²⁾, почтили грустнымъ воспоминаніемъ годовщину Гоголя“.

И спустя тринадцать лѣтъ послѣ выхода первой части „Мертвыхъ Душъ“, когда исполнилось уже пятилѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ не стало великаго писателя, а для русской публики и потомъ для русской печати сдѣлались доступными уцѣлѣвшіе, по счастливой случайности, черновые наброски сожженной авторомъ второй части, — долго ходившіе по рукамъ въ рукописныхъ копіяхъ, — Н. Д. Мизко привѣтствовалъ эти, впервые изданные тогда, отрывки опять своимъ „Голосомъ изъ провинціи, — статью, напечатанною въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1856 г. (№ 6-й).

Говоря о литературныхъ сношеніяхъ и знакомствахъ Мизко, приобрѣтенныхъ при частыхъ его разъѣздахъ по Южной Россіи, можно было бы привести длинный списокъ именъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ. Назовемъ изъ нихъ П. П. Гулакъ-Артемовскаго, А. Л. Метлинскаго, С. С. Гогоцаго, В. М. Бѣлозерскаго, П. А. Кулиша, Н. С. Ковалевскаго, К. П. Зеленецаго, Кронеберга (Андрей Ив.),

¹⁾ Этими словами закончена въ книгѣ г. Кулиша напечатанная имъ записка Н. Д. Мизко; остальные нѣсколько строкъ дополнены изъ рукописнаго подлинника записки (помѣченной 28 февраля 1854 г.).

²⁾ Тотъ самый, чрезъ чье посредство Мизко доставилъ Гоголю свои свѣдѣнія о раздатѣ земель въ Новороссійскомъ край.

А. И. Селина, А. Скальковскаго, Н. Сементовскаго, поэта Щербину и, кромѣ того, Т. Г. Шевченко и А. С. Аванасьева-Чужбинскаго. Многія изъ этихъ лицъ заявили себя усердною дѣятельностью по этнографическимъ и археологическимъ изслѣдованіямъ о Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ, по разработкѣ исторіи Украйны и по участию въ движеніи малороссійской литературы. Съ нѣкоторыми Мизко находился въ продолжительной перепискѣ, посвященной этимъ предметамъ. По образу мыслей, онъ принадлежитъ къ украинофиламъ, какъ по рожденію и типическимъ свойствамъ — къ южнорусскому племени¹⁾; но его любовь къ родинѣ и родной народности никогда не увлекала его въ крайнія и недѣльныя теоріи. Онъ не только понималъ, но и чувствовалъ всю неразрывность взаимно-тѣсной связи Малой и Великой Россіи, закрѣпленной историческими ихъ судьбами, и даже въ послѣдней предсмертной статьѣ своей, вызванной современнымъ полемическимъ вопросомъ по поводу малороссійской литературы²⁾, силился высказаться въ примирительномъ духѣ, нисколько не стѣняя, между тѣмъ, кровныхъ своихъ симпатій. Общность интересовъ преусиѣнія всей Россіи въ дѣлѣ просвѣщенія и добра побуждала его сближаться съ лучшими представителями состязавшихся литературныхъ партій, и съ славянофилами и съ западниками, потому что одинаково для тѣхъ и другихъ были святы эти интересы, а мнѣнія разнились лишь о средствахъ къ цѣли. Такъ, бывая въ Москвѣ и въ Петербургѣ, онъ сходилса и съ Аксаковыми (С. Т. и К. С.), и съ Дружининимъ, съ Погодинимъ³⁾ и Н. И. Костомаровымъ, съ Н. О. Щербинкою и съ И. И. Панаевымъ, съ М. Н. Лонгиновымъ и Дудышкинымъ... Однимъ словомъ, съ людьми, между которыми или не было ничего общаго въ образѣ мыслей и родѣ дѣятельности, или существовало понятѣйшее разногласіе направленій, доходившее до вражды и публичныхъ пререканій.

Десятилѣтіе съ 1856 по 1867 годъ было самымъ производительнымъ временемъ въ литературной жизни Н. Д. Мизко. Не оставляя своихъ всегдашнихъ работъ по библиографіи, исторіи словесности и изученію малороссійской народности, онъ не сторонился отъ всего, что преподносила „злоба дня“ и не бездѣйствовалъ умственно въ поднятыхъ тогда вопросахъ о многихъ внутреннихъ реформахъ,—

¹⁾ Не только со стороны отца, но и матери своей, рожденной Легкоступъ, которая доводилась внучкой родной племянницы известнаго Ивана Яковлевича Глоби, — послѣдняго войсковаго писаря войска запорожскаго, при уничтоженіи Сѣчи Запорожской.

²⁾ № 53-й Воронежской газеты „Донъ“.

³⁾ Съ Погодинимъ онъ былъ знакомъ съ 1856 года и находился въ сношеніяхъ въ 1865 годѣ, когда былъ избранъ (5-го мая 1865 года) дѣйствительнымъ членомъ „Общества любителей россійской словесности“, чрезъ посредство Погодина и М. Н. Лонгинова. Въ Москвѣ же онъ познакомился и съ О. М. Бодлянскимъ, а въ Петербургѣ съ И. И. Срезневскимъ и А. В. Никитенко.

особенно въ близкомъ его сердцу вопросѣ о системѣ воспитанія. По поводу извѣстныхъ статей В. И. Даля и Н. И. Пирогова, появившихся въ „Морскомъ Сборникѣ“ 1856 года, онъ откликнулся на нихъ въ журналѣ „Министерства Народнаго Просвѣщенія“ нѣсколькими статьями, подъ заглавіями: „Педагогическія замѣтки“ ¹⁾, „Взглядъ на проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ“ (этого вѣдомства) и потомъ въ качествѣ почетнаго смотрителя павлоградскаго уѣзднаго училища ²⁾, помѣстивъ тамъ же— „Замѣчанія на проектъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и общаго плана устройства народныхъ училищъ“, а въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ (1858 г., № 56-й)— „Замѣтку о сельско-хозяйственномъ образованіи“. Въ категоріи его сочиненій, посвященныхъ образовательной темѣ, должно отнести: напечатанную въ „Русской Бесѣдѣ“ (1857 г., кн. 3-я) рецензію проповѣдей протоіерея Гречулевича на малороссійскомъ языкѣ, которая живо затронула вопросъ о народномъ проповѣдничествѣ, и особо-изданную Николаемъ Дмитріевичемъ, во время пребыванія въ Москвѣ, въ 1865 года, „Книгу для чтенія при изученіи исторіи древней классической поэзіи“ ³⁾.

Вообще труды Н. Д. Мизко въ разныхъ журналахъ и газетахъ были не малочислены. Чтобы напомнить о нихъ, мы приведемъ здѣсь сокращенный перечень нѣкоторыхъ другихъ его статей: а) Въ „Москвитянинѣ“: „Рецензія книги Нейкирха: „Diechterkanon“ (1854 г., № 11-й); „Мысли о восточномъ вопросѣ (1854 г., № 7); „Овидій въ русской литературѣ“ (1854 г., № 11-й); рецензія на книгу А. Метлинскаго, изданную въ Кіевѣ: „Народныя южно-русскія пѣсни“ (1855 г., № 4-й). б) Въ „Основѣ“: „Воспоминаніе о Соленикѣ, знаменитѣйшемъ украинскомъ актерѣ“ (1861 г., № 2-й); „Вісті“. Изъ села Карабиновки, 4-го марта 1861 года (1861 г., № 5-й); „Краткій историческій очеркъ украинской литературы“ (по поводу книги П. Петраченка: „Исторія русской литературы“ (1862 г., № 3-й). в) Въ „Библиографическихъ Запискахъ“: Ода Херасова на восшествіе на престолъ Александра I-го (1858 г., № 9-й); „Общественная бібліотека и книжный магазинъ въ Екатеринославѣ“ (1859 г., № 18-й). г) Въ періодическомъ изданіи „Мода“: „Три встрѣчи“ (1857 г., № 8-й). д) Въ „Сынѣ Отечества“: „По поводу одного романа, не новаго, у насъ же явившагося вновь“ („Маргарита Готье“, А. Дюма-сына), (1859 г., № 40-й); „По поводу проекта о продажѣ государственныхъ имуществъ“ (1860 г.,

¹⁾ Статья эта была оттиснута и отдѣльною брошюрой, въ м. 8°, 63 стр.

²⁾ Почетнымъ смотрителемъ павлоградскаго уѣзднаго училища Мизко состоялъ съ 1862 по 1868 годъ и ознаменовалъ свою службу въ этомъ званіи тѣмъ, что устроилъ, съ собственнымъ участіемъ, при училищной бібліотекѣ и публичную.

³⁾ Довольно объемистый томъ, 8°, V и 370 стр. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ переводныя извлеченія и образцы древне-греческой поэзіи, съ историческими свѣдѣніями объ авторахъ. Для поэзіи римской много было подготовлено матеріала, такъ и оставшагося не употребленнымъ.

№ 4-й). е) Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“: Рецензія на первый выпускъ „Философскаго лексикона“, С. Гогоцкаго (1858 г., № 148-й); ж) Въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“: Рецензія на второй выпускъ того же лексикона (1861 г.); „Народное образованіе въ Новомосковскомъ уѣздѣ“ (1868 г., № 5-й); з) Въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ „Кіевскому Телеграфу“: „Русская словесность въ ея современномъ развитіи“ (1860 г., №№ 1-й и 2-й).

Сотрудничая въ журналѣ Бѣлозерскаго — „Основа“ и въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“, Н. Д. Мизко, какъ частый гость Кіева и постоянный корреспондентъ профессора А. И. Селина (съ которымъ находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ), принималъ близко къ сердцу всякое, имѣвшее общественный смыслъ, явленіе въ средѣ учено-университетской корпораціи и въ области мѣстныхъ интересовъ южно-русскаго края. Тамъ, въ Кіевѣ, соединительнымъ звеномъ между любителями литературы и науки, для непосредственнаго общенія ихъ другъ съ другомъ въ живомъ обмѣнѣ мыслей, служили тогда литературные вечера, которые устраивались въ кружкѣ профессоровъ университета. Непремѣннымъ членомъ этихъ вечеровъ, а иногда и хозяиномъ, бывалъ нашъ Мизко, подолгу проживавшій въ Кіевѣ и любившій окружать себя подобными собесѣдниками. Въмѣстѣ съ тѣмъ, онъ съ величайшею охотой вступалъ въ личныя и письменныя сношенія съ ученымъ персоналомъ кіевской духовной академіи, всегда тщательно поддерживавшіяся, какъ-то: съ бывшимъ ректоромъ академіи, архимандритомъ Антоніемъ (Капустинимъ), съ 1850 г., и позднѣйшимъ преемникомъ его, архимандритомъ Филаретомъ¹⁾, съ которымъ велась переписка съ 1863 по 1873 годъ включительно; съ архимандритомъ Іоанникиемъ, тоже ректоромъ академіи, впоследствии архіепископомъ нижегородскимъ, и многими другими. Мизко замѣтно любилъ сообщество лицъ духовнаго сана,—черта, унаслѣдованная отъ отца и сохранившаяся во всю жизнь. Онъ не пропускалъ удобнаго случая удовлетворять это стремленіе и видѣть нашихъ замѣчательнѣйшихъ іерарховъ. Такъ, въ 1851 г., въ Одессѣ онъ былъ у пресвященнаго Иннокентія (Борисова), архіепископа херсонскаго и таврическаго, знаменитаго проповѣдами, а въ 1852 г. представлялся ему же въ Кіевѣ, гдѣ тогда же и нѣсколько разъ потомъ являлся къ митрополиту Филарету (Аментеатрову). Но изъ сношеній Мизко съ духовными лицами высшаго образованія нужно предпочтительно отмѣтить начавшееся еще въ ранней его молодости знакомство съ извѣстнымъ алтайскимъ миссіонеромъ Макаріемъ (Вечерковимъ), переводчикомъ съ еврейскаго священныхъ книгъ ветхаго заветъ. Любопытная переписка между ними продолжалась до самой смерти о. Макарія, въ 1847 г. Она свидѣтельствуетъ, между прочимъ, что Ниволай

¹⁾ Впоследствии епископъ рижскій.

Дмитріевичъ и его ближайшіе родные, въ 1844 году, по порученію ученаго миссіонера, переводили для него съ французскаго библейскія книги, изданныя на этомъ языкѣ богословомъ XVIII-го вѣка, Остервальдомъ, и трудъ этотъ выполнили, въ облегченіе занятій самого о. Макарія ¹⁾.

Разсказывая преимущественно о литературной дѣятельности и связанныхъ съ нею сношеніяхъ Н. Д. Мизко, мы не находили покуда мѣста вставить нѣсколько необходимыхъ словъ о частной его жизни и отмѣтить одно важное въ ней обстоятельство. Въ 1850 году (12-го мая), онъ женился на дѣвушкѣ, къ которой былъ очень не равнодушенъ, — Надеждѣ Мартыновнѣ Якубовичъ, — красивой, образованной, любезной, одаренной прекрасными качествами ума и сердца. Много заботковъ на взаимное супружеское счастье было на-лицо, но судьба ихъ не оправдала... Мужъ и жена, сохраняя другъ къ другу полное уваженіе, провели почти всю жизнь врозь, въ добровольной разлукѣ, изрѣдка встрѣчаясь и пріятельски переписываясь между собой...

Развязка крѣпостнаго права произвела большой переворотъ въ быту Н. Д. Мизко, какъ помѣщика. Она пришлась ему не по силамъ, хотя онъ искренно сочувствовалъ великому дѣлу освобожденія. Книжникъ, человѣкъ кабинетныхъ занятій, — что называется, „поэтъ въ душѣ“, — не практичный и физически-лѣнивый сельскій хозяинъ, онъ рѣшительно не былъ способенъ заправить дѣла свои на новый ладъ и совсѣмъ не умѣлъ совладѣть съ заботами, требовавшими находчивости, сноровки и терпѣнія. Въ этомъ случаѣ онъ не представлялъ въ себѣ изъятія изъ огромнаго большинства дворянъ-землевладѣльцевъ, застигнутыхъ врасплохъ великою реформой и избалованныхъ чужимъ даровымъ трудомъ. Внимательно слѣдя за возникшей накануне литературой жгучаго „крестьянскаго вопроса“ ²⁾, наводнившей тогда всѣ органы нашей прессы фантастическими планами, проектами, теоріями, обличавшими въ себѣ отсутствіе всякаго почвеннаго изученія и отъявленную практическую несостоятельность, Мизко терялся въ „лабиринтъ недоумѣній“ и нашелъ изъ него одинъ выходъ: сперва поскорѣй раздѣлаться съ крестьянами, а потомъ и со всѣмъ землевладѣніемъ. Такъ онъ и сдѣлалъ, начавъ съ того, что подарилъ крестьянамъ узаконенную для Новороссійскаго края пропорцію земельного надѣла и усадебную землю съ постройками, возведенными на свой счетъ, при чемъ устроилъ и сельскую школу съ принадлежностями. Разумѣется, все это было только начало конца и не могло избавить помѣщика отъ хлопотъ, такъ какъ имѣніе требовало поддержки хозяйства, а

¹⁾ Уцѣлѣвшія письма мы надѣемся со временемъ напечатать.

²⁾ Н. Д. Мизко не остался ей чуждымъ и, въ свою очередь, впечаталъ въ журналѣ „Сельское Благоустройство“ (1858 года, книга 7-я) статью „Нѣсколько словъ о крестьянскомъ трудѣ въ барщинномъ хозяйствѣ“, — съ подписью: Новороссійскій помѣщикъ.

слѣдовательно и безконечной возни съ вольнонаемными рабочими; да еще, вдобавокъ, онъ же иногда вынуждаемъ былъ входить ex-officio въ чужія дѣла подобнаго свойства, по званію кандидата мирового посредника,—обязанность, отъ которой онъ поспѣшилъ освободиться отставкою, менѣе нежели черезъ годъ послѣ утверженія въ этой должности. Но суетливое новое время, съ его преобразовательнымъ движеніемъ, не оставляло въ покоѣ хозяина-собственника: скоро образовались земскія учрежденія и вдвинули Николая Дмитріевича въ число гласныхъ Новомосковского уѣзда, а также въ должность, болѣе отвѣчавшую его наклонностямъ,—предсѣдателя мѣстнаго училищнаго совѣта, причемъ онъ продолжалъ состоять въ знаніи члена Екатеринославскаго губернскаго статистическаго комитета. Однако, не долго ему пришлось подвизаться въ этихъ званіяхъ. Разочарованный во всѣхъ нововведеніяхъ, далеко опередившихъ его привычный житейскій путь, невыносимый въ хозяйственныхъ передрыгахъ, а между тѣмъ, дотянувшій до пятидесяти слишкомъ лѣтъ, онъ задумалъ добыть себѣ давно желанную свободу отъ опротивѣвшихъ ему заботъ, чтобы погрузиться на досугъ въ свои любимыя занятія, и наконецъ рѣшилъ привести въ дѣйствіе свою мысль о продажѣ имѣнія и объ окончательной отставкѣ отъ всякаго рода службы ¹⁾. Имѣніе (с. Карабиновку) онъ продалъ своему родному брату Георгію Дмитріевичу, и получивъ довольно крупный капиталъ, навсегда покинулъ родныя мѣста. Послѣ нѣкотораго раздумья, куда перебраться на новое постоянное житье, Николай Дмитріевичъ избралъ для этого Воронежъ,—и совершенно случайно: по совѣту одного пріятеля,—что произошло въ 1868 году.

Въ Воронежѣ Н. Д. Мизко скоро купилъ себѣ домъ, перевезъ туда изъ Екатеринославской губерніи свою богатую и отлично-составленную библиотеку, которую пополнялъ до конца жизни, и отдался всецѣло излюбленному дѣлу, давно и сильно его занимавшему: собранію матеріаловъ для изданія „Словаря русскихъ писателей“, по возможности полного, какового до сихъ поръ не достаетъ для исторіи нашей словесности, если не считать нѣкоторыхъ опытовъ въ этомъ родѣ, погрѣшающихъ огромными пробѣлами, либо черезчуръ устарѣлыхъ, слишкомъ отставшихъ отъ движенія литературы и мало удовлетворяющихъ своему назначенію. „Постояннымъ желаніемъ и любимой мечтой моею“—(писалъ Мизко о задуманномъ „Словарѣ“ въ одной изъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ, набросанной въ 1876 г.),— „былъ капитальный трудъ, посвященный исторіи русской литературы, для котораго, впродолженіе многихъ лѣтъ запасалъ я матеріалъ... Недуги тѣлесные и разныя житейскія обстоятельства ослабили мою

¹⁾ При выходѣ въ отставку (30-го ноября 1871 года), онъ состоялъ въ числѣ коллежскаго совѣтника.

энергію въ литературныхъ занятіяхъ, и я остался лишь усерднымъ читателемъ“ ...

Такъ и было, дѣйствительно, въ послѣдніе годы его жизни; но въ началѣ своего пребыванія въ Воронежѣ онъ былъ еще далекъ отъ упадка силъ нравственныхъ и физическихъ. Подготовительныя усидчивыя работы надъ матеріалами для „Словаря писателей“, конечно, и тогда поглощали преимущественно вниманіе „ветерана книжныхъ дѣлъ“ (какъ Н. Д. въ шутку называлъ себя): для него не казался тяжелъ кропотливый трудъ подбора свѣдѣній, разбросанныхъ въ хаосѣ журнальныхъ статей, непрерывныхъ библиографическихъ и біографическихъ справокъ, безконечнаго накопленія громадной массы извлеченій и замѣтокъ, писанныхъ почти сплошь собственной рукой; ему было любо рыться по цѣлымъ днямъ въ груды книгъ, рукописей, каталоговъ; но эти работы пока не вынуждали его совсѣмъ бросить перо для постороннихъ имъ литературныхъ занятій. Онъ находилъ возможность применить къ сотрудникамъ мѣстныхъ періодическихъ изданій и участвовать какъ въ „Филологическихъ Запискахъ“ г. Хованскаго, такъ и въ „Донѣ“ г. Веселовскаго. Вотъ главнѣйшія изъ статей Мизко, помѣщенныхъ имъ съ 1869 по 1873 г. въ „Филологическихъ Запискахъ“: „Нужно ли руководство при изученіи языка, теоріи словесности и исторіи литературы“ (1869 г., № 1-й); „По поводу сочиненія А. Филонова: „Современное преподаваніе словесности“ (1870 г., № 3-й ¹); „Общія понятія о поэзіи“ (1869 г., № 6-й ²); „Новые матеріалы для исторіи русской филологіи: по поводу книги А. Будиловича: „Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ“ (1870 г., № 1-й); „Опытъ руководства при преподаваніи словесности: рецензія книги М. Колосова: „Теорія поэзіи для среднихъ учебныхъ заведеній, съ прибавленіемъ терминологическаго словаря“ (1870 г., № 3-й); „Труды М. А. Максимовича для русской филологіи и словесности. По поводу пятидесятилѣтняго его юбилея“ (1871 г.); „Относительно исторіи о языкѣ и восточной филологіи въ Германіи. По поводу книги: „Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie und Deutschland, von Theodor Renfey“ (1871 г.); Разборъ книги г. Межова: „Библиографическій указатель исторіи русской и всеобщей словесности съ 1865 до 1870 г. включительно“ (1872 г.). Въ воронежской газетѣ „Донѣ“: „Нѣсколько словъ по поводу открытія памятника Кольцову въ Воронежѣ“ (1868 г., № 41-й); рецензія на книгу: „Изъ жизни. Разказы и повѣсти Н. С. Ковалевскаго“ ³) (1869 г.,

¹) Обѣ поименованныя статьи были вызваны тогдашними толками по этому предмету въ педагогической литературѣ, имѣвшими отчасти характеръ полемики. Первая статья была отпечатана отдѣльною брошюрой въ 15 стр., въ 12°.

²) Также была перепечатана отдѣльно (Воронежъ. 1870. Въ типографіи В. Гольдштейна. 12°, 24 стр.).

³) Съ авторомъ этихъ повѣстей, Николаемъ Спирidonовичемъ Ковалевскимъ, жителемъ Малороссіи, Мизко былъ хорошо знакомъ и велъ переписку. Названная (безыменная) рецензія была отпечатана отдѣльною брошюрой въ 18°, на 11-ти стр.

№ 1-й); „Типы современной жизни. По поводу комедіи Островскаго: „На всякаго мудреца довольно простоты“ (1869 г., № 24-й); „Любопытный случай изъ земскаго дѣла“ (съ подписью: Бывшій гласный; 1869 г., № 25-й); „Князь В. О. Одоевскій“ (1869 г., № 27-й, 28-й и 29-й); „По поводу сообщенія изъ Кіева о распаденіи историко-филологическаго факультета въ университетѣ св. Владиміра“ (1869 г., №№ 46-й и 53-й); рецензія на книгу: „Собраніе словъ бывшаго инспектора и профессора ярославской семинаріи, Василя Орлова“ (съ подписью: Свѣтскій; 1869 г., № 34-й); передовая статья о славянахъ (1869 г., № 48-й); переводъ (съ предисловіемъ) по-русски, стихами, малороссійской поэмы Шевченка „Неофиты“ (1869 г., №№ 48-й и 49-й); „Наша старина. Извлеченіе изъ рукописи малороссійскаго старожила, Писаревскаго“ (1869 г., № 54-й — 57-й); „Современная журналистика“ (1870 г., № 10-й); изъ непереведенныхъ по-русски стихотвореній Шевченка. (Съ подписью: Анатолій Икарскій; 1870 г., № 17-й); „Горе отъ ума на провинціальной сценѣ“ (1870 г.). Въ „Воронежскомъ Телеграфѣ“: письмо къ редактору — Бывшаго земскаго гласнаго. Въ „Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“: „Надъ гробомъ младенца“ (1869 г. № 1-й — 3-й); „Новый годъ“ (1870 г., № 2-й); „Не дай Богъ смерти“ (1870 г., № 9-й). Наконецъ, въ московской газетѣ „Современныя Извѣстія“ помѣщена замѣчательная по содержанію и прочувствованному тону статья: „Вопросъ на очереди“ (1870 г., №№ 33-й и 34-й). Тема этой статьи — ненормальныя юридическія отношенія, какими обставлены у насъ заключеніе, расторженіе брака, и судьба дѣтей, рожденных „въ законѣ“¹⁾, — тема, къ которой часто и часто возвращался въ интимныя минуты Мизко, бѣсѣдуя съ своими добрыми знакомыми и пріятелями... Вопросъ этотъ, по особеннымъ причинамъ, всегда болѣзненно отзывался въ его душѣ.

Кромѣ исчисленныхъ выше статей, написанныхъ въ Воронежѣ, изданы отдѣльными книжками: „Замѣтки о Липецкѣ и липецкихъ минеральныхъ водахъ, одного изъ посѣтителей ихъ въ сезонъ 1870 г.“²⁾ и критическій этюдъ: „Тургеневъ, его тридцатилѣтняя литературная дѣятельность и его типы“³⁾.

Всѣ эти труды слишкомъ достаточно свидѣтельствуютъ, какъ производительно употреблено было старымъ библіографомъ время пяти-

¹⁾ Первоначально эта статья печаталась въ газетѣ „Донъ“ подъ заглавіемъ „Кривной вопросъ“, въ формѣ критическаго разбора книги А. К. Владиміровой „Безъ вины виноватые“; — но тамъ была не допечатана, по причинамъ, не зависящимъ какъ отъ автора, такъ и отъ редакціи, а потому уже передѣлана, съ цѣлю болѣе обстоятельнаго развитія, и въ дополненномъ видѣ помѣщена въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“, подъ измѣненнымъ названіемъ.

²⁾ Сперва были напечатаны эти замѣтки въ журналѣ „Всемирный Трудъ“ (1871 г. № 3-й). Отдѣльная брошюра, изданная въ 8°, печатана въ Сиб., въ типогр. М. Хама: въ ней 25 стр.

³⁾ Воронежъ, 1872, типогр. Г. М. Веселовскаго, въ 18°, 184 стр.

лѣтнаго пребыванія въ Воронежѣ. Наконецъ, особенныя домашнія обстоятельства побудили Н. Д. опять тронуться съ мѣста своей новой сѣдлости и передвинуться въ Москву, гдѣ онъ расположился пробыть нѣсколько лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи возвратиться къ себѣ домой, и уже на безвыѣздное житье. Это переселеніе въ Москву состоялось въ 1875 году; но каждое лѣто старикъ неизмѣнно проводилъ въ Воронежѣ каникулярные мѣсяцы, съ половины іюня до половины августа.

И вотъ, въ Москвѣ настала для него та пора невольнаго затиханія въ умственныхъ занятіяхъ, которую медленно, но неумолимо приводитъ за собою возрастающая старость, со всѣми ея печальными спутниками: разстройствомъ крѣпкаго когда-то здоровья, ослабленіемъ духовныхъ силъ и органическою потребностью безсрочно-долгаго отдыха, при ощущеніи всегдашней усталости. Онъ повелъ въ Москвѣ жизнь замкнутую (хотя и не въ полномъ одиночествѣ), чуждался всякихъ новыхъ знакомствъ, для него уже отяготительныхъ, и почти никуда не выѣзжалъ, кромѣ неизбѣжныхъ бібліофильскихъ экскурсій по книжнымъ магазинамъ или лавкамъ букинистовъ, да рѣдкихъ посѣщеній театра, нѣкогда столь страстно любимаго. Подъ конецъ ему плохо стали служить ноги, — и это еще рѣшительнѣе обрекло его на физическую неподвижность, какъ-бы замѣнивъ душевнаго покоя, котораго, по многимъ причинамъ, требующимъ умолчанія, судьба ему не даровала... Лишенный мирнаго счастья въ своемъ домашнемъ быту, онъ только отводилъ душу въ перепискѣ съ близкими ему людьми и старыми друзьями, въ механическомъ процессѣ пополненія матеріаловъ для будущаго „Словаря писателей“, да въ разнообразномъ чтеніи, доступномъ его старымъ глазамъ лишь при дневномъ свѣтѣ. Именно въ эти послѣдніе годы потухающей жизни бывший дѣятель превратился въ хроническаго „читателя“, — какъ онъ охарактеризовалъ себя въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ его замѣтокъ. Но чтеніе ежедневныхъ газетъ въ позднѣйшее время, преизобиловавшихъ вѣстями о чудовищно-безобразныхъ фактахъ, возмущало его безпредѣльно, — и онъ съ отвращеніемъ раскрывалъ свѣжіе листы, не всегда одолѣвая ихъ до конца. Всѣ его дружескія письма о своихъ впечатлѣніяхъ по этому поводу дышали безвыходнымъ уныніемъ...

За всѣмъ тѣмъ, и въ Москвѣ литературное его бездѣйствіе, въ видѣ исключенія, прерывалось нѣкоторыми статьями. Такъ, въ январской книжкѣ „Русской Старины“ 1879 г. (стр. 113 — 140) появился его бібліографическо-критическій очеркъ: „Алексѣй Ѳеодоровичъ Мерзляковъ“, а въ „Русской Газетѣ“ 1880 г. (№ 66-й) напечатана небольшая хронологическая замѣтка по вопросу о времени рожденія Пушкина и Бѣлинскаго. Предсмертнымъ же, слабымъ его отголоскомъ была статейка, помѣщенная въ 53-мъ № воронежской газетѣ „Донъ“ (нынѣшняго года): „По поводу толковъ о малорусскомъ языкѣ и о малороссійской словесности“.

Покойникъ давно предчувствовалъ смерть не въ далекомъ будущемъ. Въ послѣднюю свою лѣтнюю поѣзду въ Воронежъ изъ Москвы, онъ сталъ чаще, чѣмъ когда-либо говорить объ этомъ и замѣтно тосковалъ. Въ самомъ дѣлѣ, признаки разрушающагося организма были слишкомъ очевидны и сознавались имъ самимъ. Онъ отяжелѣлъ до крайности, осунулся, еле передвигалъ ногами, все жалуюсь на усиливающіеся недуги, на непрерывное чувство утомленія, на обманчивый позывъ къ сну при бессонницѣ; старческая раздражительность смѣнила оригинальный юморъ, отличавшій обыкновенно его рассказы; ему стали измѣнять и богатая память, которою, бывало, любилъ онъ щегольнуть, и прежній долготерпѣливый желудокъ. Старики, однако, не переимчивали въ этомъ отношеніи своихъ анти-гигіеническихъ привычекъ и не воздерживались отъ „удовольствій стола“, что, разумѣется, не безнаказанно обходилось для него. Съ большою неохотою онъ собирался въ Москву и все твердилъ, какъ бы хотѣлось ему оставаться въ Воронежѣ и провести тамъ у себя въ домѣ остатокъ жизни. Но этому желанію нашлись препятствія, которыя превозмочь у него не достало твердой воли... Съ влажными глазами онъ распростился съ своими знакомыми, уѣзжая туда, гдѣ такъ безотрадно и немощно пришлось ему доживать свой вѣкъ...

Тамъ болѣзненное его состояніе быстро усиливалось. Весной 1881 года, несмотря на помощь врачей, симптомы недуга становились болѣе и болѣе зловѣщими и — 27 мая, утромъ, прекратились, вмѣстѣ съ жизнію больнаго. Передъ кончиною умиравшій высказалъ непримѣнную свою волю, чтобы тѣло его было перевезено въ Воронежъ, гдѣ онъ желалъ быть погребеннымъ. Воля эта выполнена, какъ и вообще все, что покойникъ указалъ сдѣлать послѣ своей смерти.

Передадимъ здѣсь нѣкоторыя характеристичныя мѣста изъ его духовнаго завѣщанія, какъ обрисовывающія личность самого завѣщателя, и передадимъ ихъ собственными его словами. „Въ воспоминаніе того (сказано тамъ), что покойный отецъ мой, Дмитрій Тимоѣевичъ Мизко, былъ первымъ и много лѣтъ директоромъ екатеринославской гимназіи, гдѣ и я воспитывался, я опредѣляю капиталъ въ шесть тысячъ рублей (наличными деньгами), который приносилъ бы пять процентовъ на стипендію для воспитанія въ екатеринославской гимназіи дѣтей, преимущественно изъ сиротъ и бѣдныхъ города Екатеринослава“. Далѣе: „Всю жизнь мою посвящая литературнымъ занятіямъ и, втеченіе многихъ лѣтъ, собирая матеріалы для словаря русскихъ писателей, не увѣренный однако и сомнѣваясь, по моимъ лѣтамъ и недугамъ, удастся ли мнѣ исполнить это дѣло, которое считаю полезнымъ и необходимымъ, я завѣщаю двѣ тысячи рублей за составленіе и на изданіе словаря русскихъ писателей, отличающагося полнотою содержанія и отчетливой вѣрностью, хотя бы и въ границахъ сферы чисто литературной, внѣ исключительныхъ специаль-

ностей. Деньги эти, двѣ тысячи рублей, имѣють быть вручены NN ¹⁾, для изданія словаря русскихъ писателей, мною ему поручаемаго, съ матеріалами, мною собранными втеченіе трехъ лѣтъ. Если же будетъ не въ состояніи исполнить въ назначаемый срокъ, то деньги имѣють быть выданы тому, кто этотъ трудъ исполнить“. Въ довершеніе, распредѣливъ свои капиталы и все имущество жёнъ, нѣкоторымъ родственникамъ и близкимъ лицамъ, разнымъ церквамъ и обителямъ, и передавая свою обширную и особенно полную по части русской библиографіи бібліотеку (содержащую въ себѣ по крайней мѣрѣ до шести тысячъ названій на языкахъ русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ), въ собственность своего воспитанника (девятнадцатилѣтняго юноши), кому посвящены были, главнѣйшимъ образомъ, всѣ заботы и помыслы покойника, — завѣщатель заканчиваетъ изложеніе послѣдней воли своей слѣдующими словами, въ которыхъ вылилась вся незлобивая душа его, полная истинно-христіанскаго благочестія: „Въ заключеніе этого моего духовнаго завѣщанія, прощая искренно всѣхъ, умышленно и неумышленно меня оскорбившихъ, испрашиваю и я у всѣхъ и cadaго, дѣломъ, словомъ или помышленіемъ мною оскорбленныхъ, — христіанскаго прощенья, и призывая благословеніе Божіе на тѣхъ, въ пользу которыхъ это завѣщаніе составлено, и на тѣхъ, кто потрудится при исполненіи послѣдней моей воли, прошу ихъ помолиться объ оставленіи вольныхъ и невольныхъ моихъ прегрѣшеній и о непостыдномъ предствательствѣ моемъ на Страшномъ судѣ Господа нашего Ісуса Христа, Ему же слава, честь и поклоненіе всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь“.

Теперь еще нѣсколько словъ, еще „одно послѣднее сказаніе“ о Николаѣ Дмитріевичѣ Мизко, какъ о частномъ человѣкѣ.

Въ личныхъ его качествахъ брали рѣшительный перевѣсъ симпатичныя, свѣтлыя стороны надъ тѣми мелочными слабостями, о которыхъ здѣсь говорилось мимоходомъ и присутствіемъ которыхъ онъ былъ обязанъ столько же природѣ, сколько воспитанію и бытовымъ вліяніямъ, окружавшимъ его во время дѣно. Вся суть его недостатковъ выражалась въ томъ, что онъ (нечего грѣха таить) былъ вспыльчивъ, раздражительно-капризенъ на эти увлеченія, говоря со вздохомъ, словами церковнаго пѣснопѣнія: „отъ юности моя мнози братья мя страсти“... — Зато въ немъ была бездна свойствъ, невольно заставлявшихъ любить этого человѣка, прощать ему всѣ его маленькія странности и „изъянцы“. Свойства эти высказываются въ одномъ многозначущемъ словѣ: сердечность. Да, именно, это была натура,

¹⁾ Здѣсь слѣдуетъ полное наименованіе лица, кому поручены составленіе и изданіе „словаря“.

какую зовутъ въ нашемъ народѣ „сердечною“, когда хотять обозначить человѣка, не умѣющаго ни злобиться за сдѣланное ему зло, ни лугавить, ни кичиться. Николай Дмитріевичъ, самъ того не подозревая, обладалъ великою притягательною силою, — способностью привлечь, расположить къ себѣ всякаго, кто входилъ съ нимъ въ соприкосновеніе и умѣлъ опѣнить все его беззапятное добродушіе, необычайную общительность и искренность. При податливой мягкости характера, дѣтской довѣрчивости и неисцѣлимой непрактичности — что ставило его, порою, то въ забавныя, то въ „казусныя“ положенія, — у него же, вмѣстѣ съ этими наивными чертами, какъ-то непостижимо уживались и зоркая наблюдательность, и мѣткое пониманіе самыхъ осложненныхъ, едва-уловимыхъ отношеній житейскихъ: странная смѣсь простодушія и тонкости, быть можетъ, объясняемая его замѣчательною отзывчивостью на разнообразныя движенія человеческой души.

Чисто малороссійскій складъ ума съ оригинально-юмористическимъ подшибомъ ярко просвѣчивалъ въ его устной рѣчи, въ его безчисленныхъ разсказахъ изъ народнаго и помѣщичьяго быта. Неподражаемымъ комизмомъ дышала тогда вся особа разсказчика, — эта небольшая, коренастая фигурка съ живыми глазами надъ глубоко-вдавленнымъ безобразнымъ носомъ, съ нѣсколько крикливымъ, рѣзкимъ голосомъ и выразительною жестикуляціей. Анекдотистъ онъ былъ превосходный и, вообще, наипріятнѣйшій собесѣдникъ, особенно когда касался неисчерпаемыхъ и весьма интересныхъ собственныхъ воспоминаній.

Здѣсь уже было сказано про его искреннюю набожность, про его всегдашнія симпатіи къ образованнымъ представителямъ православнаго духовенства. Остается замѣтить, что набожность эта и приверженность къ дѣятелямъ церкви были свободны отъ малѣйшихъ попользованій на ханжество, лицемѣріе или суевѣріе и что истекали онѣ изъ чистаго источника теплой вѣры въ его сердцѣ, питаемая основательнымъ изученіемъ божественнаго писанія, исторіи церкви и твореній нашихъ лучшихъ духовныхъ ораторовъ. Богословскія свѣдѣнія покойнаго были весьма обширны, — по крайней мѣрѣ для мірянина, — хотя, конечно, не могли равняться, въ этомъ отношеніи, съ его глубокими познаніями въ области библіографіи, гдѣ онъ былъ специалистъ по преимуществу.

Не вовсе изъятый отъ притязаній авторскаго самолюбія, Н. Д. Мизко, въ инныя минуты болѣе строгихъ счетовъ съ самимъ собою, скромно опредѣлялъ свою роль, свое мѣсто въ литературѣ, отрѣшаясь отъ всякихъ преувеличеній и пристрастій. „Никогда не считая себя записнымъ литераторомъ (говорилъ онъ о себѣ въ одной автобіографической запискѣ, составленной для А. С. Суворина въ 1876 году), — а лишь любителемъ литературы, онъ (Мизко) только на двухъ изданныхъ имъ книгахъ, да и весьма немногихъ статьяхъ

обозначалъ свои имя и фамилію; большая же часть статей его подписаны начальными буквами „Н. М.“, или оставлены совсѣмъ безъ подписи“.—И онъ имѣлъ право называть себя „любителемъ“, — не въ узкомъ смыслѣ напускнаго, полупразднаго дилетантизма, а въ томъ отношеніи, что изъ всѣхъ привязанностей, какія когда-либо обитали въ его воспримчивой душѣ, самую сильною, прочною и возвышенною была его неугасимая, горячая любовь къ русской литературѣ, — любовь, неумоленувшая даже и передъ помыслами о послѣднемъ часѣ, о тихомъ пристанищѣ вѣчнаго покоя.

Д. Рябининъ.

Воронежъ.
12 сентября 1881 г.

ПОСМЕРТНЫЯ БУМАГИ М. Д. СКОБЕЛЕВА.

I.

Письма съ кашгарской границы.

(1876).

ВЪ АВГУСТѢ 1876 года, послѣ покоренія Ферганской области, или Кокана, Скобелевъ предпринялъ движеніе въ алайскія горныя поселенія кара-киргизъ, желая появленіемъ нашихъ отрядовъ устрашить ихъ и заставить окончательно подчиниться русскому владычеству. Алайскія горы тянутся въ южной части ханства и отдѣляютъ насъ отъ знаменитаго Памирскаго плоскогорія. Этотъ походъ, извѣстный подъ названіемъ алайской экспедиціи, замѣчателенъ по тѣмъ трудностямъ, которыя приходилось преодолевать нашимъ войскамъ при движеніи по обрывистымъ горнымъ тропинкамъ, иногда черезъ страшной высоты перевалы (переваль Сары-Могуль 14.100 ф., Арчакъ-Даванъ 11.000 и Кара-Кызыкъ около 15.000 ф.). Одинъ изъ его отрядовъ проникъ до озера Кара-Куль и даже далѣе. Весь обозъ былъ вьючный. Кромѣ желанія усмирить кара-киргизъ, Скобелевъ внимательно изучилъ кашгарскую границу, опредѣлилъ пункты, черезъ которые она должна была проходить, и приказалъ устроить отъ Гульчи на Улузь-Ташъ, черезъ перевалы, колесную дорогу. Ожидая встрѣтить со стороны кара-киргизъ сопротивленіе, онъ употребилъ весьма искусный маневръ, чтобы гарантировать себѣ успѣхъ, въ случаѣ столкновенія. Всѣ сѣверные горные выходы изъ Алайскаго хребта были заперты небольшими отрядами; затѣмъ, переваливъ черезъ хребетъ съ восточной стороны, онъ спустился въ узкую долину Алай-Чая и, пройдя по ней на западъ между параллельными хребтами Алайскимъ и Заалайскимъ, опять перешелъ перевальъ Кара-Кызыкъ. Объ этомъ походѣ, о значеніи и характерѣ

кашгарской, а нѣтъ китайской, границы, имъ составлена весьма интересная записка, которую ниже мы и приводимъ почти вполнѣ. Исключены только строки, относящіяся къ разнымъ мелкимъ распоряженіямъ и не имѣющія особаго интереса, а также тѣ, которыя мы нашли почему либо неудобнымъ помѣщать въ печати. Прилагаемая записка, посланная въ видѣ письма покойному генералъ-губернатору К. П. Кауфману I-му, представляетъ превосходное, можно даже сказать, образцовое изслѣдованіе границъ съ политической, административной и военной точки зрѣнія, свидѣтельствующая какъ объ отличномъ знаніи Азии, такъ и тонкомъ умѣ знаменитаго автора записки.

Дойдя до долины Кара-Тигенъ, населенной таджиками, долины, къ которой опускались Алайскія горы, Скобелевъ, привлеченный теплымъ климатомъ и другими благоприятными условіями страны, писалъ К. П. Кауфману о необходимости движенія въ Каратигенъ къ Гарму и настаивалъ на его завоеваніи. Кауфманъ однако не разрѣшилъ этого движенія, признавая, что Кара-Тигенъ составляетъ часть владѣній бухарскаго эмира.

Взглядъ на движеніе въ Кара-Тигенъ выраженъ во второмъ письмѣ Скобелева къ К. П. Кауфману, служащемъ какъ бы дополненіемъ къ первому.

1.

„Первый кашгарскій пикетъ“ на р. Нуръ, 9-го августа 1876 г., 9 час. утра (на границѣ Ферганской области съ кашгарскими владѣніями).

„Ваше Высочайшее превосходительство

„Милостивый государь

„Константинъ Петровичъ.

„Желая воспользоваться своимъ пребываніемъ на Алаѣ, для обозрѣнія нашей границы съ Кашгаромъ, со стороны Большого Алая, я рѣшился лично отправиться, чрезъ переваль Тунгъ-Бурунь, къ кашгарскому пикету, расположенному у слиянія рѣкъ Нуры съ Кокъ-Су. Такимъ образомъ, я имѣлъ возможность не только убѣдиться въ дѣйствительномъ пребываніи кашгарскаго пикета на р. Кокъ-Су, но, главное, лично произвести военную рекогносцировку пути, ведущему съ Алайской возвышенности въ кашгарскія владѣнія, чрезъ переваль Тунгъ-Бурунь.

„Раньше чѣмъ обратить вниманіе вашего высочайшего превосходительства на результаты настоящей поѣздки и на впечатлѣніе, произведенное на меня характеромъ дороги и окружающей ее мѣстности, я считаю своею обязанностью изложить вашему высочайшему превосходительству вератцѣ распоряженія, сдѣланныя мною, до моего отъѣзда изъ лагеря у Кизылъ-Арта, по снабженію алайскаго отряда провіантомъ, фуражемъ и нѣкоторыми необходимыми вещами, для могущаго быть,

вашимъ высокопревосходительствомъ разрѣшеннаго, движенія къ Гарму.

„Къ 9-му августа настоящаго года во всѣхъ колоннахъ алайскаго отряда состояло провіанта—сухарей на 11 дней, т. е. по 19-е августа.

„Въ виду сего, для снабженія алайскаго отряда еще 12-ти-дневнымъ запасомъ провіанта и фуража, мною отправлено въ Гульчу 298 вьючныхъ лошадей, для доставленія къ отряду изъ гульчинскаго продовольственнаго магазина: 550 пуд. сухарей, 100 четв. крупъ, 7 пуд. чаю, 22 пуд. сахару и 1000 пуд. ячменя.

„Такъ какъ для поднятія названныхъ тяжестей требовалось 355 лошадей (полагая на лошадь вьюкъ въ 6 пудовъ), то въ помощь вышеозначенному числу вьючныхъ лошадей мною сдѣлано распоряженіе объ употребленіи для перевозки сихъ запасовъ всѣхъ строевыхъ и вьючныхъ лошадей отъ 1¹/₂ сотенъ, назначенныхъ для конвоирования транспорта. Возвращеніе транспорта изъ Гульчи въ ур. Арчабулакъ, мѣсто настоящаго расположенія алайскаго отряда, я предполагаю къ 14-му августа.

„Слѣдовательно, въ самое непродолжительное время алайскій отрядъ: 5 ротъ, 4 сотни, 2 конныхъ стрѣлковыхъ полуроты, 3 горныхъ орудія и рaketная батарея будутъ снабжены провіантомъ и фуражемъ по 30-е августа.

„16-го августа я рассчитываю получить отвѣтъ отъ вашего высокопревосходительства на мое письмо, посланное съ капитаномъ Боголюбовымъ. Въ случаѣ разрѣшенія движенія къ Гарму, подъ стѣнами его я рассчитываю быть на 9-й день по выступленіи изъ Арчабулака (мѣсто сосредоточенія всѣхъ 3-хъ колоннъ алайскаго отряда), а выступить я предполагаю по направленію къ Дараутъ-Кургану, какъ только прибудетъ транспортъ изъ Гульчи.

„Мною, по полученіи вашихъ приказаній въ смыслѣ наступленія къ Кара-Тигену, будутъ немедленно сдѣланы слѣдующія распоряженія объ усиленіи отряда, дѣйствующаго противъ Кара-Тигена и о снабженіи его еще, покрайней мѣрѣ, 2-хъ-недѣльнымъ запасомъ провіанта:

„1) Двумъ ротамъ (2-й 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и 2-й 1-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, передвинутой изъ Науката въ Учъ-Курганъ еще 7-го августа) и двумъ сотнямъ будетъ предписано присоединиться изъ Учъ-Кургана къ отряду, имѣющему дѣйствовать противъ Кара-Тигена.

„2) Подъ прикрытіемъ этихъ войскъ будетъ доставленъ въ отрядъ двухъ-недѣльный запасъ провіанта, хранящійся въ учъ-курганскомъ временномъ продовольственномъ магазинѣ (къ началу алайской экспедиціи въ Учъ-Курганъ былъ доставленъ провіантъ въ мѣсячной пропорціи на весь алайскій дѣйствующій отрядъ).

„3) Перевозка сего провіанта будетъ произведена на строевыхъ и вьючныхъ лошадяхъ сотенъ учъ-курганской колонны.

„Въ виду наступившихъ холодныхъ ночей, я сдѣлалъ распоряженіе о приобрѣтеніи покупкою для алайскаго отряда кошмъ, которыхъ теперь въ отрядѣ достаточно съ излишкомъ; кромѣ того, приняты мною мѣры о подвозѣ возможнаго количества полушубковъ; ихъ имѣется уже въ достаткѣ для ночныхъ постовъ.

„Состояніе чиновъ алайскаго отряда въ гигиеническомъ отношеніи удовлетворительно; вновь заболѣвающихъ нѣтъ; бывшіе же при отрядѣ слабые и больные отправлены 8-го августа въ Гульчу.

„7-го августа, съ одною полуротою конныхъ стрѣлковъ и двумя ракетными станками, я двинулся черезъ переваль Тунгъ-Бурунъ; въ этотъ же день снялись съ бивуака омская и гульчинская колонны, для слѣдованія къ укрѣпленію Арча-Булакъ, избыливающее хорошою водою и топливомъ, въ которомъ до сихъ поръ ощущался недостатокъ.

„Летучему отряду кн. Витгенштейна, расположенному у озера Кара-Куль, мною предписано также слѣдовать на Арча-Булакъ.

„Въ первый день моего движенія черезъ переваль Тунгъ-Бурунъ я сдѣлалъ 39 верстъ и остановился на ночлегъ за переваломъ; на этомъ участкѣ дорога тянется все время по холмамъ, упирающимся въ лѣвый берегъ алайской Кизиль-Су. Дорога ровная, грунтовая и никакихъ исправленій для движенія колеснаго обоза не требуетъ. Подъемъ на переваль незамѣтенъ и только спускъ съ него къ рѣчкѣ потребуетъ нѣкоторыхъ исправленій и то незначительныхъ.

„На слѣдующій день, 8-го августа, я двинулся далѣе къ кашгарскому пикету и на 17-й верстѣ отъ ночлега былъ встрѣченъ двумя вооруженными всадниками, высланными изъ передоваго поста. Передовой постъ пикета расположенъ на 20-й верстѣ отъ перевала Тунгъ-Бурунъ, на правомъ берегу рѣчки Нуры, впадающей въ Кокъ-Су. За передовымъ постомъ въ девяти верстахъ на правомъ берегу Кокъ-Су, находится Курганъ-Иркаштанъ, гдѣ расположенъ гарнизонъ въ 60 всадниковъ. До него я не доходилъ, такъ какъ на посту Нура меня просили не слѣдовать далѣе. Просьбу эту я не находилъ нужнымъ не исполнить.

„На этомъ участкѣ дорога сначала идетъ по косогору, а затѣмъ спускается медленно въ Кизиль-Су, при впаденіи ея въ Кокъ-Су. На этомъ протяженіи дорога потребуетъ исправленія только въ двухъ мѣстахъ, именно, при подъемѣ на косогоръ, а затѣмъ при самомъ спускѣ на бродъ Кизиль-Су. Спустившись въ Кизиль-Су, дорога снова подымается на кражъ, отдѣляющій Кизиль-Су отъ рѣчки Кальта-Булакъ, впадающей въ Кокъ-Су; потомъ идетъ по кражу, и спускается къ ручью Кальта-Булакъ. Отъ этого ручья до рѣчки Нуры дорога все время идетъ отчасти каменистымъ косогоромъ и требуетъ исправленія, въ особенности у самаго спуска къ нуринскому броду, за которымъ непосредственно находится кашгарскій передовой постъ. Отъ передоваго поста до пикета дорога пролегаетъ вдоль праваго берега

КАРТА ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

1:100,000
 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100
 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

Авт. П. Я. Мисеев по Батериской карт. у. М. М. Петерс. у. л. 31-3.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

рѣчки Нуры и требуетъ на этомъ протяженіи болѣе серьезныхъ исправленій.

„Отъ пикета Иркаштанъ дорога тянется вдоль къ Кокъ-Су, долина котораго все болѣе и болѣе расширяется и наконецъ около Улукчата выходитъ на Кашгарскую равнину¹⁾).

„Вашему высокопревосходительству небезынтересно будетъ узнать нѣкоторыя подробности о самомъ кашгарскомъ пикетѣ; передовой постъ на Нурѣ состоитъ изъ 10, а Иркаштанскій пикетъ изъ 60 всадниковъ. Въ главномъ же караулѣ въ Улукъ-Чашѣ 600 человекъ, подъ начальствомъ Рахшибай-таксабъ²⁾, который отказался выѣхать къ передовому посту для свиданія со мною, по не полученію на то приказанія отъ Якубъ-бека, который, будто бы, разбивъ китайцевъ въ трехъ сраженіяхъ, нынѣ находится въ Турфанѣ.

„Люди всѣ сидятъ на добрыхъ коняхъ, которые содержатся въ ячменномъ тѣлѣ, что служитъ доказательствомъ, что сипай³⁾ и на дальнихъ пограничныхъ постахъ получаютъ исправно содержаніе.

„Снаряженіе лошадей въ большомъ порядкѣ.

„Одежда людей обмененная, сартовская—нѣсколько грязныхъ и разорванныхъ халатовъ, но поверхъ ихъ люди надѣваютъ еще халаты изъ чамбарной желтой кожи, что составляетъ походную форму, будто бы, придуманную самимъ Якубъ-бекомъ. Каждый всадникъ, кромѣ пашки, имѣетъ еще огнестрѣльное оружіе; послѣднее разнообразныхъ образцовъ и видовъ; у 10 человекъ передоваго поста оказалось 1 фитильное ружье, одно гладкоствольное ударное, двѣ охотничьи двустволки и шесть штукъ шестилинейныхъ англійскихъ винтовокъ съ трехгранными штыками. Содержать оружіе довольно исправно, чуть ли не исправнѣе нашихъ казаковъ.

„Исполнивъ просьбу начальника передоваго поста не слѣдовать далѣе, я расположился у Нура-пикета на ночлегъ и кромѣ того 9-го августа сдѣлалъ здѣсь (на Нура-пикетѣ) дневку. 9-го августа явился ко мнѣ юзбаша⁴⁾ пикета съ достарханомъ⁵⁾ и былъ мною, со всѣми его спутниками, богато одаренъ халатами.

„Находя движеніе къ Нура-пикету вполне достаточнымъ для освѣщенія насъ, какъ въ военномъ, такъ и въ административномъ отношеніи, и ни въ какомъ случаѣ не желая подвергать добытые рекогносцировкой драгоценные результаты какимъ бы то ни было возможнымъ неприятымъ случайностямъ, я думаю завтра двинуться въ обратный путь на Арча-Булакъ.

„Весьма замѣтное за послѣдніе годы царствованія Худояра ослабленіе ханской власти въ долинѣ должно было повлечь за собой

¹⁾ Здѣсь пропущено нѣсколько строкъ въ оригиналѣ.

²⁾ Таксабъ—генералъ-майоръ.

³⁾ Сипай—поселенная конница.

⁴⁾ Юзбаша—прапорщикъ.

⁵⁾ Достарханъ—угощеніе; буквально значитъ—скатерть.

«истор. вѣстн.», годъ III, томъ X.

уменьшеніе, почти исчезновеніе ея значенія въ горной пограничной полосѣ; неспособность горныхъ жителей, въ большинствѣ случаевъ исторически доказанная, къ самобытному существованію и здѣсь вполне проявилась.

„Якубъ-бекъ въ скоромъ времени воспользовался выгоднымъ для него положеніемъ дѣлъ и фактически, безъ всякаго соглашенія съ кованскимъ ханомъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ всѣхъ кочевниковъ, зимующихъ по восточному склону горъ, служащихъ водораздѣломъ между системою рѣки Сыръ-Дарья и рѣками, текущими къ востоку отъ этихъ горъ. Два года тому назадъ, вѣроятно еще болѣе убѣдившись въ періодически усиливающейся слабости правительства Худояра, Якубъ-бекъ уже не довольствовался вышеупомянутою водораздѣльною линіею, а распространилъ свои владѣнія на верховья рѣки Тара, впадающей у Узгента въ Кара-Дарью, вслѣдствіе чего кочевники (часть отдѣленія кара-барги, сары-барги и тась-барги, въ сложности до 400 кибитокъ) стали признавать власть бадаулета ¹⁾ сплошь до Акъ-Богушскаго перевала.

„Рядъ насильственныхъ фактовъ, только что мною представленныхъ, невольно наводитъ меня на мысль вообще намѣтить тѣ отношенія, которыя всегда существовали и, по всей вѣроятности, будутъ существовать между жителями долины и горъ, что можетъ послужить наиболѣе вѣскимъ основаніемъ для рѣшенія предстоящей намъ задачи опредѣленія наиболѣе выгодной черты между Ферганской областью и владѣніями бадаулета.

„Вопросъ объ отношеніяхъ горныхъ жителей къ ихъ сосѣдямъ, живущимъ въ долинѣ издавна, въ немногихъ словахъ сводится къ слѣдующему: на сторонѣ горныхъ жителей большее развитіе нравственной и мускульной силы, что дѣлаетъ ихъ сравнительно воинственнѣе; племенная раздѣльность, способствуя безпрестаннымъ междуусобнымъ распрямъ, порождаетъ въ нихъ боевыя наклонности; весьма часто горный народецъ, бѣдный и по числу и по средствамъ, лишенный воинской организаціи, съ успѣхомъ дѣлался вѣчно безпобойнымъ, иногда страшнымъ соперникомъ для несравненно болѣе могущественныхъ обитателей смежныхъ долинъ.

„Въ характерѣ горныхъ жителей преимущественно дѣйствовать набѣгами, съ цѣлью грабежа, покидая только на время свои неприступныя твердыни, спускаясь, подобно бурному потоку, на богатые осѣдлые центры долинъ. Ихъ привычка къ личной самобытности, недостатокъ единства и дисциплины, дѣлаютъ ихъ, впрочемъ, неспособными къ сколько нибудь правильному образу веденія войны.

„Положеніе жителей долинъ совершенно противоположно; народонаселеніе ихъ многочисленно; они не затрудняются путями сообщенія; правительство у нихъ, обыкновенно, организовано и сильно; оно

¹⁾ Бадаулетъ—благословенный, титулъ принятыи Якубъ-бекомъ.

рѣдко страдаетъ, сравнительно, недостаткомъ средствъ; войны, которыя ведутся жителями долинъ, бывають значительныя, а слѣдовательно и арміи ихъ бывають сильныя.

Изъ вышесказаннаго истекаетъ то относительное положеніе, которое, какъ показываетъ исторія, всегда существовало между жителями долины и ихъ горными сосѣдами: если пограничныя окраины должны по преимуществу быть подвержены внезапнымъ набѣгамъ и разоренію, то, напротивъ, значительныя экспедиціи всегда предпринимаются изъ долины въ горы, и можно съ увѣренностію сказать, что вредъ для жителей горъ отъ подобныхъ экспедицій всегда превосходитъ вредъ, который они своими набѣгами наносятъ жителямъ долинъ; экспедиціонныя колонны проникають глубоко внутрь горъ, опустошая все; набѣги же на долину рѣдко предпринимаются далѣе 2-хъ дней коннаго хода отъ горной полосы.

Вообще, горные жители, за немногими исключеніями, вызванными цѣлымъ рядомъ племенныхъ и историческихъ особенностей, въ концѣ концовъ всегда подчиняются власти, существующей въ одной изъ смежныхъ съ ними долинъ, разумѣется, сильнѣйшей или болѣе искусной; такъ было во всѣ времена и на нашихъ глазахъ—на Кавказѣ и въ Алжирѣ.

Наконецъ, тотъ же принципъ, совсѣмъ недавно, снова освѣщенъ поучительнымъ историческимъ примѣромъ—пораженіемъ Донъ-Карлоса и пораженіемъ Баскскихъ провинцій.

Можно смѣло сказать, что горные жители неспособны въ продолжительной самобытности.

Въ настоящую минуту, стоя на кашгарскомъ пикетѣ, мнѣ представляется опять-таки примѣненіе вышезложеннаго, конечно, рассматривая его черезъ фокусъ особенностей, присущихъ азиатской политической жизни, какъ было уже мною выше упомянуто, еще недавно,—нѣсколько лѣтъ тому назадъ, всѣ кочевники, кочующіе по отрогамъ Алайскихъ горъ (ферганскаго Тянь-Шана), такъ или иначе, но признавали надъ собою сюзеренную власть Худояръ-хана, центръ которой находится въ долинѣ; но вотъ, на развалинахъ китайскаго могущества, является новое государство, власть котораго также получаетъ свое зачатіе въ долинѣ. Эта власть несомнѣнными талантами своего представителя врѣшнетъ неожиданно быстро и первымъ проявленіемъ ея значенія—распространеніе своей власти на прилегающую горную полосу, не стѣсняясь водораздѣльными линіями.

Какъ вашему высокопревосходительству извѣстно, большинство киргизъ Ошскаго уѣзда кочуетъ на большомъ Алаѣ, но довольно значительная часть кочевниковъ Ферганской области уходитъ на лѣто и даже зимуетъ на отрогахъ тѣхъ горъ, которые еще такъ недавно составляли неотъемлемую принадлежность ханства Коканскаго.

Такъ отдѣленія многочисленнаго племени бадигине, именно: тауке,

ульджаке, сартляръ, джури и совай, лѣтуютъ по Кокъ-Су и ея притокамъ, а на зиму остаются части этихъ отдѣленій, кромѣ Кокъ-Су, и на Терекъ-даванской большой дорогѣ, въ урочищахъ Суранташъ и Сургеть. Изъ рода мунгушей отдѣленія гадачачинъ, япалакъ и юваши Ошскаго уѣзда оставляютъ весь свой скотъ на зиму въ мѣстностяхъ по горамъ Тайчимасъ, Икезякъ, Комъ-Итекъ, около перевала Карванкуль и далѣе до Нагры. Сами, т. е. козьева этого скота, уходятъ на зиму въ Ошу.

„До какой степени еще живуче въ народѣ сознание о принадлежности ихъ къ бывшему Коканскому ханству, а также племенное сродство съ нашими кочевниками, наиболѣе ясно доказывается просьбою, предъявленною черезъ намъ подвѣдомственныхъ биевъ при появленіи моего развѣзда на берегахъ Нуры начальнику Ошскаго уѣзда, биями отдѣленія ювашъ. Они просили о присоединеніи ихъ въ нынѣшнемъ году къ Ферганской области, поясняя при этомъ, что Якубъ-бекъ знаетъ тяготѣніе ихъ къ русскимъ и думаетъ выгнать ихъ изъ занимаемой ими въ настоящее время мѣстности въ восточную часть Кашгарскаго ханства.

„На восточныхъ склонахъ пограничнаго хребта, какъ бы въ подтвержденіе мною вышеизложеннаго, отъ озера Сары-Куль до большой дороги изъ Узгента, черезъ перевалъ Чаша ¹⁾, на озеро Чатыръ-Куль, вовсе не кочуетъ коренныхъ кашгарскихъ киргизъ, главный родъ которыхъ, чумбагиты, всѣ находятся къ востоку отъ Улукъ-Чаша. Въ пограничной полосѣ, о которой идетъ рѣчь, кочуютъ исключительно части родовъ адигине и мунгушъ и даже части тѣхъ отдѣленій, которыя составляютъ коренное кочевое населеніе Ошскаго уѣзда.

„Имѣю честь представить при семъ на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства списокъ тѣхъ отдѣленій отъ родовъ, кочующихъ въ предѣлахъ Ферганской области, которыя, безъ всякаго законнаго на то основанія, въ настоящее время подчинены Якубъ-беку.

„1) Рода мунгушъ:

„а) часть отдѣленія ювашъ постоянно кочуютъ по кашгарской рѣкѣ Кызыль-Су, до впаденія ея въ Кокъ-Су, затѣмъ по рѣкѣ Нуръ отъ Малтабара, по рѣкѣ Тугучаръ, по рѣкѣ Сакалу и въ урочищахъ Нигра, Учъташъ, Икезякъ и наконецъ на перевалѣ Карванкуль.

„2) Рода адигине:

„б) Отдѣленія джури, часть ихъ кочуетъ смежно съ ювашиами, а большая часть по верховьямъ Кокъ-Су и ея притокамъ.

„в) сара-барги

„г) кара-барги

„д) тась-барги

} Кочуютъ въ мѣстности Алачеку и между урочищами Награ и Улукъ-Чашъ по рѣкѣ Кокъ-Су.

¹⁾ Чаша или Чатъ.

„Въ доказательство, какъ мало кашгарская власть довѣряетъ связи, существующей между этими отдѣленіями съ Кашгаромъ, служить то, что всѣ бии названныхъ отдѣленій обязаны жить при кашгарскомъ Улукъ-Чашскомъ караулѣ.

„3) Рода Ичкилигъ:

„е) часть отдѣленія найманъ	} Перешли изъ предѣловъ нынѣшняго Маргеланскаго уѣзда лѣтъ 10 или болѣе тому назадъ и въ настоящее время кочуютъ въ окрестностяхъ озера Сара-Куль.
„ж) „ „ тинтъ	
„з) „ „ кипчагъ	

„Примѣчаніе. Урочище Алайку составляетъ верховье рѣки Тара (Ой-Талъ); оно два года тому назадъ (разительный примѣръ безостановочно наступательныхъ стремленій болѣе сильнаго правительсва долины, относительно своихъ горныхъ сосѣдей) присоединено было Якубъ-бекомъ къ своимъ владѣніямъ и, нѣтъ сомнѣнія, что, просуществовавъ еще нѣсколько лѣтъ слабое правительсво Худояра, все кочевое горное населеніе нынѣшней Ферганской области, по обѣимъ сторонамъ ферганскаго Тянь-Шана, подчинилось бы Якубу.

„Въ настоящее время отдѣленіе Алайку отъ Ферганской области казалось бы невозможно допустить.

„1) Верховья рѣки Тара не отдѣлены отъ низовья, гдѣ кочуютъ киргизы, нынѣ признающіе нашу власть.

„2) Мятежные киргизы, какъ они и теперь сдѣлали, при требованіи съ нихъ зявета ²⁾, имѣютъ возможность переходить, при всякомъ удобномъ случаѣ, изъ мѣстностей Лай и Канчагай черезъ невысокій Акъ-Богушскій перевалъ въ Алайку (Ой-Талъ) къ однороднымъ съ ними баргамъ, гдѣ, если мы признаемъ мѣстность эту кашгарскими владѣніями, они для насъ недосыгаемы.

„3) Если нынѣ существующее status quo не будетъ измѣнено волею вашего высокопревосходительства, то бадаулетъ и его пріемники (?), владѣя Ой-Таломъ, будутъ во всякое время въ состояніи распространить свое вліяніе на низовья рѣки Тара и даже въ долину Кара-Дарьи, что, при предполагаемомъ мною крайне желаемомъ направленіи нашей коммуникаціонной линіи съ Ташкентомъ, о чемъ я буду имѣть честь докладывать вашему высокопревосходительству ниже, по правому берегу Дарьи, можетъ, при стеченіи извѣстныхъ обстоятельствъ, имѣть для насъ крайне невыгодныя послѣдствія.

„Въ торговомъ отношеніи признаніе за Якубъ-бекомъ границъ по водораздѣльной линіи рѣкъ системы Дарьи и Кокъ-Су также для насъ, какъ оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи мѣстныхъ условій, крайне невыгодно:

²⁾ Зякетъ—обычная натуральная подать.

„1) Какъ бы сравнительно ни казалось прочно положеніе азіатскаго государя, тѣмъ не менѣе, въ отношеніи спокойствія и безопасности подвластныхъ населеній, онъ не можетъ представлять столько гарантій, сколько власть государствъ европейскихъ.

„Исторія всѣхъ самыхъ могущественныхъ азіатскихъ властителей показываетъ, какія часто ничтожныя, почти всегда трудно предугадываемыя случайности были поводомъ къ ихъ низверженію. Политическія же традиціи недоступны мусульманскому строю.

„Торговые пути изъ Ферганской области въ кашгарскіе предѣлы, проходя черезъ первостепенные снѣговые хребты и трудно доступныя тущобы, гдѣ всегда съ успѣхомъ могутъ укрываться шайки грабителей, казалось бы заставляютъ насъ особенно внимательно относиться къ только что вышеизложенному.

„Столь значительное торговое движеніе черезъ ферганскій Тянь-Шань будетъ обезпечено лишь тогда, когда мы выдвинемъ нашу власть за предѣлы горъ и будемъ, такимъ образомъ, хозяевами всей горной полосы. Для насъ еще слишкомъ должны быть памятливы апрѣльскія событія (кровавое янги-арьское дѣло и гибель лучшихъ нашихъ джигитовъ) и тѣ причины, которыми нѣсколько недѣль тому назадъ была отчасти вызвана Алайская экспедиція, чтобы кому либо довѣрить отвѣтственность за продолжительную безопасность первостепенныхъ торговыхъ путей съ восточнымъ Туркестаномъ.

„Примѣчаніе. Въ нынѣшнемъ году, благодаря безпорядкамъ, караваны дожидались въ Ошѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ и, наконецъ, все-таки вынуждены были направиться черезъ Узгентъ, на пер. Чаша и оз. Чатыръ-Куль.

„2) Въ смыслѣ необходимаго обезпеченія таможеннаго сбора, мы, какъ показалъ опытъ нынѣшняго года, не въ состояніи выставить заветныя ¹⁾ караулы на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ изъ кашгарскихъ предѣловъ; владѣя же Улукъ-Чатомъ мы можемъ обойтись однимъ заветнымъ постомъ въ Улукъ-Чатѣ, откуда дороги развѣтвляются на пять переваловъ:

„1) На Талдыкъ-Даванъ, черезъ Тангбурунскій переваль.

„2) На Терекъ-Даванъ, черезъ Карванкуль.

„3) На переваль Дунгорма, черезъ переваль Арыкъ-Турукъ.

„4) Отъ Ишна, на переваль Чаша къ Узгенту.

„5) По большому Алау на Дараутъ-Курганъ, къ Учъ-Кургану.

„Здѣсь поименованные перевалы суть главные, на которые въ настоящее время обращено вниманіе заветныхъ постовъ; но кромѣ ихъ есть множество менѣе доступныхъ и ими, конечно, пользуются

¹⁾ Т. е. таможенные.

контрабандисты, какъ-то перевалы: Сары-Могольскій, Довинтыкъ, Кара-Кульскій и на верховьяхъ рѣки Будаилыка, черезъ переваль Муланы-Вапъ.

„Всѣ вышеозначенныя административныя и торговныя неудобства иссякнуть, когда снова будетъ восстановлена для Ферганской области историческая граница бывшаго Коканскаго ханства.

„Разобравъ, насколько позволяли мнѣ время и обстоятельства, возложенный на меня довѣріемъ вашего высокопревосходительства вопросъ о проведеніи пограничной черты между Ферганскою областью и владѣніями бадаулета, наиболѣе выгодной для насъ въ административномъ и торговомъ отношеніяхъ, позволяю себѣ коснуться и не менѣ существенныхъ соображеній и рассмотреть вновь предполагаемую пограничную черту съ точки зрѣнія исключительно военныхъ и политическихъ интересовъ.

„Предметъ стратегіи правильно опредѣляется стремленіемъ поставить свою армію заблаговременно въ такое положеніе, чтобы въ день столкновенія она бы обладала относительными выгодами. Это же, относительно очертанія границъ, будетъ вѣрно и въ томъ случаѣ, если вмѣсто слова армія употребимъ слово нація.

„Эти соображенія, смѣю это почтительно высказать, должны побуждать насъ — народъ наиболѣе могущественный, не имѣющий ни племенной, ни религіозной связи съ покоренными, владѣть во всемъ ея объемѣ горною полосою; это еще важнѣе, казалось бы, въ случаяхъ, подобныхъ нынѣ возникающему: при вопросѣ объ опредѣленіи границъ между Ферганскою областью и Кашгаромъ, по своему существу мусульманскимъ воинственнымъ государствомъ, которое, вслѣдствіе особо сложившихся обстоятельствъ, нуждается, для своего существованія, въ самыхъ фанатическихъ проявленіяхъ мусульманскаго духа.

„Вдумываясь въ возложенный на меня довѣріемъ вашего высокопревосходительства важный пограничный вопросъ, я положительно прихожу къ заключенію, что намъ необходимо владѣть всею горною полосою.

„Если бѣдные горные жители, благодаря своимъ твердынямъ, могутъ въ данный моментъ, хотя и на короткій срокъ, сдѣлаться грозой долины, можно ли сомнѣваться въ тѣхъ выгодахъ, которыя будутъ приобрѣтены нами, когда въ горахъ будетъ существовать сильная, организованная военная власть, которая, если не повсемѣстнымъ присутствіемъ, то правомъ присутствія, окажетъ уже свое вліяніе на значеніе новой границы, какъ въ оборонительномъ, такъ и въ наступательномъ смыслѣ.

„Нельзя не согласиться, что первостепенныя горы, какъ тѣ, гдѣ мы теперь находимся, не служили бы значительнымъ препятствіемъ для дѣйствія войскъ, какъ въ смыслѣ выбора операціонныхъ путей, такъ и необходимой связи между колоннами; эти затрудненія тѣмъ

значительнѣе, чѣмъ болѣе силы, дѣйствующія въ горахъ, заслуживаютъ названія войскъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Соображенія эти еще очевидно первостепеннѣе, если вѣроятный, имѣющій военное значеніе, предметъ дѣйствія будетъ находиться за половою горъ.

„Примѣчаніе. Приблизительный торговый оборотъ бывшаго Коканскаго ханства съ Кашгаромъ простирался отъ 30 — 40 тысячъ тиллей ¹⁾ въ годъ. Вывозъ товара изъ Коканскаго ханства въ Кашгаръ состоитъ изъ предметовъ: шелку, краски уйрану и, въ особенности, бази. Привозъ въ Коканское ханство: ковры, нашатырь, чай и кошеть.

„Владѣя горами, мы, во всякомъ случаѣ, въ болѣе выгодномъ положеніи относительно нашего противника, какъ при оборонѣ, такъ и при наступленіи. Мы владѣемъ инициативой: при оборонѣ наступающій долженъ двигаться по заранѣ хорошо извѣстнымъ намъ дефиле, которые здѣсь въ горахъ весьма немногочисленны (заслуживаютъ вниманія въ смыслѣ операціонныхъ путей всего два, особенно для значительныхъ силъ, со своими необходимыми, вслѣдствіе условій движенія въ этихъ горахъ, обозами. Соображенія объ обозахъ здѣсь въ Азіи никогда, по-моему, не должны упускаться изъ виду. Азіатская толпа движется съ невѣроятнымъ количествомъ тяжестей; я убѣдился въ этомъ: подъ Балыкчами, Ульджибаемъ, наконецъ Учъ-Курганомъ. Можно ли представить болѣе разительный доводъ, что сарбазы ²⁾ (напр. въ Бухарѣ), эти илоты средне-азиатскихъ ханствъ, не ходятъ иначе въ походъ, какъ имѣя каждый по ишаку!

„При наступленіи, организованная сила, опирающаяся на такой операціонный базисъ, какъ долина Ферганы, направляемая способнымъ начальникомъ и владѣя такимъ брестверомъ, какъ ферганскій Тянь-Шань, можетъ съ полною безопасностью и скрытно сосредоточиться на какихъ угодно пунктахъ, угрожая наступленіемъ изъ всѣхъ дефиле. Уступить Кашгару по водораздѣльную линію—все одно, что отказаться отъ всей горной полосы, ибо въ данный моментъ племенная и религіозная связь возьметъ свое.

„Оборона долины Кашгарской Дарьи, при условіи вполне цѣлесообразнаго очертанія нашей новой границы, будетъ до крайности затруднительна; между тѣмъ какъ, напротивъ того, этимъ самымъ наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ, какъ въ административномъ, такъ и въ военномъ отношеніи, достигается гарантія спокойствія въ долинѣ Ферганы.

¹⁾ Тилля—золотая монета въ 3 рубля.

²⁾ Сарбазы — регулярная пѣхота.

„Упомяну здѣсь только о выгодахъ владѣнія такою длинною линіею первостепенныхъ горъ отъ Даравтъ-Кургана до предѣловъ Семирѣченской области въ военномъ отношеніи.

„Вдумываясь во входящіе и исходящіе углы этого неприступнаго, Богомъ намъ даннаго, сибѣговаго бруствера!.. Какъ возможно будетъ дебушировать изъ-за него во флангъ и даже тылъ противника; какъ трудно будетъ непріятелю обезопасить свои сообщенія!.. Мы приобретаемъ огромныя выгоды и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Можно утвердительно сказать, что если у Якубъ-бека армія (о шайкахъ не говорю), то, выходя изъ горъ, будучи въ нашихъ рукахъ, она не только не можетъ думать о наступательныхъ дѣйствіяхъ, по направленію къ Нарыну или Ошу, но она заранѣе поставлена въ невозможность оборонять владѣнія бадаулета впереди Кашгара и можетъ развѣ сосредоточиться вокругъ столицы, чѣмъ сразу война удалется отъ нашихъ предѣловъ, что для населенія Ферганы, которое еще долго будетъ помнить недавно минувшее — особенно желательно.

„Заключаю: признавъ весь ферганскій Тянь-Шанъ нашимъ, мы

„1) обезпечиваемъ спокойствіе въ горахъ и увеличиваемъ государственнй доходъ;

„2) владѣемъ „les issues des Croutieres“;

„3) во всякую данную минуту можемъ дебушировать во флангъ и на сообщенія противника;

„4) всѣ выгоды, сопряженныя съ внезапностью дѣйствій—иниціатива въ нашихъ рукахъ;

„5) вынуждаемъ непріятеля несоразмѣрно дробить свои силы или отойти къ центру.

„Еще болѣе вѣскими представляются мнѣ всѣ вышеизложенныя соображенія и опасность допущенія для насъ въ горахъ ферганскаго Тянь-Шана какаго либо владѣнія, кромѣ нашего, если вспомнить про нѣкоторыя особенности вновь завоеванной нами Ферганской области, какъ-то:

„1) Значительные города, переполненные элементами, всегда готовыми, подъ давленіемъ, какъ опытъ показалъ, часто мифическихъ внѣшнихъ причинъ, поднять знамя бунта.

„2) Коммуникаціонная наша линія, съ центральнымъ средне-азиатскимъ базисомъ—Ташкентомъ, въ настоящее время, по необходимости, пролегаетъ черезъ самыя многочисленныя и наименѣе проченныя, а слѣдовательно и менѣе надежныя города Ферганской области.

„Примѣчаніе. Это весьма невыгодное для насъ условіе, казалось бы, легко устранить устройствомъ военной дороги со станціи Кара-Су, черезъ Телау на Катъ-Рабатъ, Шайданъ, по правому берегу Дарьи, черезъ Наманганъ къ Учъ-Курганскому мосту (который мною на всякій случай содержится въ большой

исправности), на Пайтокъ къ Андигану; а если мы будемъ владѣть всею горною полосою Тянь-Шана, то пожалуй и къ Узгенту. Этотъ путь, кромѣ того, будетъ и кратчайшимъ противъ нынѣшняго.

„Если ваше высокопревосходительство, по полученіи этого письма, уже изволили рѣшить вопросъ о походѣ въ Кара-Тигенъ въ отрицательномъ смыслѣ, то необходимость военно-этапной дороги, по правому берегу Дарьи, становится еще очевиднѣе.

„3) Въ долинѣ Ферганы мы всегда будемъ опираться на весьма незначительное число укрѣпленныхъ пунктовъ; всегда будемъ располагать войсками гораздо слабѣйшими, чѣмъ бы того требовало протяженіе нашей оборонительной линіи, а тѣмъ самымъ не будемъ въ силахъ, не владѣя горною полосою ферганскаго Тянь-Шана, помѣшать вторгнувшимся, вслѣдствіе подстрекательствъ Кашгара, горнымъ кочевникамъ грабить большіе города и кишлаки и тѣмъ, въ случаѣ успѣха, нанести ударъ, въ данный моментъ, нашему вліянію въ извѣстномъ районѣ.

„Свобода выраженія всѣхъ моихъ мыслей, дарованная мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ, съ перваго дня назначенія меня начальникомъ Наманганскаго отдѣла и увѣренность вънисходятельной улыбкѣ вашей, если бы даже мною было высказано что либо, не вполне соответствующее съ возложенными на меня вашимъ превосходительствомъ прямыми обязанностями, дадутъ мнѣ смѣлость и на этотъ разъ коснуться вопроса будущаго, быть можетъ, не нашего поколѣнія, но который не можетъ не быть признанъ вѣнцомъ нашихъ усилій въ средне-азиатскомъ вопросѣ, способностью нашею (при извѣстной долѣ беззавѣтной рѣшимости, вполне оправданной результатами, могущими быть завоеванными для величія отечества) занять относительно азиатскихъ британскихъ владѣній такое угрожающее положеніе, которое облегчило бы рѣшеніе въ нашу пользу труднаго восточнаго вопроса—другими словами, завоевать Царьградъ своевременно, политически и стратегически вѣрно направленною, демонстраціею.

„Рѣшившись продолжать службу въ Средней Азій, пока ваше высокопревосходительство, которому я всѣмъ обязанъ, не признаете болѣе полезнымъ указать мнѣ другую дѣятельность, я не могъ, всѣми силами сердца и мозга, не коснуться этого исполнскаго вопроса.

„Я въ этомъ твердо увѣренъ: въ политикѣ, какъ и на войнѣ, только невозможное—дѣйствительно возможно!.. Современная англійская литература все болѣе и болѣе свидѣтельствуетъ, какого страха англичане набрались съ тѣхъ поръ, какъ русскіе интересы въ Средней Азій вѣрены вашему высокопревосходительству и какою страшною угрозою для нихъ ваше имя.

„Англичане слишкомъ трудолюбивы и практичны, чтобы озабочиваться не исполнимымъ.

„Обращаясь къ связи, существующей между этимъ великимъ вопросомъ и русскою властію, собственно въ Ферганской области, мнѣ кажется, что ей не слѣдуетъ увлекаться возможностью имѣть рѣшающее значеніе въ могущей быть борьбѣ, но ей слѣдуетъ стать въ такое стратегически выгодное положеніе, чтобы въ данный моментъ быть въ состояніи также, въ извѣстной степени, способствовать успѣху.

„Восточный Туркестанъ по богатству средствъ вполнѣ въ состояніи содержать значительную армію, не только самостоятельный демонстративный отрядъ (Здѣсь пропущено нѣсколько строкъ въ оригиналѣ).

„Закрываю: и въ выгодахъ отдаленнаго будущаго, а также и въ настоящую многозначительную историческую минуту вполнѣ возможныхъ, самыхъ непредвидѣнныхъ политическихъ неожиданностей, намъ необходимо владѣть ферганскимъ Тянь-Шаномъ...

„Если все вышеизложенное въ этомъ письмѣ заслужить, хотя бы въ основной мысли, милостиваго одобренія вашего высокопревосходительства, то я полагаю бы опредѣлить между Ферганскою областію и кашгарскими владѣніями слѣдующія границы:

„На юго-западъ: отъ бугра Караулъ-Тюбе, лежащаго въ 9-ти веръ отъ Большой Карамуль, чрезъ р. Алайское Кызыль-Су, по снѣговому хребту, лежащему на юго-западъ отъ рѣки Алтынъ-Дарыи.

„На югъ: по большому снѣговому хребту до перевала Тугокъ-Су.

„На востокъ: отъ перевала Тугокъ-Су до предѣловъ Семирѣченской области. Подробности пограничной черты показаны на картѣ.

„Если признать новую границу, то вопросъ о владѣніи, какъ горною полосою въ смыслѣ военномъ, такъ и кочевымъ населеніемъ, потребуетъ отъ насъ, казалось бы, сравнительно незначительнаго расхода и сводится:

„1) къ разработкѣ колеснаго пути изъ Гульчи на Талдыкъ-Даванъ черезъ перевалъ Танмурунъ ур. Гау, Караулъ-Нура-Иркъашъ-танъ (Ир-кочъ-татъ) и Улукъ-Чашъ;

„2) къ устройству: укрѣпленій 1) въ Ойтамъ, 2) въ Улукъ-Чашѣ. Улукъ-Чашъ преграждаетъ доступы въ дефиле и доставитъ намъ возможность прикрыть: 1) доступъ въ Большой-Алай (слѣдовательно и обезпечить нашу власть надъ кочевниками), 2) всѣ дороги, по которымъ могутъ двигаться значительныя силы въ Гульчу и Узгентъ, именно: 1) большую дорогу на перевалъ Дунгарма къ Узгенту; 2) изъ Иркъашъ-тана на Терекъ-Даванъ; 3) черезъ Большой-Алай къ Талдыкскому перевалу. Предполагаемое укрѣпленіе Улукъ-Чашъ должно быть сильной самостоятельной профили, снабжено артиллеріею и боевыми припасами, въ виду возможной продолжительной осады превосходнаго и организованнаго непріятели, для чего, по моему, необходимы если не казематированныя постройки, то весьма прочныя блиндажи, что при изобиліи строеваго лѣса между пикетомъ Нура и

Улукъ-Ташемъ весьма исполнимо. Полезно имѣть для картечи и нѣсколько гладкоствольныхъ орудій.

„3. Въ виду значенія, которое приобрѣтаетъ для насъ наша новая кашгарская граница, въ томъ видѣ, въ которомъ я осмѣливаюсь просить ваше высокопревосходительство ее признать, есть нѣсколько пунктовъ, на которыхъ было бы желательно основать казачьи станицы, разъ навсегда облегчающія намъ дѣйствительное обладаніе горною полосой и обезпечивающія власть въ краѣ русскаго элемента.

„Противъ основанія казачьихъ станицъ, послѣ условій возможности ихъ существованія, можетъ быть представлено весьма вѣское возраженіе,—это опасеніе, чтобы вновь переселяемое многочисленное христіанское населеніе, въ извѣстный періодъ времени, не подчинилось бы вліянію мусульманской окружающей среды; я смѣю думать и даже выражать убѣжденіе, что опасеніе это въ данномъ случаѣ не подтвердится фактами.

„1. Гребенскіе казаки 400 лѣтъ съ успѣхомъ боролись съ мусульманскимъ не только вліяніемъ, но и владычествомъ, и это въ тѣ дни, когда родная Россія была еще слишкомъ далеко и имъ приходилось кровью платить за вѣрность вѣрѣ, обычаямъ и преданіямъ отвергшаго ихъ отечества.

„2. Уральскіе казаки, по твердости своихъ религіозныхъ убѣжденій и вслѣдствіе вообще неподвижности, представляютъ именно тотъ надежный русскій элементъ, могущій съ полнымъ успѣхомъ послужить ядромъ для образованія будущаго ферганскаго казачьяго войска. Къ тому же станицы эти не будутъ изолированы; близость войска, безпрестанна сношенія съ русскою властью и, наконецъ, сознаніе безусловнаго превосходства, которое теперь, благодаря ряду побѣдъ, сдѣлались достояніемъ всякаго русскаго человѣка.

„3. Окружающее предполагаемыя станицы туземное населеніе киргизское не только неспособно къ религіозной пропагандѣ, но и съ трудомъ подчиняется само правиламъ Шаріата.

„На первый разъ, и въ видѣ опыта, я предполагалъ бы поселить казаковъ: а) въ Ошѣ, б) въ Гульчѣ, в) въ Ойталѣ и д) въ Улукъ-Чашѣ.

„Проектъ устройства казачьихъ станицъ мною нынѣ разрабатывается и будетъ представленъ по приказанію вашего высокопревосходительства.

„Капитанъ Куропаткинъ, слава Богу, выздоравливаетъ; такъ какъ отправление посольства нынѣ по необходимости отложено, то я надѣюсь, что капитанъ Куропаткинъ къ тому времени совсѣмъ поправится. Лучшаго исполнителя воли вашей найти трудно.

„Я сильно озабоченъ вопросомъ о помѣщеніи войска; мнѣ помнятся рассказы о сильныхъ бѣдствіяхъ, которыя претерпѣвали войска отъ сырыхъ помѣщеній въ яны-курганскомъ отрядѣ въ 1867 г. Съ

Алая взять въ руки это дѣло мнѣ положительно невозможно. Дѣлаю, что могу, т. е. пишу въ Коканъ; между тѣмъ время идетъ.

„Имѣю честь быть вашего высокопревосходительства благодарный и преданный слуга Михаилъ Скобелевъ“.

2.

„Ваше высокопревосходительство,

„Милостивый государь

„Константинъ Петровичъ.

„Въ ожиданіи возвращенія капитана Боголюбова и связаннаго съ нимъ окончательнаго выясненія, возникшаго 12 дней тому назадъ, недоразумѣнія съ Каратигеномъ, имѣю честь донести вашему высокопревосходительству, что я со вчерашняго числа нахожусь въ Даравутъ-Курганѣ съ конными стрѣлками и ракетною батареей.

„Возвращеніе Рахимъ-шаха извѣстно вашему высокопревосходительству. Я приписываю его присутствіе въ Гармѣ и послѣдовавшее смѣщеніе Сеидъ-Мугаммедина ¹⁾, по всей вѣроятности, заявленію вашей воли эмиру бухарскому.

„Съ своей стороны, я радъ привѣтствовать возвращеніе Рахимъ-шаха, такъ какъ теперь надѣюсь, во всякомъ случаѣ, избѣгнуть необходимости въ насильственныхъ мѣрахъ. Когда я посылалъ къ вашему высокопревосходительству капитана Боголюбова, надменное поведеніе Сеидъ-Мугаммедина, послѣдствія котораго уже начинали проявляться неизъявленіемъ покорности частью кара-киргизскаго рода чкиликъ, по моему крайнему разумѣнію, должно было быть наказано въ самомъ началѣ, для чего у меня были средства, вслѣдствіе сосредоточенія на Алаѣ силъ.

„По возвращеніи моемъ съ кашгарской границы, слухи объ отъѣздѣ Сеидъ-Мугаммедина въ Бухару, о безначаліи въ Каратигенѣ и возможности просьбы со стороны партіи Рахимъ-шаха о нашемъ вмѣшательствѣ въ ея пользу, все это сильно меня тревожило и, сознаюсь, утверждало въ убѣжденіи въ необходимости быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, которыя здѣсь, въ Азіи, во-время предпріятыя, всегда почти въ состояніи предотвратить всякую грозу.

„О моемъ настроеніи, въ день отъѣзда капитана Боголюбова, онъ, конечно, сумѣлъ достаточно ознакомить ваше высокопревосходительство; сознаюсь, въ непосредственно послѣдовавшіе за его отъѣздомъ дни, имѣя я власть, я, по всей вѣроятности, рѣшился бы завять Большое Карамукское ущелье и этою демонстраціею постарался бы

¹⁾ Рахимъ-шахъ и Сеидъ-Мугаммедия — правители Каратигена.

дать въ Гармѣ торжество тѣмъ политическимъ элементамъ, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ нашимъ интересамъ.

„Въ трудную, только что пережитую мною минуту сомнѣнія я и на этотъ разъ всѣми силами старался остаться вѣренъ той политикѣ терпѣнія и справедливости, которую во всѣхъ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ почти 10-лѣтняго управленія краемъ, ваше высокопревосходительство положили въ основаніе всѣхъ вашихъ рѣшеній.

„Не зная въ точности, въ какомъ положеніи въ настоящую минуту отношенія наши къ Бухарѣ, по необходимости до сихъ поръ знакомый только по слухамъ объ отношеніяхъ Каратигена къ своему сюзерену, я счелъ своею обязанностью избѣгнуть до возвращенія капитана Боголюбова всего, что могло служить не только поводомъ, но и тѣнью повода къ болѣе быстрому и для массы очевидному развитію каратигенскаго недоразумѣнія. Я употребилъ и употребляю всѣ усилія, чтобы до полученія инструкцій вашего высокопревосходительства не связать себя никакими обязательствами, не только официальными заявленіями, но и такими движеніями, которыя, имѣя характеръ угрозы, могли бы впослѣдствіи несоотвѣтствовать высшимъ видамъ вашего высокопревосходительства:

„1) Я до крайности медлилъ ичкиликскимъ вопросомъ до той поры, пока разрѣшеніе его, очевидно, было въ связи съ Сеидъ-Мухаммединъ-Музафаромъ.

„2) Только 16-го августа, втораго дня по полученіи письма отъ Рахимъ-шаха и когда возвращеніе его изъ Бухары сдѣлалось фактомъ почти безспорнымъ, я рѣшился двинуться съ авангардомъ къ Даравутъ-Кургану.

„3) Побудило меня къ тому прибытіе многихъ ичкиликскихъ бѣевъ съ изъявленіемъ покорности и готовности исполнить всѣ мои требованія, что, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, должно было приписать измѣненію къ нимъ политики каратигенскаго владѣтеля.

4) Чтобы не дать повода всегда сильной во всѣхъ мусульманскихъ государствахъ партіи фанатическаго духовенства провозгласить газаватъ и тѣмъ самымъ ослабить значеніе умѣренныхъ, во главѣ которыхъ, со времени занятія Ферганской области, всегда стоялъ Рахимъ-шахъ, я оставилъ главныя силы на Арча-булакѣ, въ 115 верстахъ отъ границъ Каратигена съ Ферганскою областью, и выѣхалъ къ Даравуту скорѣе съ разѣздомъ, чѣмъ съ отрядомъ.

„Увѣренность, внушенная мнѣ сознаниемъ, что, поступая такимъ образомъ, я исполняю вашу волю, какъ мнѣ кажется, уже принесла самые благіе результаты. Тѣ отдѣленія рода ичкиликъ, преимущественно найманъ и хадыршаа, которые колебались въ принесеніи покорности, надѣясь, вѣроятно, на поддержку смежнаго съ ними Каратигена, которымъ управлялъ Сеидъ-Мухаммединъ, и куда въ случаѣ крайности они имѣли бы возможность уйти зимовать, вмѣсто

долины Ферганы, толпами, въ лицѣ своихъ представителей являются съ изъявленіемъ покорности. Такимъ образомъ, съ возвращеніемъ Рахимъ-шаха, главный поводъ неудовольствія на Каратигенъ самъ собою исчезаетъ.

„Конечно, если ваше превосходительство, подѣ впечатлѣніемъ моего письма, позволите мнѣ рѣшительныя дѣйствія, то я постараюсь извлечь изъ сосредоточенныхъ нами на Алаѣ войскъ возможныя гарантіи въ будущемъ для спокойствія Ферганской области.

„Лучшимъ къ тому средствомъ я считалъ бы доказать Каратигену и нашимъ кочевникамъ, фактически, что карамуская позиція, славящаяся своею неприступностью, не можетъ остановить движенія нашихъ войскъ; но и на подобныя демонстраціи я полагаю нужнымъ рѣшиться съ крайнею осмотрительностію, такъ какъ мнѣ кажется, что всѣ наши усилія должны заключаться въ томъ, чтобы помочь партіи Рахимъ-шаха утвердить за собою власть. Военное же давленіе на границы, какъ докладывалъ я выше, можетъ повлечь за собою совершенно противоположныя результаты.

„Итакъ, мнѣ кажется, наиболѣе соотвѣтственно нашимъ интересамъ, разъ власть опять перешла въ руки партіи умѣренной (какъ теперь можно надѣяться), непременно избѣжать вооруженнаго столкновенія, доказавъ все-таки Каратигену наше могущество.

„Напугавши хорошенько всѣхъ въ Каратигенѣ, я полагаю не переставать дружественно сноситься съ Рахимъ-шахомъ и, наконецъ, предоставить ему случай показать вліяніе своей, удобной Ярымъ-падишаху, личности и ею оказать народу услугу нашимъ удаленіемъ отъ границъ Каратигена.

„Въ связи и въ зависимости отъ вышеизложенной цѣли будутъ и тѣ требованія, которыя я предъявляю Рахимъ-шаху, въ томъ случаѣ, если отвѣтъ вашего превосходительства, который прибудетъ съ капитаномъ Боголюбовымъ, дастъ мнѣ право дѣйствовать; — эти требованія должны быть настолько ощутительны, чтобы воочію убѣдить и правителя, и народъ, въ нашей безспорной силѣ; но они вмѣстѣ съ тѣмъ, легкостью исполненія, должны, по-моему, совершенно предоставить Рахимъ-шаху возможность выйти изъ затрудненія побѣдителемъ т. е., быстрымъ исполненіемъ нашихъ требованій добиться отхода нашего отъ предѣловъ Каратигена.

„Я полагаю командировать Шабдана въ Гармъ съ предъявленіемъ тѣхъ требованій, о которыхъ донесено въ депешѣ 17-го августа, изъ Кизыль-Оба.

„Очень можетъ быть, что наши бѣи, убѣжавшіе въ Каратигенъ, вслѣдствіе переменъ правительства найдутъ для себя болѣе безопаснымъ искать убѣжище въ предѣлахъ Шугнана или Матчи. Это я буду знать черезъ своихъ лазутчиковъ, и не исполненіе, въ такомъ случаѣ, условія о выдачи ихъ намъ, не будетъ ему поставлено въ вину.

„Остальные предъявленные ему, въ случаѣ послыжи Шабдана, требованія, нѣтъ сомнѣнія, будутъ имъ исполнены, тѣмъ болѣе, что одновременно съ посылкою Шабдана, я сосредоточу въ Дараутъ-Курганѣ: 2 роты 1-го стрѣлковаго батальона, 1-ну роту 15-го линейнаго батальона, 2 горныхъ орудія и 3 сотни казаковъ, что составитъ на границѣ Каратигена импонирующую силу въ 3 роты пѣхоты, 1 конной роты, 3 сотни казаковъ, 2 горныхъ орудія и ракетнаго батальона.

„Роту 4-го батальона я направляю, вслѣдъ за ротою 14-го батальона (выступившую 16-го августа съ Арчабулака), черезъ Талдыкъ-Даванъ въ Гульчу и Ошъ.

„Средоточіе столь значительной части отряда въ Дараутъ-Курганѣ не будетъ имѣть однако, если мы того не захотимъ, значенія угрозы. Части эти, кромѣ того, не сдѣлаютъ ни шагу назадъ. Присутствіе же ихъ въ Дараутъ-Курганѣ всегда, если понадобится, можетъ быть объяснено возвращеніемъ въ долину Ферганы съ Алая войскъ въ свои зимнія штабъ-квартиры.

„По полученіи инструкцій вашего высокопревосходительства, по опредѣленіи пограничной черты съ Каратигеномъ и по окончательному выясненію ичкилиискаго вопроса, я немедленно двинусь, если погода тому не воспрепятствуетъ, съ вышеназванными силами (которыя всѣ должны зимовать или въ Коканѣ, или въ Ташкентѣ), по рѣкѣ Кокъ-Су на перевалѣ Кокъ-Су, ущельемъ Кара-Кузакъ-Сая, на Кишлакъ-Азретъ-Сай и долину Шаамарданскаго Сая.

„Конные стрѣлки и ракетная батарея, вѣроятно подъ личнымъ моимъ начальствомъ, будутъ направлены съ перевала Кокъ-Су, какъ подножію перевала Алай-Убинъ, на озерѣ Куль-Кубанъ, черезъ перевалъ Зардаллы, къ Варуху.

„Такимъ образомъ, въ связи съ усмиреніемъ кочевниковъ на Алаѣ, будетъ разрѣшенъ вопросъ о подчиненіи, а, если нужно, то и о наказаніи рода Абагашцевъ, находившихъ, до сихъ поръ, убѣжище въ труппахъ, окружающихъ озеро Куль-Кубанъ; а также въ одно мѣсто будетъ мною пройдено и снято инструментально громадное протяженіе горной полосы, отъ ур. Капчачай до крѣпости Ляйлакъ (не считая съмоковъ, произведенныхъ въ горахъ бывшаго наманганскаго отдѣла и въ зимнюю экспедицію).

„Трое нашихъ джигитовъ: Мулла-халь-Магомедъ и проводникъ кара-киргизскій-бій Пулатъ-бій, преслѣдовали Абдулла-бека до Вакана въ Бабадакшанѣ недалеко отъ Шугнана; они застали Абдулла-бека, Омаръ-бека, Сулеймана-удайчу и Абдуль-Киримъ-бека ¹⁾, съ 15-ю спутниками, въ этомъ селеніи:

„Записку, ими мнѣ присланную, я имѣю честь представить при семъ же, съ покорнѣйшею просьбою благоволитъ возвратитъ ее въ

¹⁾ Вліятельныя кичаки, стоявшіе во главѣ анти-русской партіи.

штабъ области; я горжусь, что джигиты въ Ферганской области научились такъ молодецки исполнять возлагаемыя на нихъ порученія. Беру смѣлость обратить милостивое вниманіе вашего высокопревосходительства на этихъ смѣльчаковъ.

„Поведеніе Шабдана выше всякой похвалы; когда подумаешь, что этотъ достойный человекъ пріѣхалъ изъ Семирѣчья съ 45-ю джигитами, по доброй волѣ, которыхъ содержать на свой счетъ, отказываясь изъ самолюбія принять часть слѣдующей ему баранты; если къ этому прибавить, что всѣ его джигиты безукоризненны, то я даже затрудняюсь, къ какой наградѣ его представить, если бы послѣдовало на то разрѣшеніе вашего высокопревосходительства. Если принять въ соображеніе, что Шабданъ сынъ вліятельнаго кара-киргизскаго Малала Джантая и то вліяніе, которымъ онъ пользуется въ своей странѣ, а также и здѣсь, я смѣю думать, что пожалованіе ему офицерскаго званія,—если можно, то штабъ-офицерскаго (такъ какъ въ Такмакскомъ уѣздѣ много штабъ-офицеровъ, менѣе родовитыхъ, чѣмъ Шабданъ, и не доказавшихъ въ таковой степени свою преданность)—было бы достойною его наградой.

„Кромѣ того, считаю справедливымъ упомянуть въ порядкѣ постепенности объ состоящихъ при мнѣ, также бесплатно, туземцахъ:

„1) Наманганскій почетный житель Тамъ-бала; награжденъ, въ февралѣ 1876 году, золотою медалью на шеѣ.

„2) Чуетскій, бывший батырь-баши Мановаръ-Хаджа, награжденъ серебряною медалью на шеѣ.

„3) Ишанъ Пансать, не имѣющій награды.

„Въ отрядѣ все благополучно; войска обезпечены: кошмами, палатками, для ночныхъ постовъ полушубками, тулупами, мясомъ въ избыткѣ и прочимъ провіантомъ въ достаточномъ количествѣ.

„Здоровье войскъ весьма удовлетворительно, несмотря на суровую погоду и на дѣйствительные труды и лишения алайскаго похода.

„Имѣю честь быть вашего высокопревосходительства навсегда преданный и благодарный

Михаилъ Скобелевъ“.

„P. S.

„Приложенія.

„1) Письмо Абдулла-бека, Омаръ-бека и Сулейманъ-бека.

„Переводъ письма:

„Споря ради вѣры, мы затѣяли газаватъ, но намъ Богъ не далъ, а потому пустились въ дорогу, на поклоненіе въ Мекку. Бѣлому царю Богъ далъ весь край. Генераль, если будетъ брать по счету—хватить на 1.000 лѣтъ, а если продасть—хватить на одинъ день. Впрочемъ, какъ знаете“.

„2) Переводъ ко мнѣ письма за печатью Рахимъ-хана—парманачи; до поѣздки въ Бухару онъ не титуловался ни ханомъ, ни царманачи.

„3) Отчетная карта топографическихъ работъ, а также пространства, пройденнаго нашими въ эту экспедицію.

„Погода ужасная; прошу ваше высокопревосходительство быть снисходительнымъ за писаніе: руки коченѣютъ, отовсюду течетъ и создать сколько нибудь порядочное письмо очень трудно. Жду Боголюбова и начинаю беспокоиться, что его еще нѣтъ въ отрядѣ.

„Послалъ еще вчера джигитовъ по всѣмъ направленіямъ“.

Ур. Даравтъ-Курганъ,

18 $\frac{18}{\text{VIII}}$ 76

6 $\frac{1}{2}$ ч. вечера.

II.

Записка о занятіи Хивы.

(1871 г.).

Записка о занятіи Хивы представлена въ штабъ кавказскаго округа Скобелевымъ въ августѣ мѣсяцѣ 1871 года, въ бытность его въ Тифлисѣ. Скобелевъ былъ тогда еще молодымъ офицеромъ, но, благодаря предварительной службѣ въ Туркестанѣ и въ Закаспійскихъ степяхъ, приобрѣлъ уже военную опытность и знаніе края.

Въ то время, когда составлялась помѣщаемая ниже записка, хивинскій оазисъ былъ еще таинственной страной, казавшейся многимъ тогда недосыгаемой. Могущество хана, оказавшееся ничтожнымъ, было значительно преувеличено, благодаря злополучному окончанію походовъ князя Бековича-Черкаскаго при Петрѣ I и Перовскаго при императорѣ Николаѣ, а также тѣмъ тягостямъ, которыя приходилось испытывать отрядамъ, производившимъ рекогносцировки въ закаспійскихъ пустыняхъ.

Скобелевская записка, помимо непосредственнаго интереса, представляемаго произведеніемъ столь необыкновенно популярнаго чело-вѣка, еще замѣчательна въ томъ отношеніи, что планъ тогда еще молодого офицера былъ вполне осуществленъ въ 1873 году.

Такимъ образомъ, эта записка служитъ сильнымъ оружіемъ противъ тѣхъ его завистниковъ, которые ставили ему въ упрекъ его молодость и, слѣдовательно, малоопытность, такъ какъ въ сравнительно еще болѣе молодые года онъ предначерталъ планъ, который на дѣлѣ и оказался самымъ выполненнымъ.

На запискѣ Скобелева, между прочимъ, слѣдующая надпись:

„На записку эту, въ свое время, никто не обратилъ вниманія... Тѣмъ не менѣе, все предложенное относительно Хивы исполнено въ 1873 году. Шураханъ сталъ Петро-Александровскимъ“.

„Генераль-адъютантъ Скобелевъ“.

18 $\frac{15}{\text{VI}}$ 82

Минскъ.

1.

„Полагая въ основаніе не разъ выраженное правительствомъ твердое намѣреніе не предпринимать въ Средней Азіи новыхъ завоеваній, а напротивъ того, по возможности способствуя развитію нашей торговли съ средне-азиатскими ханствами, дѣйствовать исключительно оборонительно, — вопросъ о нашихъ будущихъ дѣйствіяхъ въ Закаспійскомъ краѣ, повидимому, приводится къ слѣдующему:

„А. Къ присканію средствъ, не вредя нашимъ торговымъ интересамъ и не роняя въ глазахъ туземцевъ значеніе русской власти, обуздывать понятное и неизбѣжное стремленіе частныхъ начальниковъ идти впередъ.

„В. Къ принятію дѣйствительныхъ мѣръ для изученія страны, отъ Каспійскаго моря до подножія Гиндуку, допуская возможность столкновенія русскихъ съ англичанами въ Афганистанѣ. Только при самомъ подробномъ знакомствѣ съ краемъ, въ которомъ пришлось бы дѣйствовать, можно разрѣшить въ нашу пользу этотъ великій вопросъ.

„Для достиженія первой цѣли, я полагалъ бы самымъ дѣйствительнымъ окружить наши границы, если возможно со всѣхъ сторонъ, номинально независимыми владѣніями, каковы въ настоящее время Кокандъ и Бухара.

„Обращаясь къ опыту послѣднихъ лѣтъ, мы видимъ, что открыто враждебное къ намъ настроеніе Кокана замѣнилось искреннею дружбою тотчасъ послѣ занятія достаточно сильнымъ подвижнымъ отрядомъ Ходжента. То же можно сказать и про Бухару послѣ взятія Самарканда и Катта-Кургана.

„Нѣтъ причинъ сомнѣваться, что, дѣйствуя подобнымъ образомъ относительно Хивы, мы достигнемъ такихъ же результатовъ.

„Сторонники занятія Хивы обусловливаютъ, главнымъ образомъ, необходимость экспедиціи невозможностью инымъ путемъ водворить спокойствіе въ Арало-каспійской степи и обезпечить орско-казалинскій трактъ.

„Изъ данныхъ, собранныхъ мною во время проѣзда черезъ Иргизъ, осенью 1870 г., я составилъ себѣ убѣжденіе, что большинство слычаевъ грабежей совершаются киргизами, кочующими не въ хивинскихъ, а въ нашихъ предѣлахъ, слѣдовательно, если затруднить возможность безнаказанно скрываться въ Усть-Юртскую степь, то, безъ сомнѣнія, уменьшатся и случаи грабежей. Этой послѣдней цѣли можно легко достигнуть постройкою ряда укрѣпленій отъ Эмбы до Аральскаго моря.

„По указанію иргизскаго уѣзднаго начальника, артиллерійскаго полковника Вогака, достаточно возвести одно укрѣпленіе на западной оконечности большихъ Барсуковъ, около озера Чушка-Куля, и занять его легкимъ отрядомъ изъ двухъ или болѣе сотенъ.

„Для того, чтобы заставить Хиву совершенно измѣнить свой образъ дѣйствій относительно насъ и поставить ее въ положеніе Кована и Бухары, казалось бы достаточнымъ занять на правомъ берегу Аму такой пунктъ, который позволитъ намъ постоянно угрожать Хивѣ.

„По свѣдѣніямъ, подобнымъ пунктомъ можетъ быть Шураканъ, расположенный на самомъ берегу Аму-Дарьи ¹⁾, въ плодородной мѣстности и отстоящій отъ столицы ханства всего на 40 верстъ. Въ Шураканѣ обыкновенно устроена переправа для каравановъ.

„Гарнизонъ долженъ приблизительно состоять: изъ 10-ти ротъ пѣхоты, 2-хъ сотенъ казаковъ, 4-хъ полевыхъ и 8-ми крѣпостныхъ орудій.

„Для поддержанія сообщеній съ Сыръ-Дарьей, необходимо поставить укрѣпленіе на Иркибаѣ, занявъ его приблизительно одною ротою при двухъ орудіяхъ.

„Если возможно, то было бы не бесполезно занять урочище Дау-Кара, какъ пунктъ, находящійся на большомъ караванномъ пути изъ форта № 1-й въ Хиву.

„Занятіе Шуракана, быть можетъ, настолько измѣнитъ къ лучшему наши отношенія къ хивинскому правительству, что сдѣлаетъ занятіе Хивы лишеннымъ основанія; если же и послѣ этого не установятся прочныя отношенія съ ханствомъ, и ханъ не будетъ безпрекословно исполнять всѣ наши требованія, то строгое наказаніе его будетъ для насъ дѣломъ нѣсколькихъ ротъ и нѣсколькихъ дней, причемъ, главное, мы будемъ дѣйствовать почти безъ возможности неуспѣха.

„Подобный образъ дѣйствія принесетъ Россіи весьма существенныя выгоды:

„1) Избѣгаемъ неминуемаго столкновенія съ племенами, живущими на лѣвомъ берегу Аму. Они еще не испытали силы нашего оружія. По занятіи Хивы, недовольные все-таки будутъ находить убѣжище у Ширъ-Али-хана, какъ теперь киргизы находятъ поддержку въ Хивѣ; по личнымъ качествамъ и по отношеніямъ его къ англичанамъ, намъ слѣдуетъ болѣе всего опасаться Ширъ-Али.

„Примѣчаніе 1-е. Въ бытность мою въ Самаркандѣ, начальникъ отдѣла, подполковникъ Стровъ, въ продолженіе всего 1869 года получалъ извѣстія изъ Авганистана; изъ нихъ оказывалось, что Ширъ-Али, еще въ 1869 году, намѣревался занять сильнымъ отрядомъ Балхъ, и предлагалъ эмиру заключить съ нимъ союзъ противъ русскихъ.

„То же подтвердилъ и Абдерахъ-Манъ-ханъ. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Туркестана, Магомедъ-Якубъ-ханъ возсталъ противъ отца. Это событіе, конечно, на время устранить опасность—

¹⁾ Другіе говорятъ, что въ трехъ верстахъ отъ Аму.

но со стороны Авганистана всегда должно ожидать намъ грозы.

„Вѣроятность скорого разрыва съ Авганистаномъ, безъ сомненія, увеличится вслѣдствіе занятія нами Хивы.

„Примѣчаніе 2-е. Послѣ свиданія въ 1868 году (отвѣтъ Англій на взятіе Самарканда) индійскаго генераль-губернатора съ Ширъ-Али, онъ получилъ отъ Англій значительныя субсидіи деньгами и оружіемъ. Объ этомъ официально заявлено въ англійскомъ парламентѣ.

„2) Потребуется всего 2¹/₂ баталіона, 3 сотни казаковъ и 16 орудій, тогда какъ на завоеваніе и особенно на занятіе ханства потребуется, конечно, несравненно больше; даже трудно заранѣе опредѣлить—сколько.

„3) Мы избавляемся отъ тяжелой необходимости вводить въ край нашу администрацію.

„Встати объ администраціи.

„Вслѣдствіе давленія хотя бы только частныхъ интересовъ, введеніе во вновь занятой странѣ нашей администраціи неминуемо приведетъ насъ къ новымъ затратамъ для содержанія этой администраціи, или же къ коренному преобразованію, съ цѣлью увеличить доходы, экономическаго быта всего населенія, что, при умственной неподвижности средне-азиатскихъ народовъ, силѣ преданія и обычаевъ, освященныхъ религіей, а въ особенности вслѣдствіе вѣроятнаго незнанія народа и страны со стороны представителей администраціи, врядъ ли не поведетъ къ неисчислимымъ замѣшательствамъ.

„Примѣръ на глазахъ—въ степяхъ оренбургскаго вѣдомства.

„4) Но самая существенная выгода, приобрѣтаемая нами не занятіемъ, а подчиненіемъ нашей власти сосѣднихъ ханствъ, въ томъ числѣ и хивинскаго, конечно заключается въ томъ, что со временемъ (а опытъ Кокана и Бухары показываетъ, что срокъ этотъ весьма непродолжительный) отношенія къ ханамъ главнаго представителя русской власти настолько ясно опредѣляются, что всякія могушія возникнуть недоразумѣнія, какъ на границахъ, такъ и въ предѣлахъ ханствъ, могутъ быть устранимы путемъ мирнаго соглашенія.

„Вотъ что читаемъ мы въ 16-мъ номерѣ „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ по поводу поѣздки камеръ-юнкера К. В. Струве въ Коканъ:

„Не вдаваясь въ подробности относительно политической цѣли этой поѣздки и достигнутыхъ ею результатовъ, мы ограничимся здѣсь лишь извлеченіемъ изъ писемъ К. В. Струве къ генераль-губернатору нѣкоторыхъ свѣдѣній о пребываніи его въ предѣлахъ коканскаго ханства. Подробности эти лучше всего доказываютъ, съ какимъ уваженіемъ относятся въ настоящее время въ коканскомъ ханствѣ къ пріѣзжимъ русскимъ. Худояръ-ханъ пріемомъ, оказаннымъ имъ посланному отъ генераль-губернатора, хотѣлъ, повидимому,

ясно выразить передъ народомъ и сосѣдами свою дружбу и преданность къ Россіи, въ которой видитъ свою силу и безопасность.

„Вслѣдъ за ханомъ и народъ отвязываетъ отъ фанатической вражды къ иноземцамъ и начинаетъ смотрѣть на близкое сосѣдство и частыя сношенія съ Россіей, какъ на источникъ благосостоянія и на гарантію безопасности извнѣ“.

„Не полагаю, чтобы нашлось болѣе дѣйствительное средство навсегда положить предѣлъ пагубному стремленію пограничныхъ начальствующихъ лицъ идти впередъ, часто наперекоръ самымъ существеннымъ государственнымъ интересамъ.“

„Противъ подобнаго образа дѣйствія вѣроятно возразятъ, что оное возможно только при личномъ расположеніи къ намъ владѣтельнаго хана, такъ какъ по шаріату условія, имъ принятыя, не обязательны для его наслѣдниковъ. Это отчасти вѣрно. Но русскому правительству вообще не должно терпѣть въ сосѣднихъ ханствахъ владѣтелей, враждебно къ намъ расположенныхъ.“

„Относительно Кована и Бухары намъ слѣдуетъ заранѣе рѣшить, кого мы намѣрены поддерживать на престолѣ въ случаѣ смерти Худояръ-хана, или эмира Мусафара. Затративъ несравненно менѣе средствъ, чѣмъ на занятіе края войсками, введеніе и поддержаніе въ немъ нашей администраціи, мы легко составимъ себѣ въ ханствахъ вліятельную партію и, что еще важнѣе, постояннымъ вмѣшательствомъ во внутреннія ихъ дѣла подорвемъ нравственную силу какъ династій, такъ и народа.“

„Дѣйствуя подобнымъ образомъ, съ каждымъ годомъ будетъ уменьшаться вѣроятность возстанія противъ насъ всего мусульманскаго населенія, чего, какъ показалъ 1868 годъ, мы не можемъ слишкомъ опасаться.“

„Исторія англійской Индіи, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій, показываетъ, что вооруженное вмѣшательство для поддержки того или другого претендента, въ большинствѣ случаевъ обходится очень недорого и служить à la longue самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ подчиненію страны.“

„Примѣчаніе. Весьма значительнымъ подспорьемъ для прочнаго водворенія европейской власти между мусульманскимъ населеніемъ, какъ показали примѣры Кавказа, Алжира и Индіи, служить мекхемé. Очень жаль, что не вездѣ европейскіе завоеватели давали этому учрежденію должное развитіе.“

„Необходимость вышесказанныхъ экспедицій, вѣроятно, будетъ съ каждымъ годомъ уменьшаться, вслѣдствіе усиленія нашего вліянія въ странѣ и лучшаго знакомства съ нами жителей.“

„Перехода къ разбору пункта В настоящей записки, казалось бы, что самая дѣйствительная угроза Англій состоитъ въ постоянномъ извученіи Закаспійскаго края, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, и

говоря словами свиты его величества генераль-маіора Свистунова—въ постоянномъ приученіи нашихъ войскъ къ степной войнѣ, съ тѣмъ, чтобы въ данную минуту нагрянуть куда слѣдуетъ.¹⁾

„Всѣмъ извѣстно, какое вліяніе часто имѣютъ самыя мелкія случайности на политическій образъ дѣйствій этой страны въ данную минуту.

„Не захватами достигнемъ мы прочнаго положенія въ Средней Азій, а основательнымъ изученіемъ страны, уясненіемъ предметовъ дѣйствія при различныхъ возможныхъ политическихъ обстоятельствахъ, въ особенности же подготовленіемъ средствъ для исполненія нашихъ плановъ со всевозможными шансами на успѣхъ, если можно такъ выразиться, на-вѣрняка.

„Характеръ нашихъ современныхъ отношеній къ хивинскому хану заставляетъ особенно желать возможно скорѣе и полнѣе ознакомиться съ землями, ему подвластными.

„На этомъ основаніи я рѣшился предложить двинуться въ Хиву изъ Туркестанскаго края съ купеческимъ караваномъ, съ цѣлью лично изучить страну, по которой пришлось бы двинуться нашему отряду, какъ изъ Туркестана, такъ и изъ Красноводскаго залива, въ случаѣ экспедиціи на Хиву, высочайше отложенной въ нынѣшнемъ году.

2.

„Цѣль предполагаемой командировки:

„1) Изученіе удобныхъ путей для прохожденія отряда, состоящаго изъ 3-хъ баталіоновъ, 6-ти сотенъ, при 12-ти орудіяхъ, изъ Ташъ-Арватъ-Кала въ Хиву.

„2) Составленіе распросной карты Усть-Юртскаго плато, отъ Эмбы до линіи, проведенной отъ Абутирскаго залива къ заливу Красноводскому.

„Принимая за основаніе, что распросныя свѣдѣнія въ Средней Азій заслуживаютъ условнаго довѣрія тогда только, когда они наполняются изъ самыхъ разнородныхъ источниковъ, польза собранія одновременныхъ распросовъ, какъ со стороны Каспійскаго, такъ и со стороны Аральскаго морей, не можетъ быть оспариваема:

„Главною моею задачею, въ предстоящей командировкѣ, будетъ слѣдующее: ознакомившись по возможности основательно съ караванными и вообще путями, ведущими изъ русскаго Туркестана къ Хивѣ и далѣе къ Каспійскому побережью, въ качествѣ купеческаго прикащика выступить въ Хиву, вѣроятно изъ Казалинска; изъ Хивы же, соображаясь съ обстоятельствами, пройти къ Красноводскому заливу.

¹⁾ Здѣсь пропущено нѣсколько строкъ въ оригиналѣ.

„Въ январѣ 1870 года, въ виду предполагавшейся весною того же года экспедиціи противъ Хивы, я предложилъ г. туркестанскому генераль-губернатору пройти такимъ же образомъ черезъ Катта-Курганъ и бухарскія владѣнія въ Хиву.

„Предложеніе было принято и тогда же приступлено къ приготовленіямъ. Оно не состоялось по причинамъ независящимъ отъ возможности исполненія.

„Надѣяться на успѣхъ предпріятія весьма позволительно:

„1) Потому, что караванное сообщеніе между Казалинскомъ съ Хивою съ одной и между Хивою и каспійскимъ побережьемъ съ другой стороны существуетъ постоянное.

„2) Потому, что въ Хивѣ присутствіе русскаго купческаго приващива не возбуждаетъ особеннаго вниманія.

„Непремѣнный рискъ, связанный съ предпріятіемъ, въ случаѣ успѣха искупается несомнѣнною пользою службы.

„Опытъ показалъ, что при значительномъ развитіи торговыхъ сношеній между средне-азиатскими владѣніями собраніе подробныхъ распросныхъ свѣдѣній не представляетъ особенныхъ затрудненій.

„На всѣхъ туркестанскихъ рынкахъ, особенно же въ Казалинскѣ, при содѣйствіи мѣстныхъ властей, можно найти людей, близко знакомыхъ съ караванными сообщеніями отъ Сыръ-Дарьи къ Хивѣ и Астрабаду.

„Изъ того же Казалинска, вслѣдствіе весеннихъ перекочевокъ на сѣверъ киргизъ, зимовавшихъ на Усть-Юртѣ, составленіе распросной карты этой части степи весьма возможно, конечно, обращаясь къ самымъ разнороднымъ источникамъ.

„При собраніи распросовъ, я предполагаю обращать вниманіе:

„1) На количество воды въ извѣстной части степи; ручьевъ, колодезь, ямъ, наполняющихся водою отъ таянія снѣговъ (иногда, пользуясь этою водою, большіе караваны раннею весною измѣняютъ своему обычному направленію).

„2) На мѣсто находенія оазисовъ, если таковыя есть на пути.

„3) На населенность этихъ оазисовъ, кочевое либо осѣдлое.

„4) На урожай.

„5) На растительность и степи; опредѣлить, когда и гдѣ трава можетъ служить кормомъ для лошадей, или только для верблюдовъ, при помощи кунжура или безъ нея.

„Примѣчаніе. Кунжура—остатки отъ выжимки масла; ихъ пресуютъ въ кружки. Полпуда достаточно, чтобы при усиленныхъ переходахъ прокормить верблюда отъ двухъ до трехъ дней. Верблюдъ, который несетъ отъ 3—4 пудовъ этого корма, если только въ степи есть немного колючки ¹⁾, вполне обезпеченъ кормомъ, при самыхъ усиленныхъ переходахъ, на 22 дня.

¹⁾ Что почти всегда бываетъ.

6) На возможно полное собраніе статистическихъ и историческихъ свѣдѣній, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова; не слѣдуетъ пренебрегать преданіями племенъ и вліятельныхъ родовъ, кочующихъ въ степи; умѣнье пользоваться ханами, ихъ племенной враждою и пріязнью — весьма важное условіе успѣха въ средне-азиатскихъ войнахъ.

„Заранѣ невозможно опредѣлить, насколько удастся съ полнымъ успѣхомъ выполнить эту программу; можно даже сказать, что во время слѣдованія въ предѣлахъ хивинскаго ханства придется довольствоваться однимъ запоминаніемъ видѣннаго и рѣдкими осторожными распросами.

„Во всякомъ случаѣ, дополнивъ то, что самъ видѣлъ, свѣдѣніями, собранными до выступленія въ походъ (конечно, исправивъ невѣрности), можно себя составить, сравнительно, весьма ясное понятіе о краѣ въ военномъ отношеніи.

„Основываясь на вышесказанномъ, я полагалъ бы полезнымъ идти въ Хиву только по окончаніи распросной карты и, проверивъ ее всѣми свѣдѣніями, имѣющимися въ штабѣ войскъ Туркестанскаго округа, отправить на Кавказъ до выступленія въ Хиву.

„Въ случаѣ, если войска Туркестанскаго округа пойдутъ въ началѣ апрѣля на Хиву, изъ Джизака или Самарканда, то, находясь въ составѣ отряда, составленіе распросной карты значительно облегчается по мѣрѣ приближенія къ предмету дѣйствія. Подъ впечатлѣніемъ разрома Хивы, весьма много шансовъ съ полнымъ успѣхомъ выполнить главную задачу, т. е. пройти въ Ташъ-Арватъ-Калу.

„Въ Средней Азій, послѣ событій подобной важности какъ взятіе Хивы, побѣдитель всегда располагаетъ значительнымъ числомъ временно преданныхъ людей, основательно знакомыхъ съ краемъ—ими я намѣренъ воспользоваться.

„Почти двухлѣтняя служба въ Туркестанѣ научила меня, къ кому и когда обращаться для сближенія съ ними. Допуская даже, что вслѣдствіе приказаній, полученныхъ по отъѣздѣ моемъ, красноводскій отрядъ призванъ будетъ къ совокупному дѣйствию съ войсками Туркестанскаго военнаго округа подъ Хивою, успѣшное выполнение предполагаемаго порученія и тогда не пройдетъ безслѣдно для пользы службы.

„Условія степной войны въ Средней Азій, гдѣ природа страшнае непріятели, требуютъ, прежде всего, возможно всесторонняго знакомства со страной, въ которой предстоитъ воевать.

„Вотъ, по моему мнѣнію, настоящій и почти исключительный смыслъ слова — „осторожность“ въ столкновеніяхъ съ средне-азиатскими народами.

„Удивительные успѣхи англичанъ въ Индіи и въ началѣ авганской экспедиціи 1840 года блистательно подтверждаютъ это правило.

„Мы до сихъ поръ въ Средней Азій дѣйствуемъ не только безъ

опредѣленнаго политическаго плана, но рѣдко задаемся ближайшею стратегическою цѣлью при началѣ экспедиціи.

„Эта небрежность, въ смыслѣ знакомства со страной, чуть-чуть не привела къ роковому исходу кампанію 1868 года.

„Неудачное движеніе графа Перовскаго въ 1839 году обыкновенно приписываютъ исключительно суровости зимы въ киргизской степи; положимъ, что оно и такъ, но вѣдь мы простояли болѣе ста лѣтъ на рубежѣ этой степи, и еще Петръ Великій мечталъ о завоеваніи Хивы.

„Выступили же мы все-таки нисколько не знакомые со свойствами предстоящаго зимняго похода.

„Достаточно ли помнить въ Оренбургѣ и Ташкентѣ тяжелый урокъ 1839 года? Вполнѣ ли оцѣнили, насколько прочно наше владычество въ Средней Азіи въ трудную минуту геройской обороны Самарканда—не берусь этого предрѣшать...

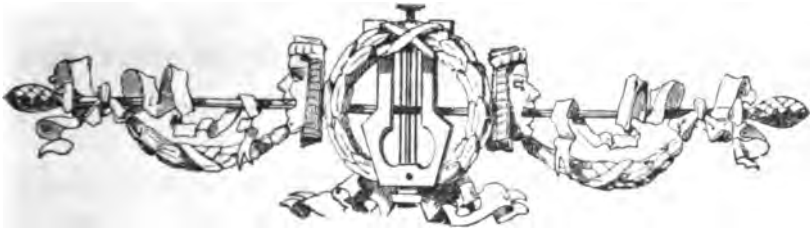
„Не вполнѣ сознаю одного:

„На какомъ основаніи мы приучили себя считать успѣхъ экспедиціи противъ Хивы вполнѣ обезпеченнымъ, оттого только, что предполагаемъ выступить лѣтомъ, а не зимою?

М. Скобелевъ.

Тифлисъ.
18 $\frac{5-\text{го}}{\text{III}}$ 71

„НЕДОРОСЛЬ“ НА СЦЕНѢ И ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

(1782—1882 гг.).

„... Въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блесталъ Фонъ-Визинъ...“

Пушкинъ.

АВАДЦАТЬ четвертаго сентября исполнилось сто лѣтъ со дня перваго представленія „Недоросля“. Объ этомъ дебютѣ сохранились интересныя, но частію и ошибочныя свѣдѣнія: такъ, историкъ нашего театра—Араповъ¹⁾ и Вольфъ²⁾, простодушно довѣряя опечаткѣ „Драматическаго словаря“, отнесли появленіе знаменитой пьесы къ сентябрю 1772 года; точно также известный театралъ вн. А. А. Шаховской, вспоминая по изустнымъ рассказамъ о первомъ спектаклѣ „Недоросля“, сообщилъ невѣрное распредѣленіе ролей и, къ удивленію, въ кружокъ дѣйствующихъ лицъ зачислилъ какую-то Машу, которая, какъ извѣстно, совсѣмъ незнакома комедіи Фонъ-Визина. Съ другой стороны, послѣ первой постановки на сценѣ, „Недорослю“ пришлось пережить интересную вѣковую судьбу на театральныхъ подмосткахъ и въ русской печати; но объ этой судьбѣ, то радостной, то печальной, едва ли знаютъ многіе нынѣшніе читатели и театралы. Такимъ образомъ, столѣтнюю годовщину „Недоросля“ приходится встрѣтить воспоминаніемъ о богѣ точныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ появилась эта пьеса,

¹⁾ „Драматическій Альбомъ“, М. 1850 г., стр. XXXIX, и „Лѣтопись русскаго театра“, Спб. 1862 г., стр. 110.

²⁾ „Хроника петербургскихъ театровъ“, Спб. 1877 г., ч. II, стр. 1.

и краткимъ очеркомъ той роли, какую она играла цѣлый вѣкъ въ исторіи русскаго театра и литературы.

На долю „Недоросля“, передъ его появленіемъ на свѣтъ, выпала такая же невзгода, какую пережили всѣ лучшія русскія комедіи. Подобно „Горю отъ ума“ и „Ревизору“, не пропущеннымъ на сцену въ первоначальномъ видѣ, знаменитая пьеса Фонъ-Визина встрѣтила цензурную задержку и тайную интригу въ кружкѣ русской знати. Цензура того времени несомнѣнно боялась пустить на театральные подмостки такихъ лицъ, какъ Стародумъ и Правдинъ, изъ устъ которыхъ лились горячія, свободныя рѣчи о несправедливой раздачѣ чиновъ, о мелкихъ проискахъ при дворѣ, объ отсутствіи „гражданской доблести“ въ служебномъ мірѣ и т. п. большихъ мѣстахъ русской жизни. По другимъ причинамъ сдѣлали затормозить появленіе „Недоросля“ тѣ члены русскаго дворянства, которымъ по слуху или чрезъ авторское чтеніе удалось узнать сюжетъ комедіи¹⁾: имъ было больно выдать на смѣхъ „помѣщика-дурака безсчетнаго“, „жену его презлую Фурію“, „матушкина сына—Митрофанушку“ и отставнаго офицера Скотинина, изъ роду „крѣпколюбовъ“; имъ казались обидными, напримѣръ, такія тирады, помѣщенные въ пьесѣ: „въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души“; тамъ „всякая тварь что нибудь да значить и чего нибудь да ищетъ“; „много дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками“... Эти интриги „большаго свѣта“ вмѣстѣ съ придирками цензуры, конечно, могли бы надолго задержать дебютъ „Недоросля“ или, по крайней мѣрѣ, стереть первичныя краски комедіи, если бы ея авторомъ не значился „сатиры смѣлой властелинъ“, Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ: онъ обратился къ помощи гр. Н. И. Панина, отъ котораго, какъ извѣстно, послѣ чтенія „Бригадира“, выслушалъ совѣтъ „не оставлять своего дарованія“; знаменитый вельможа, въ свою очередь, склонилъ своего прежняго царственнаго питомца, цесаревича Павла, ходатайствовать предъ императрицей о пропускѣ Фонъ-Визинской пьесы. Высокое заступничество наслѣдника, которому уже было зна-

¹⁾ Г. Араповъ, со словъ И. Б. Пестеля, передалъ интересный рассказъ объ одномъ изъ такихъ „чтеній“: „большое общество литераторовъ и знатоковъ съѣхалось къ обѣду; любопытство гостей было такъ велико, что хозяинъ (Б. В. Пестель) уприсялся автора, который былъ самъ прекрасный актеръ, прочитать хоть одну сцену безотлагательно; онъ исполнилъ общее желаніе, но когда остановился послѣ объясненія Простаковой съ портнымъ Тришкой объ укороченномъ кафтанѣ Митрофана, присутствовавшіе такъ были заинтересованы, что просили продолжать чтеніе; нѣсколько разъ приносили и уносили кушанье со стола, и не прежде сѣли за столъ, какъ комедія была прочитана до конца, а послѣ обѣда Дмитревскій (извѣстный артистъ), по общему требованію, долженъ былъ опять читать ее сначала“ („Лѣтопись русскаго театра“, Сиб. 1862 г., стр. 111).

комо имя автора комедіи¹⁾, дало хорошій результатъ: осенью 1782 года „Недоросль“ могъ явиться на театрѣ „по письменному доволенію отъ правительства“.

Съ этого времени для Фонъ-Визина начались новыя хлопоты о лучшей постановкѣ „Недоросля“ на с.-петербургскомъ театрѣ. Онъ подарилъ свою пьесу „на бенефисъ“ И. А. Дмитревскаго и по совѣту этого замѣчательнаго артиста сдѣлалъ нѣсколько поправокъ въ комедіи ради сценическихъ условій²⁾, но тѣмъ не менѣе собралъ къ себѣ придворную драматическую труппу, мастерски прочелъ предъ нею свое произведеніе и самъ намѣтилъ роли: Простакова—г. Золину, Простаковой—г-жѣ Михайловой, Митрофана—г. Черникову, Еремѣевны—г. Шумскому, Правдина—г. Плавильщикovu, Стародума—г. Дмитревскому, Софьи—г-жѣ Зориной, Милона—г. Маркову, Скотинина—г. Соколову, Кутейкина—г. Петрову, Цыфиркина—г. Суслову, Вральмана—г. Заводину и Тришки—г. Замирову³⁾. Наконецъ, въ субботу 24-го сентября состоялось первое представленіе „Недоросля“ „на счетъ придворнаго актера г. Дмитревскаго“, безъ указанія на автора пьесы...

Говорятъ, князь Г. А. Потемкинъ, послѣ этого спектакля, встрѣтилъ Фонъ-Визина и выразилъ предъ нимъ такую своеобразную оцѣнку комедіи: „умри, Денисъ, или больше ничего уже не пиши!“⁴⁾. Но, кромѣ подобной, можетъ быть, недостовѣрной фразы, до насъ дошли неоспоримые отзывы объ успѣшномъ дебютѣ „Недоросля“. „*Le succès était complet*“, тогда же писалъ Фонъ-Визинъ къ антрепренеру московскаго театра, г. Медоксу⁵⁾. „Несравненно—добавляя „Драматическій Словарь“—театръ былъ наполненъ, и публика аплодировала пьесу метаніемъ кошельковъ; характеръ мамы игралъ бывшій придворный актеръ г. Шумскій къ несравненному удовольствію зрителей“⁶⁾.

Послѣ такого удачнаго перваго спектакля, казалось, „Недоросль“ могъ свободно появиться и на другой драматической сценѣ. Не случилось на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ. Едва П. Е. Медоксъ задумалъ поставить на своемъ театрѣ прославленную пьесу, какъ московская цензура, въ лицѣ профессора Х. А. Чеботарева, постаралась задержать комедію Фонъ-Визина и вычеркнуть изъ нея

¹⁾ Фонъ-Визинъ, какъ извѣстно, напечаталъ „Слово на выздоровленіе е. и. в. великаго князя Павла Петровича въ 1771 году“ (Слб. 13 стр.). Оно перепечатано въ изданіи Глазунова: „Сочиненія Фонъ-Визина“ (Слб. 1866 г., стр. 180—186).

²⁾ Араповъ, „Драматическій Альбомъ“, М. 1850 г., стр. XXVI.

³⁾ Такое распредѣленіе ролей указано при первомъ изданіи „Недоросля“ (Слб. 1783 г.). Оно несомнѣнно вѣрно въ той афишѣ, какую воспоминають кн. Шаховской и Араповъ.

⁴⁾ См. „Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго“, Слб. 1880 г., т. V, стр. 141.

⁵⁾ „Библиографическія Записки“ за 1859 г., т. II, № 1, стр. 8.

⁶⁾ „Драматическій Словарь“, точное воспроизведеніе изданія 1787 г., Слб. 1881 г., стр. 88—89.

„опасныя строки“, т. е. нѣкоторыя тирады Стародума. Это возбудило противорѣчивыя толки въ московскомъ обществѣ и заставило Фонъ-Визина адресовать на имя Медокса такое любопытное письмо: „Братъ мой (т. е. Павелъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ), я надѣюсь, передалъ вамъ извѣстный паветъ и объяснилъ принятое мною рѣшеніе для уничтоженія толковъ, возбужденныхъ упорствомъ вашего цензора. Продолжительное ваше молчаніе слишкомъ ясно доказываетъ мнѣ неуспѣхъ вашихъ стараній, чтобы получить позволеніе... Безконечно желая вамъ добра, оставляю вамъ мою пьесу, но требую отъ васъ честнаго слова непременно сохранить мой анонимъ, съ условіемъ—никому не давать моей комедіи и ни подъ какимъ видомъ не выпускать ее изъ вашихъ рукъ, ибо не хочу еще давать ей публичности... Вы можете увѣрить г. цензора, что во всей моей пьесѣ, а слѣдовательно и въ мѣстахъ, которыя его напугали, не измѣнено ни одного слога“¹⁾). Неизвѣстно, скоро ли послѣ такого объясненія автора „Недоросль“ прошелъ на московскую сцену; неизвѣстно также, когда онъ въ первый разъ былъ разыгранъ труппою Медокса: сохранилось только свѣдѣніе, что роль Еремѣвны исполнялась „вольнымъ московскаго театра актеромъ г. Ожогинимъ къ совершенной забавѣ публики“²⁾), „такъ что многіе, принимая его за старуху, проигрывали закладъ“³⁾).

Вотъ при какихъ условіяхъ комедія Фонъ-Визина впервые появилась на двухъ сценахъ русскаго театра. Черезъ годъ послѣ перваго представленія, она, безъ имени же автора, появилась и въ печати⁴⁾). Это первое изданіе „Недоросля“ только чрезъ четыре года получило такую небольшую оцѣнку: „сія комедія, наполненная замысловатыми выраженіями, множествомъ дѣйствующихъ лицъ, гдѣ каждый (sic) въ своемъ характерѣ изреченіями различается, заслужила вниманіе отъ публики. Для сего и принята съ отминымъ удовольствіемъ отъ всѣхъ и почасту на с.-петербургскомъ и московскомъ театрахъ была представляема“⁵⁾). Послѣдующія же изданія „Недоросля“ въ прошломъ столѣтіи⁶⁾),—между прочимъ одно на нѣмецкомъ языкѣ⁷⁾),—не

¹⁾ „Библиогр. Зап.“ 1859 г., т. II, № 1, стр. 8.

²⁾ „Драматическ. Словарь“, стр. 89.

³⁾ Араповъ, „Драматическ. Альбомъ“, стр. XLVI.

⁴⁾ Вотъ заглавіе перваго изданія: „Недоросль“, комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Представлена въ первый разъ въ С.-Петербургѣ сентября 24-го дня 1782. Спб. 1783 г. стр. 144 (экземпляръ Румянцевскаго музея). Поэтому Сопиковъ (№ 5.482) ошибочно показываетъ первое изданіе „Недоросля“ въ 1781 году.

⁵⁾ „Драматич. Словарь“, стр. 89.

⁶⁾ Второе изданіе, Спб. 1788 г., 160 стр. Третье изданіе — на страницахъ „Россійскаго Оеатра“ (Спб. 1789 г., т. XXI, стр. 5—152). Четвертое изданіе, М. 1790 г., 144 стр. Замѣтки объ этихъ изданіяхъ см. въ книгѣ: „Сочиненія Д. И. Фонъ-Визина“, Спб. 1866 г., стр. 675.

⁷⁾ О нѣмецкомъ переводѣ „Недоросля“ и продажѣ его въ Петербургѣ упоминаетъ самъ Фонъ-Визинъ (см. „Полное собраніе сочиненій Вяземскаго“, Спб. 1880 г., т. V, стр. 99—100).

удостоились даже и короткой рецензіи въ тогдашней періодической печати. Въ послѣдней намъ удалось встрѣтить только характерный отзывъ какой-то модной дамы объ одномъ изъ первыхъ изданій комедіи. „Нѣкогда, признается П. А. Плавильщиковъ,—будучи въ театрѣ, сидѣлъ я въ ложѣ съ одною новосвѣтскою барынею; играли „Недоросля“. Аббатъ французъ въ то время проповѣдывалъ ей разныя красоты французскихъ театральныхъ сочиненій и развлекалъ ея вниманіе такъ, что она, пріѣхавъ домой, спрашивала у меня, какая сегодня была пьеса въ театрѣ?.. „Недоросль“ комедія была у меня въ кармапѣ; я подаль ей книгу и сказалъ, что эту комедію представляли. „Гдѣ вы ее купили“? спрашивала барыня. Я отвѣчалъ: въ Гостиномъ дворѣ, въ книжной лавкѣ. „Какъ не стыдно покупать“, закричала она, „въ русской лавкѣ; вѣрно эта книга никуда не годится. Для чего вы за ней не съѣздили во французскій или англійскій магазинъ: тамъ все гораздо лучше, нежели у русскихъ“¹⁾...

Между тѣмъ какъ „Недоросль“ ежегодно появлялся въ новыхъ изданіяхъ и постоянно держался въ репертуарѣ русскаго театра, Фонъ-Визинъ, хотя и разбитый параличемъ, продолжалъ шире развивать сюжетъ своей комедіи, не переставалъ задумываться надъ дальнѣйшею судьбою выведенныхъ лицъ. Онъ такъ тѣсно сжился со своими героями и героинями, что обращался къ нимъ, какъ къ живымъ людямъ, или ставилъ ихъ въ новыя условія жизни и заставлялъ вести между собою оживленную переписку. Однимъ словомъ, нашъ знаменитый писатель интересовался „слѣдствіями комедіи „Недоросль“. Такъ изъ-подъ его пера вышли: „Письма Стародума“, „Переписка Софьи Милоновой со своимъ дядею“, „Письмо Тараса Скотинина къ г-жѣ Простаковой“ и „Письмо къ Стародуму отъ сочинителя „Недоросля“, любопытное для насъ по слѣдующимъ строчкамъ автора: „я долженъ признаться, что за успѣхъ комедіи моей „Недоросль“ одолженъ я вашей особѣ; изъ разговоровъ вашихъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьею составилъ я цѣлыя явленія, кои публика и донинѣ съ удовольствіемъ слушаетъ“. Вся эта вереница „писемъ“ готовилась авторомъ для задуманнаго журнала: „Другъ честныхъ людей, или Стародумъ“, но „полиція (по распоряженію Екаторины) воспретила печатаніе“²⁾, и написанныя статьи вышли въ свѣтъ уже послѣ смерти нашего писателя³⁾. Не менѣе самого Фонъ-Визина занимались дѣйствующими лицами „Недоросля“ и мелкіе русскіе писатели, ослѣпленные успѣхомъ пьесы. Имъ казалось, что сюжетъ комедіи можно дополнить новыми эпизодами изъ жизни Фонъ-Визинскихъ типовъ. Съ этою цѣлью появились въ печати и на сценѣ „Сговоръ Кутейкина“, одно-актная комедія

¹⁾ „Зритель“, ежемѣсячное изданіе 1792 г., ч. II, кн. 6, стр. 137—138.

²⁾ „Библиографич. Записки“ за 1861 г., т. III, № 9, стр. 255.

³⁾ „Сочиненія Фонъ-Визина“, Спб. 1866 г., стр. 227—258.

П. А. Плавильщикова (Спб. 1799 и 1821 гг.), „Митрофанушка въ отставѣ“, пяти-актная комедія Г. Н. Городчанинова (М. 1800 г.), „Митрофанушкины именины — российское сочиненіе въ одномъ дѣйствіи“ (М. 1807 г.) и „Сватовство Митрофанушки“, интермедія съ хорами, безъ имени автора ¹⁾; но ни одно изъ названныхъ сочиненій, вызванныхъ пьесю Фонъ-Визина, не сравнялось со своимъ великимъ образцомъ.

Къ началу же нынѣшняго столѣтія, кромѣ перечисленныхъ „подражаній“, относятся довольно частыя попытки разобрать значеніе „Недоросля“. Онѣ открылись небольшимъ частнымъ замѣчаніемъ о характерѣ Вральмана. „Скажите, милостивые государи,—спрашивалъ неизвѣстный критикъ своихъ читателей,—бывалъ ли терпимъ у васъ когда нибудь столь подлый учитель нѣмецъ и смѣлъ ли сказать въ присутствіи строгаго русскаго дворянина, что онъ, живучи съ русскими господами, жилъ какъ съ лошадками? Кто усомнится сказать, что это одна выдумка для театра, вольность стихотворническая? Никогда не видали мы у себя такихъ чудаковъ бояръ и учителей, какими ихъ представилъ намъ Фонъ-Визинъ; но они могли быть, если бы мы допустили себя до столь унижительной нравственности, какова изображена въ „Недорослѣ“ ²⁾... Вслѣдъ за такимъ защитникомъ „старинной русской жизни“ показались два новые критика: одинъ, послѣ горячей похвалы Фонъ-Визину за изображеніе Простаковой и Митрофанушки, подробно разбиралъ „слишкомъ длинный и главному предмету совсѣмъ посторонній разговоръ Правдина со Стародумомъ“ ³⁾, а другой впервые раскрылъ, что авторъ „Недоросля“ многое заимствовалъ изъ сочиненій Дюфрени (Dufresny) и Вольтера ⁴⁾. Немного позднѣе выразилъ свой взглядъ извѣстный прежній критикъ, проф. Мерзляковъ. „Скотинины и Простаковы—говорилъ онъ,—повывелись, и мы, плѣняясь остроуміемъ Фонъ-Визина, давно уже находимъ натяжку и слишкомъ яркіе цвѣты въ его изображеніяхъ. Притомъ сіи изображенія стали ниже насъ: они оскорбляютъ самолюбіе отечественное, напоминая, каковыми были, и каковы изъ насъ, можетъ быть, къ сожалѣнію, еще есть нѣкоторые. Удовольствіе слабѣетъ: мы кладѣмъ къ пьесѣ, при всѣхъ ея достоинствахъ“ ⁵⁾. Но большимъ критическимъ тактомъ отличилась замѣтка М. Н. Загоскина, потомъ извѣстнаго романиста. „Если бы, напримѣръ,—писалъ онъ,—перевели нашего „Недоросля“ и отдали его играть французамъ, — не согласитесь ли вы, что тогда, несмотря на превосходство актеровъ французскихъ, мы пожалѣли бы о бѣдномъ Фонъ-

¹⁾ Последняя пьеса появилась только на сценѣ, какъ указалъ г. Араповъ („Изтопая русск. театра“, стр. 334).

²⁾ „Сѣверный Вѣстникъ“ 1804 г., ч. III, кн. 7, стр. 32—33.

³⁾ „Русск. Вѣстникъ“ 1808 г., кн. VIII, стр. 261—275.

⁴⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1811 г., ч. LVIII, кн. 15, стр. 206.

⁵⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1817 г., ч. XCII, кн. 6, стр. 113.

Визинъ?.. А что бы подумали французы, увидя на своей сценѣ Митрофанушку, Еремѣевну, Скотинина и Кутейкина? Не показались ли бы они имъ, вмѣсто характеровъ, списанныхъ съ природы, какими-то каррикатурами, которыя, по мнѣнію ихъ, выходя изъ натуры не могли бы даже имъ казаться и забавными¹⁾...

Эти отзывы, однако, не повредили извѣстности „Недоросля“. Комедія до двадцатыхъ годовъ продолжала появляться на русской сценѣ²⁾ и вышла новымъ пятымъ изданіемъ (Спб. 1817 г.). Но еще болѣе она привлекла къ себѣ вниманіе съ той поры, какъ кн. П. А. Вяземскій чрезъ „Письмо къ издателю „Сына Отечества“³⁾“ попросилъ сообщать разнообразныя свѣдѣнія о Фонъ-Визинѣ, а потомъ началъ печатать и публично читать „отрывки“ изъ своего труда о знаменитомъ екатерининскомъ писателѣ⁴⁾. Въ этотъ періодъ, т. е. до конца сороковыхъ годовъ, „Недоросль“ почти безъ перерыва держался на афишахъ рядомъ съ новыми пьесами— „Горемъ отъ ума“ и „Ревизоромъ“, какъ показываютъ годовичные репертуары петербургскаго театра⁵⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно часто подвергался разнымъ перепечаткамъ⁶⁾. Правда, не всѣ тогдашнія изданія комедіи могли назваться удачными по исполненію: многія изъ нихъ, какъ рѣзко выразился одинъ критикъ, явились „подвигомъ производительной промышленности толкачаго рынка⁷⁾. Тѣмъ не менѣе большое количество этихъ изданій заставляло читателей не позабывать стариннаго русскаго автора и его классическую пьесу... Притомъ почти каждая по-

¹⁾ „Труды Общества любителей россійск. словесности“, М. 1822 г., ч. II, стр. 143—144. Мысль Загоскина частію не оправдалась: „Недоросль“ два раза былъ переведенъ на французскій языкъ. Первый переводъ помѣщенъ въ книгѣ: „Chefs d'oeuvre du théâtre russe: Ozeroff, Fon-Visine, Kryloff, Shakofskoi, Paris, 1823; второй, подъ заглавіемъ: „L'Enfant gâté“, былъ приготовленъ къ печати артистомъ московской французской труппы, г. Моро („Драм. Альб.“ Арапова, стр. XCII); послѣдняго перевода, однако, мы не видали въ Румянцевскомъ музеѣ.

²⁾ См. указанія г. Арапова въ „Лѣтописи русскаго театра“, стр. 182, 208, 222.

³⁾ „Сынъ Отечества“ 1828 г., кн. 87, стр. 163—167.

⁴⁾ Эти „отрывки“ помѣщены въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г., № 2, 3, 17 и 40; въ альманахѣ „Альціона“, Спб. 1833 г., стр. 187; въ „Современникѣ“ 1837 г., т. V, стр. 52; въ „Сборникѣ“, изданн. Воейковимъ, Спб. 1838 г., стр. 311—320; въ альманахѣ „Утренняя Заря“, Спб. 1841 г., стр. 145 и 181; въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1848 г., № 59 и 60.

⁵⁾ „Хроника петербургскихъ театровъ“, ч. II. — Объ одномъ изъ тогдашнихъ представленій „Недоросля“ на московской сценѣ есть статья въ „Вѣстникѣ Европы“ (1829 г., ч. CLXVI, кн. 15, стр. 204).

⁶⁾ Вслѣдъ за указаннымъ пятымъ изданіемъ „Недоросля“ появились: шестое изданіе въ „Собраніи сочиненій и переводовъ Фонъ-Визина“ (М. 1829 г.); седьмое изданіе въ „Собраніи оригинальныхъ драматическихъ сочиненій и переводовъ Фонъ-Визина“ (М. 1830 г.); восьмое и девятое—въ двухъ изданіяхъ „Полаго собранія сочиненій Фонъ-Визина“ (М. 1830 и 1838 гг.); десятое изданіе А. Кузнецова, М. 1839 г.; одиннадцатое и двѣнадцатое—въ двухъ изданіяхъ Смирдина: „Сочиненія Фонъ-Визина“ (Спб. 1846 и 1847 гг.).

⁷⁾ „Литературная Газета“ 1840 г., № 4, стр. 90.

вая перепечатка встрѣчалась въ журналахъ не одними краткими замѣтками, какъ въ старину, но и болѣе обширными статьями, въ которыхъ мало-по-малу устанавливался вѣрный взглядъ на историко-литературное значеніе „Недоросля“; такъ, кромѣ немногихъ, но сочувственныхъ строевъ Бѣлинскаго ¹⁾, выдѣлились критическія статьи, напечатанныя въ „Галатѣѣ“ ²⁾, „Библіотекѣ для чтенія“ ³⁾ и „Отечественныхъ Запискахъ“ ⁴⁾; въ нихъ особенно замѣтны двѣ точки зрѣнія на пьесу Фонъ-Визина: съ одной стороны—послѣдняя признавалась „картиною старинныхъ нравовъ“, а съ другой—разсматривалась „какъ истинная комедія, какъ замѣчательное поэтическое произведеніе“.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, явилось „сочиненіе“ кн. Вяземскаго, подъ заглавіемъ: „Фонъ-Визинъ“ ⁵⁾. Оно оказалось не столько образцовой біографіей, сколько обширнымъ и талантливымъ комментариемъ на литературные труды Фонъ-Визина: особенно выдавались въ немъ тѣ страницы, которыя изображали состояніе русскаго театра и литературы въ минуту появленія „Недоросля“, знакомили съ нравами екатерининской эпохи и ихъ отраженіемъ въ типахъ Фонъ-Визина; вслѣдъ за критическимъ анализомъ героевъ, бросался новый взглядъ на общественное значеніе „Недоросля“: послѣдній признавался не только хорошимъ сочиненіемъ, но и добрымъ дѣломъ, патріотической заслугой; въ заключеніе же всего сообщался такой выводъ: „живое чувство истины, мастерское изображеніе портретовъ съ натуры, хотя и не во весь ростъ, удачная съемка русскихъ нравовъ безъ примѣси красокъ чуждыхъ или неестественныхъ, свобода и оригинальность, съ которою выливается комическая фраза, русская веселость, которая должна существовать, какъ есть русская фізіогномія физическая и нравственная, — все это образуетъ характеръ автора „Недоросля“ и отличительное достоинство его, неоспоримое, неотъемлемое“... Для оцѣнки подобныхъ сужденій нужно прибавить, что они, несмотря на нѣкоторыя журнальныя рецензіи ⁶⁾, цѣликомъ вошли въ „исторію русской литературы“ (напр. Галахова) и до настоящей минуты не потеряли своего авторитета.

Послѣ книги кн. Вяземскаго было уже трудно сазать „новое слово“ о значеніи „Недоросля“. Оставалось указывать не открытія

¹⁾ Онѣ изъ прежнихъ журналовъ перепечатаны въ изданіи его „Сочиненій“; см., наприѣръ, т. I (М. 1872 г.), стр. 54—56, т. III (М. 1871 г.), стр. 415, т. XI (М. 1875 г.), стр. 284—285.

²⁾ „Галатѣя“ 1830 г., ч. XVI, стр. 158—175 и 466—471.

³⁾ „Библіотека для чтенія“ 1844 г., LXVII, кн. 12, отд. V, стр. 58—84.

⁴⁾ „Отечеств. Записки“ 1847 г., кн. 8 и 9, отд. V, стр. 21—40 и 23—46.

⁵⁾ Спб. 1848 г., 466 стр. Второе изданіе въ „Полномъ собраніи сочиненій кн. Вяземскаго“, т. V, Спб. 1880 г.

⁶⁾ Всѣ онѣ указаны г. Повомаревымъ въ „Сборникѣ II-го отдѣленія академіи наукъ“ (Спб. 1880 г., т. XX, стр. 138).

раньше любопытныя заимствованія въ этой пьесѣ, какъ поступили проф. Тихонравовъ ¹⁾ и Галаховъ ²⁾, или развивать въ другой формѣ основные взгляды кн. Вяземскаго, какъ въ недавнее время рѣшились сдѣлать гг. Кельсиевъ ³⁾ и Шашковъ ⁴⁾. Зато, безъ длиннаго перерыва, шло впередъ изданіе самой комедіи: она, съ начала пятидесятихъ годовъ и до нашихъ дней, приобрѣла для себя десять новыхъ перепечатокъ ⁵⁾. Большая часть изъ нихъ вышла въ свѣтъ съ педагогическою цѣлью, какъ учебное пособіе для знакомства съ русскою классическою пьесой, а потому имѣла при себѣ „примѣчанія“, вопросы“ и даже „объяснительные словари для устарѣлыхъ выраженій“. Но съ болышими промежутками, въ послѣднія десятилѣтія появлялся „Недоросль“ на столичныхъ сценахъ. Напримѣръ, на петербургскомъ театрѣ, послѣ четырехъ спектаклей въ 1850 году ⁶⁾, онъ былъ точно вычеркнутъ изъ текущаго репертуара вплоть до 1869 года, когда его дали „въ первый разъ по возобновленіи“ ⁷⁾. Что же касается Москвы, то лишь въ послѣдніе два года Фонъ-Визинская пьеса шла почти еженедѣльно на сценѣ „Пушкинскаго“ театра, постоянно собирая среднюю публику и многочисленную гурьбу учащейся молодежи.

Вотъ краткій абрисъ „пережитаго“ нашей знаменитой комедіей. Пусть онъ, во дню столѣтняго юбилея „Недоросля“, послужитъ хотя скромною признательною данью къ имени Дениса Ивановича Фонъ-Визина!.

Дмитрій Языковъ.

¹⁾ „Замѣтки по поводу Смирдинскаго изданія русскихъ авторовъ“ („Московск. Вѣдомости“ 1853 г., № 6).

²⁾ „Идеаль нравственнаго достоинства человѣка, по понятію Фонъ-Визина“ („Библиогр. Записки“ 1858 г., № 13).

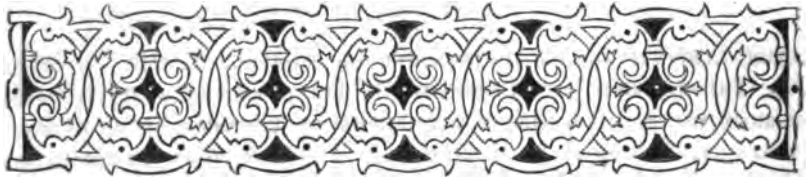
³⁾ „Обличитель прошлаго вѣка“ („Всемирн. Трудъ“ 1868 г., кн. 10, стр. 176—211).

⁴⁾ „Фонъ-Визинъ и его время“ („Дѣло“ 1879 г., кн. 7).

⁵⁾ Послѣ названныхъ раньше изданій „Недоросля“ вышли: тринадцатое — въ „Сочиненіяхъ Фонъ-Визина“, напечатанныхъ Смирдинимъ (Спб. 1852 г.); четырнадцатое — въ „Избранныхъ сочиненіяхъ фонъ-Визина“, напечатанныхъ Перевѣскимъ (Спб. 1858 г.); пятнадцатое, съ примѣчаніями Стоюнина (Спб. 1865 г.); шестнадцатое — въ „Сочиненіяхъ Фонъ-Визина“, подъ редакціей г. Ефремова (Спб. 1866 г.); семнадцатое, съ примѣчаніями Стоюнина (Спб. 1868 г.); восемнадцатое, вмѣстѣ съ комедіей: „Горе отъ ума“ (Спб. 1870 г.); девятнадцатое — въ „Классной библіотекѣ“, напеч. Исаковымъ (Спб. 1876 г.); двадцатое — въ „Училищной библіотекѣ“, напеч. Мартиновимъ (Спб. 1880 г.); двадцать первое и двадцать второе, вмѣстѣ съ „Бригадиромъ“, изд. магазиномъ „Новое Время“. (Спб. 1880 и 1882 гг.).

⁶⁾ Вольфъ, „Хроника петербургскихъ театровъ“, т. II, стр. 161.

⁷⁾ „О возобновленіи „Недоросля“, статья въ „Голосѣ“ (1869 г., № 261).

КЪ ИСТОРИИ ВОЙНЫ 1853—1856 ГОДОВЪ.

(Отрывокъ изъ записокъ генераль-лейтенанта Кренке).

В 1853 году, существовалъ комитетъ для составленія частныхъ инструкцій комендантамъ крѣпостей имперіи. Предсѣдателемъ комитета былъ генераль-квартирмейстеръ главнаго штаба его императорскаго величества, генераль-адъютантъ Бергъ, въ послѣдствіи генераль-фельдмаршалъ и намѣстникъ царства Польскаго. Членами комитета были: инженеръ генераль-лейтенантъ Шарнгорстъ, бывшій предсѣдатель инженернаго ученаго комитета, артиллеріи генераль-лейтенантъ Яковлевъ, бывшій директоръ артиллерійскаго департамента, генеральнаго штаба полковникъ Штапельбергъ, и правителемъ дѣлъ комитета, съ правомъ голоса, инженеръ генераль-маіоръ Дубенскій.

Въ самомъ началѣ 1854 года, Дубенскій былъ отозванъ въ дунайскую армію и убитъ при переправѣ черезъ Дунай. Въмѣсто Дубенскаго, правителемъ дѣлъ комитета, 19-го января 1854 года, былъ назначенъ я, въ чинѣ гвардіи инженеръ-подполковника.

Комитетъ обязанъ былъ опредѣлить стратегическое значеніе каждой крѣпости, подробно разсмотрѣвъ каждую крѣпость въ инженерномъ и тактическомъ отношеніяхъ; опредѣлить слабыя стороны крѣпости, указать ихъ коменданту и предложить, хотя въ общихъ чертахъ, мѣры къ исправленію недостатковъ; опредѣлить время сопротивленія каждой крѣпости и, сообразно съ этимъ, опредѣлить силу гарнизона, вооруженіе и количество всѣхъ боевыхъ и жизненныхъ припасовъ; опредѣлить правила для употребленія гарнизона на боевую службу и на инженерныя работы, или составить уставъ о службѣ въ гарнизонѣ для каждой крѣпости отдѣльно.

Императоръ Николай I принималъ живѣйшее участіе въ занятіяхъ комитета, часто спрашивалъ Берга объ успѣхѣхъ занятій, всегда просматривалъ инструкціи, составленныя комитетомъ, и не разъ говорилъ Бергу, что поздно взялись за это дѣло, въ виду уже предстоявшей европейской войны, и что не въ петербургскихъ залахъ комитетъ долженъ бы былъ заниматься, а объѣзжать крѣпости и на самомъ мѣстѣ дѣлать свои постановленія. Но государь не зналъ, что и бумажныя-то постановленія комитета были большею частью гадательны, что комитетъ всё постановленія свои могъ основывать только на однихъ планахъ, а планы часто оказывались невѣрными; разныхъ годовъ планы одной и той же крѣпости не сходились и въ основныхъ чертахъ; въ особенности комитетъ не могъ составить себѣ никакого понятія о мѣстности, окружающей крѣпость, даже на пушечный выстрѣлъ.

Комитетъ собирался въ Инженерномъ замкѣ, въ бывшемъ помѣщеніи инженернаго ученаго комитета, смежномъ съ инженернымъ департаментомъ; чтобы быть ближе къ главному источнику справокъ. Дубенскій при сдачѣ должности передалъ мнѣ, что обязанность моя состоитъ въ подготовленіи всѣхъ данныхъ разсматриваемой крѣпости,—въ сборѣ всѣхъ чертежей, какъ генеральныхъ, такъ и детальнѣхъ; всѣ перемѣны въ состояніи крѣпости должны быть подобраны въ хронологическомъ порядкѣ, съ краткимъ изложеніемъ причинъ или поводовъ, заставившихъ сдѣлать такія-то перемѣны въ устройствѣ крѣпости; точно также должны быть подобраны всѣ перемѣны по вооруженію крѣпости, въ числѣ и родѣ орудій, и затѣмъ правитель дѣлъ долженъ готовить вопросы для рѣшенія комитета по каждой данной крѣпости. Но Дубенскій не успѣлъ указать мнѣ лицъ, къ которымъ слѣдовало обращаться для порученія требующихся данныхъ, и добывать необходимое было истиннымъ мытарствомъ. До меня окончены были инструкціи комендантамъ крѣпостей: Динамида, Аланда, Гангеуда, Свеаборга, Нарвы, Выборга, Измаила, Килии, Бендеръ, Хотина, и заготовлялись: Кинбурна, Риги, Ревеля, Кронштадта и Новогоргиевска.

По послѣднимъ пяти крѣпостямъ я долженъ былъ собирать справки и обратился, конечно, къ начальнику отдѣленія инженернаго департамента, положимъ, къ Василию Васильевичу. Онъ мнѣ очень любезно отвѣтилъ, что подготовить черезъ $\frac{1}{2}$ часа; черезъ $\frac{1}{2}$ часа являюсь вновь, онъ отвѣчаетъ, что у него въ данную минуту подъ рукою только 8 чертежей, а за остальными надобно мнѣ обратиться къ Василию Семеновичу. Иду къ Василию Семеновичу; тотъ, повидимому, озадаченный, спрашиваетъ своихъ сосѣдей—Петра, Ивана, Федора; тѣ отвѣчаютъ, что у нихъ этихъ чертежей не можетъ быть, они, вѣроятно, въ отдѣлѣ капитальныхъ работъ, и Василий Семеновичъ направляетъ меня къ Василию Ивановичу. Этотъ говоритъ, что у него кое-что есть, что онъ сдѣлаетъ справку къ завтрашнему дню,

но что я вѣрнѣе получу желаемое въ чертежной у Василія Петровича. Василій Петровичъ, привѣтливѣе другихъ, тотчасъ подаетъ мнѣ два чертежа, а остальное обѣщаетъ подобрать также къ завтрашнему дню. Взглянувъ на данные мнѣ два чертежа, я замѣтилъ, что оба они десятилѣтней давности и что на одномъ чертежѣ редюитъ обозначенъ въ проектѣ, но подчеркнутъ карандашомъ двумя горизонтальными чертами. Я спросилъ, что это значить,—построенъ ли этотъ редюитъ, или остается въ проектѣ, или совсѣмъ отмѣненъ; Василій Петровичъ долго разсматривалъ чертежъ, просмотрѣлъ всѣ отмѣтки на немъ, какъ онъ переходилъ изъ одного отдѣла департамента въ другой, совнался, что не можетъ дать мнѣ вѣрнаго отвѣта, и совѣтовалъ обратиться по этому предмету къ Василію Дмитриевичу. Василій Дмитриевичъ, перевернувъ нѣсколько разъ чертежъ, спрашиваетъ меня, росписался ли я въ полученіи его, и на утвердительный отвѣтъ мой, говоритъ: „Ну, такъ вы оставьте его у себя, а я сдѣлаю себѣ замѣтку и завтра самъ принесу вамъ отвѣтъ“. Комитетъ собирался разъ и два раза въ недѣлю, а я ходилъ всякій день и, прождавъ одно и другое завтра, на третье завтра иду самъ за отвѣтомъ и къ Василію Ивановичу, и Петровичу, и Дмитриевичу—и опять получаю обѣщаніе на новое завтра.

Просить справку прямо изъ крѣпостной инженерной команды было невозможно; тогда дѣйствовала еще одна только Николаевская желѣзная дорога, да и изъ дѣлъ комитета видно было, что это можетъ послужить только напрасною проволочкою. Дубенскій, встрѣтивъ неясность въ чертежѣ, полученномъ отъ департамента, спрашивалъ одну крѣпостную команду, готова ли потеряна подъ кургиною между бастионами № 2 и № 3, и получилъ отвѣтъ, что въ той крѣпости нѣтъ бастионовъ ни № 2, ни № 3, что тамъ бастионы именныя—Петровскій, Ивановскій и проч., а во всей комитетской инструкціи бастионы назывались по №№, согласно департаментскимъ чертежамъ.

Справки по артиллерійской части были еще интереснѣе. Всѣ члены комитета сознавали, что труднѣйшая задача въ моей должности состояла въ собираніи справокъ, и Яковлевъ, какъ бывшій директоръ артиллерійскаго департамента, вызвался помогать мнѣ въ собираніи справокъ по артиллерійской части. И вотъ, первою справокою требовалось собрать свѣдѣнія о тогдашнемъ вооруженіи крѣпости Клинбурна. Въ назначенный день и часъ, я являюсь къ Яковлеву, тотъ любезно встрѣчаетъ и говоритъ, что на первый разъ немного сдѣлано: нашли только свѣдѣнія изъ реляціи Потемкина, или Суворова, о взятіи Клинбурна, сколько было тамъ орудій, общимъ итогомъ, не раздѣляя на роды и калибры орудій. Черезъ нѣсколько дней, въ назначенный часъ, вторично являюсь къ Яковлеву; онъ подаетъ мнѣ записку безъ всякой подписи, что въ Клинбурнѣ состоитъ столько-то пушекъ, гаубицъ, единороговъ, мортиръ и наиболѣе коронадъ, всего болѣе 250 орудій, калибры которыхъ не обозначены. Почтенный Яков-

левъ такъ былъ доволенъ этою запискою, что берегъ ее, не прочитавъ до моего прѣзда. На замѣчаніе мое, что такая записка не имѣетъ никакого значенія, что она безъ подписи, что не проставлены калибры орудій, да и общее число орудій болѣе чѣмъ сомнительно (въ то время и въ нашихъ первоклассныхъ крѣпостяхъ было гораздо менѣе орудій), Яковлеву осталось только просить меня, чтобы я вовсе не заявлялъ въ комитетѣ и объ этой справкѣ. По третьей же справкѣ, въ Клинбурнѣ оказалось менѣе 25 старинныхъ орудій.

Бергъ говорилъ намъ, что онъ, въ присутствіи военнаго министра кн. Долгорукова, не разъ докладывалъ государю о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаетъ комитетъ при добываніи справокъ о состояніи крѣпостей. На это государь отвѣчалъ, что пусть, по крайней мѣрѣ, скорѣе опредѣляютъ, какое количество запасовъ военныхъ и продовольственныхъ каждая крѣпость можетъ вмѣстить въ себѣ, по количеству имѣющихся готовыхъ безопасныхъ помѣщеній, чтобы всѣ крѣпости могли быть тотчасъ же снабжены всѣми запасами и чтобы скорѣе опредѣляли силу и составъ гарнизона, собственно для обороны крѣпости, что необходимо знать при общемъ соображеніи о распределеніи арміи. И этимъ комитетъ дѣйствительно усердно занимался.

Но все-таки государь ожидалъ отъ комитета болѣе, чѣмъ могъ сдѣлать комитетъ, и если бы не энергичный предсѣдатель Бергъ, то комитетъ и ровно ничего не сдѣлалъ бы.

Помню, что всѣ члены комитета глубоко страдали нравственно, когда убѣдились, что необычайной заботѣ государя объ оборонѣ государства комитетъ безсиленъ былъ помогать. Помню, что незабвенный листокъ, исписанный собственной рукою Николая I, дрожалъ въ рукахъ членовъ комитета при чтеніи его. Въ этомъ листкѣ, государь, помогая комитету въ составленіи инструкціи новогоріевскому коменданту, самъ начерталъ 15 вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію комитета. Вотъ они:

„Приготовленія къ военному положенію Новогоріевска.

„Приведеніе въ военное положеніе: верки, артиллерія, провіантъ, запасы всего, мосты, гарнизонъ, число, размѣщеніе, раздѣленіе начальства, гарнизонная служба.

„Закрытіе крѣпости: служба, осторожности.

„Приближеніе непріятеля: армія отступаетъ къ Варшавѣ, армія отступаетъ на Новогоріевскъ.

„Армія укрывается послѣ неудачи подъ выстрѣлами крѣпости: на правомъ берегу Вислы, на лѣвомъ берегу Вислы, за Новый Дворъ, въ самой крѣпости.

„Непріятель облегаетъ крѣпость; на правомъ берегу Вислы, на лѣвомъ берегу Вислы, Новый Дворъ, всю крѣпость.

„Непріятель, въ отсутствіе нашей арміи, дѣйствуетъ противъ нашей крѣпости въ районѣ одного марша: на правомъ берегу Вислы, на лѣвомъ берегу Вислы, между Наревомъ и Вислою.

„Непріятель обложилъ Александровскую цитадель и намѣренъ ее осаждать.

„Непріятель выше Новогеоргиевска по Нареву устроилъ переправу.

„Непріятель устроилъ переправу между Варшавою и Новогеоргиевскомъ.

„Непріятель устроилъ переправу ниже крѣпости по Вислѣ.

„Непріятель подступилъ къ Новогеоргиевску и отерываеъ осаду: фронтъ атаки, мѣры по сему требуемыя; овладѣніе передовыми верками фронта, дальнѣйшая оборона главнаго вала, потеря фронта, предварительныя абшниты и соединеніе временными укрѣпленіями остатка крѣпости съ цитаделью; потеря всей крѣпости, отступление въ цитадель, выборъ фронта атаки, мѣры къ замедленію, потеря наружныхъ пристроекъ, оборона главнаго вала, овладѣніе главнаго вала, оборона оборонительной казармы.

„Атака на Варшавскій фронтъ.

„Оборона въ зимнее время.

„Удержаніе мостовъ или способовъ сообщенія съ противными берегами Вислы и Нарева“.

Эти строки выражаютъ заботу государя о западной окраинѣ Россіи, но въдѣ главное вниманіе и заботы Николая I-го были тогда сосредоточены на югѣ Россіи, на Дунаѣ и въ Крыму.

Привожу доставленную тогда въ нашъ комитетъ копію съ собственноручнаго письма Николая I-го къ князю Меншикову, отъ 16-го августа 1854 года:

„Если, Богъ дастъ, атаки на Севастополь не будетъ, надо воспользоваться, не теряя времени, льготой, чтобы усилить работы по сухопутнымъ укрѣпленіямъ. Общій проектъ начертанъ давно, и вотъ онъ въ маломъ видѣ: вели усилить тѣ работы, елико можно, которыя считаешь необходимыми. Таковыми мнѣ бы казались: бастионы № 3-й и № 4-й и соединяющія ихъ стѣнки. Надо употребить всѣ усилія ихъ кончить къ апрѣлю, не щадя трудовъ. Показанная на планѣ оборонительная казарма, отмѣченная \pm , была бы очень полезна для надежнаго обстрѣливанія внутренности батареи № 10. Но такъ какъ ты уже поднялъ бастионъ № 6-й, то до времени можно обойтись безъ сей казармы, обратя, быть можетъ, готовый камень на постройку редюитовъ, бастионовъ № 3-й и № 4-й и на стѣнки. Напиши мнѣ сейчасъ, какъ распорядился. Въ оврагахъ *z* и *s* не полагаешь ли построить по башнѣ, въ родѣ Волоховой, чтобы очищать подступы вдоль оныхъ? Кромѣ того, хорошо бы устроить батареи полевого профиля, въ удобныхъ мѣстахъ, для полевой артиллеріи; для усиленія слабыхъ пунктовъ до довершенія всѣхъ долговременныхъ верковъ. Кажется мнѣ, что все это возможно, имѣя саперный баталіонъ и много арестантовъ. Остановки не должно быть“.

Прилагаю и отвѣтъ князя Меншикова, отъ 26-го августа 1854 г., съ собственноручными помѣтками императора Николая I-го на по-

лахъ, сдѣланными 2-го сентября 1854 года. Государь тогда еще не зналъ, что уже 1-го сентября непріятельскій флотъ былъ въ виду Севастополя.

Донесеніе князя Меншикова, отъ 26-го августа.

„Внослѣдствіе всемилостивѣйшаго рескрипта вашего императорскаго величества, отъ 16-го сего мѣсяца, о севастопольскихъ укрѣпленіяхъ, имѣю счастье всеподданнѣйше донести:

„Соединеніе бастіонъ № 3-й и № 4-й, согласно съ проектомъ, облицовка ихъ и устройство редюитовъ, составляютъ столь огромную работу, что не думаю, чтобы даже въ обыкновенные годн, когда есть возможность имѣть всякаго рода рабочихъ и мастеровыхъ людей, возможно было бы втеченіе одного года привести къ окончанію.

„Притомъ же необходимо захватить въ оборняемое пространство ближайшую превышающую высоту, съ которой непріятель могъ бы дѣйствовать вдоль гавани и города. Оборна этой высоты не вошла въ очертаніе верховъ, оставляющихъ также внѣ огражденія главные колодцы города, у подошвы этой горы находящіеся, и поэтому встрѣчается необходимость отступить отъ прежнихъ начертаній оборонительныхъ линій (прилагается планъ).

„Для возведенія соединительныхъ оборонительныхъ стѣнъ между упомянутыми бастіонами требуется особое техническое изученіе, ибо возводить ихъ должно по самымъ крутымъ и мѣстами почти отвѣснымъ обрывамъ, съ большимъ искусствомъ относительно прочности и устойчивости.

„Въ настоящее время это пространство преграждено временными стѣнами съ батареями, которыя втеченіе настоящей осени приведутся въ лучшее оборонительное состояніе, равно какъ и бастіоны № 3-й и № 4-й.

„Соединеніе бастіонъ № 4-й и № 5-й учинено было на первый случай приспособ-

Собственноручныя помѣтки Николая 1-го, сдѣланныя 2-го сентября 1854 г.

„Если каменной работы производить нельзя, то по крайней мѣрѣ желательнo, чтобы земляная насыпь была кончена къ будущей веснѣ“.

„Предоставить кн. Меншикову составить проектъ нужныхъ измѣненій и, не теряя времени, приступить къ возможному“.

„Въ этомъ необходимости нѣтъ, ибо гдѣ обрывы, то и мѣсто неприступно, и можетъ быть отложено до удобнаго времени. Если же, не смотря на то, обрывы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могутъ представлять непріятелю свободный проходъ, хотя не строемъ, а по одиночѣ, въ такомъ случаѣ такіа мѣста стараться сдѣлать неприступными, давая имъ большую крутость“.

„Очень хорошо и достаточно“.

ленными къ оборотѣ садовыми каменными оградами, нынѣ же приступлено къ кремальберному соединенію съ присовокупленіемъ батарей (показано на планѣ). Оно болѣе прочно, но также временное, пока не опредѣлится въ искусственномъ отношеніи способъ возведенія стѣны, предположенный общимъ проектомъ о севастопольскихъ укрѣпленіяхъ, на крутыхъ скатахъ сей лоцины.

„Согласенъ, а для казармъ чтобы кн. Меншиковъ указалъ самъ мѣсто“.

„Относительно оборонительной казармы, помѣщаемой между бастионами № 6-й и № 7-й, осмѣливаюсь доложить, что я почиталъ бы полезнѣе возведеніе оной въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще не приступлено къ постройкѣ оборонительной стѣны, а для обезпеченія тыла батарей № 10-й и Александровской возвести современемъ небольшую оборонительную башню, около пункта, показаннаго буквою *М* на планѣ, полученномъ мною отъ вашего императорскаго величества, у сего возвращаемомъ.

„Слабѣйшею стороною Севастополя остается сѣверная часть. Укрѣпленіе, тамъ находящееся, называемое Сѣвернымъ, дифилируется теперь по мѣрѣ возможности, но съ возвышеніемъ насыпи продолжаютъ обрушиваться эскарпы и вынуждаютъ къ огромной работѣ.

„Люнеты, которые проектированы передъ этимъ укрѣпленіемъ, могутъ быть съ полнѣею рекошетированы и частію въ тылъ досягаемы непріятельскими выстрѣлами; они тѣмъ труднѣе могутъ быть защищены, что ночью доступны обходу и что, въ такомъ случаѣ, изъ укрѣпленія дѣйствовать будетъ невозможно, не истребляя обороняющихся вмѣстѣ съ нападающими. По этимъ причинамъ проектъ этотъ оставленъ безъ исполненія.

„Ежели бы, по несчастію, дѣйствующія войска въ полѣ были опротивлены къ бухтѣ и непріятелю удастся занять высоты, то войска и береговныя батареи будутъ въ отчаянномъ положеніи, городъ и рейдъ подвергнутся дѣйствію непріятельскаго огня.

„Сдѣлавъ проектъ, приступить къ исполненію, приславъ съ него копію“.

„Поэтому, я полагаю, что, для обезпеченія сего важнаго порта отъ случайности войны и для принятія отступающихъ войскъ, нужно

бы устроить укрѣпленную позицію или лагерь на сѣверной сторонѣ, который бы упирался однимъ флангомъ къ морю, около Волоховой башни, а другимъ близъ баракъ, находящихся восточнѣе батареи № 4-й. Ретраншанментъ сей могъ бы состоять изъ нѣсколькихъ замкнутыхъ редутовъ, соединенныхъ линіями съ сѣвернымъ укрѣпленіемъ и между собою.

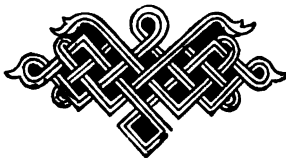
„Южная сторона представляетъ болѣе способъ къ защитѣ, ибо, кромѣ внѣшней укрѣпленной ограды, каждый домъ и каждая батарея въ улицахъ могутъ быть защищаемы какъ войсками, такъ и жителями.

„Все это имѣю счастье всеподданнѣйше повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе вашего императорскаго величества“.

Когда мы читали это донесеніе, то ужъ было извѣстно, что непріятель перешелъ на южную сторону Севастополя и открылъ первыя осадныя работы съ той стороны.

Обстоятельства тогда быстро мѣнялись. Бергъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Ревеля и командующимъ войсками ревельскаго побережья; временно исполнялъ должность предсѣдателя комитета генералъ Шарнгорстъ и комитетъ былъ скоро закрытъ.

В. Кренке.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЕТЕРБУРГСКАГО СТАРОЖИЛА.

„Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече...“

I.

Не написанная басня Крылова.

МОЖЕТЪ быть, немногіе знаютъ, что Крыловъ на одрѣ смерти, въ послѣднія минуты своей жизни, сочинилъ басню, которую, однако, не успѣлъ передать на бумагу. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ.

Вернувшись одинъ разъ, поздно вечеромъ, къ себѣ домой изъ англійскаго клуба, гдѣ проводилъ цѣлые дни, Иванъ Андреевичъ вдругъ почувствовалъ приступъ нестерпимаго голода и спросилъ чего-нибудь закусить. Кухарка объявила, что у ней есть только жаренные рябчики, да и тѣ засохли, такъ какъ приготовлены были наканунѣ, но не потребовались.

— Прекрасно, сказалъ Крыловъ:—натереть ихъ и подать со сливочнымъ масломъ. Я очень люблю бутерброды въ такомъ видѣ.

Импровизированный ужинъ мигомъ явился на столѣ, и Крыловъ съ волчьимъ аппетитомъ напустился на рябчиковъ и плотно покушалъ любимыхъ бутербродовъ на сонъ грядущій.

Но онъ не принялъ въ расчетъ ни своихъ преклонныхъ лѣтъ, ни силу желудка, которому было довольно работы въ продолженіе восьмидесятилѣтней жизни Ивана Андреевича, любившаго хорошія столы.

Ночью онъ почувствовалъ себя дурно. Послали за докторомъ; дали знать Якову Ивановичу Ростовцеву, искреннему другу знаменитаго баснописца. Три дня и три ночи и тотъ и другой не отходили

отъ постели больнаго; но ни наука, ни дружба не въ состояніи были бороться со смертельнымъ недугомъ. Самъ „дѣдушка“ понялъ, что часъ его насталъ, что пришла пора разстаться съ жизнью. Онъ по временамъ то впадалъ въ забытѣ, то приходилъ въ себя.

За нѣсколько часовъ до смерти, Крылову какъ будто стало легче. Онъ обратился къ Ростовцеву и сказалъ съ своимъ обычнымъ добродушнымъ смѣхомъ:

— Я сейчасъ сочинилъ басню на самого себя... Только жаль... не успѣю ее написать.

— Какую басню? спросилъ съ изумленіемъ Ростовцевъ.

— А вотъ какую — послушай: она какъ разъ подходитъ къ настоящему моему положенію. Видишь-ли: нагрузилъ мужикъ полную телегу, съ верхомъ, сухою рыбой — на базаръ хотѣлъ везти. Сосѣдъ, глядя на его затѣю, говоритъ ему: „эхъ, братъ, больно ужъ великъ грузъ навалилъ ты на свою клячонку — не по силамъ ей, не вывезеть“. А мой мужичекъ ему въ отвѣтъ: „ничего! Рыба-то сухая...“ Вотъ басня... моя послѣдняя басня...

Къ вечеру дѣдушки не стало.

Императору Николаю Павловичу, глубоко уважавшему и искренно любившему Ивана Андреевича, угодно было принять на себя его похороны, на которыя отпущено 10 тысячъ рублей. Ростовцевъ былъ распорядителемъ и душеприкащикомъ покойнаго.

По его же инициативѣ и ходатайству воздвигнуть Крылову памятникъ въ Лѣтнемъ саду, изваянный изъ бронзы скульпторомъ барономъ Блюдтомъ. Памятникъ сдѣланъ по подпискѣ и стоилъ 30 тысячъ рублей серебромъ.

Пишущій эти строки слышалъ приведенный рассказъ отъ Николая Ивановича Греча, которому онъ былъ переданъ самимъ Як. Ив. Ростовцевымъ.

II.

Дагеротипъ.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ императора Николая, по представленію графа А. Х. Бенкендорфа, разрѣшено было Гречу и Булгарину изданіе первой частной политической газеты въ Россіи, гдѣ до того существовали только официальные „С.-Петербургскія“ и „Московскія Вѣдомости“. Новую газету издатели рѣшили наименовать „Сѣверная Пчела“, позаимствовавъ это названіе отъ явившагося за вѣкоторое время передъ тѣмъ и безъ вѣсти куда-то пропавшаго французскаго листка „l'Abeille du Nord“. Выходя три раза въ недѣлю,

въ крошечномъ форматѣ, „Пчелка“, какъ ее прозвали, усвоившая литературный и общественный' оттѣнокъ, въ отличіе отъ казенной суши „Вѣдомостей“, сразу завоевала себѣ расположеніе публики живостью своихъ извѣстій и забористыми статейками Булгарина „Всякая всячина“—первый на Руси фельетонъ-хроника, чтò было совершенною новостью для того времени. Изданіе газеты обходилось крайне дешево: большая часть статей было даровыхъ, къ тому-же у Греча была собственная типографія, въ которой печатались еженедѣльный его журнальчикъ „Сынъ Отечества“, выходившій книжками въ четыре-пять печатныхъ листовъ. Когда, спустя нѣсколько лѣтъ, „Сѣверная Пчела“ достигла шести тысячъ подписчиковъ—нѣвѣдомая прежде на Руси цифра, то Гречъ для облегченія тиража даже выписалъ изъ Гамбурга первую въ Россіи скоропечатную машину, на которую любопытные ходили смотрѣть, какъ на чудо. Типографія помѣщалась у Исакиевскаго, тогда еще далеко не конченнаго, собора, въ домѣ Времье, на углу Конно-Гвардейской улицы, гдѣ жилъ въ бѣль-этажѣ и самъ Гречъ съ семействомъ.

Дѣло съ газетой пошло выгодно. Надобно знать, что Николай Ивановичъ Гречъ не отличался во всю свою жизнь особою бережливостью и умѣньемъ сколотить себѣ копѣйку про черный день. Онъ и умеръ въ бѣдности, а въ послѣдніе годы своей жизни существовалъ только пенсіономъ, назначеннымъ ему по ходатайству бывшаго министра народнаго просвѣщенія Головнина. Но и при всей своей нерасчетливости, онъ, однако, успѣлъ во дни процвѣтанія пчелинаго улья набить меду на девяносто тысячъ ассигнаціями—сумма значительная для того времени, на которые и приобрѣлъ домъ барона Аша на Мойкѣ, у Почтамтскаго пѣшеходнаго мостика (гдѣ теперь помѣщается общество для заклада движимыхъ имуществъ), куда и переселился съ своею типографіею.

Съ своей стороны, и Булгаринъ, получавшій на свой пай половину чистаго дохода отъ газеты, также скопилъ капиталецъ, на который приобрѣлъ имѣніе близъ Дерпта (мызу Карлово), и переѣхалъ туда на житье. Онъ присылалъ по временамъ статейки для „Пчелы“, и только изрѣдка, какъ метеоръ, на короткое время, являлся въ Петербургъ за полученіемъ своего дивиденда. Гречъ въ душѣ его не любилъ и постоянно надъ нимъ подтрунивалъ; но взаимныя выгоды связывали этихъ сіамцевъ-близнецовъ неразрывными узами. Когда Булгарина, предложеннаго Гречемъ въ члены англійскаго клуба, забаллотировали, Гречъ сказалъ ему:

— Поздравляю, Оадей! Ты избранъ единогласно, т.-е. за тебя поданъ только одинъ голосъ—мой!

Гречъ по природѣ своей былъ человекъ добрый, общительный, гостепріимный, щедрый. Для своихъ сотрудниковъ—отецъ родной. Давнишній членъ англійскаго клуба, гдѣ балагурилъ и рассказывалъ анекдоты, сыпалъ островами и каламбурами, которые потомъ ходили

по городу, онъ, послѣ покупки дома, любилъ и у себя принимать артистовъ, художниковъ, особенно же тогдашнюю, весьма впрочемъ немногочисленную, пишущую братію.

Сходились, обыкновенно, вечеромъ, по четвергамъ. Тутъ были всѣ „знаменитости“ и „извѣстности“, какъ петербургскія, такъ и заѣзжія, особенно заграничныя: литераторы, живописцы, музыканты, ученые. Пили чай, толковали обо всемъ на разныхъ языкахъ, курили, преимущественно трубки съ табакомъ извѣстнаго Жукова — папиросы еще не были введены. Ихъ первый акклиматизировалъ въ Россіи, гораздо позже, французъ Морнэ, а сигары тогда еще не приобрѣли права гражданства и считались прихотью. Въ числѣ посѣтителей этой литературной биржи, какъ прозвали въ городѣ греческіе четверги, появлялся изрѣдка и поэтъ Пушкинъ. Онъ велъ себя очень сдержанно, рѣдко принималъ участіе въ разговорахъ, больше молчалъ и рано уходилъ, не простившись. Въ полночь, обыкновенно, бѣльшая часть гостей расходилась, и только самыя короткіе знакомые оставались ужинать.

Когда гости соединялись за столомъ, бесѣда, разумѣется, становилась оживленнѣе, тѣмъ больше, что тутъ же присутствовали и дамы: жена, сестра и три дочери хозяина. Профессоръ Сенковский — онъ же и баронъ Брамбеусъ, бичъ сихъ и оныхъ — постоянно оставался ужинать, и потѣшалъ все общество своими интересными разсказами, остроумными, блестящими парадоксами, на которые онъ былъ настоящій виртуозъ. Многіе находили въ немъ что-то мефистофельское.

Одинъ разъ, въ февралѣ или въ мартѣ 1837 года, за ужиномъ, часу въ первомъ ночи, у входной двери помѣщенія Греча, раздакъ сильный звонокъ.

— Это, должно быть, иностранная почта! сказалъ Гречъ, вскакивая со стула, и побѣжалъ самъ въ прихожую, на встрѣчу почталіону, такъ какъ въ это время слуги подавали кушанья.

Черезъ минуту онъ вернулся съ пачкою газетъ въ рукахъ, сѣлъ на свое мѣсто и началъ торопливо разбирать и просматривать газеты; говоръ, утихшій на минуту, возобновился.

— Интересная новость! вдругъ выстрѣлилъ Гречъ, и началъ читать изъ одной берлинской газеты извѣстіе объ открытіи въ Парижѣ дагеротипа. Всѣ слушали съ понятнымъ любопытствомъ и удивленіемъ. Способъ снимать почти мгновенно изображеніе предмета посредствомъ солнечнаго свѣта казался чѣмъ-то необъяснимымъ, просто волшебствомъ, чудомъ. Гречъ продолжалъ чтеніе:

— „Изобрѣтатель, Дагерръ, предлагаетъ открыть свой способъ во всеобщее свѣдѣніе, если французское правительство выдастъ ему 50 тысячъ франковъ единовременно и, сверхъ того, назначить пожизненный пенсіонъ по шести тысячъ франковъ въ годъ“.

Всѣ молчали, какъ рыбы, до того новость была поразительна.

Первый заговорилъ Сенковскій. Вооружившись всѣми пособіями физики и химіи (онъ въ послѣднее время съ жаромъ предался естественнымъ наукамъ), горячо и убѣдительно сталъ доказывать, что все это вздоръ, утва, сумбуръ, вранье, французское благерство; что Дагерръ не больше, какъ шарлатанъ! Что въ природѣ нѣтъ такого чувствительнаго вещества, которое могло бы въ пять минутъ въ камеръ-обскурѣ лянать, т.-е. принимать изображеніе отъ дѣйствія свѣта; а если бъ и нашлось такое вещество, то какая возможность закрѣпить (фиксировать) изображеніе, которое при появленіи изъ тьмы на свѣтъ, естественно, должно улечуться! При этомъ онъ разразился громовою филиппикой противъ шарлатанства французовъ, которыхъ вообще не жаловалъ, хотя и говорилъ постоянно на ихъ языкѣ, отдавая во всемъ предпочтеніе англичанамъ.

Прослушавъ Сенковского молча и окончивъ ужинъ, собесѣдники разошлись по домамъ въ недоумѣніи, не зная, что думать и чему вѣрить. Чудесныя открытія, не удивляющія теперь даже дѣтей, тогда только что начались, и потому не мудрено, что къ нимъ и великіе умы относились скептически. Наполеонъ I-й не вѣрилъ въ будущность пара; Тьеръ и графъ Канкринъ не вѣрили въ желѣзныя дороги. Нельзя себѣ представить, какъ мало было удобствъ еще на моей памяти. Какой возни, напримѣръ, стоило хоть бы добываніе огня; сколько было хлопотъ, чтобъ зажечь свѣчку, закурить сигару. Теперь это кажется смѣшнымъ. Первые зажигательныя спички, появившіяся въ Петербургѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, продавались какъ рѣдкость, въ изящныхъ деревянныхъ коробочкахъ, у Кюппа въ *Magasin à la Toilette*, по два рубля ассигнаціями за 50 штукъ. Правда, онѣ были дороги потому, что приготовлялись изъ гремучаго серебра, такъ какъ нынѣшній дешевый матеріалъ для фабрикаціи спичекъ — фосфорно-кислая ртуть (*fulminate de mercure*) — не былъ еще придуманъ. А перья! Какая это была каторга и потеря времени для пишущаго люда очинка перьевъ. Первые стальные перья продавались у насъ по пяти рублей ассигнаціями за дюжину; теперь онѣ стоятъ 30 копѣекъ за гроссъ, или 12 дюжинъ! ¹⁾

Прошло со времени вышеописаннаго достопамятнаго ужина три или четыре мѣсяца. Въ іюнѣ Дагерръ получилъ желаемое вознагражденіе за свое открытіе и обнародовалъ секретъ, который появился и въ „Сѣверной пчелѣ“. Берутъ мѣдную пластинку, покрытую тонкимъ листомъ серебра, и коптятъ іодомъ въ темной комнатѣ при свѣтѣ ночника. Вставленная въ камеръ-абскуру, пластинка принимаетъ изображеніе, которое затѣмъ фиксируется ртутными парами—вотъ и вся операція. Въ сентябрѣ того же 1837 года, на выставкѣ академіи художествъ, петербуржцы могли *de visu*, собственными очами видѣть

¹⁾ Булгаринъ утверждалъ, что этотъ инструментъ надо называть не перо — какое же это перо! Перо у птицы!—а писало. Пуристъ онъ былъ. Пр. авт.

три большія пластинки, поднесенныя Дагерромъ съ собственноручными посвященіями императору Николаю Павловичу.

Замѣчательно, что когда, нѣсколько лѣтъ спустя, эдинбургскій профессоръ Тальботъ пошелъ дальше Дагерра и назвалъ свое открытіе фотографіей (свѣтописью), то Сенковскій сдѣлался горячимъ его панегиристомъ, росписался въ „Библиотекѣ для Чтенія“ за Тальбота, и даже предлагалъ окрестить англійское изобрѣтеніе тальботтицей!

III.

Какъ была написана опера „Жизнь за царя“.

Въ одинъ изъ гречевскихъ четверговъ, между привычными гостями появилось новое лицо, никогда прежде не посѣщавшее „литературной биржи“: небольшого роста, остриженный подъ гребенку, лѣтъ тридцати пяти баринъ, плотный, приземистый, съ умнымъ лицомъ и выразительными, бѣгающими глазами; немного разсѣянный и какъ бы занятый постоянною мыслию. Не мудро было признать въ немъ артиста, художника, скорѣе всего—музыканта.

Въ половинѣ вечера Гречъ подъ руку съ этимъ господиномъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Вотъ Михайло Ивановичъ Глинка желаетъ познакомиться съ вами: представляю васъ другъ другу, прошу любить, да жаловать. Михайло Ивановичъ музыкантъ, а вы страстный любитель музыки, стало быть, сойдется.

— Кто изъ русскихъ не знакомъ съ Михайломъ Ивановичемъ по его прелестнымъ романсамъ, которые распѣваетъ вся Россія, отвѣчалъ я, подавая ему руку.

Когда Гречъ отошелъ отъ насъ, мы усѣлись на диванѣ и Глинка сказалъ мнѣ:

— Вы пишете театральныя рецензіи для „Сѣверной Пчелы“, и я хотѣлъ бы поговорить съ вами на счетъ либретто оперы, которую я затѣялъ написать, или, лучше сказать, почти ужъ написалъ, то есть, клавирауслугъ готовъ, остается оркестровать... Надобно вамъ рассказать, какъ случилось, что я взялъ на себя эту обузу...

Въ эту минуту подбѣжала къ намъ старшая дочь Греча, Софья Николаевна Безакъ, и при словахъ: „извините, я вамъ помѣшала!“ обратилась къ Глинкѣ:

— Михайло Ивановичъ! Дамы просятъ васъ спѣть что-нибудь... Не откажите!

Глинка всталъ, какъ кажется, несомнѣннѣмъ довольный приглаше-
нiемъ.

— Здѣсь намъ не удастся поговорить, обратился онъ ко мнѣ. — Не зайдете ли ко мнѣ завтра вечеркомъ часовъ въ девять. Я живу здѣсь недалеко, въ Фонарномъ переулкѣ, домъ Плюшара.

Я обѣщался, и онъ ушелъ пѣть свои романсы, которые испол-
нялъ больше говоркомъ, но съ замѣчательнымъ искусствомъ, хотя у
него и не было почти никакого голоса.

На другой день въ назначенный часъ я позвонилъ у дверей
Глинки. Михайло Ивановичъ встрѣтилъ меня радушно, будто стараго
знакомаго, усадилъ на диванъ, и намъ сейчасъ подали чай.

— Я вчера, кажется, говорилъ вамъ, началъ онъ:—что взялъ на
себя тяжелую обузу—написать оперу. Неизвѣстно еще, что изъ этого
выйдетъ... Знаете ли, какъ это случилось?... Какой я оперный ком-
позиторъ?... Я аматёръ, дилетантъ, сочинитель романсовъ и пѣсо-
нокъ—больше ничего! *Je n'ai d'toffe que pour cela!* прибавилъ онъ
какимъ-то грустнымъ тономъ.

— Напрасно вы такъ недоувѣрчивы къ своимъ силамъ, замѣтилъ
я.—Но расскажите, кто же возымѣлъ благую мысль подбить васъ на
оперу?

— Жуковский, злодѣй! вотъ кто! У него собираются знакомые
по средамъ и я часто тамъ бываю, пѣсенки и романсики имъ пою;
хозяинъ ихъ жалуется. Я пою, а онъ ходитъ, задумавшись, по залѣ
и слушаетъ. Вотъ одинъ разъ, года полтора назадъ, когда я что-то
спѣлъ, Василій Андреевичъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Знаешь что, Michel? Ты бы оперу написалъ.

— Чтѣ вы! Куда мнѣ! отвѣчаю:—пороку не хватить!

— Вадоръ! Хватить! Тебя на это станеть! Ты родился компози-
торомъ и только тратишь на пустяки свой талантъ.

— Хорошо! На какой же сюжетъ писать мнѣ оперу? спросилъ я.

— Разумѣется, на русскій, народный, патриотическій! Чтобъ рус-
ское сердце за-живое задѣтъ!... Вотъ хоть бы, напримѣръ, эпизодъ
съ Иваномъ Сусанинымъ, какъ онъ рассказанъ у Сергѣя Глинки!

— Помните, Василій Андреевичъ, перебилъ я. — На эту тему
ужъ есть русская опера Кавоса, талантливаго, опытнаго музыканта!
Куда мнѣ съ нимъ тягаться!

— Пустяки какіе! продолжалъ горячиться Жуковский. — Чтобъ
писать на русскій сюжетъ, мало таланта, недостаточно никакой опыт-
ности! Для этого, прежде всего, надо быть русскимъ, родиться и вы-
рости на русской почвѣ, проникнуться до мозга костей русскимъ ду-
хомъ! Надо, чтобъ въ жилахъ текла, кипѣла русская кровь, та са-
мая, что лилась за самобытность, за честь и славу Россіи на Кули-
ковскомъ полѣ, подъ Москвою, въ годину самозванцевъ, подъ Боро-
динымъ, подъ Малымъ-Ярославцемъ!... Вотъ каковъ долженъ быть
нашъ композиторъ! А Кавось, чтѣ! Онъ хоть и хорошій музыкантъ,

но развѣ у него настоящая русская музыка! У него поддѣлка подъ русскую музыку—больше ничего!

— Что жъ! Мнѣ кажется, Жуковский совершенно правъ, замѣтилъ я.—И не только къ музыкѣ, а то же самое можно примѣнить и къ литературнымъ произведеніямъ: къ драмѣ, къ роману...

— Погодите! перебилъ меня Глинка. — И еще Василий Андреевичъ прибавилъ: „Притомъ же, у Кавоса, въ концѣ оперы Сусанина спасаютъ отъ поляковъ подоспѣвшіе русскіе—ошибка не только противъ событія, какъ передаетъ его народная легенда, но и противъ поэтического замысла и сценическаго эффекта. Подвигъ Сусанина, оканчивающійся трагически, производитъ на зрителя сильное, потрясающее впечатлѣніе, служитъ превосходною развязкою драмы — апо­теозомъ любви къ отечеству!

— Вѣрно! вѣрно! Превосходно! вскричалъ я.— Другаго сужденія отъ такого художника, какъ Жуковский, и ожидать было нельзя!

— Вотъ этотъ самый разговоръ, продолжалъ Глинка: — запалъ мнѣ въ душу, заставилъ призадуматься. Дня три-четыре онъ не давалъ мнѣ покоя, преслѣдовалъ меня, какъ тѣнь; а потомъ что-то другое и разная житейскія дразги вышибли у меня изъ головы мысль объ оперѣ, и я объ ней совсѣмъ забылъ. Только разъ, мѣсяцъ или полтора спустя, случилась со мной бессонница, да казая! совсѣмъ макбетовская! Увѣряю! Маялся я, никакъ уснуть не могу! Разная чепуха въ голову лѣзетъ; стану забываться, и вдругъ проснусь!... Что тутъ дѣлать!... Между прочей дребеденью пришла мнѣ и мысль объ оперѣ, на которую подбивалъ меня Жуковский. „А что, думалось мнѣ, если бы я, въ самомъ дѣлѣ, возымѣлъ дерзкую мысль сочинить оперу, какъ бы я приступилъ къ ней?.. Гм! Дѣйствіе — въ деревнѣ Сусанина... Сначала, разумѣется, хоръ: крестьяне встрѣчаютъ весну... Потомъ — выходъ и арія примадонны, дочери Сусанина. Дальше—пріѣздъ жениха, тенора—дуэтъ. Является самъ Сусанинъ, басъ — трио“... Я вскочилъ, какъ ужаленный; всякій позывъ ко сну окончательно исчезъ, я накинулъ халатъ, усѣлся въ темнотѣ за фортепіано и сталъ фантазировать.

— Bravo! исполать вамъ, неволью вырвалось у меня.

— Что-то начинало выходить, продолжалъ Глинка. Я зажегъ свѣчу, отыскалъ листокъ нотной бумаги и набросалъ импровизацію: это былъ первый хоръ. Потомъ каватина примадонны стала обозначаться и достаточно округлилась—и ту записалъ; а между тѣмъ насталъ день, было часовъ восемь утра, свѣча совсѣмъ догорѣла. Отъ лихорадочной работы и отъ бессоницы я такъ обезсилѣлъ, такъ ослабѣлъ, что едва дотащился до постели и заснулъ мертвымъ сномъ... Когда я проснулся, былъ уже четвертый часъ пополудни. Первое, что я почувствовалъ, былъ страшный, звѣринный голодъ. Мнѣ такъ хотѣлось напиться кофе, что я больше ни о чемъ, кажется, не могъ и думать... Но вдругъ сквозь кофе и голодъ промелькнуло у меня:

а что это? во снѣ я сочинялъ оперу, или наиву?.. Вскакиваю съ постели, босикомъ подбѣгаю къ фортепіано, смотрю: что-то написано на листѣ нотной бумаги... Сажусь, пробую—кажется, ничего! Гуть, какъ говоритъ Брюлловъ!.. Представьте мое удивленіе! Написалъ кофе и опять сталъ работать! Три дня цѣлыхъ не выходилъ со двора, никого къ себѣ не пускалъ, и все работалъ; мало ѣлъ и мало спалъ—до того увлекся. Мысли кишатъ въ головѣ, покою не даютъ!.. Такъ у меня былъ набросанъ почти весь первый актъ...

— А текстъ? спросилъ я.—На какой текстъ вы писали музыку?..
Либретто?

— Никакого текста, никакого либретто у меня не было! ни одного словечка!.. Смыслъ, содержаніе, суть нумеровъ, носились смутно передо мною, разумѣется, но больше ничего! Я серьезно подумалъ о словахъ, о текстѣ, только тогда, когда весь первый актъ былъ эбомированъ!.. Вотъ бѣда! Чтò тутъ дѣлать, думаю. Бѣгу къ Жуковскому.

— Ну, говорю, Василій Андреевичъ! Подбили вы меня писать оперу; послушался я васъ и набросалъ первый актъ вчернѣ, а текста у меня нѣтъ ни словечка! Теперь вы обязаны меня выручать!.. Прежде всего, какъ мнѣ назвать оперу?

— Назови ее: „Жизнь за царя“, говорить онъ.

— А второе—напишите мнѣ текстъ?

— На готовую-то музыку подгонять тебѣ слова!.. отвѣчалъ со смѣхомъ Василій Андреевичъ. — Ну, нѣтъ, любезный, извини! Я на это не гожусь! Совсѣмъ неспособенъ! Не мое это дѣло!

— Что же мнѣ дѣлать? со страхомъ и трепетомъ спрашиваю.—
Какъ быть?

— А вотъ что. Я тебѣ дамъ „такого молодца“—это его собственныя слова — который подберетъ тебѣ подъ музыку стихи такъ же скоро и легко, какъ любая дѣвка нанижетъ ожерелье на нитку!

— Кто жъ этотъ благодѣтель? Назовите... спрашиваю.

— Баронъ Розенъ. Знаешь?

— Знакомъ немного: видалъ у васъ и еще кое-гдѣ — у Кукольника, кажется.

— Ну и прекрасно. Я его къ тебѣ пришлю.

И дѣйствительно, на другой же день милый баронъ—уморительно говорить онъ по-русски, съ остзейскимъ, нѣмецко-латышскимъ акцентомъ—былъ ужъ у меня—и началась работа. Вотъ какъ составилось мое либретто. По мѣрѣ того, какъ я писалъ музыку по задуманному плану, Розенъ подбиралъ слова, и такимъ образомъ съ Божьею помощью мы добрались до конца ¹⁾... Не хотите ли послушать?

¹⁾ Впослѣдствіи Глинка написалъ для Воробьевой вводную сцену у воротъ монастыря „Бѣдный конь въ полѣ палъ“, для которой слова подобраны Кукольниковомъ.

Прим. авт.

Михаилъ Ивановичъ сѣлъ за фортепіано (это былъ весьма посредственный и ужь очень подержанный инструментъ), сталъ пѣть и аккомпанировать... Всю оперу исполнилъ, отъ перваго хора до эпилога вклучительно (увертюра еще не была написана).

Такъ мнѣ выпало на долю прослушать если не первому, то одному изъ первыхъ, безсмертное произведеніе Глинки. Когда я вышелъ отъ него, на улицѣ ужь было совсѣмъ свѣтло. Въ то время Михаилъ Ивановичъ и не подозрѣвалъ, какое гениальное произведеніе онъ создалъ.

Въ ноябрѣ 1836 года „Жизнь за Царя“ была исполнена въ первый разъ при открытіи Большаго театра, перестроеннаго архитекторомъ Альбертомъ Катериничемъ Кавосомъ, сыномъ Катерина Кавоса, написавшаго оперу „Иванъ Сусанинъ“ на текстъ, сочиненный княземъ А. А. Шаховскимъ. Въ качествѣ капельмейстера русской оперы, Катеринъ Кавосъ тщательно, съ любовью разучалъ произведеніе молодаго композитора и дирижировалъ оркестромъ. Сусанина пѣлъ О. А. Петровъ, Сабинина — Шемаевъ, Антониду — Степанова, Ваню—Петрова. Опера поставлена была великолѣпно — при императорѣ Николаѣ Павловичѣ иначе и нельзя было ставить пьесы à grand spectacle, оперы и балеты. Молодой еще тогда декораторъ, нынѣ маститый художникъ, Андрей Адамовичъ Роллеръ за постановку былъ сдѣланъ академикомъ, а впоследствии, въ 1841 году, за декораціи къ „Руслану“ получилъ званіе профессора—перваго и единственнаго до настоящаго времени профессора декорационной живописи петербургской академіи художествъ.

Жуковскому пришлось быть крестнымъ отцомъ не одной оперы Глинки, но и другаго гениальнаго дѣтища русскаго искусства. Въ бумагахъ Пушкина послѣ его смерти была найдена драматическая поэма безъ заглавія. Жуковскій назвалъ ее „Каменный гость“.

IV.

Стеариновы свѣчи и Николай Полевой.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, выдающееся положеніе въ литературномъ и издательскомъ петербургскомъ мірѣ занялъ книгопродавецъ и содержатель бібліотеки для чтенія, основанной патриархомъ русской книжной торговли Плавильщиковымъ, Александръ Филипповичъ Смирдинъ, отличный, добрыйшій, благородныйшій человекъ, какихъ мало бываетъ на свѣтѣ. Съ горячею любовью къ своему дѣлу, чуждый купеческой, грошевой алчности, онъ первый и, кажется, едва ли не единственный до нашихъ дней книгопродавецъ сталъ щедро воз-

награждать авторовъ, не торгуясь изъ-за пятачка. Смирдинымъ изданы всѣ первыя произведенія Пушкина, которому онъ платилъ „по червонцу за стихъ“, какъ Лумлей лорду Байрону по гинеѣ.

Дѣла Смирдина пошли такъ успѣшно, что онъ изъ скромнаго помѣщенія у Синаго моста, въ угловомъ домѣ Гаврилова, переселился во вновь отстроенный домъ лютеранской церкви Петра и Павла, на Невскомъ проспектѣ, гдѣ въ нижнемъ этажѣ (теперь чайная торговля и парикмахерская), устроилъ книжный магазинъ, а въ бельэтажѣ помѣстилъ свою библиотеку для чтенія. Туда ежедневно по утрамъ сходились почти всѣ петербургскіе литераторы потолковать, обмѣняться мыслями, узнать городскія новости. Графъ Хвостовъ былъ всегдашнимъ, постояннымъ посѣтителемъ этихъ сходокъ; самъ покупалъ свои сочиненія и тутъ же дарилъ съ надписью желающимъ (и не желающимъ). Объ этихъ сходкахъ послѣ Пушкина осталась извѣстная эпиграмма:

„Къ Смирдину какъ ни зайдешь,
Ничего не купишь;
Иль Сенковского найдешь,
Иль въ Булгарина наступишь“.

Разширяя все больше и больше свою дѣятельность, Смирдинъ выписалъ изъ Москвы бывшего тогда въ славѣ Николая Алексѣевича Полевого, которому далъ квартиру въ своемъ домѣ, на Лговкѣ, доставилъ работу и выручилъ изъ стѣсненнаго положенія, въ которое тотъ попалъ послѣ запрещенія „Московского Телеграфа“. Запрещеніе это, сказать мимоходомъ, произошло въ наказаніе за критическую статью, въ которой Полевой не очень лестно отозвался, съ литературной точки зрѣнія, о патріотической трагедіи Нестора Кукольника — „Рука Всевышняго отечество спасла“, находившейся подъ особеннымъ покровительствомъ высшихъ властей. Тогда ходила по городу слѣдующая эпиграмма:

„Рука Всевышняго“ три чуда совершила:

„Отечество спасла,
Поэту ходъ дала
И Полевого погубила“.

Видя успѣхъ „Сѣверной Пчелы“, Смирдину пришла мысль взять ее въ аренду, въ надеждѣ, что подъ редакторствомъ Полевого — до того онъ вѣрилъ въ его способности и въ его авторитетъ — газета удесатеритъ число своихъ подписчиковъ и принесетъ ему громадныя выгоды. Смирдинъ не сомнѣвался, что стоитъ Полевому взять въ руку перо, и сейчасъ изъ-подъ пера этого чародѣя, мага и волшебника, польются золотыя рѣки.

Для обсужденія Смирдинскаго плана и переговоровъ выписанъ былъ изъ Дерпта Булгаринъ и, послѣ продолжительныхъ преній, рѣшено отдать „Пчелу“ Смирдину, за 60 тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ, подъ „негласную“ редакцію Полевого. Гласной ре-

дакціи, даже самого имени Полевого, Третье Отдѣленіе и не позволило бы, такъ какъ онъ былъ записанъ въ черную книгу, въ рядъ „неблагонадежныхъ“.

Но осторожные владѣтели газеты, не питая безграничнаго довѣрія къ Полевому, бросавшемуся во всѣ стороны — до того у него зудѣли руки — то въ исторію, то въ беллетристику, то въ драму—выговорили слѣдующія кондиціи:

1) „Сѣверная Пчела“ должна печататься въ типографіи Греча, которому предоставляется полное право браковать сомнительныя статьи и читать послѣднюю корректуру.

2) Всѣ прежніе постоянные сотрудники остаются при редакціи и продолжаютъ свои занятія.

Послѣдняя предосторожность была вполне рациональна, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго.

Наступилъ новый годъ, съ котораго „Сѣверная Пчела“ стала выходить уже подъ главнымъ редакторствомъ Полевого, доставившаго предварительно нѣсколько капитальныхъ статей. Появились три или четыре нумера. Число подписчиковъ замѣтно росло; Смирдинъ потиралъ руки отъ удовольствія и „улыбался, какъ май“. На пятый номеръ газеты, кромѣ „Иностранныхъ извѣстій“, составляемыхъ въ редакціи Амплиемъ Николаевичемъ Очкинымъ, да библиографическаго фельетона одного изъ молодыхъ сотрудниковъ, отъ Полевого въ назначенный часъ „оригинала“ (техническій терминъ рукописи) не было получено. Ждутъ, ждутъ — ничего! Задней (литературной, или какой другой), статьи—нѣтъ, какъ нѣтъ! Номеръ выдти не можетъ!..

Скандаль, бѣготня, суета, тревога! Посылаютъ къ Полевому, посылаютъ къ Смирдину, ждутъ до вечера—пора „верстать“ номеръ! Метраншажъ (факторъ типографіи) потерялъ голову... Гречь, на подобіе злополучной супруги „Синей Бороды“ въ сказкѣ Перо (Офенбаковская еще не народилась), сидитъ у окна, смотритъ вдаль, и только-что не говоритъ: „Сестра Анна! взгляни, не бѣжить ли разсильный отъ Полевого со статьей!..“

Нашлась, однако, въ картонкахъ редакціи какая-то завалящая статья—ее поспѣшно набрали, въ четыре руки, оттиснули и отправили на просмотръ къ цензору „въ колбасахъ“ (т. е. въ столбцахъ—типографскій терминъ); къ счастью, свирѣпый Фрейгангъ ее пропустилъ безпрепятственно; сверстали номеръ и только поздно ночью „спустили на машину“, какъ говорится въ редакціяхъ газетъ. У Греча отлегло отъ сердца; но онъ сильно призадумался при этой передрагѣ.

На другой день, рано утромъ, Булгаринъ побывалъ съ жалобой у Смирдина въ магазинѣ и, не добившись толку, полетѣлъ къ Полевому. Ѳаддей Венедиктовичъ, надо знать, всегда выражался своеобразно и картинно. Возвратившись изъ своей экспедиціи къ Гречу, онъ такъ рапортовалъ:

— Вхожу къ Полевому — сидитъ за письменнымъ столомъ и пишетъ! да какъ пишетъ!! Врызги изъ-подъ пера летать въ третью комнату!.. Передъ нимъ — стопа бумаги, цѣлая стопа!! Около него, направо и налево — стулья, заваленные исписанными листами!.. Цѣлый ворохъ!.. Хватить — разъ, два! страница готова!.. Сочиняетъ въ одно и то же время: „Исторію русскаго народа“... Трагедію „Елена Глинская“... Водевиль „Цыгарка“... Критическую статью „Повѣсть изъ временъ самозванцевъ“... Остального не помню!.. Цѣлую литературу производить оптомъ!..

— А для „Сѣверной Пчелы“ перебилъ Гречъ.

— Для „Пчелы“ пишетъ трактатъ о вновь выдуманныхъ стеариновыхъ свѣчахъ. Удивительная, говоритъ, будетъ статья!

— Гдѣ же этотъ трактатъ?

— Еще не конченъ — кончается! обѣщаль доставить нынче, къ обѣду.

Но ни къ обѣду, ни вечеромъ стеариновыя свѣчи такъ и не зажгались... виновать — не являлись.

Составили кое-какъ номеръ на завтра общими силами и сдали въ типографію.

На слѣдующее утро къ Гречу является самъ Полевой съ извиненіями и отговорками, но безъ строчки „оригинала“ для газеты. Онъ говорилъ презабавно, на-распѣвъ, въ родѣ речитатива, съ сибирскимъ акцентомъ на ъ, и любилъ вставлять въ свою рѣчь французскія слова, произнося ихъ какъ бы они были написаны русскими буквами. Всего чаще онъ употреблялъ, естати и не естати, словечко „се-селонъ“ (C'est selon — смотря по...).

— Извините великодушно, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, сказалъ Полевой, поспѣшно входя въ кабинетъ Греча, гдѣ были двое изъ сотрудниковъ: Владиміръ Михайловичъ Строевъ и пишущій эти строки. — Повинную голову мечъ не сѣчетъ! Не успѣлъ доставить вамъ вчера оригинала!..

— Кажется, Николай Алексѣевичъ, не только вчера, но и третьяго и четвертаго дня отъ васъ ничего не поступало, отвѣчалъ Гречъ. — Ужъ мы кое-какъ своими средствами наполняли газету...

— Ради Бога, простите!.. Зато какіе интересные номера вы пустили!.. Увѣряю!.. Разумѣется, у всякаго свой вкусъ! се-селонъ!.. Читатели бываютъ разные. Не даромъ же говорится: „одинъ изъ нихъ хотѣлъ арбуза, другой — соленыхъ огурцовъ“!.. Право, такъ! Газета всѣмъ должна угодить! А что найдутся недовольные — это ничего не значить! На всякое чиханье не наздравствуешься, говорить нашъ умный простой народъ!.. Фельетончикъ о театрѣ, во вчерашнемъ номерѣ, остроумная, забористая штучка!.. А „задняя статья“ о картинѣ Брюллова „Послѣдній день Помпеи“! Парадоксально, если хотите, но очень оригинально!.. Публика любитъ пикантныя вещи въ родѣ кайенскаго перца, или пикудей, или англій-

свой соли!.. Увлекательно пишетъ этотъ В. В. В. ¹⁾. Парле муа де са! Острымъ умомъ входитъ въ предметъ! Такъ и врѣзывается! Діантръ!

— Но „Пчела“ была бы еще интереснѣе, замѣтилъ Гречъ, если бы вы, Николай Алексѣевичъ, дѣлали въ нее вклады, какъ мы уговорились...

— О, вклады будутъ, какъ а папье! Непремѣнно будутъ! Обильные, разнообразные вклады! Теперь не успѣлъ, совсѣмъ абсорбировался другою, постороннею работой: оканчивалъ главу „Исторіи русскаго народа“ — хотѣлъ дописать. А тутъ одинъ бенефициантъ приступаетъ: напиши ему драму—бенефисъ на носу! Другой проситъ: состряпай водевилъ — какъ отказать!.. Еще мимоходомъ я задумалъ пьеску: мотивъ въ Сибири слышалъ. Надѣюсь, трогательная вещица выйдетъ!.. Расплатится даже, пожалуй, у кого глаза на мокромъ мѣстѣ! „Параша-сибирячка“ будетъ называться. А тутъ для „Невскаго альманаха“ надо что-нибудь сморозить—пристааетъ Аладьинъ! Я ему импровизировалъ нѣсколько антологическихкихъ вещицъ—не хотите ли прослушать? Знаете, въ древне-греческомъ духѣ! Напримѣръ, какъ вы это найдете:

„Мы не смерти боимся, но съ жизнью разстаться намъ жалко!

Такъ неохотно мы старый мѣняемъ хитонъ“!

Я сначала думалъ сказать: „старый мѣняемъ халатъ“, но остановился: хитонъ характернѣе — совсѣмъ грекомъ пахнетъ, такъ и разить! Да и халатовъ греки не носили. Намъ халаты, а съ ними и наша халатность, вѣдь отъ татаръ въ наслѣдство достались!.. А то вотъ еще другой афоризмъ: онъ у меня сегодня утромъ, за чаемъ, когда я трубку выколачивалъ, въ головѣ сложился:

„Трубку я докуривъ и золу изъ нея выбивая,

Думалъ: такъ выбиваетъ изъ жизни насъ Кронъ безпощадный“!

Ну, скажите, какъ можно было сердиться на милого человѣка, который потѣшаетъ редакцію такою забавною болтовнею взаимнѣ статей. Гречъ и сотрудники помирали со смѣха.

— Но вы все-таки, Николай Алексѣевичъ, доставите, хоть завтра, статейку, сказалъ, наконецъ Гречъ.—Мы на васъ будемъ рассчитывать и мѣсто послѣ „Заграничныхъ извѣстій“ оставимъ.

— Какъ же, непременно! Рано утромъ пришлю! Я ужъ началъ для „Пчелы“ интересную техническую статью о стеариновыхъ свѣчахъ. Очень важное изобрѣтеніе! Торжество, триумфъ современной химіи! Коренной переворотъ въ системѣ освѣщенія нашихъ жилищъ, во всемъ домашнемъ быту. Вонючія, грязныя, отвратительныя салныя свѣчи, которыми такъ долго пробавлялось невѣжественное челоуѣчество, отойдутъ на задній планъ, сдѣлаются достойнѣмъ лакейскихъ и кухонь; ихъ замѣнитъ изящный, бѣлосвѣжный стеа-

¹⁾ В. М. Строевъ.

ринъ, безъ малѣйшаго запаха, горящій свѣтлымъ огнемъ, безъ всякой копоти, не требующій допотопныхъ щипцовъ для снятія нагара! Теперь весь міръ говоритъ о стеаринѣ: животрепещущая, какъ только что пойманная рыба, новости! Нувель дю журъ!

— Надѣюсь, статья будетъ понятна, общедоступна, какъ слѣдуетъ для газеты? ввернулъ Гречъ.

— Вполнѣ популярна, разумѣется, отвѣчалъ Полевой.— Впрочемъ, се селонъ! Нельзя же совершенно обойтись безъ техники! Но, ручаясь, будетъ понятна и интересна въ высшей степени. Вотъ послушайте—весь процессъ очень простъ: бычачье сало варятъ парами въ чанахъ, прибавляя слабаго раствора сѣрной кислоты для разложенія животныхъ волоконъ; когда сало остынетъ, его вкладываютъ въ шерстяные мѣшки и подвергаютъ дѣйствию гидравлическихъ прессовъ; оленнъ, жидкая часть, вытекаетъ; онъ идетъ на выдѣлку мыла, на смазку машинъ; стеаринъ, твердая часть сала, остается; изъ него-то и получается драгоцѣнный матеріалъ для приготовленія свѣчей. „Се семилъ, комъ бон журъ!..“ Однако, мнѣ пора домой, прибавилъ Полевой, взглянувъ на каминные часы и вставая.— Прощайте, Николай Ивановичъ! Завтра получите статью о стеариновыхъ свѣчахъ. Непремѣнно получите, паролъ донеръ! Прощайте, господа, прибавилъ онъ, обращаясь къ двумъ сотрудникамъ.— Прелестныя статейки вы пишете! Честъ вамъ и слава! Же ву тиръ ма реверансъ!

И онъ торопливо направился къ дверн.

Однако, статьи о стеариновыхъ свѣчахъ Полевой не прислалъ ни на другой, ни на третій, ни на четвертый день. Мы не знали, что и подумать. „Пчела“, однако, выходила.

На пятый день въ четвергъ, когда обычные гости сидѣли за ужиномъ у Греча, раздался въ прихожей звонокъ и служитель подалъ хозяину большой пакетъ, со словами:

— Отъ Полевого!

Всѣ разговоры мгновенно смолкли; послышалось сдержанное хихиканье; нѣкоторые шепотомъ говорили: „стеариновыя свѣчи“... „стеариновыя свѣчи“. Всѣмъ была известна легенда объ ожидаемой и не получаемой статьѣ Полевого.

Между тѣмъ Гречъ вскрылъ пакетъ и вынулъ большой листъ исписанной бумаги. Всѣ притаили дыханіе... Глаза сидѣвшихъ за столомъ буквально „повисли на губахъ“ Греча, по счастливому французскому выраженію. Тишина наступила мертвая... Вдругъ онъ громко произнесъ:

— Стеариновыя свѣчи!!

Кто былъ свидѣтелемъ этой сцены, тотъ никогда не забудеть эффекта, который произвели эти два простыхъ слова. Если бъ подъ столовую подкатали десять бочекъ пороха и зажгли ихъ, если бъ всѣ грома небесныя пали на землю, если бъ домъ разрушился отъ страш-

наго удара землетрясенія,—и тогда взрывъ не могъ быть сильнѣе, поразительнѣе. Всѣ вскочили изъ-за стола, какъ опьянѣлые, бросились къ Гречу и окружили его. Всѣ думали, что это шутка, фарсъ. Всякому хотѣлось во-очію удостовѣриться, дѣйствительно ли, наконецъ, явились пресловутыя стеариновыя свѣчи!..

Оказалось, что это были онѣ, несомнѣнно.

Статья была напечатана въ субботу—последняя статья Полевого.

Въ половинѣ января условіе съ Смирдиннымъ относительно редакцірованія „Сѣверной Пчелы“ Полевымъ было уничтожено, и газета стала издаваться, какъ прежде.

V.

Влаговѣщенскій мостъ и Рафаэль Зотовъ.

Въ сороковыхъ годахъ, въ петербургскихъ театральныхъ сферахъ значительную, первостепенную роль разыгрывалъ статскій совѣтникъ Рафаэль Михайловичъ Зотовъ, авторъ „Таинственнаго монаха“ и другихъ романовъ, онъ же переводчикъ цѣлой мириады театральныхъ пьесъ и оперныхъ либретто. Ему меломаны обязаны, между прочимъ, переводомъ веберовскаго „Фрейшюца“, который и до сихъ поръ играется въ томъ видѣ, какъ вышелъ изъ-подъ пера Зотова. Онъ былъ начальникомъ репертуара и состоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ директоромъ театровъ, Александромъ Михайловичемъ Гедеоновымъ, на котораго имѣлъ огромное вліяніе. Словомъ, Зотовъ въ свое время былъ такой же Гог-Могогъ въ театральной дирекціи, какъ впоследствии недавно сошедшій со сцены въ могилу П. С. Федоровъ—cheville ouvrière, на которомъ вращался весь театральнй механизмъ.

Но ужъ давно рѣшено и подписано, что въ нашемъ, такъ называемомъ, лучшемъ изъ міровъ нѣтъ ничего вѣрнаго, постояннаго, неизбѣжнаго: vanitas! „На счастье прочно всякъ надежду вынь!“ сказалъ старинный, но правдивый поэтъ. Насталъ и для Рафаила Михайловича ненастный день: между нимъ и Гедеоновымъ или пробѣжалъ зайецъ, или промелькнула черная кошка. Вотъ что случилось.

Твердо уповая на свою силу, на свое неотразимое вліяніе, Зотовъ какъ-то заспорилъ съ Гедеоновымъ, отказавшимъ дать въ домъ дирекціи казенную квартиру нѣкоей водевильной актрисѣ, и споръ этотъ зашелъ такъ далеко, что превратился въ формальную жестокую ссору, окончившуюся—ни больше, ни меньше—тѣмъ, что Зотовъ письменно вызвалъ Гедеонова на дуэль!

Получивъ картель, Геденовъ поѣхалъ къ министру двора, князю Петру Михайловичу Волконскому, и преподнесъ ему вызовъ неистоваго Роланда... то бишь начальника репертуара. Князь немедленно же показалъ его, какъ нѣкій курьеръ, императору Николаю Павловичу. Государь много смѣялся этой исторіи, но какъ въ ней преобладалъ всего больше комическій элементъ, то Николай Павловичъ, человѣкъ умный и въ душѣ добрый, не захотѣлъ сдѣлать несчастнымъ долго служившаго старика, и дѣло окончилось тѣмъ, что Зотовъ былъ уволенъ, безъ прошенія и безъ пенсіона.

Въ печальномъ положеніи очутился злополучный авторъ „Монаха“ и переводчикъ „Фрейшюца“. Средствъ къ жизни у него не было. Къ счастью, Зотовъ хорошо зналъ иностранные языки, особенно нѣмецкій, и нашелъ работу у Греча, для котораго дѣлалъ выборку изъ политическихъ газетъ въ рубрику „Заграничныя извѣстія“ для „Сѣверной Пчелы“. Такъ онъ перебивался нѣсколько лѣтъ сряду „изъ кулья въ рогожку“, какъ говорится, и жилъ не унывая, съ грѣхомъ пополамъ, ни шатко, ни валко. Между четырьмя и пятью часами дня, Рафаила Михайловича можно было встрѣтить зимою въ бекешѣ съ бобровымъ воротникомъ, лѣтомъ въ толстомъ пальто, съ тростью въ рукѣ, на Невскомъ проспектѣ, гдѣ онъ гулялъ, окончивъ работу, напѣвая про себя оперный мотивъ и переносая мыслью въ прежнее невозвратное время, когда онъ безгранично царилъ въ храмѣ Талии, Мельпомены, Евтерпы, Полигимнии и легкокрылой Терпсихоры.

Судьба, однако, сжадилась надъ смертнымъ, который безропотно, смиренно, философски покорился ея велѣніямъ.

Постройка перваго постоянного чрезъ Неву моста, послѣ восьмилѣтнихъ трудовъ инженера Кербедза, наконецъ осуществилась. Это было важнымъ событіемъ для сѣверной Пальмиры. Со временъ Петра Великаго, постоянный чрезъ Неву мостъ былъ всеобщей мечтою—и правителей, и жителей; мечта казалась невозможною, неисполнимою, въ родѣ квадратуры круга или вѣчнаго движенія, и вдругъ нашелся человѣкъ, который осуществилъ эту дерзкую мечту: взялъ и построилъ! Говорятъ, Кербедзъ еще кадетомъ, еще въ институтѣ путей сообщенія, на школьной скамьѣ низшихъ классовъ, задумалъ постройку моста, и все чертилъ планы, такъ что товарищи признавали его за помѣшаннаго на этомъ пунктѣ.

Послѣ выпуска въ офицеры, Кербедзъ представилъ графу Клейнмихелю, тогдашнему главноуправляющему путями сообщенія, подробные планы, смѣты и детали задуманнаго моста. Клейнмихель довелъ объ этомъ до высочайшаго свѣдѣнія. Государь былъ пораженъ, когда ему доложили о проектѣ: онъ самъ былъ инженеръ и отчасти архитекторъ. Послѣдовало приказаніе учредить особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго инженеръ-генерала Дестрема, для рассмотрѣнія проекта Кербедза. Въ городѣ многіе инженеры и архи-

текторы, слышавъ объ этой затѣѣ, недобѣрчиво пожимали плечами и саркастически улыбались.

Однако, проектъ Кербедза всѣмъ синедріономъ былъ признанъ удобоисполнимымъ, остроумнымъ, гениальнымъ, и молодому поручику поручено было его исполненіе. Расходы опредѣлены въ восемь съ половиною милліоновъ рублей ассигнаціями. Половину суммы бывшій министръ финансовъ графъ Канкринъ отпустилъ кредитомъ изъ государственнаго казначейства; другая половина должна была пополняться изъ $\frac{1}{4}\%$ прибавки къ таможенному сбору со всѣхъ заграничныхъ товаровъ, привозимыхъ къ петербургскому порту.

Мостъ строился подъ неусыпнымъ наблюденіемъ самого государя: почти дня не проходило, чтобъ его величество не побывалъ на работахъ. По мѣрѣ того какъ подвигалась постройка моста, Кербедзъ получалъ чины, одинъ за другимъ, и дошелъ до полковника, а при торжественномъ освѣщеніи и открытіи моста, императоръ, пройдя пѣшкомъ съ адмиралтейской стороны до Васильевского острова, поздравилъ счастливаго строителя генераломъ. Николай Павловичъ назвалъ мостъ Благовѣщенскимъ¹⁾, по имени ближайшей церкви конно-гвардейскаго полка, былъ очень доволенъ этимъ замѣчательнымъ памятникомъ его царствованія и разцѣловалъ графа Клейнмихеля на самомъ мосту. Въ память его сооруженія была выбита медаль, гравированная Клепиковымъ.

На другой день торжества, въ фельетонѣ „Сѣверной Пчелы“ помѣщено было на открытіе моста коротенькое стихотвореніе съ подписью: Рафаиль Зотовъ. Изъ него остались у меня въ памяти только два послѣдніе стиха:

„Царь Николай—нашъ повелитель,
А графъ Клейнмихель—исполнитель!“

Надобно знать, что въ то время акуратное чтеніе „Сѣверной Пчелы“ было почти обязательно для каждаго, особенно сановникамъ и разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, такъ какъ самъ государь постоянно, каждое утро, читалъ газету и при встрѣчѣ могъ спросить: „читалъ ты сегодня въ „Пчелѣ“?..“

Клейнмихель, увидѣвъ мадригалъ, направленный по его адресу, немедленно распорядился: узнать въ редакціи, кто таковъ Зотовъ, гдѣ имѣетъ жительство, и затѣмъ представить неукоснительно онаго Зотова предъ свѣтлыя его очи.

Приказано—сдѣлано. У него одно за другимъ слѣдовало всегда какъ день за ночью.

Зотовъ явился на слѣдующее же утро въ бывшій дворецъ герцога Виртембергскаго, занимаемый Клейнмихелемъ, у Обухова моста, гдѣ въ пріемной уже толпилась цѣлая толпа генераловъ и всякаго чиновнаго люда, въ мундирахъ, звѣздахъ, лентахъ и крестахъ, пере-

¹⁾ По кончинѣ государя онъ получалъ названіе Николаевскаго.

говаривавшихся между собою почтительнымъ шепотомъ и посматривавшихъ со страхомъ и трепетомъ на двери графскаго кабинета.

Къ Рафаилу Михайловичу подошелъ дежурный чиновникъ и едва успѣлъ освѣдомиться, что вновь прибывшій—Рафаилъ Зотовъ, какъ немедленно же отправился доложить, а вернувшись, тотчасъ ввелъ его въ кабинетъ графа, помимо генераловъ, звѣздо-и ленто-носцевъ.

Когда авторъ стиховъ на открытіе Благовѣщенскаго моста, не безъ внутренняго волненія, вступилъ въ святилище, изъ котораго летѣли перуны и разсыпались великія и богатыя милости „отъ гланныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды“, грозный властитель сидѣлъ въ креслахъ передъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ грудами бумагъ.

Одна легенда утверждаетъ, что между разнородными бумагами былъ и тотъ инженерный проектъ, на поляхъ котораго грозный властитель своимъ крайне-неразборчивымъ почеркомъ начерталъ: „Впредь не представлять мнѣ вычисленій въ непонятныхъ десятичныхъ дробяхъ“.

При входѣ Зотова, путейскій юпитеръ поднялъ голову съ олимпійскимъ величіемъ и, измѣривъ быстрымъ взглядомъ смертнаго съ ногъ до головы, сказалъ отрывисто:

— Вы Рафаилъ Зотовъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство, былъ отвѣтъ.

— Вашего сочиненія эти стихи?

Тутъ онъ ткнулъ пальцемъ въ лежавшій на столѣ листъ „Пчелы“.

— Моего, графъ, отвѣчалъ Зотовъ, скромно наклонивъ голову и опустивъ очи долу.

— Служите? или въ отставкѣ?

— Въ отставкѣ...

— Хотите у меня служить?

— Почту за великое счастье...

— Съ нынѣшняго дня вы назначены членомъ совѣта путей сообщенія, съ жалованьемъ по тысячѣ двѣсти руб. въ годъ... Довольны?

— Не знаю, какъ выразить... Слово не нахожу...

— Хорошо, можете идти!

При этомъ властитель сдѣлалъ повелительное движеніе рукою.

Зотовъ отвѣсилъ болѣе чѣмъ краснорѣчивый, глубокой поклонъ и вышелъ изъ кабинета громовержца, ногъ подъ собою не чуя. Ему, понятно, казалось все происшедшее какимъ-то волшебнымъ сномъ...

Два стихика—эка сила!

Зотовъ дослужился до пенсіи и умеръ, лѣтъ пять назадъ, въ преклонныхъ лѣтахъ.

П. Юркевичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

НА КРАЙНЕМЪ востокѣ Россіи, противъ устья рѣки Амура, прикрывая на тысячеверстномъ протяженіи приморскій берегъ Сибири, лежитъ неизслѣдованный малоизвѣстный островъ Сахалинъ, только съ 1875 года сдѣлавшійся безспорной принадлежностью русскаго царства. До этого года онъ находился въ общинномъ владѣніи русскихъ съ японцами. Собственно говоря, онъ не принадлежалъ ни тѣмъ, ни другимъ, а скорѣе гилеямъ и орочонамъ, населяющимъ его среднюю и южную части; сѣверная же часть не представляла ничего заманчиваго даже такимъ невзыскательнымъ народамъ, какъ вышеназванные обитатели его, и потому всегда оставалась незаселенною.

Положительныхъ правъ на владѣніе Сахалиномъ не могли предъ-явить ни Японія, ни Россія. Всѣ права первой изъ нихъ заключа-лись въ томъ, что предприимчивые промышленники острова Матсмая ежегодно переплывали проливъ Лаперуза и являлись въ извѣстное время на южный берегъ острова для ловли сельдей. Рыба эта пока-зывалась въ заливѣ въ такомъ невѣроятномъ количествѣ, что съѣтъ, захватывавшая ихъ, занимала въ морѣ окружность въ три версты и прирѣпленная къ берегу, образовывала родъ мѣшка, откуда посте-ленно вычерпывали сельдей. Затѣмъ, тутъ же на берегу изъ нихъ вытаскивали въ котлахъ жиръ, а самое мясо подвергали прессованію и въ видѣ кубовъ отправляли въ Японію на удобреніе полей.

Иногда на берегу Сахалина появлялись въ незначительномъ чи-слѣ китайцы; но они довольствовались собираніемъ морской капусты, морскихъ червей-трепанговъ, составляющихъ лакомое блюдо въ Ки-таѣ, да еще корня жень-чень, обладающаго возбуждательнымъ свой-ствомъ, за что и цѣнился ими на вѣсь золота.

Права русскихъ не были такъ ясны; но они могли сослаться на болѣе важныя причины политическаго свойства, заставлявшія ихъ искать обладанія этимъ островомъ. И дѣйствительно, обладатель его могъ бы задушить жизнь востока Сибири и изъ Татарскаго пролива сдѣлать вторые Дарданелы.

До половины нынѣшняго столѣтія мало кто обращалъ вниманіе на островъ, затерянный на дальнемъ востокѣ; географы предполагали даже, что этотъ островъ соединенъ на сѣверѣ съ твердою землею перешейкомъ; только послѣ пріобрѣтенія Россіей всего теченія Амура, русскіе моряки позаботились выяснитъ существованіе Татарскаго пролива, дѣлая промѣры фарватера. Много этому дѣлу оказалъ услугу капитанъ Невельской, а позже лейтенантъ Старицкій. Во время Восточной войны Татарскій проливъ и заливъ де-Кастри были очень полезны русскому флоту и совершавшемуся въ то время перенесенію порта изъ Петронавловска въ Николаевскъ.

Послѣ войны русское правительство начало сознавать значеніе Сахалина; но особеннаго вниманія заслуживалъ каменный уголь превосходнаго качества, пластами вырисовывающійся на утесистыхъ обрывахъ острова. Пласты эти различной толщины черными полосами отбѣгаютъ западный берегъ, обращенный къ проливу. Особенно замѣчательны они близъ поста Дуэ, противъ залива де-Кастри, и двѣсти верстъ южнѣе, на берегу носящемъ названіе Сортуная. Проходи проливомъ, пароходы начали посылать на берегъ команды для сколки дароваго топлива; и уголь этотъ, несмотря на хрупкость, оказался гораздо высшаго достоинства, сравнительно съ тѣмъ, который суда могли пріобрѣтать въ Японіи и даже въ Шанхаѣ.

Въ 1859 году, составлялось предположеніе устроить постоянное сообщеніе между Санъ-Франциско и Николаевскомъ на Амурѣ съ тою цѣлью, чтобы доставлять изъ Америки въ восточную Сибирь муку, а обратнымъ грузомъ долженъ былъ служить сахалинскій уголь. Присутствіе хорошаго угля на Сахалинѣ было особенно оцѣнено практическими американцами. Одинъ изъ представителей крупной торговой фирмы въ Шанхаѣ, Олифантъ и комп., вошелъ съ просьбой къ генералъ-губернатору восточной Сибири, М. С. Корсакову, о разрѣшеніи разрабатывать на Сортунаѣ каменный уголь и доставлять его въ китайскіе порты, которые до того времени получали уголь кругосвѣтнымъ путемъ изъ Англій, и понятно, что цѣна его была непомерно высока.

Выгодность предложенія Олифанта была очевидна и ему разрѣшено было русскимъ правительствомъ занять вдоль берега пятьсотъ сажень, а всего до квадратной версты пространства. Это былъ чуть ли не первый свободный колонистъ Сахалина; онъ повелъ дѣло основательно, не жалѣлъ денегъ, началъ правильную разработку пластовъ штольнями, завелъ буксирный пароходъ и баржи, устроилъ на берегу склады угля и магазины съ товарами и на шанхайскомъ

рынкѣ началъ появляться въ небольшомъ количествѣ сахалинскій уголь, а въ биржевомъ листѣ Шанхая отмѣчаться цѣны его.

Предпріимчивые янки разомъ поняли, какой неизсякаемый источникъ богатства представляетъ уголь Сахалина, съ которымъ по достоинству и цѣнѣ не могло конкурировать никакое топливо по всему западному побережью Тихаго океана. До сорока просьбъ поступило къ генералъ-губернатору отъ разныхъ лицъ объ отводѣ угольныхъ участковъ, и два американца—Краули и Эше успѣли заручиться разрѣшеніями. Но этотъ наплывъ просьбъ испугалъ администрацію; она увидѣла въ этомъ стремленіи иноземцевъ на Сахалинъ опасность мирнаго завоеванія острова. Раздача иностранцамъ участковъ была воспрещена и ими стали награждать русскихъ; такіе участки получили Якимовъ, Старицкій и Бауровъ. Но вскорѣ весь этотъ вопросъ запутался въ административномъ лабиринтѣ; никто не могъ указать системы, которой слѣдовало держаться въ этомъ дѣлѣ; а потому выбрали лучшей способъ рѣшенія, именно—затормозили весь вопросъ; иностранцамъ же, начавшимъ разработку, стали дѣлать затрудненія въ вывозѣ угля, въ наймѣ рабочихъ, и этимъ совершенно парализовали ихъ дѣятельность.

Впрочемъ, указанные американцами выгоды дѣла не прошли безслѣдно и русское правительство начало дѣлать распоряженія, чтобы извлечь пользу изъ случайно оторывшагося источника богатствъ. Стали изыскивать способы для привлеченія рабочихъ рукъ, такъ какъ инородцы, которые были хорошими звѣроловами и охотниками, вовсе не годились къ осѣдлому труду, и особенно такому тяжелому, какъ выработка угля въ рудникахъ. Самый подходящій народъ были бы китайскіе манзы—работники выносливые, невзыскательные и дешевые; но это былъ бы иностранный элементъ, и элементъ опасный: наплывъ китайцевъ превратилъ бы въ короткое время Сахалинъ въ колонію Небесной имперіи, а его непремѣнно требовалось сохранить для Россіи.

Поэтому пришли къ заключенію о необходимости колонизовать островъ русскимъ населеніемъ, прибѣгнувъ для этого къ двумъ способамъ: насильственному и добровольному.

Около этого же времени возникъ вопросъ объ отмѣнѣ ссыльно-каторжныхъ работъ на сибирскихъ рудникахъ, и рѣшено было сдѣлать опытъ примѣненія этого труда на Сахалинѣ, для чего и было отправлено къ Дуэ до трехсотъ человѣкъ ссыльныхъ. Островъ вполне отбѣгалъ требованіямъ мѣста ссылки—побѣги, столь частыя изъ сибирскихъ остроговъ, дѣлались тутъ почти невозможными. Для изученія вопроса объ устройствѣ каторжныхъ тюремъ была въ 1873 году отправлена на Сахалинъ цѣлая коммиссія подъ руководствомъ г. Владова, специалиста по этой части.

Въ этой же коммиссіи находился такъ-называемый агрономъ Мицудъ для опредѣленія возможности устройства земледѣльческихъ ко-

лоній. Цѣлый годъ изучали они на мѣстѣ условія и выработали опредѣленный планъ. Они убѣдились, что побѣги съ острова могли бы случаться лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ—на китоловныхъ судахъ, случайно заходящихъ въ тѣ мѣста; для бѣглецовъ не находилось нигдѣ селеній, куда бы имъ было возможно на время скрыться. Не встрѣчая нигдѣ поддержки и пищи, они, пробывъ нѣсколько сутокъ въ лѣсахъ, возвращались въ свою тюрьму; инородцы смотрѣли на этихъ людей подозрительно, послѣ нѣсколькихъ случаевъ насилія со стороны каторжныхъ. Гиляки приняли за правило пускать имъ, какъ звѣрю, пулю или стрѣлу въ голову, чтобы при случаѣ воспользоваться одеждой. Только зимою между мысами Лазарева и Погоби, отдѣленными шириною пятиверстнаго пролива, возможно было сообщеніе съ Сибирью по льду.

Агрономъ съ своей стороны опредѣлялъ, что средняя и южная части острова вполне годны для устройства земледѣльческихъ колоній. Это же подтверждали опыты добровольнаго заселенія острова: нѣсколько десятковъ семействъ, соблазненныхъ обѣщанными льготами, изъ внутреннихъ губерній Россіи отправились на Сахалинъ. Первоначально, покидая родину, они стремились на Амуръ, о которомъ тогда ходили самыя заманчивыя слухи; но устройство поселеній по Амуру во многихъ мѣстахъ оказалось плачевнымъ и горемыки рѣшились принять предложенныя правительствомъ земли на Сахалинѣ.

Опыты примѣненія вольнаго труда вначалѣ были несовсѣмъ удачны; никто не могъ указать поселенцамъ тѣхъ мѣстъ, которыя болѣе всего удовлетворяли бы ихъ требованіямъ. Русскій крестьянинъ не имѣетъ ни тѣхъ свѣдѣній, ни тѣхъ пріемовъ земледѣлія, которыми обладаетъ западно-европейскій колонистъ; первобытныя орудія труда и трехпольная система хлѣбопашества—вотъ все, что могъ онъ принести на мѣсто новаго жительства. Отдѣленный отъ русскаго міра морями, или четырнадцатью тысячами верстъ сухопутья, онъ могъ единственно рассчитывать на обѣщанныя правительствомъ пособія. Но тутъ-то и начала сказываться вся неряшливость и неумѣлость чиновничества. Суецкій каналъ былъ открытъ и сообщенія Россіи съ крайнимъ Востокомъ значительно сократились; этимъ путемъ посланы были поселенцамъ обѣщанныя орудія земледѣлія и сѣмена; но присланныя сохи были отправлены безъ сошниковъ, а сѣмена ржи яровой были перемѣшаны съ озимой. Подобныя промахи тормозили устройство поселеній, тѣмъ болѣе что самая вѣсть объ ошибкахъ доходила лишь чрезъ полгода, и конечно не сама канцелярія, надѣлавшая промахи, успѣшила бы указать на нихъ.

Мало-по-малу, однако, колоніи эти устроились съ помощью русской выносливости и терпѣнія и доказали возможность привить земледѣліе, но конечно первые опыты не поощрили добровольнаго переселенія на островъ.

Замѣчательнѣе всего, что всѣ эти эксперименты работъ и засе-

ленія производились на мѣстности, которая не принадлежала еще Россіи. Казалось, что мы нашли брошенный природой на Охотскомъ морѣ островъ, взглянули на него, и съ той поры онъ уже составлялъ нашу собственность. Въ этомъ убѣждало насъ то, что онъ окаймленъ съ моря грядою принадлежащихъ намъ Курильскихъ острововъ, и какъ бы включенъ въ русское море. Американцы, получившіе уступку нашихъ американскихъ владѣній, еще не простирали своихъ претензій на этотъ завидный уголокъ, да и первыя попытки ихъ колонизовать Сахалинъ были прекращены. Что же касается до жившихъ на югѣ острова безбородыхъ ороchonъ или обитателей средней части, звѣролововъ-гиляковъ, то русское правительство не сочло нужнымъ спрашивать ихъ о желаніи присоединиться къ Россіи.

Серьезныя затрудненія явились со стороны японцевъ, хотя къ счастью, благодаря мягкому образу дѣйствій ихъ, эти затрудненія имѣли скорѣе комичный, чѣмъ враждебный характеръ. Пока русскіе кулаки-купцы, объѣзжая юрты гиляковъ, скупали у нихъ соболей за табакъ и бузу, японцы эксплуатировали ороchonъ, добывая трудами ихъ морскую соль и рыбу. Каждый народъ имѣлъ свой районъ и столкновеній не происходило; японцы на сѣверъ не подавались.

Но вотъ русскіе начали постепенно спускаться къ югу и натолкнулись на японскіе промыслы. Этими промыслами питалось даже все племя ороchonъ, не жагуясь на эксплуататоровъ, которые доставляли имъ изъ Японіи всѣ необходимые предметы. На берегу острова у японцевъ стояли солеварни и бараки, охраняемые въ зимнее время мѣстными жителями.

Такъ какъ русскія власти убѣдились, что японцы на островѣ не живутъ, а прѣзжаютъ лишь на лѣто, то приняли рѣшительную мѣру занять весь островъ фактически; и, чтобы подтвердить осязательнымъ образомъ свои претензіи, врыли въ землю столбы, на которыхъ развѣвался русскій флагъ. Но чрезъ нѣсколько дней и на японскихъ строеніяхъ появился ихъ національный флагъ. Не придавая значенія этому поступку, русскіе распорядились на всѣхъ пунктахъ берега, гдѣ только оказались признаки каменнаго угля, вырыть ямы, какъ бы въ доказательство начатыхъ работъ, и у cadaго пункта поставить по флагу. Немедленно рядомъ съ русскими ямами появлялись ямы и флаги японцевъ. Манифестация принимала видъ шутки, и японцы насмѣшливо отзывались о способахъ русскихъ доказывать свои права на владѣніе.

Русскіе моряки, хозяйничавшіе на Сахалинѣ, шутить не любили, и потому послана была команда уничтожить всѣ эти японскіе знаки; а ретивый офицеръ, начальствовавшій ею, даже сжегъ бараки, рассчитывая уничтожить такимъ образомъ всѣ слѣды японскаго владѣчества. Шутка выходила изъ границъ и становилась серьезнымъ дѣломъ. Японцы заявили, что они со своей стороны не станутъ въ видѣ репрессалій пріобрѣтать къ поступкамъ недостойнымъ цивили-

зованнаго народа; но что во всякомъ случаѣ, срывая японскій флагъ, русскіе оскорбляютъ націю; а потому, не доводя дѣло до открытой вражды, которая можетъ быть одинаково тяжела для обоихъ сосѣднихъ народовъ, они предлагаютъ рѣшить вопросъ общиннаго владѣнія посредствомъ размежеванія.

Высказанные японцами взгляды были убѣдительны, и потому приступлено было къ дипломатическимъ переговорамъ. Однако, причины, заставлявшія русскихъ желать обладанія островомъ, теряли свое значеніе, если бы одна часть отведена была во владѣніе Японіи, которая конечно не замедлила бы допустить на нее американцевъ, которыхъ русскіе особенно избѣгали за ихъ меркантильную предприимчивость и склонность рѣзко рѣшать спорные вопросы. Одно время подумавали было покончить споръ оружіемъ; но, несмотря на кажущуюся силу Россіи, дѣло могло окончиться неблагопріятно, такъ какъ силы наши были далеки, а Японія, ближайшая къ острову сосѣдка, вступила въ періодъ развитія; и къ тому же въ распрю могли вмѣшаться непрошенныя посредники. Наконецъ, даже въ случаѣ успѣха мы приобрѣли бы ненависть тридцатимилліоннаго народа, а потому рѣшено было уступить Японіи, взамѣнъ ея спорныхъ правъ на Сахалинъ, граду Курильскихъ острововъ, которая со времени упраздненія російско-американской компаніи оставалась не эксплуатированною.

Въ августѣ 1875 года, островъ Сахалинъ по международному договору окончательно вошелъ въ составъ Россійской имперіи.

Островъ Сахалинъ, имѣющій форму стерляди, у которой хвостъ обращенъ къ югу, пространствомъ своимъ равняется Баварскому королевству, и несмотря на то, что сѣверная оконечность его находится на широтѣ Рязани, а южная отвѣчаетъ Крыму, отличается суровымъ климатомъ. Только средняя и южная части его могутъ быть обитаемыми. Считая девятьсотъ верстъ протяженія, островъ имѣетъ въ ширину отъ двадцати пяти до ста верстъ. По срединѣ всего острова тянется горный хребетъ, развѣтвляющійся на югъ; хребетъ этотъ разъединяетъ островъ на двѣ части: западную и восточную. Болѣе изслѣдованная западная часть пользуется климатомъ сравнительно умѣреннымъ, чему содѣйствуютъ туманы, сильно затрудняющіе плаваніе по Татарскому проливу, и горный хребетъ, закрывающій эту часть отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Западная часть, особенно богатая каменноугольными пластами, отличается на всемъ девятисотъ-верстномъ протяженіи отсутствіемъ гаваней и заливовъ. Дно у береговъ каменистое, не поддающееся льору, и потому немало затрудняетъ стоянку судовъ на рейдѣ. Мѣстами у берега есть каменные гряды и края, на основаніи которыхъ можно бы устроить молы и пристани; но это требуетъ много затратъ и составляетъ вопросъ будущаго. До настоящаго же времени суда, приходившія брать сахалинскій уголь, подвергаются при западномъ вѣтрѣ

серьезной опасности быть выброшенными на берегъ и потому пароходы должны всегда быть въ готовности на парахъ отойти отъ негостеприимнаго берега. Извѣстны многіе случаи гибели судовъ у Сахалина и, кажется, первую жертвой былъ клиперъ подъ командой капитана Пещурова, нынѣ занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ морскомъ министерствѣ. Погрузка угля производится съ баржъ, такъ какъ морскія суда не могутъ подходить къ берегу ближе полуверстнаго разстоянія.

Въ это время отъ одного лица, занимавшагося въ прежніе года перевозкой моремъ грузовъ изъ Европы на Амуръ, сдѣлано было правительству предложеніе принять отъ казны Дуйскія угольныя копи въ аренду, съ тѣмъ чтобы рабочую силу поставляли каторжнне. Это предложеніе отвѣчало вполнѣ намѣреніямъ правительства. Во-первыхъ: оно давало возможность направить на Сахалинъ большее число людей, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ, которые однако оставались въ тюрьмахъ европейской Россіи за невозможностью прискаты имъ работы и помѣщенія въ Сибиря, вслѣдствіе чего судебныя приговоры оставались безъ исполненія. Во-вторыхъ: силы этихъ людей получали примѣненіе и вмѣстѣ съ тѣмъ работа окупала ихъ содержаніе. Кромѣ того, этимъ достигалось сбереженіе по устройству тюремъ, стражи и этаповъ, такъ какъ сосредоточеніе опасныхъ людей на Сахалинѣ, по самой природѣ своей составляющемъ естественную тюрьму, значительно сокращало расходы надзора за ними. Въ-третьихъ: достигалась этимъ способомъ колонизація русскимъ элементомъ передоваго поста Россіи на востокѣ, а добыча угля обезпечивала возможность содержанія въ Тихомъ океанѣ пароваго флота, безъ затратъ на покупку топлива въ Шанхаѣ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, выработаны были условія, по которымъ составителю проекта давалась возможность имѣть до двухъ тысячъ человекъ рабочихъ. Наемъ частныхъ людей изъ иностранцевъ былъ обставленъ ограничительными условіями и съ предпринимателемъ заключенъ былъ контрактъ на двадцати-четырехъ-лѣтній срокъ на разработку Дуйскихъ угольныхъ копей и на поставку угля русскому флоту.

Планъ, задуманный русскимъ предпринимателемъ, былъ обширенъ: онъ хотѣлъ совершенно отстранить на Сахалинѣ иностранную эксплоатацію, русскимъ топливомъ намѣревался замѣнить англійскій и японскій угли на всѣхъ приморскихъ рынкахъ Китая и рассчитывалъ даже чайную торговлю съ Россіей направить морскимъ путемъ вдоль Сахалина на Амуръ, вмѣсто существующаго способа странствованія каравановъ по степямъ Гоби на Кяхту.

Для осуществленія такого плана было составлено акціонерное общество подъ фирмою „Сахалинъ“, но послѣдовавшее воспрещеніе министерства финансовъ совершить заграничный заемъ, а вслѣдъ затѣмъ и разныя другія стѣсненія и неблагопріятныя обстоятельства

съ самаго же начала нанесли смертельный ударъ новому обществу и парализовали его дѣятельность.

Между тѣмъ, правительственная колонизація шла своимъ чередомъ; у поста Дуэ образовалось цѣлое Александровское селеніе изъ числа отбывшихъ свои сроки каторжныхъ и, кромѣ того, свободные поселенцы заняли на островѣ нѣсколько пунетовъ, переставъ чуждаться его. Трудъ каторжныхъ былъ обращенъ на устройство дорогъ вдоль берега, на постройку пристани и подготовку мола, не говоря о каменноугольныхъ работахъ. Часть каторжныхъ была отдѣлена на югъ въ Корсаковскому посту, гдѣ, благодаря климатическимъ условіямъ, жизнь представляетъ болѣе удобствъ. Въ этой мѣстности сосредоточивается администрація и военная сила. Семейства офицеровъ и чиновниковъ постарались придать поселенію подобіе европейскаго городка; дамы составили филантропическое общество, принявшее на себя попеченіе о дѣтяхъ ссыльныхъ, устроили школы и энергіей своей дѣятельности положили основаніе русской гражданственности.

Въ послѣднее время появились извѣстія о нахожденіи на островѣ золота; но жаль будетъ, если этотъ развращающій металлъ обратитъ на себя зарождающуюся дѣятельность общества. Не поиски за золотомъ, а разработка желѣза, съ широкимъ развитіемъ угольнаго производства, должны бы служить къ благоденствію этого отдаленнаго края. Желательно, чтобы обращено было вниманіе предприимчивыхъ людей на богатство рыбныхъ промысловъ, которые, снабжая край, могли бы производить отпускъ этого товара въ широкихъ размѣрахъ въ Японію, продовольствующую рыбой, и въ Шанхай, такъ щедро оплачивающій всё доставляемое туда продукты.

Сахалинъ до сего дня ждетъ изслѣдователей ¹⁾. Его восточная сторона и сѣверная часть, его озера, заливы и рѣка Тымъ почти неизвѣстны. Надо надѣяться, что съ увеличеніемъ народонаселенія они обратятъ на себя вниманіе жителей, которые, свыкнувшись съ моремъ, любятъ его.

Изложивъ вератцѣ и безъ того краткую исторію Сахалина, или, лучше сказать, его прошлое, позволю себѣ коснуться его будущности. Не подлежитъ сомнѣнію, что всё старанія правительства направлены на то, чтобы это будущее отвѣчало его планамъ и служило на благо Россіи. Разберемъ сначала, въ чемъ заключаются эти планы?

Уступая американцамъ наши сѣверо-американскія владѣнія по ту сторону Берингова пролива, правительство видимо желало заблаговременно сдѣлать добровольное почетное отступленіе и удалить всякій поводъ къ какому бы то ни было столкновенію съ Сѣверо-Американ-

¹⁾ Императорское Географическое Общество послало еще въ прошломъ году для изслѣдованія Сахалина ученую экспедицію подъ руководствомъ г. Полякова, но результаты дѣятельности этой экспедиціи пока еще не обнаружены.

скими Штатами, поставивъ между двумя могущественными народами океанъ. Но, поступая такимъ образомъ и какъ бы сосредоточиваясь, Россія должна была намѣтить пунктъ, который бы служилъ гранью, дагѣ которой иностранцы не должны простирать свои стремленія. Для отстраненія всякаго иноземнаго вмѣшательства, Россія купила спокойствіе со стороны Японіи передачей ей Курильскихъ острововъ; этою цѣною отстояли исключительное право на Сахалинъ; слѣдовательно, этотъ островъ въ глазахъ правительства представляетъ именно крайнюю грань или оплотъ русской національности.

Участки русской земли не могутъ быть предметомъ международной торговли; поэтому никто не допуститъ мысли, чтобы русско-американскія колоніи были проданы за тѣ миллионы рублей, которые американцы внесли въ русское казначейство; деньги тутъ не причемъ и Россія, отказавшись отъ бесполезной для нея земли, купила на продолжительное время дружбу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Дѣйствительно, если Франція послѣ унижительной и разорительной войны признала для себя полезнымъ отказаться отъ Лотарингіи и Эльзаса, то почему Россія не могла придти къ такому же заключенію безъ принужденія, на основаніи здраваго смысла, не жертвуя ни своимъ достоинствомъ, ни кровью своихъ дѣтей; почти такъ же поступила Англія, отказавшись отъ Ионическихъ острововъ.

Я считаю поэтому добровольный отказъ отъ этихъ дальнихъ владѣній однимъ изъ благоразумнѣйшихъ актовъ прошлаго царствованія. Но подобныя жертвы могутъ быть приняты лишь по зрѣломъ обсужденіи всѣхъ причинъ и послѣдствій. За нихъ правители несутъ отвѣтственность предъ отечествомъ и потомствомъ; поэтому задуманные планы должны быть преслѣдуемы съ неизмѣнной послѣдовательностью, независимо отъ отставки министра или даже перемѣны царствованія. Сахалинъ долженъ быть колонизированъ и ему слѣдуетъ сдѣлаться чисто русскою землею, съ ея вѣрованіями, обычаями и языкомъ.

Полное обрусѣніе острова тѣмъ необходимѣе, что онъ какъ бы врѣзался въ совершенно чуждый міръ, міръ глубокой Азіи: Китая, Японіи и Кореи,—странъ проснувшихся, или которыя европейцы силятся разбудить отъ вѣковаго сна. Вся политика Европы обращена на Востокъ; каждое изъ ея государствъ силится заявить ему о своемъ могуществѣ и вліяніи и въ доказательство того захватываетъ клочки земли, сажаетъ въ порты консуловъ и высылаетъ флоты. Для Россіи это составляетъ какъ бы нападѣ съ тыла,—ее обошли, и она должна имѣть возможность съ этого фронта представить надежную защиту. Она необходима еще и потому, что хотя сила уважается повсюду, но нигдѣ она не играетъ такого значенія, какъ передъ народами Азіи. Предъ ними это единственно дѣйствительный аргументъ, и потому, чтобы не быть задавленнымъ напли-

вомъ монгольскаго племени, нужно быть вильнымъ. Въ этомъ отношеніи появленіе нашего флота въ китайскихъ водахъ подтвердило еще разъ эту аксіому.

Если по своимъ коммерческимъ соображеніямъ Европа устремляетъ свои помыслы къ многолюдной Азій, то Россія, въ видахъ самоохраненія, должна быть болѣе другихъ внимательна къ совершающимся тамъ событіямъ. Востокъ просыпается, и если считаютъ полезнымъ повсюду имѣть друзей, то лучшимъ для насъ тамъ союзникомъ можетъ быть Японія; надо только такъ устроить дѣла, чтобы она въ одной Россіи искала поддержки. Если загорится война между Китаемъ и Японіей, то Россія обязана будетъ въ этой борьбѣ сказать свое слово и поддержитъ его осязательно, иначе могутъ произойти перемѣны, которыя значительно поколеблютъ положеніе нашего отечества на Востокаѣ.

Колонизаторскія стремленія Америки, Англіи, Германіи и Франціи служатъ выраженіемъ избытка населенія. Этотъ избытокъ самъ по себѣ уже представляетъ силу, которая ищетъ для себя почвы; но объ Россіи сказать этого нельзя; она, напротивъ, страдаетъ малокровіемъ. За исключеніемъ запада, всѣ ея окраины пусты; повсюду границы ея могутъ быть нарушены; всякая случайность можетъ лишить ее участка земли; она даже не въ силахъ будетъ защититься отъ наплыва мирнаго китайскаго населенія, если только Небесная имперія выразитъ намѣреніе направить на сѣверъ колонизацію, которая теперь стремится за океанъ.

Въ виду всѣхъ этихъ опасностей, Россія принуждена выдѣлять отъ себя не избытокъ населенія, но плоть отъ плоти своей, чтобы вѣрить ей на Востокаѣ охрану своихъ интересовъ. Она должна посылать туда не одно отрѣбье общества, но населеніе здоровое тѣломъ и духомъ. Удаляя больныхъ членовъ своей семьи отъ мѣстъ, гдѣ они родились, слѣдуетъ позаботиться объ ихъ излеченіи нравственнымъ, чтобы и они сплотились съ населеніемъ, потому что Россія надо дорожить каждымъ изъ своихъ сыновей. Тѣ дѣти русскаго народа, которые желаютъ переселиться на окраину отечества, должны быть окружены попеченіемъ и пользоваться при водвореніи всевозможнымъ пособіемъ и льготами, для того чтобы они не считали себя изгнанными, пасынками Россіи; чтобы они чувствовали, что не оставляли русской почвы, а только перешли въ другую губернію; чтобы въ случаѣ столкновенія съ врагомъ они сознавали, что защищаютъ родную землю, а не захваченный край.

Конечно, Уссурійскій край, куда теперь преимущественно направляется пришлое населеніе, гораздо заманчивѣе Сахалина по своей благодарной почвѣ и природѣ; на эту мѣстность перенесены теперь всѣ заботы правительства по укрѣпленію портовъ; тамъ мы находимся ближе къ сплошному населенію Азій. Но выдвинувшись такимъ образомъ на югъ, мы вдвинули себя въ самый огонь будущей борьбѣ

три рѣшенія вопросовъ Востока. Мы разбудимъ этимъ китайцевъ, которые теперь, оглянувшись въ нашу сторону, строятъ пограничныя укрѣпленія, проводятъ дороги, усиливаютъ манджурскія войска и шлютъ къ границѣ поселенцевъ. Избыткомъ своего населенія они отсюда могутъ отгнать насъ на сѣверъ. Поэтому прочное устройство на островѣ, огражденномъ отъ всякаго нашествія, является логическою послѣдовательностью пріобрѣтенія его. Земледѣліе на Сахалинѣ можетъ служить какъ пособіе, но главная дѣятельность его народонаселенія должна быть обращена на горный промыселъ, на усиленное развитіе каменноугольнаго производства и, если возможно, желѣзнаго. Желательно также, чтобы его населеніе, находясь повсюду въ соприкосновеніи съ моремъ, освоилось съ нимъ, привязалось къ нему и дало бы намъ природныхъ моряковъ, въ которыхъ такъ нуждается Россія. Не проводя паралели между благословенными островами Великобританіи и островомъ Сахалиномъ, нельзя однако не напомнить, что именно флотъ и уголь составили главное могущество Англіи. Почему бы и намъ на этихъ двухъ факторахъ не устроить себѣ прочной охранительной силы?

Нашъ русскій Востокъ долженъ быть предоставленъ самому себѣ; онъ долженъ въ себѣ находить силу и защиту; ему нѣкогда ожидать присылки флота чрезъ будущій Панамскій каналъ, или арміи по сибирской желѣзной дорогѣ. Достаточно чтобы знали, что позади его вся Россія. Пусть онъ не остается младенцемъ на помочахъ; надо ему готовиться самому защищать свою мать.

Что же нужно дѣлать, чтобы выростить ребенка и превратить его въ здороваго человѣка съ трезвыми взглядами на жизнь? Дать ему побольше воздуха и свѣта; предоставить естественному развитію, не наслуя его природныхъ наклонностей; охранять отъ увлеченій и указать ему лучшую дорогу въ томъ направленіи, которое онъ избересть для жизни.

Этотъ же взглядъ долженъ быть примѣненъ къ населенію Сахалина: ему слѣдуетъ дать большій просторъ въ устройствѣ собственныхъ дѣлъ и свободу совѣсти; отстранить по возможности вмѣшательство администраціи въ его промышленныя предпріятія, не навязывая ему кабинетныхъ измышлений. Мѣстному правителю нужно намѣтить общій планъ управленія, не специализируя отдѣльныхъ случаевъ, и дать ему право широко примѣнять свою власть, власть „рѣшить, а не вязать“, для того, чтобы не приходилось за каждымъ вопросомъ обращаться въ далекую метрополию. Вообще, принципъ „опеки“ долженъ исчезнуть изъ правительственной программы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, надо воспретить иностранцамъ, а пожалуй и евреямъ, селиться въ тѣхъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока болѣе высокій уровень образованія населенія дастъ ему возможность не бояться эксплуатаціи.

Руководствуясь этими правилами, мы привлечемъ къ Сахалину добровольную русскую эмиграцію, въ средѣ которой будетъ много и

старовѣровъ, и интеллигенціи. Не чувствуя давленія бюрократіи и привыкнувъ рассчитывать исключительно на свои силы, этотъ русскій край скоро окрѣпнетъ настолько, что не будетъ представлять опасности быть оторваннымъ. Связанный съ Россіей родствомъ, онъ будетъ въ состояніи отстаивать свою независимость и русское національное достоинство.

Я. Вутковский.

ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРИЯ ПАРИЖСКОЙ КОМУНЫ 1871 ГОДА.

II.

Отчего Парижъ не возсталъ противъ коммуны.—Роль и значеніе центрального комитета.—Официальный журналъ коммуны.—Переписка съ главнымъ штабомъ нѣмецкой арміи.—Рабочія общества.—Республиканскій календарь и красное знамя.—Комисіи или министерства коммуны.—Тьеръ въ роли правителя Франціи.—Засѣданія національнаго собранія въ версальскомъ театрѣ.—Протестъ парижскихъ газетъ.—Бѣгство Жирардена въ Версаль.—Парижскіе меры въ національномъ собраніи.—Торжество провозглашенія коммуны.—Сраженіе 2-го апрѣля.—Бюлетени обѣихъ сторонъ.—Сраженіе 3-го апрѣля.—Густавъ Флурансъ, его жизнь и трагическая кончина.—Взятіе Шатильона.—Генераль Блюзере.—Декреты коммуны.—Террористскія мѣры.—Страсть къ галунамъ.—Отставка четырехъ членовъ національнаго собранія.—Генералы Бильо и Галфе.—Аресты въ Парижѣ.—Съѣденная рукопись.—Попытки примиренія.—Коммунистическія движенія во Франціи.—Роль Тьера въ 1871 году и его характеристика въ прошедшемъ.—Шаткость его убѣжденій и ретроградныя наклонности.—Властолюбіе и страсть командованія войсками.—Генераль Винуа.—Назначеніе Мак-Магона главнокомандующимъ версальскою арміею.—Маленькія причины, мѣшающія великимъ подвигамъ.—Монархическія тенденціи версальскаго собранія.

ПАРИЖЪ нерѣдко упрекали въ томъ, что при двух-миліонномъ населеніи онъ не протестовалъ противъ захвата власти горстью инсургентовъ и не произвелъ контр-революцію въ пользу законнаго правительства, а покорно подчинился всѣмъ предписаніямъ коммуны. Но, не говоря уже о томъ, что въ Парижѣ не было ни центра, ни учрежденія, въ которомъ энергическіе люди могли бы сойтись для переговоровъ о томъ, что должно предпринять, не надо забывать, что у коммуны, для исполненія ея предписаній, было подъ рукою болѣе 200.000 національной гвардіи, хорошо вооруженной и озлобленной противъ версальскаго правитель-

ства,—а противъ такой дисциплинированной силы, исполнявшей приказанія своихъ начальниковъ, что могли сдѣлать протесты отдѣльныхъ лицъ? Центральный комитетъ передалъ власть свою комунѣ, но продолжалъ существовать, руководилъ всѣми ея дѣйствіями и завѣдовалъ преимущественно военными дѣлами; такъ, онъ уничтожилъ военные суды, но потомъ вскорѣ возстановилъ ихъ, уничтожилъ конскрипцію, но вслѣдъ затѣмъ предписалъ родъ поголовнаго вооруженія народа. Въ официальномъ журналѣ комунъ комитетъ осыпалъ упреками тѣхъ, кто заключилъ миръ съ непріятелемъ, но въ то же время объявилъ, что твердо рѣшился соблюдать условія мира. Въ томъ же журналѣ комитетъ снималъ съ себя отвѣтственность въ убійствѣ генераловъ Леконта и Клемана Тома. Онъ сожалѣлъ объ этихъ убійствахъ, но въ то же время обвинялъ Леконта въ томъ, что тотъ четыре раза приказывалъ стрѣлять въ толпу, гдѣ были женщины и дѣти, а генерала Тома — въ томъ, что онъ снималъ планы монмартрскихъ барикадъ. А такъ какъ законы войны не допускаютъ ни шпіонства, ни убійства безоружныхъ, то казнь генераловъ была дѣломъ народнаго правосудія.

Много силы придало центральному комитету признаніе его прусскими военначальниками. Управляющій императорскою квартирою, командиръ 3-го армейскаго корпуса, генерал-маіоръ Шлоттеймъ, увѣдомлялъ изъ Компіена парижскаго коменданта, что „нѣмецкія войска, занимающія сѣверные и восточные форты Парижа, также какъ правый берегъ Сены, получили приказаніе сохранить дружеское и пассивное положеніе до тѣхъ поръ, пока событія въ Парижѣ не примуть по отношенію къ нѣмецкимъ арміямъ враждебнаго характера и удержатся въ формахъ, предписанныхъ мирными переговорами; если же событія примуть враждебный характеръ, то съ городомъ Парижемъ будетъ поступлено какъ съ врагомъ“. Этотъ документъ официальная газета комунъ напечатала огромными буквами, измѣнивъ въ немъ только „нейтральное“ положеніе пруссаковъ на „дружеское“, что, конечно, не одно и то же. Пашаль Бруссе, делегатъ центрального комитета, завѣдующій внѣшними дѣлами, поспѣшилъ отвѣчать прусскому генералу, что „революція въ Парижѣ, произведенная центральнымъ комитетомъ, имѣетъ существенно муниципальный характеръ и ни въ какомъ отношеніи не враждебна нѣмецкимъ арміямъ. Что же касается до переговоровъ о мирѣ, вотированныхъ бордоскимъ собраніемъ, комитетъ не входитъ въ ихъ оцѣнку“. Передалъ власть комунѣ, центральный комитетъ продолжалъ тайно внушать ей самыя крайнія рѣшенія до послѣдняго дня ея владычества. 26-го марта въ официальной газетѣ были помѣщены два документа международной асоціаціи рабочихъ и федеральнаго совѣта парижскихъ секцій. Изъ статей этихъ видно ясно, что рабочія общества нагнѣрены были завладѣть движеніемъ и направить его исключительно въ свою пользу, въ видахъ преобладанія рабочихъ классовъ надъ всѣми про-

чии. Устроившись въ ратушѣ, коммуна объявила благодарность отъ имени отечества національной гвардіи и центральному комитету. Коммуна попробовала вернуться къ республиканскому календарю, назначивъ свое первое засѣданіе 8-го жерминаля, но вскорѣ сама отказалась отъ этого счисленія. Въ то же время она отвергла трекцвѣтное знамя и приняла красное, подъ страннымъ предлогомъ, что и орфлама была также краснаго цвѣта. 31-го марта коммуна объявила, что нельзя быть въ одно время членомъ коммуны и депутатомъ версальскаго собранія, но что въ коммуны могутъ быть допущены и иностранцы. Она разрѣшила также жильцамъ не платить домовладѣльцамъ за квартиру съ октября 1870 года и запрещала исполнять какія либо приказанія, исходящія отъ версальскаго правительства. Всѣ эти мѣры сопровождались громкими и оскорбительными фразами противъ версальцевъ, „начавшихъ подлымъ образомъ душить за горло гражданъ, хотѣвшихъ обезчестить ихъ, навязавъ имъ короля“. Въ главѣ учрежденныхъ коммуною комисій: исполнительной, финансовой, военной, судебной, продовольственной, рабочей, общественной безопасности и внѣшнихъ сношеній стали лица никому неизвѣстныя и оказавшіяся гораздо ниже того положенія, въ которое они были поставлены обстоятельствами. Вообще, несчастье Франціи того времени заключалось въ томъ, что въ ней было очень мало сколько нибудь замѣчательныхъ лицъ между всѣми классами общества.

За періодомъ организациі коммуны слѣдовалъ періодъ ея дѣятельности. Соперничество двухъ правительствъ должно было рѣшиться борьбою между ними. Въ Версалѣ начали скоро готовиться къ нападенію на воставшій городъ. Тьеръ собиралъ вокругъ себя всякій день своихъ министровъ. Онъ составлялъ съ генераломъ Винуа планы для осады столицы, и былъ очень доволенъ тѣмъ, что на него палата возлагала надежду снова властвовать надъ Парижемъ. Онъ чувствовалъ, что управляетъ всѣмъ, а это было для него всего дороже: онъ управлялъ бы даже на вулканѣ. Дѣятельность его была изумительна, особенно въ такіа преклонныя лѣта. Работая съ самаго ранняго утра, онъ принималъ безпрестанно всѣхъ и говорилъ всегда больше тѣхъ, кто являлся сообщить ему какія либо извѣстія. Между министрами его было мало согласія: одни склонялись къ уступкамъ, другіе къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Парижа; къ послѣднимъ принадлежалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Пикаръ и сенскій префектъ Жюль Ферри, повторявшій, что если бы ему дали триста чело-вѣкъ, онъ не вышелъ бы 18-го марта изъ ратуши. Тьеръ отвѣчалъ ему на это, что лучшей и вполне удавшейся планъ въ подобномъ случаѣ выполненъ былъ въ 1848 году въ Вѣнѣ генераломъ Виндишгрецомъ: онъ оставилъ въ рукахъ инсургентовъ столицу Австріи, а потомъ, собравъ необходимыя силы, занялъ ее обратно. Но чтобы взять Парижъ, нужна была значительная армія, а на основаніи условій перемирія, Франція не могла имѣть болѣе 40.000 арміи. Надо-

было войти въ переговоры съ нѣмецкимъ главнымъ штабомъ объ увеличеніи этого числа до 80.000. Нѣмцы разрѣшили благосклонно прибавить даже еще 20.000. Такимъ образомъ, версальцы могли начать военныя дѣйствія съ арміею въ 100.000, составленною большею частью изъ плѣнниковъ Седана и Меца, вернувшихся изъ Германіи. Въ то же время всѣмъ свободнымъ войскамъ было предписано сосредоточиваться въ Версалѣ. Полки и дивизіи быстро формировались; но хотя всякій день увеличивалъ число войскъ, Тьеръ медлил начинать нападеніе еще болѣе и потому, что сначала было необходимо утвердить въ войскѣ дисциплину, ослабленную долгими плѣномъ и послѣдними печальными событіями. Тьеръ утверждалъ, что только быстрое оставленіе Парижа избавило войско отъ сопркосновенія съ народомъ и отъ искушенія побрататься съ инсургентами. Эту мысль Тьеръ развивалъ въ особенности посланникамъ иностранныхъ державъ, также переселившимся въ Версаль—лорду Лайонсу, князю Меттерниху, графу Мольтке, Окуневу и Нигрѣ. Представители всѣхъ другихъ державъ, даже Китая и Чили, также прибыли въ Версаль, оставивъ въ Парижѣ свои канцеляріи, съ которыми продолжали сношенія.

Въ палатѣ Тьеръ являлся очень рѣдко. Странный видъ представляли ея засѣданія въ великолѣпномъ придворномъ театрѣ, гдѣ исполнялись оперы Люлли и мнелогическіе балеты эпохи Людовика XIV. Бюро собранія находилось на сценѣ, гдѣ стояла декорация, изображавшая греческій портикъ. Президентъ сидѣлъ на мѣстѣ, занимаемомъ нѣкогда капельмейстеромъ; трибуна возвышалась недалеко отъ суфлерской будки. Депутаты сидѣли въ партерѣ и ложахъ перваго яруса, представляя такимъ образомъ зрителей, хотя, въ сущности, они были дѣйствующими лицами парламентской комедіи. Между темно-красными драпировками и золотыми украшеніями барьеровъ ложъ рѣзко выдѣлялись черные сюртуки и лисья головы, отражавшіеся въ зеркалахъ ложъ. О республикѣ толковали подъ королевскими гербами и бурбонскими лиліями. На этихъ 800 представителей народа, которые легко могли бы сдѣлаться конвентомъ, если бы у нихъ было сколько нибудь энергіи, Франція смотрѣла со страхомъ и опасеніемъ. Большая часть муниципій высказалась за версальское правительство и многія изъ нихъ прислали въ Версаль свои депутаціи, которымъ Тьеръ повторялъ безпрестанно, что онъ будетъ твердо поддерживать республиканскій образъ правленія. Парижская коммуна оказалась, такимъ образомъ, изолированной, хотя въ пользу ея были демонстраціи въ Лионѣ, Марсели, Парижѣ и другихъ большихъ городахъ. Она постоянно надѣялась и увѣряла другихъ, что провинціи поднимутся и пойдутъ на помощь къ Парижу. Это была напрасная надежда. Борьба между тѣмъ готова была вспыхнуть и бѣглецы изъ Парижа ежедневно приносили въ Версаль извѣстія, что коммуна готовится къ нападенію. Прежде всего извѣстіе это проникло въ литературу. 34

главныя парижскія газеты первыя протестовали противъ захвата власти комуну, что поставило ее во враждебныя отношенія къ журналистикѣ. Большая часть этихъ газетъ была монархическаго и реакціоннаго отбѣнка, но нѣкоторые изъ нихъ вздумали даже вступить въ полемику съ комуну. Главный изъ этихъ полемистовъ, Эмиль Жиранденъ, явился въ Версаль совершенно противъ своего желанія. Онъ получилъ наканунѣ записку отъ Вермореля, бывшаго сотрудника газеты „Пресса“, а теперь одного изъ министровъ комуну. Въ запискѣ говорилось, что если журналистъ не оставитъ тотчасъ же Парижъ, то будетъ арестованъ и запертъ въ Мазасъ. Это понудило, конечно, Жирандена тотчасъ бѣжать въ Версаль. Несмотря на подобныя факты, большинство національнаго собранія все еще надѣялось на возможность примиренія, и въ засѣданіи 23-го марта произошла странная и отчасти комическая сцена, до сихъ поръ еще оставшаяся неразъясненной: засѣданіе уже оканчивалось, когда на лѣвой сторонѣ депутатъ Арно изъ Арьежа потребовалъ, чтобы въ собраніе были допущены парижскіе меры. Прежде чѣмъ справиться о дѣли этого представленія, въ ложѣ авансены, близъ трибуны президента, открытой по приказанію квестора Базъ, появилась масса лицъ въ трехцвѣтныхъ шарфахъ. Они начали кланяться собранію; лѣвая сторона стала аплодировать; правая встрѣтила съ ропотомъ это появленіе. Президентъ Греви принялся звонить изъ всѣхъ силъ; меры начали улыбаться и дѣлать непонятныя жесты. Депутатъ Праксъ Пари вскричалъ: „Вотъ акредитованные посланники бунта!“. Нѣкоторые депутаты надѣли шляпы, другіе закричали: „Шляпы долой!“ Чтобы окончить эту комическую сцену, Греви закрылъ засѣданіе. Выходя изъ залы, ни депутаты, ни публика не понимали, зачѣмъ являлись эти меры въ палату. Арно изъ Арьежа говорилъ, что необходимо „соединиться сердцемъ съ Парижемъ; убѣдить его, что мы составляемъ съ нимъ одну національную и республиканскую душу!“ Пуская меру въ ложу, квесторъ Базъ припомнилъ, вѣроятно, что собранія первой революціи принимали не разъ депутаціи во время своихъ засѣданій. На этотъ разъ, однако, парижскимъ мерамъ удалось только показать свои шарфы въ версальскомъ собраніи.

Когда въ засѣданіе 29-го марта пришло извѣстіе о торжественномъ провозглашеніи комуну, національное собраніе пришло въ волненіе, видя, что на ряду съ нимъ возникло другое революціонное правительство. Это провозглашеніе совершилось въ Парижѣ съ большою торжественностью. Въ центрѣ главнаго фасада ратуши, убранной красною драпировкою съ золотыми блестками, выстроена была эстрада, посреди которой, на высокому пьедесталѣ, поставленъ бюстъ республики, осѣненной красными знаменами; вокругъ были расположены кресла и одно изъ нихъ на небольшомъ возвышеніи для президента Асси, извѣстнаго члена интернаціонали и агитатора въ Крѣзо. Съ перваго часа на площадь передъ ратушей стали собираться

федеральные батальоны со своими делегатами, украшенными огромнымъ краснымъ бантомъ на лѣвой рукѣ. Батальоны эти съ трудомъ пробирались чрезъ многочисленныя барикады, воздвигнутыя по всѣмъ направленіямъ. Многіе отряды не могли дойти до ратуши и остановились въ сосѣднихъ улицахъ. Въ четыре часа, при громѣ барабановъ, на эстрадахъ явились члены комиссій и коммуны съ своимъ президентомъ въ главѣ. Начали стрѣлять изъ пушекъ, разставленныхъ по набережной Сены. Раздались крики „вивать!“ На концахъ ружей поднялись въ воздухъ и заколыхались солдатскія кепи. Загремѣли трубы, гражданинъ Асси произнесъ короткую рѣчь, изъ которой никто не слышалъ ни одного слова. Потомъ начали читать результаты выборовъ округовъ въ члены коммуны. Никому неизвѣстныя имена встрѣчались криками восторга, марсельеза гремѣла не умолкая; затѣмъ слѣдовало еще нѣсколько рѣчей, наполненныхъ громкими фразами о свободѣ, братствѣ и солидарности; затѣмъ, при новыхъ пушечныхъ залпахъ батальоны гвардіи начали проходить передъ эстрадою, отдавая честь своему новому правительству и потрясая воздухъ громкими криками. Толпа долго не оставляла площади передъ ратушею и гуляла всю ночь.

Вслѣдъ за торжествомъ коммуна задумала выказать свою силу и предприняла нападеніе на Версаль. 2-го апрѣля, раннимъ утромъ, колона федералистовъ въ 2.000 человекъ, но безъ артилеріи, вышла изъ Парижа по большой дорогѣ въ Курбува. Передовые отряды версальской арміи были, однако, готовы встрѣтить парижанъ. Близъ Бержера первую жертвою междоусобной войны палъ Паскъ, главный докторъ версальской арміи. Думая, что главный штабъ арміи находится въ Курбува, онъ поѣхалъ туда по большой сен-жерменской дорогѣ, но встрѣтилъ неожиданно аванпостъ федералистовъ, давшихъ но немъ залпъ. Пораженный пулею въ лобъ, докторъ упалъ мертвымъ съ лошади. Въ то же время артилерія версальцевъ начала стрѣлять въ инсургентовъ. Они отвѣчали сначала дружными ружейными залпами, но вскорѣ принуждены были отступить. Дорога въ Нельи покрылась бѣглецами, среди которыхъ картечь и бомбы версальцевъ производили страшныя опустошенія. Послѣ этой первой стычки начались обыкновенныя въ подобныхъ случаяхъ бюлетени о побѣдѣ съ обѣихъ сторонъ. Версальцы обнародовали, что съ ихъ стороны убито всего восемь человекъ и ранено тридцать, а у непріятеля убито только нѣсколько гвардейцевъ и тридцать взято въ плѣнъ. Объ участи послѣднихъ версальцы скромно умалчивали; между тѣмъ Леонсъ Дюпонъ, бывший на мѣстѣ побойща, вслѣдъ за стычкой, насчиталъ болѣе двадцати повозокъ съ трупами, увозимыми съ мѣста сраженія. Что же касается до плѣнныхъ, то онъ утверждаетъ, что ихъ разстрѣливали масами, тотчасъ послѣ окончанія стычки. Это весьма возможно, если мы вспомнимъ, что отрядомъ войскъ командовалъ генералъ Галлфе, привышій во время второй имперіи разстрѣливать безоруж-

ныхъ. Между тѣмъ исполнительная комисія комунъ, въ лицѣ начальника штаба, полковника Ганри, обнародовала, что огонь непріятеля прекратился, духъ войска—превосходный, линейныя войска массами присоединяются къ національной гвардіи, съ которой никто не хочетъ сражаться, кромѣ высшихъ офицеровъ. Денеша прибавляла, что самъ Бержере въ Нёльи. Это, конечно, было только смѣшно, но въ то же время газеты комунъ печатали, что пансіонъ молодыхъ дѣвушекъ, выходившихъ изъ церкви Нёльи, былъ буквально истребленъ картечью солдатъ Фавра и Тьера. Это была уже гнусная выдумка, чтобы возбудить населеніе Парижа противъ арміи. Комуна обнародовала также, что „роялистскіе заговорщики напали на національную гвардію, и такъ какъ армія не хотѣла сражаться противъ нихъ, то пустила въ дѣло папскихъ зуавовъ и императорскую полицію, а шуаны Трошю бомбардировали беззащитную деревню Нёльи“. Поэтому, „принимая во вниманіе, что версальцы начали междоусобную войну и убили дѣтей и женщинъ“, комуна отдавала подъ судъ Тьера, Фавра, Пикара, Дюфора, Симона и Потто и предписывала конфисковать ихъ имущество. Въ тотъ же день комуна издала декретъ, относящійся до церкви. Принимая во вниманіе, что первый основной принципъ республики—свобода совѣсти и, въ особенности, что налогъ въ пользу духовенства противенъ этому принципу, потому что заставляетъ гражданъ платить за обряды, въ которые они не вѣрятъ, и что духовенство всегда дѣйствовало за-одно съ монархіею противъ свободы, комуна постановляла отдѣлить церкви отъ государства, прекратить отпускъ всякихъ суммъ на духовенство и объявить всѣ церковныя имущества народной собственностью.

Неудача перваго столкновенія 2-го апрѣля не расколодила комунаровъ; на другой же день значительный отрядъ ихъ, въ 30.000, двинулся къ Мон-Валерьену, подъ начальствомъ Густава Флуранса. Часть ихъ заняла Рюэль, Буживаль, Нантеръ и Курбвуа. Версальскія войска выбили ихъ изъ этихъ мѣстечекъ, разрушивъ устроенныя ими баррикады. Предводитель войскъ комунъ, Флурансъ, погибъ въ этотъ же день. Это была замѣчательная, высоко даровитая личность. Сынъ знаменитаго физиолога—натуралиста, онъ блистательно кончилъ курсъ наукъ въ коллегіи Людовика-Великаго. 25-ти лѣтъ онъ уже былъ профессоромъ естественной исторіи во французской коллегіи, гдѣ занялъ кафедру Кювье и читалъ исторію человѣческихъ расъ. Лекціи Флуранса имѣли огромный успѣхъ между молодежью, но въ то же время католическіе органы обвиняли его въ томъ, что онъ возстаетъ противъ религіи, церкви и власти вообще. Университетъ закрылъ лекціи молодого профессора. По смерти своего отца, онъ имѣлъ полное право занять его мѣсто на кафедрѣ физиологіи. Встрѣтивъ отказъ въ своемъ справедливомъ желаніи, онъ обратился съ просьбой къ Луи-Наполену, но тотъ отвѣчалъ, что не имѣетъ права вмѣшиваться въ назначеніе профессоровъ, а министръ просвѣ-

щенія отказався положительно дать ему каеодру. Тогда Флурансь оставилъ Францію и переселился въ Бельгію, гдѣ напечаталъ свои лекціи подѣ названіемъ „Історія челоѡѡка“. Въ то же время его публичныя чтенія въ Брюсселѣ, Антверпенѣ, Литтихѣ имѣли огромный успѣхъ. Но и тамъ іезуиты преслѣдовали ученаго за его смѣлыя идеи. Онъ отправился въ Константинополь, гдѣ также читалъ лекціи и писалъ статьи въ газетѣ „Courrier d'Orient“. Статьи эти, въ которыхъ онъ проповѣдовалъ братство между всѣми восточными расами, произвели такое впечатлѣніе, что правительство приказало прекратить ихъ. Основанная имъ газета „Etoile d'Orient“ была также запрещена. Флурансь уѣхалъ въ Аѣины, гдѣ правительство запретило ему говорить на площадяхъ, и онъ перенесъ свою дѣятельность во французскую газету „Indépendance hellénique“. Въ это время вспыхнуло возмущеніе на островѣ Кандіи. Съ горстью молодыхъ грековъ Флурансь отправился на островъ, гдѣ впродолженіе цѣлаго года раздѣлялъ всѣ опасности и лишенія съ героическими горцами, страдавая отъ холода и голода. Онъ писалъ оттуда корреспонденціи въ Европу, возбуждая вездѣ участіе къ кандіотскимъ инсургентамъ. Въ 1868 году, во время общихъ выборовъ въ греческій парламентъ, кандіоты послали въ Аѣины депутацію, выбравъ Флуранса ея главою, но по прибытіи ихъ въ Аѣины, министръ Булгарисъ ночью арестовалъ Флуранса и отправилъ его къ французскому посланнику, который заперъ его на французскомъ пакетботѣ. Депутація же была насильно отправлена обратно въ Кандію. Печать и общественное мнѣніе возстали противъ этого нарушенія народнаго права, и Флурансь, отвезенный въ Марсель, выпущенъ былъ тамъ на свободу. Не повидавшись даже съ семьей, онъ въ тотъ же день отправился въ Аѣины и продолжалъ тамъ писать противъ министерства Булгариса; но, принужденный оставить столицу Греціи, удалился въ Неаполь, гдѣ за одну статью въ газетѣ „Popolo d'Italia“ его арестовали и заперли въ тюрьму. Выпущенный оттуда въ концѣ 1868 года, онъ вернулся въ Парижъ и тотчасъ же началъ дѣйствовать противъ императорскаго правительства. Приговоренный къ трехмѣсячному тюремному заключенію за составленіе сходокъ въ Бельвилѣ, онъ, выйдя изъ тюрьмы, дрался на дуэли съ бонапартистскимъ bravo Кассаньякомъ и былъ опасно раненъ. Заботы матери спасли ему жизнь. Онъ началъ писать въ газетѣ „Rappel“ статьи „Армія и народъ“, въ которыхъ проповѣдовалъ солдатамъ республиканскія идеи. Когда газета была запрещена, онъ перенесъ свои статьи въ „Марсельезу“ Рошфора. Послѣ убійства Виктора Нуара Пьеромъ Бонапарте, Флурансь употребилъ всѣ усилія, чтобы тѣло писателя было привезено на кладбище Лашеза мимо Тюльери, съ цѣлю поднять народъ противъ убійцъ и имперіи, но Рошфоръ, узнавъ, какія страшныя приготовления сдѣлалъ Канроберъ для подавленія манифестаціи, успѣлъ съ помощью Делеклюза похоронить Нуара въ Нѣльи. Ра-

зойдась вслѣдствіе этого съ Рошфоромъ, Флурансъ попытался 7-го февраля 1870 года произвести возстаніе въ Бельвилѣ, захватилъ на одной сходкѣ полицейскаго комисара, но, не поддержанный толпою, долженъ былъ скрыться и бѣжалъ въ Англію. Обвиненный въ намѣреніи убить Луи-Наполеона, онъ былъ заочно приговоренъ судомъ къ ссылкѣ. Это не удержало его еще отъ нѣсколькихъ попытокъ произвести республиканскія возстанія. Министръ Оливье назначилъ цѣну за его голову. Флурансъ отправился опять въ Аѳины, гдѣ правительство послѣшило выдать его по требованію французскаго посланника, но народъ вступился за изгнанника и онъ отправился опять во Францію, которую въ это время наводнили нѣмецкіе полки. Въ концѣ августа онъ прибылъ черезъ Женеву въ Жюксъ, гдѣ его приняли за прусскаго шпіона и онъ встрѣтилъ въ тюрьмѣ революцію 4-го сентября. Кремьё далъ приказаніе выпустить его, и онъ явился въ Парижъ 8-го сентября. Недовольный дѣйствіями правительства національной обороны, онъ сформировалъ въ Бельвилѣ пять баталіоновъ вольныхъ стрѣлковъ и съ помощью ихъ задумалъ прежде всего низвергнуть правительство. 31-го октября онъ, вмѣстѣ со своими стрѣлками и толпою народа, явился въ ратушу, гдѣ засѣдали нѣкоторые члены правительства, и провозгласилъ его низверженіе и образованіе временнаго комитета общественной безопасности изъ Бланки, Доріана, Делеклюза, Мильера, Ранвье и самого Флуранса. Но Трошъ и Ферри отправили батальоны національныхъ гвардейцевъ и бретонскихъ мобилей, очистить ратушу отъ непрошенныхъ гостей, и только что составившійся комитетъ принужденъ былъ капитулировать съ правительствомъ національной обороны, тѣмъ болѣе, что его батальоны проникли въ ратушу черезъ подземный ходъ и окружили залу, гдѣ засѣдалъ комитетъ, уже начавшій разсылать свои приказанія мерамъ и войску. Членовъ комитета выпустили изъ ратуши, обѣщали ихъ не тревожить, произвести новые выборы, но потомъ начали захватывать по-одиночкѣ. 7-го декабря Клеманъ Тома арестовалъ Флуранса и заперъ его въ Мазасъ, но вольные стрѣлки, бывшіе подъ его командой, освободили его ночью 22-го января 1871 года. Скрываясь отъ преслѣдованія полиціи, онъ написалъ брошюру „Paris livré“ и 10-го марта былъ заочно приговоренъ къ смерти, а 26-го избранъ въ члены комуны, по военной комисіи. Произведенный въ полковники, онъ получилъ 2-го апрѣля приказаніе идти на Версаль, въ главѣ федералистовъ. Соединившись, въ 4 часа утра, съ генераломъ Бержере въ Рюэлѣ, Флурансъ выстроилъ тамъ барикады, сражался отчаянно противъ значительно сильнѣйшаго непріятеля, и когда отрядъ Бержере отступилъ, громимый пушканы Мон-Валерьяна, Флурансъ, захваченный версальцами, былъ убитъ поручикомъ Демаре. О смерти его рассказывали различно. Мы приведемъ свидѣтельство безпристрастнаго очевидца этихъ печальныхъ событій, Леона Дюпона.

Когда дивизія генерала Винуа выступила на равнину Рюэля, она

была покрыта отдѣльными группами федералистовъ. Винуа далъ своимъ залпъ изъ пяти орудій и потомъ приказалъ кавалеріи очистить равнину. Федералисты тотчасъ разсѣялись, прячась по дугамъ, огородамъ и за отдѣльными домиками. Отрядъ, отправлявшійся въ деревеньку Рюэль, началъ обыскивать всѣ дома, забиралъ скрывшихся тамъ инсургентовъ и соединялъ ихъ въ кучки для отправленія въ Версаль. Изъ одного домика, гдѣ производилась продажа вина, въ жандармовъ выстрѣлили изъ револьвера. Они бросились въ домъ и въ первой же комнатѣ нашли високаго блѣднаго человѣка съ непокрытой головою, въ наглухо застегнутомъ пальто и высокихъ сапогахъ. Его схватили и потащили съ лѣстницы къ начальнику отряда, сидѣвшему на лошади у крыльца дома. Взятый въ плѣнъ не сопротивлялся, но такъ какъ жандармы били и толкали его по дорогѣ, онъ обратился къ начальнику со словами: „Г. офицеръ, прикажите обращаться со мною по-человѣчески! вѣдь подло бить безоружнаго человѣка“. — „Это ты, подлецъ! вскричалъ одинъ жандармъ: ты стрѣлялъ въ насъ изъ окна!“ Другой жандармъ прибавилъ: „я знаю его! Это Флурансъ“. И прежде чѣмъ несчастный могъ сказать слово, поручикъ Демаре вскричалъ въ свою очередь: „а! такъ ты стрѣляешь въ моихъ жандармовъ? и еще жалуешься!“ и страшнымъ ударомъ сабли онъ разсѣкъ ему голову. Флурансъ упалъ на землю, обливаясь кровью, въ предсмертныхъ судорогахъ. Другой жандармъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ и прекратилъ его страданія. Въ то же время изъ дому вытащили и другого плѣнника, раненаго сабельными ударами жандармовъ. Это былъ итальянецъ Киприани, секретарь Флуранса. Въ карманахъ убитаго нашли письмо его матери и телеграмму исполнительной комисіи: „не приближайтесь къ Мон-Валерью: намъ измѣнили“. Трупъ Флуранса бросили въ телѣгу и привезли въ Версаль, куда притянули и всѣхъ, захваченныхъ въ плѣнъ комунаровъ. „Элегантная эмиграція Версала“, говоритъ Леонсъ Дюпонъ, „выгнѣчала на этихъ несчастныхъ весь страхъ и всѣ опасенія, какія она пережила въ эти два дня. Она встрѣчала плѣнныхъ оскорбленіями, ругательствами, даже побоями. Ихъ всѣхъ заперли на ночь въ сарай военного госпиталя, вмѣстѣ съ трупомъ Флуранса“. Такъ погибъ этотъ выдающійся членъ комуні, самый даровитый и искренній изъ всѣхъ своихъ товарищей. Энтузіастъ и фанатикъ, получавшій до 100.000 франковъ годового дохода, онъ пожертвовалъ всѣмъ состояніемъ, блестящею будущностью, наукою, семейю, для осуществленія своего идеала, — эмансипаціи пролетарія и всемірной республики. Этой идеѣ принесъ онъ въ жертву и свою жизнь, погибнувъ ужасною смертію на 33-мъ году. Узнавъ о своемъ несчастіи, его старая мать пріѣхала изъ Парижа, требуя хоть трупъ своего сына; но его поспѣшили уже зарыть на версальскомъ кладбищѣ. Съ большимъ трудомъ удалось ей выпросить позволеніе перевезти дорогой ей трупъ въ фамильный склепъ на кладбищѣ Лашеза. Этотъ печальный обрядъ

ей позволили совершить только глубокой ночью, из опасенія манифестацій. Поручика Демаре, убійцу безоружнаго непріятеля, правительство проназвало за его подвигъ въ капитаны.

Пользуясь наникою, произведенною въ рядахъ инсургентовъ, версальцы въ ту же ночь захватили Шатильонъ. Занимавшіе его федералисты не приняли даже самыхъ обыкновенныхъ предосторожностей, не выставили аванпостовъ и не оградилъ своихъ фланговъ. Лишенные поэтому возможности защищаться, полторы тысячи національныхъ гвардейцевъ сдались безусловно со всеми пушками и ружьями. Командовавшій ими генераль Дюваль, на котораго коммуна возлагала также много надеждъ, былъ тотчасъ же разстрѣлянъ на мѣстѣ, гдѣ его взяли. Эти сраженія обезпечили Версаль отъ неожиданнаго нападена федералистовъ, но въ то же время, пострадавъ отъ канонады съ фортовъ Исси и Вапва, версальцы убѣдились, что коммуна обладаетъ огромною артилеріею и поэтому войти обратно въ Парижъ будетъ не такъ легко, какъ это имъ казалось сначала. Съ своей стороны коммуна, испытавъ поражение своихъ войскъ, приняла въ ярость. Потерявъ двухъ своихъ лучшихъ предводителей, она выбрала новаго главнокомандующаго—генерала Клюэре. Еще прежде предлагала она званіе начальника парижской національной гвардіи—Гарibaldi. Но тотъ отвѣчалъ съ Капрери утнвымъ отказомъ, ссылаясь на то, что въ настоящемъ положеніи Франціи необходимо сосредоточить всю власть въ однихъ рукахъ и что предводитель войскъ не можетъ зависѣть отъ комитета, управляющаго его движеніями. Онъ рекомендовалъ имъ выбрать Виктора Гюго, Луи Влана, Феликса Пиа, Эдгара Кине или, наконецъ, генераловъ Кремера и Билло; но коммуна остановила свой выборъ на Клюэре. Это было лицо также давно извѣстное въ революціонныхъ кружкахъ. Ему было уже сорокъ восемь лѣтъ. Сынъ полковника, онъ служилъ сначала въ мобиліяхъ, потомъ въ Африкѣ дрался съ кабилами, но скоро вышелъ въ отставку и, поступивъ волонтеромъ въ войско Гарibaldi, сражался подлѣ него за освобожденіе Италіи. По завоеваніи Неаполя и Сициліи, онъ состоялъ въ главномъ штабѣ итальянской арміи, но оставилъ ее и, въ 1861 году, отправился въ Америку сражаться противъ рабовладѣльцевъ. Адъютантомъ Мак-Клеана онъ получилъ на полѣ сраженія чинъ полковника, потомъ генерала. По окончаніи войны, онъ основалъ въ Нью-Йоркѣ газету для поддержанія кандидатуры генерала Фремонта въ званіе президента республики; но послѣ избранія Гранта вернулся въ Европу, чтобы принять участіе въ феианскомъ возстаніи. Подъ именемъ Аулифа, онъ участвовалъ въ 1867 году въ нападеніи на замокъ Честеръ. Англійскій судъ приговорилъ его за это къ смерти, хотя онъ и протестовалъ въ газетахъ, уѣбруя, что не участвовалъ въ атакѣ. Тогда онъ переѣхалъ во Францію и печаталъ въ „*Courrier Français*“ замѣчательныя статьи о положеніи Соединенныхъ-штатовъ. Въ слѣдующемъ году онъ основалъ своимъ

газету „L'Art“ и за статьи въ ней былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ сошелся съ главными лицами интернаціонали. Въ 1869 году рѣзкія статьи противъ организаціи арміи въ газетахъ „Democratie“, „Rapport“ и „Tribune“, собранныя имъ потомъ въ отдѣльную книгу подъ названіемъ „Армія и Демократія“, послужили поводомъ къ новому осужденію его на тюремное заключеніе, но такъ какъ онъ былъ американскимъ гражданиномъ, то посланникъ Соединенныхъ-штатовъ потребовалъ его освобожденія; его только выслали изъ Франціи. Въ 1870 году, во время процесса интернаціонали, на судѣ было прочтено письмо Клязере, въ которомъ онъ предсказывалъ паденіе имперіи. 4-го сентября, пріѣхавъ въ Парижъ, онъ вступилъ въ редакцію „Марсельёзы“, гдѣ напечаталъ такую рѣзкую статью противъ правительства національной обороны, что Рошфоръ долженъ былъ въ открытомъ письмѣ объявить, что не раздѣляетъ мнѣній своего сотрудника. Клязере оставилъ Парижъ и отправился въ Лионъ, гдѣ участвовалъ въ возстаніи 28-го сентября. Потомъ въ Марсели онъ организовалъ комуну и провозгласилъ себя военнымъ начальникомъ южной Франціи. Не выбранный въ національное собраніе, онъ явился на выборы комуны 26-го марта, но также не былъ избранъ. Несмотря на это, члены комуны назначили его 3-го апрѣля генераломъ и онъ адресовалъ „парижскому народу“ прокламацію, въ которой говорилъ, что „вандейцы Шарета и агенты Піетри разстрѣливаютъ плѣнниковъ, убиваютъ раненыхъ и стрѣляютъ въ перевозочные пункты“. Это было, вонечно, преувеличеніе, такъ какъ ни вандейцы, ни папскіе зуавы, ни шуаны, ни бретонцы Трошию, о которыхъ упоминала каждая прокламація комуны, не входили въ составъ версальской арміи, но въ то же время генералъ Галифе въ своихъ приказахъ велѣлъ разстрѣливать на мѣстѣ крестьянъ, сражавшихся противъ солдатъ. Озлобленіе враждующихъ сторонъ было дѣйствительно такъ сильно, что страшныя жестокости совершались и коммунарами, и версальцами.

Клязере издалъ приказъ насильно брать въ батальоны всѣхъ неженатыхъ гражданъ отъ 17-ти до 35-ти лѣтъ. Черезъ день, новымъ декретомъ обязательная служба въ батальонахъ была продолжена до 40 лѣтъ и въ нее привлекались и женатые. 6-го апрѣля вышла новая драконовская прокламація комуны. Каждое лицо, виновное въ сношеніи съ версальскимъ правительствомъ, немедленно заключалось въ тюрьму, судилось присяжными и, если было обвинено, оставалось заложникомъ парижскаго народа. Затѣмъ, за всякую казнь версальцами военноплѣннаго или приверженца комуны опредѣлялось казнить троихъ изъ этихъ заложниковъ по жребію. Военноплѣнные версальцы поступали также въ число заложниковъ. Въ то же время комунa попыталась войти въ сношеніе съ иностранными державами, но циркуляръ, отправленный Пашалемъ Груссе къ представителямъ иностранныхъ дворовъ въ Парижѣ, остался безъ отвѣта. 7-го апрѣля комунa отправила въ департаменты декларацію, объяснявшую инсу-

революціонныя движенія, обвинявшую версальское правительство. Но, возвѣщая наступленіе царства свободы, коммуна принимала въ то же время самыя деспотическія мѣры: запрещала сходки на биржѣ, запретила три газеты: „Débats“, „Constitutionnel“ и „Paris-Journal“, закрывала церкви для богослуженія и разрѣшала открываться въ нихъ клубы, гдѣ произносились невозможныя рѣчи и предлагались самыя крайнія мѣры. Национальный гвардеецъ, осмѣлившійся отказываться отъ обязанностей службы, или сражаться за отечество, лишался всѣхъ гражданскихъ правъ. Приверженцы коммуны останавливали на улицахъ молодыхъ людей, осматривали экипажи, врывались въ omnibusы и насильно вербовали въ гвардію нераздѣлявшихъ мнѣній коммуны и не желавшихъ драться за нее. Въ то же время всѣ городскія заставы строго охранялись и изъ Парижа нельзя было никому уйти иначе какъ тайно, ночью, спускаясь со стѣнъ, переодѣваясь, или посредствомъ какой нибудь хитрости. Доходило до того, что лица, преслѣдуемыя коммуною, ложились въ гробы и ихъ выносили подъ видомъ покойниковъ на кладбище въ Иври.

Декреты разныхъ комисій или министерствъ коммуны противорѣчили одинъ другому. 6-го апрѣля уничтожилось званіе генерала въ войскахъ коммуны и начальникомъ этихъ войскъ назначался полякъ Домбровский, вмѣсто потерпѣвшаго пораженіе Бержере, а черезъ нѣсколько дней Клюзере въ официальномъ журналѣ назначалъ жалованье бригаднымъ и дивизионнымъ генераламъ. Раненымъ при защитѣ „народныхъ правъ“ назначалась пенсія въ 1.200 фр., половина—ихъ вдовамъ, а дѣтямъ законнымъ или нѣтъ—365 фр. Отъ 6-го до 10-го апрѣля версальская армія была въ постоянной тревогѣ, потому что федералисты не переставали громить своею артилеріею пункты, занятые арміею; важные форты стрѣляли непрерывно, тратя огромное число зарядовъ. Шатильонъ, Кламаръ, Мёдонъ, Севръ, Бельвю были засыпаны ядрами. Несмотря на это, версальцы съ каждымъ днемъ, хотя и незамѣтно, подвигались къ Парижу. 7-го апрѣля Клюзере издалъ новую прокламацію, адресованную національной гвардіи, каждаго члена странной стороны французскаго тщеславія. „Граждане,—говорилъ онъ въ этой прокламаціи,—я замѣчаю съ горестью, что мы забываемъ наше скромное происхожденіе: съ каждымъ днемъ начинается увеличиваться у насъ смѣшная страсть къ галунамъ, нашивкамъ, ленточкамъ, аксельбантамъ“. Поэтому всѣмъ офицерамъ строго запрещалось прибавлять какія нибудь украшенія къ своему мундиру. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ галуновъ, одинъ изъ баталіоновъ XI-го округа вздумалъ уничтожить гильотину. Онъ отправился въ улицу Фои-Мерикуръ, гдѣ хранилось это изобрѣтеніе первой республики, и при рукоплесканіяхъ толпы разбилъ его на куски, а деревянные части сжегъ на кострѣ. Третья республика, въ обѣихъ формахъ ея—версальскомъ собраніи и парижской коммуны—дѣйствительно никого не гильотинировала, но зато разстрѣляла множество народа. Войны

между одноплеменниками, а тѣмъ болѣе междуособныя, бываютъ самыя безпощадныя и жестокія.

Послѣ первыхъ вооруженныхъ столкновеній между національнымъ собраніемъ и комуну четыре члена собранія, парижскіе депутаты Равуа, Флоке, Локруа и Мильеръ вышли въ отставку. Трое послѣднихъ написали президенту собранія коллективное письмо, въ которомъ говорили, что они сдѣлали все возможное, чтобы остановить междуособную войну, но, не успѣвъ въ этомъ, считаютъ, что мѣсто ихъ, какъ представителей Парижа, не въ Версалѣ. „Теперь, прибавляли они, наша единственная обязанность, какъ гражданъ, состоитъ въ томъ, чтобы, согласно съ нашей совѣстью, защищать угрожаемую республику“. И они такъ стали защищать ее въ парижскихъ газетахъ, что версальскіе органы подняли громкіе крики. Министръ юстиці прочелъ съ трибуны статьи Локруа, редактора газеты „*Parpet*“, и Мильера—въ „*Monument*“. Локруа прямо говорилъ: „Это положеніе вещей не можетъ продолжаться: надо, чтобы собраніе уступило. Оно побудило народъ двинуться на Монмартръ. Оно своимъ сопротивленіемъ длить кризисъ. Оно возбудило междуособную войну“. Дюфоръ объявилъ, что если бы Локруа не вышелъ въ отставку, противъ него было бы начато судебное преслѣдованіе. Генераль Бильо, членъ собранія, рекомендованный Гарибальди въ начальники войскъ комуну, заявилъ съ трибуны, что если федералисты имѣютъ къ нему такую довѣренность, то онъ не имѣетъ къ нимъ никакой и считаетъ своимъ долгомъ „предать повору преступниковъ, которые, на глазахъ прусасковъ, стараются довершить разореніе страны и, составляя подонки общества, безъ имени и отечества, обманываютъ не знающихъ дѣла, терроризируютъ слабыхъ, стараются обезславить республику“. Генераль почувствовалъ необходимость сдѣлать это заявленіе передъ своими ратными товарищами, „которые сражаются съ такою храбростью, защищая всеобщую подачу голосовъ—нашъ послѣдній якорь спасенія“. Это генеральское краснорѣчіе обнаруживало, въ громкихъ фразахъ, отчаяннаго бонапартиста съ его якоремъ—всеобщимъ голосованіемъ, которое еще такъ недавно милліонами голосовъ темной массы одобряло и войну съ Пруссіей, и императорскій деспотизмъ. Но краснорѣчіе другого ратнаго товарища, генерала Галифе, пахло не фразами, а кровью. Онъ объявлялъ въ своей прокламаціи, что „война объявлена парижскими шайками, которыя убиваютъ моихъ солдатъ. Я также объявляю войну безо всякой пощады этимъ убійцамъ. Сегодня утромъ я далъ имъ урокъ, да будетъ онъ имъ спасительнымъ!“ Урокъ этотъ заключался въ разстрѣляніи сдавагося въ плѣнъ генерала Дювала и его сподвижниковъ. Изданная въ Шату, прокламація эта предупреждала жителей, „въ интересахъ ихъ безопасности, что лица, давшія у себя пріютъ врагамъ собранія, подлежатъ военному суду“. Впадая въ тонъ своего генерала, собраніе приняло безъ всякихъ возраженій и преній законопроектъ Дюфора объ упрощеніи

и сокращеніи судопроизводства въ военныхъ судахъ. На мѣстѣ невозможно было разстрѣливать всѣхъ плѣнныхъ, и въ сараяхъ бывшей саторійской фермы было ихъ въ это время уже болѣе 1100 человекъ.

Понятно, что такой образъ дѣйствій вызвалъ крайнія мѣры къ комунѣ. Многочисленные аресты, болѣе всего между духовенствомъ, были произведены отъ 3-го по 16-е апрѣля. Взяты были заложниками—архіепископъ Дарбуа, Крозь, священникъ Ларокетской тюрьмы, Дегерри, священникъ церкви Магдалины; начальники: іезуитскаго дома, семинаріи; викарій, пастеры 26-ти закрытыхъ церквей и др. Комуна, желая воспользоваться своимъ закономъ о заложникахъ, предложила обвинять Дарбуа на Вланки, захваченнаго версальцами. Правительство отказало на-отрѣвъ, хотя знало, что раздраженная комуна не станетъ церемониться даже съ архіепископомъ. Между захваченными были и писатели, и одному изъ нихъ, Дарденну, пришлось, для своего спасенія, пожертвовать желудкомъ. Какъ секретарь перевозочнаго пункта, устроеннаго журналистами, онъ смѣло переѣзжалъ изъ Парижа въ Версаль и обратно, надѣясь на то, что его охранитъ повязка Краснаго креста. Но однажды его остановили на заставѣ и сказали, что отправить для допроса къ начальнику полиціи, Раулю Риго. По дорогѣ онъ вспомнилъ, что у него въ карманѣ рѣзкая статья противъ коммуны, предназначенная въ одинъ изъ журналовъ. Опасаясь обыска, онъ рѣшился истребить статью, но такъ какъ и разорванные кусочки могли изобличить ея преступное содержаніе, бѣднякъ придумалъ—съѣсть статью, и во всю дорогу, отрывая отъ нея кусочки, незамѣтно клалъ ихъ въ ротъ и разжевывая проглатывалъ. А статья была въ десятокъ страницъ, полныхъ, на толстой бумагѣ! Дарденнъ былъ обвиненъ комуною въ измѣнѣ за то, что, по обязанности члена Краснаго креста, помогалъ раненымъ обѣихъ враждующихъ сторонъ. Онъ былъ посаженъ въ тюрьму, но съ помощью друзей ему удалось вскорѣ бѣжать, что спасло его отъ печальной участи остальныхъ заложниковъ.

Попытки примирить воюющія стороны все еще не прекращались. Въ Версаль являлись депутаціи отъ коммерческаго синдиката, отъ „парижской лиги“. Тьеръ принималъ ихъ, повторялъ, что республика будетъ сохранена, но требовалъ, чтобы комуна разошлась—и тогда казненны будутъ только ея генералы и начальники. Эта перспектива казней, даже и въ случаѣ покорности, не могла успокоить взволнованные и раздраженные умы, начинавшіе волноваться и въ другихъ мѣстахъ. Попытки возстанія обнаружались въ Марсели, Тулузѣ, Бордо и Лиможѣ. Въ послѣднемъ городѣ инсургенты убили полковника Билье, котораго пощадили пули Рейхсгофена и Вильберсексаля. Префектъ департамента верхней Вьенны былъ обвиненъ въ собраніи въ томъ, что роздалъ жителямъ 6000 ружей. Въ Марсели разстрѣляли Гастона Кремьё, сбравшагося играть тамъ роль Мазаниелло. Тьера беззакомли эти извѣстія, но онъ не считалъ нужнымъ сообщать по-

дробности ихъ національному собранію. Даже передавая о первомъ столкновеніи арміи съ войсками комуны, онъ не говорилъ о смерти Флуранса и Дювала. Онъ повторялъ только, что власть не откажетъ въ милосердіи тѣмъ, кто къ ней прибѣгнетъ, и что можно имѣть снисхожденіе къ заблужденію, но не къ преступленію. Вообще, чувствуя, что онъ необходимъ, онъ держалъ себя въ собраніи довольно высокоумѣрно и въ законѣ объ устройствѣ муниципій, разсматриваемомъ въ собраніи, вопреки мнѣній большинства настоялъ на томъ, чтобы въ городахъ, гдѣ населеніе свыше 20.000, меры выбирались исполнительною властью. Онъ объявилъ, что сложить съ себя власть, если собраніе не приметъ этого предложенія. Тьеръ позволялъ себѣ даже подсмѣиваться надъ большинствомъ, и не заискивалъ больше его благосклонности, какъ въ Бордо, гдѣ давалъ торжественныя обѣщанія—возстановить монархію, лишь бы его избрали главою исполнительной власти. Въ Версалѣ онъ уже настаивалъ на поддержаніи республики, такъ какъ, по его собственному признанію, она одна могла спасти Францію. Убѣжденіе ли въ этомъ сдѣлало его изъ монархиста республиканцемъ на 75-мъ году, или желаніе играть всегда и вездѣ первенствующую роль?... Отвѣтъ на это не даетъ современная исторія. Самъ онъ, конечно, выставлялъ всегда мотивами всѣхъ своихъ поступковъ—интересы Франціи и принесъ ей, дѣйствительно, огромную пользу въ послѣдніе годы своей жизни, но первоначальная карьера его, какъ государственнаго дѣятеля, далеко не блистала либеральными принципами. Какъ министръ Луи-Филиппа, онъ защищалъ множество непопулярныхъ и нераціональных мѣръ, отстаивая наследственность званія пэра, сильно преслѣдовалъ республиканцевъ, подкупилъ суммами секретнаго фонда жида Дейтца, продавашаго правительству герцогиню Беррійскую, поддерживалъ драконовскіе „сентябрскіе“ законы противъ печати въ 1835 году, а въ 1860 противился всѣми силами электоральной реформѣ. Соперничая съ Гизо, онъ постоянно интриговалъ противъ него, противъ Моле и вообще противъ всѣхъ министровъ, стоявшихъ въ главѣ правленія; поддерживая Мегмета-Али, онъ едва не вовлекъ Францію въ войну. Во время своего управленія онъ не пользовался популярностью и приобрѣлъ ее только, какъ глава оппозиціи, враждуя противъ правительства и доказывая въ палатѣ, какъ ошибочны и вредны всѣ мѣры внутренней и внѣшней политики, принимаемыя министерствомъ Гизо. Но когда, наканунѣ февральской революціи, министерство запретило банкеты, Тьеръ нашелъ, что необходимо подчиниться этому приказанію, и только предлагалъ, чтобы оппозиція коллективно подала въ отставку. Призванный королемъ въ ночь на 24-е февраля, чтобы составить съ Одилономъ Барро новое министерство, онъ издалъ прокламацію къ гражданамъ Парижа съ девизомъ: „свобода, порядокъ, соединеніе, реформы“. Но на другое утро, осмыпанный оскорбленіями толпы, явился въ палату только для того, чтобы сказать, что больше нельзя ничего сдѣлать. Когда была

провозглашена республика, онъ заявилъ временному правительству, что присоединяется къ ней, и явился кандидатомъ въ учредительное собраніе, но, забалотированный на большихъ выборахъ, попалъ въ него только въ июнѣ. Вотируя за кандидатуру Кавеньяка, онъ сдѣлался главою правой стороны, но въ декабрѣ поддерживалъ кандидатуру Луи-Наполеона и, когда Биксіо напомнилъ ему его прежнія слова, что „подобное избраніе будетъ стыдомъ для Франціи“, онъ отказался отъ этихъ словъ и вызвалъ Биксіо на дуэль, ничѣмъ, впрочемъ, неокончившуюся. Въ 1850 году Тьеръ вотируетъ за римскую экспедицію, закрытіе клубовъ и выборный законъ 31-го мая. Во всѣхъ рѣчахъ, при всякомъ удобномъ случаѣ стоя въ главѣ коалиціи, враждебной республикѣ, онъ преслѣдовалъ ее „безопасными эпиграмами“, какъ ихъ называлъ Ламартинъ, и всѣми силами поддерживалъ всякую реакціонную или строгую мѣру. Арестованный 2-го декабря 1851 г., Тьеръ былъ запертъ въ Мазасъ, потомъ высланъ за-границу и только въ августѣ 1852 года получилъ разрѣшеніе вернуться во Францію.

Одиннадцатъ лѣтъ жилъ онъ частнымъ человѣкомъ, занимаясь только историческими трудами. Въ 1863 году онъ рѣшился, наконецъ, явиться въ палату кандидатомъ оппозиціи и былъ избранъ, несмотря на происки министра Персиньи. Лучшія рѣчи его въ эту эпоху обнаруживали негнѣность правительственныхъ мѣръ по отношенію къ внѣшней политикѣ, хотя въ то же время онъ постоянно отстаивалъ необходимость такой мѣры, какъ занятіе Рима. Но онъ вѣрно указывалъ на опасность для Франціи усиленія Пруссіи и, говоря о политическомъ положеніи Франціи, произнесъ фразу, сдѣлавшуюся знаменитой: „теперь намъ уже не остается дѣлать больше никакихъ промаховъ“. Въ 1869 году онъ явился самымъ пламеннымъ противникомъ коммерческимъ трактатамъ, основаннымъ на принципахъ свободной торговли; ярмъ протекціонистомъ онъ былъ, впрочемъ, всю свою жизнь. Противникъ плебисцита и войны съ Пруссіей, онъ подвергся сильнымъ оскорбленіямъ въ палатѣ за эту оппозицію, а парижскіе избиратели протестовали противъ своего депутата, называя съ негодованіемъ его поведеніе „анти-французскимъ, анти-національнымъ и анти-политическимъ“ и требуя, чтобы онъ подалъ въ отставку. Чернь перебила даже стекла въ его домѣ и бросала въ него камнями. Во время войны онъ внимательно слѣдилъ за всѣми ея перипетіями и посылалъ изъ Трувиля стратегическія замѣтки Луи-Наполеону, который, конечно, ими не воспользовался. 4-го сентября онъ предлагалъ въ законодательномъ собраніи учредить комисію національной обороны, но народное негодованіе уничтожило и собраніе, и имперію. Вслѣдъ затѣмъ онъ принялъ предложеніе временнаго правительства и отправился просить о вмѣшательствѣ иностранныхъ державъ, для заключенія мира, но ни въ Лондонѣ, ни въ Петербургѣ, ни въ Вѣнѣ, ни во Флоренціи не рѣшились принять сторону націи, испытавшей такое страшное пораженіе. Вернувшись въ Туръ,

Тьеръ былъ посланъ къ Бисмарку—съ просьбою о заключеніи перемирія для избранія національнаго собранія и долженъ былъ принять всѣ тяжелыя условія побѣдителей. Его заботы о спасеніи Франціи были вполнѣ оцѣнены страной и 26 департаментовъ выбрали его членомъ собранія, которое въ свою очередь почти единогласно избрало его главою исполнительной власти съ правомъ назначенія министровъ.

Принужденный заключить миръ на тяжелыхъ условіяхъ—потери двухъ провинцій и уплаты пяти миллиардовъ, Тьеръ сдѣлался съ тѣхъ поръ дѣйствительнымъ главою государства, управляя всѣми его отраслями и учрежденіями. Въ политикѣ, финансахъ, комерціи, дипломатіи, военномъ дѣлѣ—ведѣ онъ игралъ первенствующую роль, за все принималъ на себя отвѣтственность. Но главною страстью его было всегда командовать арміею, передвигать войска и разыгрывать роль Наполеона. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ написалъ его исторію и критически разобралъ его походы и стратегическіе планы, онъ считалъ себя военнымъ гениемъ, по крайней мѣрѣ равнымъ Наполеону по дарованію. Теперь обстоятельства представляли ему возможность осуществить свои планы, и онъ, конечно, не могъ упустить такого случая. Занявшись сначала реорганизаціею арміи, сильно разстроенной неслыханными пораженіями и плѣномъ въ Германіи, онъ не торопился освободить парижанъ отъ коммуны, составляя планы новой осады Парижа, которая должна была прославить его имя. Генераль Винуа, командующій версальскою арміею, давно уже замѣтилъ, что Тьеръ больше высказываетъ свои мнѣнія, нежели выслушиваетъ его предложенія. Винуа все еще совѣтовалъ овладѣть Парижемъ посредствомъ быстро, внезапнаго нападенія, тогда какъ Тьеръ чертилъ планы правильной осады. Неудача монмартрской экспедиціи, предпринятой генераломъ Винуа, не располагала къ возобновленію подобныхъ попытокъ, и Винуа не пользовался расположеніемъ солдатъ уже и потому, что подписалъ капитуляцію Парижа, хотя въ стратегическомъ отношеніи его отступленіе отъ Седана съ 33.000 корпусомъ, спасшимся отъ пораженія, было весьма замѣчательно. Не сходясь по этому во взглядахъ съ Винуа, Тьеръ рѣшился замѣнить его и выбралъ Мак-Магона. Герцогъ маджентскій только что вернулся въ Парижъ изъ Висбадена, гдѣ онъ провѣлъ шесть мѣсяцовъ своего плѣна. 18-го марта, узнавъ о бѣгствѣ правительства въ Версаль, Мак-Магонъ легъ однажды спокойно спать, но получилъ ночью отъ своего друга, военнаго министра Лефло, — записку о немедленномъ оставленіи Парижа и въ 5 часовъ утра уѣхалъ въ Версаль, а въ 8 коммуна явилась уже въ его отель и, не найдя тамъ маршала, заняла его домъ военнымъ постоемъ. Въ первый день святой недѣли Тьеръ послалъ за Мак-Магономъ и сказалъ, что назначаетъ его главнокомандующимъ версальскою арміею. Маршалъ замѣтилъ, что товарищъ его, генераль Винуа, не можетъ служить подъ его коман-

дою, когда самъ былъ главнымъ начальникомъ. Тогда Тьеръ оставилъ подъ начальствомъ Винуа шестой резервный корпусъ арміи, а командованіе надъ пятью корпусами поручилъ Мак-Магону. Еще одно маленькое обстоятельство мѣшало маршалу принять командованіе. Рана, полученная имъ при Рейхсгофенѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается спина, не позволяла ему сѣсть на лошадь. Сколько разъ въ жизни Тьеръ самъ сожалѣлъ о томъ, что онъ не умѣетъ ѣздить верхомъ и что, если бы даже могъ носиться на конѣ передъ войсками,—его маленькая, толстенькая фигура, въ очкахъ, привѣтствующая войска тоненькимъ рѣзкимъ фальцетомъ—не возбудила бы въ нихъ ни малѣйшаго энтузіазма. Какія маленькія причины мѣшаютъ иногда великимъ подвигамъ! Это сознавали многіе, и даже Робеспьеръ, говорившій, что если бы онъ могъ выѣхать на конѣ передъ народомъ, а не былъ принужденъ идти пѣшкомъ, въ процесіи на праздникѣ въ честь верховнаго существа — то его историческая роль была бы гораздо значительнѣе. Мак-Магонъ нашелъ однако же средство устыться на смирнаго пони, и войска привѣтствовали сѣдого маршала, разбитаго съ такою славой при Рейхсгофенѣ и Седанѣ. Тьеръ былъ увѣренъ, что этотъ главнокомандующій приметъ всѣ его планы, какъ принималъ ихъ военный совѣтъ изъ пяти генераловъ, прикрывавшій своею отвѣтственностью всѣ военныя распоряженія Тьера. Безцвѣтность маршала и готовность его подчиняться вліянію окружающихъ его лицъ—была давно извѣстна. Болѣе всѣхъ было довольно его назначеніемъ національное собраніе, видѣвшее въ немъ опору монархіи и легитимизма. А собраніе уже и тогда высказывало свои реакціонныя стремленія, ярко выразившіяся потомъ въ низверженіи самого Тьера. И эти избранники народа удалялись, что Парижъ и Франція смѣютъ не вѣрить ихъ преданности къ республикѣ, которую они, побѣдивъ комуну, открыто предлагали продать герцогу Бордоскому.— И будь эта послѣдняя, жалкая отрасль выродившейся династіи нѣсколько энергичнѣе—монархическая реставрація во Франціи была бы неизбежна вскорѣ за подавленіемъ комунъ, совершенно основательно видѣвшей въ версальскомъ собраніи явныхъ враговъ республики и отечества.

Вл. З.—въ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ.

Баумгартенъ. „Передъ Вареломеевскою ночью“ ¹⁾.

ОЛѢ трехъ столѣтій прошло послѣ Вареломеевской ночи однако споръ относительно главныхъ виновниковъ этого страшнаго преступленія все еще не разрѣшенъ окончательно. Въ послѣдніе годы онъ снова возгорѣлся въ особенности по вопросу, уже неоднократно подвергавшемуся обсужденію и разрѣшенію то въ утвердительномъ, то отрицательномъ смыслѣ. Вопросъ въ томъ, была ли Вареломеевская ночь дѣломъ, рѣшеннымъ подъ вліяніемъ минуты, или это было послѣднимъ дѣйствіемъ заранѣе составленнаго плана, умно задуманнаго и схороненнаго въ глубокой тайнѣ. Вутке въ своемъ трудѣ о событіяхъ, предшествовавшихъ Вареломеевской ночи, рассмотрѣлъ безчисленные отзывы современниковъ и потомковъ и пришелъ къ слѣдующему выводу: всю вину слѣдуетъ приписать королевской семьѣ Франціи, а самое событіе представляетъ собой результатъ долго длившагося притворства и заговора. Въ заключеніе онъ предоставляет „прилежному“ читателю самому добраться до того, когда начался этотъ заговоръ, кто были собственно подстрекателями, каковы были его истинныя причины и цѣли и т. д. Къ точно такому же выводу, относительно предумышленности, пришелъ и Бордье. Въ своей аргументаціи онъ главнымъ образомъ налегъ на то, чтобы доказать поддѣльность исповѣди Генриха III своему врачу Мирону. Вообще въ трудѣ этого французскаго протестанта безпристрастная критика не всегда находила себѣ мѣсто. Совершенно иначе поступилъ Баумгартенъ. Его сочиненіе не носитъ полемическаго характера, хотя кой-гдѣ онъ и наноситъ удары своимъ противникамъ; только въ прило-

¹⁾ Hermann Baumgarten. „Vor der Bartholomäusnacht.“

женія къ этой книгѣ труды Вутке и Бордье подверглись болѣе тщательному разсмотрѣнію. Въмѣсто всякой полемики, авторъ, на глазахъ читателя, воздвигаетъ въ ясныхъ и твердыхъ очертаніяхъ интересное зданіе широкой французской политики въ періодъ отъ 1570—72 годовъ. Въ этому времени относится знаменательная попытка противиспанской политики, отмѣченная въ своемъ началѣ Сентъ-Жерменскимъ миромъ и завершившаяся кровавой Варооломеевской ночью. Матерьяломъ при этомъ Баумгартену послужили почти исключительно дипломатическія донесенія того времени. Въ завидной полнотѣ они сохранились до времени, непосредственно предшествовавшаго „кровавой свадьбѣ“. Изо-дня въ день можно слѣдить за сношеніями величествъ Франціи съ ихъ послами при испанскомъ, англійскомъ и брюссельскомъ дворахъ. До насъ дошли также донесенія англійскихъ, испанскихъ и итальянскихъ дипломатовъ къ своимъ повелителямъ. Понятно, какъ легко можно, благодаря этому, слѣдить за намѣреніями и цѣлями запутанной, коварной политики Франціи и какъ вѣрно можетъ быть въ этомъ случаѣ сужденіе. Рѣчь ведутъ здѣсь только руководящія личности, въ рукахъ которыхъ находится окончательное рѣшеніе, хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ, къ сожалѣнію, и не достаётъ въ этомъ хорѣ. Такъ, отъ переписки Колиньи почти ничего не дошло до насъ. Но если относительно намѣреній самихъ протестантовъ, относительно событій внутри ихъ партій и недостаётъ самаго главнаго голоса, все-таки того, что дошло, вполне достаточно для рѣшенія загадки. Сравнительно съ цѣнностью этихъ подлинныхъ донесеній разсужденія тѣхъ, кто писалъ о самомъ событій и притомъ послѣ него, представляютъ собой печальные источники. Кровавый отблескъ ужасной ночи, съ почти стихійной силой, долженъ былъ повліять на сужденіе побѣдителей и побѣжденныхъ, насильственно опредѣлить приговоръ исторіи и повредить его беспристрастію. Къ тому же релігіозныя противоположенности продолжали существовать съ прежней силой, а фанатизмъ, который онѣ порождали, достаточно давалъ себя чувствовать даже въ литературномъ движеніи. Книга Баумгартена, впрочемъ, не даетъ исторіи Франціи за эти два года: ей недостаётъ для этого деталей мелкихъ событій; дѣйствіе все время вращается въ высокопоставленныхъ и даже высшихъ кругахъ. Но авторъ и не хотѣлъ дать новаго очерка этой эпохи, уже неоднократно подвергавшейся изображенію. Точно такъ же онъ обрываетъ свой разсказъ какъ разъ на роковомъ утрѣ 22-го августа, когда былъ сдѣланъ коварный выстрѣлъ въ Колиньи, а сами дѣйствовавшія и подстрѣкавшія лица очутились лицомъ къ лицу передъ рѣшительнымъ шагомъ. Но зато онъ имѣлъ преимущество дѣйствительно держать въ рукахъ всѣ нити политическаго движенія.

На первомъ планѣ всего дѣйствія, безъ сомнѣнія, стоитъ Екатерина Медичи. Отзыви о ней иностранныхъ пословъ звучатъ не всегда благосклонно: „Она не вѣритъ въ Бога“, жалуется на нее однажды

папскій нунцій. Она страстна, вспыльчива, коварна, интригантка, двоязычна тамъ, гдѣ это она считаетъ необходимымъ. Къ религіознымъ и политическимъ мотивамъ она была, собственно говоря, равнодушна и строгихъ католиковъ не долюбивала, такъ же какъ и глубокихъ гугенотовъ. При всей итальянской страстности въ ней была та неприятная холодность, которая, сочувствуя всего болѣе умнымъ, но безпринципнымъ политикамъ, никогда не упускаетъ изъ виду личной выгоды. Кто зналъ ее ближе, находилъ ее вдобавокъ робкой отъ природы. Ея сынъ Карлъ IX-й уже давно достигъ совершеннолѣтія, но то, что говорили, было вполне справедливо, именно, будто бы ее одну нужно принимать въ расчетъ въ политикѣ Франціи, гдѣ она управляетъ всѣмъ. Екатерина принимаетъ пословъ наравнѣ съ своимъ сыномъ, присутствуетъ обыкновенно при всѣхъ его аудіенціяхъ, и не рѣдко Карлъ довольно точно повторяетъ то, чему научила его мать. Портретъ самого Карла IX-го, набросанный Баумгартеномъ, въ высшей степени неблагопріятенъ для короля. Испанскій посоль сообщаютъ, что Богъ надѣлилъ его слабымъ разсудкомъ. Во всякомъ случаѣ онъ не былъ искуснымъ притворщикомъ, но просто не установившимся, пылкимъ, страстнымъ юношей, легко поддававшимся чужому вліянію. Противоположныя вліянія толкали его постоянно изъ стороны въ сторону къ несчастью Франціи, которая именно въ это время нуждалась въ правительствѣ съ твердой, ясной и послѣдовательной волей. Въ это время она сдѣлала попытку освободиться отъ унижительной роли, удѣленной ей Испаніей послѣ смерти Генриха II-го, и пойти по дорогѣ, проложенной Францискомъ I-мъ, по которой впоследствии пошелъ Генрихъ IV-й, т. е. начать борьбу противъ могущества Испаніи, съ двухъ сторонъ, какъ въ желѣзныхъ рукахъ, сжимавшаго Францію. Сен-Жерменскій миръ, предоставившій протестантамъ нѣсколько укрѣпленныхъ убѣжищъ и значительную свободу въ исповѣданіи ихъ вѣры, былъ просто необходимостью: сила протестантовъ и денежные затрудненія вынудили его у французскаго двора. Изъ донесеній, приведенныхъ у Баумгартена, видно, какъ Филиппъ испанскій и папа боролись, чтобы помѣшать этому отпаденію отъ „служенія Богу“. Но личныя неудовольствія противъ Испаніи помогли французскому двору отбросить политическія соображенія. Жизненнымъ интересомъ для Екатерины были выгодные брачныя союзы ея дѣтей. Между тѣмъ овдовѣвшій Филиппъ предпочелъ ея дочери Маргаритѣ Анну австрійскую, за которую неудачно сватался Карлъ IX-й. Правда, Филиппъ устроилъ затѣмъ бракъ Карла IX-го съ Елизаветой, сестрой своей жены, но въ формѣ унижительной для Франціи. Еще болѣе неудовольствія возбудило при ея дворѣ поведеніе Филиппа въ запутанныхъ сношеніяхъ по поводу брака Себастіана, молодого короля Португаліи, съ Маргаритой французской. Это охлажденіе со стороны Франціи росло подъ вліяніемъ высокомѣрнаго поведенія испанскаго посла Алавы. Въ общемъ это былъ отличный

дипломатъ, опытный и искусный въ своихъ дѣлахъ. Его бумаги, хранящіяся въ парижской національной библіотекѣ, легли главнымъ образомъ въ основу подробнаго очерка того времени, набросаннаго Баумгартеномъ. Они принадлежатъ къ лучшимъ и наиболѣе достовернымъ источникамъ.

Колеблющаяся политика Франціи все болѣе и болѣе клонилась къ серьезному разрыву съ Испаніей. Маршалъ Монморанси, родственникъ Колиньи, стоявшій во главѣ партіи политиковъ, пользовался большимъ довѣріемъ у короля. Подъ его влияніемъ отношенія къ гугенотамъ дѣлались все болѣе и болѣе довѣрчивыми. Съ замѣчательнымъ искусствомъ эта партія стремилась посредствомъ предложеннаго брака принца Анжуйскаго (втораго брата Карла) съ дѣвственной владчицей Англіи тѣснѣе связать интересы Франціи съ дѣломъ протестантизма. Лѣтомъ 1571 года эти переговоры все еще колебались, и каждый шагъ къ сближенію съ Англіей былъ въ то же время отпаденіемъ отъ Испаніи. Этимъ же лѣтомъ Франція благосклонно стала прислушиваться къ планамъ графа Людовика Нассаускаго. Въ тайныхъ сношеніяхъ съ „ихъ величествами“, онъ разъяснял имъ справедливость жалобъ Нидерландовъ, угнетаемыхъ Испаніей. Фландрія и Артуа были заманчивой наградой, назначенной за французскую помощь. Союзъ съ Англіей и протестантскими государями Германіи былъ, разумѣется, необходимымъ условіемъ этой помощи. Такимъ образомъ было указано на самое больное мѣсто Испаніи, гдѣ ей грозила наибольшая опасность. Въ то же время это сдѣлалось рѣшительнымъ вопросомъ для политики Франціи. Съ конца іюля 1571 года и до Вареоломеевской ночи продолжалась борьба изъ-за рѣшенія короля въ томъ или другомъ смыслѣ. Противники напрягали всѣ свои силы; въ особенности же гугеноты. Имъ удалось привлечь на свою сторону Петруччи, флорентійскаго посла, пользовавшагося большимъ довѣріемъ у Екатерины. Благодаря ему, Колиньи былъ призванъ ко двору. Впрочемъ, гугенотовъ вообще старались привлечь ко двору для того, чтобы постепенно склонить ихъ къ католической религіи; къ этому стремилась въ особенности Екатерина. Средствомъ для этого долженъ былъ служить, между прочимъ, и бракъ Маргариты съ Генрихомъ Наваррскимъ.

Въ началѣ 1572 года, Филиппъ и папа сдѣлали послѣднее усиліе, чтобы разрушить союзъ королевской дочери Франціи съ еретичнымъ государемъ. Но они ничего не достигли и могли утѣшаться только надеждой, что папа никогда не дастъ разрѣшенія на бракъ съ еретикомъ.

18-го апрѣля 1572 года, былъ подписанъ, наконецъ, оборонительный союзъ съ Англіей; это была рѣшительная побѣда анти-испанской партіи. Но тутъ событія въ Нидерландахъ вызвали кризисъ.

1-го апрѣля 1572 года, графъ Вильгельмъ де-ла Маркъ взялъ маленькую голландскую гавань Бриль съ согласія Англіи. Повсюду

въ измученныхъ Нидерландахъ вспыхнуло возстаніе. Теперь наступила минута, когда должно было обнаружиться, рѣшилась ли Франція разорвать съ Испаніей, или нѣтъ? Въ концѣ апрѣля Карлъ IX-й сдѣлалъ попытку освободиться отъ опеки своей матери и начать самостоятельную политику. Донесенія пословъ полны извѣстіями относительно важнаго событія—разлада между сыномъ и матерью. Гугеноты подѣ рукой получили позволеніе идти на помощь къ гезамъ. Впослѣдствіи у графа Людвига было найдено письмо короля. Здѣсь Карлъ IX-й заявлялъ, что онъ рѣшился, насколько это позволятъ обстоятельства, употребить на освобожденіе Нидерландовъ дарованныя ему Богомъ средства. По отношенію къ Испаніи увѣренія гласили, разумѣется, совершенно иначе. Французская политика въ страшныхъ противорѣчіяхъ качалась изъ стороны въ сторону. Взятіе Валансьена и Мона (23-го и 24-го мая 1572 года) графомъ Людвигомъ сдѣлало положеніе еще болѣе критическимъ. Колиньи не переставалъ побуждать короля принять фландрскій планъ. Да и Екатерина была непрочъ получить часть при раздѣлѣ плодовъ, добытыхъ безъ всякаго труда со стороны Франціи оружіемъ гугенотовъ и гезовъ. Вдоль всей границы собирались войска. Безъ королевскаго разрѣшенія, французскіе приверженцы спѣшили на помощь возставшимъ. Недоставало только повода, чтобы открыто дать волю пламени. Въ это время приливъ анти-испанскаго направленія достигъ, пожалуй, своей высшей точки. Но тутъ посыпались одно за другимъ событія, которыя ухудшили положеніе гугенотовъ. 9-го іюня скончалась Іоанна д'Альбра, мать короля наваррскаго, строгая послѣдовательница протестантскаго ученія. Смерть послѣдовала не отъ яда, какъ это предполагали нѣкоторые, а отъ воспаленія легкихъ. Въ политическомъ отношеніи это событіе было очень важно, потому что ей не рѣдко приходилось помогать во многомъ гугенотамъ, совѣтомъ и деньгами. Къ тому же, несмотря на оборонительный союзъ, Елизавета отнюдь не была расположена уступить Франціи морской берегъ Фландріи. Въ это время Екатерина сдѣлала новую попытку предложить для дѣвственной королевы своего младшаго сына, рыболо Алансона. Но всѣ старанія привлечь Англію на свою сторону были напрасны. Вполнѣ безнадежны были и расчеты получить помощь изъ Германіи. Баумгартенъ набрасываетъ грустную картину положенія нѣмецкихъ протестантскихъ государей того времени. Пораженіе гугенотовъ подѣ начальствомъ Жанлиса близъ Мона (17-го іюля) дало рѣшительный толчекъ. Только въ томъ случаѣ, если бы имъ удалось побудить Карла къ открытому разрыву съ Испаніей, ихъ собственное положеніе было бы обезпечено. Случай былъ удобный. Екатерина въ началѣ августа отправилась къ своей больной дочери въ Лотарингію. Подавляющее вліяніе адмирала подвинуло короля такъ далеко, что дипломатическія донесенія уже гласили, будто бы рѣшено начать войну. Но тутъ вернулась королева мать, получившая вѣсть объ опасномъ

поворотѣ дѣлъ. Уже съ конца іюня она снова выказывала болѣе сочувствія къ Испаніи. При ея робкомъ характерѣ ей не хотѣлось и слышать о войнѣ съ могучимъ сосѣдомъ. Еще разъ съумѣла она привлечь короля на свою сторону. Въ двухъ большихъ засѣданіяхъ совѣта 6-го и 9-го августа былъ рѣшенъ миръ. Доводы, приведенные противъ войны, — денежные затрудненія, ненадежность англійской и нѣмецкой помощи, — были рѣшительны.

Но съ этихъ поръ Екатерина ненавидѣла Колиньи, человека, который впервые рѣшительно и серьезно подвергнулъ опасности ея вліяніе на Карла и прямо боролся противъ всей ея дѣятельности. Покуда онъ былъ въ живыхъ, нельзя было и говорить объ обращеніи Генриха Наваррскаго. Рѣшеніе убить адмирала исходило отъ нея. 22-го августа, Моревель сдѣлалъ роковой выстрѣлъ, который только ранилъ Колиньи. Дипломатическія донесенія касательно этихъ крайне важныхъ дней очень скудны, такъ что нельзя точно опредѣлить минуту, когда именно Екатерина приняла свое кровавое рѣшеніе. Баумгартенъ считаетъ въ этомъ случаѣ возможнымъ принять середину августа. Дальнѣйшія событія послѣ 22-го августа не разсказаны у него подробно. Въ числѣ другихъ донесеній авторъ приводитъ между прочимъ и то, что пишетъ папскій нунцій. „Если бы адмиралъ умеръ тотчасъ же, то другихъ бы не убили. Но, такъ какъ онъ не умеръ и Екатерина опасалась большаго несчастія, то она посоветовалась съ королемою, и они рѣшили, отбросивъ стыдъ, велѣть убить его вмѣстѣ съ другими“. Съ этимъ вполне согласно донесеніе испанскаго посла: „Убийство этихъ гугенотовъ, знатныхъ, равно какъ и другихъ, не было сначала взвѣшено, но рѣшено вдругъ“. Баумгартенъ заканчиваетъ такими словами: „Мнѣніе, будто бы все, что сдѣлало французское правительство съ августа 1570 года, было только приготовленіемъ къ 24-му августу 1572 года, это мнѣніе я устранилъ, надѣюсь, окончательно“.

Гиндели. „Исторія тридцатилѣтней войны“, томъ IV-й.

Четвертый томъ „Исторіи тридцатилѣтней войны“ Гиндели излагаетъ битвы и запутанныя дипломатическія сношенія отъ 1621 до 1623 годовъ. Окончательнымъ результатомъ этихъ событій слѣдуетъ назвать передачу достоинства курфюрста Максимилиану Баварскому. Въ сущности только ради этой цѣли былъ изгнанъ пфальцграфъ и предпринята война противъ него и его наслѣдственной области. Чтобы разъяснить роль Бетлена Габора въ смутахъ Германіи съ конца 1620 года, авторъ впервые подвергъ тщательному изученію

богатый государственный архивъ Венгрии и архивныя сокровища, хранящіяся въ венгерской академіи наукъ. Въ приложеніи, состоящемъ изъ документовъ, находится цѣлый рядъ актовъ. Акты отчасти касаются капитуляціи Пильзена, отчасти ближе освѣщаютъ отношенія императора къ баварскому герцогу и чрезвычайныя требованія, на которыя пфальцграфъ все еще считалъ себя вправѣ, несмотря на свое пораженіе. Во вступительномъ отдѣлѣ первой главы Гиндлеи даетъ отвѣтъ на вопросъ: „слѣдуетъ ли смотрѣть на тридцатилѣтнюю войну какъ на религиозную, или же какъ на политическую войну?“ Въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ кругъ религиозныхъ идей господствовалъ надъ духовной и матеріальной жизнью народовъ. Въ настоящее время эту роль играетъ идея политическая и національная, а въ будущемъ, можетъ быть, она предназначена промышленному и специальному разсчету. Во время великой нѣмецкой войны этотъ религиозный контрастъ нерѣдко служилъ желаннымъ поводомъ для начала враждебныхъ дѣйствій, но онъ далеко не былъ достаточной причиною для войны. Жадность и властолюбіе отдѣльныхъ князей извлекали пользу изъ борьбы и стремились ее затянуть. Втеченіе войны нерѣдко случалось, что даже религиозные противники заключали другъ съ другомъ союзы для достиженія своихъ цѣлей. Споры изъ-за владѣній непрерывно сопровождали религиозную борьбу и доставляли горючій матеріалъ, нужный для поддержки огня. Фердинандъ II-й прославляется обыкновенно, какъ защитникъ римской церкви. Между тѣмъ онъ имѣлъ въ виду исключительно расширеніе своего могущества, когда, стараясь отстранить пораженіе со стороны Франціи, отдалъ Лаузицъ на произволъ Саксоніи и этимъ нанесъ ущербъ религиознымъ интересамъ. Онъ могъ бы ихъ защищать съ гораздо большимъ успѣхомъ, если бы уступилъ Эльзасъ Франціи или снова завладѣлъ Лаузицею. Даже политику папы въ рѣшительныя минуты опредѣляли свѣтскіе, а не религиозные интересы. Только опасность схизмы, которой грозила ему Испанія, принудила его къ уступчивости. Чтобы сломить ненавистное господство Габсбурговъ въ Италіи, онъ враждовалъ съ ними все время, пока счастье сопровождало ихъ знамена, и старался отнять у нихъ средства для борьбы противъ еретиковъ. Съ противной стороны Густавъ Адольфъ сознательно воспользовался озлобленіемъ, которое вызвалъ въ Германіи насильственный образъ дѣйствія императора, чтобы на развалинахъ габсбургскаго управленія основать свое собственное господство. Если причина войны и заключалась въ религиозныхъ контрастахъ, разъ война началась, религія во всякомъ случаѣ отошла на задній планъ, а на ея мѣсто сталъ вопросъ объ удовлетвореніи честолюбія и корыстолюбія, который и растащилъ эту войну.

Иф...ль.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Родъ Шереметевыхъ. А. П. Барсукова. Кн. II-я. Спб. 1882. Съ приложеніемъ 4-хъ фотолитографическихъ снимковъ съ жалованныхъ грамотъ изъ семейнаго архива графа С. Д. Шереметева.

ТОРАЯ часть noctеннаго труда г. Барсукова представляетъ еще большіе общаго интереса, чѣмъ первая, вышедшая въ прошломъ году. Первая возбуждаетъ много вопросовъ изъ исторіи возникновенія московскаго боярства и его судьбы при Іоаннѣ IV-мъ, вторая раскрываетъ передъ нами прошлое московскаго боярства въ многозначительную эпоху русской исторической жизни, извѣстную подъ именемъ смутнаго времени. Это прошлое не одѣнено безпристрастно въ нашей наукѣ, а потому представляется большинству въ совершенно превратномъ видѣ. „Вошло въ обычай — скажемъ словами г. Барсукова — выставлять единственными отвѣтчиками за всѣ бѣдствія смутнаго времени бояре и вообще служилыхъ людей, которыхъ чуть не погодовно отнесли въ рубрику „измѣнниковъ отечеству“ (стр. 188 — 189). Считаемъ излишнимъ доказывать, что такое воззрѣніе совершенно ненаучно и анти-исторично. Исторія не знаетъ ни правыхъ, ни виноватыхъ; явленія ея происходятъ не по винѣ или желанію отдѣльныхъ личностей и общественныхъ группъ, а составляютъ неизбежный результатъ предъидущихъ фазисовъ народнаго развитія. Смутное время, стоящее на рубежѣ двухъ вѣковъ, XVI-го и XVII-го, является именно такимъ результатомъ всей предшествовавшей исторіи Московскаго государства и боярство составляетъ не единственный, а лишь одинъ изъ элементовъ того политическаго и общественнаго броженія, которое характеризуетъ періодъ времени отъ 1584 по 1619 г. Въ эти года всѣ политическіе и общественные элементы русской земли, придавленные, но не задавленные еще вполне грознымъ абсолютизмомъ Іоанна IV-го, воспрянули и заявили право на существованіе, на жизнь. Однимъ изъ самыхъ придавленныхъ элементовъ было боярство, а потому роль его въ смутное время самая замѣтная. И тем-

ныя, и свѣтлыя стороны боярства за это время опредѣляются длиннымъ рядомъ предыдущихъ событій. Никто не ставитъ, конечно, отрицать, что многие изъ бояръ смутнаго времени руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ мелкими, эгоистическими расчетами, но развѣ это приложимо только къ однимъ боярамъ? Развѣ остальные классы русскаго народа въ это „лихолѣтье“ русской земли были вдохновляемы лишь высокими патриотическими и нравственными принципами? Русскіе люди вообще „измалодушествовались“ въ то время, но иѣткому выраженію матери Михаила Феодоровича, старицы Марѣи. Это малодушіе опредѣлялось тогдашними политическими условіями и объяснялось причинами предшествовавшихъ явленій русской исторической жизни. Не заглядывая въ давно-прошедшее, уважемъ на судьбу московскаго боярства со времени женитьбы Іоанна III на Софій Палеологъ; столѣтіе, протекшее съ этого событія до смутнаго времени, не могло воспитать въ московскихъ боярахъ гражданскаго мужества и дѣльныхъ, независимыхъ характеровъ. Тамъ не менѣе есть много серьезныхъ общественныхъ заслугъ въ дѣятельности московскаго боярства въ смутное время. Лучшие изъ тогдашнихъ бояръ, несмотря на деморализацію большинства, „держали имя свое честно и грозно“ и выносили на себѣ тяжелую заботу объ обще-земскихъ, всенародныхъ интересахъ Московскаго государства.

Смута началась прежде всего изъ-за важнѣйшаго политическаго вопроса: кому и какъ стоять во главѣ государства? Въ безгосударное время бояре были естественными представителями верховной власти. Такъ было въ малолѣтство Дмитрія Донскаго, такъ было въ малолѣтство Іоанна IV-го, то же явилось по смерти бездѣтнаго царя Феодора Іоанновича. Князя Шуйскіе, князя Голицыны и Романовы соперничали въ то время изъ-за Мономаховой шапки не только ради личнаго честолюбія, но и на основаніи своихъ историческихъ правъ и имѣя опору въ современныхъ имъ обстоятельствахъ. За Шуйскихъ говорило ихъ древнее родословіе (они происходили отъ старшаго сына Александра Невскаго, а московскіе великіе князья отъ младшаго). Голицыны, кромѣ стариннаго происхожденія отъ литовскихъ князей, пользовались большою популярностью среди духовенства и отличались личными достоинствами. Глава этой фамиліи, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, въ представленіи лучшихъ людей эпохи считался „столпомъ“, опорой отечества (такъ называлъ его князь Д. М. Пожарскій), и постоянно желалъ дружнаго единенія въ политическихъ дѣлахъ представителей всей земли Русской. Наконецъ, Романовы, старинные московскіе бояре, были популярны въ среднихъ и низшихъ классахъ русскаго народа, которые помнили печалованье и заступничество за правыхъ, но слабыхъ передъ Грознымъ Іоанномъ—отца ихъ боярина Никиты Романовича. Упорно держался слухъ въ народѣ, что умирающій царь Федоръ назначилъ своимъ преемникомъ одного изъ „Никитичей“,—такъ называли тогда Романовыхъ. Но всѣхъ претендентовъ пересилилъ худородный Борисъ Годуновъ, наперсникъ грознаго царя. Держа въ рукахъ власть еще въ послѣдніе годы царствованія Іоанна IV-го, онъ явился фактическимъ правителемъ при слабомъ его преемникѣ и его воцареніе вазалось для большинства русскаго народа совершенно естественнымъ. На дѣлѣ оно явилось насиліемъ. Борисъ вступилъ въ открытую борьбу съ боярствомъ, опираясь на средній и низшій служилые классы. Смысля Шуйскихъ и Романовыхъ и оставляя до времени въ покоѣ Голицыныхъ, онъ заискивалъ въ дворянахъ и дѣлахъ боярскихъ и въ ихъ интересахъ произвелъ ту политическую и социальную реформу, которая

через столѣтіе выросла въ чудовищное общественное зло—крѣпостное право. Извѣстно, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ произведено было Борисомъ для обезпеченія экономическаго быта среднихъ и низшихъ служилыхъ людей и произведено было вопреки совѣту и желанію большихъ бояръ. Къ сожалѣнію, это послѣднее обстоятельство до сихъ поръ мало обслѣдовано; между тѣмъ, въ интересахъ истины, оно требуетъ тщательнаго изученія. При Борисѣ является призракъ сына Іоанна IV-го; за призракомъ идутъ не одни бояре, но „вся земля“, разныхъ чиновъ люди. На смѣну ихъ наступаетъ боярскій царь Василій Шуйскій, низвергающій названнаго Дмитрія при помощи московскихъ купцовъ и посадскихъ. Съ Шуйскаго берутъ бояре запись, ограничивающую его власть. Вопреки общему убѣжденію, что запись эта была составлена въ смыслѣ огражденія узко-боярскихъ интересовъ, имѣются свидѣтельства первонсточниковъ, указывающія на совершенно иной характеръ записи. „Онъ же (Шуйскій), — читаемъ, напримѣръ, въ Никоновской лѣтописи, — нача говорити въ соборной церкви... что цѣлюю-де крестъ на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего не сдѣлати безъ собору“. (См. „Ист. гос. росс.“, Карамзина, т. XII. примѣч. 4).

Въ правленіе Шуйскаго смута проникаетъ во всѣ классы русскаго народа, болѣе и болѣе распространяется по областямъ. Боярскому избраннику противопоставляется царь, любимый чернью и казаками—Тушинскій воръ. Среди боярства образуются партіи, происходят расколы. Люди поверхностные, карьеристы изъ бояръ, ради скорѣйшей карьеры и наживы передаются „вору“; но лучше люди изъ бояръ пребываютъ на высотѣ своего положенія—представителей и охранителей интересовъ земскихъ, народныхъ. Во главѣ этихъ бояръ стоятъ патриархъ Гермогенъ. Идѣваться надъ „семибоярщиной“, временнымъ правительствомъ по низведеніи съ престола Шуйскаго, сдѣлалось общимъ мѣстомъ; а между тѣмъ въ присягѣ „всѣхъ чиновъ людей“ на вѣрность тогдашнему правительству Московскаго государства, князю Ѳ. И. Мстиславскому „съ товарищи“, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: „за Московское государство и за нихъ, бояръ, стоять и съ измѣнниками битися до смерти; вора, кто называется царевичемъ Дмитріемъ, не хотѣтъ; другъ на друга зла не мыслить и не дѣлать, а выбрать государя на Московское государство боярамъ и всякимъ людямъ, всею землею..... сославшись съ городами“. Видя расколъ среди боярства, лучше люди изъ бояръ приходятъ мало-по-малу къ мысли о необходимости избрать царя не изъ среды боярской, а изъ сосѣднихъ иностранныхъ принцевъ, непричастныхъ внутреннимъ раздорамъ, чтобы съ большимъ безпристрастіемъ судить и радить земскія дѣла Московскаго государства; но первымъ условіемъ при избраніи иностраннаго принца является принятіе имъ православія, этого выраженія самобытности русской народности. Выборъ бояръ падаетъ на польскаго королевича Владислава, который при условіи принятія имъ православія былъ признанъ за царя московскаго и всея Руси патриархомъ, Москвою и областями. Выборъ вольскаго королевича, кромѣ того, представлялся весьма разумною мѣрою относительно внѣшней политики: бояре были убѣждены, что этотъ выборъ заставитъ Сигизмунда прекратить войну. Мысль о соединеніи двухъ государствъ—Польско-Литовскаго и Московскаго въ лицѣ одного государя не была новою мыслию. Сторонники Московскаго государства на польскомъ сеймѣ желали неоднократно втеченіе второй половины XVI в. видѣть на престолѣ пастовъ московскаго царя или его наслѣдника. Не дагѣ какъ за 13 лѣтъ до избранія

Владислава на престолъ московскій, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ едва не былъ избранъ въ король польскіе и только неговорчивость въ нѣкоторыхъ подробностяхъ московскаго правительства заставила поляковъ предложить корону шведскому принцу Сигизмунду Ваза. Теперь роли переимѣнились, и смыслу этого самаго Сигизмунда предлагалась шапка Мономаха. Владиславу присагнули „всѣхъ чиновъ люди“ въ Москвѣ также при извѣстной записи, ограничивающей его власть. Запись эта, какъ и запись Шуйскаго, представляется въ большинствѣ случаевъ олигархической „загѣйкой“ боярской клики. На дѣлѣ, однако, было иначе. Запись Владиславу ограничиваетъ власть его земскимъ соборомъ. Для убѣжденія въ справедливости нашихъ словъ сослаемся на VIII-й томъ „Исторіи Россіи“ Соловьева (стр. 296—299, 334, 1-го изданія) и на примѣчанія П. А. Муханова при 2-мъ изданіи его „Записокъ гетмана Ягольскаго“, Спб. 1871 г. Совершенно иного характера были домогательства М. Г. Салтыкова съ другими тушинцами, желавшими воцаренія не Владислава, а его отца Сигизмунда; но этихъ своекорыстныхъ, дѣйствительно измѣническихъ домогательствъ не слѣдуетъ смѣшивать съ воззрѣніями лучшихъ изъ бояръ смутнаго времени. Свокорыстіе этихъ эгоистовъ и политическая близорукость и безтактность Сигизмунда, желавшаго царить въ Москвѣ вмѣсто сына, даютъ новый поворотъ дѣламъ, и на земскомъ соборѣ 1613 года избирается царемъ сынъ того Романова, который еще до воцаренія Бориса Годунова считался преемникомъ Ѳеодора Іоанновича. Волны смутнаго времени вынесли на высоту царскаго престола самаго юнаго представителя древняго Московскаго боярства; представители другихъ древнихъ боярскихъ родовъ, считавшихъ себя несравненно выше Романовыхъ, были поглощены этими волнами.

При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, особенно послѣ 1619 года, когда принялъ бразды правленія его отецъ, патріархъ Филаретъ Никитичъ, стало приобретать силу новое, имъ созданное боярство. Удѣлѣвшіе представители старинныхъ родовъ отодвигаются на задній планъ. Это новое боярство возникло главнымъ образомъ изъ среднихъ и низшихъ служилыхъ людей и пополнилось царскими родственниками. Его интересы были уже иные, чѣмъ интересы лучшихъ людей изъ „изстариннаго“ московскаго боярства. Всѣмъ обязанные своимъ возвышеніемъ царской власти, эти новые бояре не были уже самостоятельными блюстителями общеземскихъ интересовъ. Объ руку съ этой новой служило-придворной аристократіей все болѣе и болѣе усиливался элементъ приказный. Результатомъ господства новыхъ бояръ и приказныхъ явилось окончательное установленіе крѣпостнаго права. Таково важное измѣненіе въ составѣ и духѣ боярства, произведенное смутнымъ временемъ.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ во II-й книгѣ труда г. Барсукова является Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ, знаменитый сторонникъ своихъ родственниковъ Романовыхъ, другъ Филарета Никитича, весьма много способствовавшій воцаренію Михаила Ѳеодоровича. Помимо общаго происхожденія съ Романовыми (отъ Андрея Кобылы), Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ находился въ ближайшемъ родствѣ съ Филаретомъ Никитичемъ и его сыномъ Михаиломъ, будучи женатъ на родной племянницѣ перваго и двоюродной сестрѣ втораго, княжѣ Иринѣ Борисовнѣ Черкасской. А. П. Барсуковъ сообщаетъ весьма интересные подробности, касающіяся этого Шереметева. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести свѣдѣнія о состояніи, въ которомъ находился въ 1622 г. извѣстное подмосковное имѣніе Шереметевыхъ Кусково, а въ особенности свѣдѣнія о

важной перепискѣ Ѳ. И. Шереметева съ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ за время посольства послѣдняго къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, а затѣмъ пребыванія въ Польшѣ въ плѣну. Впервые упомянулъ объ этой перепискѣ шведскій офицеръ Штрааленбергъ въ своей любопытнѣйшей книгѣ: „Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia“, вышедшей въ Стокгольмѣ въ 1730 г.; затѣмъ о ней нѣрѣдко говорилось печатно въ нашей исторической литературѣ. Тѣмъ не менѣе, переписка отрицается большинствомъ нашихъ историковъ. А. П. Барсуковъ представляетъ несомнѣнныя доказательства ея существованія. Онъ сообщаетъ, что во второй половинѣ XVIII-го в. письма Филарета Никитича къ Ѳ. И. Шереметеву еще сохранялись у графа Н. П. Шереметева, что видно, между прочимъ, изъ его письма къ графу А. А. Безбородкѣ отъ 3-го мая 1789 г. Въ настоящее время писемъ этихъ въ архивѣ графа С. Д. Шереметева не находится, и весьма вѣроятно предположеніе г. Барсукова, что они черезъ Безбородку попали въ руки императрицы Екатерины II (см. стр. 255—259). Надо думать, что они хранятся въ государственномъ архивѣ въ числѣ бумагъ этой государыни и розысканіе ихъ тамъ было бы большою услугою для русской исторической науки. Но письма Ѳ. И. Шереметева къ Филарету, должно полагать, окончательно погибли: содержаніе ихъ таково, что они несомнѣнно были уничтожены Филаретомъ. „Филаретъ, находясь въ плѣну въ Польшѣ, говоритъ г. Барсуковъ,—не предполагалъ, что царемъ будетъ избранъ его сынъ; онъ рассчитывалъ, что выборъ падетъ на кого-нибудь другаго, можетъ быть, на его сотоварища по плѣну, князя В. В. Голицына. Поэтому, въ одномъ изъ писемъ къ Шереметеву, онъ ставитъ непримѣннымъ условіемъ ограниченіе самодержавной власти“. (См. стр. 314). Эта тема и была главной темой въ перепискѣ Филарета съ Шереметевымъ. На совѣщаніяхъ земскихъ чиновъ 1618 года Шереметевъ читалъ письмо Филарета объ ограниченіи самодержавія, склоняя бояръ къ избранію Михаила Романова. Этими ему только и удалось вынудить уступку со стороны бояръ, нерасположенныхъ къ Михаилу, за котораго стояли средніе и низшіе служилые люди и посадскіе. А. П. Барсуковъ отрицаетъ переписку Ѳ. И. Шереметева съ княземъ В. В. Голицынымъ по вопросу объ избраніи Михаила Романова, между прочимъ, на томъ основаніи, что Голицынъ былъ самъ серьезнымъ кандидатомъ въ цари. Намъ кажется, напротивъ, что именно эта кандидатура могла служить мотивомъ ихъ переписки. Князю Голицыну, считавшемуся „столпомъ“ въ представленіи многихъ бояръ, и пишетъ Шереметевъ о своемъ родственникѣ: „выберемъ Мишу Романова, онъ молодъ и разумомъ еще не дошелъ и намъ будетъ поваденъ“. (Барс., II, 311, примѣч.). Князь Голицынъ не внялъ, однако, убѣжденіямъ Шереметева. Вотъ что говорилъ онъ въ 1619 г., передъ самой своей смертью въ отвѣтъ на запросъ московскаго правительства. Приводимъ этотъ любопытный отвѣтъ князя В. В. Голицына, къ сожалѣнію, пропущенный А. П. Барсуковымъ, по тексту С. М. Соловьева („Исторія Россіи“, т. X-й, 1-е изд., дополн. и поправки къ IX-му т., с. II—III). „Вины за собою никакой не знаю; ничего я ни дѣлалъ, ни мыслилъ другаго, кромѣ того съ чѣмъ послала меня вся земля, ничего не писалъ, во все не былъ причиною смуты... Королевича (Владислава) имѣть царемъ какъ прежде хотѣлъ, такъ и теперь хочу, по крестному дѣлованію; Михаила, Филаретова сына, не признаю и не хочу признавать государемъ, считая его ровнымъ себѣ и даже меньшимъ въ боярствѣ“. Изъ этого отвѣта для насъ очевидно, что князь В. В. Голицынъ отклонялъ отъ себя царскій вѣнецъ, оставаясь вѣрнѣе Владиславу, и склонялся къ тому же москвичей.

Вторая книга „Рода Шереметевых“ доведена до 1622 года, до того времени, когда, съ возвращеніемъ изъ плѣна въ 1619 г., Филаретъ Никитичъ Романовъ сталъ „великимъ государемъ патриархомъ“ и фактическимъ правителемъ Московскаго государства.

Д. К—овъ.

Образцы русской церковной проповѣди XIX-го вѣка. Составилъ священникъ М. А. Поторжинскій, преподаватель кievской дух. семинаріи. Кіевъ. 1882.

Это—окончаніе „Исторической Христоматіи“ русскаго проповѣдничества съ XI-го по XVIII-й в. включительно, составленной и изданной тѣмъ же авторомъ. Настоящій томъ ея (731 стр.) имѣетъ въ виду прежде всего кандидатовъ священства изъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, затѣмъ сельскихъ пастырей и, наконецъ, не только любителя проповѣдника, но и всякаго любителя религіозно-нравственнаго и назидательнаго чтенія, и составляетъ для нихъ единственное, незамѣнимое пособие къ изученію русской церковной литературы вообще и проповѣдической въ частности. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, книга священника Поторжинскаго можетъ служить и цѣлямъ общаго свѣтскаго образованія, и науки. Извѣстно, что исторія русскаго проповѣдничества существеннымъ образомъ входитъ въ составъ исторіи русской словесности, понимаемой въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ, напримѣръ, у гг. Галахова, Порфирьева и друг. Но у этихъ историковъ русской словесности исторія русской проповѣди не доведена до конца, и у г. Галахова, напримѣръ, прерывается на московскомъ митрополитѣ Филаретѣ. Свящ. Поторжинскій ведетъ далѣе исторію русскаго проповѣдничества въ его образцахъ и доводитъ ее до позднѣйшаго времени. Въ его изданіи образцовъ, которыхъ насчитывается 112, помѣщены проповѣдническіе труды преосвященныхъ: Исидора, митрополита с.-петербургскаго, Филарета и Макарія, митрополитовъ московскихъ, Филарета, Арсенія и Платона, митрополитовъ кievскихъ, Иннокентія и Дмитрія, архіепископовъ херсонскихъ, Евсевія, архіепископа могилевскаго, Леонтія, архіепископа варшавскаго, Павла, архіепископа кишиневскаго, Іоанна, архіепископа полтавскаго, Серафима, архіепископа воронежскаго, Іоанна, епископа смоленскаго, Никанора, епископа уфимскаго, Амвросія, епископа дмитровскаго; протоіереевъ: Бажанова, Толмачева, Н. Сергіевскаго, Я. К. Амфитеатрова и одного сельскаго священника. Недостатокъ биографическихъ и библиографическихъ свѣдѣній объ этихъ проповѣдникахъ восполняется въ нѣкоторой мѣрѣ указаніемъ проповѣдническихъ изданій, откуда заимствованы образцы. Въ концѣ книги приложены планы для импровизаціи, программа и образчики внѣ-богослужебныхъ бесѣдъ и правила для современнаго церковнаго проповѣдничества въ русской церкви.

Н. П.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Петръ Великій въ Даниі.

(Извлеченіе изъ „Воспоминаній“ Клауса Зейдена, датскаго аптекаря, род. въ 1702 г., ум. въ 1781 г.).

УКОПИСЬ Клауса Зейдена находится въ настоящее время у правнука автора, приходскаго священника, и была издана копенгагенскимъ историческимъ обществомъ. Печатаемое здѣсь извлеченіе изъ воспоминаній Зейдена обязательно сообщено въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ профессоромъ оксфордскаго университета Морфилемъ.

„Въ 1716 г. насъ посѣтилъ въ Никюбингъ (на островѣ Фольстерѣ) ¹⁾ русскій царь Петръ, прозванный Великимъ. Онъ въ полночь присталъ миляхъ въ двухъ отъ Gjedesbye; съ нимъ были князь Меншиковъ и нѣсколько другихъ русскихъ вельможъ и генераловъ въ двухъ или трехъ открытыхъ лодкахъ. Всѣ они сейчасъ же вскочили на рабочихъ деревенскихъ лошадей, пасшихся на свободѣ въ поляхъ, и прѣѣхали въ деревню, гдѣ остановились у трактирщика, бывшаго также и деревенскимъ судьей. Царь выгналъ его съ женой изъ постели и винулся въ нее, еще теплую, самъ, въ сапогахъ. Между тѣмъ, хозяинъ долженъ былъ пристроить, сколь возможно лучше, остальныхъ гостей; послѣ этого онъ послалъ верховаго нарочнаго въ Никюбингъ для того, что бы тамъ все было приготовлено къ приличной встрѣчѣ. (Здѣсь авторъ перечисляетъ всѣ поспѣвшія собраться провинціальныя депутаціи). Сейчасъ же отправились въ Gjedesbye и забрали всѣ наемныя кареты, частныя экипажи и лошадей, бывшихъ въ городѣ, чтобы предложить ихъ къ услугамъ царя; городской герольдъ (town stier) обошелъ весь городъ, приглашая жителей къ торжественной встрѣчѣ царя при въѣздѣ его, и всѣ лучшія хозяйки Никюбинга должны были отпра-

¹⁾ Гдѣ жилъ въ это время Зейденъ.

вѣться въ замокъ и готовить ему обѣдъ. Онъ прѣѣхалъ на слѣдующее утро, въ одиннадцать часовъ, но не въ каретѣ, а въ чемъ-то въ родѣ открытыхъ носилокъ, на парѣ лошадей. Его провезли въ замокъ, но онъ разсердился на это, такъ какъ располагалъ пообѣдать въ какой-нибудь гостинницѣ, и, найдя своего повара на крыльцѣ замка, онъ задалъ ему здоровую трепку. Въ концѣ-концовъ, однако, онъ согласился остаться тамъ, гдѣ былъ, но настоялъ на томъ, чтобы обѣдать одному, такъ что датское дворянство должно было удалиться. Онъ былъ похожъ на сержанта или, скорѣе, на палача. Онъ былъ высокаго роста, на немъ былъ грязный синій суконный кафтанъ съ мѣдными пуговицами; на ногахъ большіе сапоги, на головѣ маленькая бархатная шляпа; усы средней величины; въ рукахъ длинная трость; въ концѣ-концовъ, онъ не казался ужъ особенно дурнымъ. Онъ не долго сидѣлъ за столомъ и, пообѣдавъ, сейчасъ же пошелъ со своею свитою въ кузницу, гдѣ приказалъ, чтобы были приготовлены лодки. По дорогѣ изъ замка, два или три горожанина, осмѣлившіеся подойти къ нему слишкомъ близко, попробовали его палки; и такъ какъ онъ не могъ пройти въ лодку, не замочивъ ногъ, то Клаусъ Вендтъ долженъ былъ перенести его на нее, за что царь далъ ему восемь шиллинговъ (около двухъ пенсовъ). Сѣвъ въ лодку, царь со свитою отвалилъ отъ берега, но когда они подъѣхали къ пристани, то онъ снова вышелъ на берегъ, чтобы осмотрѣть мѣстность. Потомъ онъ поплылъ въ Haselbe и далѣе, желая добраться до галеръ, на которыхъ онъ прибылъ изъ Мекленбурга. Ихъ было безчисленное множество, такъ какъ на нихъ у царя была армія въ 36.000 человекъ. Онъ вернулся въ Никіобингъ около 5-ти или 6-ти часовъ пополудни и высадился со свитою на берегъ. Однако, онъ не захотѣлъ ужинать въ замкѣ, гдѣ все было приготовлено, а отправился въ домъ почтмейстера Эвера Розенфельдта и здѣсь приказалъ подать себѣ ржаного и пшеничнаго хлѣба, масла, голландскаго сыра, крѣпкаго эля, водки и вина; при этомъ ему особенно понравились одинъ ликеръ изъ Данцига: передъ нимъ не нужно было ставить иного напитка. Нѣкоторые изъ горожанъ, въ томъ числѣ и я, успѣли проскользнуть въ домъ Розенфельдта, чтобы посмотрѣть, какъ царь ужинаетъ. Онъ дѣйствительно велъ себя при этомъ съ большимъ изяществомъ, ибо всякій разъ какъ намазывалъ себѣ масломъ хлѣбъ, онъ начисто облизывалъ ножъ. Въ домѣ моихъ родителей было нѣсколько человекъ изъ его свиты, которыхъ угощали такимъ же образомъ. Когда прибыли галеры, вся команда вышла на берегъ; всѣ улицы и дома были до того наполнены людьми, что не было возможности двигаться; черезъ нѣсколько часовъ во всемъ городѣ нельзя было достать ни куска хлѣба, ни сыра, ни масла, ни яицъ, ни пива, ни какихъ-либо спиртныхъ напитковъ. Къ ночи царь со свитою вернулись на галеры; по данному сигналу и всѣ остальные люди возвратились на суда. Рано утромъ мы увидѣли на берегу нѣсколько тысячъ походныхъ котелковъ; подъ ними былъ огонь, для котораго солдаты воровали все, что могло горѣть; затѣмъ они собрали всю крапиву и болиголовъ и другую зелень, какую можно было достать, нарубили довольно мелко и положили въ котелки. Потомъ они покропили въ каждый котелокъ по одной соленой селедкѣ, и когда все уварилось, похлебка была готова: они съѣли ее такъ скоро, какъ только могли, и вернулись на суда со своими котелками. Царь сейчасъ же повелъ флотъ подъ парусами въ Гульдборгъ, а оттуда въ Копенгагенъ, такъ что въ полдень уже не было въ виду ни одной галеры. Супруга царя прибыла сюда черезъ нѣсколько дней послѣ его отплытія: она ѣхала изъ Мекленбурга черезъ Голштинію и

Зеландію. Когда она прїѣхала на пароми, губернаторъ и шерифъ встрѣтили ее на пристани, но она не была особенно прївѣтлива съ ними. Зато, когда она замѣтила между зрителями покойнаго нынѣ, достопочтеннаго Оле Зунда изъ Вейеръ-Лозе, сѣдова, почтеннаго на видъ старика, она низко поклонилась ему изъ своей коляски, думая, вѣроятно, что это патриархъ страны. Пребываніе въ Никюбингскомъ замкѣ прожвало на нее довольно хорошее впечатлѣніе, потому что она оставалась тамъ пять дней; мѣстныя хозяйки поочереди ходили въ замокъ готовить ей кушанье. Она была также очень довольна и всею ихъ страпнею, и рѣдкими винами, и всѣмъ, что было приготовлено для ея угощенія... Потомъ она отправилась въ Копенгагенъ къ своему супругу“.

Сообщено Г. Морфилемъ.

Праздникъ невѣждъ.

Когда на югѣ Россіи стала обнаруживаться штунда, нѣкоторыя столичные газеты, возвѣщая объ этомъ фактѣ, не разъ обращали особенное вниманіе на то, что „это—будто бы—первый опытъ уклоненія южно-русскаго народа отъ православія, за которое мужественно билось и умирало казацкое „лицарство“ На самомъ дѣлѣ это несомнѣнъ такъ. Штунда, безъ сомнѣнія, есть явленіе очень большое и многозначительное, но она все-таки не можетъ быть названа „первымъ опытомъ уклоненія“ отъ истинной вѣры. Знатоки южно-русской народности могутъ указать нѣсколько попытокъ въ этомъ родѣ, значительно опередившихъ обнаруженіе штундистскаго толка, но прежнія попытки были большею частію очень невѣжественны и не могли выдерживать такъ долго, какъ держится, повидимому, твердо установившаяся штунда. Одно изъ старинныхъ, совершенно невинныхъ, но и совершенно странныхъ заблужденій описано въ находящемся у меня указѣ бывшаго александровскаго духовнаго правленія исправлявшему должность благочинническую іерею Петру Санченку, 18-го іюля 1796 года, № 414. Въ указѣ этомъ читается слѣдующее:

„Александровскій нижній земскій судъ даетъ знать, въ ономъ-де судѣ слышано сообщеніе александровскаго уѣзднаго стряпчаго, прапорщика Склирева, въ коемъ прописываетъ, что мѣстечка Орлика старшина, провинціальныи секретарь Степановъ, извѣщаетъ его, стряпчаго, что прошлаго мая 11-го числа усмотрѣно имъ, Степановымъ, какъ въ самомъ мѣстечкѣ, такъ и въ округѣ онаго, яко простаго стану люди учредили пятокъ почитать за праздникъ и на оный нивакихъ работъ не производить, что и начали уже исполнять, разглашая между и въ другихъ здѣшняго уѣзда въ селеніяхъ: по завѣщанію священническомъ празднуютъ пятокъ. Изъ сего суевѣрнаго и негнпаго простолюдиня измышленія, кромѣ праздности и удаленія отъ работъ при всѣхъ ихъ недостаткахъ ничего добраго родиться не можетъ,—требуется онъ, стряпчий, о прекращеніи онаго посредствомъ священническихъ увѣщаній снести и симъ правленіямъ (sic). Почему оный нижній земскій судъ, сообщая, требуетъ предписать всѣмъ священникамъ съ подтвержденіемъ, чтобы оны по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ приходскихъ своихъ церквахъ простолюдинихъ, владающихъ въ негнпное суевѣріе, увѣщевали и наклоняли бы къ работѣ, а не праздности. Для того въ александровскомъ духовномъ правленіи опредѣлено изъ правленія послать ко всѣмъ благочиннымъ указы—велѣть

какъ самимъ благочиннымъ стараться и всѣмъ священникамъ предписать о тщательномъ преувѣщаніи при церквахъ своихъ прихожановъ не праздновать въ пятокъ, яко тое празднованіе есть отъ невѣжъ вымышленное крайнее суевѣріе и церкви святой противное, а праздновали бы только воскресенье и тѣ церковью установленные праздники, кои священниками празднуются“. Подписалъ: „протопопъ Іоаннъ Лисанскій“.

Православное духовенство приняло этотъ указъ къ исполненію, и при его усиліяхъ пятокъ въ южной Россіи не замѣнилъ дня воскреснаго. Но, впрочемъ, можно думать, что это было явленіе не всеобщее, а проявлявшееся только въ небольшой мѣстности около Алексополя, или даже въ одномъ г. Орликѣ. Замѣчательно, однако, что расколъ южно-русскихъ пятничниковъ наслѣдили и указали духовенству мірскія власти, именно старшина провинціальный, секретарь Степановъ, и страпчій, прапорщикъ Склиревъ, само же мѣстное духовенство этого какъ будто не замѣчало и на такое уклоненіе своихъ прихожанъ отъ истинной вѣры не жаловалось.

Нѣчто подобное, или даже совсѣмъ въ этомъ родѣ происходитъ въ Малороссіи и теперь, и притомъ по мѣстамъ не столь отдаленнымъ отъ центра главнаго духовнаго управленія. Народомъ по сю пору справляются такіе праздники, которые, по всей справедливости, могутъ быть названы праздниками невѣждъ. Такъ, въ прошломъ 1881 году мнѣ довелось въ іюлѣ мѣсяцѣ проѣхать съ Ржищевской пристани на Дніпрѣ въ село Бурты, принадлежащее родственнику моему, Дмитрію Ивановичу Ногѣ. День былъ будній и въ самый разгаръ полевыхъ работъ, но, несмотря на то, на поляхъ не было видно ни одного рабочаго, а по дорогамъ тянулись вереницы разряженныхъ по-праздничному женщинъ и мужчинъ и въ ворчмакъ сидѣли и пили вино „при-томненни люде“. На вопросъ мой: почему всѣ не работаютъ, а „праздникують“? мнѣ всѣ въ одну рѣчь отвѣчали, что „робитъ грихъ“, потому что сегодня праздникъ. А на вопросъ: какой именно сегодня праздникъ? отвѣчали: — „Матѣ Божѣ у крыниці купалась“.

И при этомъ отъ многихъ было сдѣлано сообщеніе, какъ именно и по какому случаю Св. Дѣва купалась въ колодцѣ между Ржищевомъ и Буртами.

Дѣло происходило будто такъ, что „Матѣ Божѣ приплыла на човнѣ (въ лодкѣ) до ржищевской пристани и пошла до Кагарыма на торгъ, а якъ тоді була дуже велыка пинота (жара), то вона зхотила съ крынички тильки водици напиться. Але якъ була вона дуже стомлена, людей коло крыниці никого не було, то вона стягла съ себя плахту и сорочку, да у той крыниці три раза съ головою окунулася, и добре освѣживши пошла въ Кагарыкъ“.

На вопросъ: кто же видѣлъ, какъ „Матѣ Божѣ купалась“, если около колодца никого изъ людей о ту пору не было, отвѣчаютъ:

— „Отци духовны бачили. Одинъ больной бувъ на очи, и при садку у вишнахъ сидивъ, да и бачивъ, и якъ вона одяглася и пошла по Кагарыцкому шляху, винъ скопився, побигъ, узавъ крестъ и хронило и началъ большою молебень співать, а потомъ умылся изъ крынички и вразъ у него очи здоровыя стали. А тоді вже и уси люди стали мытися и усимъ силамъ богато прибыло“.

Съ этого и наступилъ еще одинъ новый и понынѣ соблюдаемый „праздникъ невѣждъ“, подъ названіемъ „купанія Божіей Матери“. Онъ празднуется въ эти самыя дни, когда настала пора торжествовать тысячелѣтіе насажденію въ Россіи христіанства, и празднуется именно въ этой самой странѣ кievской,

„гдѣ стало христіанство отъ грековъ“. Времена, очевидно, измѣнились лишь настолько, что нынѣ никто, подобно стряпчему изъ прапорщичевъ, кіевскому духовному начальству объ этомъ не пишетъ, а само оно не въ силахъ досмотрѣть, какъ у него торжественно справляется „праздникъ невѣждъ“, дающій поводъ къ насмѣшкамъ всѣмъ иновѣрнымъ.

Послѣ этого можно ли удивляться успѣхамъ штунды?!

Но возможенъ другой вопросъ:

Что же дѣлаетъ само мѣстное духовенство?

Отвѣчаю: мѣстное духовенство служить молебны „на ереници, гдѣ Маты Бога купалась“.

Зачѣмъ же оно это дѣлаетъ?

Вмѣсто отвѣта скажу, что мнѣ самому очень хотѣлось разспросить объ этомъ одного изъ околныхъ священниковъ, но, увидавъ, какъ этотъ злополучный пастыръ священнодѣйствовалъ въ церкви безъ сапогъ, въ старыхъ резиновыхъ калошахъ, надѣтыхъ на босу-ногу, а причастники, получавшіе изъ его руки „сокрамонтъ“, запивали оный какъ жеребятки водою изъ конскаго водоонойнаго ведра,—я подумалъ, что тутъ были не у мѣста разспросы.

Его бы что ни говорилъ, но гдѣ духовенство обезпечено и гдѣ оно не имѣетъ нужды и выгоды поддерживать въ народѣ суевѣрія, тамъ исчезаютъ и „праздники невѣждъ“. Тамъ же, гдѣ думаютъ помочь дѣлу религіи однимъ умноженіемъ числа алтарей,—явленія, подобныя тѣмъ, кои здѣсь рассказаны, всегда будутъ возможны и, пожалуй, не исчезнуть даже и во второмъ тысячелѣтіи нашего христіанства.

Да не будетъ мнѣ поставлено въ судъ и въ осужденіе простое желаніе, чтобы предстоящему празднованію тысячелѣтія Кіева предшествовала честная повѣрка всего, что недоушло въ первую тысячу лѣтъ и что надо бы сразу же исправить въ началѣ второй.

Сообщено Н. С. Лѣсковымъ.

Такса на взятки.

Консistorскій секретарь Гаврило Муратовъ судился въ ярославской палатѣ уголовнаго суда, а потомъ въ правительствующемъ сенатѣ, за взяточничество, какъ это видно изъ сенатскаго указа отъ 14-го мая 1789 года на имя ярославскаго и вологодскаго генералъ-губернатора Башкина. Любопытна слѣдующая „лихоимственная такса“, установленная Муратовымъ.

1) За переведеніе изъ одной церкви къ другой, богѣе доходной, въ пономари	15 руб.
2) За оставленіе безъ штрафа за дерзкія слова (?)	40 „
3) За назначеніе въ дьяконы изъ дьячковъ	25 „
4) За справку о назначеніи въ пономари	10 „
5) За представленіе къ его высокопреосвященству къ слушанію (?).	5 „
6) За резолюцію на прошеніи (?)	5 „
7) За обѣщаніе не показывать въ вѣдомостяхъ порочными	50 „
8) За опредѣленіе въ приставы (?)	7 „
(Да сверхъ сего холстины 37 аршинъ по цѣнѣ на)	5 рублевъ)

Конечно, такса эта не была постоянною, и повышалась или понижалась, смотря „по обстоятельствамъ“.

Сообщено Л. Н. Трефоловымъ.

СМѢСЬ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ юбилей академика Я. И. Грота. 6-го сентября исполнилось пятьдесятъ лѣтъ ученой и литературной дѣятельности академика Якова Карловича Грота. День этотъ вспомнили многие почитатели трудовъ и таланта почтеннаго академика. Газета „Голось“ сообщаетъ слѣдующія подробности объ юбилеѣ.

„Съ одиннадцати часовъ утра квартира юбиляра стала наполняться депутаціями отъ различныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній.

„Первою прибыла депутація отъ Александровскаго лицея, гдѣ Я. К. Гротъ воспитывался и гдѣ, втеченіе десяти лѣтъ, съ великою честью и пользою занималъ кафедру. Депутація, состоявшая изъ членовъ лицейскаго совѣта и двухъ воспитанниковъ выпускнаго курса, поднесла юбиляру адресъ. Почти въ то же время прибыла депутація отъ петербургскаго университета, совѣтъ котораго избралъ Я. К. Грота своимъ почетнымъ членомъ. Кромѣ диплома на это званіе, депутація поднесла юбиляру адресъ, написанный въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ.

„Около часа дня прибылъ министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и президентъ академіи наукъ графъ Д. А. Толстой, директоръ публичной бібліотеки А. Ф. Бычковъ, члены государственнаго совѣта Н. И. Стояновскій, М. Н. Любошинскій, К. К. Гротъ и друг. Министръ народнаго просвѣщенія, въ присутствіи президента академіи, прочелъ юбиляру высочайшій рескриптъ, въ которомъ государь императоръ вспоминаетъ объ ученыхъ и литературныхъ заслугахъ юбиляра и благодаритъ его также за труды по воспитанію въ Бозѣ почившаго наслѣдника цесаревича Николая Александровича, и Его, нынѣ благополучно царствующаго. Сверхъ высочайшаго рескрипта, юбиляръ почтенъ отъ его величества назначеніемъ шестилѣтней аренды въ размѣрѣ 2.000 руб.

„Академикъ А. Ф. Бычковъ, сотоварищъ юбиляра по второму отдѣленію академіи (русскаго языка), прочелъ прекрасную рѣчь, въ которой обрисовалъ какъ заслуги юбиляра въ дѣлѣ науки и литературы, такъ и нравственную его личность. По словамъ оратора, юбиляръ втеченіе всей своей жизни остался вѣренъ мыслямъ, изложеннымъ въ одномъ изъ его стихотвореній, гдѣ поэтъ отгоняетъ отъ себя всякое дурное помышленіе. Стихотвореніе это было прочтано г. Бычковымъ съ большимъ воодушевленіемъ. Большая впечатлѣніе произвела рѣчь профессора М. И. Сухомлинова, который указалъ двѣ драгоценныя черты въ академикѣ-юбилярѣ: онъ высоко держалъ знамя науки свободной, живящейся только въ академіи самоуправляющейся, и никогда не забывалъ, что онъ членъ русской академіи. Насколько велика заслуга юбиляра въ этомъ отношеніи, видно уже изъ того, что академія игнорировала юби-

лей своего члена и, кромѣ товарищей по отдѣленію, никто изъ академиковъ не пришелъ поздравить честную руку юбиляра, столь много потрудившагося на пользу и славу русскаго просвѣщенія. Забылъ о юбилеѣ академика Я. Е. Грота и непремѣнный секретарь академіи г. Веселовскій..“

† Н. Я. Аристовъ. 26-го августа въ Нѣжинѣ скончался, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, заслуженный профессоръ и инспекторъ въ нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ Николай Яковлевичъ Аристовъ. Покойный первоначально воспитывался въ тамбовской духовной семинаріи. Онъ профессорствовалъ всего 21 годъ, сначала въ петербургскомъ университетѣ, потомъ въ казанскомъ, варшавскомъ и харьковскомъ университетахъ, а гдѣ шесть назадъ былъ переведенъ въ нѣжинскій институтъ. Н. Я., помимо своей педагогической дѣятельности, немало внесъ ученыхъ трудовъ и въ нашу литературу. Такъ, онъ сотрудничалъ въ духовныхъ изданіяхъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, въ газетѣ „Якорь“ (1864 и 1866 гг.), журналѣ „Заря“ и др. Въ историческихъ журналахъ онъ принималъ участіе во всѣхъ, особенно же въ „Древней и Новой Россіи“ и „Историческомъ Вѣстникѣ“. Съ настоящей книжки нашего журнала началось печатаніе посмертной статьи Н. Я. „Жизнь А. П. Щанова“. Изъ сочиненій его, изданныхъ отдѣльно, надо указать на слѣдующія: „Промышленность древней Руси“, „Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны“, „Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ гнѣзъ“ и пр. Н. Я. скончался на 47-мъ году жизни, оставивъ семью, состоящую изъ жены и семи малолѣтнихъ. Средствъ у семьи не осталось ровно никакихъ.

† А. О. Смирнова. На дняхъ предаю землѣ, въ Москвѣ, на кладбищѣ Донскаго монастыря, тѣло Александры Осиповны Смирновой... Современнымъ поколѣніямъ едва ли что говорить это имя. Можетъ быть, припомнятъ они его по стихамъ Пушкина и Лермонтова, да и то развѣ съ помощью нашихъ библиографовъ... А между тѣмъ, это имя не только дорого каждому, кто имѣлъ случай узнать лично Александру Осиповну въ пору ея жизни, предшествовавшую болѣзненной старости (она скончалась 72-хъ лѣтъ), но вѣдомо и памятно всѣмъ, кому непосредственно близки преданія той блистательной литературно-общественной эпохи, которой Пушкинъ съ цѣлой плеядой поэтовъ былъ законодателемъ и представителемъ, а Смирнова—однимъ изъ изящнѣйшихъ украшеній. Родившись на югѣ Россіи, отъ отца француза и матери русской, но съ примѣсью грузинской крови (равно одожденной и вышедшей вскорѣ замужъ за генерала Арнольди), дѣвица Россетъ или Россетти (какъ иногда, неправильно, произносили въ обществѣ эта фамилія) получила воспитаніе въ петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ, гдѣ стала тотчасъ же любимѣйшею ученицею Плетнева. Отличные успѣхи въ ученіи доставили ей шифръ, и Александра Осиповна, по выходѣ изъ института, поступила во фрейлины къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ; послѣ же кончины государыни (въ 1828 г.), сдѣлавшая фрейлиною императрицы Александры Феодоровны. Ея красота, столько разъ восхитая поэтами,—не величавая и блестящая красота формъ (она была очень невысокаго роста), а южная красота тонкихъ, правильныхъ линий смуглаго лица въ черныхъ, бодрыхъ, пронизательныхъ глазахъ, вся оживленная блескомъ острой мысли, ея пылливый, свободный умъ и искреннее влеченіе къ интересамъ высшаго строя—искусства, поэзіи, знанія—скоро создали ей при дворѣ и въ свѣтѣ исключительное положеніе. Дружба съ Плетневымъ и Жуковскимъ (также въ то время служившимъ при дворѣ) свела ее съ Пушкинымъ, и скромная фрейлинская келья въ 4-мъ этажѣ Зимняго дворца сдѣлалась мѣстомъ постоянного сборища всѣхъ знаменитостей тогдашняго литературнаго міра... Она и предъ лицомъ императора Николая, который очень цѣнилъ и любилъ ея бесѣду, являлась, такъ сказать, представительницею, а иногда и свѣдой защитницею лучшихъ въ ту пору стремленій русскаго общества и своихъ придворныхъ друзей. Зная ея дружескія отношенія съ Пушкинымъ, государь Николай Павловичъ нерѣдко черезъ нее получалъ отъ Пушкина и передавалъ ему обратно рукописи его произведеній. Къ этой придворной порѣ жизни Смирновой относится посланіе Пушкина къ князю Вяземскому:

„Она мила, скажу межъ нами,
Придворныхъ витязей гроза,
И можно съ южными звѣздами
Сравнить, особенно стихами,
Ея черкесскіе глаза!“

Говорить ли о томъ множествѣ стиховъ и стихотворныхъ шутокъ, которые тогда, да и позднѣе, не переставала получать Александра Осиповна отъ князя Вяземскаго и, въ особенности, отъ Жуковскаго? Большею частью эти бездѣлки, конечно, не напечатаны, да и не предназначались для печати, касаясь мимолетныхъ интересовъ дня.

И выйдя замужъ за Николая Михайловича Смирнова (впоследствии губернатора въ Калугѣ, а потомъ и въ Петербургѣ, и скончавшагося лѣтъ 10 тому назадъ), Александра Осиповна не прервала сношеній съ своими друзьями (она вообще была вѣрнымъ другъ); напротивъ—ея гостиняя или, лучше сказать, она сама была долго и долго притягательнымъ центромъ для всѣхъ выдающихся художниковъ, писателей, мыслящихъ дѣятелей. Со многими изъ нихъ она вела обширную переписку. Извѣстна ея дружба съ Гоголемъ, котораго, конечно, не всякая дама „большаго свѣта и двора“, особенно той эпохи, была бы способна такъ понять, оцѣнить и привязать къ себѣ душою. Вообще, не только въ Россіи, но и за-границей она была знакома со всеми болѣе или менѣе замѣчательными людьми, искала бесѣды съ ними, и при ея необычайной памяти, при ея начитанности, при ея житейской опытности, ея разговоръ, ея рассказы, даромъ котораго она владела мастерски, представляли неотразимую занимательность и прелесть.

† М. И. Богдановичъ. 25-го іюля скончался въ Ораніенбаумѣ членъ военнаго совѣта, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Модестъ Ивановичъ Богдановичъ. Происходя изъ дворянъ Харьковской губерніи, М. И. Богдановичъ родился 26-го августа 1806 года и окончилъ курсъ наукъ въ Дворянскомъ полку (нынѣ Константиновское военное училище). 4-го іюня 1823 года Модестъ Ивановичъ былъ произведенъ въ прапорщики артиллеріи, съ назначеніемъ въ 1-ю гренадерскую артиллерійскую роту резервнаго корпуса войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ его высочества, цесаревича Константина Павловича. Черезъ четыре года прапорщикъ Богдановичъ былъ переведенъ въ 24-ю (нынѣ 13-ю) артиллерійскую бригаду и въ январѣ 1831 года, въ чинѣ подпоручика, выступилъ въ царство Польское, для дѣйствія противъ мятежниковъ. Участвуя въ сраженіи при м. Заверъ, въ дѣлахъ подл. Прагою и подл. Гроховымъ, подпоручикъ Богдановичъ за оказанное мужество былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость“. Въ сраженіи при дер. Рагозницѣ, 17-го августа, онъ получилъ столь сильную контузію ядромъ въ правую ногу, что остался на полѣ сраженія, былъ взятъ мятежниками и находился въ плѣну до 27-го августа. Въ этотъ день онъ явился въ главную квартиру дѣйствующей арміи въ г. Варшаву, откуда и былъ отправленъ въ свою бригаду, въ г. Брестъ-Литовскъ.

Произведенный за отличіе въ сраженіяхъ въ поручикъ (5-го декабря 1832 г.), М. И. Богдановичъ въ ноябрѣ 1833 года поступилъ въ императорскую военную академію (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба), былъ произведенъ за отличіе въ штабсъ-капитана и въ 1835 году назначенъ состоять при третьемъ отдѣленіи бывшей канцеляріи генералъ-квартирмейстера главнаго штаба его императорскаго величества.

Въ 1836 году, М. И. Богдановичъ, произведенный въ капитана съ переводомъ въ генеральный штабъ, былъ назначенъ, по высочайшему повелѣнію, состоять при императорской военной академіи для приготовления въ адъюнктъ-профессоры. Назначенный правителемъ дѣлъ канцеляріи академіи, Модестъ Ивановичъ былъ вскорѣ утверждёнъ адъюнктъ-профессоромъ военной исторіи и читалъ лекціи въ академіи, а также и въ Дворянскомъ полку. Въ 1839 г. капитанъ Богдановичъ былъ уволенъ отъ должности правителя дѣлъ канцеляріи академіи, а въ 1841 г. произведенъ въ подполковники, съ назначеніемъ штабъ-офицеромъ, начальствующимъ надъ обучающимися въ академіи офицерами и съ оставленіемъ адъюнктъ-профессоромъ.

Въ званіи профессора Модестъ Ивановичъ былъ утверждёнъ въ февралѣ 1843 г., а въ февралѣ 1847 г. назначенъ членомъ военно-ученаго комитета по отдѣленію генеральнаго штаба. Въ сентябрѣ 1855 г., М. И. Богдановичъ произведенъ въ генералъ-майоры; въ 1863 г. назначенъ состоять въ распоряженіи военнаго министра и генералъ-квартирмейстера главнаго штаба его императорскаго величества, съ оставленіемъ членомъ конференціи академіи генеральнаго штаба. Въ апрѣлѣ 1863 г. Модестъ Ивановичъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и вслѣдъ затѣмъ зачисленъ членомъ совѣщательнаго комитета

главнаго штаба. Назначенный въ 1881 г. членомъ военнаго совѣта, Модестъ Ивановичъ оставался въ этомъ званіи до дня своей кончины, послѣдовавшей на 77 году отъ роду.

Изъ краткаго перечня службъ Модеста Ивановича Богдановича видно, что большую часть своей жизни онъ посвятилъ профессорской и ученой дѣятельности; имя его не только извѣстно его многочисленнымъ ученикамъ и слушателямъ, но и знакомо всякому образованному человѣку, интересующемуся отечественною исторіею и исторіею русскаго оружія. Кромѣ капитальныхъ сочиненій, какъ „Исторія Отечественной войны“, „Исторія войны 1813 г.“, „Исторія войны 1814 г.“, „Восточная война 1858—1859 годовъ“ и „Исторія царствованія императора Александра I“, Богдановичъ написалъ множество статей въ разныхъ журналахъ и принималъ дѣятельное участіе въ изданіи „Военно-энциклопедическаго лексикона“.

† Крейцвальдъ. Телеграмма изъ Дерпта извѣстила о смерти извѣстнаго эстонскаго поэта, д-ра Крейцвальда. Крейцвальдъ родился въ 1804 году, въ Имперѣ, въ екатериненскомъ приходѣ, Эстляндской губерніи и, слѣдовательно, умеръ 78 лѣтъ отъ роду. Съ 1826 по 36 годъ онъ слушалъ лекціи въ дерптскомъ университетѣ по медицинскому факультету, а по окончаніи курса получилъ мѣсто городскаго врача въ городѣ Верро. Степень доктора медицины онъ получилъ при одномъ изъ иностранныхъ университетовъ. Еще будучи студентомъ, онъ во время канікулярныхъ поѣздокъ, любилъ собирать и записывать изъ устъ народа сказанія и пѣсни. Въ сороковыхъ годахъ появился дѣльный рядъ его статей объ эстонскихъ древностяхъ, мифологіи, словесныхъ памятникахъ, народныхъ преданіяхъ и сказкахъ. Эти статьи доставили автору извѣстность основательнѣйшаго знатока эстонской народной словесности. Но самую выдающуюся его литературною заслугою считаютъ, по справедливости, собраніе въ одно цѣлое и художественную обработку различныхъ частей эстонской народной поэмы „Калевипоэгъ“, которую онъ издалъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Дерптѣ, по порученію дерптскаго эстонскаго ученаго общества. Поэма „Сынъ Калевъ“ была впоследствии переведена и на иностранныя языки и доставила европейскую извѣстность д-ру Крейцвальду, извлекающему ее изъ мрака забвенія. Въ 1877 году д-ръ Крейцвальдъ отказался отъ своей врачебной дѣятельности и жилъ на покой въ Дерптѣ. Умственная зависимость, благодаря всей предъидущей жизни и образованію, отъ чуждыхъ элементовъ, а подлѣ конца жизни и зависимость матеріальная, заставляли его сторониться отъ новѣйшаго движенія, возникшаго среди эстовъ, почему онъ въ послѣднее время и не игралъ особенно выдающейся роли въ жизни эстонцевъ, а напротивъ, его именемъ прикрывали иногда ловкіе люди дѣланія и стремленія, враждебныя этому движенію. Литературныя заслуги Крейцвальда громадны и имя его будетъ повторяться съ благодарностью эстонцами.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Слѣдъ ноги Вогородицы въ Почаевѣ.

(Замѣтка по поводу статьи кн. Н. С. Голицына).

Въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старинѣ“ напечатана статья князя Н. С. Голицына подъ заглавіемъ: „Почаевская лавра въ концѣ іюля 1855 года“. Въ названной статьѣ авторъ выражаетъ намѣреніе сообщить: „въ какомъ видѣ“ онъ нашелъ святини Почаевской лавры, перешедшей къ намъ изъ униатскихъ рукъ. Это очень любопытно и важно въ историческомъ отношеніи, такъ какъ прежними униатскими хозяевами лавры, отцами базилианами, выпущены въ свѣтъ книжки, возбуждающія сомнѣнія насчетъ подлинности нѣкоторыхъ святыхъ нынѣшняго Почаева. Но доброе намѣреніе князя имѣ, однако, выполнено такъ неудовлетворительно, что интереснѣйшій вопросъ: въ какомъ видѣ были тогда почаевскія святини въ самыхъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ ихъ чертахъ—остається по-прежнему невыясненнымъ и по-прежнему открытъ для пререканій и споровъ.

А споры эти, конечно, не прекратятся до тѣхъ поръ, пока униатскому клинтору, стоящему насупротивъ Почаева, по ту сторону австрийской границы, выгодно будетъ утверждать, что древними святынями Почаевской лавры теперь владѣть онъ.

Это въ своемъ родѣ повтореніе чешско-польскихъ споровъ о мощахъ св. Вацлава, которыя были и у поляковъ, и у чеховъ, а дѣло о подлинности ихъ такъ запуталось, что его нельзя и разобрать.

Но обратимся къ статьѣ кн. Голицына о святыняхъ Почаева.

Во-первыхъ, въ много обѣщавшей статьѣ кн. Голицына нѣтъ никакого описанія такъ-называемой „стопы“, или слѣда, оставленнаго ногою Богородицы на Почаевской скалѣ. Для описателя это совершенно непростительно, ибо это очень важно, такъ какъ именно о видѣ этой стопы говорятъ и пишутъ весьма неодинаково и даже крайне противорѣчиво. Князю Н. С. Голицыну надо бы это знать. А во-вторыхъ, у кн. Голицына ничего не сказано о стилѣ и способѣ письма почаевской иконы, что еще важнѣе, ибо по поводу этой иконы среди униатовъ и у галицкихъ католиковъ живетъ твердая увѣренность, будто подлинная, древняя икона Почаевской Божіей Матери базилианскими монахами изъ Почаевской лавры была выкрадена, а православнымъ пріемщикамъ, между коими не было ни одного настоящаго знатока иконописи, будто бы обманчивымъ образомъ данъ новый списокъ.

Все это не ограничивается преданіями и толками, но даже имѣетъ свою литературу на польскомъ и на русскомъ языкахъ и весьма сильно отражается на степени довѣрія къ несомнѣнности и подлинности Почаевскихъ святынь. А потому сколько-нибудь обстоятельное описаніе вида, въ какомъ стопа и икона были ранѣе и въ какомъ онѣ находятся нынѣ — давно очень желательно и очень нужно, но, къ сожалѣнію, ничего этого въ статьѣ кн. Голицына нѣтъ; спорные вопросы о Почаевскихъ святыняхъ послѣ княжеской статьи остаются въ нихъ прежней весьма досадительной неясности.

Мнѣ кажется, однако, что на дѣло это можетъ быть пролить хотя нѣкоторый слабый свѣтъ, при коемъ многія рассказы должны будутъ утратить всякую достовѣрность.

Особенно это можно сказать въ отношеніи пустыхъ толковъ, будто часть камня, гдѣ отпечатѣлся слѣдъ ноги Богоматери, базилианами тоже „вырублена и вывезена“, а что „теперешняя стопа ноги (будто) изваяна рукою“.

Кажется, нѣтъ ничего легче доказать, что тутъ никакой кражи камня не было, да нѣтъ и мѣста важнѣю, и я не знаю, отчего до сихъ поръ никто не попытался представить простыя и очевидныя тому доказательства.

Споры о святыняхъ Почаева нѣкогда меня весьма интересовали и, когда представился случай провѣрить эти толки, я имъ не преминулъ воспользоваться.

Я былъ въ Почаевской лаврѣ гораздо позже князя Н. С. Голицына, именно въ послѣдній годъ жизни усопшаго архіепископа волынскаго Агафангела Соловьева, но я осматривалъ Почаевскую лавру такъ удобно и такъ внимательно, что объ обѣихъ Почаевскихъ святыняхъ, о коихъ высказываются недоразумѣнія, могу дать отвѣтъ довольно опредѣлительный.

Однако, прежде всего, я хотѣлъ бы попытаться уяснить, когда и отчего именно могло возникнуть и развиваться сомнѣніе въ томъ: существуетъ ли въ дѣйствительности стопа или слѣдъ ноги Богородицы на почаевскомъ камнѣ?

По словамъ стариковъ въ Галичинѣ и на Волыни, сомнѣнія эти вы-

связывались нѣкоторыми гораздо ранѣе передачи лавры униатскими базилианами православнымъ русскимъ монахамъ, а послѣ передачи они стали усиливаться. Это, во всей вѣроятности, произошло отъ того, что новые православные посѣтители Почаевской лавры пламенно желали видѣть „стопу“, или „слѣдокъ Богородицы“, и были увѣрены, что онъ „будетъ открытъ“, но открытія не послѣдовало, и слѣда этого или стопы никому изъ богомольцевъ видѣть не удавалось. Такъ это и о сѣ пору: стопа, говорятъ, есть, но ея не видно—отсюда у иныхъ являютъ сомнѣнія: есть ли она на самомъ дѣлѣ?

Русскіе богомольцы виняты въ этой скрытности нинѣшнихъ православныхъ монаховъ Почаевской лавры, но это совершенно напрасно. Никакого „сокрытія стопы“ нѣтъ, а просто отъ самаго устройства церкви происходитъ такъ, что стопы нельзя видѣть.

Это не возбранено, но это такъ устроено, и устроено не нинѣшними, а прежними хозяевами лавры,—униатскими монахами ордена св. Василия, или базилианами.

Устроено это такъ, что въ одномъ изъ открытыхъ католическихъ алтарей, который и нынѣ у дѣлѣтъ у праваго столба храма, внизу у самаго пола есть небольшая металлическая форточка. Она всегда закрыта и даже заперта на ключъ. За этою-то форточкою, подъ алтаремъ, въ совершенномъ мракѣ и сокрытн камени, на которомъ отпечатался слѣдъ ноги Богородицы. Это часть скалы, которая закрыта алтаремъ, а на ней приходится слѣдъ, изъ коего не сказаніемъ постоянно струитъ многоцѣлебная вода, предлагаемая вѣрующимъ.

Упомянуемаго слѣда, или стопы Пресв. Богородицы нинѣшніе русскіе богомольцы, къ большому ихъ сожалѣнію, дѣйствительно никогда не видятъ, да и весьма трудно было бы доставить имъ возможность его видѣть. Для этого пришлось бы или совсѣмъ снять католическій алтарь, закрывающій это мѣсто, или освѣтить внутренность этого, теперь упраздненнаго алтаря и каждому богомольцу предоставить возможность просунуться туда въ форточку по крайней мѣрѣ по плечу. Разумѣется, это было бы не невозможно, но зато было бы очень хлопотно и во многихъ отношеніяхъ неудобно. За богомольцами тамъ уже нельзя было бы наблюдать, а между ними случаются люди необъяснимыхъ фактовъ. Такъ, напримѣръ, дубовый гробъ св. Александра Свирскаго у дѣлѣтъ отъ нихъ только въ нѣкоторой долѣ, а остальное они все выгрызли. Дѣлается это, конечно, во вѣрѣ и благочестіи, но святини отъ этого повреждаются и теряютъ свой видъ. А потому въ Почаевѣ для богомольцевъ все ограничивается тѣмъ, что они становятся на колѣни у упраздненнаго католическаго алтаря, покрывающаго стопу, а нарочитый ключъ, у котораго есть ключъ отъ металлической дверцы или форточки, открываетъ ее и, протанувъ во внутрь руку, беретъ оттуда черпачекъ полный цѣлебной водою. Этой воды инокъ даетъ богомольцамъ попить и умыться, чѣмъ для нихъ все и кончается. Имъ подають тарелку и говорятъ: „Клади гроши и иди съ Богомъ“. Они кладутъ и уходятъ, и въ большинствѣ случаевъ безъ неудовольствія.

Просьбы о дозволеніи видѣть „слѣдъ“ если и бывають, то онѣ не удовлетворяются, да если бы кому было и дозволено предѣть голову въ форточку, за которою сокрытъ камень, то таковой зритель все равно тамъ ничего не могъ бы рассмотреть, потому что адѣсь подъ алтаремъ темно совершенно, какъ въ закрытой скринѣ.

Такіе порядки заведены тутъ искони, и какъ они соблюдались при униатствѣ, такъ же точно соблюдаются нынче и у насъ. И польскіе почитатели но-

чавскихъ святыхъ напрасно увѣряютъ, что будто при базиліаняхъ было что-нибудь иначе, и будто „тогда всё стопу видѣли“. И встарь, при отцахъ базиліаняхъ, это было точно такъ же, какъ нынче, т.-е. и тогда нельзя было ничего видѣть.

Если въ „сокрытіи“ слѣда есть что-либо способное внушать неудовольствие нѣмкимъ нѣмѣнскимъ богомольцамъ, то это заведено совсѣмъ не православными монахами, а базиліанами, которые камня не увезли, ибо его увезти нельзя и онъ лежитъ на своемъ мѣстѣ.

Другое дѣло: есть ли какое-нибудь основаніе утверждать, что слѣдъ или стопа послѣ перехода лавры въ православнымъ произведена изваяніемъ?

И это тоже совершенная ложь.

Я имѣю рѣдкій случай обозрѣть эту святиню очень близко и совершенно явственно, и могу свидѣтельствовать, что всё толки объ изваяніи есть чистѣйшая выдумка. Можно вѣрнѣе ручаться, что никакой глазъ не въ состояніи обнаружить здѣсь ни малѣйшихъ признаковъ изваянія, или какой бы то ни было искусственности въ произведеніи „стопа“.

Такъ какъ я былъ въ Почаевской лаврѣ во время всеобщихъ передѣлокъ въ храмѣ и притомъ я пріѣхалъ въ эту пограничную обитель съ доброю рекомендаціею моего давняго знакомаго, бывшаго ректора кievской академіи, впоследствии епископа рижскаго Филарета Филаретова, къ в. пр. Агаѣангалу, архіепископу волынскому, то мнѣ была предоставлена значительно большая доля свободы въ обозрѣніи святыхъ храма. Дорожа этимъ рѣдкимъ случаемъ, я обозрѣвалъ спалу въ форточку съ зажженою восковою свѣчей въ рукѣ и видѣлъ все, что тамъ можно видѣть, и вотъ мои замѣчанія.

То углубленіе въ камнѣ, которое именуется „стопомъ Богородицы“, безъ всякаго сомнѣнія, не есть что-либо изсѣченное или изваянное, какъ рассказываютъ люди, недовольные переходомъ монастыря въ православныя руки. Самаго быстраго и поверхностнаго взгляда достаточно, чтобы удостовѣриться, что никакое каменосѣчное искусство здѣсь не имѣло никакого приложенія. Никакого мало-мальски отчетливаго подобія слѣда ноги человѣческой здѣсь незамѣтно, а видна, во-первыхъ, темноватая поверхность сплошнаго камня гранитной породы, въ нѣсколькихъ мѣстахъ какъ бы надтреснувашиго, и посреди его площади есть значительная, продолговатая впадина, въ формѣ раковины узкой, но длинной, на подобіе подрыбнаго блюда. Въ такую длину никакая нога человѣческая не бываетъ. Продолговатое, и къ концамъ мелкое и сходящее на нѣтъ, углубленіе это на серединѣ темнѣе и гораздо глубже и тутъ въ немъ замѣтно немного воды. Струю или фонтаномъ вода не бьетъ, а скорѣе сочится, или набѣгаетъ. Впрочемъ тутъ же для чего-то стоитъ металлическій жбанъ съ водою.

Болѣе подъ алтаремъ нѣтъ ничего и ничья рука тутъ никакихъ признаковъ ваянія не оставила. Кто утверждаетъ противное, тотъ говоритъ неправду.

Самое углубленіе произошло очевидно отъ долговременнаго тренія серебрянымъ черпачкомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась нерукотворенная „стопа Божіей Матери“, имѣвшая, по сказанію, прежде, въ давнія времена, ту отчетливую форму стопы, какал и понинѣ изображается на пузырькахъ или въ „бутылочкахъ“, въ какиихъ монастырь раздаетъ воду богомольцамъ, получая деньги не за воду, а за посуду, т.-е. „за бутылочки“. Такъ же отчетливо стопа изображается и на нѣкоторыхъ книжкахъ, въ этомъ монастырѣ печатаемыхъ, но такихъ правильныхъ очертаній ноги съ пятью перстами и пятою, какъ обе-

значаютъ на этихъ стеклинныхъ пузырькахъ, теперь на самой скалѣ рассмотреть уже невозможно. Да это и не могло быть иначе, такъ какъ постоянное трепеи металлическаго черпачка значительно расширило и углубило то мѣсто въ камнѣ, гдѣ на него наступила нога Богородицы.

Слѣдовательно, тутъ нѣтъ мѣста ни для каваго сомнѣнія въ томъ, что никакой ваятель здѣсь стопы не исѣкалъ, а только есть, кажется, причина сожалѣть, что съ названною святинею не умѣли обращаться бережливе, чтобы сохранить ее ни мало неповрежденною. И въ этомъ смыслѣ крайне интересно было бы знать: произошли ли описываемыя мною поврежденія отъ черпачка или ковша по ненаходчивости нашихъ православныхъ монаховъ, или стоина была уже точно въ такомъ видѣ изглаженія и въ то время, когда монастырми завѣдывали нѣсколько иначе воспитанные отцы базилиане?

Князь Голицынъ, осматривавшій святиню Почаева много ранѣе меня, можетъ быть, могъ объ этомъ что-нибудь знать и сказать, но, къ сожалѣнію, ничего основательнаго не сказалъ. Въ этомъ, по моему, огромный недостатокъ его описанія святыни Почаева.

Что же касается знаменитой чудотворной Почаевской иконы, т.-е. до ея стила и способа ея письма, то теперь это едва ли можетъ быть приведено къ какому-нибудь рѣшенію, такъ какъ икона, по видимому, была „поновлена“, т.-е. прописана новыми красками и покрыта, кажется, не олифю, а лакомъ, который совсѣмъ не идетъ къ древнему письму красками, растворенными на яичномъ желткѣ. Въ такомъ же видѣ была эта икона, когда ее осматривалъ князь Голицынъ, онъ тоже не говоритъ. Теперь же, чтобы судить объ этой иконѣ, надо бы ее прежде настоящимъ образомъ вымыть, т.-е. снять съ нея извѣстнымъ способомъ лакъ и новыя записи, какъ это было недавно сдѣлано г. Праховымъ надъ древнею иконою Николая Мокраго въ кievскомъ Софійскомъ соборѣ. И это, можетъ быть, было бы весьма полезно, ибо въ нынѣшнемъ состояніи Почаевской иконы она имѣетъ видъ иконы новой, въ способѣ произведенія которой чувствуются приемы и навыки руки, силовой болѣе къ живописной итальянской манерѣ, чѣмъ къ строгой иконописи византийскаго стила. Но, повторяю, это еще не можетъ быть несомнѣннымъ подтвержденіемъ того, что отцы базилиане будто дѣйствительно старую икону выкрали, а намъ оставили новую копію, ибо по всѣмъ видимостямъ (съ которыми согласны и монастырскіе рассказы) на иконѣ есть „поновки“, т.-е. позднѣйшія записи, подъ которыми, можетъ быть, и сокрыты драгоцѣнныя черты настоящаго древняго письма ⁴⁾.

⁴⁾ Между разными странностями слѣдотствующаго ума существуетъ повѣрье, что иконы, особенно чтимыя за ихъ чудотворную силу, „нельзя раздѣвать, т. е. обнажать отъ ризы“. По мѣстамъ это соблюдается строго и ризи съ особенно чтимыхъ иконъ не снимаютъ много лѣтъ. Такъ во все это время ризу чистятъ, не снимая съ образа, а самую иконопись не осматриваютъ, и потому вдругъ бывають поражены ея порчемъ, зависящею и отъ воздушныхъ перемѣнъ, дѣйствующихъ и на металлъ и на дерево, и отъ разныхъ иныхъ причинъ, которыя даже не могутъ придти въ голову. Такъ напр., когда профес. Адр. И. Праховъ въ прошломъ 1881 году снялъ ризу съ Николая Мокраго, то тамъ между ризою и самимъ образомъ оказались цѣлыя засихи мелкой и дѣлой пыли, и въ ней бумажныя сверточки съ грошами, гривенами и двугривенными. Все это, по мнѣнію причта, „прокидано въ жертву святому черезъ ручку, або черезъ пазуху“. Такой обичай есть. Онъ основанъ на тѣхъ соображеніяхъ, что подобнымъ образомъ опущенную жертву „попы уже не скрадуть отъ Бога“. На нѣкоторыхъ сверточкахъ еще можно было прочесть порученіе, какое жертвователи дѣлали

Было бы очень желательно, чтобы эти строки склонили князя Н. С. Голицына припомнить и пояснить: въ какомъ ли видѣ представлялись святини Почаева, когда онъ гораздо ранѣе меня ихъ осматривалъ, или тогда тутъ что либо было иначе.

Post scriptum. Статья эта была окончена наоборотъ, когда въ Петербургѣ получена новая, сентябрьская книжка „Кіевской Старины“, гдѣ напечатаны два до сихъ поръ неизвѣстные документа „по дѣлу передачи Почаевской лавры изъ вѣдомства уніатовъ въ вѣдомство православія“.

Оба документа чрезвычайно интересны, особенно въ сравненіи съ статьей кн. Голицына, которую сама „Кіевская Старина“ называетъ „не обильною фактами“. Зато два новые документа изобилуютъ фактами, и хотя всѣ они опять почти не касаются самаго, по нашему мнѣнію, главнаго, т. е. не даютъ понятія о тогдашнемъ состояніи почаевскихъ святинь, но выясняютъ причину, почему все это дѣло представляется въ такой темнотѣ.

Пробѣжимъ эти любопытные документа, прослушаемъ сдѣланные изъ нихъ въ Кіевѣ выводы и въ заключеніе скажемъ, что намъ самимъ думается.

Первый оглашаемый „Стариною“ документъ есть „отношеніе комиссіи военнаго суда въ г. Житомирѣ надъ мятежниками въ волынскую греко-російскую духовную консисторію“. Рѣчь идетъ „о расхищеніи имущества бывшаго почаевского базилианскаго монастыря при передачѣ въ лоно православія“. Производится слѣдствіе самою военно-судною комиссіею и по высочайшему повелѣнію императора Николая Павловича, въ 1838 году. Надо, кажется, предполагать болѣшую строгость и отчетливость въ исполненіи воли этого твердаго государя надъ мятежными монахами, привѣтывшими у себя отрядъ открытыхъ повстанцевъ Дверницкаго. Посмотримъ же, какъ это исполнялось на дѣлѣ: это и любопытно, и поучительно, особенно для тѣхъ, которые говорить о прошломъ безъ знанія и безъ понятій.

Утощеніе отряда Дверницкаго уніатскими монахами Почаевской лавры происходило въ началѣ іюня 1831 года, а 13-го іюля настоятель, казначей и эклезіархъ лавры отправлены подъ конвоемъ въ кіевскую крѣпость. Въ монастырѣ было „устроено временное правленіе“, т. е. вѣсто настоящаго архимандрита Словскаго монастыремъ поручено править базилианскому же монаху Вышатницкому.

Въ документѣ не сказано, но живое преданіе передаетъ, что базилиане съ этой поры уже знали, что дѣло кончится для нихъ самымъ роковымъ образомъ, т. е. что лавру у нихъ возьмутъ и передадутъ въ православное вѣдомство. И этому легко можно вѣрить: императоръ Николай такихъ дѣлъ не прощалъ. По увѣреніямъ стариковъ, „базилиане знали объ этомъ гораздо ранѣе, чѣмъ пришло распоряженіе“—„чули зъ синода“ и загода уже начинали „що красты, а що не можно вкрасы—то шкодити; и тутъ и павсвятшей Маты Божей икону до себя затагли, а на ея мѣстѣ що-сь друге одмалевали, а плмту яко-сь пошкыдыги“.

святому Николаю. Мнѣ приводили на память двѣ такіа записочки: „Святителю отче Николае, соедини убо рабовъ твоихъ Василія и Надежду“, и другая: „Святителю отче Николае, устрой и соверши 1-го займа серіи № такой-то, билета № такой-то“. Все это конечно очень тепло и живоенно, но жертвицы эти, ересь между ризой и иконописью, все-таки царапають и портять икону.

Н. І.

Комиссія (по документу), назначенная для приема лавры, прибыла туда только 8-го октября 1831 года, и то съ подходомъ. „Пріѣхали хиондритъ съ крутопонами, и сказали що будимъ-то ідутъ встрѣчать митрополита“ (Евгенія Болховитинова). Почаевскіе монахи базиліане дали гостямъ пріютъ. Въ подсылѣ были архимандритъ Флавіанъ и протоіерей Новицкій и Рафальскій (иносгѣдствіи Антоній, архіепископъ варшавскій, митрополитъ петербургскій). Имъ, очевидно, назначено было гдѣть, и они гдѣли базиліанамъ, что ожидаютъ Евгенія, но, по рассказамъ, „сами соромались, бо бачили, що базиліанскіи отци имъ не вѣрять“.

Положеніе подсылныхъ было такое непріятное, что они утроемъ притворились спящими и долго не выходили. Только одинъ Рафальскій „погулявъ трохи по дѣдницю, та и зновъ заховався до покою, — бо мавъ въ души сорість“.

Впрочемъ, и всѣмъ имъ было будто стыдненько, особенно при встрѣчкѣ съ глазу на глазъ съ базиліанамъ, которые говорили съ ними „шуткуючи, або мовчали съ усмихомъ“. Словомъ, базиліане давали имъ ясно понять, что они хорошо знаютъ о дѣлѣ пріѣзда своихъ гостей и, пожалуй, не очень-то ихъ болятся.

„На другой день, во второмъ часу (писано въ документѣ), кременецкій исправникъ Булаковский, собравъ много крестьянъ, окружилъ оными монастырь и велѣлъ никому не пущать въ оный или изъ оного“. Гости тамъ оставались тоже. „А послѣ обѣда, въ 4-мъ или 5-мъ часу, прибыли въ монастырь корпуса жандармовъ поручикъ Кирѣевъ, полковникъ Вильяшевъ, исправникъ Буликовский, засѣдатели Солнцевъ и Горскій, секретарь греко-уніатской консисторіи Карашевичъ, гнумень Іанкиій и монахъ Маврикіій“.

Они съ прежде прибывшими составили комиссію и приступили къ „пріятію монастыря со всѣмъ имуществомъ въ православное вѣдомство: отобрали отъ базиліанъ ключи отъ церкви (стало быть, и отъ той, гдѣ „стона“ и „икона“), отъ канцелярства и кладовыхъ, отъ погребовъ и амбаровъ; опечатали своими печатями безъ приглашенія базиліанъ и поставили военный караулъ внутри и снаружи, а исправлявшіаго должность назначенъ монаха Шувурскаго держали подъ карауломъ восемь дней“. Этотъ исправляющій должность казначея „отдавалъ имъ тѣ деньги, котормъ зналъ, сиди подъ арестомъ“. Прежде всего вниманіе православныхъ пріемщиковъ было обращено на деньги, потомъ на цѣнные вещи: „они описывали золотыя и серебряныя кольца и табакерки, часы варшавские и монеты, соболя воротники и старопольскіе золотые и серебряные пояса, серебряные подсвѣчники, столовныя и разныя ложки, ножи и вилки“. Затѣмъ приступили къ осмотру церковныхъ вещей по описи, но вещи эти были „облаченія и золотые сосуды“. Въ облаченіяхъ оказывалось множество противъ описи, а въ золотыхъ сосудахъ кое-чего не доставало, но послѣ все отыскалось. Потомъ дошло и до иконы Богородицы Почаевской, но объ осмотрѣ самой иконы и е свѣрѣѣ ея — не сказано ни слова, а записано только, что у нея было такъ много серебряныхъ вызолоченныхъ привѣсокъ, что пріемщики „не считали ихъ, но только перевѣсили. Было ихъ до 600, а можетъ быть и болѣе“. Все принимали кое-какъ и наскоро, какъ будто спѣша къ чему-то болѣе отрадному и существенному. Одно брали безъ депутатовъ, другое то теряли, то находили снова. Денегъ приняли много, но много еще и „просыпали“, потому что мѣшокъ разорвался.

Занося всѣ эти свѣдѣнія въ свое отношеніе, военно-судная комиссія, оче

видно, давала дѣлу этой необъяснимой и непростительнѣйшей небрежности приемщиковъ, такимъ образомъ исполнявшихъ высочайшую волю строгаго государя.

„Такъ равно, продолжаетъ комиссія, приняты ими погребъ съ съченымъ медомъ, буфетъ и погреба съ винами и водкою, причемъ „іеромонахъ Галичскій подъ описью не подписался, ибо не имѣлъ на то отъ приемщиковъ приказанія“. Только здѣсь утихаетъ спѣшка и приемъ идетъ гораздо продолжительнѣе. „Таковой приемъ продолжался съ 9-го октября до послѣднихъ чиселъ ноября безъ депутатовъ со стороны базиланъ“. Православные приемщики прямо „отозвались“, что при приемѣ погребовъ имъ „депутатовъ не нужно“.

Отъ такой системы приѣма, разумѣется, обнаружались самыя странныя и заворныя вещи: много кое-чего пропало и не нашлось, а иное отыскано, причемъ оказалось, что „стаканчикъ отъ стопы Божіей Матери (будто) давно еще, во время храмоваго праздника, украденъ“. И затѣмъ о „стопѣ“ болѣе ни слова...

Скажемъ, однако, отъ себя, что этотъ стаканчикъ былъ извѣстенъ богомольцамъ такъ же, какъ извѣстенъ, напр., мѣдный крестъ Марка гробкопателя (которымъ тоже пьютъ); многіе изъ стариковъ, часто посѣщавшихъ лавру, „во время ея громкой славы при унитяхъ“, увѣряютъ, что „стаканчикъ“ этотъ не былъ особенно цѣненъ по вѣсу металла, но онъ имѣлъ цѣнность другаго рода: онъ былъ какъ бы принадлежность стопы,—„належалъ до нея“, и какъ освещенный предметъ, онъ, по рассказамъ, былъ „унесенъ въ кляшторъ по тѣмъ бѣкъ границы, куда унесли и правдивый образъ“.

Таетъ, пока православные приемщики справлялись съ приемомъ казны, утвари и буфета съ погребами, причемъ не умѣли освободить себя отъ скандальныхъ исторій, сдатчики базилане, кажется, дѣйствительно имѣли достаточно и времени и возможности, чтобы утаить и вынести предметы, казавшіеся имъ болѣе драгоценными и имѣющими такое значеніе, при коемъ къ нимъ снова притекутъ деньги. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что „стаканчикъ отъ стопы“ не у насъ; а образъ и стопа такъ приняты, какъ будто и не приняты, или словно для обозначенія ихъ у приемщиковъ не нашлось ни минуты времени и ни одного слова...

Второй документъ есть отвѣтныи „репортъ“ игумена Іаникія, который вообще на вопросы комиссіи ничего не объяснилъ. Онъ такъ все позабылъ, что даже написалъ: „и когда конченъ приемъ монастыря, не помню“. Очевидно, какой-то совсѣмъ безпамятныи. Допрашивали ли памятливыхъ — неизвѣстно.

Тутъ и все. Это, конечно, немного, но, однако, достаточно для того, чтобы раздражить любознательность и возбудить охоту къ раскрытію подробностей этого страннаго и срамнаго дѣла. Когда-нибудь оно и разъяснится, ибо „Кіевская Старина“ говоритъ, что на Волыни многіе еще помнятъ грандіозныя разсказы о почаевскомъ погромѣ, и указываетъ на существованіе важныхъ по этому дѣлу бумагъ „въ разныхъ волынскихъ канцеляріяхъ“.

Извлечь эти бумаги на свѣтъ, разумѣется, будетъ интересно, но для выясненія вопроса о существѣ главныхъ почаевскихъ святыхъ и о томъ, въ какомъ видѣ онѣ переходили къ намъ отъ униатовъ, кажется, все это ничего не прибавитъ. Такъ приходится судить по запросу военно-судной комиссіи, изъ котораго видно, что приемщики были заняты совсѣмъ другимъ и объ иконѣ и стопѣ нигдѣ ничего не отмѣтили...

Это теперь уже, конечно, неоправимо и навсегда оставить известную долю вѣроподобія за сказаніями, въ которыхъ передается, „якъ разумны базилиане дурныхъ москалей опукали и усе святѣ до себя заграницю въ вѣшторъ забрали“.

„Кіевская Старина“ скорбитъ, что Почаевская лавра — „этотъ старинный народно-религіозный центръ Галичины, Волыни и Подолья, имѣвшій огромное вліяніе на народъ въ періодъ униатскій, съ переходомъ въ православіе замреть и меркнетъ“.

Это и въ самомъ дѣлѣ очень грустно, особенно для того, кто видѣлъ эту прекраснѣйшую мѣстность и этотъ хорошо устроенный на католическій манеръ монастырь, напоминающій нинѣ запущенный домъ безъ хозяина. „Необходимо бы изслѣдовать причины ослабленія дѣятельности Почаевской лавры съ переходомъ ея въ православіе“, говоритъ „Кіевская Старина“, и говоритъ правду. Кажется, давно бы пора замѣтить и изслѣдовать такое очевидное и такое невыгодное явленіе, какъ упадокъ всякаго значенія лавры для народа. Лавра вѣдь въ нашихъ рукахъ дѣлое полустолѣтіе. Но пока невозможны изслѣдованія, требующія свободы и безпристрастія выводовъ и иныхъ отношеній къ фактамъ, возможны по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе основательныя догадки о томъ, что лаврѣ повредило и что могло бы вернуть ей „время, когда ея обновленная дѣятельность зацвѣтеть среди обновленнаго народа“.

Бто отвѣтить „Кіевской Старинѣ“, когда придетъ ожидаемое ею благополучное время, да и вообще — придетъ ли оно для обители, которая сдѣлала свое историческое дѣло и „шумная дѣятельность ея замерла, а слава померкла?“ Всею свое время подъ солнцемъ, и поднять этотъ монастырь до того значенія, какое онъ имѣлъ „въ періодъ униатскій“ — теперь, кажется, напрасно и мечтать. Этому много помѣхъ не въ однихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, но и въ общемъ складѣ житейскихъ условій и въ самомъ духѣ времени, который, что бы противъ него ни дѣлали, самъ сильнѣе всѣхъ дѣлателей и всѣхъ передѣлаетъ. Но „Кіевская Старина“ полнѣе, что значеніе Почаевской лавры въ народъ могло бы оживить поднятіе здѣшней типографской дѣятельности. Журналъ указываетъ, что лавра могла бы „возвратить народу старинныя, любимыя имъ пѣсни духовныя, сборники которыхъ съ такимъ успѣхомъ распорядили монахи базилиане“. „Народъ о сию пору спрашиваетъ почаевскія книжки и выражаетъ смущеніе при отвѣтѣ, что этихъ книжекъ больше купить нельзя“.

Конечно, это вѣрно, что базилианскіе пѣснопѣвныя станики и проповѣди (казанія) на мѣстномъ народномъ малорусскомъ языкѣ широко распространяли и значеніе лавры, и они частію сдѣлали ее любовною и полезною народу. Но думается, что не это одно заморило и примрачило значеніе лавры; есть основаніе думать, что въ простомъ народѣ сдѣлали лаврѣ много вреда толки о поврежденіи однихъ и о похищеніи другихъ святыхъ.

По несчастному навыку страшиться только того, что напечатано, и считать незначашимъ все, что носится въ видѣ вѣстей и слуховъ, мы отвыкли соразмѣрять силу и значеніе укрывающейся отъ всякой цензуры молвы. Въ этомъ наша бѣда при многихъ случаяхъ, а преимущественно въ вопросахъ религіозныхъ. „Колебаніе религіозныхъ основъ“ всецѣло пишется на счетъ, подлежащій къ уплатѣ изъ бѣдныхъ скарбцевъ литературы, между тѣмъ какъ

все выражаемое литературою давно гораздо рѣзче и гораздо недоброжелательнѣе проходить въ народѣ безъ всякаго участія печати.

Святини Почаевской лавры можетъ быть надо не прятать отъ глазъ подспудно, что возбуждаетъ недоумѣнiе и говоръ, а надо бы ихъ сдѣлать видными и объяснить въ толково составленныхъ описанiяхъ ихъ видъ, значенiе и естественныя перемѣны, которымъ онѣ подвергались отъ времени и отъ присосновенiй...

Это все могло бы быть сдѣлано, конечно, съ полнымъ уваженiемъ къ святинямъ и несомнѣнно тоже „послужило бы къ тому же подъему упавшаго значенiя Почаевской лавры, о которомъ хлопочетъ „Кiевская Старина“. Необходимо сдѣлать нѣкоторое усилiе, чтобы доказать нашу правду такъ же смѣло и открыто, какъ сторона противнаго кляштора доказывала свою ложь.

Иначе дѣлать нечего. Молчкомъ здѣсь не опрокинешь вредящихъ лавръ толковъ объ ея святиняхъ.

Кiевскiй журналъ указываетъ на совершившееся окончательное присоединенiе униатовъ-малоруссовъ къ православию, послѣ чего должно бы начаться тяготѣнiе ихъ къ Почаевской лаврѣ.

Правда, что униаты присоединены—это фактъ, но и охватывающая этотъ край итунда, надо полагать—тоже фактъ.

Однако, оставимъ это волю Божiей. Въ историческихъ цѣляхъ, кажется, слѣдовало бы неукоснительно выяснить, какими мы получили почаевскiя святини отъ базилянъ? Со стороны редакцiи кiевского историческаго изданiя было бы большою заслугою, если бы оно, зная канцелярiи, въ которыхъ гнiютъ бумаги о передачѣ лавры въ православiе, подала вѣрныя свѣдѣнiя не объ однихъ деньгахъ и погребкахъ, которые приняли православные, а и о томъ, что дороже и погребовъ, и денегъ. Мы разумѣемъ извѣстiе о самихъ святиняхъ, о столѣ и объ иконѣ: кѣмъ они изъ православныхъ были свидѣтельствованы по положенiю, въ какомъ видѣ описаны, и гдѣ хранится актъ этого освидѣтельствованiя? Это помимо историческаго интереса даетъ возможность для самой убѣдительной отвѣды, въ интересахъ церковныхъ.

Пусть приемъ лавры православными представлялъ что-то въ родѣ чудовищнаго хищенiя, возмутившаго государя Николая Павловича, но не можетъ же быть, чтобы увлеченiе дѣлностями и напитками такъ поглотило всѣхъ, что главнѣйшiя святини оставлены даже вовсе безъ свидѣльствованiя и безъ описанiя?!

„Кiевской Старинѣ“ удобнѣе всѣхъ разъяснить это удивительное дѣло изъ времени того порядка, въ возвращенiи къ которому нынѣ усматриваютъ возвращенiе въ покой свой.

Н. Лѣсковъ.

12-го сентября 1882 г.

С.-Петербургъ.

ЗАМѢТКА

О ПЕРВОМЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОМЪ ЖУРНАЛѢ
„УЕДИНЕННЫЙ ПОШЕХОНЕЦЪ“.

Ярославль можетъ гордиться, какъ родина русскаго театра. Это— фактъ общеизвѣстный. Но едва-ли многіе знаютъ, что Ярославлю принадлежитъ другая честь, другая заслуга, хотя и менѣе важная, чѣмъ первая, однако все-таки заслуга почтенная предъ отечествомъ.

Разумѣемъ изданіе здѣсь въ Ярославлѣ перваго (по времени) русскаго провинціального журнала: „Уединенный Пошехонецъ“, основаннаго при Екатеринѣ II, въ 1786 года, довольно извѣстнымъ тогда труженникомъ-стихотворцемъ Василюмъ Демьяновичемъ Санковскимъ, секретаремъ приказа общественнаго призрѣнія. Благодаря ему, а также ярославскому и вологодскому намѣстнику Алексѣю Петровичу Мельгунову, — личности исторической, игравшей особенно важную роль при Петрѣ III, — Ярославль первый изъ русскихъ провинціальныхъ городовъ получилъ возможность имѣть свой печатный органъ.

Здѣсь не мѣсто говорить о достоинствахъ и недостаткахъ названнаго журнала. На него, конечно, слѣдуетъ смотрѣть ужъ никакъ не съ точки зрѣнія современной литературной критики. Такъ (скажемъ для сравненія), ни одинъ изъ нынѣшнихъ моряковъ не рѣшится хвалить или оуждать дѣдушку русскаго флота и дѣлать какія-либо сравненія между нимъ и настоящимъ его потомствомъ. „Уединенный Пошехонецъ“ былъ дѣдушкой русскаго провинціальной печати, зародившейся въ Ярославлѣ. Вотъ и все. Этими словами ясно опредѣляется его библиографическое значеніе и право на уваженіе къ нему со стороны его многочисленнаго, хотя, къ сожалѣнію, еще слабаго и далеко не повсемѣстнаго потомства, иначе сказать—со стороны русскаго провинціальной журналистики.

Думается и вѣрится, что она, изъ уваженія къ себѣ и къ своему отдаленному предку — „Уединенному Пошехонцу“, отпразднуетъ столѣтній юбилей его въ недалекомъ будущемъ, именно въ январѣ 1886 года.

Исполнится-ли это задушевное желаніе наше, какимъ образомъ и гдѣ, мы не вѣдаемъ. Конечно, всего приличнѣе было-бы отпраздновать этотъ скромный, но многозначительный юбилей на мѣстѣ родины русскаго провинціальной печати, т. е. въ Ярославлѣ, съ участіемъ представителей мѣстныхъ ученыхъ и литературныхъ силъ, а также города и земства, при добрыхъ гостяхъ— иногороднихъ журналистахъ. Но, не вдаваясь въ напрасныя мечты, мы считаемъ своей обязанностью заблаговременно напомнить тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, т. е. нашимъ собратамъ—потомкамъ „Уединеннаго Пошехонца“, что на всѣхъ ихъ лежитъ нравственный долгъ почитать, такъ или иначе, память перваго (по времени) провинціального журналиста, Василя Демьяновича Санковскаго. Право, стыдно и грѣшно забывать нашихъ литературныхъ пионеровъ! Ярославцы-же, если позабудутъ ихъ, совершать двойной грѣхъ, ибо „Уединенный Пошехонецъ“, кромѣ своего библиографическаго общерусскаго значенія, имѣетъ еще значеніе туземное, мѣстное. Въ этомъ журналѣ встрѣчается много такихъ статей, которыя и нынѣ могутъ пригодиться для исторіи и исторической статистики нашего ярославскаго края. Въ немъ печатались матеріалы,

такъ-сказать, земскіе—въ видѣ очерковъ всей губерніи и отдѣльныхъ ея уѣздовъ. Все это предавалось тисненію съ указаннаго дозволенія на маленькихъ листочкахъ сѣрой бумаги... Но мы не смѣемъ надѣяться на нихъ; напротивъ, мы смотримъ съ невольнымъ уваженіемъ на эти сѣрые листочки, которые теперь составляютъ величайшую библиографическую рѣдкость.

Слѣдуетъ вновь воспроизвести эту рѣдкость, для того, чтобы она не исчезла окончательно, какъ исчезли, напримѣръ, для большинства любителей старины въ некоторыя періодическія изданія Екатерининскаго времени. Если на это возразятъ намъ, что ихъ можно найти въ императорской публичной библиотекѣ, то такое замѣчаніе въ сущности ничего не значитъ: не каждый изъ насъ, уважающихъ памятники литературной старины, можетъ отправиться въ означенное книгохранилище и познакомиться тамъ съ ними болѣе или менѣе тщательнымъ образомъ. Вотъ почему русская читающая публика и отнеслась сочувственно къ трудамъ нашихъ лучшихъ библиографовъ. Разумѣемъ П. А. Ефремова, А. Н. Неустрова и покойнаго Афанасьева. Ими изданы вновь, между прочимъ: „Трутенъ“, „Пустомеля“, „Живописецъ“, „Кошелекъ“, „Поденщина“, „С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости“ на 1777 годъ и нѣдр. Почти всѣ эти новыя изданія составляютъ теперь уже сами библиографическую рѣдкость.

Что касается „Уединеннаго Пошехонца“, то намъ извѣстны всего лишь три-четыре экземпляра; но всѣ они не полны: утрачены не только отдѣльныя страницы, но и цѣлыя нумера. Составляя свой весьма почтенный трудъ: „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1803 года“ (СПБ., 1874), г. Неустровъ встрѣтилъ затрудненіе относительно „Уединеннаго Пошехонца“, который хотя и оказался въ императорской публичной библиотекѣ, „но увы! (писалъ намъ г. Неустровъ) съ большими недостатками“. Намъ было пріятно сдѣлать, въ этомъ случаѣ, посильную услугу почтенному библиографу¹⁾. Затѣмъ мы напечатали въ Русскомъ Архивѣ (1879 г.) довольно-обширное изслѣдованіе объ „Уединенномъ Пошехонцѣ“,—а нмѣвъ заявляемъ предъ русскими читателями твердое намѣреніе издать этотъ журналъ въ непродолжительномъ времени, однако при нѣкоторыхъ (дагѣе высказанныхъ) условіяхъ.

Перепечатка будетъ сдѣлана самая тщательная, изъ буквы въ букву, съ соблюденіемъ довольно-своеобразной орфографіи этого журнала и даже съ сохраненіемъ „погрѣшностей“ (опечатокъ), кромѣ лишь тѣхъ, которыя оговорены были самимъ редакторомъ его, Санковскимъ²⁾. Къ сожалѣнію, типографскія условія не позволяютъ намъ приступить ко второму изданію въ форматъ перваго изданія; отсюда неминуемо произойдетъ между ними разница въ страницахъ. Только въ этомъ и будетъ заключаться несходство изданій 1786 и 1883 годовъ,—несходство, думаемъ, маловажное и способное огорчить развѣ только однихъ отчаянныхъ библиомановъ, но ужъ никакъ не разумныхъ библиофиловъ. Между ними, какъ извѣстно, лежитъ цѣлая бездна.

¹⁾ О другомъ ярославскомъ журналѣ: Ежемѣсячное Сочиненіе (1787 г.), служившемъ продолженіемъ Уединеннаго Пошехонца, г. Неустровъ замѣчаетъ, что этого журнала ни въ одной библиографіи не значится; его не нашли мы и ни въ одной изъ вѣтербургскихъ библиотекъ.—Указаніе на Ежемѣсячное Сочиненіе, съ описаніемъ его содержанія, получено г. Неустровымъ отъ насъ-же. Л. Т.

²⁾ Въ предисловіи мы помѣстимъ его біографію, основанную на рукописныхъ и печатныхъ источникахъ. Л. Т.

Замѣтимъ еще, что для предполагаемаго нами изданія мы воспользуемся экземпляромъ, который нѣкогда принадлежалъ самому редактору „Уединеннаго Пошехонца“, что доказывается автографическими поправками Санковскаго ¹⁾. Лучше, помѣе этого экземпляра нигдѣ, смѣемъ предполагать, не нмѣется.

Итакъ, мы высказали наше намѣреніе воссоздать первообразъ того журнала, отъ котораго должна вести свою генеалогію русская провинціальная журналистика. Дѣло будетъ исполнено добросовѣстно, старательно, на сколько это зависить отъ нашего умѣнья. Тѣмъ перваго журналиста-провинціала Василія Демьяновича Санковскаго не упрекнемъ насъ за торопливую, небрежную работу. Любители книжной старины, авось, также скажутъ намъ спасибо. Но вотъ роковой вопросъ: много-ли ихъ у насъ въ Россіи, и поддержать-ли они наше изданіе?—Безъ этой-же поддержки оно немислимо. Далекіе отъ надежды на матеріальныя выгоды, мы, однакожъ, не рѣшимся дѣйствовать здѣсь на „авось“. За это насъ упрекнула-бы сама вышеозначенная тѣнь, которая, будучи плоть въ 1786 году, по собственному ея признанію, встрѣчала множество житейскихъ обстоятельствъ. (См. стихотвореніе Санковскаго „Охъ!“ въ Уед. Пошех., № 9, стр. 568—577). Право, не большое будетъ удовольствіе, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ литературномъ отношеніи, если издателю (говоримъ о себѣ) придется продать только два-три десятка книгъ, всѣ-же остальные экземпляры осудить на ауто-да-фе, или, что нисколько не лучше, спустить ихъ въ лавочки, для завертыванія мыла и ваксы. Совсе не желательно (да и накладно, скажемъ откровенно) уподобляться одному изъ творцовъ одъ Екатерининскаго времени:

„...И олу ужъ его тисненью предають,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продають...“

Разсчитывать исключительно на мѣстную, ярославскую публику... нѣтъ, это слишкомъ страшно! Никто въ своемъ отечествѣ пророкомъ не бывалъ... Это—горькая, но святая истина, не въ обиду будь сказано нашимъ родичамъ-туземцамъ. Остается надежда на иногородныхъ подписчиковъ, преимущественно на лицъ, болѣе или менѣе близкихъ къ провинціальной журналистикѣ. Авось хоть они-то поинтересуются узнать: а каковы-то былъ нашъ дѣдушка „Уединенный Пошехонецъ“? А о чемъ-же онъ толковалъ, и какъ толковалъ?

...Толковалъ онъ (художно-ли, хорошо-ли, — разумѣется, это иной вопросъ) весьма о многомъ. Программа его была, по тому времени, довольно-обширная. Напримѣръ, въ нее входили достопамятныя происшествія, случившіяся въ здѣшней странѣ (т. е. въ Ярославской губерніи) издревле и нынѣ. Затѣмъ былъ отдѣлъ благотворительныхъ и человеколюбивыхъ дѣяній, оказанныхъ частными людьми къ общественной пользѣ. Помѣщались также въ „Уединенномъ Пошехонцѣ“, по примѣру тогдашнихъ столичныхъ изданій, разныя духовныя, философскія, правоучительныя и историческія сочиненія. Кромѣ того, въ ярославскомъ ежемѣсячномъ сочиненіи давалось мѣсто статьямъ, до естественной исторіи, домоводства и до наукъ принадлежащимъ. Впродолженіи года составлялась объемистая книжка въ 782 стр., о которой и идетъ наша рѣчь.

¹⁾ Экземпляръ этотъ потому принадлежалъ покойному ярославскому любителю древностей, письменныхъ и печатныхъ, купцу Егору Васильевичу Трехлѣтову, и наконецъ, путешествіемъ изъ рукъ въ руки, доставался намъ, по счастливой случайности, впрочемъ, за хорошую цѣну. Л. Т.

Заключаемъ ее, эту рѣчь, слѣдующимъ предложеніемъ, обращеннымъ къ любителямъ и цѣнителямъ отечественной книжной старины:

1) Второе изданіе „Уединеннаго Пошехонца“ выйдетъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ: отъ 400 до 450, не болѣе. Если-бъ (сверхъ ожиданія) число пренумерантовъ оказалось больше, то и въ этомъ случаѣ мы остановимся на означенной послѣдней цифрѣ, какъ удовлетворяющей вполнѣ наши (далеко не эгоистическіе) расчеты и въ то же время очень близко къ количеству экземпляровъ перваго изданія названнаго журнала. Для библиографической цѣли, которую мы главнымъ образомъ имѣемъ въ виду, вовсе не требуется большаго числа пренумерантовъ.

2) Выйдетъ это изданіе въ 1883 году лишь въ томъ случаѣ, если заблаговременно (не далѣе 1-го декабря сего 1882 года) нижеподписавшійся получитъ заявленія отъ подписчиковъ (но безъ приложенія денегъ) по крайней мѣрѣ на 350 экземпляровъ. Для отвѣтовъ требуется почтовая марка. Получивъ въ означенному сроку упомянутыя заявленія, мы немедленно приступимъ къ печатанію, съ полной увѣренностью, что подписка состоялась, и что пренумеранты не замедлятъ высылкою денегъ, по первому нашему требованію. Книга выйдетъ въ мартѣ 1883 г.

3) Цѣна за экземпляръ: безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пересылкой по почтѣ—2 руб. Выписывающіе болѣе трехъ экземпляровъ за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ, кромѣ того, дѣляется уступка отъ 10-ти до 20%^а, смотря по числу требуемыхъ экземпляровъ и по взаимному соглашенію, но безъ отдачи на комиссію.

4) Адресъ: Ярославль, въ губерскую земскую управу, въ редакцію Вѣстника Ярославскаго Земства, Леониду Николаевичу Трефолеву.

Мы будемъ глубоко обязаны редакціямъ тѣхъ столичныхъ и провинціаль-ныхъ изданій, которыя познакомятъ своихъ читателей съ настоящею замѣткою. Безъ этого благосклоннаго участія она можетъ остаться гласомъ волюющаго въ пустынѣ. Тогда, по неволѣ, придется сказать, обратившись къ „Уединенному Пошехонцу“:

Спи, милый прахъ, до радостнаго утра!

Когда-же засянетъ это радостное утро, о томъ мы скромно умалчиваемъ; но вѣримъ, что оно когда-нибудь да наступитъ для правнучатъ нашего добраго, хотя нѣсколько наивнаго столѣтняго старца, „Уединеннаго Пошехонца“, желающаго вновь выглянуть въ Ярославль на божій—земскій свѣтъ.

Л. Трефоловъ.

Ярославль.

12 Сентября 1882 г.

Рана Ренси не была смертельна. Онъ изнемогалъ отъ сильной потери крови, хотя бормоталъ сквозь зубы съ насильственнымъ смѣхомъ, что „этимъ дѣло не кончится!“ Ему сдѣлали перевязку и послали за хирургомъ, который явился вмѣстѣ съ монахомъ. Оба довольно долго спорили между собой о томъ, кому изъ нихъ взять раненаго на свое попеченіе; но друзья Ренси положили конецъ спору, отдавъ предпочтеніе хирургу. Этотъ приказалъ перенести больнаго на берегъ Сены и повезъ въ лодкѣ къ себѣ на квартиру.

Въ это время слуги собирали окровавленные салфетки, подмывали полъ и разставляли на столѣ новыя бутылки. Водрѣль, тщательно обтеревъ свою шпагу, вложилъ ее въ ножны и, перекрестившись, хладнокровно вынулъ изъ кармана распечатанное письмо.

Когда опять всѣ сѣли за столъ на свои прежнія мѣста, онъ прочелъ первую строку письма при громкомъ взрывѣ хохота со стороны слушателей:

„Mon chéri, этотъ несносный шевалье Ренси становится все невыносимѣе“...

— Уйдемъ отсюда! сказалъ Мержи своему брату, съ чувствомъ глубокаго отвращенія.

Чтеніе письма настолько поглотило общее вниманіе, что никто не замѣтилъ ихъ отсутствія.

Г Л А В А IV.

Исповѣдь отступника.

Капитанъ Жоржъ, вернувшись въ городъ съ братомъ, повелъ его въ свою квартиру. Дорогой оба они едва обмѣнялись нѣсколькими словами, такъ какъ тяжелая сцена, при которой они были невольными свидѣтелями, не располагала ихъ къ сообщительности. Между тѣмъ, подобныя ссоры и слѣдовавшіе за ними поединки представляли въ эту эпоху самое обыденное явленіе. Съ одного конца Франціи до другаго щепетильность дворянъ относительно вопросовъ чести вела къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ. Въ царствованіе Генриха II и Генриха IV едва ли не большее число дворянъ погибло отъ дуэлей, нежели впродолженіе десяти лѣтъ междоусобныхъ войнъ.

Квартира капитана была роскошно меблирована. Шелковыя занавѣси и ковры яркихъ цвѣтовъ привлекли вниманіе младшаго Мержи, привыкшаго къ болѣе скромной обстановкѣ. Онъ вошелъ въ кабинетъ, который Жоржъ называлъ своей „моленной“, потому что слово „будуаръ“ еще не было тогда извѣстно. Дубовый налож, украшенный

«истор. вѣстн.», годъ III, томъ I.

рѣзьбой; Мадонна, нарисованная итальянскимъ художникомъ, и кропильница съ буксовой вѣткой, повидимому, оправдывали благочестивое назначеніе этой комнаты, хотя съ другой стороны кушетка, обитая черной шелковой камкой, венеціанское зеркало, портретъ молодой женщины, оружіе и музыкальные инструменты свидѣтельствовали о свѣтскихъ привычкахъ хозяина.

Мержи бросилъ презрительный взглядъ на кропильницу и буксовую вѣтку, которыя служили грустнымъ доказательствомъ отступничества его брата. Маленькій лавей поставилъ на столъ конфеты, орѣхи, варенные въ сахарѣ, и бѣлое вино. Чай и кофе не были еще тогда въ употребленіи, и вино замѣняло эти напитки для невзыскательныхъ предковъ нинѣшнихъ французовъ.

Мержи налилъ себѣ стаканъ вина; но все его вниманіе было поглощено кропильницей и налоемъ. Изъ груди его вырвался глубокой вздохъ; онъ пристально взглянулъ на своего брата, который небрежно растянулся на кушеткѣ, и сказалъ:

— Ты, кажется, совсѣмъ сдѣлался папистомъ! Что сказала бы наша мать, если бы она по какому нибудь случаю очутилась здѣсь?

Эти слова видимо огорчили Жоржа; онъ нахмурилъ свои густыя брови и сдѣлалъ жестъ рукой, какъ бы упрощая своего брата не касаться этого щекотливаго вопроса.

Но тотъ не былъ расположенъ падить его и продолжалъ:

— Неужели ты не только устами, но и сердцемъ отрёкся отъ вѣры нашей семьи?

— Я не знаю, что собственно ты называешь „вѣрой нашей семьи“... Она никогда не была моей вѣрой!... Неужели ты воображаешь, что я могъ придавать какое либо значеніе лицемѣрнымъ проповѣдямъ вашихъ гнусливыхъ пасторовъ!.. Это было бы слишкомъ глупо!

— Разумѣется! По твоимъ понятіямъ лучше вѣрить въ чистилище, исповѣдь, непогрѣшимость папы! Лучше преклонять колѣни передъ сандалями какого нибудь капуцина! Быть можетъ, наступитъ время, когда тебѣ будетъ казаться, что нельзя сѣсть за столъ, не прочитавъ молитвы барона Водрѣль!..

— Слушай, Бернаръ, я ненавижу всякіе диспуты, а тѣмъ болѣе богословскіе, но такъ какъ рано или поздно я долженъ объясниться съ тобой, и мы уже заговорили объ этомъ непріятномъ вопросѣ, то выслушай мою исповѣдь.

— Надѣюсь, что ты не вѣришь всѣмъ нелѣпнымъ выдумкамъ папистовъ!

Капитанъ пожалъ плечами и ударилъ своей широкой шпорой о полъ.

— Паписты! гугеноты! все это ничто иное, какъ глупое суевѣріе съ обѣихъ сторонъ! Я не могу вѣрить тому, что мой разсудокъ находится нелѣпнымъ. Наши католическія литаніи также бессмысленны,

какъ и ваши псалмы. Но въ нашихъ церквахъ,—добавилъ онъ, улыбаясь,—можно, по крайней мѣрѣ, услышать порядочную музыку, у васъ же человѣкъ съ хорошимъ слухомъ рискуеть оглохнуть отъ вашего дикаго пѣнія.

— Нечего сказать, ты указалъ на важное преимущество твоей религіи! изъ-за этого стѣбитъ переходить въ католичество!..

— Сдѣлай одолженіе, не называй католичество моею религіей; я въ него такъ же мало вѣрю, какъ и въ протестантство. Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ думать самостоятельно и рассудокъ заговорилъ во мнѣ...

— Но, позволь тебѣ сказать...

— Только не читай мнѣ правоученій! Я знаю наизусть все, что ты можешь мнѣ сказать. Я также пережилъ пору надеждъ и сомнѣній. Неужели ты думаешь, что я не употребилъ всѣхъ усилій, чтобы сохранить суевѣрія моего счастливаго дѣтства? Я внимательно читалъ сочиненія нашихъ ученыхъ богослововъ, чтобы найти въ нихъ точку опоры противъ мучившихъ меня сомнѣній; и этимъ только увеличивалъ ихъ. Короче сказать, я пересталъ вѣрить въ святость какой бы то ни было религіи и не вѣрю въ это и въ настоящее время. Я признаю, что вѣра безцѣнный даръ, и хотя самъ навсегда утратилъ ее, но никогда не позволю себѣ подрывать вѣру другихъ людей.

— Я отъ души жалѣю тебя!

— Ну, это твое дѣло! Впрочемъ, ты правъ съ своей точки зрѣнія. Будучи протестантомъ, я не вѣрилъ въ проповѣдь; теперь я католикъ и не вижу смысла въ нашей обѣднѣ. Но позволь тебя спросить: задавалъ-ли ты себѣ когда нибудь вопросъ: что представляютъ собой наши междоусобныя войны? Развѣ тѣ жестокости, которыя совершаются во имя религіи, недостаточны, чтобы вырвать съ корнемъ самую непоколебимую вѣру?

— Эти жестокости дѣло рукъ человѣческихъ и совершаются людьми, которые исказили слово Божіе.

— Ты повторяешь чужія слова, и поэтому не сердись, если я не нахожу ихъ убѣдительными. Я не понимаю того, что составляетъ сущность вашей религіи, и не въ состояніи понять этого... Въ противномъ случаѣ, пришлось бы, по выраженію нашего друга Жодель, вѣрить на слово безъ явныхъ доказательствъ.

— Если ты относишься безразлично къ обѣимъ религіямъ, то объясни, что побудило тебя отречься отъ протестантства, зная, насколько это огорчитъ твою семью и друзей?

— Я разъ двадцать писалъ моему отцу, чтобы объяснить мое поведеніе и оправдаться въ его глазахъ; но онъ, не распечатывая, бросалъ мои письма и относился ко мнѣ, какъ будто бы я совершилъ величайшее преступленіе.

— Мать и я не одобряли этой чрезмѣрной жестокости; и если бы не строгое запрещеніе отца...

— Я не знаю, что вы подумали тогда обо мнѣ. Но старого не вернешь! Ты спрашиваешь, что побудило меня къ этому безразсудному поступку? Разумѣется, а никогда не рѣшился бы на него вторично, если бы мнѣ предоставили на выборъ...

— Я былъ убѣжденъ, что ты рано или поздно станешь раскаяться въ этомъ.

— Раскаяться! Я не чувствую ничего подобнаго, потому что вовсе не считаю свой поступокъ безчестнымъ. Въ то время, когда ты еще ходилъ въ школу и учился греческому и латинскому языку, я надѣлъ на себя латы и подпоясался бѣлымъ шарфомъ, потому что и тогда бѣлый цвѣтъ былъ принятъ реформаторами, въ отличіе отъ католиковъ. Я поступилъ въ армию подъ непосредственное начальство принца Конде и участвовалъ въ первыхъ междоусобныхъ войнахъ. Но вашъ принцъ Конде, который былъ виновникомъ столькихъ ошибокъ вашей партіи, занимался дѣлами не иначе, какъ урывками, потому что все его вниманіе было поглощено любовными исторіями. Я пользовался тогда расположеніемъ одной дамы; принцъ потребовалъ, чтобы я отказался отъ нея въ его пользу; и, когда это не удалось ему, онъ сдѣлался моимъ непримиримымъ врагомъ. Онъ какъ бы поставилъ себѣ задачей вредить мнѣ всѣми способами и при каждомъ удобномъ случаѣ указывалъ на меня фанатикамъ своей партіи, какъ на чудовище распутства и безвѣрія... Между тѣмъ, я имѣлъ всего одну любовницу и дорожилъ ею. Что же касается втораго обвиненія... Я ни съ кѣмъ не говорилъ о религіи и не задѣвалъ ничьихъ убѣжденій; казалось, что и меня можно было оставить въ покоѣ...

— Я не считалъ принца способнымъ на такой низкій поступокъ...

— Онъ умеръ, и вы сдѣлали изъ него героя. Такъ всегда бываетъ на свѣтѣ! У него были свои достоинства и онъ умеръ съ честью; я давно простилъ ему. Но въ то время, о которомъ я говорю, онъ былъ всемогущъ и считалъ преступленіемъ, что такой ничтожный дворянинъ, какъ я, осмѣливается оказывать ему сопротивленіе.

Жоржъ прошелъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатамъ и продолжалъ съ возрастающимъ волненіемъ:

— Все духовенство и всѣ ханжи протестантской арміи разъярились противъ меня. Но я такъ же мало обращалъ вниманіе на ихъ ругательства, какъ и на ихъ проповѣди. Одинъ изъ приближенныхъ принца, желая угодить ему, назвалъ меня развратникомъ въ присутствіи всѣхъ моихъ товарищей. Я отвѣтилъ ему пощечиной и убилъ его. У насъ въ арміи бывало ежедневно не менѣе двѣнадцати дуелей, и наше начальство всегда показывало видъ, какъ будто не знаетъ этого. Но для меня сдѣлали исключеніе: принцъ рѣшилъ подвергнуть меня строгому наказанію для примѣра офицерамъ всей арміи. Я былъ помилованъ только благодаря усиленнымъ просьбамъ сеньоровъ и самого адмирала. Послѣ этого принцъ еще больше вознена-

видѣлъ меня. Въ битвѣ при Жазенѣль я командовалъ отрядомъ стрѣлковъ и дрался въ первыхъ рядахъ: мои латы были прострѣлены въ двухъ мѣстахъ; лѣвая рука проколота ударомъ копья, такъ что не могло быть никакого сомнѣнiя въ томъ, что я не шадилъ себя. Въ моемъ отрядѣ осталось всего двадцать человекъ, а на насъ шелъ дѣльный баталiонъ швейцарцевъ. Принцъ велѣлъ мнѣ идти въ атаку... я просилъ его дать мнѣ еще двѣ роты рейтаровъ... онъ назвалъ меня низкимъ трусомъ!..

Мержи всталъ и пожалъ руку своему брату.

Жоржъ, рассказывая по комнатамъ, продолжалъ дрожащимъ голосомъ:

— Онъ назвалъ меня трусомъ передъ всѣми этими дворянами, щеголявшими своими вызолоченными доспѣхами, но которые, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въроломно бросили его при Жарнакѣ, не сдѣлавъ даже попытки, чтобы спасти его отъ руки убійцы... Я зналъ, что онъ намѣренно посылаетъ меня на вѣрную смерть, но тѣмъ не менѣе бросился на швейцарцевъ, поглявши въ душѣ, что, если останусь въ живыхъ, то никогда болѣе не обнажу шпаги за такого человека, какъ принцъ. Я былъ опасно раненъ, сброшенъ съ лошади и едва не убитъ; но тутъ одинъ дворянинъ изъ свиты герцога Анжуйскаго, этотъ сумасшедшiй Бевилль, который сегодня обѣдалъ съ нами, спасъ мнѣ жизнь и представилъ герцогу. Со мной обошлись наилучшимъ образомъ. Я жаждалъ мести... Меня уговорили поступить на службу къ герцогу и привели этотъ стихъ:

„*Omne solum forti patria est, ut piscibus aequor*“¹⁾.

— Я видѣлъ съ негодованiемъ, что протестанты призываютъ иностранцевъ въ наше отечество... Но зачѣмъ стану я скрывать главную причину, руководившую моими дѣйствiями!.. Я думалъ только о мести и сдѣлался католикомъ, въ надеждѣ встрѣтить принца, Конде въ какомъ нибудь сраженiи и убить его. Другой отомстилъ ему за меня.... Способъ, какимъ былъ убитъ несчастный принцъ, почти заставилъ меня забыть мою ненависть. Я увидѣлъ его окровавленнымъ, въ рукахъ солдатъ, которые подвергали его всевозможнымъ оскорбленiямъ. Мое вмѣшательство не могло спасти ему жизнь; я приказалъ поднять его трупъ и покрылъ его своимъ плащомъ. Въ это время я уже служилъ католикамъ и командовалъ эскадрономъ ихъ кавалерiи. Къ счастью, услуги, которыя я нѣкогда оказалъ протестантской партiи, не были забыты; я старался по возможности смягчить неистовства религиознаго войны; и мнѣ удалось спасти нѣсколькихъ старыхъ прiателей...

— Оливье де-Бассвилль рассказываетъ всѣмъ, что онъ обязанъ тебѣ жизнью.

— Я сдѣлался католикомъ, сказалъ Жоржъ болѣе спокойнымъ

¹⁾ Мужественному человеку всякая страна отечество, какъ рыбамъ вода.

голосомъ, — и нахожу, что эта религія не хуже всякой другой и, вдобавокъ, ихъ благочестіе далеко не отличается такимъ суровымъ характеромъ, какъ наше! Ты видишь прекрасную мадонну, которая виситъ у меня на стѣнѣ: это портретъ одной итальянской куртизанки, между тѣмъ ханжи набожно крестятся передъ нею, восхваляя мое благочестіе. Повѣрь, что съ ними гораздо легче ладить, нежели съ нашими пасторами. Я живу здѣсь, какъ хочу, и дѣлаю только кое-какія уступки общественному мнѣнію. Такъ, напримѣръ, считается необходимымъ ходить къ обѣдни, — и я время отъ времени бываю въ церкви и люблюсь тамъ хорошенькими женщинами. Каждый обязанъ имѣть духовника, — я выбралъ себѣ въ духовные отцы францисканскаго монаха, славнаго малаго, который нѣкогда былъ коннымъ мушкетеромъ. За какойнибудь эки онъ дастъ мнѣ, когда угодно, свидѣтельство, что я былъ на исповѣди, и, вдобавокъ, я послалъ черезъ него любовныя письма къ его духовнымъ дочерямъ. Чортъ возьми! Въ виду всего этого, какъ не пожелать всякаго благополучія католическому духовенству...

Мержи невольно улыбнулся.

— Вотъ мой молитвенникъ! — продолжалъ капитанъ, бросивъ на столъ богато переплетенную книгу въ бархатномъ футлярѣ съ серебрянными застежками. — Этотъ часословъ стоитъ всѣхъ вашихъ протестантскихъ молитвенниковъ.

Мержи прочелъ на корешкѣ крупную надпись: „Придворный часословъ“.

— Отличный переплетъ! сказалъ онъ, возвращая книгу.

Капитанъ открылъ ее и указалъ на первую страницу:

Мержи прочелъ слѣдующее заглавіе:

„La vie très horrible du grand Gargantua, père de Pantagruel, composée par M. Alcofribas, abstracteur de Quintessence“.

— Что ты скажешь объ этой книгѣ? воскликнулъ со смѣхомъ капитанъ. Я не промѣняю ее на всѣ богословскія книги женевской бібліотеки!

— Я слышалъ, что авторъ этой книги замѣчательно ученый человекъ, но дурно воспользовался своими знаніями.

Жоржъ пожалъ плечами.

— Прочитай этотъ томъ, и тогда мы поговоримъ съ тобой.

Мержи взялъ книгу и сказалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Мнѣ очень жаль, что досада, хотя и вполне законная, понудила тебя совершить поступокъ, въ которомъ ты рано или поздно будешь горько раскаиваться.

Жоржъ опустилъ глаза и, казалось, разсматривалъ съ особеннымъ любопытствомъ коверъ, разостланный подъ его ногами.

— Что сдѣлано, того не воротить! сказалъ онъ съ подавленнымъ вздохомъ. — Впрочемъ, трудно ручаться за самого себя! добавилъ онъ

съ веселой улыбкой;—быть можетъ, наступитъ время, когда я опять буду слушать проповѣди. Но довольно объ этомъ; дай мнѣ слово, что мы не будемъ больше говорить о такихъ скучныхъ вещахъ.

— Я не теряю надежды, что твои собственныя размышленія сильнѣе подѣйствуютъ на тебя, чѣмъ всё мои разсужденія и совѣты.

— Ну, мы это увидимъ! а теперь поговоримъ о твоихъ дѣлахъ. Объясни мнѣ, что побудило тебя пріѣхать сюда?

— Я надѣюсь, что мнѣ удастся найти доступъ къ адмиралу и что онъ соблаговолитъ принять меня въ число дворянъ, которые будутъ сопровождать его въ Нидерланды.

— Этотъ планъ никуда не годится. Если дворянинъ умѣетъ владѣть оружіемъ и не окончательный трусъ, то онъ не долженъ добровольно брать на себя должность лакея. Кто тебѣ мѣшаетъ поступить въ королевскую гвардію въ качествѣ волонтера, и даже въ мой отрядъ, если ты этого желаешь? Во время всего похода, ты будешь, какъ и всё мы, подъ командой адмирала, но, по крайней мѣрѣ не станешь исполнять роль слуги.

— У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія вступить въ гвардію короля и я рѣшился бы на это только въ послѣдней крайности. Что же касается до твоего предложенія принять меня въ свой отрядъ, то я ничего не имѣю противъ этого; но мой отецъ желаетъ, чтобы я сдѣлалъ первую кампанію подъ непосредственнымъ начальствомъ адмирала.

— Я узнаю васъ въ этомъ, господа гугеноты! Вы толкуете о примиреніи, а сами болѣе насъ проникнуты старыми предрасудками.

— Какимъ образомъ?

— Да такъ! Король въ вашихъ глазахъ всегда тиранъ или Ахавъ, какъ его называютъ ваши пасторы. По вашему мнѣнію, онъ даже не король, а узурпаторъ: со времени смерти Людовика XIII-го ¹⁾ Гаспаръ I-й сдѣлался у васъ французскимъ королемъ.

— Я не понимаю этихъ шутокъ.

— Впрочемъ, нѣтъ никакой разницы въ томъ, будешь ли ты на службѣ у стараго Гаспара, или у герцога Гиза, продолжалъ Жоржъ,— г-нъ де-Шатильонъ во всякомъ случаѣ великій полководецъ; и ты пройдеши съ нимъ хорошую школу.

— Даже враги относятся къ нему съ уваженіемъ.

— Но нѣтъ не можетъ простить ему одного пистолетнаго выстрѣла.

— Онъ доказалъ свою невинность и, наконецъ, вся его жизнь служить достаточнымъ свидѣтельствомъ, что онъ не принималъ никакого участія въ вѣроломномъ убійствѣ Польтро.

¹⁾ Принцъ Людовикъ де-Конде, убитый при Жарнакѣ, навлекъ на себя подозрѣніе въ посягательствѣ на королевскую корону. Адмиралъ Колigny назывался Гаспаромъ.

— Ты знаешь латинскую аксіому: *fecit cui profuit*? Безъ этого пистолетнаго выстрѣла, Орлеанъ былъ бы навѣрно взятъ. — Въ сущности, только однимъ человѣкомъ стало меньше въ католической арміи.

— Да, но какимъ человѣкомъ! Ты развѣ не слыхалъ поговорки, что „на каждаго Гиза найдется во Франціи Мерé“¹⁾.

— Это не болѣе, какъ пустая угроза, хотя я могъ бы составить длинный списокъ, если бы вздумалъ пересчитывать всѣ преступленія Гизовъ.

— По моему мнѣнію, — возразилъ Жоржъ, — существуетъ только одинъ способъ, какимъ можно водворить миръ во Франціи, и если бы я былъ королемъ, то я распорядился бы слѣдующимъ образомъ: я приказалъ бы запрятать всѣхъ Гизовъ и Шатилоновъ въ крѣпкій кожаный мѣшокъ и бросить въ воду, привязавъ къ нему тяжесть въ сто тысячъ ливровъ желѣза, изъ боязни, что который нибудь изъ этихъ господъ останется въ живыхъ. Въ придачу къ нимъ я велѣлъ бы положить въ тотъ же мѣшокъ нѣкоторыхъ людей.

— Какое счастье, что ты не французскій король!

Разговоръ принялъ болѣе веселый оборотъ. Оба брата, оставивъ въ сторонѣ политику и богословіе, рассказывали другъ другу небольшія приключенія, которыя были съ ними со времени ихъ послѣдней разлуки. Мержи не скрылъ отъ своего брата плачевной исторіи, которая случилась съ ними въ гостинницѣ „Золотого Льва“; этотъ хохоталъ отъ души и подтрунивалъ надъ потерей восемнадцати акъ и надъ удачнымъ обмѣномъ лошадей.

Раздался звонъ колоколовъ въ сосѣдней церкви.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ капитанъ. — Пора идти! Не хочешь ли ты послушать вечернюю проповѣдь? Клянусь честью, что ты не соскучишься.

— Покорно благодарю! Но я не имѣю ни малѣйшаго желанія мѣнять религіи.

— Что за вздоръ!.. Право, жаль пропустить проповѣдь отца Любена. Это францисканскій монахъ, который умудряется представить католическую религію въ такомъ забавномъ свѣтѣ, что всегда собирается толпа, чтобы послушать его. Вдобавокъ, сегодня въ церкви Saint-Jacques будетъ присутствовать весь дворъ, а для тебя это зрѣлище не лишено извѣстнаго интереса.

— Какъ ты думаешь, увижу ли я тамъ графиню Тюржи и безъ маски?

— Я убѣжденъ въ этомъ. Врядъ ли она пропуститъ проповѣдь отца Любена. Не забудь встати, что если ты намѣренъ ухаживать

¹⁾ Польтро де-Мерé убилъ великаго Франсуа, герцога де-Гизъ, при осадѣ Орлеана, въ моментъ, когда городъ, доведенный до послѣдней крайности, готовился къ сдачѣ. На Коляны пало подозрѣніе, что убійство совершено по его приказанію или что онъ намѣренно не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы предупредить преступленіе.

за ней, то встань у дверей, чтобы подать ей святой воды, когда она выйдет из церкви. Это одна из самых умных церемоний в католической религии. Господи! сколько красивых ручек удалось мнѣ пожать, когда я подавалъ святую воду! сколько любовных писемъ передалъ я этимъ способомъ!

— Все это возбуждаетъ во мнѣ такое глубокое отвращеніе, что я ни за что на свѣтѣ не прикоснусь пальцемъ къ святой водѣ...

Жоржъ прервалъ своего младшаго брата громкимъ смѣхомъ, и затѣмъ оба, накинувъ на себя плащи, отправились въ церковь, гдѣ уже собралась многочисленная публика.

ГЛАВА V.

Проповѣдь.

Жоржъ, войдя въ церковь съ своимъ братомъ, старался выбрать мѣста поближе къ проповѣднику; но тутъ вниманіе ихъ было привлечено взрывами хохота, которые раздавались изъ ризницы. Они вошли въ нее и увидѣли толстаго францисканскаго монаха, съ веселой румяной физиономіей, который велъ оживленный разговоръ съ стоявшими около него молодыми людьми.

— Держу пари, что онъ не станетъ ругаться въ проповѣди! — сказалъ Бевилль.

— Почему же нѣтъ! Это зависитъ отъ моего усмотрѣнія, — возразилъ францисканецъ вызывающимъ тономъ.

— Держу пари на десять пистолей, что вы не посмѣете этого сдѣлать.

— Десять пистолей! Идетъ!..

— Бевилль, позволь мнѣ на половину участвовать въ твоемъ пари, — сказалъ Жоржъ.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! я хочу сполна получить деньги съ нашего благочестиваго отца; если онъ побожится въ проповѣди, или скажетъ какое-нибудь ругательство, то, клянусь честью, я не пожалѣю десяти пистолей: божба проповѣдника стодитъ этой суммы.

— А я объявляю вамъ, что уже выигралъ пари, — сказалъ отецъ Любенъ. — Я трижды побожусь въ началѣ проповѣди. Вы, господа дворяне, воображаете, что вамъ однимъ все дозвоительно, такъ какъ у васъ перо на шляпѣ и шпага! Посмотримъ.

Съ этими словами францисканецъ быстрыми шагами удалился изъ ризницы и вошелъ на кафедру. Въ церкви тотчасъ же водворилась мертвая тишина.

Проповѣдникъ окинулъ глазами толпу, стоявшую около его кафедры, какъ бы отыскивая того, кто держалъ съ нимъ пари и, увидя передъ собой Бевилля, стоявшаго у колонны, онъ нахмурилъ брови и, подбоченясь, началъ свою рѣчь громкимъ голосомъ:

„Мои дорогіе братья!

„Провались я сквозь землѣ! Клянусь смертью и кровью!..“

Ропотъ негодованія и удивленія прервалъ проповѣдника или, вѣрнѣе сказать, пополнилъ сдѣланную имъ паузу.

„Клянусь кровью Господа нашего“, продолжалъ францисканецъ набожно гнусливымъ тономъ, „что мы спасены и избавлены отъ ада...“

Этотъ неожиданный переходъ вызвалъ громкій смѣхъ со стороны присутствующей молодежи. Бевилль вытащилъ кошелекъ изъ-за своего пояса и показалъ его издали проповѣднику, сдѣлавъ при этомъ выразительный жестъ, что онъ проигралъ пари.

„Итакъ, мои братья“, продолжалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ отецъ Любенъ, „я надѣюсь, что это радуеть васъ! Мы спасены и избавлены отъ ада. Вотъ и прекрасно, думаете вы, намъ остается только сложить руки и предаться радости. Мы избавились отъ этого отвратительнаго адскаго огня. Чего намъ бояться чистилища! огонь его не болѣе обжога свѣчи, который излечивается елеемъ нѣсколькихъ обѣднъ. Чтò мѣшаетъ намъ ѣсть, пить и проводить веселыя ночи съ красавицами!

„Опомнитесь, закоснѣлые грѣшники! На что вы рассчитываете! Отецъ Любенъ совѣтуетъ вамъ не забывать часъ, когда придетъ небесный Женихъ.“

„Вы, можетъ быть, воображаете себѣ, господа еретики, гугеноты и распространители гугенотства, что Господь дозволилъ распять себя на крестѣ, чтобы спасти васъ отъ мукъ ада? Какъ бы не такъ! Неужели онъ сталъ бы проливать свою драгоценную кровь изъ-за какого-нибудь дурака или канала! Это было бы — извините за выраженіе — все равно, что метать бисеръ передъ свиньями. Нашъ Господь, наоборотъ, пожертвовалъ свиньями ради жемчуга; драгоценный жемчугъ находится въ морѣ и нашъ Господь повергъ въ море двѣ тысячи свиней. Et ecce impetu abiit totus grex proceres in mare. Счастливы вамъ путь, господа свиньи! Затѣмъ остается только пожелать, чтобы всѣ еретики отправились той же дорогой!“

Ораторъ кашлянулъ и остановился, чтобы взглянуть на слушателей и насладиться эффектомъ, произведеннымъ его краснорѣчіемъ. Затѣмъ онъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:

„Итакъ, господа гугеноты, обратитесь немедленно въ истинную вѣру! иначе... прахъ васъ возьми! вы не избѣгнете ада; бѣгите отъ проповѣдей вашихъ пасторовъ и да здравствуетъ наша католическая обѣдня!

„А вы, мои дорогіе братья католики, вы потираете себѣ руки и облизываете себѣ пальцы, предвкушая райскія наслажденія. Но, го-

вора откровенно, путь от королевскаго двора, при которомъ вы находитесь (если вы даже пойдете окольной дорогой), еще дальше, нежели отъ Saint-Lazare до воротъ Saint-Denis.

„Страданія, смерть и кровь Господа нашего спасли и избавили васъ отъ ада... Но помните, что они избавили васъ только отъ первороднаго грѣха; и горе вамъ, если сатана опять овладѣтъ вами. Поэтому я говорю вамъ: *Circuit quaerens quem devoret.*

„О, мои дорогіе братья! Сатана далеко превосходитъ всѣхъ васъ въ фехтовальномъ искусствѣ, не исключая даже англичанъ и я долженъ предупредить васъ, что вамъ будетъ трудно отпарировать его мѣткіе удары.

„Едва бросимъ мы наши дѣтскія куртки и одѣнемъ рейтузы или, другими словами, только что мы достигаемъ возраста, когда можемъ совершить смертный грѣхъ, господинъ сатана вызываетъ насъ на поле брани; наша защита — святые дары, а у него цѣлый арсеналъ; наши грѣхи служатъ для него одновременно наступательнымъ и оборонительнымъ оружіемъ.

„Вотъ онъ выступилъ на поле брани въ латахъ жадности; шпорами служить ему лѣнь; у пояса его сладострастіе въ видѣ длинной острой шпаги; на головѣ у него гордость на подобіе легкаго жандармскаго шлема; скупость въ его карманѣ, и онъ пользуется ею въ случаѣ надобности; гнѣвъ съ самыми оскорбительными ругательствами на устахъ его. Изъ этого вы видите, что онъ вышелъ на поединокъ вооруженный съ головы до ногъ.

„Когда наступаетъ моментъ битвы, сатана не говоритъ своему противнику, какъ это принято у вѣжливыхъ дуэлистовъ: милостивый государь, готовы ли вы?—а прямо набрасывается на христіанина безъ всякаго предостереженія. Христіанинъ, вида, что сатана намѣревается поразить его въ животъ рапирой жадности парируетъ ударъ воздержаніемъ“.

Проповѣдникъ остановился и, для большей наглядности, схватилъ свой посохъ, и началъ наносить имъ по воздуху мнимые удары, какъ дѣлаетъ это фехтовальный учитель своей рапирой, чтобы показать ученикамъ трудный ударъ.

„Сатана, отступивъ на нѣсколько шаговъ, наноситъ ему ударъ лезвиемъ гнѣва; затѣмъ ложное выпаденіе лицемѣрія и ударъ гордости квартой. Христіанинъ парируетъ терпѣніемъ, и отражаетъ гордость униженіемъ. Сатана въ раздраженіи наноситъ ему ударъ остриемъ шпаги сладострастія, но, вида, что его ударъ отраженъ умерщвленіемъ плоти, набрасывается стремглавъ на своего противника и дѣлаетъ попытку сбить его съ ногъ шпорами лѣни и поражаетъ его шпагой зависти, чтобы влить въ его сердце скупость. Тутъ нужно держать ухо остро и твердо стоять на ногахъ. Съ помощью трудолюбія можно удержаться отъ паденія, а шпагу зависти слѣдуетъ отразить любовью къ ближнему. (Это всего

трудоѣе, друзья мои). Что же касается рапиры скупости, то ее ничѣмъ другимъ нельзя отвести, какъ только благотворительностью.

„Но, друзья мои, если на васъ нападаютъ терцами, квартами, или внезапнымъ выпаденіемъ, то многіе ли изъ васъ будутъ на-готовѣ, чтобы отразить противника? Я видѣлъ не одного борца, поверженнаго на землю; и если онъ тотчасъ же не прибѣгалъ къ раскаянію, то былъ осужденъ на гибель; и этимъ послѣднимъ средствомъ спасенія нужно пользоваться, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Вы, быть можетъ, воображаете, господа придворные, что вовсе не трудно раскаяться въ грѣхахъ? Но увы, друзья мои, сколько несчастныхъ умирающихъ хотятъ это сдѣлать, но у нихъ обрывается голосъ при первыхъ же словахъ, а тамъ — трах! и душу унесъ сатана; гонитесь за нею, какъ знаете!..“

Отецъ Любенъ продолжалъ еще нѣкоторое время изливать свое краснорѣчіе въ томъ же тонѣ. Когда онъ сошелъ съ кафедры, то одинъ любитель изящнаго слога замѣтилъ, что проповѣдь, которая продолжалась болѣе часу, была вся переполнена остроуміемъ и колкостями. Католики и протестанты одинаково аплодировали проповѣднику, который еще долго стоялъ у кафедры, окруженный светлой толпой, собравшейся съ разныхъ концовъ церкви. Всѣ наперерывъ восхищались его краснорѣчіемъ и поздравляли съ успѣхомъ.

Мержи во время проповѣди нѣсколько разъ спрашивалъ: гдѣ графиня Тюржи; и капитанъ напрасно искалъ ее глазами. Графиня или вовсе не было въ церкви, или же она скрывалась въ какомъ нибудь темномъ углу отъ преслѣдованій своихъ обожателей.

— Я желалъ бы, сказалъ Мержи, выходя изъ церкви, — чтобы всѣ тѣ, которые присутствовали при этой бессмысленной проповѣди, послушали бы теперь простыя увѣщанія котораго либо изъ нашихъ пасторовъ.

— Вотъ графиня де-Тюржи, шепнулъ ему капитанъ, прикоснувшись къ его руцѣ.

Мержи повернулъ голову и увидалъ подъ темнымъ портикомъ богато одѣтую женщину, которая промелькнула мимо него чрезвычайно быстро. Ее велъ подъ руку худощавый молодой человѣкъ, невзрачной наружности, съ бѣлокурными волосами и съ женоподобнымъ лицомъ; въ костюмѣ его проглядывала небрежность, очевидно рассчитанная на извѣстный эффектъ. Толпа поспѣшно и даже съ нѣкоторымъ страхомъ разступалась передъ нимъ. Это былъ Комминжъ.

Мержи едва успѣлъ бросить бѣглый взглядъ на графиню Тюржи. Онъ не могъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, какія у нея черты лица, но, тѣмъ не менѣе, оно произвело на него сильное впечатлѣніе. Комминжъ въ высшей степени не понравился ему, хотя это чувство было почти бессознательное. Онъ возмущался при мысли, что такой слабый человѣкъ пользуется незаслуженной славой. Если графиня

любить когонибудь въ этой толпѣ, — подумалъ онъ, — то гнусный Комминжъ убьетъ его, онъ поклялся убивать всѣхъ, кто заслужитъ ея расположеніе. Онъ невольно схватился за рукоятку своей шпаги, но вслѣдъ затѣмъ ему сдѣлалось совѣстно этого порыва.—Въ сущности, какое мнѣ дѣло до графини, я видѣлъ ее только мелькомъ, и мнѣ нечего завидовать Комминжу.

Однако эти мысли произвели на него тяжелое впечатлѣніе; онъ упорно молчалъ во время всей дороги изъ церкви въ домъ капитана.

Ужинъ былъ готовъ и ожидалъ ихъ. Но Мержи ѣлъ мало, и какъ только убрали со стола, онъ изъявилъ желаніе вернуться въ свою гостинницу. Жоржъ согласился отпустить его подъ условіемъ, что на другой день онъ окончательно переѣдетъ къ нему на квартиру.

Считаемъ лишнимъ говорить о томъ, что Жоржъ предложилъ своему брату деньги, лошадь и проч. и, кромѣ того, познакомилъ его съ придворнымъ портнымъ и единственнымъ купцомъ, гдѣ дворянинъ, желающій заслужить благосклонность дамъ, могъ купить себѣ модныя перчатки, брыжи *à la confusion* и башмаки *à cric* или *à pont levis*.

Съ наступленіемъ ночи, Мержи вернулся въ гостинницу, въ сопровожденіи двухъ лакеевъ своего брата, вооруженныхъ пистолетами и шпагами, такъ какъ въ тѣ времена улицы Парижа послѣ восьми часовъ были несравненно опаснѣе, нежели нынѣшняя дорога изъ Севильи до Гренады.

ГЛАВА VI.

Предводитель партіи.

Бернаръ де-Мержи, вернувшись въ свою убогую гостинницу, бросилъ грустный взглядъ на окружавшую его бѣдную обстановку и потертую мебель. Онъ сравнивалъ черныя закоптѣвшія стѣны его номера съ дорогой шелковой обивкой только что оставленной имъ комнаты. Глядя на старинный образъ какого-то святого, висѣвшій передъ нимъ, онъ невольно вспомнилъ прекрасное изображеніе Мадонны, нарисованное масляными красками, и въ душѣ его шевельнулась недобрая мысль. Жоржу стоило произнести одно слово, чтобы имѣть эту роскошную обстановку, приобрести благосклонность придворныхъ дамъ, милость короля! Развѣ трудно сказать это слово? Достаточно произнести его губами; никто не станетъ справляться о томъ, что происходитъ въ сердцѣ... Ему пришли на память имена нѣсколькихъ протестантовъ, которые достигли почестей, благодаря

отреченію отъ религіи, и такъ какъ діаволь пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы совратить человѣка съ истиннаго пути, то Мержи въ этотъ моментъ вспомнилъ притчу „о блудномъ сынѣ“, и мысленно рѣшилъ, что вновь обращеннаго гугенота будутъ больше чествовать, нежели вѣрнаго католика.

Эти мысли, являясь подѣ всевозможными формами, упорно преслѣдовали его, хотя и возбуждали въ немъ чувство глубокаго отвращенія, и онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы побороть ихъ. Онъ взялъ женевскую біблію, принадлежавшую его матери, и принялся читать ее. Безинокоство его, мало-по-малу, улеглось и онъ закрылъ книгу съ клятвой жить и умереть въ вѣрѣ своихъ предковъ.

Однако, несмотря на чтеніе бібліи и произнесенную клятву, онъ спалъ тревожнымъ сномъ, на которомъ отразились всѣ приключенія пережитаго дня. Ему снились шелковыя пунцовыя занавѣси, золотая посуда, опрокинутые столы, блескъ шпагъ, кровь лившаяся какъ вино. Затѣмъ, ему представилось, что оживаетъ нарисованная Мадонна, выходитъ изъ рамки и танцуетъ передъ нимъ. Онъ вглядывается въ нее, дѣлаетъ надъ собой усиліе, чтобы припомнить черты ея лица; и тутъ только замѣчаетъ, что на ней черная маска. Но онъ видитъ темноглубые глаза и бѣлоснѣжную кожу, которая просвѣчиваетъ сквозь отверстія маски... Онъ смотритъ съ напряженнымъ вниманіемъ, маска падаетъ и является небесный обликъ, но безъ опредѣленныхъ очертаній, какъ изображеніе нимфы въ волнующейся рѣкѣ. Онъ невольно опускаетъ глаза, затѣмъ снова поднимаетъ ихъ; но теперь онъ никого не видитъ передъ собой, кромѣ Комминжа съ окровавленной шпагой въ рукахъ.

Онъ всталъ рано утромъ и приказалъ отнести свой легкій багажъ къ брату. Жоржъ предложилъ пойти съ нимъ и показать всѣ достопримѣчательности города; но онъ отказался и отправился одинъ въ отель Шатильонъ, чтобы передать адмиралу письмо своего отца.

Дворъ отеля былъ переполненъ прислугой и лошадьми, такъ что Мержи съ нѣкоторымъ трудомъ добрался до обширной передней, гдѣ встрѣтилъ цѣлую толпу дворянъ и пажей, которые хотя и не имѣли другаго оружія, кромѣ шпагъ, но представляли собой вполне надежную стражу. Привратникъ, одѣтый въ черное съ головы до ногъ, окинулъ взглядомъ Мержи, и, увидя на немъ кружевной воротникъ и золотую цѣпь, тотчасъ же ввелъ его въ галерею, гдѣ адмиралъ принималъ посѣтителей.

Въ приемной было до сорока человѣкъ сенъоровъ, дворянъ и духовныхъ особъ, которые стояли въ почтительныхъ позахъ съ обнаженными головами. Адмиралъ былъ одѣтъ въ простое черное платье. Это былъ высокій, нѣсколько сутуловатый человѣкъ, съ плѣшивой головой, лицо котораго было покрыто преждевременными морщинами, вслѣдствіе трудовъ и лишеній, вынесенныхъ впродолженіе долгихъ войнъ. Длинная сѣдая борода опускалась ему на грудь. Его

впалы щеки казались еще худощавѣе отъ глубокаго шрама, едва прикрытаго усами: во время битвы при Монконтурѣ ему прострѣлили щеку и выбили нѣсколько зубовъ. Выраженіе его лица было скорѣе серьезное, нежели строгое, и со смерти его брата, храбраго Дандело, никто не видалъ, чтобы онъ когда либо улыбался. Онъ стоялъ облокотившись у стола, покрытаго картами и планами, среди которыхъ лежала огромная библія. Всюду были разбросаны зубочистки, которыми играли важную роль въ жизни адмирала Колиньи и служили постояннымъ поводомъ для насмѣшекъ. На другомъ концѣ стола сидѣлъ секретарь, поглощенный писаніемъ писемъ, которыя онъ подносилъ адмиралу для подписи.

При видѣ этого великаго человѣка, который имѣлъ болѣе значенія для своихъ единовѣрцевъ, нежели король, такъ какъ онъ совмѣщалъ для нихъ въ своей особѣ личность героя и святаго,—Мержи почувствовалъ къ нему такое глубокое уваженіе, что, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, невольно преклонилъ колѣно. Адмиралъ, удивленный и недовольный такимъ необычайнымъ выраженіемъ почтительности, нехотя взялъ письмо изъ рукъ восторженнаго юноши. Но при взглядѣ на гербовую печать, лицо его нѣсколько прояснилось, и онъ сказалъ болѣе пріятнымъ тономъ:

— Это письмо отъ моего стараго пріятеля, барона де Мержи, и вы такъ похожи на него лицомъ, молодой человѣкъ, что я почти увѣренъ, что вы его сынъ.

— Мой отецъ жалѣетъ, что преклонныя лѣта не позволяютъ ему явиться сюда и лично засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

Колиньи прочелъ письмо и, обращаясь къ своимъ приближеннымъ, сказалъ:

— Господа, рекомендую вамъ сына барона де-Мержи, который проѣхалъ болѣе двухъ сотъ лѣтъ, чтобы присоединиться къ нашей арміи. Кажется, у насъ не будетъ недостатка въ волонтерахъ для похода во Фландрію. Господа, прошу васъ дружески принять этого юношу, ради того уваженія, которое вы чувствуете къ его отцу.

При этихъ словахъ до двадцати рукъ протянулось къ Мержи для рукопожатія, и онъ разомъ получилъ столько же предложеній услугъ.

— Участвовали ли вы въ какомъ нибудь военномъ дѣлѣ, мой другъ? спросилъ Колиньи.—Приходилось ли вамъ когда нибудь слышать мушкетные выстрѣлы?

Мержи отвѣтилъ краснѣя, что еще не имѣлъ счастья сражаться за религію.

— Скажите лучше несчастья, молодой человѣкъ! возразилъ Колиньи серьезнымъ тономъ.—Вы должны благодарить небо, что вамъ не пришлось проливать крови своихъ согражданъ! Но теперь, добавилъ онъ со вздохомъ,—у насъ, повидимому, кончилась междоусобная война; религія пока оставлена въ покоѣ; и мы можемъ только позавидовать вамъ, что вы въ первый разъ обнажите свою шпагу про-

тивъ враговъ короля и отечества. Я увѣренъ, что вы не опозорите крови, которая течетъ въ вашихъ жилахъ. Теперь я совѣтую вамъ поступить въ число служащихъ при мнѣ дворянъ, но постарайтесь при первой стычкѣ съ испанцами отнять у нихъ знамя, и я произведу васъ въ корнеты моего полка.

— Клянусь, что я добьюсь этого! воскликнулъ Мержи рѣшительнымъ тономъ,—хотя бы мнѣ стоило это жизни!

— Я узнаю сына храбраго Мержи! сказалъ Колинъ.

Затѣмъ онъ позвалъ своего управляющаго и добавилъ:

— Вотъ мосе Самуэль; если вамъ нужны деньги на обмундировку, то обратитесь къ нему.

Управляющій вѣжливо раскланялся передъ Мержи, который поспѣшно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, благодарю васъ! Отецъ и братъ съ избыткомъ дадутъ мнѣ все необходимое для моего содержанія.

— Вашъ братъ?.. Это, вѣроятно, тотъ капитанъ Мержи, который отрекся отъ своей религіи во время первыхъ войнъ?

Мержи печально опустилъ голову; губы его шевелились, но онъ не могъ произнести ни одного слова.

— Онъ храбрый солдатъ! продолжалъ адмиралъ;—но какое значеніе имѣетъ мужество безъ страха Божьяго! Молодой человѣкъ, вы имѣете въ своей семьѣ примѣръ достойный подражанія въ вашемъ отцѣ, и затѣмъ—примѣръ брата, которому вы не должны слѣдовать.

— Я буду подражать брату въ храбрости... но не въ отступничествѣ...

— Приходите ко мнѣ почаще, мосе Бернаръ, и располагайте мной, какъ другомъ. Вы будете поставлены здѣсь въ весьма неблагопріятныя условія въ смыслѣ нравственности, но я надѣюсь скоро вырвать васъ отсюда и вывести на путь, гдѣ вы можете приобрѣсти славу.

Мержи отвѣтилъ почтительнымъ поклономъ и присоединился къ остальнымъ посѣтителемъ, стоявшимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ адмирала.

— Господа, сказалъ Колинъ, продолжая разговоръ, прерванный приходомъ Мержи;—я получаю со всѣхъ сторонъ хорошія извѣстія. Въ Руанѣ убійцы подверглись достойному наказанію...

— Но не въ Тулузѣ! возразилъ старшій пасторъ съ мрачной физиономіей фанатика.

— Вы ошибаетесь, сказалъ Колинъ,—я только что получилъ объ этомъ извѣстіе. Вдобавокъ, въ Тулузѣ уже учреждена „смѣшанная“ палата ¹⁾. Его величество ежедневно доказываетъ, насколько онъ желаетъ, чтобы правосудіе было одинаково для всѣхъ.

¹⁾ Въ силу мирнаго договора, заключеннаго послѣ третьей междоусобной войны, во многихъ парламентахъ были учреждены судебныя камеры, гдѣ половина членовъ были кальвинисты.

Пасторъ недověрчиво покачалъ головой.

— Нечего сказать, они заботятся о правосудіи! воскликнулъ старикъ съ сѣдой бородой, одѣтый въ черное бархатное платье.— Карлъ и его достойная мать только и думаютъ о томъ, чтобы уничтожить однимъ ударомъ всѣхъ Шатильоновъ, Монморанси и Гизовъ.

— Совѣтую вамъ, мосье Бониссанъ, выражаться почитательнѣе о королѣ, замѣтилъ Колиньи строгимъ тономъ.— Давно пора забыть старыя счеты! Мы не должны давать повода къ замѣчанію, что католики лучше насъ соблюдаютъ священный принципъ прощенія обидъ.

— Клянусь прахомъ моего отца, что имъ это легче исполнить, нежели намъ, пробормоталъ Бониссанъ.— Двадцать три близкихъ мнѣ человѣка погибли мученическою смертію! Такія вещи не очеь легко забываются...

Въ то время, какъ Бониссанъ произнесъ послѣднія слова раздраженнымъ тономъ, въ галерею вошелъ дряхлый старикъ съ отгаливающей фізіономіей въ сѣромъ изношенномъ плащѣ. Онъ успѣшно пробрался сквозь толпу и подалъ Колиньи запечатанную бумагу.

— Кто вы такой? спросилъ адмиралъ, не распечатывая бумаги.

— Одинъ изъ вашихъ доброжелателей, отвѣтилъ старикъ хриплымъ голосомъ и тотчасъ же удалился изъ галереи.

— Я видѣлъ сегодня утромъ, какъ этотъ человѣкъ вышелъ изъ отеля Гизовъ, сказалъ одинъ дворянинъ.

— Это волшебникъ! добавилъ другой.

— Подкупленный убійца! замѣтилъ третій.

— Герцогъ Гизъ послалъ его сюда, чтобы отравить адмирала.

— Отравить меня! воскликнулъ Колиньи, пожимая плечами.—

Не письмомъ ли?

— Развѣ вы забыли перчатки Наваррской королевы? ¹⁾ воскликнулъ Бониссанъ.

— Я не вѣрю, чтобы отравы могла заключаться въ перчаткахъ или въ этомъ письмѣ; и вдобавокъ глубоко убѣжденъ, что герцогъ де-Гизъ неспособенъ на такой низкій поступокъ!

Съ этими словами адмиралъ хотѣлъ сорвать печать, но Бониссанъ бросился къ нему и вырвалъ письмо изъ его рукъ съ громкимъ восклицаніемъ:

— Ради Бога не читайте, вы можете вдохнуть смертельный ядъ!..

Всѣ присутствующіе столпились около адмирала, который дѣлалъ усилія чтобы отстранить отъ себя Бониссана.

— Изъ письма идетъ черный дымъ! сказалъ кто-то изъ толпы.

— Киньте письмо! Киньте! воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Отстаньте отъ меня! Вы точно съ ума сошли! сказалъ Колиньи, стараясь освободить свою руку.

¹⁾ Причиной ея смерти, по свидѣтельству д'Обиньи (d'Aubigné, „Hist. univ.“, t. II, chap. II), былъ ядъ, которымъ были надушены перчатки по способу гг. Рене, Флорентенъ и комп.

«истор. вѣстн.», годъ III, томъ X.

Во время этой борьбы бумага упала на полъ.

— Самуэль, другъ мой! воскликнулъ Бониссанъ.—Будьте вѣрнымъ слугою, распечатайте этотъ пакетъ и только тогда отдайте своему господину, когда убѣдитесь, что въ немъ нѣтъ ничего подозрительнаго.

Предложеніе это видимо не понравилось управляющему, потому что онъ не двигался съ мѣста. Мержи поспѣшно поднялъ бумагу и сорвалъ печать. Въ тотъ же моментъ вокругъ него образовалось пустое пространство; всѣ бросились въ сторону, какъ будто ожидали взрыва мины. Но не видно было ни малѣйшаго признака дыма, въ конвертѣ былъ сложенъ грязный листъ бумаги, на которомъ было написано наскоро нѣсколько словъ.

Тѣ, которые первые отскочили отъ Мержи, тотчасъ же со смѣхомъ вернулись къ нему, когда увидѣли, что нѣтъ и тѣни какой либо опасности.

— Это что значить! воскликнулъ Колиньи раздраженнымъ голосомъ.—Какъ вы смѣете распечатывать письмо, адресованное на мое имя!

— Прошу извинить меня г. адмиралъ! отвѣтилъ Мержи.— Но если бы эта бумага дѣйствительно содержала бы въ себѣ ядъ, который могъ убить васъ, то не лучше ли чтобы погибъ такой молодой и незначительный человѣкъ какъ я, нежели вы, чья жизнь такъ дорога для нашей религіи.

Кругомъ послышался ропотъ удивленія. Колиньи дружески пожалъ руку молодому человѣку и помолчавъ минуту сказалъ:

— Ну, дѣлать нечего! Такъ какъ вы распечатали это письмо, то сдѣлайте одолженіе прочитайте его.

Мержи прочиталъ слѣдующее:

„Небо освѣщено на востокѣ кровавыми лучами. Звѣзды исчезли съ небосклона; въ воздухѣ видны огненные шпаги. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не понять, что означаютъ эти признаки. Гаспаръ! надѣнь шпору и вооружись шпагой или черезъ нѣсколько дней вороны будутъ кормиться твоимъ трупомъ.

— Подъ именемъ вороновъ онъ очевидно подразумѣваетъ Гизовъ, сказалъ Бониссанъ.

Адмиралъ презрительно пожалъ плечами. Остальные молчали, такъ какъ мрачное предсказаніе видимо произвело на всѣхъ извѣстное впечатлѣніе.

— Сколько людей въ Парижѣ придаютъ большое значеніе этимъ пустякамъ! сказалъ холодно Колиньи.—Мнѣ говорили, что болѣе десяти тысячъ мошенниковъ занимаются предсказаніями и существуютъ этимъ ремесломъ.

— Мнѣ кажется, что во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ пренебрегать этимъ предостереженіемъ, сказалъ одинъ изъ капитановъ.—Герцогъ Гизъ публично сказалъ, что онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не положитъ васъ на мѣстѣ своей шпагой.

— Убийцѣ слишкомъ легко пробраться къ вамъ! замѣтилъ Бониссанъ.—На вашемъ мѣстѣ, я не иначе ѣздилъ бы въ Лувръ, какъ въ латахъ!

— Успокойтесь другъ мой, отвѣтилъ адмиралъ,—убійцы не тронуть такихъ старыхъ солдатъ, какъ мы. Они больше боятся насъ, нежели мы ихъ.

Колінья еще нѣкоторое время разговаривалъ съ своими приближенными о предстоящемъ походѣ во Фландрію и религиозныхъ дѣлахъ. Многие изъ присутствующихъ передали ему прошенія для передачи королю; онъ благосклонно принялъ ихъ, сказавъ каждому просителю нѣсколько ласковыхъ словъ. Когда пробило десять часовъ, онъ приказалъ подать себѣ шляпу и перчатки, чтобы отправиться въ Лувръ. Нѣкоторые тотчасъ же удалились, но большинство послѣдовало за нимъ, чтобы служить ему свитой и охранять во время пути.

ГЛАВА VII.

Королевская милость.

Жоржъ увидя издали своего брата крикнуть ему:

— Ну что! видѣлъ ли ты Гаспара I-го? Какъ онъ принялъ тебя?

— Съ такой добротой, что я никогда не забуду этого.

— Очень радъ! Но чѣмъ же кончилась ваша бесѣда?

— Еслибы ты зналъ Жоржъ, что это за человѣкъ!..

— Что за человѣкъ! Такой же какъ и всѣ, съ тою разницею, что у него нѣсколько больше честолюбія и терпѣнія, нежели у моего лакея, не говоря уже о различіи происхожденія. Знатность рода играла не послѣднюю роль въ томъ высшемъ положеніи, какое занялъ де-Шатильонъ.

— Развѣ это научило его военному искусству и сдѣлало изъ него перваго полководца нашего времени?

— Конечно нѣтъ, хотя его достоинства не помѣшали ему быть вѣчно побѣжденнымъ. Но оставимъ этотъ разговоръ. Ты видѣлъ сегодня адмирала, такъ и должно быть; каждому слѣдуетъ воздавать почетъ по его заслугамъ. Я считаю вполне законнымъ, что ты прежде всего отправился съ визитомъ къ адмиралу... Теперь я долженъ тебѣ сдѣлать одно предложеніе: не хочешь ли ты завтра отправиться на охоту? Я представлю тебя одному человѣку, котораго также стоитъ видѣть, а именно французскому королю Карлу IX-му.

— Ты приглашаешь меня на королевскую охоту!

— Разумѣется! И ты увидишь тамъ первыхъ здѣшнихъ красавицъ и самыхъ красивыхъ придворныхъ лошадей. Мѣстомъ сбора

назначенъ замокъ Мадридъ; и мы должны быть тамъ рано утромъ. Я дамъ тебѣ моего сѣраго коня въ яблкахъ и ручаюсь, что ты не будешь имѣть никакой надобности прищипывать его, чтобы не отстать отъ собакъ.

Вошелъ лакей и подалъ Мержи пакетъ, доставленный королевскимъ пажемъ.

Мержи открылъ его и съ удивленіемъ увидѣлъ патентъ на чинъ корнета. Бумага была написана по всей формѣ, и къ ней привязана королевская печать.

— Чортъ возьми! Вотъ неожиданная милость! воскликнулъ Жоржъ. Я не могу понять какимъ образомъ Карлъ IX, который даже не знаетъ о твоёмъ существованіи, вздумалъ послать тебѣ патентъ на чинъ корнета.

— Вѣроятно, я обязанъ этимъ адмиралу! возразилъ Мержи, и рассказавъ поэтому поводу исторію таинственнаго письма, которое онъ распечаталъ съ такимъ мужествомъ, думая спасти этимъ жизнь Колинъи. Капитанъ хохоталъ отъ души въ концѣ рассказа и немилосердно поддразнивалъ своего брата.

ГЛАВА VIII.

Весѣда между читателемъ и авторомъ.

Теперь, г-нъ авторъ, вы можете воспользоваться удобнымъ случаемъ и представить намъ любопытную характеристику историческихъ лицъ. Надѣюсь, что вы введете насъ въ замокъ Мадридъ и познакомите съ жизнью этого франко-итальянскаго двора. Уважите намъ одинъ за другимъ всѣ выдающіеся характеры этого времени. Сколько новаго узнаемъ мы! и какъ интересенъ долженъ быть день, проведенный среди подобныхъ личностей!

— Увы, многоуважаемый читатель! вы требуете отъ меня невозможнаго. Я желалъ бы обладать талантомъ, чтобы написать исторію Франціи, но не стану рассказывать сказокъ. Я просилъ бы объяснить мнѣ, почему вы требуете, чтобы я знакомилъ васъ съ личностями, которыя не будутъ играть никакой роли въ моемъ романѣ.

— Но вы совершенно неправы г-нъ авторъ, не давъ имъ никакой роли въ вашемъ рассказѣ. Какъ! вы переносите насъ въ 1582 годъ и не хотите представить намъ портреты столькихъ знаменитостей! Какъ хотите, но вы должны удовлетворить наше любопытство. Начинайте,—я продиктую вамъ первую фразу: Открывается дверь въ салонъ и вы видите...

— Помилуйте г-нъ читатель, въ замѣ Мадридѣ не было никакихъ салоновъ; какъ вамъ извѣстно салоны...

— Ну, хорошо! Начнемъ иначе: Большая зала была наполнена многочисленной толпой... и пр... общее вниманіе было обращено на личность...

— Позвольте васъ спросить: на чью личность?

— Во-первыхъ, на личность Карла IX-го!..

— А во-вторыхъ?..

— Нѣтъ, подождите. Вы должны описать мнѣ костюмъ французскаго короля, затѣмъ его наружность и характеръ, какъ это дѣлаютъ всѣ нынѣшніе романисты.

— Что касается костюма, то на немъ былъ обыкновенный охотничій нарядъ, а на шеѣ у него висѣлъ большой охотничій рогъ.

— Васъ однако нельзя упрекнуть въ многословіи!

— Что вамъ сказать объ его наружности... Дайте припомнить... Мнѣ кажется всего удобнѣе, чтобы вы сами отправились въ Ангулемскій музей и взглянули на бюстъ Карла IX-го. Онъ стоитъ во второй залѣ, подъ номеромъ 98.

— Вы забываете г-нъ авторъ, что я живу въ провинціи; неужели я долженъ отправиться въ Парижъ, чтобы видѣть бюстъ Карла IX-го?

— Ну, такъ представьте себѣ молодого человѣка, довольно хорошо сложеннаго, голова котораго какъ будто завязла въ плечахъ; онъ вытаскиваетъ шею и выставляетъ лобъ; носъ у него немного толстый; губы тонкія и длинныя; верхняя губа значительно выдается впередъ. Прибавьте къ этому мертвенно блѣдный цвѣтъ лица и большіе зеленые глаза, которые никогда не смотрятъ на того, съ кѣмъ онъ говоритъ. Впрочемъ, въ его глазахъ нельзя прочесть Вареоломеевской ночи, или чего либо подобнаго: выраженіе его лица скорѣе безсмысленное и безпокойное, нежели жестокое и суровое. Что касается его манеръ и обхожденія, то вы можете составить о нихъ понятіе, если представите себѣ молодого англичанина въ тотъ моментъ, когда онъ входитъ въ залу, гдѣ сидятъ гости. Онъ проходитъ мимо нарядныхъ женщинъ, которыя молча смотрятъ на него. Онъ задвигаетъ одну за платье, толкаетъ у другой стулъ, пока не доберется до хозяйки дома; тутъ только онъ замѣчаетъ, что рукавъ его въ грязи, потому что онъ запачкалъ его о колесо, выходя изъ экипажа... Вамъ вѣроятно приходилось не разъ встрѣчать этого рода испуганныя физиономіи; или быть можетъ вамъ случалось видѣть самихъ себя въ зеркало, при входѣ въ салонъ, въ тѣ времена, когда у васъ еще не было никакого свѣтскаго навыка.

— А Екатерина Медичи?

— Екатерина Медичи? Хорошо, что вы напомнили о ней. Надѣюсь, что я въ послѣдній разъ упоминаю ея имя. Это хорошо сохранившаяся женщина, съ толстымъ носомъ и сжатыми губами, какъ

у людей, которые чувствуют приступ морской болѣзни. Глаза у ней полузакрыты; она зѣваетъ чуть ли не каждую минуту; голосъ ея чрезвычайно монотонный. Такъ, напримѣръ, она говоритъ съ одной и той же интонаціей: Ахъ, если бы кто-нибудь избавилъ меня отъ этой несносной женщины! и: Маделена, дайте же молока моей неаполитанской собацѣ.

— Благодарю васъ, г-нъ авторъ, вы удовлетворили мое любопытство. Ну теперь заставьте ее сказать нѣсколько знаменательныхъ словъ. Если вѣрить слухамъ, то она только что приказала отравить Жанну д'Альбре. Вѣдь это должно же проявиться въ чемъ нибудь.

— Ничуть не бывало! Если бы она въ чемъ либо измѣнила себя, то гдѣ же то притворство, которымъ она такъ прославилась!

Я знаю изъ достовѣрнаго источника, что, въ день смерти несчастной Жанны, она ни о чемъ не говорила, кромѣ погоды.

— А Генрихъ IV-ый и Маргарита Наваррская? Расскажите намъ что нибудь о Генрихѣ, этомъ храбромъ, вѣжливымъ и добромъ принцѣ!.. Вотъ Маргарита передаетъ тайкомъ любовную записку красивому пажу; Генрихъ, съ своей стороны, жметъ руку одной, изъ статсъдамъ Екатерины.

— Въ данное время, никто не признавалъ въ этомъ вѣтреномъ мальчикѣ будущаго героя и короля Франціи. Онъ уже забылъ о смерти своей матери, хотя она умерла только двѣ недѣли тому назадъ, и ведетъ теперь безконечные разговоры съ ловчимъ объ оленѣ, который долженъ быть поднятъ на слѣдующее утро. Считаю лишнимъ пускаться въ подробности, такъ какъ вы кажетесь не охотникомъ.

— А Маргарита?

— Она была не совсѣмъ здорова и оставалась въ своей комнатѣ.

— Однако вы ловко отдѣлываетесь отъ моихъ вопросовъ! Ну, а герцога Анжуйскій? принца де-Бонде? герцога де-Гизъ и Таваннъ, Рець, Ла-Рошфуко, Телины, Торѣ, Мерю и многіе другіе?

— Я убѣжденъ, что вы знаете ихъ не хуже меня. Поэтому, я буду говорить вамъ о моемъ другѣ Мержи.

— Теперь для меня ясно, что я не найду въ вашемъ романѣ того, чего я искалъ въ немъ.

— Я самъ не увѣренъ, что мнѣ удастся угодить вамъ.

ГЛАВА IX.

П е р ч а т к а.

Дворъ находился въ замкѣ Мадридѣ. Королева мать, окруженная статсъ-дамами, сидѣла за завтракомъ въ своей комнатѣ, въ ожиданіи короля, который обѣщалъ прійти къ ней, прежде чѣмъ сѣсть на лошадь. Король, въ сопровожденіи принцевъ, медленно шелъ по галлерей, гдѣ стояли придворные, которые должны были сопровождать его на охоту. Онъ разсѣянно выслушивалъ фразы, съ которыми обращались къ нему и большею частью отвѣчалъ съ видимымъ неудовольствіемъ. Когда онъ приблизился къ двумъ братьямъ Мержи, Жоржъ преклонилъ колѣно и представилъ вновь произведеннаго корнета, который въ свою очередь низко поклонился и поблагодарилъ его величество, за оказанную ему милость, пока еще совершенно незаслуженную имъ.

— Не о васъ ли говорилъ мнѣ вчера адмиралъ?

— Да, ваше величество.

— Вы католикъ или гугенотъ?

— Я гугенотъ, ваше величество.

— Если я спрашиваю васъ объ этомъ, то изъ одного любопытства! Чортъ побери, что мнѣ за дѣло какой религіи тотъ, кто вѣрно служить мнѣ.

Король, сказавъ эти достопамятныя слова, прошелъ, не останавливаясь въ покои королевы.

Минуту спустя, по галлерей разсыпался рой молодыхъ женщинъ, какъ будто посланный съ цѣлюю развлечь кавалеровъ и поддержать въ нихъ терпѣніе. Я не стану распространяться о многочисленныхъ красавицахъ двора Карла IX-го и опишу только одну изъ нихъ, а именно графиню Тюржи, такъ какъ она играетъ важную роль въ моемъ разсказѣ.

Въ это утро, на ней былъ одѣтъ свободный и кокетливый костюмъ амазонки; ея блѣдное лицо, при своей ослѣпительной бѣлизнѣ, рельефно выдѣлялось отъ ея волосъ черныхъ какъ смоль; красиво очерченныя, но слегка сросшіяся брови придавали ея тонкимъ чертамъ легкой оттѣнокъ жестокости, или вѣрнѣе гордости, не нарушая ихъ гармонической прелести. При встрѣчѣ съ нею, то же выраженіе презрительной гордости можно было прочесть въ ея большихъ темно-голубыхъ глазахъ; но во время оживленнаго разговора зрачки у ней мало-по-малу расширялись, какъ у кошки и взглядъ становился такимъ огненнымъ, что даже самый отъявленный фатъ не могъ долго выдерживать его неотразимой силы и опускалъ глаза.

— Какъ хороша сегодня графиня де-Тюржи! говорили между собой придворные. Каждый старался подойти ближе, чтобы лучше

видѣть ее. Мержи, который случайно очутился около того мѣста, гдѣ она проходила, былъ настолько пораженъ ея красотой, что не могъ сдвинуться съ мѣста и посторонился только тогда, когда шелковое платье графини коснулось его руки.

Она замѣтила произведенное ею впечатлѣніе, и это видимо доставило ей нѣкоторое удовольствіе, потому что она удостоила Мержи мимолетнымъ взглядомъ. Онъ невольно опустилъ глаза, между тѣмъ какъ щеки его покрылись яркимъ румянцемъ. Графиня улыбнулась, и проходя мимо нашего героя уронила, одну изъ своихъ перчатокъ, но онъ былъ настолько взволнованъ, что даже не догадался поднять ее. Въ тотъ же моментъ, Комминжъ, стоявшій позади Мержи, столкнулъ его съ дороги, поднялъ перчатку и, почтительно поцѣловавъ ее, передалъ графинѣ Тюржи, которая, даже не поблагодаривъ его, бросила на Мержи долгій взглядъ, исполненный глубокаго презрѣнія. Затѣмъ, увидя около него Жоржа, она сказала возвысивъ голосъ:

— Не знаете ли вы, капитанъ, откуда взялся этотъ недоросль? Я убѣждена, что онъ гугенотъ, судя по его внѣшности.

Взрывъ хохота, вызванный этимъ замѣчаніемъ, окончательно смутилъ Мержи.

— Это мой братъ, графиня, отвѣтилъ вполголоса Жоржъ.—Онъ всего три дня въ Парижѣ и, клянусь честью, что онъ не менѣе ловокъ, чѣмъ былъ Лануа, до того времени, когда вы взяли за его образованіе.

Графиня Тюржи слегка покраснѣла.

— Это злая шутка, капитанъ!.. Оставимъ въ покоѣ мертвыхъ. Дайте мнѣ вашу руку; я должна поговорить съ вами по порученію одной дамы, которая не совсѣмъ довольна вашимъ поведеніемъ.

Капитанъ почтительно подаль руку графинѣ и повелъ ее въ амбразуру окна, гдѣ никто не могъ ихъ слышать. Она еще разъ повернула голову, чтобы взглянуть на Мержи.

Онъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, ослѣпленный появленіемъ красавицы, онъ горѣлъ желаніемъ видѣть ее и въ то же время не осмѣливался поднять на нее глаза.

Кто-то дотронулся до его плеча. Онъ обернулся и увидѣлъ барона Водрѣль, который таинственно отвелъ его въ сторону, говоря, что долженъ потолковать съ нимъ безъ боязни быть прерваннымъ.

— Другъ мой, сказалъ баронъ,—вы человѣкъ пріѣзжій и можете быть не знаете, какъ слѣдуетъ вести себя при дворѣ.

Мержи съ удивленіемъ смотрѣлъ на него.

— Вашъ братъ занятъ своими дѣлами и поэтому не даетъ вамъ никакихъ совѣтовъ. Позвольте мнѣ взять на себя его роль.

— Я не знаю милостивый государь, что подало вамъ поводъ...

— Вамъ нанесено серьезное оскорбленіе! Видя васъ въ задумчивой позѣ, я былъ убѣжденъ, что вы размышляли о средствахъ отомстить ему.

— Отомстить кому? спросилъ Мержи.

— Развѣ васъ не толкнулъ Комминжъ! Всѣ придворные видѣли это, и ожидаютъ, что вы примете это къ сердцу.

— Толпа настолько велика, что онъ могъ случайно толкнуть меня.

— Мосье де-Мержи, я только что имѣлъ честь познакомиться съ вами, но вашъ братъ мой большой пріятель и можетъ засвидѣтельствовать вамъ, что я, по возможности, придерживаюсь божественной заповѣди „забвенія обидъ“. Я не сталъ бы впутывать васъ въ пустую ссору, но въ то же время, считаю своимъ долгомъ заявить вамъ, что Комминжъ намѣренно толкнулъ васъ. Если бы даже онъ не сдѣлалъ этого, то все-таки вамъ нанесена кровная обида: поднявъ перчатку графини, онъ присвоилъ себѣ право, которое принадлежало вамъ. Перчатка была у вашихъ ногъ—ergo, вы одни могли поднять ее и возвратить дамѣ... Впрочемъ, взгляните сюда! Вы видите, въ концѣ галлерей стоитъ Комминжъ, указываетъ на васъ пальцемъ и насмѣхается надъ вами.

Мержи, оглянувшись, замѣтилъ Комминжа, окруженнаго пятью или шестью молодыми людьми, которымъ онъ рассказывалъ что-то со смѣхомъ; тѣ съ видимымъ любопытствомъ слушали его. Тѣмъ не менѣе, ничто не доказывало, что рѣчь шла о немъ, но Мержи, благодаря объясненію своего услужливаго совѣтника, почувствовалъ, что имъ овладѣлъ сильный гнѣвъ.

— Я пойду къ нему послѣ охоты и потребую...

— Никогда не слѣдуетъ откладывать такого добраго намѣренія. Вы несравненно меньше прогнѣвите Бога, вызвавъ своего противника, тотчасъ послѣ обиды, нежели вы сдѣлаете это по зрѣломъ размышленіи. Грѣхъ еще не такъ великъ, если вы подъ вліяніемъ гнѣва назначаете мѣсто поединка, а когда вы деретесь послѣ этого, то во избѣжаніе еще-большаго грѣха, чтобы не измѣнить данному слову. Однако, извините, я все забываю что говорю съ протестантомъ. Совѣтую вамъ немедленно условиться съ Комминжемъ относительно мѣста поединка; я тотчасъ же приведу вамъ его.

— Надѣюсь, что онъ не откажется попросить у меня извиненія!

— Ну, относительно этого, вы сильно ошибаетесь. Комминжъ никогда не скажетъ: „я былъ виноватъ“. Впрочемъ онъ человѣкъ вполне вѣжливый и дастъ вамъ удовлетвореніе, если вы потребуете его.

Мержи сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы казаться равнодушнымъ.

— Если Комминжъ оскорбилъ меня, сказалъ онъ,—то я потребую отъ него удовлетворенія. Онъ не можетъ отказать мнѣ въ этомъ.

— Превосходно, другъ мой! Отъ души радъ убѣдиться въ томъ, что вы не трусите, такъ какъ вамъ извѣстно, что Комминжъ лучше всѣхъ насъ владеетъ шпагой. Клянусь честью, что онъ умѣетъ держать оружіе въ рукахъ. Онъ бралъ уроки въ Римѣ у знаменитаго Брамбилла; Petit-Jean больше не рѣшается состязаться съ нимъ.

Говоря это, Водрэль не спускалъ глазъ съ Мержи, который былъ больше взволнованъ мыслью о нанесенномъ ему оскорбленіи, нежели испуганъ послѣдствіями предстоящаго поединка.

— Я очень желалъ бы быть вашимъ секундантомъ въ этомъ дѣлѣ! продолжалъ Водрэль, но, въ сожалѣнію, я долженъ идти завтра къ причастію; и, вдобавокъ, далъ слово Ренси, что не буду участвовать ни въ одной дуэли, пока мы не покончимъ нашъ споръ въ Gré-aux-Clercs.

— Благодарю васъ, но если окажется нужнымъ, то братъ будетъ моимъ секундантомъ.

— Капитанъ знатокъ въ подобныхъ дѣлахъ! Но время дорого! Если вамъ угодно, то я приведу Комминжа, чтобы вы могли объясниться съ нимъ.

Мержи молча поклонился и, повернувшись къ окну, сталъ придумывать приличные выраженія для вызова. Въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, нуженъ своего рода навыкъ, который пріобрѣтается долгимъ опытомъ. Нашъ герой долженъ былъ первый разъ драться на дуэли и вслѣдствіи этого испытывалъ нѣкоторое смущеніе: его не столько беспокоили удары шпаги Комминжа, сколько мысль сказать что нибудь неприличное для дворянина.

Онъ едва успѣлъ составить мысленно вѣжливую фразу, подходящую къ случаю, какъ опять забылъ ее, благодаря барону Водрэль, который неожиданно схватилъ его за руку.

Передъ нимъ стоялъ Комминжъ съ шляпой въ рукѣ и, отвѣсивъ низкій поклонъ, спросилъ его насмѣшливымъ тономъ:

— Вы желали говорить со мной, милостивый государь?

Мержи покраснѣлъ отъ гнѣва и отвѣтилъ твердымъ голосомъ:

— Вы, милостивый государь, позволили себѣ невѣжливость относительно меня и я желаю получить отъ васъ удовлетвореніе!

Водрэль одобрительно кивнулъ головой.

Комминжъ выпрямилъ спину и подбоченился, такъ это была поза, принятая въ подобныхъ случаяхъ, затѣмъ, помолчавъ немного, — сказалъ серьезнымъ тономъ:

— Вызывая меня на дуэль, милостивый государь, вы являетесь истцомъ, и мнѣ въ качествѣ отвѣтчика должно быть предоставлено право выбрать оружіе.

— Назначьте то, которое для васъ удобнѣе.

Комминжъ задумался и черезъ минуту отвѣтилъ:

— Шпага хорошее оружіе, но раны, наносимыя ею, могутъ обезобразить человѣка, а въ наши годы, добавилъ онъ, улыбаясь, — не совсѣмъ приятно явиться къ возлюбленной съ шрамомъ на лицѣ. Рапира совсѣмъ другое дѣло; она оставляетъ послѣ себя небольшую рану, но вполне достаточную (Комминжъ еще разъ улыбнулся). Поэтому, я выбираю рапиру и кинжалъ.

— Я согласенъ! сказалъ Мержи и сдѣлалъ шагъ, чтобы уйти.

— Подождите одну минуту! воскликнул Водрэль.—Вы забыли назначить мѣсто поединка.

— Въ Rgé-aux-Clercs! сказала Комминжъ.—Это мѣсто rendez-vous всего двора; если только мосье де-Мержи ничего не имѣетъ противъ моего предложенія?

— Для меня это совершенно безразлично.

— Что же касается часа... то я не могу прійти раньше восьми, по извѣстной причинѣ... Вы понимаете... Я проведу ночь внѣ дома и буду къ вашимъ услугамъ около девяти часовъ.

— Итакъ, въ девять часовъ.

Мержи повернулъ голову и увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя графиню Туржи; она только-что отошла отъ капитана, который въ это время уже разговаривалъ съ другой дамой. Естественно, что нашъ герой, при видѣ прекрасной виновницы предстоящей дуэли, сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы придать своему лицу серьезное и безпечное выраженіе.

— Съ нѣкотораго времени, сказала Водрэль, — вошло въ моду драться въ нижнемъ бѣльѣ изъ какой-нибудь красной матеріи. Если у васъ нѣтъ ничего подобнаго, то я велю принести вамъ пару, мосье де-Мержи; красный цвѣтъ представляетъ то преимущество, что кровь не такъ замѣтна.

— Это такіе пустяки, о которыхъ говорить не стоитъ! замѣтилъ Комминжъ.

Мержи нехотя улыбнулся.

— Итакъ, мои друзья, сказалъ баронъ де-Водрэль, который былъ совсѣмъ въ своей сферѣ,—теперь остается только условиться относительно секундантовъ и посредниковъ¹⁾.

— Мосье де-Мержи такъ недавно при нашемъ дворѣ, что ему будетъ трудно найти двухъ свидѣтелей. Я готовъ сдѣлать ему снисхожденіе; и буду довольствоваться однимъ секундантомъ.

Мержи сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы улыбнуться.

— Это очень любезно съ вашей стороны, мосье Комминжъ! сказалъ баронъ.—Приятно имѣть дѣло съ такимъ стоворчивымъ человѣкомъ, какъ вы!

— Ваша рапира должна быть такой же длины, какъ и моя, сказала Комминжъ;—совѣтую вамъ обратиться къ Лорану, подъ вывѣской: „Золотое солнце“, на улицѣ Fegtonnerie; это лучший оружейникъ въ городѣ. Скажите ему, что вы пришли по моей рекомендаціи, и я знаю, что онъ угодитъ вамъ.

Съ этими словами Комминжъ сдѣлалъ легкій пируэтъ и спокойно вернулся къ оставленной имъ группѣ молодыхъ людей.

— Поздравляю васъ, мосье Бернаръ, сказалъ Водрэль;—вы отлично

¹⁾ Свидѣтели при дуэляхъ не всегда оставались простыми зрителями, такъ какъ часто дрались между собой. Ихъ называли seconds и tiers.

справились съ вызовомъ и вели себя, какъ прилично дворянину! Комминжъ не привыкъ, чтобы съ нимъ разговаривали такимъ тономъ. Всѣ боятся его какъ огня, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ положилъ на мѣстѣ этого верзилу Каниллака. Смерть С. Мишеля прошла незамѣтно, потому что онъ не отличался особеннымъ искусствомъ; но Каниллакъ самъ убилъ на дуэляхъ пятерыхъ или шестерыхъ дворянъ, не получивъ ни одной царапины. Онъ учился фехтованію въ Неаполѣ у Борелли, и говорятъ Лансакъ, умирая, передалъ ему секретъ того ловкаго удара рапирой, которымъ онъ надѣлалъ столько зла на своемъ вѣку. Впрочемъ, продолжалъ баронъ какъ бы про себя,—Каниллакъ ограбилъ церковь въ Оксервѣ и бросилъ на полъ святыя дары, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ за это наказанъ.

Всѣ эти подробности не представляли никакого интереса для Мержи; но онъ счелъ нужнымъ продолжать разговоръ изъ боязни, чтобы у Водрѣла не явилось оскорбительное подозрѣніе относительно его храбрости.

— Къ счастью, сказалъ онъ,—я не ограбилъ ни одной церкви и никогда не прикасался къ святымъ дарамъ, такъ что мнѣ не предстоитъ никакой особенной опасности.

— Я долженъ дать вамъ еще одинъ совѣтъ. Когда вы сразитесь съ Комминжемъ, то остерегайтесь его ложныхъ выпаденій, такъ какъ одно изъ нихъ стоило жизни несчастному Томасо. Комминжъ объявилъ, что у него сломался конецъ шпаги. Въ виду этого Томасо для отраженія удара поднялъ шпагу надъ головой; но тутъ оказалось, что шпага Комминжа совсѣмъ цѣла, такъ какъ она почти на футъ до эфеса вошла въ грудь Томасо. Но вамъ не предстоитъ подобной опасности, потому что вы будете драться на рапирахъ...

— Я буду остороженъ, насколько это окажется возможнымъ!

— Затѣмъ обратите вниманіе, чтобы рукоятка кинжала была надлежащей прочности; это весьма важное условіе при парированіи. Вы видите этотъ шрамъ на моей лѣвой рукѣ? Это случилось вслѣдствіе того, что я выпелъ разъ изъ дому безъ кинжала. Мы поссорились съ молодымъ Талларомъ, и я, не имѣя подъ рукой кинжала, едва не лишился лѣвой руки.

— Значитъ, вы ранили его? спросилъ Мержи съ разсѣяннымъ видомъ.

— Нѣтъ, я убилъ его, благодаря обѣту, данному мной святому Морису, моему патрону. Захватите также съ собой кусокъ полотна и корпій. Это во всякомъ случаѣ будетъ не лишнее. Вѣдь не всегда же убиваютъ наповалъ. Равнымъ образомъ не мѣшало бы передъ дуэлью положить вашу шпагу на алтарь во время обѣдни... Все забываю, что вы протестантъ... Вотъ еще что: не воображайте, что честь обязываетъ васъ дать вздохнуть противнику; напротивъ, заставьте его биться до изнеможенія и затѣмъ, выбравъ удобный моментъ, нанесите ему ловкій ударъ въ грудь; тогда онъ пропадетъ...

Водрель вѣроятно еще долго продолжалъ бы давать совѣты молодому провинціалу, но къ удовольствію послѣдняго на дворѣ раздался громкій звукъ роговъ, служившій сигналомъ, что король намѣревается сѣсть на лошадь. Въ тотъ же моментъ дверь, ведущая въ покои королевы, отворилась и ихъ величества вышли на крыльцо въ охотничьихъ костюмахъ.

Капитанъ Жоржъ, оставивъ свою даму, подошелъ къ брату и, ударивъ его по плечу, сказалъ веселымъ тономъ:—Клянусь всѣми святыми, ты родился подѣ счастливой звѣздой! Посмотрите-ка на этого красавчика съ кошачьими усами! едва показался онъ на свѣтъ божій и уже всѣ женщины отъ него безъ ума! Знаешь ли ты, что прелестная графиня цѣлыхъ четверть часа говорила о тебѣ! Совѣтую воспользоваться этимъ. Во время охоты не отставай отъ ея лошади и будь любезенъ съ нею насколько возможно. Однако, чортъ возьми, что съ тобой? Не боленъ ли ты? У тебя такая постная физиономія, какъ у пастора, котораго собираются жечь на кострѣ. Тьфу, пропасть! Посмотри на себя въ зеркало, на что ты похожъ!

— Я не имѣю никакого желанія быть на охотѣ, и мнѣ хотѣлось бы...

— Если вы не отправитесь съ нами, сказалъ вполголоса баронъ Водрель,—то Комминжъ подумаетъ, что вы боитесь встрѣчи съ нимъ.

— Ну, такъ и быть! сказалъ Мержи, проводя рукой по своему горячему лбу. Онъ рѣшилъ дожидаться конца охоты, чтобы сообщить брату о своей ссорѣ съ Комминжемъ.—Неужели я допущу, разсуждалъ онъ про себя,—чтобы графиня Тюржи подумала, что я боюсь смерти... и что мысль о предстоящей дуэли мѣшаетъ мнѣ принять участіе въ охотѣ.

Г Л А В А X.

О х о т а.

Множество богато одѣтыхъ дамъ и кавалеровъ на прекрасныхъ верховыхъ лошадяхъ двигались взадъ и впередъ по обширному двору замка. Звукъ охотничьихъ роговъ, лай собакъ, громкія восклицанія и говоръ представляли особенную прелесть для ушей охотника, но были невыносимы для всякаго другаго человѣческаго уха. Мержи машинально вышелъ на дворъ съ своимъ братомъ, и самъ, не сознавая этого, очутился около графини Тюржи. Она была въ маскѣ и сидѣла верхомъ на горячемъ андалузскомъ конѣ, который билъ ногой о землю и съ нетерпѣніемъ грызъ удила. Этотъ конь, вѣроятно, проглотилъ бы все вниманіе обыкновеннаго наѣздника; но графиня, по-

видимому, сидѣла на немъ такъ же спокойно, какъ у себя дома въ креслѣ.

Капитанъ подошелъ къ ней подъ предлогомъ подтянуть цѣпочку у мундштука лошади.

— Вотъ мой братъ, сказалъ онъ вполголоса амазонкѣ, но достаточно громко, чтобы Мержи могъ слышать его.—Будьте милостивы къ бѣдному малому; у него подшиблены крылья съ того дня, какъ онъ увидѣлъ васъ въ Луврѣ.

— Я забыла его имя! отвѣтила она довольно рѣзкимъ голосомъ.— Какъ его зовутъ?

— Бернаръ... Забудьте, графиня, что его шарфъ одного цвѣта съ вашими лентами!

— Умѣетъ ли онъ ѣздить верхомъ?

— Сами увидите.

Съ этими словами Жоржъ послѣшнно поклонился и, сѣвъ на лошадь, подѣхалъ къ одной изъ фрейлинъ королевы, за которой ухаживалъ съ нѣкотораго времени. Склонившись на сѣдлѣ и придерживая за узду лошадь своей дамы, онъ вступилъ съ нею въ оживленный разговоръ и вскорѣ забылъ о своемъ братѣ и его прекрасной возлюбленной.

— Вы, кажется, знакомы съ Комминжемъ, мосье де-Мержи? спросила графиня?

— Я, графиня?... я почти незнакомъ съ нимъ, отвѣтилъ онъ заикаясь.

— Но вы только-что разговаривали съ нимъ.

— Это было первый разъ въ моей жизни.

— Кажется, я гадаю, о чемъ вы говорили! возразила графиня. Ея глаза, пристально устремленные на него, какъ будто хотѣли проникнуть ему въ душу.

Одна изъ дамъ, обратившись съ какимъ-то вопросомъ къ графинѣ, прервала этотъ разговоръ къ удовольствію Мержи, который былъ въ сильномъ замѣшательствѣ. Тѣмъ не менѣе, не отдавая себѣ яснаго отчета, онъ поѣхалъ вслѣдъ за графиней; быть можетъ онъ сдѣлалъ это отчасти изъ желанія досадить Комминжу, который наблюдалъ за нимъ издали.

Всѣ двинулись разомъ изъ замка. Поднятый олень бросился въ лѣсъ, охота послѣдовала за нимъ. Мержи восхищался необыкновенною ловкостью, съ какой графиня Тюржи управляла лошадью и преодолевала препятствія, встрѣчаемыя ею на пути. Онъ послѣдовалъ за нею только благодаря проворству своей превосходной берберійской лошади; но вскорѣ къ величайшей его досадѣ къ нимъ присоединился графъ Комминжъ на такомъ же хорошемъ конѣ. Несмотря на бѣшеный галопъ и вниманіе, съ какимъ графъ слѣдилъ за охотой, онъ велъ почти непрерывный разговоръ съ прекрасной амазонкой, тогда какъ Мержи молча завидовалъ его легкомысленной безпечности и спо-

собности говорить занимательно о пустякахъ, судя по тому удовольствію, съ какимъ слушала его графиня. При этомъ оба соперника, воодушевленные благороднымъ соревнованіемъ, разъ двадцать едва не сломали себѣ шею, такъ какъ самые высокіе заборы и широкіе канавы не могли остановить ихъ.

Но тутъ графиня, внезапно отставъ отъ охоты, направила свою лошадь по лѣсной аллеѣ, составлявшей уголь съ той, по которой ѣхалъ король со своей свитой.

— Что вы дѣлаете! воскликнулъ Комминжъ,—вы заблудитесь; развѣ вы не слышите съ этой стороны звуки роговъ и лай собакъ!

— Побѣжайте по другой аллеѣ, если вамъ эта не нравится; развѣ я мѣшаю вамъ? возразила графиня.

Комминжъ молча поскакалъ за ней; Мержи не отставалъ отъ нихъ. Когда всѣ три лошади поравнялись, графиня поѣхала шагомъ; кавалеры послѣдовали ея примѣру.

— У васъ славный боевой конь, мосье де-Мержи! сказалъ Комминжъ,—у него такой бодрый видъ, какъ будто его сію минуту вывели изъ конюшни.

— Мой братъ купилъ его у одного испанца. Этотъ шрамъ полученъ имъ въ сраженіи при Монконтурѣ.

— Вы бывали когда-нибудь на войнѣ, мосье де-Мержи? спросила графиня.

— Ни разу въ моей жизни!

— И никогда не были ранены мушкетнымъ выстрѣломъ?

— Нѣтъ, графиня.

— Не получили также ни одного удара шпаги?

— Нѣтъ...

Мержи показалось, что она улыбнулась. Комминжъ съ самодовольствомъ поправилъ себѣ усы.

— По моему мнѣнію, замѣтилъ онъ,—порядочная рана лучшее украшеніе для молодого человѣка. Что вы скажете на это, графиня?

— Да, если только она не получена случайно!

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я нахожу, что только раны, полученныя на полѣ битвы, заслуживаютъ уваженія; а тѣ, которыя остаются послѣ дуэлей, ничего не возбуждаютъ, кромѣ презрѣнія.

— Вы, вѣроятно, пришли къ этому убѣжденію послѣ разговора съ мосье де-Мержи?

— Нѣтъ, отвѣтила графиня рѣзкимъ тономъ.

Мержи подѣхалъ къ Комминжу:

— Милостивый государь, сказалъ онъ вполголоса,—какъ только мы присоединимся къ остальнымъ охотникамъ, то я предлагаю вамъ войти въ чащу; и тамъ, быть можетъ, мнѣ удастся доказать вамъ, что я вовсе не желаю избѣжать встрѣчи съ вами.

Комминжъ презрительно взглянулъ на него.

— Вполнѣ вѣрю вашей готовности сразиться со мной, — сказалъ онъ; — но я ни въ какомъ случаѣ не могу принять вашего предложенія. Мы не даемъ, чтобы драться наединѣ; и наши друзья не простятъ намъ, если мы лишимъ ихъ пріятнаго зрѣлища.

— Какъ вамъ угодно! отвѣтили Мержи и догнавъ графиню, которая опередила ихъ на нѣсколько шаговъ.

Графиня опустила голову и, повидимому, была совершенно погружена въ свои мысли. Всѣ трое молча доѣхали до конца аллеи.

— Если не ошибаюсь, то это охотничій рогъ! сказалъ Комминжъ.

— Звуки послышались налѣво, изъ этой просѣки, добавилъ Мержи.

— Несомнѣнно, вы правы! и я могу даже съ увѣренностью сказать, что это болонскій рогъ. Будь я проклятъ, если это не забавляется мой пріятель Помпиньянъ. Вы не повѣрите, мосье де-Мержи, какая огромная разница между болонскимъ рогомъ и тѣми, какіе фабрикуются въ нашихъ жалкихъ мастерскихъ.

— Дѣйствительно, онъ слышенъ издали.

— Замѣтите, какой пріятный и полный звукъ! Собаки, услышавъ его, забудутъ, что пробѣжали десятки лье. Собственно говоря, только въ Итали и во Фландріи можно найти что-нибудь порядочное. Какъ вамъ нравится этотъ воротникъ à la walonne? Онъ очень идетъ къ охотничьему костюму; у меня есть также воротники и бриджи à la confusion для баловъ... Вы, можетъ быть, думаете, что этотъ воротникъ вышить въ Парижѣ? Ничуть не бывало! Я его купилъ въ Бредѣ. Если вы желаете, то я выпишу для васъ такой же изъ Фландріи черезъ одного изъ моихъ друзей, который постоянно живетъ во Фландріи... Но...—онъ остановился и громко захохоталъ.— До чего я разсѣянъ! Боже мой, я совсѣмъ забылъ!.

Графиня остановила свою лошадь.

— Комминжъ, сказала она,—охота опередила насъ; судя по звуку роговъ, олень доведенъ до совершеннаго изнеможенія.

— Я думаю, что вы правы, графиня.

— Вы, вѣроятно, хотите присутствовать при послѣднихъ моментахъ охоты и принять участіе въ общемъ торжествѣ.

— Разумѣется! иначе мы рискуемъ подорвать нашу репутацію первыхъ охотниковъ и наѣздниковъ.

— Совѣтую вамъ поторопиться.

— Да, мы должны дорожить каждой минутой. Теперь лошади наши отдохнули; мы ждемъ вашего сигнала, графиня!

— Я устала и останусь здѣсь. Надѣюсь, что мосье де-Мержи не откажется составить мнѣ компанію. Вы можете ѣхать, мосье де-Комминжъ, не теряя времени.

— Но...

— Неужели я должна повторить вамъ еще разъ одну и ту же фразу?

Комминжъ не двинулся съ мѣста. Краска выступила на его лицѣ; онъ съ бѣшенствомъ смотрѣлъ то на Мержи, то на графиню.

АФАНАСІЙ ПРОКОФЬЕВИЧЪ ЩАПОВЪ.

Съ современной фотографіи рѣв. на деревѣ Панемакеръ въ Парижѣ.

Объ изд. СПБ., 26 окт. 1881 г.

ТИП. А. СУВОРИНА, ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

РѢКА ЛѢСНЫХЪ ПУСТЫНЬ.

(Изъ поѣздки по Уралу).

I.

Босва. — Бѣлый Спай и Бассеги. — Картины Урала. — Какъ Ермакъ волшебныхъ людей въ камень вогналъ. — Золотой и желѣзный гвозди. — Р. Няръ и Ермачки. — Метаморфозы Ермачка разбойнаго. — Лѣсонильня. — Какъ Никита Демидовъ потопилъ бродягъ въ подземельѣ.

ВЪ ПЕРВАГО дня какъ я попалъ на Уралъ, Босва то и дѣло дразнила мое воображеніе.

Вороги лѣснаго царства—оголившіе прикажскія пустыни—еще не добрались до этой рѣки, и течеть она поэтому среди вѣковѣчныхъ и нерушимыхъ сосновыхъ боровъ, гдѣ рѣже всего можно услышать стукъ топора и жалобный визгъ пилы, вѣдающейся въ здоровое и сочное, крѣпкое какъ камень, тѣло лѣснаго великана. Охота не пораспугала тамъ дикаго звѣря, и на всей вольной волѣ ходитъ онъ по скатамъ прихосьвинскихъ горъ, по тысячу лѣтъ тому назадъ заснувшимъ и до сихъ поръ не просыпавшимся ущельямъ.

Рѣдкими поселками забрались въ эту дрему невѣдомые люди—да словно сами испугались своей смѣлости и не пошли дальше... Къ водѣ тѣснятся они, пугливо озираясь на вершины сумрачныхъ горъ, на сплошныя стѣны стараго лѣса. Живутъ до сихъ поръ въ этихъ салбищахъ сказанія о дивной старинѣ, по всему остальному Уралу заглушенныя грохотомъ заводскихъ машинъ, кипѣньемъ и шумомъ не знающаго усталости труда; поются уже забытыя нами пѣсни, не имѣющія ничего общаго съ пѣснями лакейскаго культа, всюду

занесенными въ русскую деревню. Тутъ, на Косьвѣ, Русь еще стоитъ на колонизаторской переходной эпохѣ; она еще не знаетъ—лѣсъ ли ее одолѣетъ, или она одолѣетъ лѣсъ... На сѣверъ она протянулась чуть не къ Павдинскому Камню, обогнула Растесь, и только къ югу—на два дня пути отъ Камы—покрылась большими селами. Тысячи ущелій питаютъ ее своими потоками и рѣченками, гдѣ грохотъ воды въ порогахъ заглушается стрекотомъ непуганной дичи, гдѣ рѣзкій крикъ лебедя по зорямъ и точно жалобный плачь кречета въ недосытаемой выси сѣвернаго неба—такъ и перепосытъ васъ во времена ушкуйниковъ и иныхъ добычливыхъ русскихъ людей, уходившихъ сюда отъ всякаго рода ежевыхъ рукавицъ... Сверхъ того, для любителя природы Косьва даетъ рядъ такихъ картинъ, которыя, увидѣвъ разъ, не забудешь никогда. Понятно, съ какимъ удовольствіемъ принялъ я предложеніе подняться вверхъ по этой рѣкѣ, сдѣланное мнѣ на Кизеловскомъ заводѣ.

Оставивъ вправо отъ насъ р. Полуденный Кизель, мы должны были выѣхать на устье Нара, впадающаго въ Косьву.

Дорога шла сначала по лѣсу, вершины котораго были обломаны.

— Ишь, буранъ у насъ какъ прошелъ... по верху... Густолѣсье здѣсь—въ глыбъ ему силы не было, а верхи снесъ.

Путь былъ ужасенъ въ полномъ смыслѣ слова. Большую часть его пришлось сдѣлать пѣшкомъ, потому что телѣжка становилась по очереди то на одно колесо, то на другое, то передокъ подымался вверхъ, обрушивая насъ внизъ, то кузовъ насканивалъ на какуюнибудь колдобину, и мы сползали на лошадинные хвосты... На каждомъ шагу сверхъ того трасло немилосердно, такъ что мы собственными головами испытали прочность желѣзныхъ ободовъ, къ которымъ былъ приложенъ прочный кожаный верхъ.

Я невольно удивился спокойствію моего спутника.

— Тутъ братъ обколотишься!.. по всей округѣ у насъ другаго пути нѣтъ... Этотъ вотъ черезъ лѣсъ слаженъ—корни-то наскрозь дорогу прошли. Тутъ одинъ изъ Питера, вашъ же, ѣздилъ... съ „ученой цѣлью“... Связываютъ, изъ большихъ чиновниковъ онъ.

— Ну?

— Остался доволенъ. На второй верстѣ выгѣвъ изъ брички, да легъ на дорогу и завылъ.

— Завоешь...

— Отчего не выть—вой, когда тебѣ такая охота пришла... А намъ прекрасно, лучше не требуется. Покрайности начальство рѣдко къ намъ лазаетъ. Проведи дорогу-то получше, отбою бы отъ него не было... А теперь мы за этимъ лѣсомъ какъ у Христа за пазухой.

Зато всѣ неудобства пути были забыты, когда по крутому и длинному скату мы взобрались на Бѣлый-Спай.

Мы долго стояли на вершинѣ его, не рѣшаясь тронуться съ мѣста—такъ велико было очарованіе открывшихся отсюда далей.

Бѣлый-Спай на 50 футовъ выше всѣхъ остальныхъ горъ этой части Урала. Тремя параллельными волнами—одна за другою—поднимались гряды его на сѣверъ, сплошь поросшія лѣсомъ... Впереди совѣмъ синія—мрачно хмурилась подъ нами, чѣмъ дагѣе, тѣмъ сумеречнѣе и смутнѣе казались тоны этихъ горъ... За ними—тонкая полоса воздуха и надъ ней, какъ будто на высотѣ, ничѣмъ не связанные съ землею, висятъ рѣзко очерченныя сверху, а внизу сливающиміся съ этимъ воздухомъ, силуэты каменныхъ Бассеговъ. Они казались совѣмъ желтыми. Правильныя и величавыя массы ихъ заслоняли отъ насъ еще болѣе далекій сѣверъ... Бассеги на 3.500 футовъ поднимаются надъ уровнемъ моря. Ихъ безлѣсныя гранитныя массы такъ напугали воображеніе окрестнаго населенія, что оно связываетъ съ ними почти всѣ явленія природы. Гроза главнымъ образомъ родится на Бассегахъ, тамъ же и вѣтеръ спитъ, пока не проснется... Оттуда идетъ морозъ, ранніе зимніе холода тоже одолжены Бассегами своимъ существованіемъ.

— Тамъ въ камни прежде люди жили!.. замѣчаетъ мой спутникъ.

— А что?

— До сихъ поръ есть въ немъ пещоры малыя... А эти люди волшебные, влѣтые... Они и доселѣ въ камни хоронятся... Какъ въ пещору сойдешь—слышно, промежду собой разговариваютъ въ горѣ... гу-гу-гу гудуть... Ихъ, связываютъ, Ермакъ многое множество побилъ; остальные залялись и въ гору ушли, такъ въ горѣ и живутъ...

— И здѣсь, значитъ, объ Ермакѣ слышно.

— Тамъ, у Бассеговъ, связываютъ про него много. Ишь ты, шелъ онъ, Ермакъ, на Сибирь тремя путями, тремя войсками. Одно войско—мимо Бассеговъ... А тамъ тропа такая промежду двухъ горъ... ее не минуешь. Попало Ермаково войско на эту тропу, а волшебные люди сверху то его и давай каменемъ бить... Били-били, видитъ Ермакъ—не совладать. „Стой!“ говорить. „Къ нимъ круто, такъ не пройдешь,—пушай же они столько этого самаго камня насыплютъ, чтобы мы до нихъ долѣзть могли“. Ну, стали наши. Сверху волшебные люди слышать ратные крики и все сыплотъ камни. Какъ этого камня навалило довольно,—Ермакъ и повелъ свою орду.

— Почему же „орду“?

— Потому у его въ войскахъ всякаго народу и всякаго званія довольно было. По волѣ дрались, гдѣ кто захочетъ... Ордой шли... Дорвался Ермакъ до волшебныхъ людей и давай ихъ бить. Били-били—до самой до ночи. А ночью волшебные люди всѣ своимъ колдовствомъ въ гору и попрятались. Они это такъ сдѣлали, чтобы на время, а Ермакъ видѣлъ скрозь кое мѣсто они въ камень ушли, да на этомъ мѣстѣ крестъ и высѣкъ. Такъ волшебные люди за этимъ крестомъ и сидятъ... Крѣико!.. Ино слышно плачутъ, жалатся, ино—такъ себѣ свою молвь дѣржутъ...

— Что же, крестъ этотъ до сихъ поръ цѣль?

— Есть, которые видѣли... Такъ и зовется онъ „Ермаковъ крестъ“, а камень, что волшебные люди насмивали— „Ермаковъ холмъ“... Такъ весь онъ изъ осколковъ, да изъ щебня... Самъ я видѣлъ холмъ этотъ—промежду двухъ горъ.

Сталъ было я говорить, что такого факта въ исторіи нѣтъ, что Ермакъ не этимъ путемъ въ Сибирь шелъ, — мой спутникъ оказался твердъ умомъ.

— Много знаютъ ваши ученые, много они видѣли!. Помалкивай ужъ... Вонъ они какіе—чуть дорога поуже, лягутъ на брюхо, да что твоя корова мычагъ... Эдакъ мало усмотришь!.. Одинъ у насъ тоже былъ... Изъ Моквы онъ—такъ все перемени да пироги ѣлъ. Поѣсть—поспять, поспить—поѣсть... Съ тѣмъ и уѣхалъ.

Дорога круто внизъ пошла. Тѣсно обступили ее ели и сосны... чуть не въ лицо хлещутъ. Кое-гдѣ въ проемивахъ—бѣлыя пятна мху... Иадали слышенъ грохотъ рѣки въ порогахъ.

— Это Нарокъ нашъ шумить...

Когда мы сползли внизъ, показалась и эта рѣченка—красивая, говорливая, перекидывающаяся съ камня на камень... Камни съ берега прямо поперекъ теченію уступами... Злится и пѣнится вода, не осидывая ихъ, забрасываетъ брызгами зеленыя облака лозняка, что спустился къ берегу и нижними вѣтвями своими купается въ болѣе спокойныхъ струяхъ. Птичій стревотъ кое-гдѣ просто глушить.

— Тутъ иной разъ птица тучей идетъ. Голосу своего не слышно...

По всей окрестности — медвѣдю вольно... Только и рассказовъ, что тутъ вотъ онъ корову задралъ, а тамъ человѣка попортилъ... Чѣмъ не дикая Африка!.. Вѣдь медвѣдь-то здѣшній, пожалуй, по-силыѣ льва будетъ... Народъ тутъ тоже живетъ полудикій. Когда владѣлецъ ближайшихъ Кизеловскихъ заводовъ, князь Абаменикъ-Лазаревъ, сюда прѣѣзжалъ, косяки его встрѣчали вездѣ на колѣняхъ.

— И смотрѣть на него боялись!.. Онъ имъ больше царя казался!..

Потомъ я слышалъ, что нѣтъ одного поселка народъ даже въ лѣсъ ударился при одномъ слухѣ о близости владѣльца... Вообще, видимое дѣло—всякое начальство здѣсь не особенно долюбиваютъ. Популярностью пользуется пока одинъ г. Новокрещенныхъ, управляющій всѣми Лазаревскими заводами. Онъ знаетъ народъ, и народъ здѣсь ему вѣрить. Отъ остальныхъ отбивается всѣми силами. Про земскую полицію и говорить нечего...

— Медвѣдь помнетъ-помнетъ, да и пожалѣеть, а у чиновника на мужика жалости нѣтъ... Онъ съ тебя какъ съ зайца пять шкуръ сдереть... Только у насъ, слава Богу, сторона глухая. Мы начальство это за рѣдкость видимъ... За лѣса отъ него схоронились и живемъ.

— Ну и жизни! вмѣшался рабочій, понохавшій цивилизаціи въ Кизелъ и Чермошъ.

— Чѣмъ не жизнь?

— Живете вы, что вошь въ овчинѣ..

— Коли вошь сытно живетъ—такъ и вѣшь позавидуешь!

Народъ здѣсь дѣйствительно диковать. Изъ-за вакихъ негѣпостей возникаютъ въ этомъ краѣ довольно серьезныя неудовольствія—повѣрять трудно. Вотъ, наприимѣръ, случившееся недавно въ Тагилъскихъ заводахъ. При освобожденіи крестьянъ ввели рабочую книжку. Посредникъ Г., желая помятнѣе объяснить ея значеніе, выразился въ какомъ-то слѣдѣ:

— Прежде вы были прибиты къ заводамъ желѣзнымъ, а теперь будете прибиты золотымъ гвоздемъ.

Народъ разошелся молча. Вечеромъ стали собираться кучки... а а на другой день—формальное волненіе... „Что такое?“ Стали доискиваться причины.

— Не хотимъ золотого гвоздя!.. въ одинъ голосъ заорала толпа.

И, такимъ образомъ, начался бунтъ изъ-за рабочихъ книжекъ, который будетъ нами описанъ въ своемъ мѣстѣ.

Дорога опять стала перекидываться съ горы на гору... Въ лощинахъ гремѣли потоки, наверху величаво шумѣли вѣтровые лѣса. Ближе къ Косью стали попадаться крупныя кедры. Въ пышныхъ иглистыхъ зеленяхъ чернѣли желваками орѣховыя шишки. Видимо, здѣсь было некому обирать ихъ... Старые, прошлогодніе — гнили на землѣ, по которой въ мягкихъ проложинахъ то и дѣло попадались медвѣжьи слѣды. Звѣриныя тропки къ водѣ выѣлились довольно замѣтно для глаза посреди этого чернолѣся. Изрѣдка, когда мы останавливались, вдали слышалось шуршанье и трескъ сухихъ сучьевъ подъ чьей-то могучей лапой... „Это онъ шатается“, замѣчалъ ямщикъ, сдерживая коней, пугливо поворачивавшихъ туда головы съ насторожившимися ушами.

Некому пока его бить... на работахъ народъ. Съ одного изъ послѣднихъ холмовъ вдругъ словно выросла передъ нами вдали темносиняя, почти черная на сѣромъ небѣ—выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго — гора Ослянка. Эта мрачная масса открылась на одну минуту—и ее тотчасъ же опять заволокло туманомъ. Проступила и спряталась, кутаясь въ свои грозовыя тучи. Казалось, поднялся край занавѣси, скрывающей за собою зловѣщій міръ сказочныхъ черныхъ горъ и безлюдныхъ пустынь. Втеченіе этой минуты можно было только различить рѣзкія очертанія свалъ, вѣнчающихъ ея скаты и вершину... Еще полчаса дороги — и новое очарованіе: просѣка внизъ, долина съ разливомъ Косью, расширяющейся здѣсь въ спокойный плесъ — серебряный щитъ, брошенный на дно котловины. Крутыя массы горъ кругомъ. У берега чуть мерещутся барки... Людей еще не различаетъ на нихъ глазъ, не привыкшій къ этимъ дѣлямъ. Опять тучу нанесло. Тамъ на Уралѣ то и дѣло ползаютъ онѣ — сѣрыя, затлгивающія своимъ туманомъ красивыя долины... Только и осталось отъ сейчасъ видѣннаго пейзажа впечатлѣніе ужасныхъ кручъ, синяго лѣса и идилически спокойной рѣки. Впрочемъ,

идилія тутъ далеко не Эоокритава. Я показалъ моему спутнику на покрасѣвшую, точно кровью обрызганную листьву лѣса.

— А это у насъ пятого юня сильнымъ морозомъ ударило!..

Грохоть воды... Мы спускаемся въ долину, гдѣ быстрая и красивая рѣка Няръ впадаетъ въ Косью. Вода шумить все больше и больше, наконецъ, внизу — мы должны говорить громче, даже кричать, чтобы слышать одинъ другаго чуть-чуть подальше. Долина живописна въ высшей степени. Со всѣхъ сторонъ обступили ее крутые, лѣсистые края, огибающіе ее отовсюду кольцомъ, которое распалось только въ одномъ мѣстѣ, оставляя на востокѣ пролетъ для рѣки... На западѣ она прячется въ темное ущелье. Куда не взглянешь — такія же извилистыя сѣрныя ущелья впадаютъ въ эту долину, — узкія, темныя... Совсѣмъ щелами кажутся они отсюда. Мрачно и величаво смотреть Уралъ, чуть только подальше отойдешь отъ населенныхъ мѣстъ въ его заповѣдную глушь.

Тутъ уже царство ивнхъ былинъ и сказаній.

О Ермакѣ на Косьѣ молчатъ.

— У насъ Ермака не было — Ермачки были. Ермакъ — онъ выше прошелъ... Онъ чужой намъ совсѣмъ, у насъ — свои Ермачки.

— Что же эти Ермачки дѣлали?

— А тоже всякую чужь воевали... Тутъ что червь въ гниломъ орѣхѣ по разнымъ тайнкамъ да падамъ чужь всякая жила, ну, наши Ермачки ее и воевали... Потому здѣсь какъ селились они? На чужое мѣсто пришли — хозяева и не пуцаютъ, ну Ермачки хозяевъ и воевали... Это братъ все тутъ кровью полито... Ермачки ушли дальше, а по слѣду отцы наши и дѣды проявились сюда... Такъ подъ себя Пермское безлюдье это и забрали.

— Сколько же ихъ было, Ермачковыхъ?

— Разныхъ много... Одни Ермачки были справедливые, а другіе разбойные. Разбойные Ермачки всѣхъ грабили — и своихъ и чужихъ. Монастыри раззоромъ зорили, приставовъ царскихъ гнали... По всему краю лотовали такъ-то. Ну, а которые справедливые, тѣ на одномъ мѣстѣ не сидѣли. Выбѣтъ татарву поганую — и дальше, такъ по слѣду Ермаковому до самой до Сибири доходили. Вотъ тутъ на губѣ (у Няра) сидѣлъ Ермачекъ разбойный... У него подальше въ горѣ и пещера была. Оттуда онъ, что павокъ на мухъ, на всякаго страннаго человѣка видался... До самой Камы злодѣйствовалъ, ну только его старецъ одинъ праведный волкомъ обернулъ... Шель этотъ старецъ отъ московской неправды въ самой Сибирь... Вдолгъ это опослѣ Ермака настоящаго было. Былъ на Москвѣ этотъ старецъ бояриномъ. По обѣту пѣшкоомъ шель, а за нимъ въ челнахъ богатство великое везли, потому онъ хотѣлъ на Павдинскомъ камнѣ обитель поставить. Ну, вотъ, ладно — сталъ онъ подыматься по нашей Косьѣ-рѣкѣ. До Губахи все благополучно было, а съ Губахи до Няра Ермачекъ этотъ дѣйствовалъ. Съ Ермачкомъ было разнаго народа — татаръ и чуди

ста полтора.. Потому, какіе разбойные Ермаки,—тѣ къ себѣ всякой вѣры бѣглыхъ принимали. На ночлегѣ и напади Ермачекъ на старца. Не хотѣлъ старецъ человѣческой крови даромъ проливать, и говорить Ермачку: „честь чество подѣлимъ караванъ — половина тебѣ, половина мнѣ“. А у того жадность разгорѣлась... „Давай все“, говоритъ, „или молись Богу—тутъ тебѣ и конецъ будетъ! Сталь старецъ съ нимъ драться. Только Ермачкова орда слугъ его осилить начала.. Половины не осталось.. Тутъ старецъ силу свою и показалъ: „Будь же“, говоритъ, „ты отнынѣ и навѣки проклять. На какой рѣкѣ лютовалъ, на той и лютуй, только не супротивъ людей божьихъ, а обернися ты со всѣми своими присными и разбойными людьми—щужой“... Только Ермачка и видѣли.. Не стало ни его, ни рати злодѣйской!..

— Какъ же вы говорили, что онъ его волкомъ.

— А это другая исторія. Вишь ты, поставилъ этотъ старецъ праведный на Косьвѣ-рѣкѣ скитъ свой и сталъ Богу молиться да всякаго рода странныхъ людей къ себѣ перенимать. Пошелъ онъ, вдолгъ послѣ того, на Косьву на бережокъ посидѣть—тутъ вся Косьвинская рыба къ нему изъ воды.. поклонилася старцу!..

— Вона.

— Да! Какъ—ужъ не знаю, а только понялъ старецъ моленіе всякой мелкой рыбешки. Пришла вишь та жалиться. „Съ таѣ поры, какъ заклалъ ты Ермачка щужой—житья намъ въ нашей рѣкѣ свѣтловодной да чистой нѣтъ... Поѣдомъ ѣсть насъ тая щука и некуда намъ уйти отъ неѣ. Нѣтъ ей сыти никогда,—сколько ни ѣсть—все ей мало“. Ну, старецъ и пожалѣлъ рыбку... Вызвалъ это тайнымъ словомъ щуку со всѣми ея щучками — присными и сказалъ: „быть тебѣ отнынѣ сѣрымъ волкомъ, а вамъ волчатами. Потому въ рѣкѣ больше щуки—рыбы нѣтъ, и ты всѣхъ обижаешь, а въ лѣсу надъ тобой вѣдмедь будетъ старшой“... Скинулась щука со щучками волкомъ и волчатами и ударилася въ чернолѣсье наше.

Крестьянство здѣсь съ разныхъ сторонъ сошлось. Кореннаго не было. Семьями поселились они и лоцманствуютъ по Косьвѣ отъ Троицкаго рудника до Губахи. Сообщение по Косьвѣ въ полулю воду барями, барки они и водятъ, теперь же вверхъ намъ пришлось подыматься въ утлыхъ душегубахъ—на шестахъ... Два гребца—одинъ на носу, другой на кормѣ—(въ душегубахъ скорѣе два носа, корми нѣтъ) передвигаютъ лодку вверхъ, упираясь шестами въ дно рѣчное. Лѣтомъ лоцмана нанимаются гребцами и считаютъ себя счастливыми, получивъ за день такого каторжнаго труда 50 к. Остальные работаютъ на лѣсопильнѣ, устроенной управленіемъ князя Абамеликъ-Лазарева здѣсь же, у самаго устья Нара. Лѣсопильня водяная, она распиливаетъ отъ 80 до 200 сажень дровъ ежедневно и снабжаетъ ими Чермозскій заводъ, стоящій далеко отсюда на р. Камѣ. Рабочіе здѣсь получаютъ поденщину отъ 25 до 50 коп., причемъ каж-

дому задается извѣстный урокъ, который къ вечеру онъ обязанъ выполнить. Лѣсное царство вокругъ Няра такимъ образомъ приговорено къ истребленію. Уже и теперь топоръ дроворуба валить о-земь столѣтніе великаны, оставляя за собою пустыню... Къ счастью, всѣ окрестности Косьвы вверхъ отсюда до истоковъ совершенно дѣвственны. Въ ихъ величавой тишинѣ звукъ топора ни разу еще не нарушалъ благоговѣйнаго раздумья сибирскихъ кедровъ и лиственницъ... Дроворубы въ при-нярскіе лѣса нанимаются дешево—на своихъ харчахъ за 30 коп. въ день идутъ. Промышленники и крестьяне въ этой долинѣ живутъ совсѣмъ одиноко и замкнуто. Въ нѣскольکو лѣтъ разъ заглянетъ кто нибудь въ эту тихую и мирную пустыню, оглашаемую только грохотомъ рѣки въ порогахъ, да шумомъ колесъ водяной пилы. Здѣсь хотѣли было устроить волость, и нярцы волновались, не желая этого.

— Мы заугольники... Не хотимъ... Намъ старшину да писаря не надо. Досель этихъ безобразіевъ не было—жили и безъ нихъ, слава Богу.

Въ концѣ концовъ у нихъ не спросятъ — и выйдеть въ концѣ концовъ кавардакъ. Разъ пріѣзжалъ сюда какой-то чинъ съ бумагой.

— Намъ бумаги не надо!.. Намъ и безъ бумаги хорошо... волновались нярцы:—Ну ее, бумагу.

— Да вѣдь вы деньги платите.

— Платимъ... Мы согласны... Мы что слѣдуетъ царю платимъ, пока животы есть.

— Такъ вѣдь вамъ квитанціи нужны.

— Мы платимъ—согласны, а на квитки не согласны.

Такъ чинъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Хотѣли было ихъ вызвать назадъ въ волость—не пошли... Чѣмъ это кончилось безъ меня — не знаю.

— Обойти насъ квитками хотѣли! радуются нярцы. — Квитками обязать ладилы, да мы на себя запись не взяли... Не примемъ мы квитковъ ихнихъ... Съ квитками во какъ влетишь-то!.. Знаемъ.

Управленіе заводовъ Абаменки-Лазарева настаиваетъ на оброчной системѣ, потому что изъ заводскаго рабочаго никогда не выйдеть хлѣбопашецъ.

Народъ здѣсь подвижной; если его сюда прикрѣпать надѣлами, а пильную закрыть, какъ хотѣли, — въ этой уральской долинѣ не останеться живой души... Соображеніе это для меня понятно. Владѣльцамъ выгоднѣе оставить землю за собою, чѣмъ подѣлиться ея съ крестьянами... Выйдеть, или не выйдеть изъ заводскаго крестьянина хлѣбопашецъ, — а лѣса-то, поля, рѣки и всякія инныя угоды останутся въ цѣпкихъ рукахъ управленія.

Тучи мало-по-малу сползали, одну за другой открывая мрачныя вершины окрестныхъ горъ, угрюмо задумавшихся надъ этими пустынями. Пока мой спутникъ условливался съ лоцманами, нанимая ду-

шегубку для переѣзда въ Троицкій рудникъ, я отправился на лѣсопильню. Тутъ грохотала вода, ворочая громадное маховое колесо, визжали пилы, врѣзываясь въ смолистую бѣлую крѣпень мѣстнаго дерева. Работало человѣкъ тридцать мужиковъ и двадцать бабъ, со всѣмъ засыпанныхъ мелкою сосновою трухою. Никто почти не отдыхалъ; спросилъ почему—оказалось, урокъ слишкомъ великъ. Двое рабочихъ должны выпилить сто сажень дровъ въ день, четверо—двѣсти.

— Тутъ измаешься!.. Тутъ и поспѣдать-то часу нѣтъ... Урки большіе. За три-то гривенника потомъ изойдешь!

— Круглый годъ у васъ эта работа?

— Нѣтъ. Зимой и весной мы барки строимъ.

— Куда же это?

— Пустышомъ въ Губаху сплаваемъ, а изъ Губахи внизъ ихъ съ рудой отправляютъ въ Каму, въ Чермозскій заводъ. Тамъ руду эту плавятъ.

Изъ дальнѣйшаго объясненія можно было заключить, что и постройка барокъ неособенно выгодна нярскимъ крестьянамъ.

Заводъ нанимаетъ ихъ на поставку барокъ, уплачивая по 160 рублей за каждую, причемъ по камскимъ цѣнамъ вся такая барка стоитъ 450 р. За заготовку лѣса, за подвозъ его къ Няру, за распиловку, за оснастку, за самую поупку лѣса, если на него надо брать билетъ, заводъ ничего не платитъ; не платитъ и за желѣзо, и за гвозди. Все это надо поставить изъ тѣхъ же 160 рублей, причемъ длина такой барки не можетъ быть менѣе 20 сажень. Выгрузивъ руду въ Чермозъ, заводъ, благодаря дешевизнѣ заготовки, можетъ продать такую барку и продаетъ ее по 185 рублей. Такимъ образомъ, не только славъ и руды и накладные расходы сводятся къ нулю, но еще и незначительный барышъ получается управленіемъ. Большую часть этихъ барокъ изъ Чермоза отправляютъ съ желѣзомъ въ Нижній, а оттуда въ свою очередь сплаваютъ въ Казань, или вверхъ по Камѣ обратно. Какіе громадные лѣсные великаны лежатся подъ топоромъ дроворуба для этихъ барокъ! Хотя лѣсамъ вокругъ Косьвы и конца краю нѣтъ, но уже предчувствуется то время, когда сюда нагрянетъ со всѣхъ сторонъ жадное воронье—и послѣдняя сосновая роща сплавится въ видѣ распиленныхъ бревенъ внизъ, по Камѣ... Уцѣлѣютъ только лѣса, принадлежаціе Абамилигу-Лазареву, да и то, если заводы Кизеловскій и Чермозскій обойдутся своими дачами или перейдутъ на каменный уголь. Сюда уже налетѣли промышленники, но пока они заняты инымъ дѣломъ: такъ для Оханска и другихъ прикамскихъ мѣстъ здѣсь добывается и разрабатывается жерновой камень въ участкахъ, арендуемыхъ у Лазарева. Дальше Осы и Сарапула, онъ, впрочемъ, нейдетъ. Недавно такимъ образомъ у заводскаго управленія одинъ крестьянинъ взялъ на разработку цѣлую гору съ уплатою по 30 к. за кубическій аршинъ. Ломаютъ ее онъ съ помощію при-косьвен-

скихъ мужиковъ и сплавляетъ съ ними же на плоткахъ для Добрянскаго завода. За послѣднее время найдены здѣсь громады превосходнаго бутоваго камня, но пока ими никто не пользуется.

— Хуже нѣтъ этого сплаву у насъ, жалуются рабочіе.

— А что?

— Страсть, что народу по Косью тонеть. Весною не глядишь... Стремя здѣсь ярое, грудью вода бѣжить... Вдарить въ камень — и Бога помянуть не успѣешь.

— А выплыть?

— Какой выплыть — гѣна одна... вода злонравная у насъ... Храбро идти... всего тебя о камень изщемить... Тутъ—будемъ такъ говорить — рѣдная семья, чтобы кто не потопись!.. Тутъ какъ? — Гдѣ и чистое мѣсто, безъ каменю — въ полтора часа тридцать верстовъ бѣжить судно, коли не очень грузное... А на перекатахъ, гдѣ внизъ сдаетъ, чистая изволочъ... Зажмуришься и летишь, что птица!..

— Ну, жмуриться-то не слѣдъ... Такъ бы, глядя, можно багромъ отъ скалы отпихнуться.

Мужикъ расохотался.

— Эхъ ты, баринъ! Какъ отпихнешься, когда тебя точно пулю изъ ружья на камень несутъ... Извернетъ вода — хорошо, не извернетъ—отъ тебя и дыму не будетъ. Въ пылъ изотретъ... На Чусовой еще хуже.

— А ты на Чусовой бывалъ?

— Я не былъ, а только мы изъ тамошнихъ.

— Переселились?

— Давно, дѣды наши бѣжали сюда.

— Трудно было тамъ, что ли?

— А вотъ какъ — въ аду легче. Ты про Никиту Акинфиеча Демидова слыхалъ?

— Какъ же.

— Нонѣ что, нонѣ рай... вотъ при немъ было плохо... Къ нему всякій народъ шель — и бѣгле, и каторжные, которые и такъ, странствующие, — дѣдо — такъ его звали—всѣхъ примагъ, потому ему надобилося многое множество рабочихъ; съ малыми силами евоного дѣла не поднять было. Ну, на заводахъ — извѣстно, всякое случалось; народъ безъ удержи, совѣсть ему ни-по-чемъ, поди у каждаго на душѣ грѣха-то невпроворотъ. А кто и кровь пролилъ! Народъ, будемъ такъ говорить, самый дерзновенный. Съ ними тоже Демидовъ не шутилъ; чуть что—засѣкали, а какого на вѣчныя времена въ землю закапывали.

— Живьемъ?

— Погребѣ такіе были. Посадятъ, заложатъ, да и забудутъ; гдѣ тутъ всякаго бѣглаго помнить. Время жестокое было!..

— Да вѣдь Демидовъ въ Питерѣ жилъ.

— Все едино—наѣзжалъ, либо его именемъ лютовали управляю-

щѣ... Онъ бы самъ, можетъ, и помиловать, а эти, сдѣлай милость,—не простятъ. Тоже эти бѣглецы у него, у Демидова, и монету чеканили.

— Ну, вотъ...

— Вѣрно тебѣ говорю. Для этого самаго дѣла у него въ Невьянскѣ и башня была такая построена, а подъ ней, подъ башней, погреба обширныя. Въ погребахъ бродяги монету чеканятъ, а на башнѣ сторожа сторожатъ — не ѣдетъ ли кто... И столько злодѣйства въ той башнѣ случилось, что она покосилась вся, такъ косая и стоитъ теперь ¹⁾. Падать не падаетъ — а къ землѣ ее всю тянетъ... Такъ вотъ прознали про всѣ эти дѣла въ Питерѣ, и пришло Демидову круто, такъ круто, такъ круто, что хотъ самому идти въ бродяги... Потому онъ зналъ, что енисираль Потемковъ его не помилуешь.

— Какой это еще генераль Потемковъ.

— Былъ такой... Енъ еще турокъ всѣхъ повоевалъ. Такъ его на Демидова и послали—разобрать всѣ его дѣла и, если что окажется—заковать и къ самому царю въ Питеръ... Но только и Демидовъ былъ не промахъ. Сослалъ онъ всѣхъ своихъ на заводъ и самъ провѣрку сдѣлалъ... Однихъ, кои съ паспортами, опять къ дѣлу предѣлили, а другихъ заставилъ канаву рыть къ погребамъ, что подъ его хороминами были... Когда канава готова была, онъ ихъ загналъ въ погреба эти и заперъ... „Сидите“, говорить, „пока генераль Потемковъ проѣдетъ, а потомъ я васъ выпущу, и гуляй, кто куда хочетъ.“ Только генераль пріѣхалъ, Демидовъ сичасъ его къ себѣ, честь честью. Пиръ ему задалъ, а ночью, какъ тотъ заснулъ, онъ изъ пруда заводскаго по той канавѣ воду и пустилъ въ погреба эти... Самъ бросился точно съ-перепугу къ генералу. Вода-де плотину прорвала... Едва-едва оба они спаслись... А что въ подвалахъ народушку погибло—страсть... Потому сверху ихъ желѣзными засовами забили, а окна, какія были за рѣдкость, рѣшетками задѣланы... Никто не спасся. И повѣрку нельзя было сдѣлать, потому — все кругомъ вода залила... Едва царскій левизоръ ноги унесъ отсюда ²⁾... Такъ дѣды-то наши отсюда и сбѣжали потомъ отъ страху, чтобы самимъ жижи не рѣшиться.

¹⁾ Башня эта, дѣйствительно, и до сихъ поръ еще стоитъ въ Невьянскѣ.

²⁾ Преданіе, слышанное мною на Косью, очень похоже на такое же, сообщенное г. Вологдинимъ въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ послѣднемъ, вслѣдствіе доноса на Демидова, посланъ былъ изъ Петербурга сенаторъ князь Вяземскій. Но пока въ Петербургѣ доноси еще разсматривались, пока назначили слѣдователя, пока тотъ собирался въ путь,—прошло около года, а Демидовъ съ своей стороны времени не терпѣлъ. Узнавъ, что большинство бродягъ — бѣглецы изъ Подмосковья, богатъ заводчикъ послалъ туда агентовъ и скупилъ у мѣстныхъ помещиковъ всю массу людей, которыхъ тѣ считали пронавшими безъ вѣсти. Лицъ, не открывшихъ своего происхожденія, Демидовъ велѣлъ невьянскому управляющему держать въ кучѣ, и какъ пріѣдетъ слѣдователь, запрятать въ подземелье, но такъ, чтобы никто посторонній не могъ указать этого мѣста, и если обстоятельства того потребуютъ, „оставить бродягъ тамъ на вѣки вѣчные“. Для помѣщенія князя Ва-

II.

Въ душегубкахъ. — Береговые промыслы. — Орѣшники. — Люди съ жегзными ногтями. — Баба за мужика. — Наказанный пороки, или какъ начальство бунтовало на Косьвѣ. — Камскій переборъ. — Р. Ершовка. — Чортово городище. — Какъ Ермачекъ сжегъ себя въ деревянномъ срубѣ. — Воспоминанія о Строгановѣ.

Нужно привыкнуть къ этимъ легкимъ утлымъ челнамъ, перевертывающимся при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи пассажира. Лучше всего лечь и лежать въ нихъ, — но и это неудобно въ томъ отношеніи, что ничего такимъ образомъ не увидишь, кромѣ блѣднаго неба, покрытаго сѣрыми тучами. Еще болѣе ловкости нужно имѣть гребцамъ, которые, стоя на переднемъ и заднемъ концахъ челна, упираются длинными шестами въ дно рѣки и такимъ образомъ передвигаютъ лодку. Душегубка все-таки медленно плыветъ вверхъ по Косьвѣ, стремящейся здѣсь быстро, настолько быстро, что стоитъ лоцманамъ зазѣваться на минуту, чтобы лодку тотчасъ же снесло на полверсты внизъ. Только въ плесахъ теченіе нѣсколько тише, но въ узинахъ зато — хоть выходи на берегъ. Нигдѣ по сторонамъ, вверхъ отъ Ныра, не видать обработанныхъ полей. Все населеніе, прижатое гѣсомъ къ водѣ, живетъ заводскими работами. Случается, что

земскаго въ Невьянскѣ былъ выстроены наскоро домъ, великолѣпно отдѣланный внутри и снаружи и снабженный мебелью изъ самаго рѣдкаго и драгоцѣннаго заграничнаго дерева. Жители, дивясь роскоши этого зданія, назвали его „красными хоромами“. Когда прибылъ Вяземскій и приступилъ къ повѣркѣ народа, ему представили ревизскія сказки и крѣпостные акты, совершенные заднимъ числомъ на вновь приобрѣтенныхъ людей. Что же касается бродягъ и бѣглыхъ, то на вопросъ по этому предмету данъ отвѣтъ, что такихъ никогда не было и нѣтъ по заводскому нѣшнію. Успѣлъ или нѣтъ Вяземскій обличить Демидова въ укрывательствѣ безпаспортныхъ — неизвѣстно; по словамъ сторожковъ, Демидову не было ничего и только „сиротанине въ подземельѣ не выходили уже на бѣлый свѣтъ“. Вѣрно Вяземскій чѣмъ нибудь не угодилъ Демидову, потому что, когда они встрѣтились въ Петербургѣ и первый между прочимъ сталъ расхваливать невянскія „красныя хоромы“, Демидовъ выслушалъ его молча, а вернувшись домой, написалъ своему управителю: „сжечь эти хоромы со всемъ, что въ нихъ есть!“ Приказъ былъ исполненъ буквально, по отъѣзду управителя; въ дѣйствительности же зданіе немедленно было сжато и бревна употреблены на обжогъ руды. Мебель и уборы достались управителю.

О Демидовѣ вообще ходятъ масса такихъ разсказовъ. Очевидно, нѣкоторая правда въ нихъ есть. Человѣкъ былъ жестокой и сентиментальничать не любилъ. Рабочихъ держалъ впроголодь, а бѣглыхъ и называлъ нещадно за самые легкіе проступки. Подобныя же легенды приходилось мнѣ слышать на Уралѣ и объ Строгановѣ; только о послѣднемъ съ примѣсю элемента героическаго. Строгановъ воевалъ съ Ермачкомъ вѣстѣ татарву, Строгановъ держалъ свои войска, Строгановъ всѣмъ Ермачкамъ оказывалъ помощь съ единственныи условіемъ: — какое серебро они добудутъ — пускай берутъ себѣ, а золото ему.

нѣтъ работы для заводовъ—и народъ безъ хлѣба. Луга по рѣкѣ хороше, сочные, свѣжіе. Прикосыяне могли бы держать пропастъ скота, да не съ чѣмъ подняться, не на что завести его.

— Какъ тутъ и хлѣбъ-то сѣять!.. вздохнулъ мой проводникъ.

— А что?

— Да мѣсто вишь шибко студеное... Въ августѣ ини бываютъ здоровые. Овощъ забнеть, да и капуста вся въ трубку идетъ. Колосу и налиться не дастъ — ознобитъ его. Иное мѣсто бываетъ — овощъ мало-мала поднимется—и то слава Богу. Мѣсто горное, красивое, да непогодное... Трудно намъ жить, ахъ трудно!

— Сколько въ заводы угля сбыть можно отсюда.

— Можно, да какъ? Заставляютъ, а мы не опытни, ну и коней нѣтъ, а въ Кизель нужно на заводъ на лошади возить. Больно гористо. Вотъ пониже Губахи—туда, въ Камѣ ближе,—мѣста пойдутъ хлѣбныя. Съ деревни Шестаки первыя поля начнутся.

Кое-гдѣ съ берега въ Косьбу вдвигаются громадные утесы. Рѣка пѣнится и пыжится, вспухаетъ, стараясь перекинуться черезъ самое темя дикаго камня. Весною барки и челны прямо несеть на эти зловѣщіе пороги. Зачастую на недоступномъ водѣ темени утеса поднимается сумрачная хвоя или веселая березка любитъ отсюда на бѣшеные порывы злой, да не сильной рѣки... Иной разъ пловцамъ удается издали видѣть на такомъ камнѣ отдыхающаго медвѣдя. Царь уральскихъ лѣсовъ и не шевельнется, пропуская мимо себя челнокъ. Съ челнока тоже его не пугаютъ: опасаются, чтобы не озлился. Топоромъ пока его еще зарубишь, а лодку онъ перевернетъ живо... Въ Растесѣ, верстъ за сто отсюда, на него охотятся. Тамъ народъ иной, болѣе смѣлый и добычливый; только и дѣла, что лѣсуетъ, звѣря ловятъ, птицу бьютъ...

— Да меньше нонѣ звѣря стало.

— Почему?

— Троицкое отбило. Пока не было жительствова, что тутъ медвѣдя по борамъ этимъ ходило, страсть. Растесскій народъ на всемъ свое беретъ. Сколько одного орѣху съ кедра снимаетъ!.. Съ Ильина дня шишки рвутъ, а осенью чистятъ.

На вѣтвистые кедры лѣзутъ такъ, запросто, а на гладкіе надѣваютъ на руки желѣзные когти и цапаются.

— Иной точно звѣрь... отъ мухи, да отъ комара сѣтку надѣнетъ, а на лапы когти... Вѣдьмедь вѣдьмедемъ. Почище вѣдьмеда шкуру-то когтями этими содрать можно. За орѣхами въ Растесѣ нарочно съѣзжаются ирбитскіе купцы къ „колодцамъ“.

— Что это за колодцы такіе?

— А срубы сдѣланы. Въ нихъ навалить кедроваго орѣха сверху, да и закрыть плотно-наплотно, чтобы векша не проюртилась туда, чтобы мишка не залѣзъ. Тутъ же у колодцевъ и чистятъ.

Впослѣдствіи, въ другихъ мѣстностяхъ Урала мнѣ привелось самому видѣть этихъ кедропромышленниковъ.

Дѣйствительно, звѣрь звѣремъ. Лицо сѣткой закутано, волосы на лобъ сбились. На ногахъ какія-то бахилы, чтобы, гдѣ болото, болото перейти. На рукахъ рукавицы съ громадными желѣзными когтями. Здорово они этими когтями обдираютъ кору лѣсныхъ великановъ. „Орѣшники“ эти—народъ сумрачный и неразговорчивый. Съ однимъ всю ночь у костра сидѣть привелось—ни слова не вымолвилъ, точно у него языкъ отнялся. Смотритъ себѣ въ огонь безучастно и молчать. Спросишь—поведетъ на тебя глазами—и опять въ огонь. За спиной у такого добычника непремѣнно ружье съ толстымъ стволомъ и самодѣльнымъ неуклюжимъ ложемъ. Пули для этого ружья тоже отлиты особыя, громадныя. Пусть бьетъ недалеко, да сильнѣе. Мишку малой пулей не достанешь, въ шкурѣ останется, и уйдетъ онъ отъ тебя по-добру по-здорову въ свое лѣсное царство; а разъ ушелъ, больше не попадетъя пуганный. Лукавствомъ будетъ брать... Орѣшникъ—промышленникъ и птицу не минуетъ; сила для нея разставить. Лиса только подлая иногда слѣдомъ за человѣкомъ идетъ. Растесецъ поставитъ силокъ, попадетъ туда боровая птица—выгѣсть ее лиса патриѣвна, только въ утѣшеніе охотнику птичью лапу оставить, да ворохъ перьевъ, аппетитно ощицанныхъ лакомю хищницей.

Лучше всего то, что на такой промыселъ иногда снаряжаются и бабы.

Эта также мужикомъ одѣнется, такіе же когти на себя нацѣпитъ. Уральская баба въ иномъ мѣстѣ, впрочемъ, и мужика за поясъ заткнетъ. Возьметъ ружье и съ ружьемъ въ лѣсъ уходитъ; шатается по дебри темной, медвѣдя увидитъ—стрѣляетъ въ него. Кормиться нужно чѣмъ-нибудь. Коли всѣ лѣснымъ дѣломъ живутъ, чѣмъ же она хуже другихъ? Мужа пришибло гдѣ-нибудь на такомъ же промыслѣ, или нечистъ его куда въ болото загнала, дѣтишки остались, ну лѣсовика и орудуетъ мужнинымъ промысломъ. Такую мнѣ пришлось видѣть только разъ, ночью, посередѣ уральскаго лѣса, у небольшого костра. Эта поразговорчивѣй была... Баба языка не удержитъ.

— Нонѣ крупнаго звѣря меньше стало... Ну, а птицу мы ловимъ хорошо. Векшь бьемъ. Только шкурка дешева—не стоитъ заряда.

— А дѣти у тебя какъ же?

— А дѣти у старухи, у бабки. Она приглядитъ за ними. Разволочное время — потерять его нельзя. Все рублевъ десять нашебаршишь.

— Ну, а мужики въ лѣсу не обижаютъ?

— Какъ это?

— Не отнимаютъ промысла?

— Нѣтъ, у насъ свято, потому ловить волгъ, да ловятъ и волка,

ловить и волкъ покелѣ волка не поймать... У насъ въ лѣсу правдой надо жить. Неправдой свѣтъ пройдешь, да назадъ не воротишься... И съ умомъ воровать — бѣды не миновать. Опять же онъ „крути да верти“ не любить.

— Кто онъ?

— Лѣсовикъ. Ему эта круть да верть противна. Онъ правды хочетъ. Кто изъ чужихъ силевъ орѣхъ уносить, того и лѣсовикъ не помилуешь, нѣтъ... Тутъ-то нашимъ лѣсомъ такія болотины есть — забѣть, такъ не успѣешь и помолиться толкомъ, съ головой уйдешь... Оно бываетъ грѣхъ, кто говоритъ, только рѣдко... И считаную овцу волкъ стѣдаетъ... Иной случается и поневолѣ — голодъ-то не свой братъ... Этому меньше грѣха, который отъ нужи великой на такое дѣло идетъ.

Мы не могли глазъ отвести отъ береговъ Косъвы. Они то сдвигались сумрачными кругами, къ вышинѣ надъ рѣкою лѣсная темень кмурилась, то разступались пологими отмелинами, сплошь покрытыми веселыми березняками... На первомъ роздыхѣ разговорился я съ лоцманами и тѣ шибко жалуются на безвременье.

— Все обиждаютъ насъ купцы.

— Какіе купцы?

— Да такіе, какъ и вы вотъ, потому, окромѣ купца, какое кому дѣло до нашей Косъвы рѣки. Какую бы работу не робить — все по тридцати копѣекъ на человѣка выробишь въ день... А тутъ двумъ за экую путину на шестахъ — все тридцать копѣекъ платять, по пятнадцати на брата. Вы вотъ понимаете, а у другаго этихъ понятіевъ нѣтъ. Давай лодку — что ему. Такъ, ослизлая душа, три гривенника и отдасть... А теперь-то лодки у насъ пошли тяжелущія колодины... Съ вечера-то съ такой работы уснешь — утромъ не можешь разломаться, руки, ноги отоймутся... Еще двое садутъ да и капиталу наладутъ съ собою.

— Какого капиталу?

— Да готвы разной... имѣнія всякаго. Рази имъ жалъ рабочаго человѣка. Иной наровить даромъ проѣхаться... Былъ одинъ такой — каждый годъ раза два-три ѣздилъ и все даромъ; маялись мы съ нимъ, маялись, потому въ самую рабочую пору.

— Зачѣмъ же вы его возили?

— Ужъ очень храбро кричалъ на насъ — лютымъ окриккомъ, и ногами топалъ... Ну, мы люди смиренные. Говорилъ — чиновникъ, мы и вѣрили. Бумагу постоянно такую показывалъ. Что же, мы грамотѣ не умѣемъ, и возили. Да на наше счастье на барина одного наткнулся. Баринъ тоже ѣхалъ. Слышитъ — крикъ неподобный, „что это“, говоритъ, „у васъ?“ — Да вотъ, начальство бунтуетъ... „Какое же, говоритъ, это начальство?“ — У ево, говоримъ, бумага есть. Ну, и потребовалъ баринъ бумагу, посмотрѣлъ, да какъ разсмѣется. „Дураки, говоритъ, вы всѣ, вотъ что...“ — Какъ дураки, коли на бумагѣ печать

казенная?... „Такъ и дураки, какіе дураки бываютъ. Въ бумагахъ-то что написано?—что судился мѣщанинъ такой-то за воровство и лишенъ всякихъ правовъ и сосланъ въ Пермскую украину къ намъ... А вы, говорите, его возите даромъ и за начальство почитаете... Какъ же вы не дураки!..“ Ну только и мы тогда этого верхотурскаго мѣщанина спокаяли.

— Какъ это...

— Ловы нарвали, да лозой... Баринъ ему и казнь такую выдумалъ. Мы бы его отпустили, да онъ ужъ надоумилъ... „Ничего, говоритъ, ребята, не бойтесь. Что же вашему добру даромъ пропадать“... Высыбли мы, точно, только онъ отдышался и взмолился: „братцы, вывезите меня куда-нибудь; ужли же мнѣ тутъ и пропадать на пустомъ берегу...“ Ну, мы его честь-честью домой и предоставили. Деньги ужъ давалъ—не взяли.

— Почему это?

— Потому онъ свое получилъ. Съ его довольно, слава Богу! Пущай его подавится нашими деньгами. Что съ вора взять — ни отъ камня плода, ни отъ вора добра.

Пологий лѣсокъ далеко вдвинулся въ Косью; противоположный берегъ—почти отвѣсная гранитная стѣна, вогнутая параллельно мысу... Вся она закуталась въ туманъ. Слышно только, какъ волны рѣки разбиваются о ея подножіе... Туманъ и на верку сгустился въ темную тучу и легъ на горныя вершины... Лодченка наша совсѣмъ ничтожной и жалвой кажется рядомъ съ этими громадами... Лоцманна зорко смотрять—изъ воды, словно зубы какой-то чудовищной челюсти, торчатъ черныя утесы... „Не доглядишь—и готово, говоритъ съвозъ зубы Терентій...—Тутъ мѣсто вострое! сочувственно отъзывается ему Иванъ съ другого конца челнока. Слышенъ съвозъ грохотъ волны какой-то загадочный шумъ. Овазывается—водопадъ въ сторону, весь спрятавшійся въ зеленую чащу и невидный отсюда. Порывомъ легкаго вѣтра разорвало туманъ. Налѣво—отвѣсная голая скала, по ней щели и трещины, точно невѣдомыя гвоздеобразныя письменна какого-то давно исчезнувшаго и иного слѣда по себѣ не оставившаго народа... Вонъ другая гремучая рѣченка злится и пыжится, съ разбѣгу кидаясь въ широкій плесъ Косьвы. У самаго устья ея даже каскадъ маленькій бѣлѣтъ — видимо черезъ каменную гряду перекакиваетъ бистраводная Пятигорка...

— Тутъ вотъ переборы пойдутъ!..

Косья, дѣйствительно, скоро зашумѣла въ этихъ переборахъ. Ужасно напоминала она Тулому въ Лапландіи. Налѣ челнокъ осторожно заползалъ въ щели между камнями, изъ одной поднимался въ другую и злобѣще поскрипывалъ дномъ о предательскія корчи... А тамъ опять плесы съ прозрачной водой, гдѣ до самой глубины каждую рыбку видно, особенно на песчаномъ днѣ—тамъ не только рыбка вся выдѣлится до послѣдней своей чешуйки, но тѣнь ея внизу

бѣжить и извивается за нею... На-право изъ лѣсу торчатъ остатки какого-то бревенчатого сруба, совсѣмъ ветхіе, залѣснѣвшіе даже...

— Что, тутъ село было?

— Нѣтъ. Разбойное мѣсто такое... Ермачекъ одинъ верховодилъ... Давно ужъ, при дѣдахъ нашихъ. Огневище называется.

— Что это значитъ?

— А сжегъ онъ себя тутъ. Въ Павдѣ онъ у царскаго пристава жену уведомъ увелъ... волей... Полюбила она Ермачка... Онъ и увелъ ее.

— Да какіе же приставы въ Павдѣ были?

— Были, когда старнки говорятъ. Они лучше насъ съ тобой, ваше почтеніе, знаютъ... Ну, уволокъ онъ ее сюда, и стали они разбойнымъ дѣломъ промышлять. На Каму уходили; разобьютъ караванъ, и сюда хоронятся. Только никакъ сослѣдить ихъ не могли... Много годовъ они такъ промышляли.

— А на Косьѣ они не грабили?

— Зачѣмъ? Въ тѣ поры здѣсь пустынно было. Опять же близъ норы лиса на промысли не ходитъ!.. И сосѣдей онъ жалѣлъ, потому—воръ поналъ, а міръ пропалъ. Воръ воруетъ, а міръ горюетъ... Только такъ это онъ разохотился удачей, что задумалъ Усолье пограбить... А на ту пору въ Усольѣ Строгановъ сидѣлъ. Собралъ Ермачекъ десятка три „казаковъ“, ночью вломился въ варницы да въ дома усольскіе и обчистилъ ихъ дотла... Что онъ впопыхахъ народу побилъ, страсть... А на ту пору у Строганова гостилъ царскій приставъ изъ Павды... Увидалъ онъ этого Ермачка и спрятался, узналъ, значитъ... Пограбилъ, пограбилъ Ермачекъ и прочъ отбѣжалъ съ караваномъ къ себѣ. Одного только изъ своихъ найти не могъ — думалъ, убить въ свалкѣ... А онъ въ варницѣ раненый лежалъ и мучился, только голосу подать не могъ, ослабъ очень. На другой день Строгановскіе нашли его и давай лечить. Вылечили. Здороваго привели къ Строганову и царскому приставу.— „Гдѣ Ермачекъ хоронится?“ Молчить бунтырь. „Эй, лучше добромъ говори!“ — Не могу я, клятву такую на себя принялъ!.. Стали его, ваше почтеніе, пытатъ на дыбѣ, кнутомъ пытали — молчить. Тогда его Строгановъ велѣлъ огнемъ донять... Пятами его въ печь вдвинули... Взывъ, сталъ смерти просить. „Не будетъ тебѣ смерти — весь въ мукахъ долгихъ изойдешь, если не скажешь...“ Дали ему день отдышаться. Опять волокутъ... „Можешь теперь отвѣчать?“ — Не могу, залятые такое далъ на себя. — Ну, тутъ котелокъ разогли въ печкѣ и красный ему на голову надѣли. А царскій приставъ такъ и распалился. „Вн, говорить, у меня жену сволокли, такъ я-жъ васъ повѣнчаю... Поноси-ко этотъ вѣнецъ. Сладко ли?“ Ну, тутъ казакъ не могъ тѣя лютыя муки вынести, сталъ каяться. Сталъ каяться—всѣхъ выдалъ, и гдѣ Ермачекъ хоронится сказалъ. Въ тотъ же вечеръ казаки этого повѣсили, а на утро Строгановъ съ царскимъ приставомъ и большою

ратью въ походъ снаряжился. Ночью они окружили Ермакову пору, а утромъ и бой начался. Ермакъ было хотѣлъ тайнымъ ходомъ уйти, а казакъ-то евоный и это сказалъ, гдѣ что; сунулся онъ туда — а тамъ у самаго мѣста ужъ костры горять, хотять его какъ лису выкурить... Тогда вышелъ Ермачекъ на стѣну и говоритъ: „Казну сдать и самъ сдамся на казнь лютую, за то должны вы большой клятвой поклясться, что жену мою помилуеа!“ Строгановъ было далъ согласъ, а приставъ и озлобился. „Какая, говорить, песья душа, жена у тебя... съ чужою женою живешь... Я ее, подлю, къ конскимъ хвостамъ привяжу, да по каменью размечу безъ устатку.“ Тутъ жена и вступилась сама.—Плывать я, говорить, хочу на тебя царскому приставу,—потому не мужъ ты мнѣ, а ворогъ-лиходѣй.. А будемъ мы биться до послѣдняго здоха и тогда вамъ въ руки живыми не дадимся!—И давай опять воевать... Строгановскіе люди на стѣну, а она ихъ кипучей смолой сверху... Сволько тутъ посѣкли народу мечами—и сказать не могу. Только къ вечеру—видитъ Ермачекъ, что ихъ одолѣваетъ сила вражья и говоритъ ей, женѣ-то: „Знаю я еще одинъ заповѣднй ходъ... Только двумъ не уйти... Я останусь на смерть, а ты уходи и молись за меня, коли жива будешь...“ — Не бывать этому, вмѣстѣ жили, вмѣстѣ и помирать!—это она-то. „Какъ такъ?“—А такъ... Залила она стѣнку и избу смолой, натаскала хворосту кругомъ, и только Строгановскіе люди полѣзли напослѣдокъ—она и запалила... Изба-то горитъ, приступу къ ей нѣтъ, а она съ Ермачкомъ вышла на кровлю, да и кричитъ приставу: „Полюбуйся-ко, ворогъ лютый, какъ мы милуемся, да радуемся“, обняла Ермачка и давай цаловать его... Такъ ихъ полимемъ и занесло... Тутъ мѣсто съ той поры нечистое...

— А что?

— Да видится разное... Ночью, ежели одному ѣхать, слышишь, какъ Ермачиха-то жалуется да плачетъ... А то къ лѣсу побѣжить—и огонь за нею такъ и пышетъ... Она въ воду хочеть, а вода отъ нея прочь...

— Самъ ты видѣлъ?

— Какъ плакалась въ лѣсу—слышалъ, а видать не видалъ... Старики рассказываютъ въ Растесѣ и по другимъ мѣстамъ... Есть которые видали сами.

Что за красивое мѣсто пошло отсюда! Массы скалъ громоздились у берега въ самыхъ живописныхъ сочетаніяхъ; рѣка Ершовка съ высоты падала въ Косью. Ершовка эта, прежде чѣмъ слиться съ Косью, дѣлаетъ восемьдесятъ семь колѣнъ и каскадовъ... Совсѣмъ „каскадная“ рѣка. Недвижныя ели важно стоятъ на мрачныхъ камняхъ, точно и онѣ тоже каменныя, ни одною вѣтвью не шелохнутъ въ этомъ царствѣ текучей и падающей воды, пѣны, брызгъ и грохота... Наши лоцмана устали очевидно—руки едва двигались... Нужно было сдѣлать привалъ. И нашли же для этого мѣсто—совсѣмъ подъ стать

этимъ величавымъ утесамъ. Мы причалили къ каменнымъ лудамъ—мелямъ посередь рѣки, вытащили на нихъ лодку и, спустя нѣсколь-ко минутъ, разложили костеръ тутъ же, вблизи разбитыхъ барокъ, орясины которыхъ торчали изъ воды, точно ребра какихъ-то сказочныхъ чудовищъ...

Не успѣли мы сварить чаю, какъ сверху показался такой же ченокъ, только онъ точно съ разбѣгу бѣжалъ внизъ по теченію...

Стали мы всматриваться. Какая-то широкополая шляпа сидитъ...

— Приставайте сюда, кричимъ мы на-встрѣчу священнику, дремавшему въ душегубѣхъ.

Молоденькій гимназистъ, бывшій съ нимъ, сталъ его будить... Проснулся...

— Чай у васъ... Благовременно!..—Неуклюже сталъ вылѣзать изъ лодки...—Это вы хорошо.

— Какъ это вы сюда попали?

— А вотъ съ сыномъ въ Растесѣ гостилъ, такъ опять домой въ Орелъ-городокъ плывемъ... Подлинно, дивно встрѣтить здѣсь кого въ цивильномъ платьѣ. Самая медвѣжья сторона—Косьва эта... Сморила меня дорога-то.

Разговорились. Сталъ я спрашивать батюшку о краѣ этомъ.

— И не вопрошайте, потому а ихняго невѣжества не любопытствую... И безъ того всё мы мохомъ обросли... У насъ въ Орелъ-городкѣ тоже, я вамъ доложу, дичь порядочная...

Сталъ рассказывать про свое житье-бытье. Тоже плачется. Мужикъ здѣсь къ церкви не прилежитъ, но всячески отъ нея лныаетъ... Мальчикъ гимназистъ тоже немалыя огорченія доставляетъ...

— Представьте вы себѣ, сколь правильно у него умъ направлень. По дорогѣ тутъ завелъ я съ нимъ назидательную бесѣду о всемогуществѣ Божиємъ; что же, вы думаете, какъ о Господѣ мнитъ юнецъ сей, а?

— Не знаю, право.

— Оно, говорить, правда, всемогущъ-то онъ всемогущъ, а все же ему козырнаго туза не покрыть! Такъ я и обомлѣлъ. Да онъ съ такимъ болваномъ, какъ ты, и играть-то не садеть!—моментально раздражился и выпалилъ въ сына священникъ...

Я такъ и покатился... Батюшка сообразилъ, что сказалъ глупость.

— Съ нимъ, право, влетишь... Душу онъ мнѣ повернулъ. Вдругъ отъ іерейскихъ чреслъ и такая пакость вышла!.. Ужъ дома я тебя выпорю. Я изъ тебя этотъ духъ изгоню... Будь спокоенъ.

Гимназистъ очевидно не понималъ, какимъ это образомъ онъ можетъ остаться спокойнымъ въ виду ожидающихъ его дома семейныхъ радостей. Со злости онъ сталъ запускать камнями въ воду.

— Не хотите ли рому, батюшка?

— Это значить пуншгъ. Ежели умѣренно и во-время — отчего же... А у меня пирогъ есть съ рыбой и куропать жареная... Такимъ

образомъ мы съ вами соорудимъ пиръ Валтасаровъ... Валтасаръ-то кто былъ?.. ткнулъ онъ указательнымъ пальцемъ въ лобъ гимназиста.

— Царь!

— Царь и женолюбецъ!.. А я все-таки тебя выпорю... Предивно, сколько въ нихъ легкомысліе свирѣпствуетъ.

Какая-то сѣрая птица съ вершины утеса пристально всматривалась въ наше ширшество... Грохотъ Ершовки позади и шумъ Косы въ переборахъ порою заглушалъ нашу бесѣду.

III.

Путь до Троицкаго рудника.—Рабочій адъ. — Горы: Кусвинская, Гусь. — Невѣдомое племя.

— Тутъ по всему Уралу безперечь такая пошла, концовъ не соберешь... Вотъ будете въ богословскихъ заводахъ, напримѣръ, увидите, своль хорошо тамъ народу живется.

— А именно?

— Да Башмаковъ вѣдь купилъ эти заводы и послалъ управлять ими, какъ бы вы думали... кого?

— Не могу догадаться... Специалиста какого-нибудь.

— Да, только по другой части... ученаго агронома. Этотъ что же сдѣлалъ: заводы обязаны поставлять въ казну мѣдь, а промывкой золота заниматься выгодноѣе. Сообразить не трудно. До интересовъ населенія дѣла нѣтъ никакого—и вотъ мѣдная шахта горитъ. Разработка мѣди прекращается. Хозяину выгодно—рабочіе начинаютъ умирать съ голода и кончаютъ бунтомъ. Озлобленіе повсюду страшное. Истопили всѣ средства, избы на срубъ на дрова продали, послѣднюю утварь проѣли; ходятъ обезсиленные, оборванные. Служащіе на заводахъ — разумѣется только не ученые агрономы—большую часть жалованья отдаютъ рабочимъ. Зубаревъ изъ своихъ 4.000 руб. раздѣляетъ между ними 3.000 руб.

— Ну, а агрономъ?

— Чоботовъ?.. онъ не иначе показывается изъ дому, какъ съ револьверомъ въ карманѣ... Народъ умоляетъ переселиться куда-нибудь... Адъ, чистый адъ... съ-ума сойдешь. На другихъ заводахъ — то же. Въ Александрійскомъ изворовались всѣ, и судьямъ страшно наказанія налагать, потому повальный голодъ воруетъ. У Чусовой есть такія мѣста, гдѣ мировому въ ноги кланяются за приговоръ въ тюремному заключенію, потому, хотъ мѣсяца три, четыре, прокормишь-ся. На одномъ изъ заводовъ, за долги владѣльца, бельгійская ком-

панія дѣло вела все, даже чугуныя плиты перетонила въ доменныхъ печахъ на металл, продала его и скрылась, задолжавъ населенію болѣе ста тысячъ. Тамъ тоже стонъ стоитъ!.. „Смерть наша приходитъ“, говорятъ крестьяне. Вотъ тутъ, напримѣръ, безлюдье. Соперничества нѣтъ—цѣны должны быть высокія, а вы спросите у Терентія, что онъ зарабатываетъ въ мѣсяць.

— На кругъ? отозвался Терентій.

— Да, на кругъ.

— Мѣсяць робишь—воскреснаго дня не знаешь, а все не больше восьми рублей получишь.

— Ну, вотъ видите. Какъ же подняться этому народу, съ чѣмъ? У лѣсопромышленника еще хуже. Тамъ онъ совсѣмъ задичаетъ—потому всю зиму въ лѣсу на холоду—руби, а весной по горло въ водѣ грузи и потомъ впроголодь сплавляй...

Въ изломахъ утесовъ рижѣть желѣзная руда. Берега, какъ и дно рѣки, отсюда сплошь каменные стали. Изрѣдка въ водѣ чернѣть выскерье—ель, вырванная непогодю вмѣстѣ съ корнемъ, или, какъ здѣсь говорятъ, съ мясомъ. Вѣжмя мимо; Косыва какъ въ котлѣ кипитъ не переборахъ, душегубку нашу едва удастся поднять на ступеняхъ, гдѣ вода угломъ падаетъ.

— Отсюда сплошь все крутые переборы пойдутъ да быстринны, утѣшаетъ насъ Терентій, зорко вглядываясь въ рѣчное дно. — Ярая вода, чуть заѣвался — такъ вверхъ донизкомъ и опружить лодку. Ишь булькаетъ—словно въ котлѣ. Весною тутъ страшенно...

— А что?

— Да на баржахъ изъ Троицкаго рудника сплавляемъ руду всякую—до Чермоза. Такая тутъ сутолочь, что на каждую барку по 32 человѣка ставимъ. Одного лоцмана мало — ученика къ нему беремъ.

— Что же получаетъ лоцманъ?

— До Чермоза двадцать три рубля, а ученику тринадцать, да рабочимъ по десяти... Живемъ мы въ эту пору однимъ хлѣбомъ — больше нѣчего ѣсть. Пуда по два на человѣка хлѣба-то сойдетъ. Горчаго не варимъ, а вѣтра въ эту пору стоятъ хуже чѣмъ зимой, огневица такъ и моритъ народъ. Въ послѣдній разъ изъ тридцати-то человѣкъ съ нашей барки мы двѣнадцать по пути похоронили... Вотъ сколь сладки сплавы-то эти.

Горы такъ круты здѣсь, что выйти нѣкуда на берегъ. Волжскія Жигули не сравнятся съ этими Косвинскими вершинами. Послѣднія и крутѣ, и величавѣ, и выше. Даже жутко становится плыть между ними—вотъ-вотъ сдвинутся и раздавятъ; или этотъ карнизъ, далеко выдавшійся сверху и повисшій надъ водой — рухнетъ внизъ и отъ тебя даже не брызнетъ. Подъ Гремяхой, Гусемъ, Претчихой—и лодчичики, начто ужъ народъ привычный, смолкаютъ — такъ вліяютъ на душу эти каменные громады... Особенно грозно висятъ надъ рѣч-

вой скалы Гуся. Тутъ бухточки похожи на колодцы. Узкія щели ведутъ въ нихъ, приче́мъ площадь дна больше поверхности (воды). Точно ихъ выдобили искусственно для какихъ-то страшныхъ подземныхъ тюремъ, да залило водою. Терентій увѣряетъ, что это водою таеъ высверлило... „Не дай Богъ свернуться внизъ — свѣта бѣлаго ужъ не увидишь“...

Совсѣмъ дивное царство потемочное... Спасенья нѣтъ—внизъ оно тянеть, какъ не плавай. Вотъ два-три курена въ сторонѣ, гдѣ дрова рубяты и уголь жгутъ въ печахъ. Теперь они заброшены — зимой только сойдутся сюда лѣсопромышленники. Вонъ правильными куполами горы пошли; какія сказочные титаны придали имъ эти формы? Точно черепа какихъ-то чудищ поднимаются онѣ изъ зеленыхъ облаковъ кедроваго лѣса, обступившаго ихъ отовсюду... Перебираясь отъ одной къ другой, мы наконецъ видимъ передъ собою громадную, оставляющую за собою всѣ прежнія, Кусвинскую гору... Мы тянемся вдоль ея отвѣсныхъ стѣнъ. На всю Косьву бросила она свою тѣнь, точно въ какое-то мрачное царство вступили мы. Шесты бросили — цѣпляемся руками за выступы Кусвинскихъ отвѣсовъ и такъ переползаемъ. На высотѣ надъ нами кое-какъ держатся могучія ели — половина узловатыхъ корней на воздухъ вытянулась и чернѣетъ тамъ неподвижными змѣями... Должно быть, сначала въ скалѣ хоронились, да подъ постояннымъ напоромъ ихъ треснула и рухнула скала, а они остались, точно торжествующіе свою трудную побѣду надъ этою первозданною громадою. Водяные лопушки и лиліи колышутся по слѣду нашей лодки... Кое-гдѣ они захватываютъ ее своими цѣпкими длинными стеблями... трудно вырваться изъ этихъ объятий... Вонъ совсѣмъ сбѣзанный береговой лѣсъ... Ледянымъ заторомъ снесло его, забило въ бухту, и гниетъ онъ въ ней... Вонъ въ чащѣ совсѣмъ лопарская тупа — бревенчатый срубъ, крытый на одинъ скатъ... Совсѣмъ не мѣстнаго типа избушка.

— Что это?

— А это растесская яминка..!

— Да развѣ растесцы сюда ходять!

— Прежде ходили; тѣ, что лѣсомъ да рыбой занимаются... Ну, а какъ Троицкій рудникъ поставили, они и ходить перестали...

Наконецъ, опять впереди выдвинулась Ослянка, та самая, которую мы видѣли еще вчера, подѣхавъ изъ Кивела къ Нару. Косьва, сдѣлавъ большой кругъ, опять подошла къ этой громадѣ. Вершина ея покрыта снѣгомъ, ярко горящимъ теперь подъ солнечнымъ свѣтомъ, зато остальная масса горы тонетъ въ какихъ-то синихъ сумеркахъ. Теперь долго намъ придется плыть въ виду этой вершины. Еще недавно шумная, Косьва тиха какъ въ чашкѣ... Слышно со стороны посвистываніе бекасовъ... Цѣлымъ яровьемъ повисла въ водѣ и не шелохнется мелкая рыбка—малавка.

— Ее и щука не ѣстъ—столь она вкусна.

— Тутъ на Осланиѣ и около прежде много разбойнаго лихаго народу жило. Только не нашей вѣры и не нашей мѣлви.

— Татары и пермяки?

— Нѣтъ... особые какіе-то... И теперь черепа ихъ вырываютъ здѣсь крестьяне, и топоры—только топоры чудныя, — желѣзо-не желѣзо, мѣдь—не мѣдь.

— Куда же они дѣвались?

— Да ихъ давно, еще при Грозномъ, Строгановскіе люди побили. Безъ устатка всѣхъ—никому милости не было. Пермякамъ милость была—потому пермяки—смирные; ихъ, бывало, побьютъ, они и смирятся, а эти, что на Осланиѣ жили, сами разбоемъ ходили и пардону ни у кого не просили. Ну, такъ Строгановъ и послалъ на нихъ свои рати... Они тоже противъ него съ умомъ дѣйствовали. Въ пещеры забирались и оттуда стрѣлами метали, да каменьямъ всякимъ!.. Долго къ нимъ подступу не было, да Строгановскіе догадались—сверху на нихъ накинулись... Изъ Перми, да изъ Екатеринбургa пріѣзжали сюда разные ученые, искали ихъ—ничего не нашли, съ тѣмъ и отбѣхали.

По сватамъ Осланиа палева пята мерещатся—видимо оленьимъ мохомъ подернуло ихъ; это — ягелева пастбища. Оказалось, что и олени заходятъ сюда, только рѣдко, хотъ ихъ и не бьютъ косяване, какъ не бьютъ лебеди. Олень у нихъ тоже почему-то слыветъ за претнымъ звѣремъ.

— Да почему же это? добивался я.

— Потому—онъ Божій.

— Всѣ Божьи...

— Точно что всѣ, а онъ особенно... Есть такіе святые, которыхъ съ оленями этими самими на иконахъ рисуютъ.

— Какіе же это святые?

— Не знаю, а только есть... Растесцы еще ихъ бьютъ, случается, ну а мы—никогда. Мы этого звѣря жалѣемъ. Ихъ безъ того волки рѣжутъ до пропасти...

Черезъ нѣсколько часовъ Троицкій рудникъ; тѣмъ не менѣе рѣка и ея берега совсѣмъ пустыны...

— Теперь бы и на веслахъ можно, всмотрѣлся я въ казавшееся тихимъ теченіе Косьвы.

— Нельзя. Что на Усьвѣ, что Косьвѣ—никакъ на веслахъ вверхъ не подымешься—быстры слишкомъ.

Большой рудникъ ничѣмъ не обнаруживалъ своей близости. Та же тишина стояла кругомъ, то же безлюдье... Одна за другой скалы въ 100 футовъ высоты сторожили рѣку. Вонъ совсѣмъ красная. Желѣзною ли окисью она покрыта, или дѣйствительно сплошная руда, какъ убѣряетъ меня мой слутникъ. Остальныя изъ глинистаго сланца и порфира; въ сланцѣ жилами залежи бурога желѣзнака.

— Тутъ все кругомъ желѣзомъ скрѣплено, да желѣзомъ мощено! раздумчиво проговорилъ мой спутникъ, всматриваясь въ громады богатства этого дѣвственнаго края.

IV.

Троицкій рудникъ.—Уральская пустыня.—Лѣсовики и бѣгле. — Какъ Лазаревы, Всеволожскіе и Демидовы новыя села основывали.—Рудникъ.—Громады богатства его.—Ослянка.—Какъ пьяница совладалъ съ чортомъ.—Причины пьянства.—Возвращеніе назадъ въ Наръ.

Только у самаго берега показались строенія Троицкаго рудника. Нѣсколько бревенчатыхъ избъ и домъ управляющаго съ балкончикомъ на верху. Странно было даже среди этой безлюдной пустыни встрѣтить обитаемое мѣсто. За два дня только и приходилось видѣть, что сумрачныя горы, синія дали, безлюдные берега. Казалось, что долго еще не услышишь людской мѣлви, не увидишь жилья... Впрочемъ, самый рудникъ основанъ недавно; до тѣхъ поръ привосвинскія пустыни оживлялись только пѣсней охотника, выжидающаго краснаго звѣря, да однообразнымъ скрипомъ лодокъ, поднимавшихся вверхъ по спокойнымъ излучинамъ рѣки. Сначала Лазаревы и Строгановы изъ ссыльныхъ крестьянъ основали, лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, Растесскую волость, а потомъ первые устроили Троицкій рудникъ.

Населять пустыни Урала ссыльными заводскими рабочими долгое время было здѣсь въ обычаѣ у мѣстныхъ крупныхъ владѣльцевъ. Такъ дѣлали Демидовы, перегонявшіе цѣлыя села съ одного мѣста на другое, такъ дѣлали Всеволожскіе, раззорившіеся только теперь, точно такъ же поступали Абамеликъ-Лазаревы и Строгановы. Кромѣ того—случалось, переманивали крестьянъ одинъ у другого. Откроются гдѣ нибудь новыя богатныя рудныя залежи, свой народъ весь на работѣ,—хозяева и рассылаютъ звать чужихъ. „Плата де хорошая, беремъ всѣхъ—паспортовъ не спрашиваемъ“. Ну, отовсюду и тянутся въ пустыню загнанные и недовольные уральцы, чающіе отъ новаго мѣста и новыхъ людей великихъ и богатыхъ милостей. Потому это вывелось, ибо на новыхъ мѣстахъ оказывалась жизнь горче, чѣмъ на старыхъ,—тутъ уже съ рабочимъ не церемонились. Вѣзять ему некуда, жаловаться—самому первому подъ кнутъ. Случалось, что за легкій проступокъ ихъ истязали, а за побѣги засѣкали до смерти. Былъ одинъ управляющій, Кошиковъ, который своимъ судомъ вѣшала бѣглыхъ, и бѣгле молчали—куда сунешься!.. Вродяжная баба тоже шла въ эти заколустыя. Съ ней церемонились еще меньше. Красивая попадала въ руки начальства, похуже — шла на потребу

всему рабочему люду. Жили вмѣстѣ въ скверныхъ сквозныхъ срубкахъ, спали вповалку. Смищеніе половъ и возрастовъ было всеобщее. Въ слѣдующихъ очеркахъ Урала мнѣ еще не разъ придется рисовать эти картины. Троицкій рудникъ основанъ въ позднѣйшее время и, разумѣется, на совершенно иныхъ началахъ. Тутъ уже работаетъ свое, Лазаревское крестьянство, сравнительно за лучшую чѣмъ въ Кизелѣ плату. Идутъ они сюда по согласію, а не подъ конвоемъ. Старое крѣпостное время ушло со всѣми неистовствами горнозаводскаго режима, только нищета старая осталась — ее видимо не такъ легко избыть, какъ самодуровъ и самоуправцевъ.

Небольшого роста, пожилой, юркій управляющій засуетился на берегу, къ которому мы приставали.

— Очень радъ, очень радъ!.. Тутъ живаго человѣка не увидишь... Гостю — что хорошей погодѣ пріемъ по нашимъ пустырямъ всегда радушный... Пожалуйте ко мнѣ на балконъ чайку выпить... Полюбуется отсюда нашей Косьвой-рѣкой. Видъ единственный... Я, знаете, здѣсь въ глуши „Ниву“ получаю; такъ иной разъ думаешь — вотъ, если бы рисовать умѣлъ; сейчасъ бы послалъ туда, чтобы и всѣ прочіе знали, какія у насъ мѣста чудесныя. У насъ денегъ-то мало — намъ „Нива“ сокровище, все въ ней есть, и политикой кто интересуется, и картины, и чтенія сколько хочешь. А преміями я всѣ стѣны себѣ увѣшалъ, теперь — похоже на человѣка живу.

Когда мы взошли на балконъ, восторги управляющаго оказались совсѣмъ не преувеличенными.

Домъ его на вершинѣ холма. Внизу подъ нами Косьва дѣлаетъ пять излучинъ и образуетъ два прелестные острова, огибая ихъ капризными рукавами. Нагъво гора Троицкая, вся изрытая рудниками, за ней вѣчные снѣга и ягелевыя пастбища Осланки... Противоположный берегъ тоже весь заставленъ горами. Это какой-то хаосъ скалъ, лѣсистыхъ склоновъ, голыхъ вершинъ... Быстро течетъ мимо нихъ рѣка, гремя въ своихъ безчисленныхъ переборахъ. Вода до того чиста, что мы отсюда подъ солнечными лучами видимъ дно ея, съ высоты полутора фута... Узенькія душегубки замерли у берега, рядомъ тоже замерла засмотрѣвшаяся въ воду хорошенькая дѣвочка. Подъ ея ногами рѣка сдѣлаетъ маленькій каскадъ, и ребенокъ смотреть — не насмотрится.

— Что, вамъ эти горы нравятся?.. обратился ко мнѣ управляющій.

Я удивился вопросу.

— Нѣтъ, я, знаете, почему. Тутъ вѣдъ захолустье, одиночество. Перевели меня въ людное мѣсто, такъ я изъ-за этихъ горъ по Троицкому руднику такъ затосковалъ!.. Радъ былъ, когда назадъ меня отпустили. Бѣда къ одному мѣсту привыкнуть.

Горы стали одинъ противъ другикъ, точно оцетинившіяся чудовища ожидая сигнала, чтобы сдвинуться и уничтожить эту горде-

ливо шумящую рѣку, неустанно подмывающую ихъ каменные подножія. Бѣлою пѣною клубится Орѣховка, вливающаяся здѣсь въ Косьву. Вонъ изъ горъ мерещится другой притокъ... Позади мирная долина, совсѣмъ идиллическая, тихая заводъ съ челночками и мордами, развѣшанными на шестахъ...

— Какъ на этихъ переборахъ барки весной идутъ?..

— Случается — гибнуть, а случается, что переборы еще и помогаютъ...

— Хорошая помощь!

— Вѣрно. Съ перваго перебора барка стремглавъ слетаетъ; прежде тѣмъ она израсходуетъ приобретенную скорость, она попадаетъ на слѣдующій переборъ. Такимъ образомъ до Губахи барки дѣлаютъ по 15-ти и 18-ти верстъ въ часъ, а ниже Губахи, гдѣ течение спокойно—только 8 верстъ, да и то не всегда.

На горы набѣжали тучки; кое-гдѣ тѣни отъ нихъ ползли по склонамъ. Весь пейзажъ передъ нами представлялъ болѣе двѣнадцати плановъ, одинъ смутнѣе другаго. Самые дальние только мерещились... Вонъ среди вѣчнаго снѣга на вершинѣ Ослинки чернѣютъ утесы стоймя... словно башни какого-то сказочнаго замка... Силъ нѣтъ оторваться. Все бы сидѣлъ и смотрѣлъ... Дичь непуганная вовсе. Парами перелетаетъ то и дѣло эта мелкая пташка съ одного берега на другой, подъ самымъ балкономъ нашимъ посвистываетъ, прорѣзывая застоившійся среди этого затишья воздухъ... Вонъ гагарки потянулись по Косьвѣ. На минуту раскидало ихъ водою въ переборѣ, нѣкоторые и кувыркнулись — да опять выплыли въ спокойномъ мѣстѣ и отраживаясь медленно плывутъ далѣе... Гдѣ-то издали слышится рѣзкій и звучный крикъ лебеда... Точно какая-то металлическая толстая струна лопнула и послѣдній предсмертный крикъ этой струны дрожитъ надъ молчаливою окрестностью. Изъ заводи утки заболтали что-то по своему... И опять тишина, только рѣка шумитъ въ порогахъ, да бекасы посвистываютъ надъ нею... Старикъ внизу едва бредетъ; съ нимъ тонкая густая сѣть; въ сѣти серебрится еще влажною чешуей мелкая рыба.

— Пожалуй малявки набралъ? кричитъ ему сверху управляющій.

— И малявка есть...

— Ужли-жъ ѣсть еѣ станешъ... Ее щука не ѣсть.

— Въ ильянахъ (пельменяхъ) чудесно!.. А что щука не ѣсть, такъ щука по водѣ звѣрь первый... Ему и сижокъ, и хариусъ — все возможно; а мнѣ, старому да слабому—и малявка хороша... Тутотка племяшъ у меня опять на запасъ попалъ.

— Ну?

— Вѣрно! Пуда три будетъ.

— Экое счастье тебѣ.

— Богъ невидимо посылаетъ... Я съ этого запаса мѣсяцъ сытъ буду!

— Что это за запасъ такой? спрашиваю.

— А по лѣсамъ у насъ жилия избушки таятся. Прежде, какъ Троицкаго рудника не было, такъ растесцы ходили сюда на промыслы. Ну, они въ избушкахъ этихъ разволочныхъ оставляли иной разъ большіе запасы хлѣба на слѣдующій промыселъ. Теперь ходить перестали въ лѣса — запасы такъ и остаются. А то, можетъ быть, хозяинъ померъ, а дѣтямъ невдомѣкъ искать, — ну, наши наткнутся въ лѣсахъ на такую тупку — сейчасъ шарить. Хлѣбъ находять, случалось — пороху доставалось фунтовъ по пяти. Растесцы какъ — они здѣсь иной разъ и по зимамъ живали. Народъ угрюмый, ему человека не надо — и то хорошо, что хоть лѣсъ шумить надъ головой, да вьюга загѣваетъ свои пѣсни. А въ тупкѣ у него холодно, сыро... Все переносили. Такая у нихъ ужъ страсть къ одиночеству была. Случалось и такихъ находить здѣсь, что съ каторги бѣжали.

— Вона! Въ лѣсахъ-то вашихъ?

— Да! Куда ему дѣваться? Онъ найдетъ такую разволочную тупку, да и поселится въ ней. У инаго ружье есть — кормится. Звѣря бьетъ, шкуру въ томъ же Растесѣ продаетъ, пороху да хлѣба купить — и опять себѣ въ лѣсъ. Покрайности некому трогать его въ этомъ лѣсу... Одинъ и живетъ. Такіе случались, что отъ людской молви совсѣмъ отвыкали... Тутъ лѣсовикъ одинъ — бывало, придетъ въ Растесъ, броситъ мѣха да шкуры, сядетъ и сидитъ. Ну, кулаки, которые скунали, принесутъ ему пороху, хлѣба. Взаляютъ себѣ на спину и уйдеть, не озираясь даже. Думали нѣмой. Нѣтъ, разъ услышали, какъ онъ въ лѣсной дремѣ пѣсню пѣлъ. Только съ людьми говорить не хотѣлъ, — вѣрно ужъ очень они его обидѣли. Помирать имъ только тяжело. Вьюга шумить, ночь въ окно смотреть... Одинъ. Тутъ ужъ это уединеніе страшно. Дичали нѣкоторые такъ, что отъ людей бѣжали. Случаемъ встрѣтять орѣшника, либо звѣролова въ лѣсу — и прочь отъ него во всѣ ноги...

— Чѣмъ же жили?

— А Богъ ихъ знаетъ, чѣмъ; орѣхи палые которые... Руками звѣря ловили. Тутъ подѣ Павдой въ лѣсахъ наши одного видѣли лѣсовика, такъ онъ векшу сырѣмъ ѣлъ. Разорвалъ, какъ звѣрь, да сырѣмъ и сожралъ...

— По моему, въ каторгѣ легче, чѣмъ такая жизнь.

— Какъ кому!

— По крайней мѣрѣ человека видишь!

— Иные, у кого кровь на душѣ, сами на себя, словно послушаніе въ монастыряхъ, накладываютъ — спастись въ лѣсу, въ одиночествѣ, и терпѣть, — ну, и выносить... А потомъ привыкаютъ. Лѣсъ вѣдь захватываетъ; изъ него не выйдешь. Первый годъ труденъ, а переживъ ты его — лѣсъ ужъ тебя не выпуститъ; такъ и останешься лѣсовикомъ. У насъ жить въ лѣсу называется — лѣсовать, а лѣсовикъ — тотъ, кто лѣсуетъ. Такихъ лѣсовиковъ много; иной и семью для этого

кинетъ. Близость лѣса создаетъ особая природы. Тянетъ лѣсъ къ себѣ, въ свою глушь великую. Особенно наши лѣса — кедровые. У насъ красивѣе, по другимъ мѣстамъ такихъ нѣтъ. Ну, предложилъ онъ, помолчавъ, — хотите посмотрѣть нашъ рудникъ?

— Да, еще бы. За этимъ мы къ вамъ и заглянули.

— А ходить по горамъ умѣете? У насъ вѣдь по кручамъ все, не то что на ровномъ мѣстѣ, какъ въ прочихъ мѣстахъ.

— Пробовалъ — не жаловался.

Высота рудника семьсотъ футовъ надъ рѣкой Косью. Туда идетъ головокружительная тропинка, кое-какъ пробитая по кручѣ. Если бы не деревья по пути, за которыя иногда можно зацѣпиться и отдохнуть, — путь былъ бы совсѣмъ труденъ. Подъ ногами перелетаются корни деревьевъ, взрѣзавшіе почву, точно какія-то узловатая змѣи. Не помотришь внизъ — споткнешься, а споткнувшись, можешь очутиться Богъ знаетъ гдѣ. Гора, напимѣръ, въ одномъ мѣстѣ прямо въ Косью обрушивается... На болѣе обширныхъ площадкахъ свалены бревна. Какіе лѣсные великаны легли подъ топорами! Бѣлое крѣпкое дерево уже вылущено изъ-подъ коры и далеко слышенъ отъ него смолистый, здоровый запахъ. Съ высоты зато грандіозный видъ на водораздѣлъ между Косью и Усьвой. За двумя лѣсистыми горными кряжами поднимается словно придавливающая ихъ и тяготящая надъ всею окрестностью Ослянка. На ней отсюда можно различить всѣ пояса растительности. Густой лѣсъ опоясалъ ее внизу, вверхъ мало-по-малу онъ переходитъ въ однообразное марево кустарника, кустарникъ смѣняется травой, трава — жкомъ. Наконецъ и на левыхъ пятна мху исчезаютъ, мерещится темною полосой голый камень. Тутъ уже нѣтъ ни одной былинки... Темная масса камня сверху смѣняется снѣговыми моренами, которыя расплзлись и внизъ по кручамъ, заполняя собою лощины и щели... Все это въ дикихъ кручахъ, рѣзкихъ очертаніяхъ... Даль съ этою горою и другими выдвигающимися смутными силуэтами изъ-за нея полна неизобразимаго величія!..

— Видите вы на Ослянкѣ правильныя утесы, на самой вершинѣ, а вокругъ нихъ точно каменный валъ?

— Вижу.

— Народъ это прозвалъ чортовымъ городищемъ... Тутъ, ранѣе чѣмъ поселились люди, всякая нечисть жила... Внизъ, въ долины, она не заходила, потому — въ долинахъ своя специальная нечестъ значилась — лѣшіе, водяные... а эта исключительно на вершинахъ горъ ютилась. Она имѣла свое особое назначеніе — насылать на долины вьюги и метели, закутывать случайные провалы тучами, взбудораживать воды — потому что чортъ водяной подчинялся во всемъ чертамъ горнымъ. Кто на горы ходилъ, того они обвалами встрѣчали... А главный ихній чортъ жилъ на Ослянкѣ.

— А теперь?

— Теперь его нѣтъ... Теперь онъ на Павдинскій камень ушелъ. И знаете ли вы, кто все это сдѣлалъ?

— Старецъ какойнибудь праведный.

— Нѣтъ. Народъ приписываетъ это простому растесскому пропощѣ. Былъ горькій пьяница... Нализался разъ да и полѣзъ на Ослянку. Чортъ оттуда и камнями, и обвалами, и вьюгой его сбиваетъ, и громомъ шумить, и въ тучу кутаетъ, а пьяному, извѣстно, — море по колѣно; онъ все вверхъ да вверхъ лѣзетъ, да на каждой скалѣ по пути кресты высѣкаетъ. Высѣчетъ крестъ — водка съ собой, — попьетъ и опять дальше... Такъ до самаго чортова городища на верху добрался. Подошелъ къ валу этому каменному и крестить его издали, а тамъ въ черныхъ домахъ — утесахъ у нечисти смятеніе идетъ. Сталъ было изъ послѣднихъ силъ чортъ мятель на него снѣговую пускать, а растесецъ въ отместку ему крестъ на валу сейчасъ высѣкъ... Видитъ чортъ — ничего не подблещъ, взвылъ... Со всѣхъ горъ ему нечисть откликаться стала. Перелѣзъ пьяница черезъ валъ — тутъ нечистый не выдержалъ. Зависъ въ снѣговую тучу да и полетѣлъ на полуночь — туда, къ Павдѣ... Только его и видѣли... А дома его всѣ въ утесы обратились... Видите, въ какой у насъ чести пьяница. Старцы праведные не могли, а пьяница добился своего...

— По-моему, эти утесы скорѣе похожи на какуюнибудь крѣпость. Я ожидалъ преданія о разбойникахъ, укрывавшихся тамъ.

— Нѣтъ, у насъ на горныхъ плѣшвахъ разбойные люди не прятались, они больше по ущельямъ внизу держались... Они открытыхъ мѣстъ не любили. Да и не въ снѣгахъ же имъ пребывать постоянно.

Нельзя описать какъ красивы переливы цвѣтовъ и тѣней на этой величавой горѣ. Желтовато-сѣрые тоны уступаютъ мѣсто лиловымъ, лиловые — синимъ. Вонъ темень лежитъ на лиловомъ тонѣ... Не успѣли мы толкомъ всмотрѣться въ нее, какъ она уже свернулась въ тучу, приподнялась, открывая подъ собою палевые склоны, и двинулась дальше на югъ по вѣтру, унося туда нарождавшійся былонадъ эту долиною дождь. Гора, по которой мы всползли, вся покрита развѣдочными копами; онѣ открыли здѣсь богатныя залежи бураго желѣзняка, заключающаго въ себѣ по первымъ излѣдованіямъ до 25.000.000 пудовъ руды, въ которой отъ 50 до 60% желѣза. Разработка его не представляетъ особеннаго труда, такъ какъ руда идетъ прямо отъ поверхности горы — внутрь далеко докапываться за нею не приходится. Уже произведенными изысканіями заводы Чермозскій и Кизеловскій обезпечены на 20 лѣтъ. Надъ развѣдками работаетъ пока очень мало народу — всего сорокъ человекъ, точно муравьи возятся надъ этою массою желѣза, скалъ и глины.

— Это еще не послѣднее слово. Мы думаемъ, что залежь эта сквозъ всю гору проходить.

— Могутная! отозвался рабочий.

— Что жъ тогда?

— А тогда заводы одною этою горою сотни лѣтъ жить могутъ! А такихъ горъ по окрестностямъ до пропасти есть. Не умѣютъ у насъ только пользоваться. Это счастье Абаделикъ-Лазаревыхъ, что у нихъ такіе управляющіе, какъ Новокрещенныхъ; вы посмотрите, что у другихъ-то дѣлается. Вы слышали ли, что за открытіе новыхъ рудниковъ крестьянъ пороли и ссылали.

— Что за дичь!

— Ну, а у насъ эта дичь случалась! Старые владѣльцы и пороли, и ссылали за это. Я могу назвать...

Работа теперь идетъ надъ однимъ сравнительно небольшимъ пластомъ земли.

Ломаютъ руду прямо съ поверхности. Красноватая масса ея тронута уже двѣ сажени въ глубину. Рабочіе разбросались на триста сажень всего; тѣмъ не менѣе ежегодно на этомъ, сравнительно небольшомъ, пространствѣ уже собираются десятки тысячъ пудовъ жельза. Работа пока веселая — потому что на поверхности земли. Въ Кизелѣ я видѣлъ несравненно болѣе тяжелую, въ вѣчномъ мракѣ подземныхъ галлерей, при полномъ отсутствіи сколько нибудь порядочной вентиляціи. Потому и народъ здѣсь смотрѣлъ бодрѣе. вмѣстѣ съ бабами и мужиками работали мальчики отъ 10 лѣтъ и выше. Эти, разумѣется, плату получаютъ ничтожную — отъ 10 до 15 коп. въ день. Впрочемъ и взрослый крестьянинъ тутъ зарабатываетъ отъ 30 до 50 коп., а баба отъ 20 до 30; и разумѣется, всѣ они на своихъ харчакъ. Заводъ только иногда поставитъ имъ хлѣбъ нѣсколько подешевле, чѣмъ они купили бы его у сельскихъ кулаковъ...

Трудно себѣ представить, какая сила нужна для этихъ работъ. Если бы видѣли, какіе комья руды поднимаютъ эти, повидимому, не особенно усталые люди, — вы бы изумились, также какъ я былъ изумленъ. При этомъ кое-гдѣ запѣвается пѣсня, звучатъ шутки и смѣхъ, въ антрактахъ за все отдуваются бабы.

— Ишь ты спина у тебя, Марья, какая широкая! и при этомъ слышится глухой звукъ не особенно легкаго шлепка.

— Дьяволъ! огрызнется баба. — Я вотъ тебѣ ковшомъ въ морду.

— Ломай, ломай его, Марья! Ишь у него харя-то съ послѣдняго перепою ослизла.

— Еще трогаются... Вотъ я Сашкѣ твоей скажу.

— У меня, братъ, этихъ Сашекъ сколько хошь.

— У тебя!.. Люди врутъ — навираются, нашъ вретъ — не наврется... У тебя!..

— Да, у меня...

— Заведутся у такого... какъ же... Смотри, языкъ проглотишь. Ври да помни.

— У него только вошь и заведется...

— Бредень бредни бредить—а у насъ языкъ щелкаетъ!..

— Душа кривая—все примааетъ...

Когда мы спускались изъ этого рудника внизъ по тѣмъ же кручамъ, управляющій указалъ намъ нагѣво за Ослянку.

— Видите вы — вонъ двѣ правильныя горы... Знаете, какъ ихъ народъ зоветъ?—Титьки.

Названіе было чрезвычайно мѣтко. Дѣйствительно на горизонтѣ рисовались два силуэта — точно громадные сосны совершенно правильной формы и при этомъ одна въ одну.

— Тутъ такъ: видать Титьки — значить и погода хорошая будетъ, а не видать — жди дождя, а зимою мятели... До нихъ отсюда версты мало-мало двѣсти будетъ, не меньше.

Нѣсколько ниже почву взрѣзалъ гребень большого бураго утеса.

— Вотъ тутъ и развѣдохъ нѣчего дѣлать.

— Почему?

— Чистое желѣзо... Въ глубь идетъ, ломай его и плавь—вотъ и весь трудъ... Вы еще по нашимъ мѣстамъ немало такихъ же увидите... Мнѣ достаточно было бы, если бы одну эту скалу подарили. Ей вѣдь цѣны нѣтъ,—милліоны пудовъ въ ней...

— Отчего же истощается производство другихъ заводовъ?

— Лѣсъ выжгутъ; безъ топлива этимъ горамъ грошъ цѣна.

По пути назадъ — неизбежная подробность каждаго заводскаго дѣла—пьяненькіе рабочіе намъ на встрѣчу.

— Усгѣли! остановился управляющій.

— Мы, Иванъ Степанычъ, передъ тобой во какъ — какъ свѣча горимъ!

— Вы бы лучше чѣмъ горѣть-то пить перестали.

— Мы теперь на всякую работу—благодаримъ покорно... Одинъ за трехъ. Потому, ежели ее въ акуратъ — такъ отъ нея только силы прибавляется, отъ водки этой самой.

— Знаю я, нахлещетесь.

— Иванъ Степанычъ!.. У насъ совѣсти нѣтъ? удивлялся рабочій, стучая себя кулакомъ въ грудь.—У насъ совѣсти—сколь хошь... А мы, благодареніе создателю, чуточку, во—эстолько,—показать онъ на кончикъ мизинца,—и слава тѣ Господи... Свое дѣло знаемъ... Сичасъ на работу.

— Вы не повѣрите, какая возня съ ними на заводахъ. Иногда изъ-за одного пьянаго все дѣло останавливается.

— Это преувеличеніе.

— А вотъ разочтите: на каждую пудлинговую печь трое рабочихъ въ одну смѣну—у всякаго изъ нихъ свое дѣло. Одинъ заливаетъ — остальнымъ ничего подѣлать нельзя, потому—запаснаго нѣтъ. За этими тремя останавливается дѣло на всѣхъ пудлинговыхъ печахъ—потому въ общей связи все, операція одна у всѣхъ. Жаръ

отъ пяти пудлинговыхъ печей нагрѣваетъ котлы для производства пара въ прокатную паровую машину; такимъ образомъ, не топятся эти печи—остается безъ дѣла и прокатная. Въ концѣ концовъ изъ-за одного пьяницы пять, десять, человѣкъ сидитъ безъ дѣла, а иной разъ и заводъ можетъ остановиться. Рабочихъ въ обрѣзъ, замѣнить нельзя, да и всякаго не поставишь—нужно знаніе дѣла. У насъ хотѣли поэтому добиться отъ рабочихъ подписи контракта, которымъ заводъ обезпечиваетъ съ своей стороны рабочимъ постоянное дѣйствіе на слѣдующихъ условіяхъ: за прогулъ рабочій уплачиваетъ, во-первыхъ, своимъ товарищамъ, остающимся изъ-за него безъ работы, поденную плату, равную ихъ заработку, во-вторыхъ, — заводу расходы по разогрѣву печей. Всего пришлось бы и тѣхъ и другихъ штрафовъ рублей семь-восемь. Рабочіе упорно отказывались подписать этотъ контрактъ втеченіе двухъ лѣтъ. Думалъ я, думалъ—да и прижалъ ихъ. Временно, до присканія новыхъ рабочихъ, взялъ да и закрылъ заводъ, а самъ послалъ за народомъ въ Чермозъ, тамъ многіе безъ хлѣба сидятъ. Ну, кизеловцы какъ узнали объ этомъ — привалили. Согласны де на контрактъ. Въ подобныхъ случаяхъ свои къ чужимъ рабочимъ относятся крайне враждебно.

— Да вамъ стоить только закрыть кабаки.

— Мы ихъ и не держимъ.

— Да вѣдь земля принадлежитъ вамъ

— Если бы!.. Не вся. Между самими рабочими постоянно являются кулаки, поторговывающіе водкой и только для виду работающіе на заводахъ. Они еще охотѣе идутъ работать въ рудники, на пристани, гдѣ нѣтъ штейннихъ заведеній. Тутъ имъ полный просторъ, да и выгоды громадныя, тѣмъ болѣе, что они отпускаютъ пойло это въ домъ, въ счетъ платы заработной, которая иной разъ вся на маклака переводится.

— Да вѣдь вы знаете же маклаковъ въ лицо.

— Еще бы не знать.

— Такъ отказать имъ отъ работы—и вся недолга.

— Попробуйте!

— Что же будетъ?

— Сами рабочіе, которыхъ онъ грабитъ, волноваться начнутъ. Вы ихъ поймите... Тутъ самъ чортъ не разберетъ. Да вѣдь, наконецъ, его изловить надо; — нельзя же такъ — ступай вонъ. Онъ исправно работаетъ. Тутъ и бабы пьютъ. Спросишь у мужиковъ: зачѣмъ вы бабамъ пить позволяете? „Не дай ей“, говоритъ, „такъ она изъ тебя всѣ кишки попреками вымотаетъ. Баба веселѣй и согласнѣй съ вина-то!“ Вотъ вы и разсуждайте. И эти, что намъ на пути встрѣтились, тоже у своихъ же наливались. Въ Троицкомъ рудникѣ у меня кабака нѣтъ вовсе. Свои же рабочіе маклачествуютъ...

Еще разъ посидѣли мы на балконѣ троицкаго управляющаго, еще разъ полюбовались на дивныя виды, открывающіеся отсюда на

югъ и на востокъ. Нужно было отправляться назадъ. Гребцовъ отсюда къ Растесу нельзя было достать — всѣ заняты на иныхъ работахъ, а наши лопмана тоже торопились на свою лѣсопилню, потому что тамъ они забрались уроками, которые нужно было выполнить во что бы то ни стало.

— Назадъ вы живо поспѣете. Сегодня же черезъ нѣсколько часовъ будете тамъ.

Жара!.. Лодку быстринной теченія понесло шибче парохода. Берега стѣснились — Косьва течетъ точно по корридору. Небо кажется узенькой лентой. Гдѣ берегъ поположе, тамъ лѣса кедровые къ самой водѣ жмутся. Солнце играетъ сквозь листву, ярко изумрудными огоньками засвѣчиваясь въ прозрачныхъ струяхъ рѣки. Попадетъ горячій лучъ на водянную лилію—и въ его яркомъ блескѣ свѣтится она, точно раскалившійся комокъ серебра. А тамъ опять лодку вдругъ сноситъ въ тѣнь какой нибудь горы, и краски блекнутъ, лучи гаснутъ. Синія и стальные тѣни ложатся повсюду; въ недостигаемой высотѣ кружатся ястребы, высматривая въ чащѣ зазѣвавшуюся добычу. Вонъ изъ затончика выплыла утка и стремглавъ бѣжитъ по водѣ отъ нашей лодки, нелѣпо хлопая крыльями; за ней цѣлый выводокъ суетится, не поспѣвая и видимо страшно волнуясь и вытягивая свои голыя еще головки... А тамъ опять тишина, опять ничто живое не выглядываетъ изъ мирныхъ и прохладныхъ уголковъ на эту жару. Развѣ ни съ того ни съ сего набѣжитъ изъ-зади туча, совсѣмъ незамѣтно, остановится на минуту надъ рѣчною узиной, грянетъ громъ, брызнетъ дождь, въ каждой каплѣ котораго горитъ все то же солнце... Еще нѣсколько минутъ — и туча далеко-далеко, укладывается отдыхать на какую нибудь горную вершину, и надъ вами — безоблачное небо съ черными точками ястребовъ и бѣлыми искрами уже встрѣчающихся здѣсь чаекъ.

Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько часовъ добрались мы до Няра.

— А безъ васъ тутъ несчастіе случилось.

— Что такое?

— Да медвѣдь задралъ дроворуба... И главное—дерзость какая!— не вдаль отъ пилыни, сажоняхъ въ двухстахъ.

— До смерти?

— Какъ же. Лежитъ теперь. Вѣрно, неожиданно напалъ на него изъ-зади... Лица невидно.

— Что жъ, у него оружія не было?

— Ружье на землѣ валяется неразряженное, а топоръ въ деревѣ сидитъ.

Я пошелъ туда.

Какая-то масса у недорубленной сосны. Топоръ, дѣйствительно, застрялъ въ деревѣ, на землѣ цѣлая лужа крови... Кожа съ лица дроворуба содрана—сплошная рана какая-то; кости всѣ изломаны.

«Истор. вѣсти.», годъ III, томъ X.

— Что же вы его не покроете?

— Да, какъ же, дотронься... Хлопотъ не оберешься. Вы нашу полицію не знаете. Теперь изъ Кизела налетятъ. Фельдшеръ потрошить станеть, становой явится...

Отсюда вплоть до устья Косьвы я рѣшился спуститься на лодкахъ.

До первой станціи—до Губахи—считалось 40 верстъ и по всему этому пути ни одного жилья. Берега Косьвы зато расширяются; рѣка то и дѣло разбивается на рукава, образуя острова, покрытые тальникомъ. Глубь настолько значительна ужѣ, что затонувшихъ барокъ не видать вовсе... Тутъ Косьва принимаетъ въ себя горныя рѣчки—Нюръ, Дергачку, Перхашеръ, Кедровку, Мутную, Гремячую и многое множество безъимянныхъ.

— Живописцамъ бы слѣдовало по этимъ рѣчкамъ побродить.

— Красивы?

— Не опишешь—рисовать надо. Сюда В. Ф. Голубевъ посылалъ Петра Верещагина. Тутъ на Косьвѣ ему не привелось быть. Тутъ нѣкоторыя рѣчки чудныя совсѣмъ: течетъ-течетъ — пропадаетъ, а верстъ черезъ пять вновь изъ подъ земли выбѣгаетъ... Точно ей понадобилось на время отъ кого нибудь спрятаться...

— Косьва наша хороша, а Усьва да Вильва еще красивѣе.

И дѣйствительно, только до одной Осянки отъ Няра, по тому пространству, по которому мы только что проѣхали, Косьва приняла въ себя болѣе двадцати рѣчекъ. Изъ нихъ по сѣверному Няру, на примѣръ, могутъ двигаться барки, а притоки его—Вогулка и Березовка—идутъ изъ совсѣмъ мало изслѣдованной глуши. Разсолная, Большая Чирковая, Малая Чирковая, Ершовка, Гремяча, Малая и Большая Усвинки, Тоскайка, Разсолка, Сухая, Ломовая, Осянка, Ташковка, Полуденная — одна красивѣе другой. Подняться по любой изъ нихъ вверхъ до истока — обязательно для художника. Я это сдѣлалъ на рѣкѣ Кедровѣ—и не раскаявался, несмотря на трудность передвиженія. Не описываю этого пѣшеходнаго странствованія здѣсь потому, что пришлось бы представить читателю рядъ картинъ, которыя, будучи очень интересны на полотнѣ, подъ перомъ явятся крайне утомительными.

Скажу только одно: дикой красоты и сумрачнаго величія здѣшняго Урала я не забуду никогда.

В. Немировичъ-Данченко.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСМЕРТНЫЯ БУМАГИ М. Д. СКОБЕЛЕВА.

III.

Туркестанъ и англійская Индія.

(1876).

ВЗЛОЖЕННЫЕ ниже взгляды о положеніи англичанъ въ Индіи, значеніи этого сосѣдства для насъ и возможности движенія русскихъ войскъ въ Индію, были писаны Скобелевымъ въ бытность его Ферганскимъ военнымъ губернаторомъ, въ концѣ 1876 года.

Находясь тогда подъ обаяніемъ личнаго успѣха въ недавней войнѣ съ покореннымъ имъ Коканомъ, въ сосѣдствѣ съ Памиромъ, отдѣлявшимъ его отъ сказочной великолѣпной Индіи, онъ, подобно другимъ полководцамъ, мечталъ о походѣ за Гинду-Кушъ. Основательно познакомившись съ сочиненіями разныхъ путешественниковъ и военныхъ людей, преимущественно англичанъ, онъ, руководствуясь ими, въ сжатой формѣ выразилъ политическое и военное состояніе современной Индіи, наше положеніе въ Средней Азій, соотношеніе державъ и значеніе демонстраціи противъ англійской Индіи въ выгодномъ для насъ разрѣшеніи восточнаго вопроса. При этомъ Скобелевъ особенно придерживался вышедшаго тогда сочиненія подполковника Керри „Shadows of coming Events or the eastern menace“. London. 1875. Такимъ образомъ, нѣсколько рѣзкіе взгляды на „тревожное“ положеніе британскаго могущества въ Индостанѣ, представляютъ въ большинствѣ случаевъ выраженіе англійскихъ же мнѣній.

Впослѣдствіи, въ особенности въ Ахаль-тегинской экспедиціи, въ которой знаменитый генералъ еще разъ лично испыталъ, какія уси-

лія, расходы, боевыя средства и прочее, должно было употребить на операціи противъ Геокъ-Тене, походъ въ Индію ему представлялся уже гораздо менѣе возможнымъ. Славянскій же вопросъ, охватившій въ послѣднее время всѣ его помыслы, значительно охладилъ его къ Азіи.

При свиданіи своемъ въ нынѣшнемъ году съ г. Марвиномъ, Скобелевъ, между прочимъ, говорилъ:— „нельзя равнять наши средства съ англійскими и не дай Богъ намъ занять Герать; тогда у насъ будетъ предметъ дѣйствія и мы рискуемъ вовлечь себя въ разорительную войну... Я не вѣрю въ индійскій походъ въ ближайшемъ будущемъ, потому что для него надо создать огромныя перевозочныя средства... Но мы можемъ ударить шаръ шаромъ и такъ, что вы не устоите... Россія миролюбива и добра“... Такимъ образомъ, Скобелевъ намекалъ на демонстративныя дѣйствія, которыя въ дѣйствительности, какъ надо полагать, только и могутъ принести какую-либо пользу. Что же касается сочиненія полковника Керри, то относительно его можно замѣтить, что Керри, какъ и многіе другіе англійскіе писатели, рисуеъ слишкомъ мрачными красками положеніе дѣлъ въ Индіи, что на самомъ дѣлѣ несовсѣмъ такъ. Всѣ эти писатели и спятъ и видятъ приближеніе русскихъ войскъ; вслѣдствіе этого, трудно выполнимыя, а иногда даже невозможныя операціонныя линіи, имъ кажутся вѣроятными, и такимъ образомъ они видятъ наступленіе и опасность отовсюду. Такое „тревожное“ отношеніе къ вопросу ослабляетъ довѣріе къ упомянутымъ сочиненіямъ.

„...Наступившія грозныя событія въ Европѣ заставляють насъ оглянуться на тѣ средства исполинскаго края, столь недавно и съ такими ничтожными силами завоеваннаго, частью уже успѣвшаго обрусѣть, вездѣ сознающаго наше безусловное превосходство, и взвѣсить тѣ огромныя преимущества, которыя за послѣднія десять лѣтъ мы приобрѣли въ Туркестанѣ, въ смыслѣ рѣшительнаго участія его въ неизбежной тяжелой войнѣ, которая, при умѣнши и счастья, закрѣпитъ за Россією мировое первенство.

„Настоящее наше положеніе въ Средней Азіи въ смыслѣ стратегической базы, въ особенности въ смыслѣ громадности нашего политическаго и военнаго обаянія, есть результатъ твердой, честной политики нашей въ краѣ и военнаго торжества, не запятаннаго ни одною неудачею. Въ этотъ славный періодъ непрерывнаго торжества, туркестанскія войска выработали себѣ цѣлую систему военныхъ дѣйствій (основанную на знаніи мѣстныхъ условій, характера противника, а главное—на сознаніи своей собственной боевой годности), которая даетъ имъ право сознательно рѣшаться въ будущемъ на военныя предпріятія, соотвѣтствующія современнымъ боевымъ средствамъ Туркестана. Втеченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, отъ риско-

ванныхъ предпріятій, каковы были Джейзакъ, Ура-Тюбе, Китабъ, мы научились брать города безъ потерь, съ весьма малыми силами. Можно сказать, что теперь для насъ въ Средней Азіи, если мы будемъ продолжать дѣйствовать съ отрядами такъ, какъ дѣйствовали до сихъ поръ, не существуетъ болѣе преградъ.

„Дѣйствительно, если бросить взглядъ на первые шаги наши въ здѣшнемъ краѣ, то увидимъ, что и тогда наши войска всегда умѣли бить азіатцевъ въ полѣ безъ большихъ потерь, а это при старомъ оружіи, чего при томъ же оружіи и въ ту же эпоху нельзя сказать про англичанъ; тогда, какъ и теперь, среднеазіатскій непріятель, не за стѣнами, не представлялъ для насъ серьезнаго значенія. Но брать города быстро, почти безъ потерь, мы научились лишь въ послѣднее время. Припомнимъ, что Акъ-Мечеть, обороняемая гарнизономъ въ 500 человекъ, держится полтора мѣсяца противъ отряда въ 2500 человекъ, имѣющаго сильную артиллерію и ведущаго правильную осаду; что Пишпекъ, крѣпость съ гарнизономъ еще меньшимъ чѣмъ Акъ-Мечеть, тоже держится довольно продолжительное время и сдается лишь послѣ правильной осады. Затѣмъ наступаетъ Чернявская эпоха эскаладъ, и хотя время овладѣнія крѣпостью, по сравненію съ прежнимъ способомъ атаки, сократилось весьма значительно, но подобный способъ носить характеръ слишкомъ рискованный и всегда обходится съ большими для насъ потерями. А вопросъ о потеряхъ здѣсь, въ Азіи, представляется совершенно инымъ, чѣмъ въ Европѣ; здѣсь его слѣдуетъ назвать безусловно первостепеннымъ, особенно въ смыслѣ обезпеченія успѣха продолжительныхъ военныхъ предпріятій, когда приходится дѣйствовать по операціоннымъ направленіямъ въ нѣсколько сотенъ верстъ, иногда при прерванныхъ сообщеніяхъ съ базой. Наконецъ, подъ Махрамомъ создалась формула, можно сказать, безошибочныхъ дѣйствій противъ главнаго оплота непріятеля—городовъ. Я это испыталъ во всѣхъ послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ, и считаю долгомъ чести заявить, что наши войска овладѣли впоследствии Наманганомъ и Андижаномъ, съ столь малыми потерями и такъ рѣшительно, только благодаря впечатлѣнію, вынесенному мною изъ дѣла 22-го августа 1875 года. Я вдумывался, старался привести въ систему все, что видѣлъ, все, что испыталъ въ тѣ дни, когда я несъ тяжелое бремя отвѣтственности за наманганскій дѣйствующій отрядъ. Я пришелъ къ твердому убѣжденію, что мы доврѣли до того, чтобы при цѣлесообразныхъ систематическихъ дѣйствіяхъ, при обезпеченіи отряда орудіями и снарядами въ пропорціи, далеко превосходящей требованія европейской войны, бить непріятеля въ Средней Азіи навѣрняка, какъ въ полѣ, такъ и въ городахъ, и почти безъ потерь.

„Какъ подъ Махрамомъ, въ Наманганѣ, подъ Андижаномъ и Тюрк-Бурганомъ, происходитъ одно и то же: мы занимаемъ окружающія высоты артиллерією, громимъ городъ, и затѣмъ занимаемъ его безъ

всякой потери. Дѣйствовать сходно съ этимъ противъ Азіи мы можемъ вездѣ, ибо нельзя допустить, чтобы при тщательной рекогносцировкѣ не найти средствъ выбить артиллерію непріятеля изъ любой укрѣпленной позиціи.

„При современномъ нашемъ опытѣ, молодецкихъ войскахъ, весьма значительныхъ, какъ мнѣ кажется, боевыхъ средствахъ, нѣтъ такой Азіи, которая могла бы дѣйствительно помѣшать намъ выполнить самыя широкіе стратегическіе замыслы.

„Могутъ возразить, что при походѣ на Кабулъ намъ придется, можетъ быть, вести горную войну; но по горамъ отряды, при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, всегда проходили умѣючи; при современномъ вооруженіи европейскія войска пріобрѣли и въ горахъ несомнѣнныя выгоды. Кавказская война кончилась со введеніемъ нарѣзанаго оружія; въ горной странѣ утвердиться трудно—это пожалуй вѣрно, но намъ не придется этого дѣлать.

„Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся англичане. Англія владѣетъ въ Индіи 190 мил. жителей, враждебныхъ своимъ завоевателямъ. „До какой степени они (мусульмане) ненавидятъ англичанъ, говоритъ Венюковъ, доказывается частыми, почти непрерывными убійствами съ ихъ стороны разныхъ представителей британскаго владычества, начиная съ простыхъ солдатъ и кончая генераль-губернаторами, ибо Ширъ-Али, убившій въ 1872 году лорда Майо, былъ мусульманскій фанатикъ“. Имѣя всего 70-ти-тысячную европейскую армію, Англія должна охранять спокойствіе на пространствахъ 1.000,000 квадратныхъ миль. Базисъ ея находится въ Европѣ, за тысячи миль, по пути подверженному нападенію. Въ случаѣ войны въ Европѣ врядъ ли она будетъ въ состояніи выдѣлать въ Индію значительныя силы, такъ что эта послѣдняя должна быть предоставлена собственнымъ силамъ, а эти силы состоятъ только изъ 70.000 европейской арміи, такъ какъ сипаевъ въ расчетъ брать нельзя, а арміи туземныхъ владѣтелей и подаявно. Если же Сѣверная Америка воспользуется войною Англіи съ нами для того, чтобы овладѣть Канадою, и военные флоты этого государства появятся на всѣхъ моряхъ, то утвердительно можно сказать, что и изъ колоній своихъ, находящихся во всѣхъ частяхъ свѣта, Англія не въ состояніи будетъ двинуть въ Индію ни одного солдата, ни одного орудія; такъ что весьма вѣроятно, что столкновеніе русскихъ съ англичанами въ Азіи произойдетъ въ силахъ равныхъ.

„Какъ утверждаютъ люди компетентные, достаточно одного появления вѣшнаго врага на почвѣ Индіи или даже на границахъ ея, чтобы произвести тамъ всеобщее возстаніе и обратить всю страну въ театръ войны. „Въ тотъ день, когда русскіе, пройдя Афганистанъ, вступать въ долины Гималая и Верхней Бенгаліи для того, чтобы выгнать англичанъ изъ Индостана, они тотчасъ же найдутъ готовыхъ союзниковъ въ 25—30 миллионѣхъ туземцевъ, которые изъ жажды

мести возстануть по первому сигналу ¹⁾). Движеніе русскихъ войскъ можетъ не только потрясти, но разрушить Британскую имперію въ Индіи, а послѣдствія такого разрушенія будутъ столь необъятно велики, что весь міръ содрогнется.

„Походъ въ Индію со стороны Туркестана, благодаря базѣ, системѣ дѣйствій, которая даетъ возможность не обращать вниманія на азіатскаго непріятели, если бы таковой случайно подвернулся, вполнѣ осуществимъ, я въ томъ глубоко убѣжденъ. Чтобы не допустить насъ до Индіи, англичане могутъ рѣшиться выдвинуть операціонный корпусъ въ Афганистанъ, но положеніе ихъ въ этой странѣ врядъ ли будетъ выгодноѣ нашего. Напротивъ того, Афганистанъ связанъ для нихъ съ позорнымъ воспоминаніемъ, и вся послѣдующая политика англійскихъ государственныхъ людей относительно этой страны, за послѣднія 30 лѣтъ, дала поводъ англичанамъ относиться къ афганцамъ слишкомъ осторожно, чтобы не сказать болѣе, а этимъ послѣднимъ глубоко презирать ихъ. На субсидію, выплачиваемую Англіею Ширъ-Али, въ Азіи смотрятъ какъ на нѣчто въ родѣ дани.

„Перехожу теперь къ изложенію свода мнѣній англійскихъ государственныхъ людей, людей военныхъ, путешественниковъ и др. (Раулинсона, Макъ-Ніеля, Гольдсмита, Вамбери и др.) объ отношеніяхъ Россіи и Англіи въ Средней Азіи, объ англійской арміи, объ отношеніяхъ къ Англіи Афганистана и другихъ сосѣднихъ земель и вообще о положеніи Россіи въ Азіи.

„Всѣ эти мнѣнія отчетливо сгруппированы въ сочиненіи подполковника Керри „*Shadows of coming Events or the eastern menace*“ London. 1875.

„Подполковникъ Керри поразилъ меня ясностью сознаваемого имъ убѣжденія въ неминуемости столкновенія между Россіей и Англіей въ самой Индіи или у ея преддверій, и это во имя самыхъ дорогихъ политическихъ интересовъ Россіи. Несмотря на патриотическое воодушевленіе, довѣріе къ силамъ, особенно нравственнымъ и преимущественно основаннымъ на безспорно славномъ, даже величественномъ, боевомъ прошломъ, въ сочиненіи Керри безспорно проглядываетъ сознаніе современной немощи великобританской арміи, скажу болѣе—народа, неспособности его за послѣдніе годы воодушевляться отвлеченнымъ политическимъ идеаломъ, въ особенности сносить бремя и рискъ, сопряженные всегда со всякимъ серьезнымъ военнымъ предпріятіемъ.

„Полусознанія Керри для молодой, обновленной съ Крымской войны Россіи имѣютъ особенное значеніе. Великій день 19-го февраля 1861 г. впервые призвалъ къ жизни всѣ наличныя силы рус-

¹⁾ Jacolliot. „*Voyage au pays des perles*“, 1874, стр. 29. Jacolliot, какъ въ этомъ сочиненіи, такъ и въ „*Voyage au pays des éléphants*“,—дѣлаетъ много указаній на непрочность владычества англичанъ въ Индіи.

скаго народа. Не только Европа, но и русскіе государственные люди еще не испытали на дѣлѣ свободной Россіи въ трудныя минуты ея существованія. Со дня освобожденія крестьянъ русскій народъ имѣлъ возможность два раза высказать свое самосознаніе ошеломленной Европѣ: въ 1863 году и въ настоящую минуту. Оба раза совершались на нашихъ глазахъ явленія, доказывающія, какая пропасть раздѣляетъ насъ съ эпохою крѣпостного права. Мы теперь смѣло смотримъ въ глаза врагамъ,—скажу болѣе: тѣ, которымъ въ настоящую минуту суждено руководить силами отечества, обязаны, когда того требуютъ интересы его, соображать и рѣшаться на предпріятія соотвѣтствующія воодушевленію, безспорному мужеству, готовности всѣмъ жертвовать 80-ти-милліоннаго русскаго народа. Если до 19-го февраля 1861 г. русскія силы ходили въ Парижъ и Адрианополь, почему же теперь, когда державною волею государя императора созданъ весь русскій народъ, намъ задаваться меньшими цѣлями.

„Я невольно отклонился отъ вопроса, именно потому, что изученіе современныхъ англійскихъ писателей, ораторовъ, государственныхъ людей, наводитъ на размышленія совершенно противоположнаго свойства. Всѣ сколько-нибудь слѣдящіе за англійскою жизнью за послѣднее время не будутъ оспаривать, какіе успѣхи, за послѣдніе годы, сдѣлали въ ней самый грубый матеріализмъ и стремленіе большинства удовлетворять во что бы то ни стало потребности всевозможныхъ, чувственныхъ наслажденій. Англія, по многимъ примѣтамъ, находится въ томъ періодѣ народной жизни, который всемірная исторія называетъ началомъ упадка великаго народа, когда избытокъ средствъ успѣлъ заглушить малоприбыльную любовь къ отечеству. До какой степени въ этомъ отношеніи можетъ дойти народъ, служить примѣромъ Франція. Неужели есть что схожее между Франціею 14-го года и Франціею 70-го года? Всякій внимательный наблюдатель можетъ убѣдиться, что на поляхъ сраженій въ Крыму, въ эпоху знаменитаго *entente cordiale* двухъ старинныхъ враговъ, французы какъ-будто заразили своихъ союзниковъ тѣми страшными недугами, отъ которыхъ сами погибли въ 1870 году. Чтеніе сочиненія Керри подтверждаетъ мои выводы.

„Въ случаѣ войны Россіи и Англіи, отъ дѣйствій Туркестана будетъ зависѣть лишить англійскій флотъ всѣхъ преимуществъ безаказанной инициативы. Не береговыя батареи въ Одессѣ, Ригѣ, Кронштадтѣ, самымъ дѣйствительнымъ образомъ будутъ защищать наши порты и торговый флотъ, а цѣлесообразныя, соотвѣтствующія наличнымъ средствамъ Туркестанскаго края и политическимъ обстоятельствамъ, рѣшенія туркестанскаго генералъ-губернатора. Я не говорю про судьбу Константинополя только потому, что по недавно опубликованнымъ документамъ занятіе его, очевидно, не входитъ въ виды нашего правительства; но если бы, вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ и военныхъ обстоятельствъ, наше правительство когда

либо желало удержатъ за собою занятый русскими войсками Царьградъ, или передать его по усмотрѣнiю, то опять-таки несомнѣнно, что роль туркестанскаго генераль-губернатора снова становится первенствующею, такъ какъ вырвать у англичанъ согласiе на окончательное утверженiе единственно нашего влiянiя въ Константинополь можно лишь серьезно угрожая ея индiйскимъ владѣнiямъ. Что это такъ, указываетъ здравый смыслъ. Пусть укажутъ мнѣ на средства иначе какъ изъ Туркестана нанести самой Англiи какой-нибудь чувствительный государственный ущербъ. Мы можемъ уничтожить англiйскую армiю; но та самая армiя Мура, которую Наполеонъ разбилъ подъ Коронiей, послужила ядромъ армiи, гнавшей французовъ отъ Торресъ-Ведрасъ до Тулузы и вступившей въ Парижъ.

„Чтобы яснѣе представить современное нравственное состоянiе англiйской наци, въ особенности Англо-Индiи и ея армiи, я счелъ уместнымъ по возможности полно привести наиболѣе характеристическiя мѣста изъ только что появившагося сочиненiя Керри...

„Далеко то время, когда войны перестанутъ рѣшать судьбу народовъ, а потому и англiйской наци необходимо болѣе серьезно подумать о своихъ вооруженныхъ силахъ.

„Англiйскiй народъ издавна славится своимъ мужествомъ, способностiю драться; весь складъ англiйской жизни во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ возрастахъ, развиваетъ именно эту способность. Этому коренному свойству британскаго народа Англiя обязана своими многочисленными побѣдами, но совершенство вооруженiя и вообще технической части военнаго дѣла приравниваетъ между собою, въ смыслѣ шансовъ на успѣхъ, всѣ армiи, одинаково вооруженныя. Конечно, качество крови всегда будетъ имѣть большое значенiе на поляхъ сраженiй, но если ея значенiе достигаетъ своего maximum'a въ рукопашномъ бою, то, напротивъ того, оно уменьшается по мѣрѣ удаленiя противниковъ; характеристика же войнъ современныхъ заключается именно въ рѣшающемъ, въ большинствѣ случаевъ, значенiи огня.

„Итакъ, главный элементъ успѣха — превосходство индивидуальное, съ помощью котораго до сихъ поръ Англiя завоевала себѣ такое положенiе въ мiрѣ и съ успѣхомъ противустояла усиленiямъ массъ,—мало-по-малу исчезаетъ! Между тѣмъ никогда не стояли передъ Англiей столь грозныя полчища! Допуска даже, что на сторонѣ англичанъ остались и наука, и умѣнье, нельзя, однако, отвергать, что и сосѣднiе народы во многомъ сдѣлали большiе успѣхи; хотя бы нѣмцы—въ прошлую кампанiю 1870—1871 годовъ безспорно доказали большую боевую подготовку.

„Нельзя пренебрегать хорошо вооруженнымъ и обученнымъ солдатомъ, къ какой бы наци онъ ни принадлежалъ. Когда число неприятельскихъ солдатъ насчитывается милiонами, то даже Англiя обязана подумать, можетъ ли она въ данный моментъ съ ними справиться.

„Тѣмъ не менѣе, однако, быть можетъ, именно во имя безсмертныхъ боевыхъ качествъ англiйской наци, ея армiя не представляетъ и 1/10 части войскъ, содержимыхъ великими державами.

„Причину подобнаго явленія слѣдуетъ искать въ непредѣльномъ довѣрїи всей націи къ своимъ силамъ, къ своему мужеству, а также въ исключительности географическаго положенія.

„Допустимъ, что Англія права и дѣйствительно способна оборонять территорию Соединеннаго королевства, но за-границей Англія бесспорно слаба, неспособна къ серьезной наступательной войнѣ.

„Извѣстное нежеланіе англійской націи подчиниться необходимымъ требованіямъ, чтобы создать сильную постоянную армію, мотивируются: а) боязнью, чтобы эта армія не послужила средствомъ порабощенія страны, б) презрѣніемъ къ учрежденіямъ континентальныхъ государствъ, гдѣ гражданинъ лишенъ тѣхъ правъ, которыя составляютъ бесспорную собственность каждаго англичанина при его рожденіи.

„Первое всегда было главною причиною того, что постоянная армія была съ незапамятныхъ временъ крайне непопулярною въ Англіи. Это-то чувство главнымъ образомъ и заставляетъ всякаго порядочнаго молодого человѣка смотрѣть на поступленіе въ ряды арміи, какъ на позоръ. Этому чувству слѣдуетъ приписать тотъ фактъ, что нигдѣ въ Англіи, иначе какъ насиліемъ, нельзя найти свободнаго мѣста. подъ постройку казармы; всякій уважающій себя фермеръ будетъ протестовать противъ подобнаго сосѣдства, такъ какъ онъ убѣжденъ, что обитатели этихъ зданій бесполезныя, лѣнныя и недостойныя люди, которые пытаются незаслуженнымъ хлѣбомъ; красная куртка — мундиръ, несмотря на то, что уже нѣсколько вѣковъ стояла за Англію на многихъ славныхъ поляхъ сраженій, все-таки осталась въ глазахъ англійскаго народа признакомъ личнаго ничтожества и разврата.

„Необходимо, чтобы общественное мнѣніе побороло это позорное, несправедливое предубѣжденіе, безъ чего невозможно надѣяться когда-либо совершенно реорганизовать національныя силы.

„Въ наше время солдатъ не импровизируется въ одинъ день. Недавнія событія доказали всю несостоятельность даже многочисленныхъ и хорошо вооруженныхъ, но недостаточно обученныхъ ополченій противъ войскъ, стоящихъ этого названія. Рѣшительныя моменты событій въ современныхъ войнахъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, даже быстрее, чѣмъ событія въ современной исторіи. Къ концу года, потребнаго, чтобы научить защитниковъ отечества владѣть оружіемъ, по всей вѣроятности, нечего будетъ защищать. Только въ мирное время можно создать армію обученную, вѣрующую въ свои собственныя силы и въ своихъ начальниковъ, а главное—дисциплинированную. Всѣ въ Европѣ, кромѣ англичанъ, въ этомъ давно убѣдились.

„Допуская даже, что регулярныя войска, съ помощью конституціонной арміи (милиціи), въ состояніи будутъ оборонять Соединенное королевство, въ случаѣ высадки непріятеля, есть еще другая постановка вопроса, столь же существенная для Англіи.

„Въ Англіи за послѣднее время укоренилось мнѣніе, что Великобританія держава не континентальная, не заинтересованная непосредственно въ войнахъ, могущихъ вспыхнуть между державами европейскаго материка, что ей нецѣлѣмъ содержать значительную армію и было бы безразсудно спорить въ этомъ отношеніи съ прочими великими державами.

„Стратегически Великобританія первостепенная континентальная держава, которая имѣетъ чрезвычайно сильную цитадель—свой островъ, и сильную оборонительную линію—океанъ. Но главнѣйшія англійскія владѣнія уда-

лены отъ правительственнаго центра и находятся на двухъ противоположныхъ полушаріяхъ (Индія и Канада). Отъ метрополіи до этихъ владѣній Англіи необходимо охранять длинныя коммуникаціонныя пути. Въ сосѣдствѣ Индіи и Канады растутъ два врага, которые пользуются выгодами фланговаго положенія своего относительно упомянутыхъ коммуникаціонныхъ линій. Англія такъ связана своими интересами въ Европѣ, что всякая пертурбація непременно вовлечетъ ее въ войну для защиты этихъ коммуникаціонныхъ линій. Англія должна во всякую минуту быть въ состояніи выставить въ поле сильную армію, безъ чего ея сообщенія съ Индіей будутъ отрѣзаны. На пути въ Индію англичане владѣютъ нѣсколькими пунктами, которые возможно удержатъ лишь абсолютной силой оружія.

„Насколько миръ въ Европѣ не обезпеченъ, очевидно для всякаго мыслящаго человѣка. Восстаніе въ Босніи можетъ быть временно подавлено, но способъ дѣйствій великихъ державъ указываетъ, что въ скоромъ времени послѣдуетъ разрывъ. Россія можетъ временно желать отложить разрѣшеніе восточнаго вопроса; ей это выгодно по причинамъ весьма понятнымъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что восточный вопросъ будетъ предъявленъ къ разрѣшенію въ тотъ день, когда Россія сочтетъ себя къ тому готовою. Нельзя скрывать отъ себя того громаднаго жизненнаго значенія, которое имѣетъ восточный вопросъ для Англіи. Для нея это вопросъ денежный.

„Допустимъ, что Великобританскій островъ не уязвимъ; но британскія владѣнія, изъ которыхъ англичане получаютъ свои главнѣйшія средства, отдалены отъ метрополіи; между тѣмъ защита ихъ столь же важна, какъ и защита самого острова.

„Оба громадныхъ владѣнія, составляющія основу для Англіи — Канада и Индія, вполне несхожія между собою, солидарны лишь въ томъ отношеніи, что отдалены отъ правительственнаго центра и представляютъ изъ себя предметъ дѣйствій, одинаково сильныхъ и энергическихъ враговъ — Америки и Россіи. Эти послѣдніе весьма выгодно расположены относительно коммуникаціонныхъ линій, соединяющихъ Англію съ ея важнѣйшими колоніями.

„За послѣднія нѣсколько лѣтъ война была почти неизбежна съ обоими упомянутыми государствами. Съ однимъ изъ нихъ она была крайне желанна. Чтобы не имѣть войны съ Америкой, Англія заплатила ей громадную сумму денегъ. Чтобы избѣгнуть войны съ Россіей, Англія допустила нарушеніе трактата 1856 года— послѣдняго результата кровавой, тяжелой войны, которую она вынесла съ успѣхомъ. Вслѣдствіе этого, Англія поставила себя въ весьма странное и фальшивое положеніе. Быть можетъ, Англія не услышитъ болѣе объ Ала-Бамъ, но зато возникнутъ другія недоразумѣнія съ Америкой, потому что эта послѣдняя готова драться, а Англія только платить деньги. Что касается Россіи, то Англіи невозможно долге уступать ея требованіямъ въ Европѣ и Азіи, если она не намѣрена сойти съ политической аренн. Англія, пожалуй, еще втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ избѣгнетъ войны съ Россіей цѣною уступокъ; но война возгорится, лишь только Англія откажетъ Россіи въ ея требованіяхъ. Россія добилась своего положенія на Черномъ морѣ и Англія это дозволяла; затѣмъ, въ Турціи и Персіи давленіе Россіи закрыло Англіи тѣ прямыя пути въ Индію, которые, не будь Россіи, были бы во власти Англіи...

„Если уже придется дѣлать выборъ между Канадою и Индіею, то, конечно, лучше потерять Канаду, чѣмъ Индію. Только Индіи Англія обязана

своимъ громаднымъ богатствомъ и тѣми безконечными средствами, которыми она обладаетъ. Одна только Индія даетъ Англій средства поддерживать ея финансовое положеніе въ мірѣ. Содержаніе половины британской арміи ложится на бюджетъ Индіи. Только Индія даетъ Англій право считать себя державою первостепенною. Страна эта, имѣющая болѣе одного милліона квадратныхъ миль, даетъ болѣе 60 мил. фунтовъ дохода въ годъ и на 14 мил. фунтовъ всякихъ оборотовъ. Если прибавить къ этому частныя торговыя предпріятія, процентъ всякихъ предпріятій, общественныя постройки, желѣзныя дороги и телеграфы, то тогда только можно понять, что случится, если Индія будетъ оторвана отъ Англій. Средства Индіи неисчерпаемы и не початы. Исторія Индіи записана кровью сыновъ Британіи отъ Шесси (въ 1757 году) до Дели (въ 1857 году).

„Повида борьба будетъ значить что нибудь между людьми, пока алчность будетъ руководить дѣйствіями людей, пока будетъ существовать сила и возможность взрыва гордости и негодованія въ челоуѣкѣ, война будетъ существовать. Тамъ, гдѣ милліоны людей покорены горстью завоевателей и лишены правъ личныя и собственности, въ этой странѣ несомнѣнно должна свирѣпствовать безпощадная война ¹⁾. Если къ такому шаткому положенію англичанъ прибавить тихій, но вѣрный подходъ другой силы, которая съ года на годъ постепенно улучшаетъ свою стратегическую базу относительно Индіи и охватываетъ ее желѣзнымъ кольцомъ, то истина становится очевидною и англичанамъ слѣдуетъ признать неизбѣжность войны.

„Указанія на приближеніе кризиса: въ наше время событія быстро слѣдуютъ одни за другими; увеличеніе арміи; громадныя богатства Англій, которая по своему географическому положенію слишкомъ слабая держава и имѣетъ съ тѣмъ обладаетъ арміею безусловно недостаточною для обороны длинныхъ границъ; неизбѣжное въ близкомъ будущемъ распадненіе Турціи, существованіе которой есть аномалія и анахронизмъ въ нашемъ вѣкѣ; попытки социалистовъ и, наконецъ, относительно Англій, очевидная для всего міра слабость ея въ Индіи.

„Англія перестала быть исключительно морскою державою, а между тѣмъ поддерживается традиціями и учрежденіями, исключительно присущими морской державѣ. Въ то время, какъ стратегическое положеніе Россіи въ Азіи измѣняется въ пользу ея, Англія не имѣетъ тамъ арміи, всѣ ея военныя учрежденія отжили свой вѣкъ. А между тѣмъ предстоитъ въ скоромъ времени выборъ между національною войною и раззореніемъ, рабствомъ и паденіемъ Британской имперіи!

„Стратегическая позиція англичанъ въ Индіи не безопасна только съ сѣверо-запада. На сѣверо-западной границѣ Индустана живутъ народы фанатическіе, воинственныя, дикіе и безпредѣльно ненавидящіе англичанъ. Страны, ими обитаемыя, въ военномъ отношеніи самыя трудно-доступныя, правительства ихъ самыя слабыя въ мірѣ. Одинъ лишь Афганистанъ имѣетъ значеніе какъ владѣніе независимое. Белуджистанъ состоитъ изъ массы мелкихъ владѣній. Страна Афреди (Сеистанъ и др.) слишкомъ слаба, чтобы ее возможно было считать опасною.

¹⁾ Jacolliot въ своемъ „Voyage au pays des perles“, 1874 г. описываетъ страну и ее угнетеніе, которое претерпѣваетъ туземное населеніе Индустана отъ англичанъ, смотрящихъ на него, какъ на чернорабочую силу, подлежащую возможно большій эксплуатаціи.

„Къ сѣверу заслуживаютъ вниманія: государство Непаль, дающее хорошихъ воиновъ (они индусы по религiи и тоже ненавидятъ англичанъ), Кашмиръ и Ладакъ. Въ стратегическомъ отношенiи страны эти значенiя ¹⁾ не имѣютъ, такъ какъ окружены съ сѣвера непреступными горами.

„Съ приближенiемъ русскихъ англичанамъ придется оборонять линiю горъ. Всѣ выгоды наступленiя съ упроченiемъ русскихъ въ Туркестанѣ переходятъ на ихъ сторону.

„Отъ Россiи будетъ зависѣть поставить Афганистанъ относительно себя въ положенiе вассальное, подобное тому, въ какомъ Кашмиръ находится относительно Англiи.

„Хотя Индiю отдѣляетъ отъ средне-азиатскихъ владѣнiй Россiи Афганистанъ, но это такъ кажется; на самомъ же дѣлѣ, въ смыслѣ стратегическомъ, границы Россiи и Англiи въ Азiи уже сошлись.

„Нѣкоторые военные люди въ Англiи думаютъ, что время удобной обороны индiйскихъ границъ уже упущено...

„Да не утѣшаются тѣ, которые думаютъ, что Индiю отдѣляетъ отъ русскихъ Гинду-Кушъ. Не говоря уже о громадномъ нравственномъ значенiи наступленiя русскихъ къ Индiи, физическiя затрудненiя похода будутъ съ каждымъ шагомъ для русскихъ уменьшаться...

„Ничто такъ не доказываетъ упадка значенiя въ Азiи англичанъ и военныхъ учрежденiй ихъ, какъ то, что въ настоящее время походъ противъ азиатцевъ становится дѣломъ труднымъ, тогда какъ прежде это было дѣло легкое ²⁾.

„Сколько извѣстно, Англiя посредствомъ переговоровъ съ правительствомъ Россiи уступила ей Туркестанъ отъ Каспiйскаго моря до Китая и отъ Аральскаго моря къ Хорасану и по теченiю Аму-Дарьи. Чтобы ассимилировать это обширное царство, надо время и значительные расходы...

„Открыто течетъ рѣка русскаго нашествiя, разливаясь и затопляя все, по мѣрѣ своего наступленiя. Разрушаются вѣковыя царства: Персiя съ одной стороны, Турцiя съ другой. Какимъ чудеснымъ вмѣшательствомъ будетъ остановлено это нашествiе? Англiя, для которой событiя каждаго дня имѣютъ безпредѣльное историческое значенiе, ослѣплена блескомъ золота, которымъ владѣетъ, и роскошью. Еще пусть поспитъ, и она очутится безсильною предъ врагомъ своимъ, который стоитъ во всеоружii, какъ бывало стояла сама Англiя въ тѣ дни, когда умѣла владѣть оружиемъ.

„Всѣ молодые народы жаждутъ развитiя своихъ силъ...

„Если Бонапартъ считалъ возможнымъ наступленiе на Индiю, Бонапартъ, опиравшiйся лишь на Астрабадъ, то теперь положенiе Россiи вдвое выгоднѣе...

„Нѣкоторые говорятъ, что англiйская армiя должна встрѣтить русскихъ на Индѣ, потому что чѣмъ дагѣе русскiе отъ своего базиса, тѣмъ они слабѣе, тѣмъ операцiонная линiя ихъ наиболѣе подвержена нападенiю возставшихъ племенъ, и съ другой стороны чѣмъ ближе англiйская армiя къ морю, тѣмъ она

¹⁾ Относительно Ладака это еще вопросъ очень спорный.

²⁾ Мы пока, слава Богу, не испытываемъ никакихъ затрудненiй. Мы легки на подъемъ.

силѣе. Но подобный взглядъ примѣнимъ въ Европѣ, а не въ Азіи, гдѣ все основывается на нравственномъ впечатлѣніи. Оборона на Индіѣ немислима: не говоря уже о томъ нравственномъ впечатлѣніи, которое произведетъ появленіе русскихъ войскъ на границѣ, нѣтъ силы, которая бы могла помѣшать вторгнуться дикимъ ордамъ въ плодородныя страны Индіи и привести тамъ возстаніе.

... „Если бы Индія была отторгнута отъ Англіи, то, не говоря уже о дезорганизациі въ торговлѣ и въ общественныхъ дѣлахъ, въ Англіи произойдетъ социальная революція ¹⁾. Страшно представить себѣ послѣдствія, если бы въ Англіи узнали, что армія ея разбита, сипаи измѣнили и что крѣпости, форты и арсеналы въ рукахъ непріятелей!

„Англія сильна своимъ богатствомъ, имѣетъ населеніе, способное быть хорошими солдатами, оружіе ея—лучшее въ мірѣ, и она имѣетъ возможность приготовить его въ громадномъ количествѣ; военное воспитаніе не уступаетъ такому же другимъ народамъ. Сами враги англичанъ признаютъ, что британскіе войска, имѣя равнаго себѣ противника въ европейскихъ арміяхъ, постоятъ за себя. Но если не будетъ измѣнена военная и политическая система, то Англія окажется державою слабою.

„Военная система Англіи не соответствуетъ ни значенію государства, ни ея континентальнымъ владѣніямъ, ни тѣмъ силамъ, которыя могутъ быть направлены на борьбу противъ нея. Англійская армія слаба, треть ея находится въ Индіи и на эту треть возложена задача поддерживать власть Великобританіи силою оружія, при невыгодныхъ стратегическихъ условіяхъ на границахъ. Индійская армія призвана оборонять длинный фронтъ, сообщенія котораго съ моремъ, вслѣдствіе вѣроятнаго возстанія, крайне ненадежны, и это въ виду энергическаго непріятеля, наступающаго на самую слабую часть этого фронта.

„Средства усилиться въ Индіи: создать мѣстную армію и укоротить линію сообщенія съ метрополіею.

„Въ Индіи ровно столько войскъ, чтобы поддерживать порядокъ.

„Съ уничтоженіемъ компаній, порвалась нравственная связь англичанъ съ Индіею. Теперь чиновники думаютъ о томъ, какъ бы отбыть свою службу и вернуться въ Англію. Старые, опытные чиновники вымираютъ, а молодые не соответствуютъ своему назначенію. Современный индійскій чиновникъ связанъ съ Индіею жаждою наживы; онъ пользуется и сомнительными средствами къ обогащенію себя, но взоры его обращены отъ Индіи къ Англіи, которая, благодаря Суэцкому каналу, стала гораздо ближе къ Индіи, чѣмъ прежде. Нынѣ офицеры и молодые люди вступаютъ на службу съ насмѣшкою къ Индіи.

„Существовавшая связь между англійскими офицерами и сипаями исчезла и влияние европейскаго элемента уменьшилось. Молодые офицеры британскихъ полковъ зачисляются въ главный штабъ туземной арміи неохотно. Сипайской арміи нѣтъ. Съ уничтоженіемъ компаній уничтожились всѣ связи, которыя

¹⁾ Jaccoliot въ своемъ „Voyage au pays des éléphants“, стр. 30-я, говоритъ: „Пока англійскому народу никто не помѣшаетъ грабить Индустанъ, онъ не потребуетъ отчета отъ эгонистической олигархіи, управляющей судьбами Великобританіи“, и даѣе: „движеніемъ на Индустанъ можетъ быть вызвана социальная революція въ самой Англіи“.

существовали между европейцами и массою завоеваднаго населенія. Англія можетъ удерживать свое положеніе въ Индіи постоянной готовностью къ войнѣ. Только обладая достаточною силою, только страхомъ дава на подвластныя государства, окружающія Индію, Англія можетъ владѣть страной. Кромѣ этихъ средствъ, у Англіи нѣтъ другихъ. Но въ Индіи нѣтъ ни достаточныхъ силъ, ни обезпеченныхъ сообщеній.

„Если въ Европѣ миръ, то въ Индіи будетъ продолжаться *status quo*. Но въ настоящемъ положеніи взрывъ приведетъ къ гибели. Опасности эти не случайныя и не временныя; онѣ имѣютъ *raison d'être* въ недостаткѣ средствъ. Национальная конституція Великобританіи не соответствуетъ тому факту, что она сдѣлалась большою континентальною державою. Вотъ главныя причины слабости англичанъ.

„Силы, назначенныя для обороны Индіи, совершенно не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Если Англія не измѣнитъ коренныхъ своихъ законовъ, то она будетъ идти навстрѣчу пораженій.

„Уничтоженіе компаніи оправдываютъ тѣмъ, что у ней была плохая администрація; возстаніе сипайской арміи вынудило перестроить всю административную машину. Насколько правы утверждающіе это, разберемъ. Сипаи встали потому, что имъ сдали всю страну въ руки, что они почувствовали себя сильнѣе европейцевъ. Такъ, предъ возстаніемъ европейскихъ войскъ въ Индіи находилось: 18 пѣхотныхъ полковъ, 9 конныхъ артиллерійскихъ ротъ, 23 пѣшихъ артиллерійскихъ роты и 2 кавалерійскихъ полка.

„Сипайская же армія состояла изъ 127 пѣхотныхъ полковъ, 39 батарей и 44 кавалерійскихъ полковъ.

„Испугавшись возстанія, правительство лишило себя силы, которая ему помогала. До 1857 года англійскія войска терялись въ массѣ сипаевъ. Въ Пенджабѣ, гдѣ были европейскія войска въ достаточномъ количествѣ, возстанія не было, несмотря на то, что онъ былъ недавно присоединенъ. Если бы европейская армія въ Индіи была уменьшена до размѣровъ до 1857 г. (30 т. человекъ), то возстаніе опять началось бы. Если бы въ 1857 г. было 70 т. европейской арміи, то возстанія не было бы.

„Превосходство сипайской арміи и было причиною, что она взбунтовалась; довѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ и было причиною возстанія.

„Иррегулярныя сипайскія полки были наиболѣе страшны во время возстанія, потому что въ мирное время наименѣе имѣли надъ собою вліянія массы европейскихъ офицеровъ (генераль Уинтгемъ былъ разбитъ въ полѣ иррегулярными войсками ¹⁾). Регулярныя сипайскія полки, имѣвшіе исключительно англійскихъ офицеровъ, послѣ истребленія ихъ остались безъ головы. Въ настоящее время составъ европейскихъ офицеровъ въ сипайскихъ полкахъ уменьшенъ противъ того состава, который былъ въ нихъ до возстанія 1857 г. Но чрезъ это полки являются недостаточно организованными для войны съ европейцами и въ то же время усиливается кадръ туземныхъ офицеровъ...

„При первомъ серьезномъ вооруженномъ столкновеніи Англіи придется выбирать между общеобязательною повинностью и униженіемъ. Домъ ея основанъ на пескѣ, и когда коснется Англіи буря военная, то при современныхъ ея военныхъ средствахъ должно послѣдовать страшное паденіе

¹⁾ Это единственный случай пораженія англичанъ въ полѣ.

„Если вышеизложенное справедливо относительно средств обороны самой метрополи, то насколько въ болѣе опасномъ положеніи находятся англо-индійскія владѣнія.

„Въ настоящую минуту въ Индіи англичане лишены всякихъ резервовъ. Надо, однако же, быть полоумнымъ оптимистомъ, говорить Керри, чтобы утверждать, что въ Индіи резервовъ никогда не понадобится. Въ настоящее время единственнымъ резервомъ для индійской арміи могутъ служить войска въ Англии, но, въ случаѣ войны, расчитывать отвлекать эти силы въ Индію было бы равносильно самоубійству.

„Приступая къ вопросу о цѣлесообразной реорганизации сипайской (туземной) арміи, натакиваешься сразу: а) на крайнюю количественную и качественную недостаточность европейскихъ офицеровъ и, какъ послѣдствія этого, все болѣе замѣтное отсутствіе связи между офицерами и командуемыми ими туземными частями войскъ, и б) на совершенно несоразмѣрную, относительно задачи, численную слабость туземныхъ войскъ.

„Всѣ эти признаки слабости особенно ярко стали выступать за послѣдніе годы.

„Послѣдствіемъ бунта сипаевъ 1857 г. было удаленіе правительствомъ изъ рядовъ туземныхъ войскъ большинства европейскихъ офицеровъ,—единственнаго элемента, который былъ способенъ придавать массамъ серьезное боевое значеніе.

„На старую полковую организацию прежней сипайской арміи звалили всю вину возстанія—и уничтожили ее.

„Нынѣ же дѣйствующая въ Индіи организациа есть представительница всѣхъ ошибокъ, которыя могутъ представиться воображенію, исключительно направленному на то, чтобы дѣлать дурно; это сводъ всего, что можетъ служить представителемъ человѣческой неспособности—именно учрежденіе главнаго штаба индійской туземной арміи (India Staff Corps).

„Учрежденіе это, несправедливое, непопулярное, не соответствующее особенностямъ индійской арміи, ни въ какомъ отношеніи не достигло ожидаемыхъ результатовъ. Чтобы это выяснитъ, бросимъ бѣглый очеркъ на организацию туземной арміи до возстанія 1857 г.

„Въ Индіи существуетъ обычай, истекающій изъ необходимости, назначать европейскихъ офицеровъ туземной арміи на всевозможныя должности по военно-народному управленію: изъ числа ихъ даже назначались судьи, сборщики податей, офицеры для полицейской службы и проч. Иррегулярные полки, союзные контингенты, дипломатическіе агенты—всѣ пополнялись офицерами изъ полковъ той же регулярной туземной арміи. Такъ какъ всѣ эти должности гораздо лучше оплачивались, нежели служба строевая, то лучшіе офицеры уходили изъ полковъ.

„Этотъ коренной недостатокъ тогдашней организации былъ причиною, что еще далеко до возстанія начальство въ Индіи освоилось съ необходимостью учрежденія India Staff Corps.

„Предполагалось офицеровъ, оставляющихъ строевую службу, вовсе откомандировать отъ частей, гдѣ они по старой организации продолжали занимать вакансіи въ ущербъ офицерамъ, желающимъ продолжать службу въ строю. Признавалось полезнымъ офицеровъ, занимающихъ должности по управленію, зачислять окончательно въ India Staff Corps и этимъ открыть строевымъ офицерамъ доступъ къ повышенію въ чинахъ, чѣмъ нѣсколько уравновѣситъ вы-

годы строевой службы относительно служащих по управленію въ India Staff Corps, производство на вакансіи предполагалось вовсе уничтожить и производить офицеровъ, занимающихъ должности по военно-народному управленію не иначе, какъ по прослуженіи ими опредѣленнаго закономъ срока на извѣстной должности. Но это предположеніе никогда не было приведено въ исполненіе. Послѣ 1857 года, когда взялись пересоздавать туземную армію, остановились на рѣшеніяхъ, не доставляющихъ ни одной изъ вышесказанныхъ выгодъ:

„1) Штатное число офицеровъ въ сипайскихъ полкахъ уменьшено на половину.

„2) Всѣхъ офицеровъ туземной арміи зачислили въ India Staff Corps, дабы обезпечить лучшей выборъ офицеровъ на всѣ вообще нестроевыя должности; остальные распредѣлялись по полкамъ.

„3) Офицеры, желающіе изъ полковъ быть зачисленными на должности по управленію, продолжали числиться въ спискахъ полка.

„Кромѣ того, уничтожены были полковыя кассы, которыя существовали въ полкахъ для того, чтобы отъ офицеровъ награждать пенсіономъ старыхъ штабъ-офицеровъ, тѣмъ часто открывалась дорога молодымъ.

„Организациа 1857 года, кромѣ того, лишила массу офицеровъ штатныхъ должностей, породивъ вслѣдствіе произвольныхъ выборовъ при назначеніи массу интригъ и недоразумѣній, убившихъ прежній духъ доблести и преданности долгу службы, которыхъ такъ замѣтно отличались офицеры старой арміи при полковой организациі.

„Образовалась масса офицеровъ тунеядцевъ, состоящихъ „при“ и „по“. Денежныя преимущества служащихъ были значительно сокращены, содержаніе уменьшено на 10% и проч. Словомъ, всѣ основы, на которыхъ существовала молодецкая туземная армія, были окончательно потрясены, что въ высшей степени неблагоприятно отразилось на боевой годности туземной арміи, уничтоживъ тотъ корпусъ офицеровъ, который смотрѣлъ на Индію, на туземнаго солдата, какъ на нѣчто родное, и который умѣлъ внушить туземнымъ полкамъ и добѣре къ предводителямъ, и даже стойкость на полѣ сраженія.

„Въ Индіи туземная вспомогательная армія во всякое время будетъ необходимою:

„1) Потому что содержаніе соответствующей всѣмъ требованіямъ обороны и управленія европейской силы обошлось бы слишкомъ дорого.

„2) Европейскіе солдаты, вслѣдствіе климатическихъ условій, не выдержали бы всю ту службу, черную работу, которая нынѣ выпадаетъ на долю туземныхъ войскъ.

„3) Весьма значительный классъ туземцевъ нынѣ находитъ удовлетвореніе всѣхъ своихъ жизненныхъ потребностей въ радахъ арміи и лишать его этой возможности было бы крайне опасно.

„Разъ, такимъ образомъ, потребность въ содержаніи значительной туземной арміи признается, то слѣдуетъ, по возможности, имѣть войска годныя къ бою. Этого нельзя сказать про нынѣшнія туземныя войска. Объ недостаточности корпуса офицеровъ было уже говорено. Про нижнихъ чиновъ придется сказать столь же мало утѣшительнаго; старый доблестный типъ сипая прежнихъ временъ нынѣ совершенно исчезаетъ, недоверіе къ нимъ англичанъ послѣ возстанія, измѣненіе организациі и проч. „понижили спросъ“, а теперь тѣ элементы, которые прежде выработывали изъ себя лучшихъ солдатъ,

нашли себѣ другія занятія. Правительство въ послѣдніе годы всѣми средствами старалось задуть въ массахъ всѣ признаки военного самознанія и въ этомъ отношеніи результаты достигнуты блистательные; конечно, это облегчило управление страной, но не могло не отразиться въ сильной степени на качествахъ вновь созданныхъ послѣ 1857 года (на совершенно иныхъ противъ прежняго основаніяхъ) туземныхъ войскъ.

„Но кромѣ всего этого вербовка хорошихъ солдатъ въ туземную армію въ весьма значительной степени затрудняется стремленіемъ неопытныхъ англійскихъ офицеровъ непремѣнно примѣнять, со всею строгостью, уставы англійской регулярной арміи, требованія гарнизонной службы, шагистнику, насколько не жалая принять въ соображеніе ни характера, ни особенностей туземнаго солдата. Между тѣмъ ника гораздо болѣе сходна съ топоромъ, нежели силой, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, похожа на англійскаго солдата. Стремиться вылитъ ихъ въ одну и ту же форму—просто невозможно.

„Эти пагубныя увлеченія, одинаково вредныя какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ кавалеріи, особенно бросаются въ глаза послѣдней: туземная легкая кавалерія, Рохилии и Мираты во всѣ времена были дѣйствительно грозною кавалерійскою силою; какава кавалерія выше, какъ боевая сила, при извѣстныхъ обстоятельствахъ въ особенности, европейская или азіатская,—вопросъ еще весьма и весьма сомнительный ⁴⁾.

„Нѣкоторыя азіатскія племена достигли въ полномъ смыслѣ слова совершенства во всѣхъ боевыхъ особенностяхъ кавалерійской специальности, въ подготовкѣ лошадей, матеріала и формы сѣдла, поворотливости, наконецъ, главное, способности къ натиску холоднымъ оружіемъ какъ въ одиночномъ бою, такъ и въ массахъ.

„Англійской кавалеріи, правда, удавалось бить лучшихъ представителей азіатской, но это ничего не доказываетъ, кромѣ развѣ того, что европеецъ вообще лучше дерется, чѣмъ азіатецъ, а главное—англичане закрѣпили за собою нравственное превосходство, которое главнымъ образомъ и служатъ единственному опорю ихъ владычества въ Индіи вообще.

„Во всякомъ случаѣ, навязыванье азіатской кавалеріи снаряженія и системы обученія, ей совершенно несродныхъ, можно назвать большою ошибкою (турецкіе уланскіе полки въ Азіатской Турціи 1853—1854 годовъ).

„Въ настоящее время англичане могутъ радоваться, что успѣли передѣлать крайне полезнаго молодца пререгулярнаго кавалериста въ каррикатурный образъ негоднаго англійскаго драгуна.

„Такова теперь туземная кавалерія индійской арміи, которая въ прежніе годы умѣла быть страшною въ бою.

„Воспитаніе войскъ, какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ кавалеріи, совершенно ложно роиаетъ боевую годность войскъ, а, главное, дѣлаетъ службу въ туземной арміи крайне тягостною и непопулярною.

„Офицеры совершенно не знаютъ своихъ солдатъ, не умѣютъ приобрѣсти на нихъ необходимаго вліянія, что не удивительно, такъ какъ они глубоко презираютъ своихъ подчиненныхъ (чего не было при старыхъ компанейскихъ офицерахъ). Вообще, правильныхъ отношеній — дисциплины быть не можетъ при нынѣшней организаціи. Несомнѣнно, что въ минуту испытанія никакой надежды нельзя имѣть на туземныя войска.

⁴⁾ Европейской кавалеріи слѣдуетъ, полагаю, признавать единственно кирасиръ.

„Современное состояніе туземной арміи во всѣхъ отношеніяхъ—въ строевомъ, хозяйственномъ, въ особенности въ нравственномъ, въ высшей степени плачевно. Офицеры даже другъ съ другомъ незнакомы, ихъ мало, а главное, они презираютъ ту часть, въ которой служатъ; солдаты это знаютъ и служатъ только изъ-за жалованья, съ ненавистью въ сердцѣ къ своимъ начальникамъ; но, наученные опытомъ, они скромны, терпеливы... ждутъ случая...

„Необходима коренная реорганизація и туземной, и англійской арміи“.

„Даже тѣ изъ писателей, которые наиболѣе склонны смотрѣть съ довѣріемъ на успѣхи русскихъ въ Средней Азіи, не сомнѣваются, „что тѣ же причины, которыя привели англичанъ къ южнымъ отрогамъ Гинду-Куша, заставятъ русскихъ владѣть сѣверными отрогами его, и не далеко то время, когда это предсказаніе сбудется“.

„Съ такимъ громаднымъ государственнымъ долгомъ, каковъ англійскій, съ такою массою нуждающагося въ работѣ населенія, съ такою огромною потребностью на жизненные припасы, потеря денегъ, людей и торговли, которая пострадала бы отъ всякаго сколько нибудь тяжелаго удара, нанесеннаго англичанамъ въ Индіи, была бы для Великобританіи смертельною ранюю.

„Все вышеназванное ведетъ къ заключенію:

„1) Распаденіе значительной державы не можетъ обойтись безъ кровопролитія, — борьба очевидна. Тотъ народъ, который наименѣе подготовленъ въ данный моментъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересованъ въ предстоящихъ событіяхъ, по несетъ наибольшія потери.

„Держава, нынѣ умирающая,—это Турція; держава, наименѣе готовая къ серьезной войнѣ и наиболѣе заинтересованная въ восточномъ вопросѣ,—это Великобританія: а) у нея уязвимыхъ мѣстъ болѣе, чѣмъ у другихъ державъ, которыя будутъ съ нею спорить; б) англійская армія, крайне немногочисленная, по своей организаціи неспособна развиваться до требованій военнаго времени.

„2) Предметъ дѣйствій для Англій наиболѣе страшный, пагубный, это Индія. Не можетъ быть сомнѣнія, что когда вспыхнетъ восточный вопросъ, то непріятель немедленно будетъ угрожать Индіи.

„Вопросъ этотъ, въ случаѣ войны, безотлагательно для Англій важенъ. Дипломатическое бумагомаранье тогда только можетъ имѣть значеніе, когда оно является представителемъ штыковъ. Первое условіе существованія государства—это возможность вести серьезную войну. Въ настоящее время техническія усовершенствованія придали войнамъ характеръ рѣшительный, слѣдовательно—кратковременный. Необходимость подготовки къ войнѣ болѣе чѣмъ когда либо важна. Тѣ же техническія усовершенствованія придали значеніе массамъ, снаряженію, болѣе чѣмъ прежде, когда исходъ борьбы рѣшался скорѣе личною доблестью. Вся боевая эпопея Великобританіи основана на боевыхъ нравственныхъ качествахъ британской арміи, чего, пожалуй, будетъ недостаточно.

„Владѣя обширными и отдаленными странами земнаго шара, Англія обладаетъ военною силою, которая не соответствуетъ задачѣ. Это, несомнѣнно,

по всей своей страшной наготѣ выкажется при первой европейской войнѣ. Самые дорогіе англійскіе государственные интересы за послѣдніе годы такъ тѣсно, такъ неразрывно связались съ сохраненіемъ Индійской имперіи и съ безраздѣльнымъ тамъ и въ окрестныхъ странахъ владѣтельствомъ Англій, что нарушение такого положенія повлекло бы за собою гибель Англій.

„Чѣмъ длиннѣе коммуникаціонная линія, чѣмъ дальше передовая линія отъ средоточія силъ, тѣмъ труднѣе оборона. Коммуникаціонная линія Англій съ Индїей длинна и слаба. Когда подобной линіи угрожаетъ съ фланга могущественный врагъ, то это крайне опасно.

„3) Вооруженная сила въ Индїи двухъ родовъ: а) англійская армія, численностью крайне ничтожная по задачѣ: никогда въ исторіи міра, никогда въ исторіи военной не выпадало на долю 70.000 человекъ (строевыхъ и нестроевыхъ) обезпечивать власть на пространствѣ одного милліона квадратныхъ миль, и б) другая армія, туземная, которая составлена изъ покоренныхъ народовъ, тоже недостаточно сильная (въ смыслѣ резерва), но, главное, сердцемъ, умомъ, душою Англій враждебная. Эта армія предметъ справедливаго недовѣрія англчанъ, недовѣрія, которое находитъ оправданіе въ страшномъ возстаніи 1857 года.

„Этимъ двумъ арміямъ поручено охраненіе Индїи, какъ части Великобританскаго королевства, а между тѣмъ это владѣніе подвержено нападенію извнѣ и поголовному возстанію туземныхъ шаекъ внутри.

„Средства къ оборонѣ, которыми обладаетъ Англія, если бы непріятель вторгнулся въ нее—это обще-обязательная воинская повинность, но для Индїи она примѣнена быть не можетъ. Тѣмъ не менѣе, потеря для Англій Индїи—и это сознаютъ всѣ англчане—столь же пагубно отзовется на существованіи государства, какъ и вторженіе въ предѣлы самого соединеннаго королевства.

„Богатство и обаяніе англчанъ въ Индїи даютъ имъ не только уваженіе прочихъ народовъ, но и главное средство существованія. Великая катастрофа, постигнувшая Францію, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что постигло бы Англію въ случаѣ удачнаго приближенія къ предѣламъ Индїи. Оно произвело бы полное оцѣмненіе торговли, послѣдствіемъ котораго было бы паденіе законнаго правительства, и повлекло бы голодомъ всю Англію въ дикую революцію. Вотъ послѣдствія подобной комбинаціи для самой богатой и могущественной державы. Нѣтъ сомнѣнія, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ искушеніе для враговъ будетъ неодолимо. Пораженіе англійскихъ войскъ впереди Индїи повело бы къ взрыву самыхъ дикихъ и необузданныхъ страстей въ Англїи. Этотъ взрывъ въ связи съ дикими страстями, которыя одушевляютъ самыя опасныя рабочія массы значительныхъ фабричныхъ городовъ въ Англїи, въ связи съ завистью, ненавистью и всѣмъ тѣмъ, что за послѣдніе годы сильно волнуется бѣдные классы противъ богатыхъ,—все бы поднялъ въ общемъ смятеніи.

„Какъ ни преувеличены и ни поразительны кажутся эти выгоды, но они логическое послѣдствіе знакомства съ вопросомъ. Англія владѣетъ громадною отдаленною имперією, доступною для извѣстнаго рода опасностей, и обороняетъ эту имперію средствами, безусловно недостаточными. Даже самыя ярые оптимисты и люди міра соглашаются, что оставить Индїю англчане не могутъ. Глава партіи подобныхъ людей, Графъ Дюфъ, въ официальномъ доносеніи въ бюро по индійскимъ дѣламъ, въ ноябрѣ 1875 года, выражается

такъ: „вопросъ объ оставленіи Индіи теперь, въ виду нашего экономическаго положенія, совершенно невозможенъ; мы втянулись въ нее и должны за нее держаться во что бы то ни стало, ибо мы не въ состояніи бы были иначе заплатить наши индіискіе долги; желѣзнодорожныя капиталисты наши, затратившіе тамъ свои капиталы, обанкротились бы и вообще были бы скомпрометированы созданіемъ англійскихъ капиталистовъ. Мы бы не могли платить тѣ многочисленныя пенсіоны, которые обѣщали служившимъ въ Индіи, и главное, не могли бы вознаградить безчисленное множество торговцевъ, которые были бы разорены подобною переменою въ нашемъ политическомъ положеніи“.

„Британское правительство сдѣлало важный шагъ въ смыслѣ политики дѣятельной, — купивъ Суэзскій каналъ, но не нужно забывать, что права на Суэзскій каналъ только тогда дѣйствительны, пока Англія въ состояніи поддерживать ихъ силою оружія.

„Нельзя сомнѣваться въ томъ, заключаетъ Керри, что англійское правительство, разъ вступивъ на этотъ путь, не остановится и предъ необходимою обважить оружіе; но Англіи нельзя терять ни одной минуты времени; ей необходимо приступить къ реорганизаціи своихъ силъ, которыя соотвѣтствовали бы ея первенствующему положенію, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи“.

„Приобрѣтеніе Туркестанскаго края вышло для Россіи дѣломъ совершенно случайнымъ и, какъ неоднократно заявляли наши государственные люди, скорѣе бременемъ ложилось на Россію, чѣмъ приносило пользу. Не вхожу въ разбирательство истинны этихъ словъ, а только считаю умѣстнымъ напомнить объ этомъ теперь. Съ объявленіемъ войны Англіи, Туркестанъ обязанъ отречься отъ себялюбиваго взгляда и принести себя въ жертву самымъ дорогимъ интересамъ Россіи. Не можетъ быть сравненія между тѣмъ, чѣмъ мы рискуемъ, рѣшаясь демонстрировать противъ англичанъ въ Индіи, и тѣми мировыми послѣдствіями, которыя будутъ нашимъ достоиніемъ въ случаѣ успѣха такой демонстраціи. До сихъ поръ Туркестанъ даже не колонія и по характеру своего завоеванія, и по характеру своего занятія нами, онъ не можетъ быть названъ ничѣмъ инымъ, какъ операціонною базою; предметъ же дѣйствій указанъ Провидѣніемъ.

„Туркестанскій край держится до сихъ поръ скорѣе обаяніемъ, соединеннымъ съ безпрестанными славными дѣлами втеченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, чѣмъ силою наличнаго числа войскъ. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что и въ глазахъ англичанъ, и въ глазахъ всей Азіи наше значеніе упадетъ, если Туркестанъ останется безучастнымъ зрителемъ рѣшенія судьбы отечества на западѣ. Когда войска наши идутъ на „ура“ противъ азіатцевъ, то имъ кажется до сихъ поръ, что они плюютъ огнемъ; англійскій офицеръ генеральнаго штаба представляетъ теперь нашу туркестанскую власть соединяющею Туркестанъ съ Москвою желѣзною дорогою. Каково же будетъ впечатлѣніе, когда бездѣйствіемъ своимъ въ рѣшительный моментъ судьбы отечества, враги поймутъ, что мы не знаемъ, не понимаемъ

и, главное, не хотимъ понять, зачѣмъ мы случайно забрели въ Туркестанскій край.

„Образованіе туркестанскаго генералъ-губернаторства было первымъ шагомъ къ тому, чтобы привести къ опредѣленной цѣли безпорядочные порывы предшествовавшихъ ему дѣятелей; завоеваніемъ Хивы и Кокана обезпечено исполненіе; десятилѣтнимъ обрусѣніемъ Самарканда открытъ доступъ къ этой цѣли, во имя которой только и можетъ быть оправдано наше пребываніе въ Средней Азій, ибо иначе овчинка не стоитъ выдѣлки...

„На необходимость участія Туркестана въ предстоящихъ событіяхъ указываютъ и то, что въ случаѣ неудачи войны, очищеніе или ограниченіе нашего положенія въ Туркестанѣ неминуемы. Если мы, даже при полной неудачѣ нашихъ предпріятій какъ въ Европѣ, такъ и въ Азій, докажемъ, хотя и несчастною предпримчивостью, всю возможную грозность нашего теперешняго положенія въ Средней Азій, то, при необходимости заключить несчастный миръ, Россіи, быть можетъ, предстоитъ откупиться цѣною Туркестана, поднявшагося въ цѣнѣ.

М. Скобелевъ.

18 ²⁵
XII 76
Г. Кокандъ.

ЖИЗНЬ АНАСТАСІЯ ПРОКОФЬЕВИЧА ШАПОВА ¹⁾.

V.

Знакомство Шапова съ С. В. Ешевскимъ.—Уваженіе къ славянофильскимъ воззрѣніямъ и литературѣ.—Отношеніе къ ректору Іоанну.—Рѣчи Шапова на академическомъ актѣ.—Его печатныя сочиненія въ „Православномъ Себесѣдникѣ“ и взглядъ на нихъ.—Развитіе новой системы русской исторіи.—Лучшія рукописныя сочиненія до 1861 года.

ОТНОШЕНІЯ Шапова къ ученымъ людямъ были весьма ограничены: онъ какъ-будто чуждался сближенія съ ними. Продолжалъ онъ бывать по прежнему у В. Ив. Григоровича, пользовался нерѣдко его рукописями и обмѣнивался съ нимъ научными свѣдѣніями ²⁾. Затѣмъ, послѣ отъѣзда въ Москву Н. А. Попова, Викторъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ А. П. Владимирскимъ, особенно хлопоталъ о перемѣщеніи Шапова изъ академіи въ университетъ; наконецъ, когда уже состоялось это приглашеніе на время, высокоуважаемый профессоръ рекомендовалъ его съ отличной стороны предъ попечителемъ округа, княземъ П. П. Вяземскимъ, и постарался сблизить ихъ. Но самое благотѣльное вліяніе на развитіе широты научныхъ воззрѣній Шапова оказало знакомство его съ доцентомъ казанскаго университета С. В. Ешевскимъ, хотя оно было непродолжительно. Вопросы этнографическіе и экономическіе, задачи областной минувшей жизни, великое значеніе писцовыхъ книгъ и другія стороны науки, занимавшія впоследствии Шапова, несомнѣнно навѣяны разговорами съ нимъ Ешевскаго. Но жадность Шапова къ

¹⁾ Продолженіе. См. „Историч. Вѣстн.“, т. X, стр. 5.

²⁾ О сношеніяхъ литературныхъ Шапова съ Григоровичемъ видно изъ „Правосл. Себесѣдн.“ 1861 г., ч. I, стр. 261.

новымъ возрѣніямъ и работамъ, которая не разъ доводила его до разрыва съ людьми науки, послужила причиною къ прекращенію его знакомства и съ Степаномъ Васильевичемъ, влияние котораго не осталось, впрочемъ, безъ слѣда на развитіи его идей. Ешевскій часто и много толковалъ со Щаповымъ о колонизаціи сѣверо-восточнаго края и Поморья Россіи и указывалъ на соловецкія рукописи, какъ на драгоцѣнный источникъ для разработки этого важнаго вопроса. Щаповъ по обычаю съ энергіей взялся за эту мысль, тотчасъ началъ рыться въ рукописяхъ, желая предвосхитить идеи С. В. Ешевскаго и разработать фактически. Когда же послѣдній обращался къ нему за рукописями, онъ отказывалъ ему, говоря, что онѣ ему самому необходимы. Такъ проклятая ученая зависть Щапова оттолкнула отъ него образованнаго человѣка, который въ высшей степени былъ для него полезенъ!

Затѣмъ, онъ велъ знакомство съ Н. А. Поповымъ, который замѣнилъ Ешевскаго въ казанскомъ университетѣ по кафедрѣ русской исторіи и, при переходѣ въ Москву, рекомендовалъ Щапова факультету на свое мѣсто.

Славянофильскія и другія солидныя московскія изданія по прежнему увлекали Щапова: когда, напримѣръ, вышло въ 1858 г. сочиненіе Лешкова „Русскій народъ и государство“, онъ носился съ нимъ цѣлые мѣсяцы и все совѣтовалъ студентамъ непременно прочитать его, да и не разъ. Славянофильскія сочиненія установили окончательно его взглядъ на русскую исторію, въ которой должны играть роль не однѣ формы жизни и учрежденій государственныхъ, но самъ народъ, какъ творецъ своего быта, выступить на первый планъ, съ его отличительными духовными чертами и особеннымъ складомъ характера. „Когда я изучалъ, пишетъ онъ, исторію Устрялова и Карамзина, мнѣ всегда казалось страннымъ, отчего въ ихъ исторіи не видно нашей сельской Руси, исторіи массъ, такъ называемаго простаго чернаго народа? Развѣ это громадное большинство не имѣетъ правъ на просвѣщеніе, на историческое развитіе и значеніе? Прочитайте лѣтописи, акты и писцовыя книги, вы увидите, что строителями Россіи были крестьяне всюду и вездѣ, и они вынесли на своихъ могучихъ плечахъ свѣтлое будущее нашего отечества“.

Раздѣляя мнѣнія и убѣжденія славянофиловъ и высказывая ихъ постоянно, Аванасій Прокофьевичъ, однако, не считалъ себя членомъ ихъ круга и послѣдователемъ оригинальнаго ихъ ученія; онъ какъ будто даже опасался иногда, какъ бы его не назвали славянофиломъ. „Законы историческаго роста, писалъ онъ, воспитанія и развитія народнаго организма такъ же естественны и вѣчны, какъ законы природы. Народъ развивается естественно, на основаніи своихъ внутреннихъ силъ, и отъ инстинктивнаго движенія доходитъ до разумнаго историческаго воспитанія. Такое изученіе исторіи проявленія народнаго духа, саморазвитія и свободной жизненной дѣятельно-

сти народа совсѣмъ не будетъ славянофильствомъ. Самыя реформы петровской эпохи централизационной системы и бюрократическія учрежденія его, съ этой точки зрѣнія, могутъ имѣть силу жизненности и воспитательности исторической“.

Вѣра его въ жизненную силу и величіе русскаго народа, стройное внутреннее устройство и недалекое грандіозное развитіе цивилизаціи нашего отечества служила исходной точкой всѣхъ его думъ и изслѣдованій научныхъ. Сначала онъ, вмѣстѣ съ славянофилами, смотрѣлъ на преобразованія Россіи Петромъ Великимъ, какъ на большое зло, принесшее вредъ народу; потомъ нѣсколько смягчился и сталъ писать о необходимости петровскихъ реформъ, которыя привнесли въ нашу старинную жизнь искусственно-раціональное начало. Впрочемъ, воззрѣніе свое на исторію Петра Великаго онъ мѣнялъ нерѣдко и послѣ,—то писалъ въ пользу его дѣяній, то жестоко порицалъ ихъ за формализмъ.

Въ 1857 и 1858 годахъ, Аванасій Прокофьевичъ особенно много работалъ для духовнаго журнала, благодаря побужденію или подзадориванію академическаго начальства. Новый ректоръ Іоаннъ Сожоловъ, извѣстный знатокъ церковнаго законодѣвія, отлично понималъ и оцѣнилъ страстную личность и основательную дѣятельность Шапова; онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на его частыя кутежи и опущенія лекцій. Зато постоянно поручалъ ему разныя работы для журнала, которыя онъ исполнялъ съ большимъ усердіемъ, потому что ректоръ назначалъ ему писать по предметамъ, излюбленнымъ для его сердца, и всегда оставался очень доволенъ его учеными работами. Вообще вліяніе ректора на Аванасія Прокофьевича было весьма благодѣтельно: какъ человѣкъ крѣпкаго разсудка и неумолимой логики, онъ умѣлъ смягчать его азіатскую натуру и умѣять высокой полетъ его горячей фантазіи холодными доводами. Самъ Шаповъ былъ очень доволенъ, что суровый и недоступный Іоаннъ отличалъ его отъ другихъ по достоинству, былъ съ нимъ весьма обходителенъ и ласковъ, что онъ могъ многому поучиться у этого замѣчательно-образованнаго, хотя свирѣпаго человѣка.

Для торжественнаго акта, во дню основанія и престольнаго праздника казанской духовной академіи (8-го ноября 1857 года), ректоръ Іоаннъ просилъ приготовить рѣчи И. М. Добротворскаго и А. П. Шапова; первый написалъ: „Объ историческомъ значеніи русскаго раскола“, а второй доставилъ статью: „Религія и русская народность“. Рѣчь Шапова, написанная живо и увлекательно, одобрена была ректоромъ и произнесена авторомъ въ многочисленномъ публичномъ собраніи, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ и привела въ восторгъ и студентовъ, и постороннихъ слушателей. Но была тутъ одна забавная сторона, видная только для студентовъ, занимавшихъ мѣста вокругъ оратора. По опредѣленному заранѣе условію со Шаповымъ, два студента стояли за кафедрой и останавливали его при

невнятномъ чтеніи, когда онъ особенно быстро мчался, сильно держа за фалды знаменитаго фрака, сшитаго для Сонички, но подбитаго молю.

Къ сожалѣнію, эта рѣчь— „Религія и русская народность“, какъ жется, исчезла безслѣдно: тогдашній студентъ университета В. М. Логгиновъ взялъ ее прочитатъ и не возвратилъ. Снялъ ли съ нее кто нибудь тогда копію, мнѣ неизвѣстно.

Въ 1858 году, на торжественномъ актѣ академіи 8-го ноября, Щаповъ опять произнесъ рѣчь, болѣе интересную для современныхъ слушателей: „Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей“. Содержаніе рѣчи выбрано имъ по совѣту ректора Іоанна, когда уже началась работа, подготовлявшая освобожденіе русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Рѣчь произнесена была съ обычнымъ горячимъ чувствомъ и энергіей и произвела на слушателей сильнѣйшее впечатлѣніе, потому что опять два студента при чтеніи останавливали его, когда онъ пускался вскачь.

Ректоръ Іоаннъ (Иванъ Буйновидовъ, какъ звали его студенты въ шутку) любилъ бесѣдовать иногда со Щаповымъ не просто о дѣлахъ житейскихъ или острить по какому либо подходящему случаю. Однажды ректоръ гулялъ съ нимъ и другимъ профессоромъ по академическому палисаднику; мимо ограды проходила компанія мужичковъ въ послѣдней степени воодушевленія, поддерживая другъ друга подъ руки; они орали пѣсни во все горло.

— „Вотъ, Аванасій Прокофьевичъ, ваша черноземная сила во всей красѣ“!.. замѣтилъ со смѣхомъ ректоръ, указывая на подгулявшее общество крестьянъ¹⁾.

— „А что жъ, сказалъ Щаповъ,—тутъ ничего нѣтъ особеннаго, только они все-таки лучше насъ: видите, какъ они не оставляютъ другъ друга и не даютъ падать одинъ другому, а мы и трезвые постоянно готовы подставлять ногу другъ другу“.

Изъ печатныхъ сочиненій Щапова первымъ появилась магистерская диссертация подъ заглавіемъ: „Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII-мъ вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII-го“. Началу этой диссертации, именно 6 листовъ, напечатано въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1857 г. Все же сочиненіе издано казанскимъ книгопродавцемъ Дубровиннымъ въ 1858 г. и повторено безъ перемѣнъ вторымъ изданіемъ въ 1859 г. -

Какъ вообще большая часть первыхъ печатныхъ трудовъ Щапова отражали въ себѣ постоянно церковную точку зрѣнія и рядомъ иногда проводились либеральные взгляды автора, такъ еще болѣе страдаетъ этимъ недостаткомъ смѣси его студенческое сочиненіе о

¹⁾ См. „Историч. Вѣстн.“ 1880 г., XII, стр. 786. „Къ характеристикѣ Іоанна, епископа смоленскаго“.

расколѣ, состояніе и задачи котораго онъ не выяснилъ надлежащимъ образомъ. Двойственный складъ и неопредѣленное направленіе первой работы Шапова подали поводъ Н. А. Добролюбову напечатать въ „Современникѣ“ статью: „Что иногда открывається въ либеральныхъ фразѣхъ?“ Здѣсь онъ подробно и безпощадно разобралъ противорѣчія въ самомъ направленіи молодаго ученаго. Этотъ рѣзкій отзывъ критика, по собственному сознанію Шапова, сильно отрезвилъ его, заставилъ глубже вдуматься во внутреннюю жизнь раскола и побудилъ заниматься болѣе строгимъ и осматрительнымъ образомъ. Онъ откровенно говорилъ мнѣ, что хотя въ статьѣ Добролюбова много несправедливыхъ нападокъ и придирчивыхъ мелочей, но она дала ему сильный толчекъ къ работамъ основательнымъ и принесла большую пользу нѣкоторыми правдивыми замѣчаніями. Съ той поры онъ сталъ выработывать точное научное направленіе и окончательно бросилъ приемы, усвоенные имъ и любимые духовнымъ начальствомъ.

Впрочемъ, отзывы москвичей о диссертациі Шапова „Расколъ старообрядства“ были снисходительнѣе и выясняли нѣкоторые ея недостатки стѣснительными условіями и средой, въ которыхъ писано сочиненіе. Таковъ разборъ Н. Некрасова во 2-мъ томѣ „Лѣтописей Литературы“ Тихонравова.

Съ 1858 по 1862 г. Шаповъ напечаталъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ девять статей разнаго содержанія и издалъ девять старинныхъ памятниковъ, которые извлекъ изъ рукописей соловецкой бібліотеки.

Главное содержаніе этихъ статей вертится около вопросовъ о распространеніи христіанства между инородцами, о развитіи просвѣщенія у нашихъ предковъ и объ улучшеніи нравственности русскаго народа подъ вліяніемъ пастырей церкви. Въ этомъ отношеніи находится между ними внутренняя связь; онѣ дополняютъ другъ друга и представляютъ довольно полную картину умственио-нравственнаго состоянія нашихъ предковъ. Здѣсь отчетливо выяснено значеніе христіанской вѣры и заслуга монастырей въ исторіи развитія народа. Статьи эти имѣютъ особую цѣну потому, что наполнены множествомъ выписокъ изъ соловецкихъ рукописей и обогатили историческую литературу новыми неизвѣстными прежде свѣдѣніями и расширили самый взглядъ на задачи русскаго церковной исторіи.

Во всѣхъ этихъ статьяхъ замѣтно пренебреженіе къ строгой хронологіи: по своей яркой натурѣ и широкимъ размѣрамъ фантазій, онъ смѣшивалъ явленія жизни разновременныя и проистекающія изъ разныхъ началъ, или перескакивалъ свободно изъ XII-го столѣтія въ XVI-е. Вотъ, напримѣръ, выдержка для образца: „Какъ только поворены были съ XI-го столѣтія новгородцами финскія племена, тамъ образовались небольшія русскія страдомныя деревни. У архіепископа Теофила было четыре сельца, у Марыи посадницы — нѣсколько деревень“ („Прав. Соб.“ 1860 г., ч. 2-я, стр. 4—5). Очень

часто въ разныхъ статьяхъ встрѣчается повтореніе однихъ и тѣхъ же мыслей для уясненія разныхъ явленій церковной жизни; особенно досталось на этотъ разъ сильно грубости и жестокости нравовъ народа, который является точно звѣринцемъ, а пастыри и подвижники духовные—укротителями дикихъ звѣрей. „При безобразномъ хаосѣ нравственномъ, пишетъ онъ, при буйномъ разгулѣ страстей, общество русское разложилось бы, если бы среди мрачнаго безпорядка не были на стражѣ достойные пастыри церкви“ („Прав. Собес.“ 1858 г., ч. I, стр. 529—532; 1859 г., ч. I, стр. 44—48; 1860 г., ч. III, 200—201; 1861 г., ч. I, стр. 78—87). Во всѣхъ этихъ статьяхъ встрѣчается не мало произвольныхъ предположеній и неосновательныхъ выводовъ, которые легко разбиваются при строгой повѣркѣ ихъ фактическими данными. Наконецъ, просвѣчиваетъ немало лишнихъ общихъ фразъ въ церковномъ духѣ и характерѣ, допущеніе которыхъ можно только объяснить помѣщеніемъ статей въ духовномъ журналѣ. А между тѣмъ изъ этого вытекалъ еще недостатокъ въ сочиненіяхъ, а именно: ненужная растянутасть въ изложеніи.

Съ осени 1858 г. Щаповъ продолжалъ чтеніе лекцій такъ же беспорядочно и набѣгами, какъ и въ наше время, опуская ихъ до двухъ третей: то начнеть сообщать отрывки изъ миеологии или изъ исторіи раскола, то о земскихъ сборахъ или о смутномъ времени, то вдругъ замахнеть рисовать очеркъ личности Екатерины II-й. У однихъ лекцій не было начала, у другихъ—конца, и потому невозможно возстановить, въ какомъ порядкѣ велись онѣ. Въ иные часы приходилъ онъ безъ лекцій, приносилъ книгу и заставлялъ читать студента понравившуюся ему статью и дѣлалъ объясненія и добавленія; такъ читались статьи Б. Чичерина въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, жизнь Екатерины II-й въ лондонскомъ изданіи сочиненій Щербатова и т. под. Когда онъ являлся въ мрачномъ расположеніи духа, обыкновенно бранилъ современные порядки; доставалось мимоходомъ и студентамъ, какъ слушателямъ, которымъ не стоить и сообщать что-либо путное. Дома онъ работалъ тоже полосами: послѣ кутежей, засадеть за чтеніе и письмо на нѣсколько дней и ночей сразу, перестанеть посѣщать лекціи и не показывается никуда. Послѣ такихъ трудовъ, у него появлялся рядъ новыхъ статей по занимавшему его вопросу, или прежнія незрѣлыя работы получали другой видъ и серьезную отдѣлку, а то росли матеріалы для будущихъ изслѣдованій.

Самыя дѣльныя историческія изслѣдованія Щапова оставались еще въ рукописяхъ и не были напечатаны. Съ конца 1858-го года до 1861-го онъ выработалъ своеобразный взглядъ на русскую исторію и написалъ все лучшее, зрѣлое въ своей жизни, что выдвинуло его на степень талантливаго и самостоятельнаго ученаго. Въ нашъ курсъ студенты относились къ Аванасію Прокофьевичу на первыхъ порахъ снисходительно и по-товарищески, старались больше хвалить его и ободрять, прощали ему многія слабыя стороны; но студенты

1859 и 1860 годовъ стали требовательнѣе и строже въ отношеніи къ нему. Уважая его за симпатическую личность и недюжинный талантъ, они вели вражду противъ его крупныхъ недостатковъ—невоздѣланности и дикости натуры, крайностей и угловатостей возрѣвній, которыя онъ самъ и другіе принимали за оригинальное творчество, противъ опущенія лекцій, противъ его ненаучныхъ симпатій и скороспѣлыхъ выводовъ. Они сильно жагѣли, что громадная сила даровитаго историка расходуется иногда на пустыя затѣи, смѣло высказывали ему объ этомъ и убѣждали его идти прямымъ научнымъ путемъ. Нерѣдко студенты приходили къ нему на квартиру цѣлою компаніей и старались разсужденіями и спорами подвинуть его на серьезное дѣло. Споры основывались больше на идеяхъ и чувстваваніяхъ; принимали въ нихъ участіе студенты П. Знаменскій, Емельяновъ, Морошинъ, Лавровъ, Шавровъ, В. Рождественскій, П. Никольскій и нѣкоторые другіе. По сообщеніямъ тогдашнихъ студентовъ я представляю слѣдующія черты: дѣло спорное оканчивалось иногда тѣмъ, что Шаповъ всѣхъ студентовъ разругаетъ въ дребезги, разорветъ на себѣ рубашку и халатъ, разобьетъ объ нихъ тома два—три „Полнаго Собранія Законовъ“ и всѣхъ выгонитъ въ толчки изъ квартиры. Подобныя сцены имѣли на него очень полезное и развивающее вліяніе. Иногда онъ разсердится до того, что нѣсколько времени не читаетъ лекцій; но зато, бывало, вдругъ засядетъ за работу и создастъ такой мастерской исторической очеркъ, какой не сталъ бы обрабатывать, если бы не стѣснялся своей холодно-критической и неглухой аудиторіей... Разъ студенты сдѣлали даже серьезное коллективное внушеніе Шапову, чтобы онъ неуклонялся отъ лекцій и не читалъ разныхъ пустяковъ, не относящихся къ дѣлу, лишь бы провести время; при этомъ прямо доложили ему, что они желаютъ учиться и просятъ его пособить имъ въ этомъ. Послѣ ли этого случая или другаго подобнаго внушенія, онъ устроилъ студентовъ въ началѣ 1859 г. превосходнымъ „Очеркомъ удѣльнаго періода“, который бы одинъ могъ его обезсмертить. Сохранилась ли цѣликомъ и гдѣ эта лекція—неизвѣстно; изъ слушателей ее никто не записалъ, такъ какъ никто не ожидалъ такого сюрприза. Вѣроятно, и самъ Шаповъ ее забылъ и затерялъ, потому что нигдѣ почти не повторялъ изъ нее выдержекъ въ своихъ статьяхъ, какъ онъ это дѣлалъ со всѣми другими своими лекціями. Чуть-чуть только ее напоминаетъ начало статьи объ областяхъ въ смутное время... Побуждаемый студентами, Шаповъ работалъ нерѣдко дѣльно: въ эту пору явились почти всѣ его произведенія, какими онъ потомъ прославился въ университетѣ при чтеніи лекцій, послѣ напечатанія ихъ въ „Вѣстѣ“, „Отеч. Запискахъ“ и „Русскомъ Словѣ“; но только въ академіи читалъ онъ ихъ студентамъ не въ такомъ искусственно-азартномъ видѣ, въ какомъ ихъ обнародовалъ. Всѣ эти статьи, пере-

работанныя изъ лекцій, мы видимъ страшно испорченными подъ влияніемъ его позднѣйшей горячей тенденціозности...

Весьма жаль, что онъ въ послѣдствіи увлекся не исторически цѣлями и не научными сочувствіями, а фельетонными картинками на подкладкѣ фактической. Вся сила и красота сочиненій Шапова, какъ и всякаго даровитаго, но еще мало учившагося историческаго писателя, состоитъ въ общихъ очеркахъ, гдѣ ему удобнѣе всего можно развить идеи и выразить всю свою поэзію. Въ очеркахъ вполнѣ обнаруживался его сильный историко-поэтический талантъ, который безъ эрудиціи, даже безъ средствъ къ подобному и всестороннему изученію фактовъ, могъ чутьемъ угадывать существенныя стороны минувшей жизни и высказывать по-временамъ самыя свѣтлыя и мѣткія воззрѣнія на нихъ...

Какъ ни сильно привлекали вниманіе Шапова тогдашніе современные вопросы общественной жизни, какъ ни часто возбуждали въ немъ стремленіе заняться обсужденіемъ и истолкованіемъ ихъ, какъ ни велика была охота рѣшать ихъ по своимъ воззрѣніямъ,—необходимость останавливала работы на строго научной почвѣ. Правда, и тогда онъ добивался отыскать связь между началами старинной русской жизни и современнымъ ея теченіемъ, желалъ освѣтить историческій путь, по которому должны идти живые потомки сравнительно съ предками; но эти думы не отрывали его отъ точныхъ ислѣдованій фактическихъ и не увлекали въ область фантазіи ¹⁾. Въ это-то время Аванасій Прокофьевичъ создалъ свою систему взглядовъ и убѣжденій историческихъ, развилъ планъ образованія и устройства Россіи въ древнюю пору и постепеннаго измѣненія началъ народной жизни. Уже въ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, онъ, по мѣстамъ, развиваетъ свои воззрѣнія на древній земскій складъ русской жизни, особенно на начало образованія нашего отечества путемъ колонизаціи, упорнымъ трудомъ „посаженія и поставленія деревень на лѣсѣхъ“. Въ областяхъ финскихъ, по его словамъ, свободныя земли начинаютъ правильно разрабатываться съ постепеннымъ наплывомъ русскаго народонаселенія; появились поселки изъ вольныхъ охочихъ людей, заселились владѣльцами страдомья деревни, а съ ними прилила практически-разумная хозяйственная сила. Съ другой стороны, въ сѣверо-восточномъ краю земли русской стали воздвигаться и устроиваться монастыри, которые служили зачатками, починками заселенія необитаемыхъ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстностей, проводниками дальнѣйшей колонизаціи и распространенія культуры. Русскіе подвижники содѣйствовали обработкѣ неблагодарной земли, прокладывали пути сообщенія въ глухихъ тру-

¹⁾ Напримѣръ, противъ рабства слышался ему голосъ древней церкви, который призывалъ современную церковь русскую обратить вниманіе на восстаніе народной свободы.

щобах и содѣйствовали привлеченію поселенцевъ и разработкѣ огромныхъ пустынныхъ пространствъ сѣвернаго поморья. Путемъ народной колонизаціи совершалась побѣда надъ дикою природою, а путемъ церковной или монастырской колонизаціи византійскій элементъ помогъ воспреобладать русскому челоуѣву надъ дикими племенами инородцевъ и обрусить ихъ.

Въ 1859 и 1860 годахъ, вопросъ о колонизаціи развился шире во взглядѣ Шапова, постоянно занималъ его и сдѣлался основнымъ для образованія внутренняго устройства Россіи и для склада своеобразной народной жизни. На немъ онъ старался основать удѣльный и областной порядокъ, отрасли управленія и суда, общественной экономіи и проч. Такъ, по его выводамъ, путемъ колонизаціи началось самообразование областныхъ земскихъ общинъ съ ихъ самоуправленіемъ. Вслѣдствіе земскаго саморазвитія и самоустройства, организовалась сельская община, городская община, уѣздъ, станъ и волость; послѣднія дѣленія имѣли сначала хозяйственно-промышленное значеніе, а потомъ—административное. Границами участковъ и крупныхъ мѣстныхъ дѣленій служили рѣчныя системы или окраины разработанной земли, „покамѣсть топоръ, соха и коса ходили“. Имѣя въ виду естественное возникновеніе внутренняго областного строя на основѣ историко-географической, Шаповъ, въ то же время, придавалъ большое значеніе племеннымъ особенностямъ народонаселенія, считая историко-этнографическій элементъ основой земскаго строенія. На историко-этнографической основѣ, при земской самобытности областныхъ общинъ, создавался конфедеративный союзъ всей земли русской.

Начала народосовѣтія или земско-общиннаго устройства служили основой для свободнаго склада всего юридическаго и политическаго быта Россіи. 1) Въ малыхъ общинахъ явился мірской сходъ или міръ, сельская сходка, громада, мірское согласье у раскольниковъ; 2) въ городскихъ или большихъ собраніяхъ видны сходы на думу, на вѣча, въ другихъ мѣстахъ—сеймы, рады, казачьи круги; 3) связующими собраніями городскихъ и сельскихъ сходоу служили областные земскіе совѣты, и 4) наконецъ, для связи всѣхъ областей явился „совѣтъ всей земли“ или земскій соборъ. Вмѣстѣ съ подробнымъ изслѣдованіемъ основъ самоуправленія, Аванасій Прокофьевичъ основательно изучилъ старинное русское хозяйство и его начала. Экономическій бытъ, по его взгляду, тоже создавался естественнымъ путемъ колонизаціи и промышленной дѣятельности, сообразно съ мѣстными условіями: крестьяне сажали деревни пашенныя, бортичныя, рыболовыя и проч. Вольныя ремесла и рукодѣльные промыслы развивались тоже сообразно съ природою и удобствами мѣстности и характеромъ населенія; далѣе города возникали путемъ торга, а погосты путемъ гостыбы. Внутреннее поземельное самоустройство и экономическое саморазвитіе носило област-

ной отгѣнокъ; поэтому предметы труда и производства въ разныхъ мѣстностяхъ были неодинаковы: новгородцы отличались плотничествомъ, поморцы — звѣроловствомъ и рыболовствомъ, другія области славились путями и „ухожаями“ хлѣбными, соляными и т. д. Оклады податей и пошлинъ собирались по земельнымъ участкамъ, по покиткамъ, промысламъ и торгамъ.

Самый взглядъ Шапова на расколъ послѣ 1859 г. сложился подъ влияніемъ выработки опредѣленныхъ воззрѣній на земское устройство старинной Россіи. Въмѣсто невѣжественной толпы, раскольники явились народной массой практически-разумной; мысль и ученіе ихъ были жизненны и полны глубокихъ общественныхъ вопросовъ. Расколъ выдвинулся съ выработанной системой, какъ общинная оппозиція податнаго земства, противъ всего государственнаго строя церковнаго и гражданскаго, противъ рабства, насилія совѣсти и всѣхъ новыхъ стѣснительныхъ мѣръ власти. Стремленіе раскольничьихъ общинъ къ особно-областному самоустройству выразилось очень рано: возникли общины поморскія, стародубскія, донскія, керженскія, казанскія, сибирскія и проч. При различіи воззрѣній и характера жителей, создались своеобразные толки и согласья, съ отличительными чертами вѣрованій и мнѣній. Но всѣ они отстаиваютъ права и личность вольныхъ людей, старинныя народныя льготы, земское самоуправленіе и свободную промышленность, сообразно съ хозяйственными потребностями и правовыми обычаями народа.

Въ это время Шаповъ основательно изслѣдовалъ прежнее состояніе умственной жизни русскаго народа, начиная съ славяно-русской миеологіи и легендарныхъ разсказовъ, въ которыхъ онъ старался отыскать смыслъ. Еще въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ онъ разбиралъ миеическія космогоническія сказанія и сближалъ ихъ съ христіанскими, какъ они получали сперва апокрифическій отгѣнокъ, а потомъ смѣшивались съ библейскими (часть I, стр. 249 за 1861 г.). Онъ старался долго изучать самое направленіе и характеръ міросозерцанія русскаго народа, какъ оно складывалось и подъ какими влияніями постепенно развивалось и измѣнялось. Здѣсь опять-таки для него было въ высшей степени важно слѣдить за характеристическими особенностями вѣрованій и убѣжденій жителей каждой области, за складомъ міровоззрѣнія населенія данной мѣстности. Каждая область, каждый большой городъ имѣли свой патрональный храмъ, своего святаго защитника, имъ славилась и украшалась; они почитали разныхъ мѣстныхъ святыхъ, которыми связаны были историческія воспоминанія, составляли житія святыхъ подвижниковъ, вели мѣстныхъ лѣтописи и писали другія литературныя произведенія, передавали разные сказанія, легенды и проч. (Тамъ же, 1860 г., ч. III, стр. 203).

Я нарочно старался указать на цѣлый рядъ крупныхъ вопросовъ, по которымъ Аванасій Прокофьевичъ въ два года успѣлъ вновь на-

писать или переработать изъ прежнихъ статей массу изслѣдованій, а по другимъ собралъ богатые матеріалы, приведенные въ порядокъ лишь на скорую руку. Что дѣйствительно это вѣрно, можно убѣдиться изъ слѣдующихъ несомнѣнныхъ данныхъ. Въ отчетахъ объ особыхъ трудахъ профессоромъ духовной академіи за 1859 годъ самымъ Шаповымъ сдѣлана замѣтка: „приготовлялъ къ печати „Очерки изъ исторіи народнаго русскаго просвѣщенія“, собиралъ матеріалы для историческаго изслѣдованія „О колонизаціи восточной Россіи до до XVII-го вѣка“ и для „Исторіи культуры сѣверо-восточной Россіи“. Подъ очерками изъ исторіи народнаго просвѣщенія, очевидно, разумѣются „Очерки народнаго русскаго міросозерцанія“, которые впоследствии передѣланы, дополнены и напечатаны въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1863 г., кн. I—VI.

Въ 1859 и 1860 годахъ, Шаповъ читалъ студентамъ академіи, между прочимъ, такія лекціи: а) Объ удѣльномъ періодѣ или областномъ онъ составилъ чрезвычайно живой, свѣжей очеркъ, положивъ въ основаніе идею самостоятельнаго образованія княжествъ или земель, съ ихъ отличительными особенностями, съ колонизаціоннымъ саморазвитіемъ и общинной автономической жизнью; при этомъ онъ почти не касался взаимныхъ отношеній удѣльныхъ князей и вражды ихъ между собою. На этотъ предметъ онъ посвятилъ лекціи три. б) По славяно-русской миеологіи читалъ талантливый очеркъ съ замѣчательно систематическимъ построеніемъ русскихъ миеовъ; это сочиненіе онъ переработалъ и улучшилъ во время чтенія лекцій въ университетѣ. Въ академіи онъ читалъ пространно и въ безпорядочномъ видѣ о миеологіи въ связи съ очерками христіанскаго міросозерцанія; потомъ выдѣлилъ послѣдній вопросъ и разработалъ особо. в) Очерки народнаго міросозерцанія, которые послыалъ въ 1860 году въ „Русское Слово“. г) Лекціи двѣ-три посвятилъ на сообщеніе свѣдѣній о земскихъ соборахъ и особенно долго остановился на соборѣ 1642 г. по дѣлу объ отдачѣ Азова Турціи. Наконецъ, д) Объ областяхъ въ смутное время читалъ въ разные періоды отрывками; началъ онъ эти лекціи любимымъ своимъ изображеніемъ, какъ царевна Ксенія Годунова сидѣла у косящата окна, блистая своей красотой, и распѣвала жалобныя пѣсни; читалъ онъ это описаніе съ большимъ восторгомъ и со слезами на глазахъ.

Въ каникулы 1859 г. я навѣстилъ Шапова, который сидѣлъ заперти, весь обвязанный полотенцемъ, и лечился въ теплой комнатѣ; въ квартирѣ его я нашелъ еще болѣе безпорядка и неряшества, чѣмъ прежде, а соловецкихъ рукописей биткомъ было набито во всѣхъ углахъ. Я бралъ у него для справокъ нѣсколько рукописей и долго бесѣдовать съ нимъ опасался, видя его тяжелое болѣзненное состояніе; впрочемъ, и въ это время онъ занимался упорно, съ утра до полночи, надъ разработкою вопроса о колонизаціи сѣверо-восточнаго края. Я. Г. Рождественскій посѣтилъ Шапова въ слѣдующемъ

году, когда онъ былъ уже приглашенъ приватно въ университетъ, хотя жилъ все еще въ академическомъ флигелѣ, и вотъ что пишетъ: „Въ квартирѣ его я нашелъ страшную грязь и пыль; на полу въ залѣ наваленъ былъ въ углу цѣлый ворохъ „Полн. Собранія Законовъ Рос. Имп.“. Аванасій Прокофьевичъ принялъ меня какъ товарища; мы разговорились съ нимъ о предметѣ общихъ нашихъ занятій—объ исторіи; указывая на груды „Собранія Законовъ“, онъ замѣтилъ: „Вотъ главный, неисчерпаемый и ничѣмъ незамѣнимый источникъ для русской исторіи“. Потомъ онъ перешелъ къ своему взгляду на смыслъ древней русской исторіи и доказывалъ, что Русь стремилась къ федераціи, что федерація есть единственная плодотворная форма народной жизни. Въ заключеніе Шаповъ просилъ меня заняться отыскиваніемъ и собираніемъ въ Вяткѣ мѣстныхъ памятниковъ, преданій и народныхъ пѣсенъ“.

Въ началѣ августа 1860 г., Нилъ Ал. Поповъ писалъ, что тогда Шаповъ трудился надъ изслѣдованіемъ исторической этнографіи Россіи и изучалъ историко-географическую основу областнаго дѣленія Великороссіи и занятъ былъ исторіей колонизаціи сѣверной и восточной Россіи. Отрывки изъ этихъ сочиненій онъ послалъ для напечатанія въ „Русское Слово“ и, кромѣ того, туда же отправилъ восемь статей изъ „Очерковъ легендарно-эпического міросозерцанія русскаго народа“. Но редакторы этого журнала почему-то не заблагодарасудили ихъ помѣстить, вѣроятно, по той простой причинѣ, что вообще не любили ученыхъ статей.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ мы можемъ извлечь несомнѣнный выводъ, что у Аванасія Прокофьевича къ 1861 году накопилось въ рукописяхъ, по крайней мѣрѣ, до 15-ти большихъ капитальныхъ изслѣдованій по русской исторіи. Такими можно считать слѣдующія:

- 1) „Очерки славяно-русской миеологіи“.
- 2) „Очерки изъ исторіи народнаго легендарно-эпического міросозерцанія“.
- 3) „Колонизація сѣверо-восточной Россіи“.
- 4) „Очерки исторіи культуры“.
- 5) „Историко-географическое распредѣленіе русскаго народа“.
- 6) „Историко-географическая основа областнаго дѣленія Великороссіи“.
- 7) „Историко-этнографическій складъ русскаго народонаселенія“.
- 8) „Взглядъ на расколъ и его земское значеніе“.
- 9) „Экономическое состояніе Россіи въ старинное время“.
- 10) „Значеніе областнаго элемента въ русской исторіи и конфедеративное устройство Россіи“.
- 11) „Самоуправленіе народное въ древней Россіи“.
- 12) „О древнемъ удѣльномъ періодѣ“.
- 13) „О русскихъ земскихъ соборахъ“.
- 14) „Великорусскія области и смутное время“.

Большая часть этих вопросов подробно была исследована и основательно рѣшена Шаповымъ, какъ это убѣдительно доказываетъ его „Программа исторіи русскаго народа“ и вступительная лекція въ университетѣ. Достойно сожалѣнія, что множество лекцій и разныхъ сочиненій его, приготовленныхъ до 1861 г., погибло безвозвратно отъ невниманія людскаго. Когда Шаповъ увезенъ былъ въ Петербургъ, всѣ его тетради опечатаны были въ шкафѣ, а на все оставшееся имущество предъявилъ права собственности кредиторъ и товарищъ его Я. В. Рудольфовъ. Когда послѣдній умеръ, то пріѣхалъ изъ Саратова его братъ, священникъ Рудольфовъ, забралъ изъ академической кладовой всѣ оставшіяся вещи послѣ покойника и въ томъ числѣ бумаги Шапова и уѣхалъ къ себѣ въ приходъ. Надо полагать, что всѣ онѣ давно пошли подъ пироги...

VI.

Приглашеніе Шапова временно читать лекціи въ университетѣ.—Вступительная лекція.—Увлеченія студентовъ университета.—Уровень большинства ихъ развитія въ 1860 г.—Положеніе и дѣятельность Шапова въ новой сферѣ.—Желаніе его заниматься въ Москвѣ и Петербургѣ.—Забота о современныхъ преобразованіяхъ.—Бунтъ крестьянскій въ с. Безднѣ.—Панихида по убитымъ.—Слѣдствія этой манифестаціи.—Высылка Шапова изъ Казани.

Въ 1860 году 3-го августа, исправляющій должность адъюнкта русской исторіи, Нилъ Александровичъ Поповъ, перемѣщенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія изъ Казани въ московскій университетъ на ту же должность. Передъ своимъ отъѣздомъ 10-го августа, онъ рекомендовалъ историко-филологическому факультету въ преемники себѣ бакалавра казанской духовной академіи А. П. Шапова, приблизительно въ такомъ представленіи:

„Оставляя казанскій университетъ, считаю своимъ долгомъ указать историко-филологическому факультету на г. Шапова, какъ на ученаго, который можетъ принести большую пользу гг. студентамъ, если университетъ пригласить его преподавателемъ на кафедру русской исторіи. Какъ ручательство въ достоинствѣ его научныхъ свѣдѣній, могу назвать здѣсь, кромѣ извѣстнаго сочиненія „Русскій расколъ старообрядства“, имѣвшаго два изданія, еще слѣдующія, помѣщенные въ „Православномъ Собесѣдникѣ“: а) „О способахъ духовнаго образованія въ древней Россіи“, б) „Лука Конашевичъ“, с) „Арсеній Грекъ“, d) „Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей“, е) „Русская церковь въ сѣверномъ Поморьѣ“.

„Всѣ эти сочиненія, относящіяся преимущественно къ исторіи русской церкви, касаются многихъ сторонъ общественной и государственной жизни Россіи; а потому, кромѣ своихъ специальныхъ достоинствъ, представляютъ нѣкоторые данныя и вообще для русской исторіи. Мнѣ извѣстно также, что г. Шаповъ посвящаетъ свои труды изслѣдованіямъ по части исторической этнографіи Россіи; такъ, онъ занятъ теперь изученіемъ историко-географической основы областного дѣленія Великороссіи и колонизаціи сѣверной и восточной Россіи. Отрывки изъ этихъ изслѣдованій посланы имъ для напечатанія въ редакцію „Русскаго Слова“, куда также отправлены еще „Очерки изъ исторіи народнаго легендарно-эпического міросозерцанія“; всѣхъ очерковъ восемь. Большая часть изданныхъ, а равно и всѣ неизданные труды г. Шапова внесли въ русскую историческую литературу много свѣдѣній, до тѣхъ поръ бывшихъ неизвѣстными и скрытыми въ рукописныхъ источникахъ, которые онъ первый открылъ и разработалъ.

„Но чтобы имѣть полное понятіе о томъ взглядѣ, какой имѣетъ г. Шаповъ на русскую исторію отъ ея начала до конца, необходимо предложить ему доставить въ факультетъ программу общаго курса, который бы онъ могъ прочесть въ университетѣ, въ случаѣ приглашенія его въ преподаватели. Въ духовной академіи курсъ русской исторіи дѣлится на два: курсъ церковной исторіи и курсъ гражданской. Въ университетскомъ преподаваніи такого раздѣленія быть не можетъ; и потому при разсмотрѣніи программы г. Шапова необходимо имѣть въ виду соразмѣрность обоихъ отдѣловъ относительно цѣлага“.

Историко-филологическій факультетъ 10-го сентября согласился съ представленіемъ Н. А. Попова и вошелъ съ ходатайствомъ въ совѣтъ, чтобы г. Шаповъ, извѣстный своими сочиненіями по исторіи русской церкви и неизвѣстный еще, какъ специалистъ по гражданско-отечественной исторіи и какъ педагогъ, прикомандированъ былъ къ университету сначала на одинъ годъ, въ качествѣ временнаго преподавателя, съ производствомъ ему адъюнктскаго жалованья, съ слѣдующей оговоркой: „Если г. Шаповъ окажется достойнымъ преподавателемъ русской исторіи, то, по истеченіи настоящаго учебнаго года, факультетъ будетъ ходатайствовать предъ совѣтомъ о совершенномъ перемѣщеніи его на кафедру русской исторіи; въ противномъ случаѣ будетъ искать другое лицо для ея замѣщенія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ факультетъ просилъ совѣтъ ускорить дѣломъ и начать преподаваніе съ разрѣшенія г. попечителя, не дожидаясь опредѣленія министра народнаго просвѣщенія.

Въ засѣданіи 17 сентября 1860 года, совѣтъ университета произвелъ баллотировку г. Шапова во временные преподаватели русской исторіи; избирательныхъ шаровъ оказалось 15, не избирательныхъ 5. Когда извѣстили о выборахъ Шапова и пригласили его

преподавателемъ на годъ, на извѣстныхъ условіяхъ, — онъ увѣдомилъ декана факультета 3-го октября, что онъ согласенъ, съ разрѣшенія начальства казанской духовной академіи, временно преподавать русскую исторію въ университетѣ и при этомъ представилъ подробную программу своихъ чтеній.

Министръ народнаго просвѣщенія прикомандировалъ Шапова въ казанскому университету 26-го октября, а 7-го ноября увѣдомилъ объ этомъ членовъ факультета исправлявшій тогда должность ректора профессоръ А. М. Бутлеровъ.

Но такъ какъ переходу Шапова въ университетъ могло воспрепятствовать начальство духовной академіи, то казанскій попечитель князь П. П. Вяземскій постарался предварительно уладить это дѣло, заручившись согласіемъ ректора Іоанна. Нужно отдать честь князю Вяземскому, что онъ скоро оцѣнилъ достоинства Афанасія Прокофьевича и сталъ въ отношенія къ нему близкія и человѣчныя.

Но вотъ пришло ожидаемое 11-е ноября, день, въ который назначена была вступительная лекція въ университетѣ Шапова; ни одна изъ большихъ аудиторій не могла вмѣстить слушателей и всѣ принуждены были перейти въ большую актовую залу. Многіе изъ студентовъ пришли слушать его съ большимъ предубѣжденіемъ и разсуждали съ пренебреженіемъ: „Что можетъ сказать путнаго семинарь-схоластикъ?“ Но Афанасій Прокофьевичъ быстро озадачилъ ихъ своей величественной и вмѣстѣ простой фигурой и поразилъ новой оригинальной лекціей и вдохновенной рѣчью. Успѣхъ вступительной лекціи былъ громаднѣй и неожиданный: попечитель, профессора, лица изъ публики и студенты пришли въ восторгъ — и зала потряслась отъ рукоплесканій. Заглавіе этой лекціи: „Общій взглядъ на исторію великорусскаго народа“ не знакомитъ прямо съ ея содержаніемъ, въ основаніи котораго лежало начало областности; точнѣе говоря, лекція посвящена была „обозрѣнію общинно-колони-заціонной и земско-союзной исторіи великорусскаго народа“. Вступительная лекція въ переработкѣ вошла въ статью „Великорусскія области и смутное время“. Самъ Шаповъ охарактеризовалъ предварительно вкратцѣ предметъ своей лекціи слѣдующими словами:

„Русская исторія, въ самой основѣ своей, есть по преимуществу исторія различныхъ областныхъ массъ народа, исторія постоянного территориальнаго устройства, разнообразной этнографической организаціи, взаимодѣйствія, борьбы, соединенія и разнообразнаго политическаго положенія областей до централизаціи и послѣ централизаціи. Только въ русской исторіи вы встрѣтите своеобразное территориальное и этнографическое самообразование областей путемъ колонизаціи. Разнообразныя областныя лѣтописи долго будутъ повѣствовать вамъ про вѣковую особную, самобытную, раздѣльную жизнь и взаимную борьбу областей. Потомъ московская лѣтопись заговоритъ о развитіи громадной государственной географической централизаціи московской,

а въ областныхъ лѣтописяхъ раздается самый энергическій протестъ, вопль областныхъ жителей противъ насилія москвичей, противъ централизаціи, противъ собиранія русской земли“.

„Такъ, областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую вѣковую борьбу съ соединительной, централизирующей силой государства; онъ многозначительно выразился въ смутное время, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ, проявился на земскихъ сборахъ XVII вѣка, сказался въ разнообразныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству втеченіе всего XVIII-го и въ началѣ XIX-го столѣтія, во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій; онъ возбудилъ въ либеральныхъ умахъ, въ знаменитое время тайныхъ обществъ, разные планы и проекты относительно конституціоннаго устройства областей и т. под.

„И мы, изучая русскую исторію, оставляемъ почти безъ всякаго вниманія этотъ областной элементъ, сколько загадочный, столько же, быть можетъ, зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи!..“

Лекція представляла мастерской очеркъ и совершенно самобытный обзоръ исторической русской жизни съ древняго времени до освобожденія крестьянъ. Но не однимъ богатствомъ и новостью мыслей, не одной самостоятельной разработкой и по мѣстамъ художественнымъ изложеніемъ и прочувствованнымъ пересказамъ лекція Шапова произвела потрясающее дѣйствіе на студентовъ: большинство изъ нихъ очарованы были необычайной энергіей и силой убѣжденія доцента, его свободой и независимостью возрѣвній и живымъ энтузіазмомъ. Послѣ вступительной лекціи, нѣкоторые изъ студентовъ-филологовъ отправились къ Шапову на квартиру въ академію засвидѣтельствовать ему свое почтеніе и выразить удовольствіе по поводу первой лекціи. Онъ встрѣтилъ ихъ въ пол-пьяна, хотя (уже выпавшись, и остался весьма доволенъ, что они пришли къ нему на поклонъ. „Съ этихъ поръ, говорить юный тогдашній слушатель, г. Шаповъ сдѣлался идоломъ студенческой массы: по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ ажитація въ средѣ студентовъ не могла улечься... Пока онъ занималъ кафедру русской исторіи, онъ царилъ въ университетѣ; каждое его появленіе на кафедрѣ было своего рода триумфомъ; когда онъ читалъ лекціи, всѣ аудиторіи пустѣли, городская публика стремилась послушать „знаменитость“ на кафедрѣ, какъ сбѣгается слушать „знаменитость“ на сценѣ.. Одно время во всемъ городѣ только и рѣчи было, что о Шаповѣ, а о студентахъ и говорить нечего: они ходили какъ ошалѣлые отъ восторга ¹⁾“.

¹⁾ См. подробности о первой лекціи Шапова въ сборникѣ „Первый Шагъ“. Каз. 1876 г., стр. 404—413.

Нѣтъ сомнѣнія, что увлеченіе студентовъ университета Щаповымъ было искреннее; но оно отзывалось дѣтствомъ, искусственностью и какимъ-то кокетствомъ съ наукой. Они восторгались и носились съ своими собственными фантазіями больше, чѣмъ стремились на лекціи русской исторіи съ задушевнымъ желаніемъ—изучать судьбы своего отечества. Поэтому, дѣйствительно, къ нимъ очень идетъ выраженіе: „ходили какъ ошалѣлые отъ восторга“..

Студенты академіи не только не доходили до такого одурѣнія, какое изображаетъ первокурсникъ, отъ лекцій Щапова, но даже относились къ лучшимъ его изслѣдованіямъ критически и задавали ему частыя головомойки и за непосѣщеніе лекцій, и за ихъ чтеніе небрежное. Тогдашніе студенты университета стояли ниже по развитію сравнительно съ студентами академіи. И это не предположеніе или предубѣжденіе, а несомнѣнный фактъ, подтверждаемый многими, не исключая и самихъ университетскихъ студентовъ прежняго времени.

Многіе изъ нихъ не читали солидныхъ сочиненій, на лекціи не обращали никакого вниманія и только усердно занимались разнуженіемъ списковъ секретной литературы. Имъ нужны были обаятельныя и раздражающія фразы, какими тогда прославился профессоръ кievскаго университета П. В. Павловъ. Получивъ подробныя свѣдѣнія о характерѣ его чтеній, очаровательныхъ для кievскихъ слушателей,—студенты казанскіе рѣшились залучить его къ себѣ и писали ему коллективное письмо, приглашая на кафедрѣ русской исторіи. Очевидно, эти верхогляды не могли обратить вниманія на талантливаго труженика—Щапова, будто бы потому, что „извѣстность и популярность этого ученаго были еще незначительны“. Правда, Щаповъ занимался въ академіи серьезно наукой и не могъ прославиться, какъ задорный публицистъ, не рискуя потерять уваженіе духовныхъ студентовъ; но зато многіе профессора и дѣльные студенты университета хорошо знали его, какъ отличнаго преподавателя русской исторіи, даровитаго ученаго и самостоятельнаго изслѣдователя старины. Къ тому же онъ ежегодно печаталъ сочиненія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ интереснѣе и замѣчательнѣе: надо только удивляться, какъ не знали студенты его живой и современной рѣчи о несвободныхъ людяхъ! Серьезные студенты университета не только давно знали Щапова, но постоянно ходили къ нему еще съ 1857-го года съ цѣлью поучиться, побесѣдовать о своихъ занятіяхъ или воспользоваться совѣтомъ насчетъ сочиненія; особенно часто навѣщали его студенты изъ сибиряковъ и всѣхъ онъ принималъ радушно. Если же Щапова не знали, то это были какіе-нибудь наивные первокурсники и юные мечтатели, цѣнившіе людей по фразамъ, или студенты, погруженные совсѣмъ въ рѣзаніе кадаверовъ.

Изъ „Воспоминаній казанскаго студента“ ясно видно, какая ничтожная была подготовка у студентовъ, которые не могли понимать лекціи по „энциклопедіи законовѣдѣнія“ и даже не въ состояніи

были отличать субъектъ отъ объекта ¹⁾). Пропитанные своими фантастическими планами и мечтами, они замыслили ввести прелестный строй въ Россію и водворить небо на землѣ; а между тѣмъ, при отсутствіи запаса знаній и самой малой опытности, они очутились въ рукахъ ловкихъ поляковъ передъ повстаньемъ, какъ восковыя булки.

Вотъ что пишетъ Я. Г. Рождественскій о бесѣдѣ своей съ бывшимъ слушателемъ Щапова, который припомнилъ о времени своего образованія:

„Берви былъ студентомъ казанскаго университета, когда читалъ лекціи Щаповъ, и хотя слушалъ математическія науки, но посѣщалъ и лекціи его, и бывалъ у него на квартирѣ. О характерѣ чтеній Аванасія Прокофьевича Берви замѣтилъ, что дикція его была чрезвычайно плоха, но онъ увлекалъ студентовъ неслышанной своей откровенностью, искренностью и смѣлостью; говорилъ открыто о лицахъ и событіяхъ все, что самъ зналъ. Разъ въ концѣ чтенія онъ заявилъ, что на слѣдующей лекціи станетъ говорить о декабристахъ. Само собою разумѣется, что 7-я аудиторія къ назначенному часу была биткомъ набита; едва успѣлъ Щаповъ взойти на кафедру, растворилась дверь, вошелъ помощникъ попечителя Тихомандрицкій и занялъ мѣсто. Наступила мертвая тишина... Лекторъ при неожиданности немного растерялся: досталъ изъ кармана бумажку, на которой написанъ былъ конспектъ, повертѣлъ ее въ рукахъ и опять положилъ въ карманъ; потомъ опять вынулъ конспектъ и тотчасъ заявилъ, что лекція его имѣетъ предметомъ исторію декабристовъ... Онъ началъ говорить съ такою свободой и о такихъ подробностяхъ, какъ будто дѣло шло о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ между близкими пріятелями; эту лекцію Щаповъ заключилъ стихами:

Иной возстанетъ грозный мститель,
Иной родится мощный родъ:
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющій народъ!

„Восторженный взрывъ рукоплесканій и криковъ пронесся словно буря съ трескомъ и гуломъ и проводилъ смѣльчава-доцента.

„Эта-то искренность, по словамъ Берви, подкупала къ нему молодежь, заставляла ее съ удивленіемъ и восторгомъ слушать лекціи. Но и помимо лекцій, Щаповъ привлекалъ студентовъ простыми и добрыми свойствами своей натуры; въ отношеніи студентовъ у него никогда ничего не было завѣтнаго и тутъ онъ вправѣ могъ бы приложить къ себѣ выраженіе Василія Буслаева: „Кто хочетъ пить и есть готовое, валися къ Васькѣ на широкій дворъ“!..

Въ квартиру къ нему былъ свободный доступъ для всѣхъ студентовъ безъ исключенія; каждый изъ нихъ могъ у него ѣсть, пить, брать книги, вызывать хозяина на разговоръ и споръ. Берви пом-

¹⁾ „Первый Шагъ“, стр. 384—5, 388, 404.

нить, какъ Шаповъ продалъ Дубровину 2-е изданіе книги „Расколъ старообрядства“, кажется, за двѣ тысячи рублей. Эти деньги быстро пошли въ дѣло: втеченіе нѣсколькихъ недѣль у Шапова безвыходно хозяйничали студенты и самъ онъ не ходилъ на лекціи, пока не исчезли всѣ деньги. Берви прибавилъ, что „въ его время между студентами было очень много совершеннѣйшихъ мальчишекъ по умственному и нравственному развитію, которые не имѣли понятія о нравственной деликатности; они безцеремонно осаждали Шапова, ужъ конечно не ради любознательности, а съ цѣлями другаго сорта“...

По словамъ Берви, лекцій за Шаповымъ никто не записывалъ, да и едва ли возможно было это сдѣлать, по причинѣ несносной дикціи его, а самъ онъ лекцій не выдавалъ; поэтому удивительно, какъ и по чему бы стали студенты готовить къ экзаменамъ лекціи по русской исторіи.

Наконецъ, Берви сообщилъ слѣдующій интересный фактъ: когда студенты университета восторгались Шаповымъ, чуть не распинаясь передъ нимъ во время свободныхъ и смѣлыхъ лекцій, — студенты академіи были весьма недовольны имъ: они упрекали его въ небрежномъ отношеніи къ дѣлу, выставляли на видъ, что онъ, вмѣсто научныхъ изслѣдованій, какъ мальчишъ гоняется за либеральными фразами...

Такіе справедливыя упреки студентовъ академіи глубоко раздражали его, сбившагося съ прямой своей дороги, и шевелили безцеремонно боль его сердечную, отъ которой лекарство и отраду онъ сталъ искать въ кругу своихъ поклонниковъ—студентовъ университета. Съ ними онъ исключительно бесѣдовалъ о широкихъ планахъ современнаго устройства отраслей государственнаго управленія Россіи, переработки всего юридическаго и экономическаго порядка и улучшенія народной жизни. Крестьянская реформа наэлектризовала Шапова до послѣдней степени, и надо было ожидать если не громоваго удара, то сильнаго треска; своимъ страстнымъ увлеченіемъ и порывистой энергіей, страшной силой убѣжденія и непреклоннаго характера, необычайной задухновеніемъ и горячей любовью къ народу онъ электризовалъ и студентовъ. Онъ часто плакалъ и на кафедрѣ, и дома, когда запальчиво рассуждалъ о современныхъ страданіяхъ русскаго простонародья и о его горько-слезной минувшей судьбѣ; его рѣчи въ дрожь бросали студентовъ и вызвали на глаза слезы. Вотъ почему Шаповъ явился въ ихъ возрѣвннн не только модной диковинкой для развлеченія, рѣдкимъ и рьянымъ ученымъ, но и организаторомъ будущаго прочнаго устройства нашего отечества и пламеннымъ пророкомъ народнаго благоденствія. Если бы онъ оставался въ духовной академіи, при прежнихъ основательныхъ умственныхъ работахъ, изъ него вышелъ бы современемъ одинъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ русскихъ людей.

Но въ лихой, видно, часъ сдружился Афанасій Прокофьевичъ съ университетомъ, который невольно и бессознательно, съ самымъ искреннимъ сочувствіемъ, при громѣ рукоплесканій, повелъ его по прямой дорогѣ къ гибели!..

Я говорю это не съ цѣлью оправдать Щапова и всю вину свалить на университетъ, но желаю только показать, что новая сфера содѣйствовала въ немъ развитію интереса къ политикѣ, подталкивала на задорное вмѣшательство въ современныя преобразованія. Я желаю разъяснить, почему Щаповъ не могъ продержаться въ университетѣ болѣе полугода. Прежде, обыкновенно, всю вину сваливали на дьявола, а теперь принято обвинять во всемъ внѣшнюю среду и обстоятельства; но въ исторіи Щапова прежде всего является причиной гибели онъ самъ, съ своимъ дикимъ правомъ и непростительнымъ упорствомъ, а среда и настрой времени только разжигали его ребяческое сердце, кипятили и безъ того необузданную натуру.

Время появленія Щапова на университетской кафедрѣ было критическимъ даже для опытныхъ профессоровъ русской исторіи, а не только для такого податливаго и совершенно неопытнаго молодого ученаго. Это была пора крайнихъ увлеченій русской молодежи (да и не одной молодежи!), которая вошла въ роль цѣнителя ученыхъ талантовъ и раздавателя лавровыхъ вѣнковъ профессорамъ. Громъ рукоплесканій и овціямъ студенческихъ куреній оглушилъ и оуманилъ Щапова, но онъ не подозрѣвалъ, что весь этотъ мишурный блескъ и фальшивый трескъ онъ долженъ купить цѣною свободы и самостоятельности своихъ ученыхъ работъ, что теперь не самъ онъ будетъ руководителемъ занятій студентовъ, а они станутъ распоряжаться даже его выборомъ предмета для лекцій. Студентамъ тогдашняго времени, особенно множеству вольнослушающихъ недоучекъ, нужны были не ученые лекціи, а громкія забиравательныя фразы.

Молодой ученый, знавшій минувшую жизнь нашихъ предковъ, началъ сообщать на лекціяхъ очерки міеологии и свѣдѣнія о древне-русскомъ народномъ міросозерцаніи; но эти прекрасныя ученія и живыя чтенія совсѣмъ не пришлись по вкусу студентамъ, потому что не били въ цѣль современнаго либерализма. И вотъ нѣкоторые изъ нихъ, недолго думая, сразу порѣшили, что Щаповъ долженъ взять другой, болѣе свѣжій предметъ и читать лекціи въ уровень съ иностранной наукой, т. е. отыскивать въ прошломъ русскомъ черты европейской жизни, въ родѣ вопроса о конституціи или „Исторіи развитія революціонныхъ идей въ Россіи“. Неопытный и горячій доцентъ дѣйствительно поддался на эту острую удочку и, вмѣсто научнаго изслѣдованія, вступилъ на скользкій, незнакомый ему путь современной политики и преобразованій. Впрочемъ, онъ поддался опасному искушенію не вдругъ: сперва попробовалъ не ходить въ университетъ на лекціи и не соглашался на убѣжденія студентовъ, а потомъ скоро соскучился по восторженной аудиторіи, гармонировав-

шей съ настроеніемъ его горячаго сердца. Тогда онъ сдѣлалъ уступку, хотя не вполнѣ, именно: онъ распредѣлилъ лекціи поочередно, одну взялъ для преподаванія стариннаго міросозерцанія и суевѣрія, а другую для чтенія новой исторіи въ либеральномъ духѣ. Но эта жалкая уступка, какъ и слѣдовало ожидать отъ зазнавшейся молодежи, повела скоро еще къ худшему; стали раздаваться недовольные голоса: „къ чему онъ намъ читаетъ какую-то чепуху о міросозерцаніи? Пускай онъ ее броситъ и каждую лекцію посвящаетъ современнымъ русскимъ живымъ интересамъ!..“ Тогда поднялся невообразимый гвалтъ между студентами! Начали собираться сходки, совѣщанія и приговоры, пошли въ ходъ депутаціи съ разными предложеніями; студенты перессорились и раздѣлились на партіи, да, говорятъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ натравливалъ на Шапова одинъ изъ недоброжелательныхъ ему университетскихъ товарищей. Во время этого гама и кутерьмы, составилъ кружокъ независимыхъ студентовъ, которые стали доказывать, что взглядъ на исторію у Аенасія Прокофьевича ложный, что вся его теорія есть вздоръ и фантазія и совсѣмъ не оправдывается фактами. Долго кричали, спорили и порѣшили вызвать его на состязаніе въ частную квартиру, гдѣ кругъ студентовъ будетъ развивать его изслѣдованія, а онъ обязанъ защищать ихъ фактически. Шаповъ обѣщался явиться вечеромъ на этотъ безпримѣрный диспутъ въ толпѣ студентовъ, но почему-то не пришелъ на сходку, что постарались объяснить его ученой слабостью и опасеніемъ неудачи въ спорѣ. Всѣ эти неприятности сильно раздражили Шапова и онъ серьезно грозилъ бросить университетъ, прекративъ тамъ чтеніе лекцій; но знакомые его студенты убѣдили не обращать вниманія на мелочныя выходки и ласково уговорили продолжать съ ними занятія. Тогда, опасаясь слишкомъ увлечься на поприщѣ свободныхъ чтеній открыто въ аудиторіи, онъ иногда въ угоду студентамъ писалъ особаго приготовленія и отгѣнка лекціи и читалъ ихъ на сходкахъ. Немудрено, что онъ, по заключеніи связи съ университетомъ, забылъ о своихъ грандіозныхъ ученыхъ планахъ и забросилъ даже тѣ знакомые пути, по которымъ прежде вѣрнымъ шагомъ шелъ къ дорогимъ умственнымъ открытіямъ.

Очевидно, эту погоню за двумя зайцами онъ не могъ не сознавать съ горечью; это раздвоеніе между наукой исторіи и между искусствомъ политики не могло не отзываться томительной тяжестью на его сердцѣ. Оставалось или взяться за умъ и идти научной прямой дорогой, или броситься очертя голову по стремнинамъ, пока столкнутъ въ пропасть. При такомъ безвыходномъ настроеніи, психическое состояніе его становилось безотраднымъ; онъ дѣлался раздражительнѣе и мрачнѣе, пробовалъ злобными и рѣзкими выходками успокоить свою душу, но напрасно... Недовольство его еще болѣе возросло отъ горькаго сознанія, что, пожиная дешевые лавры въ кругу студентовъ, самъ онъ еще далеко не доучился до прочнаго положе-

нѣя профессора; какъ ни слѣпила ему глаза блестящая слава, онъ хорошо могъ разглядѣть крайнюю односторонность собственнаго образованія. Такой двойной мучительный гнетъ заставлялъ его чаще бросаться въ омутъ пьянства, чтобы какъ-нибудь заглушить давящую его тоску и досаду...

Сознавая нѣкоторые изъ своихъ недостатковъ и желая многому поучиться, Шаповъ сильно стремился въ Москву и Петербургъ для занятій; поэтому сталъ хлопотать въ университетѣ о командировкѣ его и 12-го апрѣля подалъ факультету прошеніе слѣдующаго содержанія:

„Осмѣливаюсь покорнѣйше просить историко-филологическій факультетъ командировать меня, на предстоящее вакантное время, въ Москву и С.-Петербургъ для наиболѣе полной научной подготовки къ преподаванію русской исторіи въ казанскомъ университетѣ.

„Поѣздку въ столицы я нахожу крайне необходимою. Не получивъ университетскаго образованія и не слушавъ исторіи въ русскихъ университетахъ, я считаю полезнымъ познакомиться съ другими профессорами русской исторіи, какъ напр., Соловьевымъ, Костомаровымъ и съ ихъ практическимъ методомъ преподаванія.

„Для этой же цѣли мнѣ крайне необходимо заняться—въ Москвѣ въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, извлечь, что найду нужнымъ, изъ библиотекъ московскихъ: университетской, академической и другихъ; въ Петербургѣ главнымъ образомъ заняться въ публичной библиотекѣ и въ археографической комиссіи.

„Такъ какъ давно слышно, что публичная библиотека въ Петербургѣ будетъ скоро закрыта по случаю перестройки, то осмѣливаюсь покорнѣйше просить командировать меня въ поѣздку тотчасъ по открытіи навигаціи, если это будетъ признано нужнымъ“.

Но командировка эта не могла состояться, потому что въ концѣ того же мѣсяца Шаповъ высланъ былъ изъ Казани на казенный счетъ, помимо распоряженій университетскаго начальства, и долженъ былъ навсегда распроститься съ должностью профессорской. Опасная игра, которую онъ повелъ въ современные вопросы со студентами университета, при его вспыльчивомъ и упорномъ нравѣ, постепенно развивалась съ усиленнымъ азартомъ. Какъ фанатикъ своихъ убѣжденій, онъ привыкъ высказывать ихъ не стѣсняясь; если бы даже грозили ему страданія за откровенность, онъ не посмотрѣлъ бы на нихъ, а только закалился бы въ своемъ стремленіи. Вотъ представился случай показать силу своего убѣжденія и явиться передъ студентами героемъ новыхъ идей—и онъ не задумался передъ страшнымъ прыжкомъ, сгубившимъ благосостояніе всей его жизни и разцвѣтъ его умственной дѣятельности. Такъ минутное торжество безцѣльной политики убило на-повалъ развитіе науки!

Применувъ къ университету, Аѳанасій Прокофьевичъ во всѣхъ своихъ лекціяхъ и статьяхъ старался проводить идеи о современныхъ

преобразованіяхъ и стать публицистомъ. Въ Казани онъ уже выработалъ полно и широко свой цѣльный взглядъ на историческое движеніе русской жизни и выразилъ его въ „Ученой бесѣдѣ“, которую читалъ въ частномъ собраніи студентовъ университета 1861 г. Идея и планъ ея тѣ же, какія развиты имъ въ другихъ сочиненіяхъ, только въ „Ученой бесѣдѣ“ ведется вопросъ о правильной постановкѣ современныхъ реформъ на древне-русскихъ началахъ.

„Клянусь, писалъ онъ, безъ основательнаго, жизненнаго пониманія исторіи нашего народа, безъ историческаго и историко-этнографическаго самосознанія, мы вдругъ не создадимъ полной реформы, которая обошлась бы безъ бунтовъ, удовлетворила бы всему народу или, вѣрнѣе, всѣмъ народамъ... Напрасно мы будемъ льстить себя надеждой создать что-нибудь новое или поддерживать отжившее, наперекоръ историческимъ основаніямъ; даже гениальное творчество, равно какъ и самая фанатическая любовь къ старинѣ, должны волей-неволей подчиниться закону исторической послѣдовательности... Наперекоръ исторической организаціи и жизни нашего народа, мы не создадимъ ничего прочнаго, новаго, не улучшимъ вдругъ быта нашего народа,—многое даже можемъ испортить, какъ и были уже опыты въ нашей исторіи. Мы только, при лѣнливомъ и во многихъ отношеніяхъ еще непочатомъ изученіи бытовой, внутренней исторіи нашего народа, мы только не знаемъ еще тайны потребностей, инстинктовъ, желаній вѣковыхъ исканій нашего народа. А народъ выразилъ ихъ уже въ своей прожитой исторіи, выразилъ нестройно, несладко, только лишь естественно, потому что не доставало искусственности и рациональности, той европейской рациональности, какую долженъ былъ внести въ Россію Петръ Великій. Онъ внесъ это вспомогательное, существенно необходимое, начало нашей новой исторической жизни. Оно, хотя и сквозь уродливыя, нестройныя историческія формы конца XVII и начала XVIII столѣтія, но внеслось, видѣлось въ нашу жизнь и дало ей европейское направленіе. И значеніе Петра тѣмъ кончено...

„Для Россіи настанетъ пора новаго историческаго, разумно-сознательнаго бытія! И вотъ почему, мнѣ кажется, въ наше время особенно необходимо всестороннее и глубокое историческое самосознаніе наряду съ современнымъ политическимъ самосознаніемъ. Великая всенародная реформа народнаго самоуправленія тогда только удовлетворитъ всѣмъ разнообразнымъ потребностямъ народовъ, населяющихъ Россію, тогда только мирно водворится въ русской землѣ, когда будетъ плодомъ нашего всесторонняго и глубокаго историческаго самопознанія и будетъ согласоваться съ историческимъ духомъ и характеромъ народа. А безъ всесторонняго историческаго самопознанія невозможно глубокое политическое самосознаніе народное; слѣдовательно невозможно правильное и естественное удовлетвореніе всѣхъ его высокихъ, обширныхъ и разнообразныхъ потребностей, развившихся

втеченіе исторіи. Вотъ почему въ наше время жизненно необходимо глубокое и всестороннее изученіе исторической организаціи древней Россіи столько же, какъ и изученіе новой Россіи. Послѣдняя органически связана съ древней. Элементы древняго быта Россіи еще глубоко коренятся во многихъ слояхъ нашего современнаго общественнаго слоя... Недаромъ ученые и поэты молодой Россіи съ особенной симпатіей уносились въ міръ древней Россіи...

И вотъ, при такихъ мирныхъ думкахъ, когда Шаповъ пугался кровавыхъ сценъ при введеніи преобразованій, вдругъ недалеко отъ Казани возникли волненія по случаю освобожденія крестьянъ.

Когда манифестъ 19-го февраля 1861 г. разосланъ былъ по провинціямъ и проникъ въ массы народныя по селамъ и деревнямъ, тогда возникло много недоразумѣній между крестьянами. Каждаго грамотнаго человѣка заставляли читать и толковать непонятныя мѣста, которыхъ встрѣчали весьма много. Естественное дѣло, что крестьяне охотнѣе вѣрили тѣмъ толкователямъ, которые болѣе обѣщали льготъ и выгодъ имъ, въ ущербъ помѣщикамъ; извѣстно, какъ за настоящее прямое толкованіе манифеста мужики сильно отколотили по шеѣ покойнаго П. И. Якушкина, будто онъ не смыслить въ этомъ дѣлѣ; ясно, что у нихъ складывались собственныя своеобразныя объясненія. Къ тому же ожиданіе полной чистой воли отъ государя императора смѣнилось недоувѣріемъ къ манифесту, въ которомъ говорилось о срочномъ обязательномъ выкупѣ крестьянъ отъ помѣщиковъ. Явилось по мѣстамъ подозрѣніе, что настоящая золотая царская грамота спрятана помѣщиками и подмѣнена ими другою—фальшивую, составленную въ ихъ выгодахъ. По поводу этихъ слуховъ возникали сильныя недоразумѣнія и волненія въ Пензенской, Саратовской и Симбирской губерніяхъ; но самый выдающійся бунтъ разгорѣлся въ с. Безднѣ, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи. Тамъ раскольничій начетчикъ Антонъ Петровъ (по другимъ показаніямъ—Варсонофій), воспользовавшись недоразумѣніями между помѣщикомъ и крестьянами, сталъ во главѣ движенія недовольныхъ и еще болѣе подзадоривалъ ихъ къ упрямству и неповиновенію. „Земля Божья, твердилъ онъ, а человѣка Богъ поставилъ надъ дѣлами руку свою, владать землею, водою, звѣрями лѣсными и рыбами морскими. Господа противъ закона Божія хотѣли отбить землю у народа; земля Божья и душа Божья!..“ Собрались войска для усмиренія бунтовщиковъ; Антонъ Петровъ вышелъ къ народу со старой иконой на груди, сталъ на возвышеніе и убѣждалъ не сдаваться, а стоять за правду, какъ одинъ человѣкъ; на это зрѣлище стеклось множество любопытныхъ крестьянъ изъ окрестныхъ селъ взглянуть, чѣмъ кончится дѣло. Начались увѣщанія и убѣжденія; безоружная толпа стояла на своемъ упорно и отвѣчала отказомъ на приглашеніе разойтись; предъявили требованіе, чтобы крестьяне выдали Антона Петрова, какъ главнаго зачинщика бунта, но они не согласились. Сдѣланъ

былъ залпъ изъ ружей — и сразу пало нѣсколько убитыхъ и раненыхъ; тогда толпы народа въ ужасѣ бѣжали въ разныя стороны и бросились черезъ рѣчку, гдѣ многіе потонули второпяхъ, потому что весенній хрупкій ледъ ломался подъ ними.

Когда получена была въ Казани грустная вѣсть о несчастномъ безднинскомъ происшествіи, горькое и тяжелое впечатлѣніе произвела она, особенно въ кругу студентовъ, а Шаповъ впалъ въ страшное волненіе и плакалъ навзрыдъ объ убитыхъ невинно крестьянахъ, называя ихъ страдальцами и мучениками. Виновникомъ избіенія считали неумѣлое начальство, которое не могло говорить и убѣдить простодушныхъ и непонимающихъ людей. Подъ горячимъ впечатлѣніемъ рѣшено было произвести манифестацію, т. е. отслужить торжественную панихиду по невинно убитымъ въ с. Безднѣ, а Шаповъ вызвался приготовить и сказать приличную случаю надгробную рѣчь. Панихида отслужена была послѣ вечерни въ вербное воскресенье, 16-го апрѣля, въ Куртинской городской кладбищенской церкви, а 17-го апрѣля разстрѣляли въ селѣ Безднѣ Антона Петрова. Вотъ подробности, какія сообщаетъ П. В. объ этой панихидѣ, какъ видно, весьма вѣрныя и точныя:

„Народу собралось очень много, преимущественно учащейся молодежи—университетскихъ и академическихъ студентовъ. Богослуженіе отправлялось соборно: двумя священниками и іеромонахомъ, въ сослуженіи діакона и іеродіакона ¹⁾). На краткихъ ектеніяхъ и возгласахъ священнослужители поминали „рабовъ Божиихъ, во смятеніи убійенныхъ“. На вѣрсоѣ пѣли студенты академіи и университета, а вѣчную память прочѣли всѣ присутствовавшіе въ церкви молебщики. По окончаніи панихиды А. П. Шаповъ, взойдя на амвонъ, окруженный студентами, взволнованнымъ голосомъ произнесъ краткую, но весьма одушевленную и содержательную рѣчь, въ которой воснулъ печальной безднинской исторіи. Эта рѣчь, произведшая на слушателей сильное впечатлѣніе и потомъ ходившая во множествѣ списковъ, и погубила энтузіаста-профессора... Что же касается до служившихъ панихиду священнослужителей, то по распоряженію начальства кладбищенскій священникъ былъ переведенъ въ другой приходъ гор. Казани, а дьяконъ вовсе лишенъ былъ мѣста; студенты же академіи, священники, іеромонахъ и іеродіаконъ, принимавшіе участіе въ богослуженіи, рассланы были по разнымъ, болѣе или менѣе отдаленнымъ, монастырямъ“ ²⁾).

Когда нужно было препроводить Шапова въ Петербургъ, попечитель князь Вяземскій, опасаясь волненій студентовъ при его отправкѣ съ жандармами, убѣдилъ доцента ѣхать изъ Казани для оправда-

¹⁾ Священникъ, іеромонахъ и іеродіаконъ были студентами академіи.

²⁾ „Къ біографіи А. П. Шапова“, „Древн. и Нов. Россія“, 1876 г., № 9, стр. 104. Іеродіаконъ Мелетій сосланъ въ миссію въ Восточную Сибирь.

нія передъ высшими властями, не дожидаясь ареста. Щаповъ съ уваженіемъ относился къ Вяземскому и охотно согласился на его предложеніе; студенты завезли его къ фотографу и сняли портретъ, а 29-апрѣля, въ субботу на Пасхѣ, онъ двинулся въ путь. Было свѣтлое весеннее утро и толпы студентовъ академіи, и университета пришли его проводить; они биткомъ набили его квартиру, корридоръ, сѣни и крыльцо академическаго флигеля. Прощаніе было трогательное и Щаповъ плакалъ горькими слезами. Часть студентовъ разсѣлась по лодкамъ и изъ Подлужной слободы проводили его по разливу р. Казанки до самой пароходной пристани. Несмотря на вспрыскиванія и распиванія, тяжело были эти проводы: каждаго томил завѣдомо-горькая доля молодого задушевнаго человѣка и даровитѣйшаго ученаго, который такъ мало царилъ въ университетѣ.

Грустная, надрывающая пѣсня, приспособленная къ случаю, далеко разносилась изъ груди студентовъ и замирала надъ воднымъ широкимъ раздольемъ:

„Вверхъ по Волгѣ рѣкѣ, къ Нижню городу
Снараженъ стружокъ какъ стрѣла летитъ;
А на томъ стружкѣ, на снараженомъ,
Удалыхъ гребцовъ двадцать два сидитъ.
Вотъ одинъ изъ нихъ, добрый молодець,
Призадумался, пригорюнился?“...

Жесткій практическій отвѣтъ на этотъ вопросъ послѣдовалъ на другой день, 30-го апрѣля. Переодѣтые жандармы не тревожили Щапова до самаго Нижняго-Новгорода; здѣсь, по выходѣ на берегъ съ парохода, нижегородскій полиціймейстеръ приказалъ его арестовать и препроводилъ съ жандармами на перекладныхъ до Москвы.

„Отлично и весело доѣхалъ до Петербурга“, рассказывалъ онъ мнѣ потомъ съ улыбкой; „жандармскій офицеръ былъ прекрасный человѣкъ; мы съ нимъ дорогой выпивали по маленькой и разсуждали о научныхъ историческихъ вопросахъ; онъ рассказывалъ мнѣ, какія мѣстности встрѣчались на пути и чѣмъ замѣчательны, а я велъ путевныя записки о судьбѣ старинныхъ областей, по которымъ проѣзжалъ“. Дѣйствительно, эти наброски, пополненные въ елининѣ, онъ читалъ мнѣ, и потомъ передѣлалъ ихъ въ большую статью, въ родѣ радищевскаго „Путешествія изъ Москвы въ Петербургъ“. Но объ этомъ скажу въ свое время.

Въ маѣ 1861 г. пріѣхалъ въ Казань И. Г. Бибиковъ для производства слѣдствія надъ студентами университета, которые принимали участіе въ панихидѣ; но они единогласно отказались отъ присутствія на кладбищѣ и всю вину свалили на студентовъ академіи. Изъ синода присланъ былъ въ академію для разъясненія дѣла особый слѣдователь; бывшіе при панихидѣ духовные студенты честно и откровенно дѣлали показанія на судѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, виновные въ соучастіи съ Щаповымъ, были выгнаты изъ заведенія.

VII.

Аванасій Прокофьевичъ въ Петербургѣ подѣ арестомъ.—Освобожденіе его и причисленіе къ министерству внутреннихъ дѣлъ.—Описаніе путешествія его изъ Казани въ сѣверную столицу.—Знакомство его съ литераторами.—Стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго.—Отношенія Шапова къ современнымъ лицамъ и событіямъ: Герценъ, петербургская жизнь, польскій вопросъ, земскія учрежденія и проч.—Непріятныя отношенія къ министерству внутреннихъ дѣлъ и отчисленіе Шапова.

Привезенный въ Петербургъ, Аванасій Прокофьевичъ посаженъ былъ въ III Отдѣленіе. „Отличная комната,—хвалилъ онъ потомъ на свободѣ,—высокая и свѣтлая, въ три большихъ окна; а чистота такая, какой у меня не было въ квартирѣ (еще бы)... Свои „Путевыя замѣтки“ я смаялъ въ комодъ, подрѣзалъ край тюфяка и заложилъ туда, а отъ скуки продолжалъ писать“... Здѣсь все допрашивали Шапова, кто былъ на панихидѣ изъ студентовъ университета, но онъ отозвался незнаніемъ ихъ, потому что и лекцій не пришлось тамъ читать полгода. Вскорѣ изъ III Отдѣленія по болѣзни перевели его въ офицерское отдѣленіе клиники профессора Заблоцкаго-Десятовскаго. Находясь тамъ мѣсяца полтора, онъ продолжалъ набрасывать свои „Путевыя замѣтки“ и занялся обработкой своихъ академическихъ лекцій о великорусскихъ областяхъ и смутномъ времени. Но у него еще появилась работа, которая вызвана была ходомъ его дѣла, когда изъ клиники онъ попалъ въ III Отдѣленіе: изъ уваженія къ таланту Шапова, взглянули на его казанскую выходку, какъ на увлеченіе молодости, и вмѣсто слѣдствія приказали написать подробное откровенное объясненіе, почему отслужена панихида, кто участвовалъ и т. п. Вотъ онъ и сталъ писать свою записку съ изложеніемъ исторической судьбы русскаго простонародья. Изобразивъ подробно прежнюю силу и значеніе народа въ исторіи Россіи, его права и участіе въ общественныхъ дѣлахъ, онъ коснулся выборнаго самоуправленія и земскихъ соборовъ; потомъ нарисовалъ картину постепеннаго приниженія народа, отнятія правъ и участія въ распоряженіи своими дѣлами, постепеннаго закрѣпощенія, тяготѣнія надъ нимъ боярина и чиновника и вообще горько-слезной его жизни. Въ тяжелую пору жизни народъ выражалъ свой протестъ противъ насилія, но по непониманію чиновники такимъ жалобамъ придавали значеніе волненій и бунтовъ. Безднинскій бунтъ тоже произошелъ по недоразумѣнію и въ немъ, Шаповъ, возбудилъ искреннее горе: самъ по происхожденію изъ крестьянъ, онъ взглянулъ на убитыхъ, какъ на невинныхъ страдальцевъ, и рѣшился почтить ихъ память панихидой. Участвовавшихъ лицъ при служеніи изъ студентовъ онъ никого не

помнить, и въ заключеніе чистосердечнымъ образомъ признавалъ свою вину и заявлялъ полное раскаяніе.

Написанная горячо и задушевно объяснительная записка подана была шефу жандармовъ, понравилась искренностью, и Щаповъ безъ суда и слѣдствія былъ прощенъ, взятъ на поруки тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ, который хотѣлъ устроить прочно судьбу Щапова, чтобы онъ не покидалъ занятій по русской исторіи и могъ идти по широкой дорогѣ. Онъ назначилъ его чиновникомъ министерства по дѣламъ раскольниковымъ, далъ на первый разъ 600 рублей жалованья въ годъ и лично объяснилъ ему, что онъ можетъ свободно заниматься любимыми и полезными для него работами, не стѣсняясь никакими служебными обязанностями.

Въ видѣ наказанія за необдуманнѣйшій поступокъ, Аванасія Прокофьевича велѣно было выдержать подъ арестомъ при полиціи двѣ недѣли. Когда Щаповъ жилъ еще въ Казани, началъ посѣщать его въ 1859 г. извѣстный ученый юристъ П. А. Мулловъ, который встрѣтилъ его первый случайно на Невскомъ, по выходѣ на свободу. Прибывъ въ іюль 1861 г. въ Петербургъ, въ августѣ, я встрѣтилъ своего товарища по академіи, Т. А. Г., который сообщилъ мнѣ, что Щапова только-что освободили изъ подъ ареста, и мы направились отыскивать его. Вечеромъ нашли его помѣщеніе въ меблированныхъ комнатахъ на Владимірской улицѣ, во второмъ домѣ отъ Невского, и дождались пока онъ пришелъ съ П. А. Мулловымъ. Онъ былъ въ отличномъ веселомъ настроеніи духа и восторженно повѣствовалъ намъ о своихъ лѣтнихъ походахъ и о новомъ положеніи, въ которомъ очутился неожиданно. Видя, что Щапова безсовѣстно обираютъ, Мулловъ нашелъ ему квартиру въ домѣ Фридерикса, гдѣ самъ жилъ тогда, и на другой день мы перевезли его туда съ небольшимъ чемоданомъ и большимъ мѣшкомъ тетрадей и выписокъ, которыя возвратили ему изъ III Отдѣленія. Въ это время онъ чувствовалъ себя прекрасно, далъ полную волю своей фантазіи, что онъ весьма доволенъ, очутившись на жительство въ Петербургѣ, мечталъ, какъ онъ теперь возьмется за разработку новыхъ матеріаловъ для русской исторіи, съ какой быстротой онъ поглотитъ драгоценныя, разнообразныя и многочисленныя дѣла по расколу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и проч. Всѣмъ знакомымъ онъ твердилъ, что высылка его изъ Казани такъ сильно подѣйствовала на него, что онъ совершенно измѣнился и въ три мѣсяца „выросъ и окрѣпъ въ душѣ, точно прожилъ 10 лѣтъ“.— „И это очень понятно, говорить его некрологъ. Изъ міра идей, въ которомъ онъ до сихъ поръ только и вращался, онъ попалъ прямо въ объятія самой суровой дѣйствительности и здѣсь опытно понялъ, что людскія отношенія въ мірѣ дѣйствительности укладываются не такъ стройно и гуманно, какъ въ мірѣ идей. Урокъ былъ суровый, но развивающій и полезный, а главное, былъ дѣйствительно не болѣе какъ урокъ“. Все это правда,

но, къ сожалѣнію, этотъ урокъ не отрезвилъ Шапова, не прибавилъ ему ни малѣйшей доли опытности и практичности, не измѣнилъ склада его ума и характера; необузданная натура его осталась совершенно прежняя и онъ, какъ дикарь, очутился въ болѣе широкомъ кругу образованнаго общества. Его арестъ только содѣйствовала сильному развитію недовѣрчивости и подозрительности, которыя стали проявляться въ немъ постоянно.

Водворившись въ новой квартирѣ, изъ двухъ комнатъ, въ дождѣ Фридерикса, Аванасій Прокофьевичъ отвелъ уголокъ на полу около кровати для своей бібліотеки, т. е. для мѣшка съ бумагами, и началъ разбирать ихъ; быстро выхвативъ свои скомканныя „Путевыя замѣтки“, онъ сталъ читать и нѣ изъ нихъ выдержки, а потомъ за сѣлъ за ихъ обработку и видимо желалъ изъ нихъ воспроизвести новое „Путешествіе“ въ родѣ Радищева. Вышло у него нѣсколько большихъ писемъ, которыя отослалъ онъ въ Казань на память о себѣ своимъ бывшимъ слушателямъ, студентамъ университета, между которыми распространились они въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ обществу объ освобожденіи Шапова, стали появляться въ его квартирѣ издатели и литераторы: одни навѣщали смѣлаго профессора просто изъ любопытства, другіе съ цѣлью привлечь въ свой кругъ оригинальнаго писателя. Въ это время онъ познакомился съ А. А. Краевскимъ, который далъ ему впередъ денегъ и получилъ отъ него рукопись статьи „Великорусскія области и смутное время“, напечатанной въ „Отечест. Запискахъ“ 1861 г., № 10 и 11. Тогда онъ близко сошелся съ прежнимъ своимъ профессоромъ казанской академіи Г. З. Елисеѣвымъ и редакторомъ „Искры“ В. С. Курочкинымъ. На другихъ литераторовъ, искавшихъ его знакомства, онъ смотрѣлъ недоброжелательно и подозрительно. Вообще журнальная братія въ его глазахъ стояла низко, за немногими исключеніями; особенно онъ терпѣть не могъ тѣхъ записныхъ литераторовъ, которые судили и редили о дѣлахъ и нуждахъ Россіи, не зная и не понимая ея интересовъ. Онъ сравнивалъ ихъ съ подъячими и чиновниками. „Развѣ они не такіе же борзописцы?“ говорилъ онъ язвительно. „Тѣ же безжизненные скрипачи пера! Какъ водовозныя клечи, вымучиваютъ изъ себя жалкія и ничтожныя мыслишки, просиживая надъ пустяками цѣлыя ночи. За усердіе и трудолюбіе,—прибавлялъ онъ со смѣхомъ,—и жалованье получаютъ подъяческое: за 15 строчекъ три пятиалтынныхъ“. Забавная была комедія, когда литераторы стали осаждать постоянно квартиру Шапова и навязываться на знакомство, а онъ чуть не въ каждомъ подозрѣвалъ шпіона и старался поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ!...

Въ высшей степени сообщительный по натурѣ и привыкшій къ постоянному одобренію своихъ идей и плановъ въ кругу студенческаго, онъ нуждался въ компаніи простыхъ знакомыхъ лицъ, чтобы

подѣлиться своими замыслами, пересказать или перечитать начатую или задуманную статью, ея продолженіе и окончаніе. Отъ людей близкихъ онъ ничего не тайлъ и душа его всегда была на-распашку. Но избави Богъ, если въ такіа откровенныя минуты вдругъ неожиданно появлялся какой-либо непрощенный гость изъ литературнаго міра, на котораго онъ смотрѣлъ недоувѣрчиво. Онъ обращался тогда съ недоумѣніемъ и съ вопросомъ къ товарищамъ: „Ну, зачѣмъ онъ отъявился? Что ему отъ меня надо? Вотъ таскается народъ отъ бездѣлья!“... Послѣ этого, иногда злостно и дерзко начиналъ допекать посѣтителя, задѣвая его личность; или же съ досадою обрывалъ разговоръ, упорно молчалъ, не отвѣчая ни на какіе вопросы случайнаго гостя. Въ обоихъ случаяхъ положеніе прибывшаго становилось невыносимымъ и онъ, разумѣется, старался скорѣе освободиться отъ невазлюбленной пытки. Впрочемъ, Левъ Камбекъ съ геройской стойкостью и отвагой выдержалъ не разъ всевозможныя атаки ховаяина, зато жаловалъ въ квартиру Щапова, когда ему вздумается, и приводилъ подѣ личнымъ своимъ покровительствомъ гостей, не давая имъ ни въ какую обиду.

Осенью Щаповъ сталъ готовить объемистое историческое изслѣдованіе „О русскомъ дворянствѣ“, которое имѣло для него современемъ неприятныя послѣдствія.

Вотъ какимъ образомъ появилось это сочиненіе. Въ августовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ 1861 года помѣщено было стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго, подѣ заглавіемъ „Замѣтка“, въ которомъ онъ противопоставляетъ истинную чистую свободу свободѣ безобразной и мрачной.

„Свободой дорожу, но не свободой вашей,
Не той, которой вы привыкли промышлять,
Какъ цѣловальники въ шинкахъ хмѣльною чашей,
Чтобъ разумъ омрачить и сердце обують.

Есть благородная и чистая свобода,
Возвышенной души сокровище и страсть,
Святыня,—не попреть ея судьбы невзгода,
Враждѣ людей—ея твердыни не потрясть.

Она любовь и миръ, и благодать, и сила,
Духовной воли въ ней зачатокъ и залогъ;
Я ей не измѣнялъ, и мнѣ не измѣнила
Она: и сторожить домашній мой порогъ.

Я пребылъ вѣренъ ей подѣ солнцемъ и подѣ тучей,
Мнѣ внутренней броней она всегда была;
Не падалъ духомъ я во слѣдъ звѣздъ падушей,
При восходящей я не возносилъ чела.

Кто рабствуесть страстямъ, тотъ въ рабствѣ безнадежномъ;
Свободу дай ему—онъ тотъ же будетъ рабъ;
Дай власть ему—въ чадѣ болѣзненно-мятежномъ,
Въ могуществѣ самомъ онъ молодужно слабъ.

Онъ недоувѣрчивъ, онъ завистливъ, преданъ страху;
Дамокловъ мечъ всегда скользить по головъ:

Душой свободенъ былъ Шенье, вскода на плаху,
А Робеспьеръ былъ рабъ въ кровавомъ торжествѣ.

Подъ злобой записной къ отличіямъ и къ роду
Желчь хворой зависти скрывается подчасъ;
И то, что выдаютъ за гордую свободу,
Есть часто ненависть къ тому, кто выше насъ.

Есть древняя вражда: къ каретамъ—пѣшехода,
Лѣнливой нищеты—къ богатому труду,
Къ барону Штиглицу—того, кто безъ дохода,
Иль обвиненнаго—къ законному суду.

Смѣшенъ сей новыи Граждъ республики журнальной,
Который отъ чиновъ не прочь (но прочь они),
Когда начнетъ косить косою либеральной
Заслуги, родъ и честь и все, что имъ сродни.
На всѣхъ свершаетъ онъ молніеноснымъ глазомъ,
И, чтобъ вѣрней любовь къ свободѣ доказать,
Онъ силится смотрѣть свирѣпымъ дикобразомъ
И съ пѣной на губахъ зубами скрежетать.

Забавный мученикъ! Бѣдняжѣ неизвѣстно,
Что можно во сто разъ простѣй свободнымъ быть,
И мнѣня своего и убѣжденій честно
Держаться, а людей, пугая, не смѣшить.

Свободенъ тотъ одинъ, кто умиралъ желанья,
Кто свѣтель и душой, и помышленьемъ чистъ,
Кого не обольстятъ толпы рукоплесканья,
Кого не узавить нахальной черни свистъ“.

Трудно допустить, чтобы князь Вяземскій въ этомъ стихотвореніи жѣлѣлъ на опредѣленную какую либо личность; но между литераторами сложилось тогда убѣжденіе, что онъ изображаетъ здѣсь Щапова, о чемъ и сообщили послѣднему знакомые. Прочитавъ стихотвореніе въ концѣ сентября, онъ не сомнѣвался, что оно написано лично на его счетъ, и воспылялъ неудержимымъ гнѣвомъ противъ Вяземскаго; послѣ приличныхъ ругательствъ на словахъ, вмѣсто предисловія, онъ тотчасъ взялся за перо, чтобы написать князю отвѣтное письмо. Помню, начиналось оно приблизительно такъ: „Хорошо вамъ, ваше сіятельство, нѣжась у камина въ мягкихъ, уютныхъ бархатныхъ креслахъ, кропать вздорные стишонки для развлечения и въ самолюбивомъ удовольствіи награждать себя разными добродѣтелями и хвалиться благородной и чистой свободой! Хорошо вамъ, имѣющимъ досугъ и возможность хоть по пяти разъ на день призывать къ себѣ парикмахера, съ презрѣніемъ бросать грязью въ тѣхъ труженниковъ, которымъ некогда причесать голову и не на что купить кусокъ мыла! А задумывались ли вы, чего стоитъ ваша дорогая свобода, данная вамъ другими, безъ всякаго труда съ вашей стороны?“ Далѣе идетъ разсужденіе, сколько тиранства испытали рабы князей Вяземскихъ, его предковъ, чтобы купить свободу потомку. Наконецъ,

вообще слѣдуетъ историческій очеркъ происхожденія и состоянія русскаго дворянства, въ жилахъ котораго течетъ кровь татарскихъ мурзь, мордовскихъ, армянскихъ, башкирскихъ князьковъ и нѣтъ ни капли крови русской.

Когда Шаповъ прочиталъ это рѣзкое, безпощадное письмо своимъ пріятелямъ, они просили его не посылать ни подъ какимъ видомъ его къ князю Вяземскому, чтобы сразу не повредить себѣ тотчасъ послѣ освобожденія и не нажить враговъ въ средѣ крупнаго дворянства, которое особенно стало щекотливо послѣ освобожденія крестьянъ. Можетъ быть, онъ не посмотрѣлъ бы на эти доводы, но ему не хотѣлось оскорбить казанскаго попечителя, котораго онъ уважалъ, сына П. А. Вяземскаго; поэтому онъ и не отослалъ письма по назначенію, а только читалъ его нерѣдко своимъ знакомымъ. Потомъ онъ придалъ ему общій характеръ, началъ развивать и дополнять свои мысли о русскомъ дворянствѣ, собралъ много историческихъ данныхъ и, такимъ образомъ, статья разрослась впоследствии въ большое историческое изслѣдованіе, которое Шаповъ предназначалъ къ печати. Но въ какое изданіе онъ ни обращался съ нимъ, нигдѣ оно не было пропущено цензурой.

Много безпокойства въ то же время надѣлало Шапову одно, по-видимому, ничтожное обстоятельство, которое онъ по неопытности совершенно упустилъ изъ виду, именно: забылъ формально уволиться изъ духовнаго званія. Когда кончилось слѣдствіе надъ студентами казанской духовной академіи и многимъ изъ нихъ опредѣлено наказаніе, тогда св. синодъ приговорилъ и Шапова, какъ принадлежащаго къ духовному вѣдомству и виновника панихиды на Куртинѣ, сослать въ Соловецкій монастырь на смиреніе. Много пришлось хлопотать, чтобы синодское опредѣленіе не приводилось въ исполненіе, а Шапову оно доставило сильныя неприятности и онъ совсѣмъ было горяча написалъ и подалъ прошеніе, чтобы его сослали лучше въ Сибирь, а не въ заточеніе на Соловецкомъ „отокѣ океана-моря“. Нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ лицъ приняли участіе въ Шаповѣ и доказали, что онъ, какъ прощенный государемъ императоромъ, уже не подлежитъ суду духовнаго начальства; простили ему даже взыскаііе, которому онъ подлежалъ за растерянные казенныя рукописи соловецкія, взятныя имъ изъ бібліотеки казанской духовной академіи.

Для очерка возрѣній и убѣжденій Шапова этой поры достаточно привести нѣсколько фактовъ изъ его отношеній къ современнымъ вопросамъ, лицамъ и событіямъ. Разъ зашелъ разговоръ о значеніи тайныхъ обществъ въ его присутствіи; передавали, что въ Петербургѣ учреждается такое секретное общество; онъ все время молчалъ и глубоко размышлялъ о чемъ-то. Но когда ему предложили вопросъ: не жаляетъ ли онъ быть членомъ тайнаго общества? онъ высказалъ опредѣленно свой взглядъ: „Я думаю, что теперь пора тайныхъ об-

шесть миновала; прежде они могли приносить много пользы, чему разительнымъ доказательствомъ служить дѣятельность Н. Ив. Новикова; ну, а въ настоящее время, кажется, можно принести болѣе пользы, оставаясь явнымъ членомъ образованнаго и дѣятельнаго общества, чѣмъ тайнымъ. Надо говорить только просто, ясно и открыто, безъ ужимокъ, и дѣло дѣлать начистоту, отъ полноты убѣжденія“. Однако, онъ скоро измѣнилъ свой взглядъ на современное значеніе тайныхъ обществъ въ Россіи, когда стали уничтожать воскресныя школы и закрыли „Шахматный клубъ“.

Осенью 1861 г. Щаповъ получилъ краткое, но любезное письмо отъ А. И. Герцена и былъ весьма доволенъ имъ, такъ какъ съ уваженіемъ всегда относился къ этому даровитому русскому ученому и литератору; съ другой стороны, самое содержаніе письма было очень лестно для молодаго историка. Въ обычныхъ сильныхъ и энергическихъ выраженіяхъ Герценъ высказывалъ удовольствіе, съ которымъ читалъ его серьезныя историческія сочиненія, и просилъ продолжать неустанно работать съ прежней глубиной пониманія минувшей жизни нашихъ предковъ. „Вашъ свѣжій голосъ, заключалъ онъ, чистый и могучій, теперь почти единственный, отрадно раздается среди разбитыхъ и хриплыхъ голосовъ современныхъ русскихъ писателей и глубоко западаетъ въ душу“ и проч. Когда началась полемика М. Н. Каткова съ издателемъ „Колокола“, Аванасій Прокофьевичъ считалъ ее лишней и безцѣльной. Нерѣдко говорилъ онъ по этому поводу, что Герценъ давно заслужилъ почетное мѣсто въ исторіи русской литературы, какъ талантливый философъ, глубокій романистъ и остроумнѣйшій публицистъ—и не Каткову лишить его заслуженнаго значенія. Герценъ давно содѣйствовалъ распространенію свѣтлыхъ и гуманныхъ идей въ Россіи; всѣ русскіе молодые образованные люди втеченіе уже нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ воспитались на его сочиненіяхъ и, кромѣ добраго, развивающаго вліянія, не испытывали никакого вреда. Какъ бы ни кричалъ Катковъ и ни усиливался забросать его грязью,—это ему не удастся: Герценъ заслужилъ благодарность своихъ питомцевъ и слава его навсегда упрочена. Личное раздраженіе и непристойная ругань московскаго профессора, обличая его безсиліе—уронить дѣла и взгляды противника, еще крѣпче убѣждать русскую молодежь въ справедливыхъ и гуманныхъ дѣйствіяхъ изгнанника и усиливать вѣру въ каждое его слово. Мнѣнія Герцена объ освобожденіи крестьянъ съ землей и объ упроченіи русской общины показываютъ, что и послѣ многолѣтняго отсутствія изъ Россіи онъ не разучился смотрѣть прямо на интересы своего отечества. Разсуждая такимъ образомъ, онъ отправилъ за-границу Герцену свою статью „О русскомъ дворянствѣ“, которую не пропустила петербургская цензура; а въ своихъ „Думахъ“ отмѣтилъ, что онъ любитъ часто и долго смотрѣть на его портретъ, гдѣ онъ изображенъ въ полу-лежащемъ видѣ, облокотившись на руку, въ моментъ глубокой

задумчивости, съ грустью гражданской, давно наболѣвшей и накипѣвшей въ сердцѣ.

Бойкая и суетливая петербургская жизнь привлекала сильно внимание Щапова и онъ любилъ разсуждать о ней съ экономической точки зрѣнія, что она истощаетъ на прихоти плоды трудовъ недостаточныхъ классовъ общества, что доходы въ свою пользу областныхъ городовъ, при чрезмѣрной экономической централизаціи, весьма несообразны. Въ 1856 г. въ пользу 620 городовъ поступило доходовъ 11.537.607 р. сер., изъ нихъ доходъ одного Петербурга составляли 3.637.385 р., а доходы 601-го города вмѣстѣ равнялись 3.650.967 р. сер. Картины социально-экономической жизни и неравномѣрное распределение богатства въ разныхъ слояхъ общества Петербурга онъ хотѣлъ изобразить въ особыхъ очеркахъ.

Рылѣвъ, который называлъ себя гражданиномъ, а не поэтомъ, сложилъ цѣлый рядъ „думъ“, выставя силу и доблести русскихъ историческихъ дѣятелей съ древнихъ временъ; онъ привлекъ внимание Щапова, какъ Радищевъ, и ему захотѣлось, въ подражаніе Рылѣву, написать тоже цѣлый рядъ своихъ историко-политическихъ думъ. Началъ онъ эту работу въ пасхальную ночь 1862 г. и первой думѣ сообщилъ названіе: „Гражданская грусть“, но очерка этого не окончилъ. Между прочимъ онъ пишетъ: „И о чемъ только ни придумаешься, на что ни взглянешь, къ чему ни присмотришься въ нашей общественной жизни—все возбуждаетъ гражданскую грусть. Вотъ идешь по Невскому проспекту, и видишь самое скороспѣшное, безпокойное, неутомимое, вѣчно куда-то несущееся, торопящееся, рвущееся движеніе самыхъ пестрыхъ рабочихъ массъ, видишь молодыхъ ремесленниковъ въ запачканныхъ, засаленныхъ, оборванныхъ халатиквахъ, учениковъ самаго чернаго неблагодарнаго труда, слышишь невольно исторгающееся, несущееся къ публичной гласности, самое невинное, игриво пущенное словцо, наивно срывающееся съ языка молодого парня, только-что освободившагося отъ гнетущаго труда, словцо, однако-жъ, самое жгучее, колкое глубокой правдой и самое язвительное для господъ богатыхъ... Что это такое, какъ не злая иронія рабочей нищеты и рабства противъ господскаго богатства, противъ двойнаго деспотизма—монопольнаго капитала и олигархическаго господства, преобладанья немногихъ господъ надъ огромными бѣдными массами? Что это другое, какъ не выраженіе уже сильно накипающаго, наболѣвающаго въ сердцахъ, въ крови рабочихъ классовъ инстинктивнаго чувства озлобленія и мести, которое рано или поздно неминуемо должно разразиться страшнымъ социальнымъ переворотомъ?.. И что это такое, какъ не источникъ нашей родной грусти гражданской?!.“ Любимымъ предметомъ разговоровъ Щапова были повѣсти и сказанія о народныхъ восстаніяхъ, о старинныхъ разбойникахъ и о бунтахъ. Онъ часто касался вопроса о возможности повторенія подобныхъ явленій въ наше время и рѣшалъ его, смотря

по настрою душевному: то онъ боялся скорого и крупнаго мятежа, то отрицалъ даже возможность его возникновенія и развитія.

Въ Духовъ день (мая 28-го) 1862 г. начались страшные пожары въ Петербургѣ, взволновавшіе все населеніе: сгорѣли Толкучій рынокъ, Щукинъ и Апраксинъ дворы, зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ, множество кровяныхъ сараевъ и проч. Жители въ страхѣ за свое имущество, а погорѣлые въ отчаяніи, стали указывать на поляковъ и студентовъ, какъ на поджигателей. Поэтому поводу Аванасій Прокофьевичъ припоминалъ ряды лѣтописныхъ фактовъ о старинныхъ пожарахъ, часто рассуждалъ объ этомъ явленіи и хотѣлъ написать историческій очеркъ. Замѣчательно, по его словамъ, общее явленіе, которое повторяется въ Россіи при всѣхъ большихъ пожарахъ; народъ въ страшномъ переполохѣ теряетъ голову и ищетъ причины посторонней—въ поджогахъ злыхъ людей, а не въ горючемъ матеріалѣ строеній и не въ оплошности жителей. Поучительно слѣдить за обнаруженіемъ страстей человѣческихъ въ такое тяжелое время; въ древнемъ Новгородѣ считали поджигателями воровъ и грабителей, въ Москвѣ—высшихъ бояръ изъ иноземцевъ, а въ наше время—поляковъ и студентовъ. „Гласъ народа—гласъ Божій“, и доля исторической правды здѣсь существуетъ, но, разумѣется, не при каждомъ данномъ случаѣ; здѣсь надо изучать проявленіе вражды и ненависти разныхъ классовъ общества другъ къ другу. Въ Новгородѣ грабители могли и не быть поджигателями, а пользовались суматохой во время пожаровъ, врывались даже въ церкви, убивали хозяевъ имущества, снесеннаго туда для сохраненія, и грабили пожитки: „а злые люди пошли на грабежъ, все разграбили, что въ церквахъ, и сторожей убили“. Пожары всегда наводили ужасъ на жителей и они выселялись изъ города вонъ, забирая пожитки, обитали въ полѣ, на лугахъ, или жили въ лодкахъ на рѣкѣ по недѣлѣ и больше; погорѣвшіе съ горя вѣрили каждому слуху и жестоко расправлялись съ подозрѣваемыми зажигателями, чему иногда не вѣрили лѣтописцы. Такъ, въ 1442 г. въ Новгородѣ „люди, отъ скорби великой и смущаемые яростью, захватили людей и обвиняли, что они тайно ходятъ и зажигаютъ городъ и людей губятъ“; бросали ихъ въ огонь или въ Волховъ съ моста. Но лѣтописецъ прибавилъ: „справедливо ли говорили, Богъ вѣсть испытанія человѣческая“. Поразительный пожаръ Москвы, когда Грозный удалился на Воробьевы горы, народъ приписалъ Глинскимъ,—будто Анна Глинская вынимала сердца человѣческія, съ волшебствомъ наставляла на нихъ воду и этой водой кропила дома въ Москвѣ и произвела страшный пожаръ. Какъ могъ повѣрить таковой нелѣпой молвѣ народъ? А такъ же, какъ вѣрить теперь, что поляки поджигаютъ: Глинскихъ, этихъ литовскихъ выѣзжанъ, народъ считалъ своими злыми врагами, способными сдѣлать ему всякое лихо... Впрочемъ, Шаповъ скоро оставилъ мысль писать о петербургскихъ пожарахъ, когда услышалъ, что объ этомъ предметѣ готовить статью Н. И. Костомаровъ.

По предубѣжденію, Щаповъ не любилъ великороссовъ и имѣлъ черезчуръ пристрастный взглядъ на Малороссію и на Сибирь; на послѣднюю смотрѣлъ, какъ на страну высокаго образованія и прекрасной жизни сравнительно съ Европейскою Россіей. Такое лестное возрѣніе дѣлалъ онъ до высылки его изъ Петербурга и передъ отъѣздомъ увѣрялъ меня по старой фантазіи, что онъ очень радъ отправиться въ Сибирь, гдѣ почва незараженная, приволье и раздолье. Но такъ какъ онъ Сибирь, Малороссію и Великороссію зналъ по книжкамъ, то и мечты его сразу разлетѣлись отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью: родной городъ его Иркутскъ показался ему адскою тюрьмой, безъ образованныхъ людей, съ каторжнымъ населеніемъ, грубымъ и невѣжественнымъ.

При введеніи уставныхъ грамотъ, у крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, появлялись нерѣдко недоразумѣнія, которыми хотѣли воспользоваться либеральные молодые люди, и возбуждали народъ къ волненію противъ помѣщиковъ. Они учили крестьянъ пѣть разныя вольныя пѣсни, наприм. „Долго насъ помѣщики душили, становые били“... Иногда разносили по селамъ фальшивые манифесты, подъ именемъ золотой грамоты царской, или подговаривали крестьянъ къ неповиновенію бывшимъ своимъ господамъ. Всѣ эти искусственныя средства Щаповъ считалъ дѣтскими, которыя ясно свидѣлствуютъ, что молодые полубразованные люди совсѣмъ не знаютъ народа, и русскій простой крестьянинъ обладаетъ большимъ смысломъ, чѣмъ эти недоучки. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами крестьяне вязали своихъ благодѣтелей съ золотыми грамотами и отдавали въ руки полиціи. „Если я, говорилъ онъ, стоялъ за бездннскихъ крестьянъ, то прямо, открыто и безъ фальши; а ложь развѣ можетъ привести къ чему-либо доброму?“

Въ то время въ обществѣ ходячимъ и моднымъ былъ вопросъ объ отношеніи Польши къ Россіи; Аванасій Прокофьевичъ говорилъ о немъ не охотно, кажется, потому, что строго и опредѣленно не рѣшилъ его для себя; впрочемъ, онъ о полякахъ выражался всегда рѣзко, считая ихъ народомъ даровитымъ, но фальшивымъ. Когда же началось повстаніе извѣстной ночной рѣзней русскихъ солдатъ въ казармахъ поляками, онъ былъ сильно озлобленъ, предсказывалъ печальный исходъ возмущенія, а для русскихъ предвидѣлъ въ концѣ вредъ въ задержкѣ развитія нарождающихся свободныхъ учреждений.

Когда въ повременныхъ изданіяхъ 1862 г. начали появляться письма изъ Польши и западнаго края Россіи, въ которыхъ выражался задорный тонъ и забавное самовосхваленіе, описывались неправды на счетъ русскихъ правовъ, порядковъ и угнетеній поляковъ, тогда Щаповъ возмущался глубоко искаженіемъ истины и грубыми колкостями, особенно намѣренными историческими подтасовками. „Такая ядовитая клевета, говорилъ онъ, завѣдомая ложь и дѣтская односторонность способны оттолкнуть отъ поляковъ всякаго честнаго человѣка,

а русскій, какъ бы благосклонно ни относился къ нимъ, не можетъ ничего болѣе почувствовать, кромѣ ненависти и презрѣнія. Честные люди, хотя и угнетенные, не прибѣгаютъ къ езуитскимъ средствамъ, а могли бы жить въ любви и соединеніи, или въ конфедеративной связѣ“.

Вопросовъ иностранной политики Россіи онъ никогда не касался и считалъ ихъ для себя совершенно чуждыми, какъ вообще всю внѣшнюю исторію; онъ высказывалъ прямо, что его задача—, слѣдить за исторіей народа, жизни народной, за проявленіемъ собственно народныхъ стремленій, истинниковъ, исваній, дѣйствій, страданій, движеній. Пусть историки государства, правительства, централизація, администрація, войнъ, подробно разсказываютъ біографіи царей, про войны крымскія, турецкія, польскія, про московскіе приказы и петербургскія коллегии и проч., и проч. Мы хотимъ знать въ историческомъ рожденіи, ростѣ и воспитаніи нашего народа одно только то, что тяжкое перестрадалъ, перенесъ народъ, чего хорошаго, истиннаго, живаго, свободнаго хотѣлъ онъ съ-молоду, со временъ вѣчеваго младенчества... Мы посоветуемъ лучше молодымъ воспитанникамъ, изучающимъ русскую исторію, выучить, вмѣсто нѣсколькихъ страницъ исторіи Устрялова, Важскую или другую какою-нибудь уставную грамоту, особенно общинно-областную челобитную объ излюбленномъ самоуправленіи“.

Въ декабрьской книгѣ „Библиотеки для Чтенія“ 1862 г. помѣщена была небольшая статейка— „Чиновничій элементъ въ разработкѣ русской исторіи“, въ которой сопоставлялись взгляды Щапова и Соловьева на минувшую жизнь нашихъ предковъ, доказывалось, что теорія родоваго быта Соловьева разбивается въ прахъ, а изслѣдованія Щапова на счетъ областного быта превосходны, что „Исторія Россіи“ написана мертвымъ чиновничьимъ приѣмомъ, а немногія сочиненія Щапова проникнуты жизненнымъ народнымъ началомъ. По поводу этой статейки, которая видимо ему понравилась, онъ долго бесѣдовалъ на любимую свою тему, что исторія внутренней жизни много-милліоннаго народа должна совсѣмъ уничтожить внѣшнюю исторію чиновничью, военную и проч. Соловьевъ въ своей исторіи совсѣмъ не говоритъ о народѣ и не знаетъ его многострадальной дѣятельности и великой заслуги передъ потомками; онъ въ грамотахъ и актахъ не обращаетъ вниманія, о чемъ общины крестьянскія и посадокія были челомъ, какіе у нихъ были интересы и стремленія въ данное время; а только слѣдитъ за тѣмъ, что приказали, какъ взглянули бояре и чиновники на ихъ жалобы и требованія.

Крайности изложенія внѣшней стороны жизни исторической, особенно въ подкрашенномъ видѣ, надобно серьезнымъ людямъ, вызывая другую крайность—трудиться единственно надъ разработкой внутренней исторіи, имѣть въ виду исключительно жизнь народную и не обращать ни малѣйшаго вниманія на формы проявленія внут-

ренняго движенія жизни, на научную разработку и критическую оцѣнку самихъ матеріаловъ.

Когда возникъ вопросъ о введеніи земскихъ учреждений въ Россіи, Аеанасій Прокофьевичъ желалъ, чтобы создано было самоуправленіе на основаніи духа и смысла старинныхъ русскихъ общинныхъ учреждений и не для устройства только однихъ экономическихъ дѣлъ. Введеніе имущественнаго ценза, какъ не русскаго установленія, онъ считалъ непрочнымъ основаніемъ для созданія гражданскаго строя нашего отечества; онъ постоянно доказывалъ, что начала земскихъ общинныхъ міровъ, собраній и совѣтовъ давно практиковались русскими людьми, и пренебрегать ими будетъ большою ошибкой. Онъ, между прочимъ говорилъ приблизительно такъ:

„Историческіе корни отечественной старины съ живыми отростками, какъ бы ни были заглушены дикими чуждыми сорными растениями, должны быть поливаемы живою водою; образованный садовникъ, основательно изучившій нашу старинную земскую дѣятельность, долженъ сознательно ухаживать за этими сочными корнями и отпрысками, очищать отъ всего наноснаго, давать просторъ свѣту, теплу и влагѣ, чтобы они развивались широко и свободно, росли стройно и укрѣплялись прочно на почвѣ земской жизни. Историческая жизнь должна развиваться органически по неизмѣнному праву и законамъ роста народнаго и тогда только принесетъ здоровые плоды“.

Онъ убѣждалъ, что земскія собранія и областныя совѣты должны завѣдывать и управлять всѣми общественными дѣлами и служить для истиннаго, дѣйствительнаго благоустройства массъ народныхъ, для развитія хозяйства, образованія, правильной постановки суда и управленія. „Будучи устроены, писалъ онъ, изъ выборныхъ отъ всѣхъ деревушекъ, городовъ и областей или отъ всѣхъ городскихъ и сельскихъ міровъ и мірскихъ сходокъ въ каждой областной общинѣ,—земскія собранія и областныя совѣты равномерно распределяютъ по частямъ, по мѣстамъ благоустроительныя силы, средства и заботы; избиратели уполномочиваются заявлять, что имъ нужно, какъ и какими силами и средствами лучше устроиться и удобнѣе удовлетворять всѣмъ мѣстнымъ, прямымъ, истинно извѣданнымъ на мѣстѣ нуждамъ“. Они соберутъ точныя данныя статистическія, географическія, этнографическія и, смотря по мѣстнымъ условіямъ, могутъ опредѣлять раздѣленіе или сліяніе уѣздовъ и областей, каковаго требуетъ естественная жизнь народа, правильно устроить податную систему, мѣстное сельское хозяйство, развитіе образованія, поддержаніе народнаго здравія. „Далѣе, земскія собранія и областныя совѣты могутъ устроить земскія думы изъ выборныхъ отъ всѣхъ міровъ или отъ городскихъ и сельскихъ сходокъ, избирать излюбленныхъ головъ, старосъ, судей, надворщиковъ за благочиніемъ и вообще — устроить излюбленный самосудъ, самоуправленіе и полицейское самохраненіе“.

Живыя мечты Щапова о плодотворныхъ занятіяхъ въ Петербургѣ,

при богатѣйшихъ источникахъ по русской исторіи, очень быстро охладѣли и разлетѣлись въ прахъ. Съ самаго уже начала, онъ сталъ посѣщать министерство внутреннихъ дѣлъ съ большимъ предубѣжденіемъ противъ чиновниковъ, дѣятельность которыхъ считалъ бездушной и негодной, и возвращался всегда оттуда недовольный, сумрачный и озлобленный. Оказалось, что во время его знакомства съ съ богатымъ архивомъ по дѣламъ раскола, чиновники любили бесѣдовать съ нимъ о разныхъ сектахъ, давали множество вопросовъ, чтобы вывѣдать его воззрѣніи и узнать о складѣ убѣжденій. Такое отвлеченіе его отъ работы онъ приписывалъ не одному только простому любопытству; нѣкоторыя дѣла необходимо было взять ему для просмотра на домъ, но сначала давали ихъ ему съ какими-то для него непонятнымъ разборомъ. Все это для него, настроеннаго подозрительно и недовѣрчиво въ отношеніи чиновниковъ, казалось чѣмъ-то ужаснымъ; его даже сильно раздражало любезное желаніе нѣкоторыхъ искренно съ нимъ познакомиться. Случалось, впрочемъ, что многіе изъ чиновниковъ, вызывая его на откровенный разговоръ, внутренно посмѣивались надъ прямымъ, беззавѣтнымъ образомъ мыслей и рѣзкими сужденіями, несслыханными ими; онъ крестилъ иногда безопадно ихъ департаментскихъ дѣателей, считавшихъ себя свѣтилами и знатоками всей широкой Россіи. Особенно не щадилъ онъ ихъ бюрократически-щекотливаго самолюбія при слѣдующемъ забавномъ случаѣ.

Разъ пришелъ Шаповъ въ департаментъ. Подошли къ нему чиновники и одинъ, вооруженный бумагами, сообщилъ, что въ Пермской губерніи появилась новая небывалая секта раскольничья, такъ что они затрудняются, къ какому разряду отнести ее, и просилъ у него разъясненія. Затѣмъ онъ сообщилъ подробно, по мѣстному отношенію и описанію, что на большой дорогѣ стоитъ зеленая ветла, а съ листьевъ ея съ самой вершины и по сучьямъ капаетъ чистая вода; на одномъ суку поставлена икона Божіей Матери, которой молятся прибывающіе богомольцы и кладутъ деньги около ветлы. Этого мало: стекаются люди во множествѣ и по вечерамъ смотрятъ на вершину дерева, увѣряя другъ друга, что явится сама Богородица, какъ многіе ее уже будто бы видали... Выслушавъ объясненіе, Шаповъ сталъ доказывать, что въ этомъ оригинальномъ происшествіи не обнаруживается никакого признака сектантства и раскольничьяго толка, и этимъ поставилъ въ-тупикъ чиновниковъ, которые продолжали настаивать на открытіи новой секты. Тогда онъ не выдержалъ и, какъ рассказывалъ мнѣ, сталъ говорить прямо, что они управляютъ судьбами русскаго народа и слѣдятъ даже за движеніями его сердечными и религіозными, а совсѣмъ не понимаютъ степени его развитія и характера воззрѣній: каждый православный крестьянинъ то же дѣлаетъ чуть не ежедневно въ разныхъ мѣстахъ Россіи, что наблюдали около ветлы въ Пермской губерніи. Какому-нибудь невѣждѣ или

пьяному становому приставу и исправнику можетъ влѣзть въ голову такое дикое мнѣніе, а чиновникамъ, министерства стыдно и непростительно вѣрять ихъ донесеніямъ.

Аванасій Прокофьевичъ и раньше терпѣть не могъ официальныхъ безжизненныхъ сочинительствъ и бюрократическихъ лабораторій, секретныхъ для народа; а теперь и въ разговорахъ, и въ статьяхъ возставалъ противъ теоретическо-механическихъ многосложныхъ регламентацій и казенныхъ проектовъ, которыми воображали теоретики-эгоисты облагодѣтельствовать Россію, всецѣло убивая саможизненную выработку быта, свободное самоустройство и саморазвитіе жизни народной. „Пусть кабинетная, сухая, черствая, подчасъ даже безсердечно-холодная отвлеченность разсуждаетъ объ абстрактной государственной идеѣ и глумится надъ идеей живаго народа; но, обращаясь къ дѣйствительному государственному положенію нашихъ провинціальныхъ общинъ, провѣря лично, самоспытно, собственнымъ наблюденіемъ, дѣйствительный жалкій бытъ, дѣйствительныя нужды огромныхъ массъ народонаселенія, — мы все-таки никакъ не можемъ помирить живаго горя-злосчастья народнаго съ безжизненно-абстрактной, кабинетной государственной идеей!.. Опытъ показываетъ всю несостоятельность или неудобопримосимость центрально и секретно-бюрократическаго рѣшенія мѣстныхъ вопросовъ, сочиненія мѣстныхъ учрежденій... Хотя и грустная, но положительно извѣстная историческая и современная правда, что массы провинціальнаго земства почти всегда питали чувство оппозиціи, недовѣрія, антипатіи и антагонизма къ существующему бюрократическому губернскаго-областному управленію и приказному началству“. — И вотъ онъ, бывало, съ досады никакъ не можетъ придумать довольно характеристическихъ выраженій для деревянныхъ бюрократовъ, по милости которыхъ несчастные провинціалы переносятъ бездну мученій, испытываютъ разоренье, тратятъ здоровье и спокойствіе. „Въ петербургскихъ присутствіяхъ, восклицалъ онъ, валяются сотни вопіющихъ провинціальныхъ горько-слезныхъ народныхъ дѣлъ, безсердечно, безучастно переписываемыхъ бюрократическими борзописцами, скрипачами живаго горя народнаго, или недвижимо лежащихъ въ пыльных связкахъ, или безъ рѣшенія сдаваемыхъ въ архивъ“. Въ декабрѣ 1861 года онъ написалъ очеркъ „О русскомъ управленіи XVIII вѣка“, гдѣ досталось сословно-корпоративному характеру дѣятельности чиновниковъ.

Съ той поры Шаповъ рѣдко сталъ заглядывать въ министерство, развѣ какое-либо раскольникове дѣло надо было взять на квартиру или получить жалованье, хотя связь его съ министерствомъ окончательно не разрывалась; но что особенно вооружило его противъ министерства, это — полная зависимость въ цензурномъ отношеніи: каждую статью, приготовленную для печати, онъ обязанъ былъ доставить прежде на просмотръ и одобреніе министерства. Тамъ выбрасывали рѣзкія мѣ-

ста въ его сочиненіяхъ, а нѣкоторыя статьи совсѣмъ не дозволили печатать; это обстоятельство приводило его въ злость; онъ пересталъ ходить въ министерство даже за жалованьемъ, которое присылали ему на домъ съ курьеромъ. Окончательный разрывъ произошелъ, если не ошибаюсь, изъ-за статьи „О русскомъ дворянствѣ“, которая шла въ-разрѣзъ съ цѣлями партіи журнала „Вѣсти“ Скарятина и произвела самое непріятное впечатлѣніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Тогда совсѣмъ прекратили выдачу жалованья Щапову, перестали присылать его на квартиру, а потомъ пришло извѣстіе, что онъ отчисленъ отъ министерства.

Считая себя передовымъ вожакомъ, расчистившимъ историческія дороги прямоѣзжія, по которымъ должно ровно и правильно идти самоустройство и развитіе внутренней народной жизни, — Щаповъ ожидалъ, что министерство съ благодарностью воспользуется его указаніями для улучшенія быта крестьянъ. Не тутъ-то было: чиновники даже съ недовольствомъ отнеслись къ его новымъ открытіямъ и считали ихъ опасными фантазіями. А было недавно золотое время, когда сотни студентовъ восторгались новыми блестящими идеями! Поэтому въ некрологѣ совершенно справедливо объясняется причина недовольства Щапова министерствомъ перемѣною къ худшему его положенія. „Если бы Щаповъ прямо изъ духовной академіи былъ взятъ и поставленъ на эту дорогу, то, быть можетъ, онъ остался бы вполне доволенъ ею, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько лѣтъ,—потому что она давала ему матеріалъ для работъ по русской исторіи, матеріалъ самый богатый, разнообразный и притомъ современный, какого онъ не могъ бы нигдѣ болѣе найти. Но теперь это было поздно. Послѣ тѣхъ триумфовъ, которыми сопровождалась каждая его лекція въ казанскомъ университетѣ, онъ не могъ довольствоваться одной кабинетной работой... Ему нужны были люди, которымъ онъ могъ бы лично сообщать результаты этой работы, могъ бы лично видѣть, какъ въ нихъ зажигается его мысль, какъ она постепенно овладѣваетъ ими, какъ по мѣрѣ его одушевленія растетъ ихъ одушевленіе; однимъ словомъ — ему нужна была громадная аудиторія, напряженное вниманіе слушателей, восторженные лица... Ничего этого Щаповъ не могъ найти въ отдѣленіи расколовъ, къ которому онъ былъ прикомандированъ въ качествѣ чиновника, и онъ пересталъ туда ходить. Мало того: самое имя чиновника ему стало противно. Нельзя не упомянуть здѣсь слѣдующаго курьеза. У Щапова былъ закадычный другъ чиновникъ, котораго Щаповъ очень любилъ и съ которымъ почти постоянно жилъ въ Петербургѣ. Этотъ другъ служилъ Щапову козломъ отпущенія за всѣхъ чиновниковъ, за весь чиновничій міръ. Какъ только Щаповъ выплетъ, такъ онъ начинаетъ допекать своего друга за его чиновничьи воззрѣнія, чиновничью логику, за тупость и бессмысленность основъ ея. Этого мало: всякому встрѣчному объясняетъ, что другъ его — такой человѣкъ, съ которымъ ни разговора

вести, ни жить вмѣстѣ, ни дѣла никакого дѣлать невозможно. На другой день, однако-жь, и Щаповъ и другъ его опять, какъ ни въ чемъ не бывало, вмѣстѣ, и опять у нихъ, что называется, лень не дѣленъ“. („Отеч. Зап.“ 1876 г., № 5. „Внутр. Обзор.“, 181). Вообще, какъ на черту характера Аванасія Прокофьевича можно указать, что онъ любилъ сближаться съ людьми смиренными и безответными, которыхъ бы можно было при случаѣ избранить, а они смотрѣли бы на эту временную шалость безобидно.

Н. Аристовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

„ЛИХОЛѢТЬЕ“.

(Смутное время).

Историческій романъ.

Часть II.

XIII.

„Jol! wesola mlodzy spiewaj! juz gumiany
Febus, zlotem ukasal warkocz przeplatany,
A po wielkim Olimpie zwietne tocza kola“...
„Эхъ! пой веселая молодежь! уже ру-
мянный Фебъ показалъ косу, переплетае-
мую золотомъ; его блестящія колеса мчатся
на высокомъ Олимпѣ..

(Янъ Корейва).

Ы въ литовскомъ „мястѣ“ пана Ксаверія Стадницкаго — „Залусць“. „Място“, собственно „рынокъ“, заключался въ обширной площади (или выгонѣ), застроенной тѣсно жидовскими корчмами, лавками, бѣлыми мазанками „загоновой“ шляхты. Среди площади бѣлѣлся тяжелой архитектуры каменный костель съ высокою черепичною кровлей, узкими окнами и блестящими крестами. Поджарый и беззадный, какъ всѣ его соплеменники, Янкель Дудель „шинкуаруетъ“ у костела водкой, въ просторномъ, на-скоро сбитомъ изъ теса, балаганѣ. Бывшій маркитантъ вельможнаго „глустаго“ пана Неборскаго, убитаго на войнѣ съ москалями, навсегда покончилъ свое странствованіе за жолнерами, исполненное опасностей и ежеминутнаго для него страха. Если объ этихъ пережитыхъ опасностяхъ и вспоминалъ Янкель съ ужасомъ, свойственнымъ трусу, тѣмъ не менѣе эти опасности дали ему „гешефтъ“ — свѣтлые червонцы, вербели и гроши. Въ качествѣ „арендатора панскаго“ онъ пользовался

«истор. вѣстн.», годъ III, томъ X.

широкимъ правомъ водочной торговли и не терпѣлъ конкуренціи. На всемъ пространствѣ панскихъ владѣній, „маестостей“, жидки могли торговать напитками только отъ него. Онъ „держалъ“ панскую винницу, т. е. винокурню, и курилъ вино; „держалъ“ православную церковь также въ арендѣ и большіе церковные ключи звенѣли у него за поясомъ вмѣстѣ съ кожанымъ ящичкомъ талмуда. Безъ „арендаря“, т. е. безъ взноса ему положеннаго денежнаго сбора, попь не могъ отправлять ни службы, ни требы; покойникъ недѣлями валялся въ сараѣ, разлагаясь въ жаркое время, и своимъ видомъ пугалъ семью, если ей нечѣмъ было заплатить Янкелю; паробки жили безъ вѣнца съ дивчатами, какъ мужъ съ женой, если у нихъ не хватало внести Янкелю „аренду“. Такого притязательнаго, корыстнаго „арендаря“ еще не видѣлъ забитый шляхтенскими палками православный народъ. Старый попь Меркулъ больше обрѣтался въ балаганѣ или корчмѣ Янкеля, чѣмъ въ церкви, предавшись пьянству и чувствуя, что онъ въ зависимости отъ пархатаго жиды, „якъ песь на веревкѣ“. Въ то время, какъ пьяный попь Меркулъ, забывъ свое священническое званіе, срамилъ его и себя, задавая выпляску за кварту взятаго въ долгъ вина и потѣшая жидковъ и шляхту, „быдло“—православный народъ его прихода—пропадалъ съ зари до зари на панщинѣ, т. е. на панской работѣ. Въ поляхъ, политыхъ его потомъ, а нерѣдко и кровью, усталый поселянинъ уныло тануль унылую пѣсенку:

„Ходить попогъ по церковци,
У внижку читае:
— Ой, чомъ же васъ, добри люди,
У церкви не мае.
— Ой, якъ же намъ, паноченьку,
До церкви ходити:
Отъ недѣли до недѣли
Маемъ молотити...“

и эту самую унылую пѣсенку тануль православный мужикъ на всемъ пространствѣ Посполитой Рѣчи.—„На що тебѣ Богъ создавъ?“ спросить шутя какая нибудь панна старостина крестьянскаго хлопчика.—„Щобъ панщину !робивъ“, отвѣтитъ паниѣ старостинѣ хлопчикъ. Панна старостина возьметъ и дастъ хлопчику въ поощреніе за таковъ отвѣтъ „срибнаго злотаго“.

За „аромъ“ въ садкахъ, на опушѣхъ лѣсного разлива, бѣлѣлись хаты, мазанки, длиннымъ, извилистымъ порядкомъ, исчезавшимъ въ лѣсу. Мазанки маленькія, убогія, подъ очеретовыми крышами, съ высокими, мазанными же, комями вмѣсто трубъ. Надъ аромъ пережосилась отъ ветхости и небреженія маленькая рубленая церквочка, всегда запертая; крыша на ней очеретовая же, взбуровленная вѣтрами, мѣстами сползающая. Маленькія рѣдкія оконца давно безъ стеколъ, по церкви на просторѣ гудитъ вѣтеръ, неся лѣтомъ дождь, а зимой снѣгъ. Покачнувшійся деревянный крестъ когда-то былъ вы-

крашенъ желтой краской. Противъ паперти, на полусгнившихъ столбахъ съ перекладной, качается маленький колоколь; когда въ него звонитъ одичавшій пономарь, онъ издаетъ жалобные звуки, скорѣе похожіе на стонъ, чѣмъ на благовѣсть. И какъ рѣдко приходилось стонать этому маленькому православному колоколу! Даже сегодня, въ день святыхъ Петра и Павла, уныло молчитъ этотъ колоколь; сиротливо пригорюнилась „русская“ церквочка. Зато съ какой радостной торжественностью оглашаютъ „място“ звучные колокола „панскаго“ костела. Клека усердно раскачиваетъ большіе „звонъ“, висящіе надъ окномъ колоколенки, выступающей красивой башенкой съ фасада величественнаго костела; какую огромную, шумную толпу собралъ этотъ торжественный звонъ вокругъ костела и въ немъ! Толпы хмѣльных, разодѣтыхъ по праздничному, шляхтичей толкались по „армарѣ“—базару, становившемуся въ этотъ день на площади, и сбравшему окрестное и дальнее населеніе. Пархатый „арендарь“, Янкель, торговалъ въ балаганѣ на славу. Цуры, Ривки, Рахили, все многочисленное семейство бывшаго маркитанта, съ босоногими „мишуресами“ включительно, едва успѣвали отпускатъ напитки и получать за нихъ гроши. Самъ онъ, своими мокрыми, шельмоватыми глазами только слѣдилъ за тѣмъ, чтобы какой нибудь „бѣдака“, задорный нахаль, съ вызывающимъ на ссору видомъ, длиннымъ усомъ, въ лихо заломленной шапкѣ, съ продранными локтями когда-то суконнаго кунтуша и съ пустыми карманами, хоть ихъ выверни, не ваялся бы за полный ставанъ прежде, чѣмъ за него заплатитъ. Этихъ усатыхъ молодцовъ, оборванныхъ и гремящихъ саблей, Янкель, по личному опыту, боялся пуще наказанія, которымъ грозить сыну Израиля Іегова за неисполненіе имъ закона о „трефной“ и „коширной“ мясной пищѣ. Но съ „бидломъ“, съ безответнымъ и внѣ закона стоящимъ „музикомъ“, „хлопомъ“, Янкель держалъ себя не только надменно, но и безсердечно.—Ну и что ви, музыцки? Что вамъ треба? презрительно спрашивалъ онъ толпу босоногихъ крестьянъ, прямо съ поля, запяленныхъ, задотѣвшихъ, обгорѣвшихъ на пеклѣ, съ косами и граблями на плечахъ, въ грязныхъ рубахахъ, безъ поясовъ, въ порткахъ и маргелкахъ, бѣлыхъ войлочныхъ шапкахъ—стаканомъ, сахарной головой.—Горилки выпить? гроши дадите, ну!—Ихъ всѣхъ за грошъ купишь, жиду!“ дерзко усмѣхаясь на рабочій уныло поглядывавшій людъ, замѣтилъ высовой сѣдоусый панъ экономя сосѣдняго фольварка, съ строго вращающимися глазами, въ сѣрой чепаркѣ и высокихъ сапогахъ, съ плетью въ огромной рукѣ. — „Въ полѣ паньска работа, а они пьянствовать! Лайдаки! Пся кровь! Не я, панъ Тодоръ, у васъ экономя!.. попробовали бы вотъ этого!“

Панъ Тодоръ ваялъ въ свою объемистую тупую другую кружку пива, бросилъ грошъ и, поѣдая хлоповъ строго вращающимися глазами, внушительно погрозилъ имъ плетью и вышелъ изъ балагана.

— Гроши? съ тѣмъ же презрѣньемъ косаясь на хлоповъ, требова-

тельно повторилъ Янкель, провожая въ то же время мокрыми глазами уже подкутившаго шляхтича, съ сердцемъ хлопнувшего о земь пустой стаканъ, такъ какъ другого стакана горѣлки ему въ долгъ не дали. По мрачно-рѣшительному виду усатой рожи ушедшаго „арендарь“ понялъ, что требовать съ него гроши за разбитую „стѣлянечку“ то же самое, что быть битымъ; а потому разчетливый сынъ Израиля нехота ограничился вздохомъ сожалѣнія да раздраженнымъ окрикомъ на толпу хлопозъ, тѣснившихся у входа въ балаганъ.

— Идъ соби съ Богомъ, Хома! обратился онъ къ плотному старику, завистливо поглядывавшему на то, какъ добрые люди пьютъ горѣлку посмаживая пересохшими, полопавшимися на солнцѣ губами. И смѣло взявъ его за широкія плеча своими пархатыми руками, жидъ попробовалъ было его вытолкать вонъ. Къ пущей досадѣ жида эта саморучная расправа съ хлопомъ оказалась не по жидовской силѣ. Старики стоялъ какъ выросшій въ землю пень.

— Нема грошей? визжалъ на него Янкель.—Нема?

— Нема, жиду, сповойно отвѣтилъ Хома.

— Нема горилки! съ злобынмъ удовольствіемъ помучить бѣднаго челоуѣка, закончилъ Янкель и повернулся къ хлопамъ спиной.

— На обжники возъ жита ссыпемъ, жиду, продолжалъ невозмутимый Хома, хорошо изучившій Янкеля и знавшій, чего ему отъ нихъ нужно.—Дай въ долгъ боченокъ горѣлки. Уморились... одолжи!..

— Въ долгъ! все въ долгъ! платить кто будетъ? ну? заговорилъ уже совсѣмъ другимъ голосомъ Янкель, быстро оборачиваясь къ хлопамъ. — Ну, и я вамъ, музыцки, боценокъ горилки налью; а вы мнѣ, въ обзники, пару возовъ зита ссыпите? Ну? ладно?

Хлопы межъ собой переглянулись, почесались, кракнули съ усмѣшкой людей, которымъ, какъ говорится, пришлось ни въ задъ, ни въ передъ. А выпить хочется, моченьки нѣтъ, уходились надъ буйною рожей, навихляли руки, плечи болятъ.

— Ну, и сто-въ? Наливать сто ли, музыцки? загнусавилъ нетерпѣливо Янкель.—Нецего стоять! ну?

— Наливай, жиду! спокойно согласился за товарищей Хома, подавая Янкелю полуведерный боченокъ, изъ котораго предварительно выпилъ остатокъ воды, утолившей мужичью жажду на косьбѣ.

Отпуская хлопозъ съ горѣлкой въ долгъ, хотя за страшные, вполнѣ жидовскіе проценты, Янкель нѣсколько разъ подтвердилъ имъ: „Стобъ було вѣрно, музыцки! стобъ по цесности!.. стобъ пару возовъ“...

— Вѣрно будетъ, ссыпемъ, жиду! спокойно отвѣтилъ Хома за всю толпу своихъ, давно привыкшихъ быть безответными.

Но отойдя, хлопы дружно принялись ругать пархатаго жида, ободравшаго ихъ слишкомъ чувствительно. Прежніе „арендары“ полведра за возъ жита давали, а этотъ хриstopродавецъ слупилъ съ нихъ два воза.

Дешевъ былъ на Литвѣ мужичій трудъ и его сельскіе продукты.

Четверикъ ржи стоилъ грошъ, даже меньше; мужицкіе сани—полтора гроша, воля рабочій—два рубля съ полтиной, возъ сѣна—грошъ. И при такой дешевизнѣ рабочаго труда, мужикъ платилъ пану, при ежедневной „паньшинѣ“, т. е. барщинѣ, три рубля подати, кромѣ подати „натурою“, живностью и зерномъ. Не дорогъ былъ на Литвѣ и самъ мужикъ, человекъ „простаго стана“. За увѣчье или убіеніе тяглаго и двороваго, по статуту Сигизмунда, полагалась только пеня; эта пеня была даже ниже пени за увѣчье или убійство татарина.

Между тѣмъ, изъ корчемъ доносились веселыя пѣсни шляхетныхъ гулякъ. Молодые щеголи паны красовались на конныхъ коняхъ, богато осѣдланныхъ, дава и пугая народъ. Среди яркихъ польскихъ кунтушей выдѣлялись бѣлыя свитки и серьмаги крестьянъ, въ бѣлыхъ маргелкахъ и бѣлыхъ онучахъ, въ львовыхъ лаптяхъ. У бабъ, по праздничному, были надѣты цвѣтные кушаки и бѣлые платки на шеѣ; замужня въ наметкахъ изъ холстины съ узорными концами, разшитыми цвѣтнымъ шитьемъ; дѣвки съ распущенными волосами, или косами, въ синихъ суконныхъ андаравахъ, въ юбкахъ; старухи въ пассивахъ, полотняныхъ халатахъ. Въ крестьянской одеждѣ сказывалась близость Бѣлоруссiи. Шляхетная молодежь грубо заигрывала съ дѣвками покрасивѣе. Къ костелу то и дѣло подкатывали щегольскіе панскіе возки и нейтычаны; передъ папертью, по обѣ стороны аллеи изъ высокихъ тополей, ведшей въ костелъ, толпились слуги и конюха, держа въ поводу множество красивыхъ засѣдланныхъ коней. На солнцѣ весело блестяли серебро, позолота, дорогіе каменья, бархатъ, парча панскихъ сѣделъ, чепраковъ и уздъ. Горячіе жеребцы ржали, брыкались, взвивались на дыбы. Зеленый, словно лавовый послѣ ночного дождя, тополевыи листъ сонно шелестилъ въ тепломъ, неподвижномъ воздухѣ. Съ грохотомъ по камнямъ мостовой подкатила и богатая нейтычана пана Ксаверія, четверкой цугомъ подобранныхъ сѣрыхъ жеребцовъ. Высокія краковскія шоры были украшены серебряными бляхами, махрами и разноцвѣтными кистями. Узды, обвитыя малиновымъ бархатомъ, обвѣшаны мелкими, въ тонъ подобранными гремушками, издававшими тонкій, разсыпчатый звонъ. Ловкій возница, въ ливреѣ съ гербами, управлялъ цугомъ малиновыми бархатными возжами и длиннымъ бичемъ. Вооруженные гайдуки окружали нейтычану; впереди, очищая „пану дорогу“, бѣжалъ скороходъ. Съ паномъ Ксаверіемъ вышла прелестная его дочь, панна Ортанса. Ея граціозная, легкая фигура въ бѣломъ атласномъ платьѣ, съ золотившимися на солнцѣ льняными волосами, подъ кокетливымъ бѣлымъ беретомъ, выпоркнула птичкой изъ высокой нейтычаны съ помощью старой руки отца. Онъ повелъ ее межъ тополей, еще душистыхъ, къ костелу, оглащаемому тѣмъ же торжественнымъ звономъ. Ея синіе, прекрасные глаза ласкали, казалось, всякаго, на комъ случайно останавливались. Она словно не ступала по желтому песку аллеи бѣлыми атласными башмачками на красныхъ ваб-

лучахъ,—такъ была легка, изящна ея походка. Волшебной феей промелькнула она въ восторженныхъ глазахъ молодыхъ пановъ, ожидавшихъ ее у входа въ костель, въ которомъ она скрылась, увлекая за собою толпу своихъ обожателей.

А у балагана Янкеля Дуделя—хохотъ, давка, грубья громкія остроты. Старый пошъ Меркуль собралъ вокругъ себя толпу. Облѣзлая отъ времени, измятая пуховая шляпа съ широкими полями сдвинулась на затылокъ, затасканный нанковый подрясникъ, подпоясанный широкимъ поясомъ, съ висящими на немъ кожаными лѣстовками,—въ пуху и грязи. Опухшее съ пьянства, заросшее всклокоченной бурой бородой лицо алѣло; глаза бессмысленно и безстыже ухмыляются, налитые хмѣлемъ; онъ качался на старыхъ ногахъ, съ явнымъ трудомъ удерживая равновѣсіе и опираясь обѣими руками на палку.

— Камо граду азъ, непотребный іерей? вопилъ онъ во всю глотку.—Граду въ землю обѣтованную, ко хриstopродавцу Іудѣ, еже Христа за тридцать сребренниковъ продалъ! Граду вина испити! горе размыкати, братіе! и повалился, при радостномъ хохотѣ обступившей его пьяной толпы.

— Вотъ такъ батька! одобрили его веселые голоса, — справилъ праздничекъ! набрался спозаранка!—Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ хотѣли пособить ему подняться.

— Пррочъ! отыди, камово колѣно, отъ колѣна Левита! неистово вопилъ пьяный пошъ, отмахиваясь палкой отъ воображаемыхъ враговъ. Тѣшится шинваръ Янкель Дудель, и шляхта, и крестьяне, надъ распьянствовавшимся православнымъ попомъ. Даже выбѣжали изъ балагана посмѣяться Цура, Ривва, Рохля, мишуресы. А въ костель идетъ католическая месса. Служить самъ прелатъ, монсиньоръ Брамантини, въ сослуженіи плебана—ксендза и капеллана „замка“, патера Леонарда. Обширный костель, переполненный набожными молящимися, вмѣщалъ въ себѣ цвѣтъ мѣстнаго дворянства. Многіе пріѣхали издалека. Добрая половина изъ нихъ были „гости“ пана Ксаверія. Роскошно разодѣтыя дамы не обмѣнивались теперь любезностями съ кавалерами, а углубились въ свои „ксенжки до набоженства“. Мелодическій органъ то словно пѣлъ на хорахъ, вызывая въ молящихся религиозное настроеніе, то рокоталъ глухо и таинственно, какъ упрекъ совѣсти, забывшейся въ мірской суетѣ и не пекущейся о спасеніи души. Величавая фигура прелата въ бѣломъ облаченіи, эмблемъ его обѣтовъ дѣвственной непорочности, въ голубоватыхъ облакахъ воскуреннаго фиміама, съ медленною торжественностью подѣмля глаза и руки въ небо, звучнымъ голосомъ провозглашаетъ:—„Dominus vobiscum!“ и трижды на всѣ стороны благословляетъ паству. Престолъ подѣ парчевой одеждой, съ высокимъ распятіемъ, весь убранный яркими, только что сорванными живыми цвѣтами, окруженный горящими свѣчами въ золоченныхъ под-

свѣчникахъ, залить ослѣпительнымъ блескомъ солнца, прорывавшагося въ готическія узкія окна за узорными рѣшетками, какъ блескомъ славы Божіей, кому воздавалось здѣсь торжественное поклоненіе. Когда органъ заигралъ „Sanctus“, всѣ встали съ своихъ мѣстъ и костель огласился громкимъ пѣніемъ предстоящихъ:

„Sanctus Dominus Deus Sabaoth, plena sunt coeli et terra gloria tua, Osanna in excelsis!“

Панна Ортанса, по обычаю, исполняла въ этотъ день празднованія святыхъ Петра и Павла, во имя которыхъ назывался костель, обязанность квесторки. А потому, въ свое время, пошла съ серебрянымъ блюдомъ собирать „динарій“. Старый панъ Ксаверій сзади шелъ съ церковнымъ ящичкомъ. Золото и серебро щедро сыпалось на блюдо молодой красавицы. Тароватые паны на-перерывъ ловили ея благодарный взглядъ и заслушивались, какъ музыки, ея „бардзо дзинькую, панъ“, сопровождаемое скромнымъ поклономъ, полнымъ прелести. Когда квесторка остановилась передъ паномъ Вицентомъ Подгурскимъ, забившимся въ дальній уголъ востела, она вдругъ смутилась и покраснѣла. Нѣсколько сконфуженная, впрочемъ, какъ всегда расположенная къ ней улыбка этого неулюжаго пана съ простымъ, очень загорѣлымъ лицомъ и видомъ скорѣе эконома, чѣмъ богатаго владѣльца, къмъ онъ былъ, встрѣтила Ортансу, какъ ей показалось, молчаливымъ упрекомъ; самолюбивая краска показалась на его щекахъ, обнаруживъ его волненіе. Она стояла передъ нимъ какъ виноватая, опутивъ глаза, и безпокойно ждала, чтобъ онъ положилъ на ея блюдо монету. Она, почему-то, рассчитывала, что онъ дастъ менѣе другихъ, по всѣмъ извѣстной своей скупости. Несмотря на такой торжественный день и многолюдный сѣвздъ, онъ былъ въ неизмѣнномъ черномъ бархатномъ, поношенномъ кунтушѣ, такъ ей надобвшемъ. За этотъ противный кунтушъ она готова была на него разсердиться. Чудакъ! будто нарочно старается показаться хуже, чѣмъ онъ есть? Она сердилась на него еще и за то, что онъ пересталъ у нихъ бывать въ домѣ, и отецъ не разъ замѣчалъ ей, что по ея милости не видитъ своего пріятеля, бесѣдой съ которымъ онъ такъ дорожить. Но что жъ онъ медлитъ? жаль, конечно, карбованца? Чудакъ!.. Панъ Вицентъ положилъ на блюдо Ортансы полный кошелекъ золота, тяжесть котораго она сейчасъ же почувствовала. Изумленнымъ, по благодарнымъ взглядомъ синихъ глазъ квесторка выразила душевное свое одобреніе его щедрости на Божій храмъ и торопливо отъ него отошла, вспыхнувъ до ушей. Онъ не услыхалъ — только онъ одинъ изъ всѣхъ кавалеровъ въ костелѣ — ея музыкальнаго „бардзо дзинькую, панъ“. Она забыла ему поклониться хорошенькой головкой. Онъ ясно видѣлъ, что она отъ него бѣжала. Тихій вздохъ этого простодушнаго пана и нѣжный взглядъ напутствовали ее...

Панская усадьба мало чѣмъ отличалась отъ усадебъ сосѣднихъ литовскихъ пановъ и московскихъ бояръ „за рубежомъ“. Тѣ же рубленныя хоромы и дворовыя строенія подъ гонтомъ или соломой. Только обширный домъ съ разновременными пристройками имѣлъ видъ и носилъ названіе „замка“. Жилище велемочнаго католическаго помѣщика, почти неограниченнаго властелина своихъ православныхъ хлоповъ, „цивилизованнаго“ угнетателя забитаго, загнаннаго, безправнаго „быдла“, служило и защитой окрестности, и ея тюрьмой. Сліяніе двухъ рѣкъ образовало озеро, обтекавшее замокъ съ трехъ сторонъ и дѣлавшее его, въ случаѣ надобности, трудно доступнымъ. Отъ рынка или „мяста“ его защищала неуклюжая рубленая четырехугольная башня, съ чугунными пушками, глядѣвшими въ маленькія бойницы. Надъ ея воротами былъ прибитъ большой кованый мѣдный щитъ дѣда пана Ксаверія, пана Тадеуша, прозваннаго „Медвѣдь“. На щитѣ огромный двуручный мечъ и шлемъ съ заржавленнымъ панциремъ. Сколько виѣшность замка внушала уваженіе, по крайней мѣрѣ гайдамакамъ, тревожившимъ порубежную къ степямъ Литву, столько же внутренность панскихъ покоевъ представляла удобствъ къ жизни болѣе утонченной, къ приему и пребыванію въ немъ друзей. Пограничный замокъ пана Ксаверія не разъ оказывалъ окрестному населенію добрыя услуги, даже въ татарскіе набѣги и въ борьбѣ Литвы съ Москвою. Въ строгомъ смыслѣ, нельзя было назвать „замкомъ“ нѣсколько большихъ строеній различныхъ размѣровъ и высоты, одно-этажныхъ и въ два этажа, какъ-то безтолково сведенныхъ въ одно цѣлое. Здѣсь жила панская семья и помѣщались покои для пріѣзжихъ. Квадратный низенькій домъ со множествомъ небольшихъ оконъ смыкался съ главнымъ корпусомъ галлерей на столбахъ. Здѣсь жили „дршаки“ панскихъ слугъ, изъ которыхъ шляхтичи составляли хоругвь надворной панской пѣхоты, а челядь—сотню панскихъ казаковъ и гайдуконъ. Панскія хлѣбни, винницы, цивоварни, конные и скотныя дворы, птичники—тянулись у лѣса къ селу, отдѣляемые отъ него крутымъ яромъ.

Гостепріимство знатнаго пана, достойное преданій старой Литвы, пользовалось вполне заслуженной славой. Далекую разносилась молва о многолюдныхъ сѣздахъ и веселыхъ праздникахъ въ замкѣ пана Ксаверія. Католическіе паны отличались слабостью къ нововведеніямъ и роскоши въ жизни отъ православныхъ пановъ Литвы, придерживавшихся, какъ и ихъ одновѣрные московскіе бояре за рубежомъ, старины и неохотно съ нею разстававшихся. Изъ Кракова и Варшавы уже проникала въ глубь литовскихъ лѣсовъ и болотъ порча нравовъ, распространяющаяся скорѣе истиннаго просвѣщенія и его опережающая.

Многолюдное общество, сѣхавшееся въ замкѣ пана Ксаверія, щеголяло бархатомъ и шелкомъ, дорогими каменьями и изысканнымъ покроемъ своихъ одеждъ. Оно уже забыло равендукъ и суено старой

Польши. Изъ костела всё возвратились порядкомъ проголодавшись, особенно паны, вставшіе рано.

— Добрая чарка, какъ и охотничій рожокъ, всегда въ пору въ старой Литвѣ, панове! весело обратился панъ Ксаверій къ мужчинамъ.—Къ дамамъ, кавалерство! Прошу къ столу!

Онъ любезно, съ молодцоватою выправкою стараго воюки, предложилъ правую руку дебелой, еще красивой, несмотря на лѣта, пань старостинѣ Могилевской, Ядвигѣ Сулятыцкой, и повелъ ее въ огромный залъ, къ огромному, накрытому и заставленному кушаньями и напитками столу. За нимъ парами потянулись кавалеры съ своими дамами. Панну Ортансу, вызывавшую страстные взгляды и нѣжные вздохи воинственной молодежи, повелъ панъ Конюховскій, тотъ самый дворянинъ королевскаго посольства въ Москвѣ, котораго такъ искренно ненавидѣлъ Гонсѣвскій. Лишь только хозяинъ съ паньей старостиной вступилъ въ залъ, съ хоръ, за искусно точеной рѣшеткой, грянула музыка. Подъ звуки полонеза, кавалеры, особенно молодые, побрякивая шпорами и постукивая каблукъами въ тактъ музыки, любезничая съ дамами и покручивая усы, вели ихъ къ столу. Степень знатности гостей и ихъ близости къ дому пана Ксаверія сама собою распредѣляла за столомъ мѣста. Хозяйка, панья Магдала, лежала больная у себя въ опочивальнѣ и не могла принять участія въ праздникѣ. Ея мѣсто за столомъ заняла панья старостина; свободное право кавалера выбрать себѣ къ столу даму доставило, конечно, нѣкоторымъ юнымъ парамъ удовольствіе весело провести обѣдъ. Панна Гонората, эта перерѣзлая дѣва изъ Замѣхова, негодовала на судьбу, прославшую ей въ кавалеры пана ойца, ксендза-плебана. Патеръ Леонардъ, къ ея досадѣ, давно уже вышелъ изъ того возраста, когда мужчина, будь онъ даже духовникъ, обязанъ внимательностью къ прекрасному полу. Только одной пань Гоноратѣ казалось, что она не на своемъ мѣстѣ, среди общаго довольства своими мѣстами. Ея ожирѣвшій, оплѣшивѣвшій и, какъ она полагала, одурѣвшій ксендзъ просто выводилъ ее изъ себя. Что за дикая фантазія побудила этого обжору пригласить своей дамой къ столу именно ее, пану Гонорату Модлевскую? Развѣ мало кромѣ него здѣсь молодыхъ любезныхъ кавалеровъ, которыхъ сообщество могло быть ей пріятно? Ужели онъ, несчастный ксендзъ, думаетъ, что его сопѣнье и мрачный видъ способны пробудить въ образованной дѣвицѣ нѣжное чувство? Въ своемъ неисправимомъ женскомъ увлеченіи и легкомысліи она не хотѣла понять въ поступкѣ отвратительнаго ей ксендза христіанскаго чувства, достойнаго болѣе правильной оцѣнки. Что ожирѣвшій патеръ вовсе не рассчитывалъ на удовольствіе пользоваться за столомъ сообществомъ панны Гонораты, въ этомъ она сейчасъ же убѣдилась. Громко благословивъ яства и питія, воспитатель Ортансы и капелланъ замка, сопя, тяжело опустился на табуретъ и исключительно занялся только тѣмъ, что благословилъ—

яствами и питіями, съ серьезностью человѣка, вполне понимающаго свои обязанности передъ желудкомъ. Его не развлекали ни шумный разговоръ, ни веселый смѣхъ кругомъ, ни громкіе тосты, провозглашаемые хозяиномъ и оглушительно подхватываемые гостями. Панна Гонората не стѣснялась жаловаться сосѣдямъ по столу на невѣжливость съ нею обжоры ксендва. Онъ только моталъ головой, утвердительно или отрицательно, не отрываясь отъ тарелки, заботясь лишь о томъ, чтобы она была постоянно полна. Трудно было бы найти двухъ собесѣдниковъ, болѣе различныхъ по своему характеру: престарѣлая дѣва все говорила и не ѣла; престарѣлый патеръ все ѣлъ и молчалъ. Она и онъ невольно напоминали насмѣшницѣ Ортансъ сонъ Фараона о тощей кравъ, пожравшей тучную, о чемъ она не замедлила сообщить своему кавалеру. Панъ Коноховскій много смѣялся, замѣтивъ прелестной дѣвушкѣ, что на этотъ разъ тощая крава рискуетъ подавиться тучной кравой, несмотря на видимое желаніе ее сожрать. Удачное сравненіе Ортансы, разойдясь среди молодежи, вызвало одобрителный смѣхъ.

Панъ Коноховскій слишкомъ открыто „ухаживалъ“ за панной Ортансой, чтобы этого не замѣтили особы прекраснаго пола, особенно всевидящая Гонората, ни на минуту не упускавшая изъ вида свою опасную соперницу. Надменный панъ „пбсолъ“, какъ его величали одни въ насмѣшку, другіе по невѣдѣнію той печальной роли, какую ему приходилось довольствоваться въ Москвѣ, въ королевскомъ посольствѣ Гонсѣвскаго, очень не нравился веселой красавицѣ. Не въ ея вкусъ была его глупо гордая манера держаться и его несчастная, отталкивающая ея фізіономія. Но больше всего онъ былъ противенъ ей потому, что имѣлъ виды матримоніальные, рассчитывалъ жениться, именно на ней, паннѣ Ортансѣ. Ее забавлялъ этотъ крошечный носъ, всегда кичливо вздернутый вверхъ вмѣстѣ съ большими усами, и голова, несоразмѣрно маленькая, посаженная капризницей природой на широчайшія плечи и украшавшая превысокую фигуру. Недостатковъ мужской внѣшности, въ глазахъ дѣвушки, не искупалъ богатый модный кунтушъ ярко-зеленаго испанскаго бархата, съ серебряными жгутами по груди и атласные алые штаны, ни мелодическій звонъ серебряныхъ шпоръ на венгерскихъ сапожкахъ съ раструбами и висточками. Характеръ кичливаго пана Януарія Коноховскаго удовлетворялъ Ортансу еще менѣе. Претензіи къ „комплиментамъ“ и смѣшная слабость къ своей особѣ, лучше, красивѣе и умнѣе которой онъ не зналъ, столь не соответствовали его нравственнымъ качествамъ. Ужасно онъ ей надоѣлъ, избравъ ее предметомъ своего волокитства и нѣжныхъ взглядовъ, пересыпанныхъ самыми многосзначными, но ни мало ей не льстившими вздохами. Онъ принималъ картинныя позы, чванясь ими, какъ доказательствомъ своей утонченной свѣтскости, въ дамскомъ обществѣ.

Но всѣ „апроши“ пана были напрасны. Не до него было Ортансѣ.

Она досадовала на пана Вицента, котораго отсутствіе въ замкѣ въ такой день и въ такой сѣздѣ она не могла не замѣтить. Больше: она чувствовала его отсутствіе. Его скромная неуклюжая фигура и радостно смущенное выраженіе лица, съ какимъ онъ ее встрѣтилъ въ костелѣ, не выходили у ней изъ головы. Онъ считался „своимъ“ въ семьѣ пана Ксаверія. Ортанса привыкла часто видѣть его у себя. А тутъ вдругъ нѣсколько недѣль глазъ не показывается! Чужаки! И, всего досаднѣе, она же виновата передъ отцомъ въ его чудачествѣ. Въ чемъ же она виновата? А въ томъ, что она держала себя съ нимъ, хорошимъ, благороднымъ человѣкомъ, не такъ, какъ слѣдовало, въ томъ, что она его не понимала, потому что понять не хотѣла. Развѣ она не знаетъ, какъ давно, постоянно онъ ее любитъ? Развѣ онъ не стѣбитъ ея, балованной, своенравной дѣвушки? Развѣ онъ не умнѣе, не образованнѣе ея? несмотря на свой видъ эконома, развѣ онъ не благородный человѣкъ? Съ какимъ великодушіемъ онъ отступилъ отъ нея въ то время, когда она увлеклась юнымъ Паоло! Въ этотъ страстный моментъ ея жизни панъ Вицентъ всецѣло предоставилъ ее своему увлеченію, не мѣшая ей, не надѣдая своимъ искательствомъ. А какъ это ему тяжело было! Она хорошо понимала. И за это великодушіе, достойное любящаго мужчины, она его такъ уважаетъ и готова, кажется, полюбить. Она сознаетъ свою неправоту передъ нимъ. Она ее загладитъ. Она такъ ему признательна и ей жаль его. Но онъ все же чужаки, нелюдики. Не пріѣхать къ ней въ такой праздникъ! Можетъ, онъ разлюбилъ ее или мстилъ ей, разсчитываясь равнодушіемъ за равнодушіе? Нѣтъ, онъ ее не разлюбилъ, не мстилъ ей. Въ этомъ ее убѣдилъ въ костелѣ его грустный видъ. Онъ просіялъ, увидя ее. Какъ не похожъ онъ на всѣхъ этихъ молодыхъ пановъ, любящихъ въ женщинахъ только самихъ себя! Это глубокое, нѣжное сердце подъ некрасивою наружностью... но зачѣмъ онъ чужаки? Зачѣмъ онъ не пріѣхалъ?

Такъ раздумывала Ортанса, беззаботною веселостью скрывая свое душевное безпокойство. Она вѣрно объясняла себѣ отношенія къ ней пана Вицента и его характеръ. Панъ Вицентъ не бросался въ глаза, особенно молоденькимъ дѣвушкамъ, своею наружностью. Онъ не былъ показнымъ кавалеромъ, способнымъ возмутить покой женскаго сердца. Молодыя дѣвушки вообще держались отъ него въ почтительномъ отдаленіи. Ихъ отчасти пугала его всегдашняя неувѣренность въ себѣ и та серьезность умнаго мужчины, что такъ безошибочно открываютъ милая вѣтренницы. По достоинству цѣнимый благоразумными родителями, онъ не имѣлъ успѣха у ихъ легкомысленныхъ дочекъ, расположенныхъ осмѣять, про себя, неловкость и нелюбезность мужчины прежде, чѣмъ пожелають ближе познакомиться съ его умственными и душевными качествами. Въ этомъ неуспѣхѣ своемъ у дѣвушекъ, прежде всего, былъ виноватъ самъ панъ Вицентъ, именно его пагубная для него несвѣтскость. Несмотря на свое разностороннее

образованіе и игривый умъ, онъ позволялъ затмить себя въ глазахъ веселыхъ красотоу всякому пустозвону и самохвалу-неучу, бойкому на языкъ и незабывчивому въ обращеніи съ женщинами. Въ своей сосредоточенности онъ и не замѣтилъ, какъ въ его душѣ выросло настоящее чувство къ Ортансѣ. При всемъ его стараніи не обнаруживать этого чувства, оно просилось въ немъ наружу и доставляло ему тяжелыя минуты. На его сторонѣ оказались мать и отецъ, намекавшіе ему, по старой пріязни, что лучшаго зятя они не желаютъ. Но Ортанса слышать не хотѣла о немъ. Она мечтала о королевскомъ дворѣ, куда и попала. Молодая фантазія увлекла ее въ Москву, въ числѣ фрейлинъ царицы Марины Юрьевны. Чтò перенесъ панъ Вицентъ во время ея продолжительнаго отсутствія и пребыванія въ Краковѣ и Москвѣ, какъ за нее трепеталъ, съ какимъ нетерпѣніемъ надѣялся ее увидѣть снова — то знаетъ онъ, да немножко ея родители, поддерживавшіе въ немъ слабую надежду. Они увѣряли его, что Ортанса ипаче на него посмотреть, когда „поумнѣетъ“, и извиняли ея невниманіе къ нему легкомысліемъ ея дѣтъ. Встрѣча красавицы на рубежѣ не могла обрадовать пана Вицента. Онъ убѣдился, что она по-прежнему на него не смотритъ, и занята молодымъ индійскимъ принцемъ, влюбленнымъ въ нее безъ памяти... Такіе подвижныя мечтательныя женскіе характеры, какъ Ортанса, не терпятъ противорѣчій и препятствія только раздражаютъ ихъ. Это понималъ панъ Вицентъ. На свою женитьбу онъ смотрѣлъ какъ на самый важный шагъ своей жизни, уважалъ свое человѣческое достоинство и свое счастье полагалъ возможнымъ лишь тогда, когда сама дѣвушка пойметъ и раздѣлитъ его безкорыстное къ ней чувство. Онъ боялся принужденія и участія здѣсь отцовской власти. Но ему тяжело было видѣть ея увлеченіе красивымъ индійскимъ юношею. Онъ убѣдился въ свои дальнія маетности подъ предлогомъ необходимаго хозяйственнаго осмотра. И какъ ему осталась за это благодарна Ортанса!..

Ортанса встрѣтила въ пылкомъ сынѣ поэтическаго востока „родную себѣ душу“; такъ ей казалось по крайней мѣрѣ. Она смотрѣла на него въ увеличительное и радужное стекло своего перваго чувства; слушала его поэтическую рѣчь съ восторгомъ, вызывавшимъ у нея слезы счастья; только счастье сулило обнять это чистое, мечтательное сближеніе, прелесть этихъ новыхъ для обихъ отношений, гдѣ Ортанса увидѣла себя богиней индійской мифологіи, обожаемой прекраснымъ юношею, увлекала ее въ невѣдомую, звавшую ее къ себѣ даль. Сказочная судьба принца, на утренней зарѣ своихъ дней заброшеннаго въ Сарматію, покинувшаго милую родину и ея религію ради Бога христіанъ, сообщала ихъ таинственнымъ платоническимъ свиданіямъ въ сумракѣ столѣтняго парка полноту и высоту, до какихъ только можетъ подняться нравственное чувство. Въ томъ духѣ вѣчной истины, что привелъ Паоло отъ идолопоклонства къ Богу, таилась живая сила, захватывавшая Ортансу. Дитя природы, чуждый

правамъ и условіямъ образованнаго общества, юный Паоло рѣзко выдѣлялся въ немъ и своею наружностію, и своимъ нравственнымъ существомъ. Чище, выше помыслами, смѣлѣе и великодушиѣе Паоло—Ортанса не встрѣчала еще ни одного юноши, и была увѣрена, что не встрѣтитъ. Его образная, одушевленная рѣчь, отражавшая міросозерцаніе его дальней родины, проникала дѣвушку неизгъяснимою прелестью. Вниманіе Паоло къ красивой полькѣ не могло, конечно, правиться монсиньору Брамантини. Съ этой минутѣ, какъ оно слишкомъ замѣтно перешло въ нѣжное и страстное чувство, прелать рѣшилъ выпроводить своего прозелита въ Краковъ. Юношеское увлеченіе позвією жизни, какъ бы ни было извинительно къ его лѣтамъ, не соответствовало видамъ прелата на Паоло. Онъ долженъ обогатить живую женщину въ идеалѣ Мадонны, и въ культѣ непорочной дѣвы, Матери Божіей, долженъ найти успокоеніе своей страсти. Такая богато одаренная натура, такой характеръ, какъ Паоло, не долженъ пропасть въ толпѣ молодежи, глупо вздыхающей въ юности по тому самому, что ей надоѣдаетъ въ совершенныхъ годахъ. Избранный, онъ не смѣшается на пиру жизни съ ними, только зваными. Онъ не охмѣлѣетъ вмѣстѣ съ ними на этомъ грѣховномъ и безумномъ пиршествѣ. Въ Римѣ ждетъ Паоло его духовный подвигъ, который начнется въ школѣ отцовъ іезуитовъ, въ „пропагандѣ“, а окончится миссіонерствомъ, христіанскою проповѣдью Паоло въ полуденныхъ странахъ Великаго Могола.

Такъ рѣшилъ прелать и такъ исполнилъ. Взаимныя отношенія Паоло и Ортансы были прерваны хотя насильственно, но благо разумно. Паоло отправился съ вѣрнымъ челоѣкомъ въ Краковъ съ письмами прелата; оттуда кардиналъ долженъ былъ препроводить Паоло въ Римъ. Романъ индійскаго принца съ прекрасной Ортансой прервался въ самомъ началѣ. Ортанса пролила потокъ сердечныхъ слезъ, прекрасныхъ, чистыхъ какъ мечты, сблизившія ее съ отбывшимъ Паоло. Она подарила ему послѣднее свиданіе, впечатлѣніе котораго онъ увезъ въ своемъ грустномъ сердцѣ, какъ лучшую свою собственность, какъ безцѣнный даръ жизни. Ортанса грустила съ мѣсяць, но затѣмъ послѣднее свиданіе забывалось постепенно. Она вспоминала неуклюжаго пана Вицента и уже досадовала на него за то, что къ нему не ѣдетъ. Ей хотѣлось теперь встрѣтить его дружелюбіѣе прежняго. Она была увѣрена, что простилась навсегда съ первыми мечтами своего сердца, что теперь ей будетъ не непріятно снова видѣть возлѣ себя пана Вицента. Но онъ не ѣдетъ, чудакъ! Она на него имѣетъ право сердиться.

Монсиньоръ Бруно Брамантини не торопился покинуть радушную семью пана Ксаверія. Онъ рѣшился воспользоваться „дѣломъ“ Марини Мнишекъ, т.-е. ея домогательствомъ на званіе московской царицы и ея царицынскими правами на московское государство. Она дождалась своего супруга, царя Дмитрія, спасшагося отъ московскихъ

убійць на Литву, откуда онъ вступилъ въ Русь. Какое дѣло монсиньору, что этотъ царь Дмитрій обрусѣлый жидъ, котораго самъ же онъ выдвинулъ на путь самозванства, осыпавъ его римскимъ золотомъ, поддерживавъ его содѣйствіемъ вооружившихся пановъ, обѣщая ему на извѣстныхъ условіяхъ могучую помощь Ватикана; какое ему дѣло, что вся эта „офара“ Мнишковъ осуждается лучшими людьми Польши? Инымъ путемъ нельзя ему достигнуть своей цѣли: подчинить схизматическую Русь вліанію, а потомъ власти Рима. Лично онъ не терпѣлъ Юрія Мнишка, какъ вліятельнаго аріанина. Именно въ семьѣ и партіи Мнишка держалось „швейцарское исповѣданіе“. Его глава въ Польшѣ, великій коронный маршалъ Янъ Фирлей, получилъ краковское воеводство при содѣйствіи Мнишка только потому, что женился на сестрѣ Мнишка; другая сестра Мнишка была за аріаниномъ Стадницкимъ, родственникомъ пана Ксаверія. Аріанская фамилія Олесницкихъ съ-родни Мнишку; ученый вольнодумецъ Яковъ Соцыгневскій, львовскій архіепископъ Янъ Суликовскій и Явубъ Сѣнинскій, всѣ аріане, ему друзья. Самъ Мнишекъ женатъ на аріанкѣ Тарло. Но, твердо держась іезуитскаго правила, монсиньоръ не пренебрегалъ никакимъ средствомъ, ведущимъ къ цѣли.

Несмотря на то, что панъ Ксаверій, какъ строгій католикъ и добрый сынъ святѣйшаго римскаго отца, не раздѣлялъ заблужденій аріанизма, онъ въ политическихъ мнѣніяхъ волилъ сходился съ Юріемъ Мнишкомъ и стоялъ за него. Поэтому монсиньоръ нашелъ въ панѣ Ксаверіи полное одномысліе и поддержку своимъ видамъ, въ сущность которыхъ, конечно, не считалъ нужнымъ посвящать стараго пана. Прелатъ, условясь съ нимъ, намѣревался обратиться къ многочисленному собранію съѣхавшихся на праздникъ благородныхъ пановъ и именемъ римскаго отца побудить ихъ вооружиться на схизматическую Москву, гдѣ погибло столько вѣрныхъ сыновъ католической церкви. Когда, послѣ веселаго обѣда, впродолженіе котораго играла на хорахъ музыка, кавалеры остались одни за столомъ, уставленнымъ бутылками, а дамы, согласно польскому обычаю, удалились, монсиньоръ поднялся съ табурета, величавый какъ всегда. Собраніе стихло, всѣ глаза вопросительно устремились на него. Строго правильное, блѣдно матовое лицо съ благороднымъ римскимъ носомъ и строго вдохновенный взглядъ большихъ черныхъ глазъ выражали религіозное чувство, требовавшее высказаться во славу Бога, которому онъ служилъ. Умѣлъ прелатъ приступить къ своей рѣчи и зналъ, кому говорилъ. Будь онъ великій актеръ, и тогда бы не могъ онъ играть свою роль лучше того, какъ онъ игралъ ее въ эту минуту. Эти усатые польскіе паны, „вѣрные католики“, уже были нафанатизированы глубокимъ святымъ религіознымъ трепетомъ, волновавшимъ представителя римской непогрѣшимой церкви и препятствовавшимъ ему говорить, прежде чѣмъ онъ приступилъ къ слову. На благородномъ итальянскомъ лицѣ прелата живо отра-

жались разнородныя чувства, угнетавшія его сердце: сокрушеніе священнослужителя о гибели множества вѣрныхъ сыновъ церкви; глубокое горе пастыря, растерявшаго стадо пасомыхъ; негодованіе воина церкви за оскорбленіе, ей нанесенное схизмой; казалось, всѣ грома Ватикана готовы низвергнуть на его враговъ этотъ достойный представитель святого римскаго отца. Тонкія ноздри расширились, черные глаза блестѣли слезой, бѣлыя, изящныя руки трепетали. Успѣхъ рѣчи уже былъ подготовленъ, это ясно видѣлъ прелать по нетерпѣливому волненію, сообщенному имъ собранію. Тогда онъ началъ, набожно осѣнивъ себя знаменіемъ креста и вздохнувъ, какъ вздыхаютъ сильно усталые:

— Во имя Бога всемогущаго! Благородныя польскіе паны! къ вамъ, къ вашему мужеству, всему міру извѣстному, къ вашему католическому благочестію, къ вашей славѣ національной обращаюсь я, прелать святой римской церкви! Не случайность собрала васъ въ этомъ гостепріимномъ замкѣ во множествѣ; не слѣпой судьбѣ обязанъ и я чести находиться среди васъ въ сей день святыхъ апостоловъ, именемъ которыхъ называется градъ и храмъ нашего святѣйшаго отца папы! Воля Божія, все указующая, собрала насъ, католиковъ, здѣсь! иначе не смѣю думать. Поймемъ же, не только разумомъ, но и сердцемъ нашимъ, знаменіе Божіе, указующее намъ свою волю. Наши братья о Христѣ, католики, злодѣйски умерщвлены въ Москвѣ. Кровь ихъ мученическая вошлетъ къ небу. Католичество не должно уклониться отъ наказанія этой нечестивой Москвы и не воспользоваться случаемъ восторжествовать надъ заблужденіемъ схизмы! Религія и честь зовутъ васъ, благородное рыцарство, поднять оружіе во славу Божію и внести его побѣдно въ Московію! Да соберутся полки ваши! Да разовьется надъ ними святая орифлама!

— Такъ есть! оглушительно воскликнуло собраніе, моментально переходя отъ мертвой тишины къ бурѣ. Сабли зазвенѣли и засверкали надъ стриженными головами пановъ.—Пойдемъ! вооружимся! за польскую честь! за братьевъ!

Когда шумъ, крики и сабельный звонъ стихли, прелать поднялъ руку и торжественно благословилъ восторженныхъ пановъ, сказавъ:

— Именемъ святѣйшаго отца нашего, папы Павла V-го, благословляю ваше оружіе, вѣрные католики!

Паны смиренно склонили свои головы. Панъ Ксаверій, а за нимъ и всѣ, одинъ за другимъ подошли къ рукѣ, ихъ благословившей, и цѣловали ее. Собраніе настроилось на воинственный ладъ. Пошли шумные толпы: когда, гдѣ, какъ собираться. Назначили региментарей, хорунжихъ; разсчитывали, сколько кто можетъ вывести въ поле жолнеровъ. Панъ Ксаверій шепнулъ, что монсеньоръ не прочь помочь римскимъ золотомъ. Молодежь расходилась, ликовала.

— Добрыдень, панове! привѣтствовалъ собраніе громкій голосъ, заставившій всѣхъ оглянуться. Волоча за собой гремѣвшую саблю,

вошелъ молодцоватый казакъ съ загорѣлымъ лицомъ, черными усами, въ смушковой шапкѣ набекрень, которую онъ не считалъ нужнымъ снять. Онъ только кивнулъ всѣмъ вообще, съ видомъ дерзкимъ, какъ бы вызывающимъ. Сѣрая суконная чемарка на крючкахъ, красные штаны въ высокія голенища сапогъ, покрытыя пылью, свидѣтельствовали, что онъ прямо съ сѣдла. Черезъ плечо на ремнѣ висѣла короткая казацкая плеть. Монсиньоръ невольно подался назадъ и переимѣнился въ лицѣ, неожиданно увидя своего знакомаго, съ которымъ желалъ бы вѣкъ не встрѣчаться.

Изумленіе стараго хозяина не замедлило перейти въ негодованіе при видѣ этого нахала, запыленного, вонявшаго конскимъ поѣтомъ, въ грязныхъ сапогахъ, осмѣливавшагося явиться невольнымъ, въ шапкѣ, у него въ домѣ, предъ столь благороднымъ собраніемъ. Едва себя сдерживая, онъ воскликнулъ:

— Кто ты, невѣжа, осмѣливающийся стоять передо мною, въ моемъ домѣ, въ холопской шапкѣ?

— Вольный ротмистръ Лисовскій! спокойно сказалъ казакъ во всеуслышаніе.—Здравствуй, панъ Ксаверій!

— Прежде сними шапку, лайдакъ, или я тебѣ собью ее! запальчиво вскричалъ Стадницкій.

— Ротмистръ Лисовскій не привыкъ ни передъ кѣмъ ломать шапки, панъ! потише! не забудь, что кромѣ воть этой сабли, которую ношу, за твоими воротами тысяча сабель...

Панъ Ксаверій быстрымъ движеніемъ повернулся и взглянулъ въ окно: на площади, передъ замкомъ, темнѣлся живой, блестящій остриями, лѣсъ пикъ; сѣрѣлись казацкія чемарки, слышалось конское ржанье и фырганье. Еще не улегшаяся пыль, поднятая множествомъ конскихъ копытъ, туманомъ стояла надъ площадью.

— Подлому разбойнику, осужденному сеймомъ на висѣлицу, нѣтъ мѣста въ замкѣ пана Ксаверія Стадницкаго! воскликнулъ Стадницкій, котораго сотни лисовчиковъ, пожаловавшихъ въ „място“, только пуще раздражили вмѣсто того, чтобъ напугать. — Твое присутствіе, негодяй, безчеститъ насъ, польскихъ пановъ! Вонъ отсюда! Сію минуту вонъ!

— Вонъ его, негодяя! вонъ! огласилась зала взрывомъ угрожающихъ криковъ, сопровождаемыхъ звономъ обнаженныхъ сабель. Вонъ! или искрошимъ тебя саблями! Пошелъ на дорогу, откуда пришелъ, грабитель!

— Честь, какой я себѣ не ожидалъ! весело смѣясь и не трогаясь съ мѣста сказалъ Лисовскій, нахальными глазами разглядывая грозно обступившихъ его пановъ съ поднятыми саблями. — Всѣ на одного! Поединокъ, достойный только пьяныхъ! Гонять человека прежде чѣмъ спросили его: зачѣмъ онъ? легкомысленно!..

— Я не имѣю и не хочу имѣть никакого дѣла съ такимъ мерзавцемъ! горячился Стадницкій.

— Но я имѣю къ тебѣ дѣло, панъ Ксаверій! Маленькій долженъ прошу уплатить!

Стадницкій на него уставился, не понимая, о какомъ должѣ онъ говорить.

— Тысяча червонцевъ за избавленіе твоей дочери, прекрасной панны Ортансы, изъ московскаго плѣна, панъ Ксаверій,— обязательно напомнилъ хозяину Лисовскій, и положилъ руку на пару заряженныхъ пистолей, за поясомъ.

Стадницкій тутъ только вспомнилъ рыцарскую услугу, оказанную Лисовскимъ его дочери за золото. По насмѣшливой улыбкѣ, пробѣжавшей по лицу гордаго пана, было понятно, что воспоминаніе объ этой доброй услугѣ не измѣняло мнѣнія пана на счетъ репутаціи почтеннаго вольнаго ротмистра.

— Рыцарскій подвигъ, панове! громко обратился къ своимъ гостямъ панъ Ксаверій. — Польская панна, спасенная разбойничьимъ атаманомъ за золото!

— Негодяй! съ громкимъ смѣхомъ презрѣнья раздалось въ залѣ.— Вонъ его!

— Вы черезъ-чуръ высокаго о себѣ мнѣнія, вельможные и невельможные паны! весело замѣтилъ собранію Лисовскій.— Ни вашимъ благороднымъ сообществомъ, ни вашимъ мнѣніемъ я не дорожу. Вы оставайтесь при своей чести, я при своей тысячѣ червонцевъ. Всякому дорого только то, чего у него мало или чего вовсе у него нѣтъ. Я бѣдѣю золотомъ и дорожу имъ; вы дорожите честью, потому что ее у васъ мало, панове каждый по своему понимаетъ честь! По вашему—я разбойникъ; Цицеронъ же людей моего ремесла называлъ: „gens desperata“...

При этомъ новомъ оскорбленіи, нанесенномъ Лисовскимъ благороднымъ панамъ, зала потряслась неистовымъ воплемъ; нѣсколько сабель замахнулись на дерзкаго. Стадницкій едва успѣлъ предупредить удары, и воскликнулъ:

— Благородная сабля не должна отнимать у закона и палача преступника, осужденнаго на висѣлицу, панове! въ ножны сабли мой домъ да не осквернится кровью разбойника!

Стадницкій швырнулъ на полъ тяжелый свертокъ червонцевъ, который Лисовскій преспокойно поднялъ и бережно засунулъ въ карманъ чепарки.

— Вене! сказалъ онъ, кивнувъ головой.— До видзенья, панове! и вышель, волоча гремящую по полу саблю, напутствуемый дружнымъ смѣхомъ и криками: „Вонъ, негодяй! Твое мѣсто на дорогѣ, пока не заболтаешь ногами на висѣлицѣ“!

Лисовскій даже не обернулся.

XIV.

„U jednego dziewczecia lichego, na czele
Wiczytaly do wiersow, sluzace fortele,
Wargi jej Hipokrenem nieprzebranej wody,
Parnasem zdaly sie byc rozkwitlę jagody.
I tak gdy jej pilnuje swych niesfrzege oczu,
Zostalem Rymodziejem zgola po warkocznu“.

„У одной бѣдовой дѣвушки на челѣ
прочли невинныя хитрости, располагаю-
щія къ сложенію стиховъ. Ея уста каза-
лись Ипокреномъ неисчерпаемой воды,
ея цвѣтушія ланиты казались Парнасомъ.
Я стерегу ее, не спуская съ нея своихъ
очей, и ея коса сдѣлала меня рямачемъ“.
(Вареоломей Зиморовичъ).

Не скоро улеглось волненіе, возбужденное появленіемъ вольнаго ротмистра. Возобновились шумныя толки по поводу московской „офары“. Вѣсть о рѣшеніи, принятомъ благороднымъ собраніемъ, идти на Москву, отомстить ей за погибшихъ поляковъ, за плѣнъ королевскихъ посланцевъ, задержанныхъ боярами вопреки законовъ образованныхъ націй, была съ восторгомъ выслушана дамскимъ обществомъ. Молодыя панны вызвались шить великолѣпную орифламу, которая напоминала бы польскому воинству его долгъ передъ Богомъ и отечествомъ. Ортанса, съ своимъ какъ бы врожденнымъ вкусомъ, предложила цвѣта, форму, размѣры, девизъ и даже матеріалы предполагаемаго воинскаго знамени. Мужское и женское настроеніе оказалось тождественнымъ. Возбужденный духъ безпокойныхъ пановъ, скучавшихъ своимъ бездѣйствіемъ, далеко былъ отъ осторожной и выжидательной политики канцлера Замойскаго, къ несчастію Польши умершаго. Что предпринимаемое движеніе самонадѣянныхъ магнатовъ расходилось въ своихъ дѣляхъ съ дѣлями короля, осаждавшаго уже Смоленскъ, даже вредило имъ,—это не бралось въ расчетъ. „Неподлегли“ никому паны готовы были, если-бъ понадобилось имъ, идти „рокошемъ“ противъ самого короля, хотя бы въ критическую минуту его дѣла. Патриотизмъ и долгъ были понятія слишкомъ условныя въ Рѣчи Посполитой, разбитой на независимыя партіи, часто не имѣвшія между собой ничего общаго, или весьма слабо связанныя временнымъ, условнымъ интересомъ. Сѣдне, испытанные въ войнахъ и буряхъ польской республики, паны рѣдко проявляли благоразуміе въ безпокойныхъ движеніяхъ знатной молодежи, поддерживали ихъ и направляли. Въ этомъ войнолюбивомъ обществѣ благоразуміе часто порицалось, какъ трусость. А назвать польскаго пана трусомъ была обида, смышавшаяся кровью. Монсиньоръ Брамантини, вполне довольный успѣхомъ дѣла, которое затѣялъ, тщательно скрывая свои клерикальныя виды отъ тѣхъ, кого воору-

жалъ на Москву,—удалился въ свой покой, отведенный ему въ концѣ длиннаго коридора. Потирая съ удовольствіемъ руки и улыбаясь уже не тою улыбкою, что у него была на-показъ, для людей, для „вѣрующихъ“, онъ усѣлся въ кресло и взялъ раскрытую книгу своего любимаго мэтра Раблэ. Отъ высоко-религіознаго одушевленія, отъ своей торжественной рѣчи благородному польскому собранію, прелатъ перешелъ прямо къ безбожнику, осужденному церковью за свое еретичество. Убѣжденія прелата позволяли ему быть однимъ человѣкомъ въ Ватиканѣ, и совсѣмъ другимъ у себя, наединѣ съ самимъ собой. Тутъ онъ снималъ съ себя маску лицемѣрія и ханжества, тутъ онъ былъ самимъ собой; прелата римской куріи смѣняли скептикъ, остроумный насмѣшникъ, тонко понимающій разницу между ученіемъ Христа и ученіемъ римской церкви.

Ранній лучъ солнца блеснулъ на готическихъ окнахъ тяжелаго костела и на его темной черепичной кровлѣ. Живописное озеро, съ своими причудливыми очертаніями и заливами, то въ бѣлѣющихъ пескахъ, то въ темной рамкѣ сосновыхъ боровъ, отражало голубое небо съ легко плывшими серебристыми облачками. Тихое, ясное утро внушало Ортансѣ желаніе подышать имъ, полюбоваться изъ окна своей комнаты. Все улыбалось молодой красавицѣ, которая сама всему улыбалась. Съ лукавствомъ, унаслѣдованнымъ всѣми красавицами, конечно, отъ ихъ общей прародительницы—Еввы, она позволяла любоваться собою назойливому пану Конюховскому, стоявшему передъ окномъ въ картинной задумчивости, конечно, рассчитанной, и не спускавшему съ нея глазъ, которымъ несчастный волокита сообщилъ выраженіе „влюбленности“, но такъ неудачно, что плутовка смѣялась отъ души. Онъ только что привѣтствовалъ Ортансу, совсѣмъ одѣтую, съ добрымъ утромъ и въ отборныхъ выраженіяхъ, ловко обдуманыхъ, объяснилъ ей, что къ ея окну привело его ревнивое чувство, мѣшавшее ему спать эту ночь. Съ неподражаемымъ, какъ ему казалось, изяществомъ придворнаго кавалера онъ вручилъ ей роскошный букетъ яркихъ цвѣтовъ, еще въ капляхъ утренней росы. Она то подносила букетъ къ своему прекрасному личику и наслаждалась его ароматомъ, то любовалась имъ съ кокетливымъ выраженіемъ молодой дѣвушки, избалованной вниманіемъ мужчинъ. Сегодня ея чудесные золотистые волосы были высоко собраны, туго зачесаны и заплетены въ видѣ красивой коронки; бѣлая, разшитая по широкимъ рукавамъ кисейная сорочка и черная бархатная безрукавка, называвшаяся „казачкой“, рѣче выдавали блескъ ея здороваго, разумяннившагося, веселаго личика и большихъ синихъ глазъ.

— Охота затѣлаться, панъ Януарій? спросила его дѣвушка, прислушиваясь къ звонкому собачьему лаю и звукамъ рожка, будившимъ тишину утра.

— Хотятъ зубра брать, прелестная панна. Вы, наша Діана, конечно? Я вапъ кавалеръ.

Онъ ей поклонился, вѣроятно для того, чтобы послѣ поклона еще выше задрать крошечный носикъ, всегда красный, утопавшій въ пухлыхъ щекахъ, и чтобы покрутить огненно-рыжий, щетинистый усъ, который итальянскіе косметики могли превратить только въ зеленеватый.

Между тѣмъ, въ столовой былъ приготовленъ обильный завтракъ для охотниковъ. Завтракъ едва не окончился печально. Поѣдая вкусныя „зразы“, „волдуны“, „фляки“, баранину, [нашпигованную чеснокомъ и подрумяненую на вертелѣ, въ собственномъ соку, заливая эту благодать литовской кухни „наливочками“ и „старушками“, благородные паны продолжали толковать все о той же московской „офярѣ“ и о своихъ вооруженныхъ сборахъ. Панъ Конюховскій, успѣвшій возстановить противъ себя мужское общество нескрываемымъ къ нему пренебреженіемъ, съ свойственною ему безтолковостью, позволилъ себѣ вслухъ порицать интригу пана Мнишка; онъ не обратилъ вниманія на то, что въ числѣ гостей пана Ксаверія находились родные и друзья сендомірскаго воеводы. Онъ незамедлилъ наткнуться на крупную ссору. Молодой панъ Гербуртъ обрадовался случаю „осадить“ чванливаго пана „посла“ и придрался къ его словамъ съ задоромъ молодости и дерзостью своего характера, хотя и не съ нимъ говорилъ панъ посолъ, дурно отзываясь о затѣяхъ пани Марины и ея отца; тѣмъ не менѣе панъ Гербуртъ счелъ своимъ долгомъ замѣтить ему:

— Стыдно тому, кто дурно отзывается объ отсутствующихъ, даже если бы они были его врагами, панъ посолъ! Но злословить женщину въ несчастіи, и такую прелестную, какъ пани Марина,— подло! слышишь, панъ Януарій, подло, низко!

— Такъ есть! подтвердила молодежь.

— Не позволю говорить мнѣ такъ дерзко, панъ! вломаясь въ амбицію запѣтушила Конюховскій.— Возьми назадъ свои слова, или...

Кичливый панъ наткнулся на словъ, которое слѣдовало ему произнести и которое его пугало.

— Не только не возьму назадъ своихъ словъ, но еще прибавлю, что ты подлець, панъ Януарій! кричалъ молодой Гербуртъ, готовый отъ брани перейти къ саблѣ.— Ты надменный оселъ!..

Растерявшійся посолъ не зналъ: обижаться-ли ему, и если обижаться, то въ какой приличной формѣ долженъ онъ выразить свое негодованіе за нанесенную ему обиду и какъ за нее наказать? Попросту—онъ струхнулъ. Гордый левъ обратился въ зайца, высматривающаго кустъ, гдѣ-бы спрятаться. Его усатая рослая фигура въ богатомъ платьѣ выглядѣла теперь бабой, съ внѣшностью мужчины. Куда дѣвалась его кичливость! Послышался презрительный смѣхъ. Враждебные взгляды отовсюду доставали наряднаго и присмирѣвшаго труса.

— „Сатисфакція!“ если ты дворянинъ, панъ Януарій! вскричалъ

Гербуртъ и, ударивъ по ручкѣ сабли, обнажилъ ее. Панъ посолъ подався назадъ и уныло оглянулся, какъ бы ища защиты.

— „Сатысфакція!“ подхватила молодежь, обрадованная возможности поединка, а еще болѣе случаю унизить и наказать зазнавагося посла.—Мы всѣ оскорблены!

Конюховскій, увидѣвъ себя вынужденнымъ со всѣми объясниться, всталъ и дрожащимъ голосомъ началъ:

— Протестую, панове! Я никого изъ васъ не оскорбилъ. Оскорбленъ я... публично... прошу выслушать, панове... я... я... если не ошибаюсь, панове, вы требуете, чтобы я со всѣми вами дрался?.. Такъ-ли?

— Такъ есть, панъ, громко подтвердила молодежь.—Поручаемъ пану Гербурту, по рыцарскому обычаю, бросить тебѣ перчатку вызова!

Янъ Гербуртъ бросилъ, чуть не въ лицо несчастнаго посла, замшевую перчатку съ раструбой. Вся фигура Гербурта дышала предвѣщеніемъ счастья драться на сабляхъ; лѣвую ногу онъ отставилъ, голову закинулъ назадъ, правая рука опиралась на саблю. Посолъ поднималъ перчатку скрѣпя сердце, съ усмѣшкой, не одобрявшей этого формальнаго порядка, который съ нимъ продѣлывали зазорные паны, порядка, за которымъ сейчасъ-же слѣдовалъ поединокъ, по всей вѣроятности долженствующій закончиться не въ пользу посла. Онъ поднималъ перчатку остріемъ своей сабли и, взявъ ее въ руку, не зная, что ему теперь съ нею дѣлать?

— Оружіе? Мѣсто? Время? Громко спросилъ его Гербуртъ, до тонкости изучившій благородную науку поединковъ, и любившій ихъ не меньше женщинъ, вина и лошадей.—Тебѣ, какъ вызванному, выбирать оружіе, мѣсто и время! Отвѣчай-же, панъ Януарій Конюховскій?

Но великолѣпный панъ посолъ въ эту скверную для себя минуту словно навсегда утратилъ способность обдумывать и отвѣчать. Онъ уныло водилъ глазами по собранію и упорно молчалъ.

— Слово, панове! виѣшался только что вошедшій въ залу панъ Ксаверій, въ отсутствіи котораго заварилась эта каша. — По праву хозяина и именемъ короля, саблю въ ножны, панъ Гербуртъ! Въ ножны, мой коханый панъ! Теразь!

Голосъ почтеннаго хозяина и его миролюбивое требованіе неприятно раздалось въ ухахъ задорнаго Гербурта; но онъ имъ повиновался. Зато ободрившійся посолъ умилно поглядывалъ на благороднаго хозяина, отвратившаго кровопролитіе, вызванное беспокойнымъ характеромъ Гербурта. Онъ поторопился передать перчатку хозяину дома, возвратившему ее, по принадлежности, Гербурту.

— Въ домъ пана Ксаверія, панове, гость лицо неприкосновенное, по священному закону польскаго гостепрѣимства! внушительно замѣтилъ почтенный хозяинъ молодежи.—Вы это знаете. Хвала Богу, мы здѣсь собрались не на турниръ, не для личныхъ счетовъ, а ради пріязни нашей и веселаго сообщества. Да не устыжусь воспоминанія, что у меня въ замкѣ пролилась кровь моего пріятели, ибо каждаго

изъ васъ, панове, я считаю своимъ пріятелемъ. Забудемъ неприятность, но не забудемъ охоты. Пора! Зубрь ждетъ насъ въ бору. Выслѣженъ. Гей! Хлопы! Венгуровки! по кубку на дорогу и въ сѣдло, панове!..

— Вивать пану Ксаверію! весело крикнули гости, однаково расположенные служить обонимъ веселымъ богамъ: и Марсу, и Бахусу. Но по взгляду, брошенному Гербуртомъ на Конюховскаго, снова надменно вздернувшего вверхъ крашенную щетину усовъ, было понятно, что онъ не считаетъ дѣло поединка конченнымъ и, въ свое время, потребуетъ отъ злополучнаго посла „сатысфакціи“.

Верховая лошадь и дамское сѣдло было удовольствіемъ Ортансы, съ которыми она не равняла всѣ прочія. Молодые охотники поджидали на дворѣ „царяцу амазонокъ“ и на-перебой бросились посадить Ортансу въ сѣдло. Но эта честь досталась пану послу, успѣвшему забыть урокъ, преподанный ему Гербуртомъ, и съумѣвшему оттереть своею надменною особою менѣе счастливыхъ кавалеровъ. Успѣхъ подыалъ крошечный носъ посла еще выше. Панъ Ксаверій съ старыми панами далеко уѣхалъ впередъ съ ловчими, псарями, доѣзжачими и лаявшими сворами, подвигаясь къ борамъ, мрачившимъ даль. Чванливый посолъ увязался рядомъ съ Ортансой, ревниво косясь на гарцовавшую кругомъ молодежь. Кровная караковая лошадь съ примоченною и заплетенною гривкой, разчесаннымъ хвостомъ и вычерненными копытами горячилась на шагъ подъ амазонкой, грызя мундштучное желѣзо и собиралась кольцомъ. Ортанса легко откинулась назадъ, граціозная какъ фея, и послала во вспрыть своей рѣзвой лошади. На ней была синяя бархатная гусарская куртка, разшитая золотомъ; синяя юбка амазонки развѣвалась; маленькая магерка, синяго же бархата, съ бѣлымъ страусовымъ перомъ, надвинутая на правый глазъ, кокетливо отбѣняла золотистые волосы; синіе глаза блестѣли, нѣжный румянецъ красилъ бѣлое личико, оживленное скачкой; посадка ея выражала увлеченье. Раннее солнце слѣпило ей глаза; она и жмурилась, и смѣялась; панъ посолъ, да и не онъ одинъ, на нее засматрѣлся; смѣясь она повторяла: „Ахъ, что за утро! Жаль минуту потерять!“ Она жила всѣми своими молодыми силами.

— За такой прекрасной наѣздницей я готовъ на край свѣта скакать! замѣтилъ ей панъ посолъ, упорствуя пронзить ея сердце своими глупыми глазами, но совершенно безуспѣшно.—Да! на край свѣта!

— Далеко: устанете, панъ! отвѣчала она, лукаво смѣясь.

— Панъ посолъ завладѣлъ сердцами нашихъ красавицъ! насмѣшливо замѣтилъ Конюховскому молодой Гербуртъ. — Счастливецъ въ любви такъ же, какъ храбръ въ полѣ! Совершеннѣйшій изъ польскихъ пановъ! Краса мужскаго пола! Великій умъ и плѣнительная любезность, панове! Намъ остается охотиться!

Всказавшись такъ зло и сорвавъ свое „сердце“ на несчастномъ послѣ, заслонявшемъ ему собой хорошенькую панну, Гербуртъ при-

шпорилъ коня и ускакалъ, сопровождаемый смѣявшеюся молодежью, къ темному бору, куда скрылась охота. Впрочемъ, не безъ сожалѣнiя покинулъ Гербуртъ и его товарищи синiе, зажигательные глаза и веселую болтовню прелестной амазонки, для менѣе прiятнаго, но болѣе мужественнаго провoжденiя времени. Вѣрнѣе Ортансъ остался Коноховскiй, и то потому, что избѣгалъ вообще всякой опасности, слѣдовательно и охоты, и былъ къ тому же плохой ѣздокъ. Его уморительная претензiя затмить своею молодцоватостью на конѣ всѣхъ кавалеровъ вызвала веселый смѣхъ не одной Ортансы. Она не могла видѣть, какъ, безпомощно болталась на сѣдлѣ, онъ задиралъ сверху крошечный носикъ и большiе усы, лихо подбоченясь, поднимая плечи, но то и дѣло хватаясь рукою за лукъ, чтобы не упасть. О своемъ наѣздническомъ искусствѣ онъ былъ самаго высокаго мнѣнiя и не скрывалъ его.

Ортансъ очень захотѣлось проучить этого несноснаго хвастуна, и въ ея умненькой головѣ блеснула мысль, которую она не замедлила осуществить.

— Поскачемъ наперегонки! Поскачемъ, панъ! предложила она ему тономъ, не допускавшимъ съ его стороны возраженiй. И давъ своему коню поводъ, поскакала. Онъ за ней,—правда, нисколько не по своему желанiю, а просто уносимый лошадей, съ которой не могъ справиться. Прекрасная насмѣшница нарочно оглянулась на всемя скаку, чтобы доставить себѣ удовольствiе полюбоваться на страхъ хвастливаго кавалера. Онъ еле держался на сѣдлѣ, схватясь рукою за лукъ. Его видъ былъ самый жалкiй. Надменное лицо теперь выражало только заботу, какъ бы не свернуть себѣ шею. Мстительная дѣвушка неслась на кусты, которые ея рѣзвая лошадь легко перепрыгивала. Расчетъ дѣвушки избавиться отъ докучнаго кавалера былъ вѣрнѣе: отчаянный вопль несчастнаго ѣздова, раздавшiйся позади, возвѣстилъ о событiи, столь для нея желаемомъ. Оглянувшись, она увѣрилась, что вельможный панъ посолъ распростертъ на землѣ въ своемъ великолѣпномъ бархатномъ кунтушѣ и что его конь во весь духъ несется по направлению къ замку. Вмѣсто того, чтобы по чувству христіанскаго участiя вернуться и помочь въ несчастiи пострадавшему спутнику, такъ жестоко наказанному за самохвальство, она продолжала скакать и перешла въ шагъ только въ густомъ кустарникѣ, мѣшавшемъ скачкѣ. Вдругъ ея лошадь наострила уши и на-встрѣчу ей изъ кустовъ показался пѣшiй охотникъ съ ружьемъ и собакой. Къ своему удивленiю, отчасти и досадѣ, она узнала въ немъ пана Вицента, шедшаго задумчиво и тоже не ожидавшаго съ ней встрѣтиться въ такой глуши. Оба остановились. Онъ приподнял шапку, поклонился.

— Панна Ортанса! своимъ глазамъ не вѣря, заговорилъ онъ, серьезный, какъ всегда, голосомъ, обнаружившимъ его радостное изумленiе, что ее видить.—Какъ вы сюда попали?

— Такъ же, какъ и вы, панъ: вы только пѣшкомъ, а верхомъ... Забавный случай, панъ!..

Ортанса, смѣясь, рассказала ему, какъ она отдѣлалась сейчасъ отъ надобившаго ей волокиты и хвастунишки, пана посла.

— Жестокая вы дѣвушка! съ тихимъ вздохомъ не то замѣтилъ онъ ей въ видѣ упрека, не то высказалъ свою мысль. Онъ погладилъ рукою красивую, „сухую“ морду ея лошади и сказалъ:—умный взглядъ. Ваша лошадь, панна, умнѣ пана посла.

— Отчего вы не у насъ, въ замкѣ, сегодня, панъ? Съ легкимъ упрекомъ замѣтила ему дѣвушка, избѣгая на него глядѣть. Его грустный взглядъ она понимала, какъ упрекъ себѣ, упрекъ, вполне ея заслуженный.—Въ замкѣ много съѣхалось, какъ всегда, на Петра и Павла, весело... Отецъ часто васъ вспоминаетъ, панъ...

Подгурскій положилъ руки на дуло ружья и задумался.

— Гдѣ весело, гдѣ многолюдно—тамъ не мое мѣсто, панна Ортанса, сказалъ онъ, вздохнувъ и тоже избѣгая на нее глядѣть. — Я не гождусь для свѣтскаго общества, вы это знаете... Во мнѣ много странности... Люблю поля, лѣса... Вотъ гдѣ мнѣ хорошо.

Какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ поднялъ голову и съ спокойной улыбкой бросилъ взглядъ на окрестность. Ортанса поняла, какъ радуется его раздолье зеленѣющихъ кругомъ кустовъ, кроткая ясность голубаго неба, мягкость въ душу просящагося воздуха, синѣвшіеся вдали боры, озлащенные лѣтнимъ солнцемъ, волнующіяся сѣлыя нивы... Она его знала.

— Бываютъ дни, продолжалъ Подгурскій, вскинувъ на дѣвушку свои простодушные глаза,—когда человѣку нужно оставаться съ самимъ собою; когда онъ не годится для общества, каждагося ему пустыней, гдѣ нѣтъ ему отвѣта...

— Такіе дни, конечно, не могутъ быть продолжительны, панъ; иначе жизнь оказалась бы слишкомъ тяжелымъ бременемъ, замѣтила Ортанса съ выраженіемъ, не скрывшимъ отъ пана Вицента ея доброе къ нему участіе.

— Жизнь, какъ вдумается, право, не стоитъ того горя, которымъ мы за нее платимъ, панна! продолжалъ Подгурскій.—Стоитъ ли такъ добиваться того, что мы называемъ своимъ счастьемъ?.. Присмотришься къ жизни — все то мы прощаемся: съ близкими намъ людьми прощаемся, съ дорогими мечтами... Разбитая душа—не та же ли смерть?

— Вы больной человѣкъ, панъ; душевно больной, сказала Ортанса съ сочувствіемъ.

— Душевно больной, панна? заговорилъ Подгурскій, встрепенувшись, словно узвденный, и быстро недоувѣрчиво остановилъ свой взглядъ на дѣвушкѣ.—Можетъ быть!.. Но мнѣ такъ непріятно, когда мнѣ говорятъ о моей душевной болѣзни! Очень непріятно, панна Ортанса!..

— Но если это такъ, панъ? улыбаясь, мягко замѣтила дѣвушка, впрочемъ, уже раскаявшаяся, что позволила себѣ съ нимъ такую откровенность и зашла такъ далеко въ отношеніяхъ своихъ къ чело-вѣку, котораго до сихъ поръ отвергала.

— Потому и неприятно это мнѣ, что это такъ, панна! раздражи-тельно сказалъ онъ и замолчалъ съ очевидною рѣшимостью укло-ниться отъ этого разговора.

Выраженіе его, обыкновенно спокойнаго, лица теперь пугало Ор-тансу своею безнадежностью, вполне соответствовавшей мрачной правдѣ его словъ. Только теперь, только въ эту минуту ея женское сердце почувствовало всю серьезность привязанности къ себѣ этого скромнаго, неулыбачаго на видъ пана. Состраданіе связывало ее съ нимъ въ эту минуту, удерживало ее волягъ него. Она была смущена, но въ ней заговорила хорошая, честная женская рѣшимость. Ей хотѣлось оправдаться въ чемъ-то передъ нимъ.

— Панъ Вицентъ! заговорила она прежде, чѣмъ успѣла обдумать хорошенько свои слова.—Быть можетъ, вы имѣете основаніе считать меня виновною въ вашемъ мрачномъ настроеніи; но я передъ вами права... клянусь! Если я избѣгала васъ до сихъ поръ, то потому, что не понимала васъ... Для дѣвочки вы слишкомъ серьезный чело-вѣкъ и я васъ боялась. Теперь, только теперь, я васъ понимаю... и если ваше чувство ко мнѣ не измѣнилось, могу вамъ на него отвѣтить...

Ортанса нагнулась къ шеѣ лошади и погладила ее перчаткой, чтобы скрыть брызнувшія изъ глазъ слезы. Она сказала здѣсь по-слѣднее „прости“ свѣтлому воспоминанію о встрѣчѣ своей съ юнымъ Паоло...

Подгурскій взялъ ея руку и, сжавъ, молча смотрѣлъ на нее бла-годарными, просіявшими глазами, безъ силъ высказать ей свою бла-годарность, свою радость.

— Только подождите, панъ... прошептала она, глотая слезы и отвернулась отъ него на минуту. — Дайте мнѣ немного времени... и вѣрьте мнѣ...

— Вѣрю и жду, панна Ортанса! твердо сказалъ онъ, съ счаст-ливымъ вздохомъ не спуская съ нея глазъ. — День, въ который я назову васъ своею женою, будетъ лучшимъ днемъ моей жизни!

— Теперь я имѣю право запретить вамъ грустить и приказать вамъ съ нами обѣдать въ замкѣ, панъ... Вечеромъ я танцую съ вами мазурку...

— Ваши приказанія исполню, прелестная и коханная моя панна Ортанса!

Онъ съ трудомъ заставилъ себя выпустить маленькую ручку дѣ-вушки, предварительно поцѣловавъ ее, и проводилъ амосонку нѣж-нымъ вздохомъ.

Едва она скрылась въ кустахъ, онъ услышалъ ея отчаянный крикъ, звавшій на помощь. Онъ прометью побѣжалъ на крикъ, торопливо

взвела на бѣгу курокъ своего заряженнаго ружья. Собака опередила его съ лаемъ. Онъ не замедлилъ увидѣть Ортансу, окруженную тремя конными лисовчиками. Испуганный Подгурскій приложился въ задняго разбойника дрожащими отъ волненія руками и выстрѣлилъ. Лисовчикъ качнулся на сѣдлѣ и, медленно склоняясь, свалился съ сѣдла. Остальные ускакали, увлекая съ собой Ортансу.

— Кто ты, негодяй? трясаясь отъ гнѣва, спросилъ раненаго Подгурскій.

— Лисовчикъ! съ мрачнымъ равнодушіемъ пробормоталъ тотъ, мертвенно блѣдный.

Пуля пробила ему грудь на вылетъ, выше сердца.

— Кто увезъ панну? говори. Подгурскій грозно замахнулся надъ головой раненаго прикладомъ ружья.—Говори!

— Ротмистръ Лисовскій, чуть слышно прошепталъ раненый, быстро ослабѣвая.

— Куда увезъ? допытывался Подгурскій.

Но его вопросъ остался безъ отвѣта. Кровь хлынула у раненаго ртомъ; онъ потянулся, тихо простоналъ и умеръ.

Ружье выпало изъ рукъ Подгурскаго.

— Іезусъ-Марія! воскликнулъ онъ въ отчаяніи, не зная, что ему дѣлать, какъ помочь Ортансѣ.

XV.

Красна-дѣвица надежа
 Въ садикѣ гуляла,
 Она въ садикѣ гуляла,
 Грушницу ломала,
 Другу отсылала
 Словомъ наказала:
 Ты не во время ходишь,
 Не въ пору гуляешь;
 Приходи, моя надежа,
 Иною порою,
 Вечернею зарею,
 Когда батюшки нѣтъ дома,
 А матушка въ гостяхъ,
 Милы братцы на охотѣ*.
 (Русская пѣсня).

— Что жъ раскисъ? Въ затворники ступай, спасайся, Василій Ивановичъ, коли царская шапка тебѣ не по старой головѣ! рѣзко и съ злымъ чувствомъ воскликнулъ князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій въ отвѣтъ на жалобы брата, царя, на трудность государственнаго дѣла при общей замути земли и при боярской шатости.

— Намъ съ тобою, Митя, теперь, видно, не спастись! съ глубокимъ вздохомъ замѣтилъ царь.—Опоздали, должно...

— Не всё добре люди отъ насъ отвернулись. Не пропали еще. Властвуешь.

— Надолго ли? Не властвую, въ осадѣ сижу. Глянь на меня: такой ли былъ? состарился!

Князь Дмитрій Шуйскій молча устремилъ на брата царя свой всегда насмѣшливый, злой взглядъ. Богатый атласный кафтанъ его и внушительная сановитость такъ не соотвѣтствовали старенькому, хотя парчевому, цареву платью и его согбенной, подслѣповатой, какъ бы запуганной старческой фигурѣ. Василій Ивановичъ невесело продолжалъ:

— „Они“ сказываютъ, я-де государь несчастливый, изъ-за меня-де кровь христіанская точится и нестроеніе государственное; затѣмъ, Украина-де къ ворами отступилась; старъ-де я, неспособенъ править. По дѣлу выходить, ихняя правда. Надо-быть мнѣ своею волею съ государства сойти. Да замирится земля русская...

— А мы-то? кровные твои и благопріятели? Мы-то, вѣрные твои бояре? запальчиво воскликнулъ князь Дмитрій Шуйскій. — Мало ли мы изъ-за тебя враговъ себѣ нажили? Сойдешь съ государства — подавать насъ всѣхъ!..

— Богъ не безъ милости, кротко сказалъ царь съ спокойствіемъ стараго правителя, убѣжденнаго въ необходимости принести себя въ жертву государственной пользѣ.

— На Бога надѣйся, а самъ не плошай, Василій! Держись на царскомъ столѣ.

— А силою ежели сведуть, Митя? Вѣдь хуже.

— Дѣло будетъ видно: потягаемся!

Царь неодобрительно покачалъ уже сѣдою головою, остриженною по-русски, въ скобку, и тихо замѣтилъ, какъ бы наставительно, брату:

— Самондравенъ ты, Митя, знаю. Никому тебя не переспорить. Что ты, что жена твоя—на языкѣ, какъ на гусяхъ. Да на дѣлахъ плохи. Не мало за васъ переносу! Опять ты меня подбиваешь? Размысли: похвалки однѣ твои. Въ нужномъ часѣ, въ тѣсномъ мѣстѣ, гдѣ тебя искать? Не тебѣ ли, своему единокровному, единоутробному брату вручалъ я воеводство надъ ратью не малом; куда дѣлъ ты ту рать сильную? Послалъ тебя на воровъ, а ты прибѣгъ въ Москву самъ-пять? Рать сильную истерялъ? Не по твоему ли слѣду воры къ бѣлокаменной шли? Тебѣ ли, Митя, меня научать? Мнѣ ль тебя слушать?

— Срамишь ты меня, Василій! Не по моимъ тебѣ заслугамъ награждаешь! горячо возразилъ князь Дмитрій. — Кабы не эти твои злыдни измѣнили, далъ бы я ворами прочухана!

— Пойди, заткни имъ глотки! вздохнувъ, замѣтилъ Василій

Ивановичъ,—прислушай, что въ народѣ про царскаго брательника поговариваютъ?

Князь Дмитрій не могъ воздержаться отъ негодованія. Весь трясаясь, сжавъ кулаки, онъ сдѣлалъ въ брату шагъ и вскричалъ:

— Видно, на то барабанъ, чтобы въ него палкой попадать! Братъ царевъ, князь Дмитрій, видишь, казну ограбилъ, царю измѣнилъ; похваляется испортить, а то отравить племянника своего, князя Михаила Скопина, и въ томъ умыслѣ ему, князю Дмитрію, княгиня, его жена, Екатерина Григорьевна, помогаетъ. Злодѣй, поэтому, я тебѣ и твоему государству, царь и великій князь Василій Ивановичъ? Посланикъ я твоимъ измѣнникамъ и лиходѣямъ твоимъ, государь! Что жъ глядишь на лиходѣя брата? Не отнята еще у тебя власть царская! Веди на „верхъ“, въ царскихъ палатахъ своихъ, думнымъ боярамъ собираться! Веди меня въ думу свою царскую къ допросу, а оттолъ пошли въ застѣнокъ, пытать! повинюсь на дыбѣ, скажу тебѣ всю свою неправду великую, въ своихъ ликихъ на тебя дѣлахъ покажусь! И по тѣмъ моимъ ликимъ дѣламъ скажи мнѣ, своему злодѣю, свой судъ царскій; сказни меня, своего злодѣя, царскимъ палачомъ, всенародно, на лобномъ мѣстѣ! Порадуй Москву бѣлокаменную! Не терпите она меня, твоего царскаго брата; ненавидите семью мою, княжескую; жена-моль — Малюта-палача дочка, кровью людскою насыщенная съ юныхъ своихъ дней! И я имъ распрегордъ кажусь! Порадуй своихъ недруговъ!

Князь Дмитрій въ сильномъ раздраженіи прошелся по горницѣ, ядовито усмѣхаясь. Его благообразное лицо исказилось злобой, давно накипѣвшей на сердцѣ и бурно высказавшейся. Василій Ивановичъ безпокойно слѣдилъ за нимъ подслѣповатыми глазами.

— Коли вѣрилъ бы я лихимъ на тебя навѣтамъ, Митя, не стоялъ бы ты по мнѣ первымъ челоуѣкомъ въ государствѣ моемъ, тихо замѣтилъ царь, желая успокоить раздраженіе брата, казавшееся ему справедливымъ. — Навѣты по злобѣ отличу отъ твоей правды, Митя; не вовсе еще одурѣлъ...

Князь Дмитрій остановился противъ брата и окинулъ его взглядомъ нескрываемаго, оскорбительнаго презрѣнія. Гордая фигура князя дышала теперь надменностью вельможи, принужденнаго оправдываться въ негѣпныхъ толкахъ и обвиненіяхъ, упорно державшихся въ народѣ,

— Кабы ты былъ твердый правитель—давно понялъ бы, въ чемъ дѣло, Василій Ивановичъ, продолжалъ князь, замѣтно поуспокоясь.— Впрямь, сходи съ государства, царь; не жди, чтобы силой тебя съ него свели. Не тебѣ, по такому времени лихому, да государствовать; не по бурѣ кормчій, не по кораблю корабельщикъ! Того не поймешь: ты не любь—по тебѣ не любы и мы, братья твои; невѣстоу твоихъ, и тѣхъ ославили! Мы у нихъ и измѣнники, и казнокрады!.. Эхъ, горюша ты нашъ, Василій-свѣтъ Ивановичъ. Нешто ты-то самъ измѣнникъ, когда съ Мстиславскимъ повелъ великія рат-

ныя силы на воровскую Украину, при Борисѣ царѣ? Самозванцева сброда противъ васъ горсть всего была, а вы его истребить не могли; не вы съ Мстиславскимъ измѣнили Годуновскому роду, рать измѣнила... Такъ и я съ дружиной. Не я тебѣ измѣнникъ, государь Василій Ивановичъ. Опречь меня ихъ много.

— Знаю, сумрачно согласился съ нимъ царь.

— А знаешь, такъ къ чему бабимъ сплетнямъ вѣришь? Мало ли чего на тебя они взвели? Какой небивальщины? Послушай только— не заснешь!

— И то, ину ночь отъ черныхъ думъ глазъ не сомкнешь, Митя. Не знаю: какъ мнѣ быть? сказалъ Василій Ивановичъ, понурилъ голову. Его уныніе невольно смягчило негодование оскорбленнаго брата. Они были дружны и, при всѣхъ недостаткахъ своего характера, князь Дмитрій любилъ, по-своему, старшаго брата. Его тяжелое положеніе, какъ царя, онъ понималъ и не прочь былъ забыть полученный отъ него упрекъ. Не до самолюбія теперь было. Въ опасности, угрожавшей царю, а съ нимъ и его роднѣ, отъ признанія частью русскихъ бояръ и народа русскимъ государемъ польскаго королевича, князь Дмитрій видѣлъ одинъ исходъ: укрѣпить волю брата и держаться ему царемъ въ Москвѣ. Авось противный вѣтеръ на попутный смѣнится. Зная расположеніе брата къ волхованію, онъ обратился къ нему съ такими словами:

— Василій! не время задумываться. Того волхва, что планиду людскую сказываетъ, я привелъ. Узнаешь своего врага и судьбу свою. Дозволишь позвать?

Внимательно выслушавъ брата, Василій Ивановичъ одобрительно качнулъ головой.

— Какой таковой? спросилъ онъ, вдругъ обезпоясаясь. Царь зналъ по Москвѣ всѣхъ гадателей, чернокнижниковъ и волхвовъ.

— Звѣздочотъ истинный, изъ жидовинъ выгнестъ, постѣшилъ успокоить брата князь Дмитрій.

— Чернокнижникъ — знаю, случается изъ жидовинъ, замѣтилъ царь, самъ посвященный въ науку чернокнижія. — Да вѣдь чернокнижнику полагается не мало вѣдать, Митя. Ученъ ли волхвъ твой, Митя?

— Зѣло наученъ, Василій Ивановичъ.— Увидишь.

Царь кивнулъ головой въ знакъ согласія. Но недовѣрчивая усмѣшка не покидала его усталого, осунувшаго лица, съ нетерпѣливымъ любопытствомъ обращеннаго на сѣнную дверь, откуда долженъ былъ появиться братъ съ неизвѣстнымъ еще царю волхвомъ изъ „жидовинъ“.

Въ эту самую ночь молодая княжна Марія засидѣлась дольше обыкновеннаго въ своемъ саду. Грустное настроеніе дѣвушки, гото-

вищейся стать женою государя, не могло не обращать на себя вниманіе домашнихъ и особенно „кумушекъ“, охотницъ до чужихъ тайнъ. Какъ ни прикрывалась царская невѣста печалью по отцѣ,—ей самой неловко становилось, когда, пристально на нее глядя, мать или какая-нибудь старая родственница участливо ее спрашивала: „что она печальна, совѣмъ не та, что была?“ Но что она имъ скажетъ? Она понимала, что пережитое ею чувство къ польскому пану легло на ея остальную жизнь длинною и грустною тѣнью; что каждый день, приближающій ее къ свадьбѣ, усиливаетъ ея сердечную тоску. И въ ней она не вольна. Эта свадьба производитъ на нее впечатлѣніе похоронъ. Кого-жъ она хоронитъ? Себя, свою молодость, свою неудавшуюся жизнь. Веселое напоминаніе добродушной матери о свадьбѣ раздражаетъ невѣсту. Это замѣчала и мать. Привѣтливая, общительная, княжна замѣнула теперь сама въ себѣ. Словно смолгла навсегда и ушла въ себя отъ всѣхъ. Будетъ понятно поэтому удовольствіе, съ какимъ она проводила тихіе, уединенные вечера въ саду, подъ звѣзднымъ небомъ, предаваясь совершанію природы и бесѣдѣ глазъ на глазъ съ своимъ страдающимъ сердцемъ. Она засидѣлась на своей скамейкѣ, въ углубленіи изъ цвѣтущей акаціи, и отдалась во власть того лѣниваго, нѣжащаго спокойствія, что нисходитъ на усталую землю вмѣстѣ со сномъ. Отрадна казалась ночная тишина. Свѣжестъ и сумракъ бодрили ее. Она полною грудью вдыхала благоухающій воздухъ и жадно вслушивалась въ соловьиныя трели, мелодически раздававшіяся въ рощѣ. Свѣтлыя мечты мѣшались съ грустными воспоминаніемъ невозвратимаго счастья. Къ сердцу подступала томительная тревога. Темнота теплой лѣтней ночи таинственно раскинулась кругомъ и густо залила все, на чемъ еще недавно отражалась погасавшая заря. Княжна не замѣтила, какъ изъ-за дубовой рощи, обливая ее своимъ лучистымъ свѣтомъ, тихо поднялся мѣсяцъ—круглый, ясный и глянулъ на садъ, на усадьбу, на весь міръ Божій. Вдругъ передъ дѣвушкой по травѣ скользнула тѣнь и выросла человѣческая фигура... Не можетъ быть! Ей показалось? Нѣтъ, оны!.. оны!.. молодой польскій панъ! Тотъ самый взглядъ смѣлихъ синихъ глазъ, та самая гордая, хотя теперь печальная улыбка; скрѣпленные на груди руки и молодецкая осанка, по которой она узнала бы его изъ тысячи мужчинъ! Она не шелохнулась, не вскрикнула. Изумленіе ея было слишкомъ велико. Страхъ быстро смѣнился въ ея сердцѣ счастьемъ еще разъ съ нимъ встрѣтиться, увидѣть его. Онъ смотрѣлъ на нее съ такимъ выраженіемъ, какъ виноватый, умоляющій о прощеніи. Этотъ молчаливый, умоляющій взглядъ высказалъ ей всю страсть, жаловался ей безъ словъ на все горе, что онъ за нее вытерпѣлъ. Его казацкая одежда бросилась ей въ глаза.

— Княжна Марія! прошепталъ онъ, и нѣжной музыкой отозвались его слова въ ея трепетавшемъ сердцѣ,—прости мою рѣшимость: не осуждай! Чтобъ только тебя увидѣть—я готовъ умереть. Видишь:

для любви нѣтъ невозможнаго; она обманетъ стражу, проникнетъ въ неприятельскій городъ, не дорожитъ жизнью! Что мнѣ жизнь! несчастье, отъ котораго я хочу избавиться!.. Но и смерть бѣжитъ меня! Я счастливъ, что тебя увидѣлъ! Я унесу въ сердцѣ твой прекрасный образъ и умирая улыбнусь ему! прости: я испугалъ тебя!.. Онъ стоялъ безъ шапки, которую мялъ въ рукахъ, и вздохнулъ, какъ ожидающій своего приговора.

— Да, панъ, ты меня испугалъ! проговорила она, наконецъ, дрожащимъ голосомъ. И, какъ бы поясняя свои слова, прибавила:—за тебя боюсь... какъ могъ ты?..

— Чего я не могу для тебя, княжна? повторяю: для любви моей нѣтъ невозможнаго. Не попытаться тебя увидѣть еще разъ—было бы выше моихъ силъ! О, прекрасная княжна! Если бы ты знала, что я вынесъ?.. какъ я несчастенъ!..

Дворянскій вздохнулъ и опустилъ голову. Она прочла на его лицѣ живое страданье.

— Не думаешь ли, благородный панъ, что мнѣ легче твоего? замѣтила княжна съ горькою усмѣшкой и невольнымъ упрекомъ разстроенной души.

Онъ вострепнулся и вскинулъ на нее нетерпѣливый, обрадованный взглядъ. Женское чувство, сказавшееся въ ея словахъ, льстило ему, отвѣчало его чувству.

— Повтори!.. повтори!.. повтори, что ты сказала, княжна! воскликнулъ онъ и въ глазахъ его блеснуло счастье.—Твои слова возвращаютъ меня къ жизни! и ты страдаешь, Марія?

Она грустно молчала, лаская его широко раскрытыми глазами.

Онъ порывисто схватилъ ея руку; она не сопротивлялась. Мѣсяцъ блестѣлъ на ея прекрасномъ лицѣ, на лебединой шеѣ, серебрилъ ея бѣлую сорочку съ кружевомъ по вороту и золотой поументъ сарафана. Дворянскій вдругъ упалъ передъ ней на колѣни, повернулъ ея руки горячими поцѣлуями, смочилъ ихъ горячими слезами. Что это были слезы счастья—она не сомнѣвалась. Его счастье и ей сообщилось. Онъ почувствовалъ, что къ его горячему лбу прилипли горячія женскія губы; что женскій поцѣлуй, безъ звука, медленный, сладкій—обжегъ его лобъ. Больше онъ ничего не помнилъ. Пролетѣло мгновенье, показавшееся ему вѣчностью. Такъ хорошо ему еще никогда не было. На его плечѣ доврчиво покоилась молоденькая черноволосая головка. Всѣмъ своимъ стройнымъ молодымъ тѣломъ она, склоняся какъ изнемогшая отъ наполнявшаго ее чувства, прижалась къ нему и замерла. Хорошо было ея выраженіе. Онъ упорно смотрѣлъ ей въ лицо, освѣщенное мѣсяцемъ, и улыбался все одною и тою же улыбкою счастья. Эту-то улыбку хотѣла объяснить себѣ дѣвушка, запомнить навсегда. Обѣ ея руки трепетали въ его рукахъ.

— Хорошо! хорошо ты на меня смотришь, Марія! нѣжно шепталъ Дворжицкій.

А она смотрѣла ему въ глаза и улыбалась.

— Что за ночь! Нѣтъ, твой взглядъ лучше этой ночи, Марія! Онъ глубоко вздохнулъ, усталый отъ восторга.— Эта минута—награда мнѣ за тяжелые дни... Я ее заслужилъ страданьемъ... О, какъ я счастливъ! Какъ мнѣ хорошо съ тобой, Марія!..

Она не шевелилась, какъ бы сама въ себѣ прислушиваясь, какъ бы боясь выдти изъ власти охватившаго ее страстного опьянѣнія, изъ обаянія этой тихой, роскошной мѣсячной ночи.

— И все это правда?.. И я не сплю?.. Не сонъ это чудный? нѣжно шепталъ Дворжицкій, любуясь дѣвушкой, замершей въ его сильныхъ объятіяхъ.— Говори же, Марія; скажи мнѣ чтонибудь?

— Я счастлива! шепнула она, вздыхая...

Шумъ на усадьбѣ и голоса людей заставили княжну очнуться. Быстрымъ, легкимъ движеніемъ она выпрямилась на скамейкѣ и прислушалась безпокойно къ голосамъ.

Она встала.

— Я сумасшедшая! прошептала она, не то упрекая себя, не то приводя себѣ въ ясность значеніе для себя только что промелькнувшей минуты.

— Уходи, панъ! настойчиво сказала она ему съ выразительностью молодой женщины, трепещущей за жизнь любимаго человѣка.— Уходи, ради самого Бога!.. прощай!..

И быстро пошла отъ него къ хоромамъ.

Могла ли она заснуть? Она и не ложилась. Попыталась „замолить свой грѣхъ“ передъ образомъ, но молиться не могла, мысль ея была далеко отъ молитвы. Вся подъ живымъ впечатлѣніемъ неожиданнаго свиданья, она все время словно видѣла Дворжицкаго, повторяла не слова молитвы, а нѣжныя его рѣчи. Короткая лѣтняя ночь промелькнула полная счастья, какъ продолженіе волшебнаго сна. Только страхомъ за жизнь красавца пана омрачалось эту ночь счастье княжны...

И послѣ такой ночи, казавшейся княжнѣ озаренной чуднымъ свѣтомъ, вдругъ вѣсть: „женихъ-де, государь Василій Ивановичъ, пожалуетъ нынче къ нимъ, своей нарѣченной роденькѣ, въ гости“. Оробѣла, упала духомъ княжна, выслушавъ отъ матери эту тяжелую вѣсть; присѣла, слова не вымолвила. Словно затуманилось передъ ней ясное солнышко, проглянувшее было на нее привѣтно, было пригрѣвшее ее!

Старый женихъ „позаповалъ“ раньше обыкновеннаго; онъ выглядывалъ съ безпокойствомъ, котораго не въ силахъ былъ скрывать. Даже задумавшаяся княжна это замѣтила. А дорогая княгиня Анна не утерпѣла, пристала къ нему съ вопросами: что такое? не вѣсти ли какія случились худныя изъ Тушина или съ Украйны?

Шуйскій вздохнулъ, прежде чѣмъ рѣшился отвѣтить, и робко глянулъ на неподвижную княжну. Та инстинктивно поняла, что дѣло касается ее.

— Откройся, государь Василій Ивановичъ, зятекъ мой нарѣченный; не томи ты меня, старуху, причитывала, словно пѣла, добродушная хозяйка, готовая всплакнуть своими безхитростными слезами, вызванными участіемъ къ нему.

— Въстей хорошихъ, должно, ждать намъ неоткуда, матушка княгиня, сказалъ наконецъ Шуйскій, нагнувши голову, нахмурясь и глядя въ полъ, словно собираясь съ мыслями и татотаясь сообщить то, что сообщить ему необходимо.—Тутъ вышла иная статья... Нынче, по ночи, дозоръ стрѣлочій взялъ человѣка, якобы съ твоего, княгинюшка, двора бѣжалъ... сказалося полякомъ, молодой парень, видный... Признали мы съ князь Федоромъ въ томъ полякѣ дворянина, что съ послами круля въ Москвѣ жилъ... Не подсылный ли то отъ круля? съ измѣнниками нашими царскими на Москвѣ не сноился ли? Учали его допрашивать; говорить: не отъ круля пришелъ въ Москву, самъ по себѣ. А зачѣмъ? рѣчи путается. Говорить: де-желалъ князь Ивана Ростовскаго видѣть; другъ-де онъ мнѣ, названный мнѣ онъ братецъ. Правда ли то, княгиня Анна Тимофѣевна?

— Охъ, правда, государь Василій Ивановичъ! сущая правда! со вздохомъ сокрушенія должна была подтвердить княгиня. — Сынъ мнѣ князь Иванъ, а покрывать его не покрою, государь, точно: какъ еще тогда, въ лѣсѣ, на охотѣ, полячекъ тотъ Ваню моего отъ злой смерти спасъ,—медвѣда убилъ; медвѣдь-то, слышь, на Ванѣ уже сидѣлъ,—помѣнялись они крестами, братьями крестовыми, точно, назвались, и другъ съ дружкой, словно кровные братья, жили; все, государь, отъ покойника, царство ему небесное, вѣчный покой, отъ князь Петра, ихняго родителя, слабость была пущена! добавила княгиня, какъ бы въ оправданіе себя. — А я того пріятельства Ванюва съ полячкомъ не терпѣла; даже можетъ сколько разовъ срамила Ваню. Съ кѣмъ это ты, говорю, связался Иванъ Петровичъ? Нешто онъ тебѣ ровня? съ полячкомъ братаешься, съ нехристомъ? то тебѣ, говорю, въ стыдъ, сыновъ: люди засмѣютъ. Такъ вуды тебѣ! меня же, старую, оговорили: „старовѣрка-де!“ И покойникъ мой его же, сына, поддержалъ. Не мѣшайся, говорилъ, Анна Тимофѣевна; де-не твоего бабьяго разума это дѣло; нынче, говорилъ, не старина! Вотъ-те и знай: я же у нихъ виновата осталась!

— Что-жъ? Поляковъ порочить нечего, княгиня, замѣтилъ Шуйскій, нарочно избѣгая глядѣть на свою молодую невѣсту, которую бросало то въ жаръ, то въ холодъ, съ великодушнымъ желаніемъ не усиливать ея смущенія.—Полякъ—народъ-чистота; полякъ супротивъ нашего брата русака много показнѣе, нація рыцарская... У поляка, особенно у пана, есть чему поучиться русскому дворянину. Панъ польскій образованъ не по-нашему: всякому обычаю иноземному на-

учень... Опять же одѣвается щеголемъ, льстивъ рѣчью, наипаче съ женскимъ поломъ... потому панъ нашимъ краснымъ дѣвушкамъ любъ...

— Правда, Василий Ивановичъ, согласилась съ нимъ простодушная княгиня.—Нашъ-то и говорить путно не можетъ: либо совреть, либо словно обухомъ ударить... необразованный!

— Я вотъ насчетъ пріятельства того, матушка княгиня, продолжалъ Шуйскій, возобновляя первоначальный разговоръ о взятомъ ночью полягѣ.—Знать то хочу: видался ли тотъ полячекъ захваченный съ своимъ крестовымъ братцемъ, князь Иваномъ? и гдѣ видался? когда?..

— Оба сына мои, князья Иванъ да Юрій, на твоей государевой службѣ ратной, на градской стѣнѣ, Василий Ивановичъ, сказала дородная княгиня, начинавшая не на шутку беспокоиться этимъ серьезнымъ разговоромъ нарѣченнаго своего зятя, имѣвшимъ смыслъ какъ бы допроса.—То самъ вѣдаешь, государь...

— Вѣдаю, матушка княгиня: оба князька на стѣнѣ градской... Ну, а не видалъ ли кто изъ твоихъ домочадцевъ на дворѣ твоемъ княземъ того полячка сею ночью? знать то мнѣ надо...

Призванный дворецкій Шульга не умедлилъ донести Шуйскому, что сею де ночью на княжъ дворъ никто не былъ, и князь Ивана не спрашивалъ; и то де ему, Ипату, извѣстно, потому-де спитъ онъ, Ипать, каждую ночь на княженецкомъ красномъ крыльцѣ, и де чутокъ во снѣ: песь ли брехнетъ, человекъ ли крадется, птица ли шархнется на дрѣвѣ—онъ, Ипать, на чиху, озирается. И дворъ-де княжъ запертъ крѣпко; того де нельзя, чтобъ потайно человекъ на дворъ зашелъ.

Шуйскій внимательно выслушалъ вѣрнаго стараго слугу, и когда тотъ удалился, взглянулъ на молчавшую все время княжну. Что она вся трепетала, сидѣла ни жива, ни мертва, это онъ хорошо видѣлъ, щураясь на нее глазами въ красныхъ вѣкахъ съ подозрѣніемъ, вызваннымъ оскорбленнымъ чувствомъ. Умное лицо его сосредоточилось на мысли, которую поясняла тонкая насмѣшливая улыбка немолодого человекъ, ревнующаго, добивающагося убѣдиться, основательно ли его подозрѣніе, и боящагося его обнаружить.

Смущенье молодой невѣсты, слишкомъ явно выдававшее ея душевную тревогу, не могло, конечно, скрыться и отъ материнскаго взгляда; это дочернее смущенье, понятное въ эту минуту материнскимъ сердцемъ, бросило княгиню въ отчаяніе. По своей престоѣ, она видѣла теперь въ дочери виновницу, кладущую покоръ на свою дѣвичью честь, унижающую достоинство Ростовскаго княжескаго дома; теперь ясно для нея становилось значенье вопросовъ жениха и утренняя радость дочери, рѣзко смѣнившая постоянную ея печаль. Ужели дочь ея видѣлась въ эту ночь съ Дворжицкимъ? Гдѣ? Конечно, въ саду! не даромъ же она такъ поздно изъ него вернулась. Болѣе несносно не могло быть узвлено ея материнское самолюбіе. Единственная

дочь обезславилась, мать, весь старинный свой княжескій родъ; осрамилась въ глазахъ жениха и добрыхъ людей; не бывать ей дочкѣ царицей, а ей, княгинѣ Аннѣ, царицей тещей!..

Но именно эта самая болѣзнь за будущность дочери, именно это горячее желаніе видѣть ее царицей, а себя царицей тещей, внушило княгинѣ Аннѣ рѣшимость, возвратитъ себѣ спокойствіе, хотя бы наружное, и попытаться поправить дѣло. Она рѣшилась не замѣчать смущенія дочери и „заговорить“ жениха. Но онъ ее предупредилъ, сказавъ съ строгой важностью:

— Стало быть, коли не приходилъ молодой панъ къ тебѣ, княгинюшка, на дворъ, не спрашивалъ князь Ивана, — рѣчи его, польскія, пустыя выходятъ, облыжны; и тѣми облыжными своими рѣчами явственно обнаруживаетъ онъ свой умыселъ; стало, полякъ казакъ одѣлся, въ бѣлокаменную пробрался злоухищреніемъ. Впрямь онъ есть подсыльный отъ круля къ нашимъ царскимъ измѣнникамъ на Москвѣ: къ своему крулю склонять ихъ пришелъ. Стало, повинень тотъ польскій панъ пытѣй и казни смертной!

Шуйскій медленно поднялся съ лавки и зашуршилъ своимъ тяжелымъ парчевымъ кафтаномъ. Но, бросивъ взглядъ на княжну, испугался. Мертвенно блѣдная, она, какъ сидѣла, опрокинулась на рѣшетчатую спину скамьи, съ бессильно поникшей головой.

Минута эта показалась матери роковою. Шуйскій растерялся. Его ревнивая усмѣшка рѣзче обнаружила удовлетворенное чувство нелюбимаго жениха, узнавшаго, наконецъ, имя соперника. Но мстительное и понятное въ положеніи стараго жениха чувство, къ чести его, скоро смѣнилось болѣе благороднымъ, даже нѣжнымъ чувствомъ участія и состраданія. Видя, что мать княгиня стоитъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, не вѣря тому, что совершилось передъ ней, онъ ей шепнуетъ:

— Водицей бы ты ее взбрызнула, Анна Тимофѣевна...

— О, охъ мнѣ, горькой! взвела княгиня, заплакавъ.— Не глядѣли бы мои глазунки! Не пережила бы я своего милаго покойничка, князь Петра! О, охъ мнѣ, сиротинкѣ, вдовицѣ несчастной!..

Теперь она все забыла за своимъ срамомъ, не обращала вниманія на насмѣшливый взглядъ жениха, ни на безчувственную дочь. Горе прорвалось наружу и подавило ее.

Шуйскій безпокойно озирался: не увидѣлъ бы этого срама кто изъ домашнихъ? Спасибо, никого нѣтъ близко.

Взбрызнутая водой, княжна медленно пришла въ себя и, открывъ блуждающіе, никого не узнающіе глаза, глубоко вздохнула. На мать и на Шуйскаго она глядѣла какъ-то странно, словно на чужихъ. Взглядъ ея красивыхъ черныхъ глазъ дико блестѣлъ; душевное страданіе выражалось на ея прекрасномъ лицѣ по мѣрѣ того, какъ оно оживлялось румянцемъ возвращавшейся къ ней жизни. Плача, мать

дала ей глотнуть воды. Она сдѣлала движеніе всѣмъ своимъ стройнымъ станомъ и сѣла по-прежнему. Шуйскій невольно ею залюбовался. Сладкая надежда обладать этою красавицей пересилила въ немъ, старомъ женихѣ, ѣдкое чувство ревности къ молодому красивому пану. Онъ любилъ ее въ эту минуту, казалось, еще глубже; она казалась ему въ эту минуту еще краше. Она уловила его любящій, кроткій взглядъ, и этотъ взглядъ стараго жениха, преданнаго ей, несмотря ни на что, одушевилъ ее, далъ ей силы и желаніе заговорить.

Отглядысь, убѣдысь, что мать вышла принести еще воды, что она одна съ женихомъ, княжна облегчила вздохомъ свою высоко поднимавшуюся молодую грудь и съ рѣшимостью, удивившею жениха, сказала:

— Василій Ивановичь!.. Исполни мою къ тебѣ просьбу.

— Исполню, княжна, прошепталь онъ.

— Отпусти пана Дворжицкаго немедленно изъ Москвы, не сдѣлавъ ему ни малѣйшей обиды... Не подсылный онъ отъ круля: хотѣлъ меня видѣть...

— Тебя? переспросилъ ее Шуйскій въ недоумѣніи, хотя новаго она ничего ему не сказала, подтвердила только его собственное подозрѣніе.

— Меня! твердо, съ рѣшимостью вполне, честно высказаться, подтвердила она.—Знай, Василій Ивановичь, онъ меня любить...

— Знаю, прошепталь Шуйскій.—Но ты, княжна, любишь ты его?

— Люблю! чуть слышно прошептала бѣдная дѣвушка, поспѣшно закрывши лицо руками, и зарыдала.

Старый женихъ смотрѣлъ на нее съ участіемъ, смѣшаннымъ съ уваженіемъ къ ея горести и къ честному движенію женскаго сердца, съ какимъ оно высказалось.

— Не плачь, прекрасная княжна! прошепталь Шуйскій растроганный, легонько взявъ ея бѣлую руку.—Панъ Дворжицкій свободенъ...

Онъ поцѣловалъ ея руку и получилъ отвѣтный благодарный дѣвичій поцѣлуй въ голову.

Въ эту минуту вошла княгиня со слянякой воды.

(Окончаніе въ следующей книжкѣ).

Влад. Марковъ.

СИНОДАЛЬНЫЯ ПЕРСОНЫ.

Періодъ борьбы за преобладаніе.

(1820—1840 гг.).

I.

Оберъ-прокуроръ князь П. С. Мещерскій. — Ст. Д. Нечаевъ. — Его „жандармскія проѣзды“. — Промашъ Филарета Дроздова. — Оберъ-прокурорскіе подручники. — Андрей Н. Муравьевъ. — Общее возстаніе синодаловъ противъ оберъ-прокурора Нечаева. — Новая ошибка синода безъ участія Филарета. — Смиранный Серафимъ. — Оберъ-прокуроръ полковникъ Протасовъ. — Его различіе съ Нечаевымъ. — Усиленіе канцелярщины. — Торжество побѣдителей.

„Сынове вѣка сего мудрѣйши паче сыновъ свѣта суть въ родѣ своемъ“.
(Лув., XVI, 8).

ПРОФЕССОРЪ кievской духовной академіи Ф. А. Терновскій помѣстилъ въ сентябрьской книжкѣ духовнаго журнала „Странникъ“ небольшой, но прелюбопытный отрывокъ изъ воспоминаній бывшаго синодальнаго секретаря Ф. И. Исмаилова. Періодъ времени, описываемый покойнымъ Исмаиловымъ, — двадцать лѣтъ его служенія въ синодѣ, съ 1820 по 1840 годъ, именно тѣ самыя годы, когда совершилась замѣчательная въ исторіи синода борьба членовъ синодальнаго присутствія съ оберъ-прокурорами.

Отсюда понятно, какой живой интересъ должны имѣть для исторіи правдивыя воспоминанія близкаго свидѣтеля этой борьбы, нерѣдко даже принимавшаго въ ней участіе и, наконецъ, въ заключеніе существенно отъ нея пострадавшаго.

Мы беремъ изъ этого отрывка только самыя существеннѣйшія черты, которыя выясняютъ нѣчто до сихъ поръ въ этой исторіи неясное, и стараемся привести то, что намъ самимъ извѣстно изъ другихъ записокъ или разсказовъ современниковъ, которыхъ еще немало находится въ живыхъ.

Абрисы и рассказы секретаря Исмаилова очень безыскусственны и мѣстами даже просты до наивности, но этимъ они внушаютъ большое довѣріе къ автору,—человѣку, который, какъ мы сейчасъ увидимъ, представляется очень добрымъ, тепло вѣрующимъ и совѣстливымъ. Но, несмотря на всю непритязательность и скромность воспоминаній Исмаилова, они въ нѣкоторыхъ случаяхъ заставляютъ отдать имъ полное предпочтеніе передъ тѣмъ, что начертано рукою болѣе или менѣе фразистыхъ некрологистовъ и тенденціозныхъ историковъ.

Исмаиловъ своими чистосердечно раскрытыми воспоминаніями не только сообщаетъ много любопытныхъ частныхъ о событіяхъ, главныя пружины которыхъ кроются до сихъ поръ въ хаосѣ канцелярскаго хлама, но и безыскусственно ловить на бумагу такіе штрихи, которые сразу наводятъ на извѣстныхъ историческихъ лицъ совсѣмъ не ту игру, которая застыла на ихъ портретахъ, списанныхъ по правиламъ мертвой рутинны.

Борьба за вліяніе въ синодѣ, какъ извѣстно, окончилась полною побѣдою оберъ-прокуроровъ, но побѣда эта далась имъ не легко и не сразу. „Черныя“ тоже пытались за себя постоять и стояли, какъ могли, или, лучше сказать, — какъ умѣли. Тутъ мы увидимъ самое простое и чистосердечное повѣствованіе объ этомъ умѣньи и неумѣньи и будемъ въ состояніи спокойно сравнить силы, какія явлены борцами одной и другой стороны.

II.

Первый оберъ-прокуроръ, котораго зналъ и описалъ Исмаиловъ, былъ князь Петръ Сергѣевичъ Мещерскій. Онъ и принялъ автора на службу по просьбѣ генерала Капцевича, у котораго Исмаиловъ училъ дѣтей. Князь Мещерскій по просьбѣ генерала опредѣлилъ учителя „къ оберъ-прокурорскимъ дѣламъ, а чтобы коронная служба не отнимала у него много времени отъ частныхъ занятій съ воспитанникомъ, сталъ давать ему особыя порученія, которыя тотъ могъ исполнять дома въ свободное время“.

Черезъ два года такой службы Исмаилова сдѣлали секретаремъ. „Синодъ тогда занималъ два ближайшіе къ Невѣ прясла двѣнадцати коллегій“. Авторъ подробно описываетъ синодальное помѣщеніе и меблировку, которыя произвели на его впечатлительную душу очень сильное впечатлѣніе, не исчезнувшее во всю его жизнь.

Это интересно само по себѣ и любопытно для уясненія характера человѣка, котораго довольно грузная обстановка синодальной камеры не только поразила, но даже какъ-то поработила себѣ его чувства. Вотъ какъ описываетъ онъ это помѣщеніе и его обстановку:

„Со входа чрезъ переднюю въ пріемную залу и экзекуторскую на правой сторонѣ помѣщалась канцелярія, а на лѣвую было присут-

ствіе. Присутственная комната вся обита и драпирована малиновымъ бархатомъ съ золотыми кистями и бахромою; посрединѣ присутственный столъ, покрытый такимъ же бархатомъ съ золотымъ же уборомъ: предъ столомъ во главѣ тронное кресло, а по сторонамъ шесть кресель для членовъ; слѣва столъ для оберъ-прокурора съ однимъ для него кресломъ и стуломъ для чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ, а справа столъ оберъ-секретарскій съ двумя стульями; противъ троннаго кресла напой для докладчика, а за нимъ нѣсколько поодаль—такой же для протоколиста. Вся вообще мебель богатая, но не столько изрѣдкая, сколько величественная.

„На присутственномъ столѣ, кромѣ зеркала въ срединѣ, крестъ и евангеліе предъ троннымъ кресломъ и библія — предъ наемомъ докладчика. За троннымъ кресломъ—портретъ царствующаго государя, а по сторонамъ на пьедесталахъ и въ дорогихъ ковчегахъ мощи Андрея Первозваннаго и подлинный духовный регламентъ Петра Великаго. Въ переднемъ углу образъ Спасителя, въ заднемъ—огромные старинные часы, а по стѣнамъ, въ приличныхъ мѣстахъ, два или три царскіе портрета. Словомъ, присутственная комната св. синода, или, какъ ее называютъ официально—камера, поражая входящаго и величіемъ, и святинею, представляется ему какъ нѣкое святилище или какъ богато убранный алтарь, особенно, когда члены бываютъ въ мантияхъ, на примѣръ, на архіерейскихъ нареченіяхъ“.

Это такъ поправилось нашему автору, что онъ (стр. 76) „ни одного шага не могъ сдѣлать безъ благоговѣнія, и когда сталъ докладывать, то чувствовалъ себя въ какомъ-то молитвенномъ состояніи, какъ бы въ церкви“. Состояніе по истинѣ завидное и испытываемое далеко не каждымъ.

Служебныя занятія въ синодѣ автору не нравились: „пищи для ума никакой, одна рутина и рутина; я горевалъ, чувствовалъ, что упадаю духомъ, и порывался оставить службу въ синодѣ, но мнѣ все-таки было жаль расстаться съ этимъ мѣстомъ служенія, — и я удержалъ себя по тому чувству благоговѣнія, которое возбудилось во мнѣ при вступленіи въ первый разъ въ присутствіе св. синода“.

Слѣдовательно—ясно, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ души очень мирной и благоговѣйной, и это надо запомнить, чтобы при дальнѣйшемъ слѣдованіи за его воспоминаніями не принять его иногда за отрицателя.

При Мещерскомъ въ синодѣ въ каждомъ углѣ разстилались тишь, гладь и Божія благодать.

Такой мирной картиной воспоминанія начаты, но не то насъ ждетъ въ ихъ продолженіи.

III.

Съ выходомъ изъ оберъ-прокуроровъ князя П. С. Мещерскаго (1817 — 1833 года), при которомъ въ синодѣ „строго соблюдалась тишина и порядокъ, почти какъ во время народнаго церковнаго богослуженія“,—строй этотъ сразу же падаетъ. При оберъ-прокурорѣ Нечаевѣ и потомъ при графѣ Протасовѣ (1833—1855) пошли неурядицы и ожесточенная борьба за преобладаніе. При томъ оба эти оберъ-прокурора сами были большіе ругатели.

Воспоминанія о Степанѣ Дмитріевичѣ Нечаевѣ начинаются съ того, что при немъ синодъ перешелъ въ свое нынѣшнее помѣщеніе. Тутъ это учрежденіе посѣтилъ государь Николай Павловичъ, и авторъ, описывая посѣщеніе его величества, какъ будто подозрѣваетъ, что при этомъ случаѣ члены синода получили какое-то „предвареніе“, въ силу котораго „никто изъ членовъ государя не встрѣтилъ, а встрѣтилъ его одинъ оберъ-прокуроръ со своими власными чиновниками“.

Конечно, это значило не то, что оберъ-прокуроръ Нечаевъ какъ будто считалъ за неумѣстное парадность встрѣчи его величества, а совсѣмъ что-то другое. Чувствуется, что оберъ-прокуроръ какъ будто имѣлъ намѣреніе оттереть членовъ и выдвинуть впередъ свою канцелярскую армію, — тогда, впрочемъ, еще не вполне размноженную. Нечаевъ „разставилъ всѣхъ на крыльцѣ и въ сѣняхъ по разрядамъ должностей; впереди стояли оберъ-секретари, за ними секретари, далѣе прочіе чиновники“.— „Члены для перваго присутствія были въ мантияхъ“ и могли бы быть всѣхъ виднѣе и представительнѣе, но оберъ-прокуроръ сдѣлалъ такъ, что они оставались во время встрѣчи государя въ залѣ.

„Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ, по словамъ автора, былъ прокуроръ не легкій (легкаго авторъ такъ и не дождался). Пока онъ (т. е. Нечаевъ) служилъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ, онъ держалъ себя прилично,—ласковъ былъ съ чиновниками и льстилъ членамъ. (Льстить старшимъ, по мнѣнію Исмаилова, значило „держаться прилично“,—такъ думалъ онъ для себя, а можетъ быть такъ же внушалъ и генеральскому сыну, котораго воспитывалъ на счетъ суммъ св. синода).

„Особенно льстилъ Нечаевъ московскому митрополиту (Филарету Дроздову), который, извѣстный государю и всѣмъ какъ мужъ совѣта, былъ въ большой силѣ. Но когда (Нечаевъ) добился оберъ-прокурорства, показалъ себя въ натуральной наготѣ.

„Съ чиновниками, говоритъ авторъ, Нечаевъ могъ обходиться, какъ хотѣлъ, но ему хотѣлось взять верхъ и надъ членами синода“ и, вѣроятно, особенно надъ самимъ мужемъ совѣта, съ котораго онъ это и началъ. До сего времени онъ ему „льстилъ особенно“, а теперь постарается особенно ему вредить.

Необыкновенно любопытно: какія тонкости проникливаго ума обнаружитъ этотъ честолюбецъ въ борьбѣ съ такимъ человекомъ, какъ Филаретъ Дроздовъ, уму и прозорливости котораго у насъ до сихъ поръ никакъ не подведутъ настоящаго итога.

Но, увы, характерные и въ своемъ родѣ замѣчательные приемы Нечаева выражаютъ только одно: что нѣтъ силы сильнѣе подлости, которая способна не остановиться ни передъ чѣмъ, а такая сила всего матерѣе врѣзетъ въ канцелярской средѣ, гдѣ въ атмосферѣ лести и искательства сформировался каверзный оберъ-прокуроръ, взявшій перевѣсъ надъ Филаретомъ.

IV.

„Вдругъ, ни съ того ни съ сего, появились жандармскіе доносы на архіереевъ и на членовъ синодальныхъ. Доносы оказывались большею частію ложными. Канцелярія подозрѣвала, что въ нихъ участвуетъ самъ оберъ-прокуроръ, имѣя цѣлью унижить духовное правительство въ Россіи. Архіереи и члены синода оправдывались сколько могли. Синодъ очень безпокоился, показывая видъ безпокойства и оберъ-прокуроръ и, подстрекая членовъ къ неудовольствію, говорилъ, что учрежденіе жандармскаго досмотра дѣлаетъ болѣе вреда, нежели пользы“.

Взволнованные члены синода должны были рано или поздно выйти изъ терпѣнія и опротестовать злочинство, совершаемое надъ ними „жандармскимъ досмотромъ“. А какъ всѣми этими махинаціями по какому-то поводу руководилъ самъ оберъ-прокуроръ, то ему и не трудно было воздвигнуть доносъ на лицо болѣе другихъ характерное, умное и горделивое, — именно на самого „мужа совѣта“... Понятно, что съ нимъ и слѣдовало перевѣдаться и его замарать или сдѣлать подозрительнымъ и безгласнымъ, а потомъ съ остальными справиться было уже не трудно.

На Филарета появился доносъ отъ жандармовъ.

Авторъ не поясняетъ, въ чемъ именно состоялъ этотъ доносъ, ни того, какъ оберъ-прокуроръ Нечаевъ организовалъ такія удобныя вещи. Впрочемъ, Исмаиловъ повидимому даже и самъ недоумѣваетъ, какъ это могло быть устроено: но мы, жившіе позднѣе, когда практика доносовъ, до закрытія III-го Отдѣленія, была развита гораздо обширнѣе, — знакомы отчасти по слухамъ съ этими приемами. Они заключались въ томъ, что если кому не любъ былъ извѣстный человѣкъ, то тотъ дѣлалъ на непріятеля извѣтъ жандармамъ. Жандармы же, частію по обязанности извѣщать о всѣхъ вещахъ, хотя бы и недоказанныхъ, но подозрительныхъ, а частію и по желанію обнаруживать большую дѣятельность, и по безответственности за доносъ ложный, — были благодарны за указанія и давали ходъ всему, что до нихъ доходило. Такимъ образомъ, доносить на людей, дѣятель-

ность которыхъ шла передъ глазами доносчика, всегда была обширная возможность. Намѣреніе, жестъ, мина, а тѣмъ паче нетерпѣливое слово,—для доносчика все это матеріаль.

Всего вѣроятнѣе, что оберъ-прокуроръ Нечаевъ зналъ рассказываемую циркуляцію гораздо лучше, чѣмъ его добрый и простодушный секретарь, и пользовался этимъ нехитрымъ, но сильно дѣйствующимъ средствомъ для борьбы съ Филаретомъ...

Итакъ, удивительно не то, что онъ добрался до Филарета, но то, что онъ съ перваго же абдуга заставилъ этого осторожнѣйшаго человѣка продѣлать все, что ему продиктовала каверзливая душа подъячаго. „Случись, говоритъ авторъ, поступить доносу на московскаго митрополита; доносъ переданъ оберъ-прокурору съ высочайшимъ повелѣніемъ — рассмотреть синоду. Этому-то властолюбивому гордецу (т. е. Нечаеву) и хотѣлось: съ доносомъ онъ ѣдетъ въ митрополиту (самоу же Филарету) и убѣждаетъ его вмѣстѣ съ оправдательнымъ объясненіемъ изложить мнѣніе, что данное жандармской командѣ право доносить со слуховъ и безъ всякой за ложь отвѣтственности стѣсняетъ свободу администраціи и, какъ похожее на слово и дѣло, лишаетъ подданныхъ спокойствія. Митрополитъ, дотошъ уважаемый государемъ, не остерегся и попалъ въ разставленные ему такъ хитро сѣти: онъ написалъ оправданіе, написалъ и мнѣніе. Оберъ-прокуроръ, минуя синодъ, гдѣ въ общемъ собраніи, можетъ быть, предостерегли бы митрополита, представилъ его оправданіе и мнѣніе прямо государю императору. Государь разгнѣвался и поступокъ митрополита, какъ противный верховной власти, едва не распустилъ чрезъ св. синодъ по всей Россіи“.

О такой угрозѣ Филарету Дроздову намъ не приводилось слышать, но въ рассказахъ объ этомъ іерархѣ не упоминается обыкновенно и всей этой исторіи, въ которой, къ удивленію нашему, Филаретъ допускаетъ играть собою очень легко,—даже безъ большой хитрости... Это совсѣмъ не вяжется съ господствующими представленіями о не-обыкновенной, будто бы, умственной прозорливости іерарха и о его до щепетильности осторожномъ характерѣ.

Послѣ рассказанной неосторожности, какъ бы омрачившей на мгновеніе умъ прославленнаго за свою мудрость Филарета, переходимъ къ дальнѣйшимъ побѣдамъ оберъ-прокурора Нечаева надъ цѣлымъ составомъ синодальныхъ членовъ, причемъ получимъ нѣсколько образцовъ нравовъ и характеровъ низшихъ синодальныхъ дѣльцовъ,—тоже по большей части происходившихъ изъ духовнаго званія и культивированныхъ въ духовныхъ училищахъ.

V.

„Оберъ-прокуроръ, пошатнувъ опору синода (Филарета), сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе: онъ измѣнялъ резолюціи и опредѣленія св. синода и затѣвалъ ограничить архіерейскую власть“. Важнѣе всего въ этомъ родѣ было то, что Нечаевъ совсѣмъ было исторгъ изъ ихъ рукъ веденіе „архіерейской кандидатуры“.

Здѣсь разсказывается характерный случай изъ борьбы оберъ-прокуроровъ съ архіереями и со всею откровенностію излагается мало кому извѣстный „процессъ архіерейской кандидатуры“.

„Открылась вакансія архіепископской катедры; надобно было избрать и представить на высочайшее утвержденіе кандидатовъ. Процессъ архіерейской кандидатуры таковъ: синодъ ищетъ по своимъ спискамъ достойныхъ и, соображаясь со старшинствомъ, съ познаніями и опытностію, равно и съ мѣстными особенностями вакантной епархіи, назначаетъ трехъ кандидатовъ, предоставляя окончательное назначеніе выбору государя императора. Но, чтобы государь зналъ, на кого изъ представляемыхъ обращаетъ синодъ свое мнѣніе преимущественно, предоставлялось оберъ-прокурору приложить ко всеподданнѣйшему докладу записку о томъ. Какъ вакансія открылась въ епархіи второклассной, то на катедру ея разсудили перевести архіерея — епископа, а въ епископа избрали изъ архимандритовъ и на обѣ катедры представили по три кандидата, объяснивъ словесно оберъ-прокурору, кого изъ нихъ синодъ признаетъ болѣе достойнымъ“.

Въ существѣ дѣла представленіе трехъ кандидатовъ—была только одна проформа, а главная всему суть состояла именно въ томъ „словесномъ объясненіи, кого синодъ признаетъ болѣе достойнымъ“. Выборъ, стало быть, падаетъ собственно только на одно это лицо, а два остальныхъ его лишь деворируютъ... И при такихъ условіяхъ очень легко понять, какъ важно, чтобы оберъ-прокуроръ имѣлъ хорошую память и добрую совѣсть. Все назначеніе зависитъ отъ того, чтобы онъ точно доложилъ государю, — кто изъ трехъ именуемыхъ для проформы кандидатовъ есть настоящій избранный.

Мы почти теперь только понимаемъ всю ту горячность, съ какою покойный волынской архіепископъ Агаеангелъ Соловьевъ, въ извѣстной своей отвѣдѣ на предложенія духовно-судебной реформы, говорилъ о преимуществахъ, предоставляемыхъ оберъ-прокурору его правомъ подносить къ трону рѣшенія синода, тогда какъ синодальные члены таковымъ правомъ не пользуются, и потому не знаютъ, въ какомъ видѣ сужденія ихъ докладываются монарху.

Можно ли было предвидѣть отъ этого серьезныя опасности, какія предвидѣлъ покойный Агаеангелъ, усвоившій себѣ еще съ молодыхъ лѣтъ репутацію большого „политикана“?

Если судить по прошлому, то слѣдующій случай, помимо своего историческаго значенія, можетъ пролить свѣтъ на упомянутыя опасенія.

VI.

У оберъ-прокуроровъ того времени — даже самыхъ кичливыхъ — почти всегда бывали партизаны „изъ среды начальствующихъ монаховъ“, т. е. изъ такихъ, кои сами мѣтили въ архіереи и старались имѣть оберъ-прокурора на своей сторонѣ. По отношенію къ членамъ синода эти лица вели себя иногда очень предательски, но оберъ-прокурора держались, и не даромъ. Разсчетъ ихъ былъ вѣренъ и лица ихъ не постыжались. Слѣдующій случай, который мы сейчасъ же расскажемъ, представитъ убѣдительнѣйшее доказательство, что могъ сдѣлать оберъ-прокуроръ и на какую дерзкую отвагу способны были наши высшіе чиновники передъ лицомъ даже таковаго грознаго государя, какъ императоръ Николай-Павловичъ.

„Оберъ-прокуроръ (Нечаевъ) составилъ себѣ партію изъ начальствующихъ монаховъ и, передавая докладъ на высочайшее разсмотрѣніе и утвержденіе, выставилъ въ запискѣ достойными не тѣхъ, кого синодъ назначилъ“, т. е. солгалъ государю.

„Выставилъ въ запискѣ“, а не на словахъ доложилъ. Это произошло потому, что въ то время (до Протасова) оберъ-прокуроры еще лично государю не докладывали, а вносили свои доклады въ кабинетъ императора черезъ статсъ-секретаря. Слѣдовательно, что синодалы сказали Нечаеву, то этому послѣднему приходилось написать на запискѣ, которую докладывающій статсъ-секретарь обязанъ былъ подать императору.

Нечаевъ при исполненіи этого не побоялся пословицы, что „написаннаго перомъ не вырубишь топоромъ“, и обманулъ государя самымъ дерзкимъ и самымъ возмутительнымъ образомъ. Онъ написалъ его величеству совсѣмъ не тѣ имена, которыя ему произнесли члены синода, а назвалъ другія имена лицъ, которыхъ онъ одинъ своею единоличною властію хотѣлъ вывести въ архіереи и дѣйствительно вывелъ.

Наглость Нечаева въ обманѣ строжайшаго изъ государей была такъ велика, что онъ не только не стѣснялся оставить слѣдъ своей дерзкой лжи на бумагѣ, но даже имѣлъ увѣренность, что все это сойдетъ ему безнаказанно, и тутъ тоже опять не ошибся.

VII.

„Государь, разумѣется, утвердилъ докладъ по запискѣ оберъ-прокурора и докладъ сошелъ съ собственноручною высочайшею резолюціею: быть такому-то и такому-то“. То есть, государь назначилъ быть тѣмъ, которыхъ подставилъ ему самовластно Нечаевъ, вмѣсто

тѣхъ, кого считало достойнѣйшимъ полное собраніе святѣйшаго синода.

Это необходимо должно было вызвать негодованіе въ членахъ синода и произвести бурю, которая должна была сорвать съ державнаго нахала вскинутую имъ на себя не по плечу епанчу.

Кажется, и въ самомъ дѣлѣ непремѣнно надо было ожидать чего нибудь крупнаго и даже грандіознаго, — достойнаго высокаго сана мужей, которые были такъ дерзко и такъ смѣшно унижены.

Пусть непріятный примѣръ одного изъ нихъ (Филарета Дроздова) былъ имъ и памятенъ, но Филаретъ въ тотъ разъ заступался за себя: онъ себя защищалъ противъ жандармскихъ доносовъ, — а теперь на сценѣ было не чье либо личное безпокойство, а святѣйшій интересъ церкви, которой эти люди служатъ столпами и свѣтильниками... Ужъ конечно они не останутся передъ страхомъ за личное благополучіе и по долгу совѣсти и присяги доведутъ до государя поступокъ преступнаго чиновника, который дерзнулъ обмануть его величество... Государь изъ самой записки, какую ему вручилъ черезъ статсъ-секретаря Нечаевъ, непремѣнно убѣдится, что члены синода доводятъ ему правду, и тогда гнѣвъ его всеконечно падеть не на правыхъ, а на виноватаго, который вполнѣ заслуживалъ и гнѣва, и наказанія.

Таковъ, кажется, единственный прямой путь, какой люди, преданные своему долгу и уважающіе святость власти монаршей должны были избрать и совершить съ безтрепетностью истинныхъ христіанъ и сопослѣдователей митрополита Филиппа Колычева... Его могущественный примѣръ, вѣроятно, вдохновитъ ихъ и напомнитъ имъ, насколько дѣло имъ предстоящее легче и безопаснѣе того дѣла, которое совершилъ въ свое время св. Филиппъ, не преклоняясь „ни надесно, ни на-шуе“.

Но напрасно мы будемъ настраивать свое воображеніе на ладъ столь высокій. Хотя все, что мы сказали, казалось бы и не превышало силы очень обыкновенныхъ людей, исполненныхъ только сознанія долга, однако ничего подобнаго не случилось, а вышло нѣчто совсѣмъ иное. Въ развязкѣ дѣла не имѣло мѣста ничто, дышащее благороднымъ негодованіемъ, которое должно бы вызвать благородныя же и открытыя дѣйствія, а вышло что-то мелкое, переборливое, базарное, съ обнаруженіемъ свойствъ ужащающаго мелкодушія.

VIII.

Оберъ-прокуроръ Нечаевъ, сдавши резолюціи, исторгнутыя имъ обманомъ у государя, самъ замедлилъ прибытіемъ въ присутствіе синода. Вѣроятно, это входило въ какіе нибудь его разсчеты.

Члены собрались ранѣе и, „увидя высочайшую резолюцію, изумились и не знали, что дѣлать“.

Когда Нечаевъ наконецъ пожаловалъ въ присутствіе, святители спросили его:

— „Отчего это государь не соизволил утвердить кандидатовъ по нашему назначенію?“

— „Не знаю, отвѣчал оберъ-прокуроръ, весь вспыхнувъ“.

Этимъ отвѣтомъ Нечаевъ во всякомъ случаѣ несомнѣнно подтвердилъ, что государемъ утверждены не тѣ избранники, которыхъ синодъ словесно наименовалъ ему, оберъ-прокурору; иначе слово „не знаю“ не имѣло здѣсь смысла, а оберъ-прокуроръ прямо долженъ былъ сказать:

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, — его величество изволилъ утвердить тѣхъ самыхъ лицъ, кого вы просили.

Такъ долженъ бы отвѣчать человѣкъ, который поступилъ какъ слѣдуетъ, и принесъ съ собою правду, а не плутовство; но такъ же поступилъ бы и находчивый плутъ, умѣющій и красть, и краденое прятать. Словомъ, Нечаеву очевидно надо было запереться и лгать, глядя смѣло въ глаза людямъ.

IX.

„Завязался споръ съ упреками и угрозами съ обѣихъ сторонъ...“
Кавія же могли быть угрозы?

Синодалы, понятно, могли „угрожать“ Нечаеву тѣмъ, что доведутъ его продѣлки до государя. Онъ могъ имъ повѣрить или не повѣрить, что они способны сдѣлать если не то, что должны, то, по крайней мѣрѣ, хоть то, что могутъ... Конечно, онъ зналъ характеры этихъ мужей и распоряжался ими сообразно своимъ о нихъ понятіямъ, но чѣмъ онъ, кругомъ виноватый, смѣлъ угрожать опѣшавшимъ святителямъ—это совершенно непонятно. Они, можетъ быть, подлежали какой-нибудь укоризнѣ за безхарактерность и неумѣстную покладливость тамъ, гдѣ совѣсть указывала бы иное отношеніе къ дѣлу, но за кѣмъ же изъ нихъ были такія виновности, какъ обманъ государя и подвохъ, сдѣланный на его собственныхъ глазахъ и подъ его руками? Чѣмъ кругомъ виноватый Нечаевъ могъ запугать іерарховъ? Къ сожалѣнію, въ запискахъ нашего автора ничего объ этомъ не объяснено. Можетъ быть, святителямъ страшно было не то, что на нихъ можно доказать, а страшенъ былъ просто доступъ Нечаева къ государю; страшно было, что онъ могъ представить еще какую нибудь записку, о содержаніи которой отцы синода и знать не будутъ, а между тѣмъ впадутъ у государя въ немилость, какъ уже случилось съ Филаретомъ.

Но какъ бы то ни было, Нечаевъ, вначалѣ сплеховавшій и сконфузившійся,—поправился и съумѣлъ заставить святителей замолчать. Послѣ перепалки съ Нечаевымъ, гдѣ этотъ послѣдній не уступилъ имъ ни въ чемъ, члены перешли къ своимъ очереднымъ занятіямъ. Однако Нечаеву еще казалось мало, что онъ такъ наиздѣвался надъ правдою,

а можетъ быть ему было и нѣсколько безпокойно—какъ бы не разошлась молва въ людяхъ и не дошла до государя... Много упражнявшись самъ въ доносахъ на своихъ членовъ, оберъ-прокуроръ, конечно, знаетъ, какъ это не трудно устроить, а разъ что государь пожелаетъ свѣриться съ запискою—тогда ложь Нечаева выйдетъ наружу. Надо было дать дѣлу другой фасонъ—такъ, чтобы если оно и дойдетъ до государя, то чтобы кривда вышла правдою, а правда кривою, и чтобы обманутый уже одинъ разъ императоръ былъ обманутъ еще разъ и еще хуже, и при этомъ совершилъ бы еще большую несправедливость—разгнѣвавшись на совершенно правыхъ членовъ синода.

Это былъ планъ очень предусмотрительный и совершенно необходимый. Дѣло надо было передѣлать именно въ этомъ родѣ, но только для этого надо было заручиться нѣсколькими благородными лжесвидѣтелями, которые въ случаѣ надобности могли бы удостовѣрить, что митрополиты называли оберъ-прокурору именно тѣ имена, которыя утвердилъ государь, а теперь позабыли это по своему безпамятству или по какимъ-то инымъ причинамъ говорить другое.

Тогда оберъ-прокуроръ выйдетъ чистъ и правъ, а ихъ святѣйшества будутъ знать, что „сынове вѣка сего мудрейши паче сыновъ свѣта суть въ родѣ своемъ“, и впередъ стануть еще смириѣе и еще осторожнѣе.

Вопросъ только былъ въ томъ,—гдѣ подобрать въ нужномъ родѣ?

Но въ этомъ не могло быть затрудненія: Нечаевъ видѣлъ ихъ передъ собою цѣлый расадникъ.

Х.

Послѣ присутствія, оберъ-прокуроръ обратился къ двоимъ оберъ-секретарямъ,—къ автору записокъ, какъ къ докладчику, и къ протоколисту, и „потребовалъ подтвержденія своихъ словъ, что синодъ назначилъ именно тѣ лица, которыя утверждены государемъ“.

Тутъ сейчасъ сказываются нравы новаго сорта синодальныхъ дѣателей.

„Зная правоту синода, но не смѣя оправдывать (правыхъ), всѣ говорили:“ „Кажется, помнится и т. п.“... То-есть „кажется и помнится“, что было такъ, какъ именно на самомъ дѣлѣ не было. Какія честныя натуры!

Самъ о себѣ прямодушный авторъ говорить:

„Я сказалъ, что не знаю“.

У Исмаилова былъ нѣкоторый поводъ сказать „не знаю“, но тоже поводъ казусный.

„Я сказалъ не знаю, потому что хотя въ то время докладывалъ и я, но о томъ, кого утвердить государю, говорили послѣ доклада, когда я вышелъ въ канцелярію“.

Юридически этотъ смиренномудрый чиновникъ былъ правъ и

нравственно не совершалъ, по крайней мѣрѣ, грубаго лжесвидѣтельства, тогда какъ сказавшіе, что имъ „кажется и помнится“, прямо вышли клеветниками и подтверщиками государеву обманщику. Но конечно и Исмайловъ свою казуистическую натажкой хотя и поосвободилъ немножечко свою совѣсть изъ нечаевскихъ тисковъ, но однако своими „не знаю“ тоже оказала Нечаеву большую поддержку. Тѣмъ, что онъ не хотѣлъ быть противъ него и за правду, онъ былъ за него и противъ правды.

Это сейчасъ и выразилось тѣмъ, что Нечаевъ „воскликнулъ“:

Увидавъ, что противъ него и за архіереевъ нѣтъ никого, Нечаевъ закричалъ:

— „Я докажу этимъ калуерамъ, что такое оберъ-прокуроръ!“

Еще бы не доказать, имѣя таковой облакъ свидѣтелей или робкихъ и ничтожныхъ, или прямо съ „прозвѣною совѣстію“. Только тотъ, кто встрѣчалъ суровую необходимость дознать, на что способны эти отпрыски духовно-канцелярскаго сѣмена, можетъ понять, отчего митрополиты сами не пожелали опросить секретарей и на нихъ сослаться, а должны были затаять свой справедливый гнѣвъ и оставить угрозы, въ виду большой неприятности, какую бы имъ сочинилъ Нечаевъ въ случаѣ, если бы они не замолчали. При такихъ людяхъ, какъ описанные секретари, митрополиты рисковали сами быть выставлены передъ государемъ лжецами и интриганаміи...

Трудно вообразить и безъ ужаса себѣ представить этотъ страшный порядокъ дѣлъ, который сложился и много лѣтъ всевластно господствовалъ вокругъ полномочнѣйшаго въ мѣрѣ государя, обладавшаго умомъ, душевною мощію и благородствомъ. Пусть, кто можетъ, отрицаетъ значеніе учреждений, если они могли поставить центръ самой сильной власти вѣдъ всякаго доступа для слова правды и посягали въ нашѣмъ отечествѣ самныя злыя сѣмена.

Но вотъ воспоминанія покойнаго секретаря выдвигаютъ передъ нами еще новый типъ синодальнаго дѣятеля, какъ тогда говорили, — „изъ большихъ барчуковъ“.

Типъ этотъ не менѣе другихъ интересенъ, хотя описывающій его авторъ, къ сожалѣнію, очевидно совершенно незнакомъ ни съ внутреннимъ міромъ этого особливаго героя, ни съ тайными побужденіями его вѣрнопреданности іерархамъ, — о чемъ впрочемъ извѣстно довольно много разсказовъ, достовѣрныхъ не менѣе писанныхъ воспоминаній Исмайлова.

XI.

Въ то время, когда Нечаевъ сыгралъ свою предательскую проделку съ государемъ и членами синода, стараясь еще разъ обмануть сихъ послѣднихъ, что они не то говорили, что ими дѣйствительно было ему сказано, — за оберъ-прокурорскимъ столомъ сидѣлъ

чиновникъ, коллежскій совѣтникъ, человѣкъ фамилійный, умный, религіозный и читатель монашествующаго духовенства“.

Это былъ извѣстный Андрей Николаевичъ Муравьевъ, въ видахъ особеннаго почтенія къ которому, мы, въ наши учебныя годы, по-нуждаемы были наизусть заучивать нѣкоторыя его сочиненія, какъ будто они заключали въ себѣ какія-то высокія литературныя достоинства.

Въ видахъ поощренія издателя, книги Муравьева раздавали въ награду, покупая ихъ на казенный счетъ, а въ старшихъ классахъ задавали писать сравненія между имъ и Шатобрианомъ, причемъ, конечно, для хорошаго балла требовалось, чтобы Шатобрианъ былъ какъ можно ниже поставленъ въ сравненіи съ Муравьевымъ,—„русскимъ Шатобрианомъ...“

Это было время лжи и лести, которая расточалась повсемѣстно, даже тамъ, гдѣ ею не могъ любоваться тотъ, въ угоду кому гнули и коверкали молодой умъ и молодую совѣсть...

По силѣ отраженія все это дало свой плодъ: невѣріе ни во что, даже въ то, во что должно вѣрить.

Нивы, уродившія плевелы нигилизма, были воздѣланы именно тогда...

Но возвращаемся къ нашей исторіи.

Во все время возмутительнѣйшей сцены, когда старшій чиновникъ синода съ наглостью сражался съ іерархами, которые обнаруживали его плутню, а стоящая подъ нимъ секретарская мелюзга виляла и гнулась, какъ вѣтромъ колеблемое тростіе, Муравьевъ сидѣлъ здѣсь же и произвелъ на Исмаилова импозантное впечатлѣніе.

„Во время спора Муравьевъ молчалъ и, хотя къ нему обращались (съ вопросами), не склонялся ни на ту, ни на другую сторону“

То есть Муравьевъ тоже не хотѣлъ сказать правды: „молчалъ и не склонялся“. Онъ зналъ все такъ же хорошо, какъ и секретари, которые уже замолели вздоръ, но не мѣшалъ лжецу оберъ-прокурору, ставить святителей въ невыносимое положеніе. Несмотря на то, что онъ былъ родовитъ, „фамиліенъ“ и его неудобно было выпшвырнуть изъ-за оберъ-прокурорскаго стола, какъ всякаго секретаршику, онъ все таки не говорить правды, а молчить. Превосходный примѣръ для худородныхъ!

Такъ, кажется, и видишь эту дылдистую фигуру, съ умными, но неприятными глазами и типическимъ русымъ кокомъ: эта фигура не то что всѣ, — она непременно должна сдѣлать на своемъ сѣдлѣстомъ вертлюгѣ какой-то совсѣмъ особенный поворотъ, въ какомъ-то византійскомъ родѣ съ русскимъ отгѣнкомъ, и это сейчасъ будетъ передъ нами продѣлано.

XII.

Отцы св. синода, кажется, не могли быть довольны „фамильнымъ чителемъ монастыря“, который во время пронесшагося урагана важно стоялъ, какъ „высокій дубъ развѣсистый“, и не произнесъ ни одного слова въ пользу праваго дѣла. Читатель монастыря могъ остановить все оскорбительное для святителей развитіе этой исторіи, но такой простой и прямой образъ дѣйствій и не представляется возможнымъ автору воспоминаній, и можетъ быть онъ казался невозможнымъ и самимъ членамъ.

Неудивительно, что тогда, по понятіямъ секретаря, члены синода не должны были сердиться на Муравьева за то, что и онъ ихъ предалъ почти такъ же, какъ и всѣ прочіе, т. е., при всей своей святости и любви къ монашествующему духовенству, не поддержалъ ихъ передъ расхившимся чиновникомъ, а „молчалъ“, когда долженъ былъ не молчать. Исмаиловъ держитъ тотъ тонъ, что члены какъ будто обязаны были принять за благо молчаніе Муравьева, потому что „онъ тайно сносился съ членами синода, поддерживалъ ихъ и планировалъ, какъ устроить имъ доступъ къ государю“.

Способность къ интригѣ въ Андреѣ Николаевичѣ, по мнѣнію воспитаннаго ему, была не велика и не высокой пробы. Самое тонкое и внушительное въ его политикѣ, по замѣчанію современниковъ, было умѣнье „стоять, какъ высокій дубъ развѣсистый, одинъ у всѣхъ въ глазахъ“. Эту внушительную позитуру онъ усилилъ съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ случай поднести государю свое сочиненіе „Путешествіе къ святымъ мѣстамъ“. Другаго такого великосвѣтскаго благочестивца не было и это обращало на него вниманіе ¹⁾. Его намѣренія, между коими главнѣйшимъ считали занятіе оберъ-прокурорскаго мѣста, — всегда были обнаруживаемы ранѣе времени и почти постоянно удавались. Но несостоятельный для интригантной борьбы съ совоспитанными ему людьми свѣтскими, Муравьевъ былъ геній сравнительно съ персонами духовными, основательному уму которыхъ чаще всего не достаетъ смѣлости, гибкости и творчества, столь необходимыхъ въ умной интригѣ. Для нихъ А. Н. Муравьевъ представлялся способнымъ дипломатомъ и они охотно допустили его занять при своихъ особахъ тайный дипломатическій постъ, на которомъ онъ и совершилъ подвигъ, незабвенный въ исторіи синодальныхъ зловлюченій.

Муравьевъ представлялся іерархамъ большою силою, особенно

¹⁾ Принявъ у Муравьева книгу, государь Николай Павловичъ самъ „назначилъ его за оберъ-прокурорскій столъ въ синодъ“ (см. приписку Муравьева къ 24 писму Филарета Дроздова). Считали, что этимъ назначеніемъ государь какъ бы „намѣтилъ“ Муравьева къ оберъ-прокурорству и послалъ поучиться. Были увѣрены, что при первой смѣнѣ оберъ-прокурора должность эту непремѣнно займетъ Муравьевъ. Самъ онъ тоже, кажется, не долженъ былъ въ этомъ сомнѣваться.

во вниманіе тѣхъ связей, какія онъ имѣлъ съ лицами, близкими ко двору, но притомъ митрополиты, или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ—Филаретъ Дроздовъ, кажется, понималъ дальнія цѣли, которыя Муравьевъ себѣ намѣтилъ и ради которыхъ ему лестно было усердно стараться о смѣщеніи изъ оберъ-прокуроровъ Нечаева. Притомъ „высокій дубъ“ хотя и былъ „развѣсистъ“, но получалъ не обильное питаніе у своихъ корней,—онъ часто нуждался и какъ-то никогда не умѣлъ устроить себя иначе, какъ „при духовномъ званіи...“

При дневномъ свѣтѣ онъ красовался въ открытыхъ для него великосвѣтскихъ гостиницъ, куда Андрей Николаевичъ вступалъ обыкновенно съ свойственною ему, исключительною, неуклюжею граціею, всегда въ высокомъ черномъ жилетѣ „подъ душу“ и съ миниатюрными бѣленькими чотками, обвитыми вокругъ запястья лѣвой руки; здѣсь онъ иногда „вѣщалъ“, но болѣе всего собиралъ вѣсти: „куда колеблются вѣсы“. А обогатясь этими свѣдѣніями, скидывался Никодимомъ и „нощію тайно сносілся“ съ іерархами. Собственно дѣятельность была не тяжелая и особеннаго ума не требовавшая, но сложная и отвѣтственная. Андрей Николаевичъ разомъ работалъ на пользу загнанныхъ оберъ-прокуроромъ іерарховъ и для собственныхъ благъ, которыя въ одно и то же время составляли его завѣтнѣйшую мечту и благо православной церкви, призванной, между прочимъ, исправить заблужденія всѣхъ иномыслящихъ христіанскихъ церквей. Андрею Николаевичу самому хотѣлось быть оберъ-прокуроромъ и это по многимъ мнѣніямъ непременно должно бы случиться, такъ какъ „лучше его для этого мѣста не было человѣка“. Черезъ него Господь непременно долженъ былъ совершить „дѣло рѣшительное на землѣ“.

XIII.

Въ свѣтскихъ домахъ, гдѣ мало-мальски интересовались „загнаннымъ синодомъ“ и кое-что понимали о Нечаевѣ,—болѣе по внушеніямъ, которыя дѣлалъ Муравьевъ,—прямо говорили, что если только Нечаевъ будетъ смѣщенъ, то „Андрей Николаевичъ — готовый оберъ-прокуроръ“. „Готовымъ“ его называли, разумѣется, потому, что при тогдашнемъ повальномъ невѣжествѣ въ дѣлахъ церковнаго управленія, Муравьевъ, который нѣчто въ этомъ понималъ, — же казался и ни вѣсть какимъ знаткомъ. Отъ нѣкоторыхъ изъ святителей онъ слышалъ то же самое и эти ему говорили: „кому же и быть, какъ не вамъ? Самъ государь васъ намѣтилъ“. Муравьевъ, книгу котораго государь будто читалъ охотно, вѣрилъ, что на немъ положена намѣтка и во всю остальную свою жизнь оставался въ убѣжденіи, что оберъ-прокурорское мѣсто „принадлежало ему по преимуществу и по праву“.

Увѣренность въ этомъ не оставляла его даже въ послѣдній годъ

его жизни, которую онъ доживалъ въ своемъ живописномъ „киевскомъ уголкѣ“, гдѣ онъ занимался распеканіемъ мѣстнаго духовенства и энергическою критикою дѣйствій тогдашняго оберъ-прокурора, графа Д. А. Толстаго, замѣстить котораго онъ былъ еще согласенъ.

„При всей преклонности лѣтъ моихъ, говорилъ онъ пишущему эти строки, я еще взялъ бы оберъ-прокурорское мѣсто для того, чтобы упразднить его и возвратить святителямъ отнятое у нихъ значеніе“.

Но черезъ минуту послѣ такой нѣжной заботы объ имущихъ помазаніе отъ святаго, онъ уже гнѣвался и страшно поносилъ митрополита Арсенія Москвина за то, что этотъ святитель забылъ предложить ему завтракъ, когда Андрей Николаевичъ пріѣхалъ къ нему въ послѣдній разъ въ Голосѣевъ, чтобы указать опасность отъ существующаго въ Киевской лаврѣ обычая выносить въ садъ для передѣванія мощи святыхъ по нѣскольку заразъ. Онъ боялся, что ихъ перемѣшаютъ, и кажется имѣлъ на то свои причины.

Какъ думалъ о Муравьевѣ Филаретъ Дроздовъ, объ этомъ говорятъ различно. Сколько можно судить по ихъ напечатанной перепискѣ, то въ ней не видно со стороны Филарета большаго и серьезнаго уваженія къ Муравьеву. Нѣкоторые даже основательно удивлялись, зачѣмъ онъ поспѣшилъ напечатать эти письма безъ разбора. Во всякомъ случаѣ въ этихъ письмахъ есть мѣста, гдѣ миниатюрная ручка Филарета даетъ Андрею Николаевичу сдержанные, но очень чувствительные щелчки. Порою митрополитъ какъ будто даже тяготится излишкомъ большаго усердія Муравьева въ перепискѣ. Иногда онъ долго не отвѣчаетъ и извиняется, но при этомъ на обширное посланіе опять даетъ отвѣтъ самой обидной краткости.

Вообще, митрополитъ какъ бы не ощущалъ потребности въ поддержкѣ сношеній съ Андреемъ Николаевичемъ, а только во имя чего-то стараго уступалъ его желанію часто вопрошать и свидѣтельствовать свою „преданность и уваженіе, уваженіе и преданность“.

Вотъ это „старое“, что ихъ связывало до конца жизни, и кроется въ исторіи описываемой секретаремъ Исмаиловымъ борьбы за преобладаніе въ синодѣ. Но Исмаиловъ, трогательный своимъ чистосердечіемъ и простотою, очевидно, былъ слишкомъ тѣсно замкнутъ въ своемъ канцелярскомъ кружкѣ и глядѣлъ на свѣтъ и на людей только изъ синодальнаго окошка, а отсюда самыя обыкновенныя вещи часто представляются совершенно непонятными. Мелочи жизни до того удивляютъ серьезные умы, что, по рассказамъ протоіерея І. В. Васильева, усопшій митрополитъ Филосей, увидавъ однажды, какъ шедшій на смѣну къ солдатской гауптвахтѣ караулъ отсалютовалъ проѣзжавшему генералу, въ глубокомъ удивленіи спросилъ:

— „Недоумѣваю, чему сіе соотвѣтствуетъ?“ и потомъ, когда ему

разсказали, то онъ испугался своего собственнаго, въ существѣ очень невиннаго, недоумѣнія.

Говоря объ Андрѣѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, секретарь, очевидно, тоже совсѣмъ недоумѣвалъ, что возможно имѣть какія нибудь другія цѣли, кромѣ желанія сидѣть въ синодѣ съ тѣмъ поразительнымъ благоговѣніемъ, какое было заведено при князѣ Мещерскомъ. Ни характера Муравьева, ни тѣхъ его цѣлей, которыя впоследствии не только ясно обозначились, но даже и самимъ имъ не утаивались, Исмаиловъ не понимаетъ и не даетъ имъ никакого значенія въ своихъ простодушныхъ воспоминаніяхъ.

Отсюда все, что Исмаиловъ пишетъ о „тайныхъ сношеніяхъ“ Муравьева съ митрополитами, нельзя принимать за такія простосердечныя дѣйствія, какъ принимаетъ ихъ секретарь, не смѣвший и думать, что у „фамильнаго человѣка“ могли быть какія нибудь свои цѣли. Между тѣмъ Муравьевъ, какъ думаютъ, имѣлъ надежду быть оберъ-прокуроромъ вмѣсто Нечаева, и надѣялся на это „по праву“, и дѣйствительно, кажется, имѣлъ такое право, ибо онъ изъ всѣхъ родовитыхъ современниковъ едва ли не одинъ зналъ синодальныя дѣла и членамъ синода былъ близокъ и любезенъ. Но шла ли эта безбедность до того, что члены синода дѣйствительно желали имѣть его своимъ оберъ-прокуроромъ?

Очень можетъ быть, что и желали. Если даже допустить, что митрополиту Филарету московскому, можетъ быть, и не нравилась нѣсколько безпокойная натура Андрея Николаевича Муравьева, то все-таки въ данную критическую минуту, когда имъ надоѣла наглость Нечаева и главною ихъ заботою было только, чтобы отъ него избавиться, Муравьевъ, конечно, былъ человѣкъ болѣе другихъ подходящий. Члены синода, получивъ его себѣ, по крайней мѣрѣ ничего бы не проиграли, а самъ Муравьевъ, грубовато интригуя противъ Нечаева, могъ проиграть и проигралъ. Но онъ шелъ съ отвагою и безъ оглядки, ибо, съ одной стороны, ему мнилось, что онъ имѣетъ за собою уже слишкомъ много шансовъ, а съ другой—близость осуществленія завѣтной мечты, можетъ быть, ослѣпляла его соображенія, которымъ, повторяемъ, постоянно не доставало тонкости. Вышло же, однако, такъ, что, благодаря Муравьеву, всѣ проиграли,—и члены синода, и самъ Муравьевъ, и притомъ проиграли сразу и навсегда. Бѣда эта пришла къ нимъ, какъ на смѣхъ, именно тогда, когда они побѣдили оберъ-прокурора Нечаева и только могли бы отторжествовать побѣду надъ своимъ врагомъ. Вся эта трагикомедія произошла благодаря вдохновительнымъ воздѣйствіямъ дипломатическаго генія Муравьева.

XIV.

Авторствующій секретарь пренаивно начинаетъ повѣсть этой несчастной побѣды.

„Судьба или, лучше сказать, само провидѣніе помогло чиновнику за оберъ-прокурорскимъ столомъ (Муравьеву) выполнить задуманный имъ планъ“.

Провидѣніе здѣсь, какъ во всѣхъ партіонныхъ интригахъ исторіи греко-восточной церкви, было необходимо, но въ высшей степени характерно и любопытно, какъ оно сюда привлекается и комментируется.

У Нечаева была больная жена, которую отправили „для уврачеванія въ Крымъ, но она не получила облегченія“. Это, если вѣрить автору, было въ цѣляхъ провидѣнія, которое томило тяжкимъ недугомъ бѣдную жену для того, чтобы принудить Нечаева оставить синодъ и ѣхать къ женѣ въ Крымъ, а въ это время дать Муравьеву случай на его счетъ распорядиться. Произошло даже нѣчто перешедшее необходимости этого повода: „больная не только не обмогалась, но совсѣмъ померла“,—и Нечаеву нельзя было скоро возвратится въ Петербургъ. Таковы пути провидѣнія, обыкновенно неисповѣдимыя для всѣхъ людей, исполненныхъ истиннаго богопочтенія, но всегда ясныя для бѣдныхъ слѣпцовъ, которыхъ суевѣрная набожность легко доводитъ до кощунственной смѣлости, съ которою они позволяютъ себѣ объединять свои низменные соображенія съ недосыгаемою мудростію Промысла. Умерла женщина, можетъ быть, очень хорошая и осиротила мужа и дѣтей, — это для всякаго добраго человѣка горе, которое обязываетъ состраданіемъ и заставляетъ забыть свои мелкіе счеты, но для синодальныхъ чиновниковъ—это бенефисъ въ пользу тѣхъ, кому выгодно, чтобы мужъ покойной не могъ въ это время вернуться къ должности.... Нечувственнымъ сердца и темные умы, которыхъ не коснулся лучъ истиннаго богопочтенія, съ возмутительнѣйшимъ фиглярствомъ объявляютъ: „Это Богъ! Это Онъ пришелъ къ намъ на помощь, чтобы мы могли лучше обдѣлать наше дѣло. Теперь мы имъ довольны и лобызаемъ Его десницу, недругъ нашъ въ несчастіи, домъ его пусть и дѣти его сироты. Слава святому провидѣнію!“

Кто иначе вѣруетъ, — тотъ нигилистъ, и да изгладится имя его изъ книги жизни...¹⁾

Андрей Николаевичъ Муравьевъ тоже почувствовалъ, что „се настала часъ“, для котораго онъ пришелъ въ міръ.

¹⁾ Филаретъ Дроздовъ въ этомъ отношеніи былъ несравненно деликатнѣе и не торжествовалъ по случаю семейнаго горя Нечаева. Въ изданныхъ Муравьевымъ въ 1869 году „Письмахъ митрополита московскаго Филарета къ А. Н. М.“ (1832—1867), подъ однимъ письмомъ, писаннымъ изъ Москвы 6-го іюля 1836 г., есть такой post-scriptum: „Здѣсь на сихъ дняхъ ждутъ Стефана Дмитриевича (т. е. Нечаева). Не знаю, дождусь ли его. Не слышу, какъ онъ переноситъ свое лишеніе. О покойной можно думать съ миромъ. Жаль его и дѣтей“.

„Наконецъ, хочется мнѣ сказать, чтобы вы поклонились отъ меня графу Николаю Александровичу“ (т. е. Протасову).

XV.

На время отъезда Нечаева къ женѣ, болѣвшей и умершей, какъ разъяснилъ Исмаиловъ, ради предоставленія врагамъ ея мужа полнаго удобства столкнуть этого зазнавагося человѣка съ мѣста, „должность оберъ-прокурора исправлялъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, гусарскій полковникъ графъ Н. А. Протасовъ“.

Какова была подготовка графа Протасова къ занятію обѣихъ высокихъ должностей, которыя были ему теперь вѣрены вмѣсто командованія гусарами, давно извѣстно. Впрочемъ, мы можемъ это очень кратко напомнить словами справедливаго *sigillum vitae*, которое прописалъ ему тишайшій Исмаиловъ.

Графъ Н. А. Протасовъ — „человѣкъ изъ знатной фамиліи, съ значеніемъ при дворѣ, по своей матери и тещѣ, бывшихъ статсъ-дамами при покойномъ государѣ Александрѣ I, лично любимый императрицею, какъ отличный танцоръ; воспитанникъ іезуита, приставленнаго къ нему въ гувернеры, — гордый не менѣе своего преддѣстника“ (т. е. Нечаева).

Повидимому, такой человѣкъ не отвѣчалъ даже и должности товарища министра, на которую у насъ порою были назначаемы люди очень малаго образованія; но для управленія синодомъ онъ, очевидно, какъ будто совсѣмъ не годился. Мысль сдѣлать Протасова оберъ-прокуроромъ могла развѣ придти только ради шутки.

Обыкновенно назначеніе это ставятъ какъ бы въ вину императору Николаю, но онъ едва ли не менѣе всѣхъ причinenъ въ этомъ назначеніи. Къ удивленію, до сихъ поръ очень немногіе знаютъ, кто именно былъ настоящимъ авторомъ этой несчастнѣйшей мысли, принесшей церкви русской чрезвычайно много истиннаго горя и ущерба едва ли когда поправимый. А авторъ этотъ былъ никто иной, какъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ, который, дѣйствуя въ качествѣ штатнаго дипломата при митрополитахъ, перехитрилъ самого себя — нанесъ синоду такой ударъ, отразить который послѣ уже и не пытались.

XVI.

Назначеніе въ синодъ гусарскаго полковника, „шаркуна и танцора“, какимъ, можетъ быть не совсѣмъ основательно, считали графа Протасова, — изумило столицу. На мѣстѣ товарища министра народнаго просвѣщенія онъ какъ-то не столь казался неумѣстель. На этой должности и тогда уже привыкли видѣть людей, имѣвшихъ весьма малое касательство къ просвѣщенію, и съ этимъ уже освоились. Можетъ быть, это даже считали до нѣкоторой степени въ по-

рядѣ вещей. Тогда у многихъ было такое странное мнѣніе, что будто просвѣщеніе въ Россіи не въ фаворѣ у власти и терпится ею только по нѣкоторой, даже несовсѣмъ понятной, слабости, или по снисхожденію. Снисхожденіе это оказывалось пустой и вредной западной модѣ, которой очень бы можно и не слѣдовать. Но кто понималъ дѣло лучше и вообще былъ политичнѣе, тотъ не усматривалъ и несообразности, а только одну политику. Выводили что въ этомъ странномъ распредѣленіи должностей втайнѣ проводится принципъ „чѣмъ хуже,—тѣмъ лучше“. Стало быть, по министерству просвѣщенія могло случаться все, ибо, говоря откровенно и безъ обиняковъ,—просвѣщеніе тогда многими считалось силою вредною для государства, а о своихъ врагахъ и вредителяхъ нието радѣть не обязанъ. Но православіе — дѣло совсѣмъ другое, и оно потому стояло совсѣмъ на иномъ счету. Тогда находились только три начала жизни: „православіе, самодержавіе и народность“, но изъ нихъ, какъ сейчасъ видимъ „православію“ давалось первое мѣсто. Въ тройственности этихъ, объединившихся въ Россіи и вѣрше ее связующихъ, началъ православіе какъ бы даже старѣйшинствовало и господствовало. И это, разумѣется, было прекрасно. Что же иное достойно быть поставленнымъ выше вѣры? Развѣ не она окрыляетъ надежды и питаетъ любовь, безъ которыхъ человѣческое общество стало бы табуномъ или стадомъ? Но если это такъ, то тогда какъ же столь великое дѣло вѣрить человѣку, который не только ничего въ церковныхъ дѣлахъ не понималъ, но еще на несчастіе былъ дурно направленъ какимъ-то іезуитомъ и до того преданъ легкимъ удовольствіямъ свѣта, что наивысшая похвала, которой онъ удостоивался, выпадала ему только за танцы...

Какой же это, въ самомъ дѣлѣ, оберъ-прокуроръ для святѣйшаго синода?

Въ обществѣ рѣшительно не допускали, чтобы Протасовъ могъ сдѣлаться оберъ-прокуроромъ синода. Что онъ былъ сдѣланъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, то Исмаиловъ справедливо замѣчаетъ, что это относили къ заслугамъ „тещи и матери“ Протасова и къ тому, что онъ нравился императрицѣ, „какъ отличный танцоръ“. Къ тому же относили и данное Протасову порученіе исправлять должность синодальнаго оберъ-прокурора на время отъѣзда Нечаева по причинамъ „предъготовленнымъ Провидѣніемъ“. Но всѣ были увѣрены, что это не имѣетъ долговременнаго значенія и допущено только на короткій срокъ для удовольствія покровительствовавшихъ Протасова дамъ. Говорили: „Онъ въ короткое время ничего не напоритъ, а между тѣмъ Нечаевъ снова возвратится“.

Но чтобы Протасовъ былъ утвержденъ въ этой серьезной должности и усѣлся на ней на такой продолжительный срокъ, какой судилъ ему Богъ править судьбами правящихъ въ русской церкви

слово истины, — этого никто не считалъ возможнымъ ¹⁾. И если гдѣ были предположенія, что насолившій синодаламъ Нечаевъ будетъ смѣщенъ и начинали избирать на его мѣсто кандидатовъ, то обыкновенно называли въ первую голову Андрея Муравьева, а въ случаѣ спора восклицали:

— „Ну, ужъ только не гусаръ же вѣдь будетъ на его мѣстѣ!

— „Ну, разумѣется, не гусаръ. Гусару не поручать.

— „Ни во вѣки вѣковъ.

— „Ни во вѣки вѣковъ.

И затѣмъ опять планировали назначенія способныхъ и „готовыхъ“ людей, и тутъ опять волею-неволею первую номинацію получалъ Андрей Николаевичъ, какъ „оберъ-прокуроръ по праву и по преимуществу“.

Такое „общее мнѣнiе“ вѣроятно сбило его съ толку и подвигло къ энергическому и смѣлому движенiю, чтобы убѣдить императора Николая поскорѣе поспѣшить смѣною Нечаева и назначенiемъ человека всѣми почитаемаго необходимымъ для благоустройства церкви.

Зная неприступный нравъ царя, съ этимъ надо было идти очень бережно, и вотъ подводится тонкая механика, которую, однако, прозрѣли люди привычные къ интригѣ и вложили свои открытiя „во ушеса дамъ“, а тѣ какъ broderies вывязали все по своему узору.

Секретарь Исмаиловъ, во всѣ эти любопытнѣйшіе моменты огромнѣйшей изъ ошибокъ высшаго церковнаго учрежденiя въ Россiи, продолжалъ смотрѣть на все изъ своего синодальнаго окошка, откуда, какъ выше сказано, даже человекъ, стоявшій много выше секретаря, затруднялся понять: „чему сіе соотвѣтствуетъ“?

XVII.

„Такъ какъ отсутствiе оберъ-прокурора (Нечаева) было довольно продолжительно, то чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ (Муравьевъ) успѣлъ уговорить первенствующаго члена въ синодѣ (митрополита петербургскаго Серафима Глаголевскаго) войти съ докладомъ къ государю о перемѣнѣ оберъ-прокурора“.

Чтобы оцѣнить этотъ поступокъ Муравьева со стороны его дальнорзости и трудности, надо знать, во-первыхъ, что въ это время московскаго митрополита Филарета Дроздова въ Петербургѣ не было, а во-вторыхъ, что „первенствующій членъ, старшій митрополитъ въ Россiи и синодѣ“ (Серафимъ) былъ человекъ „осторожный до трусости“.

Будь въ это время въ Петербургѣ Филаретъ Дроздовъ, Муравьеву

¹⁾ Николай Александровичъ Протасовъ занималъ должность синодальнаго прокурора съ 1836 по 1855 годъ, т. е. втеченіе цѣлыхъ девятнадцати лѣтъ, а Нечаевъ всего три года (1833—1836).

едва ли бы удалось подбить Серафима на крайне опрометчивое предприятие — просить государя о смѣнѣ Нечаева и... о назначеніи на его мѣсто „танцора“, графа Протасова. Почти невозможно сомнѣваться, что Филаретъ ни подъ какимъ видомъ не сталъ бы на сторонѣ этого рискованнаго дѣла. Хотя смѣшеніе Нечаева и могло быть угодно Филарету, — который не забывалъ обидѣ и конечно помнилъ, какъ Нечаевъ сначала оклеветалъ его черезъ жандармовъ, а потомъ подвелъ хитростію въ немилость у государя, но что касается просьбы о назначеніи совершенно неподходящаго къ синодскимъ дѣламъ гусара, то весьма трудно допустить, чтобы Филаретъ на это согласился. Въ серьезъ такая просьба всеконечно была бы противна уму и чувствамъ Филарета, а шутить было не въ его нравѣ, да и какая шутка умѣстна въ подобномъ случаѣ. Оставалось одно—волей-неволей подумать: нѣтъ ли какого затаеннаго плана у того, кто заводитъ такую неподходящую механику? Ухищреніе это, какъ убѣрали, и какъ легко вѣрится, состояло въ томъ, что просьба о назначеніи Протасова непремѣнно должна была показаться государю неподходящею, ибо думали, что государь и самъ былъ не высокаго мнѣнія о способностяхъ этого человѣка. Онъ позволялъ графу дѣлать карьеру отличавшими его свѣтскими талантами, которые находили Протасову благорасположеніе вліятельныхъ дамъ, но на должность оберъ-прокурора его ни за что не назначить. Это и въ самомъ дѣлѣ казалось статочнымъ.

У верховода же описываемой синодальной интриги противъ оберъ-прокурора Нечаева находили естественнымъ предполагать такой планъ, что если только государь согласится смѣнить Нечаева, то просьбу о назначеніи Протасова онъ непремѣнно отвергнетъ, и тогда „готовый оберъ-прокуроръ“ явится у него на виду и дѣло будетъ сдѣлано какъ надо.

По всѣмъ вѣроятіямъ, Андрею Николаевичу казалось, что государь самъ о немъ вздумаетъ, а если онъ пожелаетъ спросить мнѣнія у митрополитовъ, то и тутъ для Муравьева риску не предвидѣлось, потому что іерархи, конечно, укажутъ на него, какъ на человѣка имъ преданнаго, который съ ними давно „тайно сносился“, „самъ для нихъ писалъ“, и если желалъ оберъ-прокурорской должности, то съ тѣмъ, чтобы ее, такъ сказать, „упразднить“ и предоставить членамъ синода полную свободу дѣйствій. Выборъ іерарховъ и дѣйствительно, казалось, не могъ пасть ни на кого, кромѣ этого „фамильнаго и благочестиваго мужа“.

Но, что человѣкъ предполагаетъ, то Богъ часто располагаетъ по своему.

Такъ случилось и тутъ, несмотря на удивительную тонкость подхода, — можетъ быть, нѣсколько даже перетоненную.

XVIII.

Послѣ „тайныхъ сношеній“ съ митрополитомъ Серафимомъ, которыя немогли быть легкими, ибо „первенствующій членъ, старшій митрополитъ въ Россіи“ — былъ „осторожный до трусости“, Муравьевъ возобладалъ надъ выступающею чертою характера владыки. Онъ убѣдилъ робкаго митрополита ѣхать къ государю. Полагали, что въ этомъ Муравьеву много помогла мастерская, по нѣкоторымъ сужденіямъ, редакция протокола и доклада, составленныхъ и переписанныхъ самимъ Муравьевымъ „безъ помощи канцеляріи и безъ вѣдома исправлявшаго должность оберъ-прокурорскую“ (т. е. безъ вѣдома Протасова).

Послѣднее, можетъ быть, происходило и несовсѣмъ такъ. Трудно представить, чтобы все это могло устроиться въ совершенной тайности отъ Протасова, да и была ли въ томъ какая надобность? Дѣло вѣдь велось въ его пользу? Но чистосердечный секретарь вѣрить, что Протасовъ ничего не зналъ.

„Докладъ“, съ которымъ Серафимъ долженъ былъ предстать государю, съ просьбою „о переимѣнѣ оберъ-прокурора“ — Муравьевъ самъ составилъ, и самъ его переписалъ, а затѣмъ самъ же „собралъ подписи отъ всѣхъ прочихъ синадальныхъ членовъ“¹⁾.

Филарета Дроздова, повторяемъ, въ эту пору въ Петербургѣ не было и подписи его подъ этимъ конспиративнымъ актомъ муравьевскаго сочиненія нѣтъ.

Члены синода рѣшили подписать этотъ актъ, который, впрочемъ, былъ исполненъ чрезвычайной мягкости и умѣренности, а при томъ онъ даже изобиловалъ лестною „гусарою“, выраженной аляповато, но въ самомъ семинарскомъ вкусѣ. Это заставляетъ думать, что кромѣ авторства Муравьева тутъ есть и редакціонныя вставки и поправки людей иного воспитанія.

„Въ докладѣ между прочимъ было написано, что настоящій оберъ-прокуроръ (Нечаевъ) — человекъ обширныхъ государственныхъ способностей, что для него тѣсенъ кругъ дѣятельности въ синодѣ, и что синодъ всеподданнѣйше проситъ дать оберъ-прокурору другое назначеніе, а на его мѣсто желалъ бы имѣть исправляющаго оберъ-прокурорскую должность, полковника и товарища министра народнаго просвѣщенія (Протасова), какъ человека извѣстнаго по уму, образованности и усердію къ церкви православной“.

Не ясно ли, что если бы Н. А. Протасовъ и узналъ о секретѣ, въ которомъ члены синода оговариваютъ его передъ государемъ въ образованности и усердіи къ церкви, то онъ, пожалуй, могъ немножко

¹⁾ Въ воспоминаніяхъ или запискахъ, которыя были въ шестидесятыхъ годахъ напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, помнится, какъ будто были поименованы всѣ лица, подписавшія этотъ докладъ.

сконфузиться, но при всей пылкости своего кавалерійскаго характера не нашель бы за что тутъ разсердиться? Весьма, вѣроятно, что онъ оставилъ бы затѣянное членами синода обходное движеніе дальнѣйшему теченію безъ всякаго своего вмѣшательства.

Это такъ и было: графъ не помѣшалъ ни святителямъ, ни ихъ дипломату, и только, можетъ быть, втихомолку подсмѣивался надъ симъ послѣднимъ, какъ надъ человѣкомъ, хитрости котораго всегда были сметаны далеко свозившими бѣлыми нитками. Такъ шелъ онъ и здѣсь, даже едва ли ясно понимая, съ чѣмъ ему придется бороться.

Не имѣя по своей „развѣсисности“ большаго успѣха у женщинъ, Андрей Николаевичъ, очевидно, не умѣлъ взвѣсить способности дамъ выводить въ люди своихъ любимцевъ, а святители на этотъ счетъ были, конечно, еще неопытнѣе.

XIX.

Но если подпись доклада, льстивая какъ для отсутствующаго оберъ-прокурора, такъ и для присутствующаго его замѣстителя, не требовала еще большой храбрости, такъ какъ это было произведено всѣми вмѣстѣ, то представленіе бумаги императору Николаю Павловичу требовало мужества. Это было совсѣмъ другое дѣло, — тутъ надо одному отвѣчать за всѣхъ и вынести можетъ быть минуту грозную.

Люди, близко знавшіе государя Николая Павловича и освоенные съ нимъ болѣе частыми личными сношеніями, въ одно слово говорили, что изъ всѣхъ приближенныхъ къ императору лицъ не было ни одного человѣка, который бы представалъ этому монарху спокойно, безъ неодолимаго душевнаго трепета. Всякая типическая разница характеровъ здѣсь совершенно сглаживалась и исчезала до того, что, по шутливому замѣчанію одного изъ современниковъ, при государѣ „даже Клейнмихель опасался походить на Гросмихеля“.

Каково же должно быть положеніе человѣка, непривычнаго представлять свои доклады такому государю, да еще вдобавокъ — человѣка, вносящаго свой докладъ внѣ правилъ и какъ бы съ указаніемъ такого мѣропріятія, какъ перемѣна сановника, государемъ поставленнаго.

Конечно, это требовало не только обыкновеннаго гражданскаго мужества, но даже и огромнаго воодушевленія и отваги.

Кто же долженъ былъ сдѣлать такое дѣло?

Представлять докладъ, конечно, надо было старшему изъ всей коллегіи, гдѣ состоялось эта конспирація, и высокопросвященный Серафимъ имѣлъ тутъ рѣдкій случай испытать невыгоды старѣйшинства, рѣдкія, но однако все-таки иногда возможныя, даже и при нашихъ порядкахъ.

Исмаиловъ представляетъ бѣдственное въ эти минуты положеніе митрополита Серафима такимъ образомъ:

„Осторожный до трусости, онъ зналъ государя ближе другихъ и очень боялся оскорбить его величество неприятнымъ докладомъ; однако, помолившись въ Александро-Невскомъ соборѣ Богу и угоднику, поѣхалъ во дворецъ“.

Это „однако“ очень слабо выражаетъ мучительную внутреннюю борьбу митрополита, который будто поколебался немного, но потомъ, подкрѣпивъ свой духъ молитвою, сейчасъ и отважился.

На самомъ дѣлѣ, это, рассказываютъ, уладилось несовсѣмъ такъ скоро и происходило во всякомъ случаѣ при несравнено болѣе продолжительныхъ колебаніяхъ. Высокопреосвященный Серафимъ считалъ возложенную на него миссію дѣломъ чрезмѣрной тягости, превышавшей всѣ его природныя силы, и до того выводилъ А. Н. Муравьева изъ терѣнія своею нерѣшимостію, что тотъ терялъ всякую надежду довести дѣло до конца.

— „Бросилъ бы все, говорилъ онъ,—если бы не стоялъ передо мною апостолъ съ своимъ приказамъ: убѣди его войти“.

Не своимъ, а апостольскимъ словомъ онъ убѣждалъ и какъ бы постыжалъ робкаго Серафима, пока возогрѣлъ его духъ до необходимой рѣшимости и пребывалъ при немъ въ тайныхъ сношеніяхъ неотступно, пока вывелъ на дѣйствія явныя.

Молитва у мощей была послѣднимъ актомъ этой мучительной борьбы, но и то духъ владыки, надо полагать, не былъ еще твердъ и успокоенъ, ибо онъ уязжалъ въ сильномъ волненіи, и, выходя изъ своихъ покоевъ, не разъ присаживался, какъ бы желая бросить на все послѣдній взглядъ. Даже говорилъ:

— „Богъ знаетъ, что будетъ,—молитесь“.

Казалось, онъ какъ будто опасался даже, что не возвратится домой. Но, впрочемъ, какъ бы тамъ долго и тяжело это ни происходило и какихъ бы нравственныхъ мукъ владыкѣ ни стоило, — дѣло, наконецъ, дошло до рѣшительнаго момента и сильно возволнованный Серафимъ явился во дворецъ и предсталъ императору.

„Государь выслушалъ митрополита несовсѣмъ благосклонно; но докладъ принялъ, а отпуская, принялъ и благословеніе“.

Невыносимая тяжесть страха и боязни спала съ робкой души „осторожнаго до трусости“ старца и онъ, конечно, съ глубоко тронутымъ сердцемъ благословилъ императора.

Затѣмъ, выслушавъ просителя и прочитавъ подписанную имъ бумагу, „государь милостиво утвердилъ докладъ св. синода“. Нечаевъ „получилъ назначеніе въ сенатъ, а оберъ-прокуроромъ сдѣланъ желанный товарищъ министра, графъ Н. А. Протасовъ“.

Облегченный отъ совершеннаго труднаго предпріятія, митрополитъ Серафимъ возвратился домой съ тихою радостію, которую выражалъ впрочемъ очень сдержанно. Всѣ перенесенныя имъ тревоги, повидимому, до такой степени его измучили, что онъ менѣе думалъ

о томъ, кого смѣстилъ и кого выпросилъ, чѣмъ о томъ, что „гора спала съ плечъ“. Въ объясненіи, которое Серафимъ имѣлъ въ тотъ же день съ „тайно сносившимся“ Муравьевымъ, онъ даже былъ нѣсколько сухъ. Тотъ пришелъ съ словами Исидора: „Печется еще Господь о Пилусѣ, — благовѣствую вамъ новую жизнь съ Симпликіемъ“, а митрополитъ отвѣчалъ такъ, какъ будто ему почти все равно, кто былъ и кто будетъ оберъ-прокуроромъ, что онъ только уступалъ общему желанію членовъ и теперь болѣе всего благодаренъ государю за его милость.

— „А лучше или хуже будетъ, говорилъ онъ, — я не знаю. Все это меня утомило... Какъ будетъ, пусть такъ и будетъ, — теперь сами этого выпросили... больше ужъ я не поѣду... да, не поѣду“.

И онъ благодарственно перекрестился и добавилъ:

— „Дай Богъ здоровья государю, что онъ такъ обошелся, а теперь — какъ знаете, я не поѣду. Съ меня довольно“.

Разумѣется, это „не поѣду“ относилось къ предположенію объ отдаленномъ будущемъ, которое въ эти минуты какъ бы предносилось очамъ старца, въ самомъ дѣлѣ всѣмъ этимъ совершенно измученнаго и теперь сугубо цѣнившаго свой покой.

Муравьевъ былъ недоволенъ его „безцвѣтнымъ настроеніемъ“, но собственно ему въ эти минуты, можетъ быть, не нравился „весь тоа-летъ“.

XX.

Авторъ разсматриваемыхъ нами воспоминаній сряду и безъ обиняковъ пишетъ: „синодъ ошибся“. Выборъ Протасова былъ вполнѣ неудаченъ, но хуже всего приходилось іерархамъ отъ того, что Протасовъ былъ избранъ и расхваленъ государю самимъ синодомъ, какъ человекъ умный, образованный и усердный къ церкви православной. „Этимъ новый оберъ-прокуроръ воспользовался“. Началось въ своемъ родѣ повтореніе исторіи Ровоамова царствованія, и хотя Нечаевъ былъ далеко не Соломонъ ни въ какомъ отношеніи, однако дошло до того, что его и съ Соломономъ сравнивали.

Нѣкто, раздѣлявшій горести засѣдающихъ при Протасовѣ іерарховъ, рассказывалъ такую трогательную исторію: ¹⁾

¹⁾ Меня могутъ укорить, что, приводя въ другихъ случаяхъ имена лицъ, на свидѣтельство коихъ ссылаюсь — здѣсь, гдѣ такое указаніе было бы всего уместнѣе, я употребляю неопредѣлительное „нѣкто“. Очень объ этомъ сожалѣю, но иначе сказать не могу, а постарался только объяснить причину. Этотъ „нѣкто“ былъ архіерей, на ближайшей родственницѣ котораго былъ женатъ мой двоюродный дѣдъ, Иванъ Сергѣевичъ Алферьевъ, служившій въ московскомъ сенатѣ, а родной его братъ, а моей матери отецъ, Петръ Сергѣевичъ Алферьевъ, имѣлъ обычай вести ежедневныя записи всего по его, мнѣнію, замѣчательнаго. Въ этихъ записяхъ и встрѣчаются любопытные рассказы, которые мною теперь частію вставлены. Но приводятся онѣ просто подъ такими словами: „преосвященный рассказывалъ у брата Ивана“, — или

„Владыка Серафимъ, который тотчасъ по утверженіи Протасова какъ бы предчувствовалъ, что съ нимъ будетъ хуже, терпѣлъ молча и Протасовъ ему снисходилъ за кротость, а другіе говорили: Протасовъ насъ забралъ въ руки по-военному, сразу и такъ задралъ, такъ задралъ, что просто голоса поднимать не смѣли. Какъ былъ гусарь, такъ имъ и остался, и сонмомъ архіерейскимъ какъ эскадронномъ на ученьи командовалъ, а за глаза поносилъ всѣхъ передъ чиновниками самыми кавалерскими словами. Онъ зналъ, что — избранникъ, и какъ бывало разозлится, то и кричить про насъ заочно: „пусть-ка сунутся на меня жаловаться! Я имъ клобуки-то намну“. Да никто и не думалъ на него жаловаться, потому что нельзя, — сами его выбрали, да, признаться, и духу уже ни у кого не стало... очень задралъ. Владыку Серафима онъ меньше всѣхъ обижалъ, но однажды — не знаю уже, что такое ему въ голову вступило, — такой оскорбительный для чести старика намекъ сдѣлалъ, что тотъ только посмотрѣлъ на него, и когда ярый Протасовъ отвернулся, то владыка благословилъ его издалева и, вздохнувъ, сталъ подписывать бумаги.“

„Все это происходило при чиновникахъ, которые держались одного Протасова, а на насъ совсѣмъ озвѣрѣли, но тутъ при этомъ случаѣ даже чиновникъ, который подписа пескомъ засыпалъ, окончивъ должность, припалъ и поцѣловалъ у митрополита руку какъ бы со слезами“...

Не знаю, какой это именно былъ случай, — подобныхъ при Протасовѣ было не мало, но любопытно, что, видя оскорбленіе почтеннаго старика, ни одному изъ его сотоварищей не пришло на умъ хоть просто встать и выйти изъ присутствія. Такой протестъ не составилъ бы никакой грубости по отношенію къ мѣсту, но былъ бы понятъ „гусаромъ“ и, можетъ быть, послужилъ бы ему не безполезнымъ урокомъ; но ни въ комъ не нашлось ни духа, ни такта.

„Задралъ“, да и кончено!

О послѣдствіяхъ этого казуса, который пронялъ до слезъ чиновника, засыпавшаго подписи, рассказывалось такъ:

„Мы были въ смущеніи и не знали: съѣхать послѣ къ митрополиту, чтобы выразить свое участіе, или представить видъ незамѣтливости, или какъ бы непониманія? Совѣта не дѣлали, но всѣ про себя нашли, что промолчать ему (т. е. Серафиму) самому будетъ пріятнѣе. Только послѣ двухъ или трехъ засѣданій мнѣ довелось быть у него и разговаривать о разномъ. Говорили о сведенборговомъ толкованіи Св. Писанія по соответствіямъ. А когда подали чай, то разговоръ прекратился, но владыка отерлъ книгу и сталъ читать слова Ровама изъ 12-й главы Царствъ: „юность моя толстѣе

„были у преосвященнаго и слушали, что онъ говорил“, — и далѣе самая записка, о чемъ былъ разговоръ. Но какъ звали этого преосвященнаго, нигдѣ не записано, и я его не зналъ и не видалъ, да и происходило все это въ годы моего сущаго младенчества.

чреслъ отца моего. Отецъ мой наложи на васъ яремъ тяжекъ, азъ же приложу къ ярму вашему; отецъ мой наказа вы ранами, азъ же накажу вы скорпіонами“. И прочитавъ, вздохнулъ, закрылъ книгу и, постучавъ себя въ темя, сказалъ Теофановы слова: — „о главо, главо!“ и прибавилъ: „то твоимъ радѣніемъ все добыто“. Явственно было, что относилъ это къ Протасову и давнему своему ходатайству, чтобы этотъ вданъ былъ въ отца и командира синоду. Такая скорбь минутами точила Серафима во всѣ семь лѣтъ, которыми онъ пережилъ свое удачное посольство для протасовскаго испрошенія. Видъ одинъ этого оберъ-прокурора былъ омраченіемъ духа и потерей расположенія, и всякій его тяготился видѣть, кромѣ искателей. Избѣгали о немъ говорить не столько, можетъ быть, изъ осторожности и страха переносовъ, сколько неприятно было разговаривать, какъ все это добыто своимъ же добровольнымъ избраніемъ и испрошеніемъ, да еще съ похвалами; но на памяти это страданіе было постоянно. Въ сорокъ второмъ году, — незадолго до кончины владыки, онъ разъ замѣтилъ: „Выпхали тогда меня — какъ лягушку изъ болота посломъ къ Юпитеру — просить вамъ царя, я сдѣлалъ по желанію (т. е. по общему желанію) — выпросилъ его вамъ, и вотъ семь лѣтъ смотрю, какъ онъ всѣхъ задираетъ. Духъ изъ всѣхъ повышибъ... Твори, Господи, волю свою, а съ меня довольно его... (т. е. Протасова). Да, довольно... Вы просили его себѣ въ цари и стяжайте въ терпѣніи вашемъ души ваши, а мнѣ довольно... я ужъ больше не поѣду... нѣтъ; никуда не поѣду“...

Онъ и не поѣхалъ; 17-го января 1843 года смиреннаго Серафима Глаголевскаго не стало и на кафедре митрополіи новгородской назначенъ изъ архіепископовъ варшавскихъ Антоній Рафальскій — тотъ самый, который въ званіи волынскаго „крутопопа“ участвовалъ въ православной коллегіи, совершившей безиримѣрный приѣмъ отъ униатовъ Почаевской лавры ¹⁾.

¹⁾ О высокопреосвященномъ Антоніи Рафальскомъ любопытно бы выяснить одно странное недоумѣніе, въ которое вводитъ литература, несогласная съ фактомъ и съ преданіемъ. Въ „спискѣ архіереевъ и архіерейскихъ кафедръ“, который въ 1872 году издалъ бывший товарищъ синодальнаго оберъ-прокурора Юрій Васильевичъ Толстой, Антоній Рафальскій значится подъ № 281 съ такими, между прочимъ, отмѣтками: „1838 архимандритъ, намѣстникъ Почаевской лавры, 1843 митрополитъ новгородскій; 1848 ноября 4 уволенъ по болѣзни отъ управленія, а 1848 ноября 16 скончался“. Все что касается увольненія Антонія „по болѣзни“, есть или ошибка со стороны Ю. В. Толстого, или же указаніе на какой-то синодальный секретъ, котораго не зналъ никто, — ни міряне, ни же само петербургское духовенство, но Толстой, которому были доступны синодальныя тайности, могъ знать богѣе. Обыкновенно всѣ думали и думаютъ, что хотя Антоній и прихварывалъ недугомъ неводержанія, усвоеннымъ имъ во время почаевскаго житія „при униатскихъ остаткахъ“, но что онъ все-таки умеръ не оставленный отъ митрополитчьею кафедрой и отъ мѣста въ синодѣ. Между тѣмъ оказывается, что онъ былъ уволенъ и скончался уже не митрополитомъ новгородскимъ, — чего, говорятъ, будто не зналъ ни самъ больной, пережившій свое удаленіе только двѣнадцать дней, ни

XXI.

Но чѣмъ же оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ достигъ того, что нагнать таковой неодолимый страхъ и трепеть на іерарховъ, которыхъ онъ собственно не имѣлъ права подвергать никакимъ штрафамъ и наказаніямъ?

Это объясняется его системою, положившею новое начало въ системѣ управленія церковью.

Прежде всего графъ Протасовъ оказался не только человекомъ ловкимъ, но и человекомъ умнымъ. Если вѣрять одному анекдоту, то Протасовъ былъ даже и начитанъ въ отеческихъ твореніяхъ, а притомъ обладалъ пронзительностію и юморомъ. Рассказываютъ, что ему въ видѣ намека на его неподготовленность кто-то анонимно прислалъ выписку изъ мнѣній Григорія Богослова, гдѣ говорится объ „опасности, чтобы священныи санъ не сдѣлался наиболѣе подлежащимъ осмѣянію, ибо предсѣдательство приобретаетъ не добродѣтелью, но происками. Не бываетъ-де ни врача, ни живописца безъ предварительной подготовки“. Протасовъ будто надписалъ на этомъ изъ того же св. отца (письмо къ Василию Великому): „Не видалъ я ни одного собранія епископовъ, которое имѣло бы во всѣхъ отношеніяхъ полезный конецъ и не увеличивало бы бѣдствій вмѣсто того, чтобы избавлять отъ нихъ“.

Анонимное посланіе съ этою надписью было отослано какъ разъ по тому адресу, по какому слѣдовало.

Онъ понималъ дѣла и отношенія не по-семинарски. Благочестія же и особенно „усердія къ церкви православной“, за изобиліе котораго въ немъ ручались государю члены синода, на самомъ дѣлѣ въ Николаѣ Александровичѣ Протасовѣ было очень мало. Во всякомъ случаѣ извѣстное выраженіе: „и изъ тѣхъ, кои садѣли въ синодѣ, нинѣ насилу притворялися, будто во что-то вѣрують“, — относится къ Протасову, ибо къ Чебышову это относится не можетъ, такъ какъ этотъ оберъ-прокуроръ открыто говорилъ „гнилыя слова“, что онъ въ Бога не вѣруетъ, да и синодъ будто рѣшилъ, что Бога нѣтъ.

всѣ его окружающіе, изъ коихъ многіе до сихъ поръ здравствуютъ и извѣстію объ удаленіи „зашибавшаго“ Антонія весьма удивляются. Однако, приходится думать, что митрополитъ Антоній дѣйствительно былъ уволенъ, и именно 4-го ноября 1848 г., потому что въ этотъ самый день (когда онъ былъ еще живъ) на его мѣсто былъ уже опредѣленъ Никаноръ Клементьевскій. Былъ, конечно, случай, что во вселенной одновременно были два вселонскіе патріарха, но то было при беспорядкахъ римской имперіи, но у насъ два митрополита одновременно не могли занимать одну и ту же катедру. Здѣсь, однако, имѣемъ образецъ, какъ далеко распространялся въ то время принципъ „канцелярской тайны“, къ которой нинѣ обнаруживается обновленное влеченіе, и однако никакихъ большихъ благополучій отъ торжества этого принципа не послѣдовало.

Монаховъ Протасовъ не любилъ и, несмотря на свое гусарство, понималъ ихъ такими, каковы они есть, а не воображалъ, какими они должны бы были. Какъ іерархи могли подчиниться лукавой мысли Муравьева, чтобы попросить себя въ командиры такого человека — это просто неностижимо и составляетъ верхъ безтактности. Если вѣрить, что государь Николай Павловичъ зналъ о синодальной затѣѣ и нарочно далъ имъ срокъ собраться испросить себя Протасова, то онъ наказалъ синодъ ужасно, и притомъ наказалъ на срокъ, способный превзойти всякое терпѣніе, именно, почти на двадцать лѣтъ...

Противъ Протасова члены синода не могли сдѣлать ничего, такъ какъ на своего собственнаго избранника жаловаться непристало, да и государь едва ли бы сталъ слушать такія жалобы.

Гусаръ быстро сообразилъ, что „синодъ заперъ для себя послѣдній выходъ изъ стѣсненнаго положенія, и воспользовался этимъ“. Дѣйствовалъ онъ быстро и безъ всякаго состраданія къ избравшимъ его іерархамъ.

„Воспитанникъ іезуита, гордый не менѣе своего предмѣстника, — началъ съ того, что преобразовалъ все высшее духовное правитель-
ство въ Россіи. Въ пособіи себѣ онъ призвалъ чиновника (Сербиновича), тоже воспитанника іезуитовъ, — необыкновенно хитраго, и замышлялъ съ нимъ уничтоженіе синода“. Но совсѣмъ уничтожить синодъ было невыгодно для самого Протасова, а задача его была иная. Она состояла въ томъ, чтобы въ синодѣ „стало невидно синода“, и графъ Протасовъ „придумалъ такое начало“. Начало само по себѣ не хитрое: оно заключалось въ усиленномъ не-
исполненіи синода чиновниками и въ учрежденіи множества такихъ должностей, которыхъ синодъ прежде не зналъ и безъ которыхъ онъ однако обходился. Судя по тому, что цѣлое вѣдомство старовѣрческой, якобы „секретной“, іерархіи въ Москвѣ управляется при одномъ секретарѣ изъ московскихъ купцовъ (Иванъ Ивановичъ Шибаевъ), да двухъ или трехъ писаряхъ, — надо думать, что это дѣло можно вести безъ большой министерской помпы. Все, что заводили при Протасовѣ, было заводимо, напротивъ, съ такою цѣлю, чтобы всѣ нововведенія придавали синоду характеръ особаго министерства. „Создали духовно-учебное управленіе подъ дирекцію на подобіе министерскаго департамента. Для финансовой части учредили хозяйственное управленіе, тоже съ особыми директоромъ. Самый синодъ являлся теперь какъ бы третьимъ департаментомъ этой министерской организаціи“... Лицо, стоявшее во главѣ такого учрежденія, уже могло ставить себя на одну линію съ министрами и помышлять о личномъ докладѣ у государя.

Нечаевъ объ этомъ много хлопоталъ и было устроилъ, но онъ какъ-то не умѣлъ себя держать при докладѣ, и потому это у него снова было отнято. Протасовъ былъ мастеръ держать себя и съ нимъ подобнаго не случилось.

„При министрахъ полагается канцелярія, — и въ канцелярію пере-

именовали отделение духовных дѣлъ православнаго исповѣданія, подъ дирекцію Сербиновича. Синодъ облегчился, бремя правленія съ него снято. Но этого мало, — надо наложить руку на все. Синодъ нѣтъ канцелярію, которая, состоя подъ его приказаніями, чрезъ оберъ-секретарей составляла съ нимъ какъ бы одно цѣлое. Надобно было отлучить отъ него канцелярію. Учредили директора синодальной канцеляріи и канцелярія превратилась въ департаментъ, а синодъ остался не-причемъ: ни сказать, ни приказать, ни выслушать некого“.

Вышло такъ, что „синада Протасовъ не уничтожилъ, но изъ оберъ-прокурорства сдѣлалъ настоящее министерство, если еще не больше“.

Въ какомъ же отношеніи „больше?“ Авторъ не поясняетъ этого, но надо думать, что онъ разумѣетъ огромное вліаніе оберъ-прокурера на побыть архіерейскій и беззащитность архіереевъ передъ его произволеніемъ... Конечно, и всякій иной министръ можетъ уволить чиновника отъ должности (кромѣ сенаторовъ, профессоровъ, слѣдователей и судей), но уволенный чиновникъ воленъ искать себѣ мѣста въ другомъ вѣдомствѣ, или, если онъ годенъ на что нибудь кромѣ службы, то онъ найдетъ работу и будетъ ѣсть хлѣбъ по благословенію Божию, нимало не чувствуя далѣе этого — тягостей начальственнаго нерасположенія. Архіерей совсѣмъ не въ такомъ положеніи.

„Устроивъ по такому плану управленіе православною церковью и духовенствомъ въ Россіи, оберъ-прокуроръ сталъ дѣйствовать свободно, не стѣсняясь ни закономъ, ни церковными правилами ¹⁾“. Если

¹⁾ Не знаю, слѣдуетъ ли этому вѣрить. Протасовъ въ числѣ прочихъ своихъ ласкостей очень умѣлъ представлять себя вѣрующимъ и почтительнымъ къ церкви. Изъ всѣхъ оберъ-прокуроровъ едва ли не онъ одинъ устроилъ у себя домовую церковь, въ которой до самой недавней пори часто дѣлалъ одинъ не даровитый, но въ своемъ родѣ извѣстный писатель. То-же и о правилахъ: напротивъ, Протасовъ первый надалъ такъ называемыя „соборныя правила“ и „этими, а также и другими дѣйствіями въ пользу православія старался приобрести расположеніе старца Серафима и приобрѣлъ“. Это я беру изъ разсказа, вставленнаго Муравьевымъ между 24 и 25 письмами Филарета. Конечно, это противорѣчитъ тому, что пишетъ о Протасовѣ Исмаиловъ, но правда въ этой исторіи, гдѣ всѣ изрядно хитрили, добиться чрезвычайно трудно. Въ шестидесятыхъ годахъ намъ приводилось читать въ „Рус. Вѣстникѣ“ такъ-то любонитныя записки, гдѣ эта борьба излагалась еще какъ-то иначе. Очень жаль, что не имѣя полнаго указателя статей „Русскаго Вѣстника“ за тѣ годы, мы лишены возможности свѣрить воспоминанія Исмаилова съ воспоминаніями, напечатанными въ журналѣ М. Н. Каткова. Андрей же Н. Муравьевъ, въ своихъ припискахъ что-то какъ бы нарочно путаетъ. Напечатавъ письмо № 24 (отъ 6 іюля 1886 г.), онъ дѣлаетъ такое прибавленіе. „Письмо это знаменуетъ эпоху и въ моемъ собственномъ быту, и въ дѣлахъ управленія церковнаго. Оберъ-прокуроръ Печаяевъ долженъ былъ отправиться на югъ по богѣвнѣ жены своей и на это время испросилъ (самъ испросилъ) чтобы его мѣсто заступилъ флигель-адъютантъ графъ Протасовъ, человѣкъ весьма образованный и ловкій въ дѣлахъ; по такому назначенію военнаго было довольно страннымъ и смутило архіереевъ“. Далѣе

(же) кто изъ членовъ синода возвыситъ голосъ въ защиту своихъ правъ, или заговоритъ вопреки желанію оберъ-прокурора, того сдвинуть съ епархіи безъ суда и апелляціи“.

Здѣсь авторъ представляетъ дѣло не въ полномъ свѣтѣ: не только могли „сдвинуть съ епархіи“, но могли послать на житье въ такой монастырь, гдѣ жизнь хуже настоящей ссылки... И такіе примѣры бывали.

Конечно, это нисколько не способствовало образованію между русскими архіереями крупныхъ и стойкихъ характеровъ, о недостаткѣ которыхъ у насъ давно многіе стали собогѣзновать, и не безъ основанія. Опасенія потерять епархію содѣлаю архіереевъ болѣе иска-

говорится о Филаретѣ Дроздовѣ: „Онъ былъ въ холодныхъ отношеніяхъ съ графомъ, который не имѣлъ къ нему довѣренности по наговорамъ о его мнимомъ мистицизмѣ и протестантствѣ“. Известно, что это со стороны Протасова было просто предлогомъ къ устраненію Филарета съ синодальнаго горизонта. Но если вѣрны здѣсь Муравьеву, то выйдетъ, что Протасовъ былъ православіе самого Филарета, и тогда покорь его Сербиноичемъ и иезуитомъ напрасенъ. Еще ниже писано: „Члены (синода) желали, чтобы онъ заступилъ мѣсто Нечаева, или нелюбимаго; это вскорѣ исполнилось, когда Нечаевъ, лишившись жены, былъ назначенъ сенаторомъ въ Москву. Въ то же время и мнѣ графъ Протасовъ испросилъ званіе камергера за мою трехлѣтнюю службу“ (т. е. за прошлую службу при Нечаевѣ)..

Я прошу сопоставить эту чуткость Протасова къ заслугамъ Муравьева, которыхъ онъ не видалъ, и подумать: не имѣетъ ли въ этомъ какого нибудь подтвержденія мое предположеніе, что усердіе Муравьева по составленію доклада объ испрошеніи Протасова, могло не быть секретомъ для этого „ловкаго въ дѣлахъ человѣка?“ Я такъ думаю, несмотря на то, что у Муравьева, который въ другихъ случаяхъ рѣчиствъ, здѣсь все такъ нагорожено, что изъ-за дѣса деревьевъ не видно. Напутано даже то, что Протасовъ будто привлекъ къ себѣ вниманіе іерарховъ изданіемъ „соборныхъ правилъ“, тогда какъ книга эта была издана Протасовымъ, когда онъ уже былъ оберъ-прокуроромъ. А что члены синода „желали“ имѣть Протасова, и какъ они его добывали,—это все скопкано такъ, что механики раскрываемой Исмаиловымъ и другими паматливими современниками,—совсѣмъ не видно..

Впрочемъ, и на это сказаніе о самомъ желаніи членовъ есть варіантъ и одно время въ духѣ его замыслилася дѣлая историческая отповѣдь: епископъ Виталий Гречулевичъ, поминитъ, находилъ возможнымъ привести вопросъ къ такому выводу, что члены синода въ испрошеніи флигель-адъютанта Протасова на оберъ-прокурорство — совсѣмъ неповинны. Словомъ, дѣло это разнѣе любители истины много разъ старались затемнить и протодушина воспоминанія о немъ Исмаилова разъясняютъ въ немъ многое лучше всякихъ иныхъ подборовъ и виводовъ. Простодушнѣ Исмаилова можетъ быть лучшая порука за его искренность.

Если же можетъ быть доказано, что „члены тутъ не-причемъ“, то стало бытъ все сдѣлано Муравьевымъ, который былъ головою и душею этого дѣла и получилъ за то отъ возведеннаго его радѣніемъ въ оберъ-прокуроры флигель-адъютанта камергерское званіе.

Вотъ за что, значить, было предано въ команду гусара святѣйшее собраніе русской церкви, явившееся послушнымъ орудіемъ въ рукахъ одного интригана, который велъ для него одного лишь безпронгривную и выгодную игру.

Это я думаю должно прочно установиться даже въ томъ случаѣ, если въ плетень влететь свое слово и отъ Гречулевичъ.

тельными, тѣмъ ревнующими о вѣрѣ, и дѣла вѣры, при всей огромнѣйшей организаціи центральнаго управленія, пришли въ такое положеніе, которое сами архіереи не хвалятъ.

XXII.

О чиновникахъ нечего и говорить. „Если кто станетъ не противъ синода, а за синодъ, того или выгонять совсѣмъ изъ службы, или лишать права на всякую выслугу“. „Завелись секретныя дѣла, пошли доносы и ябеды“.

Авторъ пренаивно повѣствуетъ о себѣ:

„Маленькій, но самолюбивый (sic) чиновникъ, воспитанный въ страхѣ и уваженіи къ духовному начальству, я сталъ на сторону св. синода и черезъ это подвергъ себя всѣмъ невыгодамъ дальнѣйшей службы“. Его не повышали въ должности и когда въ 1836 году оберъ-секретарь доложилъ синоду о слѣдующемъ Исмайлову орденѣ Владиміра, то „синодъ единогласно положилъ представить, но когда дѣло дошло до оберъ-прокурора, то онъ отмѣнилъ и на настояніе оберъ-секретаря сказалъ: „я не знаю заслуги Исмайлова: кому онъ служилъ, тотъ бы его и представлялъ“.

Послѣ этого Исмайловъ сразу пишетъ: „жалуетъ царь, но не жалуетъ псарь“. Если сравнить эти досадливыя и горькія слова съ тѣмъ сладостнымъ лентомъ, которымъ этотъ человѣкъ лепеталъ о своемъ поступленіи въ синодъ на службу, то можно подумать, что пятнадцатилѣтнее пребываніе въ этомъ священномъ коллегіумѣ Исмайлова не только не усовершило, но въ нѣкоторой степени какъ бы испортило его. Тогда онъ умиллялся и благоговѣлъ передъ камерою и ея обстановкою, а теперь онъ дѣлаетъ обидное и непристойное сопоставленіе оберъ-прокурора со „псаремъ“.

Человѣкъ этотъ очевидно палъ.

А между тѣмъ, онъ совсѣмъ не изъ такихъ дерзкихъ, чтобы его не слѣдовало награждать. Съ свойственною Исмайлову довольно забавною наивностію онъ говоритъ: „явно я не противился оберъ-прокурору, ладилъ со всѣми его сателитами и онъ самъ считалъ меня въ своемъ полку, но все какъ будто сомнѣвался,—будто подозрѣвалъ меня человѣкомъ двуличнымъ“.

Это премило, онъ только „явно“ не противился, и велъ себя такъ, чтобы его числили въ оберъ-прокурорскомъ „полку“, но въ душѣ онъ носилъ, что-то иное: хотѣлъ Владимірскій крестъ, который ему былъ очень нуженъ, и не хотѣлъ, чтобы его подозрѣвали въ томъ, что онъ вѣренъ памяти Мещерскаго, а Протасова не любитъ...

Какіе забавные комки!..

XXIII.

Самымъ цѣлостнымъ изъ всей этой толчеи выходитъ во весь свой ростъ православный Андрей Николаевичъ Муравьевъ, наградившій синодъ оберъ-прокуроромъ Протасовимъ. Подведя церковь „подъ гусара“, онъ увидалъ, что сплеховалъ, и получивъ, что могъ отъ Протасова, отбылъ въ страны дальнія, но не съ пустыми цѣлями обыкновеннаго туриста, а съ серьезною заботою просвѣтить Римъ на счетъ восточнаго православія и внушить русскимъ несостоятельность римскаго католицизма... Со стороны Муравьева въ этомъ нельзя не видѣть нѣкоторой заслуги: какъ бы тамъ ни было, а все-таки онъ первый изъ свѣтскихъ людей началъ вѣщать о такихъ вопросахъ, которые до него „свѣтскіе“ люди не интересовались и не умѣли за нихъ тронуться. Наша система религіознаго преподаванія этому вполне благопріятствовала, и виварій Ключаревъ въ своихъ недавнихъ публичныхъ лекціяхъ въ Москвѣ высказался такъ, что это едва ли не было къ лучшему. Занятіе церковными вопросами, которые теперь заинтересовали многихъ (благодаря трудамъ м. Макарія Булгакова и профессоровъ Голубинскаго, Знаменскаго и Терновскаго), не повело къ осуществленію давнихъ желаній Кузьмы Пруткова, сочинившаго, кажется, самый лучший проектъ „введенія единомислія въ Россію“.

Сочиненія Муравьева по нынѣшнему времени въ большинствѣ такъ несостоятельны, что заниматься чтеніемъ ихъ значить терять напрасно время, но тогда они читались и даже изъ нихъ кое-что обязательно заучивалось наизусть. Они приносили автору хорошій доходъ, который къ послѣднимъ годамъ его жизни вдругъ остановился. Андрей Николаевичъ приписывалъ это умаленію вѣры, происшедшему, какъ все злое, отъ одного несчастнаго источника, — „отъ тлетворнаго направленія литературы“, призванной быть козломъ отпущенія за все, что ведется неумѣлыми руками. Самъ Муравьевъ жилъ не всегда въ теплѣ да въ холѣ, но кое-какъ устроился и къ концу дней „сталъ на стражѣ у Кіева“. Какъ настоящій православный богатырь, онъ сѣлъ надъ горомъ и смотрѣлъ во всѣ стороны, чтобы мимо его ни птица не пролетѣла, ни звѣрь не прорыскивалъ, — и надѣлъ кіевскому духовенству свою докучную и мелочную инсипекцію до нестерпимости. Его даже считали вреднымъ и самую вѣру, которая одушевляла кипящую бодростью состарѣвшійся составъ его длинныхъ костей, считали не вѣрою, а ханжествомъ. Впрочемъ, это былъ типъ чрезвычайно цѣльный, и одно обстоятельство, сопровождавшее его кончину, я думаю, должно служить тому сильнѣйшій подтвержденіемъ.

Въ одномъ изъ большаго числа сохраняемыхъ мною писемъ епископа Филарета Филаретова, помѣченномъ 27 августа 1874 года, есть

такая приписка: „Умеръ А. Н. Муравьевъ. Такъ скоро и быстро смерть его свалила, что и самъ онъ не успѣлъ распорядиться своимъ добромъ. До конца однако же остался вѣренъ самому себѣ. Я соборовалъ его передъ смертію. Онъ былъ почти въ агоніи, но послѣ соборованія все-таки сказалъ: „благодарю, чинно совершено таинство“.

Какъ жилъ онъ, такъ и угасъ, до послѣдней секунды надзираая за „чинностію совершенія таинства“.

Духовенство русское болѣе чѣмъ равнодушно къ памяти Муравьева и совсѣмъ не цѣнитъ его заслугъ. Оно какъ будто понимаетъ, что ханжествомъ всей своей жизни Муравьевъ не могъ поправить того огромнаго зла, которое онъ причинилъ своимъ самолюбивымъ и опрометчивымъ поступкомъ съ послѣдкою митрополита Серафима къ гусарю для испрошенія синоду „гусара“.

Нѣтъ нужды, что тайности эти далеко не всѣмъ извѣстны и до сихъ поръ, сколько помнится, не встрѣчали печатной оцѣнки—у массы есть свой истинникъ, которымъ она отличаетъ добро отъ зла.

Нѣкоторыхъ до сихъ поръ интересуютъ любопытный вопросъ: чтó, если бы Андрей Николаевичъ Муравьевъ получилъ мѣсто оберъ-прокурора, — исполнилъ ли бы онъ свое намѣреніе „упразднить“ эту должность, или, по крайней мѣрѣ, поставитъ іерарховъ выше себя и самому передъ ними, такъ сказать, ступеваться и смириться до пріятія „зрака раба“.

Кто можетъ рѣшить то, что осталось тайнымъ и неразрѣшеннымъ въ высшихъ судьбахъ Провидѣнія? Но насколько можно судить объ исполнимости намѣреній по характеру и другимъ свойствамъ, человѣка, ихъ выражавшаго, то я смѣю думать, что сказанное намѣреніе Муравьева осталось бы неисполненнымъ.

XXIV.

Въ публикѣ Андрея Николаевича Муравьева часто сравниваютъ съ дѣйствующимъ нынѣ на литературномъ поприщѣ княземъ Владиміромъ Петровичемъ Мещерскимъ. Сходство между ними дѣйствительно есть, но вѣдь находятъ сходство и между Григоріемъ Богословомъ и Шопенгауеромъ, или Василіемъ Великимъ и Гумбольтомъ, а есть и большая разница. Муравьевъ, конечно, былъ несравненно свѣдущѣ князя въ церковныхъ дѣлахъ и зналъ какъ Св. Писаніе, такъ и исторію церкви, въ чемъ никто не дерзнетъ обвинять обширнаго невѣдѣніемъ кн. Мещерскаго. Кромѣ того, Муравьевъ вполнѣ понималъ нравы низшаго и высшаго духовенства, и любилъ задавать страху тѣмъ и другимъ, тогда какъ князь Мещерскій строго только къ „модному духовенству“, съ воротничками и чистымъ бѣльемъ на виду, а къ „фіолетамъ“ самъ искательно подѣзжаетъ на особомъ „духовномъ передкѣ“ (ірс. вербо). Муравьевъ же, напротивъ, какъ говоритъ: „гонялъ поповъ, но не давалъ спуску и архіереямъ“.

Здѣсь кстати расказу, отъ какого случая онъ продолжалъ непріязнь съ митрополитомъ Арсеніемъ, который его пережилъ немного и хотѣлъ было лишить уснокоенія подѣ церковью. Митрополитъ Арсеній, объѣзжая епархію, однажды обѣдалъ у какого-то тарашанскаго или звенигородскаго помѣщика, — кажется, если не ошибаюсь, у г. Млодецаго, поляка. За столомъ были духовные особы, сопровождавшіе митрополита, и мѣстный ксендзь. Православный же мѣстный причетъ и сосѣднее духовенство во все время обѣда ожидали владыку на дворѣ, стоя у крыльца вмѣстѣ съ жидами, собравшимися поглазѣть на экипажи и на гости. Андрей Николаевичъ сдѣлалъ за это выговоръ митрополиту безъ всякаго послабленія, а тотъ, чувствуя справедливость сдѣланнаго ему замѣчанія, никогда не могъ искренно помириться съ Муравьевымъ и завелъ это до того, что даже мстилъ ему мертвому. Митрополитъ сдѣлалъ неожиданное затрудненіе въ погребеніи его въ склепѣ подѣ Андреевскою церковью, хотя склепъ этотъ былъ устроенъ Муравьевымъ гораздо ранѣе его смерти и не безъ вѣдома митрополита Арсенія.

Такъ же были исполнены рѣзкостей, и притомъ совершенно немѣстныхъ, нѣкоторыя отношенія Муравьева къ другому современному кievскому епископу—Порфирию Успенскому, большому и почтенному труженнику, изысканія котораго о Востокѣ должны быть высоко цѣнными церковно-историческою наукою. (Пресвященный Порфирій здравствуетъ).

Выходитъ, что въ послѣдніе дни своей жизни Андрей Николаевичъ изъ трехъ кievскихъ архіереевъ кое-какъ благоволилъ только къ одному, именно къ Филарету Филаретову, да и къ этому онъ предложилъ свой гнѣвъ на милость только незадолго передъ смертію, и то благодаря расположенію, которое оказывалъ Филарету содержащій ключъ ко многимъ сердцамъ П. П. Демидовъ Сантъ-Донато.

Таковъ былъ неуживчивый, безпокойный и претензионный, но нелишенный нѣкоторой смѣлости и отваги характеръ „готоваго“, но „несостоявшагося оберъ-прокурора“, А. Н. Муравьева. По этому краткому, нелестивому, но и безпристрастному очерку всякій можетъ самъ умозаключать: были ли достаточныя основанія сожалѣть, что Муравьеву въ свое время былъ предпочтенъ Протасовъ, а потомъ другіе, и можно ли было ожидать, что при Муравьевѣ епископы много бы выиграли въ своей независимости.

Я еще разъ готовъ сказать, что ни епископы, ни вся церковь отъ него никакыхъ бы благополучій для себя не доспѣли.

XXV.

Изъ запутанной и неясной, но во всякомъ случаѣ тяжелой для чувства православныхъ исторіи, которую мы какъ могли рассказали съ своими и чужими соображеніями, можетъ быть, и ошибочными,—

обыкновенно выводят или тшятся выводить, что благоуспѣшность проповѣди и вообще церковнаго благочестія въ Россіи остановили маловѣріе однихъ оберъ-прокуроровъ и крутое самовластіе другихъ.

Такъ ли это однако?

Сами мы этого разбирать не станемъ, такъ какъ это увлекло бы насъ значительно дальше того, докуда мы мѣтимъ собственно въ интересахъ исторической заботы уберечь преданія; но отмѣтимъ краткое замѣчаніе, высказанное объ этомъ г. Владиміромъ Соловьевымъ въ журналѣ Ив. С. Аксакова.

По поводу нынѣшняго совершеннаго упадка въ Россіи „духовнаго авторитета“, г. Соловьевъ емлется за откровенное признаніе епископа уфимскаго Никанора, который въ словѣ на новый 1882 годъ откровенно признался, что „никто уже у нихъ больше не хочетъ учиться и ихъ слушаться“.

Положеніе очевидно отчаянное, но редакція „Руси“ и ея начитанный въ церковныхъ вопросахъ сотрудникъ усматриваютъ главную причину бѣдствія все-таки не въ недостаткѣ охраны и защиты церковныхъ дѣятелей, а совсѣмъ въ другомъ, — именно въ томъ, что („Русь“, 18 сент. 1882 г., № 38) въ такомъ отчаянномъ положеніи „иные благонамѣренные, но неблагоразумные ревнителѣ духовнаго авторитета прибѣгаютъ къ отчаянному же средству, — къ признанію за русской мѣстной (?) іерархіей привиллегіи непогрѣшности во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, что составляетъ во всякомъ случаѣ несовсѣмъ удачную пародію папизма“.

Горячая преданность обоихъ этихъ лицъ (Аксакова и Соловьева) интересамъ православія, разумѣется, заставляеть отнестись къ ихъ словамъ съ серьезною провѣркою, тѣмъ болѣе, что приведенныя слова, кажется, справедливы и во всякомъ случаѣ глубоко доброжелательны и искренны. А это во всякомъ разѣ тѣ свойства, недостатковъ которыхъ всего ошутительнѣе во всей разсмотрѣнной нами исторіи.

Николай Лѣсковъ.

РУССКІЙ ЛИТТРЕ.

(По поводу новаго изданія „Словаря“ Дала).

21-го мая (2-го іюня) прошлаго года, умеръ въ Парижѣ на восемьдесятъ первомъ году французскій философъ, публицистъ и филологъ, имя котораго пользуется глубокимъ уваженіемъ во всей мыслящей Европѣ. Съ искреннимъ сожалѣніемъ приняла она вѣсть о кончинѣ ученаго. Отечество устроило ему торжественныя, хотя и гражданскія, похороны. Онъ занималъ такое видное мѣсто въ ряду современныхъ представителей науки, что не скоро найдется лицо, которое могло бы замѣнить его въ тѣхъ отрасляхъ знанія, гдѣ дѣйствовалъ покойный Литтре. Въ молодости онъ былъ лингвистомъ, основательно зналъ древніе языки, санскритскій, арабскій, а изъ европейскихъ — нѣмецкій, англійскій, итальянскій и испанскій. Изучая медицину, онъ перевелъ десять томовъ сочиненій Гипократа, дрался на іюльскихъ баррикадахъ, потомъ былъ однимъ изъ редакторовъ газеты „National“. Какъ медикъ, онъ написалъ изслѣдованіе о холерѣ, участвовалъ въ „Журналѣ медицины и хирургіи“, основалъ медицинскій журналъ „l'Étrangère“, существовавшій десять лѣтъ (1807 — 16), издалъ „Словарь медицины, хирургіи и фармаціи“, перевелъ „Естественную исторію“ Плинія. Какъ философъ, онъ перевелъ „Жизнь Иисуса“ Штрауса и былъ жаркимъ адептомъ и популяризаторомъ ученія Огюста Конта, написалъ „Анализъ позитивной философіи“, „Приложеніе позитивизма къ управленію обществами“, „Консерватизмъ, революція и позитивизмъ“, „Ученіе позитивной философіи“, „Огюстъ Контъ и его философія“ и друг., основалъ съ М. Г. Вырубовымъ журналъ „Philosophie positive“, гдѣ помѣщалъ много статей и, между прочимъ, „Органическія начала нравственности“, возбудившія противъ него всю стаю ретроградовъ. Но еще замѣчательнѣе онъ какъ филологъ. Изучивъ

старинный французскій языкъ, онъ перевелъ стихами „Адъ“ Данта на языкъ XIV-го столѣтїа, и первую пѣснь Иліады на языкъ трубадуровъ, составилъ „Исторїю французскаго языка“, наконецъ, посвятивъ двадцать лѣтъ на подготовленіе матеріаловъ для „Словаря французскаго языка“, онъ началъ издавать его въ 1863 году и окончилъ черезъ десять лѣтъ послѣдній четвертый томъ. Черезъ пять лѣтъ (1877 г.) вышло дополненіе къ этому „Словарю“.

„Словарь“ Литтре составляетъ гордость и славу нашего времени. То, чего не могла сдѣлать втеченіе многихъ лѣтъ вся французская академія, въ полномъ составѣ ея сорока „бессмертныхъ“ ученыхъ и литераторовъ, сдѣлалъ одинъ человекъ, сравнительно въ короткое время, и сдѣлалъ такъ, что остается только удивляться знанію и трудолюбію этого человека, котораго не могли отвлечь отъ работы даже такія событія, какъ паденіе имперїи, вторженіе иноземцевъ въ его отечество, восстаніе коммуны. Недаромъ онъ говорилъ, вступая въ масонскую ложу Великаго Востока: „равнодушіе науки—безусловно: отъ этого увеличивается ея вліяніе на измѣненія соціального положенїа“.

„Словарь французской академіи“ имѣлъ нѣсколько изданій, начиная съ 1694 года. Только четвертое—1762 года имѣетъ нѣкоторое значеніе, благодаря трудамъ Дюкло. Начатое вслѣдъ затѣмъ изданіе секретарями академіи Мармонтелемъ и Даламборомъ, было остановлено во время революціи и окончено неизвестными книгопродавцами въ 1798 году. Академія, разогнанная революціею, не хотѣла признать этого труда и, съ помощью новыхъ членовъ, выпустила въ свѣтъ новое изданіе въ 1835 году. Опредѣленіе словъ въ этомъ изданіи отличается наимостью. Такъ, слово „étonnement“—значить „surprise“, а „surprise“ опредѣляется словомъ „étonnement“; „быть“—значить „существовать“, а „существовать“—значить „быть“. „Экономія“ опредѣляется словомъ „сбереженіе“, сбереженіе—экономію. Этимологіи нѣтъ вовсе въ этомъ словарѣ; для показанія употребленія словъ примѣры сочиняются самими академиками, а не приводятся изъ прочихъ писателей; не вездѣ показаны выговоры словъ, даже въ спорныхъ случаяхъ. Число пропущенныхъ словъ громадно: нѣтъ даже такихъ словъ, какъ *capitaliser, diagrama, editer, incogectement, démo-galisation* и др.; многіе грамматическіе вопросы вовсе не рѣшены, в проч. и проч.

Всѣхъ этихъ недостатковъ нѣтъ въ словарѣ Литтре. Онъ даетъ полную номенклатуру всѣхъ французскихъ словъ, какъ встрѣчающихся въ обыкновенной рѣчи, такъ и въ терминологіи наукъ, искусствъ и ремеслъ; онъ приводитъ идиотизмы, критическія замѣчанія о трудностяхъ и неправильностяхъ языка, различныя значенія словъ, ихъ произношенія, этимологію, историческія измѣненія всѣхъ терминовъ французскаго языка, въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, отъ начала ихъ происхожденія до XVI-го вѣва; опредѣленія словъ, отличающіяся

лсностью, приводитъ всѣ ихъ значенія, въ логическомъ порядкѣ, съ примѣрами, взятыми изъ классическихъ писателей, со всѣми синонимами.

И создавшаго такой словарь человекѣа — французская академія, обязанная, по уставу, заботиться объ изданіи подобнаго рода книгъ, нѣсколько разъ отказывалась принять въ число своихъ членовъ. Когда вышелъ первый томъ словаря, епископъ Дюпанлу, на предложеніе кандидатуры Литтре, отвѣчалъ публичнымъ обвиненіемъ его въ безнравственности и безбожіи. Впослѣдствіи, еще нѣсколько разъ предлагали его избраніе, какъ въ 1867 году, на мѣсто Баранта. Только въ концѣ 1876 года, послѣ того какъ Литтре былъ избранъ членомъ національнаго собранія, вице-президентомъ генеральнаго совѣта въ Парижѣ, професоромъ исторіи и географіи въ политехнической школѣ, академія избрала его въ члены, на мѣсто Вильмена, семнадцатью голосами противъ 12-ти, данныхъ Тальяндье и Вьель-Кастелю Дюпанлу всѣми силами старался мѣшать этому избранію, но, не успѣвъ въ этомъ, торжественно отказался отъ своего академическаго кресла, „не желая засѣдать въ учрежденіи, принимающемъ безбожниковъ въ свои члены“. Въ своей вступительной рѣчи, произнесенной въ академіи, въ іюнѣ 1873 года, Литтре не упоминалъ вовсе о философіи, а говорилъ только о литературѣ и о замѣчательномъ развитіи французскаго языка въ XII вѣкѣ. Зато отвѣчавшій ему академикъ Шампаньи счелъ долгомъ прочесть великому ученому религиозное наставленіе, въ духѣ епископа Дюпанлу.

Католики не хотѣли оставить въ покоѣ безборыстнаго дѣятеля науки и послѣ его смерти. Безупречная жизнь его обѣсила фанатиковъ-клерикаловъ, проповѣдовавшихъ, что всякій свободный мыслитель неперемѣнно человекъ безнравственный и безчестный. Но отрицая всякое преданіе, вѣрованіе и откровеніе, Литтре въ то же время былъ образцомъ гражданина и семьянина. Родившись въ семьѣ, отвергавшей всякую религію, онъ никогда не былъ крещенъ и даже въ масоны вступилъ только, когда они вычеркнули изъ своего устава статьи, по которымъ существованіе „великаго водчаго вселенной“ считалось обязательнымъ. И такой человекъ, по увѣренію семьи его, умеръ не только христіаниномъ, но и католикомъ. Мало того: чтобы имѣть возможность отпѣвать по обрядамъ церкви „нѣкреста“, клерикалы объявили въ газетахъ, что Литтре совершилъ надъ собою обрядъ крещенія, незадолго до смерти, чтобы не огорчать жену и дочь. Никто однако не называлъ священника, крестившаго ученаго. Не смотря на это, пришлось вѣрить словамъ его семьи, и тѣло покойнаго, по католическому обычаю, было выставлено во временной каплицѣ (*chappelle ardente*). Но когда гробъ былъ вынесенъ изъ нея и поставленъ на дроги, одинъ изъ любимыхъ учениковъ и горячихъ поклонниковъ Литтре, докторъ Галоненъ, подошелъ къ дрогамъ въ сопровожденіи членовъ масонской ложи и сказалъ: „Учитель! Я прихожу сюда от-

стоять отъ имени философіи позитивизма правъ всемірнаго масонскаго братства. Насъ обманули, чтобы похитить тебя у мыслящаго человѣчества. Но будущее произнесетъ приговоръ надъ твоими и нашими врагами. Мы отмстимъ за тебя, давая читать твои творенія дѣтямъ нашимъ“.

При этихъ словахъ, толпа, окружавшая гробъ, взволновалась: одни осуждали протестъ Галопена, другіе одобряли манифестацію масоновъ. Но погребальная процесія двинулась къ церкви. Толпа писателей, ученыхъ, сенаторовъ, академиковъ, депутатовъ шла за гробомъ. Эрнестъ Ренанъ, какъ представитель академіи, держалъ одинъ изъ свурковъ багдахана траурной колесницы. „Свободные мыслители“ и масоны не вошли въ церковь и не позволили внести въ нее вѣнки, принесенные ими на гробъ ихъ собрата, а положили ихъ на паперти, пока тѣло отпѣвали. На кладбищѣ Монпарнаса, гдѣ похоронили усопшаго, по настоятельному желанію его семьи, не было произнесено рѣчей, но когда толпа уже стала расходиться, редакторъ „Revue Positiviste“ сказалъ прощальное слово, которое, въ то же время, было и протестомъ: „Литтре доказалъ собою, говорилъ г. Вырубовъ, что можно имѣть благородное и великодушное сердце, слѣдуя ученію, непризнающему ничего, кромѣ дѣйствительности... Несмотря на обманчивую обстановку, онъ умеръ, какъ жилъ, не отрекаясь отъ своихъ убѣжденій... Тебѣ не суждено загробное безсмертіе, котораго ты никогда и не ожидалъ, но ты оставляешь за собою твою страну, которой ты честно служилъ, республику, къ которой всегда былъ горячо привязанъ, цѣлое поколѣніе учениковъ, которые всегда будутъ вѣрны тебѣ. Ты завѣщалъ всему мыслящему человѣчеству твои идеи и твои добродѣтели. Сегодня начинается для тебя безсмертіе земное, единственное, отъ котораго можно ожидать пользы и плодовъ“.

Этотъ вторичный протестъ вызвалъ еще больше шума, чѣмъ первый. Часть толпы рукоплескала, другая громко осуждала неумѣстность выходовъ. Дѣло дошло до криковъ и перебранки. Послѣдователи позитивистской философіи не сумѣли сохранить должнаго хладнокровія. Обманъ, допущенный клерикалами, былъ очевиденъ. Если бы слухъ, распушенный о предсмертномъ крещеніи Литтре, былъ справедливъ—при первомъ сомнѣніи о немъ, высказанномъ въ газетахъ, духовенство поспѣшило бы представить несомнѣнныя доказательства факта,—но ихъ не было, и потому оно молчало и предпочло скорѣе нарушить основной догматъ католицизма, строго воспрещающій христіанское погребеніе нехристіанъ, нежели допустить гражданскія похороны великаго ученаго, но и нераскаяннаго атеиста. Въ борьбѣ съ свободными мыслителями католицизмъ допускаетъ еще и не такія передержки.

Въ то время, когда Литтре готовился вступить въ учрежденіе, признавшее наконецъ громадныя заслуги филолога по составленію образцоваго словаря, въ Москвѣ, также въ кругу семьи, но почти

всѣми забытъ, умиралъ другой составитель словаря, также не академическаго, но единственнаго въ Россіи, лучше котораго мы не скоро дождемся. Это былъ не такой глубоко образованный ученый какъ Литтре, но превосходилъ французскаго лексиколога тѣмъ, что былъ замѣчательнымъ, чисто народнымъ писателемъ, отличавшимся въ то же время разнообразною и многостороннею дѣятельностью. Владиміръ Ивановичъ Даль былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ дѣятелей: морякъ, медикъ, натуралистъ, филологъ, этнографъ, ботаникъ, политико-экономистъ, инженеръ, администраторъ, туристъ, блестящій литераторъ. Онъ родился въ 1801 году, въ Луганскомъ заводѣ Екатеринославской губерніи. Отецъ его, датчанинъ по происхожденію, принявшій русское подданство, былъ докторомъ, а впоследствии медицинскимъ инспекторомъ въ черноморскомъ флотѣ. По этому молодой Даль получилъ воспитаніе въ морскомъ корпусѣ и въ 1819 году, вышелъ мичманомъ въ черноморскій флотъ, но на первыхъ порахъ службы встрѣтилъ непріязнь въ своихъ начальникахъ и, преслѣдуемый адмираломъ Грейгомъ, перешелъ въ балтійскій флотъ. Кромѣ того, служить въ морѣ ему мѣшало слабое здоровье. Онъ не могъ переносить морской качки и, несмотря на это, долженъ былъ оставаться морякомъ, чтобы заплатить своею службою за казенное воспитаніе. Напрасно пытался онъ втеченіе этого времени перейти въ инженерное и артилерійское вѣдомства, наконецъ просто въ армейскій полкъ. Его не выпускали до срока, положеннаго по закону, и только черезъ шесть лѣтъ онъ могъ выдти въ отставку. Тогда онъ поступилъ въ дерптскій университетъ въ такіе годы, когда другіе уже выходятъ изъ студентовъ. Онъ порѣшилъ сдѣлаться медикомъ, хотя этому мѣшало совершенное незнаніе латинскаго языка, которому не учили въ морскомъ корпусѣ. Это не остановило, однако, Дала и онъ началъ учиться латыни съ азбуки, а черезъ три года (въ 1829 году) напечаталъ уже докторскую диссертацию: „Specimen inaugurale exhibens observationes de rebratione crani cum successu instituta et de genum exularatione occulta“. Товарищъ Пирогова и Иноземцова, онъ оказалъ такіе блестящіе успѣхи въ университетѣ, что былъ зачисленъ казеннокоштнымъ студентомъ. Ему слѣдовало кончить курсъ въ концѣ 1830 года, но еще за годъ передъ тѣмъ, по случаю войны съ Турціей, потребовали въ армію всѣхъ способныхъ медицинскихъ студентовъ и Даль отправился въ походъ, въ званіи доктора, защитивъ свою диссертацию.

Исполняя ревностно обязанности военнаго врача во время всей кампаніи, онъ, сверхъ того, счастливо исполнилъ порученіе начальства—остановить распространеніе холеры, появившейся въ Яссахъ и Каменецъ-Подольскѣ. Въ польскую войну 1831 года онъ снова неутомимо оперировалъ на поляхъ сраженій. Въ то же время онъ выказалъ практическія знанія и по инженерной части. Отрядъ Ридигера, при которомъ Даль былъ врачомъ, долженъ былъ переправиться

черезъ Вислу, но при генералѣ не было ни одного инженера, способнаго навести pontонный мостъ. Докторъ взялся за это, исполнилъ съ успѣхомъ, самъ лично защищалъ мостъ отъ сильнаго нитиска поляковъ, а потомъ разрушилъ его. По окончаніи войны онъ поступилъ ординаторомъ въ петербургскій военный госпиталь и тогда же (въ 1832 году) издалъ свой первый литературный трудъ: „Русскія сказки изъ преданія народнаго, изустнаго, на грамоту гражданскую переложенныя, къ быту житейскому принаровленные и поговорками ходячими разукрашенныя казакомъ Владиміромъ Луганскимъ“. Эти бойкіе, полные неподдѣльнаго юмора рассказы, доказывавшіе въ авторѣ глубокое знаніе народнаго быта, болѣе всего были замѣчательны по прекрасному, образному языку, чисто русскимъ оборотамъ народной рѣчи. Между тѣмъ, авторъ ихъ только четыре года тому назадъ началъ писать статьи на нѣмецкомъ языкѣ въ „*Doctrinet Jahrbücher*“¹⁾. Но съ перваго же шагу на литературномъ поприщѣ Даль попалъ въ разрядъ писателей неблагонамѣренныхъ. Булгаринъ, по своему обыкновенію, указалъ на нѣсколько смѣльныхъ, рѣзкихъ фразъ, хотя и въ чисто народномъ духѣ, и приписалъ имъ вредное, опасное значеніе. Книжку захватили и заодно уже препроводили и автора въ III Отдѣленіе. По счастью, Жуковскій, этотъ всегдашній ходатай за всѣхъ угнетенныхъ и преслѣдуемыхъ, растолковалъ кому слѣдуетъ, что въ заподозрѣнныхъ фразахъ не заключается ничего зажигательнаго, никакихъ потрясеній основъ и покушеній на ниспроверженіе властей. Дала выпустили изъ застѣнка, но книгу его все-таки запретили — во избѣжаніе превратныхъ толкованій. Да и не могло же всемогущее и всезнающее III Отдѣленіе сознаться, что оно напрасно приняло кукушку за ястреба и стараго доносчика Булгарина за ревностнаго патриота. Тотъ же добрый и благородный Жуковскій познакомилъ Дала съ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, В. А. Перовскимъ и въ слѣдующемъ же году, врачъ-писатель поступилъ къ нему чиновникомъ по особымъ порученіямъ.

Семь лѣтъ Даль находился постоянно въ Оренбургѣ, близко изучилъ тотъ край и собралъ огромный запасъ свѣдѣній всякаго рода. Въ 1837 году онъ сопровождалъ Наслѣдника во время поѣздки его по этому краю, а въ 1839 году участвовалъ въ безтолковомъ хивинскомъ походѣ, изъ котораго писалъ любопытныя письма къ друзьямъ. Письма эти только спустя четверть столѣтія слишкомъ могли появиться въ печати („Русскій Архивъ“ 1867 года, стр. 402 и 606). Въ это время онъ окончательно упрочилъ свою литературную извѣстность, издавъ свои „Были и небылицы“ (четыре тома, второе изданіе

¹⁾ Статья эта „*Über die Schriftstellerei des russischen Volks*“ (1835, № 1-й) посвящена предмету, занимавшему Дала втеченіе всей его жизни. Въ ней онъ осуждаетъ вашу подражательную литературу, восстаетъ противъ искаженія языка на иностранный ладъ и съ любовью говоритъ о глубочайшихъ картинахъ.

1863 года), и въ то же время не оставлялъ и ученыхъ занятій: какъ медикъ онъ дѣлалъ много операций и посвятилъ себя изученію главныхъ болѣзней. Врагъ гомеопатіи въ 1835 году, онъ сдѣлался вскорѣ однимъ изъ ревностныхъ ея послѣдователей и написалъ одну изъ первыхъ статей въ защиту этого ученія въ „Современникѣ“ 1838 году (№ 129). Какъ натуралистъ, онъ перевелъ „Естественную исторію Оренбургскаго края“ Эверсмана. Въ 1841 году Даль перешелъ въ Петербургъ, по приглашенію министра удѣловъ А. А. Перовскаго и былъ при немъ секретаремъ. Въ 1846 году онъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и заведовалъ канцеляріей этого министерства. Какъ администраторъ, онъ составилъ въ то время двѣ любопытныя брошюры, не являвшіяся въ продажѣ: „О скопческой ереси“ и „Объ убіеніи евреями христіанскихъ младенцевъ“ (1844 г.). Какъ литераторъ, онъ въ это время написалъ „Солдатскіе досуги“, иллюстрированную повѣсть „Похожденія Віольдамура“ и четыре тома „Сочиненій казака Луганскаго“. Какъ ученый, онъ издалъ „Ботанику“ для воспитанниковъ военноучебныхъ заведеній (второе изданіе, 1851). Въ 1849 году, онъ былъ назначенъ управляющимъ удѣльною нижегородскою конторою и десять лѣтъ мирно прожилъ на этомъ мѣстѣ, получая содержаніе, достаточное для его скромной жизни. Но въ 1859 году губернаторомъ былъ сдѣланъ Муравьевъ. Ему нужны были не талантливые писатели и высочестные чиновники, а лакеи и научники въ вицмундирахъ, и Даль былъ уволенъ въ отставку, ничего не наживъ на мѣстѣ, гдѣ другіе наживали сотни тысячъ. Незначительная пенсія была наградою за сорокалѣтнюю службу этого рѣдкаго, достойнаго человѣка, неперестававшаго работать въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, сборникахъ, словаряхъ. Кромѣ множества разсказовъ, очерковъ, повѣстей, онъ уже въ это время собиралъ матеріалы для своего капитальнаго труда и еще въ 1852 году въ „Вѣстникѣ Географическаго Общества“ напечаталъ замѣчательное наслѣдованіе „О нарѣчіяхъ русскаго языка“. Но только выйдя въ отставку онъ получилъ возможность заняться приведеніемъ въ порядокъ матеріаловъ для своего словаря, который началъ собирать еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ.

Въ сентябрѣ и октябрѣ 1861 года, вышли два первые выпуска „Толковаго словаря живаго великорусскаго языка“, каждый въ четвертую долю большаго формата, по пятнадцати листовъ, въ два столбца. Средства для изданія дало „Общество любителей россійской словесности“ при московскомъ университетѣ. Никакихъ введеній, предисловій, объясненій автора не было приложено къ этому труду, на которомъ красовалось только цензорское позволеніе печатать. Даже для такой книги необходимо было обидное испрашиваніе позволенія, да еще съ оговоркою, подъ условіемъ дароваго представленія узаконеннаго (штукъ 15) числа экзепляровъ въ цензурный комитетъ, безъ чего и позволеніе недѣйствительно. Со второго же выпуска къ сло-

варю начали прилагаться отдѣльные листы поправокъ и дополненій. Только съ четвертаго выпуска въ слѣдующемъ году явилось цензурное одобрение безъ всякихъ оговорокъ и, вмѣсто предисловія: „напутственное слово“ автора, рѣчь его „о русскомъ словарѣ“, читанная въ обществѣ любителей русской словесности въ 1860 году и статья о нарѣчіяхъ русскаго языка. Изъ этихъ статей, заявившихъ слишкомъ пятьдесятъ страницъ мелкой печати, можно было ознакомиться со взглядомъ автора на свое дѣло, планомъ словаря и его мнѣніями объ особенностяхъ русскаго языка, его правописаніи, грамматическихъ формахъ и т. п. Съ шестаго выпуска 1863 года опять является цензурное „дозволеніе“ вмѣсто „одобренія“. До простаго „разрѣшенія“ такъ и не додумалась цензура—вплоть до уничтоженія ея для нѣкоторыхъ книгъ и газетъ.

Средствъ общества любителей словесности достало только на восемь выпусковъ „Словаря“ (920 страницъ, до слова мечта) — и онъ долженъ былъ прекратиться, но въ томъ же 1864 году вышелъ и девятый выпускъ, „печатанный на счетъ всемилостивѣйше пожалованныхъ средствъ“. Даль заявилъ при этомъ, что восемь выпусковъ, стоившіе по 600 рублей каждый, почти истощили средства, данныя А. И. Кошелевымъ отъ имени общества (3.000 рублей), а также вырученныя изъ продажи, но изданіе обезпечено еще выпусковъ на 6—7, считая и продажу, „пожалованьемъ черезъ министра прощенія значительной суммы“. Съ 13-го выпуска 1866 года исчезла съ обертки словаря и эта оговорка, и было объявлено, что словарь весь готовъ для печати и выходъ его денежно обезпеченъ. Въ этомъ году вышло пять выпусковъ его. Въ 18-мъ выпускѣ, Даль напечаталъ критическій „отвѣтъ на приговоръ“, въ которомъ защищается отъ обвиненія его въ томъ, что онъ вноситъ въ словарь не общеупотребительныя и какъ бы вновь составленныя слова, безъ указанія, гдѣ именно и кѣмъ они сообщены составителю. Въ этомъ упрекали его рецензій гг. Пыпина, Срезневскаго, Саввантова. Такія указанія Даль считалъ задачею трудною, даже неисполнимою, особенно наименованія, что онъ собралъ 80 тысячъ словъ, какихъ нѣтъ ни въ одномъ словарѣ. При мѣстныхъ словахъ у него есть указаніе на губерніи, при сомнительныхъ онъ ставилъ вездѣ знаки вопроса. „Что же я могъ сдѣлать больше? зачѣмъ я буду самъ придумывать слова?“ спрашиваетъ Даль и прибавляетъ, что онъ исправилъ по духу языка даже много офенскихъ, то-есть, придуманныхъ словъ, и ставилъ при нихъ знакъ сомнѣнія. „Многія изъ нихъ не были въ печати, но вѣдь авторъ составляетъ словарь не книжнаго, а живого языка“. Изъ трехъ словъ будто бы сочиненныхъ Далемъ, два—„согласъ“ и „живула“ несомнѣнно народныя, а третье—„ловкосиліе“ употреблено имъ, какъ попытка объяснить русскимъ выраженіемъ слово „гимнастика“.

21-мъ выпускомъ 1867 года окончилось изданіе, печатавшееся втеченіе почти семи лѣтъ. Публика встрѣтила его довольно равно-

душно, критическіе отзывы въ журналахъ были не замѣчательны. Самую лучшую оцѣнку ему сдѣлалъ Я. К. Гротъ, написавъ разборъ словаря по порученію нашей академіи, присудившей Далю въ 1870 году Ломоносовскую премію. Еще прежде онъ получилъ за него высшую награду „Географическаго общества“. Лучшую оцѣнку далевскаго словаря можно было бы сдѣлать сравнивъ его съ академическимъ, но Гротъ—самъ академикъ, и потому не могъ указывать на промахи и недѣльности труда своихъ собратьевъ. Онъ распространялся въ своей рецензіи о ходѣ развитія русскаго языка вообще, указывалъ на заимствованія его, на искаженія, внесенныя при реформахъ Петра I-го, на попытки Ломоносова и Карамзина очистить языкъ, Шишкова—обойтись вовсе безъ иностранныхъ словъ и составленныхъ по иноязычнымъ образцамъ. Но языкъ Ломоносова былъ неуклюжъ и неправиленъ, Карамзинъ былъ мало знакомъ съ языкомъ народа, а Шишковъ съ его „непщеваніемъ, gobзованіемъ, умодѣліемъ и приснотекущими“ былъ просто невозможенъ даже для своихъ подчиненныхъ, какъ ни старались они „углѣбать“, чтобы подслужиться своему министру просвѣщенія. На искусственной и дѣланной прозѣ Карамзина была построена грамматика Греча, произвольная и условная, задержавшая своими стѣснительными правилами развитіе языка въ тридцатыхъ годахъ до появленія грамматики Востокова, лучшаго знатока свойствъ русскаго языка, вмѣстѣ съ Далемъ и Гротомъ — хотя они всѣ трое не русскаго происхожденія.

Каждый изъ нашихъ лучшихъ писателей обращался къ народному языку, какъ источнику богатыхъ оборотовъ, блестящихъ выраженій. Фонвизинъ, Крыловъ, Жуковский, Грибоедовъ, Пушкинъ обильно черпали изъ этого источника, сознавая важное значеніе его. Даль прямо утверждалъ, что безъ него писатель не можетъ сдѣлать правильного шага. Онъ признавался, что всѣ его произведенія служили для него не цѣлью, а только средствомъ — познакомить русскаго человѣка съ народнымъ говоромъ. Его тревожила, по собственному признанію, „несообразность письменнаго языка нашего съ устною рѣчью простого русскаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотѣйствомъ“. Литературный языкъ нашъ, по мнѣнію его, совершенно удалился отъ народнаго, принялъ чуждый ему складъ и утратилъ первоначальный характеръ силы, сжатости и выразительности. Поэтому всѣ усилія Даля были направлены къ тому, чтобы замѣнить книжный языкъ народнымъ говоромъ. Въ этомъ главная заслуга писателя и, въ то же время, главное его заблужденіе. Несомнѣнно, что языкъ народный во многихъ случаяхъ образнѣе и выразительнѣе книжнаго, но у всѣхъ націй языкъ, „по мѣрѣ своего развитія въ образованной рѣчи, даетъ болѣе перевѣсъ отвлеченному мышленію надъ наглядной изобразительностью“, какъ говоритъ Буславевъ въ своей „Исторической грамматикѣ“. Вездѣ общіе всему человѣчеству логическіе законы вытѣсняють изъ письменнаго языка непосредствен-

ную своеобразность народных представлений, выражающуюся въ идиотизмахъ. Такое космополитическое явленіе въ языкахъ — необходимое слѣдствіе постоянного обмѣна идей путемъ литературы, и признавая важность его, г. Гротъ въ разборѣ далевскаго словаря напрасно возстаётъ противъ перехода въ нашъ языкъ такихъ выраженій, какъ „разсчитывать на кого, раздѣлять чьи либо мысли, пройти молчаніемъ, предпослать“, или такихъ словъ, какъ „фактъ, результатъ, интересный, серьезный, формулировать, вліятельный, немислимый“ и проч. Всѣ эти обороты и слова происходятъ именно отъ обще-европейскихъ представлений и приобрѣли у насъ право гражданства. А сколько, въ послѣднее время, возникло и чисто русскихъ словъ не народныхъ, но прямо книжныхъ, какъ: проявленіе, сопоставленіе, настроеніе, голосованіе, творчество, пробѣлъ, сдержанность и проч. Даль возстаётъ даже противъ „исчезновенія“ и „возникновенія“, но Гротъ совершенно основательно спрашиваетъ: чѣмъ же они хуже отдохновенія, привосновенія? и самъ въ тоже время находитъ безобразнымъ слово „вдохновлять“. Но чѣмъ же оно хуже слова благословлять? спросимъ мы въ свою очередь. Вообще только изъ соединенія книжныхъ словъ съ народными возникаетъ богатый языкъ, развитію котораго содѣйствуетъ каждый даровитый писатель. Поэтому, кромѣ словаря живого языка, намъ необходимъ еще и словарь языка книжнаго, литературнаго. Первый составленъ уже Далемъ, второй ждетъ еще другого, русскаго Литтре.

Но заслуги Даля по составленію словаря народнаго языка — огромны и не забудутся никогда. Оставляя въ сторонѣ его не осуществленную претензію замѣнить иностранныя слова областными или составными русскаго происхожденія, какъ закрай — вмѣсто „горизонтъ“, голель—резонансъ, насылка—адресъ, волоземица—атмосфера, чистаякъ—пуристъ, и проч.—мы должны сказать, что собранный имъ запасъ русскихъ словъ, вошедшихъ во всеобщее употребленіе, дѣйствительно огроменъ и, въ этомъ отношеніи, академическій словарь нельзя и сравнивать съ далевскимъ, не говоря уже о томъ, что опредѣленіе словъ у Даля несравненно лучше, яснѣе. Къ недостаткамъ его словаря слѣдуетъ отнести введеніе въ него чисто областныхъ, мѣстныхъ словъ, неизвѣстныхъ за предѣлами той области, гдѣ они родились. Напрасно также не исключилъ онъ такія слова, которыя уже никакъ нельзя отнести къ языку „живому“, какъ убожать, скирбъ, скнипа, спона, стрый и т. п. Но пусть скорѣе въ словарь будутъ слова лишнія, нежели въ немъ будетъ недоставать какихъ нибудь словъ. Принятый имъ способъ расположенія словъ не въ строго азбучномъ порядкѣ, который Даль находитъ „тушымъ и сухимъ“ и не въ порядкѣ корнесловномъ, слишкомъ трудномъ и ведущимъ къ произволу,—а по семьямъ или гнѣздамъ, нельзя не назвать вполне рациональнымъ, но правильное примѣненіе этой системы требуетъ глубокаго этимологическаго знанія языка, основательнаго фило-

логическаго образованія, а этимъ Даль не обладалъ, въ чемъ и самъ сознается. Поэтому, зная языкъ только практически, онъ часто ошибался и въ распредѣленіи гнѣздъ и въ группировкѣ словъ по гнѣздамъ. Гротъ указываетъ на многочисленныя промахи Даля въ этомъ отношеніи, но перечисляетъ ихъ далеко не всѣ. Кромѣ этимологій у Даля хромаетъ и грамматика, хотя, въ противоположность съ академическимъ словаремъ, онъ вовсе исключилъ изъ своего—обозначеніе при каждомъ глаголѣ его залого. Въ правописаніе онъ ввелъ также много особенностей, но не со всѣми изъ нихъ можно согласиться. Такъ, противное русскому духу сдваиваніе согласныхъ онъ распространяетъ и на причастія страдательныя и пишеть: своевременный, дѣланный — хотя здѣсь удвоенія требуетъ самое произношеніе и самъ же Даль допускаетъ причастія: сокращенный, данный, и др. Тутъ уже прямой произволъ, но онъ распространяетъ его и на гласныя и пишеть: вообще, воображеніе, соответствовать и, въ то же время: „соображеніе, сообщать, соотечественникъ“. Въ словахъ съ предлогами безъ, разъ онъ безъ всякой нужды и въ противность произношенію пишеть: бестыдно, бесвязно, раставлять; опускаетъ букву ѣ въ числительныхъ: седмой, восьмой и проч.

Огромное значеніе въ словарѣ Даля имѣютъ пословицы, приводимыя имъ какъ примѣры употребленія словъ въ томъ или другомъ значеніи. (Впрочемъ, сборникъ этихъ пословицъ, расположенныхъ систематически по предметамъ, изданъ имъ отдѣльною книгою въ 1862 году). Но еще важнѣе и вполне оправдываютъ названіе толковаго словаря—реальныя объясненія словъ, относящихся къ нравамъ, обычаямъ, занятіямъ, повѣрьямъ русскаго народа, къ естественнымъ наукамъ, промысламъ, судоходству, торговлѣ. Въ этомъ едва ли не главное и, во всякомъ случаѣ, неотъемлемое достоинство его словаря. Специалисты-академики, ботаникъ Рупрехтъ и зоологъ Шренкъ заявили, что по этимъ отдѣламъ словарь Даля выше академическаго и заслуживаетъ одобреніе и благодарность. Гротъ говорить, что хотя далевскій словарь и не отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ строго-ученой критики, но его богатое вещественное и лексическое содержаніе искупаетъ всѣ недостатки. „Собранныя Далемъ сокровища языка и ума народнаго даютъ цѣлую массу новаго матерьяла не только для науки русскаго слова, но и для этнографіи“. Эта настольная книга для всякаго, кто вдумывается въ родной языкъ, трудится надъ изслѣдованіемъ его законовъ, книга не только полезная, но и занимательная, въ которой много любопытнаго, замѣчательнаго, поучительнаго. „Это трудъ задуманный смѣло и оригинально, выполненный самостоятельно“. У насъ нѣтъ другого сочиненія по русскому языку, которое могло бы идти въ сравненіе съ этимъ трудомъ; это плодъ добросовѣстныхъ занятій цѣлой жизни писателя умнаго, даровитаго, посвятившаго себя практическому изученію русскаго языка. Даль не проникъ во всѣ тайны законовъ языка, но и то,

что онъ сдѣлалъ для родного слова останется почетнымъ памятникомъ его дѣятельности, навсегда сохранить значеніе въ исторіи русскаго языка и лексикографіи. Тотчасъ же по выходѣ въ свѣтъ словаря, неутомимый составитель его началъ дополнять и исправлять его, внося на корректурные листы свои замѣтки, улучшения, поправки. Намъ удалось видѣть эти листы, во многихъ мѣстахъ до того испещренные вставками и поправками, что почти ничего не оставалось изъ прежняго текста. И трудясь, какъ всю жизнь упорно и постоянно, Далъ въ послѣднія пять лѣтъ своей жизни довелъ до того поправки въ своемъ словарѣ, что почти окончательно приготовилъ его второе изданіе. Прошло, однако, десять лѣтъ со смерти великаго лексикографа, покамѣстъ изданіе это могло явиться въ свѣтъ. Издавшій уже столько многотомныхъ и дорого стоящихъ сочиненій, М. О. Вольфъ рѣшился пожертвовать значительной суммой и, приобрѣта право на новое, совершенно переработанное авторомъ изданіе толковаго словаря, выпустилъ его въ свѣтъ ровно черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ Далъ, забытый при концѣ жизни, умеръ въ Москвѣ, въ своемъ скромномъ домикѣ. Одинъ взглядъ на это изданіе, сравнительно съ первымъ, показываетъ, какія важныя, многочисленныя измѣненія сдѣланы въ немъ составителемъ. Четыре объемистыхъ тома, напечатанныхъ четкимъ, хотя и компактнымъ шрифтомъ, со всею отчетливостію и тщательностію въ типографскомъ отношеніи, дѣлаютъ вполне бесполезнымъ первое изданіе, котораго, впрочемъ, давно уже нѣтъ въ продажѣ. Но мы такъ скоро забываемъ заслуги нашихъ даровитыхъ дѣятелей на гражданскомъ и литературномъ поприщѣ, что напомнимъ о покойномъ Далѣ, возродившемся въ новомъ изданіи его безсмертнаго труда, казалось намъ и полезно, и необходимо. Можетъ быть, воспоминаніе о русскомъ Литтре наведетъ на мысль хоть кого нибудь изъ нашихъ журнальныхъ дѣятелей, знающихъ все на свѣтѣ, кромѣ законовъ языка, которымъ они пишутъ, заглянуть при случаѣ въ этотъ словарь, куда чуть не втеченіе полулѣтка вносилъ всѣ слышанныя имъ когда либо и гдѣ либо русскія слова—этотъ странный человѣкъ, говорившій самъ о себѣ: „словарникъ — не законникъ, не уставщикъ, а сборщикъ“. Но отзываясь скромно о своихъ заслугахъ, Далъ забылъ, что въ трудѣ своемъ онъ явился не только сборщикомъ, а и толкователемъ нашего живого родного языка. И надъ такимъ собираніемъ и толкованіемъ русскихъ словъ съ глубокимъ уваженіемъ остановится будущій изслѣдователь свойствъ русскаго языка.

Вл. З—овъ.

ДВА ВРАГА.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

МОГИМЪ, я думаю, небезызвѣстны тѣ аномальныя отношенія, въ которыхъ находились другъ къ другу почти всю жизнь, да такъ ее и закончили, двое нашихъ государственныхъ дѣятелей: виленскій генераль-губернаторъ графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и с.-петербургскій—свѣтлѣйшій князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ.

Что было причиной обоюдной ожесточенной вражды этихъ людей, откуда и когда началась эта вражда, мнѣ неизвѣстно; знаю лишь, что вражда давняя и начало ея кроется чуть ли еще не въ молодыхъ лѣтахъ обоихъ ненавистниковъ. Надо полагать, что причины столкновенія были слишкомъ серьезны, потому что надъ ними совершенно безслѣдно пронеслись и долгіе десятки лѣтъ, и опытъ жизни, и высокое, выдающееся положеніе этихъ двухъ государственныхъ дѣятелей. Покойнаго государя крайне огорчали такія отношенія между Суворовымъ и Муравьевымъ. По кротости души своей императоръ Александръ Николаевичъ не могъ понять, какъ можетъ сердце человѣческое выносить продолжительную ненависть, гнѣвъ или злобу; любя обоихъ, одинаково обоими дорожа, государь искренно и не однажды пытался было помирить враждующихъ. Не знаю, какъ относился къ этой доброй попыткѣ графъ Муравьевъ, но князь Суворовъ при одномъ случаѣ заявилъ государю, что онъ высоко цѣнить и не находитъ словъ благодарить его величество за великодушное участіе, но съ Муравьевымъ никогда не сойдется. „Намъ суждено—сказалъ при этомъ князь Суворовъ—окончить съ Муравьевымъ жизнь врагами и врагами предстать предъ судъ Божій; одинъ Богъ разсудитъ насъ!“...

Эти слова, сколько мнѣ извѣстно, были сказаны государю княземъ Суворовымъ при слѣдующемъ случаѣ:

По усмиреніи польскаго мятежа и по водвореніи въ сѣверо-западномъ краѣ полнаго порядка, члены государственнаго совѣта, по инициативѣ, кажется, бывшаго военнаго министра Д. А. Милютина, предположили къ предстоявшему пріѣзду въ Петербургъ Муравьева поднести ему благодарственный адресъ. Государственный совѣтъ собрался для сего въ полномъ составѣ; былъ тутъ, конечно, и князь Суворовъ. Когда редакція адреса была всѣми одобрена, приступили къ подписанью, по старшинству членовъ совѣта; очередь нѣсколько разъ доходила до Суворова, но онъ, вмѣсто подписи, передавалъ адресъ своимъ сосѣдямъ; наконецъ, адресъ былъ покрытъ подписями всѣхъ присутствующихъ и предложенъ снова Суворову; князь отказался, заявивъ, что адреса онъ не подпишетъ. Произошло замѣшательство; нѣкоторые члены государственнаго совѣта сочли себя обиженными, другіе заявили, что князь Суворовъ такимъ поступкомъ оскорбилъ высокое учрежденіе совѣта, а нѣкоторые обратились къ князю съ требованіемъ категорическихъ объясненій его поведения. Суворовъ всталъ изъ-за стола и, выходя изъ присутствія, сказалъ: „Оставьте меня, господа; Богъ свидѣтель, что не хотѣлъ я ни оскорбить нашъ государственный совѣтъ, ни сдѣлать кому-нибудь изъ васъ непріятное; какъ русскій человѣкъ, я низко, до земли, кланяюсь генералу Муравьеву, усмирителю польскаго мятежа, но, какъ Суворовъ, я ни подъ какимъ видомъ не протяну мою руку для Муравьева“...

Говорили, что этимъ тогда дѣло не кончилось, что о такомъ поступкѣ князя Суворова было доведено до свѣдѣнія государя, котораго это очень огорчило и онъ при этомъ послѣдній разъ пытался склонить враждующія стороны къ миру. При этомъ же случаѣ князь Суворовъ и сказалъ государю вышеприведенныя слова о томъ, что одинъ Богъ можетъ разсудить его съ Муравьевымъ.

И вотъ, при такомъ положеніи дѣла, однажды, въ ноябрѣ 1864 года, въ высшихъ петербургскихъ сферахъ пронесся странный, невѣроятный слухъ... Но здѣсь я позволю себѣ небольшое отступленіе, чтобы продолжать рассказъ въ возможной степени близко къ тѣмъ источникамъ, которые, несмотря на протекшія восемнадцать лѣтъ, живо сохранились въ моей памяти.

Было воскресенье—день, стало быть, для меня не заурядный въ томъ смыслѣ, что въ этотъ день я съ утра бросалъ работу, отправлялся въ одиннадцать часовъ къ обѣднѣ, навѣщалъ до обѣда немногихъ знакомыхъ, обѣдалъ каждое воскресенье у начальницы Маріинскаго института М. С. Ольхиной, затѣмъ бывалъ въ театрѣ и возвращался домой лишь послѣ полуночи. Такъ случилось и на этотъ разъ и я былъ немало удивленъ и огорченъ, вернувшись къ себѣ во второмъ часу ночи и найдя записку И. Я. Четверкина слѣдую-

шаго содержанія: „...заѣзжалъ къ вамъ два раза; какъ бы поздно вы не вернулись домой, хотя бы въ 12 ч., навѣстите меня; очень нужно переговорить; если же нельзя будетъ, то приходите завтра утромъ въ 10 ч. къ свѣтлѣйшему; князь желаетъ васъ видѣть и я общалъ“.

Хотя я былъ близко знакомъ съ Иваномъ Яковлевичемъ Четыркинымъ, бывшимъ въ то время директоромъ канцелярїи петербургскаго генераль-губернатора и хорошо былъ принятъ въ его гостепріимномъ домѣ, однако ѣхать къ нему въ такую позднюю пору не представлялось возможнымъ, несмотря на весь, возбужденный во мнѣ запиской, интересъ этого свиданія.

Съ княземъ Суворовымъ я познакомился и сблизился еще за два года передъ тѣмъ, и когда я былъ утвержденъ редакторомъ газеты „Петербургскій Листокъ“, князь неоднократно удостоивалъ меня сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній для помѣщенія въ этой газетѣ. Неужели предстоящее свиданіе съ княземъ, думалъ я, засыпая, имѣетъ связь съ тѣмъ страннымъ слухомъ, про который была сегодня рѣчь за обѣдомъ у М. С. Ольхиной?

Привыкнувъ поздно ложиться и вставать послѣ десяти часовъ, я чуть было на этотъ разъ не проспалъ назначеннаго срока и едва къ 10 ч. успѣлъ подѣхать въ Большой Морской къ генераль-губернаторскому дому. Въ пріемной, по обыкновенію, была масса просителей, я вошелъ во вторую, красную, и первое лицо, встрѣтившее меня, былъ И. Я. Четыркинъ.

— Идите, спрашивалъ васъ; какъ жаль, что мы раньше не попидались, сказалъ мнѣ И. Я., провожая до кабинета.

Въ этомъ самомъ кабинетѣ я прежде неоднократно видѣлъ князя Александра Аркадевича всегда бодримъ, веселымъ, шутившимъ; но этотъ разъ я засталъ его мрачнымъ и очевидно взволнованнымъ. Поздоровавшись, онъ подвинулъ мнѣ кресло и съ полминуты молчалъ, сильно затягиваясь дымомъ изъ длиннаго чубука.

— Слышали? произнесъ онъ наконецъ упавшимъ голосомъ.

— Ничего не знаю, отвѣчалъ я.

— Развѣ вамъ не сказалъ Иванъ Яковлевичъ?

— Я съ нимъ только сію минуту успѣлъ повидаться.

— Скверно, такъ скверно, какъ и во снѣ не грезилось!

Я молчалъ, любопытство мое росло; князь продолжалъ сильно затягиваться изъ чубука.

— Видите ли, въ чемъ штука! началъ онъ... Вы знаете, что моя жена—извѣстная домосѣдка; при всей своей набожности, она съ трудомъ разъ въ мѣсяцъ въ церковь соберется; да и дома рѣдко какой день она не поваливается въ постели, благодаря своимъ несчастнымъ нервамъ. Всѣ ее такую знаютъ и не требуютъ отъ нея ни посѣщеній, ни, тѣмъ менѣе, такъ называемыхъ обязательныхъ визитовъ. Нѣкоторые добрые знакомые запросто навѣщаютъ ее, не рѣшаясь даже

и приглашать къ себѣ, зная, что этимъ только могутъ поставить мою жену въ неловкое положеніе. Къ числу такихъ добрыхъ женщинъ принадлежить жена баварскаго посланника графиня де-Перголесъ; несмотря на то, что жена не успѣла еще заплатить ей визитъ, графиня на прошлой недѣлѣ снова къ намъ заѣхала; жена была тронута такой любезностью графини де-Перголесъ и, разставаясь, сказала ей: „Мнѣ такъ совѣстно предъ вами, графиня, и вмѣстѣ такъ пріятно ваше милое общество, что при первой хорошей погодѣ, несмотря ни на что, я навѣщу васъ“.—Душевно буду рада, княгиня; адресъ мой вы, вѣроятно, знаете,—Сергіевская улица, домъ Муравьева, отвѣчала графиня, уѣзжая отъ насъ.

„Прошло три дня; выдался прекрасный солнечный день, и жена къ крайнему моему удивленію и радости съ утра еще объявила, что поѣдетъ къ графинѣ де-Перголесъ. На каждый выѣздъ жены изъ дому мы, домашніе, привыкли смотрѣть какъ на событіе и на этотъ разъ я очень обрадовался этому, тѣмъ болѣе, что, въ самомъ дѣлѣ, намъ неловко уже становилось предъ семействомъ Перголесовъ. Въ одиннадцать часовъ я отправился въ Морскую принимать докладъ и просителей, въ двѣнадцать былъ у государя, затѣмъ въ государственномъ совѣтѣ, объѣхалъ городъ и вернулся домой къ пяти часамъ, рассчитывая раньше пообѣдать, потому что государь пригласилъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ Большой театръ и для этого къ семи часамъ я долженъ былъ поспѣть въ Зимній дворецъ.

„Вообразите себѣ мое удивленіе и тревогу, когда дома мнѣ сказали, что княгиня уѣхала въ два часа и до сихъ поръ не возвращалась. Кромѣ графини де-Перголесъ жена никуда болѣе не собиралась; оставаться такъ долго и съ первымъ визитомъ было невыносимо; положимъ, она потомъ вздумала кататься, но и катанье не могло взять у нея болѣе часу времени; если бы, не дай Богъ, съ ней что случилось во время катанья — понесли лошади или выбросили изъ экипажа—я первый зналъ бы объ этомъ; заболѣть она не могла, потому что выѣхала довольно бодрая, веселая... „Что за притча!“ думалъ я, снуя по комнатамъ, все болѣе и болѣе тревожась и въ то же время стараясь подавить эту тревогу. А время шло; близилось уже къ шести часамъ; мнѣ и ѣсть хотѣлось, и о Зимнемъ дворцѣ думалось, и такая продолжительная отлучка жены не выходила изъ головы. Наконецъ, въ шесть часовъ я велѣлъ дать себѣ наскоро пообѣдать, думая успѣть, передъ поѣздкой къ государю, вернуть хоть на минуту къ де-Перголесъ и узнать въ чемъ дѣло.

„Только что сѣлъ я за столъ, слышу подъѣзжаетъ къ дому экипажъ, а затѣмъ раздается и звонокъ; въ то же время мнѣ доложили, что пріѣхала княгиня; я выбѣжалъ ей на встрѣчу, вхожу въ переднюю и, блѣдную, дрожащую, въ слезахъ, принимаю жену на руки.

„— Гдѣ ты была, Люба? Что съ тобой? Успокойся, ради Создателя... ободрялъ я ее, внося въ гостинную и укладывая на диванѣ. Слезы

душать ее, не можеть говорить, дрожить вся и затѣмъ сильный припадокъ истерии. Съ большимъ трудомъ успоили ее, привели въ себя, и вотъ что она мнѣ рассказала:

„Въ два часа я выѣхала изъ дому и, помня адресъ графини, какъ она мнѣ его сказала, я, садясь въ экипажъ, успѣла лишь сказать Степану: „Сергіевская, домъ Муравьева!“ Степанъ передалъ кучеру, тотъ отвѣчалъ—знаю, съ княземъ ѣздили, — и я спокойно поѣхала. Подъѣзжаемъ въ Сергіевской къ подъѣзду дома; Степанъ соскочилъ съ козелъ къ швейцару, тотъ отвѣчалъ: „дома, принимаютъ“. Высадили меня изъ коляски, я поднялась на нѣсколько ступенекъ, человекъ растворилъ предо мной дверь, вхожу въ переднюю, оправляюсь предъ зеркаломъ и вижу, что ко мнѣ послѣшными шагами направляется изъ третьей комнаты какая-то старушка. Не успѣла я оправиться отъ смущенія и произнести слова, какъ очутилась ужъ въ объятіяхъ хилой женщины, которая со слезами начала благодарить меня за мое великодушіе. Растерявшись и тронутая нѣжной встрѣчей этой женщины, сознавая въ то же время, что я ошиблась и попала не къ Перголесамъ, я соображала, какъ бы поделикатѣе дать понять старухѣ о моей ошибкѣ; но она продолжала съ чувствомъ жать мои руки, плакать и твердить: „это счастливѣйшій день во всей моей жизни... Благодарю Тебя, Творецъ Милосердный, что услышалъ мои молитвы, сжалился надъ моими слезами... За великодушіе ваше, княгиня, васъ Богъ награждаетъ“... Я была глубоко тронута нѣжностью этой доброй, невѣдомой старушки и покорно шла за ней подъ руку въ гостиную, теряясь въ предположеніи: гдѣ я и какъ поудобнѣе и поскорѣе мнѣ оттуда выбраться. Очевидно, эта женщина меня знаетъ и, при такомъ нѣжно-ласковомъ приѣмѣ, не сказала же ей мнѣ сразу, что я ошиблась и не туда попала.... Усаживаюсь я на диванъ, какъ на иголкахъ, и думаю: посижу минуты двѣ-три, да и откланяюсь; пусть себѣ думаетъ эта добрая старуха, что я къ ней пріѣзжала; а если потомъ и узнаетъ, все же лучше, чѣмъ теперь отерывать мнѣ ей мою ошибку. А хозяйка продолжаетъ разговоръ, спрашиваетъ о тебѣ, благодарить и тебя за великодушіе; я отвѣчаю ей не въ-падаю, стараюсь скрыть мое смущеніе, говорю, сама не зная что, силюсь, по возможности, удержаться въ тонѣ свѣтскаго разговора, собираюсь уже откланяться, какъ вдругъ изъ третьей или четвертой комнаты показывается фигура... Муравьева. Я его никогда не видала, но сразу признала его по фотографическимъ его карточкамъ, которыя мнѣ до того попадались. Тутъ только поняла я весь ужасъ своего положенія... „Сергіевская, домъ Муравьева... Эта нѣжная старуха... этоть... этоть самъ Муравьевъ... Господи! и за что же такое тяжкое наказаніе?“... Слезы душили меня, чувство горькой обиды наполнило всю душу; а между тѣмъ я должна была подняться съ дивана и съ улыбкой протянуть руку Муравьеву. Что онъ мнѣ го-

ворилъ, не знаю; помню лишь смутно, что онъ былъ очень тронутъ, говорилъ о моемъ великодушiи, о томъ, что ему теперь легче умирать; а я молчала и, подавивъ слезы, старалась удержать на лицѣ свѣтлую улыбку. Не знаю, долго ли продолжалась моя пытка; это время показалось мнѣ нѣсколькими часами... Наконецъ, я встала, ноги мои подкосились, у чуть не упала. Хозяева проводили меня до передней; она обнимала меня, онъ цѣловалъ мои руки, увѣрялъ въ чемъ-то; помню слезы на его глазахъ; затѣмъ оба они проводили меня до лѣстницы; я едва держалась на ногахъ; наконецъ, мы разстались; Муравьевы ушли въ себѣ, я стояла какъ влопанная; Степанъ о чемъ-то говорилъ со мной... „Гдѣ мы? гдѣ графиня де-Перголесь?“ спросила я наконецъ, придя въ себя. — „Графъ Перголесь этажемъ выше“, отвѣчалъ швейцарь. „Ведите меня туда“... могла лишь я произнести и уже не помню, какъ я очутилась у графини. Когда я пришла въ себя, за мной усердно ухаживали докторъ и добрѣйшая графиня“.

Здѣсь князь Александръ Аркадьевичъ остановился, видимо ославленная глубокое волненiе и зашагалъ по комнатѣ.

„Повѣрите ли, продолжалъ онъ, — болѣе тяжелой обиды я въ жизнь свою не испытывалъ. Мнѣ казалось, что самъ демонъ вмѣшался въ это несчастное дѣло и велъ его отъ начала до конца своей подлой рукой. Мысль, что Муравьевы объяснили визитъ моей жены за компромиссъ съ моей стороны съ-ума меня сводила; болѣе обиднаго, болѣе унижительнаго для меня самъ адъ ничего не могъ бы придумать „Что мнѣ теперь дѣлать? Что ты надѣлала?“ вскричалъ я, не сладя ни съ горемъ моимъ, ни со слезами... Но предомной лежала жалкая женщина, въ тѣ минуты не менѣе моего несчастная; я долженъ былъ отрѣшиться отъ личныхъ чувствъ, пощадить бѣдную жену мою. Это придало мнѣ бодрости и силы; я сталъ успокаивать княгиню; увѣрилъ ее, что послѣдствiя глупой ошибки совсѣмъ не такъ велики, какъ это намъ сразу показалось, что я расскажу объ этомъ государю, который объяснитъ приближеннымъ, а черезъ нихъ и Муравьеву всю суть дѣла.“

„Успокоивъ, сколько могъ, жену, я помчался въ Зимнiй дворецъ; было уже половина восьмого. Но не успѣлъ я сѣсть въ экипажъ, какъ кровь немилосердно застучала въ моихъ вискахъ, въ ухахъ зазвенѣло; картины, одна другой чудовищнѣе, охватили весь мозгъ мой; я велѣлъ кучеру ѣхать въ Лѣтнiй садъ и тамъ безъ шапки ходилъ около часу; взглянулъ на часы — девять; мнѣ стало немного легче и я поѣхалъ прямо въ театръ. Шло уже второе дѣйствiе и я, не рѣшаясь нарушать тишину въ ложѣ государя, прошелъ въ партеръ, въ свое кресло. Но не успѣлъ я усѣсться, какъ уже встрѣтилъ взглядъ государя, которымъ онъ звалъ меня къ себѣ. Я тотчасъ же отправился въ ложу и засталъ тамъ, кромѣ государя, великихъ князей и еще двѣ личности.“

„Государь былъ видимо озадаченъ моимъ позднимъ прибытіемъ въ театръ и непріядомъ во дворецъ; онъ подвинулъ назадъ свое кресло и съ нѣкоторой тревогой спросилъ, почему я не пріѣхалъ къ семи часамъ и не случилось ли что-нибудь.

— Все благополучно, ваше величество, успѣвшилъ я успокоить государя;—а дѣйствительно случилось кое-что особенное, но это лично меня касается.

— Въ чемъ же дѣло? расскажи, пожалуйста.

— Ваше величество, позвольте мнѣ рассказать вамъ все это въ въ антрактѣ, отвѣчалъ я, рассчитавъ, что лучше будетъ, если сегодня же всѣ въ этой ложѣ узнаютъ, какъ было дѣло. Замѣтно было, что государь не удовольствовался моимъ отвѣтомъ и нетерпѣливо ждалъ конца акта.

„Тогда мы всѣ вышли въ аван-ложу и тамъ я передалъ государю и всѣмъ его окружавшимъ всѣ подробности несчастнаго визита.

„Разумѣется, въ томъ, что для человѣка представляется его личнымъ глубокимъ горемъ, посторонніе иногда невольно подмѣтять и смѣшную сторону... да оно, если хотите, тутъ прежде всего пища большая для смѣха. Такъ и на этотъ разъ случилось. Государь, а за нимъ и другіе не могли нѣсколько разъ не разсмѣяться, слушая подробности эпопеи... Наконецъ, когда я кончилъ рассказъ, государь съ чувствомъ пожалъ мою руку и сказалъ: „вотъ видишь ли, Божіе наказаніе за гордость; сколько разъ я убѣждалъ тебя помириться.. Однако, въ самомъ дѣлѣ, вышло скверно... Я вхожу въ твое положеніе; вѣдь, пожалуй, завтра или черезъ день къ тебѣ пріѣдутъ Муравьевы; что ты будешь дѣлать? вѣдь не отказывать же... впрочемъ, этого не случится, я думаю; они завтра же узнаютъ, въ чемъ дѣло“.

„Успокоенный государемъ и увѣренный, что разговоръ нашъ въ ложѣ завтра же утромъ сдѣлается общеизвѣстнымъ и дойдетъ по адресу Муравьевыхъ, я, по окончаніи спектакля, поѣхалъ домой успокоивать жену.

„На другой день я былъ у государя; зашла рѣчь о вчерашнемъ и онъ высказалъ увѣренность, что Муравьевы, должно быть, узнали уже про ошибку и что положеніе ихъ сегодня хуже и комичнѣе, нежели мое вчера. Отъ государя я завернулъ въ государственный совѣтъ и первое лицо, встрѣтившее меня, былъ М.

„— А, князь, поздравляю! давно бы пора; худой миръ всегда лучше доброй ссоры...

„— Что вы хотите этимъ сказать, генераль? спросилъ я.

„— А какже; зачѣмъ скрывать? Знаемъ, знаемъ...

„— Что же вы знаете?

„— А то, что вы сдѣлали, наконецъ, первый шагъ, что княгиня была у Муравьевыхъ.

„— Послушайте, вскричалъ я, выведенный изъ терпѣнія, — одно

изъ двухъ: или вы хотите оскорбить меня, или же вы грубо заблуждаетесь...

„— Богъ съ вами, князь, перебилъ меня тотъ, — зачѣмъ мнѣ оскорблять васъ? Объ этомъ всѣ говорятъ.

„— Да вы отъ кого слышали?

„— Я слыхалъ отъ князя Г., а тому говорилъ человекъ, слышавшій отъ васъ лично о томъ въ ложѣ государя.

„— Я хотѣлъ бы, что этотъ господинъ зналъ, что я зову его тѣмъ именемъ, каковаго достоинъ человекъ, завѣдомо извращающій правду, сказалъ я, уходя изъ совѣта.

„Это было третьяго дня; а вчера, какъ мнѣ стало извѣстнымъ, въ нѣкоторыхъ салонахъ упорно поддерживались слухи о томъ, что я послалъ свою жену съ поклономъ и повинной къ Муравьеву. Благодаря государю, Муравьевъ, кажется, знаетъ уже про ошибку и, какъ честный человекъ, не поддерживаетъ обидныхъ для моей чести слуховъ: но въ числѣ придворныхъ у меня есть недруги, которые на каждомъ шагу ищутъ случая забросать меня грязью; они-то и дѣйствуютъ въ настоящемъ случаѣ, распространяя уже не сплетни, но очевидную клевету, потому что очень хорошо знаютъ, какъ было дѣло. Я не дорожу ни ихъ мнѣніемъ, ни мнѣніемъ тѣхъ легкомысленныхъ людей нашего большого свѣта, которые считаютъ пропащимъ въ своей жизни тотъ день, когда у нихъ нѣтъ никакой пищи для злоязычія. Но я живу и дѣйствую не для этого большого свѣта; служба государю, я въ то же время служу и всему населенію вѣрной мнѣ его величествомъ столицы. До сихъ поръ я никогда не закрывалъ моихъ поступковъ; я весь на виду предъ государемъ; хочу, чтобы и послѣдній мужикъ видѣлъ меня такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ; сплетни я всегда презиралъ, но я не потерплю, когда сплетня затрогиваетъ мою честь, мои принципы; и если въ высшемъ петербургскомъ обществѣ я богатъ злорадниками моимъ неудачамъ, то это тѣмъ болѣе обязываетъ меня не быть равнодушнымъ къ тому, что обо мнѣ могутъ говорить и думать въ остальныхъ сферахъ столичнаго населенія. А между тѣмъ, вы знаете, клевета растетъ подобно волнѣ морской; на нее падаютъ люди...

„И вотъ я пригласилъ васъ, какъ представителя столичной прессы, чтобы просить васъ взять на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ; ваша газета довольно распространена въ Петербургѣ и я прошу и уполномочиваю васъ съ моихъ словъ рассказать вашимъ читателямъ дѣло, какъ оно происходило... Не думалъ я, что придется мнѣ когда-нибудь обращаться къ газетной защитѣ; но что прикажете дѣлать? Я слишкомъ старъ, да и положеніе мое таково, что къ другого рода защитѣ прибѣгать мнѣ не приходится“...

Поблагодаривъ князя за довѣріе, я обѣщалъ ему, что на другой же день онъ прочтетъ въ моей газетѣ весь рассказъ свой. Но мнѣ суждено было и самому ошибиться и обмануть ожиданія князя Су-

ворова. Кто не помнитъ тогдашнихъ цензоровъ? Моймъ былъ Касторскій... да простится ему вся вольная и невольная!... Разказавъ подробно все дѣло и озаглавивъ статью „Крупная ошибка“, я въ тотъ же день велѣлъ набрать ее, самъ продержалъ корректуру и отправилъ сверстанный № газеты къ Касторскому; приносять мнѣ статью, переkreщенную краснымъ карандашемъ съ надписью: „не можетъ быть напечатано“; ѣду на другой день къ Касторскому, объясняюсь, — неумолимъ; ѣду съ корректурнымъ листомъ въ цензурный комитетъ, тоже объясняюсь, говорю объ источникѣ статьи и возвращаюсь съ Васильевскаго острова съ тѣмъ же, съ чѣмъ вернулся отъ Касторскаго. Пришлось постучаться въ дверь высшихъ инстанцій; былъ нѣсколько разъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ честь бесѣдовать по этому поводу и съ П. А. Валуевымъ и съ его сотоварищемъ А. Г. Тройницкимъ и кончилъ тѣмъ, что мнѣ позволили, опустивъ многія существенныя подробности, помѣстить въ „Петербургскомъ Листѣ“ небольшую замѣтку, вся суть которой заключалась въ томъ, что С. былъ въ ссорѣ съ М., что жена С. дѣлала визитъ П. и по ошибкѣ попала къ М., въ домъ котораго жила П.

Сильно и ужъ никакъ не менѣ моего былъ огорченъ князь Александръ Аркадьевичъ, когда, пришедши къ нему лишь черезъ недѣлю, я со стыдомъ подалъ ему № газеты, въ которомъ, подъ заглавіемъ: „Крупная ошибка“, красовались инициалы дѣйствующихъ лицъ разсказаннаго имъ мнѣ происшествія.

В. Сикевичъ.

Суваляи,
14 октября 1882 г.

В. В. ВЕРЕЩАГИНЪ.

В ТО ВРЕМЯ, когда вся артистическая Европа и зарождающийся художественный мірокъ Америки внимательно слѣдятъ за художественною дѣятельностью гениальнаго русскаго живописца, въ то время, когда европейскіе и американскіе художественные и литературные журналы отводятъ на своихъ страницахъ почетное мѣсто статьямъ объ этомъ художникѣ—намъ, кажется, нѣтъ надобности объяснять нашимъ русскимъ читателямъ причину появленія въ нашемъ журналѣ настоящей статьи. Слишкомъ рѣдки міровые успѣхи и побѣды русскихъ талантовъ, чтобы не напоминать постоянно о тѣхъ изъ нихъ, которые уже при жизни пріобрѣли имя въ исторіи искусства и культуры человѣчества, которые вырвали пальму первенства у художниковъ западной Европы, давно, привычно и крѣпко державшихъ ее въ своихъ рукахъ.

Выставка картинъ Верещагина, устроенная самимъ художникомъ осенью 1880 г. въ Парижѣ, въ отелѣ Rue Volney, хотя и не впервые познакомила съ этими произведеніями Европу, однако главнымъ образомъ способствовала упроченію міровой славы Верещагина. На этой выставкѣ было собрано почти все, что написалъ художникъ: въ одной залѣ развѣшано было собраніе его картинъ изъ русско-турецкой войны 1877—78 гг.; въ другой залѣ красовалась замѣчательная коллекція картинъ, явившихся плодомъ путешествія его по британской Индіи; наконецъ, въ третьей выставлены были фотографическіе снимки съ его средне-азиатскихъ картинъ. Тутъ, повторяемъ, было собрано въ оригиналахъ или снимкахъ почти все то, что художникъ

сдѣлалъ до своего 38-ми-лѣтняго возраста, втеченіе 22 лѣтъ своей артистической дѣятельности.

Художественный, артистическій и литературный міръ Парижа вскорѣ вспомнилъ, что иностранецъ Верещагинъ вовсе не былъ новичкомъ въ Парижѣ. Вспомнили, что Василій Васильевичъ Верещагинъ прошелъ тамъ курсъ въ „Школѣ изящныхъ художествъ“ („Ecole des Beaux Arts“ или прямо „les Beaux Arts“—какъ зовутъ ее французы); онъ учился тамъ усердно, своеобразно и оставилъ о себѣ такого рода репутацію, которая предвѣщала карьеру необыкновенную.

Въ дѣлѣ искусства Верещагинъ явился въ школу „des Beaux Arts“, впрочемъ, уже съ установившимися взглядами. Какъ извѣстно, отецъ Верещагина, новгородскій помѣщикъ, желалъ, чтобы изъ сына его вышелъ морякъ, самъ же Верещагинъ желалъ сдѣлаться художникомъ. В. В. Верещагинъ вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія очень просто: онъ поступилъ въ морское училище, а часы досуга проводилъ въ школѣ рисованія. И тутъ, и тамъ, онъ занимался такъ усердно, что кончилъ курсъ въ морскомъ училищѣ однимъ изъ первыхъ и получилъ въ рисовальномъ классѣ академіи художествъ серебряную медаль. На службѣ во флотѣ онъ пробылъ не долго и уже 18-ти лѣтъ, въ 1860 г., вышелъ въ отставку и окончательно посвятилъ себя живописи. Передъ тѣмъ ему удалось уже повидать свѣтъ: онъ посѣтилъ Англію и былъ въ Лондонѣ; почти тотчасъ по выходѣ въ отставку ему удалось совершить поѣздку въ Парижъ и на Пириней. Годъ спустя, онъ уже былъ на Кавказѣ, записывая и зарисовывая свои путевыя впечатлѣнія.

Описаніе поѣздки Верещагина на Кавказъ, составленное имъ самимъ, съ его иллюстраціями, помѣщено было во французскомъ ежемѣсячномъ журналѣ „Le Tour du Monde“. Поѣздка на Кавказъ была предпринята очень основательно: Верещагинъ посѣтилъ все сѣверное предгоріе, начиная со Ставрополя, пробрался оттуда въ Тифлисъ и Закавказье. Всюду его поражали все новыя и новыя впечатлѣнія.

Послѣ поѣздки на Кавказъ, Верещагинъ пришелъ къ убѣжденію, что необходимо пройти строгую школу подъ хорошимъ руководствомъ для того, чтобы одолѣть всѣ трудности техники живописи и выработать себѣ правильный рисунокъ. Въ 1864 г. онъ отправился въ Парижъ, прямо къ знаменитому французскому живописцу Жерому, и заявилъ ему, чтобы тотъ принялъ его въ число своихъ учениковъ.

— Кто прислалъ васъ ко мнѣ? спросилъ Жеромъ любезно Верещагина.

— Ваши картины, отвѣтилъ послѣдній.—Я буду учиться только у васъ и ни у кого болѣе.

Этого было достаточно, какъ оказалось, и слѣдующіе 2—3 года Верещагинъ занимался въ школѣ „des Beaux Arts“, подъ руководствомъ Жерома.

Верещагинъ работалъ очень прилежно, учился очень усердно, но

всегда въ немъ сильно пробивалось стремленіе работать на свой ладъ. Когда Жеромъ заставлялъ его писать съ классическихъ мраморовъ, Верещагинъ проводилъ половину времени въ работѣ съ природы, пред-

Дервиши поюще хоромъ.

почитая афинскимъ мраморамъ живое тѣло и кровь. Въ то же время онъ не измѣнялъ своему природенному стремленію,—вѣрнѣе, своему принципу — и постоянно уходилъ въ сторону съ торной дороги, въ
«истор. вѣсти.», годъ III, томъ .

поискахъ за новыми сюжетами. Время вакацій онъ проводилъ не въ Анверѣ, Барбизонѣ и другихъ окрестностяхъ Парижа, но гдѣ нибудь на далекомъ востокѣ Европы, въ Персін, среда тѣхъ племень, которыя еще не перемѣнили свои яркія живописныя лохмотья на европейскіе черныя сюртуки и пиджаки. Втеченіе этихъ кратковременныхъ поѣздокъ онъ побывалъ на окраинахъ той неизвѣданной области новыхъ наблюденій, которая въ недалекомъ будущемъ должна была доставить ему столь обильную жатву впечатлѣній. Время это быстро наступило.

Въ сотый разъ Россія собралась бросить на дикія племена Средней Азіи горсть своихъ воиновъ, чтобы наказать безпокойныхъ хищниковъ. Въ 1867 г. была предпринята новая экспедиція подъ начальствомъ генерала К. П. Кауфмана, пригласившаго Верещагина присоединиться къ русскому отряду въ качествѣ художника-добровольца, обязаннаго не драться, а только наблюдать и рисовать.

Нечего и говорить, что это предложеніе вполне отвѣчало желаніямъ В. В. Верещагина, который и сопутствовалъ нашему отряду во всѣхъ его движеніяхъ, не останавливаясь передъ „художественными рекогносцировками“, предпринимавшимися имъ особиякомъ. На этотъ разъ Верещагинъ проникъ почти въ самое сердце Азіи: выѣхавъ изъ Оренбурга, онъ пробрался на Аральское море, на дикію нашихъ фортовъ, и вмѣстѣ съ нашими побѣдоносными войсками былъ въ Чемкентѣ, Ташкентѣ, Ходжентѣ и вошелъ въ Самаркандъ. Тутъ талантъ его могъ развернуться на просторѣ. Верещагинъ вглядывался въ картины боя, зарисовывалъ ихъ; часто самъ храбро принималъ участіе въ бою съ пашкой въ рукѣ, но на геройство свое онъ смотрѣлъ, въ сущности, какъ на простую трату времени.

Такимъ-то образомъ Верещагину было суждено снять съ этой области завѣсу, скрывавшую отъ взоровъ образованнаго міра цѣлый своеобразный міръ. Правда, немало путешественниковъ описывали ранѣе этотъ край, но ни одинъ художникъ, по истинѣ достойный этого имени, не переносилъ край этотъ на полотно. Верещагинъ очутился на дѣвственной почвѣ живописнаго: предъ его взорами разстилались сапфировыя озера въ берегахъ розоваго цвѣта, самыя красивыя въ природѣ горы, самыя обширныя равнины, населенныя племенами, косящими въ остаткахъ древней цивилизаціи. Города доставляли ему массу типовъ, и онъ черпалъ въ этомъ художественномъ кладѣ обѣими руками. Его картина „Дервиши“, снимаемъ съ которой мы помѣщаемъ здѣсь, показываетъ, что и теперь есть въ Средней Азіи люди, могущіе поспорить съ бенедиктинцами X-го столѣтія въ искусствѣ прожить свой вѣкъ съ возможно меньшими заботами. Какъ-то разъ, рано утромъ, эти святоши, удобно закутанные въ теплыя лохмотья, слишкомъ рѣдко смѣняемыя, затянули свою пѣсню подъ окномъ Верещагина. Это была пѣсня пріятствія и просьба о хлѣбѣ. Для Верещагина пѣснь эта была призывомъ къ

Богатыи киргизъ съ соколомъ.

работѣ—и онъ немедленно принялся за нее. Конечно, было въ высшей степени соблазнительно схватить вѣрно лица и фигуры такихъ натурщиковъ: это были лѣнтяи, бездѣльники, которые даже не пытались скрывать этихъ „качествъ“ своихъ.

Тутъ же Верещагинъ увидѣлъ однажды мѣстнаго богача, владѣльца множества верблюдовъ, одѣтаго для поѣздки на охоту. Этотъ человекъ не охотится самъ, а заставляетъ охотиться за себя своего дрессированнаго сокола. Это правило охоты на Востокѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ правило жизни. Согласно этому и костюмъ охотника не предусматриваетъ необходимости движеній его, какъ это видно по прилагаемому снимку съ картины Верещагина „Богатый киргизъ, собирающийся на соколиную охоту“. Дрессировка сокола ведется также въ направленіи, соответствующемъ образу мыслей восточнаго ума. Начинается дѣло съ того, что сокола привязываютъ къ кисти руки какого либо бойкаго, подвижнаго мальчика, который долженъ постоянно качать и встряхивать сокола днемъ и ночью. Соколу не дается ни минуты покоя, пока его немногія мысли и представленія не обратятся въ одно смѣшанное понятіе ужаса и бессильной злобы. Полуголодный, съ постоянно завязанными въ это время глазами, соколъ начинаетъ, наконецъ, размышлять о томъ, были ли вѣрны до сихъ поръ его представленія о вещахъ и вѣрно ли его собственное понятіе о свободномъ полетѣ и свѣтломъ утрѣ, какъ о единственномъ, что представляетъ интересъ въ мірѣ, и не слѣдуетъ ли дополнить эти понятія безжалостнымъ отношеніемъ человека къ птицамъ. Разъ онъ доведенъ до такого размышленія, все остальное представляется крайне легкимъ. Можетъ быть, не мѣшаетъ и гг. ученымъ педагогамъ бросить взглядъ на этотъ приѣмъ? Можетъ быть самый вѣрный способъ обогащенія чѣмъ либо человѣческаго ума и состоитъ въ томъ, чтобы начать съ вытрясанія изъ него чего либо.

Вслѣдъ за этими картинами Верещагина явились его „Полетики“. Это не тѣ политики, которые получаютъ мѣста: они только толкуютъ о послѣднихъ. Въ Средней Азіи, какъ и во всѣхъ другихъ частяхъ земнаго шара, люди эти одѣты въ лохмотья, служація ихъ отличительнымъ мундиромъ. Да и можетъ ли человекъ найти время на починокъ своей одежды, когда поставленъ на разрѣшеніе вопросъ объ уравновѣшеніи власти въ Туркестанѣ? Верещагинъ былъ свидѣтелемъ того, какъ они обсуждали важные вопросы минуты, не смущаемые, къ счастью, никакими новыми свѣдѣніями, которыя осложняли бы разрѣшеніе дѣла. Они ненавидятъ всякое осложненіе мысли,—тупы, грязны, невѣжественны и лѣнливы, готовы сдѣлаться рабами любого человека, который вздумалъ бы подчинить ихъ себѣ. Одного взгляда на нихъ достаточно, чтобы понять почему горсти русскихъ достаточно, чтобы держать въ рукахъ Среднюю Азію.

Военное счастье не было неизмѣнно предано нашему оружію въ эту экспедицію, а когда оно улыбалось непріятелю, орда дико празд-

Средне-азиатскіе политвнн.

новала свою побѣду. Какъ только очищалось нашими войсками поле битвы, эти мясники славы принимались рѣзать головы у всѣхъ убитыхъ русскихъ, неубранныхъ съ поля, клали эти головы въ саквы и отправляли ихъ въ Самаркандъ къ эмиру. Тутъ головы эти сваливались въ кучи, среди бѣлыхъ мраморныхъ колонъ съ тончайшею высѣчкою, и двореъ, выстланный блѣдно-желтымъ мраморомъ, обогрялся кровью, когда повелитель этихъ правовѣрныхъ осматривалъ головы, переворачивая ихъ носкомъ своего сапога, проникаясь при этомъ мыслью объ исключительности и высотѣ своего положенія; зрѣлища этого рода были такой же необходимой принадлежностью его жизни, какъ его темныя, грязныя, вонючія темницы были необходимой частью его дворца. Послѣ осмотра эмира, головы выставлялись на длинныхъ тонкихъ шестахъ на площади, передъ великолѣпною мечетью, являясь главнымъ украшеніемъ этого дня народнаго праздника. И этотъ моментъ торжества средне-азиатскихъ ордъ талантливо и ярко изобразилъ Верещагинъ своею кистью. Подъ жаркимъ солнцемъ пекутся въ воздухѣ на длинныхъ шестахъ эти длинноволосыя, блѣдныя русскія головы, съ искаженными чертами лица. Внизу разнокалиберная толпа азіатовъ, собравшаяся почти амфитеатромъ, съ первыми рядами халатниковъ, сидящихъ, поджавъ подъ себя ноги. Тутъ на общей почвѣ удовлетворенія патриотическаго и религіознаго фанатизма собрались и перемѣшались всѣ классы населенія: рядомъ съ дerviшeмъ и нищимъ стоять и сидятъ на коняхъ мѣстные богачи; со спинъ верблюдовъ блѣдныя, худыя больныя также наслаждаются общимъ зрѣлищемъ, и вдали такія же худыя собаки сидятъ и бѣгають, чуя добычу, и высунувъ отъ жары языкъ. Въ самой середкѣ толпы стоитъ ея любимый мулла, поддерживающій настроеніе чтеніемъ соответствующихъ стиховъ Корана, указывающихъ на значеніе такого праздника. Постоянно слышатся въ перемежку возгласы „Аллахъ!“ и „Тамерланъ“, и послѣдняго, видѣвшаго въ человѣчествѣ только матеріалъ для казней и убійствъ, прославляютъ на всѣ лады, словословятъ и чтутъ, какъ чтутъ другіе народы величайшихъ дѣятелей на благо народное. Мечеть, въ которой находится его гробница, и самая гробница обращены въ предметъ поклоненія. Верещагинъ перенесъ и ихъ на полотно и познакомилъ цивилизованный міръ съ внутреннимъ и вѣшнимъ видомъ этого памятника. Множество типовъ, видовъ, этюдовъ было вывезено Верещагинимъ въ этотъ разъ изъ Средней Азіи.

Вернувшись изъ этой поѣздки, Верещагинъ не долго оставался въ Европѣ, работая то въ Мюнхенѣ, то въ Парижѣ. Его постоянно сильно тянуло опять въ этотъ неизвѣданный край. Онъ еще разъ окунулся въ эти яркія моря свѣта и красокъ, работалъ горячо, жадно и вернулся въ Европу съ еще болѣе богатымъ запасомъ матеріала. На этотъ разъ онъ поселился на три года въ Мюнхенѣ, устроивъ тамъ себѣ первую мастерскую на открытомъ воздухѣ. „Если вамъ

приходится писать сцены на воздухѣ, говорить онъ, то необходимо, чтобы натурщикъ вашъ и позировалъ на открытомъ воздухѣ“. Удовлетворяя этимъ своимъ требованіямъ, Верещагинъ устроилъ себѣ мастерскую, вращавшуюся по рельсамъ и открытую съ одного бока, такъ чтобы модель его, во время работы, находилась на открытомъ воздухѣ, залитая солнечнымъ свѣтомъ. Эта мастерская вращалась вслѣдъ за солнцемъ при помощи особаго нехитраго механизма.

Продолжительность отдыха въ Мрихенѣ только разжигала въ Верещагинѣ желаніе броситься въ новыя, нетронутыя кистью области. На этотъ разъ онъ остановился на Индіи: туда тянула его сила тропического свѣта, яркость красокъ природы, человѣческихъ сооружений, одежды туземцевъ, разнообразіе типовъ, богатство архитектуры. Индія маняла къ себѣ и другаго знаменитаго живописца: года 3—4 передъ тѣмъ Ренъ составилъ было уже себѣ маршрутъ поѣздки въ Индію, но его сразила нѣмецкая пуля въ борьбѣ за родину.

Верещагинъ отправился въ Индію изъ Петербурга, въ 1873 г., когда тамъ была устроена его первая большая выставка средне-азиатской коллекціи картинъ, на которой толпились тысячи зрителей, перебывавшихъ по нѣскольку разъ въ залахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ почти впервые у насъ было примѣнено къ выставкѣ искусственное, художественно-расположенное освѣщеніе, стѣны и окна затануты коричневымъ коленкоромъ—словомъ, былъ данъ урокъ „показомъ“—по выраженію покойнаго М. Д. Скобелева—какъ надо устраивать выставки.

Изъ Петербурга Верещагинъ отправился чрезъ Одессу въ Константинополь, Каиръ, Суецъ, Бомбѣй, посѣтилъ Индостанъ, взбирался на Гималай, проникъ отчасти въ Тибетъ. Впечатлѣніе его выставки индійскихъ картинъ, устроенной въ Петербургѣ весной 1880 г., полагаемъ еще слишкѣмъ свѣжо, чтобы вспомнить здѣсь эту замѣчательную галлерей, которая, сама по себѣ, одна могла составить уже имя художнику.

Возвращеніе его изъ Индіи совпало почти съ началомъ нашей войны съ Турціей. вмѣстѣ съ нашими войсками, въ хвостѣ разныхъ начальствующихъ лицъ потянулось не мало художниковъ. Большинство тамъ и осталось, не видѣвъ войны и наглядѣвшись вдоволь на своихъ патროновъ. Только 3—4 человѣка отнеслись добросовѣстно къ дѣлу: Верещагинъ, Ковалевскій, Полѣновъ... Но Верещагинъ все же былъ впереди и этихъ своихъ талантливыхъ товарищей. „Онъ точно, неотступно наблюдалъ все, начиная отъ общей картины боя и кончая эффектами кровавыхъ пятенъ на снѣгу, тутъ же набрасывая колеры въ свой походный альбомъ“, пишетъ В. И. Немировичъ-Данченко въ своихъ интересныхъ статьяхъ „Художникъ на боевомъ полѣ“¹⁾. „Особенный цвѣтъ льда, застывшаго у мелкой рѣченки, вечернее освѣ-

¹⁾ „Художественный Журналъ“, №№ 1, 2, 3 за 1881 г.

щеніе свѣга, оригинальная складка въ лицѣ встрѣтившагося ему турка или болгарина—все это выхватывается Верещагиннымъ изъ дѣйствительности, все это становится его достояніемъ. Въ его многочисленныхъ картинахъ нѣтъ ни одной черточки занятой у другого, созданной воображеніемъ,—это реальность по преимуществу. Это не правда фотографическая, не правда слухотворъ у контуровъ, это сама жизнь съ ея тепломъ и свѣтомъ, съ ея красками, съ ея дыханіемъ и движеніемъ, и для наблюденія за этою жизнью Верещагинъ никогда не колебался идти туда, гдѣ смерть была очень легкимъ выигрышемъ, гдѣ кругомъ въ свистѣ пуль и трескѣ лопавшихся гранатъ громче всего говорили инстинкты самосохраненія и быстро замиралъ дешовый экстазъ боевыхъ энтузіастовъ“...

Верещагинъ настолько реалістъ по преимуществу, что, переводя на полотно одну голую дѣйствительность, какъ она ему представляется, онъ совершенно и поневолѣ пренебрегаетъ тѣмъ, что зовется въ живописи „композиціей“. Природа не всегда обращаетъ вниманіе на композицію, которую живутъ школы живописи. Природа даже часто не выдѣляетъ ясно всѣхъ подробностей картины—и вотъ почему Верещагинъ, неизмѣнно вѣрный природѣ, не рѣдко даетъ въ своихъ картинахъ лишь намеки на руки, ноги, лицо. Какъ колористъ, долго работавшій въ Мюнхенѣ, Верещагинъ любитъ рѣзкіе контрасты; никто не способенъ въ то же время лучше Верещагина, искуснаго его, залить всю картину обильнымъ, яркимъ свѣтомъ. Нѣкоторые посѣтители его выставокъ думаютъ, что Верещагинъ преувеличиваетъ силу свѣта и тѣней въ своихъ картинахъ,—но кто видѣлъ свѣтовые эффекты Средиземнаго моря, Сициліи, Мальты, сѣвернаго побережья Африки, тотъ повѣритъ правдѣ освѣщенія картинъ Верещагина.

Вѣрность дѣйствительности въ картинахъ войны 1877—78 гг. вызвала множество нападокъ на эти картины Верещагина. Его обвиняли, можетъ быть, не совершенно безосновательно, въ нѣкоторой односторонности. Но дѣло въ томъ, что въ душѣ Верещагина родилось и укрѣпилось чувство отвращенія къ войнѣ, и не потому, что втеченіе ея у него одного брата убили, а другого брата и его самого ранили. Нѣтъ, не личныя невзгоды и горе волновали его душу: она содрогалась при видѣ тысячей русскихъ труповъ, гнившихъ подъ редутами Шлевны, окаменѣвшихъ на утесахъ и въ ущельяхъ Шибки, при видѣ тысячей турокъ, умершихъ и обреченныхъ на смерть въ плевиенскихъ заколоченныхъ лазаретахъ. Верещагинъ и задался въ своихъ картинахъ войны проповѣдью отвращенія къ войнѣ: онъ поражаетъ зрителя видомъ труповъ гвардейцевъ, убитыхъ при Горномъ Дубнакѣ—и чѣмъ ближе онъ всматривается въ эту картину смерти, тѣмъ болѣе растетъ число труповъ, увязшая грива какъ бы колышется и открываетъ новый рядъ жертвъ, которыхъ сейчасъ поглотитъ мать сыра-земля.

Какъ и всегда, Верещагинъ работалъ на войнѣ усердно, горячо,

безъ отдыха. Нервность работы еще усиливалась тѣмъ, что въ самомъ началѣ войны; еще до перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, Верещагинъ былъ раненъ подъ Парациномъ, на миноносцѣ Скрыдлова, и долженъ былъ пролежать болѣе 2-хъ мѣсяцевъ въ госпиталѣ, въ Бухарестѣ. Приходилось наверстывать потерянное время—и Верещагинъ работалъ съ утра и до вечерней зари подъ Плевной, въ дни ея обложенія и послѣ сдачи арміи Османа паши. Верещагинъ не только собиралъ матеріалъ въ свои походные альбомы, но собиралъ съ поля битвы и цѣлыя груды рваной, прострѣленной, пропитанной кровью одежды, мундировъ, собиралъ обломки оружія, аммуниціи; все это должно было впоследствии служить ему образцомъ,

Въ траншеяхъ Шибки.

моделью для его картинъ, дышащихъ правдою и вѣрностью дѣйствительности.

Послѣ войны Верещагинъ окончательно поселился во Франціи, неподалеку отъ Парижа, въ мѣстности, называемой „Maisons Lafitte“, гдѣ живетъ немало художниковъ. Домъ Верещагина стоитъ уединенно, окруженный со всѣхъ сторонъ деревьями. Его стерегутъ двѣ чудныя гончія собаки, вывезенныя изъ Средней Азіи.

Уединеніе Верещагина раздѣляетъ только жена его. Оба они живутъ такъ тихо, невидимо, что объ образѣ ихъ жизни сложилась въ окружности цѣлая легенда. Дѣло въ томъ, что съ утра до ночи Верещагинъ работаетъ въ своихъ мастерскихъ. Ихъ двѣ: одна вращающаяся, доступная свѣту и воздуху и устроенная по образцу его мюн-

хенской мастерской, другая обыкновенная мастерская, но громаднѣйшихъ размѣровъ: 100 футъ длины, 50 ширины и 33 фута вышины. Дверь мастерской вышиной въ 3 сажени, окно вышиной въ 6 и шириною въ 3 сажени. Это самая большая мастерская художника на земномъ шарѣ. Художникъ едва замѣтенъ въ ней; каждое слово его, какъ бы они не было тихо сказано, порождаетъ эхо. Самые большія картины его кажутся въ этой громадной мастерской крошечными жанрами. Часть этой мастерской отдѣлена перегородкой и обращена въ хранилище для картинъ и холстовъ, къ другому концу примыкаютъ комнаты, въ которыхъ натурщики одѣваются въ нужные костюмы. Тутъ и тамъ развѣшены живописные предметы, привезенные съ Востока: ковры, шали, куски шелковыхъ матерій, попоны, сѣдла, оружіе, щиты, кольчуги, шашки и громадныя маски, которыя надѣваются индусами во время ихъ религіозныхъ торжествъ и т. п.

Мы заключимъ нашу статью коротенькой, но очень вѣрной характеристикой Верещагина, сдѣланной авторомъ замѣтки о немъ, напечатанной въ американскомъ журналѣ „Scribner's Magazine“:

„Мы могли бы приложить къ Верещагину, не по существу конечно, а только формы ради, изреченіе Наполеона о русскомъ человѣкѣ: „Посеребите этого человѣка, угрюмаго и эксцентричнаго на виѣшній взглядъ, и вы увидите доброе и нѣжное сердце, глубоко преданное истинѣ“.

В. С. Р.

ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРИЯ ПАРИЖСКОЙ КОМУНЫ 1871 ГОДА ¹⁾.

III.

Война между парижскими и версальскими газетами. — Декреты о разрушеніи Вандомской колонны, конфискаціи фабрик и закрытіи газетъ. — Военныя дѣйствія. — Декларация къ французскому народу. — Плѣнные комунары. — Допросы. — Мужскія и женскія тюрьмы. — Плачущее правительство. — Монархическія тенденціи собранія. — Политика Бисмарка. — Подозрительность и воинственность Тьера. — Тронсен-Дюмерсанъ. — Спасеніе жителей Нельи. — Россель. — Раздоры въ комунѣ и благосклонность къ ней прусаковъ. — Комитетъ общественнаго спасенія. — Редутъ Мулен-Саке и часовня Людовика XVI. — Запрещеніе газетъ. — Прокламаціи Тьера и коммуны. — Статья Рошфора о домѣ Тьера. — Подписаніе мира во Франкфуртѣ. — Разрушеніе дома Тьера. — Драконовскія мѣры коммуны. — Варварство версальскихъ солдатъ. — Взрывъ патроннаго завода. — Разрушеніе Вандомской колонны. — Журнальныя статьи и гвсьи. — Какъ принялъ Тьеръ паденіе колонны и своего дома. — Манифестъ Шамбора. — Пренія о заключеніи мира. — Положеніе коммуны. — Жюль Валлесъ. — Къ чему ведутъ казни и расстрѣливанія.

В ТО ВРЕМЯ, когда междоусобная война разгорѣлась между Парижемъ и Версалемъ, газеты того и другого города вели между собою не менѣе упорную войну. Каждая изъ враждующихъ сторонъ преувеличивала, какъ во всякой обменной войнѣ, свои побѣды и взваливала на противника всевозможныя, ничѣмъ неzasлуженныя обвиненія. Официальный (версальскій) журналъ рассказывалъ, въ номерѣ 9-го апрѣля, исторію коммуны со времени ея возникновенія и, не понимая вовсе настоящихъ причинъ возстанія, осипалъ его самыми рѣзкими и несправедливыми оскорбленіями, дѣлая еще болѣе невозможнымъ какое-либо соглашеніе между враждебными партіями. Журналъ выставилъ національное собраніе образцомъ правительства, тогда какъ большинство членовъ собранія, не скрывавшее своихъ монархическихъ и самовластныхъ тенденцій,

¹⁾ Продолженіе. См. „Истор. Вѣстн.“, т. X, стр. 187.

внушало всем искренним республиканцам весьма основательные опасения, вполне подтвердившиеся впоследствии. Особенно смѣшны были увѣренія, что собраніе одушевлено самыми лучшими наміреніями по отношенію къ населенію Парижа. 12-го апрѣля коммуна издала слѣдующій декретъ:

„Принимая во вниманіе, что императорская колонна Вандомской площади представляетъ памятникъ варварства, символъ грубой силы и ложной славы, прославленіе милитаризма, отрицаніе международного права, постоянное оскорбленіе побѣдителями побѣжденныхъ, вѣчно опроверженіе одного изъ великихъ принциповъ французской республики—братства, постановлено: колонна Вандомской площади будетъ разрушена“.

Хотя французы, особенно въ послѣднее время, давно уже перестали гордиться своею колонною, но декретъ, предписывающій поступокъ вандализма во имя международного права и братства, въ виду пруссаковъ, стоявшихъ подъ стѣнами Парижа, былъ во всякомъ случаѣ достаточно дикимъ актомъ социалистской сентиментальности. Скажемъ кстати, что ему нисколько не былъ причастенъ живописецъ Курбе, на котораго потомъ взвалили обвиненіе въ разрушеніи колонны.

Официальный журналъ продолжалъ по прежнему увѣрять, что инсurreкція съ каждымъ днемъ слабѣетъ и теряетъ бодрость, а журналъ коммуны декретировалъ, что всѣ фабрики и мастерскія, оставленныя хозяевами, будутъ заняты кооперативными рабочими обществами, которыя обязаны пустить ихъ въ ходъ; особныя жюри учреждались для опредѣленія платы, какая могла быть выдана впоследствии хозяевамъ мастерскихъ. Но этотъ призывъ къ рабочимъ, хотя и нарушавшій право собственности, не пополнялъ фабрикъ, прекратившихъ работу. Рабочіе предпочитали ничего не дѣлать, а лучше изъ нихъ, въ войскахъ коммуны, охраняли валы и заставы города, или дрались съ версальцами. Въ то же время коммуна пополняла число своихъ членовъ новыми выборами и издавала декретъ, которымъ откладывалась на три года уплата безъ процентовъ всякаго рода долговыхъ обязательствъ, векселей, счетовъ, даже квартирной платы. Президентъ военнаго отдѣла Россель декретировалъ, что всѣ проступки противъ общественной безопасности будутъ судимы военнымъ судомъ и виновные подвергнуты смертной казни — разстрѣляніемъ. 19-го апрѣля явился слѣдующій указъ:

„Коммуна, принимая во вниманіе, что невозможно терпѣть въ осажденномъ Парижѣ газеты, явно проповѣдующія междоусобную войну, сообщающія непріятелю о военныхъ планахъ и распространяющія клевету противъ защитниковъ республики, постановляетъ запретить газеты „Вечеръ“, „Колоколъ“, „Народное мнѣніе“ и „Общее благо“.

Такъ понимала коммуна свободу печати. Противъ этой насиль-

ственной мѣры возстали даже такіа газеты, какъ „Mot d'ordre“ и „Barrel“, рискуя подвергнуться такому же запрещенію.

Военныя дѣйствія шли, въ то же время, своимъ чередомъ. 10-го апрѣля, командиръ перваго корпуса генералъ Ладмиро занялъ Анверъ, послѣдній пунктъ, изъ котораго комунары могли грозить Версалю. Они однако не опубликовали этой потери, а нанесли въ тотъ же день денешу Домбровскаго, увѣрявшаго, что войска комунн сохранили свои позиціи и что всѣ слухи объ оставленіи ихъ распускаются реакціонерами съ цѣлю деморализировать населеніе. Комуна чувствовала, однако, свою слабость и обнародовала 20-го апрѣля декларацію къ французскому народу, съ цѣлю привлечь къ своей программѣ симпатіи Франціи. Програма эта заключалась въ безусловномъ самоуправленіи общины, во всей Франціи, вотированіи общинныхъ расходовъ и расходовъ, назначеніе и распредѣленіе цифры налога, управленіе мѣстными повинностями и имуществомъ общины, выборами учителей, чиновниковъ полиціи и вообще администраціи, полную гарантію свободы лицъ, мѣнній, совѣсти и труда, учрежденіе мѣстной защиты и стражи, охраняющей порядокъ. Но напрасны были всѣ увѣренія комунн, что Парижъ страдает и сражается за всю Францію, что своими жертвами онъ приготовляетъ ей возрожденіе умственное, нравственное, экономическое и административное, славу и благоденствіе, что Парижъ не стремится къ преобладанію надъ страной и націей, а готовитъ ей—единеніе не монархическое или парламентское, то-есть ту же деспотическую централизацію, а единеніе политическое, то-есть добровольную асоціацію всѣхъ мѣстныхъ интересовъ и индивидуальныхъ силъ, стремящихся къ одной общей цѣли—свободѣ, безопасности и благосостоянію всѣхъ и каждаго. Напрасно комуна увѣряла, что революція 13-го марта отырываетъ новую эру политики серьезной, положительной, основанной на опытѣ, предвѣщаетъ конецъ стараго міра правительства и клерикализма, чиновничества, милитаризма, эксплуатаціи, ажіотажа, монополій, привилегій, которыя держатъ въ рабствѣ большую часть народа и которыя виною всѣхъ бѣдствій и потерь отечества. Франція осталась глуха къ приглашенію—обезоружить Версаль, и комуна одерживала надъ нимъ побѣды только въ своихъ бюлетеняхъ, продолжавшихъ самымъ наглѣмъ образомъ приписывать полный успѣхъ комунарамъ, при всякой стычкѣ съ версальскими войсками.

Въ то время, какъ Домбровскій разбивалъ—на бумагѣ—армію Мак-Магона, Версаль великій день отправлялся какъ на гулянье, смотрѣть на массы плѣнныхъ парижанъ, захваченныхъ въ ежедневныхъ стычкахъ. На большой дорогѣ, близъ Вирофлейской заставы, часто поднималась пыль отъ смѣшанной массы вездниковъ, плѣнныхъ и телегъ; появлялись толпы блѣдныхъ оборванцевъ, озирающихся другъ на друга, большою частью босыхъ, съ растрепанными волосами; между ними было не мало женщинъ въ истрепанныхъ юбкахъ, съ некра-

сивыми лицами, съ выраженіемъ гнѣва и отчаянія. Версальцы встрѣчали этихъ плѣнныхъ непріязненно. Дюпонъ говоритъ, что даже дамы высшаго круга забывались до того, что ударили зонтиками несчастныхъ, смотрѣвшихъ на нихъ скорѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ негодованіемъ. Одного журналиста, возмущеннаго подобнымъ ударомъ зонтика и громко выразившаго свое неодобреніе, потащили въ полицію, называя комунаромъ. Это былъ извѣстный Луи Ратисбонъ, одинъ изъ редакторовъ „Journal des débats“. Его выпустили только тогда, когда убѣдились въ этомъ. Другой журналистъ, Эдуардъ Локруа, бывший членомъ собранія, подавшій въ отставку вмѣстѣ съ Мильеромъ, Рауа и Флоке и оставшійся въ Парижѣ, скорѣе увидѣлъ невозможность жить подъ управленіемъ комуны и, взявъ у нея пропускъ, отправился по дорогѣ въ Ванвъ, чтобы попасться въ руки версальцевъ. Встрѣченный отрядомъ кавалеріи, онъ былъ отведенъ въ Версаль, и посаженъ въ тюрьму, откуда вышелъ только благодаря протекціи Тьера. Плѣнныхъ комунаровъ, число которыхъ прибывало съ каждымъ днемъ, сажали предварительно въ два большія дворцовыя зданія, гдѣ прежде помѣщались придворныя лошади и экипажи. Въ холодныхъ, пустыхъ и низкихъ комнатахъ этихъ зданій, даже въ погребахъ размѣстили плѣнныхъ. Кормили ихъ солдатскимъ хлѣбомъ, спали они на соломѣ; обращались съ ними дурно. Въ отрепанныхъ, полувоенныхъ, полустатскихъ костюмахъ, въ пальто безъ пуговиць, въ кеши безъ козырьковъ, дыривыхъ башмакахъ и оборванныхъ панталонахъ приводили этихъ исхудавшихъ, грязныхъ комунаровъ къ полицейскому комисару для допроса. Послѣ обычныхъ вопросовъ имени, лѣтъ, професіи, почти всѣ они на вопросъ о томъ, зачѣмъ приняли участіе въ возстаніи — отвѣчали: потому что мы были безъ работы, а комунa давала намъ по тридцати су въ день. Больше всего было между ними лицъ, едва достигнувшихъ юношескаго возраста: въ эти годы, незнакомые съ тяжелыми уроками жизни, всякая утопія кажется осуществимою, всякая фантазія легко достижимою; междоусобная война становится явленіемъ простымъ, обыденнымъ. Недостатокъ упроченнаго положенія, средствъ въ жизни былъ также одною изъ главныхъ причинъ, что къ возстанію применили огромныя массы бѣдняковъ безъ работы, для которыхъ ровно ничего не стоило всякій день жертвовать своею жизнью, не приносившею имъ ничего, кромѣ труда и лишеній. Родъ занятій имѣлъ, въ этомъ случаѣ, также большое вліяніе. Между комунарами почти вовсе не встрѣчалось земледѣльцевъ, садовниковъ, но много кровельщиковъ, сапожниковъ, слесарей; иные съ важностію называли себя писателями, хотя плохо знали грамоту. При допросахъ разрѣшалось присутствовать нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ, какъ Александру Дюма, Людовику Галеви, карикатуристу Хаму, изучавшимъ съ различныхъ сторонъ эту оригинальную и разнообразную массу. Отвѣты комунаровъ были большею частью искренни; только женщины лгали постоянно, не сознаваясь

ни въ своей професіи, ни въ мѣстѣ рожденія, ни — всего болѣе — въ своихъ годахъ.

Одинъ изъ современныхъ публицистовъ сказалъ, что „самая осмысленная война есть война междоусобная, потому что только въ ней люди знаютъ, за что они дерутся“. Этотъ парадоксъ опровергается яснѣе всего войною 1871 года: въ ней-то именно большая часть инсургентовъ дралась, сама не зная за что.

Послѣ допроса, женщинъ отводили въ особую, назначенную для нихъ тюрьму, которую онѣ наполняли крикомъ, плачемъ, жалобами, но черезъ два дня привыкали обыкновенно къ своему положенію. Многія изъ нихъ, жертвы минутнаго увлеченія привязанности къ своимъ мужьямъ, не могли обойтись безъ работы и требовали какихъ-нибудь занятій. Обитательницъ кабаковъ и домовъ терпимости, негеръ-петролейщицъ было очень немного. Одна изъ коммунарокъ была взята на послѣднемъ мѣсяцѣ беременности и, по заключеніи въ тюрьму, съ ней тотчасъ начались родовыя боли. Ее хотѣли отправить въ госпиталь, но она отказалась встать съ постели, и другія женщины обѣщали ходить за нею, прося не беспокоить родильницу. Она разрѣшилась благополучно; ее окружали, за ней ухаживали десятки внимательныхъ, заботливыхъ женщинъ, исполняя въ точности всѣ докторскія предписанія. Ребенокъ былъ окруженъ не меньшей заботливостью. Все остальное было забыто этими женщинами при исполненіи материнскихъ обязанностей. Ребенокъ, родившійся въ тюрьмѣ, былъ не только радостью для той, которая дала ему жизнь, онъ былъ утѣшеніемъ всѣхъ, помогавшихъ ему явиться на свѣтъ.

Тюрьмою для мужчинъ служила дворцовая оранжерея, огромное зданіе, куда на зиму переносились изъ версальскихъ садовъ, въ своихъ зеленыхъ кадкахъ, апельсиныя и другія деревья, пережившія нѣсколько монархій и республикъ. Въ извѣстные часы заключеннымъ, въ ожиданіи военнаго суда, позволялось гулять по саду; многіе изъ нихъ въ эти часы занимались очисткою деревьей, уходомъ за цвѣтами. Руки, почернѣвшіе въ пороховомъ дымѣ братоубійственной войны, осторожно окапывали заступомъ нѣжныя растенія. Люди эти, только что взятые въ кровавыхъ, отчаянныхъ схваткахъ, казались тихими и вроткими, и добродушно улыбались, когда ихъ заставляли за садовой работой. Однажды оранжерею посѣтилъ богатый и знаменитый маркизъ-англичанинъ, въ качествѣ иностранца, не имѣющаго основанія принимать сторону коммунарокъ, но видящаго въ нихъ только несчастныхъ. Онъ испросилъ позволеніе раздать плѣнникамъ нѣсколько денегъ. Подойдя къ невмсокой рѣшеткѣ, отдѣлявшей посѣтителей отъ заключенныхъ, онъ протянулъ имъ горсть золота, говоря, что считаетъ себя счастливымъ, давая имъ возможность приобрѣсти то, что имъ нравится. Масса плѣнниковъ не тронулась съ мѣста и отказалась принять золото маркиза. Однако, вслѣдствіе его настояній, нѣкоторые изъ нихъ взяли у него нѣсколько су и мелкой

монеты на табакъ. Они были, однако, тронуты предложеніемъ маркиза и поднесли ему собранный ими букетъ цвѣтовъ, когда онъ уходилъ изъ тюрьмы. Въ оранжереѣ не разъ приходили изъ Парижа жены, матери, сестры отыскивать между плѣнниками своихъ мужей, отцовъ, братьевъ. Никакими средствами нельзя было отогнать ихъ отъ тюрьмы, и если онѣ нахаживали близякъ имъ лицъ, крики радости мѣшались со слезами и жалобами. Многія требовали—раздѣлить участь несчастныхъ, но между матерями встрѣчались и такія, которыя осипали упреками своихъ сыновей за приверженность къ комунѣ. Какъ далеки были эти сцены отъ тѣхъ, которыя происходили въ оранжереѣ въ прошломъ столѣтіи, когда, спустившись съ мраморной лѣстницы въ сто ступеней, наудренные вельможи, въ бархатныхъ кафтанахъ, со шпагой поперекъ поясицы, съ треуголкой подъ мышкой, раскланивались по всѣмъ правиламъ этикета съ придворными дамами, въ высоко взбитыхъ прическахъ, съ громадными шейфами, жеманившимися подъ румянами и мушками. Тенерь тутъ были только рубища да тряпки, блузы да фуражки, красные панталоны и вѣпы солдатъ.

Что же въ это время дѣлало версальское правительство? Газеты, враждебныя ему, ясно намекали, что Тьеръ нарочно даетъ разгорѣться восстанію, чтобы доказать свои военныя и стратегическія способности блистательною осадю и взятіемъ Парижа и, въ то же время, прослыть спасителемъ отечества, получивъ за это, конечно, всевозможныя награды и титулы. Кромѣ военныхъ плановъ, всѣ остальные стороны администраціи были страшно дезорганизованы. Правительственные листки, какъ „Трехцвѣтное знамя“ Франциска Сарсе, приводили не стѣсняясь, на примѣръ, слѣдующій отзывъ Тьера о такомъ важномъ правительственномъ лицѣ, какъ сенскій префектъ: „Жюль Ферри не очень далекъ. Это плохой администраторъ, хотя и не безъ достоинствъ. Къ тому же у меня не было другого подъ рукою“. Тотъ же періодическій органъ такъ выражался обо всемъ правительствѣ, въ другомъ номерѣ своего изданія: „Въ этомъ правительствѣ больше всего—плачутъ. Г. Тьеръ плачетъ, г. Жюль Фавръ плачетъ, г. Трошю плачетъ, г. Шангарнье плачетъ; у г. Симона, самаго плаксиваго изъ всѣхъ, вѣчно слезы въ голосѣ“. Однако правительство не только плакало, но и принимало мѣры, еще болѣе разжигавшія междоусобную войну. Такъ, оно объявило, что нѣсколько инсургентовъ, взятыхъ въ плѣнъ и принадлежавшихъ къ составу арміи, были разстрѣляны, на основаніи законовъ, наказывающихъ смертью солдата, сражающагося противъ своего знамени. На это даже такая умѣренная газета, какъ „Siècle“ замѣтила, что само версальское правительство признало Парижъ воюющею стороною, что нельзя называть инсургентами двухмиліонное населеніе Парижа, и что солдаты, признавшіе республику, также дрались противъ своего прежняго императорскаго знамени. Тьеръ, считая мятежниками всю національную

гвардію, требовалъ ускоренія процедуры военныхъ судовъ, но собраніе, припомнивъ Луи-Наполеоновскія ссылки безъ суда въ 1852 году, отвергло это предложеніе, хотя и не имѣло твердости отказать Тьеру въ его требованіи: назначать самому меровъ тѣхъ городовъ, гдѣ болѣе 20-ти тысячъ жителей.

И въ эти дни, когда братоубійственная война разгоралась съ новой силою, на французской территоріи находилось еще 500.000 прусаковъ, содержаніе которыхъ стоило Франціи ежедневно 1.200.000 франковъ. Паскаль Груссе, коммунальный министр иностранныхъ дѣлъ, послалъ въ главную нѣмецкую квартиру въ Сен-Дени запросъ: почему не очищаются отъ войскъ сѣверные форты Парижа, если уже внесены 500 миліоновъ контрибуціи прусакамъ? Генералъ Фабрицій не далъ на это никакого отвѣта. Члены коммуны были убѣждены, что Европа не допуститъ утвердиться въ Парижѣ управленію на коммунистическихъ и анархическихъ началахъ, что прусаки только и ждутъ, чтобы имъ поручили усмирить возстаніе—и все-таки инсургенты и не думали о примиреніи, о соглашеніи. Болѣе благоразумные между ними сознавали, что они не въ силахъ управлять теченіемъ, и должны слѣдовать за нимъ. Эта общая участь всѣхъ вождей революціи: они почти всегда увлечены ею гораздо дальше, чѣмъ рассчитывали. Генералъ Трошиу, не хотѣвшій употребить для защиты Парижа трехсот-пятидесятитысячную національную гвардію, министръ Пикарь, называвшій ее въ своихъ циркулярахъ „низкою демагогіею съ подлыми лицами“—также увлекались, и эти увлеченія еще болѣе поселали раздраженіе между враждующими сторонами.

Въ концѣ апрѣля Тьеръ мало занимался даже военными планами. (Замѣчательно, что онъ ни разу не посѣтилъ тюрьмы плѣнниковъ, не присутствовалъ ни при одномъ допросѣ, не дѣлалъ никакихъ распоряженій объ участи вдовъ и сиротъ лицъ, павшихъ въ междоусобной войнѣ). Его беспокоило настроеніе собранія, большинство котораго явно выражало свое мнѣніе, что для спасенія Франціи необходимо возстановить монархію; расходились только въ вопросѣ: какою—бурбонскую или орлеанистскую? Но еще болѣе беспокоило Тьера положеніе Германіи. Бисмаркъ объявилъ въ рейхстагѣ, что если парижская коммуна не будетъ подавлена, то для охраненія территоріальныхъ и финансовыхъ приобрѣтеній Германіи онъ вынужденъ будетъ дѣйствовать съ такою же энергіею, какъ и въ только-что окончившуюся войну. Вида, что въ Брюсселѣ затягивается нѣкоторыми подробностями окончательное подписаніе мирныхъ условій, Бисмаркъ прибѣгнувъ, по отношенію къ Тьеру, къ прежней уловкѣ, употребленной уже имъ при открытіи первыхъ переговоровъ о мирѣ. Въ то время, когда Жюль Фавръ пріѣхалъ въ Версаль къ Бисмарку, составлять въ его квартирѣ, въ улицѣ Прованса, мирныя условія, въ другой комнатѣ того же дома сидѣлъ посланный отъ Луи Наполеона Клеманъ Дювернуа, подъ именемъ Дюпарка, и нѣмецкій

дипломатъ часто переходилъ отъ одного делегата къ другому. Что-бы заставить министра республики принять всѣ условія побѣдителя, стоило только сказать, что ихъ принимаетъ агентъ имперіи — и Жюль Фавръ тотчасъ же соглашался на все. Теперь, Тьеръ вдругъ началъ получать извѣстія отъ своихъ агентовъ, состоявшихъ на жалованьи и у Бисмарка, что прусскій кабинетъ вошелъ въ Лондонъ въ переговоры съ экс-императоромъ, возстановленіе котораго на престолъ явилось возможнымъ дѣломъ, если бы онъ рѣшился подписать миръ съ Германіей. Если бы Тьеръ выслушалъ, какъ слѣдуетъ, въ эти слухи, преднамѣренно распускаемые, онъ убѣдился бы въ томъ, что они неосуществимы; но при одной мысли о бонапартійской реставраціи, распорядитель судьбами Франціи терялъ голову и вѣрилъ всякому вздору о переговорахъ Берлина съ Чизльгерстомъ. Подъ вліяніемъ страха, Тьеръ приказалъ арестовать Руа, пріѣхавшаго въ Вулонъ изъ Англіи. Надѣясь найти въ карманахъ бывшаго вице-императора матерьяльное доказательство этихъ переговоровъ, его обыскивали такъ нецеремонно, что даже разорвали на немъ платье и, не найдя ничего, отпустили. Несмотря на это, Тьеръ былъ сильно испуганъ извѣстіемъ, что французскія войска, бывшія еще въ плѣну въ Германіи, хотятъ требовать возстановленія имперіи, и что къ этой мѣрѣ склоняется и Пруссія. Къ этому присоединились у Тьера опасенія за свой домъ въ Парижѣ, гдѣ находились рѣдкія коллекціи произведеній искусства, и который коммуна грозила сжечь. Это насиліе Тьеръ думалъ отвратить другими такими же насильственными мѣрами. Такъ, въ концѣ апрѣля, онъ вздумалъ арестовать Гамбетту, подозрѣвая его въ сношеніяхъ съ коммуной. Бывшій турецкій и бордоскій министръ жилъ въ Испаніи, но часто пріѣзжалъ въ Байонну и Біарицъ и Тьеръ далъ приказъ арестовать его, когда онъ перѣдетъ границу Франціи. Узнавъ объ этомъ, Пикаръ, для снятія съ себя отвѣтственности, предложилъ представить дѣло въ совѣтъ министровъ, и Тьеръ, не желая подвергать свои рѣшенія обсужденію другихъ лицъ, отказался отъ своего намѣренія.

Зато онъ съ большимъ жаромъ принялся за свои планы—осады Парижа. Маршалъ Мак-Магонъ былъ только послушнымъ исполнителемъ его замысловъ. Но Тьеръ хотѣлъ вести осаду по старой системѣ: копаніемъ траншей и заложеніемъ паралелей. Онъ даже заявлялъ поползновеніе прибѣгнуть къ лѣстницамъ и Мак-Магонъ съ трудомъ могъ убѣдить его, что эта система будетъ опасна, губительна для солдатъ и успѣхъ ея—весьма сомнителенъ. Съ Парижемъ Тьеръ имѣлъ однако почти ежедневныя сношенія черезъ посредство доктора Тронсен-Дюмерсана. Въ то время, когда коммуна никого не впускала въ Парижъ и не выпускала изъ него, не исключая санитаровъ и госпитальной прислуги, докторъ, снабженный полномочіями посланниковъ австрійскаго, итальянскаго, испанскаго и португальскаго, жившихъ въ Версалѣ, ѣздилъ въ ихъ канцеларіи, оставшіяся въ Па-

рижъ и привозилъ оттуда свѣдѣнія, нужныя правительству. Комуна не смѣла мѣшать иностраннымъ представителямъ сноситься съ персоналомъ посольства и, подъ этимъ предлогомъ, Тронсенъ исполнялъ часто весьма деликатныя порученія правительства, перевозилъ въ своемъ фаetonѣ значительныя суммы банку, обществамъ земельнаго кредита и др.; однажды онъ перевезъ въ Парижъ сто тысячъ франковъ золотомъ, а въ другой разъ вывезъ оттуда зятя министра Пикара, адвоката Ливулла, котораго комуна собиралась арестовать. Докторъ подвергался опасности не только со стороны комунаровъ: бомбы Мон-Валерьяна не разъ падали на дорогу, по которой онъ проѣзжалъ, и два раза лошадь его фаетона падала подъ нѣхъ осколками. Комуна относилась къ Тронсену съ уваженіемъ, такъ какъ онъ оказалъ ей большую услугу. Жители Нёльи, близъ котораго происходили упорныя и кровопролитныя битвы, не смѣли подъ градомъ бомбъ выдти изъ погребовъ своихъ разрушенныхъ домовъ, даже для того, чтобы зарыть тѣла убитыхъ. Они умоляли сражающихся позволить имъ оставить свою деревню. Они просили перемирія, но Тьеръ не хотѣлъ и слышать о немъ. Тронсенъ выхлопоталъ свободный пропускъ въ Версаль четырѣмъ делегатамъ коммуны, и хотя самъ Тьеръ не хотѣлъ имѣть никакихъ сношеній съ мятежниками, но позволилъ делегатамъ выдти съ бѣлыми знаменами передъ версальскимъ войскомъ и прекратить огонь на время переговоровъ, продолжавшихся часа два. Въ это время жители Нёльи успѣли выдти изъ своихъ жилищъ и въ деревнѣ остались однѣ сестры милосердія.

Тронсенъ служилъ также посредникомъ между правительствомъ и лицами, недовольными коммуною, а недовольны ею были даже многіе изъ ея членовъ. Они подозрѣвали другъ друга; управлявшіе разными частями смѣнялись поминутно, аресты слѣдовали за назначеніями; волки грызлись между собою. Тьеръ рассчитывалъ на измѣну многихъ выдающихся лицъ въ управленіи. Человѣкъ, купившій въ 1892 году у Дейча тайну мѣстопробыванія герцогини Беррійской, и передавшій ему деньги каминными щипцами, чтобы не дотронуться до руки предателя, надѣялся привлечь подкупомъ на свою сторону вліятельныхъ лицъ въ комунѣ. У Отѣйльскихъ воротъ стоялъ батальонъ комунаровъ, преданность котораго комунѣ казалась весьма сомнительною. Тронсенъ вошелъ въ переговоры съ командиромъ батальона, и тотъ обѣщавъ отворить версальцамъ ворота города за сто тысячъ франковъ. Какъ заговорщики комической оперы, правительственныя войска должны были явиться ночью къ воротамъ, если не „въ бѣлокурныхъ нарядахъ и съ черными воротниками“, то съ трехцвѣтной перевязью и подать условный знакъ. Командиръ взялъ десять тысячъ въ задатокъ, но вечеромъ, за нѣсколько часовъ до наступленія ночи, въ которую должно было совершиться предательство, батальонъ Отѣйльскихъ воротъ переведенъ былъ на другой постъ—и заговоръ не удался. Подозрѣвала ли комуна вѣрность батальона, или командиръ

его нашелъ болѣе нравственнымъ—украсть у Тьера десять тысячъ, нежели предать своихъ братьевъ,—осталось неизвѣстнымъ. Исторія эта повредила, однако, Тронсену во мнѣніи коммуны, которая приказала даже его арестовать. Но онъ явился смѣло въ комитетъ общественной безопасности и спросилъ себѣ пропускъ подъ своею второю фамиліею—Дюмерсанъ.

Несмотря на неудачу первой попытки, Тьеръ не переставалъ рассчитывать на измѣну охранителей города и три раза, втеченіе второй половины апрѣля, предупреждалъ Мак-Магона, чтобы тотъ приготовилъ все ко вступленію войскъ въ Парижъ—на слѣдующую ночь. Тотъ отправлялъ передовые отряды къ назначеннымъ воротамъ, но они не отворялись, версальцевъ встрѣчали выстрѣлами и они принуждены были ретироваться, потерявъ нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. Вѣроятно, подъ вліяніемъ иллюзіи Тьера, полковникъ Лапершъ послалъ 30-го апрѣля изъ траншей къ коменданту форта Исси требованіе сдаться. Полковнику отвѣчалъ Россель: „Любезный товарищъ! Въ слѣдующій разъ, когда вы позволите себѣ послать намъ требованіе, такое дерзкое, какъ ваше вчерашнее собственноручное письмо, я прикажу разстрѣлять вашего парламентаря, согласно съ военными обычаями“. И такого человѣка, какъ Россель, исполнительный комитетъ коммуны не только лишилъ командованія фортомъ, но и заставилъ его выдти въ отставку. Отказываясь отъ званія делегата по военнымъ дѣламъ, онъ закончилъ свое письмо слѣдующими словами: „Мнѣ оставалось только или сломить препятствіе, мѣшающее мнѣ дѣйствовать, или уйти. Я не сломя препятствія, потому что препятствіе—это вы сами и ваша слабость. Я не хочу возставать противъ избранниковъ народодержавія—и удаляюсь, прося у васъ только одного мѣста—въ тюрьмѣ Мазаса“. Россель былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся членовъ коммуны. Сынъ батальоннаго командира, онъ блистательно кончилъ курсъ въ политехнической школѣ, потомъ въ Мецѣ, откуда вышелъ въ 1866 г. съ чиномъ поручика. Строгой жизни, замѣчательныхъ способностей, онъ писалъ военныя статьи въ газетѣ „Le Temps“, обратившія на него вниманіе. Когда въ 1869 г. вышелъ послѣдній томъ „Кореспонденціи Наполеона I“, изданный правительственною комисіею, Россель доказалъ, что помѣщенныя въ томъ стратегическія сочиненія, приписанныя Наполеону, не могли быть имъ написаны. Комисія должна была сознаться, что она была „введена въ заблужденіе“, но молодой капитанъ былъ отправленъ въ гарнизонъ Буржа. При началѣ войны съ Пруссіею, онъ пріѣхалъ въ Парижъ, напрасно просился въ дѣйствующую армію, и напечаталъ въ „Temps“ свой планъ защиты отечества, состоящій въ томъ, что вся нація должна была вооружиться и сражаться маленькими отрядами, а регулярная армія должна была только поддерживать партизанскіе отряды. Росселя отправили въ Мецъ, который вскорѣ былъ обложенъ пруссаками. Видя съ негодованіемъ дѣйствія маршала Ба-

зена, Россель предлагалъ пробраться изъ крѣпости и принести извѣстія изъ Парижа. Ему отказали и онъ скоро понялъ, что неспособность или измѣна Базена отдадутъ во власть непріятели и крѣпость, и армію. Тогда, въ сообществѣ съ нѣсколькими офицерами, Россель составилъ планъ арестовать Базена и, отдавъ его подъ военный судъ, пробраться изъ крѣпости. Но заговоръ былъ открытъ и Россель заключенъ въ тюрьму, откуда былъ выпущенъ только въ моментъ капитуляціи. Переодѣвшись крестьяниномъ, онъ прошелъ сквозь прусскія линіи и бѣжалъ въ Бельгію, гдѣ въ газетѣ „Indépendance Belge“ протестовалъ противъ позорнаго образа дѣйствій Базена. Побывавъ въ Англіи для свиданія съ матерью-англичанкою, онъ явился вскорѣ въ Туръ и предложилъ свои услуги правительству національной обороны. Военный министръ Гамбетта послалъ его на сѣверъ Франціи, организовать тамъ средства къ защитѣ страны. Въ декабрѣ 1870 года онъ былъ сдѣланъ полковникомъ и начальникомъ лагеря въ Неверѣ. Въ этомъ городѣ онъ получилъ извѣстіе о революціи 18-го марта и написалъ военному министру, что ѣдетъ въ Парижъ принять сторону той партіи, которая „не подписывала мира и не имѣетъ въ своихъ рядахъ генераловъ, способныхъ на капитуляцію“. Въ Парижѣ онъ былъ тотчасъ же избранъ членомъ центрального комитета и командиромъ легіона XVII-го округа. Но за попытки ввести въ легіонъ строгую военную дисциплину его отставили и даже арестовали 2-го апрѣля, потомъ вскорѣ же освободили, и генералъ Клюзере назначилъ его начальникомъ штаба. Когда коммуна смѣнила Клюзере, она поручила Росселю исполнять обязанности военного министра, и въ короткое время своего управленія этой частью онъ дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы поднять духъ сражающихся, организовать защиту. Онъ не хотѣлъ только лгать, какъ члены коммуны, и когда версальцы взяли фортъ Исси, обнародовалъ это извѣстіе въ официальной газетѣ. Коммуна обвинила его въ стремленіи къ диктатурѣ и въ измѣнѣ. Онъ скрылся отъ мести комунаровъ, напрасно отыскивавшихъ его въ Парижѣ и даже напечатавшихъ, что онъ проданъ за деньги версальцамъ. Дальнѣйшая судьба этой даровитой личности была еще печальнѣе. Хотя онъ не принималъ никакого участія въ послѣдней борьбѣ комунаровъ съ версальской арміей, но былъ захваченъ въ Парижѣ въ началѣ іюня и отведенъ въ Версаль, гдѣ военный судъ два раза, въ сентябрѣ и октябрѣ, приговорилъ его къ смерти. Во время суда онъ получилъ со всѣхъ сторонъ знаки искренней симпатіи. Двѣсти женщинъ изъ Меца подали прошеніе о помилованіи его президенту республики; парижскіе студенты послали депутаціи съ той же цѣлью, но Тьеръ приказалъ казнить заблуждавшагося даровитаго, честнаго патріота, которому не было еще 27-ми лѣтъ. Передъ смертью онъ оставилъ пастору письмо, въ которомъ завѣщалъ своей партіи, если она когда нибудь достигнетъ власти, не мститъ за его смерть, „такъ какъ это недостойно сво-

боды". 28-го ноября Россель былъ разстрѣлянъ на Саторійской равнинѣ, вмѣстѣ съ членомъ комуну Ферре и сержантомъ Буржуа. Во время своего процесса онъ написалъ замѣчательную книгу „О реорганизаціи арміи“ и, еще прежде, „Военное искусство“ и брошюры „Капитуляція Меца“ и „Защита Меца“.

Въ то время, когда комуну подозрѣвала своихъ лучшихъ членовъ въ измѣнѣ и продажности, сама она нисколько не уважала частную собственность. Такъ, еще 22-го апрѣля она отправила одного делегата обобрать все серебро въ отелѣ „Инвалидовъ“, а въ кожевенныхъ лавкахъ Сен-Марсельскаго квартала захватила, въ видѣ ревизиціи, весь товаръ у купцовъ. Въ то же время, почти въ каждомъ засѣданіи комуну, члены ея ссорились между собою. Рауль Ригот отказался отъ званія префекта полиціи, Феликсъ Піа вышелъ въ отставку, потомъ опять вступилъ въ комуну, по просьбѣ своихъ избирателей. Верморель осмѣялъ его за это въ газетѣ. Піа отвѣчалъ ругательствами. Комуну соглашалась также на размѣнъ плѣнныхъ и предлагала отпустить архіепископа Дарбуа, если версальцы освободятъ Бланки. Тьеръ отказалъ, говоря, что жизни Дарбуа не угрожаетъ никакая опасность, такъ же, какъ и жизни Бланки. Это упрямство повлекло за собою гибельныя послѣдствія. О намѣреніяхъ комуну ходили злобѣщія слухи; въ ея засѣданіяхъ предлагались мѣры одна другой радикальнѣе: требовали уничтоженія долговой государственной книги, въ которую вписаны всѣ ренты, и выдачи пенсій любовницамъ національныхъ гвардейцевъ, наравнѣ съ ихъ женами, а также легитимации всѣхъ побочныхъ дѣтей и усыновленія ихъ комуну. И между тѣмъ нѣмцы вовсе не враждебно относились къ комунѣ. Въ одномъ изъ засѣданій рейхстага Бисмаркъ отозвался о ней такъ, что Тьеръ и его министры были глубоко оскорблены. Германскій канцлеръ сказалъ именно, что „въ возстаніи парижанъ лежало справедливое основаніе“ и что въ сущности комунары сначала не хотѣли ничего другого, „кромѣ муниципальной организаціи, на подобіе существующей въ Германіи“. Сношенія инсургентовъ съ нѣмцами были не рѣдки. Гдѣ-то близъ Парижа комунары открыли „нечаянно“ складъ восемнадцати тысячъ ружей шаспо. Наконецъ, прусаки нисколько не стѣснялись продавать парижанамъ лошадей. 3-го мая Россель купилъ ихъ 1.000, по 400 франковъ за каждую. Въ началѣ мая нѣмцы приостановили также возвращеніе во Францію плѣнныхъ солдатъ. Это было косвеннымъ поощреніемъ инсурекиціи.

2-го мая исполнительная комисія комуну была замѣнена „комитетомъ общественнаго спасенія“. 34 голоса противъ 28-ми вотировали восстановленіе учрежденія эпохи первой революціи. Пять членовъ сдѣлались съ этихъ поръ полновластными правителями Парижа. Это были: Антоній Арно, Лео Мелье, Равье, Феликсъ Піа и Шарль Жерарденъ. Они взяли себѣ помощниками: Теофила Ферре, Гастона д'Авосту, Мартенвиля и Гюгено. Прокуроромъ комитета былъ назна-

ченъ Рауль Риго. Официальный журналъ коммуны обнародовалъ въ то же время бюджетъ ея доходовъ и расходовъ отъ 20-го марта по 30-е апрѣля: она получила въ это время 26 милльоновъ слишкомъ, истратила болѣе 25-ти, остатокъ къ первому мая простирался до 876 тысячъ. Тотъ же журналъ долженъ былъ сознаться, что въ ночь съ 3-го на 4-е мая редутъ Мулен-Сакэ, охраняемый двумя батальонами національной гвардіи, былъ внезапно захваченъ версальцами, явившимися туда подъ видомъ патруля и впущенными въ укрѣпленіе послѣ того, какъ они свазали пароль и лозунгъ. Версальцы выгнали гарнизонъ, захватили шесть пушекъ и тотчасъ же увезли ихъ. Слѣдствіе обнаружило измѣну командира батальона національной гвардіи, или его безпечность при сохраненіи тайны пароля. Это происшествіе взволновало комуну. Съ 6-го мая она стала употреблять въ своихъ декретахъ старый республиканскій календарь и помѣстила отъ 16-го флореала 79-го года слѣдующій декретъ:

„Принимая во вниманіе, что зданіе (immeuble), извѣстное подъ названіемъ искупительной часовни Людовика XVI-го, составляетъ постоянное оскорбленіе первой революціи и вѣчный протестъ реакціи противъ народнаго правосудія, постановляемъ — разрушить искупительную часовню Людовика XVI-го и матерьялъ ея продать съ аукціона въ пользу казны“.

Декретъ этотъ коммуна не имѣла, однако, времени привести въ исполненіе. Зато въ то же время однимъ почеркомъ пера какого-то Курне, делегата по завѣдыванію общественной безопасности, она уничтожила еще семь газетъ, между которыми были и такія, вслуду распространенныя, какъ „Le Temps“, „La France“, „Le Petit Journal“. Кара постигла ихъ за то, что онѣ „возбуждали вражду между словіями, подрывали основы управленія“. Не доставало только обвиненія во вредномъ направленіи, но оно подразумевалось само собою. И никому невѣдомый Курне спокойно уничтожалъ собственность множества лицъ, лишалъ работы тысячи людей, умственной пищи—десятки тысячъ! А самъ онъ, можетъ быть, заслуживалъ столько же уваженія, какъ членъ коммуны Бланше, отправленный въ это же время въ Мазасъ за то, что подъ именемъ Панилла служилъ въ лійонской полиціи, былъ монахомъ и объявленъ по суду злостнымъ банкротомъ.

6-го мая коммуна постановила, что всѣ вещи заложенныя въ ломбардъ (mont-de-piété) ранѣе 26-го апрѣля, въ суммѣ, не превышающей 20-ти франковъ и состоящія изъ одежды, бѣлья, мебели, книгъ и рабочихъ инструментовъ могутъ быть получены обратно безъ выкупа. Этими могли воспользоваться не многіе, такъ какъ въ день можно было получить не болѣе четырехъ тысячъ заложенныхъ пакетовъ, а коммуна просуществовала не болѣе десяти дней послѣ этого декрета. И эти послѣдніе дни ея существованія прошли въ постоянныхъ спорахъ изъ-за власти съ центральнымъ комитетомъ національной гвардіи. Въ засѣданіяхъ коммуны члены ея препирались о томъ,

зачѣмъ члены комитета носятъ шарфъ черезъ плечо и розетку съ серебрянной бахрамой въ петлицѣ.

8-го мая Тьеръ издалъ прокламацію къ жителямъ Парижа, въ которой приглашалъ ихъ подавить возстаніе комунъ, „прикрывающей подлымъ краснымъ знаменемъ“, захватывающей частную собственность, останавливающей работы въ Парижѣ и во всей Франціи, мѣшающей очищенію страны отъ непріятеля, который грозитъ новымъ вторженіемъ, если возстаніе не будетъ подавлено. Парижане приглашались спасти себя, „сдѣлавъ штурмъ города бесполезнымъ“. На эту прокламацію комитетъ общественной безопасности отвѣчалъ декретомъ 21-го флореала, въ которомъ опредѣлялось: „въ виду афиши господина (sieur) Тьера, называющаго себя главою исполнительной власти французской республики, увѣряющаго, что его армія не бомбардируетъ Парижъ, тогда какъ всякій день женщины и дѣти падаютъ жертвами братоубійственныхъ снарядовъ версальцевъ, возбуждающаго также къ измѣнѣ, чтобы проникнуть въ Парижъ“, — недвижимая собственность Тьера берется въ казну, домъ его на площади Жоржа уничтожается (seга газее). Это была, конечно, варварская, грубая мѣра, но она была принята изъ мести Тьеру и давно готовилась въ газетахъ комунъ. Вотъ, что писалъ, напримѣръ, Ганри Рошфоръ въ своемъ „Mot d'ordre“.

„У Тьера, на площади Сен-Жоржа удивительный отель, полный произведеній искусства во всѣхъ родахъ. У г. Пикара въ Парижѣ три дома, приносящіе колоссальный доходъ, а г. Фавръ занимаетъ въ улицѣ Амстердама великолѣпное зданіе. Чтò бы сказали эти государственные люди и домохозяева, если бы за разрушеніе своихъ жилищъ жители Парижа отвѣчали ударами лома, если бы за каждый домъ въ Курбвуа, падающій отъ бомбъ, сломали хоть одну стѣну дома площади Сен-Жоржъ или улицы Амстердама? Я убѣжденъ, что, при первомъ извѣстии о поврежденіи двери его дома, Тьеръ приказалъ бы прекратить огонь. Пусть насъ назовутъ Тамерланомъ, но мы знаемъ, что это возмездіе не казалось бы намъ чрезмѣрнымъ, если бы не представляло важнаго неудобства. Если народное правосудіе разрушитъ домъ Тьера, стоящій два мильона, версальское собраніе вотируетъ ему на постройку три мильона и, такъ какъ по этому счету придется выплачивать тѣмъ же парижскимъ жителямъ, то мы принуждены отсовѣтовать подобную операцію“.

Она однако-же была утверждена и въ комунѣ происходили жаркія пренія о томъ, чтò дѣлать съ произведеніями искусства, хранившимися у Тьера. Курбе, которому было поручено наблюдать за уничтоженіемъ вандомской колонны, былъ выбранъ также членомъ комисіи, разбившей драгоцѣнныя вещи Тьера и предложилъ перенести ихъ въ Лувръ, или продать съ аукціона. Однѣхъ рѣдкихъ бронзовыхъ вещей Курбе насчиталъ на полтора мильона франковъ. Прото предлагалъ растопить на монетномъ дворѣ всѣ бюсты орлеан-

своей фамилии. Рѣшили, наконецъ, сохранить все, передавъ произведенія искусства и рѣдкія книги въ музеи и библіотеки; только мебель продана съ публичнаго торга и все бѣлье перешло въ госпитали; вырученныя суммы назначены къ выдачѣ вдовамъ и сиротамъ убитыхъ въ войнѣ съ версальцами. На мѣстѣ „отеля отцеубійцы“ положено развести скверъ. Извѣстіе это было получено въ Версалѣ во время бурнаго засѣданія палаты 11-го мая, когда Тьеръ, оскорбляемый монархистами, нѣсколько разъ предлагалъ выйти въ отставку. Положеніе его было дѣйствительно критическое; ему угрожали въ одно время: возстаніе комунѣ, интриги легитимистовъ, двусмысленное положеніе пруссаковъ. Онъ рѣшился покончить съ послѣдними, чтобы свободнѣе дѣйствовать въ другихъ отношеніяхъ — и въ пять дней подписалъ во Франкфуртѣ мирныя условія, переговоры о которыхъ тянулись цѣлый мѣсяцъ въ Брюсселѣ. Условія эти касались уплаты пяти миллиардовъ военной контрибуціи, по частямъ, каждые три мѣсяца, по мартъ 1874 года. Французскіе уполномоченные въ Брюсселѣ находили этотъ способъ уплаты невозможнымъ, но Жюль Фавръ и Пуйе-Кертъ, отправленные во Франкфуртъ для личныхъ переговоровъ съ Бисмаркомъ, подписали 10-го мая все, чего онъ требовалъ, и онъ приказалъ возвратитъ правительству еще занятые пруссаками сѣверные форты Парижа и всѣ французскія войска, еще оставшіяся въ плѣну. Они составляли четвертый и пятый корпусъ версальской арміи. Тогда Тьеръ обратилъ всѣ усилія, чтобы кончить борьбу съ комунѣ. Шесть новыхъ батарей, воздвигнутыхъ на Монтрету, почти совершенно разрушили Отейль. Всего около Парижа версальцы воздвигли 128 батарей, въ числѣ которыхъ 12 митральезныхъ. Эти батареи обратили въ развалины почти всѣ окрестныя мѣстечки, виллы, предмѣстья и сады Парижа. За то въ самомъ городѣ, 13-го мая, разрушили домъ Тьера. Въ тотъ же день комунѣ запретила еще шесть газетъ, въ числѣ которыхъ были „Moniteur universel“ и „Univers“. По поводу этихъ запрещеній даже такое безобидное изданіе, какъ „Иллюстрація“, напомнило комунѣ слова Армана Мараста, когда его судили въ палатѣ перовъ, какъ редактора газеты „National“: „если это война противъ той или другой газеты—это ребячество; если же это война противъ прессы—вы будете побѣждены“. Комунѣ не ограничилась однако этими газетами и 15-го мая запретила еще шесть, а 18-го еще десять—и того тридцать-три изданія. Въ то же время, за нападки на республику и комунѣ, положено было отдавать подъ военный судъ и каждый гражданинъ долженъ былъ постоянно имѣть при себѣ видъ (carte d'identité) съ указаніемъ его имени, лѣтъ, занятій, квартиры и примѣтъ. Видъ этотъ, выдаваемый полиціей, должно было показывать по требованію каждаго національнаго гвардейца. Не имѣющій вида немедленно арестовывался. Этотъ держеть, лишаящій гражданина свободы, отдающій его во власть перваго дурака или пьяницы, который нашелъ бы его примѣты несход-

ными съ видомъ, возбуждалъ негодование въ Парижѣ, но комюна, гдѣ поминутно мѣнялись члены, завѣдующіе разными вѣдомствами, не обращала никакого вниманія на общественное мнѣніе и издавала постановленія одно страннѣе другого. Такъ она назначила къ каждому генералу статскаго комисара, потребовала, чтобы обо всѣхъ складахъ петроля и минеральныхъ маслъ было сообщено въ городскую ратушу; всѣ поѣзды желѣзныхъ дорогъ, прибывающіе въ Парижъ приказано осматривать строжайшимъ образомъ. Въ то-же время, почти наканунѣ вступленія версальцевъ въ Парижъ, комюна продолжала публиковать бюлетени о побѣдахъ надъ регулярной арміей, которая, не публикуя о своихъ подвигахъ, продолжала поступать безжалостно съ инсургентами. Такъ, 12-го мая, 22-ой батальонъ національной гвардіи, встрѣтивъ неожиданно 64-ый линейный полкъ, долженъ былъ отступить и оставилъ восемь раненыхъ; всѣ они были тутъ же разстрѣляны солдатами. 16-го мая комюнары должны были очистить фортъ Ванвъ, засыпанный бомбами. Гарнизонъ форта предлагалъ сдаться на капитуляцію; версальцы требовали безусловной покорности. Тогда гарнизонъ оставилъ укрѣпленіе и скрылся черезъ подземный ходъ, выходящій въ поле. Триста человекъ едва не погибли въ узкихъ переходахъ, до половины залитыхъ водою. Но въ фортѣ осталось еще 70 раненыхъ и много убитыхъ. Поручикъ 7-го легіона гвардіи Бютенъ, несмотря на то, что наканунѣ версальцы, въ окрестностяхъ форта, изнасиловали и убили женщину, ухаживавшую за ранеными, отправился парламентаромъ къ регулярнымъ войскамъ съ докторомъ и санитаромъ, со знаменемъ Краснаго Креста и съ трубачемъ, несшимъ бѣлый флагъ, но версальцы встрѣтили ихъ бѣглымъ ружейнымъ огнемъ. Думая, что это какое-нибудь недоразумѣніе и что армія цивилизованной націи знаетъ международное право, поручикъ шелъ впередъ, и только второй залпъ заставилъ его вернуться по счастью невредимымъ.

17 мая, въ шесть часовъ вечера, произошелъ взрывъ на патронномъ заводѣ, въ улицѣ Раппа. Дѣйствіе взрыва было чувствительно на близкихъ и даже дальнихъ улицахъ, гдѣ лопнули всѣ стекла. Причиною несчастія, оставшеюся неизвѣстною, была, вѣроятно, какая-нибудь случайность, производящая гибельныя послѣдствія въ мѣстахъ, гдѣ фабрикують взрывчатые вещества; но официальная газета комюны обвиняла въ этомъ „версальское правительство, заматнавшее себя новымъ преступленіемъ, самымъ ужаснымъ и самымъ низкимъ. Агенты его подожгли заводъ и произвели страшный взрывъ. Считаютъ болѣе ста жертвъ (ихъ не было и половины). Женщины и грудной ребенокъ были разорваны въ куски. Четверо виновныхъ захвачены 27-го флореала LXXIX“. Наканунѣ этого дня совершилось разрушеніе Вандомской колонны. Это былъ послѣдній праздникъ комюны. Давно уже возвѣстивъ это разрушеніе, комюна медлила приведеніемъ его въ исполненіе, но нѣкоторые члены ея энергически

потребовали привести въ исполненіе постановленіе и въ газетѣ коммуны явилась статья, представлявшая это разрушеніе, какъ „разрывъ съ милитаризмомъ, съ этимъ кровавымъ отрицаніемъ всѣхъ правъ человѣка“. Бонапарте представлялся въ этой статьѣ человекомъ, „принесшимъ миліоны дѣтей народа въ жертву своей жадности властвовать. Сынъ революціи, онъ окружилъ себя привилегіями и комическими атрибутами королевства; онъ хотѣлъ заклепать въ ошейникъ рабства всѣ народы, чтобы царствовать одному въ своемъ тщеславіи, посреди всеобщей нивости“. За этими напыщенными фразами слѣдовало подтвержденіе, что начавъ съ клятвопреступленія и убійства, имперія оставила послѣ себя однѣ развалины, долгое нравственное униженіе и уменьшеніе Франціи, не говоря уже о второмъ декабрѣ и Седанѣ. Поэтому-то коммуна считала справедливымъ — разрушить колонну. „Пусть миръ будетъ увѣренъ (говорила въ заключеніе официальная газета), колонны, которыя будутъ воздвигать коммуна, не стануть прославлять разбойничьихъ исторій, а увѣковѣчатъ воспоминаніе о славныхъ побѣдахъ въ области наукъ труда и свободы“.

Утромъ, въ праздникъ разрушенія, члены коммуны отправились къ колоннѣ на улицѣ Мира съ музыкою, игравшею марсельезу и „Chant du départ“. Все вокругъ было убрано красными знаменами; въ окнахъ множество народа; на балконахъ министерства юстиціи стояли чиновники въ красныхъ шарфахъ и между ними дряхлый Гле-Визуеъ, снявшій шляпу при паденіи памятника. Барабанный бой, музыка, крики производили страшный шумъ. Къ вершинѣ колоны были привязаны канаты, за которые внизу тянули посредствомъ блоковъ. Мостовая во всю длину улицы Мира была устлана густымъ слоемъ соломы, на которую упала колонна, разбивъ свои барельефы. При паденіи у статуи Наполеона отлетѣла голова и рука со статуею побѣды. Толпа, бросившаяся на свою добычу, простерла ненависть къ деспотизму до того, что сбиралась растащить куски разбитой бронзы, и надо было поставить часовыхъ, чтобы усмирить рвеніе народа. Генералъ Вержеръ доставилъ себѣ удовольствіе попить ногами статую и произнесъ надутую рѣчь, имѣвшую очень мало смысла. Говорили также спичи гражданъ Ранье отъ имени комитета общественной безопасности и гражданъ Міо. Послѣдній окончилъ свою алокуцію слѣдующею фразою: „до сихъ поръ гнѣвъ нашъ обрушивался только на вещественные предметы, но близокъ день, когда возмездіе будетъ ужасно и падеть на эту низкую реакцію, стремящуюся насъ подавить“. Феликсъ Піа писалъ въ своей газетѣ „Le Vengeur“.

„Навонецъ уничтожатъ эту колонну, этотъ смѣшной и чудовищный трофей, воздвигнутый по приказанію слѣпого деспота, чтобы увѣковѣчить воспоминаніе своихъ безумныхъ побѣдъ, своей преступной славы. Монументъ, лишенный всякаго артистическаго значенія,

плохая копія Траянвой колонны, — искусство ничего не потерять отъ его разрушенія, а здравый смыслъ и патриотизмъ выиграютъ, потому что не хорошо оставлять на глазахъ невѣжды и простаконъ глупое восхваленіе проклятаго прошлаго. Я никогда не могъ видѣть эту колонну безъ того, чтобы сердце у меня не забилось отъ негодованія и отвращенія“. Сочинили также простонародную пѣсню съ каламбуромъ на разрушеніе колонны. Вотъ ея начало и конецъ:

„Muni de son protocole,
Coubet va trouver Rigaut,
Ce procureur des plus chauds
Lui dit: faut que Protot colle
Cette affiche-la, sans quoi
Ça ne serait pas une loi.

Et voila comme en tirant
On peut abatte un tyran.

Комюна не думала ограничиться разрушеніемъ одной колонны. Опредѣливъ уничтожить искушительную часовню, собирались выбросить прахъ Наполеона, сломать триумфальную арку Звѣзды, грозили даже воротамъ Сен-Дени и Сен-Мартена. Привести въ исполненіе эти планы не удалось, потому что скоро наступилъ конецъ существованія самой комюны. На Тьера и версальское правительство паденіе колонны не произвело особенно тяжелаго впечатлѣнія. Представители народа воздерживались выразить свое негодованіе изъ боязни, чтобы ихъ не приняли за приверженцевъ имперіи. Упреки больше всего сыпались на Курбе, хотя живописецъ-реалистъ требовалъ уничтоженія памятника съ артистической, а не съ политической точки зрѣнія. Историки послѣдняго времени до того унижали имперію и ея военную славу, что паденіе колонны было естественнымъ слѣдствіемъ ихъ діатрибъ.

Засѣданіе національнаго собранія 17-го мая было посвящено преніямъ о проектѣ реорганизациі арміи. Ланглуа и генераль Дюро препирались о томъ, можно ли назвать пушки—ultima ratio народовъ и правительствъ. И эти споры происходили въ то время, когда въ палату приносился отдаленный пушечный гулъ междуособной борьбы! О колоннѣ никто и не заикнулся въ это засѣданіе, гдѣ Жюль Греви былъ снова избранъ президентомъ палаты и благодарилъ своихъ „дорогихъ товарищей за новое доказательство довѣрія и уваженія, какими они почтили его“. Глубоко тронутый этимъ, онъ, конечно, обѣщаль „употребить всѣ усилія, чтобы остаться безпристрастнымъ руководителемъ ихъ трудовъ и хранителемъ ихъ прерогативъ“. Только на другой день, во время преній объ утвержденіи собраніемъ мира, подписаннаго во Франкфуртѣ, Тьеръ упомянулъ о паденіи колонны, „разрушенной негодаями и преступниками“. Но въ то же время честолюбивый старикъ, всю жизнь только думавшій о самомъ себѣ,

вздумалъ сопоставить это покушеніе съ другимъ, „къ счастью не совершившимся“—съ попыткою запретить и уничтожить его „Исторію консульства и имперіи“. Незачѣмъ распространяться, до чего неумѣстно было подобное сопоставленіе, особенно, если вспомнить, что попытка уничтожить книгу Тьера никому не приходила въ голову и неизвѣстно, откуда онъ взялъ это извѣстіе. Только маршалъ Мак-Магонъ, въ приказѣ по арміи, выразился вполне прилично, сказавъ: „Солдаты, если воспоминанія, возбуждаемыя въ насъ коленною, не будутъ вырѣзаны на мѣди, они останутся все-таки живы въ нашихъ сердцахъ и, одушевленные ими, мы дадимъ Франціи новыя доказательства нашей преданности, храбрости и нашего патріотизма“.

Совершенно иначе Тьеръ принялъ извѣстіе о разрушеніи своего дома. Онъ упорно отказывался вѣрить, чтобы коммуна рѣшилась совершить это покушеніе. Когда Тронсен-Дюмерсанъ привезъ въ Версаль эту новость, онъ отправился сначала къ госпожѣ Тьеръ и, послѣ криковъ отчаянія и гнѣва, она стала совѣщаться съ дѣвицею Донъ, какъ сообщить это президенту. Послали за его секретаремъ. Бартеlemi Сент-Илеръ былъ убѣжденъ, что Тьеръ не перенесетъ этого несчастія. Дамы были того же мнѣнія и никто изъ нихъ не рѣшился нанести ужасный ударъ, сообщивъ это извѣстіе. Тронсенъ рѣшился, наконецъ, пожертвовать собою, съ условіемъ, что г-жа Тьеръ будетъ присутствовать при разговорѣ. Они вошли въ кабинетъ главы государства. Тьеръ ходилъ по комнатамъ въ нетерпѣніи и на фразу Тронсена, что онъ долженъ сообщить печальную новость, прервалъ его отрывистымъ вопросомъ:—въ чемъ дѣло?

— Дѣло идетъ о вашемъ домѣ, отвѣчалъ Тронсенъ.

— Что же они хотятъ сдѣлать съ моимъ домомъ? спросилъ взволнованный президентъ.

— Они не только хотятъ, но уже сдѣлали, продолжалъ Тронсенъ и рассказалъ подробно о томъ, что случилось, показавъ ему парижскія газеты. Тьеръ поблѣднѣлъ, сѣлъ въ кресло, пробѣжалъ газету, скомкалъ ее, закрылъ лицо руками и началъ рыдать. Госпожа Тьеръ стала его утѣшать. Онъ не слышалъ ее, но послѣ нѣсколькихъ минутъ ребяческаго рыданія пришелъ въ себя и, вѣроятно, понявъ, что это происшествіе придастъ ему еще болѣе популярности, сказалъ:

— Отечество стѣбитъ этой жертвы!

Эту сцену описываетъ Леонсъ Дюпонъ въ своихъ запискахъ и прибавляетъ, что еще долго потомъ Тьеръ заботился больше о своихъ драгоценностяхъ, чѣмъ о кровопролитныхъ схваткахъ на Аньерскомъ мосту, или о жителяхъ Нѣльи, засыпаемыхъ версальскими бомбами. Давая порученія въ Парижъ тому же Тронсену, Тьеръ поручилъ ему узнать, что хочетъ сдѣлать коммуна съ канонерскими лодками на Сенѣ и куда дѣвался изъ его коллекцій маленькій фламандскій ящичекъ, сколько солдатъ у воротъ Мальо и гдѣ эмальированный бауль XVI-го столѣтія? Тронсену удалось, дѣйствительно, возвратитъ Тьеру

много мелкихъ вещицъ, припрятанныхъ гвардейцами, при разрушеніи дома. Впослѣдствіи число этихъ драгоценныхъ предметовъ увеличилось до того, что Тьеръ помѣстилъ ихъ въ отдѣльную комнату за своимъ кабинетомъ, куда часто удалялся — созерцать и перебирать свою коллекцію и куда не смѣлъ входить никто, не исключая Бартеlemi Сент-Илера, даже если надо было доложить главѣ исполнительной власти о чемъ нибудь важномъ. Въ такихъ случаяхъ секретарь дожидался возвращенія Тьера изъ его музея. Страсть стараго президента къ этимъ дорогимъ игрушкамъ была непонятна, и Рошфоръ не даромъ замѣчалъ въ своей газетѣ, что если Тьеръ „не бомбардируетъ площади Сен-Жоржа, то, конечно, изъ величія духа, а не изъ спекуляціи“.

На другой же день послѣ декрета комунѣ, два роялиста предложили палатѣ—воздвигнуть снова домъ Тьера на счетъ государства, и палата вотировала это, вмѣстѣ съ предложеніемъ—произвести публичные молебствія, чтобы призвать милосердіе божіе на бѣдствія Франціи. Какъ же послѣ этого было Тьеру не считать себя избранникомъ, любимцомъ націи! Вѣдь вздумалъ же въ эту, дѣйствительно бѣдственную эпоху, графъ Шамборъ публиковать о своей готовности явиться на призывъ Франціи. Въ своемъ манифестѣ онъ даже прямо говорилъ: „вѣрьте, я буду избранъ не только потому, что я право, но потому что я порядковъ, потому что я—реформа!“ Этотъ разслабленный подагрикъ увѣрялъ, что „въ его рукахъ — старая шпала Франціи, а въ его груди—сердце короля и отца“ и что онъ принесетъ съ собою „диктатуру только одного милосердія“, потому что „въ его рукахъ и только въ его рукахъ милосердіе будетъ справедливостью“. Эти надутыя фразы не обратили, однако, на претендента вниманія страны. Палата еще не смѣла явно высказывать своихъ легитимистскихъ тенденцій. Она еще дорожила Тьеромъ и надѣялась, что онъ сдержитъ обѣщаніе, данное нѣкоторымъ роялистамъ при избраніи его Бордо главою исполнительной власти — возстановить, когда придетъ удобное время, монархію. Настоящее время было однако же, по сознанію самихъ монархистовъ, далеко не удобно. Надо было утвердить миръ, подписанный Тьеромъ во Франкфуртѣ. Засѣданіе собранія въ этотъ день представляло неутѣшительное зрѣлище. Одни ораторы оплакивали печальную необходимость перенести такое униженіе и обвиняли въ этомъ имперію, объявившую войну, республику 4-го сентября, революцію 18-го марта; роялисты вспоминали, что реставрація доставила даже выгоды Франціи; военные возставали противъ уступки огромной территоріи непріятелю; Тьеръ настаивалъ на томъ, что сохраненіе Бельфора обезпечиваетъ обладаніе долиною Вогезскихъ горъ, и что ему стоило огромныхъ трудовъ это сохраненіе, на которое Германія никакъ не хотѣла согласиться. Онъ увѣрялъ, что подписаніе мирнаго трактата составляетъ величайшую скорбь въ его жизни, но почему-то прибавилъ, что скорбь эта должна была бы

меньше чѣмъ кому либо — выпасть на его долю. 440 голосовъ изъ 538-ми депутатовъ утвердили франкфуртскій миръ.

Что же въ это время дѣлала коммуна? Потерявъ въ послѣдніе дни до 3.000 плѣнныхъ и 150 пушекъ въ ежедневныхъ стычкахъ, она увидѣла, что траншеи версальцевъ были уже въ 200 метрахъ отъ городскихъ стѣнъ. И въ это-то время, потерявъ 22 члена, подавшихъ въ отставку, заперевъ шестерыхъ въ тюрьму, перемѣнивъ втеченіе недѣли трехъ делегатовъ, завѣдующихъ военными дѣйствіями: Росселя, Кюзере и Делеклюза, коммуна дала въ Тюльери большой балъ и концертъ, на которомъ офицеры въ галунахъ и красныхъ шарфахъ танцовали всю ночь съ нечопорными гражданками. Во всѣхъ увеселительныхъ заведеніяхъ были ежедневные пиры и оргіи. Въ Палероялѣ и на маленькихъ театрахъ давали „Утку о трехъ клювахъ“ и „Старость Бридида“. Многіе изъ членовъ коммуны не стѣснялись вести далеко не примѣрную жизнь. Рауль Риго, Бильоре, Паскаль Груссе открыто являлись въ публику со своими возлюбленными, актрисами мелкихъ театровъ. Болѣе откровенные изъ нихъ отзывались о комунѣ самымъ нехлестнымъ образомъ. Жюль Валлесъ, даровитый журналистъ, писалъ своему другу: „Рауль Риго обвиняетъ меня въ несочувствіи къ комунѣ. Приходится съжечь половину Парижа, чтобы не быть подозрительнымъ другой половиной. Какое занятіе! Есть отъчего помѣшаться. Сеансы коммуны днемъ, сеансы ночью — и для чего? Чтобы слушать воскаленія Бабефа или Анахарсиса Клотца. Версальская армія съ каждымъ часомъ отнимаетъ у насъ клочекъ земли и надежду, а насъ созываютъ сегодня, чтобы обсуждать предложеніе Курбе, угрожающаго подать въ отставку, если дерзнетомъ не отмѣнять Бога. И что имъ мѣшаетъ этотъ Богъ!.. Ты спрашиваешь, чѣмъ это кончится? Очень просто: Кюзере или кто нибудь другой продастъ версальцамъ доступъ въ одни изъ воротъ и, въ одно прекрасное утро, насъ захватятъ въ нашихъ постеляхъ. Прекрасный букетъ составить изъ насъ для Кайенны! Я, лично, принялъ противъ этого сюрприза нѣкоторыя мѣры и надѣюсь въ-время ударить въ Бельгію“.

И онъ сдѣлалъ такъ, какъ говорилъ, хотя газеты того времени утверждали, что принадлежа къ числу послѣднихъ бойцовъ коммуны, онъ сражался на баррикадахъ XI-го округа, потомъ скрылся, но 25-е мая былъ захваченъ и, вмѣстѣ съ Ферре, разстрѣлянъ на площади Шателе. Теперь обнаружилось, что разстрѣляли вовсе не ихъ, а только похожихъ на нихъ и, можетъ быть, даже совершенно невинныхъ людей. Въ то время, при неперемонныхъ казняхъ, безъ суда и разслѣдованія, подобныя „печальныя ошибки“ случались очень часто. Валлесъ былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей коммуны. Сынъ профессора, онъ получилъ солидное образованіе, и готовился самъ быть профессоромъ, но прибывъ въ Парижъ, увлекся жаждою дѣятельности и велъ жизнь, полную приключеній и опасностей. Семнадцати лѣтъ онъ вступилъ

въ заговоръ, имѣвшій цѣлью похитить и увести Луи-Наполеона. Заговоръ конечно не удался, и Валлесъ, просидѣвъ нѣсколько времени въ Мазасѣ, былъ выпущенъ безъ суда. Онъ былъ одно время секретаремъ Густава Планша, и написалъ его біографію въ пристрастномъ тонѣ. Въ 1856 году онъ издалъ первое свое произведеніе „Деньги“, грубый гимнъ золоту, выразившій страсть къ приобрѣтенію, жажду богатства и матерьяльных наслажденій. Несмотря на эффектную внѣшность книги въ желто-золотой оберткѣ съ посеребренной гравюрою, изображавшею монету въ пять франковъ, книга не имѣла успѣха, хотя была олицетвореніемъ литературы имперіи. Но этотъ трудъ открылъ автору дорогу въ сотрудники „Фигаро“. Валлесъ былъ сдѣланъ биржевымъ хроникеромъ. Это было очень скромное мѣсто въ газетѣ, не обладавшей тогда большими средствами и выходившей два раза въ недѣлю. Поселившись въ Латинскомъ кварталѣ, онъ началъ вести жизнь литературнаго цыгана и, чтобы не голодать, сталъ писать драмы, романы, стихотворенія, обнаруживавшіе дѣйствительное, оригинальное дарованіе, хотя и испорченное афектаціей и парадоксами. Въ 1860 году явилась въ „Фигаро“ его статья „Воскресенье молодого бѣдняка“, обратившая на него вниманіе публики. Его пригласили участвовать въ другихъ газетахъ и, несмотря на свою лѣнь, онъ сталъ писать въ „Presse“, „Liberté“, „Epoque“, „Revue européenne“. Статьи эти, собранныя въ 1866 году въ одну книгу подъ названіемъ „Les refractaires“, произвели впечатлѣніе. Подрадившись писать ежедневную хроникку въ газетѣ „Evénement“ за полторы тысячи франковъ въ мѣсяцъ, онъ сталъ нѣсколько умѣреннѣе въ своихъ парадоксахъ и сдѣлался исторіографомъ уличныхъ акробатовъ, силачей, клоуновъ, волтижеровъ, парижскихъ бродягъ. Изъ этихъ очерковъ онъ составилъ книгу „Улица“, въ которой кромѣ того помѣщены его „Воспоминанія“—картины деревенской жизни. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Валлесъ стремился къ эксцентричнымъ явленіямъ жизни, ко всему что бьетъ на эффектъ, стремится выказаться, отличиться передъ другими. Хотя онъ участвовалъ во многихъ попыткахъ сопротивленія императорскому правительству, но руководимый такимъ проходимцемъ какъ Вильмессанъ, редакторъ „Фигаро“ осмѣивалъ въ его газетѣ людей съ характеромъ, республиканцевъ, оставшихся вѣрными своимъ убѣжденіямъ и называлъ ихъ „революціонными пономарями“. Потерявъ мѣсто въ газетѣ „Evénement“, онъ въ 1867 году основалъ свою газету подъ названіемъ „La Rue“, отличавшуюся грубымъ реализмомъ, парадоксами и эксцентричностью. Газету запретили черезъ полгода. Валлесъ опять сдѣлался бѣднякомъ и сталъ работать въ „Фигаро“. Онъ замѣтно опустился—и его упрекали даже въ томъ, что онъ получалъ субсидію отъ правительства. Во всякомъ случаѣ ему дали средства въ 1869 году основать новую газету „Le peuple“, въ которой онъ выставилъ себя кандидатомъ въ депутаты, чтобы помѣшать выборамъ Жюля Симона. Помѣшать из-

бранію этого серьезнаго противника цезаризма было въ цѣляхъ правительства, а Валлесъ, назвавшій себя „кандидатомъ бѣдняковъ“, былъ не опасенъ для имперіи, особенно въ виду его привычки пускаться въ эксцентричности и доводить парадоксы до абсурда. Всего вѣроятнѣе, что Валлесъ былъ въ этомъ случаѣ сильнымъ орудіемъ тонкой интриги, но вся эта исторія произвела тяжелое впечатлѣніе, хотя онъ и провалился, конечно, на выборахъ. Послѣ пораженій при Рейхгофенѣ и Форбахѣ, онъ такъ враждебно отнесся къ правительству, что его заперли въ Мазасъ. Освобожденный 4-го октября, онъ вступилъ въ члены интернаціонали, игралъ выдающуюся роль во всѣхъ волненіяхъ эпохи осады Парижа. 31-го октября 1870 г., какъ начальникъ батальона національной гвардіи, участвовалъ въ возстаніи противъ правительства народной обороны. Послѣ капитуляціи Парижа, онъ началъ издавать газету „Крикъ народа“, въ которой высказалъ мысль, что Парижъ долженъ быть вольнымъ городомъ. Газета была запрещена генераломъ Винуа, но появилась послѣ 18-го марта. Выбранный въ члены комунъ, онъ сталъ проповѣдывать умѣренность и примиреніе „чердаковъ и бельэтажей“. Но, послѣ первыхъ же схватокъ съ версальцами, снова началъ совѣтовать въ своей газетѣ—защищаться до крайности съ энергіею отчаянія. Въ его „Cri du peuple“ явилась впервые угроза—скорѣе взорвать и сжечь Парижъ, чѣмъ отдать его врагамъ. Не принадлежа къ правителямъ комунъ, онъ успѣлъ скрыться въ Лондонъ, послѣ ея паденія, получилъ наслѣдство въ 50.000 франковъ отъ одного изъ своихъ почитателей и поселился въ Женевѣ, откуда продолжалъ писать анонимно въ разныя газеты. Приговоренный къ смерти въ 1872 году, онъ, послѣ амнистіи 1880 года, появился въ Парижѣ, издалъ романъ „Жакъ Вентрасъ“. Теперь ему 50-й годъ, и въ немъ трудно признать рьянаго коммунара. Годы и опытность взяли свое. Местъ и казни только озлобляютъ людей. Если бы версальцы не такъ усердно разстрѣливали и ссылали въ Нукагиву послѣ своей побѣды, много семействъ не осиротѣло бы и не сдѣлалось врагами общества и правительства.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ.

„PRÜSSEN IN BUNDES-RATHE, VON POSCHINGER“. LEIPZIG, 1882. (Пруссія въ совѣтъ германскаго союза, Пошингера, Лейпцигъ, 1882).

А ДНЯХЪ вышелъ третій томъ *), составляющій окончаніе труда Пошингера, сборника дипломатическихъ документовъ Пруссіи съ мая 1856-го года по мартъ 1859-го года, когда Бисмаркъ сдаль постъ представителя Пруссіи при германскомъ союзѣ во Франкфуртъ-на Майнѣ г. Узедому и получилъ назначеніе быть прусскимъ посланникомъ при петербургскомъ дворѣ. Третій томъ г. Пошингера составляетъ съ тѣмъ вмѣстѣ XV-й томъ изданія г. Зибела „Обнародованія изъ прусскаго государственнаго архива“ (Publicationen aus dem Preussischen Staatsarchive). Въ этомъ третьемъ томѣ, который оказывается объемистѣе двухъ первыхъ, содержатся дипломатическія донесенія Бисмарка къ своему правительству по вопросу объ освобожденіи невшатальцевъ, оставшихся вѣрными Пруссіи и взятыхъ въ плѣнъ швейцарскимъ правительствомъ, о голстинно-лауэнбургской конституціи, о предложеніи барона Бейста (тогдашняго главнаго министра) касательно перемѣнъ въ конституціи германскаго союза, о сооруженіи и гарнизонахъ союзныхъ нѣмецкихъ крѣпостей. Всѣ эти вопросы дали случай Бисмарку вновь выказать свою дипломатическую прозорливость и выставить въ надлежащемъ свѣтѣ взаимныя отношенія Австріи и Пруссіи, а равно второстепенныхъ и третьестепенныхъ нѣмецкихъ государствъ. Поэтому для исторіи, равно какъ и для дипломатіи, третій томъ Пошингера доставилъ богатый матеріалъ для изученія. Для полной біографіи Бисмарка, какъ государственнаго дѣятеля и дипломата, въ этомъ томѣ можно найти много новыхъ данныхъ и интересныхъ подробностей.

*) См. „Историческій Вѣстникъ“, т. IX стр., 403, ст. „Первыя дебюты Бисмарка“.

Въ одномъ изъ своихъ частныхъ сообщеній министру иностранныхъ дѣлъ, барону Мантейфелю, именно отъ 2-го (14-го) марта 1858-го года, Бисмаркъ, говоря о взаимныхъ отношеніяхъ Австріи и Пруссіи въ составѣ германскаго союза, мѣтко и рѣзко характеризуетъ политику габсбургской монархіи. „Изумительно, пишетъ Бисмаркъ, какого успѣха достигаетъ Австрія своею системою преслѣдованія каждаго государственнаго дипломата, который не подчиняется ей, который защищаетъ и интересы своего государства (на германскомъ сеймѣ) противъ воли вѣнскаго кабинета, до того, что онъ, изъ страха или отъ утомленія въ сопротивленіи, подчиняется политикѣ Австріи; если Австрія не въ состояніи удалить неприятнаго ей посланника вліаніемъ на министра иностранныхъ дѣлъ, отъ котораго онъ зависитъ, то она направляетъ весь свой осадный паркъ противъ самого министра, соединяется со всякаго рода оппозиціею противъ него, особенно съ ультрамонтанами, завязываетъ связи съ его соперниками при дворѣ и даже не брезгаетъ заподозрить его путемъ семейной переписки между особами царствующихъ династій. Въ небольшихъ государствахъ это средство оказывается дѣйствительнымъ; этимъ способомъ многіе были укрощены. Подобная игра сильно облегчается вѣнскому кабинету личными отношеніями и неофициальными агентами. Въ его распоряженіи состоятъ вся милиція іезуитовъ, ультрамонтанское духовенство, а въ южной Германіи нѣтъ ни одного значительнаго человѣка на государственной или придворной службѣ, котораго сынъ, братъ или другъ—какой нибудь родственникъ, не находился бы на службѣ въ Австріи, такъ что чрезъ послѣдняго для него является возможность имѣть сношенія съ первымъ, или вліять на него. Вамъ (барону Мантейфелю) извѣстно, какимъ образомъ каждый офицеръ или чиновникъ въ Австріи въ надлежащемъ случаѣ привлекается къ дѣламъ общей ея политики и какія значительныя суммы раздаются за-границею Австріею изъ ея секретныхъ суммъ“. Представивъ примѣры въ подтвержденіе своихъ словъ, Бисмаркъ пишетъ, что „его семилѣтняя служебная дѣятельность во Франкфуртѣ-на-Майнѣ представляетъ непрерывную борьбу противъ всякаго рода захватовъ, противъ неустанныхъ попытокъ эксплуатаціи союза въ качествѣ орудія для возвышенія Австріи и для умаленія Пруссіи. Австрія никогда не представляетъ намъ много выбора между безусловнымъ подчиненіемъ ея волѣ и сопротивленіемъ съ употребленіемъ всѣхъ средствъ для борьбы. Если мы не уступаемъ, то она возбуждаетъ жалобы при нѣмецкихъ дворахъ и въ печати на нарушаемое нами единство въ Германіи“. Въ заключеніе своего длиннаго письма о политикѣ Австріи въ Германіи и Франкфуртѣ-на-Майнѣ Бисмаркъ даетъ слѣдующія совѣты для успѣха въ дальнѣйшей борьбѣ Пруссіи съ вѣнскимъ кабинетомъ. „Если мы желаемъ сохранить сносныя отношенія съ Австріею и большинствомъ германскаго союза,

то единственнымъ для того средствомъ оказывается серьезное отклоненіе всякаго несправедливаго требованія; если же мы уступимъ, то всякая уступка будетъ матерью новыхъ притязаній до тѣхъ поръ, пока насъ въ такой степени не притиснутъ къ стѣнѣ, что, въ неблагоприятный часъ, для насъ, можетъ быть, не останется другого выбора, кромѣ кореннаго разрыва или полнаго подчиненія рѣшеніямъ большинства, проводимымъ Австріею въ германскомъ сеймѣ. Мы должны принудить Австрію къ такой политикѣ, которая сдѣлаетъ возможнымъ единство безъ нарушенія нашего достоинства и независимости. Много тому можетъ содѣйствовать назначеніе посланникомъ нашимъ въ Вѣну лица съ рѣшительною окраскою и твердаго характера. Еще большее будетъ произведено впечатлѣніе, если мы дозволить у насъ печати, а въ палатахъ дадимъ случай, свободнѣе высказываться о политикѣ Германіи и объ отношеніи къ ней Пруссіи, если бы даже намъ самимъ, т. е. правительству, и не понравились бы всѣ интонаціи, которыя будутъ при томъ пущены въ ходъ. Какое вниманіе возбуждено было въ Германіи умѣренными затрогиваніями гольстинскаго вопроса и вопроса о реформѣ германскаго союза, сдѣланными въ маленькихъ саксонскихъ палатахъ. Если мы переносимъ неудобства, причиняемыя палатами во внутренней политикѣ, то мы должны при случаѣ пользоваться ими для нашего внѣшняго положенія и устроить изъ изъ нихъ отпоръ антипрусскимъ махинаціямъ на сеймѣ". Этими совѣтами Бисмарка прусское правительство воспользовалось вполне впоследствии.

Изъ нынѣ обнародованныхъ документовъ оказывается, что Бисмаркъ около пятнадцати лѣтъ велъ борьбу противъ Австріи, посягавшей на достоинство и значеніе Пруссіи въ Германіи, первоначально въ качествѣ посланника, а потомъ министра (съ 1862 года), пока не достигъ своей цѣли въ войну 1866 года. Бисмаркъ пользовался услугами своихъ сосѣдей въ различныхъ войны, начатія Пруссіею съ 1864 года, постепенно замѣняя ихъ одного другимъ. Въ войну съ Дакіею въ 1864 году Пруссіи помогала оружіемъ Австрія, въ войну съ послѣднею, въ 1866 г., нейтралитетомъ Франція и Россія, въ войну съ Франціею въ 1870 году Россія, удержавшая Австрію отъ помощи Франціи. Въ прусскомъ государственномъ архивѣ хранятся и донесенія Бисмарка во время пребыванія его посланникомъ въ Петербургѣ съ такими же, можетъ быть, откровенными извѣщеніями его о Россіи, какія нынѣ онъ дозволилъ обнародовать относительно Австріи. Было бы очень любопытно прочесть ихъ, но можно сомнѣваться, чтобы они появились въ свѣтъ въ скоромъ времени. Ихъ обнародованіе могло бы ослабить положеніе Германіи въ отношеніи къ Россіи, между тѣмъ какъ Австрія, опирающейся нынѣ на помощь Германіи, нечего опасаться ея канцлеру, развѣшавшему, вслѣдствіе того, изданіе труда г. Пошингера.

П. У.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

„Исторія російской академіи“. М. И. Сухомлинова. Выпускъ шестой. Спб. 1882.

ШЕСТОЙ выпускъ обширной „Исторіи російской академіи“, предпринятой М. И. Сухомлиновымъ, заключаетъ въ себѣ очеркъ жизни и литературной дѣятельности Осипа Петровича Козодавлева.

Питомецъ лейпцигскаго университета, куда онъ былъ посланъ одновременно съ извѣстнымъ Радищевымъ по распоряженію императрицы Екатерины, Козодавлевъ впоследствии не занималъ виднаго мѣста въ числѣ писателей своего времени, но онъ прошелъ блестящій путь на поприщѣ государственной службы, былъ при императорѣ Александрѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ и умеръ, въ 1819 году, въ званіи члена государственнаго совѣта. По самому положенію своему онъ принималъ участіе во многихъ важныхъ дѣйствіяхъ правительства, особенно въ александровскій періодъ. Поэтому для изложенія его біографіи г. Сухомлиновъ имѣлъ возможность найти довольно богатые матеріалы въ разныхъ архивахъ, и біографія эта, похъ перомъ почтеннаго академика, представляетъ много любопытныхъ данныхъ изъ исторіи екатерининскаго и александровскаго времени. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не сказать, что, изображая дѣятельность Козодавлева, г. Сухомлиновъ нѣсколько увлекся его личностью и, какъ намъ кажется, преувеличилъ ея значеніе въ кругу общественнаго развитія начала нынѣшняго вѣка.

Г. Сухомлиновъ высказывается безусловнымъ почитателемъ Козодавлева. И дѣйствительно, онъ былъ человекъ весьма добрый, способный и образованный; просвѣщенный взглядъ на вещи обнаруживается во всѣхъ его начинаніяхъ, во всей его общественной дѣятельности. Но обладалъ ли Козодавлевъ дарованіями истиннаго государственнаго человека, былъ ли онъ самостоятельный и энергическій дѣятель на томъ посту, который онъ занималъ, и насколько серьезно понималъ онъ задачи своей высокой административной роли, этого—признаемся—мы не видимъ изъ біографіи, написанной г. Сухомлиновымъ. Козодавлевъ сочинялъ хорошіе проекты, поощрялъ русскую промышленность, хлопоталъ за невинноосужденныхъ, но на практикѣ въ дѣлахъ го-

сударственной важности, очевидно, оказывался не на высотѣ своего положенія. Въ капитальнѣйшемъ вопросѣ нашего стараго общественнаго строя, въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, Козодавлевъ былъ „либераломъ“, пока дѣло касалось русскихъ помѣщиковъ и русскихъ крестьянъ, или, проще говоря, слѣдовало тому пути, который былъ предначертанъ свыше знаменитымъ указомъ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ, — но тотъ же Козодавлевъ обнаружилъ весьма мало проникательности, когда ему пришлось участвовать въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса въ нашей прибалтійской окраинѣ. „Самымъ печальнымъ эпизодомъ въ исторіи крестьянскаго дѣла во времена Козодавлева—принужденъ сознаться и г. Сухомлиновъ, — служить положенія, составленныя остзейскими помѣщиками для остзейскихъ крестьянъ. Злую шутку сыграли остзейскіе дворяне и законники съ нашею администраціею: подъ видомъ улучшенія крестьянскаго быта, они улучшили свое собственное благосостояніе къ явному ущербу крестьянъ. Съ Козодавлевымъ повторилась старая исторія. Подобно тому, какъ вдохновляемый остзейскими баронами рыцарь республиканецъ Лагарпъ предлагалъ освободить крестьянъ на такихъ началахъ, которыя въ дѣйствительности отняли бы у крестьянъ всякую свободу, такъ и Козодавлевъ, при всемъ своемъ либерализмѣ, не далъ отпора замаскированному посягательству остзейцевъ на свободу и человѣческія права крестьянъ“.

Многіе современники Козодавлева и люди ближайшихъ къ нему поколѣній судили о немъ гораздо строже, чѣмъ нынѣшній его биографъ. Г. Сухомлиновъ разбираетъ эти отзывы и старается ихъ опровергнуть. Мы готовы согласиться съ нимъ, что въ сужденіи Державина сказывается „желчное негодованіе“, готовы признать, что и въ разсказахъ злорѣчиваго Вигеля много преувеличенія; но несомнѣнно понимаемъ, почему въ отзывѣ Карамзина о Козодавлевѣ: „въ немъ много добраго, несмотря на то, что вошелъ въ пословицу не съ хорошей стороны“, — почему въ этомъ отзывѣ не хорошая сторона должна заключаться именно „въ либерализмѣ Козодавлева“, когда извѣстно, что Карамзинъ, подобно многимъ современникамъ, обвинялъ его главнымъ образомъ въ искательствѣ. Напомнимъ г. Сухомлинову еще одинъ отзывъ о Козодавлевѣ, не приведенный въ его книгѣ, отзывъ Пушкина: въ своей статьѣ о Радищевѣ, разсказывая о посылкѣ его и его товарищей въ лейпцигскій университетъ, Пушкинъ выражается объ этихъ молодыхъ людяхъ слѣдующимъ образомъ: „Большая часть изъ нихъ исчезла, не оставивъ по себѣ слѣдовъ; двое сдѣлались извѣстны: одинъ, на чредѣ замѣтной, обнаружилъ совершенное безсиліе и несчастную посредственность, другой прославился совсѣмъ иначе“. Данныя, собранныя въ биографіи Козодавлева, едва ли могутъ послужить къ опроверженію этого вѣснаго сужденія; они, конечно, свидѣтельствуютъ о добрыхъ намѣреніяхъ Козодавлева, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказываютъ, что въ положеніи государственнаго человѣка Козодавлевъ дѣйствительно проявилъ только безсиліе и посредственность, былъ не болѣе какъ диллетантъ.

Мы выразили несогласіе съ г. Сухомлиновымъ во взглядѣ на то лицо, биографія котораго наполняетъ собою шестой выпускъ „Исторіи російской академіи“, но повторяемъ, книга эта содержитъ въ себѣ много новаго и любопытнаго для нашей исторіи въ исходѣ прошлаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго.

По плану труда, задуманнаго въ широкихъ размѣрахъ и столь дѣятельно продолжаемаго, г. Сухомлинову предстоитъ разсказать жизнь и оцѣнить лите-

ратурную дѣятельность еще многихъ замѣчательныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу российской академіи съ 1783 года до ея закрытія въ 1840 году. Пожелаемъ ему успѣха въ этомъ трудѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пожелаемъ, чтобы рядъ біографическихъ очерковъ онъ заключилъ обзоромъ жизни самой академіи, какъ учрежденія, которое такъ или иначе входило въ соприсношеніе съ разными идеями и направленіями мысли, возникавшими и развивавшимися въ періодъ ея существованія. Такое повѣствованіе будетъ одною изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ исторіи нашего просвѣщенія.

Л. Майковъ.

Избранныя сочиненія Ломоносова въ стихахъ и прозѣ, съ портретомъ и біографіею М. В. Ломоносова. С.-Петербургъ, 1882 г. Цѣна 40 к.

Этотъ компактный томикъ сочиненій Ломоносова принадлежитъ къ числу изданій „Дешевой бібліотеки“, предпринятой съ полезною цѣлю сдѣлать доступными по цѣнѣ массѣ читателей труды нашихъ лучшихъ писателей и поэтовъ. Такимъ образомъ изданы были „Горе отъ ума“, Грибоедова (съ его біографіею), цѣна 10 коп.; „Русскія пѣсни“ Мерзлякова и Цыганова, съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ, цѣна 10 к.; „Повѣсти Карамзина“, цѣна 20 к.; двѣ комедіи—„Бригадиръ“ и „Недоросль“ Фонъ-Визина, съ его біографіею и объяснительнымъ словаремъ къ его комедіямъ, цѣна 15 к.; „Бурсакъ“, романъ Нарѣжнаго, цѣна 35 к. Успѣхъ этого предпріятія указываетъ, что въ подобномъ дешевомъ изданіи ощущалась у насъ потребность; „Горе отъ ума“ уже вышло пятымъ изданіемъ въ нынѣшнемъ году, разойдясь въ количествѣ 44.000 экземпляровъ, а „Повѣсти Карамзина“ и двѣ комедіи фонъ-Визина вышли уже въ прошедшемъ году третьимъ изданіемъ.

Выпущенныя нынѣ въ свѣтъ избранныя сочиненія Ломоносова не представляютъ одну перепечатку нѣкоторыхъ изъ нихъ, но дѣйствительно выбраны для изданія въ извѣстной системѣ, которая оставляетъ въ умѣ прочитавшаго ихъ полное понятіе о гениальности и обширныхъ знаніяхъ знаменитаго русскаго ученаго и поэта. Послѣ дѣльной біографіи Ломоносова съ нѣсколькими анекдотами изъ его жизни и съ стихотвореніями русскихъ поэтовъ, посвященными Ломоносову (Пушкина, А. Н. Майкова, Б. Н. Алмазова, Федора Глинка, изъ которыхъ второе и третье были читаны въ столѣтній юбилей Ломоносова), помѣщены: оды духовныя; всѣ девятнадцать похвальныхъ одъ (изъ нихъ однѣ вполне, другія въ извлеченіи), надписи, стихи императрицѣ Елисаветы 1756 г., разговоръ съ Анакреономъ, разныя стихотворенія, эпиграммы на Тредьяковскаго, басни, притчи, отрывки изъ Иліады, Энеиды и друг., изъ поэмы „Петръ Великій“, „Тамира и Селимъ“, трагедія въ пяти актахъ въ пересказѣ К. С. Аксакова, изъ письма о пользѣ стекла, письма къ И. И. Шувалову (девять), письма: къ невѣстному, къ графу Орлову, къ сестрѣ; изъ „Похвального слова Петру Великому“; „Согласіе естествознанія съ религіею“; „О пользѣ книгъ церковныхъ въ российскомъ языкѣ“; „Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи российскаго народа“ (въ письмѣ къ Шувалову); изъ „Краткаго описанія разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показанія возможнаго проходу сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію“ (этотъ трудъ Ломоносова хранили въ величайшей тайнѣ; его отослали въ главномъ морскомъ архивѣ и издали въ 1847 году на средства гидрографическаго департамента морскаго министерства); наконецъ, изъ

„Древней российской исторіи“, глава восьмая, о разсмотрѣніи вѣрѣ и о крещеніи Владиміра.

Мы перечислили почти всѣ труды Ломоносова, вошедшіе въ составъ избранныхъ его сочиненій, чтобы показать, до какой полноты достигаетъ этотъ новый томъ „Дешевой Библіотеки“. Имъ охарактеризирована ученая, учебная, и литературная, вообще многосторонняя дѣятельность Ломоносова, бывшаго, по выраженію Екатерины Великой, „образцомъ русскаго ума“, „красою русской учености“. По характеристика Ломоносова въ этомъ изданіи была бы еще полнѣе, если бы въ немъ было отведено болѣе мѣста его грамматикѣ русскаго языка (изданной имъ въ 1755 г.), которая принадлежитъ къ наиболѣе замѣчательнымъ трудамъ этого ученаго, потому что положила начало самобитной русской народной рѣчи и послѣдующимъ грамматическимъ трудамъ Востокова, Греча и друг. По успѣху изданій „Дешевой Библіотеки“, можно ожидать, что „Избранныя сочиненія Ломоносова“ потребуютъ вскорѣ новаго изданія, въ которомъ, вѣроятно, не ограничатся нынѣшнимъ упоминаніемъ о его грамматикѣ только въ біографіи, но будетъ представлена надлежащая оцѣнка этого труда, съ указаніемъ на историко-сравнительный методъ, примененный имъ во многихъ случаяхъ къ русской рѣчи гораздо ранѣе знаменитыхъ европейскихъ филологовъ.

Въ заключеніе, можно пожелать, чтобы изданіе „Дешевой Библіотеки“, по принятой въ ней системѣ, продолжалось съ нынѣшнимъ ея успѣхомъ и современемъ составило бы безусловную принадлежность каждому учащагося русскому языку. Внимательное прочтеніе, напримѣръ, „Избранныхъ сочиненій Ломоносова“ лучше ознакомитъ учащагося съ этимъ писателемъ, чѣмъ отрывочна безъ системы выдержки изъ его твореній.

II. У.

Фабричный бытъ Германіи и Россіи. А. Погожева. Москва, 1882 г.

Самое заглавіе книги „Фабричный бытъ Германіи и Россіи“ указываетъ на сходство этого быта въ обѣихъ странахъ. „Читая, говоритъ авторъ, отчеты германскихъ фабричныхъ инспекторовъ объ условіяхъ жизни фабричнаго люда въ Германіи, право, можно было бы иной разъ подумать, что рѣчь идетъ о нашихъ русскихъ фабрикахъ и заводахъ: стоитъ лишь замѣнить нѣмецкія фамиліи русскими и нѣсколько усилить мрачный фонъ общей картины“. Въ виду недавняго введенія въ Россіи фабричнаго инспектората, замѣчаетъ далѣе авторъ, можно полагать, что и этотъ скромный трудъ послужитъ до нѣкоторой степени къ большому уясненію вопроса, относительно котораго въ административныхъ и въ литературныхъ сферахъ существуетъ такъ много разнорѣчивыхъ взглядовъ и толкованій“. Мы съ своей стороны скажемъ, что такая надежда автора вполне основательна. Книга его, богатая фактами и талантливо изложенная, въ высшей степени интересна не только для спеціалиста, но и для публики. Распространеніе среди послѣдней сочиненія г. Погожева даже весьма желательно: дѣятельность германскихъ фабричныхъ инспекторовъ, дополненная изслѣдованіями 7—8 уѣздовъ Московской губерніи, представляетъ рядъ картинъ и научныхъ обобщеній о нашемъ собственномъ рабочемъ. Оглавленіе, которое г. Погожевъ сдѣлалъ при обзорѣ отчетовъ германской инспекціи, можетъ служить программой какъ вообще для изслѣдованія фабрично-заводской промышленности, такъ и для законодательства о ней.

А. Ф.—въ.

СМѢСЬ.

Публичные чтенія г. Миклуха-Маклая.

Н. Н. Миклуха-Маклай съ октября мѣсяца открылъ рядъ чтеній, по которымъ русская публика могла ознакомиться съ результатами его двѣнадцатилѣтнихъ странствованій по тропическимъ странамъ. Пребываніе въ Петербургѣ русскаго путешественника было для него рядомъ оладій. Учащаяся молодежь изъ нѣсколькихъ университетскихъ городовъ прислала ему поздравительные адреса. Теперь, когда улеглись чувства восторга, весьма понятнаго при первой встрѣчѣ молодого ученаго, по собственному почину предпринимающаго обширное путешествіе, уместно подвести итогъ результатамъ этого путешествія, насколько они изложены самимъ г. Миклухой-Маклаемъ. Но прежде всего нѣсколько свѣдѣній о личности этого ученаго.

Николай Николаевичъ Миклуха-Маклай, окончивъ свое научное образованіе за границей, гдѣ получилъ степень доктора медицины, первое время своей ученой дѣятельности провелъ въ Іенѣ; посвятить себя преимущественно изученію сравнительной анатоміи и зоологіи, онъ состоялъ ассистентомъ одного изъ профессоровъ іенскаго университета. Не имѣя особенной склонности къ занятію кафедрой, которую емъ предлагали, г. Миклуха-Маклай рѣшилъ направить свои силы къ изученію на мѣстѣ тѣхъ зоологическихъ формъ, которыя для натуралистовъ Европы остаются мало извѣстными. Рѣшаясь, такимъ образомъ на довольно продолжительное путешествіе въ странахъ тропическихъ, г. Миклуха-Маклай предпринялъ, одну за другою, двѣ подготовительныя поѣздки. Первую изъ нихъ онъ совершилъ въ 1866—1867 годахъ, черезъ Францію и Португалію, на островъ Мадеру и на Канарскіе острова, гдѣ втеченіе дѣлой зимы занимался на берегу моря изслѣдованіемъ низшихъ животныхъ и возвратился въ Европу черезъ Марокко и Испанію. Вторая поѣздка его была направлена въ Египетъ и на берега Краснаго моря; здѣсь г. Миклуха-Маклай сдѣлалъ новыя наблюденія надъ низшими организмами и возвратился назадъ черезъ Малую Азію, Греческіе острова и Турцію. На возвратномъ пути изъ Турціи въ Іену, онъ посѣтилъ Петербургъ и могъ еще болѣе обогатить свои свѣдѣнія по части низшихъ организмовъ, принявъ на себя разработку коллекцій губокъ въ музеѣ академіи наукъ. Въ то же время было окончено и отпечатано сочиненіе его о „губкахъ“, доставившее ему вполне заслуженную извѣстность.

Весъ 1869 г. Миклуха-Маклай имѣлъ въ виду посвятить на разработку и изданіе собраннаго имъ матеріала, но, увлекшись проектомъ новаго большаго путешествія, отложилъ это до болѣе благопріятнаго времени. Сознвая

невозможность выполнить свое предпріятіе безъ помощи, хотя бы нравственной, какого-нибудь ученаго учрежденія, г. Миклуха-Маклая, въ бытность свою въ Петербургѣ, обратился съ просьбою о поддержаніи его къ русскому географическому обществу и сообщилъ отдѣленію физической географіи проектъ его экспедиціи и планъ его зоологическо-анатомическихъ изслѣдованій, возбуждѣвшій живой интересъ во многихъ изъ спеціалистовъ. Къ сожалѣнію, проектъ г. Миклухи-Маклая не могъ найти себѣ полной поддержки со стороны общества въ виду разногласія его предположеній съ уставомъ и традиціями общества, которое, ограничивая кругъ своей дѣятельности географическимъ изслѣдованіемъ Россіи и странъ, съ нею сопредѣльныхъ, не могло принять на себя полного снаряженія экспедиціи въ Тихій океанъ для анатомическаго изслѣдованія низшихъ зоологическихъ формъ. Тѣмъ не менѣе, совѣтъ общества рѣшилъ оказать г. Миклухѣ-Маклаю послѣнное содѣйствіе: согласно ходатайству тогдашняго вице-предсѣдателя общества, графа Ф. П. Литке, Н. Н. Миклухѣ-Маклаю былъ высочайше разрѣшенъ безплатный провѣздъ на одномъ изъ военныхъ судовъ, отправлявшихся въ кругосвѣтное плаваніе; общество же испросило открытій листъ министерства иностранныхъ дѣлъ и снабдило его рекомендательными письмами. Наконецъ, общество нашло возможнымъ выдать ему и денежное пособіе, хотя въ разбѣрахъ, не превышавшихъ 1.200 рублей, и при томъ условіи, чтобъ онъ распространилъ свои зоогеографическія изслѣдованія отъ морей тропическихъ до нашихъ поморій Японскаго и Охотскаго. Осенью 1870 г., Н. Н. Миклуха-Маклая оставилъ Россію и на военномъ клиперѣ „Витязь“ совершилъ плаваніе кругомъ Капъ-Горна до береговъ Новой Гвинеи, пользуясь каждымъ удобнымъ ему представлявшимся случаемъ для производства научныхъ изысканій. Въ это время имъ былъ собранъ, между прочимъ, матеріалъ для изученія температуры океана на большихъ глубинахъ. Замѣтки эти помѣщены въ „Извѣстіяхъ географическаго общества“ за 1871 годъ.

Высадившись на берегу Новой Гвинеи въ избранномъ имъ пунктѣ, въ заливѣ Астролябіи, въ той части берега, которая, начиная отъ Гумбольдова залива до острововъ Луизіады, оставалась до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстной, одинъ, съ двумя своими слугами, г. Миклуха-Маклая поселился въ небольшой хижинѣ, построенной ему экипажемъ „Витязя“, и провелъ въ этомъ дикомъ и негостепріимномъ мѣстѣ болѣе 14-ти мѣсяцевъ. Папуасы-туземцы Новой Гвинеи, встрѣтившіе путешественника съ недовѣріемъ и даже враждебностью, мало-по-малу привыкли къ нему, допустили познакомиться съ ихъ бытомъ домашнимъ, обычаями, рассказывали ему свои преданія и т. д. Сближеніе это позволило г. Миклухѣ-Маклаю собрать значительный матеріалъ для познанія этого первобытнаго народа.

Результаты изслѣдованій г. Миклухи-Маклая находятся въ его антропологическихъ коллекціяхъ и журналахъ, а нѣкоторое понятіе о нихъ даютъ пересланные имъ въ академію наукъ антропологическій очеркъ племени папуасовъ, переданный академику К. М. Беру, словарь языка папуасовъ, первый и единственный въ своемъ родѣ, переданный академику Бетлингу, и сводъ метеорологическихъ наблюденій на Новой Гвинеи, переданный академику Вильду. Судьба г. Миклухи-Маклая, добровольно поставившаго себя въ такія опасныя условія, какова жизнь среди дикихъ, сильно озабочивала географическое общество, въ виду чего, оно, съ одной стороны, обратилось къ французскому и англійскому географическимъ обществамъ съ просьбою ходатайствовать передъ ихъ правительствами о возможномъ, въ случаѣ надобности, содѣйствіи г. Миклухѣ-Маклаю, а съ другой стороны, ходатайствовало передъ своимъ августѣйшимъ предсѣдателемъ о посылкѣ г. Миклухѣ-Маклаю какого-нибудь военного судна. По распоряженію его высочества генералъ-адмирала, былъ командированъ съ этою дѣлюю клиперъ „Изумрудъ“, ко всеобщей радости соотечественниковъ выручившій г. Миклуху-Маклая изъ критическаго положенія, въ которомъ онъ находился, и принявшій его на бортъ 24-го декабря 1872 года. Посѣтивъ во время плаванія на „Изумрудѣ“ острова Филиппинскіе и Хонковъ, Миклуха-Маклая провель нѣсколько мѣсяцовъ на Явѣ, въ Батавіи и Бюйтенборгѣ, гдѣ разработалъ, насколько возможно, нѣкоторыя части собраннаго имъ матеріала, а въ ноябрѣ 1873 года оставилъ Яву, направляясь вторично на Новую Гвинею. На этотъ разъ предметомъ изслѣдованій былъ имъ избѣганъ югозападный берегъ ея, Папуа-Кавіаіа. Пребываніе у береговъ

Новой Гвинее продолжалось не болѣе двухъ мѣсяцевъ, тѣмъ неменѣе, и здѣсь энергическій путешественникъ успѣлъ собрать значительное количество научнаго матерьяла, несмотря на всѣ невзгоды пребыванія среди враждебно настроеннаго племени, извѣстнаго своею дикостью и кровожадностью. Изучая племя папуасовъ, г. Миклуха-Маклай рѣшился дополнить свои наблюденія, собравъ новыя данныя относительно населенія полуострова Малайскаго и съ этою цѣлью совершилъ рядъ новыхъ экспедицій. Первая изъ нихъ начата была имъ въ декабрѣ 1874 года, продолжалась по февраль слѣдующаго года и была направлена въ Иохоръ. Результатомъ ея было знакомство съ племенемъ семангъ, которое носить на себѣ несомнѣнные слѣды смѣшенія съ папуаскимъ племенемъ. Пробогъвъ и пролеживши въ нѣкоторое время въ Иохорѣ, г. Миклуха-Маклай, въ юнѣ 1875 года, предпринялъ большую экспедицію въ Пахангъ, на восточномъ берегу полуострова, и потомъ, прошедши внутри его почти до самаго перешейка, онъ, наконецъ, вышелъ на западный берегъ въ Кеди, употребивъ на путешествіе 113 дней. Положительными результатами экскурсій были антропологическія и этнологическія замѣтки о папуаскомъ населеніи полуострова, собраніе діалектовъ этихъ племенъ, попомъ ближайшее ознакомленіе съ малайцами, ихъ социальнымъ положеніемъ и этнографическими особенностями.

Отдохнувъ около двухъ мѣсяцевъ въ Чербонѣ, на Явѣ, неутомимый путешественникъ предпринялъ новую экспедицію, которую онъ намѣревался завершить свои работы передъ возвращеніемъ въ отечество. Чтобъ дополнить собранный имъ заранѣе матерьялъ, онъ рѣшился посѣтить Новую Гвинею въ третій разъ и передъ этимъ совершилъ подготовительную экскурсію на острова Западной Микронезіи и нѣкоторые другіе, находящіяся въ тѣхъ же долготахъ, но южнѣ экватора между Новою Гвинеей, Новою Ирландіей и Новою Британіей. Мѣстность эта представляла для г. Миклухи-Маклая тотъ особый интересъ, что, находясь на границѣ Меланезіи, Полинезій и Малезіи, она послужила, по мнѣнію Байтца, воротами, черезъ которыя злился на острова Великаго Океана потокъ Малайо-полинезійскаго племени.

Въ юнѣ 1876 года, г. Миклуха-Маклай вторично высадился на берегу залива Астролябинъ, третій разъ на Новой Гвинее. Шхуна „Sea Bird“, оставивъ его, ушла назадъ въ Сингапуръ, и г. Миклуха-Маклай снова остался одинъ среди дикарей. И на этотъ разъ географическое общество, внимательно слѣдившее за дѣятельностью г. Миклухи-Маклая, ходатайствовало передъ русскимъ правительствомъ о посылкѣ военнаго судна за г. Миклухоу-Маклаемъ. Къ сожалѣнію, посылка эта при открытіи военныхъ дѣйствій противъ Турціи уже не могла состояться, и общество, черезъ посредство министерства иностранныхъ дѣлъ и голландскаго посланника, просило объ оказаніи г. Миклухи-Маклаю помощи, въ случаѣ надобности, со стороны правительства голландскаго. Незадолго передъ этимъ, ему были посланы 1.500 руб., заимствованные для этой цѣли изъ запаснаго капитала общества, и 2.000 руб. пожертвованные обществу В. Л. Нарышкинымъ.

Полуторогодовое пребываніе на берегу г. Миклухи-Маклая снова обогатило научный матерьялъ, собранный имъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и значительно пошатнуло его и безъ того слабое здоровье. Послѣ двухмѣсячнаго плаванія отъ береговъ Новой Гвинее до Сингапура, прохворавъ около полугода (съ января по іюль 1878) въ Сингапурѣ, г. Миклуха-Маклай, для поправленія своего здоровья, провель въ Иохоръ, пользуясь гостеприимствомъ магараджи іохорскаго, около шести недѣль; но и эта мѣра не помогла ему: слишкомъ продолжительное пребываніе въ тропическомъ климатѣ вредно дѣйствовало на его организмъ; по совѣту врачей, необходимо было переѣхать климатъ и хотя временно поселиться въ Европѣ, или Японіи или, наконецъ, въ Австраліи. Несмотря на письма, призывавшія его въ Европу, и на просьбы географическаго общества возвратиться въ отечество для разработки собраннаго имъ матерьяла, который безъ того можетъ погибнуть, г. Миклуха-Маклай предпочелъ повѣзду въ Австралію, увлекаемый жаждою все новыхъ и новыхъ изслѣдованій. 18-го іюля 1878 года, онъ прибылъ въ Сидней; здоровье его во время 22-хдневнаго плаванія значительно поправилось: онъ могъ, немедленно по прибытіи въ Австралію, приняться за научныя работы и, занимаясь, съ одной стороны, чисто анатомическими изслѣдованіями, дѣлать наблюденія надъ жизнью туземцевъ, которые, по замѣчанію его, принадлежатъ къ числу племенъ, чрезвычайно быстро вымирающихъ.

На этомъ оканчиваются свѣдѣнія, которыя географическое общество имѣло отъ г. Миклухи-Маклая до прїѣзда его въ Петербургъ.

Пребываніе г. Миклухи-Маклая въ тропическихъ странахъ далеко не осталось безплоднымъ для науки, хотя, къ сожалѣнію, большое количество матерьяла, имъ собраннаго, въ высшей степени интереснаго и важнаго, остается до сихъ поръ неразработаннымъ, а потому и неизвѣстнымъ; тѣмъ не менѣе, въ „Извѣстіяхъ географическаго общества“ было, втеченіи 1871—1878 годовъ, помѣщено значительное число его писемъ, мелкихъ статей и предварительныхъ отчетовъ, а литература иностранная обогатилась нѣсколькими статьями, напечатанными на нѣмецкомъ языкѣ частью въ Батавіи, частью въ западно-европейскихъ специальныхъ журналахъ. Тѣмъ болѣе желательнымъ представлялось совѣту русскаго географическаго общества возвращеніе г. Миклухи-Маклая къ Европу, что этимъ обезпечивалось приведеніе въ извѣстность собранныхъ имъ матерьяловъ и коллекцій и обогащеніе отечественной литературы сочиненіемъ первостепенной научной важности не только для Россіи, но и для всего ученаго міра.

Руководясь такими соображеніями и проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ научнымъ трудамъ г. Миклухи-Маклая, совѣтъ русскаго географическаго общества хотя и не могъ, ни въ силу устава и традицій общества, ни по ограниченности своихъ средствъ, принимать на себя полностью денежное содержаніе экспедиціи, тѣмъ не менѣе, не пропуская случая, чтобъ оказать помощь путешественнику, частью ассигнуя на это собственныя средства, частью привлекая къ тому постороннія силы. Географическое общество съ признательностью вспоминаетъ при этомъ имена гг. Нарышкина, Демидова князя Сан-Донато, г-жи Раевской и др. Такимъ образомъ, г. Миклухъ-Маклаю было переслано обществомъ втеченіи его путешествія до 7.000 рублей, не считая безплатныхъ провозовъ на корветѣ „Витязь“, отвезшемъ его на Новую Гвинею, на клиперѣ „Изумрудъ“, выручившемъ его оттуда, сверхъ того, болѣе 7.000 р., полученныхъ отъ частныхъ лицъ, было собрано и отправлено въ распоряженіе г. Миклухи-Маклая помощникомъ предсѣдателя общества. Тѣмъ не менѣе, упомянутыя суммы далеко не могли быть достаточны для покрытія расходовъ и г. Миклуха-Маклай долженъ былъ сдѣлать довольно значительный долгъ у банкировъ въ Сингапурѣ и Сидней. Географическое общество и въ этомъ случаѣ стремилось помочь русскому ученому. Въ средѣ общества уже давно между ревнителями дѣла была открыта подписка въ пользу г. Миклухи-Маклая и въ 1879 году ему была послана въ Сидней довольно значительная сумма.

Нынѣшній прїѣздъ въ Петербургъ русскаго путешественника вызванъ желаніемъ его издать свои наблюденія и изслѣдованія. Съ этой цѣлью г. Миклуха-Маклай въ трехъ своихъ чтеніяхъ, устроенныхъ въ географическомъ Обществѣ, ознакомилъ съ ходомъ и результатами своихъ 12-ти-лѣтнихъ странствованій. Лекторъ подчасъ съ трудомъ справлялся съ русской рѣчью, изложеніе его также нельзя считать блестящимъ, но это, по его собственному признанію, объясняется его „малой привычкой говорить въ многочисленномъ собраніи бѣлыхъ“. Г. Миклухъ-Маклаю „приходилось часто говорить съ черными“, но это, конечно, совсемъ другое дѣло! Тѣмъ не менѣе, повѣствованіе о его сближеніи съ черными, составившій главный предметъ чтеній въ географическомъ Обществѣ, настолько оказались занимательными, что и „бѣлые“ не безъ любопытства слушали г. Миклуху-Маклая. Да и нельзя было не слушать. Вотъ что, напр., рассказывалъ г. Миклуха-Маклай на первомъ изъ своихъ чтеній.

„Ознакомясь ближе съ языкомъ, говорить путешественникъ,—я сталъ замѣчать, что между туземцами существуетъ какое-то особенное мнѣніе касательно моей личности. Мнѣ удалось, наконецъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, узнать, что среди туземцевъ возникла мысль о моемъ сверхъестественномъ происхожденіи. Эта мысль возникла, выросла и окрепла среди туземцевъ не только безъ всякаго съ моей стороны участія или содѣйствія, но даже безъ моего вѣдома, такъ какъ самъ я узналъ о существованіи ея только впоследствии, ближе ознакомившись съ мѣстнымъ языкомъ.

„Я сталъ замѣчать, что въ разговорахъ между собою они часто употребляли весьма странную комбинацію словъ: каарамъ-тамо; „каарамъ“—означаетъ луна, „тамо“—человѣкъ. Сначала я не могъ понять значеніе этого выраженія: „каарамъ-тамо“—человѣкъ съ луны, и только познакомившись

наконецъ, съ языкомъ папуасовъ настолько, чтобъ спросить у нихъ „что это такое“, гдѣ находится этотъ „каарамъ-тамо“, я, къ моему крайнему удивленію, узналъ, что такъ они называютъ меня. Но, вѣстали, весьма ограниченное знаніе языка не позволяло мнѣ сдѣлать дальнѣйшихъ вопросовъ, чтобъ тотчасъ же разъяснить, какимъ образомъ они пришли къ такому странному заключенію относительно моего происхожденія. Наконецъ, уже на четвертомъ звѣздѣ моего знакомства съ ними, когда я успѣлъ ознакомиться съ языкомъ достаточно хорошо, при новыхъ распросахъ о происхожденіи этого выраженія, я узналъ слѣдующее. Спросивъ однажды одного изъ туземцевъ: „кто тебѣ сказалъ, что я каарамъ-тамо“, т. е. человекъ съ луны, я получилъ отвѣтъ:— „Да всѣ говорятъ это“.— „Кто же эти всѣ?“— „Да ты спроси ихъ (при этомъ онъ указалъ на подлѣ стоявшихъ): вотъ тотъ, тотъ и тотъ, всѣ тебя такъ называютъ“. Добившись, наконецъ, кто первый назвалъ меня такимъ образомъ (мнѣ сказали, что это былъ Бугай, изъ деревни Горенду), я тотчасъ же отправился въ эту деревню, отыскалъ Бугая и спросилъ его: „Почему ты думаешь, что я пришелъ съ луны?“— „Потому что у тебя огонь съ луны“. Опять явился затрудненіе, что они называютъ „огнемъ съ луны“. Я сталъ объяснять имъ, что огонь, который горитъ въ моей хижинѣ или зажигается въ ней, совершенно такой же, какъ и тотъ, который горитъ въ Горенду, Гумбу и другихъ деревняхъ. „Все это такъ, отвѣчалъ Бугай, но у тебя въ твоей хижинѣ есть еще другой огонь, который съ луны“. Снова пришлось спрашивать и, наконецъ, я узналъ, что этотъ дикарь Бугай, будучи разъ съ товарищемъ на рыбной ловлѣ, увидѣлъ около моей хижины яркій, блгій свѣтъ и такъ испугался, что сейчасъ же бросился въ деревню и сталъ звать всѣхъ посмотреть на „огонь съ луны“, какъ онъ назвалъ этотъ необыкновенный огонь. Съ этого времени, сначала въ ближайшихъ деревняхъ, а потомъ и въ болѣе отдаленныхъ стали звать меня „человѣкомъ съ луны“. Долго я не могъ сообразить, какой особенный огонь они могли видѣть у меня. Припомнивъ хорошенько всѣ обстоятельства моей жизни въ Гарагаси, я остановился, какъ на болѣе вѣроятномъ, на слѣдующемъ случаѣ. Однажды, въ бурную ночь, когда мнѣ надо было отыскать что-то подъ хижиню (хижина въ Гарагаси стояла на сваяхъ), я вздумалъ зачехъ одинъ изъ фалшфейеровъ, оставленныхъ мнѣ командиромъ корвета „Витязъ“. Это-то случайное обстоятельство окончательно утвердило въ мозгу туземцевъ убѣжденіе въ моемъ сверхъестественномъ происхожденіи, первоначальное зерно котораго брошено было, вѣроятно, моимъ неожиданнымъ появленіемъ среди нихъ. Туземцы, разъ вошедши въ эту колею мышления, стали объяснять положительно всякую относящуюся ко мнѣ мелочь какимъ нибудь особеннымъ сверхъестественнымъ образомъ. Они были убѣждены, напримѣръ, что я могу зачехъ воду, могу летать и т. д. Всѣ эти атрибуты, которыми они облакали „каарамъ-тамо“, „человѣка съ луны“, росли и распространялись весьма быстро, вслѣдствіе того, что мои сосѣди имѣли, сверхъ того, и выгоду какъ можно больше рассказывать обо мнѣ, какъ существѣ необыкновенномъ.

Чѣмъ больше распространялась моя извѣстность, какъ „каарамъ-тамо“ (человѣка съ луны), тѣмъ удобнѣе стало для меня являться въ окрестныя деревни, и мои изслѣдованія и наблюденія пошли гораздо успешнѣе. Вообще, чѣмъ менѣе я мѣнялъ свое поведеніе, чѣмъ болѣе я оставался самимъ собой, т. е. „европейцемъ“, „ученымъ“, „изслѣдователемъ“, чѣмъ болѣе отличался отъ туземцевъ, тѣмъ болѣе укрѣплялась въ нихъ идея о моемъ несемномъ происхожденіи, для поддержанія которой мнѣ не приходилось играть никакой роли или принимать какія нибудь мѣры. Въ отношеніяхъ моихъ съ туземцами я строго наблюдалъ за собою, чтобъ всегда, даже малѣйшее, по данное мною обѣщаніе было исполнено, такъ что у папуасовъ являлось убѣжденіе, выражаемое ими въ трехъ словахъ и ставшее между ними родомъ поговорки: баланъ Маклай худи, что въ переводѣ значитъ: „слово Маклая одно“. Но, чтобъ дойти до такого мѣнвія, я дѣйствительно долженъ былъ быть весьма заботливъ: никогда ничего не обѣщать, чего не могу сдѣлать. Это исключительное положеніе много помогало въ моихъ частыхъ сношеніяхъ съ туземцами и давало мнѣ возможность оказывать на нихъ хорошее вліяніе при часто возникавшихъ между ними междоусобіяхъ и войнахъ. По мѣрѣ знакомства съ туземцами, съ образомъ ихъ жизни и нравами, въ сентябрѣ 1882 года, т. е. въ конецъ моего пребыванія въ Гарагаси, мнѣ стала рисоваться программа дальнѣйшихъ изслѣдованій на островахъ Ти-

хаго Океана. Изучивъ туземцевъ Берега Маклая въ антропологическомъ и этнологическомъ отношеніяхъ, я наметилъ себѣ задачу изслѣдованія всей папуаской или полинезийской расы. Между интересными и малоизвѣстными животными Новой Гвинеи, наиболѣе интереснымъ представлялся мнѣ туземецъ Новой Гвинеи, homo-rarua.

„Такимъ образомъ, мнѣ представлялось необходимымъ, во-первыхъ, познакомиться съ папуасами другихъ частей Новой Гвинеи, для сравненія ихъ съ изученными мною жителями Берега Маклая; во-вторыхъ, сравнить папуасовъ Новой Гвинеи съ обитателями другихъ острововъ Меланезіи, и въ третьихъ, выяснить отношеніе папуасовъ къ „негритосамъ“ Филиппинскихъ Острововъ, доказать присутствіе или отсутствіе курчавоволосой расы на Малайскомъ Полуостровѣ, и въ случаѣ ея присутствія, сравнить ея представителей съ остальными меланезійцами. Программу эту мнѣ удалось выполнить, но на выполнение потребовалось десять лѣтъ путешествія.

„Вернувшись изъ Новой Гвинеи и прибывъ на клиперъ „Изумрудъ“, въ маѣ 1873 года, на островъ Яву, я воспользовался тамъ гостеприимствомъ генералъ-губернатора Нидерландскихъ Индій и занялся приведеніемъ въ порядокъ моихъ наблюденій на Берегу Маклая въ 1871—72 годахъ, результатомъ чего былъ рядъ статей въ батавійскомъ журналѣ естественныхъ наукъ („Natuurkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indie“). Случилось это такимъ образомъ: страдая въ то время лихорадкою-денга (якобелъ курсъ голандцевъ или денью-фиверъ англичанъ) съ опухолью суставовъ пальцевъ, я не въ состояннн былъ писать и долженъ былъ диктовать переписчику, и вотъ причина, почему статьи эти напечатаны въ иностранномъ журналѣ, на чужомъ языкѣ; будь я самъ здоровъ, или имѣи подъ руками переписчика, умѣющаго писать порусски, я, безъ сомнѣнія, прислалъ бы статьи въ русское географическое общество.

„Такимъ образомъ напечатаны были:

- 1) „Anthropologische Bemerkungen über die Papuas des Maclay-Küste in Neu-Guinea“.
- 2) „Über Brachycephalie bei den Papuas von Neu-Guinea“.
- 3) „Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea. I und II“.
- 4) „Notice météorologique concernant la Cote-Maclay en Nouvelle-Guinée“.

„Наконецъ, я послалъ профессору Брока въ Парижъ маленькую статейку, подъ заглавіемъ: „Vestiges de l'art chez les Papous de la Cote-Maclay en Nouvelle-Guinée“, которая составляла начало цѣлаго ряда статей, посвященныхъ вопросу объ искусствѣ папуасовъ; но отъ профессора Брока я не получилъ отвѣта, вѣроятно, по случаю его смерти, и только теперь случайно узналъ, что означенная статейка моя напечатана въ „Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris, tome I-er, 3-me serie, année 1878“; послѣдующія же статьи о томъ же предметѣ остались ненапечатанными и находятся въ моихъ бумагахъ“.

Вышеозначенныя брошюры заключаютъ въ себѣ предварительныя сообщенія о результатѣ изслѣдованій въ Новой Гвинее въ 1871—1872 гг. Для передачи содержания каждой изъ этихъ брошюръ, потребовалось бы цѣлое отдѣльное чтеніе, а потому приниматься за подробное изложеніе результатовъ, перечисленныхъ въ нихъ, г. Миклуха-Маклай счелъ положительно неумѣстнымъ; тѣмъ болѣе, что еслибъ онъ, по его словамъ, вздумалъ изложить результаты своихъ 11-тилѣтнихъ путешествій, болѣе или менѣе въ подробномъ видѣ, ему понадобилось бы употребить на это, по одной лекціи въ недѣлю, цѣлую зиму.

Отправляясь, въ декабрѣ 1872 года, на „Изумрудъ“ съ Берега Маклая, онъ общался туземцамъ, которые сильно горевали о его отъѣздѣ, вернуться къ нимъ. Въ январѣ 1876 года ему удалось исполнить это обѣщаніе: онъ отправился вторично на Новую Гвинею. Это путешествіе, совершенное на маленькой англійской шхунѣ „Sea-Bird“, было сопряжено съ большими неудобствами и богато приключеніями.

Изъ Явы Миклуха-Маклай отправился на островъ Celebes и, пройдя около острововъ Геби и группы Цеганъ, отправился на островъ Ялѣ, а оттуда на группу Пелау или Пелью; побывавъ тамъ, и пройдя гр. Улей и острова Матвѣя, посетилъ острова Адмиралтейства, острова Лубъ, Нинго и, наконецъ, прибылъ къ себѣ въ Новую Гвинею. Краткое сообщеніе объ этой экспедиціи находится въ

„Извѣстiяхъ географическаго общества“, а также напечатано въ Peterman's Geogr. Mittheilungen 1879. Reise in West-Mikronesien, Nord-Melanesien und ein dritter Aufenthalt in Neu-Guinea, von Febr. 1876. Jan. 1878. Онъ вернулся снова на Берегъ Маклай за тѣмъ, чтобы, зная хорошо языкъ туземцевъ и пользуясь ихъ полнымъ довѣрiемъ, дополнить свои наблюденiя и окончательно выяснитъ нѣкоторые, неполнѣ разрѣшенные имъ при первомъ посѣщенiи, вопросы. Его ожиданiя вполне оправдались. Полное знанiе языка туземцовъ, а, главнымъ образомъ, ихъ довѣрiе къ нему весьма облегчили его изслѣдованiя.

Само собою разумѣется, что онъ оставилъ свое возвращенiе въ Новую Гвинею совершенно инымъ образомъ, чѣмъ въ 1871 году. вмѣсто хижины, въ которой его помѣщенiе было не болѣе семи квадратныхъ футовъ, онъ привезъ съ собою изъ Сингапура удобный домъ и поставилъ его въ другомъ мѣстѣ берега, чѣмъ въ 1871 году. На этотъ разъ его резиденцiя находилась въ $\frac{1}{2}$ мили отъ порта Константина, на мыскѣ, называемомъ туземцами Богардомъ (или Бугардомъ).

Ему удалось еще посѣтить значительныя пространства берега Новой Гвинеи—милъ 180, отъ мыса Кроазиль до мыса Телаты. Онъ съ двумя слугами и нѣсколькими изъ жителей деревни Бонгу отправился въ двухъ пирогахъ вдоль берега, останавливаясь почти во всѣхъ деревняхъ и вездѣ встрѣчалъ радушный приемъ, благодаря его спутникамъ-палуасамъ, которые, будучи его старыми знакомыми, хорошо знали его и знали туземныя языки, такъ что онъ могъ очень удобно познакомиться съ образомъ жизни и нравами береговыхъ палуасовъ, которые въ этнологическомъ отношенiи очень отличаются между собою: каждая деревня имѣетъ свои характерныя особенности.

„Мое влiянiе на туземцевъ—увѣряетъ г. Миклуха-Маклай, оказалось такъ сильно, что мнѣ удалось совершенно прекратить, во все время моего пребыванiя, постыльныя междоусобныя войны. Этотъ результатъ былъ для меня въ высшей степени приятенъ. Эти войны имѣютъ болѣе характеръ убiйствъ, чѣмъ войны или боя въ открытомъ полѣ. Каждое убiйство ведетъ къ новымъ репрессалиямъ, и такимъ образомъ, вся война состоитъ изъ ряда вендеттъ. Войны страшно вредили всему населенiю, такъ что туземцы боялись отходить на нѣсколько часовъ отъ своихъ селенiй. Вслѣдствiе моего положенiя и авторитета, какъ „человѣка съ луны“, я имѣлъ возможность положительно запретить войны и вскорѣ увидѣлъ хорошей результатъ этого запрещенiя“.

Благодаря большому къ нему довѣрiю туземцевъ, г. Миклуха-Маклай былъ поставленъ во время второго у нихъ пребыванiя въ возможность познакомиться съ весьма интересными обычаями, брачными, погребальными и другими.

Изъ сказаннаго можно видѣть, какимъ образомъ г. Миклуха-Маклай успѣлъ сойтись съ туземцами и заслужить ихъ довѣрiе и уваженiе. Безъ сомнѣнiя, такое довѣрiе и уваженiе облегчало задачу ученаго изслѣдователя. Нашъ путешественникъ заявляетъ, что онъ успѣлъ „достигнуть весьма интересныхъ и важныхъ для науки результатовъ“. Гдѣ же эти результаты и увидимъ ли мы ихъ когда нибудь—вотъ вопросъ, который остается нерѣшеннымъ и послѣ прiѣзда въ Петербургъ знаменитаго путешественника.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу „Воспоминанiй“ г. Юркевича.

Въ октябрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ помѣшены „Воспоминанiя петербургскаго старожила“. Для современниковъ подобныя воспоминанiя всегда любопытны; они переносятъ насъ въ прошедшее, которому часто „вѣрится съ трудомъ, хоть оно и очень свѣжо“. Но у старыхъ людей также часто бываетъ, какъ говорится, короткая память. Строго-исторической точности отъ ихъ разсказовъ не требуется, но для того, чтобы они имѣли значенiе, необходимо, по крайней мѣрѣ, чтобы въ нихъ не было явной несправды и несообразностей. Къ сожалѣнiю, именно этого условiя и не видно въ послѣднемъ разсказѣ г. Юркевича—„Благовѣщенскiй мостъ и Рафаилъ Зотовъ“. Разсказъ состоитъ всего изъ четырехъ страничекъ, но въ нихъ,—что ни строка, то ошибка. Авторъ не далъ себѣ труда даже справиться, насколько вѣрны факты и данныя, передаваемые имъ, очевидно, по-наслышкѣ. Г. Юркевичъ начинаетъ свой разсказъ съ описанiя значительнаго влiянiя, какимъ пользовался статскiй совѣтникъ

Зотовъ въ театрѣ, въ сороковыхъ годахъ. Но коллежскій совѣтникъ Зотовъ вышелъ въ отставку въ 1836 году и огромнаго вліянія на директора Геденова не могъ имѣть уже и потому, что съ самаго вступленія въ должность этого содержателя итальянской труппы въ Москвѣ былъ съ нимъ не въ ладахъ. Это ясно видно изъ „Записокъ“ Зотова, напечатанныхъ въ „Иллюстрированномъ Вѣстникѣ“ 1874 г., въ которыхъ не говорится только о вызовѣ имъ на дуэль своего начальника, потому что цензура не позволила даже упомянуть объ этомъ эпизодѣ. Вызовъ этотъ былъ, конечно, необдуманннй со стороны отца шестерыхъ дѣтей; сама по себѣ дуэль не доказала бы правоты Зотова, но выставить поступокъ его съ смѣшной стороны, какъ это дѣлаетъ „старожилъ“, находить въ этомъ „нѣкій курьезъ, комическій элементъ“, называть Зотова „несчастливымъ старикомъ“ (ему въ то время было сорокъ лѣтъ), „неистовымъ Роландомъ“, — все это не дѣлаетъ чести ни сердцу, ни понятіямъ г. Юркевича. Вполнѣ вѣрннй, что ему смѣшно и подумать, какъ можно было послать картель своему начальнику, но вѣдь не всякій же подчиненный благоговѣнно вѣрннй въ начальнической афоризмъ: „хочу съ кашей ѣмъ, хочу съ масломъ пахтаю“, и кто помнитъ, какъ строго смотрѣли на чинопочтаніе и субординацію при Николаѣ I, тотъ уже никакъ не повѣритъ, чтобы надъ этимъ вызовомъ стали смѣяться. Не до смѣху было, когда за нарушение дисциплины хотѣли посадить въ крѣпость и отставили отъ службы, „съ тѣмъ чтобы впредъ нигде не опредѣлять“. Г. Юркевичъ прибавляетъ: „и безъ пенсіона“, но и тутъ не въ попадь, потому что нельзя же было считать за ничто двадцатипяти-лѣтнюю службу человека, начавшаго ее прапорщикомъ петербургскаго ополченія въ 1812 году и получившаго десять ранъ. Зотовъ получилъ 1.200 рублей ассигнаціями. Съ этою пенсіею и съ деньгами, получаемыми отъ Смирдина за свои романы, и отъ своихъ литературныхъ работъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ и другихъ журналахъ, „злополучный авторъ Монаха“ находился вовсе не въ такомъ печальномъ положеніи, какъ описываетъ г. Юркевичъ, и если искалъ мѣста, то потому, что чувствовалъ себя способнымъ къ службѣ государству, особенно, видя какіе люди и какими путями попадаютъ на важныя мѣста. Неспособенъ онъ былъ только наживаться на службѣ да прислуживаться начальству, и эти качества, конечно, дѣлали изъ него плохого чиновника. Но онъ не хотѣлъ понять этого и все рвался служить, думая, что можетъ принести пользу родннѣ своими знаніями, честностью, усердіемъ. Пятнадцать лѣтъ онъ провелъ въ напрасныхъ поискахъ—нието не рѣшался принять къ себѣ человека, не пресмыкавшагоса передъ начальствомъ; всякій зналъ, что его не велѣно было нигде опредѣлять, и хотя приговоръ этотъ былъ откровенъ, вслѣдствіе обращенія Зотова къ самому государю, но всё болѣе давалъ ему мѣсто, не зная, какъ взглянуть на это въ высшихъ сферахъ. Былъ въ то время только одинъ человекъ, не стѣснявшійся принимать къ себѣ на службу кого угодно,—увольненіемъ никто не стѣснялся,—и онъ пригласилъ къ себѣ на службу Зотова членомъ общаго присутствія департамента ревизій отчетовъ, прочитавъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ стихи его на открытіе Благовѣщенскаго моста. Объ этомъ Зотовъ говоритъ двумя словами въ своихъ „Запискахъ“, прибавивъ только, что онъ „едва ли хорошо сдѣлалъ, принявъ предложенное мѣсто, такъ какъ самый кругъ сослуживцевъ не соответствовалъ моимъ правиламъ и обычаямъ“. Клейнмихель самъ увидѣлъ это и занялъ Зотова иностранной перепискою въ своей канцеляріи. Г. Юркевичъ сочиняетъ цѣлую сцену по поводу этого опредѣленія, приводитъ бесѣду „путейскаго интера“ съ Зотовымъ, который минутно говоритъ: „почту за великое счастье... не знаю, какъ выразить... словъ не нахожу!“ Поневоля хочется спросить г. Юркевича: гдѣ же вы были въ это время, если могли подробно записать весь разговоръ? И когда вы могли слышать, чтобы Зотовъ выражался такимъ образомъ? Къ чему помѣщаются въ воспоминаніяхъ, которыя должны передавать одни факты, подобныя бесѣды, принадлежащія къ области риторическихъ упражненій и безцѣльной болтовни? Чтобы рисовать характеристику человека, надо изучить его жизнь и поступки, а не сочинять съ плеча небывалыя бесѣды, основанныя на сплетняхъ и на вымыслахъ старческой фантазіи.

Печатаая неправду о Зотовѣ съ первой строки, г. Юркевичъ оканчиваетъ и послѣднюю строку неправдой: Зотовъ умеръ не пять лѣтъ тому назадъ, а одиннадцать.

— Мадамъ де-Туржи желаетъ устроить tête-à-tête! замѣтилъ онъ съ ядовитой улыбкой.

Графиня протянула руку по направленію просьби, гдѣ слышались звуки охотничьихъ роговъ и сдѣлала выразительный жестъ кончиками пальцевъ.

Комминжъ не выказывалъ ни малѣйшаго желанія уступить поле битвы своему противнику.

— Я вижу, что должна говорить съ вами болѣе яснымъ языкомъ. Оставьте насъ, мосье де-Комминжъ. Ваше общество неприятно мнѣ. Поняли-ли вы меня теперь?

— Вполнѣ, милостивая государыня. Вы достаточно ясно выразили свое желаніе! отвѣтилъ онъ, не помня себя отъ ярости, и добавилъ почти шепотомъ: — что же касается этого побѣдителя дамскихъ сердецъ, то онъ не долго будетъ потѣшать васъ! Прощайте, мосье де-Мержи, до скораго свиданія.

Онъ произнесъ послѣднія слова съ особеннымъ удареніемъ и, прищипривъ свою лошадь, ускакалъ въ галопъ.

Графиня осадилъ своего коня, который хотѣлъ послѣдовать примѣру товарища, и заставила его идти шагомъ. Она молчала и только время отъ времени бросала взглядъ на своего спутника, какъ будто хотѣла заговорить съ нимъ; затѣмъ опять смотрѣла въ сторону, не находя приличной фразы, чтобы начать разговоръ.

Мержи послѣшилъ вывести ее изъ затрудненія.

— Я горжусь, графиня, сказалъ онъ, — предпочтеніемъ, которымъ вы удостоили меня.

— Мосье Бернаръ... учились ли вы фехтованію?

— Да, графиня, отвѣтилъ онъ съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, я желала бы узнать... хорошо ли вы владѣте оружіемъ?

— Порядочно для дворянина, но, разумѣется, не настолько, чтобы взять на себя должность фехтовальнаго учителя.

— Развѣ вы не знаете, что у насъ дворяне искуснѣ вслкихъ фехтмейстеровъ?

— Мнѣ говорили, что многіе изъ нихъ проводятъ цѣлыя дни въ фехтовальныхъ залахъ и тратятъ время, которое они могли бы употребить болѣе приятнымъ образомъ.

— Я желала бы знать, чтѣ вы называете болѣе приятнымъ пропровожденіемъ времени?

— Вы вѣрно согласитесь со мной, графиня, — отвѣтилъ улыбаясь Мержи, — что лучше бесѣдовать съ дамами, нежели доводить себя до изнеможенія въ фехтовальной залѣ.

— Вамъ часто случалось драться на дуэляхъ?

— До сихъ поръ Господь хранилъ меня отъ этого. Но зачѣмъ всѣ эти вопросы?

— Позвольте сдѣлать вамъ небольшое наставленіе. Женщинъ ни-
«истор. вѣсти.», годъ III, томъ X.

когда не слѣдуетъ спрашивать: зачѣмъ онѣ дѣлаютъ то или другое? Это не принято въ благовоспитанномъ обществѣ.

— Послѣдую вашему совѣту, возразилъ Мержи съ едва замѣтной улыбкой, наклоняясь къ шеѣ своей лошади.

— Въ такомъ случаѣ... что вы будете дѣлать завтра?

— Завтра?

— Да, завтра! Не прикидывайтесь, будто вы удивлены.

— Графиня!..

— Отвѣчайте прямо на мой вопросъ! Мнѣ все извѣстно! сказала она, протанувъ къ нему руку съ величественнымъ жестомъ. Кончики ея пальцевъ прикоснулись рукава Мержи и заставили его вздрогнуть.

— Буду драться насколько хватить умѣнья, сказалъ онъ.

— Мнѣ нравится вашъ отвѣтъ: въ немъ нѣтъ ни тѣни трусости или хвастовства. Но извѣстно ли вамъ, что ваша первая дуэль будетъ съ человѣкомъ, котораго всѣ боятся!

— Что дѣлать! вѣроятно, завтра я буду чувствовать себя также неловко, какъ и теперь! добавилъ онъ улыбаясь.— До сихъ поръ мнѣ приходилось встрѣчаться только съ простодушными провинціалами, и при первомъ моемъ дебютѣ въ высшемъ столичномъ обществѣ я совершенно неожиданно очутился en tête-à-tête съ первой красавицей французскаго двора.

— Поговоримъ серьезно. Комминжъ владѣетъ шпагой лучше всѣхъ здѣшнихъ придворныхъ, хотя между ними нѣтъ недостатка въ искусныхъ дуэлистахъ. Затѣмъ, онъ считается первымъ изъ здѣшнихъ raffinés...

— Я слышалъ это!

— Неужели васъ не беспокоитъ встрѣча съ нимъ?

— Я уже говорилъ вамъ, графиня, что сдѣлавъ все отъ меня зависящее. Никогда не слѣдуетъ приходиться въ отчаяніе съ хорошей шпагой въ рукахъ и въ особенности съ Божьей помощью!..

— Съ Божьей помощью!.. прервала она его презрительнымъ тономъ;—вѣдь вы гугенотъ?

— Да, я протестантъ!

— Значитъ, вы подвергаетесь большей опасности, нежели всякій другой.

— Это почему?

— Потому что вы рискуете не только потерять жизнь, но и погубить душу.

— Вы смотрите на эти вещи, графиня, съ точки зрѣнія вашей религіи; насъ, протестантовъ, вовсе не занимаютъ подобныя мысли.

— Вы будете въ прямомъ проигрышѣ, такъ какъ обрекаете себя на вѣчныя мученія изъ-за какой нибудь случайности! Оставаясь протестантомъ, вы лишаете себя послѣднихъ шансовъ спасенія.

— Въ томъ или другомъ случаѣ я пришелъ бы къ одному и

тѣмъ же результатамъ! Если бы я завтра умеръ католикомъ, то, выйдя на дуэль, я все-таки умеръ бы въ смертномъ грѣхѣ.

— Противъ этого можно привести цѣлый рядъ возраженій! воскликнула графиня, задѣтая тѣмъ, что Мержи привелъ одинъ изъ самыхъ обычныхъ аргументовъ ея собратій по религiи;—наши ученые могли бы объяснить вамъ...

— Я увѣренъ въ этомъ, потому что ваши ученые богословы позволяютъ себѣ извращать слова Евангелiя, по волѣ своей фантазiи. Такъ, наприимѣръ...

— Оставимъ это! Гугенотъ не поговорить и двухъ минутъ безъ того, чтобы не упомянуть о священномъ писанiи при первомъ удобномъ случаѣ.

— Это объясняется тѣмъ, что мы дѣйствительно знакомы съ нимъ, благодаря чтенiю священныхъ книгъ, тогда какъ ваше духовенство почти не заглядываетъ въ нихъ. Но перемѣнимъ сюжетъ разговора. Какъ вы думаете: пойманъ ли теперь олень?

— Вы очень привязаны къ вашей религiи?

— Вы сами начинаете прежнiй разговоръ!

— Вы считаете ее хорошей?

— Я не только считаю ее хорошей, но лучшей изъ всѣхъ существующихъ религiй. Если бы я думалъ иначе, то не оставался бы протестантомъ.

— Вашъ братъ перемѣнилъ религiю.

— У него были свои причины, чтобы сдѣлаться католикомъ, а у меня нѣтъ для этого никакого повода.

— Вы, гугеноты, отличаетесь замѣчательнымъ упрямствомъ и глухи къ голосу разсудка! воскликнула она съ гнѣвомъ.

— Завтра будетъ дождь! сказалъ Мержи, взглянувъ на небо.

— Мосье Бернаръ, давнишняя дружба съ вашимъ братомъ и ожидающая васъ опасность побуждаютъ меня относиться къ вамъ съ особеннымъ участiемъ.

Онъ почтительно поклонился.

— Вы, еретики, не придаете никакого значенiя мощамъ!

Мержи улыбнулся.

— Вы считаете для себя оскверненiемъ прикоснуться къ нимъ? продолжала она.—Вамъ кажется страннымъ, что приверженцы римско-католической церкви носятъ ихъ на себѣ.

— Мы находимъ этотъ обычай совершенно безцѣльнымъ.

— Миѣ извѣстенъ слѣдующiй случай: одинъ изъ моихъ кузеновъ привязалъ ладонку къ шеѣ своей охотничьей собаки и выстрѣлилъ въ нее крупной дробью на разстоянiи двѣнадцати шаговъ.

— И, разумѣется, убилъ собаку.

— Нѣтъ, ни одна дробишка не попали до нея!

— Какъ это хорошо! Я желалъ бы имѣть подобный талисманъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? И вы будете носить его?

— Разумѣется! Тѣмъ болѣе, что ладонка спасла собаку отъ смерти... Впрочемъ, позвольте!.. Можетъ быть, по вашему мнѣнію еретикъ хуже собаки, особенно, если она принадлежитъ католику?

Графиня де-Туржи, не обращая вниманія на его слова, поспѣшно растегнула воротъ своего узкаго корсажа и вытнула плоскую золотую коробочку, привязанную къ черной лентѣ.

— Вотъ! надѣньте это себѣ на шею! Современемъ вы возвратите мнѣ мой подарокъ.

— Разумѣется, если только останусь въ живыхъ.

— Только дайте мнѣ слово, что вы будете беречь эту вещь и не позволите себѣ никакого святотатства!

— Я получилъ ее отъ васъ, графиня, такъ что относительно этого вы можете быть совершенно спокойны!

Онъ взялъ коробочку съ мощами и надѣлъ ее себѣ на шею.

— Католикъ облобызалъ бы руку, давшую ему этотъ святой талисманъ!

Мержи взялъ руку графини и хотѣлъ поднести ее къ своимъ губамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! слишкомъ поздно.

— Не будьте такъ жестоки, графиня! Быть можетъ, мнѣ никогда болѣе не суждено испытывать этого счастья!

— Снимите мнѣ перчатку, сказала она, протянувъ ему руку.

Мержи исполнивъ ея привязаніе, почувствовалъ легкое пожатіе, и тотчасъ же горячо поцѣловалъ эту прекрасную бѣлую руку.

— Мосье Бернаръ, сказала графиня взволнованнымъ голосомъ,— неужели вы будете упорствовать до конца и нѣтъ никакой надежды тронуть васъ? Перемѣните ли вы религію ради меня?..

— Не знаю! отвѣтилъ онъ со смѣхомъ;— вы должны во всякомъ случаѣ долго и усиленно просить меня объ этомъ. Одно несомнѣнно, что кромѣ васъ никто не обратитъ меня въ католичество.

— Скажите мнѣ откровенно... если бы вы встрѣтили женщину... которая съумѣла бы...

Она остановилась въ смущеніи.

— Которая съумѣла бы? повторилъ Мержи.

— Да, я хотѣла сказать... если бы любовь, напримѣръ... Только прошу васъ, говорите со мной откровенно и серьезно...

— Серьезно? спросилъ онъ, стараясь опять взять ее за руку.

— Такъ, напримѣръ, если бы вы полюбили женщину другой религіи, нежели вы... то неужели эта любовь не могла побудить васъ переимѣнить вѣру?.. Кто знаетъ... пути Божьи неисповѣдимы!..

— Вы хотите, чтобы я отвѣчалъ серьезно и откровенно на вашъ вопросъ?

— Я требую этого.

Мержи опустилъ голову, придумывая уклончивый отвѣтъ. М-ше де-Туржи слишкомъ явно выказывала ему свое расположеніе, и онъ

не хотѣлъ лишиться ея милости. Но съ другой стороны онъ былъ всего нѣсколько часовъ при французскомъ дворѣ и его щепетильная совѣсть провинціала не допускала жи въ такомъ серьезномъ вопросѣ.

— Я слышу крикъ! Олень пойманъ! воскликнула неожиданно графиня и, не дождавшись отвѣта, усккала въ галопъ. Мержи послѣдовалъ за нею; но теперь она ни разу не взглянула на него и не удостоила ни однимъ словомъ.

Они нагнали охотниковъ черезъ нѣсколько секундъ.

Олень бросился сначала въ средину пруда и упорно держался своей выгодной позиціи. Но тутъ нѣкоторые изъ всадниковъ, сойдя на землю и вооружившись длинными шестами, принудили бѣдное животное вернуться къ берегу. Эта борьба окончательно истощила его силы. Въ то время, какъ собаки, казалось, удвоили свое рвеніе, олень, задыхаясь и съ высунутымъ языкомъ, сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ, и затѣмъ, собравъ послѣднія силы, попытался къ толстому дубу и храбро встрѣтилъ нападеніе собакъ. Первыя изъ нихъ были отброшены на воздухъ съ распоротыми животами. Тогда люди, лошади и собаки остановились въ почтительномъ отдаленіи; никто не рѣшался подойти къ разъяренному звѣрю изъ боязни его грозныхъ роговъ.

Король соскочилъ съ лошади и, спрятавшись за дубомъ, ловко всадилъ свой охотничій ножъ въ бокъ оленя. Животное съ жалобнымъ стономъ упало на землю. Въ тотъ же моментъ на него бросилась стая собакъ, вцѣпилась ему въ горло, уши, шею.

Олень лежалъ неподвижно; крупныя слезы катились у него изъ глазъ.

— Пропустите дамъ! крикнулъ король.

Желаніе короля было тотчасъ же исполнено, такъ какъ почти всѣ дамы уже сошли съ лошадей.

— Вотъ тебѣ, раграillot! (нечестивецъ) сказалъ король и, вонзивъ ножъ въ бокъ оленя, повернулъ лезвее, чтобы увеличить рану. Кровь хлынула струей и забрызгала лицо, руки и платье короля.

Въ тѣ времена католики часто называли кальвинистовъ насмѣшливой кличкой раграillot. Это слово само по себѣ и тонъ, какимъ оно было сказано, не понравились многимъ изъ присутствующихъ, между тѣмъ какъ другіе громко выразили свое одобреніе.

— Король похожъ на мясника! сказалъ довольно громко и съ видомъ отвращенія зять адмирала, молодой Телинъ.

Тотчасъ же нашлись услужливые люди, въ которыхъ нигдѣ нѣтъ недостатка и особенно при дворѣ, и передали эти слова королю.

Карлъ IX не забылъ ихъ.

Дворъ, насладившись зрѣлищемъ собакъ, пожирающихъ внутренности оленя, отправился обратно въ Парижъ. Мержи рассказалъ дорогой своему брату о нанесенномъ ему оскорбленіи и предстоящей дуэли. Жоржъ, убѣдившись, что всѣ его совѣты и просьбы напрасны, согласился быть секундантомъ.

ГЛАВА XI.

Дуэльность по профессіи.

Несмотря на сильную усталость, Мержи провел большую часть ночи безъ сна. Имъ овладѣло лихорадочное безпокойство и придадо необычайную дѣятельность его воображенію. Тысячи безсвязныхъ мыслей, не имѣющихъ никакого отношенія къ предстоящему событію, омрачали его мозгъ. Много разъ ему казалось, что лихорадочное состояніе, въ какомъ онъ находился, предвѣстникъ серьезной болѣзни, которая окончателно проявится черезъ нѣсколько часовъ и привяжетъ его къ постели. Тогда честь его навсегда потеряна! Что скажетъ свѣтъ и въ особенности мадамъ де-Тюржи и Комминжъ? Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, назначенной для поединка.

Но съ восходомъ солнца Мержи почувствовалъ благодѣтельное успокоеніе въ крови и съ меньшимъ волненіемъ сталъ думать о предстоящей дуэли. Онъ одѣлся не торопясь и даже съ нѣкоторою изысканностью. Фантазія рисовала ему цѣлую картину, какъ прелестная графиня явится на мѣсто поединка и, увидя его раненымъ, сдѣлаетъ ему собственноручно перевязку, не скрывая болѣе своей привязанности къ нему.

Мечты его были прерваны боемъ часовъ въ Луврѣ.

Пробило восемь часовъ, и въ тотъ же моментъ въ комнату вошелъ Жоржъ.

На лицѣ его видна была глубокая грусть; онъ также, повидимому, дурно провелъ ночь; но, пожимая руку брату, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы улыбнуться и принять веселый видъ.

— Вотъ рапира и кинжалъ; я купилъ ихъ у Луно изъ Толедо. Посмотри, не тяжела ли шпага?

Съ этими словами онъ бросилъ на постель кинжалъ и длинную рапиру.

Мержи обнажилъ оружіе, попробовалъ гибкость стали и, осмотрѣвъ лезвее, одобрително кивнулъ головой. Кинжалъ особенно обратилъ на себя его вниманіе, такъ какъ онъ кончался широкимъ ефесомъ, снабженнымъ безчисленнымъ количествомъ небольшихъ отверстій, назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы задержать остріе непріятельской шпаги и поставить этимъ въ затрудненіе противника.

— Съ такимъ хорошимъ оружіемъ немудрено защитить себя! сказалъ Мержи. Затѣмъ, вынувъ золотую коробочку, спрятанную на его груди, онъ добавилъ, улыбаясь: — Вотъ, кромѣ того, талисманъ, который предохранитъ меня отъ ударовъ шпаги лучше всякой кольчуги.

— Откуда у тебя эта игрушки?

— Догадайся! возразилъ Мержи съ веселой улыбкой.

Тщеславное желаніе похвастать передъ братомъ расположеніемъ первой придворной красавицы заставило его на минуту забыть Комминжа и лежавшую передъ нимъ шпагу.

— Держу пари, что этимъ наградила тебя сумасшедшая Тюржи. Чортъ бы побралъ ее съ ея коробочками!

— Вѣдь она дала мнѣ этотъ талисманъ на сегодняшній день!

— Ты посовѣтовалъ бы ей не снимать перчатокъ! Съ чего это она вздумала вчера показывать публикѣ свою красивую бѣлую руку!

Лицо Мержи покрылось яркимъ румянцемъ: — Я не придаю никакого значенія мошамъ напистовъ, сказалъ онъ, — но если мнѣ суждено погибнуть сегодня, то пожалуйста передай ей, что я не расставался съ ея подаркомъ до послѣдней минуты моей жизни.

— Какое глупое тщесловіе! воскликнулъ капитанъ, пожимая плечами.

— Вотъ письмо къ матери! сказалъ Мержи дрожащимъ голосомъ.

Жоржъ молча взялъ письмо и, подойдя къ столу, открылъ библію, чтобы скрыть свое волненіе, между тѣмъ какъ Мержи кончалъ свой туалетъ и завязывалъ множество шнурковъ съ металлическими наконечниками, которые составляли неизбѣжную принадлежность тогдашняго мужскаго костюма.

На первой страницѣ Жоржъ прочелъ надпись, сдѣланную рукой ихъ матери: 1-го мая 1547 года родился мой сынъ Бернаръ. Господи, наставь его на путь истинный! Господи, избави его отъ всякаго зла!...

Слезы душили его; онъ прикусилъ себѣ губы и бросилъ книгу на столъ.

Мержи, видя это движеніе, вообразилъ, что какая-нибудь нечестивая мысль пришла въ голову его брата; онъ взялъ библію, бережно вложилъ ее въ вышитый футляръ и спряталъ въ шкафъ.

— Эта библія нашей матери! сказалъ онъ серьезнымъ тономъ.

Капитанъ молча ходилъ по комнатѣ.

— Не пора ли намъ двинуться въ путь? спросилъ Мержи, притегивая шпагу къ своему поясу.

— Нѣтъ еще, мы успѣемъ позавтракать.

Они сѣли за столъ, на которомъ были поставлены пирожки разныхъ сортовъ и большой серебряный кувшинъ съ виномъ. Во время завтрака они подробно толковали о достоинствѣ поданнаго вина, сравнивая его съ другими винами, находящимися въ погребѣ капитана; каждый изъ нихъ, выказывая мнимое участіе въ этомъ пустомъ разговорѣ, надѣялся скрыть свои настоящія душевныя ощущенія.

Капитанъ поднялся первый съ своего мѣста.

— Пора! сказалъ онъ хриплымъ голосомъ и, нагнувъ на глаза шпагу, быстро спустился съ лѣстницы.

Они сѣли въ лодку, чтобы переплыть Сену. Лодочникъ угадалъ

по ихъ лицамъ причину, побуждавшую ихъ ѣхать въ *Pré-aux-Clercs* и, усердно работая веслами, старался занять ихъ разговоромъ. Онъ разсказалъ имъ, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ два дворянина, изъ которыхъ одинъ былъ графъ Комминжъ, наняли у него лодку, чтобы драться на свободѣ на другомъ берегу Сены. Противникъ графа, имя котораго было неизвѣстно лодочнику, былъ насквозь пробитъ шпагой и сброшенъ въ воду, гдѣ исчезъ безслѣдно, такъ что не было возможности отыскать его трупъ...

Причаливая къ берегу, они увидѣли лодку съ двумя людьми, которая переѣзжала рѣку въ недалекомъ разстояніи отъ нихъ.

— Вотъ и наши! подожди меня здѣсь! воскликнулъ капитанъ и, выскочивъ на берегъ, побѣжалъ на встрѣчу къ подѣзжавшей лодкѣ.

Въ ней сидѣлъ Комминжъ и виконтъ Бевилль.

— Это ты, Жоржъ? спросилъ со смѣхомъ виконтъ, цѣлуя его.
— Скажи, пожалуйста, котораго изъ васъ убьетъ сегодня Комминжъ: тебя или твоего брата?

Капитанъ и Комминжъ церемонно раскланялись другъ передъ другомъ.

— Милостивый государь, сказалъ Жоржъ Комминжу, вырвавшись съ трудомъ изъ объятій Бевилля,—я считаю своимъ долгомъ попытаться еще разъ остановить плачевныя послѣдствія ссоры, которая вовсе не касается вопросовъ чести; я увѣренъ, что мой другъ (онъ указалъ на Бевилля) скажетъ вамъ то же самое.

Бевилль, сдѣлавъ гримасу, отрицательно покачалъ головой.

— Мой братъ молодъ; у него нѣтъ ни имени, ни достаточнаго умѣнія владѣть оружіемъ, такъ что онъ долженъ быть щекотливѣе другихъ въ этого рода дѣлахъ; но вы, графъ, пользуетесь такой извѣстностью, что ваша честь нисколько не пострадаетъ, если вы заявите въ нашемъ присутствіи, что нечаянно.

Комминжъ громко захохоталъ.

— За кого принимаете вы меня, капитанъ! Неужели вы думаете, что я такъ рано расстался съ моей возлюбленной... и переѣхалъ на другой берегъ Сены, чтобы извиниться передъ какимъ-нибудь молодкосомъ!

— Вы забываете, милостивый государь, что, выражаясь подобнымъ образомъ о моемъ братѣ, вы оскорбляете...

— Если бы я говорилъ даже о вашемъ отцѣ! Какое мнѣ дѣло до всей вашей семьи!

— Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, вы и будете отвѣчать передъ всей семьей! Я старшій и вы начнете съ меня.

— Прошу извиненія, г. капитанъ, но по правиламъ дуэлей я буду прежде всего драться съ тѣмъ изъ васъ, кто первый сдѣлалъ вызовъ. Въ данномъ случаѣ вашему брату принадлежитъ неотъемлемое право первенства, какъ говорятъ наши юристы; и когда я покончу съ нимъ, то вы можете располагать мною.

— Комминжъ совершенно правъ, и я не допущу никакихъ измѣненій! воскликнулъ Бевилль.

Мержи, не понимая причины такихъ продолжительныхъ переговоровъ, подошелъ медленнымъ шагомъ. Онъ подоспѣлъ какъ разъ въ ту минуту, когда братъ его, осыпая Комминжа оскорбительными упреками, назвалъ его подлецомъ, между тѣмъ какъ этотъ отвѣтилъ съ невозмутимымъ хладнокровiemъ.

— Когда я кончу съ вашимъ братомъ, то займусь вами, милостивый государь!

Мерти взялъ за руку капитана.

— Жоржъ, сказалъ онъ:—ты забываешь, что я просилъ тебя быть моимъ секундантомъ! Я вовсе не желаю мѣняться ролями... Милостивый государь, добавилъ онъ, обращаясь къ Комминжу:—я къ вашимъ услугамъ; мы можемъ начать, если вамъ угодно.

— Я ничего не имѣю противъ этого! отвѣтилъ Комминжъ.

— Вотъ и прекрасно, мой милый другъ, сказалъ Бевилль, пожмая руку Мержи.—Если намъ не суждено похоронить тебя сегодня, то ты далеко пойдешь!

Комминжъ снялъ платье и развязалъ ленты у башмаговъ въ доказательство, что онъ не намѣренъ отступить ни на шагъ. Въ этомъ случаѣ онъ сообразовался съ модой, принятой у дуэлистовъ по профессii. Мержи и Бевилль послѣдовали его примѣру; одинъ капитанъ не снялъ даже своего плаща.

— Что съ тобой, Жоржъ? сказалъ Бевилль;—развѣ ты не знаешь, что намъ придется посчитаться съ тобой. Мы не такіе секунданты, чтобы стоять сложа руки, когда друзья ихъ будутъ драться! Неужели мы отстанемъ отъ прекраснаго андалузскаго обычая?

Капитанъ пожалъ плечами.

— Ты думаешь, что я шучу? Клянусь честью, что ты долженъ драться со мной! Чортъ меня побери, если ты думаешь отказаться...

— Ты сумасшедшій или дуракъ! замѣтилъ холодно капитанъ.

— Будь я проклятъ, если ты не дашь мнѣ удовлетворенія за эти слова... или ты принудишь меня...

Съ этими словами Бевилль схватился за рукоятку своей шпаги, какъ бы намѣреваясь ударить Жоржа.

— Ну, если ты такъ настойчиво требуешь этого, то изволь! сказалъ Жоржъ, сбрасывая съ себя платье.

Комминжъ съ особенной граціей тряхнулъ по воздуху своей рпирой, такъ что ножны сразу отлетѣли на двадцать шаговъ. Бевилль хотѣлъ сдѣлать тоже; но ему удалось только на половину обнажить шпагу, что считалось не только неловкостью, но и дурнымъ предзнаменованіемъ. Оба брата Мержи, хотя и не такимъ хвастливымъ способомъ, но также отбросили ножны своихъ шпагъ, чтобы они не могли попасть имъ подъ ноги во время поединка. Каждый всталъ передъ своимъ противникомъ съ обнаженной шпагой въ правой рукѣ

и съ кинжаломъ въ лѣвой. Всѣ четыре шпаги скрестились одновременно.

Жоржъ, примѣнивъ способъ, названный итальянскими учителями фехтованія *liscio di spada è savare alla vita* ¹⁾, отклонилъ шпагу своего противника и ловкимъ ударомъ выбилъ ея изъ его рукъ. Затѣмъ онъ прикоснулся остриемъ своей шпаги къ груди Бевилля, но вмѣсто того, чтобы вонзить ее, спокойно опустилъ руку.

— Наши силы слишкомъ неравны, сказалъ онъ:—прекратимъ этотъ глупый поединокъ! не выводи меня изъ терпѣнія, или тебѣ придется раскаться въ твоемъ упрямствѣ...

Бевилль поблѣднѣлъ, почувствовавъ острие шпаги у своей груди. Немного сконфуженный, онъ протянулъ руку Жоржу, и оба, воткнувъ шпаги въ землю, обратили все свое вниманіе на двухъ главныхъ актеровъ этой сцены.

Мержи обладалъ храбростью и хладнокровіемъ; при этомъ онъ не дурно владелъ оружіемъ, а въ тѣлесной силѣ далеко превосходилъ Комминжа, который видимо казался утомленнымъ послѣ бессонной ночи. Мержи ограничивался тѣмъ, что съ величайшею осторожностью парировалъ удары, наносимые Комминжемъ, и держа острие своей рапиры противъ его лица, прикрывалъ себѣ грудь кинжаломъ. Это неожиданное сопротивленіе раздражило Комминжа, который замѣтно поблѣднѣлъ, а блѣдность у такого храбраго человѣка могла только означать приступъ сильнаго гнѣва. Онъ съ яростью атаковалъ своего противника и, ловко отклонивъ его шпагу, готовился нанести рѣшительный ударъ, который, вѣроятно, положилъ бы конецъ поединку. Мержи спасся какимъ-то чудомъ: острие рапиры, встрѣтивъ золотую коробочку, скользнуло по ея гладкой поверхности, и вмѣсто того, чтобы пронзить грудь, только слегка распороло кожу противъ реберъ и вышло на два дюйма отъ первой раны. Не дожидаясь, чтобы Комминжъ вновь поднялъ свою шпагу, онъ съ такой силой ударилъ его по головѣ кинжаломъ, что самъ потерялъ равновѣсіе и упалъ на землю. Комминжъ повалился вслѣдъ за нимъ, такъ что секунданты сочли ихъ обоихъ мертвыми.

Но Мержи быстро вскочилъ на ноги и тотчасъ же схватился за свою рапиру, которую онъ выронилъ изъ рукъ при паденіи. Комминжъ лежалъ неподвижно. Бевилль приподнял его и началъ стирать кровь съ лица своимъ носовымъ платкомъ, но скоро долженъ былъ убѣдиться, что знаменитый дуэлистъ, передъ которымъ онъ преклонялся, убитъ на-повалъ, такъ какъ кинжалъ вонзился ему въ глазъ и повидимому повредилъ мозгъ.

Мержи съ ужасомъ смотрѣлъ на трупъ.

— Ты раненъ, Бернаръ! воскликнулъ капитанъ, бросаясь къ нему.

¹⁾ Всѣ тогдашніе термины фехтованія были заимствованы изъ итальянскаго языка.

— Раненъ! повторилъ полусознательно Мержи, и тутъ только замѣтилъ, что его рубашка въ крови.

— Ничего, это пустяки! сказалъ капитанъ, внимательно разглядѣвъ рану: — оружіе скользнуло по кожѣ, нужно остановить кровь. Мы сдѣлаемъ тебѣ перевязку изъ носовыхъ платковъ.

Бевилль опустилъ на траву тѣло убитаго и подаль капитану свой носовой платокъ, равно и Комминжа, который онъ досталъ изъ кармана его платья.

— Блянусь честью, вотъ здоровый ударъ кинжала! сказалъ Бевилль. — Я не желалъ бы попасться вамъ подъ руку. Чортъ возьми, что скажутъ наши столичные *gaffinés*, если изъ провинціи будутъ являться къ намъ молодцы въ родѣ васъ. Я желалъ бы знать, который разъ вы деретесь на дуэли?

— Въ первый и, надѣюсь, послѣдній разъ въ моей жизни! Помогите же, ради Бога, вашему другу.

— Ну, вы его такъ отдѣляли, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи; кинжалъ вонзился въ мозгъ, ударъ былъ нанесенъ ловко и съ такой силой... Взгляните на его бровь и щеку; ефесъ кинжала оставилъ отпечатокъ на его лицѣ, какъ на воскѣ.

Мержи дрожалъ какъ въ лихорадкѣ; крупныя слезы текли по его щекамъ.

Бевилль поднималъ кинжалъ и внимательно разсматривалъ запекшуюся кровь.

— Это оружіе, сказалъ онъ, — оказало немалую услугу младшему Комминжу. Онъ долженъ поставить не одну свѣчу... Ему достанется громадное наслѣдство.

— Уйдемъ отсюда... Уведи меня, сказалъ Мержи, взявъ подъ руку своего брата.

— Успокойся, бѣда еще не такъ велика, сказалъ Жоржъ, помогая ему одѣть платье. — Этотъ человекъ не заслуживаетъ особеннаго сожалѣнія.

— Бѣдный Комминжъ! воскликнулъ Бевилль. — Кто могъ ожидать, что ты, который выдержалъ сотни дуэлей, будешь убитъ молодымъ, неопытнымъ человекомъ. Бѣдный Комминжъ!

Бевилль, сказавъ эту надгробную рѣчь, бросилъ послѣдній взглядъ на своего друга и увидѣлъ часы, висѣвшіе на его шеѣ по тогдашней модѣ.

— Ну, пріятель, сказалъ онъ, — теперь тебѣ нѣтъ надобности знать, который часъ! Я возьму это себѣ на память, а твой братъ и безъ того будетъ достаточно богатъ.

Съ этими словами Бевилль снялъ часы съ шеи мертвеца и положилъ къ себѣ въ карманъ.

— Подождите меня! крикнулъ онъ вслѣдъ обоимъ братьямъ, поспѣшно одѣваясь. — Мосье де-Мержи, вы забыли вашъ кинжалъ! Неужели вы не дорожите имъ?

Онъ вытеръ лезвее рубашкой покойника и, догнавъ своихъ приятелей, сѣлъ съ ними въ лодку.

— Утѣштесь, милый другъ! сказалъ онъ, обращаясь къ младшему Мержи. — Къ чему эта плачевная физиономія? Послушайтесь моего совѣта: вмѣсто того, чтобы скорбѣть и проливать слезы, отправьтесь сегодня же къ вашей возлюбленной, и кто знаетъ, можетъ быть черезъ девять мѣсяцевъ вы подарите французскому королевству новаго гражданина, взамѣнъ того, котораго оно лишилось сегодня. Такимъ образомъ, свѣтъ ничего не потеряетъ отъ смерти Комминжа... Ну, лодочникъ, греби скорѣе, если желаешь заработать хорошія деньги. Видишь, тамъ идутъ люди съ алебардами. Это сержанты изъ башни Несль; мы не имѣемъ никакихъ желаній встрѣтиться съ ними.

ГЛАВА VII.

В ѣ л а я ж а г і я.

Люди, вооруженные алебардами, принадлежали къ отряду, который находился неотлучно въ сосѣдствѣ Ргѣ-аих-Слегс, чтобы, въ случаѣ надобности, вмѣшаться въ ссоры, происходившія въ этой классической мѣстности дуэлей. По своему обыкновенію, они шли медленнымъ шагомъ, чтобы явиться по окончаніи поединка. Ихъ попытки водворить миръ болѣею частью были весьма дурно принимаемы. Не разъ случалось, что отъявленные враги прерывали смертельный бой и сообща нападали на солдатъ, которые старались разнять ихъ. Такимъ образомъ, обязанности этой стражи почти исключительно состояли въ помощи раненымъ и въ подбораніи мертвыхъ тѣлъ. На этотъ разъ стрѣлкамъ пришлось только сдѣлать послѣднее, и они исполнили это по своему обыкновенію, т. е. тщательно обшарили карманы несчастнаго Комминжа и раздѣлили между собой его одежду.

— Мой милый другъ, сказалъ Бевилль, обращаясь къ Мержи, — если вы хотите послушаться моего совѣта, то отправьтесь по возможности тайно къ Амбруазу Паре. Никто лучше его не можетъ зашить рану или перевязать сломанную ногу. Хотя онъ такой же еретикъ, какъ самъ Кальвинъ, но пользуется такой извѣстностью за свое знаніе, что самые ревностные католики прибѣгаютъ къ его помощи. До сихъ поръ одна только маркиза де-Буассьеръ выказала необычайное мужество и предпочла лучше умереть, чѣмъ быть обязанной жизнью гугеноту. Держу пари на десять пистолей, что она теперь въ раю.

— Твоя рана, Бернаръ, такъ незначительна, что заживетъ дня черезъ три, сказалъ Жоржъ. — Но у Комминжа есть родные въ Парижѣ, и они могутъ принять къ сердцу его смерть.

— Разумѣется, сказалъ Бевилль.—Мать Комминжа ради приличія сочтетъ своимъ долгомъ преслѣдовать нашего друга. Поэтому, на всякій случай, совѣтую тебѣ, Жоржъ, обратиться къ г-ну Шатильону— пусть онъ выхлопочетъ у короля помилованіе твоего брата; король точно мягкѣй воскъ въ рукахъ адмирала.

— Я желалъ бы, сказалъ вполголоса Мержи,—чтобы адмиралъ ничего не зналъ объ этой исторіи.

— Почему? Я глубоко убѣжденъ, что старикъ будетъ очень доволенъ, когда услышитъ, какимъ молодецкимъ способомъ протестантъ спровадилъ на тотъ свѣтъ католика.

Мержи глубоко вздохнулъ при этихъ словахъ.

— Комминжъ настолько извѣстенъ при дворѣ, что его смерть надѣляетъ шуму, сказалъ капитанъ,—но ты, Бернаръ, исполнилъ только свою обязанность дворянина, и тебѣ нечего стыдиться этой исторіи. Я давно не бывалъ у Шатильона; вотъ удобный предлогъ возобновить съ нимъ знакомство.

— Во всякомъ случаѣ, крайне неприятно провести нѣсколько часовъ подъ арестомъ, продолжалъ Бевилль.—Если ты ничего не имѣешь противъ этого, Жоржъ, то я отведу твоего брата въ одинъ домъ, гдѣ онъ можетъ спокойно оставаться до тѣхъ поръ, пока его дѣло окончательно не уладится. Къ несчастью, онъ еретикъ, врядъ ли можно будетъ помѣстить его въ монастырѣ.

— Благодарю васъ за ваше любезное предложеніе, сказалъ Мержи;—но я не считаю себя вправѣ принять его, такъ какъ это можетъ повредить вамъ.

— Нисколько, мой милый другъ! Развѣ мы не должны оказывать услуги нашимъ друзьямъ! Вы поселитесь въ домѣ одного изъ моихъ кузеновъ, котораго теперь нѣтъ въ Парижѣ. Я уже помѣстилъ тамъ одну особу, и она позаботится о васъ. Это почтенная старуха, весьма полезная для молодежи, и, вдобавокъ, я могу вполнѣ рассчитывать на ея преданность. Она имѣетъ обширныя свѣдѣнія въ медицинѣ, магін и астрономіи. Чѣмъ она только не занимается!.. Но ея главное ремесло—сводничество, и въ этомъ никто не сравнится съ нею. Провались я на мѣстѣ, если она не возьмется передать любовное письмо королеви! Стоитъ мнѣ только заикнуться объ этомъ...

— Значитъ, мы сведемъ его въ домъ вашего кузена, какъ только Амбруазъ наложитъ ему первую перевязку, сказалъ капитанъ.

Они причалили къ правому берегу Сены, и усадивъ съ нѣкоторымъ трудомъ раненаго Мержи на лошадь, сперва отвезли его къ знаменитому хирургу, а затѣмъ въ уединенный домъ предмѣстья Saint-Antoine, гдѣ, уложивъ его въ покойную постель, оставили на попеченіе старухи.

Если кому случалось убить человѣка, а тѣмъ болѣе въ первый разъ, тотъ естественно мучится нѣкоторое время, особенно при наступленіи ночи, когда воображеніе живо рисуетъ ему картину по-

слѣднихъ конвульсій, предшествовавшихъ смерти. Голова такъ занята мрачными мыслями, что онъ съ трудомъ принимаетъ участіе въ томъ, что окружаетъ его; самый простой разговоръ раздражаетъ его; но, въ то же время онъ боится одиночества, которое внушаетъ еще болѣе тяжелыя мысли.

Несмотря на частыя посѣщенія Бевилля и капитана, Мержи провель въ ужасающей тоскѣ первые дни, слѣдовавшіе за дуэлью. Довольно сильная лихорадка, вызванная раной, лишала его сна, такъ что по ночамъ онъ чувствовалъ себя всего несчастнѣе. Мысль, что, быть можетъ, графиня Туржи думаетъ о немъ и удивляется его храбрости, до извѣстной степени утѣшала его, но не приносила никакого успокоенія.

Однажды ночью, измученный удушливимъ іюльскимъ жаромъ, онъ вздумалъ прогуляться и подышать воздухомъ въ саду, среди котораго находился домъ. Онъ накинулъ плащъ и хотѣлъ выйти изъ комнаты; но дверь оказалась запертою на ключъ. Предполагая, что старуха сдѣлала это случайно и, вѣроятно, спитъ крѣпкимъ сномъ, онъ счелъ бесполезнымъ звать ее, тѣмъ болѣе, что она жила далеко отъ него. Но окно было настолько низко, что онъ послѣ минутной нерѣшимости однимъ скачкомъ очутился въ саду. Все небо заволокло тучами; нигдѣ не видно было ни одной звѣздочки, и только время отъ времени черезъ знойный и тяжелый воздухъ какъ бы съ трудомъ проносились порывы вѣтра. Было далеко за полночь, кругомъ царило мертвое молчаніе.

Мержи нѣкоторое время шелъ по саду, погруженный въ свои размышленія. Они были неожиданно прерваны стукомъ въ калитку, выходящую на улицы. Удары были настолько легкіе, что тотъ, который стучалъ очевидно рассчитывалъ, что кто нибудь поджидаетъ его и тотчасъ же отворить ему. Посѣтитель въ такомъ уединенномъ домѣ и въ такой поздней часъ не могъ не возбудить удивленія. Мержи притаился въ темномъ углу сада, откуда онъ могъ все видѣть, оставаясь незамѣченнымъ. Ему не долго пришлось ждать. Изъ дома вышла женщина съ потайнымъ фонаремъ въ рукѣ; это была, вѣроятно, старуха; она поспѣшно отворила калитку, и вслѣдъ затѣмъ кто-то вошелъ въ садъ, закутанный съ головы до ногъ въ большой черныя плащъ съ капюшономъ.

Любопытство Бернара было возбуждено въ высшей степени, тѣмъ болѣе, что, судя по росту и походкѣ, онъ догадывался, что это была женщина. Старуха поклонилась ей съ видомъ величайшаго уваженія, между тѣмъ какъ таинственная посѣтельница едва удостоила кивнуть ей головой. Но при этомъ она многозначительно протянула руку: чистый звонъ упавшаго металла и поспѣшность, съ которой старуха начала что-то отыскивать въ пескѣ, привели Мержи къ заключенію, что она получила деньги.

Обѣ женщины пошли по саду; старуха шла первая, прикрывъ

фонарь платьемъ. Въ глубинѣ сада была устроена бесѣдка изъ липъ, соединенныхъ сплошнымъ трельяжемъ, перевитымъ вьющимися растеніями. Эта бесѣдка была съ двумя ходами; посрединѣ стоялъ небольшой каменный столъ. Старуха вошла въ нее въ сопровожденіи другой женщины, лицо которой было покрыто густымъ вуалемъ. Мержи, затаивъ дыханіе, прокрался вслѣдъ за ними и всталъ за трельяжемъ, гдѣ могъ слышать каждое слово и все видѣть, насколько позволялъ слабый свѣтъ фонаря освѣщавшей бесѣдку.

Старуха зажгла что-то на жаровнѣ, стоявшей среди стола, и въ то же время погасила или спрятала фонарь. Въ ту же секунду вспыхнула голубоватый огонекъ, какой бываетъ отъ спирта, смѣшаннаго съ солью, но такой слабый, что Мержи не могъ бы разглядѣть лица незнакомки, если бы оно даже не было покрыто вуалью. Старуху онъ тотчасъ же узналъ по росту и манерамъ и даже замѣтилъ, что лицо ея вымазано темной краской, такъ что въ своемъ бѣломъ чепцѣ она имѣла видъ бронзовой статуи. На столѣ въ известномъ порядкѣ были разложены какія-то вещи. Мержи показалось, что это кости и окровавленные тряпки, на которыхъ была поставлена небольшая статуэтка въ дюймъ величины, сдѣланная повидимому изъ воска.

— Ты говоришь, Камила, что ему лучше? спросила шепотомъ женщина подъ вуалью.

Мержи вздрогнулъ, услыжавъ звуки этого голоса.

— Да, онъ чувствуетъ себя немного лучше! отвѣтила старуха.— Этимъ онъ обязанъ нашему искусству, хотя мнѣ трудно было сдѣлать что нибудь съ этими тряпками и при маломъ количествѣ крови на компрессахъ.

— А что говорить Амбрузъ Паре?

— Развѣ понимаетъ что нибудь этотъ неучъ! Рана настолько глубока и опасна, что можетъ быть вылечена только посредствомъ магіи; нужны частыя жертвы земнымъ и воздушнымъ духомъ... а для этого...

Дама поняла намекъ.

— Если онъ выздоровѣетъ, сказала она,—то ты получишь вдвое противъ того, что я тебѣ дала сегодня.

— Не теряйте надежды и положитесь на меня!

— Что будетъ со мной, Камила, если онъ умретъ!

— Вамъ нечего беспокоиться; духи милостивы; звѣзды покровительствуютъ намъ; а принесеніе въ жертву чернаго барана расположило въ нашу пользу того, котораго я не хочу назвать...

— Я принесла тебѣ ту вещь, которую ты требовала отъ меня, хотя это стоило мнѣ большого труда. Я купила ее у одного изъ стрѣлковъ, ограбившихъ трупъ.

Съ этими словами дама вынула что-то изъ-подъ плаща; Мержи

видѣлъ, какъ блеснуло лезвее шпаги. Старуха взяла ее и поднесла къ огню.

— Слава Богу, на лезвѣѣ кровь и ржавчина! У него кровь, какъ у василиска; она оставила на стали неизгладимый слѣдъ.

Дама съ замѣтнымъ безпокойствомъ взглянула на лезвее.

— Посмотри, Камилла, кровь у самой рукоятки! Онъ можетъ умереть отъ этого удара.

— Нѣтъ, онъ выздоровѣетъ, эта кровь не изъ сердца.

— Ты увѣрена, что онъ выздоровѣетъ?

— Да, но онъ страдаетъ отъ неизличимой болѣзни...

— Какой болѣзни?

— Отъ любви.

— Ахъ, Камилла, неужели это правда!

— Развѣ я лгала когда нибудь! Не я ли предсказала вамъ, что онъ выйдетъ побѣдителемъ изъ боя, и что духи будутъ сражаться за него. Развѣ я не зарыла заблаговременно на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ долженъ былъ драться, черную курицу и шпагу, которую благословилъ священникъ.

— Да, все это правда!

— Наконецъ, вы сами, развѣ не произли въ сердце изображеніе его противника, направивъ этимъ удары челоуѣка, въ пользу котораго я употребила всѣ средства моей науки.

— Да, Камилла, я произлила въ сердце изображеніе Комминжа; но я слышала, что онъ умеръ отъ удара, нанесеннаго ему въ голову.

— Несомнѣнно, онъ умеръ отъ удара въ голову; но смерть произошла отъ того, что кровь сгустилась въ его сердцѣ.

Дама ничего не отвѣтила, видимо подавленная силой аргумента. Между тѣмъ старуха поливала масломъ и бальзамомъ лезвее шпаги, тщательно обертывая его бинтами.

— Видите ли, сударыня, я натираю шпагу масломъ скорпиона, чтобы это симпатическое средство перешло въ рану молодого челоуѣка. Онъ въ такой же степени ощущаетъ дѣйствіе этого африканскаго бальзама, какъ будто бы я лью его въ самую рану. Но если бы мнѣ вздумалось положить конецъ шпаги на огонь и раскалить ее, то больной почувствовалъ бы такую сильную боль, точно его жгутъ живьемъ.

— Ради Бога, не дѣлай этого!

— Разъ я сидѣла у огня и усердно натирала бальзамомъ шпагу, чтобы вылечить одного молодого дворянина, которому нанесли двѣ ужасныхъ раны въ голову. Я заснула за этимъ занятіемъ. Вдругъ лакей больнаго постучалъ въ дверь и объявилъ мнѣ, что его господинъ страдаетъ невыносимо и жалуется, что чувствуетъ себя точно на огнѣ. Какъ вы думаете, отчего это случилось? Шпага нечаянно выскользнула у меня изъ рукъ и лезвее очутилось на угольяхъ. Я тотчасъ же вынула шпагу и сказала лакею, что его барину стало

легче. Дѣйствительно, не теряя ни минуты, я опустила шпату въ холодную воду, къ которой примѣшала кое-какія снадобья, и послѣ этого пошла взглянуть на больного. Онъ встрѣтилъ меня словами: „Ахъ, моя добрая Камилла, какъ я хорошо чувствую себя теперь! Меня какъ будто посадили въ ванну изъ прохладной воды, а нѣсколько минутъ тому назадъ мнѣ казалось, что я горю на медленномъ огнѣ, какъ святой Лаврентій.“

Старуха омончательно забинтовала шпату и сказала съ видомъ полнѣйшаго самодовольства:

— Ну, теперь все сдѣлано какъ слѣдуетъ. Я увѣрена, что онъ выздоровѣетъ, и намъ остается только приступить къ послѣдней церемоніи.

Съ этими словами она бросила въ пламя щепотку пахучаго порошка и, крестясь непрерывно, произнесла какія-то непонятныя слова. Вслѣдъ затѣмъ дама взяла дрожащей рукой восковую статуэтку и, держа ее надъ огнемъ жаровни, сказала взволнованнымъ голосомъ:

— Какъ этотъ воскъ таетъ и горитъ на пламени этой жаровни, такъ пусть и твое сердце, Бернаръ Мержи, растаетъ и возгорится любовью ко мнѣ.

— Такъ! сказала старуха, одобрительно кивнувъ головой.—Теперь возьмите эту зеленую свѣчу, вылитую въ полночь по всѣмъ правиламъ нашей науки. Зажгите ее завтра у алтаря св. Богородицы.

— Я сдѣлаю это! Однако, несмотря на всѣ твои обѣщанія, я въ сильномъ безпокойствѣ. Вчера мнѣ приснилось, что онъ умеръ.

— На которомъ боку лежали вы тогда?

— Я желала бы знать... на правомъ или на лѣвомъ боку снятся правдивые сны?..

— Скажите мнѣ сперва: на которомъ боку вы спите обыкновенно? Я вижу, что вы сами хотите обмануть себя.

— Я сплю обыкновенно на правомъ боку.

— Успокойтесь! Вамъ сонъ предвѣщаетъ счастье.

— Дай Богъ, чтобы это было такъ! Но я видѣла его блѣднымъ и окровавленнымъ, въ длинномъ саванѣ...

Говоря это, она подняла голову и увидѣла Мержи, стоявшаго у одного изъ входовъ въ бесѣдку. Неожиданность настолько поразила ее, что она громко вскрикнула; а старуха намѣренно или случайно опрокинула жаровню на землю. Въ тотъ же моментъ поднялось яркое пламя, которое ослѣпило Мержи на нѣсколько секундъ. Обѣ женщины, пользуясь этимъ, бросились изъ бесѣдки другимъ ходомъ. Какъ только Мержи могъ различать что либо, онъ побѣжалъ вслѣдъ за ними, но едва не упалъ, запнувшись о какую-то вещь, попавшую ему подъ ноги. Онъ сталъ разглядывать ее и убѣдился, что это была шпата, которой онъ обязанъ былъ своимъ мнимымъ изцѣленіемъ. Досадуя на неумѣстную трату времени, онъ быстро свернулъ на широкую прямую аллею, въ полной увѣренности, что теперь ничто не

попѣшаетъ ему догнать бѣглянокъ. Но въ этотъ моментъ онъ услышалъ, какъ хлопнула калитка, выходившая на улицу, и ее заперли на ключъ.

Мержи остановился въ недоумѣніи, нѣсколько огорченный неудачей; затѣмъ добрался опущью до своей комнаты и легъ въ постель. Всѣ мрачныя мысли, мучившія его въ послѣдніе дни, разсѣялись какъ дымъ, равно и упреки совѣсти и безпокойство о своемъ положеніи. Онъ только думалъ о томъ, что любить самую красивую женщину въ цѣломъ Парижѣ и любить ея: у него не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дама подъ вуалью была графиня Тюржи. Онъ заснулъ съ восходомъ солнца и проснулся поздно утромъ. На его подушкѣ лежало запечатанное письмо; не понимая, какъ оно могло очутиться тутъ, онъ поспѣшно сорвалъ печать и прочелъ слѣдующія слова:

„Милостивый государь, отъ вашей скромности зависитъ честь женщины“.

Нѣсколько минутъ спустя, вошла старуха съ чашкой бульона въ рукахъ. На этотъ разъ противъ обыкновенія у пояса ея висѣли крупныя четки. Лицо ея было тщательно вымыто и напоминало по цвѣту закоптѣвшій пергаментъ. Она шла медленнымъ шагомъ съ опущенными глазами, какъ бы изъ боязни, что видъ земныхъ предметовъ нарушить ея благочестивыя размышленія.

Мержи мысленно рѣшилъ, что онъ только въ томъ случаѣ можетъ исполнить то, чего требовали отъ него въ таинственной запискѣ, когда узнаетъ подробно, что собственно долженъ онъ скрывать передъ свѣтомъ. Онъ взялъ чашку изъ рукъ старуки и, не давъ ей времени выйти изъ комнаты, сказалъ:

— Вы никогда не говорили мнѣ, что васъ зовутъ Камиллой!

— Камиллой?.. Мое имя Марта... Марта Мишели, отвѣтила старуха съ удивленнымъ видомъ.

— Значить, вы называетесь Мартой, когда говорите съ простыми смертными, и принимаете имя Камиллы, когда имѣете сообщеніе съ духами!

— Съ духами!.. Господи, помилуй меня грѣшную! Я не понимаю, что вы хотите сказать, сударь?

Она набожно перекрестилась при этихъ словахъ.

— Не играйте комедіи! Даю вамъ честное слово, что это останется между нами. Назовите мнѣ фамилію дамы, которая такъ интересуется моимъ здоровьемъ?

— Дама, которая...

— Ну, да! той дамы... Пожалуйста, не повторяйте моихъ словъ, а отвѣчайте откровенно на мои вопросы. Клянусь честью, что я не измѣню вамъ.

— Право, сударь, я не понимаю, что вы хотите этимъ сказать.

Мержи не могъ удержаться отъ смѣха, глядя на старуху, которая,

положивъ руку на сердце, дѣлала напрасныя усилія, чтобы казаться удивленной. Онъ вынулъ золотой изъ кошелька, висѣвшаго у его изголовья, и подалъ ей.

— Возьмите это, моя добрая Камилла, сказалъ онъ:—вы такъ старательно натирали вчера шпагу бальзамомъ скорпіоновъ, чтобы вылечить меня, что я долженъ сдѣлать вамъ подарокъ.

— Повѣрьте мнѣ, сударь, что я рѣшительно не понимаю, что вы хотите сказать.

— Чортъ васъ побери, Марта или Камилла! Не сердите меня и отвѣчайте, когда васъ спрашиваютъ! Кто эта дама, съ которою вы колдовали прошлую ночь?

— Господи Іисусе Христе! Онъ не на шутку сердится!.. Не начинается ли съ нимъ бредъ?

Мержи, окончательно выведенный изъ терпѣнія, бросилъ подушку въ голову старухи, которая съ смиреннымъ видомъ положила ее на постель, а затѣмъ подняла золотой, упавшій на землю.

Приходъ капитана избавилъ ее отъ неприятнаго объясненія, которое могло очень дурно кончиться для нея.

ГЛАВА XIII.

Клевета.

Жоржъ въ это же утро отправился къ адмиралу, чтобы переговорить съ нимъ относительно своего брата. Онъ изложилъ ему дѣло въ нѣсколькихъ словахъ.

Адмиралъ, слушая его, разгрызъ зубочистку, что всегда было у него признакомъ нетерпѣнія.

— Я знаю эту исторію, сказалъ онъ, — и удивляюсь, что вы мнѣ рассказываете ее, такъ какъ она уже получила достаточную огласку.

— Если я рѣшился беспокоить васъ, г. адмиралъ, то въ виду участія, которымъ вы удостоивали нашу семью; надѣюсь, что и на этотъ разъ вы не откажетесь просить короля о помилованіи моего брата. Ваше вліяніе на его величество...

— Мое вліяніе! повторилъ съ живостью адмиралъ.—Я пользуюсь имъ благодаря тому, что никогда не беспокою его величество незаконными просьбами.

При этихъ словахъ Колинъ почтительно снялъ шляпу.

— Обстоятельство, которое вынуждаетъ моего брата обратиться къ вашему ходатайству, продолжалъ капитанъ,—представляетъ, къ несчастью, слишкомъ обычное явленіе. Король въ прошломъ году под-

писалъ болѣе тысячи просьбъ о помилованіи; противникъ Бернара также не разъ пользовался снисхожденіемъ его величества.

— Вашъ братъ былъ зачинщикомъ ссоры. Быть можетъ, и я желалъ бы, чтобы это было такъ... онъ въ данномъ случаѣ слѣдовалъ только дурнымъ совѣтамъ нѣкоторыхъ господъ.

Говоря это, адмиралъ пристально смотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Я старался по возможности отворотить послѣдствія этой нелѣпой ссоры, сказалъ Жоржъ;—но, какъ вамъ извѣстно, Комминжъ не признавалъ другого удовольствія, кромѣ того, которое дается шпагою. Честь дворянина и хорошее мнѣніе дамъ...

— Этимъ вздоромъ вы, разумѣется, и начали голову молодому человѣку въ надеждѣ сдѣлать изъ него un raffiné. Какъ огорчился бы вашъ отецъ, если бы узналъ, на сколько его младшій сынъ пренебрегаетъ совѣтами, полученными въ родительскомъ домѣ! Господи! едва прошло два года, какъ кончились наши междоусобныя войны, и они уже забыли потоки пролитой крови! Имъ это кажется недостаточнымъ... Нужно еще, чтобы французы ежедневно убивали французовъ!

— Если бы я зналъ, что моя просьба будетъ непріятна вамъ...

— Скажу вамъ откровенно, мосье де-Мержи, что я могъ бы преодолѣть чувство христіанина и найти оправданіе ссорѣ, затѣянной вашимъ братомъ, но, судя по слухамъ, его поведеніе во время дуэли не было...

— Что хотите вы этимъ сказать, г. адмиралъ?

— Мнѣ говорили, что способъ, какимъ былъ веденъ весь поединокъ, недостойнъ французскаго дворянина.

— Кто осмѣлился распространить эту клевету! воскликнулъ Жоржъ съ глубокимъ негодованіемъ. Глаза его сверкали отъ гнѣва.

— Успокойтесь, мосье де Мержи! Вамъ не придется посылать вызова, потому что женщины не вызываютъ на дуэль. Мать Комминжа сообщила королю кое-какія подробности о поединкѣ, которыя не дѣлаютъ чести вашему брату. Этимъ только и можно объяснить, что такой извѣстный дуэлистъ, какъ Комминжъ, погибъ подъ ударами мальчика, едва вышедшаго изъ возраста пажей.

— Скорбь матери настолько велика и законна, что нечему удивляться, если слезы мѣшаютъ ей видѣть истину. Но я надѣюсь, что вы, г. адмиралъ, не будете судить о моемъ братѣ со словъ женщины, ослѣпленной горемъ.

Колѣни видимо колебался; въ голосъ его уже не было слышно прежняго отгѣнка горькой ироніи.

— Но вы не можете отрицать, сказалъ онъ, — что секундантъ Комминжа, Бевилль, вашъ первый другъ.

— Я давно знакомъ съ нимъ и даже многимъ обязанъ ему! Онъ былъ также друженъ съ Комминжемъ, который выбралъ его своимъ секундантомъ... Впрочемъ, Бевилль настолько извѣстенъ своей храб-

ростью и честностью, что относительно этого не может быть никакого сомнѣнія.

— Честность Бевилля! повторилъ адмиралъ, пожимая плечами. Это отъявленный атеистъ, человѣкъ развращенный до мозга костей!

— Тѣмъ не менѣе, это рыцарски честный человѣкъ! воскликнулъ Жоржъ. — Но зачѣмъ станемъ мы распространяться объ этомъ? Я самъ присутствовалъ на дуэли. Неужели, г. адмиралъ, вы считаете меня или моего брата способнымъ совершить убійство?

Въ тонѣ, какимъ были сказаны эти слова, слышалась угроза. Колинъ не понялъ, не хотѣлъ понять заключавшагося въ нихъ намека на убійство Франциска Гиза, приписанное ему ненавистью католиковъ.

Черты лица его приняли прежнее спокойное и неподвижное выраженіе.

— Мосье де-Мержи, сказалъ онъ съ презрительной улыбкой:— человѣкъ, который отрекся отъ религіи, потерялъ право говорить о своей чести, такъ какъ никто не повѣритъ ему.

Лицо капитана побагровѣло отъ гнѣва и черезъ минуту покрылось мертвой блѣдностью. Онъ отступилъ назадъ, какъ бы изъ боязни поддаться искушенію ударить старика.

— Милостивый государь, сказалъ онъ, — ваша возрастъ и положеніе, которое вы занимаете въ свѣтѣ, даютъ вамъ возможность безнаказанно оскорблять бѣднаго дворянина въ томъ, что для него всего дороже. Но умоляю васъ, прикажите которому нибудь изъ окружающихъ васъ дворянъ повторить ваши слова. Клянусь небомъ, что я заставлю его подавиться ими.

— Вѣроятно, это принято у господъ raffinés. Но я не слѣдую ихъ обычаямъ и выгоняю изъ моей службъ тѣхъ дворянъ, которые подражаютъ имъ.

Говоря это, Колинъ повернулъ спиной.

Капитанъ вышелъ изъ отеля Шатильонъ съ яростью въ сердцѣ и, вскочивъ на лошадь, пустилъ ее бѣшенымъ галопомъ, усиленно прищипывая ее въ бока. Дорогой онъ едва не раздавилъ нѣсколькихъ прохожихъ, такъ что нужно приписать особенному счастью, что съ нимъ не встрѣтился ни одинъ изъ raffinés, потому что въ томъ настроеніи духа, въ которомъ онъ находился, для него достаточно было малѣйшаго повода, чтобы обнажить шпагу.

Стремительная ѣзда мало-по-малу успокоила его возбужденные нервы. Онъ поѣхалъ шагомъ и, глядя по шеѣ своего взмыленного жоня, свазалъ съ горькой усмѣшкой:

— Мой бѣдный другъ, я отомстилъ тебѣ за нанесенное мнѣ оскорбленіе!

Онъ съ горечью припоминалъ малѣйшія подробности своего разговора съ Колинъ; но, войдя въ комнату своего брата, онъ не считъ нужнымъ сообщать ему что-либо и ограничился короткимъ извѣстіемъ, что адмиралъ отказался исполнить его просьбу.

Вслѣдъ затѣмъ явился Бевилль и, бросившись въ объятія Мержи, сказалъ ему:

— Поздравляю васъ, мой другъ! Вотъ бумага о помилованіи; вы обязаны этимъ ходатайству королевы.

Мержи былъ менѣе удивленъ, нежели его братъ. Онъ приписывалъ неожиданную милость короля хлопотамъ таинственной дамы, т. е. графини де-Тюржи.

ГЛАВА XIV.

На rendez-vous.

Мержи переѣхалъ на квартиру своего брата и сталъ вновь являться при дворѣ. Войдя въ Лувръ, онъ замѣтилъ, что къ нему до известной степени перешло то уваженіе, которымъ пользовался Комминжъ. Люди, едва знавшіе его, униженно кланялись ему, какъ близкіе знакомые. Мужчины плохо скрывали свою зависть подъ видомъ изысканной вѣжливости; дамы лорнировали его и встрѣчали съ кокетливой улыбкой, такъ какъ въ тѣ времена репутація ловкаго дуэлиста была самымъ вѣрнымъ средствомъ покорить ихъ сердца. Три или четыре человѣка, убитыхъ въ поединкахъ, имѣли больше значенія, нежели красота, умъ и богатство. Когда нашъ герой появился въ галлерей Лувра, то онъ услышалъ вокругъ себя одобрителный шепотъ:

— Вотъ Мержи, который убилъ Комминжа! Какой онъ молодой и какъ себя держитъ! Онъ очень красивъ! Посмотрите, какіе у него славные усы! Любопытно было бы знать, кто его возлюбленная?..

Но Мержи напрасно искалъ въ толпѣ голубые глаза и черныя рѣсницы госпожи де-Тюржи. Онъ дано рѣшился сдѣлать ей визитъ; но ему сказали, что въ день смерти Комминжа она уѣхала въ свое помѣстье, на разстояніи двадцати лье отъ Парижа. Злые языки говорили, что горе, причиненное смертью человѣка, который такъ усиленно ухаживалъ за нею, принудило ее искать уединенія, гдѣ бы она могла на свободѣ предаться своей тоскѣ.

Однажды утромъ, когда капитанъ, лежа на кушеткѣ, читалъ въ ожиданіи завтрака: „La vie très horrificque de Pantagruel“, а Бернаръ былъ занятъ игрою на гитарѣ подъ руководствомъ музыкальнаго учителя, синьора Уберто Винибелла, вошелъ лакей и объявилъ, что въ нижней залѣ ждетъ опрятно одѣтая старуха, которая желаетъ переговорить съ мосье Бернаромъ.

Младшій Мержи поспѣшно сошелъ внизъ и увидѣлъ незнакомую старуху, непохожую ни на Марту, ни на Камиллу. Она подала ему

письмо, завязанное золотой ниткой, съ большой печатью изъ зеленого воска, на которой вмѣсто герба былъ изображенъ амуръ, приложившій палецъ ко рту, съ вастильскимъ девизомъ: Callad! (молчите). Мержи открылъ письмо, которое состояло изъ одной фразы на испанскомъ языкѣ, едва понятной для него: Esta noche, una dama espera à V. M. (одна дама ждетъ васъ вечеромъ).

— Кто далъ вамъ это письмо? спросилъ онъ старуху.

— Одна дама.

— Какъ ея фамилія?

— Не знаю, она называетъ себя испанкой.

— Гдѣ же она познакомилась со мной? Старуха пожала плечами.

— Ваша репутація любезнаго кавалера, вѣроятно, навлекла на васъ эту бѣду! отвѣтила она насмѣшливымъ тономъ.— Скажите мнѣ только: придете ли вы или нѣтъ.

— Куда долженъ я придти?

— Приходите сегодня вечеромъ въ половинѣ девятого въ церковь Saint-Germain l'Auxerrois, налѣво отъ главнаго алтаря.

— Значить, я увижу эту даму въ церкви?

— Нѣтъ; за вами придутъ и скажутъ, куда вы должны идти.

Но никому не говорите объ этомъ и приходите одни.

— Исполню въ точности.

— Вы общаете это?

— Даю честное слово.

— Прощайте! Не слѣдите за мной, потому что это будетъ бесполезно.

Старуха удалилась съ низкимъ поклономъ.

— Скажи мнѣ, пожалуйста: зачѣмъ приходила къ тебѣ эта сводня? спросилъ Жоржъ своего брата послѣ ухода учителя музыки.

— Такъ, безъ всякой особенной дѣли! отвѣтилъ Мержи равнодушнымъ голосомъ, внимательно разглядывая мадонну.

— Сдѣлай одолженіе, не принимай таинственнаго вида! Не нужно ли проводить тебя на свиданіе, а затѣмъ постоять на улицѣ, чтобы отгонять ревнивцевъ шпагою?

— Нѣтъ, я вовсе не нуждаюсь въ этомъ.

— Ну, это твое дѣло! Секретничай сколько угодно, но держу пари, что тебѣ настолько же хочется рассказать все, какъ мнѣ узнать, что сказала тебѣ старуха.

Мержи разсѣянно наигрывалъ на гитарѣ.

— Кстати, Жоржъ, я не могу сегодня быть на ужинѣ у Водреля.

— Значить, свиданіе назначено сегодня! Скажи мнѣ, какова она? придвоя ли дама? мѣщанка или купчиха?

— Право, не знаю! Меня должны представить одной дамѣ... Она не здѣшняя... Но кто она—я не имѣю объ этомъ никакого понятія.

— Но тебѣ извѣстно, по крайней мѣрѣ, гдѣ ты встрѣтишь ее?

Бернаръ показалъ записку и сообщилъ, что ему сказала старуха.

— Это поддѣльный почеркъ, сказалъ Жоржъ,—и я не могу понять, къ чему такія предосторожности!

— Можетъ быть, это какая-нибудь знатная дама, Жоржъ!

— Какова самоувѣренность у нашей молодежи! Подайте имъ малѣйшій поводъ, и они тотчасъ вообразить, что самыя знатныя дамы готовы броситься имъ на шею.

— Посмотри, какими превосходными духами надушена эта записка!

— Что же это доказываетъ? возразилъ капитанъ, нахмуривъ брови. Въ головѣ его промелькнула мрачная мысль.—Комминжи извѣстны своей мстительностью, добавилъ онъ:—можетъ быть, это они приглашаютъ тебя, чтобы заманить въ западню, гдѣ ты дорого заплатишься за ударъ кинжала, доставившій имъ богатое наслѣдство.

— Чего ты не выдумаешь! Что за дикая фантазія!...

— Это будетъ не первый разъ, что любовь служить приманкой для мести. Ты читалъ біблію, вспомни о Самсонѣ, котораго предала Далила.

— Неужели ты считаешь меня такимъ трусомъ, что я въ виду подобныхъ предположеній откажусь отъ rendez-vous, которое, быть можетъ, доставитъ мнѣ величайшее наслажденіе! Испанки...

— По крайней мѣрѣ, не ходи безъ оружія. Если ты хочешь, то мои лакеи къ твоимъ услугамъ.

— Ну, Жоржъ, ты кажется хочешь, чтобы весь городъ былъ свидѣтелемъ моихъ любовныхъ приключеній!

— Въ моемъ предложеніи нѣтъ ничего обиднаго для тебя. Теперь это въ обычаѣ. Сколько разъ я былъ свидѣтелемъ, какъ мой другъ д'Арделей шелъ на свиданіе къ своей возлюбленной въ латахъ и съ двумя пистолетами за поясомъ... кромѣ того, за нимъ шли еще четыре солдата его отряда, вооруженные съ головы до ногъ. Ты не знаешь Парижа, мой милый; повѣрь, что осторожность никогда не мѣшаетъ. Латы всегда можно снять, если они окажутся лишними.

— Я не чувствую ни малѣйшаго безпокойства. Если бы родные Комминжа вздумали мстить мнѣ, то кто мѣшаетъ имъ напасть на меня на улицѣ, среди ночи!

— Но я выпущу тебя изъ дому только подъ условіемъ, что ты возьмешь съ собой пистолеты.

— Изволь! но надо мной будутъ насмѣхаться.

— Это еще не все! Ты долженъ предварительно пообѣдать какъ можно сытнѣе: съѣсть двѣ куропатки и цѣлую тарелку паштета съ пѣтушными грешками, чтобы вечеромъ поддержать честь семейства Мержи...

Бернаръ удалился въ свою комнату, гдѣ онъ провелъ не менѣе четырехъ часовъ за своимъ туалетомъ; онъ причесывалъ и завивалъ волосы, обливалъ себя духами и мысленно приготовлялъ краснорѣ-

чивныя фразы, съ которыми думалъ обратиться къ прекрасной незнакомкѣ.

Мержи явился на rendez-vous ранѣе назначеннаго времени, такъ что болѣе получаса прогуливался по церкви. Онъ уже трижды сосчиталъ всѣ свѣчи, колонны и ex-voto (приношенія по обѣту), когда наконецъ явилась старуха, тщательно закрытая капюшономъ, и взявъ его за руку, вышла съ нимъ молча на улицу, а затѣмъ повела его различными обходами въ узкій и повидимому необитаемый переулокъ. Здѣсь она остановилась передъ низкой стрѣльчатой дверью и отперла ее ключемъ, который вынула изъ кармана. Она вошла первая; Мержи послѣдовалъ за ней, держась за ея капюшонъ, такъ какъ очутился въ совершенной темнотѣ; въ это время кто-то заперъ за ними дверь большимъ засовомъ. Старуха предупредила его, что они у лѣстницы и что ему придется подняться на двадцать семь ступеней. Лѣстница была узкая и ступени настолько истертыя и неровныя, что онъ нѣсколько разъ едва не упалъ. Когда они дошли до площадки, которой кончалась лѣстница, старуха отворила дверь; яркій свѣтъ на минуту ослѣпилъ Мержи. Онъ вошелъ въ комнату, которая была гораздо богаче меблирована, нежели можно было ожидать по внѣшнему виду дома.

Стѣны были обиты пестрыми обоями, немного потертыми, но совершенно чистыми. Среди комнаты стоялъ столъ, освѣщенный двумя свѣчами изъ розоваго воска, на которомъ были разставлены фрукты, пирожныя, стаканы и хрустальные графины, наполненные различными винами. Два большихъ кресла, поставленные по обѣимъ сторонамъ стола, повидимому ожидали гостей. Въ нишѣ, полузакрытой шелковыми занавѣсами, видѣлась роскошно убранная кровать, покрытая пунцовымъ атласнымъ одѣяломъ. Нѣсколько курильницъ распространяли по комнатѣ пріятный ароматъ. Старуха сняла свой капюшонъ и Мержи узналъ въ ней ту самую женщину, которая принесла ему таинственное письмо.

— Пресвятая Марія, воскликнула старуха, увидя пистолеты и шпагу, которыми былъ вооруженъ Мержи,—неужели вы думали, что вамъ придется драться съ великанами? Повѣрьте, что такому красивому господину, какъ вы, найдется здѣсь другое занятіе, помимо дуэли на шпагахъ.

— Мнѣ очень пріятно слышать это! Но я взялъ съ собой оружіе изъ предосторожности, чтобы братья или сердитый мужъ не вздумали помѣшать нашему разговору.

— Вамъ нечего опасаться чего либо подобнаго! Скажите мнѣ, пожалуйста, какъ вамъ нравится эта комната?

— Я нахожу ее восхитительной; но, разумѣется, буду скучать въ ней, если долженъ оставаться тутъ въ печальномъ одиночествѣ.

— Нѣтъ, къ вамъ придетъ одна особа. Но прежде всего вы должны дать мнѣ одно обѣщаніе.

— Какое?

— Если вы католикъ, то вы должны произнести клятву надъ распятіемъ (старуха вынула крестъ изъ шкафа); если же вы гугенотъ, то поклонитесь Кальвиномъ... Лютеромъ, всѣми вашими богами...

Мержи громко расхохотался.

— Но въ чемъ же я долженъ поклясться? спросилъ онъ.

— Въ томъ, что вы не сдѣлаете никакой попытки, чтобы узнать имя дамы, которая придетъ сюда.

— Это довольно тяжелое условіе!

— Какъ хотите! Если вы не согласитесь произнести клятву, то я опять уведу васъ отсюда.

— Ну хорошо! Даю вамъ честное слово; оно стоитъ нелѣпныхъ клятвъ, которыя вы требуете отъ меня.

— Вотъ и отлично! Теперь ждите терпѣливо; пейте и кушайте сколько вамъ угодно, а немного погодя къ вамъ придетъ дама, которую вы такъ желаете видѣть.

Старуха взяла свою мантилью съ капюшономъ и вышла, заперевъ дверь на ключъ.

Мержи бросился въ кресло. Его сердце усиленно билось; онъ испытывалъ такое же волненіе, какъ нѣсколько дней передъ тѣмъ въ *Gré-aux-Clercs* при встрѣчѣ съ Комминжемъ.

Въ домѣ царила мертвая тишина. Мержи провелъ болѣе четверти часа въ мучительномъ ожиданіи. Воображеніе попеременно рисовало ему то Венеру, выходящую изъ потаенной двери, чтобы броситься въ его объятія, то графиню Тюржи въ охотничьемъ костюмѣ, принцессу королевской крови, шайку разбойниковъ и, наконецъ, что казалось ему всего ужаснѣе—влюбленную пятидесятилѣтнюю женщину.

Мечты эти были прерваны совершенно неожиданно, такъ какъ не слышно было ничьихъ шаговъ; кто-то повернулъ ключъ въ замкѣ дверей и въ комнатѣ появилась женщина въ маскѣ. Она была высокаго роста и хорошо сложена; узкій корсажъ красиво обрисовывалъ ея стройную фигуру; но къ огорченію Мержи возрастъ незнакомого нельзя было опредѣлить ни по миниатюрной ножкѣ, обутой въ бѣлую бархатную туфлю, ни по маленькой рукѣ, закрытой вышитой перчаткой. Тѣмъ не менѣе нѣчто неуловимое, быть можетъ, своего рода предчувствіе заставляло его вѣрить, что ей было не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Ея богатый туалетъ отличался простотой и изяществомъ.

Мержи тотчасъ же поднялся съ своего мѣста и преклонилъ колѣно. Таинственная дама подошла къ нему на нѣсколько шаговъ и сказала ласковымъ голосомъ:

— *Dios os guarde, caballero. Sea V. M. el bien venido* ¹⁾.

¹⁾ Господь да сохранитъ васъ, милостивый государь. Будьте нашимъ дорогимъ гостемъ.

Мержи съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Habla V. M. espanol? ¹⁾

Мержи не говорилъ по-испански и съ трудомъ понималъ этотъ языкъ.

Дама сдѣлала недовольную мину. Мержи довелъ ея до кресла; она сѣла и, пригласивъ его жестомъ руки послѣдовать ея примѣру, заговорила съ нимъ по-французки, съ иностраннымъ акцентомъ, иногда очень сильнымъ и какъ бы утрированнымъ, но который ми-нутами былъ совершенно незамѣтенъ.

— Очень рада познакомиться съ вами, мосье де-Мержи!—сказала она.—Слухи о вашей необычайной храбрости заставили меня забыть сдержанность, свойственную женщинѣ; мнѣ хотѣлось увидѣть то, что вы, французы, называете un cavalier accompli, и теперь мое желаніе исполнилось.

Мержи отвѣтилъ низкимъ поклономъ.

— Неужели вы будете настолько жестоки, сказалъ онъ, — что останетесь въ этой маскѣ, которая какъ завистливая туча скрываетъ отъ меня солнечные лучи? (Онъ вычиталъ эту фразу въ одномъ испанскомъ романѣ, переведенномъ на французскій языкъ).

— Если я буду довольна вашей скромностью, то вы не разъ увидите меня съ открытымъ лицомъ; сегодня же вы должны довольствоваться тѣмъ, что вы говорите со мной наединѣ.

— Но это удовольствіе, какъ оно ни велико, еще больше усиливаетъ мое желаніе видѣть васъ.

Онъ стоялъ на колѣнахъ и повидимому намѣревался приподнять маску.

— Росо а росо! ²⁾ вы, французы, слишкомъ живы... Садитесь на это кресло, или я тотчасъ же уйду отъ васъ. Если бы вы знали, кто я и чему я подвергаю себя, чтобы видѣть васъ, то вы довольствовались бы честью, которую я оказала вамъ, назначивъ этотъ rendez-vous.

— Дѣйствительно вашъ голосъ кажется мнѣ знакомымъ.

— Но все-таки вы слышите его въ первый разъ. Скажите, способны ли вы остаться вѣрнымъ женщинѣ, которая бы полюбила васъ?..

— Я чувствую вблизи васъ...

— Какъ можете вы любить меня, не видавъ ни разу моего лица. Вы даже не знаете, красива ли я, или дурна, какъ смертный грѣхъ!

— Я убѣжденъ, что вы очаровательны.

Незнакомка отняла руку, которой онъ завладѣлъ, и поднесла къ маскѣ, какъ бы намѣреваясь снять ее.

¹⁾ Говорите ли вы по-испански?

²⁾ Потяше.

— Что вы скажете, если передъ вами очутится пятидесятилѣтняя женщина, и вдобавокъ такая безобразная, что вы испугаетесь, когда увидите ее.

— Нѣтъ, это невозможно!

— Женщина въ пятьдесятъ лѣтъ еще можетъ влюбляться!

(Она глубоко вздохнула при этихъ словахъ; Мержи содрогнулся отъ ужаса).

— Эта изящная талія, эта рука, которую вы напрасно стараетесь отнять отъ меня, свидѣтельствуютъ о вашей молодости,—возражьте онъ.

Въ тонѣ, съ какимъ произнесены были эти слова, скорѣе слышалось желаніе сказать любезность, нежели дѣйствительное убѣжденіе.

Незнакомка вторично вздохнула. Мержи почувствовалъ еще большее безпокойство.

— Вамъ, мужчинамъ, недостаточно одной любви! продолжала она, задумчиво склонивъ голову.—Вы еще непременно требуете красоты.

— Умоляю васъ, снимите маску...

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! Развѣ вы забыли свое обѣщаніе! воскликнула она, отталкивая его; затѣмъ добавила болѣе веселымъ тономъ:—кто знаетъ, снявъ маску, я, можетъ быть, рискую потерять ваше расположеніе. Мнѣ пріятно видѣть васъ у моихъ ногъ!.. Въ случаѣ, если у меня нѣтъ ни молодости, ни красоты, насколько вы требуете этого... то можете ли вы дать мнѣ слово, что не покинете меня...

— Позвольте мнѣ взглянуть на вашу руку!

Она сняла перчатку и протянула ему руку снѣжной бѣлизны.

— Теперь я догадываюсь, кто вы. Въ цѣломъ Парижѣ нѣтъ другой болѣе красивой руки.

— Въ самомъ дѣлѣ? Чья же это рука?

— Одной графини.

— Какой графини.

— Де-Туржи.

— Я встрѣчала ее въ обществѣ... Да, у Туржи красивыя руки, но только благодаря разнымъ косметическимъ средствамъ. Я могу похвастать, что кожа на моихъ рукахъ еще нѣжнѣе, хотя я не прибѣгаю для этого къ помощи парфюмера!

Все это было сказано такимъ естественнымъ тономъ, что у Мержи явилось сомнѣніе, хотя за минуту передъ тѣмъ онъ готовъ былъ держать пари, что узналъ голосъ Туржи.

— Двѣ вмѣсто одной! думалъ онъ.—Фей положительно покровительствуютъ мнѣ!

Онъ старался найти на прекрасной рукѣ слѣдъ кольца, который видѣлъ у графини Туржи; но на красивыхъ пальцахъ не видно было ни малѣйшаго знака отъ него.

— Графиня Тюржи! воскликнула со смѣхомъ незнакомка.—Мнѣ нечего благодарить васъ, что вы принимаете меня за Тюржи! Слава Богу, я считаю себя несравненно лучше этой прославленной красавицы.

— Клянусь честью, графиня самая красивая женщина, которую я когда либо видѣлъ въ моей жизни.

— Значить, вы влюблены въ нее?

— Можетъ быть! Но сдѣлайте одолженіе, снимите маску; я очень желалъ бы видѣть женщину красивѣе Тюржи.

— Я сдѣлаю это, когда буду увѣрена, что вы любите меня... тогда вы увидите мое лицо.

— Любить васъ!.. Но, чортъ побери, развѣ возможно влюбиться въ женщину, не видя ея лица!

— Вы восхищаетесь моей рукой! Вообразите, что лицо вполне соответствуетъ этой рукѣ.

— Теперь я болѣе чѣмъ когда нибудь увѣренъ въ вашей красотѣ. Вы измѣнили себѣ, заговоривъ вашимъ обыкновеннымъ голосомъ. Я узналъ его, и никто не убѣдитъ меня въ противномъ.

— Вамъ опять почудился голосъ Тюржи? возразила она съ замѣтнымъ испанскимъ акцентомъ.

— Разумѣется!

— Вы очень ошибаетесь, сеньоръ Бернардо; меня зовутъ донна Марія... донна Марія де... Вы послѣ узнаете мою фамилію. Я уроженка Барселонны; мой отецъ, который зорко слѣдитъ за мной, отправился путешествовать; я воспользовалась его отсутствіемъ, чтобы немного развлечься и увидѣть парижскій дворъ. Что же касается Тюржи, то сдѣлайте одолженіе, не говорите мнѣ объ этой женщинѣ; я даже не хочу слышать ея имени! Это самая злая изъ всѣхъ придворнымъ дамъ. Вы, вѣроятно, слышали, какъ она сдѣлалась вдовой!

— Да, я что-то слышалъ объ этомъ. Расскажите, пожалуйста...

— Что вы такое слышали?

— Мнѣ говорили, что она разъ застала своего мужа въ интимной бесѣдѣ съ горничной и, не долго думая, взяла кинжалъ и нанесла имъ нѣсколько сильныхъ ударовъ невѣрному мужу. Бѣдняга жилъ послѣ этого не болѣе мѣсяца.

— Вы несомнѣнно находите этотъ поступокъ... ужаснымъ!

— Скажу откровенно, что я не вижу въ этомъ ничего особеннаго. Она любила своего мужа и, слѣдовательно, имѣла полное право ревновать его.

— Вы говорите это въ томъ убѣжденіи, что передъ вами графиня Тюржи; я знаю, что вы въ душѣ презираете ее.

Въ тонѣ, съ какимъ были сказаны эти слова, слышалась глубокая грусть; но это не былъ голосъ графини.

Мержи былъ въ недоумѣніи.

— Меня удивляетъ, сказалъ онъ,—что вы, уроженка Испаніи, не признаете ревности!

— Оставим это! Что это за черный шнурокъ у васъ на шеѣ?

— Это ладонка. Въ нее положены мощи.

— Я думала, что вы протестантъ и не признаете подобныхъ вещей.

— Несомнѣнно! Но я получилъ эту вещь отъ одной дамы, и поэтому не расстаюсь съ нею.

— Если вы хотите заслужить мое расположение, мосье Мержи, то вы должны забыть всѣхъ дамъ, кромѣ меня. Я хочу занять ихъ мѣсто въ вашемъ сердцѣ. Скажите, отъ кого получили вы эту коробочку? Вѣрно отъ Тюржи!

— Нѣтъ! Не она...

— Вы обманываете меня!

— Я убѣжденъ, что вы графиня Тюржи.

— Вы сами выдали себя, сеньоръ Бернардо!

— Какимъ образомъ?

— Когда я увижу графиню Тюржи, то спрошу ее, какъ она рѣшилась на святотатство! Развѣ такія вещи дарятъ еретикамъ...

Недоумѣніе Мержи увеличивалось съ каждой минутой.

— Я хочу имѣть эту коробочку. Отдайте мнѣ ее! сказала настойчиво незнакомка.

— Нѣтъ, я не могу сдѣлать этого.

— Ну, а если я буду просить васъ? Неужели вы рѣшитесь отказать мнѣ!

— Я обѣщала возвратить ладонку при первомъ требованіи.

— Но вѣдь это ребячество. Обѣщаніе, данное живой женщиной, не имѣетъ никакого значенія. Во всякомъ случаѣ, совѣтую вамъ быть на-сторожѣ; можетъ быть, вы носите опасный талисманъ. Я слышала, что Тюржи колдунья.

— Я не вѣрю въ колдовство.

— И не признаете колдуновъ?

— Нѣтъ, но колдуньи совсѣмъ другое дѣло! Я до извѣстной степени вѣрю имъ.

Мержи произнесъ эти слова съ особеннымъ удареніемъ.

— Отдайте мнѣ эту ладонку, и я, можетъ быть, сниму маску.

— Клянусь честью, это голосъ графини Тюржи!..

— Говорю вамъ въ послѣдній разъ: исполните ли вы мою просьбу или нѣтъ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, если вы снимите маску.

— Какъ вы надоѣли мнѣ съ вашей Тюржи; любите ее сколько вамъ угодно! Меня это нисколько не интересуеетъ!

Она отвернулась отъ него съ недовольнымъ видомъ. Атласъ на ея груди быстро поднимался и опускался отъ усиленнаго бѣнія сердца.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи; затѣмъ она неожиданно повернулась къ нему и сказала насмѣшливымъ тономъ:

— *Vola me Dios! V. M. по es caballero, es un monge* ¹⁾.

Съ этими словами она опрокинула рукой обѣ свѣчи, горѣвшія на столѣ, которыя слетѣли на полъ съ нѣсколькими стаканами и тарелками. Она сорвала маску. Мержи почувствовалъ ея горячее дыханіе на своемъ лицѣ; губы ихъ слились въ долгомъ поцѣлуѣ...

ГЛАВА XV.

Въ темнотѣ.

На часахъ сосѣдней церкви пробило четыре.

— Боже мой! Уже четыре часа. Я едва успѣю вернуться домой до разсвѣта!

— Какая ты недобрая, неужели ты хочешь такъ скоро разстаться со мной!

— Это необходимо! но мы скоро увидимся.

— Увидимся... Но вы забываете, графиня, что я не видѣлъ васъ сегодня.

— Оставьте въ покоѣ вашу графиню... какой вы ребенокъ! Я донна Марія; когда вы увидите меня при свѣтѣ, то убѣдитесь, что я вовсе не похожа на эту несносную Тюржи.

— Съ которой стороны двери? Я позову кого нибудь.

— Нѣтъ, дайте мнѣ только встать, Бернаръ; я знаю эту комнату и найду все, что мнѣ нужно.

— Будьте осторожны; не наступите на стекло! Вы разбили вчера нѣсколько стакановъ...

— Не беспокойтесь!

— Находите ли вы свои вещи?

— Да, вотъ мой корсетъ! Но что я буду дѣлать!.. Вчера вы перерѣзали всѣ шнуры вашимъ кинжаломъ...

— Если хотите, то я могу позвать старуху.

— Нѣтъ, не вставайте! Мнѣ ничего не нужно... *Adios, querido Bernardo!*

Въ тотъ же моментъ щелкнулъ замокъ и за дверью послышался легкій смѣхъ. Мержи, вида, что таинственная незнакомка ускользаетъ изъ его рукъ, бросился за нею. Но онъ напрасно отыскивалъ двери, спотыкаясь на каждомъ шагу о мебель, брошенное платье и оружіе, и едва не вскрикнулъ отъ радости, когда въ комнату вошла женщина съ потайнымъ фонаремъ въ рукахъ. Длинный черный плащъ покрывалъ ее съ головы до ногъ.

¹⁾ Прости Господи! вы не кавалеръ, а монахъ.

— Ну, теперь вы не убьёжите отъ меня! воскликнулъ онъ, заключивъ ее въ свои объятія.

— Оставьте меня въ покоѣ, мосье де-Мержи, сказалъ грубый голосъ.—Вы чуть не задушили меня!

Это была старуха.

— Чортъ бы васъ побралъ! сказалъ онъ съ досадой.

Онъ молча одѣлся и, накинувъ плащъ, вышелъ изъ дому съ неприятнымъ ощущеніемъ челоуѣка, который, опьянѣвъ отъ превосходной малаги, выпиваетъ вслѣдъ затѣмъ, по разсѣянности слуги, стаканъ отвратительнаго декокта.

Мержи, вернувшись домой, отвѣчалъ нехотя на вопросы Жоржа. Онъ упомянулъ вскользь, что познакомился съ какой-то дамой, которая показалась ему очень красивой, хотя ея лицо было закрыто маской; но не сказалъ ни слова о своихъ подозрѣніяхъ относительно графини Тюржи.

ГЛАВА XVI.

П р и з н а н і е.

Прошло два дня безъ всякихъ извѣстій о мнимой испанкѣ. На третій день Жоржъ сообщилъ своему брату, что графиня Тюржи пріѣхала наканунѣ въ Парижъ и вѣроятно будетъ представляться королевѣ-матери. Они тотчасъ же отправились въ Лувръ и встрѣтили графиню въ одной изъ галлерей, среди группы дамъ, съ которыми она вела оживленный разговоръ. Появленіе младшаго Мержи повидимому не произвело на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія; щеки ея оставались такими же блѣдными, какъ всегда. Она дружески кивнула ему головой, какъ старому знакомому, и послѣ обычныхъ привѣтствій сказала въ полголоса, наклоняясь къ нему:

— Теперь, я увѣрена, ваше гугенотское упрямство нѣсколько поколебалось! Или вы ждете новыхъ чудесъ, чтобы обратиться на путь истины?

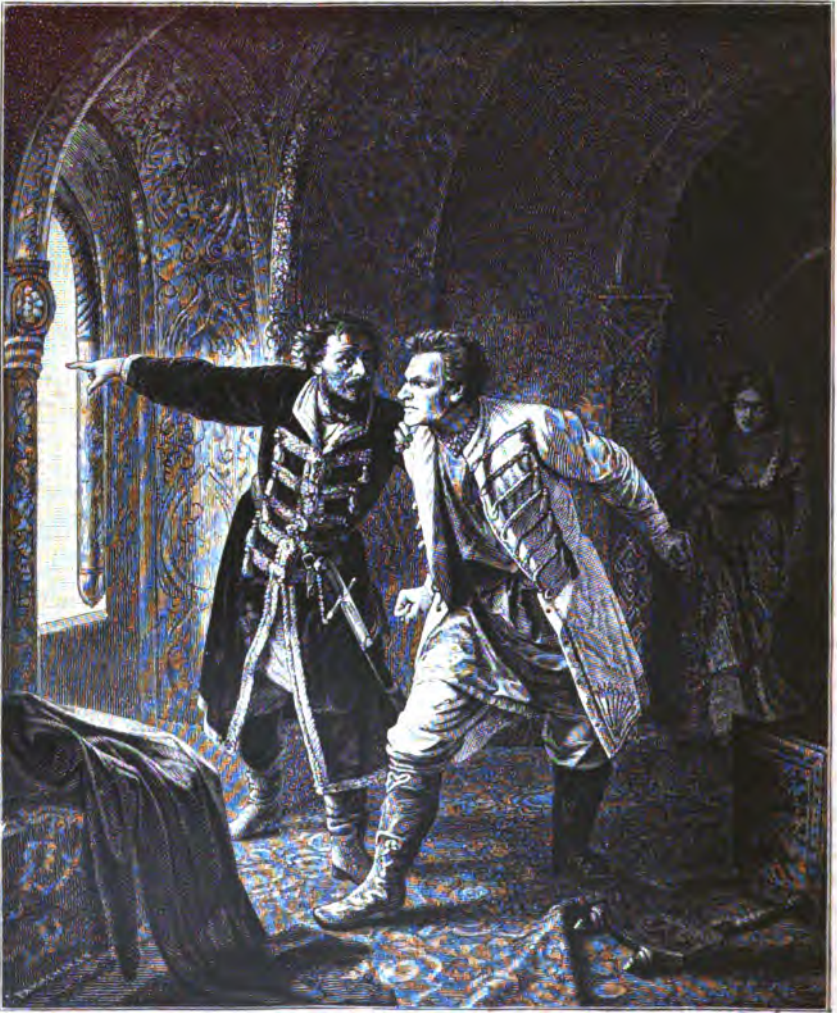
— Какимъ образомъ?

— Развѣ вы не испытали на себѣ удивительное дѣйствіе мощей? Мержи недовѣрчиво улыбнулся.

— Любовь и воспоминаніе о прекрасной рукѣ, давшей мнѣ золотую коробочку, удвоили мои силы и ловкость, сказалъ онъ шутовымъ тономъ.

Графиня Тюржи погрозила ему пальцемъ:

— Вы слишкомъ много позволяете себѣ, г-нъ корнетъ! Развѣ говорить подобныя вещи въ порядочномъ обществѣ?

ДМИТРИЙ САМОВАНЕЦЪ.

Картина профессора Венига, гравюра Паннемахера въ Парижѣ.

дозв. цензурою. спв., 27 ноября 1882 г.

ТИПОГРАФІЯ А. СУВОРИНА, ЭРТЕЛ. ПЕР., Д. 11—2

О ПОДПИСКѢ НА ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1883 ГОДУ.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1883 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе три года.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всіми приложениями, десять руб. съ пересылкой и доставкой.

Въ 1883 году число гравюръ, помѣщаемыхъ въ текстѣ журнала, будетъ значительно увеличено; съ этой цѣлью редація уже сдѣлала заказы граверамъ: Панимажеру въ Парижѣ, Клоссу въ Штуттгартѣ, Зубчанинову и Рашевскому въ Петербургѣ.

Для первыхъ книжекъ въ распоряженіи редакціи уже находятся слѣдующія статьи:

Министръ-академикъ. **Д. В. Аверкіевъ.**—Женщины Пугачевского возстанія. **А. В. Арсенъевъ.**—Выгорѣвціе совратители. **Его же.**—Генераль Антоній Езеранскій. **Н. В. Берга.**—Возстаніе поляковъ на Кругобайкальской дорогѣ. **Его же.**—Разказы бабушки. Изъ воспоминаній, вдовы инженеръ-лейтенанта **А. Я. Бутковской.**—Ковно во время польскаго мятежа 1863 года. Воспоминанія **Я. Н. Бутковского.**—Одинъ изъ забытыхъ писателей. (Князь **А. А. Шаховской.** **Е. М. Гаршина.**—Чума и Пугачевщина въ Шацкой провинціи. **И. И. Дубасова.**—Меншиковъ и видѣніе монаха Порфирія. Разказъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. **Г. В. Есипова.**—Борьба за существованіе мысли. **В. Р. Зотова.**—Московскіе люди XVII вѣка. (Съ рисунками). **Е. П. Карновича.**—Время Елизаветы Петровны и Людовика XV. (Съ рисунками). **Его же.**—Бытовые очерки изъ русской исторіи. 1. Двѣ торговки. 2. Царскій родичъ. 3. Черви. **И. И. Костомарова.**—Сербскіе гости въ Бессарабіи. **А. А. Мочубинскаго.**—Шипка въ 1877 году. Отрывокъ изъ воспоминаній генераль-лейтенанта **В. Д. Кренке.**—Усмиреніе польскаго мятежа въ Киевской губерніи въ 1863 году. **Его же.**—Женщины древней Греціи. (Съ рисунками). **Д. П. Лебедева.**—Русскіе

дѣтели въ Остзейскомъ краѣ. **Н. С. Лѣскова.**—Изъ Кишиневской старини. (Разказы о Пушкинѣ, архіепископѣ Иринеѣ и др.). **Л. С. Мациѣвича.**—Петръ Великій на сѣверѣ Россіи. (Съ рисунками). **В. Н. Майнова.**—Отрывки изъ воспоминаній **А. П. Милонова.**—Заграничныя воспоминанія **В. И. Модестова.**—Семейство Скавронскихъ. Картина изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. **В. О. Михенича.**—Скептическо-матерьялистическое направленіе въ литературѣ Екатерининскаго времени. **А. И. Незеленова.**—Очерки изъ современной украинской литературы. **Н. И. Петрова.**—Исторія моего дяди. Разказъ изъ семейной хроникѣ. **С. Т. Славутинскаго.**—Отрывки изъ воспоминаній **П. С. Усова.**—Булгаринъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни. **Его же.**—Воспоминанія и замѣтки. **Ф. В. Чижова.**—Письма изъ Америки и Австраліи. **С. В. Чичерина** и др.

Обиліе матерьяловъ, поступившихъ въ редакцію „Историческаго Вѣстника“, и необходимость давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли текущій интересъ, заставили насъ отложить печатаніе нѣсколькихъ статей, обѣщанныхъ на 1882 годъ (Государственный человѣкъ Екатерининскаго времени. **Е. П. Карновича.**—Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо. **Д. Ф. Кобеко.**—Во славу Божію. Разказъ **В. Н. Майнова.**—Плавня. Разказъ **С. В. Максимова.**—Соціалистъ прошлаго вѣка. Повѣсть **Д. Л. Мордовцева.**—Записки смѣльнаго **А. Пельяка.**—Александръ I и русская партія въ Польшѣ. **Ф. М. Уманца.**—Суевѣрія человѣчества. **М. К. Цебриковой** и др.). Статьи эти будутъ непременно помѣщены въ теченіи 1883 года.

Въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику“, съ январской книжки, начнется печатаніе, въ переводѣ, историческаго романа **Ю. Роденберга** подъ заглавіемъ „Кромвель“.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ находится при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“: въ Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 58; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ТЕКСТЪ А. БРИКНЕРА, ПРОФЕССОРА РУССКОЙ ИСТОРИИ ВЪ ДЕРПТСКОМЪ
УНИВЕРСИТЕТѢ.

ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВѢ

ПАННЕМАКЕРА и МАТТЭ въ Парижѣ; КЕЗЕБЕРГА и ЭРТЕЛЯ
въ Лейпцигѣ; КЛОССА и ХЕЛЬМА въ Штутгартѣ; ЗУБЧАНИНОВА,
РАШЕВСКАГО, ШЛИПЕРА и ВИНКЛЕРА въ Петербургѣ.

„Иллюстрированная исторія Петра Великаго“ раздѣлена на шесть частей или книгъ, составляющихъ вмѣстѣ большой томъ до 50 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Согласно намѣченному плану, авторъ, не придерживаясь строго хронологическаго порядка, излагаетъ въ первыхъ двухъ частяхъ исторію развитія Петра до 1700 года, т. е. до времени, такъ сказать, подготовленія его къ широкой дѣятельности преобразователя; въ третьей описываетъ упорную борьбу царя съ сторонниками старины; предметомъ четвертой служитъ исторія внѣшней политики въ эпоху Петра; въ пятой помѣщена характеристика преобразованій въ области законодательства и администраціи; въ шестой очерчена личность Петра и указано значеніе нѣкоторыхъ его сотрудниковъ.

Рисунки для настоящаго изданія выбраны лишь тѣ, которые имѣютъ прямое отношеніе къ царствованію Петра Великаго и притомъ преимущественно одѣланные въ его время. Портреты сподвижниковъ Петра воспроизведены съ наиболѣе достовѣрныхъ подлинниковъ; виды городовъ, зданій, мѣстностей, костюмовъ, бытовья сцены и проч. болѣею частью съ оригиналовъ, современныхъ Петру.

Всѣхъ гравюръ въ „Иллюстрированной исторіи Петра Великаго“ около 250. Такъ, какъ гравюры распределены, насколько это было возможно, сообразно съ содержаніемъ текста, то въ иныхъ главахъ, или выпускахъ, ихъ больше, въ другихъ меньше. Сверхъ того, приложено нѣсколько факсимиле и два портрета Петра (Клеллера и Моора), воспроизведенные съ рѣдкихъ оригиналовъ фото-литографскимъ способомъ.

„Иллюстрированная исторія Петра Великаго“ выходитъ выпусками, каждый объемомъ до 2-хъ печатныхъ листовъ. *Всѣхъ выпусковъ будетъ около 25.* Подписная цѣна на все изданіе 12 руб. безъ пересылки, съ пересылкой 14 руб., *причемъ и подписчики могутъ, по желанію, вносить деньги въ разсрочку, а именно: городскіе—при подпискѣ 6 руб., по выходѣ шестаго выпуска 3 руб. и по выходѣ двенадцатаго выпуска 3 руб.; иногородные: при подпискѣ 6 руб., по выходѣ шестаго выпуска 4 руб. и по выходѣ двенадцатаго выпуска 4 руб.*

Каждый выпускъ продается отдѣльно по 60 к. безъ перес., съ пересылкой 70 к.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХЪ ДЕСЯТИ ВЫПУСКОВЪ:

Текстъ: Отъ издателя.—Введеніе.—Часть первая. Глава первая. Дѣтство Петра (1672—1689). Глава вторая. Кризисъ 1682 года. Глава третья. Начало регентства Софьи. Глава четвертая. Правленіе Софьи. Глава пятая. Паденіе Софьи. Глава шестая. Нѣмецкая слобода. Глава седьмая. Азовскіе походы.—Часть вторая. Глава первая. Путешествіе за-границу. Глава вторая. Русскіе за-границей. Глава третья. Иностранцы въ Россіи. Глава четвертая. Начало преобразованій. Часть третья. Глава первая. Признаки неудовольствій. Глава вторая. Стрѣлецкій бунтъ 1689 года.

Гравюры въ текстѣ: Царь Алексѣй Михайловичъ (съ портрета, находящагося въ Эрмитажѣ).—Каанъ колесованіемъ (съ рѣдчайшей гравюры начала XVIII столѣтія, находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова).—Домъ князя Меншикова въ С.-Петербургѣ (съ современной гравюры 1716 года).—Амстердамскій бургомистръ Витзенъ (съ гравированнаго портрета Шенка 1701 г.).—Видъ Амстердама въ началѣ XVIII столѣтія (съ современной голландской гравюры).—Московская торговая лавка въ XVII столѣтіи (съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи“ Олеарія).—Графъ Феодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ (съ портрета, принадлежащаго князю Е. П. Кочубей).—Московская улица въ XVII столѣтіи (съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи“ Олеарія).—Царица Евдокія Феодоровна (съ портрета, принадлежащаго графу И. И. Воронцову-Дашкову).—Нѣмецкая слобода (съ гравюры Генриха де-Витта, начала XVIII столѣтія).—Дѣтскій возокъ Петра Великаго (съ

рисунка, находящагося въ книгѣ Говарда „The Russian empire“. — Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ (съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ его жизнеописанію, изд. въ 1776 г.). — Царица Наталья Кирилловна (съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ). Никита Моисеевичъ Зотовъ (съ гравированнаго портрета Осипова). — Страница изъ учебной тетради Петра Великаго (со снимка, приложеннаго къ „Исторіи Петра Великаго“ Устрялова). — Царь Иванъ Алексѣевичъ (съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ). — Присяга русскихъ въ XVII столѣтіи (съ современной гравюры). — Царевна Софья Алексѣевна (съ портрета, находящагося въ Романовской галлерей). — Стрѣльцы-начальники и стрѣльцы-рядовые (съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ“). — Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ (съ портрета, находящагося въ картинной галлерей Н. И. Путилова). — Стрѣлцкое знамя 1684 года (съ фотографіи, сдѣланной съ подлинника, хранящагося въ Оружейной палатѣ). — Пренія раскольниковъ въ Грановитой палатѣ (съ рисунка художника Дмитріева). — Царевна Софья угощаетъ стрѣльцовъ (съ рисунка художника Дмитріева). — Пѣшій жалець (съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ“). — Конный жалець (съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ“). — Старинная церковь въ селѣ Воздвиженскомъ (съ рисунка, находящагося въ „Русской старинѣ“, изд. Мартыновымъ). Саввинъ-Отрожевскій монастырь въ началѣ XVIII столѣтія (съ современной гравюры). — Троицкая-Сергіева лавра въ началѣ XVIII столѣтія (съ рѣдкой современной гравюры Малиютина). — Воинъ-иноземецъ въ русской службѣ въ XVII столѣтіи (съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ“). — Князь Василій Васильевичъ Голицынъ (съ рѣдчайшаго современнаго гравированнаго портрета Тарасевича). — Царевна Софья Алексѣевна (съ портрета, находящагося въ картинной галлерей Н. И. Путилова). — Посольскій домъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи (съ современной гравюры). — Одежда бояръ и боярынь въ XVII столѣтіи (съ рисунка, находящагося въ „Древностяхъ Россійскаго Государства“). — Московская площадь въ концѣ XVII столѣтія (съ современной гравюры находящейся въ „Путешествіи“ Олеарія). — Поѣздъ знатной русской боярыни въ XVII столѣтіи (съ рисунка, сдѣланнаго въ 1674 г. шведомъ Пальмквистомъ). — Московская улица въ концѣ XVII столѣтія (съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи“ Олеарія). — Тронъ царей Петра и Ивана Алексѣевичей (съ рисунка, находящагося въ „Древностяхъ Россійскаго Государства“). — Измайловскій ботинокъ (въ настоящемъ его видѣ). — „Fortuna“, ботинокъ Петра I на Переяславскомъ озерѣ (въ настоящемъ его видѣ). — Францъ Тиммерманъ (съ современнаго портрета, находящагося на гравюрѣ Шхонебека „Взятіе Азова“). — Царевна Софья Алексѣевна (съ весьма рѣдкаго современнаго портрета, гравированнаго въ Голландіи Блотелингомъ). — Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ (съ портрета, находящагося въ картинной галлерей Н. И. Путилова). — Новодѣвичій монастырь въ XVIII столѣтіи (съ старинной гравюры). — Патрикъ Гордонъ (съ портрета, находящагося въ картинной галлерей Н. И. Путилова). — Францъ-Лефортъ (съ гравированнаго портрета Шенка 1698 года). — Архангельскъ въ началѣ XVIII столѣтія (съ современной голландской гравюры). — Соловецкій монастырь въ XVIII столѣтіи (съ современной гравюры). — Крестъ, поставленный Петромъ Великимъ на берегу Вѣлаго моря (съ рисунка, приложеннаго къ „Исторіи Петра Великаго“ Устрялова). — Крестъ, сдѣланный

Петромъ Великимъ и находящійся въ настоящее время въ соборѣ г. Архангельска (съ рисунка А. П. Норовлева).—Домъ Лефорта въ Нѣмецкой слободѣ (съ рѣдкой современной гравюры).—Автономъ Михайловичъ Головинъ (съ портрета, находящагося на современной гравюрѣ „Взятіе Азова“).—Воронежъ въ концѣ XVII столѣтія (съ современной голландской гравюры).—Цейхгаузъ петровскаго времени въ Воронежѣ (въ его настоящемъ видѣ).—Корабль „Молящійся св. апостолъ Петръ“, построенный Петромъ I въ Воронежѣ, въ 1696 г. (съ современной гравюры Шконебека).—Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій (съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ).—Вояринъ Алексѣй Семеновичъ Шенинъ (съ портрета, находящагося на современной гравюрѣ „Взятіе Азова“).—Печати, употреблявшіяся Петромъ I во время пребыванія его въ Голландіи (съ факсимиле, приложенныхъ къ „Исторіи Петра Великаго“ Устрялова).—Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ (съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ).—Рига въ XVIII столѣтіи (съ рѣдкой современной гравюры Шенка).—Митава въ XVIII столѣтіи (съ современной шведской гравюры).—Курфирсть Фридрихъ Вильгельмъ (съ гравированнаго портрета Буха).—Домикъ, гдѣ жилъ Петръ I въ Саардамѣ (съ современной гравюры).—Внутренность дома Петра I въ Саардамѣ въ настоящее время (съ гравюры Слюйтера).—Видъ города Амстердама въ началѣ XVIII столѣтія (съ современной голландской гравюры).—Амстердамскій бургомистръ Витенъ (съ гравированнаго портрета Шенка 1701 г.).—Петръ Великій въ матроскомъ платьѣ (Piter-baas) въ Саардамѣ (съ гравированнаго портрета Маркуса).—Петръ Великій въ голландскомъ платьѣ (съ гравюры Свистунова).—Петръ I въ кабинетѣ голландскаго собирателя рѣдкостей, Вильде (съ современнаго офорта, сдѣланнаго дочерью Вильде).—Русское посольство въ Гаагѣ, въ 1697 году (съ современной гравюры Маркуса).—Петръ Великій въ русскомъ платьѣ, въ бытность свою въ Голландіи, въ свитѣ великаго посольства (съ современнаго гравированнаго портрета Оттенса).—Видъ города Гааги въ XVIII столѣтіи (съ современной голландской гравюры).—Король англійскій Вильгельмъ III (съ гравированнаго портрета Хубраена).—Лордъ Кармартенъ (съ рѣдкаго портрета, доставленнаго профессоромъ Оксфордскаго университета Морфилемъ).—Императоръ австрійскій Леопольдъ I (съ гравированнаго портрета Шенка).—Король польскій Августъ II (съ современнаго гравированнаго портрета).—Петръ Андреевичъ Толстой (съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ).—Петръ I экзаменуетъ учениковъ, возвратившихся изъ-за границы (съ картины Н. Н. Каразина).—Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ (съ гравированнаго портрета Колпакова).—Адмиралъ Крюйсъ (съ рѣдкой голландской гравюры Кньюйна, находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова).—Баронъ Гюйсенъ (съ современнаго гравированнаго портрета).—Бородовые знаки (съ рисунковъ, находящихся въ „Описаніи русскихъ монетъ“ Шуберта).—Фузелеръ Преображенскаго полка при Петрѣ Великомъ (съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ“).—Гренадеръ Преображенскаго полка при Петрѣ Великомъ (оттуда же).—Фузелеръ драгунскаго полка при Петрѣ Великомъ (оттуда же).—Фузелеры пѣхотныхъ армейскихъ полковъ Петровскаго времени (оттуда же).—Офицеръ и солдатъ армейскаго полка Петровскаго времени (оттуда же).—Знамя Преображенскаго полка въ 1701 году (оттуда же).—Воскресенскій (Новый Іерусалимъ) монастырь въ началѣ XVIII столѣтія (съ современнаго гравированнаго вида).

Гравюры, приложенныя на отдѣльныхъ листахъ: Петръ Великій (съ гравюры Смита, сдѣланной съ портрета, писаннаго съ натуры Кнеллеромъ въ Утрехтѣ въ 1697 году и находящагося въ Лондонѣ, въ Гамптонъ-Кортѣ; фототипія Ремлера и Ионаса въ Дрезденѣ).—Полтавскій бой (съ современной гравюры Шхонебека, грав. Кезебергъ и Эртель въ Лейпцигѣ). — Первое морское сраженіе въ устьяхъ Невы въ 1703 году (картина проф. Лагоріо, грав. А. Клоссъ въ Штутгартѣ).—Стрѣлецкій бунтъ въ 1683 году (съ картины Дмитріева. Грав. Паннемакеръ въ Парижѣ).—Коломенскій дворецъ (съ рѣдчайшей гравюры Гильфердинга, сдѣланной съ натуры за годъ до разрушенія дворца, находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова). — Московскій Кремль въ началѣ XVIII столѣтія (съ современной гравюры Бликлянда). — Каменный мостъ въ Москвѣ въ началѣ XVIII столѣтія (съ современной гравюры Бликлянда). — Печатный дворъ въ Москвѣ въ XVII столѣтія (съ рисунка, находящагося въ „Древностяхъ Россійскаго Государства“). — Село Измайлово въ XVIII столѣтіи (съ весьма рѣдкой современной гравюры). — Петръ I въ селѣ Измайловѣ (съ картины Мясоѣдова, грав. Кезебергъ и Эргель въ Лейпцигѣ).—„Взятіе Азова“ въ 1696 году (съ современной (1699 г.) гравюры Шхонебека, грав. Паннемакеръ въ Парижѣ).—Въѣздъ русскаго посольства въ Амстердамъ въ 1697 году (съ современной гравюры Мушераля, гравировалъ Паннемакеръ въ Парижѣ).—Аудиенція Шереметева у австрійскаго императора Леопольда (съ гравюры, приложенной къ книгѣ „Записка о путешествіи Шереметева“).—Преслѣдованіе русской одежды въ Петровское время (съ современной голландской гравюры).—Факсимиле царицы Евдокии.—Арестъ Цыклера (рисунокъ художника Загорскаго, гравюра Клосса въ Штутгартѣ). — Казнь стрѣльцовъ (съ гравюры приложенной къ „Дневнику“ Корба).

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины „Новаго Времени“: въ Петербургѣ, Невскій просп., № 58; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

НОВИКОВЪ ВЪ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ.

(По новымъ документамъ ¹).

И со беззаконными вмѣнѣнъ.
(въ Марка, гл. ѿ. кѡ.)

ВЪ ПОСЛѢДНИЕ годы блестящаго царствованія императрицы Екатерины, въ сферѣ умственной жизни русскаго общества совершилось одно великое трагическое событіе. Дѣйствующими лицами его были — сама императрица и знаменитый издатель журналовъ и общественный дѣятель Николай Ивановичъ Новиковъ. — Указомъ главнокомандующему Москвы, князю А. А. Прозоровскому, отъ 1-го августа 1792 г., императрица повелѣла заключить Новикова безъ суда въ Шлиссельбургскую крѣпость на 15 лѣтъ за чрезвычайныя провинности и преступленія. Въ чемъ они состояли, явствуетъ изъ слѣдующихъ мѣстъ указа ²):

„Разсматривая произведенные оставному поручику Николаю Новикову допросы и взятыя у него бумаги, находимъ мы съ одной стороны вредные замыслы сего преступника и его сообщниковъ, духомъ любоначалія и корыстолюбія зараженныхъ, съ другой же крайнюю слѣпоту, невѣжество и развращеніе ихъ послѣдователей. На семъ основаніи составлено ихъ общество; плутовство и обольщеніе употребляемо было къ распространенію раскола не только въ Москвѣ, но и въ прочихъ городахъ... слѣдующія обстоятельства

¹) Документы эти, приведенные нами въ текстѣ, находятся въ Государственномъ Архивѣ; копія съ нихъ обязательно переданы въ распоряженіе редакціи „Историческаго Вѣстника“ Г. В. Есиловымъ.

²) Онъ напечатанъ въ книгѣ Лонгинова „Новиковъ и моск. мартинисты“. М. 1867 г., стр. 0114.

обнаруживаютъ ихъ явными и вредными государственными преступниками: 1) Они дѣлали тайныя сборища ¹⁾, имѣли въ оныхъ храмы, престолы, жертвенники; ужасныя совершались тамъ клятвы съ дѣлованіемъ креста и Евангелія, которыми обязывались и обманщики и обманутые вѣчною вѣрностію и повиновеніемъ ордену Златорозоваго креста съ тѣмъ, чтобы никому не открывать тайны ордена, и если бы правительство стало сего требовать, то, храня оную, претерпѣвать мученіе и казни. Узаконенія о семъ, писанныя рукою Новикова, служатъ къ обличенію ихъ. 2) Мимо законной, Богомъ учрежденной власти, дерзнули они подчинить себя герцогу Брауншвейгскому, отдавъ себя въ его покровительство и зависимость, потомъ къ нему же относились съ жалобами въ принятомъ отъ правительства подозрѣніи на сборища ихъ и чинимыхъ будто притѣсненіяхъ. 3) Имѣли они тайную переписку съ принцемъ Гессенкассельскимъ и съ прусскимъ министромъ Вѣльперомъ изобрѣтенными ими шифрами и въ такое еще время, когда Берлинскій дворъ оказывалъ намъ въ полной мѣрѣ свое недоброхотство. Изъ посланныхъ отъ нихъ туда трехъ членовъ двое и понынѣ тамъ пребываютъ, подвергая общество свое заграничному управленію и нарушая чрезъ то долгъ законной присяги и вѣрности подданства. 4) Они употребили разные способы, хотя вообще, къ уловленію въ свою секту извѣстной по ихъ бумагамъ особы ²⁾; въ семъ уловленіи, такъ какъ и въ помянутой перепискѣ, Новиковъ самъ призналъ себя преступникомъ. 5) Издавали печатныя у себя, безъ позволенія, развращенныя и противныя закону православному книги и послѣ двухъ сдѣланныхъ запрещеній осмѣлились еще продавать новыя, для чего и завели тайную типографію. Новиковъ самъ призналъ тутъ свое и сообщниковъ своихъ преступленіе. 6) Въ уставѣ сборищъ ихъ, писанномъ рукою Новикова, значатся у нихъ храмы, епархіи, епископы, миропомазаніе и прочія установленія и обряды, внѣ святой нашей церкви беззаконныя. Новиковъ утверждаетъ, что въ сборищахъ ихъ оныя въ самомъ дѣлѣ не существовали, а упоминаются только одною аллегоріей для приобрятенія ордену ихъ вѣщаго уваженія и повиновенія; но симъ самымъ доказываются коварство и обманъ, употребленные имъ съ сообщниками для удобнѣйшаго слабыхъ умовъ доколебанія и развращенія. Впрочемъ, хотя Новиковъ и не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ, но вышеупомянутыя обнаруженныя и собственно имъ признанныя преступленія столь важны, что по силѣ законовъ тягчайшей и нещадной подвергаютъ его казни. Мы однако-жъ, и въ семъ случаѣ сгѣдую сродному намъ челоуѣколюбію и оставляя ему время на принесеніе въ своихъ злодѣйствахъ покаянія, освободили его отъ оной и повелѣли запереть его на пятнадцать лѣтъ въ Шлессельбургскую крѣпость⁴⁾.

Итакъ, Новиковъ и его „сообщники“, т. е. товарищи по масонству и Типографической Компаніи, обвинялись въ учрежденіи тайнаго общества, имѣвшаго тайную типографію и печатавшаго запрещенныя книги; въ стремленіи „уловить“ въ это общество наследника престола, и въ сношеніяхъ съ иностранными правительствами, враждебными правительству императрицы Екатерины. Масонскому и общественному дѣлу Новикова и его товарищей придана была политическая окраска. Императрица, должно быть, заподозрила измѣну и заговоръ съ цѣлью возведенія на престолъ великаго князя Павла Петровича. (Впрочемъ, указъ 1-го августа дѣлаетъ оговорку, что Новиковъ „не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ“).

¹⁾ Здѣсь разумѣются засѣданія масонскихъ ложъ.

²⁾ Эта особа—великій князь Павелъ Петровичъ.

Понятно поэтому то живое участіе, которое приняла императрица въ слѣдственномъ дѣлѣ о Новиковѣ. Слѣдствіе производили, главнымъ образомъ, князь Прозоровскій и знаменитый Степ. Ив. Шешковскій. Но они дѣйствовали не самостоятельно: ими руководила сама Екатерина и всѣ ихъ вопросы Новикову и другимъ лицамъ составлялись на основаніи ея собственноручныхъ инструкцій и замѣчаній,—слѣдствіе производила она сама. Въ книгѣ Лонгинова „Новиковъ и московскіе мартинисты“ напечатаны „Отвѣты Новикова Шешковскому въ Шлиссельбургѣ въ іюнѣ 1792 г.“. Позднѣе появились въ печати (въ II-мъ т. „Сборника Русскаго Историческаго общества“) „Вопросные пункты Шешковского, предложенные Новикову“. Въ настоящее время можно сказать, что эти вопросные пункты составлены на основаніи собственныхъ указаній императрицы. По крайней мѣрѣ, относительно первыхъ пунктовъ объ этомъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ слѣдующая собственноручная записка Екатерины:

О Новиковѣ.

„Послѣ обмѣиовенныхъ о состояніи и образа жизни до него лично касающихся нужно спросить:

„1) Что онъ вѣдал, что всякое завожденіе новой секты или раскола и проповѣдованіе онаго есть вреденъ Государству и запрещенъ Правительствомъ, какой имѣлъ поводъ и побужденіе посвятить себя сему пагубному упражненію?

„2) Когда онъ къ тому приступилъ и при какихъ обстоятельствахъ?

„3) Кто были съ нимъ участники и кто послѣдователи, тутъ нужно различить первыхъ отъ послѣднихъ, такъ какъ обманщики отъ обманутыхъ. Объ участникахъ долженъ онъ сказать о каждомъ порознь—время вступленія его въ союзъ съ нимъ и какія въ тому имѣли они достоинства. Таково же нужно объясненіе и о послѣдователяхъ.

„4) Распросить подробно о обрядахъ приема, а паче еще о присягѣ.

„5) Уставъ ихъ дозволяетъ ли имѣть сношеніе съ непріятелями, почти явными Государства.

„6) Какой причины ради они входили въ переписку съ Прусскимъ Министромъ Вальнера, какъ явствуетъ изъ взятыхъ бумагъ?

„7) Переписка съ Принцемъ Карломъ Гессенъ-Кассельскимъ по какой была причинѣ и какіе онъ имъ далъ совѣты?

„8) Князь Рѣпинъ имѣлъ ли свѣденіе о ихъ перепискѣ съ чужими дворами?

„9) Вѣдал, что Пруссія въ теченіе сей войны была противъ Россіи, какъ общество столь многоумныхъ людей могло ослѣпиться войти въ переписки и пересылки наставленія и руководство отъ одного изъ Министровъ Прусскихъ? Когда сія переписка началась, въ чемъ состояла? Не для оной ли Кутузовъ живеть въ Берлинѣ? Посланъ ли онъ обществомъ ихъ? И кого онъ тамъ представляетъ?

„10) Какое сдѣлано ими употребленіе изъ предписаній, данныхъ Вальнеромъ касательно В. К. *) или какое употребленіе здѣлать они хотѣли?

„11) Какія переписки и когда они имѣли съ княземъ Рѣпиннымъ, съ Пещеевымъ, съ княземъ Куракиннымъ? И знали ли они о Берлинскихъ наставленіяхъ?

*) Великаго князя.

„12) По запрещеніи и запечатаніи у него книги, какъ онъ дерзнулъ нарушить сіе запрещеніе и вѣдаетъ ли какому подвергается наказанію?“

Точно также вопросные пункты Колокольникову, одному изъ студентовъ, посланныхъ Типографической Компаніей учиться за-границу, составлены на основаніи собственноручной инструкціи императрицы, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ своимъ содержаніемъ и порядкомъ „Отвѣты Колокольникова на вопросные пункты“, напечатанные во II-мъ т. „Сборника Русскаго Историческаго общества“. Вотъ записка императрицы Екаторины:

„Какъ они ссылаются на привилегіи Университетскія, то можемъ имъ сказать, что давно они бы выполнены были, ежели упрямствомъ и упорностію своею сами дѣло свое не остановили и не довели до того, что изъ монастыря перевезены въ крѣпость.

Въ эту записку вложена другая, собственноручная же, съ слѣдующими вопросами:

„1) За что и по какому закону Новиковъ и Лопухинъ съ людей присягу берутъ?

„2) Село Пыскорѣ Пермскаго Намѣстничества чей ‘)?

„3) Что за Кампанія, которая набирала студенты на своемъ иждивеніи?

„4) Какой это домъ, гдѣ компанія дозволяла жить студентамъ и давала имъ столъ?

„5) Какъ студенты въ томъ домѣ были содержаны и много ли ихъ было?

„6) Чего въ томъ домѣ учились? и какими обязанъ были должностями и какія съ нихъ брали обязательства письменныя или словесныя, когда и какъ и кто?

„7) Новиковъ и Лопухинъ въ той компаніи и въ томъ домѣ какія имѣли должности и кѣмъ поставлены въ оныхъ?

„8) Кто приводилъ въ присягѣ и какъ сіе происходило?

„9) Чего общались?

„10) Что за голубые кафтаны съ золотымъ камзолемъ и черное исподнее платье и кто оныхъ носилъ?

„11) Они ли сами просились, либо ихъ уговорили ѣхать въ чужіе края для ученія медицины?

„12) Какія именно книги Лопухинъ купить велѣлъ и вывозить?

„13) Изъ показанія его видно нѣкоторое чистосердечіе и довольной смыслъ и для того требуется, чтобъ онъ сказалъ откровенно и безъ утайки, какъ, когда и на что и съ какими мыслями начертилъ извѣстную черную найденную бумагу?

„14) Въ чужіе края, понеже призналъ что масонъ, хаживалъ ли и посѣщалъ ли масонскія ложи и въ оныхъ получилъ ли онъ либо его товарищъ степени выше данной имъ въ Москвѣ?

„15) Начертаніе найденное не коверъ ли вышней той степени или тамъ поученной?

„16) Извѣстно здѣсь, что до 160 степеней считаютъ масонства, то каковой онъ степени и какъ оной называютъ и достигаютъ?

„17) Имяна людей, находящіеся въ компаніи, коя содержала и отправляла студентовъ особо записать прикажете.

‘) Во II-мъ т. „Сборн. Русск. Ист. общ.“ напечатана „Исторія жизни и дѣлъ моихъ“ (Колокольникова), начинающаяся словами: „Родился я въ селѣ Пыскорѣ, Пермскаго Намѣстничества, учился въ семинаріи...“

„18) Весьма бы хорошо было, ежели пресвященный Митрополитъ приказалъ кому изъ учителей экзаминовать въ законѣ писателя приложенной бумаги, котораго имя однако я нигдѣ не нашла, а безумнаго и спросить не чего—онъ большой ¹⁾“

Изъ вышеприведеннаго, обвиняющаго Новикова указа князю Прозоровскому, между прочимъ, вытекаютъ, повидимому, два такіа заключенія: 1) Новиковъ самъ призналъ себя виновнымъ въ „уловленіи“ великаго князя Павла Петровича. 2) Императрица была вполне убѣждена во вредныхъ и опасныхъ политическихъ замыслахъ „сего преступника и его сообщниковъ“. Но на самомъ дѣлѣ оба эти положенія ложны. Отношенія свои къ Павлу Петровичу Новиковъ очень обстоятельно разъясняетъ въ отвѣтѣ на 21-й вопросный пунктъ Пешковскаго ²⁾. Сношенія московскихъ масоновъ съ великимъ княземъ производились, оказывается, черезъ архитектора Баженова. Въ концѣ 1775, или въ началѣ 1776 года, Баженовъ передалъ великому князю отъ Новикова и его товарищей двѣ книги: „переводъ Арндтовъ о истинномъ христіанствѣ“ и „помнится еще (говоритъ Новиковъ)—избранную библиотеку для христіанскаго чтенія“. Но рѣшился Новиковъ послать эти книги, во-первыхъ, послѣ того, какъ узналъ (отъ купца Глазунова или отъ Баженова—онъ не помнитъ), что ихъ раньше искали „для той особы“ въ книжныхъ лавкахъ; во-вторыхъ, онъ сдѣлалъ это по совѣту съ княземъ Трубецкимъ, какъ однимъ изъ „старшихъ братьевъ“, и притомъ Баженову было подтверждено, „чтобы отдалъ лишь когда спроситъ“, т. е. когда спроситъ великій князь; въ-третьихъ, Новиковъ положительно утверждаетъ, что при этомъ у него не было никакого инаго умысла, кромѣ надежды „милостиваго покровительства и заступленія“ со стороны великаго князя. Изъ словъ Новикова видно, что на допросѣ ему напомнили о какомъ-то прежнемъ намѣреніи, относительно великаго князя, профессора Шварца (бывшаго, какъ извѣстно, главою московскихъ масоновъ); дѣло это стояло въ связи съ какимъ-то письмомъ принца Гессенкассельскаго. „Прежнее намѣреніе у меня и изъ головы вышло и вспомнилъ лишь здѣсь“, пишетъ Новиковъ, и прибавляетъ: „по истинѣ какъ передъ Богомъ говорю, чтобы думать тогда о введеніи той особы въ орденъ, я бы и помыслить сего не осмѣлился, и почиталъ бы то не возможнымъ исполненію“.—Возвратившись въ Москву послѣ передачи Павлу Петровичу названныхъ выше книгъ, Баженовъ далъ Новикову „бумагу“, гдѣ написалъ то, что говорилъ съ великимъ княземъ; бумага эта поразила, по словамъ Новикова, его и Гамалѣю, и они бы сожгли ее, если бы не надо было показать князю Трубецкому. Въ этой бумагѣ Баженовъ „много вралъ и говорилъ своихъ фантазій, выдавая за ученіе орденское“. Словамъ этой бумаги о великомъ князѣ Новиковъ

¹⁾ Вѣроятно, здѣсь разумѣтъ императрица Невзорова.

²⁾ „Сборн. Русск. Ист. общ.“, т. II-й, „Отвѣты Новикова на 21-й вопросный пунктъ“.

„истинно не повѣрилъ, зная (поясняетъ онъ) того человѣка, который писалъ ону“.

Эта бумага Баженова и была, какъ можно думать, главною уликою противъ Новикова и его товарищей. Къ сожалѣнiю, она донныиъ остается намъ неизвѣстной. Безъ нея „Новиковское дѣло“, несмотря на множество открытыхъ и напечатанныхъ уже документовъ, до сихъ поръ не вполне ясно. Не открыта и другая, тоже, должно быть, важная бумага Баженова,—это записка, которую онъ далъ московскимъ масонамъ по возвращенiи изъ Петербурга, въ 1787 или 1788 году, когда онъ передалъ великому князю вторую посылку книгъ, а именно: „извлеченiе краткое изъ сочиненiй Оми Кемпийскаго“ и „на нѣмецкомъ языкѣ книгу о таинствѣ Креста“. Эта вторая записка говорила (по словамъ Новикова) о томъ, что книги приняты благосклонно, но „особа“ спрашивала, увѣренъ ли Баженовъ, что между московскими масонами нѣтъ ничего худаго; Баженовъ увѣрялъ клятвенно, что нѣтъ; тогда „особа“ заключила: „Богъ съ вами, только живите смиренно“. Вторая записка Баженова выгораживала такимъ образомъ изъ „Новиковскаго дѣла“ великаго князя, быть можетъ и опровергала, или, по крайней мѣрѣ, подрывала значенiе первой записки. Была ли она извѣстна слѣдователямъ — мы не знаемъ. Новиковъ говоритъ, что не помнитъ, у кого она осталась: у него ли, у князя ли Трубецкаго, или возвращена Баженову. Почти несомнѣнно, что съ этой запиской совершенно гармонируютъ два очень важныхъ документа, появившiеся въ печати въ XXVII-мъ т. „Сборн. Русск. Ист. общ.“: письмо на французскомъ языкѣ Павла Петровича къ императрицѣ, въ которомъ онъ отрекается отъ того, что сказано о немъ въ первой запискѣ Баженова, и пояснительная собственноручная замѣтка императрицы къ этому письму, въ которой она говоритъ: „приложенной пасевиль, у Новикова найденной, показанъ мною великому князю и онъ, оной прочтя, ко мнѣ возвратилъ съ приложенной цидулкою, изъ которой оказывается, что на него все вышеписанной пасевиль вслѣпалъ и солгалъ, чему охотно вѣрю и нахожу вѣщце виновнымъ сочинителя онаго“.

Изъ всего вышеизложеннаго можно сдѣлать то заключенiе, что Новиковъ, вопреки утвержденiю указа отъ 1-го августа 1792 года, вовсе не сознавался въ „уловленiи“ наслѣдника престола и далъ даже довольно обстоятельныя объясненiя документа, издавашаго на него тѣмъ въ этомъ смыслѣ. Указъ 1-го августа даже самъ себя противорѣчить, утверждая фактъ признанiя Новикова, потому что въ концѣ его сказано, что Новиковъ „не открылъ еще сокровенныхъ своихъ замысловъ“.

Другой вопросъ — повѣрила ли императрица отвѣтамъ Новикова на 21-й вопросный пунктъ? Повидимому, не повѣрила; на самомъ дѣлѣ, если не вполне повѣрила, то по крайней мѣрѣ усомнилась въ существованiи той вины, которая за нимъ первоначально подозрѣва-

лась. Объ этомъ свидѣтельствуесть и указанное противорѣчіе въ обвинительномъ актѣ и, главнымъ образомъ, одна непостижимая, повидимому, странность въ Новиковскомъ дѣлѣ: пострадалъ одинъ Новиковъ, а „сообщники“ въ его ужасныхъ преступленіяхъ не были наказаны совсѣмъ, или почти совсѣмъ. Указъ 1-го августа 1792 года, обвиняющій Новикова, вотъ что говорить о его товарищахъ:

„Что же касается до сообщниковъ его, Новикова, статскаго дѣйствительнаго совѣтника князя Николая Трубецкаго, оставшихъ бригадировъ Лопухина и Тургенева, которыхъ не только признанія Новикова, но и многія, писанныя руками ихъ заразительныя бумаги обличаютъ въ соучаствованіи ему во всѣхъ законопротивныхъ его дѣяніяхъ, то повелѣваемъ вамъ, призвавъ каждаго изъ нихъ порознь, истребовать чистосердечнаго по прилагаемымъ при семъ вопросамъ объясненія, и притомъ и получить отъ нихъ бумаги, касающіяся до заграничной и прочей секретной переписки, которыя, по показанію Новикова, у нихъ находятся. Вы дадите имъ знать волю нашу, чтобы они отвѣты свои учинили со всею истинною откровенностію, не утаивая ни малѣйшаго обстоятельства, и чтобы требуемыя бумаги представили. Когда же они то исполнять съ точностію, и вы изъ отвѣтовъ ихъ усмотрите истинное ихъ раскаяніе, тогда объявите имъ, что мы, изъ единого человѣколюбія освобождаемъ ихъ отъ заслуживаемаго ими жестокаго наказанія, повелѣваемъ имъ отправиться въ отдаленныя отъ столицъ деревни ихъ и тамъ имѣть пребываніе, не выѣзжая отнюдь изъ губерніи, гдѣ тѣ деревни состоятъ, и не возвращаясь къ прежнему противозаконному поведенію подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, употребленія надъ ними всей законной строгости“¹⁾.

Въ приведенныхъ словахъ указа поражаетъ насъ и удивительное несоотвѣтствіе наказанія съ взводимой на кн. Трубецкаго, Лопухина и Тургенева виной, и странная увѣренность императрицы, что изъ ихъ отвѣтовъ Прозоровскій непременно „усмотритъ истинное ихъ раскаяніе“. (Отъ Новикова этого истиннаго раскаянія не ожидалось). Странность рѣшенія императрицы поразила даже князя Прозоровскаго, быть можетъ и самого Шешковскаго. „Позвольте мнѣ дружески вамъ сказать (пишетъ князь Прозоровскій Шешковскому 22-го іюня 1792 года)²⁾: я не понимаю конца сего дѣла, какъ ближайшіе его сообщники, если онъ преступникъ, то и тѣ преступники! Но до нихъ видно дѣло не дошло. Надѣюсь на дружбу вашу, что вы недоумѣніе мое объясните мнѣ“. Недоумѣніе главнокомандующаго Москвы тѣмъ болѣе понятно, что вовсе и не Новиковъ былъ главою нашихъ московскихъ масоновъ, а князь Ник. Никит. Трубецкой³⁾; это было извѣстно, между прочимъ, и Шешковскому: въ „Возраженіяхъ на отвѣты Новикова“, напечатанныхъ во II т. „Сборн. Русск. Истор. общества“ въ замѣчаніяхъ на 36-ой отвѣтъ сказано, что князь

¹⁾ Указомъ князю Прозоровскому 12-го августа 1792 г. Лопухину позволено даже было (изъ уваженія къ службѣ отца его) остаться въ Москвѣ.

²⁾ „Сборникъ Руск. Ист. общества“, т. II, стр. 106.

³⁾ См. объ этомъ „Ник. Ив. Новиковъ“. Иасл. А. Невеленова, Спб., 1875 г., стр. 427.

Трубецкой переписку велъ съ Кутузовымъ и Шрейдеромъ, „да и надъ сборищами главной начальникъ“. Но онъ отдѣлался, оказывается, сравнительно пустяками, а пострадалъ одинъ Новиковъ. Соображая все это, нельзя не придти къ убѣжденію, что императрица послѣ произведеннаго слѣдствія убѣдилась въ томъ, что Типографическая Компанія вовсе невиновна въ составленіи политическаго заговора. Грозно начавшееся дѣло окончилось вздоромъ для всѣхъ, кромѣ Новикова. За Новиковымъ, значить, была, по мнѣнію императрицы, какая-то другая, тайная вина, за которую онъ и былъ заключенъ въ крѣпость на 15 лѣтъ.

Вина эта откроется, по всей вѣроятности, если мы прослѣдимъ за отношеніями императрицы къ различнымъ изданіямъ Новикова, къ его литературной дѣятельности, за которой она слѣдила внимательно, одно время даже принимая въ ней личное непосредственное участіе.

Въ сентябрѣ 1784 года оберъ-полицеймейстеръ Москвы Архаровъ получилъ указъ, которымъ повелѣвается запретить напечатаніе въ Москвѣ „Ругательной исторіи ордена іезуитскаго“ ¹⁾. Эта исторія напечатана Новиковымъ въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1784 г., въ №№ 69, 70 и 71.—Вслѣдъ затѣмъ, съ 7-го октября 1785 г. идетъ послѣдовательный рядъ указовъ, повелѣвающихъ: освидѣтельствовать частныя училища въ Москвѣ, рассмотреть книги, выходящія изъ типографіи Новикова, испытать самого Новикова въ христіанскомъ законѣ, осмотрѣть больницу, заведенную Дружескимъ Обществомъ (или Типографической Компаніей), опечатать книжную лавку Новикова, и т. д. и т. д. ²⁾. Дѣло продолжается такимъ образомъ до 1792 года, когда выходитъ, наконецъ, повелѣніе арестовать Новикова. — Къ этому періоду времени (отъ 1784 по 1792 г.) относится, объясняющая упомянутые указы, собственноручная записка императрицы:

„Слышу я, что на Москвѣ печатають ругательную Исторію Езуитскаго ордена, а какъ я тому ордену дала покровительство, то требую чтобъ Исторія та не токмо запрещена была но и вземилары отобраны были.

Послать подъ какимъ ни есть видомъ кого осмотрѣть какія строенія заводитъ у себя въ деревнѣ Новиковъ.

Хераскова отставить ³⁾.

Имяна осьми семинаристовъ нужно знать паче же тѣхъ кои постриглись дабы не попались въ кандидаты Епархіальные для Епископства.

¹⁾ „Новиковъ и московскіе мартинисты“, Лонгинова, стр. 016 (Указъ 23 сентября 1784 г.).

²⁾ См. Приложенія къ книгѣ Лонгинова „Новиковъ и московскіе мартинисты“. — Чтенія въ „Общ. Ист. и Др. Рос.“ 1867 г., кн. 4.

³⁾ Лонгиновъ говоритъ однако (стр. 354), что Херасковъ „во все царствованіе Екатерины оставался кураторомъ Университета“.

Уничтожить это почтенное общество изъ которой (?) окромѣ книгъ несходные съ православіемъ не выходило ¹⁾“.

Такимъ образомъ, началось дѣло повидимому съ заступленія императрицы за обиженныхъ въ Москвѣ іезуитовъ. Но едва ли сердцу Екатерины было такъ дорого почтенное общество Іисуса. Жалоба, принесенная орденомъ на Новикова, послужила ей, конечно, только поводомъ для начала преслѣдованія челоуѣка, на котораго она давно уже сердилась; жалоба эта была лишь каплей, переполнившей чашу. Іезуиты, со свойственною имъ ловкостью, указали на то, что, отзываясь непочтительно объ ихъ орденѣ, пользующемся покровительствомъ императрицы, Новиковъ этимъ самымъ оскорбляетъ власть государыни, „столь достойной уваженія“ ²⁾. Но едва ли только съ этой выходки іезуитовъ Екатерина заподозрила Новикова въ недостаткѣ уваженія къ ея власти и личности. Съ большою достовѣрностію можно предположить, что она сама, по личной инициативѣ, запретила, нѣсколькими недѣлями ранѣе, другое сочиненіе, печатавшееся тоже въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ“: „О вліяніи успѣха наукъ въ челоуѣческіе нравы и образъ мыслей“. Сочиненіе это началось печатаніемъ съ 61 № „Прибавленій къ Моск. Вѣд.“, послѣдующихъ-же 62-го, 63-го и 64-го номеровъ, въ которыхъ должно было быть продолженіе его, подписчики не получили. Въ экземплярѣ „Прибавленій“, принадлежащемъ Имп. Публичн. Библиотекѣ, въ концѣ 61 № рукою подписчика, получавшаго этотъ экземпляръ, написано: „номеры 62, 63 и 64 не присланы, и извиненіе писано въ вѣдомостяхъ“. А между тѣмъ нумерація страницъ въ „Прибавленіяхъ (составлявшихъ въ этомъ году отдѣльную отъ Вѣдомостей книгу) не прерывается изъ-за пропуска нѣсколькихъ номеровъ: значить, продолженіе сочиненія „О вліяніи успѣха наукъ“ было задержано прежде выхода его въ свѣтъ. Чтò именно не понравилось императрицѣ въ этой статьѣ (если, дѣйствительно, какъ можно догадываться, она запретила ея дальнѣйшее печатаніе), мы не знаемъ; но съ достовѣрностію можно сказать, что многія статьи журналовъ Новикова послѣдняго періода его литературной дѣятельности (1781 — 1785 гг.) не нравились и не могли нравиться императрицѣ, какъ не могла быть ей по сердцу и общественная дѣятельность его и его товарищей.

Для разъясненія всего этого надо обратиться къ началу взаимныхъ отношеній императрицы Екатерины и Новикова. Это начало относится къ 1769 году, когда Новиковъ блистательно выступилъ на литературное поприще своимъ сатирическимъ журналомъ „Трутенъ“. „Трутенъ“ велъ, какъ извѣстно, ожесточенную войну съ журналомъ

¹⁾ Г. Есиповъ относитъ этотъ документъ къ 1792 г. Не вѣрнѣ-ли отнести къ 1784 году?

²⁾ „Вѣстн. Евр.“ 1869 г., № 1. „Екатерина II и іезуиты“, ст. А. Н. Попова. (Письмо Червезвча къ кн. Потемкину, 15 сентября 1784 г., стр. 398).

„Всякая Всячина“, тайнымъ редакторомъ котораго была императрица Екатерина. Полемику эту нельзя считать простымъ журнальнымъ споромъ: она была серьезной борьбою убѣжденных, борьбою идей двухъ выдающихся дѣятелей русской жизни. Эта полемика подробно изложена въ моей книгѣ о Новиковѣ¹⁾; я позволю себѣ рассказать ее здѣсь въ немногихъ словахъ. Началось дѣло изъ-за преслѣдованія „Трутнемъ“ силою ѣдкой насмѣшки взяточничества. „Всякая Всячина“ вступилась за обижаемыхъ Новиковымъ приказныхъ. Но скоро споръ перешелъ въ отвлеченную область. „Всякая Всячина“ стала проводить идею, что свѣтъ вовсе не такъ худъ, какимъ онъ кажется инымъ злымъ людямъ (журналъ ясно намекалъ на Новикова), что человѣку нельзя быть совершеннымъ, и со слабостями, которыя мы видимъ въ людяхъ, можно и должно примиряться; „Всякая Всячина“ думала, что нѣтъ нужды предаваться „меланхоли“, приходить въ негодование; гораздо лучше веселиться и быть ко всему и всѣмъ снисходительнымъ. „Трутенъ“, напротивъ, думалъ и говорилъ, что терпимость къ пороку вовсе не то-же самое что милосердіе, и что она— дѣло нехорошее; онъ полагалъ затѣмъ, что писателю должно быть предоставлено право дѣйствовать на общество такимъ путемъ, какимъ онъ хочетъ: путемъ-ли сатиры, или правоученія. Доказывая свои снисходительныя и умѣренныя мысли, свою уступчивую мораль, „Всякая Всячина“ была весьма неразборчива на средства, а именно—употребляла софизмы; напримѣръ, она говорила, что приказные не были бы ждоимцами, если-бы ихъ не соблазняли взятками сами истцы и т. д.—За этими разногласіемъ въ принципахъ крылись и другого рода фактическія и реальныя разногласія двухъ журналовъ. Такъ, императрица вовсе не раздѣляла сочувственнаго взгляда Новикова на предковъ, на русскую старину. Не сочувствовала она и появленію въ „Трутиѣ“ статей о крестьянахъ и помѣщикахъ, въ которыхъ выражалась мысль о тяжеломъ положеніи крѣпостнаго и о томъ, что онъ такой же человѣкъ, какъ и дворянинъ. Императрица въ принципѣ была за освобожденіе крестьянъ, но осуществить его она считала дѣломъ преждевременнымъ и невозможнымъ. Вотъ почему, должно быть, „Трутенъ“ принужденъ былъ печатать статьи о крестьянахъ съ различнаго рода оговорками; а въ 1770 году въ немъ и совсѣмъ перестали появляться сочиненія, касающіяся крѣпостнаго права. Наконецъ, мы съ достовѣрностью можемъ сказать, что журналъ Новикова былъ остановленъ личнымъ распоряженіемъ императрицы: онъ умеръ „съ превеликой печали“ (по его выраженію), послѣ того какъ получилъ отъ нея (найденное Пекарскимъ въ собственноручныхъ бумагахъ императрицы) письмо, начинающееся словами: „Господинъ издатель! Имѣлъ терпѣніе до сего дня, но скучно мнѣ становится отъ вашихъ листовъ...“

¹⁾ „Ник. Ив. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.“. Спб. 1875 годъ, стр. 168—170.

Но замѣчательно, что вслѣдъ за прекращеніемъ „Трутня“ начинается сближеніе императрицы съ Новиковымъ: спустя нѣсколько времени она начинаетъ сообщать ему историческія рукописи для его изданій, затѣмъ письменно обѣщаетъ свое сотрудничество въ его новомъ сатирическомъ журналѣ „Живописецъ“, и наконецъ, дѣйствительно принимаетъ въ „Живописцѣ“ личное участіе. Какъ объяснить такую, повидимому, странную перемѣну? Дѣло въ томъ, что полемика Екатерины и Новикова не была ожесточеннымъ споромъ людей, завоспѣлыхъ въ односторонности своихъ взглядовъ; это была борьба молодыхъ умовъ, увлеченныхъ искренно противорѣчащими одно другому направленіями. Въ жару спора противники впадали въ крайности, какъ это обыкновенно бываетъ; въ особенности это можно сказать относительно императрицы. Проводя мысль о снисходительности къ слабостямъ, она, противорѣча себѣ, допускала во „Всякую Всячину“ довольно рѣзкую сатиру, напримѣръ, на взяточничество. Назвавъ издателя „Трутня“ злымъ, она однако-жъ признала его остроумнымъ писателемъ и умнымъ человекомъ ¹⁾. Литературные противники вѣрили въ искренность убѣжденій другъ друга; оттого императрица не оскорблялась на чрезвычайную рѣзкость „Трутня“, оттого (что весьма замѣчательно въ данномъ случаѣ) спорившіе повліяли другъ на друга своими взглядами и убѣжденіями. На Новикова подѣйствовала мысль, что лучше исправлять нравы изображеніемъ добрыхъ примѣровъ, чѣмъ смѣхомъ: вскорѣ послѣ „Трутня“ онъ начинаетъ издавать памятники русской исторіи, съ цѣлью показать современному обществу образцы доблестныхъ дѣлъ и характеровъ нашихъ предковъ, а черезъ нѣсколько времени, именно въ 1774 или 1775 году, онъ даже отрывается отъ сатиры. Императрица, въ свою очередь, отступаетъ отъ снисходительнаго взгляда на жизненное зло, отъ низменныхъ возрѣній на человѣческую природу, навѣянныхъ на нее идеями философовъ-матеріалистовъ и особенно ея учителя Вольтера. Въ 1772 году она пишетъ комедіи: „Именины г-жи Ворчалкиной“ и „О время!“, въ которыхъ остро и серьезно осмѣиваетъ французоманію русскаго общества, и довольно ярко (хотя и слабѣ „Трутня“) рисуетъ тяжелое положеніе крестьянъ подъ властью жестокихъ помѣщиковъ (вродѣ Ханжахиной во второй изъ названныхъ комедій). Императрица увлеклась, такимъ образомъ, обѣими идеями, положенными Новиковымъ въ основу его „Трутня“. Сатира императрицы получила серьезный характеръ. Понятно, что Новиковъ посвятилъ своего „Живописца“ автору комедіи „О время!“. Здѣсь не расчетъ, а искреннее увлеченіе (и совершенно основательное) руководило его поступкомъ.

Въ отвѣтъ на посвященіе ей „Живописца“, императрица Екатерина написала Новикову письмо, въ которомъ она не только сочув-

¹⁾ „Всякая Всячина“, 1769 г., стр. 402.—„Н. И. Новиковъ“, изсл. Невзленова, стр. 166—167.

ствуеть журналу своего прежняго литературнаго противника, но и совершенно въ тонъ ему нападаетъ на сословные предрасудки. Письмо это напечатано въ 7-мъ № „Живописца“, т. е. черезъ двѣ недѣли послѣ появленія въ немъ (въ № 5) „Отрывка изъ путешествія И. Т.“, въ которомъ авторъ мрачными красками рисуетъ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ. Значить, императрица ничего не имѣла противъ этой статьи. Это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ дальнѣйшихъ №№ журнала печатается цѣлый рядъ подобныхъ сочиненій о крестьянахъ.

Карамзинъ въ своей запискѣ о Новиковѣ, писанной имъ для императора Александра I, положительно говоритъ, что въ „Живописцѣ“ „напечатаны нѣкоторыя произведенія собственнаго пера“ Екатерины ¹⁾. Авторъ настоящей статьи предполагаетъ, въ своемъ изслѣдованіи о Новиковѣ ²⁾, что императрицѣ Екатерины принадлежать: письмо „Осмидесятилѣтняго старика“ (въ 7 № журнала), письмо „дворянина съ одною душою“ (въ предпоследнемъ № 1772 года) и статья противъ масоновъ (въ №№ 8 и 9 втораго года журнала). Двѣ первыя статьи своимъ содержаніемъ (а вторая даже и заглавіемъ) выражаютъ явное личное сочувствіе императрицы освобожденію крестьянъ.

Сообщеніе Екатериною Новикову памятниковъ нашей исторіи, быть можетъ, свидѣтельствуетъ, какъ и сатира ея на французоманію, что она начала сочувственно относиться и къ русской старинѣ. Императрица не только подписалась на 10 экземпляровъ „Древней Россійской Вивліоэки“, но и поддерживала это изданіе Новикова значительными субсидіями. А между тѣмъ, цѣлью „Вивліоэки“, какъ говоритъ Новиковъ въ предисловіи къ первой-же ея части, было „начертаніе правовъ и обычаевъ“ нашихъ предковъ, чтобы мы познали „великость духа ихъ, украшеннаго простотою“. „Не всѣ у насъ еще, слава Богу, заражены Францією“, прибавляетъ Новиковъ. — Все это совершенно гармонируетъ съ извѣстной любовью императрицы къ народнымъ русскимъ обычаямъ, къ пѣснямъ, пословицамъ, играмъ, къ народному языку и т. д. Кто знаетъ, можетъ быть народныя русскія черты, которыхъ нельзя не замѣтить въ характерѣ Екатерины, явились въ ней подъ вліяніемъ идей издателя „Трутня“ и „Вивліоэки“.

Но добрымъ отношеніямъ императрицы и Новикова не суждено было остаться неизмѣнными. Разногласіе замѣтно уже и въ названныхъ статьяхъ ея въ „Живописцѣ“. Соглашаясь въ принципѣ съ взглядами Новикова на отношенія крестьянъ и помѣщиковъ, императрица предостерегаетъ (еще дружески) издателя журнала отъ помѣщенія рѣзкихъ статей подобнаго рода. Письмо „дворянина съ одною душою“ даже остановило совсѣмъ, какъ можно предполагать съ боль-

¹⁾ Новиковъ и моск. март., Лонгинова, стр. 0161.

²⁾ Стр. 191—192 и 195.

шою достовѣрностью, ихъ печатаніе: послѣ этого письма въ „Живописцѣ“ вовсе не встрѣчается сочиненій о крѣпостномъ правѣ; ихъ нѣтъ и въ сатирическомъ листкѣ 1774 года „Кошелекъ“.

Со вступленіемъ Новикова въ масонство, въ 1775 году, отношенія между нимъ и императрицей, какъ можно догадываться, совсѣмъ прекращаются; по крайней мѣрѣ мы не находимъ никакихъ слѣдовъ этихъ отношеній. Императрица, какъ извѣстно, терпѣть не могла масонства. Съ 1777 года, Новиковъ издавалъ „Утренній Свѣтъ“, журналъ отвлеченно-правоучительнаго направленія съ мистическимъ оттѣнкомъ. Имени императрицы нѣтъ въ спискахъ подписчиковъ этого изданія, хотя можно предполагать, что Новиковъ поднесъ ей экземпляръ журнала, какъ подносилъ прежнія изданія.

Изданіе „Утренняго Свѣта“ связано съ началомъ практической общественной дѣятельности Новикова: на средства журнала онъ задумалъ основать, при помощи русскаго общества, народныя училища. Такія училища были открыты (въ 1778 г.) при церквяхъ Владимірской Божіей Матери и Благовѣщенія на Васильевскомъ острову. Первое изъ нихъ названо было Екатерининскимъ, второе—Александровскимъ. Общество русское отозвалось на призывъ Новикова къ благородной общественной дѣятельности: со всѣхъ сторонъ стали стекаться пожертвованія деньгами и вещами; жертвователи охотно, по призыву „Утренняго Свѣта“, посѣщали свои школы; журналъ, съ своей стороны, печаталъ отчеты обществу о веденіи въ нихъ дѣла, и училища быстро встали на ноги ¹⁾. Но императрица не выказала своего къ нимъ сочувствія, не приняла никакого участія въ нихъ, не смотря на то, что Екатерининское училище названо такъ въ честь ея, учреждено въ день ея Ангела и посвящено ей, какъ объ этомъ говорятъ и стихи, напечатанные вмѣстѣ съ объявленіемъ объ учрежденіи училища:

„Тебѣ приносимъ то, Тобой дано что намъ:
Минервѣ мы своей Минервинъ ставимъ храмъ“.

Ученица энциклопедистовъ, должно быть уже безвозвратно увлеченная въ это время идеей „просвѣщеннаго деспотизма“, косо посмотрѣла на подобное проявленіе общественной самодѣятельности. Въ холодности Екатерины къ школамъ Новикова выразилась та-же самая мысль ея, которая черезъ 5 лѣтъ на вопросъ Фонвизина: „отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?“ подсказала ей энергическій и ревнивый отвѣтъ: „отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго“. — Школы Новикова существовали еще въ 1781 и 1782 годахъ (въ пользу ихъ издавались слѣдовавшіе по времени за „Утреннимъ Свѣтомъ“ журналы „Московское Изданіе“ и „Вечерняя Заря“); но дальнѣйшее развитіе этого

¹⁾ Подробности см. „Н. И. Новиковъ“. Исслѣдованіе А. Незеленова, стр. 262—269.

дѣла, которое могло бы, судя по блестящему началу, повести къ широкому развитію народнаго просвѣщенія въ русской землѣ, оставилось или было остановлено. Въ 1782 году, правительство Екатерины обратило вниманіе на народное просвѣщеніе: выписанъ былъ изъ-за границы извѣстный педагогъ Янковичъ-де-Миріево и ему (по уже помимо общественной инициативы) было поручено открытіе и устройство школъ. Новиковъ же не былъ приглашенъ къ участию въ организаціи народнаго образованія.

Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ указаній на отношенія императрицы Екатерины къ журналамъ третьяго періода литературной дѣятельности Новикова, кромѣ запрещенія ею печатать въ одномъ изъ нихъ „ругательную исторію“ ордена іезуитскаго, да предполагаемаго запрещенія статьи: „О вліяніи успѣха наукъ въ человѣческіе нравы“. Но едва-ли можно сомнѣваться, что она этимъ журналамъ Новикова не сочувствовала. Если „Трутень“ принужденъ былъ прекратить свое существованіе изъ-за статей о крестьянахъ; если даже „Живописецъ“ долженъ былъ перестать печатать сочиненія о крѣпостномъ правѣ, не смотря на то, что императрица сочувствовала этимъ сочиненіямъ и сама ихъ писала, перестать по ея-же (какъ можно догадываться), хотя дружескому, но настоятельному совѣту, — то несомнѣнно, что она не иначе какъ съ гнѣвомъ должна была принять подобныя произведенія въ „Вечерней Зарѣ“ и „Покоящемся Трудолюбцѣ“. Тѣмъ болѣе, что Новиковъ вернулся въ концѣ своей литературной дѣятельности къ вопросу о крѣпостномъ правѣ съ замѣчательною энергіей, и поднялъ его смѣло и довольно рѣзко. Яркимъ примѣромъ того, какого рода мысли о крестьянахъ высказывались въ послѣднихъ новиковскихъ изданіяхъ, можетъ служить напечатанное въ „Покоящемся Трудолюбцѣ“ стихотвореніе „Письмо къ другу“¹⁾, въ которомъ встрѣчаются такія мысли:

„Кровавый потъ они (крестьяне) трудясь проливаютъ
И пищу нужную для насъ готовятъ.
Для нашей роскоши, для прихоти своей
Мы мучимъ не стыдась подобныхъ намъ людей;
Съ презрѣньемъ вѣкомъ на ихъ труды взираемъ,
Гордясь глѣнностью, ихъ силы изнураемъ;
Не помнимъ и того, что на одинъ конецъ
Равно готовить всѣхъ, и насъ, и ихъ, Творецъ.
Какъ роскошь я мою трудомъ ихъ измѣряю,
Почтенъ къ нимъ храню, къ себѣ его теряю.
Не ужь-то будетъ вѣкъ одна для нихъ чреда—
Для пользы нашей жить, а намъ для ихъ вреда?“

По всей вѣроятности не нравились императрицѣ статьи новиковскихъ журналовъ и о другихъ предметахъ, на примѣръ, нѣкоторыя политическія и педагогическія сочиненія. Такъ, едва ли она могла сочувствовать основной мысли напечатанной въ прибавленіяхъ къ „Мо-

¹⁾ „Покоящійся Трудолюбецъ“ 1784—1785 гг. ч. IV, стр. 224—230.

сковскимъ Вѣдомостямъ“ 1784 года статьи „Краткое описаніе жизни и характера генерала Вашингтона“, гдѣ сказано, что Вашингтонъ „основалъ республику, которая вѣроятно будетъ прибѣжищемъ свободы, изгнанной изъ Европы роскошью и развратомъ“. Подобныя мысли были случайностью въ новиковскихъ журналахъ, вообще не вдававшихся въ политику; но заподозрѣнному человѣку вмѣняется въ-вину и мимоходомъ и безъ умыслу сказанное слово.—Педагогическія воззрѣнія, проводимыя Новиковымъ очень обстоятельно въ его изданіяхъ, особенно въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1783 года, совершенно расходились съ воззрѣніями императрицы, которая она хотѣла осуществлять на дѣлѣ, что и поручила Бецкому. Новиковъ своими журналами подрывалъ идею о приготовленіи путемъ воспитанія вдали отъ семьи „новой породы“ людей. Императрица могла досадовать и на это.

Наконецъ, она, конечно, была недовольна широкой общественно-благотворительной и просвѣтительной дѣятельностью Дружескаго Ученаго Общества въ Москвѣ, если, какъ мы видѣли, она подозрительно и несочувственно посмотрѣла на подобную, даже несравнено меньшихъ размѣровъ дѣятельность Новикова въ Петербургѣ. Со словъ Лонгинова мы привыкли думать, что главными дѣятелями Дружескаго Ученаго Общества, или Типографической Компаніи, были масоны, между прочими и Новиковъ, по-скольку онъ былъ масонъ. Но императрица Екатерина, должно быть, думала иначе (и была, по всей вѣроятности, въ этомъ смыслѣ права): несмотря на то, что главою нашихъ масоновъ оказался не Новиковъ, императрица признала все-таки главнымъ лицомъ въ московскомъ благотворительномъ обществѣ его, на него одного обрушился гнѣвъ, одного его постигла кара. Едва-ли можно сомнѣваться, что онъ пострадалъ не за то, что былъ масонъ, не за сношенія съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ (эти сношенія были лишь въ числѣ поводовъ для начала преслѣдованія), а именно за всю свою литературную и общественную дѣятельность, которую одно время увлеклась сама императрица и которую она потомъ осудила подъ вліяніемъ философской идеи вѣра о „просвѣщенномъ деспотизмѣ“.

Указомъ 10-го мая 1792 года, князю Прозоровскому ¹⁾ императрица повелѣваетъ „Новикова отослать въ Слесельбургскую крѣпость“, „апробуя“, что онъ не отдастъ этого „коварнаго“ человѣка по ея повелѣнію подъ судъ. Указу этому предшествовала слѣдующая собственноручная записка императрицы отъ 9-го мая 1792 года, донынѣ не напечатанная:

„Хвалю поступокъ Князя Прозоровскаго, что остановилъ мое приказаніе о сужденіи Новикова а написать надлежить, какъ сего утра я уже приказала привезти сего бездѣльника въ Шлюшельбургъ“.

¹⁾ „Новиковъ и моск. мартинисты“ Лонгинова, стр. 072.

Такимъ образомъ, Новиковъ былъ заключенъ въ крѣпость безъ суда и даже до окончанія производства слѣдствія (Шешковскій допрашивалъ его уже въ Шлиссельбургѣ): императрица, знакомая съ его литературной дѣятельностью, не сомнѣвалась въ его преступности. Но она поступила, въ данномъ случаѣ, вопреки своему собственному, въ прежнее время ею высказанному, мнѣнью. Въ 7-мъ томѣ „Сборника Русскаго Историческаго Общества“ напечатаны „Бумаги императрицы Екатерины II-й, хранящіяся въ государственномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“; эти бумаги относятся къ годамъ съ 1744 по 1764. Между ними есть одна замѣтка Екатерины, начинающаяся такъ: „Виданъ ли болѣе варварскій и достойный турковъ способъ дѣйствовать, какъ тотъ, который заключается сначала въ наказаніи, а потомъ въ производствѣ слѣдствія?“

Жизнь Новикова въ Шлиссельбургской крѣпости была безотраднотяжела, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ печатаемые ниже документы.

„Донесеніе Шлиссельбургскаго Коменданта Колюбакина Генералу Прокурору Александру Николаевичу Самойлову. Августа 9-го 1794 года.

„Покройный Господинъ Тайный Совѣтникъ Степанъ Ивановичъ Шешковскій, будучи въ сей крѣпости, далъ мнѣ приказаніе, чтобъ содержащимся извѣстнымъ арестантамъ Новикову, его челоуѣку и бывшему при немъ доктору ¹⁾ производить кормовыхъ по рублю въ сутки, а притомъ, чтобъ за здоровьемъ его, Новикова, имѣть особое по волѣ Ея Императорскаго Величества попеченіе, а потому когда онъ, Новиковъ, случаемъ боленъ и представляемы были отъ меня къ нему прописываемыя вышеписаннымъ докторомъ для него, Новикова, лѣкарства, то оныя были ко мнѣ доставляемы, а нынѣ приему смѣлость утрудять Ваше Высокопревосходительство симъ моимъ объясненіемъ: 1) что какъ всему уже обществу ощутительна есть во всемъ дороговизна, то сколько бы я ни старался въ удовлетвореніи сихъ людей въ безбѣдномъ ихъ содержаніи, но оно определенное имъ число къ содержанію ихъ нахожу весьма недостаточнымъ. 2) Изъ сихъ людей о докторѣ осмѣливаюсь донести, что скромность жизни его, а паче жалоба на вовлеченіе въ сіе несчастное бытіе Новиковымъ и въ томъ чистосердечное его раскаяніе, что замѣчено было и Господиномъ Шешковскимъ, который сдѣлалъ мнѣ приказаніе о употребленіи къ нему возможнаго снисхожденія, но я сіе отношу до воли Вашего Высокопревосходительства, яко высокоповелительному Начальнику и испрашиваю дозволенія о бритіи сему доктору бороды и прохожденія для сохраненія жизни подъ моимъ присмотромъ внутри крѣпости въ удобное время на воздухъ. И такъ изъясняя симъ Вашему Высокопревосходительству по долгу и прецуроченію о сихъ людяхъ по леченію моего имѣю честь изпросить вашего въ резолюцію соизволенія. Полковникъ Комендантъ Колюбакинъ“.

Изъ этого донесенія Колюбакина мы видимъ, что первое время о Новиковѣ, по личному распоряженію императрицы, заботились: ему доставляли, на примѣръ, лекарства; а потомъ о немъ позабыли, и вслѣдствіе начавшейся дороговизны на стѣнные припасы ему пришлось бѣдствовать. Колюбакинъ ходатайствуетъ о дозволеніи доктору Вагрянскому для сохраненія здоровья прохаживаться иногда на воз-

¹⁾ Вагрянскій.

духъ внутри крѣпости подъ его присмотромъ: значить, Новикову бывать на воздухъ не приходилось, и онъ безвыходно жилъ въ казематѣ; эта жизнь должна была подорвать его здоровье, что, какъ увидимъ, и случилось.

Самойловъ, вслѣдствіе донесенія Шлиссельбургскаго коменданта, отправилъ въ Шлиссельбургъ чиновника Тайной Экспедиціи Макарова для обзорѣнія секретныхъ арестантовъ и ихъ содержанія. Донесенія Макарова о его поѣздѣ не найдено. 10-го октября 1794 г. Самойловъ увѣдомилъ коменданта, что 13-го октября онъ самъ пріѣдетъ въ крѣпость. Но вѣроятно онъ не поѣхалъ, потому что 12-го октября снова послалъ въ Шлиссельбургъ Александра Макарова.

14-го октября Макаровъ донесъ Самойлову,

„что содержаніе секретнымъ арестантамъ чинится со всевозможною осторожностію и къ утечкѣ или другимъ кажимъ неприятнымъ случаямъ сумнѣнія никакого нѣтъ; положенное же число для продовольствія ихъ денегъ всѣ получаютъ и тѣмъ довольны, исключая Новикова, который производилъ просьбу о недостаткахъ въ разсужденіи нынѣшней во всемъ дороговизны“.

Это коротенькое донесеніе Макарова какъ будто намекаетъ, что Самойловъ несовсѣмъ довѣрялъ Колюбакину: онъ поручилъ своему чиновнику изслѣдовать—строго ли присматриваютъ за арестантами и дѣйствительно-ли имъ недостаточно отпускаемаго содержанія.

При своемъ донесеніи Макаровъ представилъ списокъ арестантамъ, содержащимся въ то время въ Шлиссельбургской крѣпости. Вотъ онъ:

1. Малороссіанинъ Сава Сирскій съ 776 г. за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій.
2. Пономаревъ сынъ Григорій Зайцевъ съ 784 г. за ложное и дерзкое разглашеніе и буйственное поведеніе.
3. Бѣглой сержантъ Протопоповъ съ 784 г. за отвращеніе отъ вѣры и неповиновеніе Церкви.
4. Унтершхмейстеръ Кузнецовъ съ 787 г. за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій на 10 лѣтъ.
5. Бывшій поручикъ Карновичъ съ 788 г. по лишеніи чиновъ и дворянства за продажу чужихъ людей, за сочиненіе печатей и пашпортовъ и дерзкія разглашенія, посланъ до окончанія Шведской войны.
6. Отставной поручикъ Новиковъ съ 792 г. за содержаніе масонской секты и за печатаніе касающихся до оной развращенныхъ книгъ на 15 лѣтъ.
7. При немъ докторъ за переводъ развращенныхъ книгъ ¹⁾.
8. Человѣкъ его, но за что неизвѣстно“.

Изъ этого списка мы видимъ, что участь Новикова была такова-же, какъ и человѣка, продававшаго чужихъ крѣпостныхъ людей и сочинявшаго фальшивые паспорта; онъ сидѣлъ въ казематѣ той-же крѣпости, въ которую заключены были дѣлатели фальшивыхъ ассигнацій.

14-го октября 1794 г. комендантъ Колюбакинъ представилъ Самойлову, по его приказанію, на-скоро начерченный планъ казармъ,

¹⁾ Кромѣ этого указанія Макарова мы другихъ данныхъ для заключенія, что Бугарскій былъ посаженъ въ крѣпости какъ обвиненный, не имѣемъ.

«истор. вѣстн.», годъ III, томъ X.

гдѣ содержатся секретные арестанты. Новиковъ сидѣлъ въ нижнемъ этажѣ, въ 9 №.

26-го октября комендантъ представилъ свой списокъ секретнымъ арестантамъ; въ немъ названы тѣ-же лица, что и въ спискѣ Макарова, но безъ означенія преступленій. Къ списку Колюбакинъ приложилъ собственноручную записку Новикова:

„Записка о всепокорнѣйшихъ моихъ просьбахъ.

1) Въ разсужденіи дороговизны на всѣ съѣстные припасы, изъ получаемаго рубля имѣемъ самое нужное и бѣдное пропитаніе.

2) Во всякомъ бѣльѣ и обуви, также и платьѣ, а наипаче слуга при насъ находящійся, крайнюю претерпѣваемъ нужду и бѣдность.

Наконецъ, ежели голосъ несчастнаго страдающаго, почти умирающаго, можетъ достигнуть въ слухъ Ея Императорскаго величества, то всепокорнѣйше вашего высокопревосходительства изъ одинаго челоуѣколюбія прошу внушить и представить всемилостивѣйшей матери отечества мою нищую всеподданнѣйшую просьбу о милосердіи помилованіи и прощеніи насъ! Слабость крайняя и източенная сила не попускаютъ меня теперь болѣе о семъ распространяться; но челоуѣколюбіе и состраданіе вашего высокопревосходительства да исполняютъ недостатокъ моей бѣдной вѣрноподданнической просьбы. Умилосердитесь надъ несчастнымъ и преклоните на милосердіе всемилостивѣйшую Матерь и Государыню хоть для слезъ бѣдныхъ тронхъ сиротъ дѣтей моихъ!“

Простая и трогательная, эта записка Новикова показываетъ намъ, какъ разбито было его здоровье въ два года пребыванія его въ крѣпости, какъ разбита была и душа его. Перенося неволю, болѣзнь и нужду, тоскуя по разлученнымъ съ нимъ дѣтямъ, онъ и не пытается уже оправдываться, а проситъ лишь великодушнаго милосердія государыни, ея прощенія.

Просьба Новикова о помилованіи осталась безъ послѣдствій, равно какъ, должно быть, безъ послѣдствій оставлено было и ходатайство Колюбакина о лекарствахъ для Новикова. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившееся донесеніе отъ 22-го октября 1796 года коллежскаго ассессора Федора Крюкова генералу-прокурору камергеру графу Александру Николаевичу Самойлову, о посѣщеніи имъ секретныхъ шплицсельбургскихъ арестантовъ,

„къ коимъ приходе въ комнаты (пишетъ Крюковъ), засталъ Кузнецова, Карновича, Сирскаго, Васильева и Зайцева стоящими предъ образомъ на молитвѣ, изъ коихъ первый молился со слезами, а у послѣдняго отъ полагаемыхъ частыхъ земныхъ поклоновъ видѣвъ на лбу знакъ въ мѣру куринаго яйца, Бречетова же въ упражненіи чтенія церковныхъ книгъ, а прочіихъ сидящихъ на своихъ мѣстахъ; я, отдавъ всякому должное почтеніе и употребя всевозможное мое привѣтствіе, распрашивалъ каждаго о ихъ состояніи и неудовольствіяхъ, на что мнѣ всѣ единогласно отвѣчали, что они ни отъ кого и ни въ чемъ неудовольствія не имѣютъ и спокойны, а токмо всякой жаловался на судьбу свою и раскаявается въ содѣянномъ предъ Богомъ и всемилостивѣйшею Государынею преступленіи, въ чемъ и просятъ у высочайшаго ея величества престола въ облегченіе жребія ихъ матернаго ея милосердія, кромѣ развращеннаго во нравѣ Протопопова, которой по ожесточеніи своимъ настоятъ упорно въ своемъ заблужденіи, къ сему опредѣленному ему жребію выставляеть онъ себя безвиннымъ страдальцемъ съ чалниемъ полученія за то свя-

тости; а какъ замѣчены мною нѣкоторые въ немнѣнн и самаго нужнаго одѣянiя то на вопросъ мною о семъ, г. Комендантъ отвѣтствовалъ, что онъ не имѣя на то особо опредѣленной суммы, кромѣ опредѣленнаго числа кормовыхъ, того исправлять навсегда не можетъ, а старается всегда чинить имъ съ своей стороны всевозможное пособіе; что принадлежитъ до Новикова, то онъ будучи одержимъ разными припадками и не имѣя никакова себѣ отъ того пособія получилъ наконецъ нмнѣ внутренней желудочный прорывъ, отъ чего и терпитъ тягчайшее страданіе, онъ (?) и проситъ къ облегченію судьбы своей отъ вашего сiятельства человѣколюбивѣйшаго милосердія, а притомъ страждутъ они съ Багрянскимъ и отъ опредѣленнаго нмъ въ содержаніи малого числа кормовыхъ, въ разсужденіи нмнѣшней во всемъ дороговизнѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Новиковъ 4 года въ крѣпости терпѣлъ тяжкую нужду и больной оставался безъ медицинской помощи. Заподозрить коллежскаго ассесора Крюкова, что онъ въ своемъ отчетѣ мирвоилъ Новикову, никакъ нельзя, судя по началу этого отчета, гдѣ Крюковъ такъ наивно повѣствуетъ о своемъ „должномъ почтеніи“ и „всевозможномъ привѣтствіи“, съ какими онъ распрашивалъ арестантовъ, и гдѣ онъ такъ негодуетъ на полу-помѣшаннаго фанатика Протопопова, „развращеннаго (по его мнѣнію) во нравѣ“. Крюковъ, должно быть, былъ челоѣкъ недалекій, простодушный, честный, и въ своемъ донесеніи онъ искренно сказалъ то, что дѣйствительно замѣтилъ. Болѣзненное состояніе Новикова его, видимо, поразило.

Донесеніе Крюкова возымѣло нѣкоторое дѣйствіе. Вслѣдствіе него Самойловъ въ тотъ-же день, 22-го октября, предписалъ Шлиссельбургскому коменданту

„...прислать рапортъ сколько какой одежды и обуви и для кого потребно, а притомъ доставить ко мнѣ и рецептъ на лѣкарство для Новикова отъ содержащагося съ нимъ доктора, также по дороговизнѣ въ сѣстныхъ припасахъ, прибавьте ему и при немъ находящимся къ производимымъ на пищу деньгамъ еще по одному рублю въ день.

Черезъ три дня, а именно 25-го октября, Колюбакинъ представилъ рецептъ лекарства для Новикова; 28-го числа Самойловъ послалъ въ Шлиссельбургъ самое лекарство. Возможность черезъ нѣсколько дней послѣ прописанія медицинскаго средства употреблять его была значительнымъ улучшеніемъ въ участи больного челоѣка, годы остававшагося безъ медицинскаго пособія, несмотря на присутствіе при немъ доктора.

Этотъ небольшой поворотъ къ лучшему въ жизни Новикова послѣдовалъ почти наканунѣ его освобожденія. Императоръ Павелъ въ первый же день своего восшествія на престолъ приказалъ освободить знаменитаго узника.

Въ одномъ письмѣ друга Новикова—Сем. Ив. Гамалеи (отъ декабря 1796 г.)¹⁾ мы имѣемъ интересныя свѣдѣнія о возвращеніи Новикова изъ заточенія на родину. „Онъ прибылъ къ намъ 19-го ноября по

¹⁾ Сборникъ студентовъ с.-петербургскаго университета, вып. I.

утру, дряхль, старь, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ", пишетъ Гамалея. „Нѣкоторое отсвѣчиваніе лучей небесной радости (продолжаетъ онъ) видѣлъ я на здѣшнихъ поселянахъ, какъ они обнимали съ радостными слезами Николая Ивановича, вспоминая, при томъ, что они въ голодный годъ великую чрезъ него помощь получали; и то не только здѣшніе жители, но и отдаленныхъ чужихъ селеній".— Въ Р. С. письма Гамалея прибавляетъ: „по написаніи сего получилъ я письмо Николая Ивановича, что онъ 5-го числа послѣ полудня въ 5 часовъ представленъ былъ Монарху и весьма милостиво принятъ, такъ что описать не можетъ—слава Богу!“—Лично знавшій Новикова знаменитый художникъ Витбергъ рассказывалъ впоследствии, что Павелъ просилъ у Новикова прощенія за мать и при этомъ даже всталъ на колѣни: эксцентрической, странной, но великодушный поступокъ больного императора.

Разбитый крѣпостнымъ казематомъ физически, Новиковъ вернулся изъ заточенія и разбитымъ нравственно: мы уже не видимъ въ немъ послѣ 1796 года энергическаго представителя высшей духовной жизни своего народа, передоваго писателя; оставивъ литературное поприще, онъ отдается теперь масонству, уходитъ въ его бредни, въ его вѣрованія въ 4 стихіи и 7 планетъ и т. д. Эту эпоху жизни Новикова у насъ зачастую смѣшиваютъ съ эпохами прежними, предшествовавшими заточенію,—обстоятельство, вслѣдствіе котораго и считаютъ иногда Новикова (совершенно ошибочно) главнымъ представителемъ нашего масонства екатерининскихъ временъ.

Трагическая судьба Новикова имѣетъ глубокой внутренней смыслъ. Въ отношеніяхъ его и императрицы Екатерины другъ къ другу, въ ихъ литературномъ спорѣ, въ ихъ сближеніи и потомъ разрывѣ выразились отношенія и борьба двухъ главнѣйшихъ направленій русской мысли во вторую половину XVIII вѣка, эту важную эпоху нашей исторической жизни. Ученица энциклопедистовъ, одно время сильно увлекавшаяся народной мыслью Новикова, Екатерина въ концѣ своего царствованія задумала остановить развитіе этой мысли. Но такое дѣло оказалось невозможнымъ: было уже поздно,—мысль Новикова кончила полный кругъ своего развитія еще въ 1785 году въ журналѣ „Покаящійся Трудолюбецъ“. Личная воля человека, желавшаго грубымъ насиліемъ сломить жизнь по своему произволенію, оказалась безсилной противъ разумнаго хода историческихъ событій.

А. Незеленовъ.

РѢКА ЛѢСНЫХЪ ПУСТЫНЬ ¹⁾.

V.

Отъ Няра до Губахи по безлюдью. — Картины берега. — Губаха. — Первый гѣсопромышленникъ.

БЫСТРО скользила наша лодка, когда мы, оставивъ за собою красивый Няръ, двинулись внизъ по Косью. Берега обставлены скалами; инныя словно башни далеко вдвигаются въ воду, поддерживая въ своихъ щеляхъ и трещинахъ одинокія, остро-верхія пихты... Совсѣмъ на южные кипарисы похожи онѣ издали. Особенно эффектно это дерево, когда цѣпкими корнями вопьется оно въ известковый утесъ и держится—темное на его бѣлой поверхности. Оставленная рыбачья избенка на берегу полуразвалилась вся; такіе же безлюдныя теперь куреньки для дровосѣковъ—и опять нѣсколько верстъ горныхъ береговъ безъ малѣйшаго намека на присутствіе человѣка.

— Тутъ у насъ жернова ломають, показываетъ гребецъ на жилие какое-то, прислонившееся къ громадному утесу. И не размотришь даже вблизи этого убогаго логовища—совсѣмъ теряется оно.

— Есть народъ?

— Были, да ушли.

— Что же, не выгодно?

— Тяжко... Все молчить округъ тебя... Коли бы люди были—людей нѣтъ. У насъ народъ къ заводамъ привыкъ; на заводахъ округъ тебя шумъ, суета... А тутъ гора насупилась, лѣсъ насупился... ну, и бѣгутъ люди. Ты думаешь, легко тутъ...

¹⁾ Окончаніе. См. „Историч. Вѣстн.“, т. X, стр. 241.

Потомъ я встрѣчалъ такихъ рабочихъ за Салдой—въ другомъ угольѣ Урала. Въ концѣ концовъ человекъ и самъ насунится, такъ что отъ него слова не добыешься. Подумаешь—больно говорить ему, а онъ просто молчать привыкъ среди этихъ величавыхъ горъ, гдѣ какъ-то дико звучитъ громкая молвь человека... Вонъ, точно изъ зеленыхъ облаковъ лиственнаго лѣса, круглящихся на красивомъ островѣ, поднимаются изъ самой середины стройныя, высокія пихты. Совсѣмъ готической архитектуры дерево—такъ и кажется, что это стрѣльчатая колокольня какого-то чудеснаго собора. Известковыя скалы горы Хорошей по пути на минуту останавливаютъ внимательный взглядъ туриста узорчатымъ и изящнымъ наслоеніемъ своимъ, совсѣмъ фантастическаго рисунка...

— Нашей красѣ конецъ приходитъ! замѣчаетъ гребецъ.

— А что?

— Да желѣзнодорожныя здѣсь проявились...

Дѣйствительно, въ то время какъ я путешествовалъ по этому краю, думали, что дѣвственная глушь его накануне кончины. Парти инженеровъ проходили мимо, дѣлали съемки. Въ концѣ концовъ рельсовая линия прошла стороной и Косвинскія пустыни остались нетронутыми.

Скалы за скалами, нѣкоторыя совсѣмъ розовыя, горы за горами... Косва дѣлаетъ извилину за извилиной. Плынешь по какимъ-то котловинамъ, дно которыхъ залито водою... На высотахъ утесы напоминаютъ фантастическіе замки, внизу лѣса ползутъ по нимъ и, безсильныя добраться до теменн, остаются на полу-горѣ. Это какое-то царство дикихъ утокъ—нѣкоторые плесы чуть не сплошь покрыты ими. Изрѣдка въ прозрачныхъ водахъ сверкнетъ хариусъ, или видно, какъ юркая щука погналась за маленькимъ сижкомъ. У входа въ большія необслѣдованныя пещеры сидятъ ястреба и кречеты, совершенно сливаясь сърымъ перомъ своимъ съ цвѣтомъ окружающаго ихъ камня. И камень весь изщелился совсѣмъ, точно это громадная кирпичная кладка какая-то. Черныя зѣвы пещеръ провожаютъ васъ далеко, тянутся онѣ внутри тоже на десятки верстъ. Такъ, напримеръ, если вѣтеръ отсюда, то онъ, войдя внутрь пещеры, выходитъ изъ Артемьевскаго рудника, верстъ за 15; если вѣтеръ оттуда, то выдувается онъ изъ Губахинской пещеры. Иная пещера прячется за круглую, какъ старая башня, скалу, на вершинѣ которой вмѣсто зубцовъ давно выросли и давно уже постарѣвъ успѣли мрачныя ели... Окрестности чѣмъ далѣе по направленію къ Губахѣ, тѣмъ становятся все грандіознѣе. Не доѣзжая шести верстъ до нея, вы совсѣмъ обманываетесь фантастическимъ складомъ утесовъ. Это десятки, сотни башенъ, громоздящихся одна на другую, вѣрностныхъ стѣнъ, перепутавшихся какими-то самыми смѣлыми и неожиданными зигзагами. И на-лѣво и на-право они... Башни перемежаются развалинами громадныхъ дворцовъ и храмовъ. Вотъ уцѣлѣвшій сводъ арки, вонъ ку-

полы повисли въ воздухѣ, вонъ какая-то колонна торчитъ вверхъ, поддерживая фантастическое Т—цѣлую скалу, упавшую на нее поперекъ... Вонъ на вершинѣ горы двубашенныя укрѣпленія, вонъ точно массивная мечеть съ тонкимъ минаретомъ... Протираешь глаза себѣ—куда попалъ я? Неужели это уголокъ Россіи? Отчего же гдѣ такой здоровый воздухъ, такія чудныя окрестности, такіе поэтическіе виды,—отчего сюда не направляются наши скучающіе туристы?.. Вонъ скала нависла надъ Косью; вся рѣка стосаженной ширины течетъ подъ этимъ утесомъ... Наверху, на самомъ концѣ утеса, три громадныхъ ели. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ—и онѣ, и сама скала сползутъ внизъ и перегородятъ совсѣмъ теченіе этой свѣтловодной рѣки... Какъ хороши эти картины, когда вечерняя заря обдаетъ ихъ своимъ багровымъ заревомъ. Всѣ эти развалины никогда не существовавшихъ городовъ, руины никогда и никому не грозившихъ крѣпостей!.. Вонъ одна сквозная пещера на аломъ фонѣ гаснущаго дня... Вся черная, а въ ея зѣвѣ горитъ багровое уже солнце... Слово въ окно оно смотрится сквозъ этотъ удивительный туннель.

Рѣка здѣсь почти недвижной кажется... Теченіе незамѣтно... Медленно, такимъ образомъ, подплываемъ мы къ Губахѣ, тоже спрятавшейся на дно котловины и богатой со всѣхъ сторонъ такими же очаровательными видами. Громко рокочетъ она, перекидываясь черезъ тысячи переборовъ прежде, чѣмъ здѣсь ей удастся соединиться съ тихими водами Косью... Все ея ущелье полно этого веселаго, дѣятельнаго грохота... Весною Косья здѣсь очень опасна. Дальше на ней масса пороговъ и въ одномъ 1875 году, напримѣръ, здѣсь утонуло 16 человѣкъ гребцовъ на баржахъ. Рѣчка бѣшено мчитъ тогда мимо этихъ поэтическихъ береговъ... Косья вспучивается на двѣ сажени, питаемая тысячами рѣчекъ и ручьевъ, и стремится съ чудовищной силой въ Каму.

— При такой глубинѣ по ней могли бы идти и пароходы?

— Да, только никакой пароходъ не подымется вверхъ при быстрой ея теченія. Тутъ паденіе рѣки громадно.

То и дѣло весеннія воды Косью выбрасываютъ на берега трупы гребцовъ и барочной прислуги... Недавно, за мѣсяцъ до моего приѣзда, въ четырехъ верстахъ отъ Губахи нашли такимъ образомъ прибитыми къ берегу пять труповъ гребцовъ и барочной прислуги, а двумя верстами ниже—шесть такихъ же.

— Тутъ разъ полой водой медвѣдя сбросило въ рѣку. Онъ было барахтаться—куда! понесло его... Версть за тридцать выбросило вонъ, только мертвачо. Всю ему башку о скалы наши разбило...

— Ладилась мы шкуру достать!

— Не годится?

— Спорчена. Ослизла да стерта... А гдѣ такъ и званія шкурны нѣтъ—сбило о камень... И вѣдмедь же громаднѣющій былъ... Я его увидѣлъ, какъ его въ воду сбросило, потомъ пошелъ по берегу, ду-

малъ—мѣхъ даромъ достанется... Только—поѣхалъ въ цвѣтномъ, а пріѣхалъ ни въ чемъ.

— Самого ободрало?

— Да малость въ рѣчущей одной... Я думалъ малая—сунулса, а она и меня, что Косьва медвѣдя, прихватила... Едва-едва выбилса.

— Пошелъ на собакѣ сѣно косить.

— Точно что! Въ баню идти—пару не бояться. Любишь парко—люби и жарко... На уру пошелъ. У насъ медвѣди чудесные!

Не знаю, каковы губахинскіе медвѣди, но комары губахинскіе ужасны. Они не кусаютъ, а подлинно жрутъ... Тутъ мажутъ лицо дегтемъ отъ нихъ; иногда впрочемъ и деготь не помогаетъ... Скотъ въ воду загоняютъ эти звѣри. Часто кони даже тонуть отъ комара.

— Здѣсь по всему этому околотку—пьянства мало... Все наша брага! До пропасти пьютъ ея. Съ огня на заводахъ, и такъ здѣсь постоянно пьютъ ея. Она очень вкусна, бѣлая; изъ проросшаго овса и солода варятъ ея. Иной по полведра въ день выпиваетъ ея.

Трудно сказать, какъ бы питался мѣстный рабочій, если бы не это пойло. Мяса онъ не видитъ и въ праздникъ, хлѣба не всегда въ волю, рыбы мало. Особенно много ея употребляютъ въ Губахинскихъ каменно-угольныхъ копахъ. Онѣ были извѣстны давно, но до сихъ поръ не разрабатывались, да и теперь—не особенно, хотя содержаніе этихъ копей рассчитано на 90.000.000 пудовъ угля. Дѣло въ томъ, что какъ его ни эсплоатируй, но пока этого богатства дѣвать нѣкуда. При заводской топкѣ и на Усольскихъ солеварняхъ сто пудовъ угля соотвѣтствуютъ кубической сажени дровъ. Последняя заводамъ и варницамъ обходится въ шесть рублей, тогда какъ только одинъ подвозъ угля обойдется въ семь рублей, не считая расходовъ по эсплоатаціи. Только тогда, когда цѣнность его будетъ низведена на мѣстахъ потребленія, а не производства, до 6 коп. пудъ, можно ожидать, что его цѣлыми массами станутъ жечь солевары и желѣзняки. Но это долгая пѣсня, а пока подъ топорами дровосѣковъ гибнетъ лучшее богатство Урала—его лѣса!.. Самая рѣчка Губаха замѣчательна здѣсь тѣмъ, что она верстахъ въ семи уходитъ въ землю и черезъ десять къ сѣверу опять показывается на свѣтъ, пробѣжавъ все это пространство какою-то подземною жилой.

— У насъ рѣка хитрая!..—Въ прятки играетъ! шутать губахинскіе крестьяне.

У Губахи пропадаетъ одно изъ красивѣйшихъ деревьевъ нашего сѣвера—кедръ; отъ Губахи на Каму идетъ уже все лиственница... Въ старое время и на самой Камѣ водились кедры, но лѣтъ семьдесятъ тому назадъ они почему-то стали вымирать, уступая свое мѣсто другимъ лѣснымъ великанамъ. Въ Губахъ же я встрѣтилъ лютаго во рога лѣсовъ. Смотрю—идетъ ожирѣлый кулакъ въ простой сермагѣ. Сапоги бутылками, на головѣ широкополая шляпа; грязная ситцевая рубаха, воротникъ весь просалился — взглянуть ужасно. Борода рѣ-

денька, косичками, красные глаза изъ-подъ рыжихъ бровей такъ и бѣгаютъ...

— Милліонщику!.. привѣтствовалъ его мой слугникъ.

— Здорово, Иванъ Степановичъ. Каково прыгаешь?

— Ничего... Твоими молитвами. Чего тебя сюда занесло?

— Да вотъ, ладился лѣску прикупить, на срубъ-то-исъ. Сухмеллся съ управляющимъ... хорошую цѣну давалъ.

— Ну?

— Не пошелъ, чтобъ его! Ужъ я ему резонты всякіе подводилъ. Говорю: отпиши, что палъ прошелъ и лѣсъ пожегъ на корню.

— Что же онъ?

— А, забодай его комаръ, въ шею выгналъ.

— Тебя-то, милліонщика? Какъ же ты это стерпѣлъ?

— Что жъ—дѣло торговое, стерпишь...

— Вы посмотрите-ка на Ѳедосѣева этого, обратился ко мнѣ Иванъ Степановичъ, когда лѣсопромышленникъ отошелъ на минуту.—Вы какъ думаете о немъ—мужикъ, по виду, самый послѣдній, а у него мильона два, у козыря у этого. Онъ одинъ, я такъ полагаю, по Камѣ больше лѣсовъ извель, чѣмъ всѣ заводчики вмѣстѣ взятые. Онъ какъ это дѣло ведетъ—явится къ лѣсничему и давай его охаживать, а какой народъ лѣсничіе—вы сами знаете... Ну, сторгуется и давай рубить. Сколько онъ этихъ казенныхъ участковъ извель...

— Да вѣдь ревизія бываетъ же?

— Какія тамъ ревизіи. Вся ревизія въ томъ и состоитъ, что приѣдетъ наибольшой, пообѣдаетъ, получить что ему слѣдуетъ,—и дальше, на слѣдующую получку. У насъ такіе участки есть, которые только числятся на бумагѣ, да на картахъ, а ихъ давно и слѣдъ простыль... и не пахнутъ. По тѣмъ мѣстамъ давно одинъ песокъ, гдѣ когда-то роци кудравыя стояли... Самые осторожные—тѣ позволяютъ „разчищать лѣсъ“, т. е. рубить не сплошь, а черезъ три-четыре дерева. Лучшія, разумѣется, по корень, а худыя пушай стоять. А то еще, когда палъ—такъ это очень выгодно. Лѣсничій отъ этихъ „божьихъ произволеніевъ“ большія тысячи наживаетъ. Молоныя сниметъ пятокъ деревьевъ, а лѣсничій срубить ихъ на версту. Все равно: кто поворачитъ станеть? А то тоже есть еще гниющія на корню деревья, которое перезрѣетъ — его рубить надо. Вы посмотрите на пни этихъ, „сгнившихъ“ какъ бы, листовнищъ... Крѣпкіе какъ камень. Этотъ Ѳедосѣевъ еще на какія штуки пускается. У него паутина вездѣ раскинута, и въ Питерѣ тоже. Узнаетъ онъ, примѣрно, что молодой заводчикъ какой въ Питерѣ закутился — деньги спустилъ. Онъ сейчасъ своимъ научкамъ: — „Дай денегъ подъ большіе проценты“, тѣ даютъ. Прошелъ срокъ—векселя вдвое... А потомъ и самъ Ѳедосѣевъ является. „Такъ и такъ, вашъ векселекъ у меня?“—Погоди, голубчикъ, денегъ нѣтъ! — „Ждать-то нельзя, мнѣ теперь надо лѣса покупать, контрактомъ обязался поставить туда-то“.— Да у меня ни гроша, го-

ворять тебя!..— „Ужь вы не заставляте во взысканію“... Сунется заводчикъ туда, сюда—никуда ему пути нѣтъ... Опять къ Ѳедосѣеву. А тотъ: „Да что вамъ, батюшко, съ лѣсомъ-то возитесь. У васъ гниленкій лѣсишко есть... Я бы его взялъ за долгъ. Вы спросите у вашего управляющаго, какой это лѣсишко; ему грошъ цѣна... Я ужъ бы его такъ, что къ мѣсту очень близко“. Спросить дуракъ у управляющаго, а тотъ уже ставнулся съ Ѳедосѣевымъ.— „Если есть покупатель, нужно скорѣй продать. Ничего этотъ лѣсъ не стоитъ“. Такъ на-сто тысячъ за какіе нибудь десять и сбудутъ ему чудеснаго крѣпкаго лѣса... И онъ-то, Ѳедосѣевъ этотъ, дуракъ!.. Коли бы онъ рубилъ съ толкомъ. Одно вырубилъ, другое оставилъ, исподволь — у него бы гораздо больше было, да и на будущее время тоже осталось, а онъ все сплошь. Хуже лѣснаго пожара пройдетъ. Тамъ хоть обгорѣлые стволы останутся, а отъ этого ничего. Сколько у насъ рѣкъ изъ-за этого Ѳедосѣева обмелѣло въ Камскомъ бассейнѣ—не сочтешь. Я это все про тебя, обратился мой спутникъ къ Ѳедосѣеву.

— Ругаешь меня, должно?..

— А какъ же тебя хвалить-то? не за что. Самый ты вредный человекъ.

— Я-то?.. Ты спроси, сколько я народу кормлю.

— Знаемъ мы твои кормы! Въ-проголодь народъ живетъ, весь онъ у тебя въ кулакѣ зажатъ. Крѣпко ты его держишь.

— А какъ иначе? Распусти, попробуй. Все же я за нихъ и подать, и недоимку... и казнѣ отъ меня хорошо! Вонъ изъ Перми меня въ кавалеріи представили,—святаго Станислава хотятъ навѣсить, а все за что—казнѣ пользю доставляю.

— А чиновникамъ-то еще большую.

— И чиновникамъ ѣсть-пить требуется. Ты думаешь, у ево, у чиновника, брюха нѣтъ — сдѣлай милость, какое еще. Младенцевъ у нихъ тоже понасыпано. Ты думаешь, онъ на царское жалованье прожить можетъ, да мадаму свою одѣвать-обувать!.. Всѣ мы люди, всѣ человекѣ. А вотъ какъ Ѳедосѣевъ на лицо — ему и думать нечего. И младенцы евоны сыты будутъ, и мадаму онъ подкуетъ въ лучшемъ видѣ. Я и судѣй дай, мировые-то нынче еще побольше берутъ, чѣмъ прежде. Прежде бывало съ десяткой пришелъ — первый гость, а нынѣ, врешь! И съ радужной-то не сразу сунешься... А у насъ и такія язвы завелись, что и вовсе не влеютъ... Какую ему наживку не надѣвай—не идетъ на уду, хоть ты что хошь... Вотъ это точно что зловредные мигилисты... Опять же въ губерніи—тоже всѣмъ подай. Ты вотъ что умомъ разумомъ раскинь... Въ пользу бѣдныхъ у нихъ разныя генеральши собираютъ. Къ кому?—къ Ѳедосѣеву. Клубъ строили въ заводѣ, къ Ѳедосѣеву... Все а... не разорваться же мнѣ,—дѣло явственное.

— А у народа хлѣбъ плохо родится, а заработковъ нѣтъ—потому на заводѣ топлива мало—заводъ закрывается.

— Посмотрю я на тебя, совсѣмъ ты необстоятельный парень—
Иванъ Степанычъ.

— Что такъ?

— Ты подумай-ко, о чемъ ты говоришь... хлѣбъ плохо родится...
отъ того, что я лѣса рублю?

— Вѣрно.

— Лѣса Богъ на потребу человѣку создалъ и рубить ихъ ука-
залъ... А хлѣбъ не родится, потому нонѣ грѣха много стало. Вездѣ
грѣхъ... Развѣ народъ нонѣ такой, какъ прежде былъ? Оттого Господь
и наказуетъ, неурожаи ниспосылаетъ... Теперчи заводамъ не хватаетъ
лѣсу,—опять потому, что Бога перестали звать... Иначе и Богъ бы
возвращалъ лѣса сколько надобно. Ну, перестану я рубить, положимъ.
Что-жъ, Богъ безъ меня не найдетъ средства покарать? Да онъ мо-
лоньей спалить лѣсъ и все едино останется заводъ безъ дровъ.
Въ лѣсу всякая нечисть водится... Злодѣи куда укрываются—въ лѣса...
Гдѣ больше всего убивствъ — въ лѣсахъ, гдѣ странному чело-
вѣку страшно—въ лѣсу. Ихъ и изводить-то не грѣхъ... То ли дѣло
поле. Оно откровенное, на емъ все видать—зеленое стелется тебѣ...
Смотрить на него Богъ сверху — и Богу весело... потому поле Божіе...

— А лѣсъ?

— А лѣсъ—нашъ, мы его и рубимъ. Молитесь, Господь вамъ та-
кіе ли возраститъ лѣса... А вы его всемогущаго забыли, да на меня
жалитесь... А я что! я свое дѣло сполняю, да народъ кормлю. Ты
узнай, сколько отъ меня жить-то пошло.

— Да, мошенниковъ здоровыхъ наплодилъ.

— Ихъ грѣхамъ я не отвѣтчишь... Сколько храмомъ Божіихъ изъ-
моихъ лѣсовъ построено! На Каму выйдешь... бѣляна бѣжить—гля-
дишь и радуешься. Изъ моего лѣса сердешная. На бѣлянѣ народъ,—
бѣдовали бы вы, други, коли бы не срубилъ я вамъ бѣяны. Мо-
имъ лѣсомъ и зимою грѣются, и лѣтомъ отъ стихій укрываются...
Ты сначала пойми, какое это дѣло-то... Тутъ, братъ, не то что сразу
раскинулъ умомъ и рѣшилъ... Коли бы еще баринъ сказалъ,—не обидно,
а ты свой человѣкъ, торговый... ты меня этимъ словомъ какъ ушибъ-то...

— Ушибешь тебя!

— Отчего не ушибить... Всякой злой человѣкъ ушибить можетъ.
Вотъ въ Екатеринбургѣ мировой судья есть ***. Слыхалъ?

— Какъ не слышать!

— Ты послушай... Онъ человѣкъ умный... Что онъ говорить: Ое-
досѣвѣвъ всему Пермскому краю благодѣтель. Вотъ какъ умные-то
люди!

— Этотъ ***, обратился ко мнѣ Иванъ Степановичъ,—прежде гор-
нымъ чиновникомъ былъ... Звѣрь-звѣремъ. Просто злодѣйствовалъ въ
своемъ округѣ. Пришли новыя времена, его въ Екатеринбургъ вы-
брали судьей... Вотъ онъ по одному дѣлу приговорилъ мужика къ
штрафу и объявляетъ ему:

— Вы можете въ двухъ-недѣльный срокъ, если не довольны, обжаловать мое рѣшеніе.

— Кому же жаловаться-то?

— Принесите жалобу ко мнѣ, а ее направлю въ сѣздъ.

— Къ тебѣ-то, да на тебя-то?... И отвѣтчикъ изумленно уставился на него.—Лучше уже получай-ка! Зубы-то у насъ, слава Богу, не разъ считаны, знаемъ мы это, какъ на тебя жаловаться.

— Теперь, мой другъ, время не то...

— Коли ты сидишь да судишь—значитъ никакой перемѣны не будетъ... Это ты уже прости меня... Намъ-то ручки твои хорошо нѣвѣстны. На, получай эту штрафку, Богъ съ тобою... И квитка не надо мнѣ, ну его къ Богу!...

Въ Губахѣ было нѣсколько человекъ больныхъ, одного уже два мѣсяца трепала лихорадка.

— Надо бы въ Бизеловскую больницу отправить, да все некогда. У насъ земство ничего по заводамъ для народнаго здравія не дѣлаетъ. Вы какъ бы думали—съ Лазаревскихъ дачъ оно получаетъ ежегодно пятьдесятъ тысячъ рублей, а взамѣнъ даетъ намъ ноль. Только уже благодаря настойчивости управляющаго прислали намъ въ этомъ году въ Чермозъ акушерку. Тутъ по веснамъ народъ страсть мретъ. Особливо у Федосѣева на лѣсныхъ работахъ. Иному придется цѣлый день по поясъ въ водѣ, ну, прихватитъ морозомъ—и кончено. Пицца у нихъ плохая, одѣженка тоже. Ночью согрѣться негдѣ—избушки-то на курьихъ ножкахъ, сквозняки...

VI.

По низовьямъ Косвы.—Хлѣбопашество.—Косьвинскія бабы.—Мѣстное преданіе о бабѣ разбойницѣ.

Хлѣбопашество начинается въ верстахъ восемнадцати ниже Губахи, да и то плохое. Сѣютъ, только для подспорья при заводскихъ работахъ, ячмень и овесъ, ржи совсѣмъ мало. Въ двухъ деревняхъ, по лѣвому берегу—Майковой и Тихой—хлѣбъ родится ничего, такъ что имъ своего хватаетъ до Масляной, на остальное время года нужно привкупить. Поля тутъ окаймлены лѣсами, защищающими ихъ отъ непогодъ; часто посреди нивы поднимаются нарочно оставленныя „для красы“ пихты. Эти же сѣверные кипарисы и въ самомъ селѣ Малковѣ торчатъ между избами, придавая много оригинальнаго жалкой деревушкѣ. Ранѣе Малковой мы оставили за собою Плюсую, Шестаковку, Кедровку и Сонливу. Эти жалкіе выселки похожи на становища переселенцевъ, устроившихся въ новыхъ мѣс-

такъ не совсѣмъ, а такъ, для опыта, что-де изъ этого выйдетъ. Очевидно, здѣсь скудно живетъ населенію. „Рыбой живемъ — да рыбы мало. На заводъ ходимъ, когда работа есть, а то по лѣсамъ уголь жжемъ“. Видимо—ничего опредѣленнаго. Косьва тутъ разливаема по веснамъ и зачастую сноситъ прочь гнилыя избы, останавливаясь только передъ громадными утесами праваго берега, которые снизу до верху выдвинули точно какія-то ребра. Всѣ они изъ пермскаго песчаника. Въ горныхъ лѣсахъ на каждомъ шагѣ слышны дятлы.

— Опрятная птица! замѣчаетъ мой Иванъ Степановичъ.

— А что?

— Да не только за собой ходить, но и дерево чистить, червя вылевываетъ...

— Нужно ѣсть что-нибудь!..

Проплыли мы мимо Брюханова, Малкова. Ни одной церкви по всей рѣкѣ до сихъ поръ, только въ тѣни красивыхъ роцъ поставлены часовни. Болѣе усердные крестьяне и безъ попа устраиваютъ общія моленія въ часовняхъ по субботамъ и праздникамъ, и то, впрочемъ, старики. Молодежь въ часовню не заманишь. Ей нѣкогда. Нужно работать. Здѣсь если не потрудишься — такъ и ѣсть нечего. Съ жиру не бѣсятся!.. И погулять-то имъ не удастся... По заливному островамъ косить траву исключительно бабы... Изумленно оглядываютъ онѣ меня, видимо посторонній человѣкъ въ этой глуши — диво дивное.

— Купца везешь?... орутъ онѣ Ивану Степановичу.

— А что у васъ, продать есть что?

— Самихъ себя, другъ любезный!.. Почему съ пуда платите?

— А вы почему новѣ хотите? отшучивается мой спутникъ.

— А цѣна по покупателю. Съ молодого дешевле, а съ тебя, стараго да неладнаго, дороже.

— Тутъ у насъ баба бойкая! замѣчаетъ Иванъ Степановичъ; — она тебя языкомъ забодаетъ.

— А на дѣлѣ?

— Совсѣмъ другая статья. Послушай-ка: подумаешь развратъ, а а ты попробуй, приступи. Ни за деньги, ни такъ... Еще есть дѣвки, которыя шалютъ, а баба знаетъ своего мужа и больше никого...

— Плывите сюда! кричатъ намъ съ другаго заливнаго острова.

— Зачѣмъ?

— У насъ мягко... Ишь травы сколько накосили... Есть гдѣ поспать.

— Экія вы бабы смѣлыя.

— Ты выйди-ко, мы тебѣ покажемъ, кака у насъ такая смѣлость. И грозятся издали босами, пересмѣиваясь между собою.—Ишь у тебя чиновникъ заснулъ совсѣмъ, дава-ко-съ его сюда... Мы его развеселимъ. А то онъ у тебя что дятель опустилъ носъ, да и ныжеть. Ты ему распусти-ко хвостъ... Соли ему насыпь, чтобы онъ пофорсистѣй былъ...

Столь непочтительныя замѣчанія на мой счетъ заставили меня отъ души хохотать.

— Вы еще такихъ дамъ не видѣли.

— Всякихъ видѣлъ! На сѣверѣ и покуже.

— Это почему?

— А ругаются прямо... Родителей до третьяго восходящаго колѣна потревожатъ.

— Ну, вотъ погодите, на низъ поплывемъ, такъ вамъ бабы и не такія еще встрѣчи устроятъ. Вы эту бабу весной посмотрите. Тутъ изъ Малкова, да изъ Брѣханова мужики всё на сплавъ желѣза, чугуна да руды всякой уйдутъ—бабамъ тогда воля вольная. Вы ихъ тогда послушайте. Подумаешь къ пьянымъ попалъ, а онѣ только что душу отводятъ.

Совсѣмъ населенными мѣстами поѣхали. Картина измѣнилась. Недавнее величавое молчаніе красивыхъ окрестностей пустынной Косовы уступило мѣсто жизни и движенію. Гдѣ селъ нѣтъ—тамъ по рѣкѣ рыболовы скользятъ на своихъ челнокахъ, по широкимъ плесамъ—сѣтами рыбу тащатъ... На солнцѣ блестятъ чайки, эти всегдашнія спутницы рыболова... По островамъ, гдѣ людей нѣтъ, гомонить всякая птица. Задорно орутъ о чемъ-то заблудившіе. Одна другой выкрикиваютъ что-то безъ устали.

— Ишь, птаха тоже... Махонькая, а какъ наговариваетъ... Озорная!.. замѣчаетъ гребець.

Вонъ мужики на берегу... Эти держутъ себя солидно, не то что бабы.

— Дожидая дай-то Богъ — вамъ! На травку-то, на махонькую, кричить нашъ лопманъ...

— Тихой погоды вамъ, отзываются тѣ, провожая глазами быстро-скользящій челнокъ.

Горы только съ одной стороны тѣснятся. Другая вся въ кустарники ушла. Глазю легла... Далекю обидываешь ее взглядомъ. Послѣ недавняго безлюдья—селъ точно насыпано. Одно уйдетъ изъ глазъ, смотришь—другое выдвигается... И избы пошли уже чѣмъ ближе къ Камѣ, тѣмъ лучше. Видимо, народъ зажиточнѣе. Тутъ уже періодъ колонизаторства пережить, тутъ люди осѣли прочно на вѣки. Отсюда они не тронутся никуда. Подъ Краснымъ сплошь цѣлыя горы подъ нивами. Вонъ по нимъ вѣтерокъ волной бѣжитъ. Вонъ рѣдная по этому краю рожь тоже клонится подъ легкимъ вѣяніемъ жаркаго, сегодня воздуха. Такъ жарко, что я мокрымъ платкомъ голову обвязалъ. То и дѣло мочимъ водою лицо. Томить знойное солнце, радъ бы Богъ знаетъ куда уйти отъ него...

Большая лодка намъ на-встрѣчу. Бабы гребутъ совсѣмъ по-морски. Грудью на весла наваливаются; лодка быстро движется отъ этой лодкой, мѣрной гребни. Лица вспарились.

— Эхъ вы, работницы! иронически встрѣчаетъ ихъ лопманъ.

— Молчи, чортова кайла! весело отзывается одна изъ бабъ.

— Тебѣ бы мутовкой кашу мѣшать, а ты весла взяла, дура не-
суразная.

— Вотъ лопану тебя мутовкой этой по лбу... ты у меня ста-
нешь трогаться... Ироды!.. погрозила она ему весломъ.

— Псой пропахли.

— Ахъ, ты... И тутъ въ воздухѣ повисла такая мѣткая и въ
то же время неожиданная ругань, что не только я, но и лодманъ ротъ
разинулъ.

Минути двѣ ми проплыли въ нѣмомъ молчаніи.

— Ну и бабы!.. Наконецъ разразился лодманъ.

— А что, невкусно?

— Да... Эта баба, братъ, отзвонить... лучше попа...

— Косьвинская баба мужика загоняетъ, тутъ баба вострая.

— Ишь какія онѣ... уязвительныя! никакъ не могъ успокоиться
лодманъ.

— Это никакъ иначе—съ Колотовской.

— Почему? спросилъ я.

— А потому, что другой бабѣ такъ не выругаться. Колотовскія
мастерицы на это!..

Иной разъ случается на Косьвѣ—ругаются, ругаются двѣ лодки,
изъ коихъ на одной мужики гребутъ, а на другой бабы, да и въ
серьезъ раздерутся. Веслами другъ друга позатылкамъ поглядятъ, а
то и такъ, ради смѣха, возьмутъ да и опрокинутъ лодки одна у другихъ.

— Вѣдь такъ и утонуть можно?

— Зачѣмъ. Нашу бабу силой не утопишь... Нашу бабу вода не
беретъ.

— У насъ бабы особня. Вы когда нибудь слышали про камскую
Фелисату.

— Нѣтъ.

— Великая атаманша была... Если вѣрить старикамъ—она и на
Косьвѣ пошаливала.

— Расскажите пожалуйста. Я записываю всѣ подобныя легенды.
На Волгѣ мнѣ удалось собрать нѣсколько такихъ про тамошнихъ
разбойницъ.

— Былъ одинъ попъ, въ Усольѣ жилъ,—давно ужъ это! Можетъ,
двѣсти лѣтъ назадъ, а можетъ и триста! Женился этотъ попъ на ра-
ботницѣ своей; изъ Орла-городка пошла она къ нему въ услуженіе.
Дѣвка была красивая, здоровая, а силы такой, что разъ переодѣлась
парнемъ, да на бой съ солеварами и вышла. Тогда въ Усольи по
праздникамъ бои бывали. Пристала къ партіи, которая послабѣй, и
всѣхъ одна осилила. Женился на ней попъ и стали они ссориться.
Только разъ Фелисата эта ушибла его такъ, что онъ уже и не вста-
валъ больше. Ну, попа похоронили съ честью, хотѣли было Фели-
сату взять—не далась: кто съ такимъ чортомъ справится? Наконецъ,

стрѣльцовъ пригнали,—сонно забрала ее—посадили, она въ ту-же ночь высадила ворота въ острогѣ и не только сама ушла, но и всѣхъ колодниковъ за собой увела. А въ тоѣ поры на Камѣ у самаго Усоляя нарядная строгиновская ладья стояла. Съѣла Фелисата съ колодниками на ладью, отвезла ихъ въ Орель-городокъ *) и отпустила на всѣ четыре стороны. „Идите, братцы—промышляйте вольнымъ разбойнымъ дѣломъ. А вотъ вамъ и запретъ: воеводѣ и купцовъ хоть въ Камѣ тошите, а только мужика у меня чтобъ не трогать... А кто мужика тронетъ—того и я не помилю“... Опослѣ того забрала она двухъ своихъ сестеръ изъ Орла-городка, переодѣлась съ ними парнями, накупила себѣ оружія всякаго и стала по всей Камѣ плавать... Гдѣ прослышитъ, что есть сильная баба либо дѣвка, сейчасъ къ себѣ сманить. Такъ она большую шайку собрала, бабъ съ полсотни у ей было. Нашли онѣ себѣ пещоры, убрали ихъ коврами персидскими, утварью разною и положили промежду собой такой завѣтъ, чтобы все по-ровну дѣлить и чтобъ отнюдь къ себѣ мужичинъ не пускать... А на ту пору изъ Сибири караванъ съ царскимъ золотомъ по Камѣ шель. Прослышала о немъ Фелисата и на легенкѣ стругахъ кинулась по слѣду. Подъ Оханскимъ нагнала, перебила всѣхъ стрѣльцовъ, что съ караваномъ шли. Изъ Оханска хотѣли имъ помочь подать, она помочь отогнала, а оханскаго воеводу на берегу повѣсила. Потомъ забрала награбленное и ушла въ свои пещоры... Пять годовъ бушевала она такъ-то—ни купцу, ни царскому приставу ходу по Камѣ не было. Ежели кого начальство либо хозяева обижали, сейчасъ къ Фелисатѣ шель. Она разбирала по всей правдѣ. Бнязя одного розгами высѣкла, гунчурскаго купца вверхъ ногами повѣсила. Въ Сарапулѣ воевода одинъ былъ—ладился поймать ее... Всѣмъ своимъ хвастался—уже запру же я ее въ кѣтку желѣзную. Она одна къ нему прѣхала... „Запирай, говорить, хочу посмотреть я, какъ это ты съ бабой совладаешь“. Ну, у того отъ страху языкъ отнялся. Только потому она его и помиловала. Разъ она прослышала, что на Чусовой проявился разбойникъ одинъ и себя за ее выдаетъ. А разбойникъ этотъ больно простой народъ—чернеть обижалъ. Фелисата на мужицкихъ вороговъ накладывалась, а онъ мужика грабилъ да тѣснилъ. Дани ея именемъ собиралъ. Послала она къ нему свою подручную, ой уймись-де... А подручная была собой красавица писанная. Разбойникъ ее не пожалѣлъ—обидѣлъ, тутъ и поднялась Фелисата сама, собрала всѣхъ своихъ и вызвала его на открытый бой. На Чусовой они и дрались. Два дня дрались, на третій она полонила его, собрала по берегу всѣхъ кого обижалъ онъ, велѣла большой чугунный котелъ принести, связала его да живьемъ и сварила... Съ тоѣ поры и камская вольница противъ ее ничего не могла... И стали всѣ ее бояться и уважать...

*) Орель-городокъ—село на Камѣ.

— Чѣмъ же она кончила?

— Разное... Одинъ говорить—спокаялась и въ Сибирскихъ предѣлахъ, въ Бѣловодѣ, большой монастырь женскій поставила и сама игуменьей была, а другіе толкуютъ, будто тѣсно ей на Камѣ показалось и ушла она на Волгу.

— Подъ Казанью рассказываютъ, что дѣйствительно одна атаманша съ бабей шайкой на Волгу съ Камы явилась.

— Вотъ-вотъ... только на Волгѣ, будто, занимался тогда вольнымъ промысломъ Стенька Разинъ. Послалъ, будто, къ ней пословъ Стенька, желаю-де пожениться съ тобою, чѣмъ намъ розно, лучше вмѣстѣ жить. Ну, она и говоритъ—„если побѣдишь меня—бери. Твое счастье“. И стали они биться. Семь дней бились, никакъ одинъ другаго взять не могли... Тогда Стенька и слухавилъ. Говоритъ: „не можетъ этого быть, чтобъ ты бабой была, потому, гдѣ твои косы?“ А у нея коса подъ шоломъ запрятана была, только она показала ему косу, а коса у ей по землѣ волоклась, онъ и схватилъ за ее.... Схватилъ, закрутилъ на руку—и побѣдилъ Фелисату. А опослѣ они поженились и Персію вмѣстѣ воевать ходили...

— Да имѣетъ ли дѣйствительный! смыслъ эта сказка?.. Было ли что нибудь подобное?

— Это насчетъ чего же?

— Случалось ли, чтобъ бабы въ Пермской губерніи когда нибудь разбойничали?

— Въ Демидовскихъ владѣніяхъ ста полтора лѣтъ тому назадъ была Марья, одна ликовала; у Всеволожскихъ лѣтъ семьдесятъ назадъ тому одна баба тоже разбоемъ занималась!..

Деревни за деревнями сѣнялись по обимъ берегамъ. Только два села попалося намъ побольше. Вонъ Фетинька. Трудно глаза оторвать отъ нея—такъ она красива... Сползаетъ съ одной горы, залоняетъ лощину и опять взбирается на скатъ противоположнаго края. Горы мало-по-малу отступаютъ. Силуэты ихъ точно висятъ надъ зелеными понизьями. Кое-гдѣ по гребнямъ отдаленныхъ вершинъ словно ласточкины гнѣзда лѣнятся деревнюшки... Вотъ одна прислонилась къ кручѣ, на вѣсу вся. Такъ и кажется, что первымъ вѣтромъ снесетъ ее прочь...

— Отчего внизу не строятся они?

— Нельзя, Косьва заливааетъ все. Вода ярая въ ней веснами. Иной разъ такъ пойдетъ, что отъ деревни бы и слѣда не осталось. Не нашли бы гдѣ и была она...

За Кушгородомъ Косьва воложками пошла. То и дѣло дробится на рукава, точно ей каждую пядень земли этой по всѣмъ сторонамъ обласкать хочетъ.

— Это на Волгѣ воложками зовутъ, замѣчаетъ мнѣ Иванъ Степановичъ.

— А у васъ какъ?

«истор. вѣстн.», годъ III, томъ X.

— У насъ проточины эти—заостровками зовутся.

Совсѣмъ время стоитъ какое-то несуразное. То печетъ, то вдругъ налетитъ туча, грянетъ громъ, обольетъ дождемъ какъ изъ ведра, а черезъ минуту солнце опять жаритъ еще пуще, такъ что не знаешь, что дѣлать: лечь ли мертвымъ трупомъ на дно лодки, или броситься за бортъ въ Косьву... Каждый часъ мы купались, но спустя нѣсколько минутъ всякій разъ намъ становилось еще душнѣе, еще невыносимѣй...

— На водѣ здѣсь всегда такъ жжетъ! отозвался лодманъ.

— Погодите дальше, пятнами по тѣлу пойдутъ ожоги...

Я было усумнился.

— А вотъ завтра увидите...

— Да что же это—Астрахань, что ли?

— Нѣтъ, не Астрахань, а Косьва... Почтище Астрахани истомить...

Пекло такое!

Первую церковь мы встрѣтили у села Пермскаго... Еще издали замѣтили ея массивный бѣлый силуэтъ у самой воды... Кругомъ превосходныя постройки. Видно, что народъ живетъ зажиточно. Поля на десятки верстъ раскинулись кругомъ. Здѣсь сравнительно сѣтся много хлѣба и урожай чудесный. Кому нельзя дома прокормиться, тотъ идетъ заготавливать дрова для Чермова или Бизела, а то и на заводскую работу нанимается... Самое село разбросалось на большое пространство кучками. Тутъ группа избъ—въ полуверстѣ другая группа, а тамъ третья... Такихъ группъ мы насчитали до двѣнадцати... А въ далекѣ мерещились еще и еще. Бабы здѣсь совсѣмъ безцеремонны. Насъ съ берега обдавали такими любезностями, что даже привычный Иванъ Степановичъ и тотъ диву дался.

— Ну, однако!.. только и могъ проговорить онъ.

Зато только что мы причалили и вышли на берегъ, переимѣна декораций полная. Еще минуту назадъ ругавшіяся дѣвки застыдились и даже стали закрываться рукавами. Попробовалъ было имъ лодманъ напомнить нѣкоторыя подробности ихъ же собственнаго словаря—онѣ и вовсе разбѣжались!.. Никого я по всему этому краю не встрѣтилъ въ лаптяхъ. Пермскій мужикъ всегда въ исправныхъ кожаныхъ бахилахъ, котормя сотнями тысячъ заготавлиются въ Сарапулѣ, на Чусовой и въ Кунгурѣ. Отсюда ихъ развозятъ во всѣ захолустья... Даже въ Вологду—въ какойнибудь Кадниковскій уѣздъ идутъ онѣ...

— Передъ этимъ пермскимъ селомъ каждую весну несчастія съ барками.

— Шибко тонуть.

— Въ маѣ между двумя барками расплющило мужика... Такъ, чтобы вынуть трупъ, пришлось вырѣзывать часть стѣны въ одной изъ нихъ.

— Что же онѣ, разойтись не могли?

— Куда тутъ разойдешься, когда разомъ цѣлый караванъ собьется. Чтобы понять, какая это кутерма, нужно здѣсь самому быть. Иначе и представленія болѣе или менѣе вѣрнаго себѣ не сдѣлаете.— Вотъ прїѣзжайте къ намъ весной. Тогда вы нашу кормилицу Косью— не узнаете!

VII.

Село Пермское (Никольское тожъ).—Бабы на рыбной ловлѣ.—Привилегированная птица.—Село Филагино.—Свободная любовь.—Неплательщики.

Въ Пермскомъ селѣ даже роскошь замѣтна. Есть хорошія крестьянскія избы съ росписанными голубцами, красными и желтыми цвѣтками фантастическаго рисунка. Около оконъ устроены затѣливныя шкапики того же пестраго письма съ набойкой на полатахъ. Кое-гдѣ просто по стѣнамъ росписано наивною кистью.

— Кто это у васъ искусникъ таковой?

— Изъ села Нижегородки одинъ ходитъ. Да что, мы его нонѣ къ себѣ не пускаемъ.

— Что такъ?

— На дѣвокъ больно лихъ. Сколько онъ у насъ перевастилъ ихъ, страсть.

— Да вѣдь у васъ на этотъ счетъ не особенно строго. У васъ баба должна остерегаться, а дѣвка вольный казакъ.

— Точно это, а только водись со своими парнями. У насъ такого заводу нѣтъ, чтобы съ чужими. Чужой за себя не возьметъ— онъ перервалъ ей горло и прочь, а свои поженятся.

Въ крестьянскихъ избахъ до пронасти картинъ суздальскаго дѣла навѣшено. Видимое дѣло люди со вкусомъ живутъ, и не объ единомъ хлѣбѣмъ заботятся. Особенно популярна обтянутая въ трико дама съ громаднымъ шиньономъ, катающаяся на велосипедѣ, тысячелѣтіе Россіи и еще одна картинка совершенно фантастическаго содержанія, гдѣ подъ ногами у коня съ зеленымъ генераломъ въ сѣдлѣ проходитъ процессія митрополитовъ и архіереевъ.

— Что это обозначаетъ?

— Торжество!

— Какое?

— А бѣсъ его знаетъ.

Тутъ въ нынѣшнемъ году (1876), какъ съ весны засѣлъ тифъ, такъ и до сихъ поръ держится. Народъ мретъ отъ него—врачебная помощь совсѣмъ безсильна. Наѣзжалъ фельдшеръ, но онъ, съ недѣлю позанявшись легкомысленнымъ поведеніемъ, убрался во свояси; док-

тора нѣтъ. За всѣхъ за нихъ лечить какая-то баба, даетъ пить воду съ трехъ угольевъ, шепчетъ какія-то „тайныя слова“ по зорямъ и парить больныхъ въ банѣ. Больные послѣ всѣхъ этихъ хлопотъ о ихъ здравіи „дохнуть, хоть ты что кошъ“.

— У насъ, братъ, согласно помирають, не то что съ упирательствомъ; у насъ такъ—помирать, такъ помирай. Мы этого нисколько не боимся. Иному-то и помереть лестно, потому—одѣнуть его во все чистое, воютъ надъ нимъ, честь честию—ну, онъ и понимаетъ это!.. А наши бабы точно что отъ кашлю могутъ, отъ трысавицы могутъ, а отъ синей болѣзни—никакъ.

— Почему же эта болѣзнь синяя?

— Потому—человѣкъ весь поголубѣеть... Весь въ синее пятно пойдетъ... Это у насъ каждую весну шибко держится болѣзнь... Ишь до самаго до лѣса дотянулась... Все отъ рѣки. Бѣдущая наша Косьва рѣка. Другія рѣки смиренныя есть, а наша буйная, ярая... Кормилица! А что толку въ смиренствѣ? Смирень пенъ, да что въ немъ?

Мѣстный типъ совершенно иной, чѣмъ въ верховьяхъ Косьвы. Съ Пермскаго села начиная, живеть здѣсь народъ рослый и сильный. Плечи широкія, хребты могучіе. Пермскіе на заводахъ любятъ работу при кричныхъ печахъ вообще открытую, на землѣ. Въ рудникъ подъ землю пермскаго никакъ не заманишь. „Послѣднее это дѣло отъ солнышка хорониться. Мы не черви, чтобы въ землю заползать. Человѣку указано на землѣ жить“.

Мягкія зеленныя луговины стелются отсюда вдоль рѣки, особенно по лѣвому берегу — уходятъ они въ необозримую даль. По сочнымъ низинамъ торчатъ пихты; мерещатся богатая нивы по отлогимъ скатамъ, тамъ, гдѣ земля едва всхолмливается... Гдѣ-то далеко, далеко, нѣтъ да и примерещится смутный силуэтъ одиноко стоящей горы. А тамъ, смотришь, и цѣлый кряжъ, — точно какая-то тучка застоялась на горизонтѣ... Мы отплыли изъ Нивольскаго (Пермскаго) къ вечеру... Солнце склонялось-склонялось къ западу, да и пропало не дойдя до горизонта.

— Неужели сѣло уже?..

— Не должно по времени. Въ мороку, надо быть, ушло.

Въ синихъ сумеркахъ вечера тонуть понизи... Берега тальникомъ заросли. Вдали густится „морокъ“, а что въ немъ—не разглядишь. Вѣтромъ съ луговъ нахнуло—медомъ запахло.

— Ишь какъ обноситъ! Чудесно!

— Пчель держите?

— Нѣтъ... Медомъ мы не занимаемся. Гдѣ намъ! Негогда, да и морозы большіе и долги—до медовъ ли тутъ. У насъ пчела не живетъ!.. Тутъ поправѣй надо взять, ишь намывная мель. Косьва за эту весну мелкаго камня сюда наворочала до страсти!

Мель всползла наконецъ поверхъ воды. По мели груды бурой руды разбросаны.

— Что же это такое?

— А барки здѣсь весною здорово было. Ну, вотъ какую руду успѣли спасти, сгребли сюда.. завтра быть хорошей погодѣ — ишь птаха, какъ она разыгралась,—прибавилъ онъ, немного помолчавъ.

Ласточки взмывали все выше и выше... Рѣка тянется спокойными плесами; несмотря на трудные и капризные извивы — вода точно расплавленная, тяжелая сталь — не шелохнется... Гуще пахнетъ медомъ съ далекихъ луговъ—должно быть, силою затянуло ихъ ароматными цвѣтами. Вотъ направо маленькой выселокъ. Бабы по поясъ въ водѣ танутъ неводѣ... Мы плывемъ близко-близко... На поверхности рѣки въ чертѣ ревода булькаютъ хариусы, головли... „А это вонъ щеклея мечется — замѣчаетъ лодманъ, показывая на юркую рыбу, перемахнувшую черезъ край невода.—Она всегда уйдетъ“.

— Эхъ ты, матва, рыбину-то опустила!

— Довольно и безъ нея... Каждому жить хочца!..

— Нѣтъ, которая рыба справедлива, та всегда въ уху согласна... Она такъ въ неводѣ тихо себя держитъ. Не шелохнется!.. А эта, щеклея, всегда такая лукавая. Отъ ей пользы мало!..

Бабы давно уже остались позади съ своимъ неводомъ. Сумерки вечера густились все больше и больше. Вонъ едва-едва видѣлились изъ нихъ тесовыя кровли села Веселкина. Рыбачье и земледѣльческое — весь берегъ передъ нимъ усѣянъ лодками да челнами, земли не видно, а по объясненію гребцовъ веселкинскія поля такъ далеко идутъ, что ихъ и глазомъ не оинуть... Тутъ и караваничаютъ, по Косью и по Камѣ.

— Богаты веселкинскіе?

— Богаты, богаты и все на заводахъ работаютъ.

— Какъ не работать, подать заробить надо, изъ-за подати идутъ на заводъ. Зато имъ хлѣба своего хватаетъ отъ урожая до урожая... Не то что у насъ въ верховьяхъ... Здѣсь народъ не заморенъ...

Хорошее понятіе о богатствѣ: хлѣбъ есть, значитъ богаты. Веселкинцы, какъ и по всей Косью, не продаютъ своего хлѣба на сторону — самимъ надо. Поужиѣ, у устьевъ, торгуютъ хлѣбомъ, но тамъ въ послѣдніе десять лѣтъ кулаки завелись и излишекъ хлѣба поэтому сталъ не источникомъ крестьянскаго богатства, а напротивъ, поводомъ въ мужицкой нищетѣ. Кулаки и въ Веселкино забирались, но народъ здѣсь имѣетъ нѣсколько промысловъ и заводы подъ бокомъ, такъ что мироѣдамъ пришлось не сладко и они убралась прочь. Кромѣ того, въ Веселкинѣ и не настолько дисциплинировано населеніе, чтобы ему можно было на шею сѣсть.

— Веселкинца не обидишь!

— Почему это?

— Потому онъ у мироѣдовъ избѣ палитъ. Веселкинцы на всякую отчаянность пойдутъ. Тутъ народъ храбрѣе. Ему что, ему все равно,

Ивана Артемьева въ раззоръ раззорили. Сталъ онъ ихъ кабаками донимать. Они и пропались было, а потомъ и кабаки да и дожь у Артемьева пожгли. Такъ онъ ни съ чѣмъ отъ нихъ и ушелъ. Тутъ и противъ начальства если пойдуть, ничего съ ними не подѣлаешь... Силой съ начальствомъ нельзя, потому силы у начальства больше, такъ Веселеницы, какъ и прочіе по Уралу, чуть что—сейчасъ бѣлые такіе кафтаны повздѣваютъ, на горку выдуть и объявляютъ: мы де не плательщики, не хотимъ ни податей, ни мирскихъ сборовъ платить... И какъ только объявятся у насъ неплательщики, ничего ты съ ними не подѣлаешь, пори его, въ землю рои, въ Сибирь сошли, ни копѣйки не дасть". Тутъ по заводамъ, гдѣ мужикъ раззоренъ—этихъ неплательщиковъ много. Всѣмъ селомъ въ неплательщики идутъ. Взять съ нихъ нечего—скота нѣтъ, имущества никакого, избы сами на дрова пожгли... Молятся да бѣлые кафтаны носить.

Наивное описаніе „неплательщиковъ“, сдѣланное моимъ лопманомъ, оказалось вѣрнымъ. Неплательщики, главнымъ образомъ, объявляются тамъ, гдѣ народъ раззоренъ до тла безработицей, или гдѣ и есть работа, да заводское управленіе неисправно въ расчетѣ. Народъ отказывается работать; налетаетъ начальство „усмирять бунтъ“ и къ ужасу своему видитъ толпу совсѣмъ спокойную въ бѣломъ, заявляющую, что отнынѣ они неплательщики, и тутъ уже дѣйствительно—пори на смерть, а толку не добьешься. Неплательщики эти имѣютъ даже религіозную подкладку... О нихъ мы скажемъ впоследствии, когда очередь дойдетъ до Чусовой.

Изъ затончиковъ то и дѣло выплываютъ лебеди. Самецъ невѣжно вперед, самка за нимъ рядомъ съ дѣтенышами.

— У насъ ихъ не бьютъ. Убьешь лебеда, другой надъ этимъ самымъ мѣстомъ недѣлю, а то и весь мѣсяцъ плавать будетъ, на слѣдующій годъ опять прилетитъ туда же и снова плакать начнетъ. У насъ ихъ жалѣютъ. За нихъ и Богъ наказываетъ.

Тутъ вѣрять, что убить лебеда—значитъ наливаетъ на себя большое несчастіе. Одинъ охотникъ будто бы, не вѣря этому, застрѣлилъ лебеда, а у самого жена умерла сейчасъ же. Онъ взялъ другую и опять какъ-то на промыслѣ не удержался, убилъ птицу—и вторая жена тоже умерла. Онъ женился въ третій—съ нимъ повторилась та же исторія...

— Жаль, петербургскіе мужья не знаютъ столь простого и легкаго средства, замѣтилъ я Иванъ Степановичу.

— А что?

— Они бы живо собрались на Косьбу лебедей бить! И просто, и хорошо, и совѣсть спокойна.

Выгябая длинныя граціозныя шеи надъ водою, дикіе лебеди плыли мимо насъ, не сворачивая въ сторону. Кажется, совсѣмъ неподвижны они, а между тѣмъ живо оставили за собою позади нашу лодку.

— Въ Верхневьянскомъ округѣ водится такой обычай, крестьяне

между собою постановили: кто убьетъ лебедя, того въ волостное правленіе и драть.

— И дерутъ?

— Еще какъ.

— Значитъ, повѣрье исполняется неукоснительно. Убить лебедя и сейчасъ же несчастье накликаеть.

— Въ Тагилѣ про одного изъ Демидовыхъ рассказываютъ; кажется, про дѣда нынѣшняго; привезъ онъ себѣ изъ Питера любовницу, красавица была, и сталъ съ ней жить гдѣ-то въ Невьянскѣ, что ли... Только разъ пошелъ онъ на охоту, пробродилъ цѣлый день, ничего не удалось ему убить, озлился онъ, а тутъ на него лебедь бѣлая какъ разъ и выплыла. Онъ приложился да прямо въ грудь ей... Ну, лебедь шею сломала, готова!.. Приходитъ Демидовъ домой, и прислуга бѣгаетъ вся ополоумѣвши. Ни на комъ лица нѣтъ.

— Что случилось! спрашиваетъ.

Никто доложить не смѣетъ. Только одинъ выискался палецъ на когѣни.

— Великое горе!..

— Да что такое?

— Часъ тому назадъ невидимо откуда выстрѣлили въ барыню... Прямо въ грудь ей попали... На смерти!..

— Кто?..

— А неизвѣстно... Вдругъ точно сверху ударило.

Бросился къ ней Демидовъ, а у той подъ правую грудь ранга и кровь изъ нея сочится... Онъ и понялъ, въ чемъ дѣло. Разумѣется, сказка, но сказка характерная и нелишенная своеобразной поэзіи. И Ермака припутывать тоже къ этимъ преданіямъ о лебедяхъ. По Чусовой когда Ермакъ подымался, такъ лебедь ему показывала дорогу, впереди плыла, гдѣ отмели или камни, лебедь въ сторону сворачивала и атаманъ тоже забирала стороной. Поэтому по всему Уралу теперь лебеди въ большой милости. До нихъ никто не дотронется. И въ такихъ заводяхъ водятся они здѣсь охотно, прилетая каждый годъ на знакомое мѣсто...

Ночь окутала насъ своимъ сумракомъ. Съ береговъ кое-гдѣ свѣтили огоньки. Боростели скрипѣли въ тальникѣ, гагары завели болтовню въ тихихъ заводяхъ, рѣзкій крикъ лебедя порою покрывалъ ихъ. Гдѣ-то издали слышенъ былъ словно плачущій окрикъ бѣлоголоваго орла—скопы.

— На ночлегъ мы приворотимъ въ Филагино. Тамъ хорошія избы есть.

— У нихъ нонѣ все пожары, сказываютъ, жгутъ филагинцевъ.

— Кто?

— Мало ли злого человѣка.

Пристали, вышли на берегъ. Прямо большая красивая изба въ два этажа выведена... хозяйка ведетъ на верхъ въ чистыя комнаты.

На стѣнахъ изъ хвостовъ рябчика звѣзды сдѣланы, висятъ для красн. Съ потолка болтаются деревянные голуби. Крылья и хвосты приклеены къ нимъ изъ лучинокъ. Самые голуби выкрашены въ голубую и красную краски. Въ окна доносятся пѣсни. Парни и дѣвки за селомъ собрались.

— У нихъ теперь до утра веселье поидетъ! объясняетъ намъ хозяйка.

— Послѣ работы?

— Да ночь косили. А вечеромъ хоровади. А потомъ каждый свою возьметъ и въ лѣсъ. Дѣло молодое! У меня тамъ двѣ дочки съ своими парнями.

И все это говорится совершенно спокойно. Видимое дѣло, сама молода была—также поступала.

— Ты бы намъ, Марья, сѣна сюда послала.

— Чего?.. Точно ушамъ своимъ невѣря, переспросила хозяйка.

— Сѣна.

— Зачѣмъ?

— Спать чтобы мягче.

— Въ горницу-то, да сѣна... А!.. Это можетъ кровать по вашему... недоумѣваетъ она.

Пояснили ей...

— Нѣтъ, какъ это можно, горницу сѣномъ поганить, сѣно въ хлѣвахъ да сѣновалахъ лежитъ! Комнату сѣномъ поганить нельзя...

Едва-едва удалось уговорить ее... Всю ночь намъ слышались пѣсни. Замрутъ въ одномъ мѣстѣ, слышишь—заходятъ ихъ въ другомъ. Изъ лѣсу тоже неслись онѣ; съ той стороны Косьвы тоже кое-какъ долетали до насъ отзвучія молодыхъ голосовъ... Здѣсь въ Филагинѣ, и всего чаще въ этомъ домѣ, останавливаются караванщики. Около ежегодно рѣка барки бьютъ. Они и идутъ сюда. Вслѣдствіе этого и нравственность здѣсь не особенно высоко стоитъ. Въ Пермскомъ наблюдаютъ, напримѣръ, чтобы дѣвка съ своимъ парнемъ пугалась, а чужой не тронь. А въ Филагинѣ все равно, свой ли, чужой ли. Отъ чужаго еще лучше—больше прибытуе. Дѣвственность — не ставится ни во что и теряется очень рано. И не таятся совсѣмъ. Молодой парень изъ караванщиковъ ухаживаетъ, напримѣръ, за дѣвкой. Та, наконецъ, соглашается на все и назначаетъ куда ему придти. Хоронится да таятся парень, чтобы не узнали... Вечеромъ — крадется, встрѣчаетъ другую бабу.

— Не туда, парень, идешь-то. Паранька вонъ гдѣ тебя дожидается.

Оказывается, что дѣвушка уже рассказала всѣмъ...

— Эта Кулька—такъ себѣ, слякотная дѣвка! говорятъ здѣсь про какую нибудь изъ мѣстныхъ красавицъ.

— Почему?

— А ни съ кѣмъ не цапается.

— Что жь, это хорошо, скромная.

— Что добраго, если никто дѣвкѣ не любить. Значить не стоитъ она!.. Изъ такой и бабы хорошей не будетъ.

Дѣтей дѣвка можетъ имѣть сколько хочетъ, отъ нихъ прибыль въ домъ... Все лишняго работника воспитаетъ.

На другой день, когда мы уѣзжали, даю я хозяйкѣ рубль.

— На-ко-са!.. Много!.. Съ ужасомъ возвращаетъ баба.

— Какъ много?

— Много!.. Не возьму...

— Да сколько же тебѣ...

— А во сколько... За горницу—гривенникъ, за куръ гривенникъ, да за самоваръ гривенникъ.

— А хлѣбъ?

— За хлѣбъ деньги брать—грѣхъ...

— Ну, а сѣна мы у тебя сколько попортили.

— Сѣно свое у насъ, берн сколько хошь. Что жь за сѣно брати!..

Таяъ и не взяла!..

Тутъ уже коней много у крестьянъ. Вездѣ по берегу, гдѣ только зеленый логъ—и кони пасутся. Пустыни не стало. По берегу сѣти развѣшены на шестахъ. Сохнутъ. Изъ лѣсковъ слышно, какъ коровы позвякиваютъ бубенцами.

— Стерлядей не надо ли? кричатъ намъ рыболовы.

— А почему нонѣ? вступаетъ въ бесѣду Иванъ Степановичъ.

— Да ежели рыбина фунта въ четыре—двоегривенный... Нонѣ у насъ дорого!

А вчера мы купили штукъ двадцать хариусовъ большихъ и жирныхъ, да голова крупнаго, за 40 коп. и рыбаки еще какъ рады были. „Вотъ дай вамъ Богъ!..“ провожали насъ.

VIII.

Въ устьяхъ Косьвы.

Свѣтлое безоблачное небо обѣщало яркій и знойный день. По всему берегу насъ преслѣдуетъ пѣніе пѣтуховъ. И орутъ же они здѣсь! Кака-то особенная порода; на безгололье пожаловаться не могутъ. На яру гнилушки взобрались на самый гребень. Издали и не сообразишь, что это такое,—тучи хвороста или жилье человѣка. Оказывается, здѣсь „поселенный черкесъ живетъ“.

— Не живеть, а бѣдствуетъ. Голодомъ весь изморился. На человѣка не похожъ. Онъ нашего дѣла не знаетъ, а мы его понять

не можемъ. Прежде онъ разбойничалъ, а теперь и на это у него силы нѣтъ, совсѣмъ дохлый сталъ.

Сталъ было я подробнѣе распрашивать гребцовъ — молчать. Вообще замѣчательна несловоохотливость здѣшнихъ гребцовъ сравнительно съ сѣверными. Тѣ охотно дѣлились своими свѣдѣніями — Косьвяне какъ-то понуро молчать, рѣдкій отвѣтится, да и то нѣхота. Пѣсни не запоетъ; только сонливо передвигаетъ веслами. Разъ мнѣ привелось съ ними четыре дня проплавать — и ни слова. Даже любопытства никакого не обнаруживаютъ. Сказываютъ, что и на баркахъ то же самое. Соберутся у костра, гдѣ пристанутъ, смотреть въ огонь и молчать; такъ цѣлые вечера. Водка развязываетъ языки, да и то не всегда. „Очень уже мы затомивши тогда, поясняютъ гребцы; — это кому отъ бездѣлья и разговаривать — хорошо, а намъ трудно. Птица та цѣлый день языкомъ щебечетъ, а пользы отъ нея все нѣтъ никакой. Привалитесь бы да заснуты!“ На заводахъ тоже народъ хмурый, сумрачный. Видимое дѣло, не легко ему живется.

— А то и совсѣмъ у насъ безглагольные есть.

— Это какіе же?

— А по Вильвѣ живутъ; тѣ больше руками. Спросишь что—отмахнется отъ тебя и прочь пойдетъ... Тамъ есть изъ татаръ которые... До Строгонова татарами были, такъ у нихъ и доселѣ обликъ держится не русскій. Они страсть говорить не любятъ. Задичали. Поди-ко ты у лѣсовиковъ нашихъ, что рубятъ дрова, слова выпроси. Смотрить на тебя, смотреть—понурился да и прочь. А то и просто рукой махнеть.

Такимъ образомъ, мы проѣхали мимо Плесо, Крутиковой, Красной, Соболюково, Плаксиной и Боровской деревень, а тамъ вдругъ и поселковъ не стало. Ъдемъ версту за верстой—ни одной избушки. Понизи все глаже и глаже, тальники у воды гуще и гуще, Косьва все ширится, дѣлая самыя прихотливыя извилины по ровному мѣсту, а жилья нѣтъ! Солнце начинаетъ печь немилосердно. Пристать бы—ни одного уголка.

— Куда народъ дѣлся?

— Нѣтъ тутъ народу... Пустынь пошла. И въ пѣснѣ про нее поется—„мати зеленая пустынь“.

— Да вѣдь Кама близко.

— Оттого и сельбища нѣтъ, что Кама близко. Теперь всѣ деревни да села по правую ея сторону, а сюда — рѣка разливается очень широко. Всякое жительство снесетъ. Здѣсь жить нельзя.

Безлюдье полное. Тоска охватываетъ. Горы ушли далеко; теперь и силуэтовъ ихъ не видать на дальнемъ планѣ... Все одна гладь безъ перерыву. Пльвемъ часъ, другой, третій... Жара стала такая, что дышать трудно. Вчерашнее предсказаніе Ивана Степановича исполнилось. Солнце буквально въ нѣсколькихъ мѣстахъ обожгло кожу. Красными пятнами, пошло все, жгло сквозь рубаху—и въ сунѣ стало

совсѣмъ невыносимо. Отраженіе солнечныхъ лучей въ водѣ глаза слѣпило. Невыносимо трудно было пережить эти нѣсколько часовъ. Я терпѣлъ легко гѣтній зной Ирана и Турціи — но тутъ мнѣ казалось, что мозгъ въ головѣ растопится въ этомъ томящемъ пеклѣ. Наконецъ, свалился какъ спопъ въ лодку, вытянулся на двѣ ея и постарался заснуть. вмѣсто сна—кошмаръ какой-то. Весь въ испаринѣ обезсиливающей лежишь, дышать нечѣмъ... Чуть ли не каждый часъ приворачивали къ берегу купаться. Но выйдешь изъ воды—и, спуская мгновеніе, зной опять начиналъ томить... Въ одномъ мѣстѣ хотѣлъ было броситься въ воду—освѣжиться. Гребцы остановили.

— Здѣсь нельзя, мѣсто нечистое.

— Почему?

— Здѣсь двѣ дѣвки утонули. Такъ и зовется дѣвкина муть.

— Они это радуются, когда дѣвка утонетъ.

Гребцы засмѣялись.

— Чего-же?.. Что хорошаго?

— А здѣсь повѣрье: дѣвка утонетъ—хлѣбъ дешевле будетъ. И откуда пошло оно—Богъ ихъ знаетъ... А вѣрать всѣ этому.

На-встрѣчу показался маленькій челночекъ. Дряхлый старикъ кое-какъ гребъ внизъ по водѣ. Мы его живо нагнали. Обернулся къ намъ, уставился подслѣповатыми глазами и—ясное дѣло—не видитъ ничего. Шапку снялъ на всякой случай.

— А, дѣдушко, здравствуй! крикнулъ ему Иванъ Степановичъ... Ну что, какъ живешь?

— Нудно живемъ, батюшко!

— А еще пенсіонщикъ!... Получаешь ли пенсію?

— Дай Богъ здоровья грахвѣмъ! Получаю...

— Это еще что за пенсіонщикъ? спрашиваю у Ивана Степановича—смѣется...—И какіе это графы?

— А видишь ли, у графовъ Строгоновыхъ, которые у нихъ рабочіе всю жизнь прожили—тѣмъ пенсіонъ выдаютъ до смерти.

— Что-жъ, это прекрасное дѣло, по крайней мѣрѣ человѣкъ обезпеченъ.

— Еще бы! А знаете, сколько пенсіону этого... Дѣдушко, а дѣдушко?

Тотъ опять повернулъ къ намъ старое, покрытое морщинами лице.

— Сколько ты пенсіону получаешь?

— Я-то?

— Ты, а то кто же еще, не мы вѣдь.

— Я полный получаю... Девять гривенъ въ годъ! За службу.

— А долго-ли служилъ ты?

— Я-то... я сорокъ годовъ служилъ на заводѣ... А теперь не могу — силы моей нѣтъ. Теперь уже я покуда только хлѣбъ жую, помирать вотъ, батюшко, собираюсь.

— Ужъ ты который это годъ собираешься...

— Пора, батюшко, пора... Самъ знаю... Надо и совѣсть знать, зажилъ. Болѣзти какой жду—да не идетъ, не хочетъ... Боятся она меня-то...

Потомъ я узналъ, что такіе пенсіоны дѣйствительно выдаются у Строгонова. У Абамеликъ-Лазарева рабочимъ приходится иногда по шести рублей въ годъ пансіону. Тѣмъ не менѣе, у крупныхъ владѣльцевъ еще сносно—а ужъ у кушцовъ не приведи Господи. Искальчить тебя—лишняго дня кормить не стануть, какъ падалъ выбросать вонъ изъ завода. Умрешь на работѣ—на похороны денегъ не дадутъ. На дняхъ случилось, напримѣръ, въ Чердыни у куща Черныхъ такая бѣда. Зимой у него на незамерзающей вслѣдствіе ея быстроты рѣкѣ Чермози работали крестьянскія дѣвки. Какъ-то доработались до ночи, домой надо было переѣзжать рѣку. Попросили у Черныхъ лодку—не далъ. Еще обругалъ: „изъ-за васъ, поскудъ, стану я лодку на ночь отпускать“¹⁾. Нечего дѣлать, стали стойма въ душегубку гурьбой и поплыли. На серединѣ рѣки душегубка опружилась²⁾. Двѣ и утонули. Нужно было спасти, пока время; опять къ Черныхъ—лодку просить,—еще пуще заругался и опять прочь прогналъ. Такъ двѣ крестьянки и пропали. Дня черезъ два трупы ихъ выбросило. Черныхъ и на погребеніе не далъ ни гроша. А работали у него эти несчастныя по двадцати копѣекъ за цѣлый день.

— Составили актъ?

— Составили. Да ему что-же за дѣло. Онъ и на актъ наплевалъ. Развѣ я, говорить, топилъ ихъ, сами утопили! Съ Бога и ищи, а не съ меня.

— У куща Благодусева двое работниковъ тифомъ заболѣли осенью, такъ онъ еще лучше сдѣлалъ. Приказалъ ихъ еще живыми вынести въ полѣ и бросить тамъ. Разбойникъ и тотъ не рѣшился бы на такую мерзость.

— Что-же, выкинули?

— Товарищи въ влѣты перенесли, ну, больные черезъ два дня въ влѣты и умерли. У насъ кушцы сѣкутъ рабочихъ.

— Ну, уже это вы преувеличиваете.

— Честное слово. Они какой изворотъ придумали. Берутъ артель такую только, которая между собой условилась, чтобы сѣчь другъ друга. Чуть что—купецъ въ сторонѣ. Не онъ дралъ, а артель драла³⁾.

Пенсіонщикъ отъ насъ скоро отсталъ—и опять кругомъ потянулось безлюдье нерушимое.

Глаза слѣпило, въ головѣ точно бились какія-то жилы. Въ вискахъ стучало отъ жары. Этотъ палицій зной, это однообразіе низ-

¹⁾ Большой отдѣлъ положенію пермскаго рабочаго посвященъ авторомъ въ статьяхъ „Уралъ“ („Русская Рѣчь“, 1881 г., сентябрь—декабрь).

²⁾ Опружилась—опрокинулась.

³⁾ Много фактовъ такихъ приведено въ статьяхъ того-же автора „Уралъ“. („Русская Рѣчь“, декабрь, 1881 г.).

женныхъ береговъ страшно томило. Слегка сквозь сонъ слушаю я баснословные разговоры о томъ, что въ прошломъ году на „Чусовой стерлядь выловили въ 4 п. 10 фунтовъ. „И силы нѣтъ даже оспаривать такую сказку. Огонь какой-то чудится въ глазахъ, откроешь ихъ—это солнце горитъ въ неподвижномъ разливѣ Косъвы, а она, какъ нарочно, извилину за извилиной дѣлаетъ, то назадъ возвращается, то въ сторону уходитъ. И хотъ бы одна избушка на пути!..

— Долго еще кружиться?..

— Да часокъ пожалуй.

Но и часокъ проходить, и другой вскорѣ за нимъ; третій часъ началъ, а конца нѣтъ этому.

Солнце уже спускаться стало... Жара не надаетъ. Наконецъ, вдали мелкнуло громадное пространство воды.

— Радуйтесь... Вотъ и Кама!..

Одинъ изъ гребцовъ вышелъ на берегъ и потянулъ нашу лодку бечевою или, по-здѣшнему, „шнуромъ“. Съ сѣвера пахнуло прохладнымъ вѣтромъ—мы ожили... За нами въ вустахъ шмыгали лодки, тоже выбиравшіяся съ разныхъ сторонъ изъ рукавовъ Косъвы. Бѣлоголовые орлы зарѣяли въ высотѣ... Чайки бросались за ними и отгоняли ихъ.

— Чайка птица смѣлая... Ишь какъ она скопу обижаетъ.

А на томъ берегу Камы въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега уже выросалъ Чермоускій заводъ...

IX.

Изъ исторіи недавняго прошлаго.—Освобожденіе ли крестьянъ повредило заводамъ?—Долги и истребленіе лѣсовъ.—Лѣсничій и заводууправленія.

Въ прохладныхъ комнатахъ Чермоускаго управительскаго дома мнѣ казалось, что я попалъ въ рай послѣ Косъвинскаго пекла. Прежде тѣмъ прѣхать сюда, я уже видѣлъ десятка два заводовъ и частныхъ, и казенныхъ. Видѣлъ и почти въ конецъ погубленное дѣло въ Александрійскомъ заводѣ и цвѣтущее у Абамеликъ-Лазаревыхъ. Всюду, гдѣ производство уменьшилось и владѣльцы бились въ ежовыхъ рукавицахъ всевозможныхъ кулаковъ и кредиторовъ—приходилось слышать жалобы на освобожденіе крестьянъ, будто бы подорвавшее благосостояніе Урала. Жалобы эти раздаются въ унисонъ, и мало знакомый съ дѣломъ, встрѣчая ихъ даже въ печати, можетъ повѣрить Іереміямъ, плачущимъ на рѣкахъ Вавилонскихъ. Усвоивается поэтому взглядъ на нихъ какъ на жертву неизбѣжной исторической реформы, а между тѣмъ тутъ исторія совсѣмъ много рода и освобож-

дѣіе крѣпостныхъ могло скорѣе помочь этимъ господамъ, чѣмъ раззорить ихъ. Въ Чермозѣ не разъ по этому поводу пришлось мнѣ говорить съ однимъ изъ лучшихъ горнозаводскихъ дѣятелей, г. Новокрещенныхъ, и онъ во многомъ разъяснилъ мои недоумѣнія. Крѣпостное право напрасно считаютъ главнымъ опоромъ заводовъ. Даже въ періодической печати не разъ сообщалось ошибочное мнѣніе, „что подъ охраною привилегій, данныхъ заводамъ Петромъ и его преемниками, и при отсутствіи предпримчивости, слабозъ развитіи реальныхъ знаній и недостаткѣ капиталовъ — заводы не могли развиваться и приняли характеръ монополіи, почерпая свою силу изъ крѣпостнаго права, уничтоженіе котораго погубило горнозаводское дѣло“.

Я привелъ это мнѣніе г. Новокрещенныхъ, но онъ только улыбнулся на него.

— Въ Петербургѣ всему вѣрять. Немудрено, что и такіе выводы приняли на слово. Въ Петербургѣ не только не знаютъ Россіи, но и не заботятся узнать ее. Горная промышленность, какъ всякое заводское производство, и даже болѣе всякаго другого, должна была въ свое время пользоваться гарантіями и привилегіями, они и сдѣлали свое дѣло. Подъ ихъ охраной Уралъ сразу сталъ центромъ промышленности. Лѣсныя дачи размежеваны были такъ, что каждый заводъ получилъ соответствующій его предполагаемому обороту надѣлъ. Не увеличивая выработку, заводы могли бы вѣчно пользоваться лѣсами, потому что ежегодный приростъ съ избыткомъ пополняетъ расходъ порубки. Ну, а развивать дѣятельность шире нельзя было безъ ущерба въ будущемъ. Желѣзныхъ рудъ для каждаго завода было и есть вполне достаточно. Еще ни одно предпріятіе не закрывалось отъ недостатка ихъ. Если нѣкоторые заводы пользуются запасомъ магнитнаго желѣзняка съ Благодати и Высокой, такъ это вовсе не потому, что у нихъ у самихъ ничего нѣтъ. Напротивъ, есть и много—только они еще не разслѣдовали своего собственнаго района. Благодать и Высокая здѣсь составляютъ лишь утолщеніе одной общей жилы, еще до сихъ поръ неразвѣданной на всемъ протяженіи. Если я скажу, что заводы обезпечены рудами на тысячу лѣтъ—разумѣется, при нынѣшнемъ оборотѣ,—то я нисколько не преувеличу естественныхъ богатствъ Урала. Внутренняя жизнь заводовъ развивалась сначала довольно быстро, и казенные во многихъ случаяхъ учились у частныхъ разнымъ производствомъ. Не имѣя почти никакихъ средствъ для постановки паровыхъ машинъ, заводы и тутъ не отставали. Они начали строить машины низкаго давленія. Мѣдные паровые котлы были дороги—стали дѣлать деревянные въ видѣ громадныхъ цилиндровъ, стаянутыхъ обручами и мѣдными частями тамъ, гдѣ они соприкасались съ огнемъ. Строитель этихъ котловъ, чуть ли не столѣтній старикъ, еще недавно жилъ въ Верхне-Исетскомъ. Механизмы эти дѣлались по-просту, безъ станковъ, при помощи зубила и пилы, но тѣмъ не менѣе они и до сихъ поръ работаютъ въ Исети. И тогда

какъ нѣкоторые даже казенные велись столь же патриархально — Нижнетагильскіе, Демидовскіе, тратили страшныя деньги на всякія новыя приспособленія. Какое-либо полезное открытіе въ горнозаводскомъ дѣлѣ тотчасъ же примѣнялось и у нихъ. Старики рассказываютъ, что не успѣешь, бывало, прочесть объ томъ или другомъ изобрѣтеніи — пріѣдешь въ Тагиль, а оно уже тамъ во-очію. Такимъ образомъ, казенные заводы тогда могли поучиться у частныхъ, которые дѣйствительно были предприимчивы. Недостатка капиталовъ не было. Безъ посредства банковъ дѣло велось на наличные. Весьма часто въ кассѣ завода скоплялось по нѣскольку сотъ тысячъ свободныхъ денегъ. Когда въ концѣ пятидесятихъ годовъ Верхне-Исетскіе заводы предпочли новую систему: закладывать выдѣланные металлы въ банки, то на ярмаркѣ всѣ прежніе ихъ покупщики отшатнулись отъ нихъ. Ихъ, видите ли, смутилъ военный караулъ и они сочли фирму погибшей по неимѣнію денегъ. Это настолько было рѣзко, что весь привозъ пришлось пустить въ розничную продажу. Недостатокъ капиталовъ явился тогда только, когда оказалось возможнымъ закладывать металлы и такимъ образомъ освободить прежній оборотный заводскій капиталъ. Вы думаете, воспользовались этимъ съ толкомъ? Какъ же!... Лучшіе стали развивать дѣло свыше дѣйствительной надобности, а большинство — освобожденные капиталы пустило на аферы, кутежи, на карты, на разгулъ, о которомъ вы и представленія не можете сдѣлать. Вмѣсто устройства заводовъ, владѣльцы занялись устройствомъ своръ, громаднхъ охотъ, трехсотъ тысячныя проигрыши стали дѣломъ зауряднымъ. Спаиваніе дѣльныхъ городовъ, самыя безмысленныя траты считались признаками хорошаго заводскаго тона. На первыхъ порахъ если вслѣдствіе всего этого заводы и не особенно нуждались въ капиталахъ, то тѣмъ не менѣе дѣйствовали лишь при посторонней помощи, т. е. при пособіи заклада выдѣлываемаго металла. Такъ можно было держаться до тѣхъ поръ, пока не измѣнились общія условія горнозаводской дѣятельности, до перваго кризиса. А между прочимъ уже измѣненіе къ худшему началось, уже нанесенъ былъ первый ударъ, и за нимъ ожидалась другіе. Этимъ первымъ ударомъ была Крымская война. Послѣ нея многіе заводы въ окончательномъ выводѣ своего дивиденда должны были вмѣсто плюса ставить минусъ. Цѣнность хлѣба съ 15—18 коп. за пудъ сразу поднялась до 60 коп. Овесъ съ 12 и 15 коп. выросъ до 40 и 50 в. Думали, что цѣны опять упадутъ — не тутъ-то было—вскорѣ мука стоила уже 1 руб. пудъ и даже дороже. Разъ ставъ на эту высоту, цѣны уже не понижались. Заводъ, который долженъ былъ прежде, чтобы прокормить своихъ крестьянъ, отъ 15 до 20 тысячъ, при новыхъ цѣнахъ кредитовался на 120.000 р. Запасныхъ капиталовъ уже не было — всѣ ушли на кутежи и развратъ. Оставалась посторонняя помощь; съ каждымъ годомъ нужно было все болѣе и болѣе втягиваться въ долги. Явился кулакъ, какъ и во

всей остальной Россіи. Вездѣ выросли свои Разуваевы и Колупаевы. Долги все болѣе захлестывали владѣльцевъ мертвою петлей. Вотъ тутъ-то уничтоженіе крѣпостнаго права явилось какъ нельзя болѣе кстати. Ему обрадовались. На первыхъ же порахъ оно облегчило заводчиковъ, благодареніемъ было для нихъ. Заводы сразу освободились отъ необходимости кормить населеніе, замѣнивъ выдачу провіанта высокими платами за трудъ. Стоимость работы, какъ велика она ни была, все-таки оказывалась меньше чѣмъ сумма, необходимая на обезпеченіе продовольствія (возросшаго съ 15 коп. на 1 р. съ пуда) плюсъ вознагражденіе труда, существовавшее и прежде. Начали кое-гдѣ работать не сполна, не было обязанности давать непременно всѣмъ работу, производство сокращалось и разница въ пользу заводоовъ выходила громадная. Кромѣ того, уничтожились пенсіоны и пособія дармоѣдамъ — да сводились къ нулю и другіе обязательные прежде расходы.

— Такъ что на Уралѣ освобожденіе крестьянъ должно было принести прямыя выгоды заводчикамъ?

— А то какъ же иначе... Сверхъ того оно же дало имъ возможность прибѣгнуть къ пособіямъ отъ правительства. Заводы стали жаловаться на невозможность вести работы безъ дешевыхъ мастеровъ и поденщиковъ, стали ссылаться, что уничтоженіе крѣпостнаго права отняло у нихъ тысячи рукъ. При тогдашней путаницѣ правительство не могло провѣрить, насколько во всемъ этомъ было правды, и разрѣшило выдавать ссуды.

— Спросить было некого?

— Самихъ заводчиковъ развѣ. На Уралѣ все было на ихъ сторонѣ. Да сверхъ того многіе владѣльцы жили въ Петербургѣ, были близки ко двору. Если бы мѣстныя начальства и пошли противъ нихъ — кому бы скорѣе повѣрили... Между заводчиками оказывались и такіе, которые заводоовъ своихъ въ глаза не видали, сидя въ столицѣ, да путешествуя за-границей... Случалось такъ, что сегодня выдадутъ ссуду, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ея уже нѣтъ въ наличности, причеиъ заводы изъ нея грошеиъ не пользовались.

— Куда же уходили онѣ?

— А карты на что? Женщины дороги стали; рулетки начали привлекать російскихъ остолоповъ... Легкость полученія ссудъ дала владѣльцамъ надежду и въ будущемъ пользоваться этимъ неоскудѣвающимъ источникомъ. Поэтому никто и не думалъ расходовать ихъ сообразно назначенію. Ни заводоовъ ими не обезпечивали, ни долговъ не платили. А долги все росли и росли, кулаки все больше присасывались, банки все прочтѣе и прочтѣе опутывали горнозаводское дѣло своею цѣпкою паутиной... Въ концѣ концовъ дошли до настоящаго своего состоянія, — когда заводы по уши влѣзли въ долги, когда ни официальные экономисты, ни самые владѣльцы, не знаютъ, гдѣ выходъ изъ этого отчаяннаго положенія.

— Печально!..

— Да, не весело...

— Какую цѣнность представляютъ заводы?

— Въ настоящемъ ихъ видѣ?

— Да.

— По этому случаю вотъ вамъ фактъ изъ недавняго прошлаго. Въ горномъ совѣтѣ во время оно разсматривался вопросъ о продажѣ за долги казнѣ частныхъ заводовъ, тѣхъ именно, которые правительству кромѣ постоянного убытка ничего не приносятъ. Всѣ члены совѣта порѣшили спустить ихъ съ рукъ, назначивъ торги. Одинъ изъ присутствовавшихъ не подалъ своего голоса. Обратились къ нему.

— Ваше мнѣнiе?

— Вы этого требуете? Что вы, господа, разумѣете подѣ словомъ продать? Я понимаю, что купить я могу только то, что приносить извѣстную долю пользы, не такъ ли?

— Ну-съ.

— Если дѣло не только не даетъ выгоды, но напротивъ, приносить убытокъ, и если правительство желаетъ, чтобы покупщики продолжали это дѣло, то мнѣ кажется, что покупателю нужно прежде всего обезпечить эти убытки, т. е. къ заводу придать и капиталъ, процентами съ котораго покрывался бы дефицитъ.

— Это очень остроумно, но мы все-таки назначимъ торги.

Мнѣнiе члена горнаго совѣта вполне оправдалось: на объявленные торги никто не явился.

Въ такомъ положенiи этотъ вопросъ и теперь. Долги заводовъ растутъ, обороты ихъ уменьшаются, вѣра въ горное дѣло поколеблена, и мы дошли уже до того, что совершенно серьезно мечтаемъ передать его въ руки иностранцевъ. Если упадокъ уральской промышленности ставится въ прямую зависимость отъ уничтоженiя крѣпостнаго права, то это основано на мнѣнiи самихъ заводчиковъ, которымъ подобныя выводы какъ нельзя болѣе на руку.

Давнымъ бы давно пора покончить съ такими ошибочными взглядами. А они все еще держатся. Когда нельзя было дискредитировать нравственное значенiе великой реформы прошлаго царствованiя, ей приписали финансовый кризисъ и экономический упадокъ, замѣчавшiйся повсюду въ послѣднiе двадцать лѣтъ. На горныхъ заводахъ видно, насколько эти господа были правы съ своими lamentаціями и цифровыми выкладками.

Крестьянская реформа на Уралѣ только въ одномъ отношенiи увеличила расходъ нѣкоторыхъ заводовъ, именно въ топливѣ.

Мы говоримъ „нѣкоторыхъ“ потому, что намъ извѣстны многіе, гдѣ эти цѣны годъ отъ году уменьшаются и приходятъ къ нормальнымъ, основаннымъ на урочномъ положенiи и стоимости провіанта и фуража. Возвышенiе цѣнъ на дрова, разомъ по освобожденiи крестьянъ, вызвано было боязнью заводчиковъ остаться безъ топлива на годъ.

Что вообще стоимость лѣса должна годъ отъ году увеличиваться — это несомнѣнно, но до сихъ поръ этого роста не замѣтно, да если бы оно и было, то повѣрить его причины весьма затруднительно. Различія въ удобствѣ лѣсосѣва — разстоянія; климатическія условія имѣютъ въ этомъ отношеніи большое вліяніе.

Намъ извѣстно, говорили мнѣ, много примѣровъ, когда управитель завода, желая выторговать съ кубической сажени четвертакъ, пропускалъ удобное время и потомъ къ этимъ четвертакамъ прибавлялъ рубли, да и то оставался безъ дровъ. Слѣдовательно нельзя сказать, чтобы одна цѣнность выражала недостатокъ топлива.

Вотъ когда-то заготовленная мною записка по этому поводу. Привожу изъ нея сущность.

Лѣсовъ на Уралѣ мало — и говорить нечего, но это зло еще не столь большой руки, если бы каждый заводъ занялся рациональнымъ лѣснымъ хозяйствомъ. А то на всѣхъ почти заводахъ нѣтъ даже порядочныхъ лѣсныхъ картъ. Назначать, случается, лѣсосѣвъ, явится народъ для вырубки въ указанное мѣсто, и оказывается, что рубить тутъ нечего. Лѣсъ когда-то тутъ росъ, но лѣтъ пять тому назадъ его сняли подъ корень. По плану же вырубка нанесена совсѣмъ въ другое мѣсто. Часто — это не только слѣдствіе небрежности, но и злоупотребленія. Въ частныхъ лѣсахъ имѣются специалисты, получающіе по нѣскольку тысячъ рублей жалованья, но кромѣ исправнаго приѣма этихъ денегъ и расписыванія въ книгахъ они другихъ обязанностей не знаютъ. Что можетъ значить отчетъ такого лѣсничаго? Онъ не видалъ даже той мѣстности, о которой сообщаетъ, а между тѣмъ на основаніи его словъ дѣлаются распоряженія, составляются ходячія мнѣнія о громадныхъ лѣсныхъ богатствахъ Урала, которые будто бы неистощимы!.. •

Лѣсовъ мало, очень мало, но урегулируйте лѣсное хозяйство — и ихъ хватить!

Прежде всего необходимо завести точные планы, потомъ правильно распредѣлить лѣсосѣвки и разумно обсеменять вырубленныя площади хвойными лѣсами, а не предоставлять это природѣ, которая на мѣстѣ стараго лѣса раститъ лиственный никуда негодный кустарникъ. Я самъ видѣлъ цѣлыя громады площади, вмѣсто хвой порослія тавою бесполезною мелкотю. Наши лѣсничіе отлично знаютъ всѣ виды обсемененія, но чтобы приложить научныя свѣдѣнія къ дѣлу — никогда! Будущность заводовъ зависитъ отъ количества топлива, слѣдовательно, позаботьтесь прежде всего о лѣсахъ, не ставьте ихъ на задній планъ, какъ это до сихъ поръ дѣлалось на Уралѣ. Вотъ примѣръ. Ревдинскій округъ — въ онегѣ, капиталъ, необходимый на уплату долговъ и на содержаніе онекунскаго управленія, очень значителенъ. Вмѣсто того, чтобы добывать его продажей хромистыхъ желѣзняковъ, которыхъ въ Ревдѣ множество, или никелевыхъ рудъ, какъ продукты заводу совсѣмъ не нужныхъ, или увеличить различными льго-

тами добычу золота, — что дѣлаетъ опека? Она начала продавать лѣса—это единственное обезпеченіе будущаго! Высшее начальство, не сообразивъ дѣла, утвердило продажу,—и пошла писать! При стоимости кубической сажени дровъ отъ 2—3-хъ рублей, арендной платы большой взятъ нельзя, и чтобы выручить хоть бы жалованье опекуну, надо вырубить такую громадную площадь чудснаго лѣса, что со стороны становится жалко смотрѣть на такое хищническое пользование естественными богатствами края! А между тѣмъ Ревда не исключеніе, такихъ фактовъ сотни на Уралѣ.

Еще одно зло лѣснаго хозяйства—пожары. Предупредить ихъ нельзя, но ограничить размѣры всегда возможно. Какъ только нѣсколько стихнетъ пламя и огненная рѣка уймется, на площади пожара въ нѣсколько квадратныхъ верстъ оставляютъ отъ пяти до десяти человекъ, а иногда и никого. Эта жалкая кучка народа должна тушить остатки тлѣющихъ костровъ и пней. Такимъ образомъ, теряется лучшее время, и на завтра пожаръ разгрызается съ новою силою, захватывая уже несравненно обширѣйшій районъ. Тогда схватываются за умъ, высылаютъ народъ, но пожаръ уже уходитъ далеко, такъ что люди едва успѣваютъ слѣдить за нимъ, не принимая никакихъ способовъ къ его прекращенію. Ночью народъ уходитъ домой, завтра та же исторія, и такъ пока пожаръ не прекратится самъ собою. Между тѣмъ, ловкій, знающій мѣстность лѣсничій, съ подробною и точною картою въ рукахъ, можетъ при помощи небольшой толпы рабочихъ положить конецъ несчастію. Для этого и расходы требуются не особенно большіе. Стоитъ лишь поставить поскорѣй народъ передъ огнемъ и воспользоваться первой рѣчкой, болотомъ или дорогой, чтобы пустить встрѣчный пожаръ, а затѣмъ ночью, когда видно каждую искру, заняться тушеніемъ пламени. Теперь народъ отлично понимаетъ безцѣльность своего шатанія вслѣдъ за пожарникомъ и, несмотря на объявленную плату, прячется дома. Гасить пожары возможно съ хорошей картою въ рукахъ, а у насъ карты таковы, что съ ними чаще всего приходится и самого-то лѣсничаго выручать изъ огня. Благодаря всему этому, составилось совершенно ложное убѣжденіе, что противъ лѣсныхъ пожаровъ нѣтъ никакихъ средствъ; это слагаетъ всякую отвѣтственность съ лѣсничаго и онъ какъ нельзя болѣе доволенъ такимъ оборотомъ дѣлъ.

— Что же лѣсничіе дѣлаютъ?

— Все ихъ участіе въ томъ и проявляется, что онъ приватитъ въ покойномъ экипажѣ, на великолѣпной тройкѣ коней, обругаетъ рабочихъ за неосторожное обращеніе съ огнемъ, и также важно уѣдетъ назадъ. А тамъ по начальству рапортъ: несмотря на принятыя энергическія мѣры, пожаръ не прекращенъ вполне, хотя и остановленъ тамъ то и тамъ то, чѣмъ сбережена площадь во столько тысячъ десятинъ. Затѣмъ, слѣдуетъ счетъ расходамъ, употребленнымъ на поѣзду и на прекращеніе огня.

— Вы упустили главное.

— Именно?

— А лѣсопромышленниковъ, которые точно одержимы ненавистью къ лѣсу, и валать его всюду, гдѣ возможно.

— Я не упускалъ ихъ изъ виду, а говорилъ о лѣсахъ тѣхъ владѣльцевъ, которые, сами въ немъ нуждаясь, не стануть продавать ихъ на срубъ этимъ кулакамъ... Я говорилъ исключительно о заводскихъ лѣсахъ. Не повліяетъ ли разработка каменнаго угля на сокращеніе лѣсовъ.

— Не вѣрю, чтобы это скоро случилось. На иной разработкѣ руды каменнаго угля—недостаточно, нужно дерево... Да чтобы передѣлать заводы для отопленія каменнымъ углемъ, требуются свободные капиталы.

— Которыхъ нѣтъ?

— И не предвидится... А притомъ и цѣнность угля слишкомъ высока.

— Слѣдовательно, остается...

— Пользоваться лѣсомъ рационально и растить его вездѣ гдѣ возможно...

— Ну, а какъ вамъ кажется—при нынѣшнихъ людяхъ добьетесь вы этого?

— Нужда научить.

— Ну, а казенное управленіе заводовъ лучше или нѣтъ?

— Несравненно хуже... У меня была по этому поводу записка, а вамъ сообщу ея содержаніе:—эти столбцы цифръ не специалисту не особенно интересны, главное—общія положенія, выведенныя изъ нихъ. Какъ только заводы попали въ казенное управленіе, тотчасъ же строй хозяйства измѣняется на новый ладъ. Въ смѣтахъ является несмѣтное множество статей, дѣлаются гадательные выводы барышей на бумагѣ, на дѣлѣ же долгъ прибываетъ и производительность завода падаетъ. Вотъ, на примѣръ, лучший округъ—Гороблагодатскій. По смѣтѣ назначено въ продажу металловъ на 91.896 рублей, а предполагается выручить за нихъ 96.841 р., то есть барышей 4.945 р. Если же исключить 5% съ оборотнаго капитала, то чистый доходъ 350 руб. И это еще не будетъ собственно доходъ казны, а плата за пользованіе лѣсами, рудами и пр., что для частныхъ заводчиковъ составляетъ иногда 10% всего валоваго дохода. Будь эти заводы въ частныхъ рукахъ, казна получила бы съ нихъ въ десять разъ болѣе. На Пермскомъ сталепушечномъ заводѣ выдѣланныя орудія обходились 39 р. пудъ; если взять % оборотнаго задолженнаго капитала и % погашенія, то стоимость пуда вырастетъ до 54 руб. 50 коп. При такой цѣнѣ не резонъ готовить самимъ орудія. Поэтому-то казна не находитъ возможнымъ считать проценты на оборотный капиталъ и % погашенія въ цѣнѣ выдѣланныхъ металловъ, иначе сейчасъ бы обнаружилась несостоятельность завода. При такихъ условіяхъ легко дѣлать какіе угодно

выводы. Возьмите смѣту горнаго департамента—чистый доходъ составляетъ почтенную цифру. Намъ неизвѣстно, какъ выводитъ свою дѣятельность экспедиція заготовленія кредитныхъ билетовъ; если такъ-же, то тамъ должно быть еще выгоднѣе дѣло, чѣмъ на горныхъ заводахъ; на расходы употреблено 100.000, а выдѣлываютъ на 100.000.000! Я этимъ хочу сказать, что управители казенныхъ заводовъ такъ привыкли къ смѣтамъ и выводамъ барышей тамъ, гдѣ одни убытки, что когда поступаютъ на частный заводъ, то всегда по счетамъ будутъ барыши,—и запасы, о которыхъ не всегда имѣются точныя данныя, годъ отъ году уменьшаются и въ общемъ результатѣ—приращеніе долговъ. Иной разъ и долговъ не будетъ, и запасы цѣлы, запасы капиталовъ въ стѣнахъ зданій, которые какъ и на всѣхъ заводахъ казенныхъ къ возврату ежегоднымъ погашеніемъ не подлежатъ. Бончается тѣмъ, что, видя вадорность дѣла, такого управителя смѣняютъ, присылаютъ на мѣсто другаго, а этотъ оказывается еще худшимъ.

— Гдѣ же исходъ?

— Ищите и обратитесь... Мы его пока при всѣхъ этихъ условіяхъ не видимъ!

X.

Возвращеніе на Каму.—Чермозскій заводъ.—Старо-Екатерининскій каналъ.—
Изъ недавняго прошлаго.

Чермозъ совсѣмъ городъ. Красивые дома, громадныя зданія, заводы, прамыя улицы, по которымъ сегодня что-то уже очень разсвалились бабы, одѣтыя въ пестрое. Послѣ патриархальныхъ прикосовинскихъ деревень и безмолвныхъ пустынь этой красивой рѣки, мы отдыхали здѣсь среди полнаго довольства и комфорта. Вечеромъ, когда жара спала, мы вышли на улицу. Рабочіе только что окончили свои уроки, и изъ завода повалила толпа—молчаливая, сумрачная. Только подростки нѣсколько оживляли ее смѣхомъ и шутками. Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ по улицѣ, какъ мнѣ на встрѣчу—что-то до нельзя опухшее, подвязанное, оборванное, но съ неизбѣжною кокардою на фуражкѣ. Идетъ—шатается, увидѣлъ меня, остановился.

— Къ вамъ-съ!

— Что угодно?..

— Пишите, обижаютъ.

— Кого это?

— Меня обижаютъ. Мужики меня обидѣли... Пишите, чтобы вся Россія знала, какіе они, чермозскіе мужики... А то я не согласенъ.

— Да, помигуйте, это совсѣмъ не мое дѣло.

— А чье же? Вы вотъ все съ книжкой.. Я васъ и на Кизеловскомъ заводѣ видѣлъ. Дворянина обижаютъ, а вамъ и дѣла нѣтъ.

— Егоровъ, не безобразъ.

— Вотъ видите, сколь въ нихъ невѣжество неистово... Егоровъ!.. Я своему государю двадцать-пять вѣрой и правдой, а онъ Егоровъ.

Едва удалось отдѣлаться отъ его благородія. Оказывается, и тутъ завелись они, плодя кляузы и существуя писаніемъ просьбъ и жалобъ. Всѣмъ этимъ добромъ надѣляется заводъ Пермь. Тамъ похода гоняютъ чиновниковъ, очень ужъ хороши; еще новье туда сюда, а эти или живутъ шутами у купцовъ, или тонутъ въ бездонномъ пьянствѣ. Съ этимъ самымъ Егоровымъ случилась такая исторія: держалъ онъ квартирантовъ еще въ бытность на службѣ, и поселился у него товарищъ, у котораго водились денжонки. Стали они пропадать изъ стола сначала по мелочамъ, а потомъ всѣ сразу. Обокраденный заявилъ подозрѣніе на Егорова, котораго нашли въ публичномъ домѣ безобразно пьянымъ. При немъ деньги.

— Есть ли у васъ какія нибудь доказательства, что эти деньги украдены у васъ?

— Есть: вотъ уголки отъ нихъ у меня хранятся.

Егорову оставалось одно: сознаться, что онъ и сдѣлалъ.

Судъ. Свидѣтели показываютъ единогласно, что Егоровъ тиранить семью, что онъ негодяй и т. п. неслетныя вещи. Отправились присяжные засѣдатели совѣщаться. „Что же, братцы, надо по душѣ. Служилъ-служилъ человекъ, и вдругъ его теперича за валомъ!.. Лишеніе права, пенсіонъ выслужилъ, безъ пенсіона гуляй... Какъ возможно!.. Выходятъ. „Нѣтъ, не виновенъ“. Предсѣдатель ослылся. „Егоровъ—вы свободны, встати и деньги возьмите, потому что ежели вы невиновны, то и вещественныя доказательства ваши“... А потомъ „истецъ“ встаетъ: „за одно ужъ прихватите и уголки отъ кредитокъ, они должны быть тоже ваши“.

— Что же бы вы думали, на другой же день этотъ Егоровъ подалъ на истца за клевету... А теперь онъ у насъ тутъ кой-какіе заводы мутить... Явится, путаетъ рабочихъ. Тѣ его слушаютъ, гдѣ мало знаютъ, а потомъ, смотришь—волненіе. У купцовъ съ нимъ просто; къ одному онъ явился на заводъ, затѣялъ смуту, но купецъ его отодралъ здорово, а потомъ въ чуланчикъ заперъ, пока не зажило, и отпустилъ!..

Въ Чермозѣ, какъ и въ Кизеловскомъ заводѣ, видѣливается чугуны и сверхъ того изъ болванки прокатывается листовое желѣзо. Тутъ же имѣются большія механическія мастерскія, отливаются разные издѣлія изъ вагранокъ (родъ доменной печи, гдѣ вмѣсто руды плавится чугуны). Около Чермоза лѣсопильный заводъ. Громадная домна, которая съ большими удобствами могла бы замѣнить огненную печь трѣмъ еврейскимъ отрокамъ, когда мы ее осматривали,

работала во-всю, чуть не охватывая въ верху розовымъ пламенемъ пережигаемаго металла голыхъ рабочихъ, сумрачно возившихся вокругъ ея устья. Несмотря на умѣренность платы, рабочимъ здѣсь лучше живется чѣмъ въ другихъ мѣстахъ по Уралу. Ближе къ управленію, дешевле заготовленный имъ для потребностей завода хлѣбъ, чище избы. На черныхъ работахъ взрослые получаютъ здѣсь 30 коп. въ день, мальчики 18. Чтобы понять, каково въ сущности это сравнительно лучшее положеніе Чермовскаго крестьянина, я приведу здѣсь слѣдующій расчетъ. Вотъ, напримѣръ, Иванъ Сухихъ. Онъ уже старъ, пятьдесятъ пять лѣтъ, но работаетъ у зѣва доменной печи, или, какъ здѣсь называютъ, домы. Получаетъ онъ 7 р. 80 к. въ мѣсяцъ, двое сыновей у него—10 р., жена дома, потому что есть еще маленькія дѣти. Такимъ образомъ, въ годъ онъ имѣетъ около 180 р., ибо въ два льготные мѣсяца, когда онъ косить траву и жнеть хлѣбъ, отъ завода ничего не получаетъ. Платить онъ за три души податей, что вмѣстѣ со всевозможными мирскими и земскими сборами составляетъ около 75 рублей. Слѣдовательно, на всю семью въ шесть ртовъ на все остается 105 руб. въ годъ или около 9 руб. въ мѣсяцъ при цѣнѣ хлѣба 1 руб. за пудъ. Комментаріи излишни. Положеніе мастеровъ лучше: кузнецъ на заводѣ зарабатываетъ 80 коп. въ день, а механическій мастеръ 30 руб. въ мѣсяцъ. Вотъ, напримѣръ, рабочіе у вагранки, гдѣ переплавляется чугуны и ломъ всякій, гдѣ дѣло идетъ и днемъ и ночью. Ёдкая пыль ржаваго чугуна стоитъ въ воздухѣ; дымъ и чадъ портятъ глаза, задыхаешься, здѣсь и не знаешь, какъ бы поскорѣе выбраться вонъ. Заморенный мужикъ опускается рядомъ съ нами на какую-то колдобину и бессильно охватываетъ колѣна руками.

— Какъ у васъ смѣна?

— По двѣнадцати часовъ работаемъ каждый! Морозомъ изойдешь весь.

— Сколько же ты получаешь?

— 28, 29 коп. въ день.

Впрочемъ, нужно отдать справедливость заводу: онъ стремится устроить работу въ отрядъ, т. е. поденную, и дать переводить и на задѣльную. Тогда рабочіе, случается, получаютъ въ четверо больше, хотя неминуемо число ихъ уменьшается. Остаются самые сильныя и трезвыя.

У входа въ литейную мастерскую заснулъ затомившійся рабочій. Кирпичъ подъ голову, самъ тяжело дышетъ. Ступаютъ по немъ то-варищи, какая-то черная накипь точно капли сажи садится на лицо. Изъ-подъ открытаго ворота рубахи видна костлявая грудь. Между ребрами синія полосы. Воздухъ съ какимъ-то хрипомъ выходитъ изъ блѣдныхъ безкровныхъ губъ. Вонъ изъ вагранокъ и отражательныхъ печей чугуны отливаютъ въ формы для машинъ... Багровый отсвѣтъ расплавленнаго металла играетъ на лицахъ.

— Тутъ у нихъ хорошо! Замѣчаетъ мнѣ проводникъ. Тутъ задѣльно берутъ рублей по 15 въ мѣсяцъ. Лѣтний и тотъ заработаетъ въ день коп. 30. Сейчасъ металлъ выпускаютъ... Посмотрите...

Мнѣ уже надоѣли, признаться, эти картины, потому что на каждомъ заводѣ ихъ, какъ нѣчто необычайное для посторонняго, особенно внимательно рекомендуютъ ему. Первый разъ эта отливка кажется очень эффектной. Къ вагранкамъ подставляютъ котлы. Изъ отверстій вагранокъ въ котлу—жолоба. На дно котла сыплютъ горячія угли, чтобы металлъ не остывалъ въ немъ.

— Теперь пустая самая. Всего пудовъ семьдесятъ!..

Отворили отдушину. Рабочій ломомъ пробилъ загустѣвшую въ отдушнѣ массу металла. Въ сараѣ было темно, но какъ только въ отверстіи показалось огненное жало расплавленной массы, все кругомъ освѣтилось имъ. Густая струя жидкаго металла, желтая, слѣпящая глаза, полилась въ котелъ или ковшъ, какъ его называютъ здѣсь, разбрасывая при паденіи тысячи огненныхъ брызгъ, отъ быстрого вращенія въ воздухѣ принимавшихъ форму звѣзды. Жара около ковша становилась невыносимая, но рабочіе стояли какъ ни въ чемъ не бывало, даже потъ не выступалъ на лицахъ.

— Тутъ не съ чего потѣть-то... Это съ сыти которые потѣютъ, точно... А намъ потѣть не съ чего.

Ковшъ приподняли при помощи механизма, и стали переливать изъ него металлъ въ земляную форму. Опять мириады серебристыхъ золотыхъ и голубоватыхъ звѣздъ взрывались вверхъ и потухали подъ сводами этого чернаго сарая. Такимъ образомъ здѣсь переливается обыкновенно отъ 600—780 пудовъ чугуна. Я не описываю подробно всего производства. Этому отведено достаточно мѣста въ очеркахъ Урала, въ главѣ о Кизеловскомъ заводѣ *). Тамъ же значительное мѣсто посвящено и неприглядному положенію горнозаводскаго рабочаго, тутъ же я касаюсь только особенностей, не повторяющихся въ другихъ районахъ.

— Вотъ посмотрите глухарей нашихъ.

Еще издали я слышу оглушительный стукъ. Въ головѣ точно все сотрясается отъ него. Точно это не въ паровую трубу, а тебѣ въ черепъ молотки стучать. Громадный металлическій цилиндръ. Снаружи въ него вбиваютъ раскаленные гвозди. Внутри цилиндра сидятъ рабочіе-глухари и заклепываютъ концы этихъ гвоздей. Имъ приходится выдерживать шумъ настолько ужасный, что отъ обычнаго пребыванія здѣсь многіе изъ нихъ и дѣйствительно глухнутъ. Въ этомъ отдѣленіи вообще цѣлый адъ звуковъ, грохотъ машины, стукъ молотовъ, рѣзкій свистъ пламени изъ зѣвовъ пудлинговскихъ печей.

— Что эти глухари получаютъ у васъ?

*) „Русская Рѣчь“ 1881 г.

— О, они зарабатываютъ хорошо. Вообще во всей этой мастерской до 70 коп. въ день можно добыть. Ну, имъ идетъ по 50 коп.

Вонъ въ сторонѣ другой каторжникъ труда выхватываетъ изъ калильной печи болванку. Раскаленною перекидываетъ ее въ прокатную машину—грохочутъ валы ея, сплющивая комъ желѣза въ тускло уже свѣтящуюся, точно изнутри, красноватымъ отсвѣтомъ лепешку. Лепешку опять въ калильную печь и оттуда, когда она засвѣтится вся огнемъ—въ новую прокатную машину, изъ-подъ валовъ которой она выходитъ еще тоньше. Повторивъ нѣсколько разъ этотъ процессъ, получаютъ листовое желѣзо. Но оно все еще не готово: по восьмидесяти листовъ связываютъ въ одинъ паветъ, на особой телѣжкѣ везутъ его въ третью печь, гдѣ и оставляютъ накаливаться втеченіе семи часовъ. Послѣ этого листы пробиваютъ молотами и опять въ печь, и опять молотки въ ходъ. Повторивъ это три раза, получаютъ матовое листовое желѣзо, пять — глянцовое. Угольная пудра тутъ стоитъ столбомъ... Ею дѣйствительно дышешь. Когда рабочіе умираютъ, то врачи при вскрытіи находятъ легкіе ихъ переполненными этимъ углемъ.

— Женщины у васъ не работаютъ?

— Нѣтъ. Прежде ходили. Теперь ихъ подрядчики избаловали. Онѣ складываютъ, подвозятъ дрова, вообще на лѣсномъ дѣлѣ стоятъ.

— Чѣмъ же это легче?

— И легче, да и выгоднѣе. Мы имъ платимъ отъ 15 до 20 коп. въ день, а лѣсопромышленники сманили ихъ на 30—35, случается и до 50 коп. Онѣ и бросили заводы... Теперь вообще рабочихъ меньше стало. Прежде избытокъ оказывался, а теперь другой разъ недохватка.

— Куда же дѣлись они?

— Мотовилиха отняла. Туда направляютъся. Казенные заводы больше платятъ. Теперь у насъ работаетъ отъ 500 до 1.400 человѣкъ въ годъ. Смотри, когда сколько надо. Они выдѣлываютъ листового желѣза 200.000 пудовъ, да другаго 120.000 пудовъ.

— Воображаю, какая масса лѣсу уходитъ на это?

— Да. Въ прошломъ году мы сожгли 20.000 сажень дровъ, да 15.000 коробовъ древеснаго угля—короба-то у насъ вѣдь большіе—девяти-аршинные!..

— Сколько вы считаете рабочихъ дней въ году?

— Да двѣсти-сорокъ норма!

Вообще и здѣсь, какъ на остальныхъ заводахъ, не особенно приглядно живетъ мужику, а между тѣмъ заводскій народъ въ высшей степени способенъ и любознателенъ. Трудно сказать, что бы выработалось изъ него при другихъ условіяхъ!.. На заводахъ встрѣчаешь превосходныхъ механиковъ, выработавшихся у машинъ безъ всякихъ научныхъ свѣдѣній. Они изобрѣтаютъ новыя приспособленія, упрощаютъ старыя. По общему отзыву специалистовъ, наши мастера, начавшіе свое воспитаніе у кричныхъ печей и кончившіе его въ сто-

лярной мастерской, иногда замыкають за поясъ нѣмцевъ-механиковъ, и всегда оказываются способнѣе ихъ. Въ старое время Строганова и Демидова сотни такихъ самородковъ выводили на широкую дорогу. Теперь всѣ господа живутъ внѣ своихъ заводовъ; а управленіямъ лишь бы казенное дѣло справить, остальное имъ не интересно.

— Что тебѣ! Вишь къ намъ Фуску прислали, — что ѣтъ, что евоная Фускиха... ничего не понимаютъ... Упрется быкомъ въ машину и стоитъ, думаетъ; а пока ѣтъ думаетъ, мы ужъ ее совсѣмъ разсмотрѣли...

— Кто это Фуска?

— А это нѣмецъ механикъ пріѣхалъ съ женой—Фаустъ. А они его въ Фуску перекрестили.

Къ сожалѣнію, талантливость русскаго человѣка не ведетъ въ данномъ случаѣ ни къ чему. Ходу ему все равно не будетъ нигуда, хоть лобъ себѣ разбей. Въ мальчижахъ, которые въ здѣшнихъ школахъ учатся, замѣчаются иногда феноменальныя способности. Да что же толку,—все равно дальше своего училища не пойдетъ, да и того еще не кончить... Я не могу забыть сцены, которую наблюдалъ тутъ же на Уралѣ. Къ одному изъ учителей является рабочій...

— Чего тебѣ?

— Ослобоните!..

— Кого?

— Сынишку моего... Ужъ ему двѣнадцатой годъ пошелъ.

— Какъ зовутъ его?

— Ефимомъ.

— Зачѣмъ же его тебѣ?

— Къ дѣлу приставить. Къ печкѣ. Кормить-то ужъ его тяжело стало, пуцай самъ кормится.

— Бога ты не боишься! Потерпи еще немного, пускай онъ школу-то кончить... Вѣдь у него способности изъ ряду вонъ. Я здѣсь;десять лѣтъ—такого не видалъ еще.

— Нѣтъ, ужъ ослобоните... Потому,—пуцай кормится... Это еще когда способностейъ ждать, а намъ не могутно. У меня еще махонькіе есть. Хлѣба не хватаетъ.

Вмѣшались бывшіе при этомъ. Предложили за цѣлый годъ заплатить пополамъ съ управителемъ *** завода.

— Нѣтъ, ужъ ослобоните! уперся на своемъ отецъ.—Мы не нищие, чтобы отъ чужихъ брать... пуцай онъ къ нашему заводскому дѣлу обыкаеть. Грамотой не прокормится ему. Еще тамъ что выйдетъ.

Учитель чуть не плакалъ, освобождая лучшаго изъ своихъ школьниковъ. А то явился другой—къ нему же

— Сколько вы мнѣ положите?

— За что?

— А за сына.

— Какъ это?..

— Да онъ въ школу къ вамъ ходитъ, такъ сколько вы за него положите, потому—мы родители.

— Да ничего не положу... Будь доволенъ, что даромъ его учать.

— Мы такъ даромъ не можемъ, потому—его кормить надо... Мы въ такомъ случаѣ его возьмемъ.

И взяли!..

Въ прежнее время хотъ управляющіе, члены заводскаго управленія, выходили изъ мѣстныхъ школъ. Теперь и этого нѣтъ. Какіхъ-то необыкновенныхъ олимпійцевъ присылаютъ изъ Питера, не имѣющихъ никакого понятія о заводскомъ дѣлѣ. Одинъ, напримѣръ, агронома поставилъ во главѣ дѣла, другой—раззорившагося помѣщика, который у себя въ имѣніи когда-то разводилъ нарочно овражеювъ, какъ средство къ дренажу, третій прислалъ пѣвца—тенора, потерявшаго голосъ и потому почувствовавшаго призваніе къ заводскому дѣлу; четвертый оставнаго гусара, а этотъ на первыхъ же порахъ завелъ „бабью повинность“...

Вообще тутъ курьезовъ не оберешься. Мы всѣ, напримѣръ, давно уже считали, гдѣкогда существовавшій и при императорѣ Николаѣ заброшенный, каналъ Екатерининскій—вычеркнутымъ изъ списка живыхъ. Его тогда признали ненужнымъ вовсе, уничтожили и даже на старыхъ, не говоря уже о новыхъ, картахъ его найти теперь невозможно. Населеніе впрочемъ къ нему отнеслось иначе. Начальство его упразднило, а Пермская, Вятская и Вологодская губерніи имъ пользуются съ 1871 года опять. Наткнувшись на него, видятъ—шлюзовъ нѣтъ, а каналъ еще гдѣлъ, и обрадовались. При общемъ безпутьи—эта дорога оказалась крайне удобной. По несуществующему каналу стали передвигать грузы на лодкахъ, отъ 500—600 пудовъ на каждой. Зимой, когда онъ замерзаетъ, напрямкомъ по его поверхности открывается громадный проѣздъ изъ Вологодской губерніи. Десятки тысячъ жернововъ, напримѣръ, перевезли по немъ въ послѣднюю зиму. Изъ Архангельской губерніи по этому же каналу—прямой путь на Ирбитскую ярмарку. Въ первый годъ, какъ населеніе схватилось опять за этотъ каналъ, по немъ передвинуто было 30.000 пудовъ разнаго груза, дошедшаго благополучно. Съ тѣхъ поръ количество транзита все увеличивается и увеличивается. Консерваторъ зоологическаго музея казанскаго университета, Пельцамъ, кажется, въ сентябрѣ 1875 года, вернулся черезъ этотъ каналъ съ Штувенбергомъ и Некрасовымъ изъ экспедиціи на Тиманскія горы... Фонъ Т.*, одинъ изъ камскихъ солеваровъ, предлагалъ мнѣ проѣхать самому по этому каналу и удостовѣриться.

— У насъ все такъ—начальство уничтожить, а смотришь—дѣло все-таки идетъ своимъ порядкомъ. Теперь хотимъ просить опять возобновить каналъ этотъ!.. Онъ и для обезпеченія хлѣбомъ очень важенъ.

Какъ-то заговорили о ростѣ цѣнъ на хлѣбъ въ Пермской губерніи, по поводу все того же канала.

— Еще бы имъ не расти, здѣсь своего мало, а у насъ его стали вывозить.

— Какъ это такъ?

— Съ каждымъ годомъ увеличивается вывозъ. Въ 1872 году по Усолвѣ и черезъ Ленву на Березовъ увезли 180.000 пудовъ; хлѣбъ стоилъ тогда 53 коп. пудъ. Теперь кулъ муки дешевле 3 руб. не купишь, а въ розницу дороже рублемъ. Прежде на мѣстныхъ базарахъ хлѣбъ получался изъ Перми и изъ Ильинскаго, теперь съ устья Вѣлой идетъ, а весь ильинскій хлѣбъ и тотъ, который когда-то возили черезъ Пермь, кунгурскій, идетъ за-границу, сначала на Петербургъ. Екатерининскій каналъ и въ этомъ отношеніи очень важенъ. По немъ пойдутъ у насъ массы грузовъ.

— Да достаточно ли воды тамъ?

— Пельцамъ проѣхалъ осенью, воды было довольно; Круженштернъ недавно прокатился на Печору этимъ же путемъ — тоже не жаловался.

— А какъ добраться до этого несуществующаго канала?

— Вверхъ по Камѣ до Усть-Кельтмы Южной. Весною и осенью Кельтма судоходна. Для дровъ по ней самый лучший сплавъ, такъ что лодки ухватчиковъ стоятъ тогда на устьѣ ея, а дровяные плоты сами добѣгаютъ до нихъ, безъ препятствій по всему теченію рѣки. По Кельтмѣ нужно подняться до границы Вологодской губерніи. Оттуда вы вступите въ каналъ и по немъ доберетесь до Сѣверной Кельтмы, которая въ свою очередь впадаетъ въ Вычегду. Въ самое малководье, посередѣ лѣта, глубина Южной и Сѣверной Кельтмы—минимумъ отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ аршина. Весною и осенью вода „пухнетъ“, по мѣстному выраженію, и можетъ поднять значительный грузъ... При шлюзахъ пристани.

— Позвольте, вы говорите, что каналъ въ Вологодской губерніи; вѣдь на тѣхъ картахъ, гдѣ его когда-то означали, онъ былъ въ Пермской?

— Вѣрно, что же васъ удивляетъ. Врутъ не одни календары; врутъ и карты, а у насъ еще пуще календарей!..

Чермозъ — столица Абаменикъ-Лазаревскихъ владѣній на Уралѣ.

Едва ли у кого нибудь сохранилось здѣсь столько лѣсныхъ угодій; какъ у нихъ. Все начало этого столѣтія и конецъ прошлаго ознаменовались борьбой между ними и Всеволожскими. Къ какимъ только средствамъ ни прибѣгали тѣ и другіе, чтобы завладѣть какимъ нибудь урочищемъ. Право владѣнія считалось по первенству занятія. Всеволожскіе займутъ, положимъ, лѣсъ и поставятъ тамъ избу, а Лазаревскіе люди перенесутъ ее въ другое мѣсто и ставятъ свою. Такимъ образомъ доходило до побойщъ, жертвы которыхъ такъ и оставались неизвѣстными. Пермскіе лѣса свято и вѣрно хранятъ

свои тайны. Свидѣтели жестокихъ убійствъ и грабежей, вѣковне великаны давно легли подъ топорами дровосѣковъ и только случайно попадающіеся въ уральскихъ пустыняхъ черепа и кости безмолвно говорятъ душѣ о томъ, что не всегда эта мертвая глушь была также тиха и молчалива, какъ теперь. По старымъ документамъ опредѣлялись границы рѣками. Такъ, для того чтобы расширить свои владѣнія, предки Лазаревыхъ заваливали одни рѣки, а имена ихъ переносили на другія. Да и межевщики тонко знали свое дѣло. Случалось, напримѣръ, что изъ 200 тысячъ десятинъ они вымежевывали 9.000, а остальное шло тѣмъ, кто раньше всталъ, палку взялъ. Нечего уже и говорить о томъ, что иногда цѣлыя имѣнія проигрывались въ карты. Уралъ не мало насчитать можетъ такихъ собственниковъ, которые своими громадными имѣніями обязаны мошенничеству, подлогу, или шуллерству... Не мудрено, что въ населеніи прикамскихъ волостей и теперь живъ еще духъ бродяжничества, старательно развивавшійся владѣльцами, которымъ были выгодны всякія переселенія на никому не принадлежащую новь. Пермскій крестьянинъ до сихъ поръ мѣняетъ свою родину. Она не привязываетъ его къ себѣ, „гдѣ сталь—тамъ и взялъ“, говорятъ они. Еще недавно въ Растесь, къ Павдѣ, на истоки малоизвѣстныхъ рѣкъ, переходили цѣлыя села. Въ пермскихъ лѣсахъ, близъ Растеса, и донынѣ живутъ сотни народа, который навѣрно не скажетъ—кто онъ и откуда пришелъ. Эти колонисты вообще не спрашиваютъ о прошломъ. Имъ до прошлаго нѣтъ никакого дѣла. Они дружелюбно относятся къ бѣглецамъ, устраивающимъ жилища подъ землей, гостеприимно встрѣчаютъ „орѣшниковъ“, т. е. крестьянъ, собирающихъ кедровые орѣхи, и охотниковъ на бѣлку, которыхъ промыселъ иногда загоняетъ въ дремучую глушь пермскаго лѣса.

Указаніе криминалистамъ: между бѣглыми въ этой глуши—преступленіе неизвѣстно, убійство не слышанно!

— У насъ миръ и согласіе, говорятъ они.—Другъ дружкѣ помогаемъ и живемъ по-Божьему. Ни надъ нами, ни подъ нами никого

Увѣжая отсюда въ Пермь, я уносилъ съ собою глубокія впечатлѣнія.

Долго еще потомъ грезились мнѣ лѣсныя пустыни, безлюдныя рѣки, жизнь—сложившаяся помимо всякаго насилія—вольно и убого. Убого потому, что кромѣ вишней красоты своей природа здѣсь не даетъ богатства колонизатору. Не разъ и потомъ тянуло меня опять въ эти кедровыя чащи, въ эти горы, мрачное, каменное великолѣпіе которыхъ переноситъ туриста въ сказочный край, въ міръ грезъ и фантазій...

В. И. Немировичъ-Данченко.

„ЛИХОЛѢТЬЕ“ ¹⁾.

(Смутное время).

Историческій романъ.

Часть II.

XVI.

Охъ! въ горь жить — не кручину быть.
Не два звѣря сходились,
Не бѣлъ заяцъ и не сѣръ заяцъ;
Сходились правда съ кривдою,
Правду кривда переспорила:
Кривда осталась на сирой землѣ,
А правда пошла на небо.

(Старинная русская пѣсня).

СВЕРЩИНА и куряне своею пролитю за самозванцевъ кровлю, своимъ раззореніемъ, добивались возвращенія себѣ того безпечальнаго времени, когда они не знали московскаго кнута и московской волокиты, когда они платили легкую дань „по бѣлѣ и веверицѣ“. Но ратуя противъ московскаго „закрѣпощенія“, противъ московскаго самодержавія, „преждепогибшая Украина“ очутилась въ тискахъ грабительскихъ воиновъ, въ родѣ Лисовскаго и Неборскаго, и имъ подобныхъ пановъ. Все время смуты Украина терпѣла отъ тѣхъ, кого считала своими освободителями, болѣе чѣмъ отъ тѣхъ, на кого шла.

Невольню, силою обстоятельствъ, курскій бояринъ Ферапонтовъ сталъ въ положеніе „земскаго излюбленнаго челоуѣка“. Только одинъ онъ, твердый подвижникъ русскаго дѣла въ отдаленной царской сто-

¹⁾ Окончаніе. См. „Истор. Вѣст.“, томъ X, стр. 337.

ронѣ, могъ сплотить и одушевить сматенное курское населеніе, разбросанное по лѣсистымъ ярамъ и стенамъ. Игуменъ Манассія горячею проповѣдью въ курскомъ монастырѣ оживляетъ сознание народа, напоминая ему его племенную, религіозную и государственную связь съ Москвой. Уже не „танула“ Украина къ ворагъ, а выжидала, кого Богъ поставитъ бѣлымъ русскимъ царемъ на Москвѣ вмѣсто Шуйскаго, котораго престолъ колебался и котораго царская власть казалась въ отдаленіи еще слабѣе, чѣмъ въблизи, чѣмъ въ самой Москвѣ.

Въ то время „безгосподарства“, т.-е. безпорядка, русскій крестьянинъ въ общей государственной замутѣ нашелъ оправданіе своей какъ бы прирожденной слабости къ кочевой, несѣдой жизни. Съ незапамятныхъ поръ народъ привыкъ широко пользоваться своею свободой сходить отъ вотчинника къ вотчиннику. Всякій смердъ зналъ, что за двѣ недѣли до осенняго Юрьева дня и недѣлю спустя послѣ него, онъ могъ „отказаться“, т.-е. оставить вотчинника, заплативъ ему „пожилое“, опредѣленное судебникомъ, за свое житье у вотчинника въ деревнѣ. Указомъ 1597 года царь Федоръ Ивановичъ запретилъ крестьянскій „выходъ“. Простонародье жило въ „великой тугѣ“. Недовольный, обездоленный людъ, избывая „боярской крѣпости“, подавался на „вольную“ Украину. Безконечныя травянистыя степи, стлавшіяся къ морю синему, пустопорожнее „поле дикое“ манили къ себѣ крестьянство. Усиливалось движеніе его въ ту дальнюю сторону, о которой народъ сложилъ пѣсню:

„Высота-ль, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днѣпровскіе...“

Будетъ понятна поэтому поспѣшность крестьянъ села „Упалаго Колодезя“, съ какою они, бросивъ свое насижненное жилье, пришли огромнымъ обозомъ въ вотчину боярина Ферапонтова старъ и малъ, съ „животинкой и всѣмъ своимъ домашнимъ добромъ“. Нежеланіе каширскихъ „сходцевъ“ сидѣть на „розстаняхъ“, на распутіи дорогъ, притоманномъ мѣстѣ нечистой силы, а также убѣжденіе, что ихъ село на „крови“ ставлено, на востяхъ убіенныхъ на брани, служило каширскимъ сходцамъ предлогомъ, прикрывавшимъ только ихъ давнишнюю заботу выбраться совсѣмъ на „вольныя земли“. Пришелъ съ ними и ихъ сельской попъ съ семьей и „святостью“, вывезенною изъ старой упаловской церкви, оставленной сошедшимъ съ мѣста селомъ заколоченною. По слову боярина, каширцы „сѣли слободой“ на обмяти, у лѣса, у „мѣхани“. Отсѣявшись овсами, „новосельцы“, какъ ихъ стали называть курскіе севрюки, принялись усердно рубить себѣ избы, ставить дворы; къ осени „жило“ у каждой семьи поспѣло. Бояринъ помогъ своимъ новымъ насельникамъ сѣменами, хлѣбомъ, лошадьми, всѣмъ, что имъ было нужно. По Обмяти вытянулась длинная, безтолково разбросанная слобода. Каждая семья ставила свой дворъ,

какъ ей казалось удобнѣе. А по первопутью, зимой, новосельцы міромъ запрятали двѣсти подводъ, навязали пихтери сѣна, набили мѣшки овсомъ и харчами, и по благословенію попа своего поѣхали „поднимать“ свою старую церковь. Въ двѣ поѣдки они свезли ее съ прежняго своего пепелища въ новую слободу. По райней весѣ они міромъ поставили на-ново церковь „на красовитомъ“ мѣстѣ, на горѣ и „обрядили“ ее готовою святостью. Игуменъ Манассія торжественно освятилъ этотъ возобновленный храмъ, въ присутствіи боярина. Слободу по престолу храмовому назвали „Спасомъ“. Припѣваучи зажили новосельцы: „какъ у Христа за пазушкой мы за своимъ бояриномъ“, хвалились они, и ставили свѣчки у своего стараго иконостаса „за здравіе раба Божія Іоны“, каждую церковную службу. Новосельцы „захватили“ пустопорожней земли, „поля диваго“, сколько глазъ видѣлъ. Всякъ воленъ былъ пользоваться ею „безъ отвода“.

Бояринъ зналъ живыя урочища, граничившія его обширныя земли и уголья; но очень удивился бы, если бы кто-нибудь спросилъ у него: сколько у него въ полѣ десятковъ тысячъ четвертей, а въ дву по тому-жь?

Преклонныя лѣта и тяжело переживаемыя событія замѣтно составили твердаго боярина. Коротая время съ заочеваншимъ у него игуменомъ Манассіей, онъ потягивалъ помаленьку крѣпкой медокъ.

— Меды мои боярскіе, знаю, не по монахову брюху, разсмѣявшись и наливая себѣ стопу, замѣтилъ онъ.—Обѣтъ твой неизмѣнный: не огаживать себя питіемъ, oprичъ воды ключевой. Твердъ монахъ...

Старый бояринъ осушилъ стопу и звонко поставилъ ее на столъ, съ молодецкимъ движеніемъ бывалаго питуха. Нахмурясь, не глядя на игумена, онъ его спросилъ:

— Стало, въ Соловки надумался идти, честной отче?

— Коли Господь грѣхамъ нашимъ попуститъ, Іона Агѣичъ... Обѣтъ даль... Обитель же Пресвятой Богородицы Ёренской раззорена, быть мнѣ игуменомъ не при чемъ. Манассія вздохнулъ, перебирая чотки.

— Не мнѣ, грѣшнику, поучать тебя, христолюбца, разсудительно замѣтилъ бояринъ.—Но... послушай меня, стараго чорта, монахъ: провожу я тебя до бѣлокаменной... Дай время, подымусь съ ратью, царя отъ тушинскихъ воровъ, да отъ польскихъ пановъ оборонять. Пойду вѣдь конно, людно, оружно... Отъ обиды, а то, коли доведется, и отъ смертнаго часа обороню. По дорогамъ губители распаны. Въ повозкѣ, слышь, повезу.

— На твоей боярской милости много тебѣ благодаренъ, Іона Агѣичъ, съ поклономъ сказалъ игуменъ.—Не попутчики мы. Не пригоже монашескому убожеству течи вмѣстѣ съ ратнымъ мужествомъ. Ничто же губители придорожные; когда человекъ борется съ губителями въ самомъ себѣ, съ своими грѣхами. Пойду пѣшь и нищъ, по Христову образу и на его имя. Не убоясь обиды, ниже конца

смертнаго, но возрадуюсь, аще во славу Христа пострадаю. Прости ма, бояринъ, и не осуди.

— Тати, чего добраго, захватять тебя, монахъ! утверждалъ бояринъ.—Замучаютъ, вѣдь...

— Кровь мучениковъ—семья христіанства, сказала Тертуліанъ, древній церковный письменникъ...

Игуменъ всталъ, чтобы идти на покой. Бояринъ принялъ его благословеніе. Но тутъ обычная твердость его измѣнила ему. Его старыя руки мощно сжали костлявую руку игумена и не выпускали ее въ то время, какъ блестяшіе слезою старыя глаза вопросительно остановились на вроткомъ взглядѣ монаха.

— Порадовалъ ты меня, отче, спасибо! прошепталъ онъ. — Аль ни слеза, смотри, прошибла... Привыкъ вѣдь къ тебѣ... Куда вздумалъ? Не пойдешь ты отседава, вотъ что; почто домъ Коренской матери Божіей покидаешь? на кого?.. Садись!..

Бояринъ, досадуя на свою минутную слабость, властно указалъ игумену рукою на лавку. Тотъ повиновался и сѣлъ, перебирая чотки.

— Давай, игуменъ, монастырекъ твой поправлять? твердо началъ бояринъ.—Ктиторомъ быть твоимъ хочу; обнесу монастырекъ каменными стѣнами, кельи поставлю; игуменствовать по-старому будешь; чернецы наползутъ къ намъ отовсюду, за чернецами не станетъ дѣло... Что задумался? что молчишь, отче?

— Спаси тебя Христось, Іона Агѣичъ! сказала, надумавшись игуменъ. — Пекущійся о храмѣ Божіемъ самъ о себѣ печется. Своею боярскою щедротою и своимъ христіанскимъ хотѣніемъ мыслишь возстановить монастырекъ на Корени, — и миѣ поэтому отбить въ Соловки, на Поморье, не довѣдетъ... игуменствовать останусь...

— По уму и рѣчь! одобрительно замѣтилъ бояринъ. — Хвалю, отче. Пастыръ добрый душу свою полагаетъ за овцы своя, а наемникъ бѣжитъ... Съ Егорья, слышь, работать почнемъ... А помру, положи ты меня, игуменъ, въ склепу, подъ церковью своею.

— Продли Господи твой вѣкъ, бояринъ. Печальникъ ты за Русь православную...

— Немного насъ такихъ-то бояръ, что прямятъ русскому дѣлу и своей матушкѣ, государынѣ Руси, дурна не хотять, сумрачно сказала Ферапонтовъ.—Повоевана Русь. Литва и шведъ и своя крамола воровская хозяйствуютъ аки волки. Царь обиженный словно въ осадѣ сидитъ на Москвѣ, не государствуетъ... Вотъ-вотъ услышимъ, что царя у насъ нѣтъ, и настанетъ „лихолѣтъе“...

— Не погибнуть бы намъ отъ враговъ православнаго христіанства? печально замѣтилъ игуменъ.

Вошелъ Косолапъ—усталый, сумрачный. Саблю свою и шапку онъ бросилъ на лавку, поклонился боярину, подошелъ подъ благословеніе игумена и сѣлъ въ углу. Это былъ уже не прежній лихой молодець, ни передъ чѣмъ не останавливающійся. Огневой задоръ черныхъ

глазъ смѣнился строгою, печальною сосредоточенностью. Онъ теперь глядѣлъ съ видомъ чловѣка усталаго душевно, готоваго каждую минуту дать отчетъ себѣ и людямъ во всякомъ своемъ словѣ и во всякомъ своемъ поступкѣ. Жесткое выраженіе его энергическаго смуглаго рябого лица, съ черной бородой, теперь какъ бы смягчилось, успокоилось, просвѣтлѣло.

Вслѣдъ за Косолапомъ Ферязъ съ Ерой внесли, кряхтя, тяжелый объемистый мѣдный котелъ и поставили его передъ бояриномъ, глядѣвшимъ на него съ нетерпѣливымъ любопытствомъ. Котелъ, облепленный сырой землею, которая много лѣтъ скрывала его отъ людской жадности, забить былъ желѣзной заслонкой. Севрюки принесли еще двѣ желѣзныя мѣрки, тоже тяжелыя и въ землѣ.

— Кладъ, что кладенъ въ Олисановской пустоши, у дуба голе-настаго, надъ отвершкою, отколъ рѣчка Потуденъ беретса, пояснилъ боярину Косолапъ, раскрывая концомъ сабли желѣзныя заслонки.

До краевъ въ котлѣ и мѣркахъ были насыпаны старыя серебряныя монеты. Верхнія даже позеленѣли отъ сырости. Невольно ахнули отъ удивленія, при видѣ такого богатства, бояринъ и присутствующіе. Холопы рты разинули и какъ бы побаивались сокровищъ, собранныхъ нечестіемъ и хранимыхъ тоже нечистой силой. Ера качнулъ головой съ усмѣшкой, какъ бы не вполне довѣряющей тому, что онъ видѣлъ.

— И деньжищевъ, братцы! замѣтилъ онъ своимъ. — Должно, на выпивку хватить?.. И деньжищевъ же!..

— Благодарить Бога, теперь есть на что курскую рать вооружить и подъ Москву идти есть съ чѣмъ! весело замѣтилъ бояринъ. Что жъ: подъ замокъ замени казну, Ферязъ; въ кладовую, что на моихъ сѣняхъ боярскихъ. Бояринъ подалъ дворецкому ключъ.

Когда за Косолапомъ люди вынесли въ сѣни кладъ, игумень набожно перекрестился и сказалъ:

— Видимая помощь Божія правому дѣлу!..

Вернувшись, Косолапъ заговорилъ, что надо дѣломъ торопиться и на-дняхъ же идти въ походъ, у него-де все готово: и ратники, и кони.

— Неправдой, разбоемъ собралъ я тотъ кладъ, закончилъ онъ; — на мнѣ его грѣхъ, растрачу его за правду противъ разбойниковъ, губящихъ Русь, поведу наемную рать... Ждать нечего...

— Жди не жди — не переждешь, замѣтилъ бояринъ. — Не сидѣть намъ, курянамъ, коли вся земля русская за себя стала. Въ горшки горячая каша — и мы съ ложкой. Схожу, видно, еще разокъ къ бѣлокаменной, земскому дѣлу послужу. Была не была! вывезетъ кривая — ладно, не вывезетъ — такъ тому быть. Жалѣть нечего, да и не кому. Жилъ одинъ, померъ одинъ! да за правду лишь бы.

— А ты, игумень, выслушай мои слова, продолжалъ Косолапъ. —

Отходя на рать, хочу совѣсть свою многогрѣшную успокоить. Похороненъ въ Коренскомъ монастырѣ братъ мой меньшей. Крестъ поставилъ бы ты на его могилѣ, либо камень положилъ... да на вѣчное поминаніе раба божія Глѣба въ синодикъ записалъ бы... и меня, грѣшнаго, буде не вернусь...

— Исполню по слову твоему, Василій, кротоко сказалъ игумень.

— Еще полюбовница была у меня, хutoryянка Маруся, на зимовникѣ своемъ живеть... сынишка у ней—мой грѣхъ... Не оставь ихъ въ нуждѣ ихней, отче.

— Стало, Глѣбъ Верещагинъ, что убить, что въ Курскѣ стоялымъ головой служилъ, тебѣ братъ, Василій? спросилъ бояринъ.— Стало, и ты Анфисы Тимофѣевны сынъ?

— Ея сынъ, бояринъ. Старше я убитаго брата Глѣба на восемь годовъ... Нешто знаваль ты мою мать, Иона Агѣичъ?

Вмѣсто отвѣта старикъ упорно, съ трепетнымъ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ болѣе нѣжнымъ чувствомъ, всматривался въ Косолапа, словно бы увидѣлъ его въ первый разъ, или словно бы только сейчасъ узналъ онъ: кто такой Косолапъ?..

— Мать меня благословила образкомъ святителя Василя Кессарійскаго, продолжалъ Косолапъ.— Ежели сложу на рати голову свою, игумень, передай тотъ образокъ моему сынишкѣ... Такъ матушка покойница наказывала: чтобъ образокъ моему сыну послѣ меня... Берегъ я его. Въ латыню совратясь, и тогда хранилъ при себѣ тотъ образокъ... Вотъ... Возьми, отче.

Дрожала старая рука боярина, когда онъ взялъ у игумена образокъ въ серебряной разѣ, съ кольцомъ и стальной цѣпочкой, чтобы на шею надѣвать. Своимъ старымъ глазамъ не вѣрилъ онъ, всматриваясь въ образокъ. Волненіе его усиливалось. Положивъ образокъ передъ игуменомъ, онъ прислонился спиной къ стѣнѣ, нуждаясь въ ея поддержкѣ. Игумень съ Косолапомъ дивились слезамъ, текшимъ по щекамъ старика, его волненію, мѣшавшему ему говорить.

— Мой образокъ! прошепталъ старый бояринъ, смущенный, можетъ быть, еще въ первый разъ въ своей жизни.

— Твой? переспросилъ его Косолапъ, ничего не понимая.

— Тебя, Василій, благословилъ я нмъ...

— Ты, Иона Агѣичъ?! Косолапъ нуще запутался въ словахъ боярина и ждалъ, чтобы онъ ихъ пояснилъ.

— Ты мой сынъ, Василій... Кровный сынъ... чуть слышно проговорилъ Ферационтовъ.

Пролетѣла минута гробоваго молчанья. Слышенъ былъ только тихій старческій вскрикъ.

— Такъ кровный ты мнѣ отецъ, Иона Агѣичъ? раздумчиво не то спросилъ его, не то самъ себѣ отвѣтилъ Косолапъ, въ то время какъ его горѣвшіе черные глаза, остановившіяся на плачущемъ бояринѣ, выражали его сильное душевное движеніе.

Онъ упалъ боярину въ ноги, воскликнувъ:

— Батюшка!

Прижавъ его къ груди, бояринъ крѣпко его обнялъ, безсильный сдержатъ свое рыданье.

— Господня власть, шепталь онъ. — Отнимаетъ видимо, подаетъ невидимо... Законная дочь ушла въ черницы, незаконный сынъ нашелъ отца... Не одинъ я теперь, какъ перстъ, буду... Подашь отцу, въ послѣдній часъ, воды глотнуть; закроешь ему глаза... Это тогда еще, на Москвѣ, случилось: прижилъ я тебя, Василій, грѣшнымъ дѣломъ, съ матушкой твоей, нынѣ покойницей, Анфисой Тимофѣевой... Мужъ то ея, стрѣлочій голова, лѣтъ пять въ Инфлянтахъ въ походахъ проходилъ... Каюсь. Будь ты мнѣ, Василій, въ сына законнаго мѣсто... Тебѣ-жъ, послѣ меня, курской вотчиной моею боярской володѣть, Василій, кровный сынокъ...

— Батюшка! повторилъ только Косолапъ, вздохами облегчая свою взволнованную глубоко душу, не успѣвъ еще свыкнуться съ этою поразившею его неожиданно новостью, измѣнявшею его положеніе и всѣ отношенія къ жизни.— Свела насъ съ тобой, отца съ сыномъ, Господня воля... Пускай незаконный я тебѣ сынъ, да любить буду не хуже законнаго... Увидишь... Привязался я къ тебѣ, назвалъ тебя своимъ отцомъ, не знаючи еще, кто ты мнѣ, по крови, доводишься... Бровь, должно, заговорила... Радъ отцу найденному; но того больше радъ, что нашелъ долгъ свой сыновній...

— И ты бы, игумень, завтра мое духовное завѣщанье переписалъ, обратился къ монаху бояринъ. Для того, не было у меня сына—одно распоряженіе; а сынъ нашелся—иначе распишу имѣніе мое боярское: Василій сынъ по мнѣ наследникъ...

— Пойду къ Москвѣ съ дружиною, биться съ русскими недругами, батюшка; какъ велишь мнѣ и какъ совѣсть моя мнѣ велитъ, заговорилъ оправясь Косолапъ;—но тебя, батюшка родной, не возьму на рать... Слышь: не возьму! Успокой свои старыя кости, строй здѣсь Коренскую обитель; а я, коли живъ останусь, провожу изъ бѣлокаменной чудотворную икону... Поставимъ, поможетъ намъ Богъ, царя, замирится Русь—заживемъ мы съ тобою, родитель, на вольной Украинѣ курской. Забудемъ горе и черные дни!.. Нѣтъ, батюшка Іона Агѣичъ! не въ восемьдесятъ лѣтъ тебѣ воевать, ты, должно, отвоевался! будеть!.. оставайся!..

Старый бояринъ нерѣшительно глянулъ на игумена, мнѣніемъ котораго дорожилъ.

— Строить безъ тебя не кому обители, бояринъ, замѣтилъ осторожный игумень, не желавшій высказаться болѣе опредѣленно по столь важному вопросу.

— Стало, оставаться мнѣ, монахъ? стало, за монастырь браться? повеселѣвъ, заговорилъ Ферапонтовъ, понимавшій, что Косолапъ говорить правду.—Оставаться, сынокъ, такъ оставаться. Ступай вмѣсто

меня правду на Руси утверждать. Вернись домой, къ отцу, заслуженнымъ человѣкомъ, дворяниномъ; проводи матушки Бурской честную икону; а мы ей здѣсь домъ ея коренскій приготовимъ... А тебѣ, Василій, невѣсту подыщемъ...

Косолапъ всталъ и ничего не отвѣтилъ на послѣднiя слова боярина. Но по его омрачившемуся вдругъ лицу и по печально опущенной головѣ было понятно, что его мысли и чувства далеки отъ жеманности.

— Батюшка государь, Иона Агѣичъ, сказалъ онъ твердо, — не промѣняю тебя на жену. Хочу не радости житейской, а добраго отвѣта на страшномъ судѣ Божиѣмъ!..

Кладъ Косолапа далъ сильный толчекъ ратнымъ сборамъ курскихъ севрюжковъ. Разбойничье серебро помогло вооружиться пяти тысячному конному отряду. Старая рука боярина ослабѣла, чтобы держать саблю; но старая его голова еще работала, и Косолапъ нуждался въ его совѣтѣ.

Посѣщенiе женскаго монастыря грознымъ Лисовскимъ, такъ напугавшее старую игуменью Сандулею, не прошло для нея даромъ. Съ того дня она пуще ослабѣла и все готовилась къ смерти. „Пособоровавшись“, она причащалась теперь каждое воскресенье; она уже не ругала молодыхъ черницъ, не грозила кулакомъ „матерямъ“, не объѣдалась по-прежнему. Всегда въ чистой „срачицѣ“, съ руками на груди крестомъ, неподвижная, она имѣла видъ покойницы. Если она заговаривала, то только „о своемъ часѣ, когда Господь по ея грѣшную душеньку пошлетъ“. Ея калейница, сестра Нимфодора, не покидала ее. Однажды, ночью, игуменья тихо позвала Нимфодору. Чуткая сестра подошла къ ней.

— Страховать мнѣ Нимфушка, пожаловалась ей старица. — Стань на молитву; зажги страстную свѣчу у иконъ, клади трижды сто земные поклона; за каждымъ читай: „да воскреснетъ Богъ!“ Бѣсъ ко мнѣ приступаетъ и ты бы его, сестрица, не убоялась, когда на поклоны, на молитву станешь; не зри, не внимай: то тебѣ будетъ дьявольское навожденiе“.

Нимфодора стала на поклоны, на молитву, зажегши страстную свѣчу. Когда къ свѣту она подошла къ хворой старицѣ, сказать ей, что исполнила по ея приказу, игуменья Сандулея по-прежнему лежала недвижима. Нижняя челюсть отвисла, глаза остановились, лицо въ мелкихъ морщинахъ потемнѣло, носъ почернѣлъ. Она уже охладѣла.

— Мать скончалась! вскрикнула Нимфодора, опускаясь на колѣни и цѣлуя мертвую руку.

Ударилъ печально колоколъ. Черныя фигуры рясофорныхъ монахинь одна за другой наполнили келью. За ихъ рядомъ толпились

сестры и послушницы. Послѣ суетливаго „убиранія“ опочившей, исполненъ былъ въ строгой молчаливой торжественности обрядъ „послѣдняго цѣлованія. Рясофорныя „матери“, а за ними сестры и послушницы въ поясъ поклонились сестрѣ Нимфодорѣ.

— Тебя, честна сестра Нимфодора, просимъ въ игуменьи мѣсто! обратилась къ ней толстая мать—казначая Иродица. — Всей обителью нашей просимъ!

Мать казначая снова поклонилась, а матери и сестры въ подтвержденіе ея просьбы единогласно сказали: „Просимъ!“ Черныя шапочки, подъ черными покрывалами, одновременно, въ поясъ, поклонились Нимфодорѣ.

Молодая сестра растерялась. Предлагалась ей такая высокая духовная честь. Достойна ли она ея? Справится ли ей мало опытной съ бременемъ начальствованія? Правда, покойная мать Сандулея давно и настойчиво утверждала, что быть по ней игуменьей сестрѣ Нимфодорѣ; и черницы привыкли смотрѣть на нее, какъ на свою будущую настоятельницу; но въ эту минуту она испугалась ответственности, которую ей предлагали, боялась взять ее на себя. Она заплакала, не зная, что имъ отвѣчать.

— Благодарна вамъ, честныя матери и сестрицы, кротою сказала она, справясь съ своимъ смущеніемъ. — Предлагаете мнѣ честь не заслуженную. Достойнѣе меня, старше, разумнѣе сыщется изъ нашихъ обительскихъ матерей... Хотя бы вотъ мать казначая Ирода? Я же, сами знаете, не рясофорная еще...

— Завтра, во время службы церковной, примешь большой постригъ, сестра, настойчиво возразила ей мать казначая.—Послано за игуменомъ Манассіей. Опричь тебя некому изъ насъ игуменствовать, сестра... Всѣмъ соборомъ тебя во игуменью просимъ!

— Просимъ! повторили громко матери и сестры.—Не откажись! Опять черныя шапочки, подъ черными покрывалами, одновременно торжественно въ поясъ поклонились Нимфодорѣ.

— Воля Божія! съ глубокимъ смиреніемъ прошептала она, опустивъ свои большіе голубые глаза въ полъ и вся трепеща. Ничего не видя за слезами, она упала на колѣни и въ ноги поклонилась матерямъ. Мать казначая подняла ее.

Старицы, а за ними сестры, по обычаю, одна за другою подходили „къ рукавѣ“ новой игуменьи, цѣловавшей каждую трикраты въ щеки.

Въ воскресенье толпы народа наполняли не только церковь, но и дворъ курскаго женскаго монастыря. Пятьдесятъ сотенъ военной рати, вооруженной Косолапомъ, выстроились противъ монастырскихъ воротъ, на пустырь. Въ церкви шла служба соборно. Служилъ игумень Манассія. Косолапъ, въ посконной длинной рубахѣ, подпоясанной веревкой, босой, безъ шапки, стоялъ на колѣняхъ на паперти съ смиреніемъ всенароднаго кающагося грѣшника. Всякому проходив-

шему въ церковь онъ билъ земной поклонъ, съ словами: „простите, православные, меня, окаяннаго Василья!“ И каждый проходившій модельщикъ, крестясь, торопился сказать:

— „Господь тебя проститъ, Василій!“

Послѣ литургіи оглашенныхъ, расофорныя старицы ввели Косолапа въ церковь и поставили его, на колѣняхъ же, противъ царскихъ вратъ. Шло торжественное постриженіе сестры Нимфодоры въ иноческій чинъ, а потомъ поставленіе ея во игуменью. Старый бояринъ, въ сердечномъ умиленіи, плакалъ все время печальнаго и высокого обряда; плакали матери и сестры и предстоявшіе...

Послѣ обѣдни, игумень Манассія далъ всенародно Косолапу отпущеніе „грѣховъ содѣянныхъ“. Царскія врата были отворены. Косолапъ на крестѣ и евангелии повалился не падить живота своего въ поднимаемой имъ борьбѣ за православную Русь, и служить русскому царю, кого землѣ русской Господь уважаетъ. Въ заключеніе онъ поцѣловалъ влинозъ своей сабли.

Затѣмъ атаманы и сотники „охочекомоннаго полка“ Косолапа одѣли его на паперти въ лазоревый суконный казакинъ, трухменку съ алой выпушкой, длинные сапоги; препоясали его саблей и посадили въ богатое сѣдло, на коня, красу боярскихъ косяковъ. Ера, въ званіи стремяннаго, везъ за нимъ войсковою бунчукъ: чернѣйшій конскій хвостъ, волновавшійся на пикѣ.

— Хоть куда молодцы! громко похвалилъ свою сотню старый бояринъ, не безъ сожалѣнія провожая северяковъ, пестрѣвшихъ московскими казаками, въ смушковыхъ шапкахъ, и досадуя, что уже не въ силахъ самъ вести ихъ на великое земское дѣло.—Женишки! свои бабы не признаютъ!..

Игумень Манассія отслужилъ курскому ополченію молебствіе, окропилъ его святой водой, напутствовалъ горячимъ увѣщаніемъ, снабдилъ „христоробивыхъ воевъ“ иконой. Заголосили и взвыли бабы, пестрой толпой окружившія уходившихъ на рать мужей, отцовъ, сыновей и братьевъ.

— Съ Богомъ, братцы! крикнулъ Косолапъ.

— Съ Богомъ! подхватили сотни.

— Съ Богомъ! повторили конные ратники.

— Съ Богомъ! напутствовалъ ихъ народъ.

— Прощай, сынъ мой названный и кровный, Василій! Храни тебя и рать курская заступница, мать Божія Коренская! въ послѣдній разъ сказалъ бояринъ Косолапу, поскакавшему впередъ, и благословилъ его вслѣдъ дрожащею рукою.

Курское населеніе уныло, въ тяжеломъ молчаніи, глядѣло на уходившія въ даль, на кровавую встрѣчу съ недругами, свои силы. Уходили сотни, подыавшія тучи пыли, въ которой густымъ волнующимся гѣсомъ краснѣлись дровки пикъ и блестяли ихъ острія; а бабья го- лосьба пуше разливалась сердечными, нелживыми слезами...

Пики скрылись за горой, пыль улеглась...

— Ну, игумень, сказалъ ему бояринъ, — теперь за монастырѣкъ твой Коренскій возьмемся. Обрядимъ его...

XVII.

„Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ стыда въ глазахъ,
Нѣтъ стыда въ глазахъ, ни совѣсти!
Нѣтъ у молодца заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки!
Зазнобилъ меня любезный другъ,
Зазнобилъ, сердце повысушилъ;
Безъ краснаго солнца высушилъ,
Безъ морозу сердце вызнобилъ.
Я сама дружка повысушу,
Не зельями, не кореньями,
Безъ морозу сердце вызноблю,
Безъ краснаго солнца высушу!
(Русская пѣсня, изъ собр. Сахарова).

Вернемся назадъ въ Москву бѣлокаменную.

Настало время, когда княжна Марія Ростовская должна покинуть свой тихій дѣвичій теремъ. Морозный январскій день стоялъ веселый. Людная дворня еще наканунѣ прорѣзала лопатами отъ воротъ къ крыльцу широкою дорогу въ высокихъ снѣжныхъ сугробахъ, завалившихъ дворъ. Дорога походила на глубокой ровъ съ отвѣсными снѣжными стѣнками, то синѣвшими въ тѣни, то какъ сахаръ сверкавшими на солнцѣ. Дворецкій Шульга суетливо бѣгалъ по дорожкѣ, пробитой ногами челядинцевъ по высокимъ сугробамъ. Все привлекалъ, бранился, сердился. Высокое крыльцо съ точенымъ баласникомъ чисто выметено и покрыто яркими дорожными коврами; по сходнямъ спускается полоса алаго сукна. Оголенные старья липы сада тяжело обвѣшаны бѣлыми инеемъ; на нихъ чернѣютъ надувшіяся галки. Широкой дворъ ростовскій полонъ возковъ, саней, изъ которыхъ бросаются въ глаза богатня сани жениха-царя съ высокимъ задкомъ и красиво изогнутымъ передкомъ, — „kozyремъ“; сидѣнье и спинка обиты малиновымъ алтабасомъ; малиновый алтабасный же „знамать“ на темно-буромъ медвѣжьемъ мѣху, съ пушистыми шелковыми кистями; сани бѣлыя, лакированныя, пестро изукрашенныя по „ребрамъ“, задку и козырю яркою позолотою и голубыми „жилками“, то-есть отводками лазоревой краски; жениховъ возница, видный, рослый, безусый парень, одѣтъ въ малиновый бархатный длинный кафтанъ, съ бобровымъ воротомъ и бобровой оторочкой, совсѣмъ

прикрывавшемъ бѣлыя какъ мѣлъ валенки, подпоясанъ широкимъ парчевымъ кушакомъ, въ высокой бобровой шапкѣ и зеленыхъ замшевыхъ рукавицахъ; четыре бѣлыя рослая лошади впряжены „цугомъ“, одна за одной, въ лакированныхъ хомутахъ, обсыпанныхъ золоченнымъ наборомъ; цвѣтныя мохры висятъ до самаго снѣга; на каждой лошади по „сороку“ соболей; каждую лошадь держать подъ устцы безусый, наподборъ молодецъ къ молодцу, конюхъ, всѣ въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, подбитыхъ лисцей, въ лисьихъ шапкахъ, въ парчевыхъ поясахъ. Дуга высокая, росписная. И бояре,— „поѣзжане“, не ударили лицомъ въ грязь: одинъ передъ другимъ щеголями выѣхали, челядь свою разодѣли. Дворецкій, по обычаю свадебному, угостилъ „поѣздъ“ на славу. Поѣзжане на-веселѣ ѣли крупитчатые валачи съ начинкой и добросовѣстно заводили ругань, пересыпанную насмѣшливымъ остроуміемъ и грубымъ хохотомъ; у каждого на рукавѣ и на шапкѣ былъ повязанъ платокъ, котораго цѣнность обуславливалась значеніемъ его боярина въ поѣздѣ; были платки шелковые, бумазейные, а больше миткалевые, — дареніе невѣсты-княжны. Дворецкій Шульга безотходно распоряжался у бочекъ съ пивомъ и зеленымъ виномъ. Лотки съ горячими пирогами и кусками мяса быстро расходились въ тѣснившейся къ нему толпѣ. Едва успѣвали одѣлать стрѣльцевъ стреляннаго полка, поѣзжанъ и нищихъ; красныя стрѣлцкіе кафтаны съ бѣлыми басонами по груди ярко выдѣлялись среди лохмотья и плохой одёжки нищей брата.

Между тѣмъ, княжна въ терему горько рыдала, припавъ на грудь матери. Вволю наплакавшись въ нѣжныхъ объятіяхъ тоже плакавшей матери, княжна вспомнила, наконецъ, что „пора“.

Молодые подружки стали ее одѣвать и обувать, „къ вѣнцу наряжать“. Красныя дѣвушки дружно въ ладъ пѣли свадебную пѣсню:

„Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка!
Красно-солнышко, родима матушка
Не бейте вы полу о полу,
Не хлопайте вы пирогъ о пирогъ,
Не пробивайте вы меня бѣдную,
Не давайте вы меня горькую,
На чужу дальнюю сторонушку,
Къ чужому отцу, къ чужой матери.
Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалостныи уродилиса:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ соломѣ у нихъ гнѣвъ раскапается
Насижусь-то я у нихъ, бѣдная,
На концѣ стола дубоваго,
Нагляжусь-то я, наплачуся...“

Мать-княгиня залюбовалась красавицей дочерью съ понятною материнскою гордостью.

— Вся-то ты въ меня, Машенька, шептала она, вспоминая свою собственную молодую фигуру въ подвѣнечномъ платьѣ и тотъ радо-

стный день, когда сама вѣнчалась. Нѣтъ! Она веселѣе шла подъ вѣнецъ, нежели дочь. У дочери кручина на сердцѣ. Чего жъ ей еще надо? вѣдь въ царяцѣ идетъ? Пусть ее поплачетъ: съ семьей родной жаль расстаться. Дѣвушки тою же одной дорожкой всѣ идутъ. Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Было такъ и будетъ, должно, до скончанія вѣка. А тяжело ей, бѣдняжечкѣ,—убивается.

— Горлинка ты моя!.. Что это вы, дѣвушки красныя, пѣсенку спѣли такову, аль ни душенька надрывается? обратилась княгиня къ пѣсельницамъ. — Вы бы, красныя, веселеньку! порадуите невѣсту! Ну-те, повеселѣе съиграйте, дѣвочки милыя!

Красныя дѣвушки переглянулись, пошептались, и громко загѣли веселую пѣсенку:

„На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька.
Приходилъ къ ней батюшка,
Будилъ ее, побуживалъ:
— Ты, Машенька, пойдемъ домой!
Ты, Петровна, пойдемъ домой!—
Я неиду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.
На горѣ стоитъ елочка
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька,
Приходила къ ней матушка,
Будила, побуживала:
— Машенька, пойдемъ домой!
Петровна, пойдемъ домой!—
Я неиду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.
На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька;
Приходитъ къ ней Василій,
Василій, сударь, Ивановичъ,
Будилъ ее, побуживалъ:
— Машенька, пойдемъ домой!
Душа Петровна, пойдемъ домой!—
Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь свѣтла и мѣсячна,
Рѣки тихи, перевозъ есть,
Лѣса темны, караулъ есть!“

— Вотъ такъ пѣсенка! спасибо вамъ, дѣвушки! благодарю, красныя! Повеселили мнѣ невѣсту! говорила княгиня, одаривая пѣсельницъ яркими платками и атласными лентами.—Уберитесь, голубушки, на нашей на радости: надѣвайте платочки, вплетайте въ косынки

дѣвичьи ленты цвѣтныя! Всѣмъ бы намъ утѣшаться да здравія и счастья невѣстѣ пожелать, съ честью ее къ вѣнцу проводить. Играйте, играйте пѣсни подвѣнчныя! По родительскому обычаю проводимъ невѣсту. И вамъ бы, красныя, женишковь въ сапожкахъ, молодыхъ да кудрявыхъ!..

— Спасибо, матушка княгиня! Довольны твоей лаской, веселымъ дареньемъ! Поиграемъ невѣстѣ честной пѣсенки, потѣшимъ душеньку дѣвичью!

Пѣсельницы стали величать жениха:

А кто у насъ господинъ,
А кто у насъ дворянинъ?
Василій, сударь, господинъ,
Ивановичъ, сударь, дворянинъ!..

Царева невѣстка, княгиня Екатерина Григорьевна, постельничная боярыня будущей царицы, по окончаніи „величальной пѣсни“ раздала, отъ женихова имени, пѣсельницамъ по новенькому золотому ефимку каждой, да по шелковой тѣлогрѣѣ на зайцахъ. Она имъ сказала:

— Проводили-бъ вы, красныя удалыя пѣсельницы, царскую невѣсту; ѣхали-бъ вы въ поѣздѣ. Женихъ, государь, на величаньи вамъ благодаренъ; жалуетъ васъ, чести своей высокой ради.

— Благодарны остаемся на царской милости, на жениховомъ дареньи! съ поклономъ отвѣтили пѣсельницы. — А въ честномъ невѣстиномъ поѣздѣ въ тѣлогрѣяхъ будемъ!

И „заиграли“ другую величальную.

„Сѣнныя“, молодыя боярны, назначенныя къ будущей царицѣ „на сѣни“, держали на рукахъ коробъ съ уложеннымъ въ немъ богатымъ подвѣнчнымъ платьемъ и другой—съ собольей шубкой, крытой камкой кизильбашской, но золотой землѣ травы: шелкъ червчатъ, бѣлъ, лазоревъ; тутъ же были чоботы: бархатъ алъ гладкій; подъ чоботами скобы серебряны; подкладка тафта желтая. Въ третьемъ коробѣ—лѣтникъ, въ обьари по бѣлой землѣ, по ней травки золотныя; бобровый воротъ „на пухъ“; „вошвы“ нашиты—нѣмецкое дѣло, дѣланы по атласу червчату золотомъ волочнымъ съ канителью цвѣтною; въ травкахъ низано скатнымъ жемчугомъ. Это были сегодняшніе подарки жениха. Прежніе: безцѣнное ожерелье, серьги, запястья и перстни—сверкали на столѣ своими самоцвѣтными камнями.

Одѣли невѣсту, осмотрѣли со всѣхъ сторонъ. Мать и княгиня Екатерина Шуйская, набѣленная и нарумяненная, съ подведенными бровями, по внимательномъ осмотрѣ пышнаго наряда, остались имъ довольны. Подружки невѣсты ахали отъ восхищенія, утверждая, что съ-роду не видѣли ни такой красавицы невѣсты, ни такихъ жениховыхъ даровъ,—подлинно-де царская невѣста! Накрашенная княгиня Шуйская самодовольно посмѣивалась, съ всегдашнею своею надменностью озирая красавицу, которая, входя къ нимъ, въ ихъ знатный

родъ въ родню, вотъ-вотъ станеть ея государьней. Завистливый характеръ дочери Малюты Скуратова заранѣе усматривалъ въ ней женщину, владѣющую всѣми женскими чарами, чтобъ подчинить себѣ стараго мужа, и умомъ, способнымъ отдалить отъ него ихъ, царскихъ невѣстокъ. Она ревновала уже „новую“ невѣстку къ ея будущему значенію и принимала его, въ душѣ, какъ оскорбленіе своему достоинству. Впрочемъ, княгиня Шуйская старалась быть ласковою съ невѣстой и даже поцѣловала ее по-родственному, назвавъ „красавицей писанной“.

Когда, совсѣмъ готовая подъ вѣнецъ, княжна помолилась Богу на образъ, мать-княгиня еще разъ оглянула ее съ безпокойствомъ матери, выдающей замужъ единственную дочь, да еще за государя. Ничто, ни малѣйшая складка на рукавѣ, ни морщинка на тальѣ, не ускользнули отъ ея вниманія.

Княжна поцѣловалась со всѣми подружками, пѣсельницами и боярынями и, скрѣпивъ сердце, вышла изъ своего дѣвичьяго терема навсегда. „Сынная“ боярыня бережно несла въ рукахъ длинный хвостъ ея тяжелаго сарафана; сзади шли мать, боярыни и всѣ „повъзжанки“.

Въ большой столовой свѣтлицѣ невѣсту ждалъ протопопъ Успенскаго собора со крестомъ и протодіаконъ, въ полномъ облаченіи. Царственный женихъ терпѣливо короталъ время, бесѣдуя въ другой горницѣ съ своимъ посаженнымъ отцомъ, княземъ Мстиславскимъ, и братомъ, княземъ Дмитріемъ. На столѣ красовались пять иконъ въ дорогихъ оладахъ; на полу персидскій коверъ, а на коврѣ, рядомъ, двѣ алыя бархатныя подушки. Вся эта торжественность, блескъ парчевыхъ ризъ, богатство женихова кафтана и строгое молчаніе, которое встрѣтили невѣсту посаженные отцы и посаженыя матери, не могли не смутить и безъ того смущенную княжну. Она почувствовала себя во власти новаго, еще ею неиспытаннаго чувства страха. Особенно смущалъ ее пытливый взглядъ стараго жениха. И все глядѣло на нее въ эту минуту такъ строго, все внушало ей ожиданіе и близость чего-то невѣдомаго, таинственнаго... Вотъ старый женихъ, кротко ей улыбаясь, беретъ ее за руку и оба становятся на коверъ; напротивъ ихъ рядомъ стоятъ: мать ея родная, отцы посаженные и матери посаженыя; у всѣхъ въ рукахъ по иконѣ.

Прекрасная стоитъ она въ бѣломъ штофномъ сарафанѣ, блестящемъ золотымъ кованымъ позументомъ, жемчугомъ и ласами, подъ серебрястымъ, прозрачнымъ покрываломъ. Дѣвичье смущеніе только возвышаетъ ея красу. Опустясь вмѣстѣ съ женихомъ на бархатную подушку, она покорно склонила свою черноволосую головку подъ старый образъ Спаса Нерукотвореннаго. Ее не покидало сознаніе своей красоты, которою любятъ здѣсь всѣ, а всѣхъ больше старый женихъ. Она цѣлуетъ образъ, материнскую руку, ее благословившую; но не можетъ молиться: не до того ей. Со двора доно-

сятся веселые звуки колокольчиковъ, хохотъ челяди, ржаніе и фырканье лошадей. То свадебный поѣздъ ее ждетъ... Сейчасъ въ церковь! Сейчасъ все для нея кончится!..

„Молодые“ вышли изъ Успенскаго собора при громогласномъ пѣніи многолѣтія царственной четвѣ. Пѣлъ хоръ чудовскихъ монаховъ. Съ преднесеніемъ креста и горящихъ свѣтъ, „молодые“ слѣдовали по царскому чину, по суконнымъ алымъ половикамъ, длинной лентой стлавшимся по свѣжной площади отъ паперти до краснаго крыльца кремлевскихъ каменныхъ палатъ. Прикрытая легкой фатой, поддерживаемая супругомъ, молодая красавица-царица медленно проходила между рядами тѣснившихся бояръ и служилыхъ людей, низко кланявшихся и поздравлявшихъ „государя со молодой государыней“; на паперти милостыньку нищимъ во здравіе „молодого“ раздавалъ князь Мстиславскій, а во здравіе „молодой“— „верховая“ боярыня, княгиня Екатерина Григорьевна Шуйская.

Живыя стѣны стрѣльцовъ, въ красныхъ кафтанахъ, съ мушкетами на плечѣ, оберегали длинную полосу алаго сукна отъ толпившагося за ними народа. „Молодая“ желала скорѣе дойти до богатыхъ царскихъ саней, обитыхъ внутри алтабасомъ и запряженныхъ пугомъ, въ четыре бѣлыя лошади. Эти сани очень ей понравились со всею упряжью, съ красивыми возницей и конюхами. Въмѣсто конюховъ, лошадей держали теперь подъ-узцы бояре. Вдругъ, поднявъ голову, она встрѣтилась съ упорнымъ мужскимъ взглядомъ, показавшимся ей знакомымъ. Знакомая остриженная бѣлокурая голова и красивое знакомое лицо молодого казака заставили ее вздрогнуть. Она узнала пана Дворжицаго. Столько отчаянія прочла она на этомъ красивомъ, миломъ ей лицѣ! Она почувствовала, что изнемогаетъ, что ноги ея подкашиваются, въ глазахъ темнѣетъ... Супругъ во-время ее поддерживалъ. Почти безчувственную бояре посадили ее въ сани.

Во дворцѣ поднялись, конечно, „соблазнительныя“ рѣчи: „де молодую царицу испортили“. Остановились на убѣжденіи, что „сдѣлано колдовство на царицынъ слѣдъ“. Нашлись извѣтчики, видѣвшіе какъ женка Улька-Козлиха, ворожея, на слѣдъ „молодой“ посыпала пепель. „Пепель-де тотъ отъ сожженнаго ворота женской рубашки, наговоренъ на лихое дѣло. А та-де кривая ворожея Улька мужей приворачиваетъ и наговорныя слова говорить“.

Князь Дмитрій Ивановичъ, государевъ „братенежъ“, по извѣту тому приказалъ взять ту ворожею Ульку въ застѣнокъ и пыталъ ее на-крѣпко. „И ворожея Улька съ пытки, съ огненнаго женья, учела виниться и плакать, и во всемъ созналась: до свѣта-де, кочеты пропѣли, сыпала пепель съ наговоромъ по слѣду царициному, какъ ей идти отъ саней на паперть Пречистыя Успенія; потайно сыпала, а наговоръ не на лихое дѣло, а по науѣ княгини Анны Тимофѣевны, чтобъ государь Василій Ивановичъ ея дочь, государыню Марію Петровну, въ любви своей супружеской держалъ и въ своемъ госуда-

ревомъ жалованьи, а вѣроть-де отодрала княгиня Анна отъ дочерней рубашки, а она, Улька, вѣроть сожгла на опостѣѣ у печи съ наговоромъ; а наговоръ она, Улька, сказывала такой: какъ люди смотрятся въ зеркало, такъ бы мужъ, Василій Ивановичъ, смотрѣлъ на свою младу жену Марьюшку, да не насмотрѣлся; а соль съ мыломъ дала она, Улька, княгинѣ Аннѣ наговорныя не на лихое-жъ дѣло, а наговорныя ея слова такія: сколь борзо мыло смоеется, столь бы де скоро мужъ жену полюбилъ; какъ ту соль люди въ ѣствѣ любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ; а рубашка-де какова на тѣлѣ бѣла, столь бы де мужъ былъ свѣтель. А наговаривала де она, Улька, по княгининому, Анны, моленію и за то отъ княгини дары получила. А въ порчѣ царицой не виновата. И то на нее по сердцамъ людской обговоръ. Лихимъ словомъ не наговариваетъ. А она, Улька, жабу у кого прилучится во рту уговариваетъ: святей Ангелъ хранитель, умири и исцѣли; да горшки на брюхо наматываетъ и дѣтей больныхъ, наговора на воду, смываетъ“.

Про свой розыскъ князь Дмитрій, конечно, не сказывалъ „молодому“, „ради особеннаго случая“, то-есть, чтобы не тревожить брата, забывшаго въ этотъ счастливый день своей жизни „доуку“ правительственную. Тѣмъ не менѣе, князь Дмитрій, глазъ на глазъ, только въ присутствіи своей жены княгини Екатерины, распросилъ „святьюшку“ Ростовскую, княгиню Анну, и „привелъ ее въ раскаяніе“.

— Съ ума ты это рехнулась, святьюшка! учаль ее „срамить“ князь Дмитрій.—Какую дѣль затѣяла: на царицѣ слѣдъ колдовать? Впрямь ты ума своего рѣшилась!

— Охъ, рѣшилась я, глупая, ума своего, сваточекъ милый! Съ самой съ покойниковой, князь Петра смерти! Истину говоришь! согласилась съ княземъ Дмитріемъ Ростовская княгиня, плача. Она не на шутку испугалась при мысли: не повредила ли она „наговоромъ“ дочери-царицѣ, вмѣсто того, чтобы ей помочь быть любимой мужемъ.—И, сватокъ милый, гдѣ-жъ-таки ты бабу вдовую да умной видѣлъ? Ну, только мать я своей дочери родная, не хотѣла ей дурна, хотѣла своимъ „молодымъ“ совѣта да любви. Господь Создатель свидѣтель. Лиходѣница ли я своимъ дѣтамъ? Тотъ „наговоръ“ Улькины не на лихое дѣло—самъ вѣдаешь... Съ глупаго бабьяго разума вздумала. Въ томъ виновата! И ты бы меня, князь, сватокъ милый, бабу глупую извинилъ по родству, и про Улькины наговоръ царю, зятю моему, и дочкѣ моей, царицѣ, не сказывалъ бы: пусть ихъ нынче другъ на дружку радуются, да насъ, свою кровную роденьку, жалуютъ!

Не стерпѣла, заговорила гордая княгиня Екатерина, относившаяся вообще къ сватѣ съ нескрываемымъ и обиднымъ для нея высокомеріемъ. Нарумяненное и набѣленное лицо ея, когда-то бывшее красивымъ, но никогда не бывшее приятнымъ, исказилось недоброй усмѣшкой, тонкія впадины раздулись. Она обрадовалась случаю на нее напасть.

— Быть бы тебѣ, Анна Тимофѣевна, ниже травы, тише воды, а ты вонь что затѣяла! укоризненно замѣтила княгиня Екатерина. — Потому братецъ Василій изъ навозной кучи — извини — дочку твою подобралъ, царицей нарекъ; а вы съ дочкой всѣхъ вѣдьмъ московскихъ за то на царя напустили, отблагодарили! Ты бы, сватья, лучше дочку свою, красавицу, въ дѣвкахъ держала въ строгости и законѣ; не бѣгала бы по садамъ ночами съ польскимъ паномъ; не цѣловалась бы да не миловалась бы съ нимъ! Волю ты дѣвкѣ дала, потатчица!

Материнское достоинство заговорило въ простодушной Ростовской княгинѣ и она, глубоко обиженная за дочь словами княгини Шуйской, ей возразила:

— Не тронь моей дочери, княгиня Катерина Григорьевна! Не безчесть молодую царицу! Не клади покора на честь дѣвичью! Грѣшно вѣдь: у самой у тебя дочь дѣвка; но злобѣ своей то говоришь! Не бѣгала моя дочь въ дѣвкахъ по садамъ; съ какимъ такимъ польскимъ паномъ цѣловалась-миловалась? Богобоязной скромницей вышла дочка моя замужъ, честной дѣвицей, за твоего братца Василья Ивановича! я такой несносной для себя порухи не ждала я отъ тебя, сватья!.. Грѣхъ! Сама ты мать: отольются тебѣ, Катерина Григорьевна, материнскія слезы!.. Богъ съ тобой!..

— Нечего реветь по-коровьи, Анна Тимофѣевна! входя въ пущій задоръ, продолжала княгиня Шуйская. — Моей дочери ты съ своей не ровная, даромъ что твоя въ царскія палаты попала! Планида ей вышла, ея счастье! По красотѣ, не по достоинству царица... Залетѣла ворона въ высокія хоромы!.. Теперь попалъ бычокъ на веревочку; старому мужу глядѣть теперь въ глаза молодой женкѣ! Ночная кукушка перекукуетъ дневную! Какъ же: мы, невѣстки государевы, держись теперь отъ него подальше. „Новая“ роденька съ Разгуляя наѣхала: мы ей должно опасны. Надо, видишь, приколдовать царя къ супругѣ!.. Небойсь, Анна Тимофѣевна, красавица дочка твоя съумѣетъ безъ Улькинова наговора приворожить къ себѣ царя. Старики вѣдь похотливы. Изъ своего старика молодая царица хоть веревки вей! Не надышется вѣдь на нее сдуру!.. Не обидѣла я тебя, сватья: послушай-ка, что про твою дочку говорятъ? Соблазнъ одинъ!..

— Не тронь мою дочь, Катерина Григорьевна! гнѣвно и требовательно воскликнула Ростовская княгиня, напоминая собою раздраженіе насѣдки, отбивающей слабымъ крыломъ воршуна отъ своего цыпленка. — Завидки, вижу, тебя берутъ: моя-де дочь красавица, а твоя сквернорожая!.. Сердце свое на мнѣ вымѣщаешь?.. грѣхъ!.. сама ты мать!..

— Будетъ! не твое дѣло: отстань! строго приказалъ женѣ князь Дмитрій, нахмурясь и указавъ ей рукою дверь. — Слышала?

Княгиня Шуйская вышла изъ горницы, не осмѣлая послушаться воли мужа, крутого въ своихъ домашнихъ распорядкахъ. Внѣ себя

отъ раздраженія, она продолжала поносить „молодую“, подобранную въ навозной кучѣ на Разгуляѣ...

Наконецъ-то! разѣхались гости, отбыть свадебный столъ, потушены огни...

„Молодой“ и въ то же время старый мужъ, Василій Ивановичъ, оставшись одинъ, уже раздѣтый въ своей горницѣ, склонился на бархатную подушку скамьи и перевелъ духъ, какъ сильно усталый. Да! душой усталъ онъ! Столько тяжелыхъ ощущеній пришлось ему пережить въ его отношеніяхъ къ красавицѣ невѣстѣ, пока онъ достигъ этого счастливаго дня, этого ночнаго часа! Что онъ ему сулитъ? Въ счастіѣ супружества, въ тишинѣ домашней жизни съ любимой женой и любящей — онъ ждалъ успокоенія многострадальной души, отдыха и утѣшенія въ повседневномъ огорченіи правительственныхъ заботъ и неудачъ; достигъ ли онъ осуществленія своей многолѣтней, лучшей мечты? Оправдались ли его человѣческія надежды въ этотъ день, который кажется ему счастливымъ? Какого рода счастье принесъ онъ ему? Онъ, нежеланный теперь государь, на кого возстанутъ его подданные, въ то же время и мужъ нежеланный. Красавица жена не только не любитъ его, но любитъ другого и по немъ, по этомъ другомъ, страдаетъ; не по своей волѣ она его жена; не за Василія Ивановича Шуйскаго вышла, а за русскаго царя. Есть у него жена любимая, но нѣтъ у него жены любящей. Одинокъ онъ по-прежнему; не дождалась его многострадальная душа того, что такъ долго напрасно просила!..

Онъ бросилъ взглядъ на затворенную дверь опочивальни. Тамъ, за этою затворенною дверью, уже легла его молодая жена, ждетъ его... Нѣтъ! не ждетъ она его, немилаго! Она ждетъ его не какъ желаннаго сожителя и друга, а какъ трепещущая жертва ждетъ своего убійцы... Того ли ему хотѣлось?.. Но вѣдь конечно: она его жена, онъ не только можетъ, онъ долженъ къ ней идти...

XVIII.

„У насъ бѣлый царь надъ царями царь,
И онъ держитъ вѣру крещеную,
Вѣру крещеную, богомольную;
Стоитъ за вѣру христіанскую,
За домъ Пресвятыя Богородицы.
Всѣ орды ему преклонилися,
Всѣ языки ему покорилися:
Потому бѣлый царь надъ царями царь“...
(„Стихъ о книгѣ Голубиной“).

„Запустѣлъ“ московскій столъ: бояре „свели съ государства“ царя Василя Ивановича Шуйскаго. Иновѣрца, чужеземца, польскаго королевича Владислава признали своимъ русскимъ государемъ тѣ изъ московскихъ бояръ, которые завистливо и недоброежелательно смотрѣли на возвышеніе достойнѣйшихъ и родовитѣйшихъ изъ русскаго своего боярства. Именно эта недоброежелательная зависть къ Шуйскому, какъ представителю стараго поколѣнія бояръ, сломленнаго Иваномъ III-мъ и Грознымъ, разшатала московское государство и поставила его на краю пропасти. Въ гибельную минуту проснулось народное сознаніе. Въ тѣхъ, кто призывалъ иновѣрнаго и иноплеменнаго человѣка въ русскіе государи, народъ видѣлъ измѣнниковъ своихъ и за ними не пошелъ. „Смута“ отрезвила, наконецъ, народныя массы и укрѣпила духъ лучшихъ русскихъ людей. Народное чувство было оскорблено занятіемъ бѣлокаменной Москвы, съ ея народною святынею — Кремлемъ, польскими полками. Далеко, во всѣ концы обширной русской земли, доходили „увѣщательныя“ громоты кирь-патріарха. Святитель, жившій въ Москвѣ, на своемъ дворѣ „подъ страхомъ“, не убоясь угрозъ Салтыкова и Гонсѣвскаго и даже смерти, благословлялъ и „велѣлъ духовнаго и мірскаго чина людямъ за домъ Богоматери и за землю русскую единомыслить и на время ополчиться“.

И сердцемъ неживымъ внималъ повоеванный, обиженный русскій народъ святительскимъ посланіямъ. Голосъ кирь-патріарха былъ голосомъ „земли“.

— Если королевичъ не крестится въ христіанскую вѣру и Литва изъ московской земли не выйдетъ, то онъ намъ не государь! твердо сказалъ святитель, отказавшись наотрѣвъ, даже подъ поднятой надъ его старческой головой саблей Салтыкова, подписомъ своимъ утвердить грамоту, призывавшую на московское царство королевича.

И народъ повторилъ святительскія слова: „онъ намъ не государь!“

Встала русская земля въ защиту своей жизни, достоянья, церкви и своихъ правъ, нагло попранныхъ иноземцами и своими же ворами. Ополчался народъ. Земскія рати надвигалась съ понизовья, съ Рязани, съ сѣвера, отовсюду. Ополченія, ведомыя излюбленными земскими людьми, выросли какъ сказочный богатырь, охватывая Бѣло-

каменную матушку Москву. Неодолима „земская сила“ заступила мѣсто разрушеннаго государства. Какъ дружное весеннее тепло отовсюду гонить снѣгъ, такъ земскія рати дружно очищали русскую землю отъ грабительскихъ хоругвей польскихъ пановъ, казачьихъ таборовъ и воровъ, разсѣявшихся по ея безконечному пространству. Не польской „офарѣ“, не іезуитскимъ интригамъ считается съ русской народной силой. Повдно спохватившіеся бояре поняли, наконецъ, въ чью руку доигрались они, столько лѣтъ обнаруживая свою „шатость“ злонамѣренную, доведшую государство до гибели. Смогла зависть, поутихли счеты „мѣстами“. Опаматовались города и уѣзды, тянувшіе было за королевича, пристали къ „общему“ дѣлу. Громко жаловались смольняне: „де покорились королевичу ради спасенія православія и жизни“, а ихъ убиваютъ и въ латыню неволятъ. Не смотря на свою дородность тѣлесную, располагавшую къ лѣни, и на свою слабость сладко съѣсть и выпить, добродушный князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій очутился во главѣ народнаго движенія на понивовѣ. Изъ воеводы серпуховскаго, потомъ зарайскаго, онъ прямо сталъ народнымъ вождемъ-полководцемъ. Нравственная чистота и сильный духъ не укрылись въ этомъ ожирѣвшемъ, скромномъ слухомъ человѣкѣ отъ народной прозорливости. Своего героя, истинное человѣческое достоинство соединенное съ способностью, пригодными народу, народъ умѣетъ находить съ отличающаго его безошибочностью. Не ошибся онъ и въ князѣ Пожарскомъ, выбравъ его своимъ вождемъ. Скромный князь не погнушался сотоварищества простаго „говядара“, мѣщанина Козьмы Минина Сухорукаго. Два великіе гражданина своей земли, стоящіе на столь разныхъ ступеняхъ общественнаго положенія, своимъ живымъ примѣромъ поучали мѣстическое боярство обязанностямъ вѣрнаго сына отечества, призваннаго на служеніе ему, на его спасеніе. Истинный, по крайней мѣрѣ русскій, героизмъ никогда не расходится съ скромностью. Пожарскій— чисто русскій герой!

И рязанцы, эти „гордые высокоумни сущи люди“, выслали своего героя, Прокофія Ляпунова. Ляпуновъ представляется характеромъ, далеко не похожимъ на Пожарскаго. Его прошлое, отражавшее его пылкій духъ, беззавтнную отвагу, выдающіеся военные таланты и способность руководить своимъ краемъ,—не было такъ безупречно и чисто, какъ чистое, безупречное прошлое Пожарскаго. Ляпуновъ, герой безъ ясно сознаннаго идеала гражданина, видитъ всю свою жизнь, но прямо не идетъ. Свои убѣжденія онъ мѣняетъ, соображая ихъ съ обстоятельствами. Онъ не сильнѣе ихъ, онъ не самобитенъ, онъ увлекается врожденною дерзостью и безпокойнымъ духомъ, болѣе чѣмъ слушается своего разсудка. Онъ вѣрное олицетвореніе стараго рязанскаго населенія съ его безпокойнымъ духомъ, отрывавшимъ постоянно отъ Москвы съ ея единодержавіемъ старую Рязань. Какъ старая Рязань акшалась съ Литвой и татарами, въ видахъ ослабленія москов

сваго великаго князя и своей собственной независимости, такъ и Ляпуновъ съ рязанцами держать руку Лжедмитрія противъ царя Шуйскаго. Что Ляпуновъ зналъ о самозванствѣ того, за кого онъ бился какъ за истиннаго русскаго государя, это подтверждаетъ послѣдующее поведеніе его. Онъ перешелъ на сторону Шуйскаго, какъ только понялъ, что холошъ Болотниковъ и воеводы Лжедмитрія не расположены уступать ему главенства надъ ратью. Самъ порова въ именитные люди и сознавая, что ему своими „худыми“ родами величаться нечѣмъ, Ляпуновъ ненавидѣлъ „старый порядокъ“, съ мѣстами въ государствахъ, занятыми изродовымъ, именитнымъ боярствомъ; поэтому онъ ненавидѣлъ и представителя этого стараго порядка—царя Шуйскаго. Только этою ненавистью можно себѣ объяснить „подыскательство“ Ляпунова, предлагавшаго молодому „удачнику“, князю Скопину Михаилу, посадить его въ государя, а дядю его, Шуйскаго, съ государства свести. И теперь, воевоествуя надъ земскимъ ополченіемъ, онъ соединился съ казаками разбойниковъ Заруцкаго и Просовѣцкаго и съ „тушинскими“ боярами. Еще зазорнѣе того казалось народу въ поведеніи Ляпунова, что онъ принялъ было въ союзники пана Сапѣгу. Сапѣжинцы прослыли страшными насильниками и убійцами; Сапѣга держалъ въ злой осадѣ Троицкую Сергіеву обитель. „Неладно съ врагомъ явленнымъ совѣтаться русскому стратигу“, толковалъ народъ, и былъ правъ. Смирненіе Пожарскаго неизмѣримо выше тщеславности Ляпунова! Это сознавали ихъ современники, это еще виднѣе ихъ потомкамъ.

„Лихолѣтье“ настало для русской земли. Русскіе изъ-за Москвы-рѣки, изъ двухъ острожковъ, при каменной церкви, „били“ Кремль. Въ то время „навальнымъ приступомъ“ отбили у ляховъ ворота: Никитскія, Арбатскія, Чертольскія. Пятитысячкій Василій Косолапъ съ своими курянами ухитрился взять „пятиглавую“ высокую башню на „бѣлой стѣнѣ“, надъ Москвою-рѣкою. Спасибо, „добышь“ (барабанщикъ) одинъ къ нему перебѣжалъ. Что вы, говорить, москали глядите? Въ башнѣ одна рота поручика, всего три сотни жолгеровъ; внизу, говорить, въ нижнемъ поясу, порохъ и гранаты у нихъ спрятаны. Добышь указалъ ниже оконце. Въ то оконце Косолапъ собственноручно пустилъ двѣ зажонныя стрѣлы, одну за другою. Помогли отлично! Какъ почало рвать снизу, запылала деревянная четырехъ-ярусная башня—любо-дорого! Спасаясь отъ огня, ляшви, что муравьи изъ гнѣзда, спускаются изъ башни по веревкѣ на рѣку, а русскіе севрюки саблями ихъ сѣкутъ; много побили, остальные въ башнѣ сгорѣли. Поручика и хорунжаго Ляпуновъ отпустилъ на волю; еще похвалилъ: храбрые-молъ вы парни, держались долго. Косолапъ заслужилъ за свой подвигъ званіе дворянина.

Пожарскій съ Ляпуновымъ отобрали Бѣлый городъ, но поляки успѣли его зажечь. Москва запылала. Страшно колыхалось огненное море... при его зловѣщемъ заревѣ, при набатѣ еще не сгорѣвшихъ

церквей кипѣлъ кровавый бой: русскіе добывали свой стольный городъ, захваченный коварствомъ враговъ, убѣждаясь, что имъ достанется только пепелище. О Ляпуновѣ въ этотъ день такъ говоритъ простодушная „повѣсть“ Филарета Никитича:

...„Той же бодренный, разсмотрительный воевода всего московскаго воинства, властитель Ляпуновъ скачетъ по полкамъ всюду, аки левъ рыкая, направляюще воинство и вооружающе крѣпчеѣ побѣду на враговъ своихъ воспріяти“...

Не спускала съ этого страшнаго пожара своихъ большихъ черныхъ глазъ красивая, молодая инокиня, пригорюнившись у раскрытаго окна своей кельи въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Окно выходило въ поле, отдѣлявшее монастырь отъ столицы. Она вся какъ на ладони была. Въ сумеркахъ надвигавшейся весенней ночи, на темныхъ нависшихъ тучахъ дрожало красное злобщее зарево. Огненная буря, пожирившая старинный городъ, распространялась во всѣ стороны съ величіемъ неотразимаго несчастья; казалось, баснословный драконъ изрыгаетъ пламенные стрѣлы, разинувъ свою огненную, губительную пасть; безчисленные огненные языки, какъ бы подземные злые духи, вырвавшіеся наружу, пробѣгали, слизывая дома, храмы, строенія; только огненная, неумолимая стихія властвовала теперь безраздѣльно, отогнавъ обезумѣвшаго человѣка отъ его жилища и распорядясь вмѣсто него. Стольный городъ, охваченный огненнымъ кольцомъ, представлялъ собой одинъ громадный костеръ.

Есть зрѣлища, способныя ужаснуть женщину; случаются несчастія, которымъ она не вѣритъ даже тогда, когда ихъ испытываетъ; сила горя можетъ подавить въ женской душѣ всякое сознание этого горя; великость испытанія можетъ притупить самое воспріимчивое женское чувство. Гибель Москвы, пылавшей въ глазахъ молодой инокини, подавила въ ней, казалось, и сознание и чувство. Казалось, ея умъ, ея душа не могли вмѣстить въ себя всего ужаса, всей великости испытанія, которое она переживала, всей несправимости бѣдствія, котораго безмолвною зрительницею она была. Ея прекрасные глаза, широко раскрытые недоумѣвающимъ страхомъ, были бессильны оторваться отъ этого громаднаго огненнаго костра, поглотившаго столицу; она бессильна была дать себѣ отчетъ во всѣхъ послѣдствіяхъ этого пожара для себя и для многихъ тысячъ семей. Она глядѣла какъ безумная.

И можно было сойти съ ума женщинѣ въ положеніи молодой инокини. Съ высоты земнаго величія судьба бросила ее въ монастырскую келью. Блещущая красотой молодая царица — теперь насильственно постриженная, безвѣстная, всѣми забытая инокиня; счастливая жена разлучена съ любимымъ мужемъ. Вдругъ всего лишилась она, всего, что ей дорого, что она любитъ. Въ этой несчастной инокини родная мать съ трудомъ признала бы свою дочь красавицу, царицу Марію Петровну. Глубокое несчастіе не краситъ человѣка...

Она не о себѣ горевала, горевала о мужѣ. Только теперь, разлученная съ нимъ на вѣкъ, она увидѣла въ истинномъ свѣтѣ невзрачную фигуру стараго мужа и краше красавца пана сталъ онъ для нея. Старый, нелюбимый мужъ заставилъ и незамѣтно и легко красавицу жену полюбить себя; за его нѣжность, заботу, за счастье семейной жизни, что онъ далъ ей, она привязалась къ нему тихимъ, чистымъ, прочнымъ чувствомъ. Рожденіе дочери только осмыслило и укрѣпило нравственную связь между старымъ мужемъ и молодой женой. Глубокая скорбь отца, обнаруженная мужемъ по случаю смерти этого младенца, котораго появленіе на свѣтъ вызвало его неизъяснимую радость, пуще сблизила супруговъ чувствомъ ихъ общей утраты.

Смогли пушечные залпы, грохотъ и трескотня ружейныхъ выстрѣловъ, вопль, какъ бы несмолкаемый цѣлый день, сотенъ тысячей человѣческихъ голосовъ. А страшный костеръ пылаетъ съ тою же неослабвующею силой. Нѣтъ, это не Москва горитъ, думается царицѣ-инокинѣ:—это разрушеніе Ниневіи или Вавилона за грѣхи ихъ!

Въ холодный сѣренькій октябрьскій день, въ открытой каптанѣ, цугомъ въ шесть коней, по краковскому предмѣстью Варшавы везли плѣнннаго царя Василія Ивановича. Большая, уже побѣлѣвшая борода лежала на бѣлой парчѣ его богатой ферази; пушистая соболя шапка была надвинута на подслѣповатые глаза, строго, но спокойно глядѣвшіе на густыя толпы враждебнаго ему польскаго народа. Нафанатизированное горячими проповѣдями въ костѣлахъ іезуита Скарги, варшавское населеніе встрѣчало „убійцу своихъ братьевъ въ Москвѣ“ съ нескрываемымъ раздраженіемъ, съ трудомъ сдерживаемымъ королевскою стражею. Ревностный поборникъ католицизма, какъ средства для іезуитскихъ цѣлей, Скарга только что объяснилъ „вѣрнымъ“ въ фарѣ, съ каеодры, бѣдствія и униженія москалей, внавшихъ въ суевѣріе и грѣховность, какъ волю Божию, указующую путь къ расширенію католической церкви и истинъ католицизма. На переднихъ мѣстахъ каптаны сидѣли два брата царя, князья Шуйскіе, и между ними приставъ. Каптана слѣдовала за многочисленной конной эскортой гетмана Жолѣвскаго, тоже верхомъ, окруженнаго своимъ рыцарствомъ, польской знатью и земскими послами, такъ какъ въ Варшавѣ собрался сеймъ. „Побѣдителя Москвы“, знаменитаго польскаго полководца, толпы провожали радостными, льстившими его самолюбію, криками. Приобрѣтеніе для короля Москвы, занятой горстью поляковъ, окруженныхъ русскими земскими силами, легкомысленный народъ считалъ дѣломъ оконченнымъ, а московское государство уже подъ властью Польши. Само собой, на долю несчастнаго русскаго царя, не только „сведеннаго съ государства“, но и „обобраннаго“, насильно постриженнаго въ монахи своими подданными, доставались

угрозы, проклятія, насмѣшки толпы. Въ эту, быть можетъ, тяжелую минуту своей жизни, Шуйскій высказалъ все величіе души, всю твердость нести свой крестъ. Его укрѣпляло сознаніе, что онъ несетъ его за всю многострадальную Русь. Его умное лицо выражало покорность судьбѣ религіознаго человѣка, угнетаемаго не по своей винѣ, а по волѣ Божіей... Въ своемъ посрамленіи онъ видѣлъ только посрамленіе Руси кичливою Польшею. О самомъ себѣ онъ словно давно забылъ... Въ это тяжелое для себя утро Шуйскій вспоминалъ нечальное шествіе на Голгофу праведника, Богочеловѣка, падавшаго подъ тяжестью креста, который несъ для того, чтобы быть на немъ распятымъ. Заушаемый, кровянимый, оскорбляемый, праведникъ только говорилъ рыдавшимъ о немъ женщинамъ: „не плачьте обо мнѣ, но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ“. Это христіанское воспоминаніе поддерживало Шуйскаго.

Въ королевскомъ замкѣ Сигизмундъ III только что отстоялъ мессу. Служилъ монсеньоръ Брамантини, при самой величественной обстановкѣ. Религіозный до ханжества король требовалъ отъ своего избалованнаго прежними порядками двора строгой нравственной чистоты и пышные королевскіе повои мрачили фигурами іезуитскихъ патеровъ, своихъ наставниковъ и лучшихъ собесѣдниковъ. Возлѣ короля, съ рыжими усами, низкою остриженной головой, съ густившимися какъ на ежѣ волосами, съ задумчиво-упорнымъ выраженіемъ выбритаго лица, сидитъ на золотомъ креслѣ большой тронной залы панъ Юрій Мнишекъ. Онъ, подобострастно нагнувшись, въ полголоса, съ жаромъ объясняетъ что-то внимательно слушающему его королю, поглядывая въ то же время на нарядную толпу магнатовъ и придворныхъ, среди которыхъ у него не мало враговъ. Панъ Юрій не могъ забыть того высокаго положенія, какое онъ занималъ при послѣднемъ королѣ изъ дома Ягеллоновъ. Не выдаваясь воинскими талантами, какъ Жолкѣвскій, ни правительственною мудростью, какъ Замойскій, Мнишекъ давно растратилъ миллионы золотыхъ, прикарманенныхъ имъ изъ королевской казны Сигизмунда-Августа. Другіе временщики отгирали теперь отъ короля этого стараго вкрадчиваго вельможу, умѣвшаго возвышаться только интригой. А между тѣмъ долги его росли и для поддержанія блеска своей фамиліи и привычной роскоши ему не хватало доходовъ съ обширныхъ своихъ „маетностей“, разоряемыхъ татарскими набѣгами. Расчетъ былъ на зятя-самовлазца, но не удался. „Офара“ дочери Марины пуце запутала его дѣла: не пришлось ему получить съ зятя, по записи съ нимъ, миллиона золотыхъ и половины Смоленской области съ половиною Сѣверщины. Обидно казалось тщеславному Мнишку видѣть себя среди магнатовъ, когда-то ему завидовавшихъ, льстившихъ ему, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ его краковскомъ „палацѣ“, гдѣ онъ давалъ великолѣпные обѣды и балы въ честь своей дочери панны Марины, невѣсты московскаго государя Дмитрія, обрученной съ его посломъ,

Власевымъ, кардиналомъ Мацѣйовскимъ: Мнишекъ не забылъ, что послѣ обѣда король танцевалъ съ Мариной, а имъ прислуживали: королевичъ, великій литовскій маршалъ, сенаторы. По рукамъ ходило тогда стихотвореніе шляхтича изъ свиты Мнишка, Забчича: „*Roseł Moskiewski*“. „Счастливыи воевода, что дождался такой минуты“, воспѣвалъ своего патрона Забчичъ:— „ужъ самъ король пируетъ съ тобой въ твоемъ домѣ, съ твоею дочерью, которую выдаешь за дѣдина бѣлой Руси. Счастливая земля польская: чрезъ домъ Мнишковъ дождалась ты такого времени, что царь изъ Москвы усердно домогается твоей дочери“... И гдѣ она, его дочь, московская царица, съ судьбой которой Мнишекъ связалъ судьбу своей фамилии? Достоянная дочь его, Марина сказала: „Признанная царицей, не перестану ею быть“. Эти гордые слова привели ее въ кремлевскія палаты, въ свѣтлицу въ Ярославль, въ тушинскій буйный лагерь. Самую женскую стыдливость она принесла въ жертву своего властолюбія и самолюбія, мѣшавшаго ей вернуться на родину осмѣянною и обезславленной: она признала русскимъ царемъ и своимъ супругомъ второго Лжедмитрія, считая его самозванцемъ; на валахъ города Дмитрова она одушевляеть своимъ мужествомъ защитниковъ и отбиваетъ приступы русской рати; одѣтая по-мужски, верхомъ на казачьемъ сѣдлѣ, бѣжитъ въ Калугу; въ калужскомъ плѣну родитъ сына... Теперь часто наипентываетъ себя Мнишекъ слова польской пѣсенки, которую играли музыканты при вѣздѣ Марины невѣстой царской въ Москву: „*W kajdym tak szczeniaku iako i nieszczeniaku*“. Сбылась на немъ и на его дочери эта польская пѣсенка. Теперь Мнишекъ поддѣльвался къ королю, не питавшему къ нему особеннаго расположенія. Злая судьба, словно въ насмѣшку, свела въ этотъ день въ тронной залѣ королевскаго замка двухъ враговъ несчастныхъ—Мнишка и Шуйскаго...

Поставленный приставомъ передъ королемъ, Василій Ивановичъ съ печальнымъ любопытствомъ оглянулъ огромную, высокую палату, переполненную вельможами и царедворцами, и своего счастливаго соперника, короля, воссѣдаващаго на тронѣ во всемъ величіи своего королевскаго достоинства. Самонадѣянныя, тщеславныя фигуры гордыхъ пановъ, блиставшихъ золотомъ и серебромъ, рѣзко отличались отъ спокойно-равнодушныхъ, тяжелыхъ съ виду, бояръ, озумленныхъ непривычною имъ роскошью королевскаго двора. Сверхъестественный русскій царь стоялъ, какъ бы праведникъ передъ неправымъ судилищемъ, уже произнесшимъ свой приговоръ. Насмѣшливыя улыбки и обидный на его счетъ шепотъ нарядныхъ пановъ не смущали Шуйскаго въ сознаніи его правоты. Государемъ смотрѣлъ онъ на своего врага государя, которому въ руки предала его своенравная судьба.

Съ собольей шапкой въ рукѣ, Шуйскій низко поклонился королю, а за нимъ его братья, согласно наставленію Жолѣвскаго, принимавшаго въ его несчастіи самое благородное участіе. Сигизмундъ, съ гордостью побѣдителя, не соответствовавшей ни его фанатически-

мрачному виду, ни его военнымъ дарованіямъ, важно всталъ съ трона и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ Шуйскому. Пажы понесли концы длинной, тяжелой бархатной королевской мантии, подбитой горностаемъ, обшитой золотомъ бахромю съ золотыми кистями. Великій канцлеръ несъ корону, осшанную драгоценными камнями, Жолѣвскій королевскій мечъ.

Поклонясь королю, знаменитый воинъ Польши и великодушный человекъ, гетманъ сказалъ рѣчь, нѣсколько риторическую, о томъ, какъ измѣнчиво земное счастье, славилъ доблесть короля, благодаря которой взяты Смоленскъ и Москва, и кончилъ такими словами:

— Послѣдній изъ могущественныхъ московскихъ царей передъ тобой, августѣйшій и наяснѣйшій король Польши, великій князь Литвы! онъ бьетъ тебѣ, государь, челомъ!

Шуйскій, низко поклонясь, смиренно дотронулся правой рукой до пола и потомъ поцѣловалъ свою руку. Князь Димитрій ударилъ лбомъ въ полъ разъ, а князь Иванъ три раза и плакалъ.

— Вручаю тебѣ, наяснѣйшій король и господинъ мой, сверженнаго московскаго царя и его благородныхъ братьевъ, князей; продолжалъ Жолѣвскій,—вручаю не какъ плѣнныхъ; въ нихъ видишь живое свидѣтельство непрочности человѣческаго счастья. Будь же великодушень и ласковъ къ несчастнымъ! Бротость и милосердіе только возвышаютъ престолъ и прославляютъ земныхъ государей! сами они просятъ о томъ же тебя, король польскій, великій князь литовскій!

Шуйскіе, молча, въ сильномъ волненіи снова ударили королю челомъ. Впечатлѣніе этой тяжелой минуты было столь глубоко, что даже Мнишекъ не рѣшился нарушить упавшую тишину своимъ протестомъ, давно имъ обдуманномъ. Слышались вздохи сочувствія къ несчастному русскому царю; въ толпѣ благородныхъ пановъ обнаружилось въ его пользу великодушное движеніе.

— Ты, бывший государь московскій, и твои братья не плѣнники въ Варшавѣ, а гости! среди глубокаго молчанья сказалъ Сигизмундъ, явно тронутый.—Государственная польза требуетъ вашего здѣсь пребыванія. Я хочу, чтобы оно для васъ было возможно менѣе тягостно.

Шуйскій, а за нимъ его братья, подошли къ королевской рукѣ, милостиво имъ протянутой.

— Наяснѣйшій государь, король Сигизмундъ! обратился къ нему Шуйскій все съ тѣмъ же печальнымъ спокойствіемъ человека, утратившаго свои земныя надежды.—Мнѣ сегодня, тебѣ завтра; не быть тебѣ московскимъ государемъ! не быть православной Руси подъ польскою рукою!

Король строго на него взглянулъ. Въ рядахъ магнатовъ прошелъ ропотъ, не одобравшій послѣднихъ словъ Шуйскаго, въ общемъ смыслѣ которыхъ звучала правда, сознаваемая и королемъ, и благоразумнѣйшими изъ его совѣтниковъ. Мнишекъ воспользовался этой минутой и, выступя впередъ, едва собой владѣя, вскричалъ:

— Правосудіе, государь, наяснѣйшій король польскій. Передъ тобой виновникъ въ смерти многихъ тысячъ твоихъ подданныхъ, вѣрныхъ католиковъ! Передъ тобой отецъ злополучной дочери, свободной польки, которой супруга убилъ этотъ царь, сверженный за свое нечестіе! Божеское правосудіе уже наказало этого вѣроломнаго боярина, клятвопреступника, достигшаго престола кознями; но его ожидаетъ человѣческій судъ. Сверши-жь его, мудрый государь! Мы требуемъ— крови за кровь нашихъ братій; жизни за ихъ жизнь! Кто-жь, если не польскій король, вступится за поворъ, покрывшій сѣдую голову польскаго пана? Кто, какъ не отецъ, потребуетъ отомщенья за поруганную честь дочери, за бездну несчастья, куда она ввергнута? Правосудія, король польши, великій князь Литвы!..

— Правосудія, государь! вослигнули сторонники Мнишка. Но ихъ было не много. Ихъ крики бессильно потерялись въ ропотъ большинства пановъ, явно сочувствовавшихъ презрѣнью, съ какимъ Жолкѣвскій глядѣлъ теперь на Мнишка.

— Слова пана Юрія Мнишка не достойны совѣтника короля, строго и внушительно замѣтилъ благородный гетманъ, голосъ котораго уважался цѣлой Польшей, — неприличны въ устахъ католика. Только язычники говорили: „Neu victis!“ Королевское правосудіе, правосудіе христіанской, рыцарской націи должно быть далеко отъ чувства мести, хотя бы къ врагу!

— Такъ есть! съ громкимъ единодушіемъ высказались магнаты и послы. — Милость къ несчастью! Wiwa, Сигизмундъ!

— Тѣмъ болѣе, панъ воевода Сендомірскій, что твое ненастное честолюбіе и твоя корысть возбудили вражду Москвы къ Польшѣ, погубившую тысячи твоихъ братій, смерть которыхъ ты оплакиваешь, извини, живыми слезами! продолжалъ Жолкѣвскій, въ свое время горячо, хотя и бесполезно, порицавшій вмѣстѣ съ Яномъ Замойскимъ безразсудныя затѣи Мнишка. — Должно зла и горя видѣла отъ тебя Польша, панъ Юрій! Прошло время, когда ты злоупотреблялъ слабостью больнаго короля и самъ королевствовалъ!

— Такъ есть! Wiwat, Сигизмундъ! Wiwat, Жолкѣвскій! огласилась королевская палата взрывомъ одушевленныхъ криковъ. — Милость къ несчастью, государь!..

Поднялись протестующіе голоса Мнишка и его сторонниковъ; но ихъ глушили все усиливавшіеся крики: — „Милость, государь!“

Сигизмундъ, хорошо изучившій нравы своевольнаго панства, не стѣснявшагося и его королевскимъ присутствіемъ, оглянулъ залу, изъ подлѣбья, нахмуренными, недовольными глазами и движеніемъ руки далъ Жолкѣвскому знакъ увести Шуйскихъ.

Братья князя низко поклонились королю и, предшествуемые приставомъ, вышли изъ залы, гдѣ поднялась буря разнородныхъ страстей, выражавшаяся неистовыми воплями, угрозами, бранью и звономъ сабель.

Въ той-же открытой каптанѣ Шуйскихъ повезли въ Гостынской замокъ, за Варшаву...

Скажемъ нѣсколько словъ о судьбѣ прочихъ лицъ, затронутыхъ романомъ.

Серьезному пану Виценту Подгурскому пришлось вынести немало горя и трудовъ для того, чтобы напасть на слѣдъ Лисовскаго. Само собой, что гордый панъ Ксаверій поднялъ на ноги всю окрестность, вооружилъ шляхту и поклялся вернуться не иначе, какъ съ дочерью. Ни его вооруженія, ни его клятвы не помогли бы дѣлу, если бъ Подгурскій не заплатилъ вольному ротмистру двѣ тысячи червонцевъ. Назначая эту „скромную“ цифру выкупа, ротмистръ объяснилъ съ свойственною ему откровенностью, что плѣнъ прекрасной панны Ортансы и выкупъ за нее есть наказаніе, понесенное паномъ Ксаверіемъ за то оскорбленіе, что онъ нанесъ ему, ротмистру, въ своемъ замкѣ, при многолюдномъ собраніи.

— Теперь мы съ тобой квиты, пане Ксаверій! закончилъ ротмистръ, пряча деньги въ карманъ сѣрой чемарки. — И, если хочешь, выпьемъ...

Отъ „выпивки“ Стадницкій, конечно, отказался, не скрывъ глубокаго презрѣнія къ поступку ротмистра съ его дочерью и назвавъ этотъ поступокъ „грабежомъ мародера“. Лисовскій даже не поморщился отъ такой неелестной, хотя вѣрной характеристики своего поступка, ощущая въ карманѣ тяжесть золота, добытаго этимъ самымъ поступкомъ.

Похищеніе Ортансы, о чемъ вѣсть быстро и далеко разошлась, способствовало только ускорѣнію свадьбы. На этомъ прежде всего настаивала прекрасная дѣвушка, чувствовавшая себя скомпрометированной пребываніемъ, хотя и невольнымъ, на бивакахъ лисовчиковъ, таскавшихъ ее за собою. Нечего говорить, съ какою радостью согласился панъ Вицентъ на ускореніе своей свадьбы. Ксендзь-плебанъ, панъ Леонардъ, обвинчалъ ихъ въ костелѣ съ возможною торжественностью. Веселую свадьбу, на которую стѣхалось много родни и друзей, панъ Ксаверій отпраздновалъ съ блескомъ, достойнымъ его знатной фамиліи, по старопольскому обычаю. Здоровье молодой пили изъ ея атласнаго башмачка; мазурку кавалеры танцевали съ бокалами вина и выпивали ихъ, сажая даму на мѣсто, преклоняясь передъ нею на одно колѣно и цѣлуя ея ручку. Не жалѣлъ Стадницкій денегъ тамъ, гдѣ дѣло шло о фамильной чести, тѣмъ болѣе, что исполнялось его давнишнее желанье видѣть дочь за Подгурскимъ: онъ любилъ его не какъ зятя, а какъ сына. Большая мать, по-прежнему, не могла оставить своей комнаты и даже постели въ этомъ радостный семейный день. На дворѣ все шло своимъ порядкомъ: загоновая шляхта управлялась съ цѣлыми жареными быками, баранами и бочками, конечно не пустыми, жида Янвеля. Не была забыта и охота.

Подгурскіе зажили счастливо, мирно. Ортанса, съ каждымъ ребенкомъ, которыхъ Господь посылалъ ей ежегодно, толстѣла и глубже погружалась въ свои обязанности матери и хозяйки. Бесѣда въ паномъ Вицентомъ замѣтно развила уменькую свѣтловолосую головку Ортансы. Это и она сама сознавала, говоря мужу, что поумнѣла съ нимъ.

Паннѣ Гоноратѣ пришлось нанять розоволицыхъ, синеглазыхъ, бѣлокурныхъ дѣтей Ортансы, все въ неизмѣнномъ званіи ея респект-овой панны. Потерявъ, наконецъ, надежду когда либо измѣнить свою фамилію Модлевской, почтенная весталка примирилась съ своей счастливой соперницей на ея дѣтяхъ: любила ихъ, какъ своихъ. Панъ Ксаверій, похоронивъ большую жену, по-прежнему стоялъ во главѣ безпокойнаго литовскаго дворянства на рубежѣ; страсть къ охотѣ усиливалась въ немъ съ лѣтами, отвлекая его отъ дома и хозяйства вдаль. Онъ покидалъ замокъ иногда на полгода и болѣе. Съ большимъ коннымъ „оршакомъ“ ловчихъ, псарей, доѣзжачихъ, съ сотнями воющихъ и прыгающихъ „огаровъ“ на сворахъ, съ цѣлымъ обозомъ, везшимъ охотничій скарбъ, панъ Ксаверій кочевалъ по Литвѣ, переѣзжая отъ одного „пшияцеля“ къ другому. Такимъ образомъ онъ достигалъ даже „Бѣловѣжской пуци“ съ ея зубрами, считавшимися „королевскимъ звѣремъ“. За веселымъ пріятельскимъ столомъ вспоминались славные подвиги на ратномъ полѣ и старая дружба, сведенная въ походномъ шатрѣ. Совсѣмъ разлюбивъ свой старый замокъ, гдѣ жизнь въ одиночку стала для него невыносимой, панъ Ксаверій сдалъ всѣ свои мѣстности, „место Залусце съ селищами и фольварками“, въ аренду корчмарю Янкелю. Въ арендномъ листѣ говорилось: „Я, Ксаверій-Северинъ Стадницкій, объявляю симъ аренднымъ листомъ, что отдалъ въ аренду мои мѣстности, нижепоименованныя, ничего себѣ не оставляя, славному пану Янкелю Дуделю, женѣ его Рыклѣ и его потомкамъ; а именно: место, селища, фольварки—Залусце, съ чиншами денежными, мельницами, корчмами, шинками, съ данью медовою, мытомъ, съ боярами, со всѣми людьми тяглыми и не тяглыми, съ ихъ пашнями, работами и подводами, съ дякломъ, деревомъ бортнымъ, съ озерами, бобровыми гонами, сѣнокосами, борами, лѣсами, гумнами, посѣвами. По сему арендному листу, данному съ моею печатью и собственноручной подписью, имѣеть арендаторъ Янкель право брать себѣ всякіе съ мѣстности нашей доходы, судить и рядить путныхъ бояръ, также всѣхъ крестьянъ нашихъ, „винныхъ и непослушныхъ, ведлугъ выступковъ ихъ винами и горломъ карати“. Панъ староста, предсѣдатель городского суда, утвердилъ этотъ арендный листъ, какъ составленный за конно внесеніемъ его въ „городскія книги“. Законъ допускалъ, поэтому, смертную казнь крестьянина, по личному произволу жида Янвеля Дуделя. Поппъ Меркуль допился „до чортикомъ“ и совсѣмъ негоденъ сталъ къ службѣ. Ключъ отъ его старой, похилившейся церквочки, по-преж-

нему висѣлъ на поясѣ Янкеля, который повысилъ плату за входъ въ церковь для службы и требъ. А безправное „быдло“, православный хлопъ, увлаживая панскія поля своимъ кровавымъ потомъ, уныло глѣлъ:

„Якъ отъ Кумівщини да до Хмѣлищини,
Якъ отъ Хмѣлищини да до Бранщини,
Якъ отъ Бранщини да до сего-жь то дня,
Якъ у землі кравевскій да добра не було.

Якъ жиды-рандари
Всі шляхи казацьки зарандовали,
Що на одні милі

Да по три шинка становили.
Становили шинки на долинахъ,
Заводили щогли по високихъ могилахъ“...

Панъ Пржемыславъ Дворжицкій остался вѣренъ своему чувству къ московской красавицѣ. Онъ упорно избѣгалъ узъ Гименея, несмотря на настоянія семьи, на представлявшіяся ему приличныя его положенію и выгодныя партіи. Баловень прекраснаго пола, котораго вниманія онъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживалъ, онъ не находилъ уже въ своемъ сердцѣ той страстной силы, что когда-то влекла его въ свѣтлый міръ счастья и надеждъ. Въ родной семьѣ, за веселой товарищеской попойкой, въ шумномъ городѣ и боевомъ лагерѣ, онъ чувствовалъ себя одинокимъ. Иногда его пригрѣвало воспоминаніе послѣдняго свиданія съ княжной въ саду, въ мѣсячную ночь и бередило его сердечную рану. Слишкомъ глубока была она, чтобы зажить. Въ его горячо любившемъ сердцѣ потухла искра, что вспыхнула яркимъ пожаромъ, испепелившимъ все его нравственное существо. Пржемыславъ, молодой Дворжицкій словно бы умеръ. Теперь душевная утрата укрѣпила его на борьбу со зломъ и неправдой, губившими его отечество. Его честный голосъ громко заговорилъ на сеймахъ и въ королевскомъ совѣтѣ и къ нему прислушивались, какъ къ голосу добра и правды. Онъ требовалъ уваженія и пріязни къ соплеменному Польшѣ, сосѣднему русскому государству: указывалъ на превосходство русскаго народнаго духа, на религіозность и патріотизмъ москалей, достойныя хвалы и подражанія польской, хотя бы болѣе просвѣщенной націи; онъ утверждалъ, что Польша отвѣтственна передъ Русью за все неисчислимое зло, нанесенное ей „офарой“ самозванцевъ; что наступитъ время расчета двухъ сосѣднихъ государствъ, какъ только окрѣпнетъ Москва; что скорѣе Варшава подчинится Москвѣ, чѣмъ Москва Варшавѣ. Шуйскій въ своемъ несчастіи видѣлъ не на словахъ только дружеское участіе къ себѣ Дворжицкаго. Само собой, что ни воспримчивая натура благороднаго пана, ни тяжелыя обстоятельства, переживаемыя Польшей, не допускали его ослабѣть духомъ въ безплодной тоскѣ о погибшемъ счастьѣ. Государственныя опасности, настроеніе своевольнаго общества, раздираемаго духомъ партій будили въ немъ помыслы и чувства, достойныя мужчины. Турки и

татары грозили цѣлости коронныхъ земель, и Дворжицкій, съ своею собственною ему страстностью, отдался своему гражданскому долгу. Гетманъ Жолжѣвскій нашелъ въ немъ достойнаго себѣ сотоварища, какъ и онъ одушевляемаго героизмомъ, какъ и онъ великодушнаго. Оба они были неразлучны на ратномъ полѣ и оба рядомъ погибли подъ татарскими саблями въ несчастный для Польши день битвы подъ Цецоромъ.

Прекрасная Марина Мнишекъ, жертва своего женскаго и фамильнаго честолюбія, изъ объятій грубаго самованца, обрусѣлаго жида, попала въ объятія отчаяннаго казацкаго атамана Ивашки Заруцкаго. Захвативъ Астрахань, они взволновали, во имя Маринина сына, царевича Ивана, татарскія юрты и повольжье. Только старая панья Казановская осталась вѣрна Маринѣ. Ея звѣзда погасла. Она едва могла уйти изъ Астрахани на стругахъ Волгой и Янкомъ и скрылась въ степь. Но тутъ атаманъ Трень-Усь „съ товарищи“ выдали бѣглецовъ царскимъ стрѣльцкимъ головамъ Пальчикову и Онучину. Скванныхъ ихъ повезли въ Москву, гдѣ Ивашку Заруцкаго посадили на колъ, Маринина сына повѣсили. „Маринка умре на Москвѣ“, свидѣтельствуеъ лѣтописецъ.

Такъ погибла „еритица богомерскія латынскія вѣры, прежнихъ воровъ жена, отъ которыхъ все зло російскому государству учинилось“.

Игуменъ Манассія оставилъ свое пустынножителство на святомъ городищѣ. Мечта отойти въ Соловки, на сѣверное Поморье, смѣнилась теперь дѣятельностью по восстановленіи коренскаго монастыря. Онъ проявилъ здѣсь всю энергію своего строгаго характера. При вѣсти объ этомъ желанномъ восстановленіи святой обители, курскіе насельники наперерывъ помогали игумену своимъ трудомъ, денежною казною, строительнымъ матеріаломъ. Стекались къ нему отовсюду прежніе монахи и новыя. Посопные севрюки и „доброхоты“, прочіе „яко пчелы мѣдоносныя“, по выраженію игумена, съ ранней весны готовили и жгли кирпичъ, извѣсть, возили песокъ, рубили кельи, крыли новую каменную церковь. Искусные клали стѣны.

— Потщитесь, православныя, во славу Богородицы нашей курской! поощрялъ рабочихъ старый бояринъ, не отходившій съ работъ.—Обнесемъ домъ матери Божіей твердыней, дабы благополучна въ немъ пребывала чудотворная наша икона, еже вернется къ себѣ, домой, изъ Москвы; и враги бы ей не поругались!..

Работа кипѣла. Поднялись стѣны, возобновилась служба въ соборной и кладезной церквахъ; богородиченъ лѣсъ снова огласился церковнымъ звономъ, несказанно радовавшимъ сосѣднія селенія. Брусной трапезѣ съ галлереей на рѣвныхъ столбахъ кругомъ и братскимъ кельямъ игуменъ, по возможности, сообщилъ вѣщность построекъ своей греческой родины. Бояринъ радовался при мысли,

что теперь не такъ уже страшны для обители конныя крымскія шайки и ждалъ только часа достойно принять чудотворную икону. Ждалъ еще вѣсти: кого всей землей на Москвѣ въ государя поставятъ? Что „земля русская“ поставитъ своимъ государемъ изъ своихъ же прирожденныхъ русскихъ именитыхъ людей — въ этомъ онъ не сомнѣвался. Свой же голосъ онъ подалъ за костромскаго боярина, юнаго Михаила Романова, отъ рода честна. Нетерпѣливо ждалъ онъ изъ Москвы Василя Косолапа. Того же весною старый бояринъ говѣлъ въ коренскомъ монастырѣ, на страстной седмицѣ. Соборная церковь была биткомъ набита говѣльщиками. Бояринъ только что причастился св. тайнъ, какъ вошелъ въ церковь Косолапъ, весь въ грязи, прямо съ сѣдла. Съ амвона онъ окинулъ народъ черными глазами, свѣтившимися радостью, перекрестился, поклонился на всѣ четыре стороны и голосомъ, дрожащимъ отъ волненія, вскричалъ:

— Православные! Помолитесь за нашего блага царя, избраннаго всею землею русскою на Москвѣ! Помолитесь за благочестиваго государя нашего Михаила Ѳедоровича Романова!

Густая толпа пала на колѣни. Игуменъ Манассія на минуту прервалъ таинство причащенія. Монахи на клиросахъ смокли вдругъ. По толпѣ монаховъ и прихожанъ пошелъ радостный говоръ. Имя царя Михаила Ѳедоровича Романова пролетѣло до заднихъ рядовъ, къ паперти. Закрестились руки, забили лбы о помостъ. Трудно передать глубоко-восторженное впечатлѣнiе, произведенное въ церкви вѣстью, привезенною Косолапомъ.

— Слава тебѣ, показавшему намъ свѣтъ, слава тебѣ! отъ полноты души прошепталъ старый бояринъ, умилными старыми глазами взглянувъ на иконостасъ.—Свой! прирожденный русскій государь, народный избранникъ!.. Отойду нынѣ съ миромъ!.. Онъ медленно опустился на колѣни и распростерся ницъ. Дождался, наконецъ, старецъ желанной вѣсти.

Когда Косолапъ подошелъ къ нему, чтобы обнять его крѣпко, чтобы порадовать его и съ нимъ порадоваться великой земской радостью, рассказать ему московскія новости, похвалиться, что онъ вернулся дворяниномъ, старый бояринъ не подымался. Косолапъ нагнулся къ нему и думая, что старикъ ослабѣлъ отъ строгаго поста, хотѣлъ его поднять, но руки боярина были холодны и его неподвижность испугала Косолапа. Онъ не дышалъ, глаза остановились. Великую земскую радость о избраніи земскаго царя не перенесъ старый земскій бояринъ.

Глубокое молчаніе тѣснившейся вокругъ покойника толпы не живо свидѣтельствовало о глубокомъ горѣ курскихъ насельниковъ, потерявшихъ въ немъ своего твердаго защитника и руководителя.

Старога боярина, согласно его завѣщанію, похоронили у алтаря, въ Коренскомъ монастырѣ. За его гробомъ шла не одна дочь его,

игумена, не одинъ Косолапъ, его сынъ названный, а тысячныя толпы горестно провожали своего „излюбленнаго“ старика въ мѣсту его вѣчнаго успокоенія... Онъ не дождался торжества, съ какимъ чудотворная икона Знаменія Божьей Матери возвратилась въ свой коренской домъ изъ Москвы, куда взялъ ее съ собой первый Лжедмитрій; онъ не узналъ, что Василій Косолапъ заслужилъ себѣ подъ Москвою званіе дворянина.

Надпись надъ гробницей Шуйскаго, въ Архангельскомъ соборѣ, въ Кремлѣ, свидѣтельствуеть о томъ, что: „Лѣта 7121 (1612) сентября въ 12-й день, на память святаго священномученика Автонома преставися благовѣрный и христілюбивый великій государь царь и великій князь Василей Ивановичъ, всея Русіи самодержецъ, въ польскомъ королевствѣ, въ 60-е лѣто живота своего. А въ Польшѣ лежало тѣло его въ Варшавѣ 23 года“.

Влад. Марковъ.

ЖИЗНЬ АОНАСІЯ ПРОКОФЬЕВИЧА ЩАПОВА ¹⁾

VIII.

Литературные замыслы и знакомства Шапова.—Недовольство его журнальной работой.—Строгости цензуры.—Неладья его съ редакторами.—Желаніе при-
мннуть къ кружку сотрудников „Современника“.—Развитіе страсти къ пьян-
ству.—Дачное житье въ Павловскѣ.—Газета „Очерки“.—Доносъ Ничипоренко.

КОГДА Аонасіѣ Прокофьевичъ передалъ рукопись „О земскихъ соборахъ“ А. А. Краевскому (напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1862 г., № 3),—онъ задумалъ приготовить рядъ мелкихъ статей изъ русской исторической жизни по разнымъ ея отраслямъ, въ память ожидаемаго празднованія тысячелѣтія Россіи. Онъ намѣтилъ широкую программу для этихъ очерковъ, чтобы между ними находилась тѣсная связь, и съ энергіей приступилъ къ работамъ; онъ приготовилъ два очерка: „О русскихъ раскольникахъ“ и „О русскомъ управленіи XVIII в.“, но далѣе этотъ замыселъ не приводилъ въ исполненіе по нѣкоторымъ постороннимъ обстоятельствамъ. О времени приготовленія очерка „О русскихъ раскольникахъ“ самъ историкъ прибавилъ, когда коснулся общихъ раскольниковыхъ совѣтовъ: „Со всѣмъ этимъ я познакомлю своихъ читателей уже въ статьѣ—„О земствѣ и расколѣ“. Слѣдовательно, очеркъ этотъ написанъ до 1861 г., когда появилась статья „О земствѣ и расколѣ“; другой очеркъ „Объ управленіи XVIII вѣка“ Шаповъ читалъ мнѣ въ декабрѣ 1861 г. при самомъ его составленіи. Оба эти очерка имѣютъ между собою внутреннюю связь и дополняютъ другъ друга. Хотя не представляютъ они большой новости для читателей, знакомыхъ съ другими его капитальными произведеніями, но и теперь, спустя 20 лѣтъ послѣ ихъ сочиненія, они

¹⁾ Окончаніе. См. „Историч. Вѣстн.“, т. X, стр. 295.

не лишены научнаго значенія, важны для исторіи литературы шестидесятихъ годовъ и для характеристики ихъ автора. Эти очерки онъ назначалъ въ будущій журналъ или еженедѣльную газету „Мірской толкъ“, которую хотѣла издавать компанія литераторовъ на паяхъ съ 1862 года; Шаповъ принималъ въ этомъ дѣлѣ самое горячее участіе и радовался, что будетъ свой литературный органъ пріятельскій. Составлена была программа, разосланы во множествѣ письма разнымъ лицамъ, съ приглашеніемъ и просьбой сообщать свѣдѣнія изъ провинцій и принимать участіе въ газетѣ; направленіе должно было по серьезному и дѣльному тону походить на „День“ И. С. Аксакова.

Редакторомъ предполагался Г. З. Елисеевъ и дѣло настроено было на лучший ладъ; но „Мірской Толкъ“ не былъ разрѣшенъ, къ сожалѣнію артели литературной.

Въ Петербургѣ въ это время обыденная и внѣшняя жизнь Шапова и способъ занятій оставались прежняго склада и характера: если онъ не кутилъ, то по своей страстной натурѣ занимался запоемъ, быстро писалъ сочиненія прямо набѣло и дѣлалъ на широкихъ поляхъ тетради частыя вставки и поправки; онъ просиживалъ по обычаю дни и ночи чуть не напролеть, когда увлекался предметомъ изслѣдованія. Выпивъ порядкомъ, онъ совсѣмъ неспособенъ былъ работать и только говорилъ съ жаромъ цѣлый день безъ умолку, даже иногда оставаясь одинъ безъ слушателей. Къ развлеченіямъ и общественнымъ увеселеніямъ онъ прибѣгалъ рѣдко; театръ посѣщалъ раза два—три въ годъ и то большею частью съ знакомыми; до музыки былъ небольшою охотникъ, но зато сильно любилъ русское пѣніе и пляску. Иногда невинная шутка съ серьезнымъ оттѣнкомъ могла доставить ему большое удовольствіе, особенно простонародная острота. Помню, кто-то изъ знакомыхъ Аванасія Прокофьевича, не заставъ его дома въ новый годъ, подбросилъ ему подъ дверь свою визитную карточку съ надписью: „Печатать дозволяется. Цензоръ такой-то. Годъ и число“. Эта подпись съ фамиліей цензора, непроступившаго нѣсколько статей его, пришлась ему по душѣ и долго онъ показывалъ карточку посѣтителямъ, какъ удачный образецъ остроумія.

„Шахматный клубъ“ очень нравился Шапову, хотя онъ заходилъ туда на обѣды и вечера очень рѣдко; не часто также онъ посѣщалъ ученыхъ и литераторовъ, бывалъ у Н. И. Костомарова, А. Н. Пыпина, В. С. Курочкина, М. И. Семевского и немногихъ другихъ; любилъ проводить время дома въ небольшомъ кружкѣ знакомыхъ, или въ квартирѣ Г. З. Елисеева. Въ январѣ 1862 г. Н. Г. Помяловскій просилъ меня познакомить его со Шаповымъ; я пригласилъ ихъ къ себѣ на вечеръ, который провели они въ серьезныхъ задушевныхъ учено-литературныхъ разговорахъ и между прочимъ долго горевали, что не разрѣшили издавать газету „Мірской

Толкъ“. Помяловскій выражалъ мысль, нарисовать картину быта провинціальныхъ духовныхъ училищъ и семинарій, говорилъ, что для этихъ очерковъ получилъ отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ богатые матеріалы и просилъ объ этомъ Аванасія Прокофьевича; тотъ обѣщаль изобразить жите-бытье въ иркутской бурсѣ, и дѣйствительно въ послѣдствіи написалъ очеркъ и напечаталъ въ „Искрѣ“, хотя безъ окончанія. Помяловскій рассказывалъ, что онъ обрабатываетъ комическую повѣсть о разной оцѣнкѣ судомъ фізіономіи различныхъ лицъ при нанесеніи удара; а Шаповъ выражалъ желаніе написать полную исторію культуры русскихъ областей. У того и у другого замыслы были очень широкіе. Но передъ самымъ отъѣздомъ ученые разговоры чуть не закончились ссорой: они начали отнимать другъ у друга кредитные билеты, по десяти рублей, и изорвали ихъ въ клочки, чтобы они никому не доставались.

Привыкшіи постоянно относиться ко всему серьезно, глубоко задумываться надъ всѣмъ, что увидитъ или къ чему прислушается, Аванасій Прокофьевичъ вѣчно настроенъ былъ на грустный ладъ; поэтому и самыя развлеченія, вмѣсто успокоительнаго вліянія, нерѣдко раздражали его впечатлительную душу. Въ думѣ „Гражданская грусть“ онъ сознается, что гражданская скорбь преслѣдовала его безпрестанно всюду, давила сердце, а безотвязная дума напрягала поминутно голову, и никакія развлеченія не въ состояніи были заглушить ихъ. Отъ музыки и пѣсни становилось ему тошно и безотраднѣе, и неразвлекали его общественныя гулянья; онъ пишетъ: „Заиграйте заунывно, грустно, печально, запойте протяжно, заунывно, и грусть гражданская будетъ еще усиленнѣе, глубже сосредоточится, уйдетъ внутрь сердца, и оно занеетъ, занеетъ. Или вотъ такъ бы съѣлъ и излилъ ее перомъ въ элегической думѣ; но набросаетъ отрывокъ, и онъ ее не выражаетъ, потому что она непрерывна, цѣльна, всеобъемлющая. Пойдешь въ гости, въ общество, на общественное гулянье: грустная задумчивость, молчаливая самоуглубленность, самосредоточенность и тихая грустная внутренняя работа мысли и сердца, составляютъ и тамъ потребность твоей натуры, даютъ преобладающій тонъ всему твоему поведенію, мотивъ твоимъ рѣчамъ, движеніямъ, нищу думамъ. Среди самыхъ сильныхъ, заглушающихъ движеніе души развлеченій, все чувствуется, тяготѣетъ на днѣ, въ глубинѣ сердца какая-то грусть, какое-то недовольство, въ биеніи сердца слышится тайный голосъ: не то, не такъ, нѣтъ того!.. И придешь домой съ большей грустной настроенностью, тоской, и еще больше погрузишься въ основную господствующую грусть сердца. Только сядешь чтонибудь читать или писать, и найдешь успокоеніе, развлеченіе. Нѣтъ, и тутъ и когда читаешь такія страницы, или пишешь о такихъ предметахъ, которые раздражаютъ сердце гражданской грустью или до слезъ, или до озлобленія“...

Когда не былъ разрѣшенъ къ изданію „Мірской Толкъ“ въ мартѣ

1862 г. артель литераторовъ приобрѣла отъ П. И. Вейнберга упавшій „Вѣкъ“ и начала издавать его еженедѣльно цѣлыми тетрадами. Кромѣ Шапова, въ „Вѣкѣ“ принимали участіе два брата Курочкины, два брата Потѣхины, А. С. Аванасьевъ-Чужбинскій, П. А. Бибииковъ, П. М. Боклевскій, А. Ф. Головачевъ, И. Ф. Горбуновъ, Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, П. А. Мулловъ, М. М. Стопановскій, Н. В. Успенскій, П. И. Якушкинъ и нѣкоторые другіе. Редакторомъ былъ Г. З. Елисеевъ и повелъ изданіе на первыхъ порахъ дѣльно; но скоро возникло разногласіе между участниками, такъ какъ нѣкоторые желали выбрать другого редактора. Собрались на совѣщаніе и Шаповъ проводилъ мысль, что въ артеляхъ крестьянскихъ выборъ коновода или старосты дѣляется излюбленнымъ путемъ и убѣждалъ этотъ приѣмъ употребить и здѣсь. Но Г. З. Елисеевъ отказался отъ редакторства и „Вѣкъ“ прекратился, просуществовавъ подъ новой редакціей только три мѣсяца. Аванасій Прокофьевичъ успѣлъ помѣстить въ немъ, нѣсколько прекрасныхъ историческихъ очерковъ: „Сельская Община“ (№ 1—6), „Земство“ (№ 7—8), „Русскіе самородки“ (№ 9—10), „Земскіе соборы XVII столѣтія“ (№ 11), „Городскіе мирскіе сходы“ (№ 12, марта 15).

Въ статьѣ „Сельскій миръ и мирскій сходъ“ (отъ 1-го апрѣля, №№ 13—14) Шаповъ разъясняетъ кругъ дѣйствія этой общинной единицы управленія древней Россіи. Миръ въ волостяхъ и селахъ былъ полноправный государь: какъ законодатель, онъ чинилъ указы, издавалъ заповѣди или мирскія уложенья, даже по вопросамъ религіознымъ; онъ избиралъ земскихъ головъ, старостъ, судей и проч.; распоряжался земельными участками, отводилъ черезъ своихъ выборныхъ пустопорожнія земли подъ усадьбу и подъ пашню; какъ полноправный хозяинъ, собиралъ деньги съ волостныхъ деревень и распоряжался ими; онъ непосредственно сносился съ правительствомъ черезъ своихъ излюбленныхъ, совѣщаясь межъ себя, а старосты выполняли земскія дѣла „во всѣхъ мѣсто“. Съ распространеніемъ власти московскихъ царей на всѣ областныя земли, въ волостяхъ началъ усиливаться приказно-правительственный элементъ; мирское самоуправленіе больше и больше стало ограничиваться вмѣшательствомъ волостелей и ихъ тѣнуовъ, кормленники царскіе нарушали земское право и мирской самосудъ, и чинили продажи великія. Начался общій вопль противъ приказныхъ и Іоаннъ IV велѣлъ опять волостямъ управляться чрезъ лицъ излюбленныхъ, по уставнымъ грамотамъ сельскихъ общинъ, „кому и какъ у нихъ мочно“. Выборные волостные земскіе судьи имѣли мирское полномочіе контролировать судъ приказныхъ, царскихъ судей, волостей, кормленниковъ; миръ посылалъ на судъ приказныхъ добрыхъ судныхъ мужей, особыхъ довѣренныхъ своихъ людей, и могъ казнить ихъ въ случаѣ вины. Только при такомъ полно-жизненномъ и свободномъ самораз-

витіи богатыхъ волостныхъ сель, взыщется въ захолустьяхъ русскихъ множество гибнущихъ теперь Посошковыхъ, Ломоносовыхъ, Кольцовыхъ и т. д.

Мірской сходъ собирался въ земской или въ сѣздной избѣ, въ судной избѣ или въ трапезѣ церковной, и староста рѣшалъ дѣло, „поговоря со всѣмъ міромъ“; сельскіе сходы соединялись въ одинъ общій волостной мірской сходъ. „Не распространяясь о томъ, говоритъ Щаповъ, какіе вопросы крестьяне рѣшали на мірскихъ сходахъ, мы считаемъ важнымъ сохраненіе извѣковѣчнаго принципа сходовъ, призваніе ихъ къ самодѣятельности, самоуправленію и самосуду. Пожелаемъ мірскимъ сходамъ больше простора, свободы въ своемъ саморазвитіи, а крестьянамъ больше правъ свободного пользованія землями, лѣсами и другими источниками народнаго богатства, простора для торгово-промышленнаго саморазвитія, возрастанія богатыхъ сель на степень городовъ, безъ искусственнаго указнаго вмѣшательства“.

Оторвавшись отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Щаповъ долженъ былъ посвятить всю свою дѣятельность и трудъ на занятія литературой, потому что всякая ученая дорога для него была закрыта. Сначала онъ былъ доволенъ, что раздѣлялся съ зависимымъ положеніемъ и вышелъ изъ двусмысленнаго состоянія; но вскорѣ журнальныя занятія оказались для него неподручными и тяжелыми, мелочными и противными. Самолюбіе его постоянно раздражалось, что онъ оказался въ ряду литераторовъ обыкновеннымъ чернорабочимъ поденщикомъ, тогда какъ среди ученыхъ дѣятелей занималъ первостепенное мѣсто. Теперь онъ почувствовалъ, что литературное поприще отвлечетъ его навсегда отъ истиннаго призванія и свѣтлой цѣли въ жизни, и серьезно ученый трудъ, долгій и плодотворный, становится для него немислимъ. Тонкій анализъ и историческое чутье, громадный талантъ къ систематизаціи, подзадоривали его прокладывать въ наукѣ новые пути или освѣщать темныя стороны минувшей жизни нашихъ предковъ; но обыденная нужда не давала свободы и простора для любимой дѣятельности, а заставляла волею-неволею браться за предметы насущнаго вкуса и легкой временной потребности прихотливой публики.

Спѣшныя журнальныя работы по заказу и къ сроку вовсе были не по сердцу Щапова и скоро надоѣли ему; сухія ученныя статьи готовы не годились для читателей журналовъ: ихъ надо было выправлять, подтягивать содержаніе къ современнымъ интересамъ и становиться на ходули, чтобы онѣ сдѣлались доступнѣе и удобочитаемѣе. Отсюда является незрѣлость соображеній и порча прежнихъ прекрасныхъ историческихъ сочиненій и лекцій, постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же разсужденій и выраженій во многихъ статьяхъ. Такія литературныя работы изъ-за куска хлѣба возбуждали сильнѣйшія жалобы и сожалѣнія Щапова, которыя онъ много разъ

выражалъ при мнѣ съ глубокой горестью, что необходимость заставляеть его пережевывать старыя очерки и давать читателямъ недопеченныя статьи. „Если бы позволяли средства, говорилъ онъ въ глубокомъ горѣ, съ какимъ бы я удовольствіемъ засѣлъ за сочиненія чисто ученаго характера, безъ всякихъ прикрасъ и кокетства! Величайшую глупость я сдѣлалъ, что напрасно погорячился въ Казани и оторвался отъ университетской дѣятельности: сколько бы дѣльныхъ ученыхъ изслѣдованій могъ приготовить и сколько пользы могъ бы принести образованію молодого поколѣнія! Университетъ меня совсѣмъ было уже командировалъ для ученыхъ занятій въ Москву и Петербургъ; а теперь неволя заставляетъ пускаться въ литературу и открывать мелочную лавку!..“ Горько было выслушивать подобныя справедливыя жалобы обезоруженнаго ученаго дѣятеля и позднія раскаянія въ своей опрометчивой горячности. Когда толкали его на путь публицистики и выпрашивали легкія работъ, онъ понималъ, что, по складу своего ума и характеру подготовки, не способенъ на трудъ журнальнаго литератора и публициста, что истиннымъ его призваніемъ были единственно ученые занятія по русской исторіи.

Къ внутреннему недовольству литературными занятіями скоро присоединились внѣшнія неприятности и невзгоды: цензура часто не пропускала статьи Шапова и прекращала, такимъ образомъ, источникъ доходовъ; онъ по необходимости долженъ былъ прибѣгать къ займамъ, особенно лѣтомъ и осенью 1862 г., когда сильно возрасли цензурныя строгости, и вотъ по какому случаю.

Въ страшныхъ петербургскихъ пожарахъ стали обвинять кружокъ лицъ, которые напечатали и распространили секретную прокламацію „Молодая Россія“; въ этомъ листкѣ проповѣдывалось наступленіе новаго порядка, основаннаго на уничтоженіи религіи, собственности, власти, расторженіи семьи и раздѣлѣ имущества, а не сочувствующимъ этимъ идеямъ и для введенія новаго порядка предлагалась всеобщая рѣзня. Къ кругу этому начали причислять литераторовъ, а Асоченскій совершенно бѣсновался и открыто печаталъ, возводя на литераторовъ подозрѣніе въ соучастіи съ составителями „Молодой Россія“. Такъ, напримѣръ, въ № 32 „Домашней Бесѣды“, 11-го августа онъ высказалъ, что въ словахъ газеты „Современное Слово“ слышатся варіаціи на одну изъ темъ гнусной прокламаціи. Такія клеветы имѣли тогда значеніе: цензура обрушилась всей тяжестью на статьи и начала косить ихъ цѣлыми сотнями. У Шапова сразу пропущенъ былъ длинный рядъ готовыхъ сочиненій, таковы: „Областные земскія собранія и совѣты“, „Расколъ“, „Регламентация и бюрократія“, „Русское дворянство въ старинное время“ и проч. Все это горько было для впечатлительной души его и весьма невыгодно для кармана. Готовилъ онъ еще статью „Объ историческомъ значеніи центральныхъ и губернскихъ учреждений правительственныхныхъ“, въ которой излагалъ мысли о непригодности ихъ порядковъ для разви-

тія и благоденствія народныхъ провинціальныхъ массъ; но, кажется, строгости цензуры отбили у него охоту трудиться понапрасну надъ изслѣдованіемъ избраннаго щекотливаго предмета и онъ оставилъ начатую работу.

Недовольство его литературными занятіями выразилось на отношеніяхъ къ редакторамъ и издателямъ журналовъ и газетъ: исключая Г. З. Елисеева, ни съ однимъ онъ не могъ сойтись на долго, да и Елисеева онъ тоже иногда честилъ нелестнымъ въ его устахъ, названіемъ „сибирскаго чиновника“. Кромѣ личнаго каприза Шапова, кажется, не было другой причины разойтись ему съ А. А. Краевскимъ и не исполнить обѣщанія, помѣстить рядъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ которыхъ онъ намѣренъ былъ, какъ самъ заявлялъ, „сообщить историческіе очерки областной жизни втеченіе всего XVII вѣка и эпизоды изъ исторіи нѣкоторыхъ провинцій въ XVIII стол.“. Потомъ обѣщалъ съ 1862 г. помѣщать статьи о земскомъ строеніи: о мірскихъ сходкахъ, о вѣчевыхъ собраніяхъ и областныхъ земскихъ совѣтахъ. Впрочемъ, послѣдняя статья запрещена цензурой и неизвѣстно, для какого журнала была приготовлена. Помѣстивъ статью о Бѣгунахъ во „Времени“ (1862 г., №№ 10 и 11), Шаповъ былъ весьма недоволенъ медленной расплатой съ нимъ М. М. Достоевскаго, когда сильно нуждался въ деньгахъ. Узнавъ, что ему необходимо приобрѣсть теплое платье, Достоевскій повелъ его къ знакомому портному еврею и въ счетъ уплаты соорудилъ ему теплое пальто и пару платья; все это было плохаго качества и обошлось очень дорого, на что жаловался потомъ даже непрактическій Шаповъ („Дѣло“. 1876 г. № 4). Съ П. Д. Боборыкинымъ познакомилъ я его, когда онъ уже находился въ клиникѣ Заблоцкаго; тогда онъ напечаталъ только одну статью въ „Библіотекѣ для Чтенія“ (1864 г. № 1), подъ заглавіемъ: „Этнографическая организація русскаго народонаселенія“ и обѣщалъ „Фактическій очеркъ историко-этнографической организаціи“ русскаго народонаселенія по областямъ; но продолженія не послѣдовало. На Г. Е. Благосвѣтлова Шаповъ сначала злился за то, что онъ не напечаталъ его „Очерки міросозерцанія“, присланные изъ Казани, и не желалъ вести никакихъ дѣлъ съ „Словомъ“, заслуживающимъ, по его понятію, названія болтовни; но сила необходимости заставила его сблизиться и съ „Словомъ“ и съ „Дѣломъ“. Больше всѣхъ за щедрое вознагражденіе хвалили онъ Рехневскаго, редактора „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“.

Сталкиваясь съ сотрудниками „Современника“, Елисеевымъ, Пыпиннымъ, Помяловскимъ и другими, Шаповъ не могъ помириться съ направленіемъ этого журнала, считая его искусственнымъ, сочиненнымъ и непригоднымъ для русскаго народа, намѣтившаго свой жизненный путь, по которому и слѣдуетъ сознательно вести его истинно-образованнымъ людямъ. Несмотря на этотъ взглядъ, Шапову сильно

хотѣлось примкнуть къ „Современнику“ и онъ досадовалъ, что редакторы не понимаютъ его, причисляя къ партіи славянофиловъ; поэтому онъ дѣлалъ попытки выяснитъ свой историческій взглядъ, имѣя въ виду компанію „Современника“. Онъ доказывалъ, что ищетъ въ прошломъ не образцы для подражанія, а живыя и свободныя начала, чего искалъ самъ народъ съ дѣтства; подъ грубыми формами онъ видитъ начатки прекрасныхъ своеобразныхъ учреждений; среди господства невѣжества и суевѣрія въ народѣ онъ отмѣчаетъ факты мужиковатаго здраваго движенія умственнаго и нравственнаго. „Пусть тускло, пишетъ онъ, видѣются факты излюбленнаго областнаго самоуправленія изъ-за московскихъ и областныхъ приказовъ, въ грубой, невѣжественной темнотѣ среднихъ вѣковъ, но важно ужъ и то, что свѣтъ и во тмѣ свѣтился. Важно это появленіе съ дѣтства истинныхъ, естественныхъ инстинктовъ, природнаго такта, природныя дарованія и стремленія юнаго, могучаго, богатырскаго народа... Дорогъ этотъ младенческій, инстинктивный, безсознательный лепетъ народа объ излюбленномъ земско-областномъ самоуправленіи и самосудѣ. Нестройны и уродливы были старинныя вѣчевыя собранія, нескладны формы земскихъ совѣтовъ, мужиковаты ихъ отписки и отвѣстыя, но они служили проявленіемъ здоровыхъ умственныхъ силъ, потребности прочнаго общественнаго порядка и самоустройства жизненнаго. Въ настоящее время для насъ важны вовсе не эти старыя, грубыя, отжившія формы областныхъ земскихъ совѣтовъ, а важенъ только этотъ природный здравый смыслъ, инстинктъ, тактъ народный, проявившійся въ образованіи, въ починкахъ ихъ. Если въ грубую пору естественная жизнь народа развивала начала областныхъ собраній, то и въ настоящее время сознанные вопіющіе вопросы жизни народной, рѣшеніе которыхъ превышаетъ бюрократическія силы, требуютъ призванія и спроса самихъ мѣстныхъ общинъ, какъ лучше устроить ихъ бытъ и управленіе“.

Потомъ онъ старается доказать, что въ его возрѣніи на древнерусскую жизнь нѣтъ никакой отсталости, что оно оправдывается послѣдними выводами наукъ и просвѣщеннымъ опытомъ образованныхъ государствъ, что изучать минувшую жизнь не значитъ стремиться къ возстановленію отжившей старины.

„Народъ—это многочисленный общественный организмъ, это—природа, живущая и развивающаяся по своимъ естественнымъ законамъ, въ связи и взаимодействіи съ виѣшней физической природой. Исторія народа — это прежде всего естественная исторія его внутренняго, жизненно-органическаго саморазвитія, постепенное раскрытіе естественныхъ, природныхъ силъ, дарованій, инстинктовъ народнаго организма, народнаго прироженія, какъ говорили наши предки въ смутное время. Значитъ, народный организмъ, еще будучи юнымъ, въ самые младенческіе вѣка своего историческаго роста и воспитанія, въ самыхъ дѣтскихъ, такъ сказать, движеніяхъ, жела-

нiяхъ и поступкахъ, естественно, бессознательно, инстинктивно, по законамъ своихъ внутреннихъ силъ, можетъ обнаруживать свои природныя дарованiя, порывы и стремленiя, которыя, при благоприятныхъ обстоятельствахъ историческаго воспитанiя, въ послѣдующiе вѣка, могутъ и должны раскрыться уже не инстинктивно, а разумно—сознательно, просвѣщенно. И съ этой точки зрѣнiя, вовсе не славянофильствомъ будетъ—какъ, пожалуй, могутъ подумать строгiе систематоры - государственники, теоретики - цивилизаторы— то изученiе народной исторiи, которое физиологически анализируетъ прошедшую народную исторiю, какъ организмъ, старается углубляться собственно въ историческiя проявленiя духа народнаго, въ свободное историческое самовыраженiе, самоустройство, саморазвитiе, въ свободную жизнедѣятельность самого народа. Нѣтъ, не славянофильствомъ будетъ то изученiе исторiи, которое старается познать факты народной жизни, какъ члены, какъ жизненныя органическiя отправления, имѣющiя живую связь между собою и съ цѣлымъ народнымъ организмомъ, различить въ нихъ историческое, нормальное значенiе, исчезающее вмѣстѣ съ стариной, и внутреннiй, всевременный, вѣчный, жизненно-разумный смыслъ и значенiе въ организмѣ народномъ и, на основанiи такого анализа, познаванiя и различенiя, дѣлать выводы о внутреннихъ силахъ, дарованiяхъ, задаткахъ и стремленiяхъ народа. Такой анализъ естественной, свободнобытовой, внутренней исторiи собственно самого народа, народной жизни, вовсе не есть желанiе невозможнаго, неестественнаго возстановленiя отжившей старины, а это ни больше, ни меньше, какъ попытка изученiя физиологiи исторiи, которая теперь въ высшей степени у насъ необходима и желательна. Только при этомъ физиологическомъ изученiи исторiи народнаго организма, мы поймемъ истинную степень и силу жизненности, естественности, воспитательности и благоустроительности, благотѣльности для массы народнаго организма, для различныхъ составныхъ частей его, всѣхъ реформъ, всей правительственной, централизованной, политической системы петровской эпохи, всѣхъ центральныхъ и губернскихъ бюрократическихъ учрежденiй, и проч.“

Н. Г. Чернышевскому сильно хотѣлось привлечь на свою сторону Шапова, но съ тѣмъ, чтобы онъ измѣнилъ хотя отчасти свой историческiй взглядъ; съ этою цѣлью онъ устроилъ съ нимъ свиданiе, вечеромъ, на масляницѣ 1862 года, въ квартирѣ одного изъ литераторовъ, жившаго у Пяти угловъ. Цѣлый вечеръ продолжался горячiй споръ между ними о коренныхъ воззрѣнiяхъ на русскую историческую жизнь и современное состоянiе народовъ; Шаповъ узналъ только при прощанiи, съ кѣмъ онъ велъ долгiй и дѣльный споръ,— и однако ни на шагъ не уступилъ изъ своихъ выработанныхъ убѣжденiй. Съ той поры участiе его въ „Современникѣ“ сдѣлалось сомни-

тельнымъ, хотя онъ приготовлялъ туда статью лѣтомъ 1863 года, но самый журналъ скоро былъ запрещенъ.

Теперь на литературномъ поприщѣ громадное и избалованное самолюбіе Аѳанасія Прокофьевича не находило уже себѣ пищи: ему не удивляются, его вдохновенной рѣчью никто не восторгается и не раздаются нигдѣ дружныя рукоплесканія молодежи. Трудно тянуть ляжку рядоваго тому, кто хоть недолго испыталъ, что онъ можетъ быть командиромъ! А еще тяжелѣе тому, кто пришелъ къ полному сознанію, что никогда не возвратитъ ему въ будущемъ свѣтлаго прошлаго. Постоянное недовольство и томительная тоска чаще и чаще толкали его къ знакомому средству — залить горе зеленымъ виномъ; въ чаду похмѣлья онъ и плясалъ и плакалъ и затыгивалъ горькую пѣсню:

Ахъ, спасибо же тебѣ, сплелу кувшину, —
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску—кручину!

Такимъ образомъ, въ Петербургѣ сильнѣе и сильнѣе росло въ немъ пристрастіе къ пьянству, повторилось чаще и продолжительнѣе.

Въ такія тяжелыя минуты онъ не могъ усидѣть дома и искалъ развлеченій, которыя отличались своеобразнымъ характеромъ: то онъ очутится у Палкина и разругаетъ ни за что, ни про что, незнакомыхъ ему гвардейскихъ офицеровъ, обзоветъ деревянными солдатами—и сведутъ его за это въ кварталъ; то при деньгахъ залетится на Крестовскій слушать русскія пѣсни, весь хоръ и всю прислугу перепонтъ шампанскимъ и просадитъ сразу рублей 200, или сколько есть въ карманѣ, а на другой день отдастъ часы въ залогъ; то мчится къ какому-либо пріятелю и умоляетъ всѣми святыми, чтобы онъ постарался его вытрезвить, поселяется у него на нѣсколько дней, отнимаетъ рабочее время, а отъ него махнетъ прямо въ трактиръ, послѣ самаго основательнаго вытрезвленія.

Самымъ любимымъ развлеченіемъ его было разѣзжаться по улицамъ Петербурга и всю дорогу разговаривать съ извозчикомъ; ловкіе изъ нихъ разводили ему балясы о своемъ загнанномъ состояніи, о несчастной долѣ семьи и всѣхъ жителей въ селѣ, тонко подмѣчали симпатіи его изъ распросовъ и умѣли отвѣчать въ самую линію. Такихъ онъ щедро награждалъ и дарилъ имъ рубля по три, по пяти на разживу или на водку. Однажды я былъ свидѣтелемъ забавнаго случая, когда долго разѣзжалъ со Щаповымъ на извозникѣ, который оказался продувнымъ малымъ, хотя прикидывался очень простодушнымъ; онъ сразу понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и получивъ 3 рубля на водку, снялъ шапку и ловко сказалъ: „маловато, сударь, прибавьте!..“ Такая выходка сначала озадачила Щапова, потомъ разсмѣшила—и онъ еще далъ ему три рубля; тогда извозникъ спросилъ его имя, чтобы научить дѣтей поминать на молитвѣ. Видя простоту и безкорыстіе его до слабости, прислуга обманывала и обсчитывала его до безобразія; покупая какія-либо вещи, онъ никогда не требо-

валъ сдачи; за малѣйшую услугу онъ старался наградить роскошно, точно крупный капиталистъ. Вообще, какъ въ Казани, такъ и въ Петербургѣ, онъ оставался настоящимъ безребреникомъ, сразу пропуская деньги и всегда нуждаясь въ нихъ.

Щаповъ вѣчно толковалъ о народѣ и хвалился, что онъ знаетъ его отъ Камчатки до Казани; но проѣхать черезъ всю Россію отъ Восточнаго океана до Балтійскаго моря и изучить ея населеніе—двѣ вещи совершенно различныя. Справедливость требуетъ замѣтить, что онъ народа хорошо не зналъ и судилъ о немъ по воспоминаніямъ дѣтства до конца дней; когда развилось сознаніе, ему приходилось жить чуть не взаперти и по большимъ городамъ. Въ Казани ѣздилъ онъ раза два по селамъ взглянуть, какъ крестьяне празднуютъ семикъ или отправляютъ свадьбу,—въ Петербургѣ любилъ часто бесѣдовать съ извозчиками, но это нельзя назвать изученіемъ и знаніемъ народа. Онъ народъ зналъ настолько, насколько каждый семинаристъ, родившійся и выросшій въ селѣ. Онъ никогда въ глаза не видалъ хохла простолюдина, а въ восторгъ приходилъ отъ одного слова Малороссія — мати Украина; разумѣется, изучалъ онъ ее по стихотвореніямъ Т. Г. Шевченко и по статьямъ журнала „Основа“.

Щаповъ прожилъ полтора года въ квартирѣ Зосимскаго въ домѣ Фридрихса, въ одномъ корридорѣ съ своимъ пріятелемъ П. А. Муловымъ; только разъ, по приглашенію В. С. Курочкина, рѣшился провести лѣто 1862 г. на дачѣ Мердера въ Павловскѣ и напередъ восторгался и загадывалъ, какъ отлично пойдутъ у него занятія, среди окружающей хорошей природы. Но на-повѣрку оказалось, что никогда онъ съ такимъ ожесточеніемъ не кутилъ и столько глупостей не сдѣлалъ, какъ лѣтомъ на дачѣ. Въ Павловскѣ навѣстилъ я его разъ и нашелъ ту же картину, какую видѣлъ С. С. Пашковъ: В. С. Курочкинъ занималъ 11 комнатъ въ нижнемъ этажѣ дома, а Щаповъ столько же въ верхнемъ. „Когда я, лишаетъ Пашковъ, въ первый разъ пріѣхалъ въ эту квартиру Щапова, то чуть было не заблудился въ лабиринтѣ 11-ти большихъ комнатъ, изъ которыхъ только въ двухъ была мебель, да въ передней стоялъ диванъ. Щапова не было въ квартирѣ, прислуги тоже никакой не было, но я расположился какъ дома у огромнаго обѣденнаго стола, стоявшаго въ средней комнатѣ, на которомъ были самоваръ, чайникъ, стаканы, ромъ, игра, яйца и т. под... Время онъ проводилъ въ паркѣ и ресторанахъ, пребывая по цѣлымъ суткамъ въ трактирѣ „Парижъ“ и часто посѣщая деревню Славянку, гдѣ онъ участвовалъ въ хороводахъ, слушалъ пѣсни. Съ Курочкинымъ былъ онъ очень друженъ и никогда не вздорилъ, хотя часто спорилъ. Съ каждымъ изъ остальныхъ своихъ знакомыхъ онъ въ пьяномъ видѣ имѣлъ болѣе или менѣе непріятныя столеновенія и въ обществѣ былъ рѣшительно невыносимъ... Вино не только разрушало могучую натуру Щапова, но и доводило его до самыхъ непріятныхъ столеновеній. Подъ вліяніемъ винныхъ

паровъ онъ рѣшительно не въ состояніи былъ хоть сколько нибудь сдерживать свои страстные порывы, ни въ частныхъ домахъ, ни въ публичномъ мѣстѣ. Въ подобномъ состояніи онъ бывалъ иногда даже слишкомъ поверхностнымъ цѣнителемъ людей и наносилъ имъ незаслуженныя оскорбленія. Каждый военный мундиръ выводилъ его изъ себя: на одномъ вечерѣ онъ отказался подать руку и съ грубой бранью отвернулся отъ покойнаго писателя и переводчика П. А. Бибикова, который съ восторгомъ бросился ему на встрѣчу, потряхивая по обыкновенію своими густыми эполетами... Однажды въ Павловскѣ въ трактирной залѣ, наполненной рабочими и крестьянами, при видѣ проходившаго черезъ залу офицера, онъ совершенно вышелъ изъ себя и началъ говорить какую-то ужасную рѣчь („Дѣло“ 1876 г., № 4, стр. 156). Познакомившись съ профессоромъ А. А. Котляревскимъ въ Павловскѣ, Шаповъ началъ говорить объ ученыхъ предметахъ и вдругъ круто повернулъ: „А вы читали писцовыя книги?“ спросилъ онъ.—Нѣтъ, не читалъ, отвѣчалъ профессоръ. „Ну, послѣ этого я не хочу и говорить съ вами!..“ Наконецъ, на дачѣ онъ крупно разсорился съ Княгининскимъ, бывшимъ студентомъ казанскаго университета, человѣкомъ весьма скромнымъ и занимавшимся разными изобрѣтеніями по механикѣ“.

Раздражительность Шапова какъ разъ совпала съ временемъ сильнаго цензурнаго давленія на его сочиненія и лѣтомъ въ Павловскѣ, и глубокой осенью 1862 г. въ Петербургѣ. Изъ дома Фридрикса Шаповъ переселился на Гончарную улицу и занялъ двѣ уютныя комнаты, но прожилъ тамъ не долго, потому что рядомъ съ нимъ поселился въ квартирѣ офицеръ; это сосѣдство, которое выводило его изъ себя и на прежней квартирѣ, теперь окончательно его взбѣсило, и онъ перешелъ въ домъ Китнера на Вознесенскую улицу, опять къ Зосимскимъ. До какой степени сдѣлался подозрительнымъ Шаповъ, можно заключить по встрѣчѣ имъ новаго 1863-го года у Н. М. Соколовскаго: тамъ встрѣтился онъ съ добродушнѣйшимъ и образованнымъ начальникомъ отдѣленія, который подъ пьяную руку бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ и между прочимъ о польскомъ повстаніи. Не знаю почему онъ въ шутку сдѣлалъ замѣчаніе Шапову: „А, такъ вы либераль,—неожидаль этого“... а самъ высказалъ глубоко-либеральныя идеи. Тогда Аеанасій Прокофьевичъ опрометью бросился домой и не сомнѣвался, что начальникъ отдѣленія непременно на другой день сдѣлаетъ на него доносъ; ему даже пришла безумная мысль предупредить его, ѣхать тотчасъ и донести на него. Большихъ трудовъ мнѣ стоило уговорить его бросить эту затѣю, потому что я зналъ чиновника какъ прекраснаго человѣка.

Нотерпѣливый и порывистый нравъ Шапова доводилъ его иногда до наивныхъ дѣтскихъ поступковъ, которые могли насмѣшить до слезъ, а въ другой разъ подталкивалъ на такія выходы, которыя

чуть не оканчивались трагически. Когда онъ въ 1863 г. занималъ квартиру въ домѣ Китнера около Вознесенскаго моста и сильно заболѣлъ, то пригласилъ доктора, который сталъ его лечить и просилъ сильное внутреннее средство въ опредѣленныхъ размѣрахъ приѣма. Черезъ нѣсколько часовъ больному сдѣлалось очень плохо отъ приѣма лѣкарства; тотчасъ послали за докторомъ и привезли его. Входитъ онъ въ квартиру и видитъ, что въ пузырькѣ уже нѣтъ половины выписаннаго лекарства, и обращается съ удивленіемъ: „Куда же дѣвалось столько лѣкарства?“

— Это я выпилъ, отвѣчалъ наивно Шаповъ, такъ какъ увеличилъ приѣмы, чтобы поскорѣе выздоровѣть.

— Удивляюсь вашей сильной натурѣ! замѣтилъ докторъ. Другой, послабѣе, отъ такого страшнаго приѣма и безумнаго леченія давно бы отправился на тотъ свѣтъ! Вотъ вамъ рецептъ для облегченія боли, а я—слуга покорный, впередъ лечить васъ никогда не буду... Докторъ уѣхалъ и дѣйствительно ни разу не заглянулъ къ больному.

Третье литературное предпріятіе, въ которомъ Шаповъ принималъ участіе, тоже окончилось скоро неудачей; это—ежедневная газета „Очерки“, редакторомъ которой былъ опять Елисеевъ, а издателемъ Амплій Очкинъ, передавшій изданіе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ Коршу въ 1862 г. и затѣявшій новую газету. „Очерки“ появились съ января 1863 г. и служили образцомъ дѣльнаго и дешеваго изданія (за 360 номеровъ 9 руб. съ пересылкой), и можно было предсказывать имъ блестящій успѣхъ; но родственники Очкина убѣдили его бросить изданіе, отзывающееся рѣзкимъ тономъ и смѣлымъ направленіемъ. При появленіи газеты, Асоченскій называлъ редакторовъ и участниковъ ея Дантончиками, Робеспьерами и самымъ наглымъ образомъ старался раздуть противъ нея ненависть общества и преслѣдованіе правительства. Черезъ четыре мѣсяца, Очкинъ передалъ своихъ подписчиковъ Писаревскому, редактору газеты „Современное Слово“, и „Очерки“ перестали существовать въ концѣ апрѣля. Въ № 1-мъ Шаповъ помѣстилъ статейку фельетонную „Съ новымъ годомъ“, гдѣ вооружается противъ безсмысленнаго поздравленія съ новымъ счастьемъ, которое не бываетъ безъ новой мысли и новаго труда. „Общество наше, пишетъ онъ, страдаетъ бѣдностью, мелочностью мысли и неразвитостью; свѣтлая и живая мысль остается въ области науки и неоплодотворяется въ обществѣ, не уважается имъ и не развита потребность глубокаго мышленія въ недоумочной высшей свѣтской публикѣ. Печальнымъ результатомъ историческаго воспитанія Россіи служитъ нравственное разслабленіе духа, силы воли и характера народнаго; все идетъ неподвижно, скрипитъ на авось, не видно новыхъ предпріятій и улучшеній. Поэтому истиннаго счастья имъ нужно добиваться энергической гражданской инициативой и самодѣятельностью, энергическимъ трудомъ гражданской мысли, слова, чувства, добродѣтели, энергическою гражданскою общественною

стремительностью. Безъ разумно-нравственной гражданской свободы, безъ свободы юридическаго и экономическаго саморазвитія народнаго, не можетъ быть народной инициативы и успѣха въ просвѣщеніи и въ общественномъ матеріальномъ благополучіи“. Старый 1862 годъ онъ считалъ мрачнымъ и бѣдственнымъ.

Другую статью Шаповъ помѣстилъ въ „Очеркахъ“ (№№ 2 и 3), по поводу разработки вопроса о земскихъ учрежденіяхъ, подъ заглавіемъ: „Замѣтка о самоуправленіи“. Здѣсь онъ разъясняетъ исторически, что земство на Руси означаетъ искони вѣковъ „весь поземельно-общинный союзъ, всю совокупность или массу народонаселенія, связаннаго единствомъ или географическою нераздѣльностью, цѣльностью занятой имъ земли, единствомъ земскихъ интересовъ и, какъ говорили наши предки, любовью, совѣтомъ и соединеніемъ, безъ различія чиновъ, сословій и этнографическаго разнообразія. Народъ представлялъ себя всегда братствомъ, соединеннымъ узами одной общей матери-земли. По общности, всенародности земли и по нераздѣльности, цѣльности земства,—и кругъ или объемъ областной земской выборности и областныхъ земскихъ собраній вырабатывался цѣльный, обнимавшій какъ города, такъ и уѣзды, и людей всѣхъ чиновъ городскихъ и уѣздныхъ, выборныхъ и мірскихъ жилацкихъ людей, духовныхъ и торговыхъ лицъ, крестьянъ и инородцевъ. Съ XVIII вѣва, реформами Петра Великаго, его преемниковъ и Екатерины II-й, радикально разстроена была изначальная естественно-историческая цѣльность земли; земля уже всецѣло отошла отъ народа къ государству, стала не общею питаною матерью земства, а служебно-крѣпостною основою имперіи. Поземельная собственность сосредоточилась въ рукахъ сильнаго дворянства и сословное раздѣленіе земства дошло неизбѣжно до крайности, до замкнутости. Теперь не одна земля должна быть источникомъ производительности, предметомъ реальной, умственной и нравственной культуры, естественнымъ условіемъ общественной жизни и благосостоянія народа. Теперь наука, литература, искусства, составляютъ жизненную потребность земства; если земля есть экономическая сила, то и знаніе есть сила. Пора въ 8-ми милліонахъ инородцевъ признать земскія права, на равнѣ со всѣми; каждое сословіе имѣетъ право на заявленіе передъ закономъ своихъ самобытныхъ интересовъ, на заботу о самоусовершенствованіи удовлетвореніи своихъ нуждъ. Только при равноправномъ и дружномъ, всецѣломъ и всеобъемлющемъ самовыраженіи всѣхъ составныхъ самобытно-общественныхъ силъ, интересовъ, можетъ быть истинный, разумно-человѣчный и, по возможности, ровный прогрессъ общества и народа“.

Забылъ точно, къ какому времени относится одно весьма непріятное происшествіе для Шапова, кажется къ концу 1862 г., когда онъ не былъ уже въ связи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; это обстоятельство заключается въ слѣдующемъ. Нѣкто Ничицо-

ренко, терпѣясь въ петербургскомъ литературномъ кругу и сдѣлавшій въ началѣ 1863 года доносъ на И. С. Тургенева, обвиняя его въ сношеніяхъ съ Герценомъ,—показалъ по начальству тоже о Щаповѣ и В. Курочкинѣ. Кромѣ того, онъ старался обвинить ихъ въ принадлежности къ тайному обществу, а Щапова уличалъ, будто онъ на вечерѣ у Курочкина читалъ письмо къ нему Герцена и длинное письмо, написанное имъ самимъ князю Вяземскому и направленное противъ русскаго дворянства. Щапова вызывали на слѣдствіе и ставили на очную ставку съ Ничипоренко; онъ высказалъ, что въ пріятельскомъ кругу много говорится разныхъ разностей, да можно ли придавать имъ серьезное значеніе? Самымъ невиннымъ разговорамъ люди сообщаютъ опасный смыслъ и характеръ, когда захотятъ, особенно если нуждаются въ этомъ; кажется, Талейранъ говаривалъ: „дайте мнѣ только три слова, сказанныя кѣмъ-нибудь, и я найду въ нихъ смыслъ, который поведетъ сказавшаго ихъ на висѣлицу“. Ничипоренко самъ уличается въ либерализмъ и, очевидно, донося на другихъ и желая утопить ихъ, имѣетъ цѣлью свалить съ себя вину... „Если бы Герценъ дѣйствительно написалъ мнѣ письмо, то изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ: содержаніе письма можетъ быть совершенно невинное и притомъ отъ него зависитъ разсмѣять по сотнѣ писемъ ежедневно, даже самыхъ задорныхъ, разными лицамъ, которыхъ онъ никогда не видалъ, и которыхъ совсѣмъ не желаютъ имѣть съ нимъ сношеній. Письмо князю Вяземскому я читалъ, желая знать о немъ мнѣнія опытныхъ литераторовъ, и они мнѣ отсовѣтывали посылать его: я такъ и сдѣлалъ. Какой же я этимъ принесъ вредъ и что же здѣсь преступнаго?“ Въ такихъ чертахъ давалъ показаніе Щаповъ на слѣдствіи, какъ сообщалъ мнѣ въ тотъ же день. Хотя видимо не пострадалъ онъ отъ этого доноса, но остался въ сильномъ подозрѣніи, и такимъ путемъ новый фактъ неблагонадежности присоединился къ прежнимъ однороднымъ, имѣлъ силу при рѣшеніи о высылкѣ его изъ Петербурга въ 1863 году.

IX.

Личность Ольги Ивановны Жемчужиновой.—Знакомство ея со Щаповымъ.—Рѣшеніе выслать его изъ Петербурга.—Сужденіе его о современномъ состояніи русскаго общества и народа.—Увлеченіе его естественными науками.—Замыселъ создать новую систему русской исторіи.—Жизнь его въ клиникѣ Заблоцкаго.—Отношенія его къ Ольгѣ Ивановнѣ.—Отъѣздъ изъ Петербурга въ Иркутскъ.—Взглядъ на сочиненія Щапова.

Съ Ольгой Ивановной Жемчужиной, какъ звали ее родные, я познакомился въ ноябрѣ 1861 года на вечерѣ, когда происходило обрученіе моего родственника на ея двоюродной сестрѣ. Съ перваго

взгляда она показалась мнѣ черезчуръ солидной не по лѣтамъ и сухо разсудительной; въ тотъ же вечеръ я долго спорилъ съ ней и относился съ ироніей къ ея личности, рано начавшей вести себя пожилой женщиной; на мои разспросы всѣ отвѣчали дружно, хвалили ея умъ и характеръ, говорили объ ея порядочномъ образованіи, любознательности и начитанности. Тутъ я узналъ, что она была дочь бѣднаго псковскаго учителя семинаріи, рано осталась круглой сиротой и воспитывалась въ домѣ дяди своего, протоіерея Еккатерининской церкви (на Васильевскомъ островѣ, въ 1-й линіи), И. А. Меліоранскаго. Она училась въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, хорошо владѣла французскимъ языкомъ и любила читать серьезныя статьи и книги, преимущественно историческаго и политическаго содержанія или сатирическія произведенія русской литературы, и сама давала иногда частныя уроки. Родные прочили выдать ее за магистра духовной академіи, предоставить ему мѣсто священника въ столицѣ чрезъ ходатайство Г. П. Павскаго и на святкахъ пріѣзжалъ женихъ Жемчужниковой; но дѣло это не пошло на ладъ, потому что невѣста не понравилась ему ни по наружности, ни по рѣзкому тону разговоровъ и характеру поведенія. Дѣйствительно, Ольга Ивановна была некрасива: блондинка средняго роста, съ жидкими волосами, съ сѣрыми глазами на кругломъ лицѣ, съ выдавшеюся нижней челюстью и развитой нижней губой; она не была художава, но почти всегда блѣдна; лицо ея было выразительно, но ему недоставало мягкости и нѣжности, а нѣкоторыя черты были неприятны. Методическая, медленная рѣчь и вѣчная серьезность какъ-то плохо клеилась съ ея молодостью и отзывалась искусственностью. Не знаю, насколько вѣрно, но мнѣ передавали, будто строгая тетка Меліоранская служила для нея во многомъ образцомъ, которая тогда была уже покойница. Самъ протоіерей, разбитый параличемъ, былъ необыкновенный простакъ и добрякъ, велъ жизнь самую аккуратную и почти все время проводилъ въ приходѣ; его дѣти и Ольга Ивановна оставались на полной свободѣ и средствами не стѣснялись; ихъ постоянно навѣщали гимназисты, студенты, родные и знакомые, и всегда находили самый радушный пріемъ. По случаю движенія студентовъ университета осенью 1861 г. въ Колокольную улицу, двоюродный братъ ея и хорошо знакомый студентъ были арестованы и отправлены въ Кронштадтъ; это обстоятельство не прошло безслѣдно для развитія молодой и энергической дѣвицы. Освобожденные изъ крѣпости студенты сдѣлались для Ольги Ивановны страдальцами за правду и своего рода героями; они расиѣвали сатирическую оперу, сочиненную въ крѣпости; дѣйствующими лицами были начальники, и хоры студентовъ пѣли, какъ гасить просвѣщеніе, уничтожить сходки и проч. Хотя все это отзывалось дѣтствомъ, но имѣло вліяніе на юные умы и вызывало протестъ и недовольство. Въ 1862 году происходили многочисленныя аресты студентовъ и литераторовъ

изъ числа арестованныхъ были знакомы Меліоранскихъ, о чемъ у нихъ на вечерахъ шли постоянные толки и оживленные рассказы. Все это дѣйствовало на Жемчужникову раздражительно, и она живо сострадала судьбѣ гонимыхъ и заключенныхъ, и сама готова была переносить ту же участь и страдать за правду. Она выписывала запрещенныя сочиненія, бывала иногда на собраніяхъ женскихъ, гдѣ разсуждали о современномъ состояніи и трудѣ женщинъ, безъ всякой предвзятой мысли и цѣли, безъ желанія выдаваться впередъ, съ искреннимъ стремленіемъ помочь бѣднымъ дѣвицамъ. Какъ дитя своего времени, она попала въ кругъ живаго тогдашняго движенія молодежи и сочувствовала всѣмъ высокимъ стремленіямъ, на которыя смотрѣла болѣе съ идеальной точки зрѣнія, чѣмъ съ практической.

Ольга Ивановна хорошо знакома была съ Н. Г. Помяловскимъ, который пользовался большимъ ея уваженіемъ и имѣлъ вліяніе на складъ характера и направленіе воззрѣній. Хотя онъ навѣщалъ Меліоранскихъ рѣдко, но зато мѣтко: просиживая иногда до глубокой ночи по цѣлымъ вечерамъ, онъ свободно изливалъ накипѣвшую злобу и давалъ полный просторъ своему рѣзкому сатирическому раздраженію. Прямота и твердость воли, рѣзкость сужденій и откровенность составляли выдающіяся черты характера Жемчужниковой; при этомъ она не любила щегольства и отличалась глубокимъ состраданіемъ ко всѣмъ бѣднякамъ и горемыкамъ. При такомъ душевномъ настроеніи, особенно по сердцу пришлись ей сочиненія Шапова, которыя она всегда читала съ большимъ удовольствіемъ и увлеченіемъ, восторгалась его задушевной энергической рѣчью и высокой цѣлью—помочь страдальцамъ. Зная о протестѣ Шапова въ Казани, его ссылкѣ и судьбѣ, она часто спрашивала меня о его житьѣ-бытьѣ и занятіяхъ; она слышала, какъ онъ не ладилъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и какъ хотѣли сослать его въ Соловки, и видимо сильно заинтересовалась личностью этого ученаго сибиряка. Когда я показалъ ей карточку Шапова, ее сильно поразили азіатскія черты его фізіономіи и волнистые длинные волосы; потомъ не разъ она высказывала мнѣ свое сильное желаніе познакомиться съ нимъ,—я обѣщавъ доставить ей это удовольствіе, но долго почему-то не удавалось. Во „Времени“ 1862 г. (№№ 10 и 11) появилась статья Шапова „О бѣгунахъ“ и я доставилъ Ольгѣ Ивановнѣ книжку съ собственноручными его отмѣтками на поляхъ о непрощенныхъ мѣстахъ цензурой. Надо было дивиться, въ какомъ сильномъ волненіи находилась она, когда читала вслухъ, въ кругу нѣсколькихъ лицъ, эту статью о состояніи Россіи въ XVIII стол.; она то краснѣла, то блѣднѣла отъ волненія при описаніи горько-слезной жизни крестьянства, солдатства, кучечества и проч. вмѣстѣ съ авторомъ она сокрушалась отъ глубины сердца о горемычной, забытой крѣпостной и служилой массѣ народа; ее бросало въ дрожь и слезы выступали на глаза, когда развертывались передъ ней картины страданій разныхъ клас-

совь общества, отчего размножились толпы бѣглыхъ и разбойниковъ. По окончаніи чтенія, она снова начала меня усиленно просить хотя только посмотрѣть на Шапова; я обѣщалъ ей показать ей этого сибирскаго дикаго медвѣдя и добавилъ въ шутку, что онъ права свирѣпаго и можетъ укусить ее. Я сдержалъ свое слово,—и познакомилъ ее съ Аванасіемъ Прокофьевичемъ на святкахъ 1862 года въ квартирѣ вдовы профессора с.-петербургскаго университета, М. Н. Жиряевой, у которой я занималъ одну комнату и которая доводилась двоюродной сестрой Ольгѣ Ивановнѣ.

Свиданіе ея со Шаповымъ произвело на нее необычайное впечатлѣніе: сильная и пылкая рѣчь его о народныхъ несчастіяхъ и притѣсненіяхъ совсѣмъ отуманила ее, только блескъ глазъ и румянецъ пятнами, бросившійся ей на лицо, обличали внутреннее ея настроеніе. Говорила она съ Аванасіемъ Прокофьевичемъ мало, зато слушала его съ восхищеніемъ, и этотъ вечеръ рѣшилъ всю ея послѣдую судьбу. Бесѣдовалъ онъ тогда очень сдержанно въ кругу незнакомыхъ ему женщинъ, сначала стѣснялся, а потомъ сталъ держать себя просто и естественно, говорилъ откровенно и прямо. Ольга Ивановна смотрѣла на него, какъ на истиннаго пророка, а Шаповъ точно нарочно подливалъ масло въ огонь, толкуя на тему пророка Лермонтова: „Пускай бросаютъ въ насъ бѣшено каменья и презираютъ насъ, пусть мы будемъ наги и босы, мы никогда не отпремся отъ своихъ словъ, не бросимъ малодушно своихъ убѣжденій, даже въ виду ссылки и казни!“.. Тогда же онъ пригласилъ къ себѣ вечеромъ 1-го января 1863 года Жиряеву и гостей, съ которыми познакомился. Принимая у себя гостей, онъ сильно былъ чѣмъ-то озабоченъ, и ему хотѣлось угостить ихъ какъ можно лучше, но при его мастерствѣ хозяйничать все у него плохо клеилось, пока новыя знакомки не отняли у него распоряженіе хозяйствомъ. Онъ ни за что не хотѣлъ отпустить домой гостей безъ шампанскаго; но такъ какъ вздумалъ объ этомъ поздно ночью, то посланная прислуга долго отыскивала незапертый погребъ или гостинницу, къ великой досадѣ нетерпѣливаго хозяина, выражаемой очень рѣзко. Наконецъ, принесли бутылку шампанскаго, весело распили съ остроумными благожеланіями на новый годъ и поздно разѣхались по домамъ. Смотри на необычайное благодушіе Ольги Ивановны, я не сомнѣвался, что шампанское было кстати и согласовалось съ ея тайнымъ стремленіемъ—во что бы то ни стало отдаться Шапову, и вечеръ 1-го января служилъ чѣмъ-то въ родѣ помолвки. Ничего особеннаго она не высказывала, но ея непривычная веселость, игривая нѣжность и приятная улыбка наводили меня на мысль объ окончательномъ ея рѣшеніи.

Скоро для Шапова настало критическое положеніе: за разныя похождения по петербургскимъ гостинницамъ и безпорядочную жизнь рѣшили выслать его въ восточную Сибирь, на мѣсто родины. Когда

дошла эта горестная вѣсть до Мелиоранскихъ, Ольга Ивановна совсѣмъ была ошеломлена; безъ всякихъ размышленій она сѣла одна на извозчика, явилась въ квартирѣ Аванасія Прокофьевича, откровенно выразила ему свои чувства и полную рѣшимость слѣдовать за нимъ, куда бы его ни послали въ ссылку. Такимъ образомъ, ихъ отношенія сразу опредѣлились.

Щаповъ забылъ о своей высылкѣ и пришелъ въ восторгъ, что отыскалъ женщину, о которой давно мечталъ и уже пересталъ вѣрить въ ея существованіе. Весьма нерѣдко онъ любилъ разсуждать о ничтожествѣ и пустой виѣшней образованности дѣвицъ и женщинъ средняго и высшаго круга и съ отчаяніемъ иногда прибавлялъ: „Найдется ли такая женщина, которая могла бы служить поддержкой нашего брата-страдальца, съ юныхъ дней исковерканнаго, искалѣченнаго болѣзнями и невзгодами житейскими? Нѣтъ, не сыщешь такихъ самоотверженныхъ въ сотняхъ тысячъ: имъ нужны вылощенные, пустыне кавалеры, а быть подругой и опорой умнаго, честнаго и трудолюбиваго дѣятеля, но неловкаго и неполированнаго по наружности онѣ не въ состояніи!“ Въ заключеніе своего длиннаго запальчиваго монолога, онъ спрашивалъ переиначенными словами Пушкина:

„Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
А съ пылкой доброй, умною душой?“

Между женщинами онъ искалъ самоотверженную провозвѣстницу новыхъ идей, которая шла бы рядомъ съ образованнымъ мужчиной и дружно помогала бы ему въ трудахъ ученыхъ и успѣшномъ достиженіи цѣли. Въ своей думѣ „Гражданская грусть“ онъ обращается къ женщинѣ аристократкѣ и восклицаетъ: „О, если бы ты, величественная, гордая княжна, царица вѣтренныхъ пустыхъ сердецъ, гуляя по Невскому, при видѣ простыхъ людей, углублялась въ глубокія думы и высокія чувства! Ты бы сняла съ нашихъ сердецъ половину тяжелаго бремени гражданской грусти и думъ горько-слезныхъ... Ты бы явилась царицей—уже не вѣтренныхъ, пустыхъ сердецъ, а сердецъ простыхъ, неспорченныхъ, ждущихъ истинно-человѣчнаго развитія, облагороженія, гуманизированья, и сердецъ глубоко-чувствующихъ, просвѣщенно- и гуманно-чувствующихъ... Ты была бы могучей пророчицей и проповѣдницей новаго социальнаго порядка гражданственности... Но, къ величайшему прискорбію и несчастью, мнимо-аристократическая головка твоя, княжна, не способна къ гуманно-демократическимъ головоломнымъ, горько-мысленнымъ думамъ, а сердце твое слишкомъ иссохло, извѣтрилось отъ пустоты увлеченій, отъ легкомысленной празднои жизни, праздныхъ забавъ, и не можетъ ужъ въ немъ горячо, пламенно теплиться святая, благородная, глубоко-думная гражданская грусть... Ты и сама на Невскомъ являешься для насъ источникомъ грустной гражданской думы и злой ироніи“...

И вотъ Щаповъ нашелъ осуществленіе своего идеала въ Ольгѣ

Ивановѣ, которая заявила готовность стать помощницей его тяжелыхъ трудовъ на всю жизнь. Тогда начались за него усиленные ходатайства, чтобы онъ оставленъ былъ въ Петербургѣ; лица, которыя добивались его высылки, согласились оставить въ покоѣ, только съ тѣмъ неизмѣннымъ условіемъ, чтобы онъ жилъ въ клиникѣ Заблоцкаго подъ строгимъ присмотромъ, а выѣзжалъ только къ знакомымъ, которые берутъ его на поруки. Такъ онъ скоро поселился на житье въ клинику.

Въ 1863 году Аванасій Прокофьевичъ сильнѣе и сильнѣе началъ увлекаться западно-европейскимъ образованіемъ, и отличительныя черты русской жизни пересталъ выдвигать на первый планъ, о славянофилахъ писалъ, какъ о лицахъ, стремящихся къ восстановленію не только старорусскихъ началъ, но и формъ минувшей жизни. Таковой взглядъ онъ развилъ въ статьѣ: „Новая эра. На рубежѣ двухъ тысячелѣтій“. („Современ. Слово“, 1863 г. Прибавл. къ № 5). Находя, что наши два главныхъ направленія—славянофильское и западноевропейское—равно естественно-историческія и благотворныя для міросоверщанія, онъ зарожденіе перваго направленія, какъ жизненно-бытоваго, относить ко времени реформъ царя Алексѣя Михайловича, а усиленіе его—къ XVIII вѣку. Ученіе славянофильское по его словамъ отличается одностороннимъ московскимъ историческимъ старовѣрствомъ,—и мы „выйдемъ слишкомъ неразумными старовѣрами, если станемъ желать востановленія самыхъ формъ допетровской, хотя бы и вѣчевой Руси, которыя давнымъ давно самъ народъ съ плачемъ—рыданьемъ скоронилъ и теперь не помнить“... Русская народность существуетъ для всего человѣчества; народъ русскій долженъ примирить, соединить въ братскій союзъ востокъ съ западомъ. Но и самое здоровое, европейское направленіе русской мысли, взятое въ его крайностяхъ, тоже односторонне, потому что у нѣкоторыхъ писателей доходить до отрицанья самостоятельности народнаго историческаго характера, творческаго такта, всѣхъ живыхъ саобытныхъ силъ. Не все же пользоваться намъ готовыми выводами западной мысли и науки: въ самыхъ темныхъ массахъ кроются бытовныя начала, какъ сѣмя развитія свободно-общиннаго быта, да и жизнь народная не *tabula rasa*, а сила, творящая исторію по своимъ внутреннимъ законамъ.

Наше меньшинство раздѣляется еще на централистовъ и федералистовъ. Централизація создала общій внѣшній порядокъ, а федерація, не нарушая единства, можетъ способствовать внутреннему саморазвитію массъ народныхъ естественнѣе и правильнѣе. Идея федераціи присуща духу русскаго народа, такъ же, какъ имперія, имѣеть основу историческую. Эти политическія идеи централизаціи и федераціи заключаютъ каждая свою долю истины, жаль только, что они разрознены до нестерпимости, а слѣдовало бы уяснить скорѣе жизненное призваніе русскаго народа. Образованное меньшин-

ство должно всѣми силами распространять просвѣщеніе въ массахъ народа, развивать понятіе о разумности закона, чтобы пробудить въ немъ прежнюю свободную самостоятельность. Безъ единенія съ народомъ, въ будущемъ всѣ наши усилія были бы бесплодны; но рознь еще долго будетъ существовать, и самое пробужденіе народное можетъ ускользнуть изъ рукъ просвѣщеннаго меньшинства, которое должно взять надъ нимъ опеку и нравственную диктатуру. Выработайте сами формы общественнаго устройства, сродныя народу, и онъ ухватится за нихъ, оцѣнивъ ихъ практическое значеніе.

За образованнымъ меньшинствомъ идетъ общество, надѣленное только внѣшними формами европейской общественности, которое не развивалось ограниченно цѣльно и стройно; столичныя два общества идутъ впереди другихъ и обязаны вести вадое полуобразованное населеніе другихъ городовъ. Общество наше апатично, гѣнливо во всему, что дѣлано и серьезно; пора петербургскому и московскому обществамъ показать примѣръ общественнаго пробужденія и пересозданія. Петербургъ долженъ передать выводы западнаго ума и вѣковаго опыта, а Москва оживотворять европейскимъ разумомъ самобытные народные элементы силы, дарованія, для приведенія въ общій складъ европейскаго братства. Пора городскимъ обществамъ бросить вражду и сословные предразсудки и жить въ любви и совѣтѣ.

Огромныя массы русскаго народа чужды образованнымъ людямъ, которые не научили ихъ даже своей родной исторіи, крестьяне знаютъ ее изъ своихъ былинъ и пѣсней. Массы сохранили свою старинную силу воли, богатырскую мощь; въ эпоху воли они устроили русскую землю трудомъ и потомъ великимъ; во время неволи народъ испытывалъ тяжелую судьбу, порывался къ волѣ, создалъ свои цѣли и стремленія своеобразныя. Теперь задача правительства и образованнаго меньшинства состоитъ въ томъ, чтобы облагораживать свободное внутреннее саморазвитіе народа европейскимъ просвѣщеніемъ. Сельскій міръ долженъ служить корнемъ для организациі новаго земскаго міра, для городскихъ общинъ.

Позади темныхъ массъ русскаго народа, на встрѣчу тысячелѣтій идутъ покоренные восточныя народы. Европа давно ждетъ чрезъ насъ союза востока съ западомъ; но наше стремленіе на востокъ доселѣ имѣло характеръ невольнаго переселенія. Иностранцы востока коснѣютъ въ первобытномъ состояніи безъ всякой культуры; пора сознать, что мы обязаны ввести ихъ въ общеевропейскую семью, дать просвѣщеніе и свободныя права, какъ своимъ восточнымъ братьямъ. Въ тотъ день, когда мы сдѣлаемъ человѣколюбивый привѣтъ иноподданцу въ составъ общеевропейской семьи, востокъ заключитъ ожидаемый Европой завѣтъ съ Западомъ „и Европа признаетъ Россію за великій народъ“.

Въ этихъ идеалахъ Шапова для будущаго устройства Россіи нельзя не видѣть значительной уступки въ пользу направленія „Со-

временника", такъ что онъ образованныхъ людей на европейскій ладъ считаетъ способными взять народъ въ опеку и нравственную диктатуру въ дѣлѣ преуспѣянія, сочинять сродныя для народа формы управленія и т. п.

Еще въ Казани онъ выражалъ повременамъ увлеченіе иностраннымъ образомъ либеральнаго управленія государственнаго; теперь же совсѣмъ сдѣлался сторонникомъ конституціи, которую считалъ пригодной для русскаго народа, хотя понималъ ее по-своему.

Въ великій постъ 1863 года одинъ прїѣзжій рижскій купецъ изъ раскольниковъ поморскаго согласія познакомился со мной случайно и сталъ просить меня отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ Шапову. Поѣхали мы съ нимъ въ клинику Заблоцкаго и купецъ, по русскому обычаю, повезъ ему въ подарокъ три или четыре фунта чаю, какъ сибиряку и любителю его. Долго и задушевно они бесѣдовали между собою о положеніи рижскихъ раскольниковъ, изъ которыхъ иные плохо говорятъ по-русски, курятъ свободно сигары, а перстосложеніе держать истовое двуперстное. „Мы прїѣхали къ министру хлопотать о гражданскихъ бракахъ; горе намъ великое, что нашихъ дѣтей не считаютъ законными и нельзя передать имъ наслѣдства. Вотъ у меня ихъ шестеро; случись со мной гнѣвъ Господень,—ну, и останутся нищими, а все мое добро, трудомъ нажитое, хинью пойдетъ“. Такъ говорилъ купецъ и между прочимъ завелъ рѣчь о газетѣ раскольниковъ, которой имъ не позволяютъ издавать, что они теперь рѣшили печатать ее за-границей; онъ предложилъ Аванасію Прокофьевичу, не желаетъ ли онъ быть ея редакторомъ, за что станетъ получать полное обезпеченіе, но тотъ на-отрѣвъ отказался. Это посѣщеніе старообрядца, знавшаго Шапова только по сочиненіямъ, весьма обрадовало его, какъ несомнѣнное доказательство, что его сочиненія имѣютъ значеніе и въ кругу раскольниковъ.

Въ Петербургѣ Аванасій Прокофьевичъ глубже прежняго почувствовалъ односторонность своего образованія; переводы исторіи Бюлля, разныхъ иностранныхъ сочиненій по естественнымъ наукамъ, которыми у насъ тогда бредили старые и малые, возбудили въ немъ непреодолимое желаніе—построить русскую исторію на началахъ естественныхъ наукъ. И вотъ онъ съ жаромъ взялся за чтеніе разныхъ переводныхъ сочиненій по физиологій, анатоміи, географіи, этнографіи, по статистикѣ, зоологій и проч. Развитію охоты его къ изученію естественныхъ наукъ служило постоянное собесѣдованіе съ медицинскими студентами, когда онъ принужденъ былъ долгое время жить въ клиникѣ, въ отдѣльной комнатѣ офицерской палаты. Тамъ онъ велъ постоянные разговоры и споры со студентами по вопросамъ естественныхъ наукъ; не усвоивъ ихъ собою, онъ быстро сталъ начала ихъ прилагать къ минувшей и современной жизни русскаго народа. Поспѣшные выводы и заключенія его выходили односторонни, неосновательны, а иногда крайне нелѣпы. Къ тому же учиться

вновь естественнымъ наукамъ и въ то же время существовать литературной работой оказалось неподручнымъ, даже при его галантливости; статьи его стали слабѣе, а нѣкоторыя отличались уродливостью. Къ числу такихъ принадлежитъ очеркъ „этнографической организаціи русскаго народонаселенія“, о которомъ онъ самъ говоритъ, что рѣшился напечатать его, „несмотря на все свое безсиліе“ и его не-обработанность.

По поводу своихъ увлеченій естественными науками онъ пишетъ: „Грустно, что у насъ каковой-нибудь семинаристъ — невѣжа, смутно сознавая все особенное удобство и всю необходимость естественно-историческаго изученія русской народной жизни, чувствуетъ въ себѣ непреодолимое желаніе знать русскую исторію, какъ естественную исторію народа,—и не находитъ въ себѣ ни силъ, ни подготовки изучить ее въ такомъ направленіи. А люди, знающіе, имѣющіе для того и силы и подготовку, молчатъ. Грустно, что у насъ историкъ большею частью не знаетъ фактовъ и законовъ естественныхъ; а естественникъ, который долженъ бы пролить свѣтъ на русскую народную исторію, не знаетъ фактовъ историческихъ. Гумбольтъ, великій географъ Рихтеръ, Кетле и Либихъ первые освѣтили лучемъ естественной истины, естественныхъ законовъ, истины и законы исторіи, — и тамъ явился Бокль. А у насъ кто освѣтитъ нашу исторію?..“ Это сознаніе Щаповымъ трудности избираемаго пути и желаніе стать въ родъ Бокля для русской науки весьма важно; оно характеризуетъ его неугомонное стремленіе работать и проложить новый путь для движенія русской исторіи, его крайнюю самонадѣянность на свои силы и самолюбивыя цѣли въ будущемъ.

Весной 1863 года, Щаповъ временно лечился у профессора Боткина въ клиникѣ и выправлялъ продолженіе статьи, начатой съ января, для „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“— „Очерки народнаго міросозерцанія“, уснащая ихъ усердно цитатами изъ сочиненій по естественнымъ наукамъ. Я привозилъ ему цѣлыя вязанки книгъ по его просьбѣ изъ бібліотеки Крашенинникова и другихъ; изъ нихъ онъ заимствовалъ вставки и дополненія, которыя иногда совсѣмъ были ненужны. „Еще въ 1859 году, пишетъ онъ въ предисловіи, мы занялись собраніемъ матеріаловъ для „историческихъ“ очерковъ народнаго міросозерцанія и суевѣрія. Къ сожалѣнію, работа наша неожиданно была прервана. Только два очерка, и то въ отрывкахъ, были напечатаны въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, именно: „Очеркъ народнаго христіанско-космогическаго міросозерцанія“ и „Взглядъ древне-русскихъ, преимущественно простонародныхъ, пустынножи телей на природу“. Самый первый очеркъ, составляющій введеніе, именно „Очеркъ религіозно-языческаго или миеологическаго славяно-русскаго міросозерцанія“, остался въ рукописи у студентовъ казанскаго университета. Остальные, готовые очерки, какіе сохранились подъ руками, теперь считаемъ не бесполезнымъ по-

степенно напечатать, не придерживаясь строго систематическаго порядка. Не имѣя подъ руками прежнихъ источниковъ, какіе представляла въ Казани соловецкая рукописная бібліотека, и не имѣя прежней возможности свободно заняться обработкою всѣхъ добытыхъ тогда матеріаловъ, предлагаемъ очерки въ томъ видѣ, какъ они были первоначально составлены“.

Впрочемъ, эти очерки печатались не въ томъ же видѣ, въ какомъ составлены въ Казани, а съ желаніемъ вводить по мѣстамъ разсужденія о предметахъ естественныхъ наукъ; уже въ предисловіи онъ совѣтуетъ писать русскимъ ученымъ популярныя книги по разнымъ отраслямъ естествознанія, по примѣру западныхъ ученыхъ— Бювье, Араго, Изидора Жоффруа Сентъ-Илера, Шлейдена и другихъ. Далѣе видимъ нерѣдкія указанія на другихъ иностранныхъ ученыхъ. Напримѣръ, въ очеркѣ „Народныя воззрѣнія на міръ и его явленія“ онъ разсуждаетъ о мировой системѣ Лапласа, всемірномъ тяготѣніи— Ньютона, о космической сущности луны Шлейдена и т. под. Иногда, вмѣсто положительнаго изложенія русскихъ воззрѣній на міръ, онъ высказываетъ отрицательные, никому ненужные выводы; тѣмъ же характеромъ отличается самое заключеніе очерка воззрѣній на небо. „Небо для нашего простаго народа—темна вода во облацѣхъ небесныхъ, необъятный предметъ грубыхъ суевѣрій и предразсудковъ... Теперь изъ 72 милліоновъ народонаселенія едва ли найдется у насъ полмилліона людей, знающихъ основательно небесный сводъ... Отъ этого незнанія, огромныя массы нашего народа, на земной планетѣ, въ глубокихъ умственныхъ потемкахъ, коснѣютъ въ какомъ-то патологическомъ состояніи супранатуралистической уранологіи, астральной пневматологіи и т. п.“ („Ж. Мин. Нар. Пр.“ 1863 г. VII, стр. 27).

Весной, когда онъ выправлялъ „Очерки земледѣльческаго міросозерцанія“, въ одной съ нимъ палатѣ клиники Боткина помѣщенъ былъ Н. Г. Помаловскій, въ сильнѣйшей степени развитія бѣлой горячки: то ему являлся его дѣдушка съ книгой въ рукахъ, окруженный всѣми знакомыми Николая Герасимовича и читалъ громче и громче о его худыхъ поступкахъ, начиная съ самаго дѣтства; то вдругъ разверзлся предъ нимъ адъ и тамъ представлялись страшныя картины мученія грѣшниковъ, куда влекли и его демоны. Онъ въ ужасѣ становился на колѣни или бѣжалъ и кричалъ, умолялъ Христомъ-Богомъ, чтобы разубѣдили его, что это не дѣйствительность, а призракъ. „Ты плюнь на все, твердилъ съ улыбкой Щаповъ, это—представленіе и больше ничего! Ты послушай-ка, я вотъ тебѣ прочитаю изъ рукописи забавную легенду о привидѣніяхъ“... Повидимому, Аванасій Прокофьевичъ мало озабочивался страданіями товарища и смотрѣлъ на нихъ, какъ на неизбѣжное явленіе; по крайней мѣрѣ, такое сосѣдство нисколько не мѣшало ему заниматься своимъ дѣломъ и онъ такъ углублялся въ предметъ, что иногда не

слыхалъ мольбы Помяловскаго, который лежалъ на сосѣдней кровати. Потомъ Шаповъ перешелъ опять въ офицерскую палату клиники Заблоцкаго.

Уѣхавъ на лѣто въ Липецкъ, я не разъ писалъ Ольгѣ Ивановнѣ, просилъ исполнить разныя порученія и она все дѣлала охотно и аккуратно. Между прочимъ я адресовалъ на ея имя письмо для передачи знакомой институткѣ, которая сообщила мнѣ, что получила письмо отъ Жемчужниковой распечатаннымъ; по приѣздѣ въ Петербургъ, я спросилъ ее о причинѣ лишняго любопытства съ ея стороны къ чужимъ письмамъ. Она оправдывалась тѣмъ, что съ нетерпѣніемъ ожидала письма отъ Шапова и быстро разорвала конвертъ моего письма; это обстоятельство дало мнѣ матеріалъ къ выводу, что отношенія Ольги Ивановны къ Шапову затягивались крѣпче. Въ этомъ я убѣдился скоро: желая познакомиться съ Н. И. Костомаровымъ по случаю приготовленія къ магистерскому экзамену по русской исторіи, я поѣхалъ въ клинику, чтобы заручиться письмомъ Шапова къ знаменитому специалисту. Въ клиническомъ саду я нашелъ его и Ольгу Ивановну; въ самомъ отличномъ и веселомъ настроеніи духа они гуляли и пили чай на вольномъ воздухѣ. Съ тѣхъ поръ она чуть не каждый день ѣздила въ медицинскую академію и навѣщала Шапова, а сама лечилась у Боткина электричествомъ отъ страшныхъ головныхъ болей, которыя повторялись у ней нерѣдко. Въ это время Аванасій Прокофьевичъ совсѣмъ какъ будто переродился, долго не пилъ, не испытывалъ прежняго недовольства и много трудился надъ приведеніемъ въ порядокъ и поправкой прежнихъ лекцій. Иногда онъ просилъ меня взять его на-поруки, приѣзжалъ съ Ольгой Ивановной въ отличномъ расположеніи духа и всегда съ горемъ торопился явиться въ клинику къ 12 часамъ ночи. Но канальи — служители нарочно запирали иногда раньше калитку и долго не пускали ученаго чудака, чтобы сорвать съ него покрупнѣе подачку. Много вытерпѣла и бѣдная Ольга Ивановна обидъ и непріятностей; иногда дежурные солдаты не пускали ее въ палату и чуть не выталкивали, преслѣдовали насмѣшками и ругательствами, но полтинники и рубли смягчали ихъ сердце. Впрочемъ, самъ Шаповъ заявилъ начальству, что Жемчужникова его невѣста и потому просилъ позволить ей свободный входъ, чего дѣйствительно и добился. Къ этому времени относится выправленіе и помѣщеніе имъ одной изъ лучшихъ статей его „Историко-географическое распредѣленіе народонаселенія въ Россіи“ („Рус. Слово“ 1864 г., № 1). Послѣ этого онъ бросилъ занятія въ прежнемъ направленіи и не написалъ ничего дѣльнаго и основательнаго.

Во время зimy студенты медико-хирургической академіи начали посѣщать Шапова цѣлыми толпами и въ кругу ихъ онъ вспоминалъ казанскую жизнь, свою силу и вліяніе; только теперь, вмѣсто прежнихъ обычныхъ словъ — земское строеніе, народосоветіе

и т. под.,—съ языка не сходили ссымки на Дарвина, Вундта, Фогта, Мошота, Гартвига и проч.

Положимъ, частое присутствіе студентовъ въ помѣщеніи Шапова доставляло ему пріятное развлеченіе и удовлетворяло профессорское самолюбіе; но зато вредно вліяло на направленіе его работъ, потому что толкало сильнѣе и сильнѣе на запоздалый путь занятій естественными науками и отвлекало отъ трудовъ, ему болѣе знакомыхъ и болѣе плодотворныхъ по исторіи отечественной.

Со времени посѣщенія студентами медицинскими Шапова, начались повторяться страдальческія дни для Ольги Ивановны: ревнивый до безконечности, онъ постоянно мучилъ ее подозрѣніями, дѣлалъ возмутительныя сцены, бранилъ и выгонялъ ее. Цѣлую зиму вспыхивали между ними по временамъ ссоры и раздоры или примиренія и прекрасныя отношенія; досталось и на мою долю довольно хлопотъ, когда являлась то та, то другая сторона съ жалобами. Вида бурную и горькую прелюдію брачной жизни, родственники и друзья Жемчужниковой не разъ совѣтывали ей бросить свои затѣи, которыя не могутъ имѣть ничего добраго въ будущемъ; но она слишкомъ глубоко вѣрила въ честную натуру Шапова и слишкомъ надѣялась на свои силы и терпѣніе, что можетъ перевоспитать со временемъ его дикій нравъ. Оскорбленія стали повторяться чаще; иногда онъ ругалъ безобразно Ольгу Ивановну въ присутствіи студентовъ и придирался къ ней безъ всякаго повода съ ея стороны. Особенно осталась мнѣ памятна масляница 1864 года. Прислалъ онъ мнѣ записку и просилъ взять его на-поруки въ прощальный день, чтобы провести у меня вечеръ съ Ольгой Ивановной; я пріѣхалъ за нимъ въ клинику часовъ въ пять, засталъ ее тамъ и нѣсколько человекъ студентовъ. Шаповъ былъ не въ духѣ: то сейчасъ ѣдетъ, то раздумаетъ и ломается надъ Жемчужниковой, то прогоняетъ ее и велитъ ѣхать домой, то снова начинаетъ останавливать.

Не ожидая никакого толку, Ольга Ивановна собралась уѣзжать, а мы вдвоемъ рѣшили проводить ее; около квартиры Мелиоранскихъ Шаповъ догналъ насъ на извозикѣ и началась возмутительная сцена среди улицы передъ толпой народа. Она плакала навзрыдъ и звала его къ себѣ, но онъ упирался, поднялся-было во второй разъ, но не пошелъ въ квартиру и звалъ ее ѣхать ко мнѣ; согласилась она охотно, думая его успокоить, но ошиблась, потому что самыя горькія обиды и оскорбленія сыпались на бѣдную и въ моей квартирѣ. Тогда я не выдержалъ, велѣлъ проводить домой плачущую дѣвушку и началъ въ присутствіи другихъ говорить прямо, что онъ становится тираномъ такой умной и самоотверженной особы, предъ которой долженъ былъ бы благоговѣть, что онъ грязный самодуръ, не стоитъ ногтя чистой и благородной своей невѣсты... Такъ прощальный вечеръ закончился ссорами и громкимъ плачемъ Аеанасія Прокофьевича. Послѣ видѣнной и слышанной мною варварской сцены,

я долго не посѣщала Щапова, несмотря на просьбы его и Ольги Ивановны, которая прѣѣхала къ нему на другой же день: только дошедшій до меня слухъ, что его скоро выпроводятъ въ Восточную Сибирь на жительство, заставилъ меня навѣстить его—и мы примирились. Отѣздя свой на мѣсто родины онъ хотѣлъ протануть до весны, а я отправился въ Москву на мѣсяць для занятій въ архивахъ; но когда вернулся оттуда,—ни Щапова, ни Жемчужниковой уже не было въ Петербургѣ; провожали ихъ до Любани родственники Ольги Ивановны, знакомый Щапова казанскій купецъ П. М. Клинковский и неизмѣнный П. А. Мулловъ.

Жемчужникова извѣщала изъ Казани своихъ родныхъ, что проводникъ ихъ жандармъ не позволялъ Щапову въ попутныхъ городкахъ видѣться ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ; а если и соглашался допустить кого-либо, то бралъ по 25 руб. за персону. Затѣмъ, передавала мнѣ, что Аванасій Прокофьевичъ ужасно кипятился понапрасну въ канцеляріи генераль-губернатора передъ самымъ отправленіемъ; Ольга Ивановна долго не являлась съ своими прощаньями, когда все было готово къ отѣзду, а онъ вообразилъ, что ее не хотятъ съ нимъ пустить и рѣшили выпроводить его одного въ Сибирь. „Подайте мнѣ жену, кричалъ онъ, зачѣмъ вы хотите отнять ее у меня?.. Безъ нея я не поѣду,—дѣлайте со мной, что хотите!..“

Для характеристики Щапова надо еще упомянуть, что онъ увезъ съ собою всѣ книги и тетради, которыя даны были ему знакомыми во временное пользованіе. Какъ у него брали свободно книги и зачитывали часто, такъ и онъ присвоилъ чужія средства научной дѣятельности, словно онѣ составляли общественное достояніе. Передъ отѣздомъ изъ Петербурга въ Иркутскъ, онъ нарочно отобралъ изъ библиотеки Крашенинникова рѣдкія русскія изданія XVIII-го стол., наполнилъ ими чемоданъ и уплатилъ впоследствии деньги по старой дешевой цѣнѣ ихъ владѣльцу.

Крупный и оригинальный талантъ Щапова сразу привлекъ къ себѣ вниманіе ученыхъ людей въ Россіи и, несмотря на неблагоприятныя условія, оказалъ большую услугу для развитія отечественной науки. Изъ сочиненій его выше всѣхъ можно по праву поставить слѣдующія изслѣдованія: „О славяно-русской миеологій“ (ненапечатано), „О земскомъ строеніи, о русскомъ расколѣ, о великорусскихъ областяхъ и о древне-русской народной экономической жизни“¹⁾. Къ удивленію, послѣднія статьи прошли почти незамѣченными¹⁾. Достоинно вниманія, что высказанная мысль Щапова, 20 лѣтъ тому назадъ, о непрактической постановкѣ земскихъ учреждений въ Россіи, въ настоящее время вполне оправдалась на

¹⁾ Объ экономической жизни русскаго народа напечатано въ изслѣдованіи „Объ историко-географическомъ распредѣленіи народонаселенія въ Россіи“. („Русское Слово“ 1864 г., № 1).

дѣлъ и сознана всѣми. Онъ тогда еще предлагалъ вѣзяться за мелкія единицы управленія, въ родѣ мировъ и сходовъ, и оканчивалъ общимъ земскимъ соборомъ.

Несмотря на множество рукописей и другихъ источниковъ для занятій русской исторіей въ Петербургѣ, Шаповъ не подружился надѣ разработкой ихъ и не написалъ ничего новаго, исключая статьи „О бѣгунахъ“, которую приготовилъ по неизвѣстнымъ еще рукописнымъ матеріаламъ, хранившимся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Онъ занимался приведеніемъ въ порядокъ (а иногда искаженіемъ въ угоду публики), готовыхъ изслѣдованій, привезенныхъ изъ Казани, и печаталъ ихъ безъ связи и порядка, по требованію интересовъ времени, а не науки. Несомнѣнно, что петербургская жизнь ничего новаго развивающаго не дала Аванасію Прокофьевичу, а только поневолѣ отвлекла его отъ ученыхъ занятій, въ которыхъ заключалась вся его сила и мощь; скрѣпя сердце онъ кинулся въ публицистику, которая совсѣмъ не ладила съ его духомъ и характеромъ занятій. Въ самомъ способѣ изложенія, вмѣсто простоты и точности, зазвучала фальшивая струна сочиненности, претензіи на картинность и живость: стѣдуетъ прослѣдить его статьи „Земство и расколъ“, какъ подъячій Докукинъ сидѣлъ опершись на локоть, какъ Пугачовъ явился на хуторѣ Еремы-Курицы и т. под., чтобы видѣть всю искусственность въ картинахъ. Онъ способенъ былъ къ проведенію идей, къ глубокому анализу и пониманію минувшей жизни, къ разъясненію ея тайнъ; а тяжелая артиллерія его публицистики непригодна была для стрѣльбы по воробьямъ. Онъ понялъ, хотя поздно, что журнальное занятіе не его дѣло; по своему умственному настрою и направленію работъ, онъ долженъ быть человѣкомъ науки, кабинетнымъ труженникомъ и изслѣдователемъ прошлыхъ судебъ Россіи. Но привычка озадачивать публику рѣзкими и новыми идеями, громадныя самолюбивыя замыслы—создать оригинальную небывалую науку русской исторіи, увлекли его на необъятный подавляющій трудъ. Онъ бросилъ дальнѣйшее развитіе изслѣдованій по прежнему плану, сталъ пренебрегать разработкой созданной имъ системы исторіи, какъ старымъ занятіемъ, не возбуждающимъ ни въ комъ удивленія, и не окончилъ прежде намѣченныхъ работъ. Вмѣсто прямого положительнаго возвращенія на прошлую жизнь, началъ сильнѣе вырабатывать отрицательное направленіе. Поэтому совершенно справедливо замѣчено въ его некрологѣ: „Самыми лучшими работами Шапова останутся несомнѣнно работы перваго времени, составленныя на изученіи грамотъ, актовъ, лѣтописей, вообще—исключительно историческихъ памятниковъ, безъ особаго увлеченія естественнаго... Если бы онъ, держась прежняго приема и не задаваясь никакими, болѣе широкими программами, разработалъ всю нашу исторію, то трудъ вышелъ бы несомнѣнно очень замѣчательный и, во всякомъ случаѣ, очень полезный въ нашей исторической литературѣ“. („Отч. Зап.“

1876 г., № 5. „Внутр. Обзор. 189). Но увлеченіе естественными науками испортило всё его дальнѣйшіе труды.

Впрочемъ, слѣдуетъ сдѣлать оговорку, что при составленіи жизнеописанія Аванасія Прокофьевича, я не имѣлъ въ виду подробно разбирать его сочиненія и дѣлать имъ критическую оцѣнку, чтобы выяснитъ его ученныя заслуги сравнительно съ другими дѣятелями на поприщѣ русской исторіи. Такая обширная задача, по моему мнѣнію, можетъ быть удачно исполнена только тогда, когда издадутъ „Полное собраніе сочинаній Щапова“, о чемъ слѣдовало давно бы хлопотать. Теперь я приведу въ ясность тѣ сочиненія и статьи Щапова, которыя онъ приготовилъ въ Петербургѣ, большею частью пользуясь лекціями и статьями, написанными имъ въ Казани; изъ нихъ почти третья доля остается въ рукописяхъ.

Ненапечатаны слѣдующія статьи:

Въ 1861 году: 1) „Объяснительная историческая записка о служеніи панихиды по убитымъ крестьянамъ въ с. Безднѣ“.

2) „Путешествіе отъ Казани до Петербурга“. (Письма о старинномъ и современномъ состояніи русскихъ селъ и городовъ, о народныхъ волненіяхъ и проч.).

3) „Расколъ“. (Небольшая статейка, написанная въ память тысячелѣтія Россіи).

4) „Регламентация и бюрократія“.

Въ 1862 году: 5) „О русскомъ дворянствѣ“. (Происхожденіе и развитіе дворянскаго сословія въ Россіи).

6) „Гражданская грусть“. (Дума неоконченная).

7) „Областные земскіе собранія и совѣты“.

Напечатаны слѣдующія статьи:

Въ 1861 году: 1) „Великорусскія области и смутное время (1606—1613 г.)“. „Отеч. Записки“ 1861 г., №№ 10 и 11.

2) „Земство и расколъ съ XVIII стол.“ Тамъ же № 12.

Статья эта издана отдѣльной брошюрой Кожанчиковымъ. Спб. 1862 года.

Рецензін и замѣтки на эту статью помѣщены: „Библ. для чтенія“ 1862 г., № 12. „Сынъ Отеч.“ 1862 г., № 44. „Соврем. Лѣтопись“ 1863 г., № 5. „Голосъ“ 1863 г., № 129. „Современникъ“ 1863 г., № 3. „Духъ Христіанина“ 1865 г., № 6, стр. 223.

Въ 1862 году: 3) „Сельская Община“. „Вѣкъ“, еженедѣльное изданіе 1862 г., №№ 1—6. Февраль.

4) „Земство“. Тамъ же, №№ 7—8.

5) „Русскіе самородки“. Тамъ же, №№ 9—10. Мартъ.

6) „Земскіе соборы XVII стол. Соборъ 1642 года“. Тамъ же, № 11.

7) „Земскій соборъ 1648—1649 г. и собраніе депутатовъ 1867 года. „Отеч. Запис.“ 1862 г., № 3. Мартъ.

8) „Городскіе мірскіе сходы“. „Вѣкъ“ 1862 г., № 12. Мартъ.

9) „Сельскій міръ и мірской сходъ“. Тамъ же, №№ 13—14. Апрѣль.

10) „Земство и расколъ. Вѣгуны“. „Время“ 1862 г., №№ 10 и 11.
 11) „Изъ бурсацкаго быта“ (Воспоминанія Шапова о своемъ воспитаніи въ Иркутскомъ духовномъ училищѣ). „Искра“ 1862 года.

Въ 1863 году: 12) „Съ новымъ годомъ“. „Очерки“ 1863 г., № 1.

13) „Замѣтка о самоуправленіи“. Тамъ же, №№ 2 и 4.

14) „Новая эра. На рубежѣ двухъ тысячелѣтій“. „Современное Слово“ 1863 г. Прибавленіе № 5.

15) „Историческіе очерки народнаго міросозерцанія, православнаго и раскольничьяго“. „Жури. Мни. Народ. Просв.“ 1863 г. съ 1-й кн.

Эта статья издана и отдѣльной брошюрой. Спб. 1863 г.

Рецензіи въ „Голосѣ“ 1863 г., № 69. „Отеч. Запис.“ 1862 г., № 9.

Въ 1864 году: 16) „Естествознаніе и народная экономія. Историко-географическое распредѣленіе народонаселенія въ Россіи“. „Русское Слово“ 1864 г., № 1.

Статья издана отдѣльной брошюрой. Спб. 1864 г.

17) „Этнографическая организація русскаго народонаселенія“. Статья 1. Посвящено памяти Банзарова. (Продолженія не было). „Библиот. для чтенія“ 1864 г., № 1.

Вотъ всѣ извѣстные мнѣ литературные труды Шапова, какими онъ занимался втеченіе своего трехлѣтняго пребыванія въ Петербургѣ.

Х.

Первоначальное устройство дѣлъ Аеанасія Прокофьевича въ Сибири. — Надежды на возвращеніе въ Петербургъ. — Знакомства у Шаповыхъ въ г. Иркутскѣ. — Ученныя занятія русской исторіей по новой методѣ. — Исслѣдованія сибирскаго края и взглядъ на общество. — Бѣдность Шаповыхъ. — Ольга Ивановна, ея занятія, развитіе и преждевременная кончина. — Послѣдніе годы жизни и смерть Шапова. — Перечень его сочиненій, писанныхъ въ Иркутскѣ.

По отъѣздѣ Аеанасія Прокофьевича изъ Петербурга, я не имѣлъ уже съ нимъ никакихъ сношеній, а потому пребываніе его въ Иркутскѣ мнѣ приходится описывать на основаніи печатныхъ сообщеній и немногихъ писемъ своихъ знакомыхъ.

Шапова послали за Байкаль, на мѣсто его родины, въ с. Ангу для постояннаго жительства, но скоро разрѣшили поселиться въ г. Иркутскѣ, потому что на его рукахъ осталось цѣлое семейство брата его, умершаго священника. Въ Ангу онъ ѣздилъ только разъ для свиданія съ матерью и для устройства ея дѣлъ. На первыхъ порахъ давно невиданная Сибирь сильно увлекала его, потому что

онъ представлялъ ее въ своей живой фантазіи совсѣмъ не такою, какую нашель на самомъ дѣлѣ, при практическомъ столкновеніи съ жизнью. Сперва онъ устроился довольно сносно. Ольга Ивановна учила нѣкоторыхъ его племянниковъ; самъ онъ весь отдался занятіямъ естественными науками и подготавливалъ матеріалы для цѣлаго ряда новыхъ оригинальныхъ изслѣдованій въ области русской исторіи. Первые годы Шаповы не чувствовали большихъ недостатковъ. Протоіерей Н. А. Мелиоранскій далъ своей племянницѣ Жемчужниковой 200 руб., при отправленіи ея со Шаповымъ въ Восточную Сибирь; но этихъ денегъ хватило только на нѣсколько мѣсяцевъ. Потомъ отослано было, кажется, 3.000 рублей, которые тоже быстро были израсходованы. Дѣло въ томъ, что ни Ольга Ивановна, ни Аеанасій Прокофьевичъ, не знали цѣны деньгамъ и расходовали ихъ безъ расчета, когда ихъ было много въ рукахъ. Пока былъ живъ Мелиоранскій, онъ не забывалъ племянницы; но вскорѣ онъ скончался—и Шаповы уже ни откуда не могли ожидать пособія. Теперь въ случаѣ нужды можно было доставать деньги только въ долгъ, и Аеанасій Прокофьевичъ не рѣдко обращался къ бывшему своему слушателю казанской академіи К. В. Лаврову, который передавалъ ему въ разное время займы нѣсколько сотъ рублей.

Отношенія Шапова къ Ольгѣ Ивановнѣ были двухъ родовъ: подъ пьяную руку онъ не только часто съ ней ссорился, но и дрался, о чемъ она однажды съ глубокой грустью писала родственницамъ въ Петербургъ; но зато когда протрезвлялся, просилъ у нее прощенія въ оскорбленіи, плакалъ, валялся у ея ногъ и т. под. Постоянныя поводомъ къ размоламъ служила его крайняя подозрительность или, лучше сказать, ревность, такъ что нѣкоторые изъ знакомыхъ, имѣя свѣдѣнія, что ихъ посѣщенія тяжело отзываются для Ольги Ивановны, перестали бывать у нихъ.

Въ Иркутскѣ Шаповъ не могъ встрѣтить общества ученыхъ людей и только съ немногими сходилъ не надолго. Въ біографическомъ его очеркѣ, между прочимъ, сказано: „Глубокая потребность къ какой нибудь живой общественной дѣятельности не находила себѣ почти никакого выхода и могла выразиться только въ рѣчи, написанной для ломоносовскаго юбилея, да въ публичной лекціи объ умственномъ развитіи человѣка. Но эти рѣдкія появленія Шапова въ качествѣ публичнаго оратора проходили въ Иркутскѣ почти незамѣченными и глубоко, болѣзненно огорчали его... Онъ велъ удивительную жизнь вмѣстѣ съ своей женою, но какъ ни страстно онъ отдавался своимъ трудамъ, какъ ни погружался онъ въ свои книги—горькое сознаніе своей испорченной жизни не заглушалось, и Шаповъ снова запилъ, запилъ ужасно... Долго и упорно боролась съ его порокомъ его жена, употребляя почти сверхъестественныя усилія, подвергаясь даже оскорбленіямъ и побоямъ своего бѣшеннаго въ пьяномъ видѣ мужа, но наконецъ достигла своей цѣли, и Шаповъ пересталъ

ить. Вообще она имѣла на него огромное вліяніе и хотя медленно, но постепенно приближалась къ выполненію своей задачи, къ нравственному перевоспитанію, развиваясь въ то же время и сама.“ („Новое Время“ 1876 г., № 252).

Подспорьемъ для хозяйства Шаповыхъ служили деньги, получаемыя Ольгой Ивановной отъ частныхъ уроковъ, и жалованье изъ женской гимназіи, гдѣ она состояла учительницей болѣе двухъ съ половиной лѣтъ. Чтобы дѣльно проводить время и вмѣстѣ имѣть развлеченіе, она дома у себя устроила литературные вечера, на которыхъ собирались немногіе знакомые Шаповыхъ. О своихъ иркутскихъ знакомыхъ Аванасій Прокофьевичъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія.

„У насъ съ Оленькой, втеченіе 10-ти лѣтъ, не было даже и непрерывнаго, постояннаго знакомства, вполнѣ систематичнаго. Все метеорами, спорадически, разновремено и на самое короткое время появлялись въ Иркутскѣ отрядные, лучшіе люди и болѣе или менѣе развитые, честные, теплосердечные, и то больше проявлялись въ послѣдніе 4 или 5 лѣтъ нашего уединенія въ иркутскомъ острогѣ (т. е. городѣ Иркутскѣ), сближались съ нами, доставляли намъ отраду и оживленіе своимъ знакомствомъ, кто полъ-года, кто годъ, кто годъ съ двумя или тремя мѣсяцами—и опять исчезали, уѣзжали одинъ за другимъ.“ Въ числѣ симпатичныхъ знакомыхъ своихъ Шаповъ отмѣчаетъ слѣдующія лица: кандидатъ спб. университета Г. А. Л., бывшій учитель гимназіи иркутской А. П. Гурлади и супруга его В. Д. Г., полковникъ В. А. Бѣльцевъ съ женой, полякъ Даукаша. „Въ самое же послѣднее время, по сообщенію Шапова, когда почти всѣхъ этихъ знакомыхъ въ Иркутскѣ не стало, Ольга Ивановна только и дорожила единственнымъ ближайшимъ нашимъ знакомствомъ съ жившимъ въ Иркутскѣ и занимавшимся учительствомъ студентомъ Г. Х. Фризе и его умной, честной и добросердечной женой Александрой Васильевной... Всѣ они появлялись временно, только мы съ Оленькой, съ вѣчной тоской, скорбью и горемъ, безвыѣздно, безвыходно оставались чужнуть въ иркутскихъ безжизненныхъ жилищахъ“. („Отеч. Записки“ 1876 г., № 5. „Внутр. Обзор.“, стр. 192—195).

При такихъ грустныхъ обстоятельствахъ, приходилось только стараться, нельзя ли переселиться изъ глубины Сибири хотя бы въ какой либо приволжскій городъ, если уже невозможно въ столичный.

Надежда на скорое возвращеніе въ Петербургъ долгое время не покидала Шапова; особенно Ольга Ивановна хлопотала улетѣть изъ Иркутска и въ каждомъ письмѣ просила своихъ родныхъ петербургскихъ похлопотать о возвратѣ. Дѣйствительно, хлопоты о немъ были нерѣдки, но не приводили къ желаемой цѣли; когда въ Москву назначенъ былъ митрополитомъ Иннокентій, родственникъ Шапова, въ Петербургъ не сомнѣвались, что его перемѣстятъ изъ Иркутска.

Доброжелатели Шапова настроили-было дѣло такъ, что ему пред-

стояло скорое разрѣшеніе вернуться изъ Иркутска; но задорная рѣчь, сказанная имъ на родинѣ по поводу столѣтняго юбилея Ломоносова въ 1865 г., сразу отбила всякую надежду на возвратъ. Затѣмъ возникло въ г. Омскѣ дѣло по поводу пущенной въ ходъ записки объ освобожденіи и самостоятельности Сибири; Щапова, неизвѣстно по какому случаю, тоже впутали въ это дѣло, вызвали въ г. Омскъ; но нашли совсѣмъ невиннымъ. Да его по этимъ дѣламъ давно бы слѣдовало оставить въ покоѣ, какъ человѣка совершенно неспособнаго стоять во главѣ какого бы то ни было практическаго предпріятія и совсѣмъ негоднаго политическаго организатора, хотя буйнаго на рѣчахъ. Въ Омскѣ онъ лежалъ нѣсколько времени больной, потому что дорогой разбили его лошади, выбросили изъ повозки, а онъ запутался обѣими ногами въ возжахъ и долго тащился по дорогѣ, отчего произошло растяженіе сухожилій. Шашковъ видѣлъ его въ домѣ жандармскаго полковника Рыкачева, гдѣ онъ изучалъ зоологію, мечталъ о будущихъ трудахъ своихъ, рвался домой къ работѣ и, какъ ребенокъ, радовался, что, устроившись въ „Русскомъ Словѣ“, онъ можетъ не поступать на службу и въ состояніи будетъ жить однимъ литературнымъ трудомъ. („Дѣло“ 1876 г., № 4. Некрологъ).

Въ 1870 г., декабря 15-го, онъ писалъ Муллову въ Нижній-Новгородъ, гдѣ тотъ служилъ товарищемъ предсѣдателя окружнаго суда: „Не возьму я въ толкъ, сердца Павла Андрентъ, отчего это столько лѣтъ и столько зимъ мы ничего не писали другъ другу? А между тѣмъ, какъ часто, какъ часто я и жена вспоминали и вспоминаемъ васъ, тебя. Зайдетъ ли рѣчь съ немногими иркутскими знакомыми (изъ казанскаго университета) о товарищахъ и друзьяхъ давно минувшихъ лѣтъ, приходится ли высказать кому тяжелое, грустное сожалѣніе о томъ, что нѣтъ здѣсь тѣхъ людей, той породы людей, съ какими прежде водилъ дружбу, всегда съ какимъ-то пріятнѣйшимъ воодушевленіемъ распространишься о Мулловѣ и до идеализаціи изольешь всю симпатію къ нему. Вспоминаемъ мѣткіе, характеристичные афоризмы, изреченія Муллова, вспоминаемъ образцы его личной прямоты, искренности, доброты, свѣтлаго, мѣткаго, прямого ума... А все молчишь и не пишешь ничего къ нему! Не возьму я въ толкъ и не придумаю, отчего это? Между тѣмъ, пора придти ужъ времячку—и снова увидѣться. Рвемся съ женой снова видѣться съ Муловымъ. Сдѣлано уже два порыва. Не будутъ удачны—будетъ сдѣланъ третій порывъ въ Нижній, а если не въ Нижній, то куда нибудь на берега Волги-матушки. Теперь не буду ничего писать. Пришли скорѣе свой точный, подлинный адресъ. А вотъ нашъ адресъ: Въ Иркутскъ, такому-то болвану, живущему по Харлампьевской улицѣ, въ домѣ дьякона Литвинцева.

„Одинъ изъ новыхъ моихъ знакомыхъ, Конст. Вас. Борсукъ, бывший 3^{1/2} года вольнымъ слушателемъ въ казанскомъ университетѣ

на юридическомъ факультетѣ, желаетъ поступить къ вамъ на службу, сильно желаетъ. Не можешь ли сдѣлать что нибудь для него? Приглагается при семь формуляръ его, собственноручно имъ списанный для передачи тебѣ.“

Изъ этого письма видно, что Шаповы и въ 1870 году еще не теряли надежды на переселеніе изъ ненавистнаго Иркутска; а съ другой стороны въ письмѣ выражена характеристическая черта Шапова—не вести ни съ кѣмъ переписки безъ самой крайней необходимости, несмотря на личное желаніе. „А все молчишь и не пишешь ничего! Не возьму я въ толкъ, отчего это?..“

Чѣмъ далѣе, тѣмъ жизнь Шаповыхъ въ Иркутскѣ становилась грустнѣе и безнадежнѣе; самыя занятія и ученая дѣятельность Аванасія Прокофьевича на новомъ поприщѣ оказались весьма неудачны. Объ этихъ трудахъ высказывали такія соображенія:

„Шаповъ хотѣлъ приложить къ русской исторіи естественно-научный методъ и съ жадностью проглатывалъ выходящія въ свѣтъ изданія по естественнымъ наукамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы онъ оставался профессоромъ на кафедрѣ исторіи, имѣлъ обеспеченное матеріальное положеніе, время и всѣ средства, то, рано или поздно, онъ совладалъ бы съ этою огромною задачею. Но онъ поставленъ былъ въ необходимость писать и писать что нибудь, чтобы не сидѣть безъ хлѣба. Понятно, что вмѣсто зрѣлыхъ трудовъ онъ долженъ былъ давать только недооски, часто въ зачаточномъ состояніи, въ особенности въ послѣднее время... Шапова и въ Иркутскѣ нельзя было почитать человѣкомъ окончательно потеряннымъ. Напротивъ, можно думать, что, при болѣе обеспеченномъ матеріальномъ положеніи, при болѣе участіи къ нему общества, при надеждѣ на возвращеніе въ Петербургъ, онъ могъ бы явиться оттуда обновленнымъ и съ болѣе зрѣлыми силами для литературы.“ („Отъеч. Записки“ 1876 г., № 5, Внутр. Обзор., стр. 184—193). Но судить о томъ, что вышло бы изъ работъ Шапова, при другихъ условіяхъ, очень мудрено: слишкомъ поздно онъ взялся учиться, чтобы перестроить цѣлую науку.

Увлекаясь реальными взглядами Писарева, онъ иногда доводилъ ихъ до послѣдней крайности; не владея основательно иностранными языками и взявшись за разработку русской исторіи на началахъ естественно-научныхъ знаній, онъ могъ только самъ изучать ихъ по случайнымъ переводамъ на русскій языкъ. Въ Иркутскѣ онъ не въ состояніи былъ достать необходимые ему матеріалы для разработки избраннаго предмета: тамъ не нашелъ онъ сносной бібліотеки, а выписывать все на свои средства—надо было имѣть громадное состояніе. Вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, онъ торопился поскорѣе печатать свои незрѣлыя работы, чтобы достать средства для содержанія, и потому въ его сочиненіяхъ, рядомъ съ удачными частными выводами, мы встрѣчаемъ самыя одностороннія сужденія и невѣрныя заключенія.

Такое положеніе онъ, конечно, могъ бы и самъ взвѣсить и бросить безплодныя занятія. Между тѣмъ, оставивъ свой привычный прежній путь изслѣдованій, онъ не въ силахъ былъ проторить новую тропу въ незнакомой ему области естествознанія. Это возбуждало искреннее сожалѣніе въ людяхъ науки, безмолвно смотрѣвшихъ на гибель таланта.

Изъ уваженія къ прежней дѣятельности Щапова, никому въ голову не приходило и рука не поднималась писать критическія статьи по поводу его разныхъ иркутскихъ изслѣдованій. Дѣло понятное, что писать о немъ—значило указывать на постепенное паденіе его таланта и безплодность его новыхъ естественно-научныхъ изслѣдованій. Только одинъ трудъ его 1870 года: „Соціально-педагогическія условія умственного развитія русскаго народа“ вызвалъ большую полемику въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Вмѣсто того, чтобы изучать развитіе русскаго народа въ связи съ особенностями его края и природы, Щаповъ обыкновенно бралъ общую какую-нибудь мысль заграничнаго ученаго и подтверждалъ ее рядомъ частныхъ явленій изъ русской жизни, въ чемъ не было никакой надобности. Русскій народъ принималъ отвлеченныя общія черты и нельзя было отыскать его отличительныхъ особенностей; такъ, онъ на цѣлыхъ десяткахъ страницъ доказывалъ, что у русскаго человѣка кулакъ очень крѣпокъ и поэтому онъ сколотилъ такое громадное государство. Самая постановка многихъ вопросовъ была не научна и тщательное рѣшеніе ихъ не могло принести пользы русской исторіи. Изслѣдуя міросозерцаніе русскаго народа, онъ постоянно смѣшивалъ понятія и воззрѣнія простолюдиновъ, книжныхъ людей и бояръ; самый складъ міровоззрѣнія основывалъ на господствѣ фетишическаго страха таинственныхъ силъ природы и монотеистическаго страха единой невидимой силы Божіей въ природѣ и т. под. („Отеч. Записки“ 1873 г., № 3, стр. 333). Справедливо замѣчено объ этомъ въ „Воспоминаніи“: „Стѣило Щапову завладѣть какимъ-нибудь новымъ выдающимся естественно-научнымъ фактомъ, и онъ готовъ былъ немедленно положить его въ основаніе русской исторіи и изъ него односторонне объяснять всѣ ея событія. Извѣстны въ такомъ родѣ его работы, сдѣланныя подъ вліяніемъ изслѣдованій Либиха о хищническомъ пользованіи землею. Въ томъ же родѣ и его послѣднія работы, печатавшіяся въ „Отеч. Запискахъ“...

„Скудость источниковъ и пособій заставляла его, съ одной стороны, дорожить тѣми предметами, по которымъ имѣлись въ рукахъ даже кой-какіе источники и пособія, и писать о нихъ огромные трактаты, даже цѣлыя книги, тогда какъ, при другомъ положеніи, онъ относительно этихъ самыхъ предметовъ ограничился бы, быть можетъ, изслѣдованіемъ въ-пятеро меньше по объему, что не помѣшало бы послѣднему быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и гораздо болѣе содержательнымъ; съ другой стороны, та же скудость источниковъ и посо-

бій невольно склоняла его въ переходу отъ изслѣдованія общихъ предметовъ къ частнымъ, мѣстнымъ, по которымъ у него былъ болѣе или менѣе достаточный матеріалъ въ виду. Между тѣмъ, то и другое совершенно не совпадало съ цѣлями текущей прессы и вело къ тому, что изслѣдованія не находили помѣщенія ни въ одномъ изъ журналовъ... Шаповъ въ Иркутскѣ писалъ очень немало, но труды его едва ли даже на половину находили помѣщеніе въ журналахъ и съ каждымъ днемъ становились все слабѣе и слабѣе какъ отъ скудости матеріаловъ, такъ и отъ спѣшности работы“ („Отеч. Записки“ 1876 г., № 5. Внутр. Обзор., стр. 183, 194, 195).

Языкъ его сталъ еще болѣе безобразнымъ отъ множества ненужныхъ иностранныхъ словъ, напримѣръ: натуръ-фавматологическій, телеолого-оптимистическій, сенсуально-фетишическій, сантиментально-филантропическій, фругиворный, социальнo-кооперативный, теолого-пантофобическій, импульсироваться и т. п.

Въ 1867—68 годахъ, Шаповъ напечаталъ нѣсколько изслѣдованій по русской исторіи въ журналѣ „Дѣло“; а съ 1870 года появился его рядъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Но статьи эти отличались растянутостью, были односторонни и слабы; нѣкоторыя длинныя его изслѣдованія редакція сокращала до малыхъ размѣровъ. Такъ статья, напечатанная въ 1873 году подъ заглавіемъ: „Міро-созерпаніе, мысль, трудъ и женщина въ исторіи русскаго общества“ составляетъ отрывокъ изъ большого сочиненія, какъ отмѣчено въ примѣчаніи: „Сокращенное извлеченіе изъ полного очерка исторіи русскаго общества, гдѣ разсматриваются и всѣ другія сферы общественной жизни, какъ то: народная экономія или общественное обезпеченіе фізіологической потребности пищи, жилища и одежды, общественныя санитарныя понятія и учрежденія, эстетическія понятія и увеселенія, антрополого-этнографическія понятія и международныя отношенія и проч.“ („Отеч. Записки“ 1873 г., № 2, стр. 333). Приславшіяся Шаповымъ въ послѣднее время въ Петербургъ статьи были до того слабы и вялы, что негодились для печатанія. Литературный трудъ, такимъ образомъ, пересталъ быть источникомъ дохода, и онъ очутился въ нищетѣ. („Дѣло“ 1876 г., № 4, стр. 159).

Кромѣ общихъ вопросовъ о минувшей судьбѣ нашихъ предковъ, Шаповъ занимался мѣстными этнографическими задачами сибирскаго края, трудился въ архивѣ отдѣла тамошняго географическаго общества. Въ 1869 году онъ командированъ былъ въ ученой экспедиціи къ устьямъ р. Енисея; въ этой трудной поѣздкѣ, особенно отъ Туруханска до села Ворогова, принимала участіе супруга его и перенесла много лишеній и страданій въ 30-ти дневное плаваніе по Енисею. Тогда онъ собралъ богатые антропологическія и этнографическія данныя, часть которыхъ напечатана. Въ 1874 году, тоже по порученію общества, произведены Шаповымъ этнографическія изслѣдованія въ

Приленскомъ краѣ, въ мѣстности „Братская степь“. Плодомъ этихъ работъ было нѣсколько статей и большой черновой, не обработанный матеріалъ ¹⁾. Весь этотъ трудъ раздѣляется на 5 главъ или отдѣловъ: 1) Историко-географическое и этнографическое распредѣленіе населенія; 2) физическое и этнолого-генеалогическое развитіе населенія; 3) о психологическомъ развитіи населенія; 4) объ общественномъ и эконоическомъ развитіи населенія и 5) Домашняя и семейная жизнь ¹⁾. Изъ 4-й главы этого матеріала напечатана была вполнѣ законченная статья подъ такимъ заглавіемъ: „Эгоистическіе инстинкты въ ленской народной общинѣ бурятской-улуйской, осѣдло-инородческой и русско-крестьянской“. Шаповъ иногда помѣщалъ статьи въ газетѣ „Сибирь“ и между прочимъ печаталъ разсужденіе по вопросу о сибирскомъ университетѣ. Даже передъ самой своей смертью онъ готовилъ статью въ эту газету.

Съ 1872 года Шаповъ ежегодно помѣщалъ въ „Извѣстіяхъ сибирскаго отдѣла императорскаго географическаго общества“ историко-географическія и этнографическія статьи о сибирскомъ населеніи вообще и объ инородцахъ въ частности. Большая часть этихъ изслѣдованій отзываются крайностями въ воззрѣніи, подъ вліяніемъ естественныхъ не переработанныхъ знаній: въ жизнь сибирскихъ инородцевъ онъ вносилъ свои предзанятія понятія вмѣсто того, чтобы дѣлать выводы на основаніи добытыхъ данныхъ изъ самой ихъ жизни. Въ 1873 году вышло сочиненіе В. Вагина „Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибирѣ“. Аванасій Прокофьевичъ написалъ по поводу этой книги рядъ статей, подъ заглавіемъ „Сибирское общество до Сперанскаго“.

Тяжелое положеніе Шаповыхъ, бѣдность и озлобленіе на безучастіе окружающаго общества, не рѣдко отражались и на сочиненіяхъ Аванасія Прокофьевича. Больше и больше онъ склоненъ былъ выставлять съ отрицательной стороны свойства и дѣятельность русскаго народа, разсуждать о его безсердечіи, историческомъ равнодушіи въ инородцамъ и проч. Особенно на этотъ разъ досталось отъ него сибирякамъ, которыхъ онъ обрисовывалъ самыми мрачными чертами въ статьѣ: „О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. Мысли сибиряка при взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества“. („Отечественныя Записки“ 1872 г., № 10-й, стр. 459—505). Разсказывая нѣсколько случаевъ вымиранія цѣлыхъ родовъ корыстолюбцевъ—эксплуаторовъ, вслѣдствіе душевнаго вырожденія, Шаповъ говоритъ: „Подобные факты, мнѣ кажется, свидѣтельствуютъ, какимъ психо-физическимъ растлѣніемъ и паденіемъ человѣческой природы сопровождается, при не развитости мозга или ума, господство однихъ грубыхъ, эгоистически-приобрѣтательныхъ на-

¹⁾ Некрологъ А. П. Шапова. М. 3—на. „Извѣстія сибирскаго отдѣла Н. Геогр. общества“. 1876 г., т. VII, №№ 1—2.

клонностей, всежизненное, всецѣлое напряженіе и возбужденіе мозга одною своекорытною, буржуазною, эксплуататорскою жадностью къ деньгамъ и полнѣйшее отсутствіе всякихъ высшихъ человѣческихъ чувствъ и побужденій. А къ прискорбію, въ Сибири, особенно въ глуши ея дикихъ лѣсныхъ захолустій, среди суровыхъ физико-экономическихъ условий существованія и труда, грубыя, эгоистически-приобрѣтательныя наклонности цѣнятся еще, большею частію, какъ единственныя высшія человѣческія достоинства, и путемъ естественнаго подбора и наслѣдственности передаются изъ рода въ родъ“...

Провода существованіе съ вѣчной тоской и горемъ въ ненавистномъ городѣ, Шаповы обречены были терпѣть постоянную нужду и бѣдность. По словамъ Аванасія Прокофьевича, они чахнули въ иркутскихъ квартирахъ, „постоянно воздыхая и печалась о томъ, какъ бы и чѣмъ бы въ срокъ заплатить за квартиру, какъ бы и на что бы купить мѣшокъ или пудикъ муки для успокоенія страпика, какъ бы замѣнить новымъ до дыръ, а иногда и до износу заношенное, ветхое бѣлье, какъ бы избавиться поскорѣе отъ сокрушительной, убійственной тяготы долговъ, печалась и воздыхая обо всемъ этомъ изъза того, какъ бы хоть сколько нибудь поспокойнѣ углубиться въ свои умственные занятія, въ свое общество вдвоемъ, состоявшее изъ Оленьки и меня. О, горе двухъ душъ, горе удвоенное, ассоціированное! И ты, моя многострадальная, долготерпѣливая, его пережила!“ Шаповъ рассказываетъ, что въ концѣ 1873 года Ольга Ивановна, хотя и больная, захотѣла устроить читальныя вечера въ своемъ кружкѣ, какіе прежде существовали но ея инициативѣ около двухъ лѣтъ; но привести въ исполненіе эту мысль помѣшала „экономическая несостоятельность—издерживать лишнее количество чаю и сахару, завести лишнія (6—8) чашки и стаканы, принасти достаточно свѣчей!“ („Отечественныя Записки“ 1876 года, № 5-й, „Внутреннее Обозрѣніе“, стр. 195, 196).

Изъ тяжелой борьбы съ нравственными недостатками мужа Ольга Ивановна вышла побѣдительницей — и Шаповъ пересталъ пить въ семидесятыхъ годахъ. Онъ заявляетъ о ея многострадальной борьбѣ съ его грубыми порокомъ—пьянствомъ, которымъ страдалъ въ первые годы сожительства съ нею и отъ котораго избавился только благодаря ея энергическимъ усиліямъ.

Сильно-развившаяся болѣзнь Ольги Ивановны заставила ее въ 1872 году отказаться отъ занятій въ женской гимназіи, и Шаповы уже не находили источниковъ для приобрѣтенія средствъ для жизни, а очутились въ совершенной нищетѣ.

Къ довершенію несчастья, и самъ Шаповъ заболѣлъ, такъ что некому было похлопотать о ежедневномъ пропитаніи; 18-го сентября 1873 года „Общество нособія литераторамъ постановило выдать ему пособіе въ 300 рублей. Черезъ годъ 21-го октября комитетъ литературнаго фонда опредѣлилъ выдать еще 300 рублей, оставляя за

нимъ право получения пособія ежегодно по 300 рублей, пока поправится его здоровье; по въ слѣдующемъ году онъ не обращался за пособіемъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни, по заявленію ближайшаго знакомаго Г. Х. Фризе, Щаповъ жилъ чуть не въ лачугѣ, въ страшной бѣдности. Ангеломъ-хранителемъ была его жена, о которой знакомые отзываются не только съ уваженіемъ, но съ благоговѣніемъ, какъ о святой женщинѣ; она самостоятельно взяла на себя тяжелый крестъ и несла его до конца жизни, сокрушая свои молодые силы въ глухой борьбѣ; она ободряла и поддерживала Аеанасія Прокофьевича въ его горькой нищетѣ и злосчастіи. Если ему, воспитанному въ суровой бѣднотѣ, жизнь иркутская казалась страшно тяжелой; то каково же было выносить эту каторгу Ольгѣ Ивановнѣ, съ дѣтства привыкшей къ роскошной жизни!

Въ своемъ „Воспоминаніи“ съ 25-го по 30-е марта 1874 года, Щаповъ рисуетъ довольно подробно личность и дѣятельность Ольги Ивановны втеченіе 10-ти-лѣтней иркутской жизни, какъ она сильно занималась, заботилась о своемъ развитіи и приобрѣтеніи знаній, изучала вопросы, занимавшіе ея супруга. „Въ первые годы моего сближенія и сожительства съ нею, пишетъ Аеанасій Прокофьевичъ, она больше поражала и плѣняла меня своими высокими нравственными качествами: необыкновенною добротою, прямодушною, такъ сказать, истинно-демократическою простотою, естественностью и беззащитностью въ поступкахъ и разговорахъ, полнѣйшею честностью и справедливостью не только во всѣхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, но и въ мысляхъ и сужденіяхъ, полнѣйшею искренностью чувствъ и убѣжденій. Глубина, сила и основательность ея мысли тогда еще не высказывались особенно рельефно. Многія понятія еще несовсѣмъ были выработаны... Но, живя въ Иркутскѣ одинаково со мною, въ полнѣйшей отрѣшенности отъ общества, постоянно сосредоточенною, самоуглубленною жизнію, постоянно читая серьезныя, научныя книги съ живѣйшимъ интересомъ и вниманіемъ, потомъ два года съ половиною или болѣе, съ внимательнѣйшею сосредоточенностью занимаясь самостоятельной разработкой и приготовленіемъ уроковъ для дѣтей женской гимназіи, постоянно серьезнѣйшимъ анализомъ и размышленіемъ перерабатывая въ своей головѣ каждый вопросъ науки или жизни, каждый общественный или житейскій фактъ, каждое новое наблюденіе, — даровитая Ольга Ивановна годъ отъ году все больше и больше развивалась... Она достигла высокаго, серьезнѣйшаго умственнаго и нравственнаго развитія, единственно вслѣдствіе многолѣтней сосредоточенной жизни въ Сибири со мною, вслѣдствіе непрерывной ежедневной самостоятельной работы своей головы, своей мысли, вслѣдствіе постоянного серьезнаго чтенія и размышленія, вслѣдствіе постоянного глубокаго анализа жизненныхъ и общественныхъ фактовъ и наблюденій“. При чтеніи лучшихъ сочиненій мо-

части естествознанія, она дѣлилась съ мужемъ живыми впечатлѣніями новыхъ идей, возбуждавшихъ въ ней рядъ новыхъ мыслей, выводовъ, убѣжденій и чувствъ, или обращалась къ нему съ разными вопросами, недоумѣніями и сомнѣніями. Въ сочиненіяхъ великихъ европейскихъ мыслителей она указывала супругу ту или другую мысль, противорѣчившую его идеѣ, или опровергала его выводъ. Читая газету или журналъ, Ольга Ивановна постоянно указывала Шапову на все замѣчательное и всегда удивительно согласно съ общимъ характеромъ міросоверпанія и убѣжденій его. Чтеніе составляло высшее утѣшеніе жены Шапова, который говоритъ: „При нашей несложности скуднаго домашняго хозяйства, она имѣла полную возможность просиживать цѣлые дни за чтеніемъ. Въ послѣдніе годы жизни, когда начались и все болѣе осложнялись, усиливались ея разныя болѣзненныя страданія и когда она не могла уже заниматься ни въ мѣстной гимназій, ни частными уроками, она, можно сказать, только и жила и дышала однимъ чтеніемъ серьезныхъ книгъ, лучшихъ журналовъ и внимательнымъ обзоромъ лучшихъ газетъ. Это занятіе ея только и прерывалось, по временамъ, нашими взаимными бесѣдами о литературныхъ и общественныхъ дѣлахъ, да изрѣдка какимъ нибудь моимъ чтеніемъ изъ своихъ литературныхъ работъ“... При постороннихъ людяхъ или гостяхъ, она, бывало, болѣе молчитъ, слушаетъ бесѣды или разсужденія и споры, не часто возразитъ, выскажетъ свое мнѣніе или убѣжденіе, но зато возразитъ всегда встать, поразительно мѣтко, обдуманно, разумно и полноувѣсно. Если появлялся человекъ не симпатичный, съ фальшивыми понятіями и чувствами, она сейчасъ выражала антипатію къ этому человеку, нерѣдко прямо обнаруживала ее передъ нимъ, рѣшительно отворачиваясь отъ него. Когда мужъ ея въ бесѣдѣ съ знакомыми высказывалъ ошибочныя мысли и сужденія, она всегда безпристрастно, рѣзко и основательно возражала противъ его ошибокъ. Въ Аванасіи Прокофьевичѣ она цѣнила не однѣ умственныя способности, но еще болѣе его кровную искренность, энтузіастичность и непоколебимую твердость убѣжденій. „Для меня и для себя, пишетъ Шаповъ, она желала заводить и поддерживать знакомство и сообщество только съ людьми, болѣе или менѣе истинно-развитыми, честными, справедливыми, гуманными и естественно-простосердечными, не гордыми, не стѣснывшими насъ и съ нашей стороны не стѣснывшимися никакими ложными подсказываніями самолюбія, скрытности и фальшивой этикетности. Чуть вѣяло отъ человека отрадной, живительной теплотой непритворныхъ, искреннихъ, честныхъ, гуманныхъ и справедливыхъ чувствъ, убѣжденій и стремленій,—она сейчасъ провицательно отгадывала и справедливо опѣивала этого человека, чувствовала къ нему искреннюю симпатію, съ живымъ, радостнымъ, сердечно-прямодушнымъ сочувствіемъ и радушіемъ принимала его, не взирая на его общественное положеніе“. Былъ у Шаповыхъ одинъ знакомый бур-

сакъ, несправедливо исключенный изъ семинарии, неуклюжий и невзрачный, но способный и честный въ убѣжденіяхъ, простой и искренный въ словахъ и поступкахъ. „Если этотъ бурсакъ, замѣчаетъ Шаповъ, долго не приходилъ къ намъ и съ горя погибалъ въ пьянствѣ, то она всегда посылала меня розыскать его, привести къ намъ, и сама употребляла все свое нравственное вліяніе, чтобы поддержать его, спасти отъ гибели и направить въ университетъ“. („Отеч. Записки“ 1876 г., № 5. „Внутр. обзоръ“, 188—192).

Долго догорала жизнь этой бѣдной молодой женщины при самой печальной обстановкѣ, отсутствіи правильнаго леченія, порядочнаго домашняго покоя и сносной пищи. Скончалась бывшая Жемчужникова въ молодыхъ лѣтахъ 13-го марта 1874 г. Во время ея болѣзни Шаповъ доходилъ до самаго тяжелаго мрачнаго расположенія духа; онъ ожесточился на все окружающее его общество, считая его единымъ, злостнымъ и безсердечнымъ, а Иркутскъ онъ возненавидѣлъ до глубины души и называлъ его отвратительнымъ острогомъ.

По смерти Ольги Ивановны, Шаповъ потрясенъ былъ окончательно, снова захватилъ съ горя и самъ сильно заболѣлъ, оставаясь совершенно въ безвыходномъ нищенскомъ состояніи.

Послѣ энергической подруги, Шаповъ весьма часто посѣщалъ ея могилу, несмотря ни на какую погоду, и просиживалъ по нѣскольку часовъ, какъ-будто укрѣплялся въ терпѣніи, взывая къ улетѣвшей сочувствующей душѣ. Сильнѣе и сильнѣе стала находить на него тяжелая хандра, онъ сдѣлался страшно рѣзокъ и нетерпимъ до крайности и возбуждалъ въ близкихъ людяхъ глубокую жалость къ своей горемычной долѣ. Онъ сильнѣе опустился и здоровье измѣнилось ему совсѣмъ: въ послѣднее время онъ едва таскалъ ноги, охромѣлъ и ходилъ тихо, пошатываясь, точно старикъ; зрѣніе его до такой степени притупилось, что онъ едва могъ читать свою крупную и размашистую рукопись. Очевидцы передавали, что иногда приглашали его передовые иркутскіе люди на литературные вечера, какъ представителя либеральныхъ убѣжденій, одѣвали его въ сборное платье, привозили его на вечеръ, ставили на столъ четыре свѣчки, чтобы онъ могъ разобрать написанное. Но чтеніе было такого характера, что едва возможно было разобрать его, хотя присутствующіе были весьма довольны и долго волновались, такъ какъ оно пропитано было сибирскимъ вкусомъ. Не задолго до кончины своей, онъ иногда приходилъ голодный къ знакомымъ и просилъ, чтобы накормили его; обыкновенной его домашней пищей былъ чай съ хлѣбомъ. Отсутствие питанія ускорило развязку дѣла и совратило его злополучную жизнь; безъ добрыхъ людей и раньше онъ могъ бы умереть съ голода.

Въ газетѣ „Сибирь“ было заявлено, что Шаповъ въ разное время задолжалъ бывшему своему ученику по казанской академіи, чиновнику контрольной палаты, К. В. Лаврову, 825 рублей и въ обез-

печеніе этого долга передалъ ему право на изданіе всѣхъ его сочиненій.

Шаповъ скончался 27-го февраля 1876 года, 45 лѣтъ отъ роду. Ничтожный кругъ его знакомыхъ и бывшихъ слушателей университета и академіи проводилъ его скромный гробъ въ могилу. И по смерти судьба не сложились надъ нимъ, такъ жадно стремившимся къ извѣстности! Сообщение о его кончинѣ не разрѣшено было къ печатанію въ газетѣ „Сибирь“ и общество иркутское узнало о его смерти, когда уже онъ давно лежалъ въ землѣ сырой. Мало этого: никто не подумалъ извѣстить по телеграфу петербургскихъ его знакомыхъ, которые высоко цѣнили талантъ Шапова и узнали о его смерти случайно изъ частнаго письма. Это безучастіе и равнодушіе къ своимъ русскимъ даровитымъ людямъ характеризуетъ наше общество.

Изъ сочиненій Шапова, написанныхъ имъ въ Иркутскѣ, осталось много въ рукописяхъ; сохранились ли послѣднія или нѣтъ, неизвѣстно. Печатные его труды были слѣдующіе:

1. Рѣчь по случаю празднованія юбилея М. В. Ломоносова. 1866 г.

Напечатана въ Иркутскѣ, въ отдѣльной брошюрѣ, подъ заглавіемъ: „Двѣ рѣчи, произнесенныя при празднованіи въ г. Иркутскѣ юбилея М. В. Ломоносова“, И. 1866 г. (Рѣчь Шапова начинается съ 19 страницы).

2. „Общій взглядъ на исторію интеллектуальнаго развитія въ Россіи“. „Дѣло“ 1867, №№ 2 и 3.

3. „Историческія условія интеллектуальнаго развитія въ Россіи“. Тамъ же, 1868, №№ 1, 3, 4, 7—9.

4. „Умственныя направленія русскаго раскола“. Тамъ же, 1868, №№ 10—12.

5. „Естественно-психологическія условія умственнаго и социальнаго развитія русскаго народа“. „Отечеств. Записки“ 1870, №№ 3, 4 и 12.

6. „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“. Сиб. 1870 г., изд. Н. Полякова.

Критическія статьи и рецензіи на эту книгу:

1. „Библиографъ“. 1869 г. № 3, Дек., стр. 42, статья Н. А. Александрова. 2. „Всемирный трудъ“. 1869 г. № 11, стр. 176. 3. „Вѣстникъ Европы“. 1869 г. № 12, т. 6, 1870 г. № 1, т. 1, стр. 326. 4. „Сиб. Вѣдом.“. 1869 г. № 319. 5. „Дѣло“. 1870 г. № 1, стр. 73. 6. „Рус. Вѣсти.“ 1870 г. № 2, стр. 813. В. Кочнева, статья: „Событіе въ нигилистическомъ мірѣ“. 7. „Сиб. Вѣдом.“ 1870 г. № 115. „Образцовая глухость“, по поводу статьи Кочнева, въ „Рус. Вѣстникѣ“. 8. „Всеобщая Газета“. 1870 г. № 62. Рецензія В. Орлова. 9. „Отеч. Записки“. 1870 г. № 7, т. 191, отд. 2. Статья А. Пятковского. 10. „Правосл. Обзоръ“. 1870 г. № 2, стр. 307. Статья В. К. „Церковь по отношенію къ умственному развитію древ. Руси“. 11. „Голосъ“. 1870 г. №№ 55 и 56. Дѣло, возникшее по поводу сочиненій г. Шапова. 12. „Недѣля“. 1870 г. № 21 и 22, статья П. Ровинскаго. 13. „Одес. Вѣстникъ“. 1870 г. № 37. „Причина нашего черепашняго прогресса“. М. Г. 14. „Новорос. Телеграфъ“. 1870 г. №№ 85, 87, 89. „Воспитаніе молодыхъ рабочихъ поколѣній“. Л. Самсонова.

7. „Первобытное міросозерцаніе“. „Дѣло“ 1871 г. №№ 8 и 9.

8. „О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. Мысли сибиряка при

взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества“. „Отеч. Записки“ 1872 г. № 10.

9. „Историко-географическія и этнографическія замѣтки о сибирскомъ населеніи: а) Измѣненіе славяно-русской народности въ сибирскомъ населеніи. б) Мѣстныя физическія, психическія и лингвистическія особенности русскаго сибирскаго населенія. в) Общая характеристика физическаго и психическаго типа сибирскаго русскаго населенія“. „Извѣстія Сибирскаго отдѣла и Русскаго Географическаго общества“ 1872 г. Т. III, № 3, стр. 142. № 4, стр. 186. № 5, стр. 243.

10. „Развитіе человѣческой способности питанія“. „Отеч. Записки“ 1873 г. № 1. (Эта статья общая и не относится къ русской жизни).

11. „Положеніе женщины въ Россіи въ допетровское время“. „Дѣло“ 1873 г. № 4.

12. „Историко-географическія Замѣтки о Сибири. Значеніе первоначальныхъ географическихъ открытій въ Сибири“. „Извѣстія Сибирскаго отдѣла Геогр. общества“. 1873 г. № 2, стр. 65.

13. „Сибирское общество до Сперанскаго“. (По поводу книги г. Вагина о дѣятельности М. М. Сперанскаго). Тамъ же, 1873 г. т. IV, № 4, стр. 180. № 5, стр. 200. 1874 г., № 1, стр. 28.

14. „Міросозерцаніе, мысль, трудъ и женщина въ исторіи русскаго общества. (Съ XVIII вѣка до сороковыхъ годовъ XIX и съ сороковыхъ годовъ до настоящаго времени)“. „Отечеств. Записки“ 1873 г. №№ 2, 3, 7. 1874 г. №№ 5 и 6.

15. „Бурятская улусная родовая община“. „Записки Геогр. общества“. 1874 г., т. V, № 1, стр. 128.

16. „Сельская осѣдло-инородческая и русско-крестьянская община въ Кудинско-Ленскомъ краѣ. Физическое и этнолого-генеалогическое развитіе кудинскаго и верхоленскаго населенія. Развитіе уродствъ между бурятами кудинскаго, верхоленскаго и ленскаго вѣдомства и вліяніе на него замкнутаго родоваго генезиса“. Тамъ же, 1875 г. т. VI, № 3, стр. 97. №№ 5 — 6, стр. 189.

17. „Физическое развитіе верхоленскаго населенія“. Тамъ же, 1876 г. т. VII, №№ 2 и 3, стр. 37.

18. „Этноистическія инстинкты въ ленской народной общинѣ бурятской улусной, осѣдло-инородческой и русско-крестьянской“. Издана эта статья отдѣльной брошюрой.

Желательно было бы напечатать списокъ статей, помѣщенныхъ Щаповымъ въ газетѣ „Сибирь“.

Н. Аристовъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ОНЪ БЫЛЪ.

ЗНАМЕНИТЫЯ слова Гамлета по справедливости могутъ быть отнесены лишь къ немногимъ. Ихъ по большей части нельзя отнести именно къ людямъ, прогремѣвшимъ на томъ или другомъ поприщѣ съ печатью геніальности на челѣ. Отмѣченные этою печатью—духовная аристократія человѣчества—обходятся дорого ему и самимъ себѣ: они, обыкновенно, платятся за свое титаническое величіе различнаго рода изъятиями въ томъ, что именно и составляетъ нравственную красоту человѣка, какъ человѣка. Такія глубоко человѣчныя знаменитыя личности, какъ напримѣръ, на политическомъ поприщѣ Гарибальди—крайняя рѣдкость, да въ немъ же и не было геніальности. Если мы обратимся къ своимъ, то крупною и, разумѣется, вполне человѣчною знаменитостью окажется въ прошломъ столѣтіи Новиковъ,—но и онъ вѣдь опять не геній. Тѣ десять праведниковъ Библии, которыми могъ бы, если-бъ они въ немъ оказались, спастись Содомъ, были бы, конечно, не геніи, но обыкновенные люди, только именно люди. Горе обществу, въ которомъ вовсе не оказалось бы въ этомъ смыслѣ людей. Ими, ихъ скромною, но непрерывною, неустанною въ любви къ людямъ-братьямъ работою собственно и держится міръ. Къ этому сводится то, что художественно изображалъ и прямо проповѣдывалъ у насъ Достоевскій, самъ оказывающійся однимъ изъ слишкомъ немногихъ, залечатлѣнныхъ при геніальномъ талантѣ и истинною гуманностью.

Повѣсть о жизни людей, просто и тихо работавшихъ весь свой, хотя бы и долгій, вѣкъ на ближняго, часто бываетъ даже однообразна, а потому и можетъ показаться просто скучною любителямъ приключеній и связанныхъ съ ними сильныхъ ощущеній. Жизнь доктора Николая Ивановича Уверскаго (род. 10 февр. 1844; † 5 авг. 1882 г.)

не была, къ несчастью, и долгою жизнью. Разнообразіе было въ нее внесено только его участіемъ въ нашей послѣдней восточной войнѣ. Но жизнь его всегда была полною жизнью—жизнью не въ даль, а въ глубь,—да, во всю глубь человѣческаго значенія жизни.

Отецъ Николая Ивановича, Иванъ Михайловичъ, нынѣ служащій эзекуторомъ въ петербургскомъ университетѣ; въ былое время занималъ мѣсто почтмейстера въ витебской губерніи. Тамъ и родился у него сынъ Николай. Получивъ первоначальное воспитаніе въ полковомъ дворянскомъ училищѣ, онъ поступилъ затѣмъ въ витебскую гимназію, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1862 г. въ числѣ первыхъ учениковъ. Это значитъ, что у него были хорошія способности, и что онъ учился прилежно. Это значитъ также, что у него не было того непомѣрнаго самолюбія, которое заставляетъ добиваться того, чтобы стать непременно первымъ, съ одинаковымъ усердіемъ занимаясь всѣмъ, только бы всячески опередить товарищевъ. Николай Ивановичъ относился къ товарищамъ гимназистамъ по-своему—такъ, какъ впоследствии относился къ товарищамъ студентамъ: его сердце болѣло отъ той нужды, которая замѣчалась между гимназистами, и онъ заботился о томъ, какъ бы имъ помочь. По вступленіи своемъ въ медико-хирургическую академію, онъ все свое свободное отъ учебныхъ занятій время посвящалъ исключительно на веденіе дѣлъ по студенческой столовой, въ которой бѣднѣйшіе изъ студентовъ пользовались бесплатными обѣдами. Заботы о томъ, чтобы эти обѣды стали по возможности питательными для юныхъ труженниковъ, справедливо представлялась Николаю Ивановичу важною заботою. По окончаніи курса въ 1867 г., ему пришлось начать службу военнымъ врачомъ въ провинціи (сперва при 120-мъ Серпуховскомъ полку, затѣмъ при 50-мъ пѣхотномъ резервномъ баталіонѣ, сначала въ уѣздномъ городѣ Минской губерніи Борисовѣ, потомъ въ самомъ Минскѣ и во Псковѣ). Тутъ самые досуги отъ главнаго дѣла—медицинской практики, должны были принять характеръ учено-медицинскій: надо же было во что бы ни стало подготовиться къ полученію степени доктора медицины. Говорю: во что бы ни стало, полагая, что для такого человѣка, какъ Николай Ивановичъ, большимъ лишеніемъ было отрываться отъ привычной для него еще съ юныхъ лѣтъ общественной благотворительности. Но вѣдь отдаться этому дѣлу безъ удержу—значило бы совершенно оторваться отъ ученаго поприща, и вотъ Николай Ивановичъ со всею силою воли останавливаетъ свое вниманіе на немъ, и такимъ образомъ въ маѣ 1872 года достигаетъ степени доктора. Надо думать однако, что и благотворительность, за все это пятилѣтіе съ 1867 по 1872 годъ, имъ все же практиковалась—въ видѣ обыкновенной медицинской практики, у него, вѣроятно, и въ то время частенько бесплатной.

Связанное съ приобрѣтеніемъ высшей ученой степени возвращеніе Николая Ивановича въ Петербургъ было вмѣстѣ съ тѣмъ и воз-

вращенемъ его на поприще широкой общественной благотворительности. Уже въ 1873 году онъ поступилъ въ члены Общества дешевыхъ квартиръ, въ которомъ занималъ въ послѣдніе годы тяжелую и не казистую должность казначея. Членамъ общества памятно, какое живое участіе принималъ онъ и вообще во всѣхъ выдающихся дѣлахъ общества.

Тяжелая година сперва непризнаннаго, но вскорѣ оказавшагося неудобно скрываемымъ, самарскаго голода, не могла не вызвать Уверскаго на напряженно-ревностную дѣятельность въ качествѣ члена Петербургскаго комитета для помощи голодающимъ.

Съ начала 1875 года, Николаю Ивановичу пришлось вернуться къ первоначальному виду своей благотворительности—на пользу студентамъ того заведенія, въ которомъ онъ когда-то учился и вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйничалъ въ столовой. Онъ былъ избранъ казначеемъ общества вспомоществованія нуждающимся студентамъ медико-хирургической академіи (опять, стало быть, не потяготившись неказистой и нелегкою должностью). Мудрено было, при томъ положеніи, въ какомъ засталъ онъ дѣла общества, мечтать о скоромъ достиженіи завѣтной цѣли—въ самомъ дѣлѣ существенной помощи наиболѣе нуждающимся студентамъ. Но съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался казначеемъ, общество все болѣе и болѣе могло расширять свою дѣятельность. Въ 1875 году весь капиталъ его заключался въ 1.200 р., а въ 1879 оно располагало уже неприкосновеннымъ капиталомъ, свыше 20.000 р., при всемъ томъ, что израсходовало втеченіе одного 1879 года свыше 8.000 р. Всего же съ 1875 по 1880 г., какъ видно изъ отчетовъ общества, собрано было свыше 46.000 р., а израсходовано около 25.000 р.

Одновременно, т. е. съ того же 1875 года, Уверскій принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ с.-петербургской врачебной общины. Не говоря уже о приемѣ больныхъ въ лѣчебницахъ общины и объ участіи въ ночныхъ дежурствахъ врачей, какъ о дѣятельности заурядной, замѣтимъ, что онъ въ качествѣ уполномоченнаго члена общины ревностно посвятилъ свои заботы и дѣлу совершенно особенному, вызванному историческими событіями 1876 г., устройству и отправленію санитарнаго отряда отъ врачебной общины въ Сербію во время ея вооруженнаго возстанія противъ Турціи, служившаго, какъ извѣстно, преддверіемъ нашей освободительной войны. Въ связи уже съ этою послѣднею, безвозмездно трудился затѣмъ Николай Ивановичъ, какъ и другіе члены общины, обучая уходу за больными и ранеными сестеръ милосердія. Въ качествѣ врача л.-гв. Павловскаго полка, при которомъ состоялъ онъ съ февраля 1873 года, Уверскому пришлось наконецъ, вмѣстѣ со своимъ полкомъ, принять и непосредственное участіе въ нашей войнѣ съ Турціей, т. е. быть участникомъ ея заключительной славы, за которой такъ скоро послѣдовали горькія дипломатическія разочарова-

нія. Уверскій поплатился за свое участіе въ походѣ маляріей и затѣмъ брюшнымъ тифомъ, которые и положили основаніе болѣзни, таившейся въ немъ, и, наконецъ, совершенно нежданно и неожиданно жившей его въ могилу.

Привычка къ дѣятельности, обратившаяся въ страсть, должно быть, не давала Уверскому оглянуться на самого себя — подумать о надежности своего собственнаго здоровья. Еще 19-го февраля нынѣшняго года онъ радовался увѣичанію своего новаго дѣла — открытію отъ врачебной общины пріемнаго покоя въ память Того, чей мученической ореолъ дважды связанъ съ 19-мъ февраля въ его освободительномъ смыслѣ для Россіи и для Болгаріи. Первая мысль объ учрежденіи такого покоя для бесплатнаго пользованія бѣдныхъ больныхъ съ раздачею имъ лѣкарствъ принадлежала Уверскому, и имъ же собраны были самыя значительныя пожертвованія на это деньгами и вещами.

Кромѣ всего упомянутаго, если не время, то деньги Николая Ивановича постоянно расходовались еще и на разнаго рода благотворительныя общества, членомъ которыхъ онъ состоялъ: общество вспомошествованія студентамъ петербургскаго университета (онъ добровольно вызвался и бесплатно лѣчить студентовъ, скромно ссылаясь на то, что „я вѣдь тутъ подѣ бокомъ“, такъ какъ онъ жилъ у отца, пользующагося квартирой при университетѣ), общество для пособія слушателямъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ, общество охраненія народнаго здравія, дѣлныхъ наконецъ десять благотворительныхъ обществъ разныхъ видовъ и комитетъ грамотности, въ которомъ Николай Ивановичъ состоялъ пожизненнымъ членомъ. Къ тому же втеченіе послѣднихъ лѣтъ онъ исполнялъ безвозмездно обязанность участковаго попечителя с.-петербургской исполнительной комиссіи общественнаго здравія.

По возможности лучшая организація врачебнаго дѣла постоянно заботилась Николая Ивановича, заставляя его прибѣгать къ перу, насколько позволяло время. Сюда относятся его корреспонденціи со всемірною парижскою выставкою. Особенно замѣчательны его корреспонденціи съ театра войны во „Врачебныхъ Вѣдомостяхъ“, подѣ заглавіемъ: „Пробѣлы эвакуаціи“; „Очеркъ будущаго санитарнаго состоянія Болгаріи“ и др. Слѣдуетъ также упомянуть объ его сообщеніи „къ вопросу о болѣе правильномъ распредѣленіи врачебной помощи въ Петербургѣ“ и о редакціонныхъ его работахъ по медицинскому отдѣлу въ одной изъ комиссій при главномъ комитетѣ по устройству и образованію войскъ.

Не слѣдуетъ забывать, что при всемъ этомъ у Уверскаго была обширная практика. Но особенно замѣчательно, разумѣется, то, что весь свой заработокъ отъ нея съ присоединеніемъ еще и большей части жалованья употреблялъ онъ на помощь

ближнимъ. Да гдѣ же болѣе и нашелъ бы онъ на это средства— онъ, человѣкъ совсѣмъ не богатый?

Иные, кому онъ колетъ глаза такою безсребренностью, скажутъ, пожалуй: да вѣдь онъ же не имѣлъ своей семьи и жилъ у отца. Но мало ли у насъ безсемейныхъ и лично вполне обеспеченныхъ, которымъ однако же нужны и очень нужны деньги, потому что нужно широко пожить? И Уверскій жилъ широко, но по-своему. Онъ жилъ внѣ себя, онъ жилъ въ человѣчествѣ.

Полное право имѣлъ онъ въ письмѣ, отправленномъ къ брату передъ однимъ изъ сраженій, отозваться о себѣ такимъ образомъ: „по оставшимся бумагамъ и словеснымъ свидѣнiямъ друзей, враговъ и причастныхъ къ моей дѣятельности лицъ, выяснится, что я работалъ только для другихъ и стремился къ установленiю болѣе правильной обстановки будущихъ врачей“.

Болѣзнь, перенесенная въ Турціи, какъ уже сказано, оставила роковые слѣды въ организмѣ Николая Ивановича. Лѣтомъ нынѣшняго года онъ вдругъ неожиданно слегъ въ постель и уже не вставалъ. Послѣ шестинедѣльныхъ тяжелыхъ страданій, 5-го августа его не стало. Отпѣваніе происходило въ церкви его полка (на Царыциномъ лугу). Въ проводахъ его тѣла въ Новодѣвичій монастырь, можетъ быть по лѣтнему времени, мало какъ-то было замѣтно медицинской учащейся молодежи. Плохо будетъ, если она позабудетъ его, какъ примѣръ. Плохо, если каждому изъ осиротѣвшихъ со смерти его не только придется сказать: „человѣкъ онъ былъ“, но и безнадежно потомъ прибавить: „ужь не видать такого человѣка“.

Ор. Миллеръ.

ВЗГЛЯДЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПИСАТЕЛЯ НА НЫНѢШНЮЮ РОССИЮ.

ВЪ СТАТЬѢ „Русское общество и нигилизмъ“ ¹⁾ въ нашемъ журналѣ уже было обращено вниманіе на первый томъ труда французскаго писателя Анатоля Лероа-Болье о „Россіи и русскихъ“ (L'Empire des Tzars et les Russes), вышедшемъ въ 1881 году. Нынѣ появился второй томъ этого во многихъ отношеніяхъ добросовѣстнаго изслѣдованія. Трудъ Лероа-Болье является плодомъ не только десятилѣтнихъ занятій предметомъ, но и результатомъ четырехъ путешествій по Россіи, для повѣрки прочитаннаго и узнаннаго, для собранія на мѣстѣ данныхъ, которыми пополнялись пробѣлы въ свѣдѣніяхъ Лероа-Болье о нашемъ государствѣ. Но добросовѣстный, трудолюбивый авторъ не удовольствовался такимъ подробнымъ изученіемъ предмета своего изслѣдованія. Статьи его о Россіи около десяти лѣтъ тому назадъ стали появляться въ журналѣ „Revue des deux Mondes“, издатель-редакторъ котораго, Франсуа Бюлозъ, предложилъ въ 1872 г. Лероа-Болье заняться изученіемъ Россіи и предпринять для того путешествіе къ намъ. По мѣрѣ появленія этихъ статей, авторъ ихъ сталъ получать на нихъ отзывы съ критическими замѣчаніями, исправленіями, дополненіями. У Лероа-Болье образовалась обширная переписка по предмету его труда съ русскими, занимающими разныя положенія въ обществѣ, раздѣляющими различныя взгляды на государственныя дѣла Россіи, а при свиданіяхъ съ нашими соотечественниками за границею и во время его поѣздокъ къ намъ, словесныя указанія и пренія немало также способствовали уясненію автору подробностей принятой имъ на себя задачи. Всѣ эти замѣчанія побудили французскаго писателя не только пополнить свой трудъ, появившійся отдѣльными частями въ означенномъ жур-

¹⁾ „Историческій Вѣстникъ“, т. VI, стр. 604.

нагѣ, но исправить его, передѣлать и даже во многихъ случаяхъ измѣнить свои взгляды и заключенія, когда онъ убѣждался сообщенными ему доводами въ ошибочности тѣхъ и другихъ. Вслѣдствіе того, нынѣ появившіеся два тома его труда „Россія и русскіе“ представляютъ мѣстами полную переработку прежнихъ его статей. Такое обращеніе съ ними Лероа-Болье только подтверждаетъ наше мнѣніе о его добросовѣстности.

Въ первомъ томѣ своего труда Лероа-Болье разсматриваетъ Россію и ея обитателей, ихъ народный бытъ, ихъ общественное положеніе, дворянство, городское населеніе, сельское. Первую часть онъ посвящаетъ климату и почвѣ Россіи; вторую племенамъ и національности населенія имперіи; третью темпераменту и народному характеру; четвертую исторіи и цивилизаціи Россіи; пятую городамъ и ихъ населенію; шестую дворянству и чиновничеству; седьмую сельскому населенію и крестьянской реформѣ 1861 года; восьмую сельскому міру, деревенской общинѣ. Во второмъ томѣ разбираются учрежденія русской имперіи. Въ первой части, излагается сельская община и крестьянское самоуправленіе; во второй административное управленіе, бюрократія, полиція; въ третьей мѣстное самоуправленіе, земское и городское; въ четвертой судебная реформа и судоустройство; въ пятой печать и цензура; наконецъ, въ шестой—революціонное движеніе и политическія реформы.

Въ третьемъ томѣ, еще не вышедшемъ въ свѣтъ, авторъ обѣщаетъ разсмотрѣть церковное устройство въ Россіи, ея господствующую религію, наши различныя секты, прежде существовавшія и вновь возникшія, а затѣмъ въ новомъ томѣ своего труда заняться вопросами о нашей арміи, внѣшней политикѣ, финансахъ, чего онъ уже касался въ своихъ статьяхъ въ „Revue des deux Mondes“. Надобно полагать, что третій томъ появится въ будущемъ году.

Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ томѣ, Лероа-Болье касается нигилизма и причинъ, породившихъ революціонную пропаганду въ Россіи. При разборѣ перваго тома, въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ было указано, что авторъ усмотрѣлъ одну изъ причинъ развитія нигилизма въ свойствахъ нашего народнаго характера, на особенности котораго, по словамъ Лероа-Болье, вліяютъ въ сильной степени нашъ климатъ, наша природа, характеръ временъ года въ Россіи. По его мнѣнію, близкое отношеніе къ климату имѣютъ гибкость характера, впечатлительность, отсутствіе мѣры, отсутствіе равновѣсія, что наблюдается у русскихъ, у поляковъ, вообще у славянъ, и всѣ эти особенности русскаго характера обуславливаются въ извѣстной степени климатомъ. Смѣняющія одна другую противоположности видовъ природы, кажется, оставляютъ отпечатокъ на умѣ, на характерѣ человека, даже иногда на его дѣйствіяхъ. На основаніи всего сказаннаго, не надобно удивляться, если, по словамъ Лероа-Болье, въ русскомъ человѣкѣ встрѣчается столько противорѣчій. Анализируя ха-

«истор. вѣстн.», годъ III, томъ X.

рактёръ нигилизма, авторъ обращаетъ вниманіе на ту его особенность, что онъ не всегда выражается политическими преступленіями, терроромъ. По его выводу, наряду съ „нигилизмомъ дѣйствія“, выражающимся въ заговорахъ, насиліяхъ, существуетъ „теоретическій нигилизмъ“, часто неопредѣленный, безсознательный, наиболѣе распространенный, и притомъ съ давняго времени, въ обществѣ, въ школахъ, даже въ административныхъ установленіяхъ и въ салонахъ. Нигилизмъ въ философіи — это грубый матеріализмъ, въ политикѣ — это социальный радикализмъ, стремящійся къ полному разрушенію современнаго намъ общественнаго и политическаго строя, а не къ улучшенію благосостоянія массы, матеріальному и нравственному.

Во второмъ томѣ труда „Россія и русскіе“ авторъ снова возвращается къ нигилизму, находя связь его появленія съ реформами, совершенными въ прошлое царствованіе. „Въ жизни народовъ, пишетъ Лероа-Болье, оказываются эпохи, которыя являются какими-то загадками для исторіи. Это можно сказать о царствованіи императора Александра II-го. Никогда еще ни въ одномъ христіанскомъ государствѣ не совершалось столько перемѣнъ, въ такое короткое время, безъ содѣйствія революціи. Кто бы осмѣлился предсказать въ прекрасные дни освобожденія крѣпостныхъ, что всѣ эти великія мѣры, изъ которыхъ въ другое время одной было бы достаточно для славы царствованія, будутъ увѣнчаны убіеніемъ освободителя крѣпостныхъ и приведутъ Россію къ неувѣренности въ своемъ будущемъ, къ безпокойству за свой дальнѣйшій путь, заставятъ какъ бы одуматься? А между тѣмъ, кто знакомъ съ современною Россією, съ разочарованіями мира и войны, общественнымъ и частнымъ обѣдѣніемъ, вызваннымъ финансовыми затрудненіями, съ пониженіемъ кредитнаго рубля, неурожаями или даже голодомъ, — особенно кто чувствуетъ горькое разочарованіе, оставленное въ умахъ недѣйствительностію, невыполненіемъ или неокончаніемъ великихъ реформъ, — для того не становятся удивительными ни неумоимость и дерзость враговъ власти, ни равнодушіе и виѣшнее оцѣмѣніе общества, ни нравственное уединеніе и нерѣзительность правящихъ“. Такъ Лероа-Болье начинается шестую, послѣднюю, часть своего втораго тома, постаравшись выяснитъ въ предшествовавшихъ частяхъ его, что ни крестьянская реформа, ни судебная, ни преобразованія въ администраціи и печати, не доставили правительству и странѣ того, чего ожидали отъ нихъ. „Въ каждой сферѣ общественной жизни, пишетъ авторъ, почти повсюду мы видѣли, что довѣрчивый оптимизмъ первыхъ лѣтъ уступилъ мѣсто какому-то приходящему въ уныніе пессимизму или тревожному скептицизму, такъ что можно какъ бы сказать, что эти реформы принесли пользу только революціонному духу“.

Авторъ старается объяснить такую горестную аномалію. „Прежде всего нельзя ли объяснить такое явленіе числомъ реформъ, быстро слѣдовавшихъ одна за другою? Это объясненіе кажется наиболѣе

естественнымъ, потому что нельзя же затронуть всё обычаи и законы страны, не произведя въ ней смуты, не породивъ въ нѣкоторыхъ умахъ беспорядка, послѣдствія котораго могутъ быть опасными. Всякое измѣненіе имѣетъ свои неудобства; наиболѣе необходимыя влекутъ за собою временное разстройство. Всякая реформа имѣетъ свои недостатки, между прочимъ надежды и иллюзіи, возбуждаемая каждою изъ нихъ. Русское общество слишкомъ часто волновалось въ продолженіе четверти столѣтія и утратило свое нормальное положеніе. Въ жаждѣ прогресса, общественное мѣнѣе считало все возможнымъ и не было довольно ничѣмъ. Въмѣсто того, чтобы дать новымъ законамъ время завязать и назрѣть свои плоды, заботились только о прививкѣ къ однимъ и къ другимъ новыхъ выдумокъ. Развѣ не было достаточно духа безпокойства, неопредѣленныхъ стремленій и простодушныхъ требованій, разочарованія отъ несбывшихся мечтаній, нетерпѣнія при препятствіяхъ и продолжительности пути, гнѣва и недовольства противъ людей и вещей, сверхъ сильнаго соціальнаго потрясенія крестьянскою реформою, разрушенныхъ состояній и уничтоженныхъ положеній въ обществѣ,—развѣ всего этого недостаточно для объясненія завоеваній, сдѣланныхъ революціоннымъ духомъ въ иностранствѣ, способнаго легко увлекаться, среди народа, само по себѣ неопытнаго, молодаго, увѣреннаго въ себѣ, выдающаго себя отсталымъ передъ другими, униженнаго тѣмъ, но не желающаго въ томъ сознаться, и, въ стремленіи своемъ догнать или опередить другихъ, не желающаго понять, что первымъ условіемъ нормальнаго успѣха являются время и терпѣніе. Противоположный лагерь находить такое объясненіе заблужденіемъ; причиною всего зла, по его убѣжденію, то, что всё эти многочисленныя реформы не были достаточными, что, по большей части, онѣ были дурно задуманы или дурно примѣнены, что въ этихъ законахъ законодатель не осмѣлился дѣйствовать согласно своимъ принципамъ, и что при ихъ исполненіи власти не слушались его законовъ. Не только не сдѣлано много, но не сдѣлано довольно; не только не совершенно излишняго, но даже отступлено передъ необходимостію. Реформы, какъ и революція, вызываютъ одна другую; онѣ пополняются и укрѣпляются взаимно; онѣ не могутъ остаться уединенными, а изъ всѣхъ, пущенныхъ въ ходъ въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, не было ни одной, которая не была бы необходима. Это своего рода цѣпь, гдѣ каждое звено держится одно за другое, а въ Россіи у этой цѣпи недостаетъ многихъ звеньевъ. Зло въ полумѣрахъ, въ исключеніяхъ, въ противорѣчіяхъ; въ томъ, что въ нововведеніяхъ оставлено много прошлаго, что слишкомъ часто пришивали новое сукно къ старой одеждѣ и |лили новое вино въ старыя мѣха, подъ опасеніемъ, что они прорвутся. Въ сложномъ мирѣ политики правда имѣетъ часто нѣсколько обликовъ; два тезиса, по видимому несогласимые, могутъ каждый содержать въ себѣ половину правды. Такъ и въ этомъ случаѣ. Въ каждомъ государствѣ нельзя

начинать великія перемены, не возбуждая надеждъ на еще болѣе обширныя; нельзя производить броженіе въ обществѣ, не затрогивая его гнилую закваску. При политическихъ преобразованіяхъ народъ можетъ избѣгать революціи, но онъ никакъ не ускользнетъ отъ революціоннаго духа.

„Въ Россіи, продолжаетъ Лероа Болье, все это только отчасти объясняетъ нынѣшнія затрудненія. Главная ихъ причина оказывается глубже, и на которую мы не переставали указывать: на недостатокъ послѣдовательности, на неимѣніе общаго плана у всѣхъ этихъ реформъ, иногда приставленныхъ однимъ концомъ къ другому, безъ связи между ними, даже безъ звеньевъ между ихъ различными частями, почти всѣ съ ограниченіями въ ихъ примѣненіи, обѣгаемыя или роняемыя въ общественномъ мнѣніи съ умысломъ тѣми, которымъ назначено ихъ практиковать. Это слѣдствіе недостатка въ соглашеніи новыхъ законовъ между собою и этихъ законовъ съ прежними правами, съ остатками старыхъ учреждений, оставшихся въ силѣ. Переформированная Россія походитъ на старый домъ, вновь перестроенный въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, но сохраненный почти въ цѣлости въ другихъ, а потому неудивительно, что изъ числа обитателей этого дома нѣкоторые сожалѣютъ о томъ, что уничтожено, между тѣмъ какъ наиболѣе молодые изъ нихъ находятъ необходимымъ сломать все и все создать снова.

„Этого двойнаго недостатка гармоніи у учреждений между ними и между установленіями и правительственной практикою достаточно для зарожденія революціоннаго духа. Но распространенію радикализма и разрушительныхъ идей способствуетъ другое важное обстоятельство, которое не должно упускать изъ виду. Сверхъ разногласія въ самой себѣ, неимѣнія направляющей системы внутри, существуетъ разномысліе Россіи съ современною Европою, противоположность формъ и правилъ ея правительства съ его сосѣдями, со всѣмъ, что его окружаетъ, съ духомъ нашего вѣка и нашей цивилизаціи. Для того, чтобы революція не могла пустить корней въ русской имперіи, необходимо, чтобы Россія въ одно и то же время наслаждалась миромъ внутри и находилась въ гармоніи съ внѣшнимъ міромъ, съ современнымъ міромъ, который, вопреки ея желанію, давить на нее тяжелымъ грузомъ. А между тѣмъ изъ этихъ двухъ условий, почти одинаково существенныхъ, Россіи недостаетъ какъ одного, такъ и другаго.

„Русскіе привыкли взирать на революцію, какъ на родъ болѣзни старости, производимой измѣненіемъ соціальныхъ органовъ или недостаткомъ равновѣсія между ними, чахлостію однихъ, разжирѣніемъ другихъ. Считая себя юнымъ народомъ, русскіе, благодаря ихъ общественному строю, утѣшаютъ себя тѣмъ, что они избавлены отъ подобныхъ старческихъ поражений. По ихъ мнѣнію, такъ какъ революція является результатомъ пролетаріата и борьбы между классами, то революціонный духъ не можетъ проникнуть въ государство,

которое, вслѣдствіе совершенно особеннаго устройства у него собственности, незнакомо ни съ пролетаріатомъ, ни съ антагонизмомъ между классами. При „сельскомъ мірѣ“ ничего подобнаго нѣтъ основанія опасаться. Для разоблаченія иллюзіи подобной аксіомы народной гордости не было необходимости ждать заговоровъ, которые образумили наиболѣе вѣровавшихъ въ нее. Противъ революціонныхъ захватовъ „московскій міръ“ оказывается вполне недостаточнымъ застрахованіемъ. Революціи происходятъ не исключительно изъ борьбы между классами. Радикальныя ученія нарождаются не исключительно въ мастерскихъ рабочихъ-пролетаріевъ; если они тамъ и находятъ для себя наиболѣе благоприятную почву, то кромѣ ея есть и другія, на которыхъ они могутъ проростать.

Какъ для людей существуютъ иные поводы къ раздраженію, кромѣ лишеній и страданій въ матеріальной жизни, такъ точно для народовъ необходимы и другія потребности, сверхъ экономическаго благосостоянія. Россія, по словамъ автора, служитъ также тому примѣромъ, потому что хотя многіе изъ русскихъ утверждаютъ, что у нихъ не существуетъ политическихъ вопросовъ, но только вопросы экономическіе, событія опровергаютъ этотъ своего рода матеріализмъ. Экономическій строй и матеріальное положеніе Россіи не могутъ считаться главными причинами усиленія революціонныхъ идей. Распространенію радикализма въ Россіи, по мнѣнію Лероа-Болье, „болѣе всего содѣйствовали нравственное стѣсненіе, умственные тягости и лишенія, слитыя съ политическимъ строемъ. Этотъ своего рода умственный постъ, огорчая и увлекая къ заблужденію умы, расслабляя темпераменты и раздражая нервную систему, приуготовилъ русскихъ къ страннымъ желаніямъ, къ страстнымъ увлеченіямъ, къ болѣзненнымъ мечтаніямъ. Какъ же иначе объяснить снисхожденіе или милость, которыми встрѣчаются оппозиціонныя идеи, если не революціонными софизмами со стороны сословій, заинтересованныхъ болѣе всего въ охраненіи социальнаго порядка? Наиболѣе многочисленныя и наиболѣе ревностныя противники правительства набираются не среди городского низшаго слоя, не среди крестьянъ или такихъ классовъ, которые наиболѣе обездолены и, слѣдовательно, наиболѣе имѣютъ право на жалобы. Напротивъ, наборъ производится среди образованныхъ классовъ, недавно называвшихся еще привилегированными, именно въ небольшомъ цивилизованномъ слоѣ, который, въ отличіе отъ народныхъ массъ, обозначается словомъ „интеллигенція“. Пропаганда болѣе всего успѣваетъ въ тѣхъ частяхъ „интеллигенціи“, которыя соприкасаются къ народу, въ трудящемся и полуобразованномъ классѣ. Оно и естественно: къ нравственному стѣсненію, къ умственнымъ страданіямъ, у лицъ этого класса присоединяются матеріальный недостатокъ и лишенія жизни изъ-дѣя въ дѣнь“.

Главнымъ центромъ радикализма въ Россіи Лероа-Болье считаетъ школы, и чѣмъ онѣ выше, тѣмъ революціоннѣе оказывается умъ мо-

лодыхъ людей, воспитывающихся въ нихъ. Переѣмна въ системѣ воспитанія, бывшаго прежде почти домашнимъ, а нынѣ отдалившагося болѣе и болѣе отъ семьи, вслѣдствіе требованій программъ, малаго числа школъ, вздорожанія средствъ къ жизни и сильной конкуренціи, имѣла первымъ послѣдствіемъ ослабленіе семейныхъ связей, а затѣмъ неимѣніе руководства для юношества, лишенаго своихъ естественныхъ путеvodителей. Россія въ настоящее время единственная, можетъ быть, страна въ мірѣ, гдѣ среднее и высшее образованіе удалено отъ семьи. Образованіе отдѣлено отъ воспитанія; юношество предоставлено своимъ мечтаніямъ, разочарованіямъ, увлеченіямъ. Значительное число учащихся въ гимназіяхъ и въ университетахъ принадлежитъ къ бѣднымъ семьямъ, мало образованнымъ, не способнымъ дать своимъ дѣтямъ никакого направленія. Значительное число студентовъ—безусловные бѣдняки, обязанные своимъ образованіемъ общественной или частной щедрости. Русскіе, хвастающіе тѣмъ, что не имѣютъ экономическаго пролетаріата, обладаютъ своего рода умственнымъ пролетаріатомъ, университетскимъ пауперизмомъ, содержаниемъ на свой счетъ государствомъ и народомъ. Среди этого пролетаріата, гимназическаго и университетскаго, среди уволенныхъ до окончанія курса изъ гражданскихъ, военныхъ и духовныхъ училищъ, „нигилизмъ“ и набираетъ наиболѣе рѣшительныхъ изъ своихъ сторонниковъ. Законъ о всеобщей воинской повинности, даровавшій важныя преимущества университетскимъ дипломамъ, побудилъ какъ христіанъ, такъ и евреевъ, не останавливаться ни предъ какими расходами для дарованія образованія своимъ сыновьямъ. Бѣдствія и лишеныя не могутъ способствовать примиренію съ обществомъ этихъ студентовъ, не имѣющихъ средствъ къ существованію. Не только имъ недостаетъ книгъ и другихъ учебныхъ пособій, но въ то же время у нихъ нѣтъ обѣда, крова, одежды. Официальными данными удостовѣрено, что зимою многіе изъ учащихся не являются въ гимназіи и университеты по неимѣнію теплой одежды для выхода на улицу, вслѣдствіе чего въ сильные морозы многіе остаются дома, и что другіе не могли заниматься по вечерамъ за недостаткомъ освѣщенія. При такихъ условіяхъ, молодые люди, иногда студенты и студентки вмѣстѣ, набиваются въ небольшія комнаты, въ видахъ экономіи въ топливѣ и въ освѣщеніи, и проводятъ длинныя вечера русской зимы въ социалистическихъ преніяхъ. Подобныя условія не только не благоприятствуютъ ученію, но оказываются вредными для здоровья и для нравственнаго равновѣсія молодыхъ людей. Многіе изъ нихъ, не въ состояніи будучи кончить курса, оказываются незрѣлымъ плодомъ и, не получивъ себѣ занятій на государственной или частной службѣ, послѣ лишеныя и разочарованія предаются радикализму.

„Но какимъ образомъ, спрашиваетъ Лероа-Болье, революціонное движеніе можетъ быть передано народу отъ образованныхъ классовъ, или отъ „интеллигенціи?“ Масса народа, какъ въ городахъ,

такъ и въ селеніяхъ, совершенно чужда разрушительнымъ идеямъ. По своимъ привычкамъ, какъ и по своимъ вѣрованіямъ, человѣкъ изъ народа, „мужикъ“ особенно, отворачивается отъ новизны, которая представляется ему подъ видомъ разрыва со всѣмъ прошлымъ, со всѣми преданіями, подъ видомъ бунта противъ земныхъ и небесныхъ властей. Въ большинствѣ еще безграмотный, „мужикъ“ не только чуждъ и враждебенъ нигилистическому и радикальному ученію, но и глухъ ко всякой проповѣди подобнаго рода. Главнымъ препятствіемъ торжеству революціонеровъ оказывается не могущество власти, которую не могли ниспровергнуть всѣ ихъ заговоры, но недовѣріе и отвращеніе къ нимъ народныхъ массъ, которыя не поддались, несмотря на всѣ ихъ усилія.

„Такъ какъ радикальная пропаганда идетъ сверху, преимущественно отъ учащагося юношества, то главною задачею для агитаторовъ представляется заставить ее проникнуть въ безграмотные классы, не довѣряющіе ученію безвѣрія, въ народъ, который не только не идетъ па-встрѣчу революціи, но и отказывается понять ея сущность. Дѣйствительно, между мощными народными наслоеніями, составляющими суть населенія имперіи и тонкою цивилизованною коркою ея поверхности, въ нравственномъ отношеніи существуетъ огромный промежутокъ. Можно сказать, что цивилизованная корка не лежитъ на народныхъ наслоеніяхъ, или что между ними существуютъ простая прокладка, безъ всякой связи, безъ всякаго проникновенія верхними слоями нижнихъ. Вотъ тутъ и оказывается все значеніе социальнаго дуализма, который со временъ Петра Великаго какъ-бы разрѣзалъ имперію на двое. Въ государствѣ какъ бы существуютъ двѣ націи, до того отличныя одна отъ другой, что одна кажется побѣжденною другою, двѣ Россіи, до того отличныя между собою, что онѣ какъ будто отдѣляются одна отъ другой племенемъ, языкомъ, религіею.

„Именемъ народа революціонеры объявили войну единой державѣ, а между тѣмъ этотъ народъ, поборниками котораго они себя провозглашаютъ, не только не смотритъ на нихъ, какъ на своихъ уполномоченныхъ, но чуждается ихъ, не признаетъ ихъ, выдаетъ ихъ. Между революціонерами и народомъ существуетъ взаимное недоразумѣніе, какая-то неспособность понять другъ друга“.

Разсматривая образованіе и организацію революціонной партіи нигилистовъ, Лероа-Болье сообщаетъ данныя, уже извѣстныя и по большей части обнародованныя при бывшихъ политическихъ процессахъ. Онъ доказываетъ, что „двадцать покушеній, совершенныхъ съ 1878 года по 1882 годъ, вмѣстѣ съ убійствами разныхъ лицъ, совершены были не многочисленнымъ обществомъ, но небольшою шайкою людей. Уже съ 1880 года было замѣчено, при арестованіи извѣстнаго числа заговорщиковъ, что заговорщикъ, замѣшанный въ одномъ дѣлѣ, былъ непременно участникомъ во многихъ другихъ.

Подобно театральнымъ фигурантамъ, зловѣщіе актеры великой революціонной драмы съ неутомимымъ усердіемъ быстро переходили съ одного конца на другой обширной арены, простирающейся отъ Балтійскаго моря до Чернаго, такъ сказать, множились, мѣняя безпрестранно свои фамиліи, свои наряды, свои роли. Въ одномъ мѣстѣ они оказывались минѣрами, дѣлающими подкопы, въ другомъ журналистами и типографщиками, такъ что они повидимому одновременно находились повсюду, и, благодаря такого рода повсемѣстности, увеличивали значеніе своей партіи. Такимъ образомъ, двѣ или три дюжины молодыхъ людей, рѣшившихся пожертвовать своею жизнію, нѣсколько лѣтъ держали въ обманѣ все государство относительно своей многочисленности. Большая часть заговорщиковъ, въ томъ числѣ несомнѣнные организаторы преступныхъ замысловъ, подобно Желябову, выставляли себя на судъ простыми орудіями невидимаго исполнительнаго комитета. Въ этомъ отношеніи не надобно слишкомъ довѣрять ихъ скромности; она внушена имъ естественнымъ желаніемъ не лишать ихъ партію ея таинственнаго обаянія. Все заставляетъ полагать, что Желябовъ и его друзья, на сборищѣ въ Липецкѣ, и составляли въ дѣйствительности пресловутый „исполнительный комитетъ“. Въ небольшомъ сочиненіи на итальянскомъ языкѣ, вышедшемъ въ 1882 году въ Миланѣ подъ заглавіемъ „Подземная Россія“, Степняка (La Russia sotteranea), доказательствомъ нигилистическаго происхожденія которой служить предисловіе къ ней П. Л. Лаврова, находится сознаніе, что число заговорщиковъ было небольшое“.

Лероа-Воле отвергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ, приписывающихъ главное направленіе нигилистовъ въ Россіи польской интригѣ и русскимъ эмигрантамъ, проживающимъ за-границею, въ Швейцаріи, Франціи, Англии: „Политическая борьба, въ томъ видѣ, въ какомъ она происходитъ въ Россіи, не принадлежитъ къ области идей, гдѣ только и возможно дѣйствовать издалека, но къ сферѣ звѣрскаго дѣйствительности, не перомъ или словомъ, но динамитомъ и нитроглицериномъ. Поэтому можно было бы сказать, что въ средѣ русской эмиграціи теоретики революціи, на которыхъ иногда указываютъ, какъ на руководителей нигилистическаго движенія, можетъ быть, въ дѣйствительности имѣли менѣе вліянія на революціонеровъ своей отдаленной отчизны, чѣмъ на социалистовъ тѣхъ государствъ, гдѣ они нашли себѣ гостепріимный пріютъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что терроризмъ не имѣетъ во главѣ своей Магзини, спокойно извнѣ придумывающаго покушенія, исполняемаго слѣпыми агентами. Даже самые процессы нигилистовъ доказали, что всѣ главные ихъ заговоры послѣднихъ лѣтъ были задуманы на мѣстѣ покушеній людьми, большая часть которыхъ никогда не дышала воздухомъ западной Европы. Въмѣсто того, чтобы быть мѣстомъ отправления и, такъ сказать, колыбелью заговорщиковъ, Швейцарія и Англія

служать имъ убѣжищемъ и часто могилою. Женева, Парижъ, Лондонъ, при терпимости иностранныхъ правительствъ, въ дѣйствительности предоставляютъ для нигилизма не столько операціонный базисъ, сколько убѣжище для раненныхъ и бѣглыхъ, участвовавшихъ въ этихъ страшныхъ битвахъ; эти города скорѣе служатъ мѣстомъ усвоенія, гдѣ, какъ мнѣ признался одинъ изъ эмигрантовъ, большая часть оставшихся въ живыхъ отъ борьбы въ Россіи, изнѣживается въ бездѣйствіи, вдали отъ мрачнаго поля битвы, съ котораго они бѣжали. Приписывать, какъ это дѣлается иногда въ Россіи, упорный матаежъ нигилистовъ преступной терпимости иностранныхъ правительствъ, значитъ добровольно обманывать себя; такое объясненіе равносильно обыкновенію, часто замѣчаемому у всѣхъ народовъ, искать внѣ причины своихъ золъ, просить о лекарствѣ извнѣ для излеченія внутренней язвы.

Авторъ переходитъ затѣмъ къ вопросу о денежныхъ средствахъ нигилистовъ. По мнѣнію однихъ, они получаютъ вспомошествованіе изъ секретныхъ суммъ правительствъ, враждебно расположенныхъ къ Россіи; по мнѣнію другихъ, отъ банкировъ, заинтересованныхъ въ пониженіи кредитнаго рубля. Оба эти мнѣнія не выдерживаютъ серьезной критики, тѣмъ болѣе, что „говорать о милліонахъ, когда вѣроятно надобность была въ нѣсколькихъ тысячахъ рублей“, пишутъ Лероа-Болье. „Террористы, по его словамъ, подобно своимъ предшественникамъ, пропагандистамъ, могли добывать себѣ деньги изъ разныхъ источниковъ. У нихъ установлены добровольные взносы, въ которыхъ участвуютъ всѣ ихъ соумышленники, болѣе или менѣе достаточные. Извѣстно, что на эту же цѣль шло скудное приданое дѣвицъ, прибѣгавшихъ къ „фигтивнымъ бракамъ“, бывшихъ въ обычаѣ у нигилистовъ въ періодъ мирной пропаганды. Къ подобнымъ незначительнымъ взносамъ учащейся, нуждающейся молодежи присоединялись сборы и подписки, составившіеся между недовольными всякаго рода, а также субсидіи богатыхъ соумышленниковъ, подобныхъ доктору Веймару и Дмитрію Лизогубу“.

Въ заключеніе своихъ изслѣдованій о нигилизмѣ Лероа-Болье пишетъ: „Если нигилизмъ не будутъ лечить, то онъ рискуетъ сдѣлаться неизлечимымъ и постепенно поразить существенные органы и мозгъ народа. Лекарство, дѣйствительное леченіе, не найдется ни въ мѣрахъ обузданія, ни въ мѣрахъ предупрежденія, ни въ обманчивыхъ временныхъ средствахъ. Въ прежнія времена нѣкоторыя болѣзни были лечимы діетою и кровопусканіемъ, а между тѣмъ нынѣ ихъ излечиваютъ укрѣпляющими средствами, тоническими лекарствами, чистымъ воздухомъ, движеніемъ. Болѣзни Россіи принадлежатъ къ числу подобныхъ, и уже пора лечить ее средствами, не столь ослабляющими организмъ. Противъ революціонной эпидеміи, наука не обладаетъ ни вѣрнымъ предупредительнымъ средствомъ, ни несомнѣннымъ специальнымъ лекарствомъ.“

Одни невѣжды или шарлатаны могутъ обѣщать то или другое. Революціонный духъ, радикализмъ, социализмъ, представляютъ такого рода неизбежныя, вредоносныя явленія, съ которыми народы, достигшія извѣстной зрѣлости, должны сживаться; избавитесь отъ нихъ нѣтъ возможности; вопросъ въ томъ, чтобы быть достаточно сильнымъ и быть въ состояніи выдержать ихъ. Изъ всѣхъ средствъ, изъ всѣхъ общихъ лекарствъ, совѣтуемыхъ для того, самымъ серьезнымъ, повидимому, оказывается политическая свобода. Это лекарство старо, вышедшее изъ моды у многихъ лицъ, и по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже хуже тѣхъ болѣзней, которыя оно должно излечить; но, по нашему мнѣнію, оно наиболѣе дѣйствительное. Всѣ государства, прибѣгшія къ нему искренно и терпѣливо, улучшили имъ свое положеніе“.

Лероа-Болье, по нашему мнѣнію, ошибается въ сильной степени, приписывая „неоконченности реформъ“ прошлаго царствованія развитіе нигилизма и терроризма въ Россіи. Если бы даже эти реформы, въ которыхъ нуждалось наше государство, были закончены въ томъ смыслѣ, въ какомъ, повидимому, желаетъ французскій авторъ, то и тогда наше время не обошлось бы безъ нигилизма или ему подобнаго явленія въ политической жизни Россіи. Сколько потрясеній выдержалъ ея государственный организмъ послѣ реформы Петра-Великаго, начиная съ стрѣльчаго бунта и кончая рядомъ династическихъ революцій, которыми ознаменовался весь восемнадцатый вѣкъ нашей исторіи? А между тѣмъ преобразование Россіи, проведенное желѣзною рукою сына царя Алексѣя, столь же неотлагательно вымывалось политической цѣлью, которая выпадала нашему государству на востокъ Европы, столь необходимыми становились социальныя реформы Александра II, послѣ погрома нашего политическаго значенія западными державами въ крымскую войну. Нигилизмъ въ царствованіе Александра II, бунтъ военныхъ поселеній и декабрьскій военный мятежъ при Николаѣ I, зародышъ тайныхъ обществъ при Александрѣ I послѣ отечественной войны и блистательнаго похода къ Парижу, наконецъ пугачевщина при Екатеринѣ II, не спускаясь ниже по лѣстницѣ нашей исторіи, — доказываютъ только существованіе броженія въ русскомъ народѣ или въ русскомъ обществѣ, поддерживаемаго не однимъ разнороднымъ во многихъ отношеніяхъ его составомъ, но и сильными толчками, получаемыми имъ или въ видѣ войнъ, или въ видѣ преобразованій въ его строѣ. Трудно положительными цифрами доказать, что болѣе принесло вреда русскому государству, въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, крымская ли война при Николаѣ I или нигилизмъ при императорѣ Александрѣ II, если допускать, что какъ первая, такъ и вторая явились однимъ изъ результатовъ этихъ двухъ царствованій; но если бы можно было уже нынѣ установить сравненіе между этими двумя зловредными событіями въ нашей исторіи, то оно, вѣроятно, дало бы любопытные, неожиданные выводы.

Нигилизму предназначена та же сфера дѣйствія въ исторіи, какая выпала на долю монгольскаго ига, нашествія турокъ на Европу, тридцатилѣтней войны, инквизиціи въ Испаніи, французской революціи прошлаго столѣтія, американской междоусобицы и проч. Эти мировыя событія, появляясь въ разные эпохи развитія человѣчества, производили въ его исторической жизни извѣстнаго рода перевороты и уже не повторялись впоследствии въ той же формѣ. Нигилизмъ наноситъ несомнѣнный вредъ государству и его населенію; государственная власть обязана принимать противъ него мѣры, бороться съ нимъ, и онъ искоренится или вслѣдствіе подобныхъ мѣропріятій, особенно если они уничтожатъ его основы, или еще скорѣе прекратится самъ собою съ тѣмъ, чтобы чрезъ извѣстный періодъ времени выразиться въ иной формѣ историческаго факта.

Нигилизмъ всецѣло принадлежитъ девятнадцатому вѣку и представляетъ одно изъ видоизмѣненій социализма. Начиная съ заговора Бабефа въ 1796 году и съ участника его Буонаротти, организовавшаго карбонаризмъ, социализмъ неоднократно принималъ политическую форму въ различныхъ государствахъ Европы, развившись въ особенности въ 1871 году во время парижской коммуны. Социализмъ измѣнялся и смотря по лицамъ, которыя становились въ его главѣ: были ли они народники (націоналисты), или космополиты. Лучшій примѣръ тому представляетъ Германія, гдѣ Лассаль былъ народникомъ, а Карлъ Марксъ оказывается космополитомъ. Наши нигилисты принадлежатъ къ космополитамъ, и вслѣдствіе того не останавливаются передъ тѣми преступленіями, отъ которыхъ отворачиваются социалисты другой школы.

Исторія социализма и его видоизмѣненій въ послѣднія двѣдцать лѣтъ опровергаетъ утвержденіе Лероа-Болье, что неоконченность реформъ прошлаго царствованія народила нигилизмъ въ Россіи. При народженіи этого ученія въ девятнадцатомъ вѣкѣ въ другихъ государствахъ Европы, опередившихъ Россію законченностью своихъ политическихъ учрежденій, какъ то понимаетъ Лероа-Болье, нашему государству нельзя было избѣжать послѣдствій распространенія социализма. Онъ привился и въ Россіи, но, при неимѣніи въ ней пролетаріата, бездомнаго рабочаго люда западной Европы, онъ захватилъ изъ всѣхъ нашихъ сословій только созрѣвшіе для этой болѣзни умы и вылился въ совершенно особой формѣ—въ нигилизмѣ.

Къ достоинствамъ труда Лероа-Болье принадлежатъ также его обобщенія, или взгляды автора на особенности нашего государственнаго строя, на эпохи, пережитыя нашимъ отечествомъ. Таковъ, напримѣръ, его взглядъ на значеніе писанаго закона и на злоупотребленіе имъ. По замѣчанію одного современнаго философа, Лавле (въ его „Соціальной реформѣ“), одною изъ особенностей новѣйшей эры и однимъ изъ золь, отъ котораго наиболѣе страдали народы европейскаго континента съ восемнадцатаго столѣтія,—оказывается зло-

употребленіе законодательствомъ, излишекъ довѣрія къ писаному закону, почитаемому главнымъ и несокрушимымъ средствомъ прогресса. „Между тѣмъ, пишетъ Лероа-Болье, нигдѣ подобная ошибка не была такъ преувеличена, какъ въ Россіи Петромъ Великимъ и его наследниками. Ни въ одномъ государствѣ не предписывали такъ сгѣло новые законы, какъ въ Россіи, потому что нигдѣ въ другой странѣ законодатель не располагалъ для того подобными средствами. Вся исторія Россіи, весь длинный московскій періодъ въ особенности, служили повидному только къ созданію всемогущаго законодателя, который никогда не сомнѣвается въ успѣхъ и дѣйствительности своихъ законовъ, непрерывно издаваемыхъ и отменяемыхъ, устанавливающихъ нововведенія и измѣненія, разрѣшенія и запрещенія и часто, посредствомъ переменъ, непослѣдовательности или противорѣчій, роняющихъ въ умахъ даже значеніе самого закона, являющемся въ этомъ случаѣ выраженіемъ отдѣльной воли, всемогущей и грозной, но съ тѣмъ вмѣстѣ преходящей и непостоянной. Вслѣдствіе обычая все измѣнять, передѣлывать, переработывать, въ русскихъ укоренился и такого рода взглядъ на ихъ отечество, что въ немъ можно все перевернуть верхъ дномъ и все измѣнить съизнова, какъ на такой театральной аренѣ, гдѣ декорации замѣняются одна другою на глазахъ зрителя по знаку машиниста“.

Лероа-Болье посвящаетъ всю пятую часть своего втораго тома русской печати и ея цензурѣ. Онъ приводитъ въ видѣ курьеза, что при императорѣ Николаѣ Павловичѣ существовала спеціальная цензура для разсмотрѣнія статей, касавшихся государственнаго коннозаводства, которыя къ ней посылались до одобренія ихъ общою цензурою, но онъ вѣроятно не зналъ еще того факта, что до 1862 года статьи, въ которыхъ упоминалось о дѣтскихъ пріютахъ, отправлялись на предварительный просмотръ въ совѣтъ этихъ благотворительныхъ учреждений. Лероа-Болье также ошибается, говоря, что безцензурныя изданія вносятъ залогомъ въ главное управленіе по дѣламъ печати только 2.500 р. (ежедневныя газеты обязаны имѣть залогъ въ 5.000 р.) и что нынѣшніе „Вѣстникъ Европы“ и „Русскій Вѣстникъ“ суть продолженія журналовъ, которые издавались въ началѣ настоящаго столѣтія.

По мнѣнію Лероа-Болье, „средство исправлять ежедневныя промахи печати, одинъ за другимъ, посредствомъ сообщеній и предостереженій, представляетъ большое неудобство для правительства, потому что на его отвѣтственность начинаютъ тогда возлагать всѣ тѣ мнѣнія, которыя оно оставляетъ непровергнутыми. Особенно за-границею, гдѣ привыкли смотрѣть на власть какъ на господина или на регулятора всего, что только печатается въ Россіи, усматриваютъ ея руку или ея внушеніе во всѣхъ печатныхъ произведеніяхъ этой имперіи. Вслѣдствіе того, во время европейскихъ замѣшательствъ, возникаетъ много неосновательныхъ сужденій, часто до-

садныхъ, для политики и дипломатіи петербургскаго кабинета. Это неоднократно случалось передъ войною 1877—1878 года и послѣ нея, во время язвительной полемики, происходившей не разъ между русскими и нѣмецкими газетами. Если администрація мирвоить въ печати обвиненіямъ противъ иностранныхъ кабинетовъ, то на русскихъ министровъ сыпятся обвиненія въ подстрекательствѣ народныхъ страстей. Неблагодарными выходки журналистовъ падаютъ также на правительство, которое заподозривается въ сообщничествѣ со всѣмъ тѣмъ, что имъ не запрещается. Противники его дипломатіи умышленно принимаютъ возгласы газетъ за эхо министра иностранныхъ дѣлъ. Для политики петербургскаго кабинета, подобная зависимость печати, которая, по общему убѣжденію, молчать и говорить только по его желанію, оказываетъ не помощь, а составляетъ своего рода тягость*.

Дѣйствительно, такое положеніе русской печати очень часто давало поводъ къ недоумѣніямъ и непріятнымъ объясненіямъ. Въ ноябрѣ 1877 года, я былъ приглашенъ къ министру внутреннихъ дѣлъ по поводу одной передовой статьи, появившейся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, въ которой обсуждалось положеніе, принимаемое Австрією относительно Россіи въ ея войнѣ съ Турцією.

— Какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, которому подчинена русская печать (услышалъ я отъ министра), я долженъ обратить вниманіе на жалобу австро-венгерскаго посла, генерала Лангенау, на статью вашей газеты и подвергнуть ее взысканію, но, какъ русскій министръ, я не могу этого сдѣлать по патріотическому содержанію вашей статьи, и потому прошу васъ не ставить меня вновь въ подобное непріятное положеніе и не помѣщать въ вашей газетѣ статей, которыя могутъ дать оный поводъ къ представленіямъ иностранныхъ пословъ.

Лероа-Болье рассказываетъ слѣдующій случай, бывшій съ нимъ въ 1880 году, во время пребыванія его въ Петербургѣ. Въ это время изъ Парижа получена была книжка „Revue des Deux Mondes“ съ одною изъ его статей о Россіи. Объ этой статьѣ съ авторомъ говорили многіе министры и высшіе сановники, какъ вдругъ онъ узналъ, что статья вырѣзана изъ книжки. На вопросъ о томъ одному официальному лицу, Лероа-Болье получилъ въ отвѣтъ: „Это очень просто (было ему сказано); статья написана съ такимъ тактомъ, что цензура не могла привязаться ни къ одной страницѣ, а между тѣмъ она не находила возможнымъ пропустить всю статью, а потому она и нашлась вынужденною воспретить ее цѣликомъ“. Подобныя противорѣчія совершенно естественны при существованіи цензуры; они всегда были и будутъ случаться въ будущемъ, но только форма ихъ будетъ разнообразиться съ теченіемъ времени. Индивидуальные взгляды играютъ главную роль въ цензурѣ вообще; что для одного возможно, неопасно, то для другаго опасно, вредно, должно быть безусловно воспрещено. Романъ „Нана“ былъ воспрещенъ къ обра-

ценію въ оригиналѣ въ русскомъ обществѣ, но переводъ его на русскій языкъ прошелъ въ публику съ нѣкоторыми измѣненіями противъ оригинала.

По убѣжденію Лероа-Болье, предпочтеніе, даваемое въ печати общими тезисамъ, и допускаемое цензурою, тѣмъ прискорбнѣе, что оно развиваетъ страсть къ отвлеченнымъ понятіямъ, къ абсолютнымъ выводамъ, развиваетъ духъ радикализма, духъ революціи. Недостатокъ свободы въ печати извратилъ смыслъ критики. Устраненіемъ возраженія приучили умы воспринимать, безъ ихъ оцѣнки, всѣ правдоподобныя и увлекательныя идеи, усилили вкусъ къ софизмамъ, къ новизнамъ, къ безразсудствамъ, увеличили обаяніе крайнихъ ученій, среди которыхъ уже не оказывается мѣста умѣреннымъ мнѣніямъ. вмѣсто того, чтобы остановиться на разумномъ либерализмѣ, русская интеллигенція бросилась, очертя голову, къ крайнимъ рѣшеніямъ. Гдѣ критика не свободна, мало образованный умъ легко можетъ вообразить, что, при большемъ снисхожденіи, запрещенныя мысли безъ труда восторжествуютъ надъ своими врагами. Поэтому, допускаемыя ученія почитаются официальными, офиціозными, своего рода рабствомъ, отъ котораго отворачиваются какъ публика, такъ и въ особенности молодежь. „При существованіи цензуры, заключаетъ французскій авторъ, то, что дозволено, становится глупымъ, скучнымъ, а то, что запрещено—интереснымъ и симпатичнымъ“.

Отсутствие свободы печати способствуетъ размноженію тайныхъ обществъ, изъ которыхъ нѣкоторыя состоятъ только въ передачѣ своимъ членамъ запрещенныхъ книгъ, въ перепискѣ ихъ, въ собираніи денегъ на ихъ приобрѣтеніе. Поэтому, иногда собственно даже нѣтъ тайнаго общества, но находятся всѣ элементы для его образованія въ данный моментъ. „Примѣръ Россіи, пишетъ Лероа-Болье, доказываетъ, что въ наше время свобода печати не одна виновата въ успѣхахъ революціоннаго духа. Нѣтъ сомнѣнія, что эта свобода не составляетъ панацеи; она не заливаетъ всѣ раны, которыя любятъ зондировать; она иногда усиливаетъ то зло, которое намѣревается излечить. Болѣе чѣмъ всякая другая свобода, свобода печати имѣетъ свои недостатки и неудобства; но, за исключеніемъ политическихъ соображеній, она доставляетъ государству такія преимущества, которыхъ никто не можетъ замѣнить. При свободѣ печати, революціонный духъ, можетъ быть, не захватилъ бы столько жертвъ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ не сдѣлался бы при ней опаснѣе и заразительнѣе, тѣмъ болѣе, что и правительство и народъ имѣли бы болѣе ясное представленіе о своихъ собственныхъ нуждахъ, о своихъ собственныхъ силахъ. Въ Россіи, болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ государствѣ, свобода печати принесла бы пользу, такъ какъ въ ней не существуетъ династическаго вопроса, нѣтъ борьбы изъ за образа правленія; напротивъ того, огромное большинство народа всѣхъ сословій, согласно относительно принципа власти, а потому

въ ней не можетъ быть, за исключеніемъ крайностей революціонной партіи, систематической и вполне отрицательной оппозиціи. Съ другой стороны, при самодержавномъ правленіи, только путемъ печати оно можетъ узнать желанія и нужды народа“.

Повторяемъ, трудъ Лероа-Болье заслуживаетъ серьезнаго вниманія по разработкѣ имъ нѣкоторыхъ насущныхъ вопросовъ, касающихся нашего отечества.

Пав. Усовъ.

ИЗЪ НЕДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

I.

Меркантильный вѣкъ.

В НАЧАЛѢ сороковыхъ годовъ, у отца моего въ домѣ обыкновенно по воскресеньямъ собирались родные и знакомые. Эти дружескія сходки отличались въ особенности тѣмъ, что вечера обходились безъ карточной игры. Когда собиралось побольше молодежи, то устраивались танцы; но любимымъ развлеченіемъ служилъ „Псевдонимъ“, еженедѣльный рукописный журналъ, который прочитывался вслухъ кѣмъ либо изъ присутствующихъ.

Статьи этого домашняго журнала были беллетристическаго, юмористическаго или слегка философическаго содержания и подписывались вымышленными именами, почему и самый журналъ носилъ названіе „Псевдонима“. Редакторомъ журнала былъ избранъ одинъ изъ среды насъ, на скромность котораго можно было положиться, такъ какъ ему одному должны были быть извѣстны имена авторовъ.

Втеченіе недѣли, каждый, желающій помѣстить свое произведеніе, присылалъ пакетъ редактору, который, пропустя его чрезъ снисходительную цензуру, отдавалъ переписчику и статья появлялась въ воскресномъ журналѣ. Авторъ статьи, конечно, тутъ же присутствовалъ, принимая самый равнодушный видъ, или даже относясь иногда критически къ произведенію и строгостью сужденія выдавая себя любопытству слушателей. Всякія нападки на личность строго исключались; но легкія эпиграммы или сатирическія статьи, облеченныя въ литературную форму, были допускаемы. А такъ какъ всѣ сотрудники, принадлежа къ одному обществу, были между собою знакомы, то понятно, что во всякой статьѣ относились съ интересомъ, под-

вергая ее громко критикѣ или одобренію. Эта забава, кромѣ литературнаго интереса, имѣла прелесть маскарадной интриги.

Однажды, въ числѣ статей попалось очень удачное стихотвореніе подъ названіемъ „Меркантильный вѣкъ“; оно удостоилось шумнаго одобренія присутствующихъ и даже рѣшено было послать эти стихи къ издателю „Отечественныхъ Записокъ“ г. Краевскому, съ просьбою напечатать ихъ въ журналѣ. Въ этомъ стихотвореніи дѣлалась оцѣнка девятнадцатаго вѣка и оно закончивалось такъ:

„Всеобщій двигатель—монета,
„Мы ей воздвигнули алтарь,
„Теперь банкиръ владыка свѣта
„И Ротшильдъ геній нашъ и царь“.

Это заключительное четверостишіе и было причиною того, что произведеніе не попало въ печать. Редакція журнала „Отечественныя Записки“, одобривъ стихи, по порядку послало ихъ въ цензуру. Цензоръ пригласилъ къ себѣ автора стихотворенія на квартиру, гдѣ между ними произошло слѣдующее объясненіе:

— Это вы, молодой человѣкъ, написали эти стихи? спросилъ цензоръ.

— Да, и я желалъ бы ихъ напечатать.

— Ихъ не только нельзя напечатать, но я дамъ вамъ отеческій совѣтъ никому ихъ не показывать и даже шептать.

— Почему же! Что вы находите въ нихъ неприличнаго?

— Вы выразились вѣрно, замѣтилъ цензоръ;—они неприличны и даже пронянуты возмутительнымъ духомъ; какъ это вы рѣшаетесь печатно объявлять, что Ротшильдъ нашъ царь? Развѣ вамъ неизвѣстно, что у насъ одинъ царь—Николай Павловичъ?

Молодой человѣкъ не нашелъ возраженій на это замѣчаніе и унесъ обратно свою статью.

Я не назову по имени этого вѣрнопопавшаго цензора; оно извѣстно редакторамъ 1845 года въ Петербургѣ.

II.

Ошибки барона Соловьева.

Гвардейскій корпусъ готовился выступить въ границамъ Венгріи для защиты погибавшей Австріи; все, что было военнаго въ Петербургѣ и его окрестностяхъ встрепенулось. Ученья прекратились; для занятія карауловъ въ столицѣ назначены были морскіе экипажи, гарнизонные и запасные батальоны. Дежурныя комнаты полковъ сдѣлались средоточіемъ, куда собирались офицеры полка, чтобы узнать о новѣйшихъ распоряженіяхъ. Офицеры каждой роты составляли между собою артели для организаціи походнаго хозяйства; они по-

ротно могли имѣть одну повозку, которая у границы должна была замѣниться вьюками на лошади; слѣдовательно, каждому приходилось имѣть заботу и о лошади, и о вьюкахъ, о дорожныхъ и военныхъ вещахъ. Деньщиковъ отбирали и обращали во фронтъ; значитъ, надо было присесть прислугу. Цѣны на лошадей и на офицерскія вещи поднялись на сто процентовъ.

Въ самый разгаръ этихъ заботъ, между нами пронеслась вѣсть, что двое изъ нашихъ товарищей—Львовъ и Пальмъ, по распоряженію командира полка, арестованы и отправлены въ казематы Петропавловской крѣпости. Говорили, что нашъ полковой командиръ баронъ Соловьевъ получилъ о томъ предписаніе, вслѣдствіе участія названныхъ офицеровъ въ политическомъ заговорѣ.

Не стану рассказывать подробностей этого мнимаго заговора, извѣстнаго подъ названіемъ Петрашевскаго, а сообщу лишь о немъ, насколько онъ коснулся лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, въ которомъ въ то время служилъ и я. У насъ въ спискахъ было также имя Петрашевскаго—подпоручика, поступившаго въ академію генеральнаго штаба, и потому сначала мы полагали, что онъ-то и былъ душою открывшагося заговора; мы ошибались. Впрочемъ, ошибался и нашъ баронъ Соловьевъ, распорядившійся арестовать штабсъ-капитана Львова, командира знаменной роты, человѣка самолюбиваго, нервнаго, обладавшаго значительнымъ состояніемъ. Послѣ трехъ сутокъ казематной жизни, со всѣми ея тяжелыми лишеніями и моральными страданіями, Львовъ былъ призванъ въ слѣдственную комиссію и на первомъ же допросѣ обнаружилась его невинность. Оказалось, что слѣдовало арестовать другаго офицера нашего полка, тоже Львова, но поручика.

Баронъ Соловьевъ ошибся.

Нашъ полковой командиръ далеко былъ не фрунтовикъ,—способность, придававшая большую цѣну человѣку въ глазахъ великаго князя Михаила Павловича; напротивъ, онъ рѣдко бывалъ на ученьяхъ и въ казармахъ, и большая часть распоряженій исходила по инициативѣ полковаго адъютанта Н. П. Гартунга и полковаго казначея В. И. Литвинова. Баронъ Соловьевъ не имѣлъ случая особенно отличиться на поляхъ сраженій, что также могло бы оправдывать его выборъ. Характеръ его можно было назвать безпечно-простодушнымъ, и потому трудно сказать, какими основаніями руководствовались высшія военныя власти, назначая барона на важный постъ командира гвардейскаго Егерскаго полка.

Оправданный Львовъ снова принялъ въ командованіе свою пятую роту; но, несмотря на признанную его невинность, онъ сталъ избѣгать встрѣчи съ товарищами; его самолюбіе страдало и онъ подалъ рапортъ о болѣзни.

Черезъ нѣсколько дней предстоялъ парадъ, на которомъ императоръ Николай желалъ проститься съ гвардіей, отправлявшейся въ

походъ. До командира гвардейскаго корпуса в. к. Михаила Павловича дошло извѣстіе о раздраженіи Львова и онъ велѣлъ передать ему о желаніи своемъ, чтобы Львовъ былъ на парадѣ.

— Надѣюсь, прибавилъ великій князь,—что онъ забудетъ эту несчастную ошибку.

Львовъ самъ желалъ, быть можетъ, забыть о ней, но все ему ее напоминало и раздражало его болѣзненное самолюбіе; тѣмъ не менѣе, исполняя желаніе великаго князя, онъ пришелъ съ своею ротою на парадъ.

Обстановка парада была самая торжественная. День ясный, солнечный. Войска готовились къ объявленному походу и желали услышать на прощанье нѣсколько словъ отъ своего царя, который въ эту минуту являлся для всѣхъ спасителемъ троновъ. Николай прибылъ на парадъ верхомъ, въ той величественной позѣ, которая такъ вѣрно воспроизведена на памятникѣ ему предъ Исакиевскимъ соборомъ. Его окружала свита иностранныхъ пословъ, въ числѣ которыхъ находился представитель императора Франца, молившаго о помощи.

„Мы въ ней не откажемъ!“ говорили слова манифеста Николая. Это были дни апогея могущества и славы нашего царя-рыцаря.

Предъ началомъ парада, окончивъ объѣздъ выстроенныхъ войскъ, государь остановился противъ середины и своимъ звучнымъ голосомъ сказалъ нѣсколько задушевныхъ словъ солдатамъ и вызванному имъ кружку офицеровъ. „Онъ былъ увѣренъ въ своихъ дѣтяхъ; онъ на нихъ полагался“. Слова его были приняты съ энтузіазмомъ и вызвали безконечное „ура!“

Когда крики смолкли, государь вызвалъ Львова изъ толпы окружавшихъ его офицеровъ и, протянувъ ему руку, сказалъ:

— Душевно сожалѣю объ нашей ошибкѣ; надѣюсь, что ты на меня не сердисься?

Всякій другой на мѣстѣ Львова счелъ бы себя удовлетвореннымъ такимъ публичнымъ извиненіемъ царя; но нервная натура Львова, потрясеннаго всѣми предыдущими страданіями болѣзненнаго самолюбія, увидѣла въ этомъ случаѣ официальное напоминаніе того, что онъ желалъ забыть. Лицо его страшно поблѣднѣло, онъ принялъ протянутую ему руку царя, низко поклонился и, вернувшись домой, подалъ прошеніе объ отставкѣ—по причинѣ совершенно разстроеннаго здоровья.

Здоровье его дѣйствительно было потрясено; онъ уѣхалъ въ свое имѣніе, гдѣ и умеръ года черезъ два.

До выступленія въ походъ намъ предстояли всевозможные смотры: инспекторскій, смотръ офицерскаго обоза, осмотръ солдатскаго имущества и т. п. Изъ гвардейскихъ полковъ: Измайловскаго, Егерскаго и сапернаго баталіона составленъ былъ походный эшелонъ и по

старшинству службы начальникомъ его былъ назначенъ нашъ баронъ Соловьевъ. Ему приходилось выказывать непривычную для него дѣятельность; но военное положеніе и требованіе грознаго Михаила Павловичъ невольно въ каждомъ пробуждали энергію.

Лишившись своего деньщика, вѣрнаго Ковальчука, я прискивалъ себѣ прислугу; тогда мнѣ сказали, что меня желаетъ видѣть Логинъ, молодой крестьянинъ нашего помѣстья, ходившій по оброку.

— Я слышалъ, баринъ, началъ онъ,—что вамъ нуженъ для похода поваръ, возьмите меня.

— Да вѣдь ты служишь на хорошемъ мѣстѣ; зачѣмъ стану я отрывать тебя?

— Я хочу послужить вамъ, мы вами довольны; въ дальнемъ походѣ свой человекъ пригодится.

Я былъ тронутъ его предложеніемъ, обнялъ и велѣлъ готовиться въ дорогу. Первымъ дѣломъ было одѣть его въ форменное деньщичье платье, такъ какъ чрезъ три дня предстоялъ смотръ деньщикамъ.

Въ назначенный день, на дворѣ втораго батальона обмундированная прислуга ожидала приѣзда генерала. Тутъ же толпились закройщики полковой швальни. Ихъ занималъ важный вопросъ: должны ли быть у деньщиковъ штрипки, или нѣтъ? На этотъ счетъ не было никакого опредѣленнаго приказа, и между закройщиками, занимавшимися, по техническому выраженію, „постройкой одежды“ на деньщиковъ по заказу офицеровъ, было разногласіе. Вслѣдствіе этого, на служителяхъ были брѣжи обоихъ образцовъ.

Дневальный, стоявшій у подъѣзда казармъ, зазвонилъ въ сигнальный колокольчикъ; сдѣлалось движеніе: „генералъ ѣдетъ!“ Прислуга выстроилась въ шеренгу.

— Здорово, ребята! крикнулъ баронъ, обращаясь къ деньщикамъ.

Нѣсколько голосовъ импровизированныхъ „ребятъ“ робко отвѣтили на привѣтствіе, а одинъ изъ нихъ даже поклонился.

— Это что за беспардонная команда! отчего они не умѣютъ отвѣчать? заговорилъ погубоженный генералъ.

— Это деньщики изъ вольной прислуги, ваше превосходительство.

— Ихъ учить надо!

Генералъ былъ взволнованъ; онъ продолжалъ осмотръ; злополучныя штрипки попались ему на глаза.

— Что это за беспорядокъ! почему у тебя нѣтъ штрипокъ? Отвѣчай!

Вопросъ это былъ обращенъ къ моему Логину. Тотъ молчалъ.

— Что молчишь! всѣхъ васъ подтянуть надо. Розогъ!

И несчастному Логину тутъ же при баронѣ отсчитали двадцать ударовъ.

Вечеромъ того же дня, полковой адъютантъ докладывалъ генералу, что изъ корпуснаго штаба послѣдовало распоряженіе, чтобы деньщики не имѣли штрипокъ.

— Ахъ, чортъ возьми! замѣтилъ баронъ Соловьевъ,—я ошибся, не того велѣлъ высѣчь.

23 мая 1849 года, мы выступили изъ Петербурга по варшавскому шоссе. Съ третьяго перехода полки раздѣлились по-ротво, чѣмъ значительно облегчалось движеніе. Каждая рота выступала съ ночлега въ тѣ часы, которые признавала удобными, высылая наканунѣ квартиреровъ, чтобы тѣ заготовили по деревнямъ и мызамъ помѣщенія. Обозы также съ привала отправлялись впередъ съ такимъ расчетомъ, чтобы, прийдя на мѣсто, солдаты уже нашли бы готовый домъ и столъ.

Утромъ рано, рота выстраивалась на дорогѣ, отъ нея отражался авангардъ и арьергардъ въ числѣ нѣсколькихъ человекъ, затѣмъ, по командѣ „марш! пѣснники впередъ!“ рота быстро двигалась далѣе съ пѣснями, постепенно ускоряя шагъ и дѣлая иногда болѣе шести верстъ въ часъ. Иной удалецъ изъ пѣснниковъ, несмотря на предстоящій двадцати-пяти-верстный переходъ, положить бывало свое ружье за спину поперекъ ранца, и съ бубнами въ рукахъ плясываетъ впереди роты, выкрикивая:

„Ахъ, вы сѣни, мои сѣни!“

Офицеры могли имѣть верховыхъ лошадей, чѣмъ вначалѣ похода многіе воспользовались, хотя впоследствии всѣ почти распростылись съ лошадьми, находя гораздо практичнѣе идти пѣшкомъ. Кромѣ того, уничтоженіе этого различія между офицерами и солдатами способствовало сближенію ихъ. Пѣхотный солдатъ вообще смотритъ на кавалериста недружелюбно, называя его почему-то мельникомъ и крупой.

Иногда случалось на маневрахъ кавалерійскому отряду обгонять пѣхоту, тащившуюся подъ дождемъ. Грязь изъ подъ копытъ летѣла брызгами на бѣднаго пѣхотинца, у котораго замокшій ранецъ оттягивалъ плечи.

„Пѣхота не пыли!“ раздается изъ рядовъ кавалеріи насмѣшливый голосъ.

При этихъ словахъ злоба пѣхотнаго солдата выходила изъ границъ, и иной бывалъ готовъ тутъ же штыкомъ вырнуть лошадь.

Какъ бы тамъ ни было, но я купилъ себѣ передъ походомъ вороного жеребца, не предвидя всѣхъ испытаній, которыя мнѣ придется перенести благодаря ему. Началось съ того, что, не доходя до Луги, небольшой конный отрядъ обогналъ рысью нашу роту: мой жеребецъ не вынесъ этого и принялся рваться впередъ; подпруга лопнула, сѣдло начало съѣзжать на бокъ, и мой вороной принялся бить задомъ.

Въ эту критическую для меня минуту насъ настигъ въ коляска баронъ Соловьевъ и вмѣсто сочувствія къ моему комично-несчастному положенію, онъ, какъ говорится, распекъ меня:

— Что вы тутъ гарцуете? Только безпорядокъ дѣлаете; вы будете арестованы на три дня при обозѣ.

Тѣмъ не менѣ эта гроза меня миновала.

На одной изъ послѣдовавшихъ дней, къ намъ въ роту заѣхалъ нашъ жалонерный офицеръ баронъ Фридрихъ, веселый малый (впослѣдствіи генераль-губернаторъ Восточной Сибири), и, сообщая разныя новости изъ штаба, обратился ко мнѣ со словами:

— А тебя, Бутковскій, поздравляю, твои расчеты за кавалерійскую ѣзду покончены.

— Какъ такъ? Вѣрно обо мнѣ забыли.

— Нѣтъ, за тебя заплатили другой. Нашъ начальникъ эскелона по обыкновенію ошибся, смѣшалъ твою фамилію съ фамиліей подпоручика Быкова изъ сапернаго батальона. Въ приказѣ по отряду его объявили арестованнымъ при обозѣ за безпорядки на походѣ.

— Что же, ошибку надо исправить.

— Теперь это лишнее. Быковъ, оконча свой трехдневный курсъ, ходилъ объясняться къ Соловьеву; а тотъ, узнавши въ чемъ дѣло, только махнулъ рукой.

Мнѣ и теперь случается иногда встрѣчаться съ Быковымъ, нынѣ уже генераль-маіоромъ, и мы вспоминаемъ о томъ, какъ ошибался баронъ Соловьевъ.

III.

Баронъ Шлиппенбахъ.

Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, впервые появились въ Петербургѣ городскія общественныя кареты. Этой новинкой столичные жители обязаны были предприимчивости барона Константина Антоновича Шлиппенбаха, бывшаго въ то время директоромъ перваго кадетскаго корпуса.

Новое предпріятіе потребовало однако разрѣшенія самого государя, настолько дѣло это было, говоря словами Гоголя, „странное, совсѣмъ небывалое“. Въ тѣ времена мало кто ѣздилъ за-границу, и потому европейскія удобства жизни трудно проникали въ русское общество; въ тому же и самый фактъ, что николаевскій генераль пускался въ коммерческое или промышленное предпріятіе, казался необъяснимымъ. Тѣмъ не менѣ высочайшее разрѣшеніе послѣдовало, но подъ условіемъ, чтобы предпріятіе не передавалось въ другія руки, а оставалось за барономъ.

Появленіе въ первый разъ на улицахъ омнибусовъ, останавливавшихся тогда на Англійской набережной, сдѣлалось событіемъ дня, всѣ говорили объ этой новости, каждый считалъ обязанностью прокатиться за гривенникъ по Невскому проспекту, чтобы разказать знакомымъ впечатлѣнія, испытанныя имъ въ этомъ путешествіи.

— Какъ дешево и удобно! былъ общій отзывъ, и вслѣдствіе этого сдѣлалось просто невозможнымъ добиться мѣста въ каретѣ, осажденной толпою.

Успѣхъ этого предпріятія достигъ до слуха императора и онъ пожелалъ лично убѣдиться въ удобствѣ новыхъ дилижансовъ. Проходя по Невскому проспекту и встрѣтивъ одну изъ каретъ, онъ далъ знакъ остановиться и влѣзъ въ нее. Хотя кузовъ былъ полонъ, но, какъ говорится, для городничаго мѣсто нашлось, и карета довезла его величество до Адмиралтейской площади. Государь хотѣлъ выйти, но тутъ оказалось затрудненіе:

— Пожалуйте деньги за проѣздъ, скажалъ кондукторъ.

Денегъ-то у государя и не оказалось: Николай I никогда не носилъ ихъ при себѣ; изъ спутниковъ же его никто не нашелся или не рѣшился предложить свой кошелекъ, и кондуктору пришлось повѣрить въ долгъ на гривенникъ русскому царю.

На другой день въ контору дилижансовъ камеръ-лакей доставилъ десять копѣекъ съ приложеніемъ двадцати пяти рублей на чай кондуктору.

Баронъ Шлиппенбахъ занимался и другого рода дѣятельностью; такъ, напримѣръ, онъ держалъ въ арендѣ Александровскую ферму подъ Петербургомъ, и его хозяйство принадлежало къ числу образцовыхъ. Съ этой фермы поставлялись сельско-хозяйственные продукты въ училище, состоящее подъ его вѣдѣніемъ. Однажды, кто-то изъ воспитанниковъ распространилъ слухъ, что училище само доставляетъ удобреніе полей подъ картофель, и эта вѣсть мгновенно произвела между дѣтьми отвращеніе къ любимому ими блюду. Эконому заведенія грозилъ скандалъ, и потребовалось внимательство самого директора.

„Мальчишки!“ крикнулъ онъ на протестантовъ своимъ гортаннымъ голосомъ, „пороть васъ надо“!

Высокій ростомъ, сутуловатый, съ нахмуренными бровями, Константинъ Антоновичъ извѣстенъ былъ своимъ рѣвкамъ, крутымъ и строгимъ характеромъ. Онъ придерживался системы воспитанія, въ которой значительную роль занимали розги, и внимательство его на этотъ разъ образумило юныхъ возмутителей.

Этотъ воспитатель юности былъ однако страстный игрокъ и окончилъ жизнь свою трагически. Однажды онъ сильно проигрался въ клубѣ, пріѣхалъ поздно домой и заперся въ своемъ кабинетѣ. На другой день, не вида появленія его въ урочный утренній часъ, домашніе его рѣшились взломать двери, и нашли его мертваго, сидящимъ въ креслѣ: онъ перерѣзалъ себѣ бритвою горло.

IV.

Дѣвица послѣ брака.

Въ началѣ пятидесятныхъ годовъ, изъ Александровскаго лицея произведенъ былъ выпускъ воспитанниковъ, въ числѣ которыхъ находился и князь Любомірскій, сынъ богатаго польскаго магната, какихъ теперь уже немного насчитываетъ Польша. Молодой человекъ имѣлъ, какъ видно, горячее сердце, потому что, еще бывши въ стѣнахъ училища, онъ былъ влюбленъ въ извѣстную въ то время красавицу—польку. Предметъ его страсти, дѣвица Швейковская, была въ полномъ разцвѣтѣ своихъ двадцати пяти лѣтъ и оцѣнила любовь юнаго лицейца. Несмотря на вѣтренность, въ которой упрекаютъ ея соотечественницъ, она держала себя съ княземъ осторожно, но соглашалась одновременно съ своимъ сердцемъ отдать ему и руку немедленно по выпускѣ изъ лицея. Расчетъ былъ вѣрный: ежели съ благоуміемъ она сумѣетъ соединить нѣкоторую ловкость, то въ приданое за молодымъ мужемъ получить княжескій титулъ и громадное состояніе.

Отецъ Любомірскаго оказался однако неподатливъ, и въ виду возможныхъ увлеченій сына, въ которыхъ могъ бы вполнѣтвѣтствіи раскаиваться, онъ не только отказалъ ему въ согласіи своемъ на бракъ, но даже запретилъ ему видѣться съ семействомъ Швейковскихъ.

Извѣстно, что препятствія только поощряютъ къ исполненію задуманнаго; но молодой Любомірскій опасался отца и къ тому же былъ неопытенъ; поэтому Швейковская, въ погонѣ за заманчивымъ призомъ, взяла на себя дѣятельную роль въ предполагавшемся похищеніи. Ею былъ подысканъ и подговоренъ есэндъ для совершенія тайнства брака; нанято загородное помѣщеніе и затѣмъ въ условленный часъ она пріѣхала къ дому Любомірскаго. Молодой влюбленный былъ тайно вызванъ, невѣста усадила его подлѣ себя и увезла. Затѣмъ они были обвѣнчаны.

Какъ водится, дня чрезъ три молодые явились къ отцу съ повинною, но противъ ожиданія старикъ Любомірскій остался непреклоненъ: онъ не только не допустилъ до себя новобрачныхъ, но выпросилъ у императора Николая аудіенцію, на которой, изложивъ все происшедшее, просилъ принять участіе въ его горѣ, а сына выслать изъ Петербурга куда нибудь подальше.

Николай I не допускалъ нарушеній родительской власти. Онъ отдалъ въ этомъ случаѣ распоряженіе замѣчательное, какъ по рѣшительности, такъ и по оригинальности.

Высочайше повелѣно было:

„Бракъ, заключенный безъ согласія отца, считать недѣйствительнымъ; молодаго Любомірскаго за ослушаніе отцу отправить рядовымъ

на три года на Кавказъ. Урожденную Швейковскую—по прежнему считать дѣвицей“.

Не знаю, къ какому наказанію былъ приговоренъ виновный всѣядзь.

V.

Золотое время.

Перваго іюля 1858 года, объявлена была подписка на акціи петербургскаго страховаго отъ огня общества.

Въ подпискѣ желалъ участвовать и я, не столько въ силу довѣрія къ дѣйствіямъ будущаго общества, сколько изъ желанія выручить премію на продажѣ акцій. То было время всеобщаго омыаненія акціонерными предпріятіями, и не было такой спекулятивной мысли, которая, облеченная въ форму устава общества, не привлекла бы массы подписчиковъ.

Зная по разсказамъ, какъ трудно добратъся до кассы правленія, чтобы вѣрить ей свои деньги взаимнѣ лоскутка бумаги, изображающаго временное свидѣтельство, я въ два часа утра отправился къ подъѣзду дома баронессы Вревской. На Большой Морской было темно, фонари не горѣли, и я опасался лишь одного, чтобы городовне не заподозрили меня въ намѣреніи взломать замокъ.

Въ три часа утра начало свѣтать и ко мнѣ подошелъ какой-то господинъ.

— Я былъ вчера у генераль-губернатора Игнатьева, заговорилъ оны, — и мнѣ совѣтовали придти пораньше, если желаю подписаться на акціи. Вотъ я и пришелъ первымъ!

— Вы ошибаетесь въ счетѣ, вы второй.

— Виноватъ, я принялъ васъ за агента полиціи. Ваша фамилія?

— Бутковскій, штабсъ-капитанъ, а ваша?

— Нобель заводчикъ. Знаете что?—будемте въ толпѣ поддерживать другъ друга.

Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ присоединилось еще чело-вѣка три изъ раннихъ. Мы плотно прижались къ входной двери и составили изъ себя товарищество, главнымъ условіемъ котораго было взаимное обязательство—крѣпко держаться за руки въ толпѣ и смотрѣть за карманами.

Въ это время приблизился къ намъ юный офицеръ въ адъютантской формѣ.

— Господа, прошу разойтись и очистить дверь!

— По какому праву вы распоряжаетесь и кто вы такой?

— Я Шабельскій, адъютантъ генераль-губернатора.

— Мы ничего не дѣлаемъ противузаконнаго и не уйдемъ отсюда.

— Въ такомъ случаѣ примите меня въ вашъ союзъ, я вамъ буду полезенъ.

— Это другое дѣло! Мы согласны, вашъ мундиръ защититъ насъ отъ неприяностей?

Въ шесть часовъ утра, у подъѣзда образовалась уже силовная масса народа, явилась полиція, показались конные жандармы, началась давка; жандармы, въ видахъ возстановленія порядка, принялись давить народъ лошадьми. Къ восьми часамъ, по Морской улицѣ не было проѣзда отъ капиталистовъ. Толпа гудѣла, въ ожиданіи открытія дверей, сосѣди перекидывались замѣчаніями:

— А какъ пошла подписка на московское страховое общество?

— Тамъ было хуже; народъ лѣзъ черезъ заборъ и въ окна, а какъ открыли двери, не оказалось ни одной акціи, все было еще за недѣлю роздано друзьямъ и родственникамъ. Вышелъ одинъ обманъ, повнапрасну только провагился въ Москву.

— Здѣсь больше порядка, болѣе ста акцій въ однѣ руки не продадутъ.

— Говорятъ, Шуваловъ—учредитель общества.

— Я уже запродамъ шкуру мѣдвѣды: за каждую акцію мнѣ считали впередъ по десяти рублей барыша.

— Мало! я меньше двадцати пяти не возьму.

Становилось невыносимо душно; насъ крѣпко припирали къ дверямъ, какая-то артель прикащиковъ протискивалась впередъ, дружно работая локтями.

Ровно въ девять часовъ, двери распахнулись, и толпа ринулась на приступъ лѣстницы. Не помню, какъ я взлетѣлъ на верхъ, въ глазахъ моихъ мелькнула знакомая мнѣ фигура генераль-губернатора Петербурга, котораго я обогналъ на послѣдней ступени, извиняясь за смѣлость.

На верху былъ организованъ строгій порядокъ: отъ входа въ комнаты, по обѣимъ сторонамъ шли высокія рѣшетчатыя перегородки, образуя коридоръ, и публика вереницей тянулась къ завѣтному столу, за которымъ сидѣлъ директоръ Гламма съ подписаннымъ листомъ, окруженный членами правленія.

Вдругъ въ отдаленной, свободной части комнаты показался жандармскій генераль графъ Цукато. Пользуясь исключительностью своихъ правъ, онъ проникъ въ домъ заднимъ ходомъ и очутился въ залѣ за рѣшеткою какъ въ клѣткѣ. Графъ Шуваловъ увидѣлъ его и поспѣшилъ ему на-встрѣчу.

— Какъ это, ваше сіятельство, попали туда?

— Да я въ числѣ вашихъ подписчиковъ. Нельзя ли какъ нибудь мнѣ пройти?

— Вы видите, графъ, что здѣсь рѣшетка; лучше вамъ вернуться, чтобы войти чрезъ парадный ходъ.

— Нѣтъ! тамъ толпа и я овозмою къ подпискѣ, позвольте мнѣ ужъ лучше перелѣзть.

Рѣшетка была въ сажень вышины, но это обстоятельство не оста-

новило генераль-лейтенанта графа Цукато; онъ передалъ двоимъ изъ насъ свою каску и саблю на поддержаніе, узелъ съ деповитками вѣрилъ графу Шувалову, и полѣзъ на верхъ. Особенно эффектна была минута, когда, находясь въ вышинѣ, онъ, въ виду всей публики, храбро заносилъ ногу чрезъ барьеръ. Его фигура небеснаго цвѣта спустилась онъ потолка и стала посреди насъ.

Это была несправедливость, но кто бы изъ насъ рѣшился бросить въ него камень. Подвигъ этотъ доставилъ жандармскому генералу хорошій кушъ: онъ въ тотъ же день переуступилъ В. И. Любавину свои сто акціи съ осмнадцати рублевой преміей.

Вотъ какія усилія требовались въ тотъ золотой періодъ, чтобы отдать свои деньги за акціи. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Я. Вутковскій.

СИРАКУЗЫ

(Статья Блюмнера).

КАЖДЫЙ изъ насъ, посѣщая классическія мѣстности Италіи и Греціи, испытываетъ извѣстную долю сожалѣнія при видѣ того великолѣпія и красоты, какія представляются нашимъ глазамъ въ удѣлѣвшихъ остаткахъ древней культуры и искусства. Въ большинствѣ случаевъ „мы не придаемъ никакого значенія развалинамъ и оплакиваемъ утраченную красоту“. Всякія развалины, это единственное наслѣдіе древняго міра, сами по себѣ производятъ на насъ печальное впечатлѣніе; и при этомъ весьма естественно, что развалины классическихъ произведеній архитектуры скорѣе могутъ навести насъ на грустные размышленія, нежели остатки Фивъ, Ниневіи и Вавилона. Мы знаемъ, что здѣсь, въ этомъ мусорѣ или даже, быть можетъ, глубоко подъ землей скрыта „жизнь нашей жизни“, по прекрасному выраженію Курціуса, который впервые поднялъ въ печати вопросъ о раскопкѣ Олимпіи. Помимо этого, туриста въ Гесперидахъ нерѣдко смущаетъ рѣзкая противоположность между прошлымъ и настоящимъ. Эта противоположность не вездѣ проявляется съ одинаковой силой и всего менѣе замѣтна въ Римѣ, гдѣ средніе вѣка и эпоха возрожденія сдѣлали все, чтобы заставить насъ если не забыть то, что было создано древнимъ міромъ, то, по крайней мѣрѣ, восполнить до извѣстной степени эту утрату, чтобы названіе „вѣчнаго“ могло быть примѣнено и къ нынѣшнему городу. Но тѣмъ сильнѣе поражаетъ насъ контрастъ великаго прошлаго съ нынѣшнимъ ничтожествомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда возвышались большіе прекрасные города, украшенные лучшими произведеніями архитектуры и искусства, заслужившіе историческую славу не только господствомъ на морѣ, но и побѣдами надъ другими народами. Те-

перь на этих мѣстахъ мы встрѣчаемъ незначительные, жалкіе города съ ничтожными развалинами; послѣдніа, помимо громкихъ именъ, составляютъ единственныя остатки прошлаго, которые пощадила рука безжалостнаго всеистребляющаго времени.

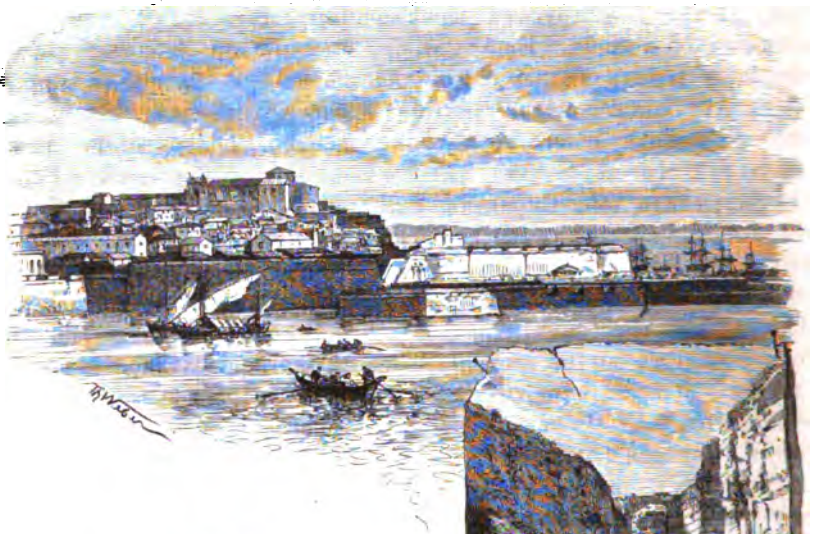
Такова, между прочимъ, судьба Сиракузъ. Кому изъ образованныхъ людей не знакомо съ раннихъ лѣтъ это имя наравнѣ съ Афинами, Спартой и другими важнѣйшими мѣстностями, описанными въ греческой исторіи. Еще дѣтьми, мы слышали его при изученіи исторіи, и познакомились у Фукидида и Ливія съ трагической гибелью войска Аттики, геройской защитой города Архимедомъ, смертью великаго математика и его послѣдними словами, получившими классическую извѣстность. Затѣмъ, читая о хищничествѣ Верреса ¹⁾, мы опять-таки встрѣчали имя Сиракузъ, которыя, долгое время спустя послѣ этой блестящей эпохи, все еще оставались значительнымъ и великолѣпнымъ городомъ. Такимъ образомъ, Сиракузы передъ нашимъ умственнымъ взоромъ всегда представлялись намъ въ видѣ „прекраснѣйшаго изъ греческихъ городовъ“, какъ его называлъ Цицеронъ. Но что видимъ мы въ настоящее время, когда желѣзная дорога изъ Катанін вдоль восточнаго берега привозитъ насъ къ южному пункту рельсоваго пути? На томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ величественный городъ, тянется обширная каменная пустыня въ нѣсколько миль окружности, а на небольшомъ противоположномъ островѣ, изъ котораго нѣкогда выселились жители, когда мѣсто первоначальнаго поселенія оказалось слишкомъ тѣснымъ, расположены нынѣшнія Сиракузы. Онѣ состоятъ изъ немногихъ скученныхъ, невзрачныхъ домовъ, узкихъ кривыхъ улицъ и двухъ безлюдныхъ площадей. Весь городъ обнесенъ укрѣпленіями, которыя, быть можетъ, нѣкогда принадлежали бы къ весьма почтеннымъ произведеніямъ фортификаціоннаго искусства; но въ настоящее время они не могутъ служить оплотомъ для жителей, которые принуждены будутъ отворить ворота при первомъ нападеніи непріятельскаго флота. Зѣйме, избравшій Сиракузы цѣлью своей „Прогулки“ ²⁾, посѣтилъ однажды это мѣсто съ сицилійскимъ уроженцемъ Ландолина, пожилымъ человѣкомъ, одушевленнымъ любовью къ своему отечеству и его славѣ. Послѣдній, глядя на печальное поле развалинъ съ возвышеннаго пункта Епирола, откуда было видно все пространство, занимаемое прежнимъ городомъ, сказалъ: „Вотъ наше прошлое!“ и затѣмъ, бросивъ взглядъ на небольшую группу домовъ, составляющихъ нынѣшнія Сиракузы, онъ прибавилъ: „Вотъ наше настоящее!“ Кто изъ посѣтителей Сиракузъ, вспо-

¹⁾ Верресъ (Кай Лициній), римскій преторъ, извѣстный своей алчностью и распутствомъ (род. 119 г., † 82 до Р. Х.), правилъ Сициліей втеченіе трехъ лѣтъ. Цицеронъ описалъ аркины красками всѣ его злодѣянія въ своей знаменитой обличительной рѣчи, и Верресъ, не дожидаясь приговора, удалился въ изгнаніе.

²⁾ Зѣйме, нѣмецкій писатель, род. 1763, † 1810. См. его книгу: „Прогулка отъ Лейпцига до Сиракузъ“ („Spaziergang nach Syrakus“, 8 Bde. 1802).

миная эти слова, не ощутить глубокой грусти, которая слышится въ нихъ...

Посѣщеніе сиракузскихъ развалинъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ экскурсій въ Сицилію, даже помимо несравнен-

Сиракузы.

наго мѣстоположенія у лучезарнаго моря съ снѣжной пирамидой Этны на заднемъ планѣ, оставляющемъ на каждомъ неизгладимое впечатлѣніе. Не менѣе интересны для насъ немногія уцѣлѣвшія развалины, такъ какъ онѣ большею частью чрезвычайно своеобразны и не имѣютъ никакой аналогіи съ остатками другихъ городовъ греческой и римской древности.

Собственно городъ или нынѣшнія Сиракузы представляютъ наименьшій интересъ. Городъ, какъ выше сказано,

Внутренній видъ Сиракузской крѣпости.

расположенъ на небольшомъ островѣ Ортигіи и отдѣленъ отъ материка узкой плотиной. Этотъ островъ, занимая всего около четырехъ километровъ въ окружности, какъ бы созданъ самой природой для устройства укрѣпленнаго торговаго пункта, благодаря своему положенію между двумя морскими бухтами, которыя представляютъ собой превосходнѣйшія естественныя гавани. Прогулка къ одной изъ этихъ бухтъ, бывшей нѣкогда значительной гаванью, принадлежитъ до сихъ поръ къ числу

пріятнѣйшихъ экскурсій, тѣмъ болѣе, что здѣсь находятся сравнительно самые нарядные дома города. Но обширный водоемъ гавани, гдѣ нѣкогда свободно маневрировали величайшіе военные флоты и могли бы дѣлать это и до сихъ поръ, имѣетъ пустынный видъ и совершенно заброшенъ въ настоящее время. На якорѣ стоитъ пара парусныхъ судовъ, и изрѣдка, обыкновенно разъ въ недѣлю, пристаетъ пароходъ, совершающій рейсы на южную часть острова: въ Терра Нуово (древняя Гела) и Джирдженти (древній Агригентъ). Здѣсь произошла послѣдняя отчаянная битва, окончившаяся полнымъ уничтоженіемъ „необходимаго флота“ аэнианъ, возлагавшихъ на него самыя блестящія надежды.

Лучшій видъ на гавань открывается съ полукруглой рѣшетки, замыкающей сверху бассейнъ знаменитаго въ свое время источника Аретузы. Мѣсто его истока находится по близости главной гавани и отдѣлено отъ послѣдней городской стѣной, такъ что внизу у самого бассейна ея закрыть видъ на море. Источникъ, согласно поэтическому древнему преданію, явился сюда изъ Пелопонеза, преслѣдуемый рѣчнымъ богомъ Олимпійской равнины Альфеисомъ, который возгорѣлся любовью къ прекрасной нимфѣ. Она скрылась отъ него подъ моремъ и добѣжала до этого мѣста, гдѣ ее достигъ влюбленный богъ. Высокая полукруглая ограда окружаетъ источникъ, гдѣ до сихъ поръ водится такое же обиліе рыбы, какъ и во времена Цицерона; но вода утратила прежній прѣсный вкусъ и, по существующимъ показаніямъ, со времени землетрясенія 1170 года, сдѣлалась внезапно солоноватой. Тѣмъ не менѣе это въ высшей степени привлекательное мѣсто, чему много способствуютъ прекрасныя кусты папируса, растущіе у краевъ бассейна, хотя они не имѣютъ здѣсь той своеобразной красоты, какъ на материкѣ у Анапо и Кіанз, гдѣ густые папирусы въ пять метровъ вышины почти съуживаютъ русло рѣки. Это единственныя мѣста въ Европѣ, гдѣ еще растетъ это замѣчательное растеніе, игравшее такую важную роль въ исторіи древней культуры. Поэтому путешественникъ считаетъ необходимымъ взять на память листокъ папируса, изготовленный, по примѣру древнихъ, изъ сердцевины стебля, свѣдущимъ проводникомъ сиракузскаго музея.

Что касается самого городка, то онъ весьма бѣденъ достопримѣчательностями. Помимо важнаго во многихъ отношеніяхъ, но плохо устроеннаго музея, наиболѣе заслуживаетъ вниманія Santa Maria del Piliago. Онъ сооруженъ на развалинахъ прекраснаго стараго дорійскаго храма, повидимому Артемиды. Уцѣлѣвшія колонны вошли отчасти въ составъ стѣнъ, другія украшаютъ внутренность собора, поддерживая сводъ. Эти колонны замѣчательны въ томъ отношеніи, что принадлежатъ къ лучшей эпохѣ дорійскаго стиля, а именно къ шестому столѣтію до Р. X. Но при этомъ само собою разумѣется, что посѣтитель долженъ совершенно отрѣшиться отъ непріятнаго

впечатлѣнія, производимаго на него неправильностью фасада и излеществомъ внутренняго убранства церкви. Остатки другаго такого же значительнаго храма уцѣляли въ меньшей степени и въ сущности представляютъ интересъ для однихъ археологовъ.

Поэтому оставимъ островокъ Ортигію и перейдемъ по подъемному мосту на материкъ къ плоской возвышенности, имѣющей форму

Источникъ Аретузы.

треугольника, верхній конецъ котораго обращенъ къ западу. Величина всей плоскости доходитъ до тридцати трехъ километровъ въ окружности и обозначаетъ пространство, нѣкогда занятое древнимъ городомъ,

когда маленькій островъ Ортигія сдѣлался слишкомъ тѣснымъ по количеству жителей. Первое, что поражаетъ здѣсь путешественника — это зрѣлище полнѣйшаго разрушенія и пустоты. За исключеніемъ плодородной и обработанной почвы на юговосточномъ склонѣ, вы нигдѣ не видите ласкающей зелени или миндаальныхъ и оливковыхъ рощъ, въ родѣ тѣхъ, какія въ Джирдженти покрываютъ обширное поле древняго Агразаса. Мѣстность, гдѣ нѣ-

когда возвышались блестящія части города: Ахрадина, Тихэ и Неапольсь, представляеть въ настоящее время обнаженную бесплодную скалу, гдѣ на тощемъ земляномъ слоѣ попадаются изрѣдка стебельки травы. Тотъ же видъ имѣеть вся почва прежняго города; и только мѣстами виднѣются дома или крестьянскіе дворы, перекрещенные немногими улицами, и нѣсколько монастырей самой незатѣйливой архитектуры. Вы невольно задаете себѣ вопросъ: гдѣ же находилась большая рыночная площадь съ ея красивыми портиками, общественными зданіями и храмами? Но она исчезла безслѣдно, и нѣтъ никакихъ указаній, по которымъ можно было бы отыскать ее. Только кое-гдѣ на каменистой почвѣ виднѣются прямыя четырехугольниги на мѣстахъ прежнихъ домовъ, или глубокія колѣна вдоль старыхъ улицъ, которыя служатъ безмолвнымъ свидѣтельствомъ множества проважавшихъ здѣсь нѣкогда колесъ.

Но и въ этой обширной каменистой пустынѣ нѣкоторыя мѣста до сихъ поръ могутъ привлечь наше вниманіе, какъ, напримѣръ, знаменитыя каменоломни. Всѣмъ извѣстно, какую важную роль въ исторіи Сиракузъ играли эти громадныя каменоломни, снабжавшія городъ строительнымъ матеріаломъ. Многимъ изъ насъ, благодаря Фукидиду, извѣстенъ потрясающій эпизодъ изъ Пелопонезской войны, когда плѣнные афиняне и ихъ союзники были отведены въ каменоломни, гдѣ тысячи людей, скученныхъ подъ открытымъ небомъ, должны были выносить палящія солнечныя лучи и страшнѣйшія мученія. Большая часть ихъ погибла отъ голода и жажды, дневнаго жара, ночнаго холода и воздуха, зачумленнаго зловоніемъ разлагавшихся непогребенныхъ труповъ. Эти злополучныя мѣста пережили разрушеніе, постигшее городъ; и въ настоящее время мы находимъ еще восемь подобныхъ каменоломенъ на сиракузскомъ плоскогоріи. Онѣ большею частью расположены въ предѣлахъ прежней Ахрадины; самая интересная изъ нихъ „latomia del Carruccini“, заимствовавшая свое названіе отъ близъ-лежащаго монастыря, и затѣмъ „latomia del Paradiso“. Трудно дать читателю ясное понятіе объ этихъ своеобразныхъ каменоломняхъ, лежащихъ ниже уровня плоской возвышенности, такъ что вы совершенно не замѣчаете ихъ, пока не подойдете къ самой окраинѣ.

Начнемъ съ описанія каменоломни „del Carruccini“. Вы спускаетесь между двумя мрачными утесистыми стѣнами по узкой крутой дорогѣ, которая становится всё отвѣснѣе, и наконецъ доходите до самаго дна каменоломни, гдѣ чувствуете себя какъ бы въ другомъ мірѣ. Вы находитесь здѣсь среди превосходнѣйшаго сада; тѣнистыя плодовые деревья гнутся подъ тяжестью красноватыхъ гранатовъ и золотистыхъ апельсиновъ, полузакрытыхъ листьями и взлѣбнанныхъ тепличной температурой этихъ глубокихъ пещеръ, недоступныхъ для холоднаго вѣтра, гдѣ отвѣсные лучи солнца, отражаясь на каменныхъ утесахъ, оказываютъ двойное дѣйствіе. Но тѣмъ силь-

нѣе поражаетъ контрастъ этой роскошной воздѣланной почвы съ каменными утесами, нагроможденными на-право и на-лѣво, спереди и сзади посѣтителя и даже нависшіе надъ его головой. Высокія стѣны, на которыхъ мѣстами виднѣются глубокія трещины, произведенныя землетрясеніемъ, дѣйствуютъ подавляющимъ образомъ; и вами невольно овладѣваетъ страхъ, что колоссальныя каменные массы могутъ обрушиться на васъ и задавить своей тяжестью. Но и эти утесистыя стѣны покрыты зелеными деревьями и во всѣхъ трещинахъ и разсѣлинахъ слегка виднѣется роскошная растительность и группы кустарника.

Гротъ „Ухо Діонисія“.

Каменоломня „del Paradiso“.

Не подлежитъ сомнѣнію, что каменоломня представляла совсѣмъ иную картину въ тѣ времена, когда служила мѣстомъ заточенія. Она была безопасна, въ смыслѣ побѣга, со своими отвѣсными стѣнами, доходящими до тридцати двухъ метровъ высоты, и съ единственнымъ узкимъ выходомъ. Нѣсколько человекъ могли безъ особеннаго труда стеречь тысячи людей, помѣщенныхъ въ различныхъ отдѣленіяхъ каменоломни, съ глубокими примыкающими къ ней пещерами, узкими лощинами и т. п. Если же мы представимъ каменоломню безъ нынѣшней роскошной растительности, обнаженной и безплодной, какою она, вѣроятно, была въ древности, то эти своеобразныя каменные массы и теперь покажутся намъ тѣмъ, къ чему предназна-

чла ихъ ожесточенная ненависть сиракузянъ, а именно „мѣстомъ погребенія живыхъ людей“.

Что касается другой каменоломни—„del Paradiso“, то она отчасти и теперь производитъ это впечатлѣнiе, такъ какъ она менѣе богата растительностью нежели Капуцинская (del Cappuccini). Она также имѣетъ болѣе романтической и величественный видъ, чему въ значительной степени способствуетъ громадный столбообразный утесъ, на вершинѣ котораго сохранились остатки средневѣковой сторожевой башни. Къ этой каменоломнѣ примыкаютъ различныя гроты; самый извѣстный изъ нихъ носитъ названiе „Уха Діонисіа“. Многіе убѣждены, что этотъ въ высшей степени своеобразный гротъ, дѣйствительно напоминающій форму человѣческаго уха, служилъ мѣстомъ, гдѣ сиракузскій тиранъ запералъ свои жертвы и подслушивалъ тайныя бесѣды несчастныхъ въ небольшой комнатѣ, устроенной надъ гротомъ, куда ясно доходилъ всякій звукъ, вслѣдствіе удивительной акустики. Само собою разумѣется, что эта басня была изобрѣтена въ позднѣйшее время; но тѣмъ не менѣе акустика этого высокаго грота весьма замѣчательна. Она произошла случайно, вслѣдствіе способа, какимъ здѣсь добывали камень. Утесъ раскалывали съ помощью клинѣвъ въ двѣ кривыя линіи, сходящіяся сверху, что можно наблюдать и въ другихъ каменоломняхъ. Равнымъ образомъ вездѣ видны слѣды молотковъ и долота.

Каменоломня „del Paradiso“ находится въ предѣлахъ самой значительной части прежняго города, такъ называемомъ Неаполисѣ. Это самая плодоносная мѣстность во всей плоской возвышенности, благодаря искусственному орошенію, устроенному съ помощью древнихъ водопроводовъ. Она сплошь покрыта оливковыми рощами, виноградниками и пастбищами, составляющими пріятный контрастъ съ однообразіемъ окружающей пустыни и мрачнымъ видомъ каменоломни. Здѣсь на южномъ склонѣ находятся развалины греческаго театра, въ видѣ обширнаго полукруга, высѣченнаго въ скалѣ. По величинѣ это третій изъ всѣхъ извѣстныхъ театровъ, вмѣщавшій по приблизительному разсчету до 70.000 зрителей. Уцѣлѣли остатки 46 рядовъ мѣсть, вырубленныхъ въ утесѣ, съ единственнымъ обходомъ въ 2¹/₂ метра высоты, вдоль 14-го ряда. Верхніе ряды разрушены, но, повидимому, общее число ихъ доходило до 63-хъ. Восемь лѣстницъ, устроенныхъ въ видѣ радіусовъ, раздѣляли пространство, назначенное для зрителей, на правильные клинья, изъ которыхъ каждое носило особое названіе, обозначенное въ надписяхъ, отчасти заимствованныхъ отъ имени различныхъ божествъ и частью отъ приближенныхъ царствующаго дома. Къ сожалѣнiю, не сохранилось никакихъ слѣдовъ прежней сцены. Съ рядовъ мѣсть, назначенныхъ для зрителей, открывается величественный видъ на Сиракузы, обширную гавань и зеленую равнину. Въ былыя времена, — когда здѣсь возвышались великолѣпныя зданія, вдали видѣлись мраморные храмы

и гавань была переполнена кораблями — этот ландшафт представлял еще большую прелесть и должен был напоминать гордой радостью сердца сиракузянъ.

Считаю излишнимъ распространяться объ амфитеатръ римской постройки, лежащемъ по близости этого мѣста; онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе сохранившихся зданій, но сравнительно съ Коллизеумъ и амфитеатрами Вероны, Помпей и Пучцолы не представляетъ ничего замѣчательнаго. Равнымъ образомъ не буду касаться другихъ древностей, болѣе интересныхъ для археолога, нежели ту-

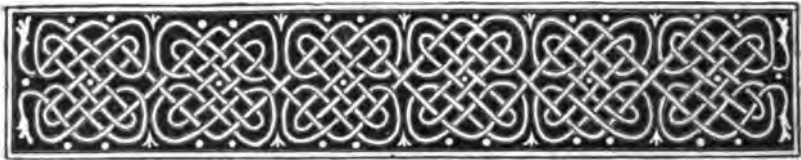
Сиракузскій амфитеатръ.

риста, которыя отчасти сохранились въ видѣ развалинъ въ различныхъ пунктахъ этой мѣстности, и перейду къ западному склону плоской возвышенности, гдѣ мы опять встрѣчаемъ нѣчто совершенно своеобразное. Эта часть города называлась въ древности „Epirolā“ и сама по себѣ служила преимущественно укрѣпленіемъ. Здѣсь можно удобно прослѣдить многочисленныя остатки большой стѣны Діонисія, которая отличается прочностью работы и значительной толщиной. Но всего болѣе заслуживаетъ вниманія крайняя западная

вершина, гдѣ находятся развалины, извѣстныя въ настоящее время подъ названіемъ „Mongibellesi“ (будто бы въ память гибеллиновъ). Здѣсь вы находите грандіозныя остатки значительнаго форта, заложенаго Діонисіемъ I и носившаго названіе „Euryalos“ („широкій гвоздь“—по формѣ здѣшняго горнаго хребта). Само собою разумѣется, что въ настоящее время трудно составить себѣ понятіе въ частности о расположеніи этого форта; вы видите только различные подземные ходы съ дверями и большое искусственное ущелье, высѣченное въ скалѣ, вдоль котораго проходитъ стѣна. Въ концѣ послѣдней возвышается массивное зданіе изъ квадратныхъ камней, нѣкогда служившее цитаделю, которое повидимому стояло особнякомъ и было соединено подъемными мостами съ другими укрѣпленіями. Несмотря на недостатокъ связи между отдѣльными частями развалинъ, онѣ все-таки свидѣтельствуютъ о значительномъ развитіи техники и имѣютъ для насъ большую цѣну, потому что вообще сохранилось очень мало остатковъ древней греческой фортификаціи.

Если путешественникъ, разставаясь съ Сиракузами, вздумаетъ еще разъ бросить взглядъ на древній городъ, то онъ долженъ подняться отсюда къ западу на полчаса расстоянія отъ „Euryalos“ и зайти въ небольшую деревеньку „Belvedere“, лежащую на отвѣсной скалѣ. Трудно найти другой болѣе прекрасный видъ, исполненный глубокаго значенія, который могъ бы хотя отчасти сравниться съ той картиной, какая представляется здѣсь глазамъ удивленнаго зрителя. Вдали виднѣется море и весь берегъ отъ Агоста до мыса Пахинума; на первомъ планѣ мрачныя развалины цитадели и массивныя квадратныя камни старыхъ стѣнъ. За ними—обнаженное пустынное поле, гдѣ нѣкогда были расположены значительныя части древняго города: Тихэ и Ахрадина; на правомъ склонѣ плоскогорья виднѣются красивыя оливковыя рощи и хлѣбныя поля; внизу лежитъ равнина, отдѣляющая плоскую возвышенность отъ моря; на ней мѣстами раскинуты деревья и луга. На противоположной сторонѣ глазъ едва различаетъ нынѣшнія Сиракузы, окаймленныя двумя гаванями; налѣво въ туманной дали обрисовываются величественныя очертанія Этны.

Каждый изъ насъ, глядя на эту грандіозную картину, невольно предается заманчивой мечтѣ, что спокойствіе смерти, которое царитъ въ этихъ равнинахъ, не болѣе какъ сонъ, и что современемъ вновь возстанутъ Сиракузы въ видѣ прежняго большаго города съ его міровымъ и торговымъ значеніемъ. Естественныя условія вполне благоприятствуютъ осуществленію подобной мечты; здѣшняя гавань самая обширная и лучшая во всей Италіи. Быть можетъ наступитъ время, когда новому королевству удастся возвратитъ почвѣ Сициліи давно утраченную культуру; и тогда Сиракузы вновь пріобрѣтутъ свое прежнее значеніе, и на старыхъ развалинахъ возникнетъ новая жизнь.

ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРИЯ ПАРИЖСКОЙ КОМУНЫ 1871 ГОДА ¹⁾.

IV.

Стратегическіе планы и дѣйствія версальской арміи. — Оборонительная линія федералистовъ. — Оставленіе инсургентами воротъ Сен-Клу. — Дюкатель. — Официальныя извѣстія о вступленіи войска въ Парижъ. — Тьеръ и Мак-Магонъ у Мон-Валерьяна. — Домбровский. — Вейссе и секретарь Гютцингеръ. — Продажа воротъ Сен-Клу. — Постепенное занятіе Парижа. — Послѣднія прокламаціи коммуны. — Пожары 24-го мая. — Сраженія 25-го мая. — Взятіе огромныхъ баррикадъ 25-го мая. — Занятіе высотъ Шомона и кладбища отца Лашеза. — Послѣдніи битвы на улицахъ Парижа. — Потери арміи и комунаровъ. — Сраженія на баррикадахъ. — Рауль Риго. — Густавъ Шоде. — Засѣданія національнаго собранія. — Бѣгство и поимка Рошфора. — Убіиство доминиканцевъ. — Лувръ и его библиотека. — Пгѣнники въ Мазасъ. — Привазы о поджогахъ и поджигатели. — Убіиство архіепископа и ларокетскихъ заложниковъ. — Разстрѣливанье массами. — Ложные пожарные. — Делеклюзъ. — Мильеръ. — Варленъ. — Версальскіе пгѣнники: Асси, Вердюръ, Юрбенъ, Тренве, Груссе, Режеръ, Верморель. — Ферре. — Статистика комунаровъ. — Возможно ли въ близкомъ будущемъ возрожденіе коммуны? — Члены коммуны въ общественной и частной жизни. — Главная причина возстанія и главный контингентъ коммуны. — Мнѣніе Мадзини и Росселя. — Комуна въ настоящее время. — Судьба главныхъ комунаровъ. — Необходимость вроткихъ мвръ. — Уроки, какіе можно извлечь изъ исторіи коммуны.

ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ, 21-го мая, первые отряды версальской арміи вступили въ Парижъ. Какимъ образомъ произошло это—до сихъ поръ не разъяснено вполне, но въ то время, когда одни историки коммуны объясняютъ это простою случайностью, всегда возможною во время хода военныхъ дѣйствій, другіе видятъ въ этомъ явную измѣну. Мы приведемъ главные варианты разсказовъ объ этомъ событіи, но прежде всего обратимся къ стратеги-

¹⁾ Окончаніе. См. „Историч. Вѣстн.“, томъ X, стр. 443.

чекимъ планамъ и дѣйствіямъ арміи, которыя оставляли въ сторонѣ при изложеніи внутреннѣхъ дѣлъ комунн.

При началѣ возстанія всѣ южныя форты Парижа, кромѣ Мон-Валерьена, были въ рукахъ комунн. Въ первыхъ числахъ апрѣля версальская армія заняла, безъ сопротивленія со стороны жителей, мѣстечки Шатильонъ, Мёдонъ, Бельвю, Севръ и Сен-Клу; отдѣльные отряды утвердились въ Рюейль, Нантеръ, Вильнев-л-Этанъ. Южная ограда Парижа, бастіонированная отъ воротъ Мальо до Жантильи, представляла только одинъ доступный пунктъ—въ Пуан-дю-журъ, но его прикрывалъ фортъ Исси, и потому поведены были траншеи и воздвигнуты батареи противъ этого форта и прервано телеграфное и желѣзнодорожное сношеніе Парижа съ югомъ, по дорогѣ въ Орлеанъ. Постепенно были заняты, въ этомъ направленіи, но не безъ жаркаго боя, деревня Коломбъ, Курбвуа, редутъ Женвильеръ и замокъ Бекозъ, откуда батареи начали дѣйствовать противъ батарей Клиши и Аньера. Занявъ эту послѣднюю станцію, версальцы ограничили дѣйствія инсургентовъ правымъ берегомъ Сены. Они нападали ежедневно на траншеи между Кламаромъ и Шатильономъ, но были постоянно отражаемы. Скоро потеряли они важный передовой пунктъ—деревню Мулино, взятую приступомъ, потомъ кладбище, паркъ и траншеи форта Исси, желѣзнодорожную станцію Кламаръ и сообщенія между фортами Ванвъ и Исси, наконецъ, и этотъ послѣдній фортъ, оставленный своими защитниками, по невозможности въ немъ держаться. Та же участь постигла вскорѣ и фортъ Ванвъ. Перейдя Сену, версальцы открыли паралель въ 1.500 метровъ длины отъ моста Бильянекуръ до квартала Принцевъ и довели ее до Монмартра. Другой корпусъ открылъ паралель позади озера Булонскаго гдѣса. Всякій день арміи, разрушая оборонительныя работы и баррикады комуннаровъ, подвигалась къ стѣнамъ Парижа, гдѣ во многихъ мѣстахъ уже были пробиты бреши. Понимая, что приступъ близокъ, комуннары усиливали огонь артилеріи, наносившей большой вредъ арміи. На правомъ берегу залпы ихъ даже ночью, при электрическомъ свѣтѣ, не позволяли продолжать осадныхъ работъ между Отейлемъ и Пасси. Съ своей стороны осаждающіе осыпали стѣны градомъ бомбъ и ядеръ съ форта Мон-Валерьенъ и батарей Монтрету, Исси, Ванва и Булонья. Официальный рапортъ главнокомандующаго версальской арміей говоритъ, что 21-го мая все уже было готово къ приступу, какъ вдругъ пришло извѣстіе отъ начальника праваго фланга атаки, генерала Дуэ, что войска, бывшія въ траншеяхъ, вошли въ Парижъ черезъ ворота Сен-Клу. Рапортъ прибавлялъ: „инженеръ Дюкатель узналъ, что инсургенты, не выдержавъ огня батарей, покинули Пуан-дю-журъ и ворота Сен-Клу; тогда двѣ роты съ нѣсколькими саперами и артилеристами проникли, одинъ за другимъ, черезъ эти ворота въ городъ“. Такое добровольное оставленіе поста, важнѣйшаго во всей оградѣ столицы и къ завладѣнію которымъ стремились

всѣ усилія осаждающихъ, было слишкомъ странно со стороны коммунаровъ, упорно отстаивавшихъ еще наканунѣ каждый клочекъ земли подъ стѣнами Парижа. Немудрено, что тутъ участвовалъ подкупъ, хотя въ этомъ не признается официальныя исторіи коммуны, приписывающіе овладѣніе городомъ — храбрости версальской арміи. Генераль Винуа, въ своемъ сочиненіи „L'Armistice et la Commune“, упоминая объ оставленіи защитниками воротъ Сен-Клу, что избавило армію отъ штурма, который повлекъ бы за собою страшное кровопролитіе, прибавляетъ: „Нелегко объяснить настоящую причину упадка духа инсургентовъ въ ту минуту, когда они позволили проникнуть нашимъ войскамъ въ одинъ изъ пунктовъ ограда. Огромныя средства защиты, собранныя ими, внушали ли имъ такое довѣріе, что они не могли и представить себѣ возможности для войскъ проникнуть въ городъ тамъ, гдѣ они прошли? Не слѣдуетъ ли приписать этотъ упадокъ духа трусости отрядовъ, которымъ была поручена оборона, или совершенному утомленію ихъ, или привычкѣ ихъ пьствовать, особенно по воскресеньямъ. Какъ бы то ни было, доказано, что въ рядахъ инсургентовъ обнаружилась паника въ воскресенье, 21-го мая“ Нельзя не сказать, что эти объясненія очень темны и произвольны. Иначе объясняетъ этотъ случай министръ публичныхъ работъ Ларси, въ своемъ рапортѣ главѣ исполнительной власти, отъ 1-го іюня 1871 года. По его словамъ, въ три часа пополудни, 21-го мая, въ то время, когда огонь батарей съ особенной силой сосредоточивался на стѣнахъ Парижа, близкихъ къ воротамъ Сен-Клу, изъ нихъ вышелъ къ бастиону человекъ, поднявшій вверхъ бѣлый платокъ, въ видѣ парламентскаго флага. Знакъ этотъ былъ замѣченъ съ аванпостовъ и командиръ этого отряда, запретивъ своимъ солдатамъ слѣдовать за нимъ, смѣло пошелъ на-встрѣчу этого человека, „жертвовавшего собою для отчизны“. Это былъ Жюль Дюкатель, служившій въ парижскомъ муниципалитетѣ и жившій близъ Пуан-дю-жура. Увидя, что инсургенты, погибая отъ огня осаждающихъ, покинули эту часть ограда, онъ рѣшился, съ опасностью для своей жизни, увѣдомить объ этомъ войска, чтобы они могли проникнуть въ городъ этимъ путемъ, не дѣлая приступа: „Благодаря этимъ драгоценнымъ указаніямъ“, войска вошли въ Парижъ и заняли безъ сопротивленія ворота Сен-Клу и два сосѣднихъ бастиона. Увѣдомленный объ этомъ по телеграфу, генераль Дуэ тотчасъ занялъ войскамъ все пространство между укрѣпленіями и вѣдукомъ, и пробился въ Отейльскія ворота, но уже послѣ упорнаго сраженія. Дюкатель сообщилъ тогда генералу о возможности занять Трокадеро и взялся быть проводникомъ отряда войскъ. Приведа ихъ къ барикадѣ, преграждавшей Гренельскую набережную, Дюкатель пошелъ впереди отряда парламентаромъ, несмотря на выстрѣлы, раздававшіеся съ барикады, убѣдилъ инсургентовъ отступить, въ виду невозможности сопротивленія, и отрядъ, перейдя барикаду, занялъ Трокадеро. Но отступая, инсургенты увели

съ собою Дюкателя и у военной школы составили импровизованный военный совѣтъ, чтобы судить парламентарера и разстрѣлять. По счастью, войско дошло скоро до школы и, разогнавъ совѣтъ, спасло Дюкателя. За этотъ смѣлый подвигъ ему дали кавалерскій крестъ почетнаго легіона и казенное мѣсто съ хорошимъ содержаніемъ, да по почину газеты „Liberté“, подписка, объявленная въ его пользу, дала до ста тысячъ франковъ. И въ этомъ разсказѣ есть что-то несомнѣнно ясное и недосказанное. Объ немъ не упоминаютъ монархистскіе историки комунъ и ни слова не говорятъ о подкупѣ, какъ виконтъ де-Бомон-Васси въ своей „Histoire authentique de la Commune de Paris“. Только легитимистъ Леонъ Дюпонъ, въ своихъ „Souvenirs de Versailles pendant la commune“, приводитъ по поводу занятія воротъ Сен-Клу, чрезвычайно любопытный эпизодъ, подробности котораго не позволяютъ сомнѣваться въ его правдивости. Вотъ, что онъ говоритъ.

21-го мая, въ два часа, Тьеръ со своимъ обыкновеннымъ конвоемъ жандармовъ пріѣхалъ къ Мон-Валерьену, гдѣ его встрѣтилъ Мак-Магонъ, съ утра наблюдавшій за обширнымъ периметромъ между фортомъ Ванвъ и воротами Нёлы. Маршалъ и глава правительства стали спрашивать въ бастіонѣ, разговаривая о положеніи дня. Тьеръ спрашивалъ, достаточно ли подвинулись осадныя работы для того, чтобы сдѣлать приступъ. Мак-Магонъ отвѣчалъ, что раньше четырехъ дней нельзя ничего предпринять, и что вообще онъ не совѣтовалъ бы брать городъ приступомъ, такъ какъ, не говоря уже о страшныхъ потеряхъ, какія могутъ быть при штурмѣ, надо будетъ опасаться, что солдаты, разъяренные сопротивленіемъ, ворвавшись въ городъ, займутся въ немъ грабежемъ и убійствомъ противниковъ, причемъ могутъ пострадать и мирные жители. Тьеръ въ задумчивости слушалъ эти объясненія и вдругъ спросилъ: „Такъ вы думаете, что было бы благоразумнѣе, если бъ войска вошли въ ворота, а не въ брешь?“ Маршалъ отвѣчалъ наклоненіемъ головы. Тогда Тьеръ, какъ бы разговаривая самъ съ собою, сказалъ тихо, но такъ, что его слышали окружающіе:

— Кто знаетъ! можетъ быть это и случится!

Не успѣла еще свита бесѣдовавшихъ прибрать коментаріи къ этимъ страннымъ словамъ, какъ вдругъ маршалъ, смотрѣвшій въ подозорную трубу, отнял ее отъ глаза, протеръ нѣсколько разъ, опять направилъ на стѣны Парижа и вдругъ вскричалъ:

— Но наши войска уже на стѣнахъ!

Въ то же время въ бастіонъ вошло нѣсколько высшихъ офицеровъ, вооруженныхъ хорошими биноклями, и всѣ они объявили, что видѣли красные панталоны на гласисѣ парижскихъ укрѣпленій. Не было болѣе сомнѣнія: часть войскъ заняла ворота Сен-Клу и окружавшіе ихъ бастіоны. Тьеръ, убѣдившись въ этомъ, началъ прерывистымъ голосомъ давать совѣты маршалу, какія мѣры слѣдуетъ

принять въ такомъ случаѣ. Тотъ отвѣчалъ, что сообразить, что надо дѣлать. Тьеръ однако продолжалъ настаивать сухимъ и повелительнымъ тономъ. Маршалъ потерялъ терпѣніе и покраснѣвъ отвѣчалъ такъ, что слышали всѣ присутствовавшіе:

— Господинъ президентъ! На мнѣ лежитъ отвѣтственность за борьбу, которая начиная съ этой минуты сдѣлается страшною между войсками, командуемыми мною, и федералистами. Вы можете снять съ меня отвѣтственность, лишить меня командованія, но пока вы оставляете его за мною—я одинъ здѣсь могу отдавать приказанія и, съ вашего позволенія, сейчасъ удаляюсь съ моимъ штабомъ—составить планъ дѣйствій, о которомъ буду имѣть честь вамъ доложить.

Тьеръ, не привыкшій встрѣчать противорѣчія, особенно въ своемъ Мак-Магонѣ, понялъ однако, что въ этомъ случаѣ долженъ уступить, и отправился обратно въ Версаль, пробормотавъ, что маршалъ пользуется всѣмъ его довѣріемъ.

Отчего же инсургенты очистили ворота Сен-Клу и въ нихъ безъ боя вступили версальцы? Леонъ Лавернъ прямо обвинялъ въ этомъ Ярослава Домбровскаго, которому, 6-го мая, комунa поручила командованіе всѣми федеральными силами праваго берега Сены. Онъ родился около 1833 года на Воляни, воспитывался, въ 1848 году, въ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, потомъ вышелъ первымъ въ офицеры генеральнаго штаба; затѣмъ сражался на Кавказѣ и за храбрость былъ награжденъ орденомъ. Стоя съ полкомъ въ Варшавѣ, онъ подготовилъ вмѣстѣ съ польскими патриотами возстаніе 1863 года и, въ особенности, возбуждалъ офицеровъ перейти на сторону инсурентовъ, или по крайней мѣрѣ не сражаться противъ нихъ. Арестованный еще въ 1862 году, онъ просидѣлъ больше года въ варшавской цитадели, и не могъ принять дѣятельнаго участія въ движеніи 1863 года. Приговоренный къ смертной казни, онъ былъ помилованъ и осужденъ къ ссылке въ Сибирь. Отправившись къ мѣсту назначенія съ дѣвицею Свидзинскою, пожелавшею раздѣлить съ нимъ изгнаніе, онъ съ ея помощью бѣжалъ съ дороги, скрывался нѣсколько времени въ Петербургѣ, потомъ бѣжалъ за-границу, жилъ въ Швейцаріи и Пруссіи; въ Парижѣ былъ, въ 1865 году, членомъ эмиграціоннаго комитета; въ 1866 г., во время австрійской войны, былъ въ Чехіи и написалъ по-польски сочиненіе „Прусская война 1866 года“. Держась панславистскихъ идей, онъ поссорился съ польскою эмиграціею и поселился въ Парижѣ. Въ концѣ 1869 года онъ былъ заключенъ въ Мазасъ, гдѣ просидѣлъ восемь мѣсяцевъ и былъ обвиненъ, вмѣстѣ съ тремя соучастниками, въ поддѣлкѣ русскихъ ассигнацій. Сенскій судъ оправдалъ его, въ іюлѣ 1870 года. Во время осады Парижа, онъ былъ главою польскаго и гарибальдійскаго легіона. Гарибальди звалъ его въ свой отрядъ, но Трошию не пустилъ его улетѣть изъ Парижа на воздушномъ шарѣ. Послѣ капитуляціи Парижа, Домбровскій былъ членомъ центральнаго комитета національной гвардіи, но

не принималъ участія въ революціи 18-го марта. Только послѣ неудачной попытки коммунаровъ двинуться на Версаль, онъ былъ назначенъ парижскимъ комендантомъ, на мѣсто Бержера. Это порученіе было дурно принято національною гвардіей, и коммуна, чтобы оправдать свое назначеніе, издала прокламацію, въ которой увѣряла, что Домбровскийъ защищалъ независимость Кавказа, былъ главою польскаго возстанія 1863 года и генераломъ подъ начальствомъ Гарибальди. Въ сраженіяхъ съ версальцами у Нелли, Домбровскийъ отличился храбростію, и генераль Винуа писалъ, что его войска много терпѣли отъ энергіи поляка. Несмотря на то, что онъ пользовался расположеніемъ комитета общественнаго спасенія, Домбровскийъ не настолько былъ преданъ комунѣ, чтобы пламенно желать—погибнуть вмѣстѣ съ нею. „Но онъ, можетъ быть, никогда не почувствовалъ бы въ себѣ инстинкта измѣны, прибавляетъ Дюпонъ, если бы у него не было секретаря Гютцингера“. У этого секретаря былъ другъ Вейссе, авантюристъ, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ и искавшій случая нажиться. Во время имперіи онъ бросался въ разныя предпріятія, темныя и химерическія, и ни въ чемъ не имѣлъ успѣха. Во время войны былъ поставщикомъ башмаковъ для арміи и снабжалъ провіантомъ департаменты, занятые непріателемъ, вмѣстѣ съ Оскаромъ Плананъ, депутатомъ, виннымъ торговцемъ и меромъ Коньяка. Совершая разнаго рода покунки, не всегда удачныя, Вейссе задумалъ, чтобы нажиться разомъ, купить, конечно на чужія деньги, когонибудь изъ коммунаровъ. Близко знакомый съ адмираломъ Сессе, другомъ Бартеlemi Сент-Илера, секретаря Тьера, Вейссе скоро получилъ удостовѣреніе, что правительство не прочь купить доступъ въ Парижъ, черезъ какавіянибудь ворота, вмѣсто того, чтобы брать ихъ приступомъ. Въ этой сдѣлкѣ Вейссе рассчитывалъ получить хорошій комисионерскій процентъ, не говоря о благодарности отечества за патриотическое стремленіе—положить конецъ братоубійственной войнѣ. Онъ началъ убѣждать перейти на сторону версальцевъ батальонныхъ командировъ національной гвардіи, недовольныхъ коммуною. Двое изъ нихъ, Кадоръ, командиръ 8-го, и Шерве—165-го баталіона, склонились на его сторону. Полковникъ Ганри Прудомъ, начальникъ штаба генерала Бержера и военной школы, готовъ былъ передать эту школу, префектуру и ратушу, но требовалъ, чтобы версальское правительство сдѣлало нѣкоторыя уступки. Изъ Версаля отвѣчали, что Тьеръ отказывается произвести сильную диверсію на самый центръ Парижа и рассчитываетъ ограничиться уступкою однихъ или двухъ воротъ, находящихся въ завѣдываніи генерала Домбровскаго.

Тогда Вейссе принялся дѣйствовать на секретаря его. Гютцингеръ являлся то на одну, то на другую изъ семи квартиръ, занимаемыхъ въ Парижѣ Вейссе, рассказывалъ о неподкупности своего генерала, о благодарности къ нему коммуны, о его планахъ всемірной республики и стремленіи къ диктатурѣ. Наконецъ, устро-

илось свиданіе между Вейссе и самимъ Домбровскимъ, въ отелѣ на Вандомской площади (Дюпонъ входитъ въ малѣйшія подробности относительно квартиръ, костюма, обстановки дѣйствующихъ лицъ, ихъ бесѣды и говоритъ дальше, отъ кого именно узналъ все это). Вейссе на свиданіи держалъ себя строго, говорилъ мало, ждалъ предложеній. Домбровскийъ разсыпался въ упрекахъ коммуны, представляя ее въ самомъ отвратительномъ видѣ: „Это люди, покрытые грязью и кровью, подлецы съ инстинктами тигра... Про меня скажутъ, что я проданъ... Пусть говорятъ! Я рискую своей головою. Меня могутъ разстрѣлять, убить измѣнническимъ образомъ. Надо, по крайней мѣрѣ, чтобы я оставилъ кусокъ хлѣба моей жонѣ и дѣтямъ“.

Эти слова, какъ и подробности всего разказа, Дюпонъ взялъ изъ брошюры, вышедшей въ 1873 году въ Брюсселѣ, подъ названіемъ „Un episode de la Commune et du gouvernement de M. Thiers“. Этотъ „Эпизодъ коммуны и правительства Тьера“ написанъ г-жемъ Форсан-Вейссе, вдовою самого Вейссе, не имѣвшею никакихъ причинъ лгать на обоихъ покойниковъ: своего мужа и Домбровскаго.

На свиданіи заговорщиковъ не было однако рѣшено ничего положительнаго. Уговорились только о суммѣ: миллионъ генералу, триста тысячъ франковъ Гютцингеру и его друзьямъ-комисіонерамъ, двѣсти тысячъ другимъ лицамъ. Переговоры о томъ, какъ произвести уплату и какими бумагами, продолжались. Вейссе, являвшійся нѣсколько разъ въ вандомскій отель, сталъ казаться тамъ подозрительнымъ. Свиданія продолжались въ наемной каретѣ, кучеръ которой былъ преданъ Вейссе. Но этотъ комисіонеръ имѣлъ неосторожность отвезти секретаря въ той же каретѣ по дорогѣ въ Версаль, чтобы тамъ представить его кому слѣдуетъ. Шпіоны коммуны узнали Гютцингера. Комитетъ общественнаго спасенія, какъ мѣру безопасности, назначилъ гражданскихъ комисаровъ къ тремъ генераламъ иностраннаго происхожденія на службѣ коммуны: Ла-Сесилія, Домбровскому и Врублевскому. Вейссе не потерялъ однако бодрости и продолжалъ вести переговоры, прибѣгая къ переодѣваніямъ и перенеся центръ своихъ операцій въ Сен-Дени, въ гостинницу „Бѣлаго Кролика“. Онъ возбудилъ подозрѣніе и въ одну изъ его квартиръ явились агенты коммуны, чтобы арестовать его. Не найдя хозяина, они захватили его жену и друга его Гюттена; послѣдній успѣлъ бѣжать, но г-жу Вейссе заперли въ тюрьму Сен-Лазарь. Мужъ ея, въ это время, окончательно условился съ Домбровскимъ, обѣщавшимъ за полтора миллиона открыть версальцамъ ворота Сен-Клу, Пуан-дю-жура и Отейли. Послѣднее свиданіе должно было произойти въ „Бѣломъ Кроликѣ“. Гютцингеръ отправился туда, чтобы получить отъ Вейссе часть суммы въ задатокъ. Секретарь ѣхалъ на прекрасномъ арабскомъ верблѣ изъ бывшихъ императорскихъ конюшенъ. По дорогѣ ему попался пьяный офицеръ коммуны съ патрулемъ, заподозрилъ его шпіонствѣ и велѣлъ отвезти въ центральный комитетъ. Тамъ,

счастію былъ самъ Домбровскій и приказалъ освободить Гютцингера. Но время уже было потеряно и свиданіе отложено на другой день, 20 мая. Условились свидѣться на нейтральной почвѣ, на равнинѣ Сент-Уана. Объ этомъ узнала г-жа Мюллеръ, жена привратника въ домѣ, гдѣ жилъ Вейссе—и, вѣроятно, донесла комунѣ. Домбровскій между тѣмъ сдѣлалъ всѣ приготовленія къ сдачѣ трехъ воротъ. Утромъ онъ отправилъ къ нимъ Гютцингера съ приказаніемъ—прекратить артилерійскій огонь, опустить подъемные мосты, а войскамъ отступить къ пунктамъ, удаленнымъ отъ ограды. Секретарь исполнилъ это порученіе и на томъ же арабскомъ конѣ отправился черезъ сент-уанскія ворота на встрѣчу Вейссе, ждавшему его у аванпостовъ. Вейссе пріѣхалъ на свиданіе въ маленькомъ купе, со своимъ другомъ, Оскаромъ Планъ, но вышелъ изъ экипажа, а тотъ остался ждать его возвращенія. Вейссе и Гютцингеръ, оставшіи свою лошадь, сошлись на открытой равнинѣ, гдѣ ихъ можно было видѣть издалека.—Привезли деньги? спросилъ секретарь.—Вотъ они, отвѣчалъ агентъ, передавая пачку банковыхъ билетовъ въ 20 тысячъ, а гдѣ свободный пропускъ? Гютцингеръ отдалъ ему бумаги, рассказавъ о распоряженіяхъ Домбровскаго и они пошли, разговаривая, къ мѣсту, гдѣ секретарь оставилъ свою лошадь, чтобы вернуться по домамъ. Планъ слѣдилъ за ними изъ окна кареты. Вдругъ кучеръ его закричалъ: „спасайтесь! господина Вейссе арестуютъ“ и въ ту же минуту ударилъ по лошадямъ, помчавшимся по дорогѣ къ Версалю. Вслѣдъ имъ зажужжали пули изъ револьвера, но попали только въ экипажъ. Гютцингеръ и Вейссе были схвачены и приведены къ Теофилу Ферре. Свирѣпый комунаръ приказалъ отвести секретаря Домбровскаго въ тюрьму, для производства надъ нимъ слѣдствія, а Вейссе, какъ уличеннаго въ сношеніяхъ съ версальцами и въ шпіонствѣ, разстрѣлять немедленно. Приговоръ надъ несчастнымъ былъ исполненъ на Новомъ мосту. Гютцингеръ, воспользовавшись безпорядкомъ при вступленіи версальцевъ въ Парижъ, успѣлъ уйти изъ тюрьмы и скрыться. Домбровскій, видя, что замыселъ его не удался, искалъ смерти на барикадахъ. Раненый смертельно на барикадѣ Орнана, онъ умеръ въ госпиталѣ Ларибуазьера, не получивъ даже и тѣхъ двадцати тысячъ франковъ, которыя были вручены его секретарю.

Ручаться за совершенную точность этого разсказа конечно нельзя, хотя онъ весьма правдоподобенъ. Что извѣстное пространство городской ограды у воротъ Сен-Клу, Пуан-дю-жура и Отейля оставалось 21 мая безъ защитниковъ, фактъ этотъ не подверженъ сомнѣнію. Дюкатель узналъ объ этомъ случайно и рѣшился, подвергая опасность свою жизнь, сообщить объ этомъ версальскимъ войскамъ. За тремя ротами въ Парижъ вошла дивизія Дуэ. Мак-Магонъ приказалъ и всей арміи слѣдовать этимъ же путемъ. Въ Версалѣ узнали объ этомъ вечеромъ. Брики въ честь Тьера и арміи раздались по городу. Въ восемь ча-

совъ собрались въ залахъ президента депутаты, поклонники, чиновники во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Тьеръ поздно съѣлъ обѣдать и вышелъ къ посѣтителямъ только въ десять часовъ, со свитой генераловъ. Онъ принималъ поздравленія съ видомъ побѣдителя и повторялъ всѣмъ заученую фразу: „мы вошли въ городъ раньше, чѣмъ я предполагалъ: лучше исполнить больше чѣмъ обѣщаешь, нежели обѣщать болѣе, чѣмъ можешь исполнить“. Въ 11 часовъ Тьеръ ушелъ спать. Радость въ Версалѣ была всеобщая.

Радоваться было однако же рано. Войска были, конечно, въ Парижѣ, но владѣли только самою незначительною частью его, между тремя воротами. Здѣсь они встрѣтили незначительное сопротивленіе, повстрѣчали въ своемъ обходномъ движеніи такія баррикады, которыя пришлось бы брать съ огромными потерями, еслибы надо было атаковать ихъ съ передняго фаса. А такими баррикадами усѣянъ былъ почти весь городъ. Въ ночь на 22 мая инсургенты успѣли опомниться отъ неожиданнаго появленія версальцевъ въ Парижѣ и бросились въ баррикадамъ. Загремѣли батареи, воздвигнутыя ими у Монмартра, на площади Согласія, близъ Тюльери. Подвигаясь медленно впередъ, версальцы заняли Елисейскій дворецъ, разрушили громадную барикаду на площади Эйлау, захватили ворота Дофина. Другую барикаду на углу улицъ Анжу и Сюзенъ они могли взять неначе, какъ обойдя ее садами и черезъ дома. Сильное сопротивленіе встрѣтили они и при занятіи церкви св. Августина, площадей Курсельской, Ваграмской, св. Фердинанда. Овладѣвъ военною школою, захватили 200 пушекъ, огромный складъ пороху, разныхъ припасовъ, амуниціи, но вообще весьма недалеко подвинулись къ центру города. На слѣдующій день были взяты вершины Монмартра, съ большимъ трудомъ и большими потерями. Войска начали атаку въ четыре часа утра и только во второмъ часу удалось овладѣть главною крѣпостью коммуны, центромъ возстанія, грозною позиціею, съ которой инсургенты могли разрушить весь Парижъ. Здѣсь было захвачено болѣе ста пушекъ и большіе склады оружія. Къ вечеру, 23 мая, дивизія версальской арміи, дѣйствуя съ разныхъ сторонъ, заняла уже огромный входящій уголъ, вершина котораго перешла за центръ города.

Что же дѣлала въ это время коммуна? Официальная газета ея отъ 22 мая не говоритъ ни слова о вступленіи въ Парижъ версальцевъ и только приглашаетъ гражданъ „идти на врага. Пусть ваша революціонная энергія докажетъ, что можно продать Парижъ, но нельзя его ни сдать, ни побѣдить. Коммуна полагается на васъ, положитесь на нее“. Только на слѣдующій день газета признается, что „ворота Сен-Клу были сданы измѣною и взяты версальцами, занявшими часть парижской территоріи. Этою же прокламаціею парижане приглашались не уклоняться отъ борьбы, „такъ какъ эта борьба будущаго противъ прошедшаго, свободы противъ деспотизма, равенства противъ монополіи, братства противъ рабства, солидарности народовъ

противъ эгоизма притѣснителей“. За этими громкими фразами слѣдовали практическіе совѣты: устраивать барикады, съ которыми Парижъ непобѣдимъ, уничтожить по улицамъ мостовыя и камни, втащить ихъ въ верхніе этажи и на балконы, чтобы бросать въ непріятеля и пр. Прокламаціи официальной газеты отъ 24-го мая (3 преріала) гораздо энергичнѣе, но короче; онѣ приглашаютъ версальскихъ солдатъ оставить „аристократовъ, привилегированныхъ лицъ, палачей челоѳчества, монархистовъ, пьющихъ вашу кровь, какъ они пьютъ нашъ потъ, и присоединиться къ народу, который приметъ ихъ съ радостью“; другими прокламаціями комитетъ общественнаго спасенія разрѣшаетъ начальникамъ барикадъ входить во всѣ дома и брать изъ нихъ все, что необходимо для обороны. Газета не печатала однако приказовъ, которые комунa отдавала своимъ генераламъ: „взрывать или сжигать всѣ дома, мѣшающіе системѣ защиты, и раздавать всѣ вещи, взятыя въ этихъ домахъ защитникамъ комуны“. Въ приказѣ, данномъ начальнику барикады улицы Шато д'о, гражданину Жаке, найденномъ на его трутѣ, сказано, что гражданинъ Жаке имѣетъ право требовать отъ всѣхъ—предметовъ полезныхъ для устройства барикадъ, и что „граждане и гражданки, которые откажутъ ему въ своемъ содѣйствіи, имѣютъ быть немедленно разстрѣляны“. Несмотря на отчаянное положеніе комуны, она предлагала, отъ имени центрального комитета, распущеніе національнаго собранія, удаленіе регулярной арміи изъ Парижа на разстояніе 25 верстъ, избраніе временнаго правительства, и тому подобныя несбыточные компромисы, и непереставала лгать въ своихъ прокламаціяхъ, печатая еще 24 мая, что, несмотря на отчаянныя усилія версальцевъ, они ни на дюймъ не подвинулись впередъ и отражены вездѣ, гдѣ только осмѣлились показаться. Прокламація прибавляла, что „большее число солдатъ уже перешло въ наши ряды; товарищи ихъ послѣдуютъ толпою этому примѣру и въ арміи Тьера останутся одни жандармы“.

Эта ложь, заставлявшая ослѣпленныхъ падать массами на барикадахъ, подъ ударами разъяренныхъ солдатъ, была, однако, послѣднею. 24 мая вышелъ послѣдній номеръ официальной газеты комуны. Это былъ однако самый ужасный день въ исторіи этой революціи. Въ ночь на это число комунa начала жечь Парижъ. Одновременно запылали: дворецъ почетнаго легіона, контрольная палата и государственныи совѣтъ, затѣмъ Тюльери, а утромъ пожаръ угрожалъ Лувру и его картинной галереѣ. Утромъ же загорѣлись министерство финансовъ, Пале-рояль, улицы Риволи, дю-Бакеъ, площадь Круа-ружъ, потомъ дворецъ министерства юстиціи, лирической театръ и ратуша. Все теченіе Сены, начиная отъ законодательной палаты, было въ огнѣ; воздухъ былъ пропитанъ гарью и наполненъ пепломъ, неба невидать изъ за дыма. Къ этой ужасной картинѣ присоединялись взрывы, происходившіе въ отдѣльныхъ домахъ кварталовъ Сорбонны и Пантеона. Мак-Магонъ употребилъ всѣ усилія, чтобы не дать

распространиться пожарамъ и въ особенности спасти Лувръ. На разсвѣтъ корпусъ генерала Сиссе занялъ школу изящныхъ искусствъ, институтъ, монетный дворъ, уничтожилъ барикады въ улицѣ Таранъ и завладѣлъ Люксембургомъ, подъ градомъ ядеръ съ барикадъ улицы Суфло. Другая дивизія окружила съ трехъ сторонъ Пантеонъ, и инсургенты бѣжали изъ него, устилая улицы трупами. На правомъ берегу Сены, корпусъ Дуэ занялъ Вандомскую площадь, Пале-рояль и Тюльери, остановивъ дѣйствіе огня, переходившаго на Лувръ. Другія колонны очистили отъ инсургентовъ банкъ, биржу, почтамтъ, церковь св. Евстафія, консерваторію, учетную контору, дебаркадеръ сѣверной и восточной дороги. Вездѣ надо было брать съ большими потерями громадныя барикады. На нѣкоторыя изъ нихъ, какъ на бульварахъ Орнана и Рош-шуаръ, инсургенты, прогнанные войсками, возвращались и снова пытались овладѣть ими, но безуспѣшно. Къ вечеру этого дня большая половина Парижа была уже въ рукахъ версальцевъ и Мак-Магонъ перевелъ свою главную квартиру въ министерство иностранныхъ дѣлъ.

Внѣ стѣнъ Парижа, 25-го мая, были взяты форты Монружъ, Бисетръ, Иври и нѣсколько редутовъ. Внутри Парижа инсurreкція была отгѣснена въ менильмонтанскій и бельвилльскій кварталы, но, отступая, комунары зажигали нѣкоторыя занимаемыя ими зданія. Такъ, они сожгли складъ гобеленовскихъ обоевъ, запасные магазины; и др., вездѣ оставляя массу плѣнныхъ, но еще болѣе убитыхъ. Въ этотъ день армія заняла всѣ мосты на Сенѣ, дебаркадеры орлеанской и ліонской дороги, ботаническій садъ, тюрьму Мазасъ, національную типографію, театръ „Folies dramatiques“, таможеню, консерваторію искусствъ и ремеслъ и пр. Къ вечеру весь лѣвый берегъ Сены былъ очищенъ отъ барикадъ и инсurreкціи. На рѣкѣ большую помощь войскамъ оказали канонерскія лодки, стрѣлявшія картечью по инсургентамъ и содѣйствовавшія занятію мостовъ. На другой день взяты были самыя крѣпкія позиціи и барикады комунаровъ на площадяхъ Трона, Бастиліи, Шато д'о, въ ротондѣ Вильетты, но онѣ дорого стоили версальцамъ; многія изъ нихъ пришлось брать не иначе, какъ съ помощію артиллеріи; занявъ площадь Трона, войска не могли удержаться на ней подъ огнемъ сосѣднихъ батарей и должны были, отступивъ, стать бивакомъ въ ближайшихъ улицахъ. Здѣсь былъ убитъ генералъ Леруа. Инсургенты, отступая, сожгли таможенные магазины и сахарный заводъ. Къ 27-му мая, въ ихъ власти оставались только возвышенности Шомона и кладбище отца Лашеза. Съ этихъ мѣстностей огонь наносилъ большія потери войскамъ, но, воздвигнувъ батареи на Монмартрѣ, версальцы открыли въ свою очередь губительный огонь по Шомону. Онъ былъ вскорѣ взятъ со множествомъ пушекъ и большими запасами снарядовъ. Но и въ этотъ день, хотя и утвердившись на кладбище отца Лашеза, войска не успѣли занять всѣхъ позицій инсургентовъ. На другое утро взята огромная барикада въ улицѣ Гаксо,

причемъ захвачено много пушекъ и 2.000 плѣнныхъ. При занятіи тюрьмы Ларокетъ, освобождены 189 заложниковъ; 64 были накануне разстрѣляны комунарками. Они хотѣли взорвать церковь св. Амвросія, но войскамъ удалось перерѣзать проволоку, соединявшую бочки пороха съ гальванической батареей. По занятіи бельвильской церкви, были взяты всѣ барикады въ улицѣ Парижа; число плѣнныхъ увеличивалось съ каждымъ шагомъ войска. Послѣ взятія госпиталя св. Людовика, послѣдней пала большая барикада Тампльскаго предместья. Въ три часа пополудни прекратилось всякое сопротивление. Возстаніе было подавлено. Только Венсенскій фортъ оставался во власти инсургентовъ, но сдался на другой день, по требованію арміи.

Она дѣйствительно сдѣлала много въ полтора мѣсяца осады и упорной восьмидневной битвы на улицахъ Парижа. Ей удалось подавить самую грозную изъ всѣхъ революцій. Войска произвели значительныя осадныя работы, вырыли 40 верстъ траншей, воздвигли 80 батарей, вооруженныхъ 350-ю пушками, овладѣли пятью фортами, сильно вооруженными и защищаемыми отчаянно множествомъ фортификацій, а въ самомъ Парижѣ огромнымъ числомъ барикадъ и укрѣпленій и многочисленною артилеріей. Распространеніе пожаровъ было остановлено, предупреждены взрывы и подкопы. Потери инсургенціи были громадны; однихъ плѣнныхъ захвачено 25 тысячъ, 1.600 пушекъ и болѣе четырехсотъ тысячъ ружей. Уличныя войны всегда губительны для осаждающихъ, но армія сумѣла избѣжать большихъ потерь, потому что не шла на-проломъ, на барикады, не лѣзла на батареи, а обходила ихъ, стараясь вездѣ обойти укрѣпленія и подавить инсургентовъ численностью войска. По официальнымъ цифрамъ, вся потеря войска во время этой междоусобной войны простиралась до 513 офицеровъ и 6.967 солдатъ, выбывшихъ изъ строя убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти. Эта цифра дѣйствительно не велика, если даже увеличить ее вдвое и сравнить съ нею потери комунаровъ и ихъ отчаянное сопротивление. Только въ немногихъ мѣстахъ, и въ первый день вступленія арміи въ городъ, сопротивление было слабое со стороны Булонскаго лѣса, между воротами Мальо и Дофина. Поэтому, обвиняли въ измѣнѣ нѣкоторые батальоны федералистовъ и, въ особенности, 113-ий. 22-го мая Трокадеро былъ занятъ войсками, прежде чѣмъ инсургенты могли приготовиться къ защитѣ. То же случилось на крутыхъ барикадахъ Триумфальной арки Звѣзды, откуда комунары бѣжали въ беспорядкѣ, а версальцы оборотили пушки противъ батарей, воздвигнутыхъ на терасѣ Тюльери.

Клюзере сильно настаивалъ на томъ, чтобы въ треугольникѣ между Трокадеро, аркой Звѣзды и площадями Эйлауской и Ваграмской была устроена вторая линія летучихъ укрѣпленій, но коммуна, по своей безопасности, не успѣла устроить этой линіи и, при вступленіи версальцевъ въ Парижъ, принуждена была отступить за барикады, воздвигаемыя на скорую руку, такъ какъ заранѣе устроенныхъ

баррикадъ было не много. Но и импровизованныя стѣны поднимались быстро; надъ ними работали съ лихорадочною поспѣшностью даже дѣти и женщины. Рѣдкихъ прохожихъ заставляли помогать коммунарамъ. На площади Шателе двѣ женщины въ красныхъ шарфахъ, съ револьверомъ въ рукѣ, принуждали другихъ приходившихъ туда женщинъ, особенно получше одѣтыхъ, таскать камни для работавшихъ на баррикадѣ. Передвиженія войскъ были однако такъ удачно комбинированы, что сильныя баррикады брались въ обходъ, а слабыя тотчасъ же уничтожались. На нихъ находили трупы женщинъ въ мундирахъ національной гвардіи. При отступленіи коммунаровъ на Пантеонъ, инженерный капитанъ успѣлъ перерѣзать фитиль, по которому уже бѣжалъ огонь къ подвою, который долженъ былъ взорвать это зданіе. Баррикада въ улицѣ Ге-Люссака защищалась долго и упорно. Здѣсь же погибъ Рауль Риго, прокуроръ комунъ.

Это была замѣчательная личность. Отецъ Рауля, муниципальный совѣтникъ, далъ сыну блестящее воспитаніе. Отличный математикъ, Рауль жилъ уроками и работалъ въ оппозиціонныхъ журналахъ, принимая дѣятельное участіе во всѣхъ демонстраціяхъ Латинскаго квартала, въ волненіяхъ школы правовѣдѣнія и медицины. Взятый полиціей за участіе въ тайномъ обществѣ, онъ былъ однако выпущенъ по недостаточности уликъ. Риго отличался рѣзвостью сужденій и цинизмомъ выраженій, часто остроумныхъ, но еще чаще переходившихъ границы приличія. Вѣчно враждуя съ полиціей явномъ и тайномъ, онъ преслѣдовалъ ее своими сарказмами и отрывалъ всѣ ея планы. Въ 1869 году онъ высидѣлъ четыре мѣсяца въ тюрьмѣ съ Гальяромъ и Ферре, за уличные беспорядки и сопротивленіе властямъ, а въ іюль 1870 года былъ присужденъ къ 150-ти франкамъ пени и четырремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за брошюру „Большой заговоръ, мелодрама плебисцита“. Сотрудникъ „Марсельезы“, онъ послѣ революціи 4-го сентября былъ сдѣланъ полицейскимъ комиссаромъ. Враждуя съ правительствомъ народной обороны, онъ участвовалъ въ манифестаціи 31-го октября и, когда она не удалась, вышелъ въ отставку. Сдѣлавшись сотрудникомъ газеты Бланки „Отечество въ опасности“, онъ помѣстилъ въ ней нѣсколько любопытныхъ этюдовъ объ агентахъ императорской полиціи. Выбранный членомъ комунъ, онъ началъ управлять префектурой полиціи, вмѣстѣ съ Дювалемъ, заведывавшимъ военнымъ отдѣломъ. Но когда Дюваль, во время вылазки 4-го апрѣля, былъ взятъ въ плѣнъ версальцами и расстрѣлянъ, Риго сосредоточилъ всю власть въ своихъ рукахъ. Какъ членъ исполнительнаго комитета и делегатъ по надзору за общественной безопасностью, онъ арестовалъ и посадилъ въ тюрьму столько народа, что даже комунъ распорядилась осмотромъ заключенныхъ и принятіемъ отъ нихъ жалобъ. Риго, обидѣвшись этимъ, вышелъ въ отставку и сдѣланъ былъ прокуроромъ, но по-прежнему имѣлъ большое вліяніе на полицію, гдѣ былъ делегатомъ другъ его Ферре. На засѣда-

нѣхъ комунѣ онъ предлагалъ и принималъ всегда самыя крайнія мѣры; запрещеніе газетъ происходило по его почину. Онъ обличалъ своихъ товарищей въ слабости и нерѣшительности, арестовывалъ члена комунѣ Аликса и не хотѣлъ вынустить его, несмотря на приказаніе комунѣ. При вступленіи арміи въ Парижъ, Риго виѣсть съ Режеромъ было поручено исполненіе казни заложниковъ. 23-го мая онъ отправился въ тюрьму Сент-Пелажи и приказывалъ при себѣ расстрѣлать республиканца Густава Шоде, 56-ти лѣтъ, виѣсть съ другими заключенными. Убийство Шоде нельзя было ничѣмъ оправдать. Даровитый адвокатъ, сотрудникъ „Прессы“, одинъ изъ главныхъ дѣятелей революціи 1848 года, посаженный въ тюрьму и изгнанный изъ Франціи во время государственнаго переворота 1861 года, другъ Прудона, меръ во время республики, сотрудникъ газеты „Siccle“, онъ былъ взятъ 13-го апрѣля въ редакціи, по доносу Вермерша, редактора „Отца Дюшена“ за то, что не допустилъ толпу овладѣть ратушею 22-го января 1871 года. Заключенный въ Мазасъ, онъ былъ переведенъ потомъ въ Сент-Пелажи и расстрѣлянъ безъ всякаго суда. Рауль Риго самъ командовалъ стрѣлявшими, потомъ отдалъ приказаніе зажечь Тюльери, Пале-рояль и министерство юстиціи и самъ присутствовалъ при сожженіи домовъ Круа-Ружа. На другой день онъ отправился въ улицу Ге-Люссакъ, гдѣ жила его любовница, актриса театра „Délassements comiques“. Но барикада у ея дома была уже взята и солдаты, видя какъ онъ входилъ въ домъ въ мундирѣ баталіоннаго командира національной гвардіи, выстрѣлили въ него, но, не попавъ въ него, бросились за нимъ въ домъ. Онъ сдался безъ сопротивленія, назвалъ себя и отдалъ свой револьверъ. Его повели въ Люксенбургъ. По дорогѣ имъ встрѣтился офицеръ генеральнаго штаба, спросившій у пѣвника его имя. Тотъ отвѣчалъ: „Кончайте со мною! Долой убійцы! Да здравствуетъ коммуна!“ Офицеръ выстрѣлилъ ему въ упоръ въ голову; сержантъ 38-го полка покончилъ съ несчастнымъ, бившимся въ предсмертныхъ судорогахъ, всадивъ ему еще зарядъ въ грудь. Трупъ коммунара, которому не было и 25-ти лѣтъ, оставался неубраннымъ весь день.

Во многихъ улицахъ Парижа сопротивленіе было самое отчаянное. Такъ, близъ Фонтенеблоской заставы, въ Бют-о-Кайль, шесть тысячъ инсургентовъ дрались втеченіе тридцати часовъ, отстаивая эту мѣстность. Чтобы отгнать коммунаровъ, генераль Сиссе потребовалъ подкрѣпленія въ три полка и батареи артилеріи. Въ то время когда пожаръ втеченіе пяти дней свирѣпствовалъ въ лучшихъ частяхъ и зданіяхъ Парижа, нѣкоторыя зданія спасены были отъ истребленія очень простымъ средствомъ. Такъ, одинъ изъ чиновниковъ министерства, видя, что туда явились агенты комунѣ и начали обливать стѣны петролеумомъ, предложилъ имъ удалиться—за опредѣленную сумму, и коммунары, взявъ деньги, спокойно ушли изъ министерства. Нѣкоторые кварталы, какъ Сент-Оноре и Сен-Жерменъ,

приняли версальцевъ какъ избавителей; въ послѣднемъ кварталѣ, еще до вступленія въ него солдатъ, національные гвардейцы, не принадлежащіе къ комунѣ, начали драться съ инсургентами.

26-го мая, по взятіи семи барикадъ площади Шато-д'о, дѣло коммуны было уже окончательно проиграно, хотя она владѣла еще нѣсколькими мѣстностями, и 27-го мая Тьеръ могъ уже отправить въ департаменты Франціи депешу, возвѣщавшую подавленіе возстанія. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, онъ произнесъ въ національномъ собраніи рѣчь полную трескучихъ эффектовъ, въ которой возвѣщалъ, что „Парижъ возвращенъ своему настоящему властителю Франціи“. Крики восторга и рукоплесканія не разъ прерывали эту рѣчь, въ концѣ которой Тьеръ объявилъ, что армія заслужила благодарность отечества. Приверженецъ его Кошери предложилъ распространить эту благодарность и на Тьера. Собраніе все поднялось со своихъ мѣстъ и приняло это предложеніе. Остался сидѣть только одинъ депутатъ, парижскій работникъ Толень. Не выйдя въ отставку, какъ другіе депутаты Парижа, Локруа, Розуа, Флоке, Мильеръ, Толень не хотѣлъ однако, радоваться взятію своего родного города. Тьеръ, конечно, отвѣчалъ, что выраженная ему благодарность—такая награда, выше которой онъ не можетъ ожидать. Жюль Симонъ предложилъ тотчасъ же возстановить вандомскую колону и искупительную часовню Людовика XVI, разрушенную варварами. Но колона должна быть воздвигнута безъ статуи Наполеона. Туманный ораторъ признавалъ наполеоновскія побѣды, но не виновника ихъ, и противъ этой нелогичности не возражалъ никто, не исключая Тьера, задумавшагося о чемъ-то въ это время, вѣроятно—о своей собственной апотеозѣ. Побѣдитель коммуны ему казался, конечно, выше побѣдителя при Аустерлицѣ. Собраніе постановило, что на колонѣ будетъ „статуя, представляющая Францію“. Противъ этого постановленія вотировалъ только одинъ Толень.

Кромѣ засѣданія собранія, Версаль былъ въ это время взволнованъ поимкою Рошфора, привезеннаго туда въ ручныхъ кандалахъ, надѣтыхъ также и на его секретаря Муру. Редакторъ *Mot d'Ordre*, предвидя плохой конецъ коммуны и боясь погибнуть вмѣстѣ съ нею, задумалъ бѣжать изъ Парижа еще 20-го мая. Паскаль Груссе далъ ему паспортъ и пропускъ, съ которыми онъ надѣялся пробраться за-границу. Отправившись со своимъ секретаремъ на западную линію желѣзной дороги, которую еще охраняли прусаки, агитаторъ совершенно преобразился: онъ не только обстригъ подъ гребенку свои густые, курчавые волосы, но и сбрилъ свою эспаньолку. Несмотря на это, онъ былъ арестованъ на дебаркадерѣ въ Мо агентами версальскаго правительства, получившаго свѣдѣніе о бѣгствѣ отъ полиціи—самой коммуны, какъ увѣряли нѣкоторые. Отрядъ прусскихъ уланъ проводилъ плѣнника до Сен-Жермена, гдѣ генераль Галифе встрѣтилъ его ругательствами и сожалѣніями, что не можетъ расстрѣлять его тотчасъ же. Приве-

занный въ Версаль, онъ и тамъ былъ встрѣченъ криками: „смерть Рошфору! на фонарь каналью!“ Въ тюрьмѣ прежде всего осмотрѣли его багажъ; онъ былъ не великъ и состоялъ изъ романа Дюма „Три мушкетера“ и ящика съ 250 сигаръ. Директоръ тюрьмы конфисковалъ сигары и, на протестъ заключеннаго, отвѣчалъ, что будетъ выдавать ихъ по одной. Изъ кармановъ Рошфоръ вынулъ много свертковъ съ наполеондорами и драгоценныхъ вещей: булавокъ съ брилліантами, золотыхъ часовыхъ цѣпочекъ, брошекъ, браслетовъ и другихъ принадлежностей женскаго туалета.—Сколько здѣсь денегъ? спросилъ директоръ.—Не знаю, сосчитайте! отвѣчалъ небрежно плѣнникъ, но когда ему сказали, что тутъ десять тысячъ франковъ съ чѣмъ-то, вскричалъ: меня обокрали на двадцать франковъ! Пересчитали снова, и оказалось, что дѣйствительно ошиблись въ одномъ наполеондорѣ. Но тюремный директоръ замѣтилъ Рошфору: „крадутъ здѣсь только тѣ, которые принадлежатъ къ комунѣ“. Драгоценныя вещи были оценены приблизительно въ 18 тысячъ франковъ.

Первый допросъ, сдѣланный съ Рошфора, показалъ, что дѣло его можетъ принять очень дурной оборотъ. Полицейскій комисаръ обвинялъ его, между прочимъ, въ возбужденіи къ неиспроверженію законнаго правительства, къ грабежу и убійствамъ, а за это законъ опредѣлялъ смертную казнь. Агитаторъ упалъ духомъ и потребовалъ къ себѣ тюремнаго священника. Неизвѣстно, успѣлъ ли абатъ Фолле успокоить плѣнника, но тотъ вскорѣ получилъ извѣстіе, что преступленія его противъ общихъ законовъ искусными юристами отнесены къ числу политическихъ и потому за нихъ полагается меньшая степень наказанія. За него хлопотали въ самомъ правительствѣ; онъ зналъ все, что дѣлается, не получая газетъ. Сами тюремщики передавали ему письма друзей и однажды инспекторъ тюрьмы перехватилъ письмо Жюль Фавра къ Рошфору. О чемъ писалъ министръ, извѣстно одному Тьеру, которому прислали письмо Фавра. Сидя въ тюрьмѣ, Рошфоръ легитимировалъ дѣтей своихъ: сына и дочь и передалъ имъ свои права и званіе, на законномъ основаніи.

Убійство Шоде и четырехъ жандармовъ было только началомъ страшныхъ неистовствъ комунъ, мстившей версальцамъ за вѣдѣніе Парижа. Давно уже въ засѣданіяхъ комунъ раздавались голоса, требовавшіе казни заложниковъ. Юрбенъ хотѣлъ разстрѣлять десять человѣкъ, выведя ихъ на аванпосты, чтобы версальцы видѣли ихъ смерть. Амуру требовалъ, чтобы за каждаго убитаго комунара казнили тронхъ, преимущественно поповъ, „такъ какъ ими дорожатъ больше чѣмъ солдатами“. И убійцы начали съ поповъ. Четырнадцать доминиканцевъ, священниковъ и професоровъ въ училищѣ Альберта великаго были арестованы еще 19-го мая и заперты въ Бисетръ. У нихъ отняли все, даже молитвенники. 25-го мая утромъ, ихъ повели въ мерію, объявили, что оттуда выпустятъ на свободу, но заперли въ дисциплинарную тюрьму, въ улицѣ Италиі. Часа въ два, Серизье,

командиръ 101-го батальона національной гвардіи, вошелъ къ нимъ со словами: „эй, вы, распн! вставайте, васъ отвѣдутъ на баррикады!“ Ихъ хотѣли поставить на барикадѣ, чтобы остановить залпы и напоръ версальцевъ, но противъ нее отерли такой сильный огонь, что коммунары не рѣшились идти впередъ и опять заперли несчастныхъ въ тюрьму. Часа въ четыре послѣдовалъ новый приказъ Серизье: выходить поодиножъ на улицу. Несчастныхъ окружили коммунары, при нихъ же зарядившіе ружья. „Пойдите, дѣти мои, во имя Божіе!“ сказали пріоръ доминиканцевъ и вышли первыми. Раздались выстрѣлы: выходившіе монахи одинъ за другимъ падали подъ пулями. Спаслось только двое; они упали на землю и притворились мертвыми. Двѣнадцать тѣлъ были найдены по занятіи улицы версальцами. Это было ничѣмъ неоправдываемое убійство ни въ чемъ невиновныхъ монаховъ.

Еще менѣе были, конечно, виноваты зданія, и однако коммунары положительно намѣревались сжечь весь Парижъ. Не ихъ вина, если это имъ не удалось. Они зажигали Лувръ нѣсколько разъ, но сторожа успѣвали гасить огонь и вести во дворецъ нѣсколько солдатъ, начавшихъ стрѣлять по зажигателямъ, которые успѣли разстрѣлять только двухъ привратниковъ и обратились въ бѣгство, думая вѣроятно, что Лувръ уже заняли значительныя силы версальцевъ. Погибла только драгоценная луврская бібліотека. Коммунары, ворвавшись къ привратнику, потребовали, чтобы онъ разлилъ петролеумъ по заламъ, или онъ будетъ немедленно разстрѣленъ. — „Разстрѣливайте! отвѣчалъ привратникъ, но я не стану жечь бібліотеку“. Жена его выказала такую же твердость. Зажигатели стали переговариваться между собою, потомъ заперли мужа и жену въ ихъ комнаты и, сказавъ: — мы не разстрѣлимъ васъ, но вы все равно изжаритесь вмѣстѣ съ книгами! зажгли бібліотеку, гдѣ погибло болѣе ста тысячъ книгъ, рѣдкихъ изданій, рукописей, историческихъ документовъ. Только чудомъ запертые супруги спаслись отъ смерти, при пожарѣ бібліотеки. Въ Мазасѣ было до пятисотъ заключенныхъ; 25-го мая ихъ выпустили на свободу, но они очутились на баррикадахъ, воевавшихъ вокругъ тюрьмы. Тамъ ихъ принуждали принять участіе въ битвѣ, многіе отказывались и ихъ тотчасъ разстрѣливали; другіе притворно соглашались защищать баррикады и потомъ, при удобномъ случаѣ, бѣжали съ нихъ; нѣкоторые, наконецъ, остались въ тюрьмѣ и спаслись съ приходомъ войскъ. Директоръ тюрьмы, креатура коммуны, объявилъ своимъ подчиненнымъ, чтобы они всё уходили, такъ какъ тюрьма будетъ взорвана. Сторожа дѣйствительно подтвердили, что ночью бочки съ порохомъ были зарыты въ саду и положены въ сточныя трубы. Но одинъ изъ заключенныхъ, Баконъ, уговорилъ однако тюремщиковъ запереть ворота и никого не впускать въ нихъ, а директора тюрьмы арестовать какъ заложника и ждать окончанія борьбы. Такимъ образомъ продержались они до появленія версальцевъ, хотя иносургенты нѣсколько разъ порывались ворваться въ

тюрьму и стрѣляли въ окна. Только быстрота, съ какою армія заняла одну часть города за другою, спасала его отъ разрушенія. Вотъ какой приказъ найденъ былъ на трупѣ Делеклюза: „Гражданинъ Мильеръ, въ главѣ 150-ти человекъ ракетной команды (les fusées) зажечь подозрительные дома и публичные монументы на лѣвомъ берегу. Гражданину Дерёру съ 100 поручены 1-й и 2-й округъ; гражданину Вильоре, также съ 100—9-й, 10-й и 20-й округъ; гражданину Везинье съ 50-ю поручаются спеціально бульвары отъ Магдалины до Бастилии. Эти граждане должны войти въ соглашеніе съ начальниками барикадъ для обезпеченія приведенія въ дѣйствіе этихъ приказаній. Парижъ, 3 преріала, года 79. Подписано: Делеклюзъ, Режеръ, Ранье, Жоаннаръ, Везинье, Брюнель, Домбровский“. Надзоръ за поджигателями былъ порученъ вольнымъ стрѣлкамъ комунны, носившимъ мундиръ пѣшихъ егерей. Они руководили поджогами, передавали приказанія комунны, недопускали тушить пожаръ, разстрѣливали пожарныхъ, явившихся на помощь. Труднѣе всего имъ было сечь Тюльери. До двадцати разъ они возвращались ко дворцу съ бочками петролеума и поддерживали огонь, часто потухавшій. Ратушу поджигали такъ усердно, что, замишкавшись въ ея безчисленныхъ переходахъ, многіе не успѣли уйти вовремя и погибли въ пламени, при взрывѣ части зданія, поджоганнаго порохомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ комунары поступали хуже разбойниковъ. Такъ, ворвавшись въ дома между театрами Амбигю и Сенмартенскихъ воротъ, они разграбили погребъ ресторана Дефье, а потомъ и всѣ квартиры, предаваясь всякимъ нештотствамъ. Одинъ изъ жильцовъ, не вытерпѣвъ оскорбленія, нанесеннаго его женѣ, ударилъ по щекѣ негодяя. Тогда разсвирѣпѣвшая шайка злодѣевъ начала убивать несчастныхъ, преслѣдуя безоружныхъ по всѣмъ этажамъ, не щадя женщинъ и дѣтей; потомъ они подожгли оба театра и пожаръ этого участка продолжался три дня. Въ поджогахъ участвовало много женщинъ, даже дѣтей. Другія женщины дрались на барикадахъ, одѣтыя солдатами. Одна изъ нихъ, молодая и красивая, на бульварѣ Клиши, убила изъ револьвера офицера и ранила двухъ солдатъ. Ее тутъ же разстрѣляли. Она умерла, осыпая проклятіями правительство. Вообще войско, озлобленное сопротивленіемъ, пожарами и потерей товарищей, не давало никому пощады и безъ суда убивало комунаровъ, захваченныхъ на барикадахъ или въ бѣгствѣ.

Самое сильное впечатлѣніе произвело убійство парижскаго архіепископа и товарищей его заключенія въ Ларокетской тюрьмѣ. Когда войска заняли эту тюрьму, въ ней находилось 169 заложниковъ, ожидавшихъ участи, постигшей уже ихъ товарищей: шестеро изъ нихъ были разстрѣлены вечеромъ 26-го мая; 54 въ ночь на 27-е мая и четверо 27-го вечеромъ. Первыми шестью жертвами были: архіепископъ, первый президентъ суда Бонжанъ, абать Дегерри, два іезуита, Клеръ Докудре и абать Алляръ, отличавшійся самоотверженіемъ в

госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ. Ротный командиръ 108-го батальона національной гвардіи Виригъ, явившись въ тюрьму, потребовалъ ихъ выдачи, неизвѣстно по чьему приказанію. Ихъ вывели на дворъ тюрьмы. Пока они шли, окруженные убійцами, архіепископъ Дарбуа говорилъ имъ, что они совершаютъ преступленіе, что онъ всегда стоялъ за миръ и согласіе, что онъ писалъ въ Версаль, но не получилъ еще отвѣта, что онъ никогда не былъ противникомъ истинной свободы, но готовъ умереть, поручая себя Богу и прощая своимъ убійцамъ. Онъ едва успѣлъ сказать эти слова, какъ отрядъ выстрѣлялъ въ несчастныхъ, приставленныхъ къ стѣнѣ. По первому залпу упали не всѣ жертвы; послѣдовалъ второй залпъ—и послѣ него остался еще архіепископъ, съ поднятыми къ небу руками. Тогда къ нему подошелъ Виригъ и выстрѣлилъ въ упоръ. Тѣла шести казенныхъ были подъ утро привезены на кладбище отца Лашеза и брошены всѣ вмѣстѣ въ одну яму, безъ гробовъ и савановъ. Виригъ былъ захваченъ въ плѣнъ, черезъ день послѣ убійства, уличенъ въ немъ и тотчасъ же разстрѣленъ. 54 заложника, въ числѣ которыхъ было 14 духовныхъ лицъ и 36 полицейскихъ, были увезены ночью въ улицу Гаксо, гдѣ въ увеселительномъ саду разстрѣлены изъ револьверовъ толпою, состоявшею изъ самыхъ низкихъ подонковъ общества. Тѣла ихъ были брошены тутъ же въ погребъ.

Въ эти печальные дни, когда ненависть между двумя враждующими сторонами разгоралась все съ большимъ озлобленіемъ, было много примѣровъ беспощаднаго и незаконнаго истребленія съ обѣихъ сторонъ. Но должно сказать, что солдаты, какъ побѣдители, истребили гораздо больше комунаровъ. Несмотря на приказъ Мак-Магона—щадить тѣхъ, кто отдавалъ оружіе, убивали даже тѣхъ, у кого его вовсе не было. Нѣсколько лицъ было разстрѣлено вмѣсто извѣстныхъ членовъ коммуны: Бильоре, Ферре, Валлеса и другихъ, хотя погибшіе и увѣряли, что они вовсе не комунары. Встрѣчаются и черты человѣколюбія, на ряду съ бесполезной жестокостью. 29-ый линейный полкъ, разстрѣлявъ одного инсургента, захваченнаго съ двумя мальчиками, принялъ ихъ въ число полковыхъ дѣтей. Маркитантку коммуны поймали съ ребенкомъ—и съ бутылкою керосина. Капитанъ распросилъ, есть ли у мальчика родные и, получивъ въ отвѣтъ, что отецъ его убитъ и онъ круглый сирота—далъ обѣщаніе усыновить его, а мать разстрѣлялъ.

Уменьшенію пожаровъ содѣйствовалъ дождь, лившій 26-го и 27-го мая, но еще болшую помощь оказали пожарные, прибывшіе со своими инструментами не только изъ многихъ городовъ Франціи, но также изъ Брюсселя, Антверпена и Лондона. Вездѣ, гдѣ они являлись заливать еще горѣвшія зданія, имъ помогали сами парижане. Такъ спасены были театр Шателе, Гобелены, церковь Богородицы, главный госпиталь (Hôtel Dieu), церкви св. Евстафія, Магдалины, Жерве, Троицы, Срѣтенія, министерство иностранныхъ дѣлъ, Сенде-

нискія и Сенмартенскія ворота, Люксембургъ, июльская колонна и другія сооруженія, болѣе или менѣе пострадавшія отъ пламени. Но между гасителями являлись и ложные пожарные, вмѣсто воды поливавшіе зданія—петролеумомъ изъ своихъ трубъ. Въ двухъ или трехъ случаяхъ эти варварскія продѣлки были обнаружены и виновныхъ разсвирѣпѣвшая толпа разрывала на части, или бросала въ огонь. Между поджигателями были, однако, не одни комунарн. Въ поджогахъ принимали участіе личная месть и политическіе расчеты. Адмиралъ Сессе, котораго уже никакъ нельзя заподозрить въ клеветѣ, призванный свидѣтелемъ въ слѣдственную комисію, прямо объявилъ, что пожаръ Тюльери, ратуши, министерства финансовъ и счетной палаты—дѣло бонапартистовъ. Эти зданія, гдѣ хранилась всякаго рода масса документовъ и отчетовъ, относящихся къ имперіи, одни сгорѣли до-гла. Кому же выгодно было истребленіе всѣхъ документовъ, компрометирующихъ эту позорную эпоху, называемую второю имперіею и ея императора-авантюриста?

Мак-Магонъ приводитъ официальную цифру разстрѣленныхъ безъ суда комунаровъ, втеченіе недѣли, въ 15 тысячъ. Генералъ Апперъ считаетъ ее вдвое—но и эта цифра должна быть далека отъ истины. Гибли, какъ всегда и вездѣ, люди безвѣстныя, бѣдные, проста орудія въ рукахъ честолюбцевъ. Изъ вождей и руководителей комунн—большая часть бѣжала. Охотно встрѣтили смерть немногіе, не искавшіе спасенія, не ждавшіе помилованія. Въ числѣ ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ старшій, талантливый журналистъ и республиканецъ Делеклюзъ. Онъ родился въ 1809 году, былъ замѣчательнымъ юристомъ и съ 1830 года участвовалъ во всѣхъ политическихъ волненіяхъ и заговорахъ. Принужденный бѣжать въ Бельгію въ 1835 году, онъ сталъ издавать въ Шарлеруа газету, потомъ, вернувшись во Францію, сдѣлался редакторомъ „Impartial du Nord“. Посаженный въ тюрьму за статьи противъ правительства, онъ въ 1848 году былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей революціи. Назначенный комиссаромъ республики въ сѣверныхъ департаментахъ, онъ вышелъ въ отставку послѣ восстанія 15-го мая и продолжалъ издавать свою газету. Въ ноябрѣ 1848 года онъ основалъ въ Парижѣ двѣ газеты—„Демократическая и социальная революція“ и „Республиканская свобода“. Осужденный два раза на уплату двадцати тысячъ пенн и на тюремное заключеніе на годъ и три мѣсяца, онъ въ 1850 году бѣжалъ въ Англію и приговоренъ заочно къ ссылкѣ. Газеты его были запрещены. Вернувшись во Францію въ августѣ 1853 года, онъ былъ арестованъ въ октябрѣ, запертъ въ Мазасъ и приговоренъ къ четырехгодичному заключенію за участіе въ тайныхъ обществахъ. Побывавъ на каторгѣ въ Бельгіѣ, Корте, Аяціо, Тулонѣ и Брестѣ, онъ исполнялъ, сованный вмѣстѣ съ убійцами, всѣ каторжныя работы. Въ 1858 году, по административному министерскому распоряженію, онъ былъ сосланъ на десять лѣтъ въ Кайенну,

гдѣ нашелъ болѣе гуманное обращеніе, работалъ по счетной части и давалъ уроки. Вернувшись послѣ амнистіи въ Парижъ, онъ основалъ въ 1868 году газету „Le Reveil“, въ первый же годъ своего существованія навлекшую на него 7.050 франковъ пени и 15 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія. Послѣ убійства Пьеромъ Бонапарте журналиста Виктора Нуара, Делеклюзъ употребилъ всё усилія, чтобы помѣшать намѣренію Флурана—нести тѣло убитаго черезъ весь Парижъ на кладбище, что дало бы поводъ солдатамъ—стрѣлять въ народъ, провожавшій тѣло. Вслѣдъ затѣмъ случилось дѣло Межи, когда наполеоновскіе солдаты, привыкшіе, вопреки закона, вторгаться по ночамъ въ частныя квартиры для производства обысковъ, были встрѣчены пистолетными выстрѣлами. Парижскія газеты не осмѣлились явно высказать одобреніе поступку Межи, защищавшему неприкосновенность своего жилища. Одинъ Делеклюзъ напечаталъ въ своей газетѣ апологію мужественному работнику. Судъ приговорилъ редактора къ 18-ти-мѣсячному заключенію, но онъ бѣжалъ въ Брюссель и оттуда продолжалъ издавать газету, запрещенную министрами, въ августѣ 1870 года, за статьи противъ объявленія войны Пруссіи. Послѣ провозглашенія республики Делеклюзъ, участвовавшій въ возстаніи 31-го октября, былъ избранъ членомъ временнаго правительства въ ратушѣ, куда вторгся съ инсургентами. Но попытка низвергнуть правительство народной обороны не удалась и Делеклюзъ былъ запертъ въ Мазасъ. Когда принуждены были назначить выборы меромъ и ихъ помощниковъ, онъ былъ выбранъ меромъ 19-го округа но его, все-таки, не выпускали изъ тюрьмы до декабря. Въ январѣ 1871 года онъ подалъ въ муниципальномъ совѣтѣ адресъ о смѣнѣ генерала Трошию. Жюль Фавръ воспротивился обсужденію этого адреса и Делеклюзъ вышелъ въ отставку со своими помощниками. Послѣ новой попытки къ возстанію, генералъ Винуа арестовалъ его, что не помѣшало Парижу избрать его своимъ депутатомъ большинствомъ 155.000 голосовъ. Делеклюзъ почти не засѣдалъ въ національномъ собраніи, видя, что большинство его—монархическое. Онъ не участвовалъ и въ революціи 18-го марта и когда его выбрали въ комуну, подалъ въ отставку изъ членовъ собранія. Выбранный въ комитетъ общественнаго спасенія, онъ взялъ на себя, послѣ Росселя, управленіе военными дѣлами и велъ ихъ съ чрезвычайной энергіей, хотя сознавалъ, что борьба не кончится въ пользу коммуны. 23-го и 24-го мая онъ работалъ въ меріи 11-го округа, отдавая послѣднія приказанія; 26-го, такъ же, написалъ два письма къ друзьямъ и сестрѣ, въ которыхъ прощался съ ними, пошелъ безъ оружія, въ красномъ шарфѣ на барикаду въ Шато-д'о, осаждаемую версальцами. На бульварѣ Вольтера друзья остановили его, убѣждая не идти на вѣрную смерть.— Я сумѣю умереть, отвѣчалъ онъ, пожавъ имъ руки и медленно поднялся на вершину барикады, откуда тотчасъ же упалъ мертвымъ, пораженный пулею въ лобъ. Такой человекъ, какъ Делеклюзъ, не

мочь, конечно, послѣ всего, что было съ нимъ въ жизни, не одѣлаться членомъ комуны, но не всякій умеръ бы такимъ героемъ, какъ этотъ шестидесяти-двулѣтній республиканецъ.

Другой журналистъ, 54-хъ лѣтъ, Мильеръ, погибъ въ тотъ же день. Сынъ бочара, онъ до двадцати лѣтъ занимался ремесломъ своего отца, получивъ плохое первоначальное образованіе. Но тутъ въ немъ пробудилась жажда знанія и, послѣ годовыхъ усиленных трудовъ, подвергшихъ опасности его жизнь, онъ получилъ званіе бакалавра, а черезъ четыре года — дипломъ доктора правъ. Успѣхъ встрѣтилъ его и на поприщѣ адвоката, но онъ занялся политическими и экономическими вопросами. Участвуя въ разныхъ периодическихъ изданіяхъ, онъ основалъ въ 1869 году газету „Пролетарій“ и издавалъ томъ „Революціонныхъ этюдовъ“. Сосланный послѣ переворота 1851 года въ Алжиръ, онъ пробылъ тамъ до 1859 года. Сотрудникъ Рошфора, въ „Марсельсѣ“, онъ писалъ тамъ много статей по социальнымъ вопросамъ. Заключенный въ республиканскій заговоръ, онъ былъ арестованъ. Послѣ 4-го сентября 1870 года, былъ батальоннымъ командиромъ въ національной гвардіи. За участіе въ возстаніи 31-го октября посаженъ въ Мазасъ, откуда освобожденъ вмѣстѣ съ Флураномъ; былъ избранъ депутатомъ Парижа и отказался отъ этого званія, когда былъ назначенъ членомъ комуны. Ему была поручена защита 5-го округа и онъ велѣлъ подвести подкопы подъ Пантеонъ, но не успѣлъ взорвать его. Мильеръ дрался на барикадѣ, воздвигнутой близъ Пантеона, но когда она была взята, скрылся въ Люсембургскомъ дворцѣ. Тамъ его нашли, но взяли не скоро; онъ защищался отчаянно и выпустилъ въ солдатъ всѣ шесть зарядовъ своего револьвера. Приведенный къ генералу Сиссе, онъ твердо отвѣчалъ на предложенные ему вопросы. Его отвели къ Пантеону и поставили на ступени, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ два дня тому назадъ онъ велѣлъ разстрѣлять тридцать національныхъ гвардейцевъ, отказавшихся драться за комуну. Его принудили стать на колѣни. Онъ открылъ грудь и закричалъ: „да здравствуетъ народъ! да здравствуетъ человѣчество!“ Залпъ шаспо прервалъ его... Онъ упалъ, но былъ еще живъ. Офицеръ, нагнувшись къ нему, выстрѣлъ ему въ ухо изъ револьвера. Сержантъ другимъ выстрѣломъ раздробилъ ему черепъ, такъ что Мильеръ былъ совершенно обезображенъ и неузнаваемъ.

Въ тотъ же день погибъ членъ комуны и интернационали—Варленъ, 30-ти лѣтъ. Искусный переплетчикъ, онъ организовалъ въ 1864 году на митингѣ, въ Лондонѣ, международную ассоціацію рабочихъ, а въ 1866 году составилъ въ Женевѣ уставъ новаго общества—интернационали, „учрежденной для доставленія центрального пункта сообщенія и содѣйствія работникамъ всѣхъ странъ, стремящихся къ одной цѣли—постоянному и полному прогрессу рабочаго класса“. Однимъ изъ параграфовъ этого устава говорилъ: „нѣтъ обязанностей безъ правъ и нѣтъ правъ безъ обязанностей“. Лозанскій конгрессъ 1867

года подтвердилъ эти принципы и обнародовалъ законъ о коалиціяхъ, разрѣшавшій рабочимъ составлять стачки. Луи Наполеонъ, покровительствовавшій сначала интернаціонали, испугался ея вліянія—и полиція арестовала Варлена, какъ секретаря французскаго отдѣла интернаціонали. Его обвинили, вмѣстѣ съ другими парижскими членами рабочаго союза—въ принадлежности къ недозволенному обществу и приговорили всѣхъ къ тремѣсячному тюремному заключенію и къ пенѣ. Варленъ продолжалъ, несмотря на приговоръ и преслѣдованія, заботиться о развитіи общества, учредилъ отдѣльные комитеты въ департаментахъ и центральное бюро въ Лондонѣ. Въ 1870 году онъ долженъ былъ бѣжать въ Англію и вернулся въ Парижъ послѣ революціи 4-го октября. Организовавъ центральный комитетъ національной гвардіи, онъ подготовилъ возстаніе 18-го марта и былъ избранъ членомъ комуны, гдѣ завѣдовалъ интендантскою частью, но протестовалъ противъ учрежденія комитета общественнаго спасенія и пересталъ посѣщать засѣданія комуны. Арестованный 25-го мая, онъ былъ разстрѣленъ въ томъ самомъ саду, гдѣ погибли генералы Клеманъ Тома и Леконтъ.

Въ то время, когда главные члены комуны искали спасенія въ бѣгствѣ и немногіе изъ нихъ предпочитали смерть подъ пулями своихъ братьевъ, версальскія тюрьмы наполнялись бѣдняками, захваченными всюду, по подоврѣнію, по доносу, изъ предосторожности, часто по личной мести. Всѣ они, конечно, были взяты безъ оружія, потому что съ вооруженными солдатами не церемонились и не давали себѣ труда конвоировать ихъ въ Версаль, а разстрѣливали на мѣстѣ. Что плѣнники были большею частью лица незначительныя, доказываетъ одинъ случай. Солдаты услышали разъ, что въ массѣ захваченныхъ былъ полковникъ. Но какъ узнать его въ толпѣ оборванцевъ, покрытыхъ пылью, въ грязныхъ, потертыхъ сюртукахъ? Тюремный инспекторъ приказалъ отчистить, сколько можно, рукава сюртуковъ и на одномъ нашли пять свѣжихъ поперечныхъ полосъ, доказывавшихъ, что тутъ были недавно сорваны галуны. — Вы, стало быть, полковникъ? спросили владѣльца этого сюртука — и тотъ сознался и назвалъ себя. Это былъ Асси, хорошій механикъ, дравшійся въ Италіи въ числѣ гарибальдійскихъ волонтеровъ, потомъ работникъ на заводахъ въ Брезо и виновникъ грозной стачки рабочихъ, нѣсколько разъ усмиряемой вооруженною силою, членъ интернаціонали, президентъ центральнаго комитета національной гвардіи, но не игравшій видной роли, какъ членъ комуны. Это былъ довольно красивый блондинъ, 31-го года, чрезвычайно заботившійся о своей наружности. Такъ какъ у него не нашли ни гроша денегъ, ему предложили все-таки — улучшенную пищу и нѣкоторыя облегченія въ содержаніи, сравнительно съ товарищами заключенія. Онъ отказался въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ,—и попросилъ только — мыла и зубную щеточку. Инспекторъ тюрьмы доставилъ ему на свой счетъ эти туалет-

ныя принадлежности, и руки и зубы Асси заблестали вскорѣ замѣчательной бѣлизной, довольно странной у простаго работника. По чертамъ лица нельзя было судить о его національности. Онъ одинаково хорошо говорилъ по-французски, по-итальянски и по-нѣмецки. Это былъ настоящій типъ члена интернаціонали и въ натурѣ его, чрезвычайно мягкой,—что не мѣшало ему, впрочемъ, вотрывать казнь заложниковъ,—было что-то космополитическое, неуловимое, заставлявшее, несмотря на его въ высшей степени учтивыя манеры, относиться къ нему съ недовѣрjemъ, раздѣляемымъ всѣми, кто былъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Не даромъ коммуна приказала арестовать его и подвергала тщательному допросу. Приговоренный судомъ къ ссылке, онъ былъ отправленъ въ Новую Каледонію.

Кромѣ Асси, въ Версаль привезли еще семерыхъ членовъ коммуны. Вердюръ бывшій учитель, политико-экономистъ, основатель кооперативныхъ обществъ, батальонный адъютантъ въ національной гвардіи, завѣдовалъ въ комунѣ народнымъ образованіемъ и даже во время заключенія въ крѣпости, въ ожиданіи отправки въ ссылку, училъ другихъ плѣнниковъ. Юрбенъ, другой учитель и содержатель пансіона въ Парижѣ, былъ схваченъ въ костюмѣ кучера. Судъ нашелъ его также виновнымъ въ присвоеніи общественныхъ и частныхъ суммъ вмѣстѣ со своею любовницею, г-жею Леруа, и приговорилъ къ вѣчной каторгѣ. Теперь, послѣ амнистіи, онъ служитъ въ какой-то парижской конторѣ публикацій и выѣсовъ. Тренке, бельвийскій сапожникъ, ораторъ народныхъ клубовъ, наблюдавшій въ комунѣ за духовенствомъ, дѣлавшій обыски въ церквахъ и у священниковъ, умеръ, по возвращеніи изъ Каледоніи, въ апрѣлѣ 1882 года, всѣми забытый. Паскаль-Груссе, 26-ти-лѣтній ученый и журналистъ, сотрудникъ „Figaro“, писавшій въ этой газетѣ научную хроніку и романы, вызвавшій на дуэль Пьера Бонапарте и пославшій къ нему двухъ секундантовъ, изъ которыхъ одинъ, Викторъ Нуаръ, былъ убитъ принцемъ, ославшій въ „Марсельезѣ“ рѣзкими оскорбленіями императорское правительство и сидѣвшій за это нѣсколько разъ въ тюрьмѣ, — въ комунѣ завѣдовалъ внѣшними сношеніями, переписывался съ пруссаками, разсылалъ манифесты въ провинціи, приглашая ихъ идти на помощь къ Парижу, отправлялъ къ представителямъ иностранныхъ державъ циркуляры съ увѣдомленіемъ объ установленіи въ Парижѣ коммунальнаго управленія и приглашеніемъ „скрѣпить братскіе узы, соединяющіе парижскій народъ съ другими народами“. Обладая красивою наружностью и манерами высшаго общества, онъ задумалъ бѣжать изъ Парижа въ женскомъ костюмѣ, но былъ захваченъ полицейскимъ комиссаромъ, въ объихъ своей подруги, дѣвицы Гагаръ. Въ Версали толпа кричала: смерть ему! пока его вели въ тюрьму и, вида его безпокойство, комисаръ совѣтовалъ ему быть философомъ, говоря, что теперь его защищаетъ полиція, а если бы, нѣсколько дней назадъ, захватили комисара,

Груссе вѣрно бы не защитилъ его. Отправленный въ Новую Каледонію, онъ бѣжалъ оттуда въ 1874 году съ Рошфоромъ и пятью другими смѣлыми, въ Америку, потомъ въ Англію. Резервъ де-Монморъ, докторъ медицины и ветеринаръ, былъ изгнанникомъ во все продолженіе имперіи и, какъ членъ интернаціонали, занимался социалистской пропагандой въ Италіи. Во Францію онъ вернулся послѣ 4-го сентября и принялъ участіе въ возстаніи 31-го октября; въ комунѣ былъ приверженцемъ самыхъ крайнихъ мѣръ. Въ ссылку за нимъ послѣдовалъ его молодой сынъ. 26-го мая, въ Версаль привезли, въ телегѣ, на связкѣ соломы, раненаго плѣнника; кровь его сочилась по дорогѣ и смочила всю солому. Страданія его были ужасны. Пуля перебила ему кость ноги. Это былъ Верморель, даровитый писатель и журналистъ, редакторъ „*Courrier français*“, запрещеннаго правительствомъ, цѣлый годъ просидѣвшій въ тюрьмѣ Сент-Пелажи, авторъ замѣчательныхъ монографій: „Люди 1848 года“, „Люди 1851 года“, переведенныхъ и на русскій языкъ, „Мирабо“, „Тайны полиціи“, издатель сочиненій Дантона, Марата, Робеспьера, Вернье, Жансонне. Революція 4-го сентября застала его опять въ тюрьмѣ за рѣзкія статьи въ „Реформѣ“ и брошюру „Соціальная партія“. Только что помирившись съ Рошфоромъ, взявшимъ назадъ свое обвиненіе въ подкупѣ Вермореля правительствомъ, журналистъ поссорился съ Феликсомъ Пиа, осмыпавшимъ его оскорбленіями въ своей газетѣ „*Le Vengeur*“. Верморель, въ свою очередь, въ „Другѣ народа“, доказывалъ „лицемѣрную подлость и скрытное самоуправство“ своего противника. Въ комунѣ онъ возставалъ противъ диктатуры Рауля Риго, противъ комитета общественнаго спасенія, „учрежденія столько же бесполезнаго, какъ и опаснаго“, противъ поджоговъ, совѣтовалъ примиреніе въ своей газетѣ „*La Justice*“, запрещенной коммуною тотчасъ же послѣ появленія. Видя невозможность бороться съ крайними мѣрными коммунаровъ, онъ хотѣлъ, какъ Делеклюзъ, умереть въ неравной борьбѣ. Но и это не удалось ему. Раненый на барикадѣ у заставы Трона, онъ былъ привезенъ въ Версаль, гдѣ пролежалъ недѣли три въ госпиталѣ, страшно мучаясь, пока антоновъ огонь не прекратилъ его страданій. Передъ смертью онъ потребовалъ священника.

Такихъ лицъ, которыя, расставаясь съ этой жизнью, не рѣшались вступить въ будущую безъ напутствія религіи, было не мало въ числѣ коммунаровъ. Почти невѣроятно, что самый жестокой изъ нихъ—Теофиль Ферре передъ смертью исповѣдался и причастился. Убийца священниковъ, бывшихъ заложниками, требовалъ только, чтобы священникъ не сопровождалъ его на мѣсто казни. Это былъ молодой человекъ, 26-ти лѣтъ, отличавшійся и до избранія его членомъ коммуны рѣзкостью мѣрній. Въ 1868 году онъ требовалъ основанія республики, конвента въ Тюльери и богини Разума въ церкви Богородицы. Обвиненный въ заговорѣ на жизнь императора, онъ во время

процеса оскорбилъ судей и его удалили изъ зала суда. Онъ возбуждалъ къ убійству Леконта и Клемана Тома. Въ комунѣ онъ завѣдовалъ полиціей, распоряжался казнью заложниковъ, самъ поджегъ префектуру полиціи и отдалъ приказъ сжечь министерство финансовъ. На судѣ въ Версали онъ держалъ себя дерзко и ничего не отвѣчалъ на допросы или говорилъ оскорбительныя фразы. Приговоренный единогласно къ смерти, онъ подалъ апелляцію въ комисію помилованія, но и та не согласилась смягчить наказаніе, несмотря на ходатайство Тьера. Ферре былъ разстрѣленъ на Саторійской равнинѣ, вмѣстѣ съ Росселемъ и сержантомъ линейнаго полка Буржуа, перешедшимъ на сторону комунаровъ. Ферре не позволилъ завязать себѣ глаза и умеръ съ большою твердостью, оставивъ письмо сестрѣ, въ которомъ увѣрялъ, что умираетъ „матерьялистомъ, какимъ былъ всегда“. Что же значить въ такомъ случаѣ его исповѣдь версальскому духовнику, абату Фолле? Кому же гдаль умирающій комунаръ: сестрѣ или священнику?

Вмѣстѣ со своими врагами версальское правительство захватывало и такицъ лицъ, которые были виноваты только тѣмъ, что находились въ родствѣ или даже въ простомъ знакомствѣ съ членами коммуны. Такъ были захвачены: извѣстный писатель и редакторъ газеты „Le Rappel“ Поль Мѣрисъ, ученый Фредерикъ Моренъ, старикъ Гле-Бизуанъ—за то, что смотрѣлъ съ балкона на разрушеніе вандомской колонны, сестра Делеклюза, жена Мильера и др. Многихъ, конечно, скоро и выпускали, но другимъ пришлось ждать приговоровъ военныхъ судовъ, работавшихъ почти непрерывно, втеченіе трехъ мѣсяцовъ. Всего въ департаментѣ Сены было учреждено 26 таквихъ судовъ и два—апелляціонныхъ; въ другихъ департаментахъ военные суды дѣйствовали въ 20-ти городахъ. Кромѣ того, обыкновенные суды рассматривали дѣла 236-ти лицъ, обвиненныхъ въ участіи ихъ въ возстаніи 1871 года. 116 изъ нихъ были приговорены къ болѣе или менѣе тяжкому тюремному заключенію и только двое къ вѣчной каторжной работѣ. Въ Версалѣ судъ начался надъ 17-ю членами коммуны, которыхъ успѣли захватить и не успѣли разстрѣлять. Только двое изъ нихъ были приговорены къ смертной казни: Ферре и Люлье, но и второму она была замѣнена вѣчной каторгой, въ которую онъ, однако, не былъ отправленъ, потому что сошелъ съ-ума. Остальныхъ присудили къ болѣе или менѣе продолжительной ссылке. Это были, кромѣ названныхъ уже выше лицъ: Бильоре, Шампи, Ферра, Журдъ, Рагуль и Викторъ Клеманъ. Живописецъ Курбе былъ приговоренъ къ шестимѣсячному заключенію и 1.500 франковъ пени. Улиссъ Паранъ и Дежанъ были оправданы. Потомъ, по мѣрѣ отысканія виновныхъ въ убійствахъ, ихъ судили до начала 1873 года и втеченіе этого времени разстрѣляли еще 21-го человѣка. Изъ бѣжавшихъ и судимыхъ заочно 12 приговорены къ смерти и 10 къ каторгѣ. Всѣхъ арестованныхъ по официальнымъ документамъ было 38.000; въ томъ

числѣ 5.000 военныхъ, 850 женщинъ, 650 дѣтей моложе 16-ти лѣтъ и 7.400 рецидивистовъ, уже присужденныхъ въ прежнее время къ разнымъ наказаніямъ. Въ ссылку было отправлено до 28.000. Комисія помилованія, учрежденная въ концѣ іюня 1871 года и работавшая до 8-го марта 1876 года, пересмотрѣла 6.536 прошеній о смягченіи участи и 2.649-ти лицамъ уменьшила мѣру наказанія. Между просившими было 1.514 рецидивистовъ. Ихъ нашлось бы и больше, если бы судебныя архивы не погибли въ пожарѣ ратуши и министерства юстиціи.

Таковы итоги, далеко не полные, одной изъ самыхъ страшныхъ и кровавыхъ революцій, хотя и продолжавшейся всего 72 дня. Если мы даже увеличимъ вдвое цифру убитыхъ на пятистахъ баррикадахъ, разстрѣленныхъ арміей, казненныхъ и отправленныхъ въ ссылку, число этихъ комунаровъ составитъ сто тысячъ, а всѣхъ ихъ въ одной національной гвардіи было болѣе двухсотъ тысячъ. Куда же дѣвались остальные? Этотъ вопросъ весьма важенъ въ виду грядущихъ возстаній и будущности коммуны. Если въ двухмиллионномъ населеніи города одинъ человѣкъ изъ десяти жителей принадлежитъ къ врагамъ этого города и цивилизаціи вообще—можетъ ли общество ручаться за существованіе и города, и цивилизаціи? Отвѣтъ на это былъ бы очень печаленъ, если бы мы руководились только приведенными нами цифрами и официальной исторіей коммуны. Но закулисная сторона ея рисуетъ положеніе дѣла далеко не въ такомъ мрачномъ видѣ и убѣждаетъ насъ, что приверженцевъ коммуны вовсе не такъ много во Франціи, чтобы они могли угрожать новой войною обществу и всѣмъ правительствомъ. Списки главныхъ руководителей коммуны, выдающихся изъ массы посредственности, не превышають двухсотъ лицъ и между ними не болѣе двадцати человѣкъ играли первенствующую роль. Мы видѣли, что это были за люди. Многие ли изъ нихъ оказались на высотѣ того положенія, на которое ихъ поставили благоприятныя обстоятельства? Что создали, или по крайней мѣрѣ, что предприняли они осуществить, для пользы человѣчества во время своего владычества въ Парижѣ? Ничего прочнаго, разумнаго, справедливаго, дѣйствительно облегчающаго труды рабочаго и нуждающагося класса. Скажутъ: въ два мѣсяца и нельзя было ничего устроить. Нѣтъ, по тому, какъ они начали, можно было судить, чѣмъ они кончатъ. Мы не говоримъ о сожженіи Парижа; этого безумнаго поступка не оправдывало большинство самихъ комунаровъ,—но всѣ дѣйствія коммуны были нелогичны, необдуманны, часто нелѣпы. Члены ея только ссорились между собою, интриговали, доносили другъ на друга, смѣняли только что ими же выбранныхъ начальниковъ разныхъ частей. Ни въ гражданскомъ, ни въ военномъ дѣлѣ изъ нихъ не выдвинулся впередъ ни одинъ сколько нибудь замѣчательный администраторъ. Лучшіе изъ нихъ умѣли только умирать; никто не умѣлъ жить. Интимная жизнь ихъ представляла сцены,

если не отталкиваюція, то не внушаюція ни малѣйшаго сочувствія; она была не лучше жизни чиновниковъ второй имперіи или отѣв-шейся буржуазіи, эксплуататоровъ народнаго труда, противъ кото-рыхъ гремѣли эти ораторы комунъ, покуда сами не достигли высоты и не стали подражать, въ своей частной жизни, тѣмъ, чьи мѣста они заняли. Жажда наслажденій, наживы, веселой жизни, была у комунаровъ также сильна, какъ у имперіалистовъ; даже страсть къ отличіямъ, галунамъ, блестящимъ костюмамъ, параднымъ процесіямъ, эффектнымъ зрѣлищамъ была та же, какъ и при Наполеонѣ III.

Очутившись въ главѣ правленія послѣ неожиданнаго бѣгства въ Версаль всего правительства въ полномъ его составѣ, комунары потеряли голову и начали дѣйствовать такъ же произвольно и насильственно, какъ палата, составленная изъ реакціонеровъ и монархистовъ. Главною причиною возстанія 18-го марта была боязнь, что палата уничтожить республику и продать Францію послѣднему изъ Бурбоновъ или орлеанскому принцу. И боязнь эта была совершенно основательна. Теперь уже доказано, что въ Бордо Тьеръ, избранный главою исполнительной власти, заключилъ съ большинствомъ членовъ палаты договоръ, въ силу котораго обѣщалъ содѣйствовать возстановленію монархіи во Франціи. Но старый орлеанистъ, сдѣлавшійся республиканцемъ, получивъ званіе президента республики, не хотѣлъ разыгрывать роль Монка при новомъ Карлѣ II и уступить власть, обаяніе которой сильно и на восьмомъ десятѣ жизни. За неисполненіе обѣщанія палата вскорѣ же низвергла Тьера и если не объявила королемъ герцога Бордоскаго, то потому только, что этотъ потомокъ святаго Людовика оказался уже чрезчуръ непокладистымъ даже для своихъ приверженцевъ и положительно невозможнымъ,—по своимъ средневѣковымъ идеямъ и претензіямъ—для всего народа. И между орлеанскими принцами не нашлось, несмотря на благоприятныя условія, ни одного рѣшительнаго человѣка, который смѣло захватилъ бы власть въ свои руки. И здѣсь, какъ въ комунѣ, была все та же печальная причина неустройствъ и неурядиць—недостатокъ людей передовыхъ и энергичныхъ. Такихъ людей не было ни во время второй имперіи, ни въ войнѣ съ пруссаками. Неудачи этой войны болѣе всего возстановили народъ противъ правительства, сначала императорскаго, потомъ—„народной обороны“. Бездарность генераловъ, измѣна Базена, бездѣйствіе Трошию, не допускавшаго парижанъ дѣлать вылазки, сдача непріятелю всѣхъ крѣпостей и цѣлыхъ армій,—все это до того озлобило народъ, что возстаніе было неизбежно. Но и у него не было даровитыхъ вождей. Главный контингентъ комунъ составляли мало-интеллигентные классы, пролетаріи, честолюбцы безъ знаній, авторитеты безъ характера, рабочіе безъ мѣста, наконецъ, такъ называемые подонки общества, которымъ при всѣхъ переворотахъ нечего было терять, кромѣ жизни, а ея и дорожить не стоило—до того она была неприглядна и не обезпе-

чена. Вотъ что говорилъ о коммунарахъ Мадзини, котораго ужь конечно нельзя заподозрить въ нерасположеніи къ республиканцамъ и социалистамъ: „Это возстаніе, вспыхнувшее внезапно, безъ подготовленнаго плана, въ которомъ не участвовалъ ни одинъ сколько нибудь извѣстный французскій республиканецъ, и которое защищали, безъ всякаго чувства братской уступчивости, люди, не исполнившіе своей обязанности — сражаться противъ чужеземца—такое возстаніе должно было неминуемо обратиться во взрывъ матерьяльных инстинктовъ и принять такой принципъ, который, если бы сдѣлался закономъ, отбросилъ бы Францію во мракъ среднихъ вѣковъ и отнялъ бы у нея на цѣлыя вѣка всякую надежду на возрожденіе. Принципъ этотъ—главенство всякаго отдѣльнаго лица, влекущее за собою безграничное снисхожденіе къ его поступкамъ, разрушеніе всякаго авторитета и абсолютное отрицаніе существованія націи“.

Мадзини говоритъ о комунѣ какъ философъ, но вотъ какое сужденіе высказалъ о ней одинъ изъ даровитѣйшихъ членовъ ея, Россель: „Ни одинъ изъ членовъ комуны не приготовилъ своей роли для великой драмы; у нихъ не было ни изученія, ни знанія, ни характера, ни даже продолжительной смѣлости. Этотъ рабочій плебсъ хотѣлъ овладѣть всѣмъ свѣтомъ, не зная, что такое свѣтъ. Когда злоумышленникъ хочетъ проникнуть въ домъ, онъ сначала старается узнать все, что около этого дома и что въ немъ. Комуна была новичкомъ-злоумышленникомъ, принужденнымъ убивать, чтобы красть, запутавшимся въ бесполезныхъ преступленіяхъ, не знающимъ, что и гдѣ спрятано въ домѣ. Парижъ попался въ руки этихъ дикарей, какъ ящикъ съ секретнымъ замкомъ. Они не знали, какъ добыть изъ него социальное богатство и довольствовались старою мѣдною монетою. Но, для очистки совѣсти, бросая этотъ ящикъ, они загляли его“.

Этотъ-то пожаръ и составляетъ величайшее преступленіе комуны, объясняемое только самыми низменными, звѣрскими инстинктами человѣчества: не досталось мнѣ, такъ не доставайся же никому. Если понятень Сарданапалъ, сожигающій себя на кострѣ со своими богатствами, Геростратъ, уничтожающій грандіозный храмъ, Гензерихъ, истребляющій въ Римѣ великія созданія искусства, то невозможно логически объяснить озлобленіе интеллигентнаго человѣка, приказывающаго сжечь луврскую бібліотеку, вѣковое зданіе Тюльери, или ратуши—хранительницы городскихъ и народныхъ правъ. Поджигателями парижскихъ зданій явились лица изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества; между ними немало женщинъ и дѣтей, невмѣняемость которыхъ очевидна. Въ убійствѣ заложниковъ участвовали также большею частью выпущенные на свободу воры и убійцы; да и сами руководители этихъ преступленій принадлежали къ отребьямъ общества. Не оставъ правительство въ рукахъ народа такое громадное количество пушекъ, пороху, артилерійскихъ снарядовъ, не доводи оно

своими необдуманными и реакціонными мѣрами до отчаянія массы пролетаріевъ, ставшихъ подъ знамена коммуны, только потому, что имъ нечего было терять,—революція никогда не приняла бы такихъ ужасающихъ размѣровъ—и не кончилась бы такъ скоро, если бы въ главѣ ея были люди болѣе даровитые и энергичные. Это сознавая всѣ историкѣ коммуны, не исключая ея приверженцевъ. Такъ, въ недавно вышедшей въ Цюрихѣ „Histoire de la commune de Paris“ Жюстесъ называетъ комунаровъ „безумцами, сорвавшимися съ цѣпи“, и приводитъ выписку изъ Прудона, рисующаго страшную картину общества, если оно допустить водвориться въ средѣ своей демократически-соціальной революціи.

Въ настоящее время, когда во Францію вернулись всѣ комунары, эмигрировавшіе или сосланные въ Новую Каледонію, они почти не замѣтны въ массѣ населенія, преданнаго своимъ личнымъ заботамъ и интересамъ. Заставляютъ изрѣдка говорить о себѣ только писатели да журналисты, какъ Рошфоръ, талантливый публицистъ, нанесшій самые чувствительные и серьезные удары бонапартизму, но продолжавшій съ тѣхъ поръ возставать противъ всякаго правительства, изъ кого бы оно ни состояло. Феліксъ Пиа—также даровитый писатель, ловко подмѣчающій ошибки каждой власти и осыпающій ее за это громомъ проклятій, но еще съ большею ловкостью умѣющій скрываться при наступленіи малѣйшей опасности. Вальянъ, замѣчательный докторъ, въ настоящее время издаетъ газету „Ni Dieu, ni Maître“, но считаетъ своимъ богомъ и повелителемъ Бланки. Лисбонъ, бывший морской офицеръ во время крымской кампаніи, раненый послѣ на баррикадахъ, приговоренный къ смерти, но помилованный, теперь—директоръ театра „Bouffe du Nord“, на которомъ поставилъ недавно пьесу Луизы Мишель, полупомѣшанной комунарки, любовницы разстрѣляннаго Ферре. Драма эта „Nadine“, гдѣ на сцену выведены Герценъ и Бакунинъ—вождями польской революціи, прославляется, конечно, идею коммуны, но очень плохо, какъ литературное произведеніе. Не менѣе рьяный комунаръ Вильомъ, редакторъ газеты „Père Duchesne“, инженеръ, отказался отъ журналистики и завѣдуетъ динамитной фабрикою въ Генуѣ. Другой редакторъ социалистскаго журнала,—Le Reveil“, Жако—теперь секретарь „Journal des Débats“, нисколько не симпатизирующаго комунѣ. Очень счастливо избѣгнувъ всѣхъ опасностей авторъ „Теоріи коммунизма“ Жакларъ. Женатый на нигилисткѣ, дочери русскаго генерала, эмигрировавшей въ Парижъ и основавшей въ 1871 году съ г-жею Андре Лео газету „La Sociale“, онъ былъ полковникомъ въ войскахъ коммуны, дрался на баррикадѣ улицы Вольтеръ, гдѣ подлѣ него были ранены Верморель и Лисбонъ, былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ въ Версаль, откуда ему удалось бѣжать, съ помощью жены, подкупившей сторожей. Скрывшись въ Россію, онъ пробылъ въ ней пять лѣтъ, занимаясь журналистикой, потомъ получилъ наслѣдство и теперь

обладает независимымъ состояніемъ. Талантливый профессоръ иностранной литературы въ Сорбонѣ, авторъ „Юмористическихъ сказокъ“, редакторъ „Марсельезы“, „Народной газеты“, „Авангарда“— Артуръ Арну, бѣжавшій послѣ паденія коммуны, долго бѣдствовалъ, скитаясь по Европѣ и Бразиліи, и только послѣ амнистіи улучшилъ свое потерянное положеніе литературными трудами. Старый журналистъ и романистъ Везинь, послѣ бѣгства изъ Парижа, издавалъ въ Лондонѣ социалистическую газету „La fédération“. Другой журналистъ— Вермешъ, основатель „Отца Дюшена“, авторъ замѣчательныхъ біографій современниковъ „Les hommes du jour“, также продолжалъ въ Лондонѣ свою газетную дѣятельность. Просперъ Дувэ, отстававшій какъ офицеръ Монмартръ, въ Лондонѣ основалъ „Courrier de l'Europe“, потомъ продалъ газету и завелъ бумажную фабрику. Генералъ коммуны Брюнель такъ и остался въ Лондонѣ преподавателемъ военныхъ наукъ, получивъ это мѣсто по конкурсу. Госсеронъ также служитъ наставникомъ въ одномъ изъ большихъ пансіоновъ въ Англіи, а Лео Мелье содержитъ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ въ Глазгоу, воспитывая дѣтей богатѣйшихъ гражданъ Шотландіи. Въ Парижѣ Вино, изъ полковника коммуны, сдѣлался по возвращеніи изъ каторги владельцемъ пильнаго завода; Трейларъ изъ инженера и артиллериста сдѣлался архитекторомъ, Филиппъ продаетъ прохладительные напитки, Масонъ занимается финансовыми сдѣлками, Лефевръ Рожье открылъ первоклассный юридическій кабинетъ, а докторъ Гупиль основалъ медицинскій кабинетъ, приносящій ему 60.000 франковъ ежегоднаго дохода и въ послѣднее время—подъ покровительствомъ Гюго и Луи Блана—„лигу общественныхъ интересовъ“, родъ масонскаго общества, для предохраненія гражданъ отъ злоупотребленій всякаго рода.

Не доказываетъ ли судьба этихъ коммунаровъ, что въ нихъ не было ни особенной испорченности, ни непримиримой вражды къ обществу, ни непреклонной воли? Почти всѣ они, при измѣнившихся обстоятельствахъ, получивъ средства къ жизни, сдѣлались мирными гражданами, полезными дѣятелями. А почти всѣ они были приговорены къ смерти. Лишить жизни человѣка не долго, и приговаривая его къ казни, судьи берутъ на себя тяжелую отвѣтственность передъ своею совѣстью, при мысли, что они лишаютъ общество члена, который могъ бы въ будущемъ принести ему пользу. Нераскаянный преступникъ—нравственный уродъ и такое же рѣдкое, исключительное явленіе, какъ уродъ физическій. Да и нравственныхъ уродовъ, если уже нельзя исправить ихъ, общество имѣетъ средства выдѣлить изъ своей среды, сдѣлать безвредными. Убіиство людей въ массѣ ли, по одиночѣ ли, доказываетъ только господство силы и всегда возбуждаетъ антипатію въ гуманистѣ и мыслителѣ. Особенно во время народныхъ междоусобій, борьбы партій—надо быть снисходительнымъ, милосерднымъ. Фанатизмъ, увлеченіе идеєю, дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ ослѣпленіе. Преступникъ—лицо почти всегда находящееся подъ вліяніемъ

психическаго афекта. Болѣзнь воли—неизлечимѣе болѣзнь разсудка. Кто можетъ объяснить, отчего именно человѣкъ нарушаетъ законы общества, и кто поручится за себя, что, поставленный въ тѣ же условія, какъ и нарушитель законовъ, онъ не поступитъ точно такъ же, при тѣхъ же обстоятельствахъ? Комуна была явленіемъ невозможнымъ при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, но она все-таки была протестомъ противъ злоупотребленій буржуазіи, эксплуатаціи рабочихъ, привилегіи капитала, протестомъ незаконнымъ, но понятнымъ, и потому до нѣкоторой степени извинительнымъ. Если бы версальское правительство сдѣлало извѣстныя уступки, дѣйствовало въ примирительномъ духѣ, возстаніе не разрослось бы до такихъ громадныхъ размѣровъ. Не строгость и непреклонность, а милость и правосудіе усмиряютъ волненія. Уступки, даже заблуждающимся, могутъ прекратить возстаніе, не уменьшая нисколько достоинства власти, сила которой заключается не въ карѣ, а въ снисхожденіи. Исторія коммуны можетъ служить полезнымъ урокомъ для правителей и для народовъ.

Вл. Зотовъ.

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ.

Ретвищъ. Министръ фонъ-Цедлицъ и положеніе высшихъ учебныхъ заведеній во времена Фридриха Великаго.

ОБОРЯ о трудѣ, поставившемъ своей задачей изобразить всѣ вѣтви государственнаго управленія Пруссіи¹⁾, мы указали на затрудненія, которыя должна встрѣтить подобная попытка при недостаткѣ подготовительныхъ работъ. Современное положеніе изслѣдованій въ области внутренней исторіи Пруссіи указываетъ на монографическіе труды, едва ли не какъ на единственно возможный путь. Книга Ретвиша представляетъ собой утѣшительное доказательство возможности при раздѣленіи труда создать что нибудь законченное въ частной области. Это сочиненіе отнюдь не представляетъ собой ряда еле-еле сшитыхъ извлеченій изъ архивовъ, которыхъ масса одинаково подавляла бы автора и читателя. Авторъ позаботился о томъ, чтобы переработать сырой матеріалъ въ наглядное и хорошо распределенное изложеніе. Чтеніе книги заинтересуетъ каждаго читателя, а изслѣдователю въ области прусской исторіи доставитъ желанное расширеніе знаній. Вѣроятно, въ интересахъ легкости изложенія, авторъ не захотѣлъ приводить доказательствъ для частныхъ фактовъ. Зато въ прибавленіи онъ далъ за-разъ свѣдѣнія относительно кипъ актовъ тайнаго королевскаго государственнаго архива и архива іоахимсталъской гимназіи, которыми онъ воспользовался, равно какъ и относительно литературныхъ произведеній, послужившихъ ему дополненіемъ. Читатель, привыкшій въ примѣчаніяхъ къ интересному изложенію

¹⁾ Philippson. „Geschichte des preussischen staatswesens“. См. „Истор. Вѣстн.“, годъ III-й, томъ VII-й.

находить исходные пункты для дальнейших самостоятельных занятий, при таком образѣ дѣйствія находить, разумѣется, свои расчеты не исполнѣ осуществленными.

Во вступительной главѣ Ретвишъ изображаетъ положеніе средних и высшихъ учебныхъ заведеній при первыхъ двухъ короляхъ и въ первую половину правленія Фридриха II-го. Онъ излагаетъ организацію латинскихъ или учебныхъ школъ во всѣхъ ихъ ступеняхъ отъ академической гимназій, и до маленькой городской школы, затѣмъ организацію слѣдовавшихъ реальному направленію дворянскихъ академій, педагогій, кадетскихъ корпусовъ и реальныхъ школъ, характеризуетъ бывшій въ ходу методъ преподаванія вообще и преподаваніе отдѣльныхъ предметовъ въ частности. „Одностороннее развитіе ума, направленное на непосредственную пользу, втеченіе большей части XVIII-го вѣка было главной чертой направленія умовъ въ обществѣ и школахъ. Несмотря на это, уже начиная съ четвертаго десятилѣтія въ обоихъ областяхъ даетъ себя чувствовать противоположное идеальное направленіе. Началомъ ему послужило возрожденіе гуманизма и порывъ поэтического генія германской націи“. Главнымъ образомъ подъ влияніемъ философіи Вольфа требованіе школьной реформы все шире и шире распространяется съ половины столѣтія.

Фридриху II-му принадлежитъ заслуга, что онъ впервые созналъ необходимость этой реформы. Заслуга твердой ногой ступить на удобный путь къ ея выполненію выпала на долю Фрейгера Карла Абраама фонъ Цедлица-Лейпе, котораго, 18-го января 1771 года, король поставилъ во главѣ прусскаго школьнаго управленія. Послѣ прекрасной характеристики хода развитія и педагогической точки зрѣнія этого государственнаго человѣка, авторъ изображаетъ въ главныхъ чертахъ введенную Цедлицемъ организацію и реформы выдающихся учебныхъ заведеній. Замѣчательны спокойный ходъ реформъ и то осторожное благоразуміе, съ которымъ министръ относился къ даннымъ обстоятельствамъ и существующимъ особенностямъ. Въ различныхъ заведеніяхъ, избранныхъ прежде другихъ для проведенія реформъ, явились значительныя затрудненія. Поэтому по отношенію къ другимъ школамъ до поры до времени, казалось, была еще по-прежнему необходима умѣренность. Латинская школа въ Ней-Руппинѣ была единственной ученой школой Пруссіи, принявшей методъ Базедова. Непрерывны были старанія министра усовершенствовать образованіе учителей. Въ этомъ слѣдовало видѣть первое условіе для постепеннаго расширенія реформы на всю массу школъ. Наибольшій успѣхъ изъ всѣхъ мѣръ, предложенныхъ съ этой цѣлью, имѣло основаніе филологической семинаріи при университетѣ въ Галле. По порученію „главной школьной коллегіи“, высшаго присутственнаго мѣста по учебнымъ дѣламъ, учрежденнаго при вступленіи на престолъ Фридриха Вильгельма II-го, Ф. А. Вольфъ выработалъ въ 1787 году планъ

занятій для этой семинаріи; между тѣмъ 18-го марта 1788 года была одобрена предназначенная для нея инструкція. На ряду съ этимъ заведеніемъ для упражненія въ наукахъ сословія высшихъ учителей, стала берлинская семинарія для ученыхъ школъ, причемъ молодые учителя переходили къ практическому преподаванію.

3-го іюля 1788 года, Цедлицъ долженъ былъ уступить свой департаментъ Велльнеру. Но реформы Цедлица пережили время этого министра: „Реформы эпохи Фридриха II-го легли въ основаніе всего, что въ послѣдующее время было сдѣлано для усовершенствованія высшихъ школъ Пруссіи“.

Шмидтъ. „JUS PRIMAE NOCTIS“.

Авторъ названной книги стоитъ на той точкѣ зрѣнія, на которой стоятъ всѣ защитники мнѣнія, оспаривающаго существованіе въ прежнее время разбираемаго права, или, другими словами, на точкѣ зрѣнія правовѣрной католической церкви. „Развѣ мыслимо“, говоритъ онъ: „чтобы господствовало подобное злоупотребленіе, и церковь не возвысила противъ него своего голоса!“ Итакъ, читатель знаетъ съ самаго начала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и какими глазами смотрѣть ему на этотъ трудъ. Но это отнюдь не значитъ, чтобы авторъ не постарался по силамъ сохранить независимость и безпристрастіе. Напротивъ, насколько это ему было возможно, онъ стремился какъ можно ближе подойти къ истинѣ. Но его точка зрѣнія бессознательно сообщала его доказательствамъ именно то направленіе, котораго они въ себѣ не заключали. Книга Шмидта распадается на три отдѣла: во-первыхъ, изложеніе и оцѣнка современныхъ теорій о *jus primae noctis*; во-вторыхъ, изложеніе и оцѣнка отдѣльныхъ извѣстій объ этомъ правѣ; наконецъ, общій обзоръ и окончательные выводы. Авторъ приходитъ къ заключенію, что отчасти мнѣніе, признающее существованіе *jus primae noctis*, основано на недоразумѣніи, отчасти самые факты, на которые оно ссылается, не вполне доказаны и что, наконецъ, тѣхъ фактовъ, которые несомнѣнно доказаны, недостаточно, чтобы признать существованіе разбираемаго права. „Но этимъ“, продолжаетъ авторъ: „еще не вполне разрѣшенъ вопросъ о существованіи *jus primae noctis*. Спрашивается, не могутъ ли, несмотря на несомнѣнность отдѣльныхъ заблужденій, различные доводы въ цѣломъ и въ связи другъ съ другомъ, всетаки, представить доказательство тому, что это право дѣйствовало нѣкогда хоть гдѣ нибудь. Но и на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно“. Затѣмъ авторъ приводитъ общій обзоръ всѣхъ доводовъ, рассмотрѣнныхъ имъ уже раньше. Изъ всего этого выходитъ, что есть преданіе, распространенное по всему старому свѣту, о существованіи нѣкогда *jus primae noctis* и что это право дѣйствовало даже до начала новаго времени.

Въ послѣднее время оно превратилось, правда, уже по большей части въ выкупъ, который долженъ представить новобрачный по своему выбору и желанію, но отсюда ясно видно, что нѣкогда это отжившее право было въ ходу. Авторъ слишкомъ выходитъ изъ идей современнаго юриста и въ особенности ультрамонтана—защитника католической церкви. Къ тому же онъ слишкомъ низко или скорѣе совершенно невѣрно цѣнить духъ среднихъ вѣковъ и его вліяніе на первыя столѣтія новаго времени. Такъ, говоря о суровыхъ ленныхъ повинностяхъ, онъ примѣняетъ къ нимъ такіа выраженія, какъ „шутка“, „шутливо“ и т. д. Онъ считаетъ невозможнымъ признать, что „денежная подать, которую собиралъ графъ Матвалла, произошла, какъ его замѣна, изъ безнравственнаго права, потому что въ такомъ случаѣ судъ не могъ бы признать подать законной“. Да, въ новое время, разумѣется не могъ бы, но въ 1665 году чего только не дѣлалось и не существовало тогда еще во Франціи или гдѣ либо еще. Итакъ, во многихъ мѣстахъ авторъ старается устранить дѣйствительность, толкуя ее за шутку, но забываетъ при этомъ, что въ основѣ шутки и юмора въ прежнее время по большей части или даже всегда лежала горькая истина. Перейдемъ теперь къ той части разбираемаго труда, которая во всякомъ случаѣ заслуживаетъ большой похвалы. Нужно признать, что на каждомъ шагу проглядываетъ намѣреніе автора основательно изслѣдовать всѣ извѣстія, касающіяся до *ius primae noctis*, не пропустить ни одного и сохранить возможное безпристрастіе, насколько это ему позволяетъ его положеніе какъ католика-ультрамонтана. Это похвальное стремленіе сдѣлало его работу въ высшей степени драгоцѣнной. Съ этихъ поръ ея принужденъ будетъ пользоваться каждый, кто занимается изученіемъ разбираемаго *ius*, и она дастъ поводъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Въ ней мы находимъ собраннымъ все, чего только можно пожелать. Здѣсь напечатаны, между прочимъ, почти всѣ относящіяся сюда мѣста изъ авторовъ, грамотъ и законовъ. Прекрасный, въ высшей степени полезный списокъ заглавій книгъ, которыми пользовался авторъ, и такой же образцовый указатель именъ и фактовъ.

Штернь. „Исторія англійской революціи“ („Всемирная исторія“, изданіе Онкена, выпускъ 28-й и 31-й).

Задача, которую поставило себѣ изданіе Онкена — „Всеобщая исторія въ отдѣльныхъ очеркахъ“ — въ сжатой и привлекательной формѣ изложить общіе результаты новѣйшаго изслѣдованія, крайне удачно выполнена въ трудѣ Штерна. Благодаря своимъ занятіямъ по исторіи Мильтона, авторъ отлично знакомъ съ богатымъ запасомъ опубликованныхъ источниковъ и обширной старой и новой исторической революціонной эпохой. Онъ воспользовался также многими со-

кровищами британскаго музея, въ особенности собраніемъ брошюръ и многими еще не напечатанными документальными источниками, хранящимися въ англійскомъ государственномъ архивѣ. Онъ вполне овладѣлъ своимъ матеріаломъ и прекрасно сумѣлъ изложить его въ художественной формѣ. Хотя книга имѣетъ скромные размѣры, она заключаетъ въ себѣ богатую картину событій, тщательно выполненную даже въ подробностяхъ. Движенія мысли, различныя партіи, ихъ происхожденіе, стремленія и измѣненія, которымъ они подвергаются, изображаются ясно, а выдающіяся личности характеризуются хотя кратко, но наглядно. Только относительно Кромвеля былъ бы желателенъ болѣе подробный очеркъ его внутренней жизни. Изложеніе легко и живо. Такимъ образомъ, книга будетъ привѣтствована не только болѣе широкимъ кругомъ любителей исторіи, но и болѣе незначительнымъ числомъ специалистовъ. Послѣдніе поблагодарятъ автора и за ссылки на литературу предмета, которыя поощряютъ къ болѣе специальному изученію и облегчаютъ его. Можно сожалѣть только, что авторъ окончилъ свой трудъ на возстановленіи Стюартовъ въ 1660 году, а не довелъ его до 1688 года, когда собственно заканчивается революціонная эпоха англійской исторіи.

Денманнъ Россъ. Опыты по древнѣйшей исторіи учреждений. 1—3. Теорія о сельскихъ общинахъ ¹⁾).

Мнѣніе, что въ древнѣйшій періодъ исторіи человѣческихъ обществъ существовала коллективная собственность, вовсе не такъ ново, какъ можно это подумать при чтеніи труда Денманна Росса. Но со времени работъ Маурера, сэра Генри Мена и де-Лавелэ, оно получило болѣе важное значеніе. Поэтому нельзя не привѣтствовать съ удовольствіемъ попытки выдающихся умовъ опровергнуть эту историческую теорію. Ихъ протесты могутъ вызвать новыя, болѣе опредѣленныя доказательства и во всякомъ случаѣ помогутъ, въ концѣ концовъ, установиться одному общему взгляду. Противники коллективной собственности имѣютъ одну общую черту. Они избѣгаютъ широкихъ и смѣлыхъ сравненій. Они не любятъ искать у молодыхъ народовъ исходныхъ точекъ сравненія для изученія темной юности старыхъ. По принципу или по необходимости, они сосредоточиваются одинъ на спартанцахъ въ Греціи, другой, болѣе смѣлый, на германцахъ, какъ, напримѣръ, Денманнъ Россъ.

Авторъ старается доказать, что между свободными членами сельской общины ни въ древне-германскомъ государствѣ, ни въ средніе вѣка, не существовало общиннаго владѣнія полемъ, что, напротивъ, съ самаго начала существовала частная собственность и что понятіе

¹⁾ Denmann Ross. Studies in the early history of institutions. 1—3.

общиннаго владѣнія полемъ въ средніе вѣка вышло только изъ круга общины рабской. Земля свободныхъ людей, по мнѣнію Росса, искони переходила у германцевъ по наслѣдству къ сыновьямъ и дѣлилась между ними поровну.

Слѣдуя принципу, что исторію слѣдуетъ излагать ея собственными словами, авторъ приводитъ въ двухъ первыхъ этюдахъ прежде всего богатый выборъ цитатъ изъ источниковъ для доказательства выставленныхъ положеній. Этотъ принципъ, разумѣется, во всякомъ случаѣ слѣдуетъ одобрить въ такой области, какъ исторія древне-германскихъ учрежденій, которая и такъ уже слишкомъ богата гипотезами. Но при этомъ у Росса на первый планъ выступаютъ исключительно источники, относящіеся ко времени послѣ переселенія народовъ. Изъ римскихъ свидѣтельствъ авторъ кратко обсуждаетъ только извѣстныя мѣста изъ „Германіи“ Тацита и записокъ Цезаря о гальской войнѣ. Но и этимъ мѣстамъ Россъ придаетъ сравнительно немного значенія. Онъ пишетъ: „Если бы даже Цезарь и Тацитъ засвидѣтельствовали существованіе общиннаго владѣнія полемъ, то и тогда мы должны бы были взвѣсить ихъ извѣстія сравнительно со свидѣтельствами всѣхъ приведенныхъ законовъ, формулъ и документовъ, и я опасаясь, что извѣстія Цезаря и Тацита вѣсили бы въ такомъ случаѣ не много“. При этомъ онъ забываетъ, что въ промежутокъ между тѣмъ временемъ, изъ котораго онъ выводитъ свои обратныя заключенія, и эпохой собственно древне-германской, которую слѣдуетъ ему изучать, произошло столкновеніе съ римлянами и переселеніе народовъ. Большинство историковъ именно къ этому времени относятъ полную пережѣну въ первобытныхъ отношеніяхъ. Тѣмъ болѣе автору слѣдовало вполне собрать всѣ древнѣйшія свидѣтельства и подвергнуть ихъ подробному разбору, чтобы установить, во-первыхъ, общую степень культуры, а затѣмъ, въ частности, характеръ повемельныхъ отношеній германцевъ въ древнѣйшую эпоху. Описанія древнихъ въ этомъ случаѣ вовсе уже не такъ скудны, если только вѣрно сопоставить всѣ отдѣльныя извѣстія отъ Цезаря и до Амміана Марцеллина. Извѣстія противорѣчація другъ другу, слѣдуетъ затѣмъ сравнить и взвѣсить, внимательно, и только въ видѣ дополненія можно привлечь къ изслѣдованію и болѣе позднія отношенія.

Россъ, впрочемъ, утверждаетъ, что Цезарь и Тацитъ вообще не засвидѣтельствовали существованія общиннаго владѣнія полемъ. По его мнѣнію, между свидѣтельствами обоихъ писателей нѣтъ кореннаго противорѣчія и нигдѣ нѣтъ рѣчи о передѣлѣ. Но онъ упускаетъ изъ виду окончаніе главы, которую самъ приводилъ изъ „Записокъ о гальской войнѣ“ (VI, 22). По словамъ Цезаря, ежегодно при раздѣлѣ земли каждый германецъ видѣлъ, что его владѣнія уравнивались съ владѣніями самыхъ могущественныхъ лицъ. Вообще, даже приверженцы частной собственности должны во всякомъ случаѣ толковать свидѣтельство Цезаря въ пользу общиннаго владѣнія полемъ.

Но противъ него выступаютъ другія извѣстія, въ особенности мѣсто изъ „Германіи“ (гл. 25), недостаточно подчеркнутое Россомъ. По Тациту, у германцевъ каждый рабъ имѣлъ собственное жилище, свое хозяйство; господинъ требовалъ отъ него, какъ отъ крѣпостнаго, только извѣстное количество хлѣба, или скота, или одежды. Съ этимъ рассказомъ слѣдуетъ сравнить свидѣтельство другаго римскаго писателя. По словамъ Сенеки (письмо 47), поражение, которое Арминій нанесъ римскимъ легионамъ Варра въ Тевтобургскомъ лѣсу, приняло многихъ очень знатныхъ римлянъ; одного обратило въ пастуха, другаго въ сторожа хижины. Вотъ вдвойнѣ засвидѣтельствованный фактъ, который всегда будетъ самымъ важнымъ аргументомъ противъ существованія общиннаго владѣнія полемъ у древнихъ германцевъ. Далѣе, кой-какія разъясненія можетъ дать языковѣдніе. Гриммъ въ „Исторіи нѣмецкаго языка“ приводитъ, что корень литературнаго нѣмецкаго „Arbeit“ (работа) первоначально означало земледѣліе. Въ готскомъ языкѣ производное того же корня „arbi“, которое могло означать только земельный участокъ, впоследствии получило значеніе наслѣдства. Отсюда Гриммъ выводитъ, что еще въ древнюю эпоху земельное владѣніе переходило по наслѣдству. Но прежде, нежели могло произойти подобное перенесеніе слова съ одного понятія на другое, должно было пройти много времени. Какъ происходилъ этотъ переходъ земли по наслѣдству, относительно этого, по крайней мѣрѣ покуда, лучше не выставлять правила для германскаго государства вообще. Въ общемъ очень вѣроятно, что въ этомъ отношеніи у различныхъ племенъ выработались различные обычаи. Даже въ границахъ одного и того же племени у различныхъ сословій могли образоваться два различныхъ права наслѣдованія. Говоря о германцахъ вообще, Тацитъ глухо замѣчаетъ, что каждому германцу наслѣдуютъ дѣти. Перейдя къ описанію отдѣльныхъ племенъ, онъ рассказываетъ о тенктерахъ, что они славились своей конницею; при этомъ лошади по наслѣдству доставались не самому старшему изъ сыновей, какъ все остальное, а самому смѣлому на войнѣ. Баумштаркъ въ своемъ трудѣ о государственныхъ древностяхъ германцевъ выводитъ отсюда, что въ эпоху Тацита старшій сынъ пользовался правомъ первородства. Изъ болѣе позднихъ обычаевъ у отдѣльныхъ племенъ Россъ заключаетъ, что и въ древнюю эпоху искони всѣ сыновья пользовались равнымъ правомъ наслѣдованія. Но онъ при этомъ забываетъ обсудить извѣстіе Тацита о тенктерахъ, извѣстіе вообще единственное для древнѣйшей эпохи.

Вообще, у Росса подборъ извѣстій изъ римскихъ источниковъ, которые слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, и ихъ толкованія приходится признавать неудовлетворительными. Но зато съ другой стороны нужно отдать полную справедливость изслѣдованію объ отдѣльныхъ племенахъ послѣ переселенія народовъ. Толкованіе Росса, которое производитъ общинное владѣніе полемъ въ средніе вѣка изъ общины

рабовъ, заслуживаетъ вниманіе. Много справедливого и въ его полемикѣ противъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ взятыхъ издалека мнимыхъ аналогій съ древнимъ общиннымъ владѣніемъ полемъ у русскихъ, ировъ и т. д., противъ неполныхъ и невѣрныхъ цитатъ, на которыя затѣмъ должны опираться широкія гипотезы. Третій этюдъ посвященъ исключительно этой полемикѣ противъ защитниковъ общиннаго владѣнія полемъ у древнихъ германцевъ. При этомъ, правда, на многія выдающіяся сочиненія вовсе не обращено никакого вниманія.

Иф...ль.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФЯ.

Римскія вакханаліи и преслѣдованіе ихъ въ VI вѣкѣ отъ основанія Рима. П. Н. Бодянского. Кіевъ. 1882 г. Печатано по опредѣленію совѣта университета св. Владиміра.

О ВЫХОДА въ свѣтъ настоящей брошюры историко-критическій этюдъ этотъ былъ напечатанъ въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“. Небольшой по объему трудъ П. Н. Бодянского раздѣленъ на четыре главы, изъ коихъ въ первой сжато передается въ чемъ римляне упражнялись на вакханаліяхъ, а въ трехъ остальныхъ находимъ критику различныхъ объ этомъ предположеній древнихъ и новыхъ писателей. Изъ послѣднихъ г. Бодянской касается Буассье и Ине, изъ коихъ мнѣніа послѣдняго о вакханаліяхъ еще, кажется, нигдѣ не встрѣтили основательной критической оцѣнки. Поэтому вдвойнѣ интересно, что дѣлается съ вопросомъ о вакханаліяхъ русскій ученый.

Извѣстно, что римскія празднества въ честь Вакха сопровождались оргическими безчинствами, при которыхъ (стр. 26) „мужчины не только обезцѣпляли женщинъ, но и другъ друга“. Это наконецъ вызвало весьма долгія и жестокія преслѣдованія, при коихъ обвиняемые или подозрѣваемые погибали тысячами, но оргіи все-таки очень долго не унимались. Ине, въ IV томѣ своей „Римской исторіи“, не довѣряетъ точности древнихъ сказаній о томъ, что вакхическія мистеріи имѣли только однѣ сладострастныя цѣли. Ине, думаетъ, что безчинства, приписываемыя этому культу, значительно преувеличены и не въ мѣру усердно разрисованы чересчуръ мрачными красками. По его соображеніямъ, не можетъ быть, чтобы римляне собирались на мистеріи Вакха для однѣхъ только сладострастныхъ цѣлей, которые старались осуществить при забвеніи всѣхъ условій пола и возраста. Онъ полагаетъ, что поклонники Вакха вѣроятно, искали цѣлей гораздо болѣе высокихъ, и оклеветаны по обычаю вѣка,—точно такъ же, какъ были, на примѣръ, оклеветаны первые христіане,

на собраніяхъ которыхъ такъ же предполагали разныя безчинства. У Ине и Буассе есть и указанія, почему римляне, подпавшіе вакхическому культу, могли легко поддаваться такому увлеченію: это неудовлетворимость высшаго въ человѣкѣ религиознаго чувства отжившею своею вѣкъ религіею, которую удерживали только невѣжество массы и законы имперіи. Люди съ нѣкоторымъ возбужденіемъ ума и чувства искали нѣчто лучшее и попадали въ новыя заблужденія (Помимо пространнаго изыскаванія Rolle, объ этомъ полезно вспомнить мѣткія сужденія Югана Шера).

Г. Бодянскій находитъ, что „Ине ошибочно перенесъ въ эпоху, современную вакханаліямъ, такія состоянія, которыхъ въ эту эпоху не было“. Онъ прекрасно доказываетъ, что культъ Вакха, выдуманный греками, не былъ лучшимъ даже по сравненію съ религіей, которая господствовала, но г. Бодянскій и самъ тоже не держится устарѣлаго и очевидно невѣрнаго мнѣнія, что поклонниковъ Вакха соединяло и сводило одно стремленіе удовлетворять желанія извращенныхъ инстинктовъ; онъ допускаетъ иное, — именно, исаніе богѣ живаго религиознаго общенія, которому не представляла удовлетворенія господствовавшая государственная религія съ ея заученными и однообразными молитвами, и очень хорошо выводитъ, какъ ко всему этому притекъ ужасающій развратъ. Притянуто то, что было въ обществѣ, ибо римское общество въ этой эпохѣ было всѣмъ пресыщено и развращено чрезвычайно. Въ немъ самомъ, а не въ культѣ Вакха, таилась наклонность ко всѣмъ порокамъ и разнообразнымъ ухищреніямъ разврата, кои приписываютъ вакхистамъ. Вѣроятно, и конечно весьма возможно, что развратные люди, которыми былъ полонъ Римъ, применувъ къ сектѣ, гдѣ были и лучшія стремленія, но было также и тѣсное общеніе половъ и возрастовъ, оказали тутъ свое вредное вліяніе. Они дали здѣсь ходъ своимъ извращеннымъ навыкамъ и какъ красные черви окрасили собою всю воду, въ которую они погрузились.

Это предположеніе нашего кіевскаго ученаго кажется очень умнымъ и находчивымъ, ибо иначе трудно было бы допустить, чтобы матери приводили на вакхическія мистеріи сыновей, и чтобы на мистеріяхъ появлялись лица, которыхъ послѣ приходилось убивать за ихъ несогласіе служить культу безстыжыхъ ни активно, ни пассивно.

Очевидно, что они шли въ вакхическій расколъ, искавши совсѣмъ не того изступленнаго разврата, который представился имъ столь отвратительнымъ, что они рѣшились предпочесть смерть оскорбленію своей природы. Ясно, что они пришли для одного, а увидали совсѣмъ другое, и что это другое тогда уже преобладало въ культѣ и дѣлало его мерзвымъ и отвратительнымъ.

Но мы полагаемъ, что если бы интересный отзывъ нашего ученаго дошелъ до почтеннаго автора „Римской исторіи“, то г. Ине все-таки едва ли бы сдался на всѣ доводы г-на Бодянскаго. Мы привели, что въ сужденіяхъ г. Бодянскаго представляется остроумнымъ и убѣдительнымъ, — теперь отмѣтимъ то, что намъ въ его возраженіяхъ г-ну Ине кажется какъ-будто несовсѣмъ прочно обоснованнымъ. Это касается разсужденій г. Бодянскаго на тотъ счетъ, что клеветы на вакхистовъ никакъ нельзя приравнивать къ подобнымъ же клеветамъ, сложенымъ недоброжелателями, на первыхъ христіанъ. Ине (какъ и Шеръ) это уподобляетъ одно другому, а нашъ ученый считаетъ такое уподобленіе совершенно невозможнымъ, и именно невозможнымъ на томъ основаніи, что первые христіане были одушевлены совсѣмъ инымъ духомъ, чѣмъ чтители Діониса.

Это конечно такъ: сомнѣнія нѣтъ, что душевное настроеніе первыхъ христіанъ нельзя считать однороднымъ съ настроеніемъ даже самыхъ лучшихъ искателей религіознаго утѣшенія въ вакхическомъ культѣ. Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, да, кажется, и г. Ине и Буасье не иначе это понимаютъ. Ине въ данномъ случаѣ допускаетъ не сравненія христіанъ съ вакхистами, а только сопоставленія случайностей, въ коихъ дѣйствительно можно усмотрѣть нѣчто не исключающее возможности тѣхъ же самыхъ предположеній, которыя остроумно сдѣлалъ и самъ г. Бодянскій, допуская нравственное неравенство и неодинаковость навыковъ людей, тяготѣвшихъ къ вакхическому культу. Едва ли, стоя на настоящей научной точкѣ зрѣнія, можно доказать, что ня что подобное не имѣло мѣста и въ образованіи группъ перваго христіанства, — особенно христіанства Павлова просвѣщенія, т. е. христіанъ изъ язычниковъ. Можно не углубляться во всѣ источники, которые даютъ несравненные доказательства, что многіе изъ первыхъ христіанъ часто не понимали духа своей новой религіи, и такъ же часто обличали покушенія совмѣстить съ христіанствомъ старыя навыки языческаго растлѣнія, а на основаніи одного только Св. Писанія и житія святыхъ доказать, что въ христіанствѣ былъ притокъ людей, очень сильно компрометировавшихъ дѣло религіи, къ которой они пристали, „не убѣдивъ своего эфіона“. Это начинается съ исторіи коринѣскаго кровосмѣшника, который возмутилъ своимъ развратомъ св. Павла до того, что апостолъ присудилъ его „предать сатанѣ во изнеможеніе плоти“. И послѣ того чудовищныя порывы сладострастія много разъ варьируются въ патерикахъ египетскомъ и сивайскомъ, гдѣ мы видимъ, что даже иноки и пустынножители возбуждались страстями непомѣрными и самыми противустественными (напр. инокъ, за сыномъ котораго была замужемъ св. Фомаша). Они содѣвали дѣла, ни чуть не уступавшія вакхистамъ, и имѣютъ только одно извиненіе, что во всему этому склонялъ ихъ врагъ рода человѣческаго, діаволъ. Историческому писателю, конечно, должны быть извѣстны и такіе источники какъ патерики, и ему, вѣроятно, знакомы также проницательные выводы Ренана на счетъ того, какъ понималась и принималась многими первыми христіанами высокая религія Христа, плѣнявшая ихъ, но не вмѣщавшаяся въ ихъ сознаніе. Какъ будто мало было сдѣлано во имя христіанской любви злаго и безнравственнаго, и какъ будто не дѣлается чегонибудь такого же и доселѣ... А содержа все это передъ собою, можно ли считать, что напр. отмѣна „вечерей любви“, или агаловъ, имѣетъ только то простодушное объясненіе, какое давали дѣлу старыя тенденціозныя учебники, припоровленные, впрочемъ, исключительно къ дѣтскому пониманію? Нѣтъ ли причины предполагать, что и въ христіанской исторіи разные люди привнесли разное участіе, и между ними нашлись такіе, которые вынудили прочіихъ превратить „вечери?“ А тогда и Буасье и Ине, можетъ быть, имѣютъ основаніе считать иную постановку вопроса въ серьезномъ историческомъ трактатѣ нѣсколько дѣтскою...

Н. Д—въ.

Евреи-реформаторы. „Новый Израиль“ и „Духовно-библейское Братство“. Опыт социальнo-религiозной реформы еврейства и новой постановки еврейскаго вопроса въ Россiи. Соч. Эмануэля Бенъ-Сiона. Спб. 1882.

Названная книжка составляет новость не только по времени ея появленiя въ свѣтъ, но и по оригинальности взгляда автора на вопросы еврейства. Въ тѣ самые дни, когда старозаконные защитники еврейства настаиваютъ исключительно на внѣшней эмансипаціи русскихъ евреевъ и видятъ въ „уравненiи правъ“ послѣднихъ единственный способъ разрѣшенiя еврейскаго вопроса, среди образованныхъ евреевъ родилось и рвется наружу откровенное сознание, что всѣ эти разглагольствiя суть лишь „словеса лукавствiа“, что законодательныя реформы въ социальномъ быту евреевъ—если-бы даже и были возможны безъ всякой со стороны евреевъ подготовки—ни къ чему не приведутъ и останутся мертвой буквой, если само еврейство не возьмется за уврачеванiе своихъ общественно-нравственныхъ недуговъ. Евреи, держащiеся этого, кажется, очень правильнаго взгляда, убѣждены, что внѣшней, правовой эмансипаціи должна необходимо предшествовать эмансипація внутренняя, религiозно-бытовая. (Такого образа мыслей держался, между прочимъ, покойный Я. А. Брафманъ въ его любопытной „Книгѣ Кагала“, до сей поры не вызвавшей обстоятельнаго разбора). Евреи описаннаго закала думаютъ, что всякія правовыя улучшенiя будутъ бесполезны, если одноименники ихъ предварительно не отрѣшатся отъ своихъ вредныхъ социальныхъ традицій, отъ своихъ вѣковыхъ предразсудковъ относительно не евреевъ,—словомъ, отъ той обособленности, которая составляетъ основной принципъ и санкцію Талмуда и всей раввинской литературы.

Люди съ такими убѣжденiями, мало-по-малу, сплотились и образовали, наконецъ, общество, или союзъ, который извѣстенъ подъ именемъ „Духовно-библейское Братство“. Это общество возникло въ Елисаветградѣ въ началѣ 1881 года. Вначалѣ оно состояло изъ нѣсколькихъ десятковъ образованныхъ молодыхъ евреевъ и задалось цѣлью—убѣждать еврейскую массу въ несостоятельности и вредности Талмуда, какъ религiознаго кодекса, въ необходимости приблизиться къ богѣ чистымъ библейскимъ идеаламъ; внушать этой темной массѣ любовь къ честному труду, отвращенiе къ торгашеству и т. п. Первые подробныя извѣстiя о „Братствѣ“ и „уставѣ“ его появились въ мартѣ 1881 года въ одесскихъ и харьковскихъ газетахъ. Не успѣло „Братство“ еще заявить о себѣ практическою пропагандой, какъ грянули елисаветградскiе погромы, а за ними весь югъ Россiи былъ охваченъ анти-еврейскимъ движенiемъ. Еврейской массѣ уже было не до того, чтобы обращать вниманiе на новую секту, но еврейскiе органы печати, однако, несочувственно отнеслись къ новому „Братству“. Въ январѣ 1882 года, въ печати прошелъ слухъ о появленiи въ Одессѣ новой секты, которую одни называли „Новый Израиль“, а другіе приравнивали къ южно-русской штундѣ и считали „ветхозавѣтною штундою“. Затѣмъ, вскорѣ былъ оглашенъ „Уставъ“ этой новой секты, и тогда оказалось, что она въ своихъ требованiяхъ ушла гораздо дальше сравнительно скромныхъ заявленiй „Духовно-библейскаго Братства“. Первый параграфъ „Устава“, выражающій основной взглядъ „Новаго Израиля“, гласитъ: „Каждый изъ членовъ секты „Новый Израиль“ признаетъ великій вредъ, истекающій отъ толкованiй бывшихъ вавилонскихъ и iерусалимскихъ раввиновъ Моисеева

закона, глубоко презираетъ оное толкованіе и признаетъ за святое только Пятикнижіе Моисея въ буквальный его смыслъ“. Слѣдующіе 14 параграфовъ говорятъ о необходимости: перенести празднованіе субботняго дня на воскресенье, отиѣнить варварскій обрядъ обрѣзанія новорожденныхъ младенцевъ и всѣ законы о пищѣ, отиѣнить многие праздники, не установленные Библіей, и молитвы о возвращеніи въ Обѣтованную землю, употреблять въ разговорѣ русскій языкъ вмѣсто еврейскаго жаргона, строго исполнять всѣ государственныя повинности, отказаться отъ ростовщичества и другихъ неблаговидныхъ промысловъ, ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи смѣшанныхъ браковъ между евреями и христіанами и, наконецъ, хлопотать объ утвержденіи означеннаго „Устава“ правительствомъ. Главная практическая цѣль новаго „Общества“ — уничтоженіемъ обособляющихъ законовъ и направленіемъ дѣятельности евреевъ къ болѣе производительному труду „облегчить взаимное сближеніе между евреями и христіанами въ самомъ ближайшемъ будущемъ“.

Лежащая передъ нами книга посвящена обсужденію или, скорѣе, защитѣ реформъ, предлагаемыхъ „Новымъ Израилемъ“.

Анализируя причины анти-еврейскаго движенія въ Россіи, авторъ—еврей¹⁾ приходитъ къ заключенію, что если экономическія неурядицы являются непосредственной причиной вражды христіанскаго населенія къ евреямъ, то первая причина и нравственная санкція анти-еврейскаго движенія заключается въ религиозномъ антагонизмѣ между евреями и кореннымъ населеніемъ. Ретроспективный взглядъ на состояніе евреевъ въ Польшѣ и Россіи, въ послѣдніе два столѣтія, даетъ автору поводъ прослѣдить отдаленныя историческія причины анти-еврейскаго движенія. Вызванныя историческими обстоятельствами, экономическія отношенія между евреями и крестьянами, равно какъ религиозныя традиціи евреевъ, какъ-бы санкціонирующія такія отношенія—вотъ главные причины исторической вражды къ евреямъ, выросшей еще на польско-украинской почвѣ. Гдѣ-же искать настоящаго рѣшенія злополучнаго еврейскаго вопроса въ Россіи? Авторъ не видитъ рѣшенія этого вопроса ни въ „равноправности“ евреевъ, требуемой юдофилами, ни въ репрессивныхъ противъ евреевъ мѣрахъ, рекомендуемыхъ русскими націоналами. „Съ одной стороны,—говоритъ авторъ,—евреи даже въ союзѣ съ гуманистами безсильны разрѣшить его (еврейскій вопросъ) по-своему. Велика-ли намъ будетъ прибыль отъ предоставленнаго намъ на бумагѣ столь страстно ожидаемаго нами равноправія?.. Успокоятъ-ли оно насъ и исцѣлитъ ли наши глубокіе внутренніе недуги, обусловливающіе наши историческія страданія и невзгоды?.. Не законы намъ нужны, а любовь народа, среди котораго мы живемъ, его искренніе братскія чувства и отношенія къ намъ. Насколько же мы достигли послѣднихъ, показали намъ событія прошлаго и настоящаго года“... (стр. 15—16). Съ другой стороны, рекомендуемыя стѣсненія уже предоставленныхъ евреямъ законныхъ правъ поведутъ, по убѣжденію автора, къ еще болѣшмъ усложненіямъ въ еврейскомъ вопросѣ. Необходимо лишить евреевъ тѣхъ особенностей, которыя порождаютъ ненормальныя отношенія ихъ къ остальному населенію, а это возможно лишь путемъ внутреннихъ реформъ въ религиозно-соціальныхъ возрѣвннхъ евреевъ. Энергичная самодѣятельность

¹⁾ Намъ извѣстно, что „Бенъ-Сіонъ“ не есть настоящее имя автора, а псевдонимъ. Собственное свое имя онъ держитъ въ тайнѣ „страха ради іудейска“.

въ этомъ направленіи евреевъ—вотъ единственное, что можетъ способствовать полному и радикальному рѣшенію еврейскаго вопроса.

Всѣ постановленія Талмуда и послѣдующихъ кодексовъ мотивируются, главнымъ образомъ, двумя соображеніями: 1) стремленіемъ оградить еврейство отъ всякихъ иноплеменныхъ вліяній и 2) стремленіемъ оградить основные Моисеевы законы отъ малѣйшихъ нарушеній. Слѣдствіемъ этого явилась масса ограничительныхъ законовъ и обрядовъ, которые „опредѣляютъ всевозможные случаи жизни и вводятъ еврея въ такой кругъ понятій, гдѣ онъ не можетъ уклониться отъ вліянія закона, не дающаго ему дышать свободно“. Талмудическія „огражденія“ Моисеевыхъ законовъ сдѣлались вполнѣ предметомъ новыхъ огражденій раввиновъ, и все это считалось исходящимъ будто отъ самого Бога, вытекающимъ будто изъ точнаго смысла св. писанія. Г. Бенъ-Сіонъ въ разсматриваемой нами любопытной книгѣ обстоятельно перечисляетъ тѣ основные принципы и законы Талмуда, которые наиболѣе вліяли и вліяютъ на международныя отношенія евреевъ къ иновѣрнымъ людямъ другихъ племенъ. Главное мѣсто между этими принципами, по нашему мнѣнію, должна занимать аристократическая идея евреевъ о богоизбранности еврейскаго народа. Въ Талмудѣ есть изреченіе, гласящее: „Весь міръ созданъ только ради евреевъ“. Въ праздничные дни евреи произносятъ молитву, начинающуюся словами: „Ты (Господь) насъ избралъ изъ всѣхъ народовъ“. Эта горделивая суетня и крайне вредная идея больше чѣмъ что либо иное вошла, такъ сказать, въ плоть и кровь еврейской массы, которая чѣмъ невѣжественнѣе, тѣмъ искреннѣе вѣритъ, что по пришествіи Мессіи всѣ народы сдѣлаются рабами евреевъ, а многіе и вовсе будутъ истреблены съ лица земли, во славу Израіля. Ученіе о пришествіи Мессіи, о возрожденіи политической самостоятельности еврейскаго народа, „внушаютъ еврею сознаніе, что онъ только временный гость въ чужой странѣ, откуда онъ долженъ возвратиться къ себѣ домой въ Палестину, лишь только раздастся первый трубный звукъ, извѣщающій о грядущемъ спасителѣ. Къ этому еще присовокупляются обольстительныя басни о вѣчной субботѣ, когда еврейскіе останутся только пить, ѣсть и наслаждаться превосходными питіями и яствами, приготовленными имъ отъ вѣка. Какъ все это ни вздорно, но однако пользуется большимъ довѣріемъ. Кромѣ этихъ обольщеній, въ Талмудѣ находятся безчисленныя предписанія, придуманныя съ цѣлью обособлять евреевъ отъ другихъ народовъ. Самыя возмутительныя изъ этихъ предписаній—это законы о пищѣ, о „кошеръ и трефъ“, согласно которымъ еврею строжайше воспрещается ѣсть мясо животнаго, убитаго не евреемъ, пить вино, къ которому даже прикоснулся не еврей, вообще употреблять что-либо (за исключеніемъ чая и сырыхъ плодовъ) вмѣстѣ съ христіанами. Тѣ, которые изучаютъ и вѣрятъ въ Талмудъ, глубоко убѣждены, что всѣ неблаговидныя постановленія относительно язычниковъ (акумъ) относятся и ко всѣмъ не евреямъ, не исключая даже тѣхъ, которые держатся идеи единобожія. Полное непониманіе евреями догматовъ христіанской вѣры, часто неразумѣемое и самими христіанами, равно какъ фактическое отождествленіе суевѣрными людьми изъ христіанъ символовъ христіанской религіи съ божествомъ, пугаютъ еврея и способствуютъ тому, что онъ совсѣмъ безъ злого умысла никакъ не можетъ провести въ своемъ сознаніи разницы между идолопоклонникомъ и человѣкомъ, который поклоняется изображеніямъ или останкамъ людей усопшихъ. Вразумить на этотъ счетъ еврея такъ точно какъ вра-

зумлены нѣкоторые изъ христіанъ римскаго и восточнаго православія,—неодолимо трудно, если не совсѣмъ невозможно.

Авторъ книги „Еврей-реформаторы“ задался цѣлью доказать съ чисто-религіозной точки зрѣнія цѣлесообразность и необходимость реформъ, которыя обновили бы „Израиля“ и примирили съ нимъ міръ. Авторъ, исполнивъ это съ добросовѣстностью и полнымъ знаніемъ дѣла, отражаетъ всѣ нападки, направленные еврейскими старовѣрами противъ новыхъ реформъ, и разбираетъ одну за другою каждую реформу, указываетъ, на какихъ шаткихъ основаніяхъ талмудисты установили данное запрещеніе и предписаніе и разъясняетъ великій вредъ, проистекающій изъ этого для самихъ же евреевъ. Авторъ, сколько мы можемъ судить, кажется, очень хорошій знатокъ Талмуда и человѣкъ искренній и отважный. Онъ смѣло возстаетъ противъ еврейскихъ органовъ печати, противодействующихъ успѣхамъ новой секты, очень основательно обвиняетъ редакторовъ и сотрудниковъ этихъ изданій въ недостойномъ прислужничествѣ старовѣрческимъ глупостямъ, въ которыя сами эти господа не вѣрятъ и вѣрить не могутъ. „Мы должны,—говоритъ авторъ—перестать убаюкивать себя разными увѣреніями крайней юдофильской партіи въ нашей ангельской невинности и голубиной кротости. Мы должны признать горькую долю истины, что наши социальныя, экономическія и религіозно-правственныя отношенія къ коренному населенію не нормальны и что часто вина за это лежитъ на насъ самихъ. Мы должны сами исправить ошибки своихъ предковъ... Мы первые должны сдѣлать шаги по пути къ примиренію, потому что мы единицы, а они миллионы“...

Книга эта достойна вниманія какъ евреевъ, такъ и христіанъ, которые часто высказываются о еврействѣ съ большою рѣшительностью, но безъ основательныхъ знаній вопроса, представленнаго здѣсь человѣкомъ знающимъ и благородно настроеннымъ. Такія книги рѣдки и появленіе ихъ въ нѣкоторомъ родѣ составляетъ эпоху. Въ еврейской журналистикѣ сочиненіе это, разумѣется, будетъ заругано и опозорено, но тѣмъ болѣе повода людямъ знать его, дабы потѣмъ имѣть возможность знать и то,—что такое представляютъ собою наши еврейскіе интеллигенты, руководящіе еврейскую журналистику въ Россіи; въ состояніи ли они руководить массу къ свѣту, или болѣе способны потворствовать тьмѣ и застою.

Д—овъ.

Два публичныхъ чтенія о свободѣ печати съ точки зрѣнія православной церкви. Амвросія, епископа дмитровскаго. Москва 1882 года.

Эти два чтенія происходили въ нынѣшнемъ году, 17-го и 18-го марта, въ залѣ московской городской думы, и затѣмъ изданы отдѣльной брошюрой. Авторъ ея выводитъ, что ни наука, ни правительства не имѣютъ такого облія средствъ, какимъ обладаетъ православная церковь для разъясненія и для рѣшенія такого глубокаго и отвлеченнаго вопроса, каковъ вопросъ о свободѣ человѣческой вообще и во всѣхъ ея частныхъ проявленіяхъ. Смыслами на Евангеліе и на апостольскія посланія пресвященный Амвросій доказываетъ, что святая церковь есть истинная проповѣдница и хранительница свободы. Отъ церкви все человѣчество узнало возможность пріобрѣсти и узаконить такія высокія человѣческія права, какъ свобода мысли, свобода совѣсти, сво-

бода исповѣданій, свобода слова и свобода отъ рабства; но, говоритъ авторъ, и до сихъ поръ, какъ видно изъ опыта, человѣчество не только не въ силахъ надлежащимъ образомъ осуществить въ своей жизни всѣ эти виды свободы, но и вполне усвоить себѣ истинныя понятія о нихъ. Свобода мысли, по ученію церкви, вмѣнена намъ даже въ обязанность, чтобы на ней мы основывали и устраивали свое научное просвѣщеніе и благосостояніе, какъ частное, такъ и общественное. Авторъ указываетъ на тотъ смѣлый, но вѣрный полетъ мысли, когда свѣтлый умъ отъ началъ ученія вѣры возносится выше буквы писанія и обрядовыхъ постановленій закона къ выводамъ, поражающимъ, въ извѣстное время, своею силою большинство самихъ учителей и толкователей закона. Въ послѣднемъ значеніи мы видимъ свободу мысли въ Соломонѣ, когда онъ вопреки строгимъ предписаніямъ ветхозавѣтнаго закона, запрещавшимъ общеніе съ язычниками, торжественно провѣдалъ тайну призванія всего человѣчества къ вѣрѣ во Христа, моля Бога при освященіи построеннаго имъ храма: „если иноплеменникъ, который не отъ твоего народа, Израиля, придетъ изъ земли далекой, ради имени Твоего, услышь съ неба, съ мѣста обитанія Твоего и сдѣлай все, о чемъ будетъ звать къ тебѣ иноплеменникъ, чтобы всѣ народы земли знали имя Бога“.

Что касается до свободы слова въ христіанскомъ смыслѣ, то оно, по выводу автора, есть ревностное и безбоязненное проповѣданіе и исповѣданіе истины съ убѣжденіемъ къ ея силѣ и съ готовностію на всѣ опасности и гоненія со стороны рѣшительныхъ враговъ ея или со стороны сильныхъ земли, имѣющихъ противъ нея свои предубѣжденія или невѣрные взгляды и склонныхъ оскорбляться противорѣчіемъ защитниковъ истины. Точно также, по выводу автора, съ точки зрѣнія православной церкви, истинная свобода печати есть ихъ существенное средство для распространенія здравыхъ и благотворныхъ понятій и нравственныхъ началъ на благо человѣчества, а завладѣніе этимъ орудіемъ просвѣщенія со стороны людей безъ основательныхъ познаній, безъ здравыхъ воззрѣній и нравственныхъ началъ, есть духовное насилие, столь же бѣдственное для церкви, какъ и для человѣческихъ обществъ.

Установивъ, такимъ образомъ, понятіе о свободѣ мысли, слова и печати съ точки зрѣнія православной церкви и признавъ право человѣка на означенные три рода свободы, авторъ долженъ былъ сознаться, что у насъ свобода печати понимается не вѣрно, и сама печать находится въ рабствѣ у писателей и издателей преимущественно одной извѣстной партіи. Съ этимъ съ нимъ нельзя согласиться; напротивъ, мы видимъ въ нашей печати нѣсколько органовъ совершенно противоположнаго направленія, слѣдовательно преобладанія одной партіи нѣтъ. Той идеальной свободы мысли, слова, печати, какой желаетъ авторъ, какъ одинъ изъ высокихъ служителей нашей церкви, нельзя ожидать на землѣ отъ рукъ человѣческихъ, такъ какъ ихъ прикосновеніе исказило даже ту истинную церковь, то христіанское ученіе, которыя заповѣданы намъ Спасителемъ. Печать есть отраженіе того общества, со всѣми его хорошими и дурными наклонностями, въ средѣ котораго она орудуетъ, но свобода печати, какъ ни страшна она кажется для иныхъ по своимъ послѣдствіямъ, менѣе погубила людей, чѣмъ, напримѣръ, крестовые походы, инквизиція въ Испаніи и Америкѣ, тридцатилѣтняя война и другія великія борьбы и преслѣдованія.

II. У.

Меттернихъ и европейская реакція. В. К. Надлера. Харьковъ. 1882 г.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1880 и 1881 г. были помѣщены три статьи о „Запискахъ Меттерниха“. Вышедшіе въ то время четыре тома этихъ записокъ были разобраны подробно, указано ихъ значеніе, разъяснена ихъ лживость, односторонность, приведены доказательства искаженія многихъ общезвѣстныхъ историческихъ фактовъ, умолчанія о такихъ событіяхъ, которые представляли въ невыгодномъ свѣтѣ пресловутую меттерниховскую систему. Отзывъ нашъ объ этихъ запискахъ, значеніе которыхъ такъ раздували издатели и нѣкоторыя австрійскія газеты—былъ далеко не въ ихъ пользу. Но въ оцѣнѣ этого историческаго документа, которому хотѣли придать особенную важность Меттернихи разныхъ націй, мы сходились со всѣми серьезными и безпристрастными критиками. Да и нельзя было скрывать неуспѣха „записокъ“, дальнѣйшее обнародованіе которыхъ приостановилось еще въ прошломъ году. Въ нихъ историки думали найти любопытные документы—хотя бы и съ меттерниховской точки зрѣнія—и не нашли почти ровно ничего новаго и интереснаго. Самовосхваленіе, самоувѣреніе, самоувѣренность въ непогрѣшимости своихъ поступковъ и возрѣній ясно выразились въ запискахъ этого идеала ретроградовъ, который только потому казался великъ, что лица, преклонявшіяся передъ его мнимою государственною мудростью, сами были черезчуръ мелки, не исключая ни его повелителя Франца, ни другихъ властителей западной Европы. И въ то время, когда историческая литература покончила съ австрійскимъ канцлеромъ и его записками, которые могутъ скорѣе служить обстоятельствами не облегчающими, а отягчающими вину его передъ исторіей и человечествомъ,—въ провинціальномъ, хотя и университетскомъ, городѣ г. Надлеръ издастъ довольно объемистую книгу, гдѣ обстоятельно излагаетъ содержаніе четырехъ томовъ записокъ, серьезно обсуждая и доказывая несостоятельность меттерниховскихъ мѣръ и возрѣній. Съ какою цѣлью совершается это вторичное открытіе Америки—трудно себѣ представить. Исторія европейской реакціи, конечно, поучительна, но вѣдь она не оканчивается 1830-мъ годомъ, на которомъ остановились Меттернихъ и г. Надлеръ, а рассказывать ее только по однимъ запискамъ Меттерниха значитъ добровольно дѣлаться одностороннимъ. Правда, авторъ говоритъ, что для своей книги онъ воспользовался и другимъ матеріаломъ, какъ это можно видѣть изъ примѣчаній. Но и примѣчанія эти большею частью заимствованы изъ тѣхъ же записокъ Меттерниха. Да и какое значеніе могутъ имѣть примѣчанія, въ родѣ перваго: „для характеристики Франца смотр. Шлоссеръ (такой-то томъ и страница), Гервинусъ, Шпрингеръ“. Если не приведены, для сравненія, цитаты этихъ писателей, то къ чему и называть ихъ? Понятно, что всякій историкъ, говоря о событіяхъ 1815—30 годовъ, говоритъ и о Францѣ, но что именно высказывается о немъ, надо привести, или не упоминать объ этомъ вовсе.

Нельзя не остановиться также надъ предисловіемъ къ книгѣ г. Надлера. Оно обнаруживаетъ такую шаткость убѣжденій автора, какая вовсе не свойственна серьезному историку. Начавъ съ общихъ мѣстъ, что „исторія великая учительница, а истина—цѣль и конецъ (? Вѣроятно: конечная цѣль) историческаго знанія“, г. Надлеръ переходитъ къ страннымъ обвиненіямъ „значительной части нашей интеллигенціи, утратившей даже всякій историческій

смыслъ, всякую способность вѣрнаго пониманія историческихъ явленій“. „Мы алчемъ и жаждемъ конституціи“ говоритъ онъ, „хотя всѣ конституціи—обманчивыя и пагубныя иллюзіи, въ полной несостоятельности которыхъ уже убѣдилась западная Европа“. Здѣсь, конечно, сейчасъ же приводятся въ примѣръ Франція, гдѣ, несмотря на республиканскую форму правленія, „достигнуто одно равенство, а о свободѣ нѣтъ еще и рѣчи“; говорится о печальномъ положеніи Италіи, гдѣ „благотворными послѣдствіями конституціоннаго режима были: разстройство финансовъ, отсутствіе внѣшняго значенія, безплодная борьба мелочныхъ партій“. Но, не говоря уже о томъ, что во Франціи наоборотъ: полная свобода, но нѣтъ еще гражданскаго равенства—діатрибы противъ этой страны и Италіи могутъ быть опровергнуты однимъ вопросомъ: ну, а положеніе Франціи при императорскомъ режимѣ или Италіи подъ властью мелкихъ королей и герцоговъ было лучше? И почему же авторъ умалчиваетъ вовсе о такихъ конституціонныхъ странахъ, какъ Бельгія, Голландія, Данія, Швеція, Норвегія, Греція и Румынія? признаетъ заслуги конституціонализма въ Англіи? И вѣдь самъ же онъ, черезъ двѣ страницы, первоначальными виновниками революцій, потрясавшихъ періодически Европу, признаетъ не либераловъ, а правительства, не понявшія свою задачу—охранять общество, что не значить „задерживать естественное развитіе, или даже идти назадъ—а руководить движеніемъ, регулировать его“. Между тѣмъ правительства „принялись за безжалостное искорененіе свободы, преслѣдовали не одни дѣла, но слова и мысли, пытались возвратитъ общество на нѣсколько вѣговъ назадъ, не допускали свободнаго движенія ни въ области религіи, ни въ литературѣ, ни въ наукѣ, ни въ общественной жизни, давили безпощадно прессу, сократили школу, видѣли все спасеніе въ полицейскихъ мѣрахъ... При невозможности всякой открытой оппозиціи, при систематическомъ преслѣдованіи всякой свободной организаціи, недовольство, усиливавшееся съ каждымъ днемъ, облеклось въ форму тайныхъ обществъ, выражалось подпольными интригами, покушеніями, убійствами. Борьба съ тайными обществами начала поглощать все вниманіе, всѣ силы правительствъ. Ради этой борьбы пренебрегали они своими существеннѣйшими обязанностями, не обращали вниманія на развитіе матеріальныхъ и нравственныхъ силъ населенія“. Эта картина, набросанная г. Надлеромъ, совершенно вѣрна и примѣнима не къ однимъ меттерниховскимъ временамъ. Онъ самъ говоритъ, что „конституція 1812 года была протестомъ противъ бессмысленной тираніи бурбонскихъ Фердинандовъ, а республиканскія фантазіи нѣмецкихъ буршей были отвѣтомъ на карлсбадскій конгрессъ“. Почему же авторъ такъ возстаетъ противъ конституціонализма? Какое другое средство нашелъ онъ противъ тираніи обрисованныхъ имъ правительствъ? Почему онъ находитъ „неразрывную связь либерализма съ господствомъ капитала и эксплуатаціею массъ?“ Не доказываетъ ли все это, что онъ не уяснилъ себѣ своихъ собственныхъ убѣжденій?..

Вл. З.

Митрополитъ Кипріянь въ литургической дѣятельности. Историко-литургическое изслѣдованіе И. Мансветова. М. 1882.

Для древне-русской церкви однимъ изъ вопросовъ первой важности былъ вопросъ о церковномъ уставѣ. Впервые въ ней былъ принятъ студійскій уставъ, обработанный св. Теодоромъ Студитомъ и господствовавшій въ Греціи до конца XI вѣка, когда тамъ сталъ входить въ употребленіе церковный уставъ дру-

того типа, іерусалимскій. Этотъ послѣдній въ своихъ основаніяхъ уже въ XII—XIII вѣка упрочился на Аѳонѣ, а въ XIV вѣкѣ былъ принятъ на всемъ востоцѣ и у южныхъ славянъ. Съ вопросомъ о времени его появленія и утвержденія въ Россіи находится въ тѣсной связи вопросъ о значеніи литературной дѣятельности митрополита Кипріяна. Г. Мансветовъ подробно разбираетъ тѣ книги литургическаго содержанія, которыя считаются у насъ или принадлежавшими Кипріяну, или списанными съ книгъ, принадлежавшихъ ему, именно: служебникъ, требникъ и псалтырь, и старается опредѣлить, что они заключаютъ въ себѣ новаго сравнительно съ литургическими книгами, бывшими до Кипріяна, и въ какомъ отношеніи стоятъ они къ книгамъ, написаннымъ послѣ Кипріяна. Выводъ, къ которому приходитъ авторъ относительно значенія дѣятельности Кипріяна въ области богослуженія, заключается въ слѣдующемъ: „Господство іерусалимскаго устава, говорятъ онъ, въ Россіи началось позже чѣмъ въ Греціи, и мы по крайней мѣрѣ на цѣлое столѣтіе отстали въ этомъ отношеніи отъ востока. Это доказывается тѣмъ, что русскіе списки этого устава относятся къ послѣдней половинѣ XIV вѣка, и носятъ на себѣ слѣды сербизмовъ, указывающихъ на его заимствованіе у южныхъ славянъ, и что русскій переводъ былъ сдѣланъ только въ началѣ XV вѣка. Отсталость русской церкви имѣла послѣдствія для нея весьма невыгодныя. Мы находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ востокомъ и получали отъ него богослужебныя книги, но эти послѣднія, какъ извѣстно, подчиняются уставу, какъ своему регулятору, и перемѣны въ области послѣдняго неминуемо скрываются на обработкѣ и строкъ отдѣльныхъ богослужебныхъ книгъ. Выходило такъ, что эти вновь получаемыя книги, какъ редакцірованныя по іерусалимскому уставу, не сходились съ дѣйствовавшимъ у насъ студійскимъ типомъ и становились въ противорѣчіе съ установившеюся практикою службъ. Вслѣдствіе этого возбуждались въ русской церкви разные вопросы и недоумѣнія, разрѣшеніе которыхъ могло быть произведено только тогда, когда нашей церкви былъ данъ іерусалимскій уставъ и съ нимъ были бы приведены въ согласіе наши богослужебныя книги. И тому и другому много способствовалъ митрополитъ Кипріянъ, хотя онъ и не утвердилъ у насъ іерусалимскаго устава, и не произвелъ цѣльнаго исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ; въ этомъ и заключается значеніе литургической дѣятельности Кипріяна“.

Мы не имѣемъ никакого основанія не соглашаться съ выводомъ г. Мансветова, но не можемъ не пожалѣть, что авторъ иногда выражается крайне неопредѣленно и не представляетъ читателямъ всѣхъ тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ онъ приходитъ къ тому или другому заключенію. Такъ, онъ не указываетъ, какіе именно списки іерусалимскаго устава считаетъ онъ относящимися къ послѣдней половинѣ XIV вѣка и чѣмъ онъ руководствуется, опредѣляя время ихъ написанія. Какъ извѣстно, большая часть нашихъ древнихъ рукописей не имѣетъ хронологическихъ датъ, и потому въ большинствѣ случаевъ о времени ихъ написанія судятъ на основаніи палеографическихъ признаковъ, позволяющихъ ошибаться постоянно на полстолѣтія, а очень часто и на цѣлое столѣтіе; вслѣдствіе этого, г. Мансветову необходимо было бы сдѣлать болѣе точныя указанія по этому предмету. Затѣмъ онъ говоритъ, что въ древнѣйшихъ извѣстныхъ ему русскихъ спискахъ іерусалимскаго устава находятсѣ сербизмы, но оставляетъ неизвѣстнымъ, что именно онъ считаетъ сербизмами. Есть основаніе думать, что г. Мансветовъ совершенный профанъ въ языковѣднн и не въ силахъ отличить средне-болгарскаго языка отъ серб-

скаго; по крайней мѣрѣ, говоря о псалтыри Кипріяна, онъ увѣряетъ, что она списана имъ, вѣроятно, въ Хиландарѣ съ какого-нибудь сербскаго извода, тогда какъ она писана на средне-болгарскомъ языкѣ; а говоря о сербскомъ каноническомъ сборникѣ, изданномъ г. Ягичемъ въ VI томѣ загребскаго ежегодника „Stagine“, г. Мансветовъ называетъ его болгарскимъ. Поэтому вопросъ о томъ, что разумѣетъ авторъ подъ сербизмами, имѣетъ для читателей весьма важное значеніе. Наконецъ, онъ говоритъ, что русскіе до Кипріяна постоянно получали съ востока богослужебныя книги, что памятникомъ живыхъ книжныхъ сношеній ихъ съ Аеономъ вообще и хиландарскимъ монастыремъ въ частности является множество рукописей богослужебнаго содержания сербскаго извода, дошедшихъ до насъ отъ XIV—XV вѣковъ, но опять-таки умалчиваетъ, какія именно рукописи имѣетъ онъ здѣсь въ виду. Для читателей это весьма нужно знать, такъ какъ русскіе списки съ южно-славянскихъ оригиналовъ, относящіеся къ XIV—XV вѣковъ, до сихъ поръ у насъ считались рѣдкими и, наиримѣръ, въ московскомъ румянцевскомъ музеѣ Востоковъ нашамъ ихъ всего шесть: пять предполагающихъ болгарскій оригиналъ, и одинъ предполагающій оригиналъ сербскій. Кромѣ того, г. Мансветовъ дѣлаетъ кое-гдѣ и ошибки, впрочемъ, не особенно важныя. Наиримѣръ, имя переписчика такъ называемаго кипріянова служебника, написанное въ рукописи сокращенно, онъ читаетъ: Сидко Молчановъ, тогда какъ слѣдуетъ читать: Сидорко Молчановъ; сочиненіе Никона Черногорца „Тактиконъ“ онъ считаетъ переведеннымъ съ греческаго языка въ Новгородѣ въ 1397 г., тогда какъ къ этому году относится только его списокъ, сдѣланный въ Новгородѣ, а гдѣ сдѣланъ его переводъ и на какой славянскій языкъ—это ни откуда неизвѣстно.

А. С—кій.

«Библиотека европейскихъ писателей и мыслителей». Изданіе В. В. Чуйко, С.-Петербургъ. 1882 г.

Въ настоящее время, въ виду изобилія печатнаго матеріала, весьма часто приходится слышать сожалѣнія о невозможности правильного выбора книгъ: за множествомъ ихъ, такъ трудно найти въ этомъ морѣ типографскихъ чернилъ „жизненно-важное“. Безсмертныя мысли великихъ умовъ затерялись въ компиляціяхъ, популяризаціяхъ, въ дешевыхъ и доступныхъ большинству изданіяхъ. Принципъ дешевизны, этотъ нервъ капиталистическаго обогащенія, проникъ и въ область литературы—только безъ обогащенія кармана издателей и ума читателей.

Книга хороша, если она вполне выясняетъ тотъ или другой отдѣлъ человѣческой мысли, то или другое выдающееся историческое событіе. Книга хороша, если она знакомитъ съ тѣми высокими идеалами, на которыхъ способенъ человекъ. Книга хороша, если ея отношеніе къ европейской цивилизаціи выясняетъ намъ законченныя образы мыслителей—борцовъ и ихъ вѣкъ и, такимъ образомъ, помогаетъ намъ, потомкамъ, продолжать великое дѣло предшественниковъ. Спросимъ, много-ли дешевыхъ и доступныхъ большинству книгъ удовлетворяютъ этимъ, или приблизительно такимъ, требованіямъ? Гаррисонъ, членъ лондонскаго института, справедливо говоритъ: „Намъ нужна твердая точка опоры въ огромномъ и постоянно увеличивающемся потокѣ литературы; безъ этой организующей точки опоры все, что есть великаго въ литературѣ, будетъ потоплено маленькими книгами. Нужно указаніе, чтобы не блуждать по необозримой водяной пустынѣ. Безъ него мы будемъ читать

все и не знать ничего; при немъ мы легко отвѣтимъ: какія книги при не большой дозѣ времени, остающейся у насъ на чтеніе, представляютъ для насъ жизненный интересъ?”

Спросимъ теперь г. Чуйко: руководился-ли онъ, при изданіи „Библиотеки европейскихъ мыслителей и писателей“, стремленіемъ систематизировать наше знаніе и чтеніе, привести въ порядокъ обширное царство печатныхъ мыслей? Г. Чуйко руководится только тѣмъ, чтобъ изданіе было „дешево и доступно большинству“. Перваго онъ достигъ,—достигъ и второго, если за большинство читающей публики принимать юношей съ хрестоматіями въ рукахъ, съ сборниками „образцовъ“ такого-то писателя для 16-ти-лѣтняго возраста.

Но мы увѣрены, что взрослый, образованный читатель не почерпнетъ для себя ничего новаго, ознакомившись съ европейскими мыслителями и писателями по изданію г. Чуйко. Издатель выпустилъ въ свѣтъ уже семь выпусковъ: Свифтъ, Бокаччіо, Ренанъ, Руссо, В. Юго, Вольтеръ, Лассаль. Выпуски эти не болѣе какъ сухенькія біографіи, выдержки изъ второстепенныхъ сочиненій, не характеризующихъ ни мыслителя, ни его время; иногда въ этихъ выпускахъ изображена частная жизнь европейскаго мыслителя, и полное забвеніе его общественной дѣятельности,—иногда полное непониманіе и этой частной жизни, какъ, напр., жизни Лассала. Главныхъ произведеній Свифта, Бокаччіо и Ренана г. Чуйко или едва коснулся, или совсѣмъ оставилъ безъ вниманія, дитирея второстепенныя ихъ произведенія. Въкъ напр. Бокаччіо, Вольтера совсѣмъ не охарактеризованъ. Самъ Вольтеръ въ перепискѣ съ Екатериной II еще менѣе является для читателя освѣщеннымъ со всѣхъ сторонъ или, по крайней мѣрѣ, съ главной; Руссо, какъ частная личность, нѣсколько обрисованъ; но г. Чуйко не знакомитъ читателя съ Руссо, какъ съ общественнымъ дѣятелемъ. О Лассалѣ читатель не выноситъ никакого понятія, просматривая въ „выпускѣ“ статью Лассала о Лессингѣ и объ итальянской войнѣ и задачахъ Пруссіи. Никакого представленія о государственномъ социализмѣ, которымъ прославился Лассаль, какъ агитаторъ, никакого представленія о его научныхъ заслугахъ, которыми онъ извѣстенъ въ области политической экономіи.—Если г. Чуйко будетъ продолжать пополнять „Библиотеку“ выпусками въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы даемъ нѣсколько строгій отзывъ, то къ нему вполнѣ будутъ примѣнимы слова Лассала по поводу занимающей насъ темы: почему великіе и славные мыслители и поэты пронесли надъ головами большинства общества какъ стадо журавлей и до массы ничего не дошло отъ нихъ кромѣ пустаго звука имени?—Лассаль отвѣчаетъ: „Буржуазный умъ не обращается къ оптовымъ продавцамъ мысли, которыми гордятся Германія, къ своимъ великимъ мыслителямъ и философамъ. На это у него нѣтъ вкуса, времени и достаточной подготовки. Подобно тому какъ бѣдняки, не имѣя средствъ покупать припасы заблаговременно, большими количествами у оптовыхъ торговцевъ, принуждены брать ихъ у мелкихъ завочниковъ, хотя скверные и поддѣльные, такъ и буржуа покупаютъ мыслительныя издѣлія ежедневно изъ рукъ самыхъ жалкихъ торговцевъ, изъ рукъ либеральныхъ жалкихъ писакъ“. Между тѣмъ, зная г. Чуйко по его другимъ литературнымъ трудамъ, мы были вправѣ ожидать отъ него „выпусковъ“ съ направленіемъ и опредѣленнымъ содержаніемъ. Теперь же намъ приходится напомнить ему афоризмъ какого-то писателя, что „одно изъ несчастій нашей жизни состоитъ въ томъ, что намъ приходится прочитывать тысячи книгъ для того, чтобы убѣдиться, что ихъ не стоило читать“.

А. Ф.—вѣ.

Д. В. Цвѣтаевъ. Валлады Шиллера. Опытъ объясненія. Первая группа балладъ. Воронежъ. 1882 г.

Нѣтъ ничего труднѣе и иногда даже неблагоприятнѣе, какъ въ наше время издавать на русскомъ языкѣ книги по болѣе или менѣе специальнымъ вопросамъ исторіи всеобщей литературы. Несомнѣнный въ наши дни упадокъ общаго историко-литературнаго образованія, обусловленный прежде всего отсутствіемъ исторіи всеобщей литературы въ курсѣ среднихъ учебныхъ заведеній, въ свою очередь обусловливаетъ собой суженіе круга читателей, склонныхъ заинтересоваться какимиъ нибудь отдѣломъ всемірной литературы, на которомъ неясновѣданными судьбами остановился авторъ. Появленіе такой книги сейчасъ же вызываетъ даже среди руководящей критики, которая никогда не задумывается, напр. превосходныя работы г. Стороженки, Веселовскихъ и многихъ другихъ изслѣдователей въ области исторіи всеобщей литературы, встрѣчать совершенно посторонними разсужденіями о томъ, настоятъ ли надобность разрабатывать Мольера, Шекспира, Шиллера „въ настоящее время, когда и пр.“ Но г. Цвѣтаевъ въ своей работѣ руководится благой вѣрой въ то, что за послѣднее время уже не имѣютъ мѣста еще такъ недавно безпощадныя „взмахи противозстетической критики, особенно сильной въ 60-хъ годахъ“. „За послѣднее время, говоритъ далѣе авторъ, съ большимъ развитіемъ эстетическаго вкуса, замѣчается вообще поворотъ къ художественному“.

Какъ-то пріятно и въ то же время грустно слышать подобныя слова. Поворотъ къ художественному! Да неужели мы послѣднія 20 лѣтъ стояли спиною къ поэзіи и искусству, къ этимъ живительнѣйшимъ началамъ нашей духовной жизни? Съ грустью должны мы отвѣтить: да, люди, вѣдавшіе два послѣдніе десятка лѣтъ дѣло русскаго слова, обращались съ поэзіей не особенно бережно, чтобъ не сказать чего нибудь хуже. Всѣ попытки разрушить старыя традиціи въ искусствѣ кончились, потому что у кого въ наши дни есть искра Божія, тотъ не станетъ въ своихъ писаніяхъ придерживаться принциповъ разрушенія эстетики, а именно ей-то и поклонится, изъ нея-то и возьметъ руководящія начала. Г. Цвѣтаевъ въ своей книгѣ идетъ какъ бы навстрѣчу замѣченному имъ и другими „повороту къ художественному вообще“, давая въ руки читающаго люда прекрасный объяснительный матеріалъ къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ великаго германскаго поэта. Только прежде, чѣмъ рекомендовать книгу г. Цвѣтаева всѣмъ, кого она можетъ интересовать, мы постараемся отдѣлать въ ней пшеницу отъ плевель.

Книга г. Цвѣтаева въ высшей степени полезна, давая самый обстоятельный историческій комментарий къ каждой поэмѣ Шиллера, объясняющій какъ самый фактъ, взятый сюжетомъ поэтическаго произведенія, такъ и прослѣживающій литературную передачу сюжета изъ одного памятника въ другой и, наконецъ, разработку его подъ перомъ великаго поэта. Этотъ историческій комментарий, по нашему мнѣнію, составляетъ капитальную часть книги, пользоваться которой мы рекомендуемъ всѣмъ, занимающимся словесностью, тѣмъ болѣе, что у насъ при этомъ не трудно встрѣтиться съ художественными балладами Шиллера, не менѣе художественно переданными на нашъ языкъ В. А. Жуковскимъ.

Не менѣе цѣннымъ, на нашъ взглядъ, критическія настроенія г. Цвѣтаева, въ которыхъ онъ прекрасно выясняетъ идею cadaго созданія Шиллера въ связи съ ея поэтическимъ выраженіемъ. Добросовѣстная постановка вопроса

объ идеяхъ, одушевляющихъ извѣстныя поэтическія произведенія, тѣмъ болѣе необходима въ наши дни, что, при охватившемъ всѣхъ смѣшеніи языковъ, на этотъ счетъ появилась самая печальная путаница понятій. Одни говорятъ: изображай дѣйствительность такую, какова она есть; другіе съ справедливымъ неудовольствіемъ встрѣчаютъ тенденціозныя произведенія съ ихъ холодными фигурами, безжизненно произносящими фразы, почему либо избюбленными авторомъ. И то, и другое направленіе намъ кажется явленіемъ болѣзненнымъ. Идея вѣчная, идея мировая, ео ipso всегда безконечно выше какъ сѣрой повседневной дѣйствительности, такъ и тенденцій, въ извѣстные періоды вызывающихъ извѣстныя группы людей. Она-то, эта вѣчная идея, и должна освѣщать всякое истинно-поэтическое созданіе, не заглушенная ни натуралистическими (употребляемъ золастическій терминъ нашихъ дней) подробностями, ни доктринами, которыя сегодня живы, а завтра отъ нихъ ничего не останется. „Степень и прочность очаровательности поэтическихъ произведеній“—говоритъ г. Цвѣтаевъ—„всегда связывается съ качествомъ одушевляющей ихъ идеи. Кто бы могъ поручиться за то громадное вліяніе, какимъ пользуется Шиллеръ, если бы онъ ограничился одной изыщной формой, а не былъ жрецомъ идеаловъ или, какъ онъ самъ выражается, не старался бы вложить въ предметъ абсолютное содержаніе. Его постоянно воодушевляли идеи высокія, по преимуществу общечеловѣческія. Найти ихъ въ его произведеніяхъ—значитъ почти каждый разъ узнавать, чѣмъ жило, волновалось и страдало человѣчество“ (32) Въ послѣднихъ словахъ заключается оцѣнка критической задачи г. Цвѣтаева, если онъ хотя отчасти приблизился къ ея выполненію.

Но г. Цвѣтаевъ не ограничивается выясненіемъ идей, а даетъ еще обстоятельную критику ихъ выраженія въ поэтическихъ формахъ. Разбирая каждое выдающееся по содержанію мѣсто, г. Цвѣтаевъ прослѣдилъ выдержанность этихъ формъ, хотя не обошелъ, гдѣ того требовала правда, и недостатковъ разбираемыхъ балладъ. Кроме того, г. Цвѣтаевъ съ фактами въ рукахъ прекрасно отмѣтилъ свободу творчества великаго поэта, свободу его отъ узкихъ требованій извѣстныхъ традицій искусства, и тѣмъ еще больше показалъ значеніе Шиллера. „Значеніе истинныхъ поэтовъ въ поступательномъ движеніи искусства—говоритъ г. Цвѣтаевъ—въ томъ и состоитъ, что они не всегда творятъ по существующимъ обязательнымъ для массы теоріямъ, а болѣе послушные своему непосредственному чувству создаютъ такія произведенія, что сообразно съ послѣдними приходится потомъ измѣнять и самую теорію. Ихъ главная сила—въ ихъ организаторской, самобытно-творческой и чуткой прекрасному природѣ“ (70).

Перехода къ тѣмъ плеведамъ, присутствіе которыхъ, къ сожалѣнію, нельзя не видѣть въ книгѣ г. Цвѣтаева, мы должны замѣтить, что авторъ, работавшій подъ очевиднымъ вліяніемъ нѣмецкихъ комментаторовъ Шиллера (хотя онъ и не счелъ нужнымъ привести богатую литературу предмета у нѣмцевъ, а напротивъ, привелъ жалкій списокъ работъ о Шиллерѣ, которыми обладаетъ русская литература) авторъ слишкомъ увлекся нѣмецкой страстью расчленять поэтическія произведенія и распределять полученныя такимъ образомъ части по арабскимъ и римскимъ цифрамъ. Когда такимъ образомъ расчленяютъ прекрасное поэтическое произведеніе, всегда органически цѣлое, точно будто на вашихъ глазахъ обламываютъ по кусочкамъ прелестную вазу. И это называется дать „логическій строй произведенія“.

Приведемъ, на примѣръ, „логическій строй“ баллады „Перчатка.“

I. Открытіе сцены (вступленіе).

II. Выступленіе животныхъ.

(дѣйствіе въ сферѣ животныхъ).

1) Льва .	}	А.
2) Тигра.		
3) Леопарда.		

III. Паденіе перчатки...

и такъ далѣе, все въ томъ же родѣ.

Что доказываютъ и поясняютъ подобныя расчлененія, предоставляемъ судить поборникамъ нѣмецкой аккуратности; только знаемъ, что все это отзывается на судьбѣ бѣдныхъ гимназистовъ 4—5-го класса. Не одинъ учитель гимназіи, вдохновленный книжкой Цвѣтаева, станетъ щеголять передъ своими учениками „выступленіемъ льва, тигра, леопардовъ и паденіемъ перчатки“. Только будетъ ли это способствовать „повороту вообще къ художественному“—оставляемъ это на совѣсти г. Цвѣтаева, а между тѣмъ искреннія намѣренія автора лежать внѣ всякаго сомнѣнія. Впрочемъ, часто бываетъ, что мы сами не знаемъ, какииъ богамъ служимъ.

Е. Г.

Исслѣдованіе о выдачѣ преступниковъ. А. Штиглица. Спб. 1882 г.

Трудъ г. Штиглица имѣетъ цѣлью исторически-догматическое разсмотрѣніе картельныхъ конвенцій, заключенныхъ государствами между собою о выдачѣ преступниковъ, а равно и самаго вопроса о такой выдачѣ. Выдача преступниковъ началась съ древнихъ временъ. Жители Іудеи выдали Самсона филистимлянамъ, лакедемоняне объявили войну мессенинамъ за отказъ ихъ выдать одного убійцу. Даже въ египетскихъ іероглифахъ нашли трактатъ о выдачѣ преступниковъ, заключенный между египетскимъ царемъ Рамзесомъ II и княземъ Хетскимъ. Первые международные договоры о выдачѣ касались преимущественно выдачи политическихъ преступниковъ, которые впоследствии были исключены изъ картельныхъ конвенцій. Франція исключила ихъ только съ 1833 года. Подобные договоры у Россіи существуютъ съ Данією, Голландією, Италією, Швейцарією, Баварією, Бельгією, Австрією, Испанією. Въ баварской конвенціи дѣлая категорія политическихъ преступниковъ подлежитъ выдачѣ, именно царубійцы. Въ датской и голландской конвенціяхъ о политическихъ преступленіяхъ не упоминается. Въ конвенціи съ Швейцарією установлено исключеніе не только въ пользу политическихъ преступниковъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, но и относительно тѣхъ случаевъ, когда политическія преступленія бывають соединены съ общими уголовными. Австрійская конвенція по содержанію своему сходна съ швейцарскою. Съ Францією, Англією, Соединенными Сѣверо-Американскими штатами у Россіи не существуетъ картельныхъ конвенцій. Съ Пруссією въ 1816 году была заключена Россією такая конвенція, въ силу которой подлежали выдачѣ даже политическіе преступники. Въ 1857 году эта конвенція продолжена была еще на 12 лѣтъ, то есть до 8-го августа 1869 г.

Г. Штиглицъ извѣстенъ уже въ литературѣ своимъ трудомъ: „Исслѣдованіе о военной контрабандѣ“, вышедшемъ въ 1881 году. Нынѣшній трудъ, разбирая подробно вопросъ о выдачѣ преступниковъ, сообщаетъ съ тѣмъ виѣстѣ много интересныхъ данныхъ по возникавшимъ между государствами переговорамъ по этому предмету. Съ тѣмъ виѣстѣ трудъ г. Штиглица знакомитъ и съ обширною литературою Франціи, Германіи, Италиі, Англии по вопросу о картельныхъ конвенціяхъ, о политическихъ преступленіяхъ и о выдачѣ политическихъ преступниковъ.

II. У.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Письмо Андрея Искры, поданное графу П. А. Зубову.

„Сіятельнѣйшій графъ!

ИОРЫВАЕМЫЙ ревностію услужить государямъ, предокъ мой, полковникъ Искра, намекнулъ про измѣну Мазепы; но за то имѣніе и голову потерялъ, какъ шапку. Въ тотъ моментъ появилась и правда его; но голова не картузь.

„Государь, поправя ошибку, своею особою предалъ землѣ прахъ страдальца и наслѣдникамъ возвратилъ то имѣніе въ Украинѣ; послѣ Украинну отдалъ полякамъ, а наслѣдникамъ обѣщалъ дать въ Малороссіи; но тѣ были тогда малолѣтны; пока возмужали, государь скончался. И тогда и теперь—все равно, вездѣ пишутъ, что наградить насъ должно, но ничего не даютъ. Это древность, графъ!

„Я просился изъ военной въ гарнизонъ, а меня оставили въ чистую, словно какъ будто бы въ то награжденіе, чтобъ за долговременную и безпощадную службу околѣть съ голоду. А это, графъ, прошедшее.

„Я сюда пріѣхалъ, то изъ дружбы на облучку, то по нуждѣ на долгихъ. Годъ мѣста былъ въ-полсыта, а подѣзжалъ на извозчикахъ; другой и третій прѣшедшій боролся съ голодомъ; а теперь уже и премудрость не помогла, кромѣ развѣ Діогену въ слѣдъ итти: служить негдѣ, а дома жить не у чего. Вотъ это настоящее, графъ! Но то для вельможи не новизна, а для чувствительной души страданіе. Ваша преполнена доброты, такъ помогите мнѣ! Въкѣ времени, что правительствовавшій малой Россіей, бывшій гетманъ и тамошній генералъ-губернаторъ, а наконецъ и сенатъ, за то отшедшее имѣніе, преслидуютъ наградить насъ; но и до-днесь мы въ чаяніи будущихъ благъ.

„Докладъ сената два года лежалъ у г. Державина, хотя и послѣдовала высочайшая резолюція о воздаяніи намъ; а теперь нѣсколько мѣсяцевъ ле-

жить у г. Попова, которому императрица именно и точно повелѣть изволила: взять и доложить, а я хлѣбаю завтраки.

„Братъ мой, тожъ маіоръ, подѣ Анапою сдѣлался безъ руки, а у меня хотя и обѣ уцѣлѣли, но только развѣ, чтобъ протягивать въ тактъ, подѣ визгъ: подайте Христа ради! и тогда, когда въ цѣлое столѣтіе кровь предковъ, потъ и увѣче потомковъ—непрерывная суть жертва ревности.

„Сіятельныйшій графъ! ревнитель истины и у престола ходатайствующій о ней, заступи насъ! Единое слово твое сдѣлаетъ больше, нежели столѣтіе; а мы если не забвенны будемъ у васъ, то вы не забвенны будете у Вседержителя. Благъ бо мужъ щедрый, родъ его вознесетъ во славу.

„Вашего сіятельства

„Всепокорнѣйшій слуга

„1794 года, февраля 17 дня.

„Андрей Искра“.

Сообщено Е. И. Морозкиной.

Къ исторіи царствованія императора Александра I-го.

Извѣстно, что въ послѣдніе годы своего царствованія императоръ Александръ Павловичъ, желая нѣсколько разогнать снѣдавшую его душевную тоску, предпринималъ частыя и продолжительныя поѣздки въ разныя мѣстности Россіи. Вотъ въ одну изъ такихъ поѣздокъ, въ Псковской губерніи ему бросилось въ глаза обиліе нищихъ, бродившихъ по дорогамъ—для собиранія подаянія... Это были крестьяне, находившіеся тогда подѣ отеческою властію помѣщиковъ, а частію и казны. Бродяжничество крестьянъ показывало, что ихъ названныя отцы мало о нихъ заботились. Это очень огорчило императора Александра Павловича, у котораго, очевидно, крестьянскій вопросъ, такъ горячо занимавшій его въ началѣ царствованія, не выходилъ изъ ума и сердца и впослѣдствіи. Эти частыя встрѣчи по дорогѣ крестьянъ, не только казѣвъ, но и здоровыхъ, и даже дѣтей, нуждавшихся въ кускѣ хлѣба и жившихъ милостынею, болѣзненно отзывались въ душѣ государя-самодержца, когда-то восторженнаго гуманиста... Рисуя передъ нимъ тягостныя образы сельскихъ порядковъ и отношеній,—эти нежеланныя встрѣчи будили въ его совѣсти забытыя идеальныя порывы прошлаго и все еще требовали отъ него,—уже усталаго, разочарованнаго и тлотившагося ношею своей могучей, но чрезъ это самое еще болѣе отвѣтственной предѣ Богомъ и людьми, власти,—требовали отъ него такихъ или иныхъ мѣръ и въ настоящемъ... Онъ уже не могъ сдѣлать того царскаго манія, котораго такъ ждалъ отъ него Пушкинъ и въ силу котораго рабство должно было пасть, а народъ освободиться... Онъ способенъ былъ теперь сдѣлать усиліе только на мѣры палліативныя, имѣвшія пройти чрезъ горнило канцелярій и расчитывавшія въ концѣ концовъ на добрую волю тѣхъ же самыхъ „названныхъ отцовъ“, отъ которыхъ зависѣло огорчавшее его крестьянское зло. Вотъ подобныя именно мѣры Александръ I-й велѣлъ выставить на видъ губернатору Псковской губерніи, гдѣ въ особенности рѣзко представилось ему тогдашнее сельское безладье—въ образѣ крестьянскаго бродячаго нищенства. Но такъ какъ на Псковскую губернію могли быть похожи въ этомъ отношеніи и другія, то тогдашній ми-

нистръ внутреннихъ дѣлъ счелъ долгомъ повелѣніе государя относительно Псковской губерніи сообщить циркулярно и прочимъ губернаторамъ. Вотъ этотъ-то министерскій циркуляръ, гдѣ выражены, быть можетъ, послѣднія думы Александра Благословеннаго о крестьянскомъ вопросѣ, мы извлекли изъ архива бессарабскаго губернскаго правленія и сообщаемъ теперь какъ крупицу для исторіи крѣпостнаго права.

М. В. Д.

Департаментъ полиціи
исполнительной.

Отдѣленіе 2-е.

Столъ 2.

23 мая 1825 г.

№ 661.

О принятіи надлежащихъ мѣръ къ пресѣченію бродяжничества нищихъ.

~~~~~

пщики, обязанные пешичь о состояніи и прокормленіи своихъ крестьянъ, весьма мало о томъ заботятся, равно и мѣстное начальство не обращаетъ на сей важный предметъ должнаго вниманія; особенно непростительно то, что допускаютъ не только кагѣкъ, но совершенно здоровыхъ и способныхъ къ работамъ и малолѣтнихъ дѣтей бродить по дорогамъ и представлять себя нищими, дабы испрашивать подаваніе, чѣмъ болѣе и болѣе портится нравственность, ибо всѣ пороки являются отъ празднои жизни. Посему его императорское величество повелѣлъ псковскому гражданскому губернатору—во 1-хъ, привести въ извѣстность всѣхъ нищихъ кагѣкъ и тѣхъ изъ нихъ, кои принадлежатъ помѣщикамъ, отдать имъ на попеченіе, такъ какъ они обязаны пешичь о ихъ пропитаніи; казенныхъ же крестьянъ отдать на таковое же попеченіе казеннымъ селеніямъ. Во 2-хъ, строго подтвердить и наблюдать со стороны полиціи, чтобы нищимъ кагѣкамъ, и тѣмъ менѣе подъ видомъ ихъ здоровымъ, отнюдь не было позволено отлучаться самовольно изъ своихъ селеній и бродить по дорогамъ и другимъ мѣстамъ для испрашиванія милостыни и, въ 3-хъ за нерадѣніе о призрѣніи нищихъ кагѣкъ, за допущеніе ихъ отлучаться изъ своихъ селеній и за бродяжничество подъ видомъ ихъ здоровыхъ, подвергать строжайшему взысканію какъ помѣщиковъ, такъ и волостныхъ головъ, наиболѣе же чиновниковъ земской полиціи, у коихъ случатся подобныя безпорядки.

„О такомъ высочайшемъ его императорскаго величества повелѣніи, послѣдовавшемъ по Псковской губерніи, я счелъ долгомъ увѣдомить и ваше превосходительство съ тѣмъ, дабы вы по вѣренной вашему управленію губерніи приняли надлежащія мѣры къ искорененію бродяжничества нищихъ, гдѣ оно существуетъ.“

„Подписаль: управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ В. Ланской“.

„Скрѣпилъ: директоръ Матвѣй Штеръ“.

„Свѣрлялъ: начальникъ стола Д. Синицынъ“.

„Вѣрно: титулярный совѣтникъ Копѣйкинъ“.

Сообщено Л. С. Мадъевичемъ.

Случай изъ жизни графа Сперанскаго.

Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, въ бесѣдахъ со своими молодыми сотрудниками по составленію свода законовъ, нерѣдко рассказывалъ слѣдующій случай изъ своей жизни, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе въ законодательныхъ его работахъ. Сперанскій занялъ былъ составленіемъ „Положенія объ евреяхъ“¹⁾. Въ это время въ Петербургѣ находился одинъ изъ раввиновъ, извѣстный своею ученостію и знаніемъ древнихъ и новыхъ языковъ. Раввинъ былъ представленъ Сперанскому, заинтересовалъ его своими многосторонними знаніями и былъ приглашенъ въ небольшой домашній комитетъ къ графу, для обсужденія только что оконченнаго тогда „Положенія объ евреяхъ“. Въ назначенный часъ раввинъ явился, но, увидѣвъ на столѣ три объемистыя книги, немного, повидимому, смутился. Чтеніе проекта „Положенія“ началось въ девять часовъ вечера и продолжалось до второго часа утра. Чтець и слушатели утомились. Послѣ краткой паузы, Сперанскій обратился къ раввину съ вопросомъ: „понятно ли написано, удобно ли для исполненія и полезно ли для евреевъ?“ Раввинъ всталъ, принявъ осанку мудреца и возразилъ: „Цѣль всякаго законодательства заключается въ томъ, чтобы удерживать народъ въ правственности и правотѣ. Чѣмъ короче и удобнѣе законы, тѣмъ они удобнѣе для исполненія. Корень законодательства, какъ древнихъ царствъ, такъ и новѣйшихъ державъ и народовъ, суть заповѣди Моисея, писанныя на двухъ доскахъ, составляющія десять пунктовъ. Въ сихъ заповѣдяхъ сказано: не дѣлай того и того, и исполняй то и то. Если ваше превосходительство сообразите свой проектъ съ этимъ корнемъ законодательства, то онъ изъ трехъ большихъ томовъ и изъ тысячи пятисотъ статей совернется на двѣ страницы и составитъ не болѣе десяти пунктовъ. Скажите: евреи уравниваются въ правахъ личныхъ, собственности и въ повинностяхъ съ такими-то сословіями. Евреи не должны дѣлать того-то и того-то, евреи обязаны исполнять то и то. Неблагоразумно разъединять семейный союзъ государства начертаніемъ особыхъ постановленій для каждаго племени, касты или сословія и учреждать въ царствѣ царства. Еще неблагоразумнѣе было бы устанавливать поколѣнные или сословные суды и управы. Ничто такъ не разоряетъ народъ, какъ многоначаліе. Законы, управы и суды должны быть общіе для всѣхъ членовъ государственнаго союза. Чѣмъ малосложнѣе составится еврейскій уставъ, чѣмъ менѣе назначится властей, и чѣмъ шире уравниются евреевъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ, тѣмъ болѣе законъ этотъ будетъ понятенъ, удобенъ для исполненія и полезенъ для евреевъ и тѣмъ скорѣе достигнута будетъ проявляющаяся въ немъ главная цѣль правительства: распространеніе между евреями просвѣщенія, слитія національности и усвоеніе народу Божію всѣхъ благъ европейской цивилизаціи. Осмѣливаюсь убѣждать васъ, для огражденія славнаго своего имени отъ порицанія мудрыхъ, передѣлать свой обширный трудъ и при этомъ принять во вниманіе мои дерзкія замѣчанія“.

М. М. Сперанскій вспыхнулъ, сталъ пространно доказывать необходимость уясненія различныхъ сословныхъ отношеній и проч., но затѣмъ, постепенно,

¹⁾ Хотя въ интересномъ очеркѣ жизни графа Сперанскаго, помѣщенномъ въ № 10 и 20 „Русскаго Вѣстника“ 1859 года, сказано, что онъ занимался составленіемъ „Положенія объ евреяхъ“, но приводимый здѣсь случай не сообщенъ. I.

«истор. вѣстн.», годъ III, томъ X.

уступая хладнокровію и скромности умнаго раввина, сознался въ односторонности своего взгляда на этотъ предметъ и согласился сократить проектъ, что и было имъ исполнено.

Этотъ урокъ, по словамъ Сперанскаго, имѣлъ большое вліяніе на всѣ послѣдующіе труды его на законодательномъ поприщѣ. Сперанскій, убѣдившись практическими уроками общественной жизни, говорилъ своимъ молодымъ сотрудникамъ: „что не то хорошо, что ново, но то полезно, что согласно съ правами и потребностями народа“.

Сообщено П. С. Усовымъ.

Письмо Булгарина къ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому.

„Ваше Высочайшее Превосходительство,

„Милостивый государь,

„Левъ Алексѣевичъ!

„Вѣра въ ваше правосудіе, безкорыстный патриотизмъ и любовь къ общему благу, какъ въ существованіе Бога, а съ полнымъ унованіемъ на облегченіе моей судьбы прибѣгаю къ вашему высочайшему преемству, и всепокорнѣйше прошу выслушать меня.

„Продавъ мое родовое имѣніе въ западныхъ губерніяхъ, за восемнадцать лѣтъ предъ симъ, а купилъ недвижимое имѣніе Карлово, возлѣ самаго ученаго Дерпта, представляющаго мнѣ множество вспомогательныхъ средствъ къ моимъ занятіямъ. Это было первое покушеніе ¹⁾ со стороны человѣка, не принадлежащаго къ кастѣ инкасовъ или браминовъ, т. е. лифляндскаго дворянства, къ водворенію въ заповѣдной странѣ. Изгнать меня оттуда, посредствомъ выкупа имѣнія, по праву Nâhevecht, было инкасамъ или браминамъ не выгодно, потому что я за имѣніе заплатилъ дорого, а гордые наследники имущества бароновъ Левенвольдовъ и другихъ правителей Россіи не выдадутъ лишняго гроша даже на пищу своему тщеславію! Провождая только часть лѣта въ моемъ скромномъ уголкѣ, а бесѣдую болѣе съ природою и моими книгами, чѣмъ съ людьми, хотя по врожденному чувству люблю нѣмцевъ, т. е. честныхъ и умныхъ, и всѣми мѣрами старался и стараюсь угождать туземцамъ, которые даже въ изліяніяхъ дружбы сознавались мнѣ, что они, желая мнѣ всякаго добра, рады были бы выжить меня изъ Лифляндіи единственно для примѣра другимъ, чтобъ отбить охоту у русскихъ дворянъ приобрѣтати владѣнія въ той странѣ. Испыталъ я самыя безмысленныя гоненія! Напримѣръ: повара моего брали подъ стражу на рынкѣ и отнимали у него купленную имъ провизію, ссылаясь на постановленія Гермейстерскихъ временъ, т. е. XIV вѣка, когда въ странѣ была междоусобная война между Land und Städte, т. е. городами и мызами, и когда города, будучи въ вѣчной осадѣ, запрещали вывозить за городскія стѣны съѣстные припасы. Эти обветшалыя постановленія городъ вздумалъ возобновить въ отношеніи ко мнѣ одному: послѣ того городъ затѣялъ со мною тяжбу, и основывался на какой-то старинной картѣ, сдѣланной городскимъ землебротомъ, безъ ре-

¹⁾ Въ Лифляндіи есть жалованныя имѣнія графа Шереметева, Чоглоковыхъ и графовъ Бобринскихъ, но купленные русскими дворянами не бывало и гдѣ. Я былъ первый и вѣроятно послѣдній.

визит и подписи земскихъ депутатовъ, пренебрегая пятидесятилѣтнюю давность, требуетъ, чтобъ мое Карлово поступило въ городъ, т. е. въ городскую юрисдикцію. Городъ отказывалъ мнѣ даже въ позволеніи покупать песокъ (грантъ) для построекъ, продавая его изъ своихъ песчаныхъ розсыпей всѣмъ и каждому, а земская полиція при всякомъ квартирномъ войскѣ, вопреки мѣстнымъ и русскимъ законамъ, ставитъ всегда въ мой господскій дворъ или цѣлую роту, или цѣлый эскадронъ, выгоняя, такъ сказать, меня изъ дома, и назначая въ другія, въ двадцать разъ обширѣйшія имѣнія, или по нѣскольку только человекъ, или вовсе освободивъ ихъ отъ поста. Все переносилъ я терпѣливо и однажды только возвысилъ голосъ, а именно въ 1837 г., когда на официальномъ обѣдѣ у попечителя генералъ-лейтенанта Крафстрема безчиновный лифляндскій дворянинъ Штапельбергъ (Abbasche, т. е. владѣющій имѣніемъ Аббін), говоря о привилегіяхъ Лифляндіи (которыя тогда еще не были утверждены государемъ императоромъ), сказалъ публично, что „русское дворянство есть ни что иное, какъ сословіе освобожденныхъ рабовъ, на которыхъ еще не зажили язвы отъ кнута и палокъ, а потому и не можетъ равняться съ вольнымъ лифляндскимъ дворянствомъ.“ На это я отвѣчалъ преспокойно, что если и лифляндское дворянство пересмотритъ рачительно свои метрическія книги (Matrikel), то найдетъ тамъ портныхъ и сапожниковъ *) (Schuster und Schneider), и что если припоминать времена варварства, то окажется, что и лифляндскіе послы должны были кланяться не лицу Ивана Васильевича Грознаго, что подтверждаютъ лифляндскіе историки **)“. Съ этихъ поръ лифляндцы объявили меня Russisch gesinnt, т. е. проникнутаго русскимъ духомъ, что почитается тамъ хуже чумы и проказы, и хотя вовсе не вмѣшивался и не вмѣшиваюсь ни въ какія общественныя дѣла Лифляндіи, будучи лишень тамъ, какъ всѣ русскіе дворяне, всѣхъ земскихъ правъ, и душевно желаю блага этому краю, но лифляндцы стараются всѣми силами сдѣлать мнѣ неприятнымъ пребываніе между ними, единственно слѣдуя своей системою, основанной на ненависти къ русскимъ людямъ.

„Зная, что я пріѣзжаю въ маѣ мѣсяцѣ съ семействомъ въ Карлово, дерптскій Ордунсъ-герихтъ поставилъ въ домъ мой 40 человекъ казаковъ и семейнаго ротмистра, съ шестью человекъ прислуги, и до 50-ти лошадей! Это уже не постой а военная экзекуція или военный постъ! Между тѣмъ, въ верстѣ отъ меня, на мызѣ Ропно, принадлежащей господину Брашу, нѣтъ ни одного человекъ на постой, хотя имѣніе г. Браша въ двадцать разъ болѣе моего! Секретарь Ордунсъ-герихта, Страусъ, самъ привелъ команду на мою мызу, и съ насмѣшкою рекомендовалъ управляющему: „гостей-земляковъ, которымъ я долженъ быть радъ!“ Можно ли подобныя насилія и несправедливости терпѣть въ благоустроенномъ государствѣ, и гдѣ видано, чтобъ

*) Богатыхъ людей изъ мѣщанъ и купцевъ принимаютъ въ заповѣдную касту дворянъ, особенно если они приобрѣли первый офицерскій статскій чинъ. Замѣчательно, что нынѣ въ трехъ остзейскихъ провинціяхъ только 12 старинныхъ рыцарскихъ фамилій. Прочее дворянство изъ шведскихъ чиновниковъ, и большая часть, три четверти, изъ русскихъ мелкихъ чиновниковъ съ деньгами, нѣмецкаго происхожденія. Нынѣшніе аристократы Каульбарсы, Арпговетны, Гроты, Мензенгампфы и т. п. дѣти и внуки купцевъ.

**) Иванъ Васильевичъ Грозный принялъ Лифляндское посольство обернувшись къ нему тыломъ, и послы должны были кланяться. Неоспоримый историческій фактъ. Это было наказаніе за оскорбленіе Русскихъ пословъ.

въ мирное время занять мызу военнымъ образомъ? Дворовый скотъ мой долженъ погибнуть, потому что у меня берутъ послѣднюю солому на подстилку казачьимъ лошадямъ! Не говорю о другихъ издержкахъ. И за что же такое гоненіе на мызу Карлово? Мужики мои никогда не были ослушными, а въ числѣ семи мызъ Дерптскаго округа, сохранившихъ по сію пору крестьянскіе запасные хлѣбные магазины, и не требовавшіе никакого пособія отъ казны, находятся двѣ мои мызы: Карлово и Саранусь. Подати всегда вѣрно и въ срокъ уплачиваются, и я могу смѣло сказать, что благоустройство и попеченіе о крестьянахъ въ моемъ имѣніи примѣрныя, въ чемъ сознаются, хотя не охотно, сами лифляндцы. Я упрочилъ благосостояніе моихъ крестьянъ, уступивъ имъ безвозмездно половину рабочихъ дней, обязанность ставить подводы на 200 верстъ и всю подать натурою, и это водворило между ними довольство. Сверхъ того, я помогаю имъ, въ случаѣ падежа скота, или неурожая, строю на свой счетъ дома и пользую въ случаѣ болѣзней. Такіе поступки вредны, по мнѣнію моихъ сосѣдей, для края и подають дурной примѣръ,—и вотъ они рѣшились наконецъ разорить мое гнѣздо, и даже не допустить меня въ него, отдавъ его казакамъ!

„Въ моихъ глѣтахъ и при моихъ недугахъ, я не имѣю другаго наслажденія въ жизни и средствъ къ поддержанію здоровья, какъ пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ деревнѣ; но теперь не могу исполнить этого желанія, потому что мыза моя превращена въ казарму. Всепокорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство оказать мнѣ милость и правосудіе приказаніемъ очистить мызу Карлово отъ противузаконнаго поста, и подвергнуть Дерптскій Орднунсъ-герихтъ отвѣтственности за самоуправство и за освобожденіе сосѣдней мызы Роцно отъ всякаго поста, взваливъ всю тяжесть на меня, въ чемъ видно явно намѣреніе притѣснить меня.

„Съ истиннымъ и глубокимъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностію честь имѣю быть

„Вашего высокопревосходительства,
„Милостивый Государь,
„Вашимъ Всепокорнѣйшимъ слугою
„Оадѣй Булгаринъ.
„Надворный Совѣтникъ,
„Издатель газеты „Сѣверная Пчела“.

27-го апрѣля 1846 г.

С.-Петербургъ.

„Жительство имѣю:

„На Невскомъ проспектѣ, за Аничкинымъ мостомъ, въ домѣ Мѣняева, № 93.

Сообщено Е. А. Морозкиной.

СМѢСЬ.

ОФИЦИАЛЬНОЕ празднование 300-лѣтія Сибири. 6-е декабря нынѣшняго года, сибирская администрація избрала днемъ официального празднованія столѣтняго юбилея Сибири. Почему остановились на этомъ числѣ? Ермакъ перешелъ Уралъ въ 1579 г. и, разбивъ 23-го октября 1581 г. Кучума, 26-го октября занялъ столицу Сибири, Искеръ.

Черезъ два съ половиною года, въ 1583 г., учреждено воеводское управление въ Сибири. Только между этими датами слѣдовало бы дѣлать выборъ, ибо ими опредѣляется самый актъ завоеванія Сибирскаго царства. Много говорить за чествованіе именно этого знаменательнаго событія. Оно увѣковѣчено русскимъ народомъ въ его историческихъ пѣсняхъ; оно имѣетъ такое же всемірно-историческое значеніе, какъ и открытіе западно-европейскими народами новыхъ земель въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка. Но сибирская администрація, очевидно, до этого нѣтъ дѣла, она не придаетъ рѣшающаго значенія этому событію въ исторіи открытія Сибири. Въ оправданіе ея въ данномъ случаѣ можно сослаться развѣ на то, что сами гг. ученые археологи не берутся рѣшать, когда собственно родилось сибирское царство—со времени покоренія его Ермакомъ, или же въ день „принятія въ подданство Сибири“ Ивановомъ Грознымъ. По крайней мѣрѣ съ такой неопредѣленностью высказался рѣшительный синклитъ специалистовъ по археологіи, собравшихся въ маѣ прошлаго года въ Москвѣ для обсужденія вопроса о днѣ рожденія Сибири. Подобное заключеніе, конечно, не могло ничего разъяснить администраціи и въ прошломъ году чествованіе знаменательнаго 26-го октября, когда славный донской казакъ Ермакъ Тимофеевичъ навесъ рѣшительное пораженіе сибирскому царю Кучуму подъ стѣнами Искера и занятіемъ Кучумовской столицы положилъ начало присоединенія къ Россіи громадной территоріи, ограничилось устройствомъ въ Петербургѣ обѣда, въ которомъ приняла участіе до двухсотъ находившихся въ столицѣ сибиряковъ, сибирячекъ и лицъ посвятившихъ труды свои на благо Сибири. Сама виновница торжества осталась непричастна къ нему въ ожиданіи официального разрѣшенія помянуть свои именины. Послѣднее же зависѣло отъ усмотрѣнія мѣстной администраціи, которая, напрасно прождавъ, пока гг. ученые наведутъ точныя справки на счетъ „дня принятія въ подданство Сибири“,—онъ тоже неизвѣстенъ, хотя, по увѣренію специалистовъ, и можно предполагать, что принятіе это происходило въ концѣ ноября или началѣ декабря 1582 г.,—порѣшила нынѣ по собственному усмотрѣнію назначить день историческаго праздника.

Въ такомъ отношеніи къ сибирскому юбилею нельзя не видѣть полнаго равнодушія къ судьбамъ одной изъ нашихъ обширнѣйшихъ областей. И это

равнодушіе съ исторической точки зрѣнія кажется тѣмъ болѣе неосновательнымъ, что тутъ мы какъ бы хотимъ отдѣлать Сибирь отъ остальной Россіи, забывая и свидѣтельства исторіи, и то значеніе, какое имѣетъ для нашей культурной исторіи воссоединеніе сибирскаго края съ общей родной ему Россіей. Нужно ли доказывать это значеніе, необходимость этого воссоединенія? Это само собою ясно изъ всей исторіи края. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, знаменательно завоеваніе Ермакомъ сибирскаго царства? Послушайте, что говорятъ объ этомъ специалисты исторіи.

„Но историческому значенію своему, замѣчаетъ профессоръ Замысловскій (см. „Журн. Мин. Нар. Пров.“), завоеваніе Сибирскаго царства Ермакомъ находится въ тѣсной связи съ тѣми событіями XVI вѣка, которыя знаменуютъ наше поступательное движеніе на востокъ. Оно началось со времени паденія Казанскаго царства, и затѣмъ впродолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій ограничивалось областю рѣки Волги, занятіемъ ея устьевъ и заселеніемъ области Камской. Затѣмъ новая эпоха въ исторіи этого движенія начинается съ завоеванія той области на востокъ, которая прилегаетъ къ области Камской, составляетъ часть великой азіатской равнины и представляетъ благоприятныя условія для дальнѣйшаго движенія съ цѣлью занятія этой равнины. Этими условіями русскіе не замедлили воспользоваться, и въ XVII столѣтіи достигли крайнихъ предѣловъ ея на востокъ.

„Занятіе русскими одной изъ величайшихъ равнинъ земнаго шара, совершившееся впродолженіе всего только семидесяти лѣтъ, составляетъ явленіе въ высокой степени замѣчательное, можно сказать—безпримѣрное, если мы примемъ во вниманіе тѣ неблагоприятныя условія, которыя задерживали завоевательное и колонизаціонное движеніе въ смутную эпоху и долгое время послѣ того, если примемъ далѣе во вниманіе тѣ по истинѣ ничтожныя средства, какими могла располагать московская Русь для водворенія и поддержанія своихъ необятныхъ владѣній на востокъ. На занятіе сѣверной Америки культурные народы западной Европы должны были употребить больше времени“.

Такимъ образомъ, съ завоеваніемъ Сибири открылось новое великое поприще для колонизаторской дѣятельности русскихъ, явились новые неисчерпаемые источники матеріальныхъ средствъ. Какъ пользовались этимъ новымъ поприщемъ русскіе, видно изъ дальнѣйшей исторіи Сибири, которая можетъ быть охарактеризована въ немногихъ общихъ чертахъ. XVII-й вѣкъ прошелъ въ постепенномъ занятіи края при помощи казацкихъ походовъ, накладывавшихъ ясаки на туземцевъ, въ постройкѣ городовъ и въ организаціи управленія. XVIII-й вѣкъ былъ свидѣтелемъ установленія черезъ Сибирь сухопутной торговли съ Китаемъ и водворенія горнаго дѣла въ Нерчинскомъ краѣ и на Алтаѣ. Въ этомъ же столѣтіи Сибирь сдѣлалась мѣстомъ ссылки, сначала для политическихъ, а съ половины XVIII-го столѣтія и для всей массы уголовныхъ преступниковъ. Въ XIX-мъ вѣкѣ открытіе золота и развитіе золотой промышленности оживили Сибирь и преобразили ее въ экономическомъ отношеніи; она выиграла также и въ торговомъ отношеніи, съ одной стороны—отъ присоединенія Амурскаго и Уссурийскаго края, съ другой—отъ открытія морскаго пути въ устья Оби и Енисея. Не безъ вліянія останется также на судьбѣ Сибири учрежденіе пароходства, умиротвореніе киргизской степи и присоединеніе Туркестанскаго Края.

Въ гражданскомъ отношеніи исторія Сибири представляетъ собою рядъ печальныхъ картинъ за все прожитое время. Нельзя сказать, чтобы центральная власть не заботилась о введеніи правильныхъ порядковъ въ эту неустроенную и населенную дикими инородцами страну. Она строила въ новопріобрѣтенной странѣ города, вводила въ нее разныя учрежденія, то примѣнительно къ своему собственному внутреннему строю, то соображаясь съ особыми условіями существованія края; содѣйствовала переселенію туда земледѣльцевъ и другихъ пионеровъ русской цивилизаціи, оказывала содѣйствіе развитію умственнаго образованія и духовнаго просвѣщенія между мѣстными инородцами. Повидимому, такимъ образомъ, сдѣлано было для Сибири все нужное для нея и возможное. А между тѣмъ, благодаря преимущественно образу дѣйствій низшихъ агентовъ власти и недостатку правильной организаціи, и до сихъ поръ Сибирь представляетъ собою страну, чуждую дѣйствительныхъ элементовъ человѣческой и общественной культуры, страну ссылки и хищеній, гнѣздилище

произвола и жестокостей къ заблудшимъ сынамъ нашей родины, эксплуатаціи нищихъ, какими являются въ большинствѣ мѣстные инородцы, систематическаго истребленія громаднѣхъ богатствъ, которыми надѣляла эту страну природа въ царствѣ ископаемыхъ и животнѣхъ, полнаго игнорирования видовъ правительства съ одной стороны, истиннѣхъ потребностей страны и ея обитателей—съ другой. Подобное отношеніе различнѣхъ агентовъ власти къ новоприобрѣтенному краю началось съ самой эпохи присоединенія Сибири. Воеводы московскаго періода, привыкшіе „кормиться“ властью на матушкѣ Руси православной, внесли тѣже гастрономическія наклонности и въ Сибирь и „кормились“ на славу, до отвала, забирая въ свои руки все, что могло выщипаться въ нихъ, практикуя въ самыхъ широкихъ размѣрахъ систему хищенія, самоуправства и насилія. Преемники ихъ, прикрывавшіеся космосомъ внѣшней европейской цивилизаціи и перемѣнившіе свое прежнее русское имя на иностранное названіе генералъ-губернаторовъ, ничего не измѣнили въ вѣковнѣхъ привычкахъ правителей русскихъ областей, но аккуратно держались той-же системы. Первый изъ генералъ-губернаторовъ, назначенный Петромъ Великимъ въ 1707 году, кн. Гагаринъ, простеръ злоупотребленія своею властію до такой степени, что даже подвергся смертной казни по повелѣнію строгаго монарха. Примѣръ этотъ однако не устрашилъ послѣдующихъ намѣстниковъ и губернаторовъ, и система хищенія, самоуправства и жестокостей поддерживалась ими съ рѣдкой послѣдовательностью. Когда въ 1815 году прибылъ въ Сибирь, въ качествѣ генералъ-губернатора, знаменитый Сперанскій, то онъ ужаснулся при видѣ безобразій, которыми господствовали въ этой странѣ, и не смотря на энергическія мѣры къ подавленію хищническихъ инстинктовъ мѣстныхъ властей, не смотря на созданный имъ органическій уставъ для управленія Сибирью, онъ самъ отчаявался въ успѣхъ предпринятѣхъ имъ преобразованій, и въ этихъ опасеніяхъ не ошибся. Не смотря на то, что большинство управлявшихъ послѣ него Сибирью лицъ были люди благонамѣренные и честные,—они не могли искоренить органическаго зла, развѣдавашаго эту обездоленную страну. Сибирь и понынѣ нуждается въ коренныхъ реформахъ, чтобы оправиться, стать на ноги и быть действительнымъ и золотымъ дномъ для Россіи.

Но скоро ли наступитъ такая пора, мы не знаемъ. Сибиряки тоже не вѣдаютъ. Они ждали 300-лѣтія, надѣясь на осуществленіе реформъ, но ожиданія теперь должны смѣниться разочарованіемъ, ибо юбилей ихъ, кажется, ничѣмъ не ознаменуется, кромѣ молебствія и, быть можетъ, благихъ пожеланій долголѣтія русскому краю.

Вторая Помпея. Близъ Пуатле открыты развалины галло-римскаго города, дома и улицы котораго занимаютъ нѣсколько десятинъ. Въ городѣ былъ небольшой театр, бани, храмъ. Скульптурныя украшенія относятся ко второму вѣку; среди развалинъ встрѣчается множество посуды, жѣлѣзныхъ и бронзовыхъ вещей.

Американское этнологическое бюро. Американское правительство признало необходимымъ принять на счетъ государства расходы по собиранію и изданію этнологическихъ свѣдѣній, для чего учреждено специальное бюро, ввѣренное однако же не правительственному чиновнику, но секретарю смитсоніановскаго института. Въ настоящее время вышелъ отпечатанный въ правительственной типографіи въ Вашингтонѣ „Первый ежегодный отчетъ этнологическаго бюро“, въ которомъ собраны весьма богатые матерьялы, касающіеся до исторической жизни Америки, снабженные многочисленными фотографіями. Изданіе подобнаго этому „отчету“, можетъ быть осуществлено только при участіи государства и въ этомъ отношеніи американское правительство умѣетъ пользоваться средствами, предоставляемыми ему конгрессомъ для научныхъ цѣлей.

Памятникъ Карлему открытъ надяхъ на новой набережной Темзы. Знаменитый писатель изображенъ въ натуральную величину сидящимъ въ задумчивой позѣ. При открытіи памятника рѣчь произнесъ знаменитый физикъ Тиндаль.

Кто управлять Тибетомъ. Спутникъ графа Сечени въ путешествіи по Китаю, поручивъ Крейтнеръ, въ изданномъ имъ дневникѣ—„Im Ternen Osten“—передаетъ интересное извѣстіе о томъ, кто въ действительности управляетъ Тибетомъ. По увѣренію китайскихъ пограничныхъ властей, Тибетъ—государство совершенно независимое; свѣдѣній о немъ почти что не имѣется даже въ пекинскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Извѣстно только то, что стра-

ною управляютъ священники, а не Далай-Лама, которому никогда не даютъ достигнуть даже юношескаго возраста. Недоступность Тибета для иностранцевъ испытана была еще недавно нашимъ путешественникомъ полковникомъ Пржевальскимъ. Но когда графъ Сечени хотѣлъ было проникнуть туда при посредствѣ китайскихъ властей, то тибетскіе священники распространили повсюду слухъ о нашествіи ненавистныхъ иностранцевъ, готовыхъ разорить страну и умертвить ея жителей. Въ скоромъ времени у пограничнаго столба близъ Батанга собралось четыре тысячи вооруженныхъ тибетцевъ, которые для встрѣчи европейцевъ приготовили огромную могилу, чтобы свалить туда ихъ трупы.

Рѣдкія пріобрѣтенія. „Голосу“ сообщаютъ изъ Москвы, что извѣстнымъ собирателемъ древностей, г. Большаковымъ, случайно пріобрѣтенъ замѣчательный документъ—паспортъ, съ которымъ Петръ I-й отправился, въ 1703 году, въ Голландію, подъ именемъ Петра Михайлова Ларионова. Документъ писанъ золотомъ, на русскомъ и голландскомъ языкахъ. Вмѣстѣ съ этимъ, г. Большаковымъ пріобрѣтены еще двѣ замѣчательныя рукописи: евангеліе XIV-го вѣка, писанное на пергаментѣ совсѣмъ особенной редакціи отъ экземпляровъ, хранящихся въ столичныхъ книгохранилищахъ. Изъ надписи видно, что рукопись эта находилась въ библиотекѣ польскаго короля Казимира Великаго; другая рукопись—„Псалтирь славянская“, въ 4°, писана въ 1455 году, по благословенію игумена кирилова-бѣлозерскаго монастыря Гермогена, писцами Мартіаномъ и Ферантонтомъ. Оба списателя этой замѣчательной рукописи почиваютъ нетлѣнными въ названной обители, почему и рукопись эта имѣетъ особое значеніе.

Пещерный городъ. Газета „Кавказъ“ сообщаетъ, что Д. П. Пурцеладзе открылъ между мѣстностью Самухи и Давидо-Гареджинскимъ монастыремъ, на лѣвой сторонѣ рѣки Юры, въ Тифлисской губерніи, пещерный городъ, имѣющій въ окружности шесть-восемь верстъ; въ городѣ этомъ хорошо сохранились церкви и помѣщенія. Сильныя жары и то обстоятельство, что городъ этотъ сдѣлался притономъ разныхъ подозрительныхъ личностей, лишили г. Пурцеладзе возможности изслѣдовать его подробно, и онъ дѣло это отложилъ до октября нынѣшняго года.

Она сняла перчатку, чтобы поправить себѣ волосы. Мержи пристально смотрѣлъ то на руку, то на живые и насмѣшливые глаза прекрасной графини.

Она громко расхохоталась, глядя на него.

— Чему вы смѣетесь, графиня?

— А вы почему смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ?

— Извините меня; но въ послѣдніе дни со мной случилось столько страннаго, что я едва успѣваю прійти въ себя отъ удивленія.

— Въ самомъ дѣлѣ! это любопытно. Сдѣлайте одолженіе, сообщите, что же такое случилось съ вами?

— Если вамъ будетъ угодно, то я расскажу объ этомъ въ другое время и въ болѣе удобномъ мѣстѣ; впрочемъ, я запомнилъ одинъ испанскій девизъ, которому меня научили три дня тому назадъ.

— Какой девизъ?

— Онъ заключается въ одномъ словѣ: Callad.

— Что это означаетъ?

— Какъ! вы не понимаете по-испански, графиня? сказалъ онъ, внимательно слѣдя за каждымъ ея движеніемъ. Но она спокойно выдержала его взглядъ съ такимъ невозмутимымъ видомъ, какъ будто вовсе не поняла намека, который заключался въ сказанной имъ фразѣ.

Онъ невольно потушилъ голову, не выдержавъ смѣлаго, вызывающаго выраженія ея глазъ.

— Во времена моего дѣтства я, дѣйствительно, знала нѣсколько испанскихъ словъ, отвѣтила она тономъ полнѣйшаго равнодушія;— но теперь я совершенно забыла ихъ. Поэтому говорите со мной по-французски, если хотите, чтобы я понимала васъ. Прежде всего, объясните мнѣ, что означаетъ вашъ девизъ?

— Онъ предписываетъ безусловное молчаніе!

— Неужели? Въ такомъ случаѣ наши молодые придворные должны были бы принять этотъ мудрый девизъ и твердо слѣдовать ему. Я не знала, что вы такой ученый, мосье де-Мержи! Кто же научилъ васъ испанскому языку? Держу пари, что какая нибудь дама...

Мержи бросилъ на нее нѣжный взглядъ и отвѣтилъ вполголоса:

— Я знаю только нѣсколько испанскихъ словъ; но любовь навсегда запечатлѣла ихъ въ моей памяти.

— Любовь! повторила графиня насмѣшливымъ тономъ, но такъ громко, что нѣсколько дамъ повернули головы, какъ бы спрашивая: въ чемъ дѣло?

Мержи, немного задѣтый презрительнымъ обращеніемъ красавицы, рѣшилъ отометить ей, и съ этой цѣлью вынулъ изъ кармана таинственное письмо, полученное имъ наканунѣ.

— Я убѣжденъ, сказалъ онъ, подавая его графинѣ,—что вы не услышите мнѣ въ учености и безъ особеннаго труда поймете эту испанскую фразу!

Диана де-Тюржи взяла письмо, и, прочитавъ его, передала съ громкимъ смѣхомъ одной дамѣ, которая была всего ближе къ ней.

— Не хотите ли вы, мадамъ де-Шатовьё, прочитать этотъ *billet doux*! Мосье де-Мержи получилъ его отъ своей возлюбленной, которой онъ не особенно дорожить, судя по его словамъ, такъ какъ даже готовъ разстаться съ ней, если я потребую этого! Но всего любопытнѣе, что почеркъ знакомъ мнѣ...

— Я былъ въ этомъ увѣренъ! сказалъ Мержи съ нѣкоторой досадою, но все еще вполголоса.

Г-жа де-Шатовьё прочла записку и со смѣхомъ передала ее одному сеньору; тотъ въ свою очередь вручилъ ее своему сосѣду, такъ что нѣсколько минутъ спустя въ галлерей не осталось ни одной дамы или кавалера, которые бы не знали о расположеніи испанской дамы къ Мержи.

Когда общій хохотъ немного улегъ, графиня обратилась къ Мержи и спросила его тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ: какъ поправилась ему наружность дамы, пригласившей его на *rendez-vous*?

— Клянусь честью, графиня, возразилъ онъ,—что, по моему мнѣнію, она не уступитъ вамъ въ красотѣ.

— О Боже, что я слышу! Вы вѣроятно видѣли ее только ночью, потому что при дневномъ свѣтѣ врядъ ли она показалась бы вамъ красивой! Мнѣ остается только поздравить васъ и пожелать счастья!

Говоря это, графиня де-Тюржи снова разразилась веселымъ смѣхомъ.

— Дорогая моя, сказала г-жа Шатовьё,—сдѣлайте одолженіе, назовите намъ имя этой испанской дамы, которой удалось покорить сердце мосье де-Мержи.

— Но прежде чѣмъ вы узнаете ея имя, я попросила бы мосье де-Мержи объявить намъ: видаль ли онъ когда нибудь свою возлюбленную при дневномъ свѣтѣ?

Мержи былъ въ большомъ затрудненіи; безпокойство и дурное расположеніе духа придавали комическое выраженіе его лицу. Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Теперь я открою вамъ тайну, которая такъ интересуесть всѣхъ васъ, сказала графиня.—Это записка донны Маріи Родригезъ; я знаю ея почеркъ, потому что она много разъ удостоивала меня своими письмами.

— Марія Родригезъ! воскликнули дамы со смѣхомъ.—Кто же не знаетъ ее!

— Доннѣ Маріи вѣроятно болѣе пятидесяти лѣтъ! сказала г-жа де-Шатовьё.—Въ Мадридѣ она уже давно считается дузней. Неизвѣстно, зачѣмъ она пріѣхала во Францію и за какія заслуги Маргарита Валуа взяла ее къ себѣ въ домъ. Можетъ быть, она держитъ около себя этого уroda изъ кокетства, чтобы при сравненіи красота ея казалась еще поразительнѣе,—подобно стариннымъ живописцамъ, которые, рисуя портретъ современной красавицы, на томъ же полотнѣ

изображали въ каррикатурѣ ея карлика. Когда донна Марія являлась ко двору, то она забавляла всѣхъ придворныхъ дамъ своимъ чопорнымъ видомъ и античнымъ костюмомъ!..

Мержи содрогнулся при этихъ словахъ. Онъ встрѣчалъ дуэнью при дворѣ и съ ужасомъ вспомнилъ, что замаскированная дама называла себя донной Маріей. Мысли его дутались; онъ стоялъ молча и съ такимъ растеряннымъ видомъ, что всѣ снова захохотали, глядя на него.

— Это очень почтенная и скромная дама! замѣтила съ улыбкой графиня, — такъ что вы не могли сдѣлать лучшаго выбора, мосье де-Мержи! Право, она очень недурна до сихъ поръ, особенно когда надѣнетъ вставные зубы и черный парикъ. Во всякомъ случаѣ, ей не болѣе шестидесяти лѣтъ!..

— Она околдовала его! воскликнула г-жа де-Шатовъ.

— Вы, вѣроятно, любите древности? спросила другая дама.

— Какъ жаль, что у мужчинъ бываютъ такіе странные капризы! сказала одна изъ фрейлинъ королевы съ глубокимъ вздохомъ.

Мержи защищался, по возможности, отъ насмѣшекъ и ироническихъ похвалъ, которыя сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Но онъ, тѣмъ не менѣе, разыгрывалъ довольно глупую роль, пока не появился король въ концѣ галлерей. Смѣхъ и шутки тотчасъ смѣнились глубокимъ молчаніемъ; всѣ спѣшили посторониться, чтобы очистить дорогу его величеству.

Король провожалъ адмирала, съ которымъ онъ передъ этимъ долго бесѣдовалъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ дружески оперлся на плечо Болиньи. Сѣдая борода заслуженнаго воина и черное платье составляли рѣзкій контрастъ съ молодежьимъ видомъ Карла и его блестящей одеждой, вышитой золотомъ. Посторонній наблюдатель могъ бы сказать, глядя на нихъ, что молодой король обладаетъ рѣдкимъ умѣніемъ различать людей, такъ какъ выбралъ себѣ въ фавориты самаго добродѣтельнаго и умнаго изъ своихъ подданныхъ.

Въ то время, какъ они шли по галлерей и общее вниманіе было обращено на нихъ, Мержи услышалъ голосъ графини, которая шепнула ему на ухо. Не сердитесь на меня; отыщите это, когда выйдете отсюда.

Съ этими словами она бросила ему въ шляпу небольшой запечатанный пакетъ, въ которомъ было что-то твердое. Мержи положилъ свертокъ въ карманъ и, выйдя черезъ четверть часа изъ Лувра, съ нетерпѣніемъ сорвалъ печать. Въ пакетѣ былъ ключъ съ коротенькой запиской:

„Вотъ ключъ отъ каютки моего сада. Приходите сегодня вечеромъ въ десять часовъ. Я люблю васъ и буду безъ маски. Вы увидите, наконецъ, донну Марію.

„Ваша Діана“.

Король довелъ адмирала до конца галлерей.

— Прощайте, отецъ мой, сказалъ онъ, пожимая руки старику.— Вы знаете, что я люблю васъ и я знаю, что вы преданы мнѣ душой, тѣломъ и всѣми внутренностями.

Говоря это, онъ громко расхохотался и, проводивъ Колинны, подозвалъ къ себѣ капитана Мержи:—Завтра, послѣ обѣдни, сказалъ онъ,—вы явитесь въ мой кабинетъ, я долженъ поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ.

Онъ обернулся и бросилъ безпокойный взглядъ на дверь, черезъ которую вышелъ Колинны; затѣмъ быстро удалился изъ галлерей и занерся въ своемъ кабинетѣ съ маршаломъ Редъ.

ГЛАВА XVII.

Частная аудіенція.

Жоржъ Мержи явился въ Лувръ въ назначенный часъ. Привратникъ, услышавъ его имя, тотчасъ же поднялъ вышитую портьеру и ввелъ его въ кабинетъ короля, который сидѣлъ у маленькаго письменнаго стола, видимо намѣреваясь что-то писать на листѣ бумаги. Онъ сдѣлалъ знакъ Жоржу, чтобы онъ не двигался, какъ бы изъ боязни потерять нить мыслей, занимавшихъ его въ эту минуту.

Жоржъ остановился въ почтительной позѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стола, и имѣлъ достаточно времени, чтобы осмотрѣть комнату и замѣтить всѣ подробности ея убранства.

Обстановка королевскаго кабинета была крайне проста, потому что главнымъ украшеніемъ служили различныя принадлежности охоты, висѣвшія въ безпорядкѣ на стѣнѣ. Довольно хорошо нарисованный образъ Пресвятой Дѣвы, освѣщенный большой буксовой вѣткой, производилъ странное впечатлѣніе среди окружавшихъ его мужиковъ и охотничьихъ роговъ. Столъ, за которымъ сидѣлъ король, былъ покрытъ бумагами и книгами. На полу лежали брошенные четки и молитвенникъ рядомъ съ рыболовными сѣтами и погремушками для соколиной охоты. Большая борзая собака спала въ углу на подушкѣ.

Король внезапно бросилъ перо въ порывѣ безсильной ярости и пробормоталъ сквозь зубы какое-то проклетіе. Онъ прошелъ раза три по кабинету съ опущенной головой, затѣмъ остановился передъ капитаномъ и взглянулъ на него испуганными глазами, какъ будто вовсе не ожидалъ встрѣтить его.

— А! это вы! сказалъ онъ, отступая назадъ на одинъ шагъ.

Капитанъ поклонился до земли.

— Очень радъ видѣть васъ, продолжалъ король. — Мнѣ нужно переговорить съ вами, но...

Онъ остановился.

Если бы художникъ вздумалъ придать на картинѣ какому нибудь лицу выраженіе напряженнаго вниманія, то Жоржъ въ эту минуту могъ бы вдохновить его своей позой. Онъ стоялъ передъ королемъ съ полураскрытымъ ротомъ и вытанутой шеей, и съ замираніемъ сердца ждалъ конца начатой фразы.

Король опустилъ голову; мысли его были, повидимому, удалены за тысячу миль отъ того, что онъ хотѣлъ сказать за минуту передъ тѣмъ. Немного погодя, онъ сѣлъ на прежнее мѣсто и схватился рукой за голову.

— Проклятая рѣзня! воскликнулъ онъ, ударивъ ногой о полъ съ такою силой, что его длинныя шпоры громко зазвенѣли.

Большая лягавая собака, неожиданно проснувшись отъ сна, вообразила, что ее зовутъ; она подошла къ креслу короля и, положивъ обѣ лапы ему на колѣни, открыла широкую пасть и безъ церемоніи зѣвнула, такъ какъ вообще къ собакамъ трудно прививаются придворныя манеры.

Король отогналъ собаку, которая съ глубокимъ вздохомъ опять улеглась на прежнее мѣстѣ. При этомъ глаза его величества какъ бы случайно остановились на Жоржѣ.

— Извините, капитанъ, сказалъ онъ, — я былъ такъ занятъ... изъ-за этой дьявольской рѣзни я обливаюсь потомъ и кровью!..

— Быть можетъ, я мѣшаю вашему величеству, сказалъ капитанъ съ низкимъ поклономъ.

— Нѣтъ, нисколько! отвѣтилъ послѣшно король и, вставъ съ кресла, дружески положилъ свою руку на плечо капитана. Губы его улыбались, но глаза разсѣянно блуждали по комнатѣ, не принимая никакого участія въ этой насильственной улыбкѣ.

— Какъ вы себя чувствуете послѣ нашей послѣдней охоты? сказалъ король, видимо затрудняясь начать разговоръ. — Олень долго не давался намъ въ руки...

— Ваше величество, я считалъ бы себя недостойнымъ командовать отрядомъ легкой кавалеріи, если бы какая бы то ни была охота могла утомить меня. Въ послѣднюю войну герцогъ Гизъ вида, что я постоянно на сѣдлѣ, прозвалъ меня албанцемъ.

— Да, я слышалъ, что ты отличный кавалеристъ, но я желалъ бы знать: какъ ты стрѣляешь изъ мушкета.

— Недурно... но я, разумѣется, не могу сравниться въ ловкости съ вашимъ величествомъ. Не всякій обладаетъ такимъ искусствомъ.

— Ты видишь этотъ длинный мушкетъ, заряди его двѣнадцатью дробинками! Будь я проклятъ, если на разстояніи шестидесяти шаговъ одна изъ нихъ минуешь грудь нечестивца, котораго ты выберешь мишенью!

— Шестьдесятъ шаговъ!... Это довольно большое разстояніе; но я не желалъ бы, чтобы такой искусный стрѣлокъ, какъ ваше величество, вздумалъ дѣлать на мнѣ пробу.

— Если зарядить этотъ мушкетъ пулей извѣстнаго калибра, то можно попасть въ цѣль и на сто шаговъ.

Король снялъ со стѣны мушкетъ и подалъ его капитану.

— Какая превосходная вещь! воскликнулъ Жоржъ, внимательно разглядывая богатую отдѣлку мушкета и попробовавъ курокъ.

— Вижу, что ты знатокъ оружія! сказалъ король. — Прицѣлься, чтобы я могъ судить о твоёмъ искусствѣ.

Капитанъ повиновался.

— Что можетъ быть лучше мушкета! продолжалъ король медленнымъ голосомъ. — Если бы даже непріятель находился на сто шаговъ отъ васъ, то стоитъ только сдѣлать небольшое движеніе однимъ пальцемъ, чтобы навсегда избавиться отъ него; нѣтъ такихъ латъ или панциря, которыхъ бы не пробила хорошая пуля.

Карлъ IX, какъ мы говорили выше, по привычкѣ ли, усвоенной съ дѣтства, или вслѣдствіе природной застѣнчивости, никогда не глядѣлъ въ лицо своего собесѣдника; но на этотъ разъ онъ пристально посмотрѣлъ на Жоржа съ многозначительной улыбкой.

Жоржъ невольно опустилъ глаза; король почти въ тотъ же моментъ послѣдовалъ его примѣру.

Наступила минута молчанія. Жоржъ заговорилъ первый.

— Позвольте замѣтить вашему величеству, что какъ бы ни былъ удаченъ мушкетный выстрѣлъ, но онъ далеко не такъ вѣренъ, какъ ударъ шпаги или копья...

— Да, но мушкетъ... Карлъ остановился и на лицѣ его промелькнула странная улыбка. Онъ продолжалъ: — Мнѣ говорили, Жоржъ, что адмиралъ серьезно оскорбилъ тебя.

— Ваше величество...

— Я знаю и даже увѣренъ въ этомъ. Мнѣ было бы очень пріятно... Расскажи, какъ это случилось?

— Дѣйствительно, я обратился къ нему по поводу одной несчастной исторіи, которая близко касалась меня.

— Вѣроятно, дуели твоего брата. Чортъ побери, это красивый малый; онъ ловко справляется съ людьми; я уважаю его. Комминжъ былъ фатъ; его нечего жалѣть. Но будь я проклятъ, если я понимаю, какимъ образомъ этотъ старый чортъ Колиньи нашелъ случай посориться съ тобой?

— Если не ошибаюсь, то поводомъ въ этому послужили несчастныя религиозныя распри и въ особенности мое обращеніе въ католичество, хотя я былъ увѣренъ, что о немъ давно забыли.

— Забыли?

— Ваше величество показываетъ собой примѣръ забвенія религиозныхъ несогласій и при той справедливости...

— Будь увѣренъ, пріятель, что у адмирала отличная память.

— Я замѣтилъ это! возразилъ Жоржъ, нахмуривъ брови.

— Скажи пожалуйста, что ты намѣренъ дѣлать?

— Я, ваше величество?

— Да, говори откровенно.

— Ваше величество, я бѣдный дворянинъ, а Колинъ слишкомъ старъ... слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о вызовѣ на дуэль; и если бы даже это было возможно, то я никогда не рѣшился бы послать вызовъ адмиралу, изъ боязни заслужить немилость вашего величества.

Этой фразой Жоржъ старался смягчить впечатлѣніе, которое могъ произвести на короля его смѣлый отвѣтъ.

— Ну, относительно этого ты можешь быть совершенно покоенъ! сказалъ король, положивъ руку на плечо капитана.

— Къ счастью, продолжалъ Жоржъ, — моя ссора съ адмираломъ не можетъ запятнать моей чести; и если бы кто нибудь осмѣлился выразить по поводу этого какія либо сомнѣнія, то я буду просить, ваше величество, чтобы мнѣ дозволили...

— Значить, ты не намѣренъ мстить адмиралу? Во всякомъ случаѣ... дерзость его переходить всѣ границы...

Жоржъ не могъ выговорить ни одного слова отъ удивленія.

— Ты все-таки долженъ считать себя обиженнымъ! Чортъ возьми! я слышалъ, что онъ серьезно оскорбилъ тебя... Дворянинъ не лакей! Есть вещи, которыя онъ не можетъ простить даже принцу королевской крови.

— Но я не вижу возможности отомстить адмиралу. Онъ гордится знатностью своего рода и сочтетъ для себя униженіемъ драться со мной.

— Разумѣется! Но... Король взялъ мушкетъ и сдѣлалъ видъ, что прицѣливается. — Надѣюсь, ты понялъ меня.

Жоржъ невольно отступилъ назадъ. Жестъ короля былъ достаточно ясенъ, но еще яснѣе было выраженіе его лица, которое могло быть понято только въ извѣстномъ смыслѣ.

— Какъ, ваше величество, вы совѣтуете мнѣ?..

Король изъ всѣхъ силъ ударилъ по полу прикладомъ мушкета и, бросивъ на капитана свирѣпый взглядъ, воскликнулъ:

— Я совѣтую тебѣ? Убирайся ко всѣмъ чертямъ! я не даю никакихъ совѣтовъ!

Капитанъ не зналъ, что отвѣтить на это и сдѣлалъ то, что сдѣлали бы и другіе на его мѣстѣ. Онъ поклонился, опустивъ глаза въ землю.

Карлъ продолжалъ болѣе кроткимъ голосомъ:

— Я хотѣлъ только сказать, что если бы ты всадилъ въ него мушкетный зарядъ за оскорбленіе твоей чести, то это было бы совершенно безразлично для меня. Будь я проклятъ, если у дворянина

есть что нибудь дороже чести; онъ долженъ все сдѣлать, чтобы возстановить ее. Шатиллоны горды и заносчивы, какъ слуги палача; я знаю, что эти негодяи готовы свернуть мнѣ шею и занять мое мѣсто... При встрѣчѣ съ адмираломъ у меня является иногда желаніе выщипать у него всѣ волосы изъ бороды.

Жоржъ молчалъ. Онъ былъ удивленъ, услышавъ этотъ потокъ словъ отъ человѣка, котораго всего менѣе можно было упрекнуть въ болтливости.

— Чортъ возьми, что же ты намѣренъ дѣлать! На твоемъ мѣстѣ я выждалъ бы его выхода изъ церкви и изъ какого нибудь окна впустилъ бы ему въ бокъ хорошій мушкетный зарядъ. Клянусь честью, мой кузень Гизъ былъ бы очень благодаренъ тебѣ за такую услугу, не говоря о томъ, что это способствовало бы водворенію спокойствія въ королевствѣ. Всѣмъ извѣстно, что собственно этотъ нечестивецъ король, а не я. Это начинается надобѣдать мнѣ... Я говорю тебѣ откровенно мое мнѣніе... Нужно проучить его... пусть не задѣваетъ дворянской чести. За оскорбленіе чести не грѣшно содрать шкуру.

— Всякое убійство подрываетъ честь дворянина, а не возстанавлиетъ ее, возразилъ капитанъ.

Этотъ отвѣтъ былъ ударомъ молніи для короля. Онъ стоялъ неподвижно съ протянутой рукой, въ которой держалъ мушкетъ, какъ бы предлагая его въ орудіе мести. Полуоткрытыя губы Карла поблѣднѣли; онъ устремилъ блуждающій взоръ на капитана, глаза котораго въ эту минуту имѣли для него какую-то особенную притягательную силу.

Нѣсколько секундъ спустя мушкетъ выпалъ изъ дрожащихъ рукъ короля и съ шумомъ грохнулся на полъ. Жоржъ бросился впередъ, чтобы поднять его, между тѣмъ какъ король сѣлъ опять на свое кресло, опустивъ голову. Нервное движеніе его рта и бровей свидѣтельствовали о борьбѣ, которая происходила въ его сердцѣ.

— Капитанъ, сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія, — гдѣ находится въ настоящую минуту твой отрядъ легкой кавалеріи?

— Въ Мо, ваше величество.

— Черезъ день или два ты отправишься за нимъ и приведешь его въ Парижъ... Впрочемъ, ты получиши относительно этого особый приказъ. Прощай!

Въ тоиѣ, съ какимъ сказаны были эти слова, слышался затаенный гнѣвъ. Король сдѣлалъ знакъ, что аудіенція кончена.

Жоржъ, повернувшись спиной къ двери и отвѣщая обычныя поклоны, собирался уже выйти изъ комнаты, но остановился въ недоумѣніи, такъ какъ король быстро вскочилъ съ кресла и, схвативъ его за руку, сказалъ:

— По крайней мѣрѣ, совѣтую тебѣ держать языкъ за зубами... Слышишь!

Жоржъ поклонился, положивъ руку на грудь. Выходя изъ ком-

паты, онъ слышалъ, какъ король подовалъ свою собаку сердитымъ голосомъ и принялся бить ее аралнивомъ, какъ бы желая излить свое дурное расположеіе духа на невинной твари.

Жоржъ, вернувшись домой, написалъ слѣдующую записку адмиралу:

„Нѣкто, имѣющій основаніе не любить васъ, но который дорожить своей честью, считаетъ долгомъ предупредить вашу милость, чтобы вы остерегались герцога Гиза, и еще одного человѣка, могущественнѣе его. Вашей жизни грозитъ опасность“.

Эта записка не произвела никакого впечатлѣнія на неустрашимого Колиньи. Бскорѣ послѣ того, а именно 22-го августа 1572 года, онъ былъ раненъ мушкетнымъ выстрѣломъ. Злодѣй, по фамиліи Морваль, получилъ прозвище королевскаго убійцы.

ГЛАВА XVIII.

Попытки обращенія въ католичество.

Если любовники скромно ведутъ себя, то иногда проходить цѣлая недѣля, прежде чѣмъ публика узнаетъ объ ихъ связи. Но по прошествіи этого срока у нихъ является извѣстнаго рода смѣлость, всякія предосторожности кажутся имъ лишними; тогда не трудно подмѣтить нѣжный взглядъ, а еще легче истолковать его, и тайна обнаружена.

Любовная связь графини Тюржи съ молодымъ корнетомъ скоро сдѣлалась извѣстна при дворѣ Екатерины Медичи и послужила поводомъ для безконечныхъ толковъ. Множество очевидныхъ доказательствъ могли раскрыть глаза самымъ недогадливымъ людямъ. Такъ, наприимѣръ, Тюржи обыкновенно носила лиловые ленты; соотвѣтственно этому рукоятка шпаги Бернара, полы его камзола и башмаки были украшены розетками изъ такихъ же лиловыхъ лентъ. Графиня не разъ высказывала въ обществѣ, что ненавидитъ бороду и любитъ щеголевато закрученные усы; съ нѣкотораго времени подбородокъ Мержи былъ тщательно выбритъ; усы завиты, припомажены и закручены самымъ отчаяннымъ образомъ, такъ что они имѣли форму полумѣсяца, а кончики ихъ поднимались выше носа. Между прочимъ рассказывали, что какой-то дворининъ, проходя рано утромъ по улицѣ des Assis, видѣлъ, какъ отворилась калитка сада графини и вышелъ какой-то человѣкъ, тщательно укутанный въ плащъ, въ которомъ онъ безъ труда узналъ сеньора Мержи.

Но всего убѣдительнѣе казалось то обстоятельство, что молодой гугенотъ, который до этого немилосердно насмѣхался надъ всякими

католическими церемоніями, сдѣлался теперь усерднымъ посѣтителемъ церкви, не пропускалъ ни одной службы и даже всякій разъ обмакивалъ пальцы въ святой водѣ, хотя нѣсколько дней тому назадъ считалъ бы это за величайшее святотатство. Набожные люди радовались этому и передавали другъ другу въ видѣ тайны, что Діана Тюржи возвратила Господу погибшую душу; а молодые протестанты увѣряли со смѣхомъ, что они непременно обратились бы въ католичество, если бы вмѣсто капуциновъ и францискановъ имъ начали читать проповѣди такіа молодыя и красивыя женщины, какъ мадамъ де-Тюржи.

Между тѣмъ Бернаръ не думалъ мѣнять религіи. Правда, онъ сопровождалъ графиню въ церковь, но всегда становился рядомъ съ нею; и во все продолженіе обѣдни не переставая шепталъ ей что-то на ухо, чѣмъ приводилъ въ глубокое негодованіе благочестивыхъ людей. Такимъ образомъ, онъ не только не слушалъ обѣдни, но мѣшалъ молиться вѣрующимъ. Что же касается духовныхъ процессій, то въ тѣ времена онъ считался такимъ же увеселеніемъ, какъ маскарадъ. Наконецъ, если онъ рѣшался теперь обмакивать пальцы въ святую воду, то потому, что это давало ему право публично дотронуться до руки, которая всегда вздрагивала при его прикосновеніи.

Тѣмъ не менѣе, хотя Мержи оставался вѣренъ своей религіи, но ему приходилось выдерживать тяжелую борьбу; на сторонѣ Діаны было то преимущество, что она всегда выбирала для богословскихъ диспутовъ тѣ минуты, когда онъ всего менѣе былъ въ состояніи отказать ей въ чемънибудь.

— Мой милый Бернаръ, сказала она однажды вечеромъ, склонивъ голову на плечо своего возлюбленнаго и обвивая его шею длинными косами своихъ черныхъ волосъ;—ты былъ сегодня на проповѣди. Неужели такіа прекрасныя слова не произвели никакого впечатлѣнія на твоѣ сердце и ничто не можетъ тронуть тебя?

— Дорогой другъ, если меня до сихъ поръ не тронули твои краснорѣчивыя убѣжденія и кроткій голосокъ, то можешь ли ты думать, что на меня подѣйствуютъ разглагольствованія какогонибудь гнусливаго капуцина.

— Какой ты злой! я задушу тебя!—возразила она со смѣхомъ и, связавъ свою косу вокругъ его шеи, еще ближе притянула его къ себѣ.

— Знаешь ли ты, что я дѣлалъ во время проповѣди? Я считалъ жемчужины на твоихъ волосахъ. Смотри, ты рассыпала ихъ по комнатѣ.

— Я была увѣрена Бернаръ, что ты не слушалъ проповѣди; вѣчно одна и та же исторія. Это только служитъ доказательствомъ—добавила она съ грустью,—что ты гораздо меньше любишь меня, нежели я тебя. Если бы твоя любовь была также сильна, какъ моя, то ты бы давно обратился въ католичество.

— Моя дорогая Діана, зачѣмъ эти безконечныя разсужденія о религіи! Предоставимъ ихъ докторамъ Сарбонны и нашимъ пасторамъ; мы можемъ проводить время болѣе пріятнымъ образомъ.

— Оставь меня... Ты не можешь вообразить себѣ, Бернаръ, какъ я была бы счастлива, если бы мнѣ удалось спасти твою душу! Изъ-за этого я согласилась бы провести нѣсколько лишнихъ лѣтъ въ чистилищѣ.

Онъ молча сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ; она оттолкнула его отъ себя съ выраженіемъ глубокой печали на лицѣ.

— Ты никогда не сдѣлалъ бы ничего подобнаго для меня, Бернаръ! Развѣ тебя заботитъ та опасность, которая угрожаетъ моей душѣ изъ-за тебя!..

Она горько заплакала при этихъ словахъ.

— Моя дорогая, не забывай, что многое прощается тому, кто любить, и наконецъ...

— Да, я знаю это! Если бы я могла спасти твою душу, то всѣ мои грѣхи были бы прощены, всѣ тѣ, въ которыхъ мы одинаково виновны, и тѣ какіе мы могли бы совершить въ будущемъ... Даже мало этого! наши грѣхи послужили бы орудіемъ нашего спасенія!

Говоря это, Діана изо всѣхъ силъ сжала его въ своихъ объятіяхъ, что въ связи съ восторженнымъ тономъ ея голоса представляло столько комизма, что Мержи едва не расхохотался отъ этого страннаго способа говорить проповѣди.

— Теперь еще слишкомъ рано толковать объ этихъ вещахъ, моя дорогая. Когда мы оба состарѣмся и не будемъ больше годны для любви...

— Ты приводишь меня въ отчаяніе своей закоснѣлостью! Къ чему эта злая улыбка на твоихъ губахъ? Неужели ты воображаешь, что я въ эту минуту имѣю малѣйшее желаніе поцѣловать тебя?

— Ты видишь у меня опять серьезное лицо.

— Ну, такъ и быть! Теперь довольно!.. Сиди смиренно и отвѣчай на мои вопросы... Прежде всего, скажи мнѣ, querido Bernardo, читалъ ли ты книгу, которую я дала тебѣ?

— Да, я вчера окончилъ ее.

— Я желала бы знать твое мнѣніе о ней. Она вѣроятно поразила тебя глубиной мысли и своими здравыми разсужденіями!.. Невѣрующіе должны будутъ зажать рты!..

— Твоя книга, Діана, представляетъ собой сплетеніе лжи и недѣлностей. Это самое глупое богословское сочиненіе, которое когда либо было издано папистами. Держу пари, что ты не читала этой книги, хотя и говоришь о ней съ такой увѣренностью.

— Нѣтъ, я еще не успѣла прочесть ее, но увѣрена, что она полна правды и глубокаго смысла. Лучшимъ доказательствомъ этого служить ярость, съ какой на нее нападаютъ гугеноты.

— Ну, хочешь ли въ видѣ разлеченія возьмемъ священное писаніе, и я тебѣ докажу насколько здѣсь извращенъ...

— Пожалуйста, избавь меня отъ этого, Бернаръ! Слава Богу, я не читаю библію, какъ это дѣлаютъ еретики, потому что не имѣю никакого желанія ослабить мою вѣру. Вдобавокъ, я не хочу тратить на это время. Вы, гугеноты, можете довести до отчаянія своей ученостью. Во время спора вы щеголяете ею, а мы, бѣдные католики, никогда не читавшіе библіи и Аристотеля, не знаемъ даже, что отвѣчать вамъ.

— Дѣло въ томъ, что вы, католики, хотите вѣрить во что бы то ни стало, даже не давая себѣ труда подумать, разумно ли это, или нѣтъ. Мы, по крайней мѣрѣ, предварительно изучаемъ нашу религію, чтобы имѣть право отстаивать ее, не говоря уже о пропагандѣ, для которой нужны еще болѣе основательныя свѣдѣнія.

— Какъ я желала бы обладать краснорѣчіемъ почтеннаго отца Жирона, чтобы убѣдить тебя.

— Этотъ францисканецъ дуракъ и хвастунъ. Какъ онъ не кричалъ шесть лѣтъ тому назадъ въ публичной конференціи, а нашъ пасторъ Гударъ все-таки разбилъ его и поставилъ въ тупикъ.

— Неправда! Это выдумки еретиковъ!

— Какъ! ты развѣ не слыхала, что во время диспута всѣ присутствующіе видѣли, какъ крупныя капли пота съ его лица падали на книгу Златоуста, которую онъ держалъ въ рукѣ. По поводу этого одинъ острякъ даже сочинилъ стихи...

— Я не желаю слышать ихъ! Не отравляй моего слуха ересью; да и ты самъ, мой дорогой Бернаръ, умоляю тебя, не поддавайся сатанинскимъ кознямъ, которые соблазняютъ тебя и доведутъ до ада! Спаси свою душу и вернись въ лоно нашей церкви!..

Она остановилась, замѣтивъ улыбку недовѣрія на устахъ своего любовника; но черезъ минуту продолжала еще съ большей горячностью:

— Если ты меня любишь, Бернаръ, то ради меня, изъ любви ко мнѣ, откажись отъ своихъ еретическихъ убѣжденій!

— Ради тебя, моя дорогая Діана, я охотно пожертвовалъ бы жизнью, но я не могу отказаться отъ того, что мой разумокъ признаетъ разумнымъ и справедливымъ. Неужели ты хочешь, чтобы любовь совершенно ослѣпила меня и я пересталъ бы вѣрить, что дважды два четыре.

— Ты не любишь меня!

Мержи, чтобы разубѣдить ее въ этомъ, прибѣгнувъ къ обычному средству всѣхъ любовниковъ, которое было краснорѣчивѣе всѣхъ словъ.

— Ахъ, мой дорогой Бернаръ, сказала графиня томнымъ голосомъ, когда восходъ солнца заставилъ Мержи собраться въ путь;—

изъ-за тебя я буду осуждена на вѣчную муку и даже не буду имѣть утѣшенія спасти твою душу!

— Успокойся, мой ангелъ! Отецъ Жиронъ дастъ намъ полное разрѣшеніе отъ грѣховъ *in articulo mortis*.

ГЛАВА XIX.

Францисканскій монахъ.

На другой день послѣ свадьбы Маргариты съ королемъ Наварскимъ, капитанъ Жоржъ получилъ формальный приказъ выѣхать изъ Парижа и отправиться къ своему отряду легкой кавалеріи, стоявшему въ Мо. Бернаръ безъ особенной грусти простился съ братомъ, такъ какъ надѣялся увидѣть его до окончанія придворныхъ празднествъ. Одиночество нѣсколькихъ дней не особенно пугало его, такъ какъ его мысли были исключительно заняты графиней Тюржи; къ тому-же ночью онъ почти никогда не бывалъ дома, а большую часть дня спалъ крѣпкимъ сномъ.

Въ пятницу 22-го августа 1572 года, адмиралъ Колиньи былъ опасно раненъ мушкетнымъ выстрѣломъ. Хотя всѣмъ было извѣстно, что имя злодѣя Морваль, но общественная молва приписала это убійство герцогу Гизу, который тотчасъ-же выѣхалъ изъ Парижа чтобы избавиться отъ нареканій и угрозъ протестантской партіи. Король въ первый моментъ повидимому намѣревался подвергнуть его строжайшей отвѣтственности, но не принялъ никакихъ мѣръ противъ его возвращенія, которое ознаменовалось ужасной рѣзней 24-го августа.

Вѣсть о покушеніи на жизнь Колиньи разнеслась по городу съ быстротою молніи. Довольно значительное число дворянъ, принадлежавшихъ къ протестантской партіи, собрались верхами на хорошихъ лошадяхъ передъ отелемъ адмирала. Отсюда они разсѣялись по улицамъ Парижа, съ намѣреніемъ разыскать герцога Гиза или друзей и при встрѣчѣ затѣять съ ними ссору. Тѣмъ не менѣе вначалѣ все было спокойно. Народъ, быть можетъ напуганный численностью вооруженныхъ дворянъ или сберегая свои силы до другаго случая, молча проходилъ мимо, не обращая вниманія на ихъ возгласы: „Смерть убійцамъ адмирала! Долой друзей Гиза!“

На перекресткѣ одной улицы группа молодыхъ дворянъ католиковъ и между ними нѣсколько слугъ дома Гиза неожиданно встрѣтились съ партіей протестантовъ, въ числѣ которыхъ былъ Мержи. Католики—изъ осторожности или вслѣдствіе полученнаго приказа не

сочли нужнымъ отвѣтить на оскорбительные крики протестантовъ; тѣмъ болѣе, что молодой человѣкъ красивой наружности, который повидимому предводительствовалъ ими, подошелъ къ Мержи и, вѣжливо поклонившись ему, сказалъ дружескимъ тономъ:

— Очень радъ видѣть васъ; вы вѣроятно уже успѣли побывать у г-на де-Шатильона? Какъ его здоровье? Пойманъ ли убійца?

Всѣ остановились. Мержи, узнавъ барона де-Водрѣль, поклонился въ свою очередь и поспѣшилъ отвѣтить на его вопросы. Завязалось нѣсколько оживленныхъ разговоровъ; затѣмъ обѣ партіи растались дружелюбно. Католики уступили протестантамъ правую сторону улицы и каждый отправился своей дорогой.

Баронъ де-Водрѣль, заговорившись съ Мержи, задержалъ его, такъ что онъ остался позади своихъ товарищей. При прощаніи Водрѣль, взглянувъ на его сѣдло, сказалъ: — Обратите вниманіе, мосье де-Мержи; если не ошибаюсь, то у васъ плохо подтянута подпруга!

Мержи соскочилъ на землю и пересѣдлалъ свою лошадь. Едва успѣлъ онъ снова сѣсть на нее, какъ услышалъ, что кто-то скачетъ сади крупноіи рысью. Онъ оглянулся и увидѣлъ молодаго человѣка, лицо котораго показалось ему незнакомымъ, хотя, онъ несомнѣнно принадлежалъ къ числу дворянъ, сопровождавшихъ барона Водрѣль.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ незнакомецъ, подѣвжая къ нему, — какъ я былъ-бы счастливъ, если бы мнѣ удалось встрѣтить наединѣ одного изъ тѣхъ, которые осмѣлились бранить друзей Гиза!

— Вамъ не долго прійдется искать такого человѣка! — отвѣтилъ Мержи. — Я къ вашимъ услугамъ!

— Неужели вы одинъ изъ этихъ негодяевъ?

Мержи тотчасъ же обнажилъ шпагу и ударилъ ею по лицу приверженца Гизовъ. Этотъ вынулъ изъ сѣдла пистолетъ и почти въ упоръ выстрѣлилъ имъ въ Мержи. Но произошла осычка. Тогда влюбленный Діаны въ свою очередь ударилъ изъ всѣхъ силъ шпагой по головѣ своего противника, который упалъ съ лошади, обливаясь кровью.

Уличная толпа, до этого смотрѣвшая безучастно на поединокъ, неожиданно приняла сторону раненаго. На молодаго гугенота посыпались совсѣхъ сторонъ удары каменьею и палкою, и такъ какъ всякое сопротивленіе было бесполезно, то онъ рѣшился прищипорить лошадь и спастись бѣгствомъ. Но при этомъ онъ слишкомъ круто повернулъ за уголъ улицы; лошадь упала и сбросила его на землю. Хотя онъ не получилъ никакого ушиба и тотчасъ же вскочилъ на ноги, но прошло нѣсколько секундъ, пока ему удалось поднять лошадь, такъ что онъ опять очутился среди разъяренной толпы.

Въ виду неминуемой опасности, онъ прислонился къ стѣнѣ и нѣкоторое время отбивался отъ тѣхъ, которые подступали къ нему на разстояніе его шпаги, пока сильный ударъ палки не переломилъ лезвее. Его повалили на землю и вѣроятно разорвали бы на куски,

если бы на помощь не явился францисканскій монахъ, который, растолкавъ толпу, защитилъ его собственнымъ тѣломъ.

— Что вы дѣлаете, дѣти мои! — крикнулъ онъ громкимъ голосомъ; — оставьте этого челоуѣка! онъ не виновенъ.

— Это гугенотъ! — заревѣла толпа.

— Ну, такъ дайте ему время поваляться въ грѣхахъ, пока еще есть возможность.

Руки, державшія Мержи, опустились. Онъ всталъ на ноги и, поднявъ обломокъ своей шпаги, рѣшился дорого продать свою жизнь, въ случаѣ новаго нападенія.

— Не убивайте этого челоуѣка и вооружитесь терпѣніемъ! — продолжалъ монахъ. — Вы увидите, что скоро всѣ гугеноты будутъ ходить къ обѣднѣ.

— Да, терпѣніе! Намъ все толкуютъ о терпѣніи! — заговорило разомъ нѣсколько недовольныхъ голосовъ. — Мы уже давно слышимъ это, а вотъ уже сколько времени каждое воскресенье послѣ проповѣди они вводятъ въ соблазнъ добрыхъ людей своимъ гнѣиемъ.

— Развѣ вы не знаете нашей пословицы: поетъ сова, пока не охрипнетъ! выразилъ со смѣхомъ монахъ. — Пусть ихъ погорланятъ еще нѣкоторое время; а тамъ милостію пресвятой Богородицы, вы увидите, что всѣ они будутъ служить обѣдни по-латынѣ. Что же касается этого снаго нечестивца, предоставьте его мнѣ, я обращу его въ добраго христіанина. Идите съ Богомъ, помните, что нельзя сжечь жаркое изъ-за того, чтобы его скорѣе съѣсть!

Толпа разошлась съ глухимъ ропотомъ. Никто не позволилъ себѣ сказать что-либо оскорбительное Мержи. Ему даже возвратили его лошадей.

— Вотъ первый разъ въ моей жизни, что я съ удовольствіемъ смотрю на монашеское платье! сказалъ Мержи. — Вѣрите, отецъ мой, что я умѣю цѣнить оказанную вами услугу; прошу васъ принять этотъ кошелекъ.

— Если вы назначаете эти деньги для раздачи бѣднымъ, то я согласенъ взять ихъ. Вѣрите, что я принимаю въ васъ живѣйшее участіе! Я давно знакомъ съ вашимъ братомъ и желаю вамъ добра. Послушайтесь добраго совѣта и перейдите въ католичество; если хотите, то мы сегодня же уладимъ это дѣло.

— Ну, относительно этого мнѣ остается только поблагодарить васъ. Я не имѣю никакого желанія мѣнять религію. Но откуда вы узнали мою фамилію? Какъ зовутъ васъ?

— Мое имя отецъ Любенъ... Ну, вы умѣете устраивать свои любовныя дѣлишки! Я нѣсколько разъ видалъ васъ около дома... Впрочемъ, вы можете рассчитывать на мою скромность! Скажите, пожалуйста, мосье де Мержи, считаете ли вы монаха способнымъ на доброе дѣло?

— Разумѣется! Я буду всюду восквалать ваше великодушіе, отецъ Любенъ.

— Значить, вы рѣшительно не хотите промѣнять проповѣдь на нашу обѣдню?

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ: Если я даже буду ходить въ вашу церковь, то развѣ для того, чтобы послушать ваши проповѣди.

— Вы, кажется, человекъ со вкусомъ.

— И, вдобавокъ, вашъ величайшій поклонникъ.

— Чортъ возьми! Жалѣю отъ души, что вы хотите остаться еретикомъ. Во всякомъ случаѣ я предупредилъ васъ; съ своей стороны я сдѣлалъ, что могъ. Если что случится, то не браните меня; я умываю руки. Прощайте, сынъ мой.

— До свиданія, отецъ Любенъ.

Мержи сѣлъ на лошадь и отправился домой нѣсколько поматый, но вполне довольный тѣмъ, что такъ дешево отдѣлался отъ неминуемой опасности.

ГЛАВА XX.

Легкая кавалерія.

Вечеромъ, 24-го августа, вступилъ въ Парижъ отрядъ легкой кавалеріи черезъ ворота Saint-Antoine. Запыленные сапоги и платье всадниковъ показывали, что они совершили въ этотъ день далекій переѣздъ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали загорѣлыя лица солдатъ; въ нихъ можно было прочесть то неопредѣленное безпокойство, которое овладѣваетъ людьми, когда они чувствуютъ приближеніе какого-то неизвѣстнаго, но роковаго событія.

Отрядъ направился медленнымъ шагомъ къ большому незаселенному пространству за старымъ дворцомъ Турнель. Здѣсь капитанъ приказалъ сдѣлать привалъ и, пославъ на развѣдку двѣнадцать человекъ подъ начальствомъ корнета, самъ разставилъ караульныхъ съ зажженными фитилями на перекресткахъ сосѣднихъ улицъ, какъ бы въ ожиданіи непріятели. Принявъ эти необычайныя мѣры предосторожности, онъ вернулся къ своему отряду.

— Сержантъ! крикнулъ онъ суровымъ и повелительнымъ голосомъ, чего съ нимъ почти никогда не случалось.

На этотъ зовъ тотчасъ же отозвался старшій кавалеристъ въ вышитомъ шарфѣ и въ шляпѣ, убранной галуномъ и почтительно приблизился къ своему начальнику.

— Всѣмъ ли розданы фитили?

— Да, господинъ капитанъ.

— Приготовлены ли пушки? Достаточно ли у насъ пулъ?

— Да, господинъ капитанъ.

— Хорошо, вы можете идти.

Капитанъ поѣхалъ шагомъ передъ фронтомъ своего отряда. Сержантъ слѣдовалъ за нимъ на нѣкоторомъ отдаленіи, такъ какъ замѣтилъ, что онъ не въ духѣ, и не рѣшался сразу подойти къ нему. Немного погодя, старый сержантъ приободрился и, догнавъ своего начальника, сказалъ:

— Не позволите ли, господинъ капитанъ, покормить коней; они не ѣли съ утра?

— Нѣтъ.

— Нельзя ли дать имъ по горсточкѣ овса? На это не потребуется много времени.

— Нѣтъ, оставьте ихъ; они должны быть на-готовѣ.

— Развѣ они будутъ нужны сегодня ночью?.. Мы слышали, что можетъ быть...

Капитанъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Вернитесь къ вашему посту! крикнулъ онъ недовольнымъ голосомъ.

Сержантъ повиновался.

— Ну что, господинъ сержантъ, правда ли это? Не знаете ли вы, въ чемъ дѣло? Что сказалъ капитанъ?—спрашивали наперерывъ старые солдаты, которые въ виду своихъ заслугъ и прежнихъ товарищескихъ отношеній позволяли себѣ подобную фамильярность относительно своего непосредственнаго начальника.

— Мы еще не то увидимъ! возразилъ сержантъ многозначительнымъ тономъ человѣка, который знаетъ больше нежели имѣеть возможность сказать.

— Какъ? что такое?

— Не приказано разнуздывать лошадей, потому что неизвѣстно, когда начнется дѣло...

— Значить, сегодня будетъ драка! воскликнулъ трубачъ. Но съ кѣмъ? воскликнулъ трубачъ.—Но съ кѣмъ? Вотъ что было бы желательно знать!

— Съ кѣмъ? сказалъ сержантъ, повторяя вопросъ чтобы имѣть время обдумать его.—Чортъ возьми! Это ясно какъ день! Съ кѣмъ же мы можемъ драться, какъ не съ врагами короля.

— Я это и самъ понимаю; но съ кѣмъ именно?

— Онъ не знаетъ враговъ короля! воскликнулъ презрительно сержантъ, пожимая плечами.

— Вотъ, на примѣръ, испанцы—также враги короля, замѣтилъ одинъ изъ солдатъ;—но мы давно знали бы объ ихъ приближеніи; они не явятся сюда въ-тихомолку.

— Бертранъ правъ! сказалъ сержантъ.—Я знаю, на кого онъ на-мекаетъ.

— На кого же?

— Разумѣется, на гугенотовъ! продолжалъ Бертранъ. Не нужно особеннаго ума чтобы видѣть въ чемъ дѣло. Всѣ знаютъ, что гугеноты переняли свою вѣру отъ нѣмцевъ, а что нѣмцы наши враги, это мнѣ также хорошо извѣстно, потому что я не жалѣлъ на нихъ зарядовъ при Saint-Quentin, гдѣ они дрались какъ черти.

— Все это прекрасно, сказалъ трубачъ; но съ ними давно заключенъ миръ. Мнѣ ли не помнить это радостное событіе! Насъ заставили тогда трубить нѣсколько дней сряду.

— Самъ король не дѣлаетъ теперь никакого различія между гугенотами и католиками! сказалъ молодой кавалеристъ, одѣтый лучше другихъ.—Вы вѣроятно слышали, что графъ Ла-Рошфуко будетъ командовать легкой кавалеріей во время предстоящаго фландрскаго похода, а что онъ протестантъ, въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться. Чортъ побери, онъ пропитанъ ересью съ головы до ногъ! У него даже шпору à la Condé и шляпа à la hugenote...

— Провались онъ сквозь землю! воскликнулъ сержантъ.—Ты еще не служилъ тогда въ нашемъ отрядѣ... Ла-Рошфуко устроилъ засаду, въ которую мы едва не попали всѣ до единаго человѣка, какъ Робрей въ Пуату. Тутъ я окончательно убѣдился въ его коварствѣ; онъ хитеръ какъ лисица.

— Онъ надняхъ сказалъ королю, что отрядъ рейтеровъ стоитъ дѣлаго эскадрона легкой кавалеріи. Папъ королевы слышалъ это собственными ушами...

Между кавалеристами послышался ропотъ негодованія, который скоро уступилъ мѣсто любопытству, такъ какъ опять былъ поднятъ вопросъ о томъ, противъ кого направлены всѣ эти воинственныя приготовления и мѣры предосторожности.

— Правда ли, г. сержантъ, спросилъ трубачъ,—что вчера хотѣли убить короля?

— Держу пари, что это дѣло еретиковъ.

— Сегодня за завтракомъ, сказалъ Бертранъ,—трактирщикъ рассказывалъ намъ, что гугеноты хотятъ уничтожить нашу обѣдню.

— Ну, тогда мы будемъ каждый день ѣсть скоромное, замѣтилъ Мерлинъ;—во всякомъ случаѣ солонина вкуснѣе бобовъ, такъ что этимъ нечего огорчаться.

— Да, но если гугеноты возьмутъ верхъ, то они первымъ дѣломъ сотрутъ съ лица земли отряды легкой кавалеріи и замѣнятъ ихъ своими проклятыми рейтерами.

— Если такъ, то я съ удовольствіемъ свернулъ бы имъ шею! Чортъ возьми, я во всякомъ случаѣ предпочитаю остаться католикомъ! Вы, кажется, служили у протестантовъ, Бертранъ, и можете сказать: правда ли, что адмиралъ отпускалъ кавалеристамъ не больше восьми су въ день?

— Совершенно вѣрно! Этотъ старый хрычъ извѣстный скряга! Вотъ почему я и бросилъ его послѣ перваго похода.

— Нанѣ капитанъ что-то не въ духѣ! сказалъ трубачъ. Онъ всегда такой веселый и такъ охотно бесѣдуетъ съ солдатами, а сегодня онъ не раскрывалъ рта во время всей дороги.

— Вѣроятно, его огорчили полученныя вѣсти?

— Какія вѣсти?

— Да о томъ, что намѣреваются сдѣлать гугеноты.

— Вотъ опять начнется междоусобная война! сказалъ Бертранъ.

— Тѣмъ лучше для насъ, возразилъ Мерлинъ, который во всемъ видѣлъ хорошую сторону, — будемъ драться, жечь деревни, убивать гугенотовъ...

— Они вѣрно хотятъ затѣять новое дѣло въ Амбуазѣ*), сказалъ сержантъ; — вслѣдствіе чего насъ и выписали сюда. Но мы скоро укротимъ ихъ...

Въ это время вернулся корнетъ, посланный на развѣдки, и отправился въ капитану съ докладомъ, между тѣмъ какъ бывшіе съ нимъ солдаты присоединились въ товарищамъ.

— Клянусь моею бородой, сказалъ одинъ изъ нихъ, садясь на землю возлѣ Бертрана, — что сегодня творится что-то необыкновенное въ Парижѣ. Мы не встрѣтили ни одной живой души на улицахъ; всѣ точно вымерли; но зато Бастилія переполнена войсками; пики швейцарцевъ торчатъ на дворѣ, какъ волосы ржи.

— Ну, ихъ тамъ не больше пяти сотъ! возразилъ другой.

— Одно несомнѣнно, сказалъ третій, — что гугеноты хотѣли убить короля, и что въ свалкѣ герцогъ Гизъ собственноручно ранилъ адмирала.

— Каковъ разбойникъ! по дѣломъ имъ! воскликнулъ сержантъ.

— Даже швейцарцы толкуютъ на своемъ тарабарскомъ языкѣ, что во Франціи слишкомъ долго терпятъ еретиковъ.

— Правда, что они зазнались съ нѣкотораго времени.

— Они такъ задираютъ носъ, что со стороны можно подумать, что они побили насъ при Монконтурѣ и Жарнакѣ, а не мы ихъ!

— Истиннымъ католикамъ давно пора укротить ихъ.

— Что касается меня лично, добавилъ сержантъ, — то, если бы король сказалъ мнѣ: „Бей и рѣжь этихъ негодиевъ“, то пусть меня разжалуютъ въ солдаты, если я не сразу исполню этотъ приказъ!

---

*) Заговоръ въ Амбуазѣ составленъ былъ въ 1560 году однимъ дворяниномъ Барри де-Реноди, при тайномъ соучастіи знатныхъ сеньеровъ и принца Конде, съ цѣлью низвергнуть могущество гизовъ и ихъ вліаніе на короля Франциска II-го и королеву-мать, Екатерину Медичи. Но заговоръ былъ открытъ и главные соучастники подверглись смертной казни.

— Скажи пожалуйста, Бельроузъ, хорошо ли корнетъ исполнилъ возложенное на него порученіе? спросидъ Мерлинъ.

— Онъ все время проговорилъ съ какимъ-то швейцарцемъ, видимо офицеромъ, такъ какъ онъ былъ одѣтъ лучше другихъ. Я не могъ разслышать словъ, но должно быть швейцарецъ рассказывалъ что нибудь интересное, потому что господинъ корнетъ ежеминутно повторялъ: ахъ, Господи! ахъ, Боже мой!..

— Посмотрите-ка, что это значить! Сюда во весь опоръ скачутъ два всадника! Вѣроятно съ какимъ нибудь приказомъ отъ короля... Нашъ капитанъ и корнетъ ѣдутъ къ нимъ на встрѣчу.

Два всадника быстро пронеслись мимо отряда. Одинъ богато одѣтый въ зеленомъ шарфѣ и шляпѣ украшенной перьями ѣхалъ на красивомъ конѣ. Товарищъ его толстый и привземистый человекъ былъ въ черной монашеской одеждѣ и держалъ въ рукахъ большое деревянное распятіе.

— Навѣрняка будетъ драка! сказалъ сержантъ;— вотъ уже при- слали духовника, чтобы исповѣдывать раненныхъ.

— Не велика радость драться не побѣдивши! пробормоталъ съвозъ зубы Мерлинъ.

Оба всадника, завидя издали капитана, поѣхали шагомъ и при встрѣчѣ съ нимъ сразу остановили лошадей.

— Цѣлую ваши руки мосье де-Мержи! сказалъ человекъ въ зеленомъ шарфѣ.— Узнаете ли вашего покорнаго слугу Томаса де-Морвеля?

Капитанъ еще не слыкалъ о новомъ преступленіи Морвеля, но чувствовалъ къ нему глубокое презрѣніе за убійство храбраго Муи. Онъ сухо отвѣтилъ ему:

— Я не имѣю чести знать мосье де-Морвеля... Вы вѣроятно пріѣхали сюда, чтобы объяснить намъ для чего вывезали насъ въ Парижъ?

— Дѣло въ томъ, что нужно спасти нашего добраго короля и нашу святую религію отъ неминуемой опасности.

— Какая же это опасность? спросилъ Жоржъ насмѣшливымъ тономъ.

— Гугеноты составили заговоръ противъ жизни его величества, но, слава Богу, ихъ преступные замыслы были обнаружены во-время; и въ эту же ночь всѣ истинные христіане должны соединиться, чтобы перерѣзать ихъ спящими.

— Такъ были истреблены маданиты войсками Гедсона! замѣтилъ глубокомысленно человекъ въ черной рясѣ.

— О Боже! этого еще не доставало! воскликнулъ Жоржъ, содрогаясь отъ ужаса.

— Всѣмъ буржуа роздано оружіе, продолжалъ Морвель;— французская гвардія и три тысячи швейцарцевъ собраны въ городъ. Въ нашемъ распоряженіи около шестидесяти тысячъ человекъ; въ одинъ-

надцать часовъ будетъ поданъ сигналъ: начнется звоить всѣхъ церковныхъ колоколовъ...

— Только такіе негодяи какъ ты могутъ рассказывать подобныя сказки! Это наглая ложь!.. Король никогда не рѣшится на такую безчеловѣчную рѣзню... Самое большое, если онъ выдастъ известную сумму наемному убійцѣ...

Говоря это, Жоржъ невольно вспомнилъ странный разговоръ, который онъ имѣлъ съ королемъ нѣсколько дней тому назадъ.

— Не горячитесь г. капитанъ; если бы я не былъ связанъ королевской службой, то отвѣтилъ бы вамъ надлежащимъ образомъ на тѣ оскорбленія, которыя вы позволяете себѣ относительно меня. Знайте, что я прѣхалъ сюда отъ имени его величества, чтобы объявить вамъ, что вы должны сопровождать меня съ вашимъ отрядомъ. Намъ поручена улица Saint-Antoine и прилегающій къ ней кварталъ. Я привезъ вамъ точный списокъ лицъ, которыхъ мы должны спровадить на тотъ свѣтъ. Достопочтенный отецъ Мальбушъ убѣдитъ вашихъ людей въ необходимости этой мѣры и раздастъ имъ бѣлье вѣрсты, которыя будутъ на всѣхъ католикахъ, чтобы въ темнотѣ можно было бы безъ труда отличить добрыхъ христіанъ отъ еретиковъ.

— И вы думаете, что я буду убивать спящихъ людей?

— Позвольте васъ спросить: вы католикъ или нѣтъ, и признаете ли вы Карла IX своимъ королемъ? Вамъ, вѣроятно, знакома подпись маршала Реца, которому вы обязаны повиноваться безъ всякихъ разсужденій.

Съ этиими словами Морвель подалъ капитану бумагу, спрятанную за его поясомъ.

Мержи подождалъ одного изъ кавалеристовъ и при свѣтѣ зажженнаго факела, прочелъ формальный приказъ, отъ имени короля, предписывающій капитану Мержи оказать военную помощь войску составленному изъ буржуа и во всемъ повиноваться Морвелю, который дастъ ему необходимыя инструкція. Къ этому приказу былъ приложенъ списокъ именъ съ слѣдующимъ заглавіемъ. Имена еретиковъ, которые должны быть убиты въ кварталѣ Saint-Antoine.

Свѣтъ факела, горѣвшаго въ рукѣ кавалериста, ярко освѣщаль лицо капитана Жоржа, такъ что весь отрядъ могъ видѣть, въ какомъ волненіи былъ ихъ начальникъ при чтеніи приказа, содержаніе котораго пока оставалось для нихъ тайной.

— Никогда мои кавалеристы не возьмутъ на себя роль убійцъ,—сказалъ Жоржъ, бросая бумагу въ лицо Морвеля.

— Здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ убійствѣ,—сказалъ холодно священникъ,—дѣло идетъ объ еретикахъ и надъ ними должно совершиться правосудіе.

— Друзья мои, крикнулъ Морвель, обращаясь къ отряду кавалеристовъ,—гугеноты хотятъ убить короля и перерѣзать всѣхъ ка-

толиковъ; нужно предупредить ихъ: сегодня ночью мы застанемъ ихъ спящими и переколотимъ ихъ... Король въ награду за эту услугу разрѣшаетъ вамъ разграбить ихъ дома.

Въ рѣздахъ кавалеристовъ раздался дикій крикъ радости: „Да здравствуетъ король! Смерть гугенотамъ!“

— Молчать! — крикнулъ Мержи такимъ рѣшительнымъ тономъ, что всѣ разомъ замолкли. — Я одинъ имѣю право отдавать приказанія моему отряду. Товарищи, не вѣрьте этому негодяю! Онъ лжетъ! Если бы даже король отдалъ такой приказъ, то мои кавалеристы все-таки не станутъ убивать беззащитныхъ людей!

Солдаты молчали.

— Да здравствуетъ король! Смерть гугенотамъ! воскликнули въ одинъ голосъ Морвель и его товарищи. Кавалеристы въ тотъ-же моментъ повторили вслѣдъ за ними. — Да здравствуетъ король! Смерть гугенотамъ!

— Вы слышите, капитанъ! намѣрены-ли вы повиноваться? — спросилъ Морвель.

— Я больше не капитанъ! воскликнулъ Жоржъ, срывая съ себя офицерскій значекъ и шарфъ.

— Арестуйте этого измѣнника! — воскликнулъ Морвель, обнаживъ шпагу, — убейте этого бунтовщика; онъ нехочетъ исполнить воли короля!..

Ни одинъ солдатъ не двинулся съ мѣста. Жоржъ выбилъ шпагу изъ рукъ Морвеля, но, не желая пользоваться беззащитнымъ положеніемъ своего врага, ограничился тѣмъ, что ударилъ его такъ сильно по лицу эфесомъ своей шпаги, что тотъ свалился съ лошади.

— Прощайте, низкіе трусы! сказалъ Жоржъ, обращаясь къ отряду. — Я не ожидалъ, что вмѣсто солдатъ буду имѣть дѣло съ убійцами. Затѣмъ, подовавъ корнета, онъ добавилъ: — Альфонсъ, если вы хотите быть капитаномъ, то совѣтую воспользоваться случаемъ... Возьмите на себя команду надъ этими разбойниками!

Съ этими словами Мержи пришпорилъ лошадь и скрылся въ одной изъ сосѣднихъ улицъ. Корнетъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ бы намѣреваясь постѣдовать его примѣру, но черезъ минуту осадилъ свою лошадь и вернулся къ отряду, разсудивъ, что капитанъ во всякомъ случаѣ далъ ему добрый совѣтъ, и что онъ не будетъ въ проигрышѣ, если воспользуется имъ.

Морвель, оглушенный паденіемъ съѣлъ на лошадь, бормоча сквозь зубы проклятія, между тѣмъ какъ монахъ, поднявъ надъ головой распятіе, увѣщевалъ солдатъ не шадить гугенотовъ и утопить ересь въ потокахъ крови.

Солдаты были немного смущены упреками капитана; но тотчасъ же успокоились, какъ только онъ изъяснилъ ихъ своего присутствія. Расчитывая на хорошую наживу, они такъ воодушевились, что размахивали саблями и клялись, что готовы идти въ огонь и воду за Морвелемъ.

ГЛАВА XXI.

Послѣднее усиліе.

Въ тотъ-же вечеръ Мержи вышелъ въ обычный часъ изъ своего дома, завернутый въ сѣрый плащъ и въ шляпѣ, низко надвинутой на глаза. Избѣгая людныхъ улицъ, онъ отправился дальней дорогой къ дому графини. Но едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтилъ Амбруаза Парэ, у котораго лечился отъ раны, полученной на дуэли. Парэ очевидно возвращался изъ отеля Шатильонъ; Мержи, поздоровавшись съ нимъ, спросилъ о здоровьи адмирала.

— Ему лучше, отвѣтилъ хирургъ.—Рана въ отличномъ видѣ и вообще больной чувствуетъ себя не дурно. Съ божьей помощью онъ скоро выздоровѣетъ. Я надѣюсь, что послѣ того лекарства, которое я прописалъ ему, онъ проведетъ спокойную ночь.

Въ это время мимо нихъ прошелъ какой-то простолюдинъ и слышалъ, что они говорятъ объ адмиралѣ. Стоя на достаточное разстояніе, чтобы позволить себѣ дерзость безъ боязни расправы, онъ громко крикнулъ: Подождите немного, вашъ проклятый адмиралъ еще не такъ запляшетъ, когда мы его отправимъ на Mont-faucon!

Съ этими словами онъ пустился бѣжать со всѣхъ ногъ.

— Негодный трусъ! воскликнулъ Мержи. — Какъ обидно, что нашъ адмиралъ долженъ жить въ городѣ, гдѣ у него столько враговъ.

— Къ счастью ему нечего опасаться ихъ въ своемъ отелѣ. Когда я выходилъ оттуда, то всѣ лѣстницы были заняты солдатами, и они уже зажигали фитили. Еслибы вы знали, мосе де-Мержи, до какой степени здѣшніе жители ненавидятъ насъ!.. Однако прощайте, меня ждутъ въ Луврѣ.

Они разстались, пожелавъ другъ другу покойной ночи. Мержи продолжалъ свой путь и, предавшись розовымъ мечтамъ, пересталъ думать объ опасности, грозившей адмиралу, и о ненависти католиковъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не могъ не замѣтить необычайнаго оживленія на парижскихъ улицахъ, всегда пустынныхъ въ тотъ часъ ночи. Онъ встрѣчалъ носильщиковъ съ странными ношами на плечахъ, которыя въ потьмахъ казались ему связками пиявъ; затѣмъ мимо него молча прошелъ отрядъ солдатъ съ поднятыми ружьями и зажженными фитилями; въ нѣкоторыхъ домахъ поспѣшно открывали окна: на минуту въ нихъ появлялись человѣческія фигуры со свѣчами въ рукахъ и тотчасъ же исчезали.

— Слушай, пріятель, крикнулъ Мержи одному изъ носильщиковъ,—объясни мнѣ, пожалуйста, куда вы тащите это оружіе въ такой поздній часъ?

— Въ Луврѣ, милостивый государь, оно понадобится сегодня ночью.

— Товарищъ, сказалъ Мержи, обращаясь къ сержанту, командовавшему патрулемъ,—куда же вы идете въ полномъ вооруженіи?

— Въ Лувръ; мы всѣ созваны туда на эту ночь.

— Мое почтеніе, г-нъ пажъ! Вы, кажется, принадлежите къ свитѣ короля? Я желалъ бы знать: куда вы спѣшите съ вашими товарищами и для кого эти осѣдланныя лошади?

— Мы ведемъ ихъ въ Лувръ, милостивый государь. Развѣ вы не слышали, что тамъ готовится дивертиссементъ на сегодняшнюю ночь.

— Дивертиссементъ сегодня ночью! подумалъ съ удивленіемъ Мержи.—Должно быть, всѣ посвящены въ тайну кромѣ меня! Впрочемъ, какое мнѣ дѣло до этого; король можетъ забавляться сколько ему угодно; я не имѣю никакого желанія участвовать въ его увеселеніяхъ...

Мержи, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, замѣтилъ какого-то челоуѣка, довольно плохо одѣтаго, который останавливался передъ нѣкоторыми домами и дѣлалъ на воротахъ бѣлые кресты кѣломъ.

— Что вы дѣлаете, пріятель? крикнулъ ему Мержи.—Если вамъ поручено отвѣчать квартиры, то вы могли бы выбрать другое время.

Незнакомецъ не считъ нужнымъ отвѣтить на это замѣчаніе и поспѣшно удалился.

Мержи, теряясь въ догадкахъ, повернулъ въ ту улицу, гдѣ жила графиня, но здѣсь онъ едва не сбилъ съ ногъ челоуѣка въ длинномъ плащѣ, который шелъ въ противоположную сторону. Несмотря на темноту и желаніе обонхъ сохранить инкогнито, они тотчасъ же узнали другъ друга.

— Какъ вы поживаете, мосье де-Бевилль? сказалъ Мержи, протягивая ему руку.

Бевилль видимо смутился, когда ему пришлось поздороваться съ пріятелемъ. Онъ предварительно сдѣлалъ странное движеніе и, запахнувъ плащъ, какъ будто переложилъ что-то тяжелое изъ правой руки въ лѣвую.

— Привѣтствую храбраго рыцаря, побѣдителя дамскихъ сердецъ! воскликнулъ Бевилль. — Держу пари, что мой благородный другъ слѣшилъ на любовное свиданіе.

— А вы сами, мосье де-Бевилль... Но къ чему всѣ эти предосторожности? Если не ошибаюсь, то у васъ въ лѣвой рукѣ пистолеты и вы вооружены съ головы до ногъ! Вѣроятно, вы боитесь встрѣчи съ ревнивымъ мужемъ или любовникомъ...

— Осторожность никогда не бываетъ лишняя, мосье Бернаръ; кто знаетъ, гдѣ насъ ожидаетъ смерть!..

Съ этими словами Бевилль поправилъ свой плащъ, чтобы скрыть оружіе, которое держалъ въ рукахъ.

— Къ сожалѣнію, сказалъ Мержи,—я не могу предложить вамъ моихъ услугъ, чтобы сторожить на улицѣ у дверей вашей волюб-

ленной. Меня ждут сегодня; но во всякое другое время располагайте мною...

— Благодарю вас, сегодня вечером вы ни в каком случае не могли бы идти со мной, возразил Бевилль со странной улыбкой.

— Прощайте, желаю вам успеха.

— Я также желаю вам благополучно провести эту ночь, произнес Бевилль с особенной интонацией.

Они расстались. Мержи, сделав несколько шагов, услышал, что кто-то зовет его по имени. Он оглянулся и увидел Бевилля, который шел к нему скорыми шагами.

— Ваш брат в Париж?

— Нет, но я жду его со дня на день. Скажите, пожалуйста, вы будете участвовать в сегодняшнем дивертиссементе?

— Какое дивертиссементе? Что вы хотите этим сказать?..

— Я слышал, что сегодня ночью при дворе готовятся какие-то увеселения.

Бевилль пробормотал что-то сквозь зубы.

— Прощайте еще раз! сказал Мержи.—Я дорожу каждой минутой... Вы понимаете...

— Подождите одну секунду. Я не могу уйти, не дав вам дружеского совета.

— Какого совета?

— Не ходите к ней сегодня. Вѣрьте, что завтра вы поблагодарите меня за это.

— Я не понимаю, о ком вы говорите! Кто же это она?

— Ну, все равно она или он, только будьте благоразумны и скорее переѣзжайте Сены.

— Перестаньте дурачиться и не задерживайте меня.

— Нет, я говорю совершенно серьезно. Послушайтесь моего совета и переѣзжайте на другой берег Сены. Если чорт будет искушать вас, то отправьтесь в улицу Saint-Jacques к якобинскому монастырю. В нескольких шагах от обители святых отцов вы увидите большой деревянный крест, прибитый к дому довольно убогой наружности. Эта странная вывеска немного поразит вас; но вы не обращайте на нее внимания и постучитесь. Вам откроет старуха, которая примет вас самым радушием образом из уважения ко мне; вы будете довольны ее сговорчивостью... Одним словом, советую вам не терять времени и отправиться на ту сторону Сены для утоления любовного пыла. У старухи Бриларь хорошенькия и благовоспитанныя племянницы... Понимаете?..

— Вы очень добры; постараюсь при случае услужить вам в свою очередь.

— Не в этом дело! Лучше послушайтесь меня. Клянусь честью, вы будете довольны...

— От души благодарю вас за добрый совет, но я восполь-

зуюсь имъ въ другой разъ. Меня ждуть, и я не хочу быть невѣжливымъ.

Съ этими словами Мержи сдѣлалъ шагъ, чтобы уйти.

— Еще разъ говорю вамъ, переѣзжайте Сему мой милый другъ; это мое послѣднее слово. Если вы меня не послушаете и съ вами случится несчастье, то я умоваю, въ этомъ руки.

Мержи былъ пораженъ серьезнымъ тономъ, съ какимъ говорилъ Бевилль и въ свою очередь остановилъ его, когда тотъ собирался уйти.

— Чортъ возьми, что вы хотите сказать этимъ моему Бевиллю? Объясните прямо въ чемъ дѣло и не говорите загадками.

— Мой милый другъ, я и безъ того говорю слишкомъ ясно; во всякомъ случаѣ совѣтую вамъ переправиться на другой берегъ рѣки до полуночи... Прощайте.

— Скажите по крайней мѣрѣ...

Бевилль уже былъ далеко; Мержи бросился за нимъ; но ему тотчасъ-же стало досадно, что онъ теряетъ время, которое могъ бы употребить болѣе приятнымъ образомъ. Онъ вернулся назадъ и быстрыми шагами подошелъ къ саду, который былъ единственною цѣлью его ночной прогулки. Здѣсь ему пришлось нѣкоторое время прогуливаться взадъ и впередъ въ ожиданіи пока удалится прохожіе. Онъ не рѣшался войти при нихъ въ садовую калитку въ такой поздній часъ ночи изъ боязни возбудить любопытство. Была тихая лѣтняя ночь; легкая прохлада смѣнила дневной жаръ; мѣсяцъ то показывался, то вновь исчезалъ среди легкихъ бѣлыхъ облаковъ.

Улица на минуту опустѣла; Мержи открылъ калитку и снова заперъ ее безъ шума. Сердце его усиленно билось; онъ думалъ только о томъ невыразимомъ блаженствѣ, которое ожидаетъ его у Діаны; въ эту минуту изъ его головы вылетѣли безслѣдно мрачныя мысли, навѣяныя странными рѣчами Бевилля.

Онъ осторожно пробрался къ дому чуть слышными шагами. У полуоткрытаго окна, за красной занавѣсью горѣла лампа: это былъ условленный знакъ. Мержи въ одно мгновеніе она очутился въ комнатѣ своей возлюбленной.

Она лежала на низкой кушеткѣ, обитой синей каемкой. Ея длинныя черныя волосы покрывали подушку, къ которой она прислонила голову. Глаза ея были закрыты; серебрянная лампа, привѣшанная къ потолку, освѣщала комнату и бросала таинственный свѣтъ на блѣдное лицо и пушковые губы Діаны Тюржи. Она не спала, но, глядя на нее, можно было подумать, что ее мучитъ тяжелый кошмаръ. Скрипъ сапоговъ Мержи по ковру заставилъ ее открыть глаза; она подняла голову и едва не вскрикнула отъ ужаса.

— Я испугалъ тебя, мой ангелъ? спросилъ Мержи, стоя на коленяхъ и наклонившись къ подушкѣ, на которую красавица опять опустила голову.

— Слава Богу! Наконецъ ты пришелъ, Бернаръ.

— Развѣ я опоздалъ сегодня? Мнѣ казалось, что еще далеко до полуночи.

— Ахъ, оставь меня въ покоѣ, Бернаръ... Скажи, пожалуйста, никто не видѣлъ, какъ ты входилъ сюда?

— Никто... Но что съ тобой, моя дорогая? Почему этотъ хорошенькій маленький ротъ не хочетъ цѣловать меня?

— Ахъ, Бернаръ, если бы ты зналъ... Ради Бога, не мучь меня... Моя голова горитъ какъ въ огнѣ! У меня сильнѣйшая мигрень.

— Моя бѣдная Діана!

— Сядь возлѣ меня... только пожалуйста не спрашивай меня ни о чемъ сегодня... Я очень больна.

Она спрятала свое лицо въ подушку и болѣзненно застонала; но черезъ минуту опять подняла голову и, взявъ руку Мержи, приложила къ виску.

Онъ почувствовалъ усиленное біеніе артерій.

— У тебя холодная рука, Бернаръ, мнѣ легче, когда ты ее держишь такъ.

— Моя дорогая Діана, какъ бы я хотѣлъ чтобы ты передала мнѣ свою мигрень! Скажешь онъ, цѣлуя ея горячій лобъ.

— Ахъ, да... а я желала-бы... закрой мнѣ глаза рукой; это облегчить мои страданія... Мнѣ кажется, что если бы я могла заплакать, то я была-бы гораздо спокойнѣе; но у меня нѣтъ слезъ.

Наступило продолжительное молчаніе, прерываемое тяжелыми вздохами больной. Мержи, стоя на колѣняхъ возлѣ кушетки, цѣловалъ попеременно, то лобъ, то опущенныя вѣки своей возлюбленной. Онъ чувствовалъ, какъ ея пальцы по временамъ судорожно сжимали его руку. Горячее дыханіе Діаны жгло его губы, волнуя его молодую кровь.

— Мой милый другъ, сказалъ онъ, — мнѣ кажется, что тебя мучитъ нѣчто сильнѣе мигрени. Нѣтъ-ли у тебя какого нибудь за-таеннаго горя?.. Зачѣмъ ты скрываешь его отъ меня? Развѣ ты не знаешь, что если люди любятъ другъ друга, то они должны дѣлать между собою и горе радость.

Діана недоувѣриво покачала головой, не открывая глазъ. Губы ея шевелились, но она не могла произнести ни одного слова, и какъ бы утомленная этимъ напраснымъ усиліемъ, опустила голову на плечо Мержи.

Въ это время на часахъ пробило половина двѣнадцатаго. Діана вздрогнула всѣмъ тѣломъ и быстро приподнялась съ кушетки.

— Нѣтъ... еще слышомъ рано,—проговорила она глухимъ голосомъ.—Эти часы приводятъ меня въ ужасъ, съ каждымъ ударомъ я чувствую, какъ будто меня бьютъ по головѣ раскаленнымъ желѣзомъ.

Мержи не нашелъ лучшаго отвѣта, какъ поцѣловать склоненный къ нему лобъ красавицы. Въ это время она неожиданно протянула

обѣ руки и положивъ ихъ на плечи своего возлюбленнаго, пристально смотрѣла на него, какъ бы желая проникнуть въ его душу своими блестящими глазами.

— Бернаръ, сказала она послѣ минутнаго молчанія; — я желала бы знать, когда ты сдѣлаешься католикомъ?

— Мой дорогой другъ, не будемъ теперь говорить объ этомъ; всякое волненіе можетъ повредить тебѣ.

— Твое унорство—главная причина моей болѣзни... Но тебя это нисколько не беспокоитъ, хотя теперь нужно дорожить каждой минутой; и если бы мнѣ было суждено умереть сегодня, то я желала-бы употребить остатки моей жизни на то, чтобы обратить тебя въ католичество...

Мержи хотѣлъ остановить потокъ ея рѣчи поцѣлуемъ, такъ какъ это весьма сильный аргументъ, который обыкновенно служитъ стѣнѣтомъ на всѣ вопросы, какіе любовники могутъ услышать отъ своей возлюбленной. Но Діана, которая почти всегда предупреждала его въ подобныхъ случаяхъ, на этотъ разъ съ негодованіемъ оттолкнула его.

— Да будетъ вамъ извѣстно, мосье де-Мержи, что я ежедневно обливаюсь кровавыми слезами, думая о васъ и вашемъ заблужденіи. Вы знаете, насколько я люблю васъ; и поэтому можете себѣ представить тѣ мученія какія я должна испытывать при одной мысли, что тотъ, который для меня дороже жизни, можетъ, благодаря своему упрямству, погибнуть душой и тѣломъ.

— Діана, помните, что мы дали другъ другу слово не говорить больше о подобныхъ вещахъ.

— Пойми несчастный, что это необходимо! Кто можетъ поручиться въ томъ, что у тебя еще осталась часть жизни для раскаянія...

Странный смыслъ послѣдней фразы и самый тонъ ея голоса напомнили Мержи совѣтъ, данный ему Бевиллемъ. Онъ почувствовалъ невольное безпокойство; но пересилилъ себя приписать благочестію новую попытку графини обратить его въ католичество.

— Что вы хотите сказать этимъ, мой прелестный другъ? спросилъ онъ. — Неужели вы думаете, что потолокъ нарочно обвалится надъ головой гугенота, чтобы убить его, какъ въ прошлую ночь положъ вашей кровати. Но къ счастью, это не сдѣлало намъ тогда ни малѣйшаго вреда, кромѣ незначительнаго количества пыли, которая посыпалась на насъ.

— Ваше упрямство приводитъ меня въ отчаяніе!.. Мнѣ приснилось на-дняхъ, что ваши враги собирались убить васъ... я видѣла васъ окровавленнымъ и при послѣднемъ надыханіи; вы умерли прежде чѣмъ я успѣла привести къ вамъ моего духовника.

— Мои враги? я даже не зналъ объ ихъ существованіи.

— Что за безуміе? Развѣ вамъ не враги всѣ тѣ, которые ненавидятъ вашу ересь. Вѣдь это чуть ли не вся Франція! Всѣ французы должны ненавидѣть васъ, пока вы будете врагомъ Бога и нашей церкви.

— Оставимъ это, царица моего сердца! Что же касается вашихъ сновъ, то обратитесь къ Камиллѣ, чтобы она вамъ истолковала ихъ; я въ этомъ ничего не смыслю. Но поговоримъ о чемънибудь другомъ... Вы навѣрно были при дворѣ сегодня и у васъ вслѣдствіе этого сдѣлалась мигрень, которая такъ мучитъ васъ, а меня доводить чуть ли не до бѣшенства.

— Да, я была сегодня при дворѣ, Бернаръ, и видѣла королеву... Я вышла оттуда съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы убѣдить васъ переимѣнить религію... Это необходимо и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

— Позвольте вамъ замѣтить, мой прелестный другъ, что если вы, несмотря на болѣзнь, въ состояніи проповѣдывать съ такимъ увлеченіемъ, то мы могли бы лучше провести время.

Она отвѣтила ему презрительнымъ взглядомъ, въ которомъ проглядывалъ затаенный гнѣвъ.

— Это потерянный человѣкъ; я слишкомъ слаба къ нему! сказала она вполголоса, какъ бы разсуждая сама съ собой; затѣмъ продолжала вслухъ: — Я вижу ясно, что вы меня не любите и что я у васъ на одномъ счету съ вашей лошадыю. Моя обязанность доставлять вамъ удовольствіе и вы не чувствуете ни малѣйшаго сожалѣнія къ моимъ страданіямъ... Ради васъ и васъ однихъ я рѣшилась выносить уприсненія совѣсти, передъ которыми ничто всѣ пытки, придуманныя яростью людей. Вы можете однимъ словомъ возвратить покой моей душѣ; но это слово никогда не будетъ пронесено вами. Вы не пожертвуете ни однимъ изъ вашихъ предрассудковъ ради меня.

— Моя дорогая Діана, за что вы преслѣдуете меня? Если вы окончательно ослѣплены вашимъ религіознымъ рвеніемъ, то будьте безпристрастны и скажите по совѣсти: можете ли вы найти раба болѣе покорнаго, чѣмъ я? Тѣмъ не менѣе, повторяю вамъ то, что уже говорилъ вамъ столько разъ: я готовъ скорѣе умереть, чѣмъ вѣрять нѣкоторымъ вещамъ, которыя кажутся мнѣ безсмысленными.

Она пожала плечами и взглянула на него съ видимымъ недоброжелательствомъ.

— Это все равно, продолжалъ онъ, — что требовать отъ меня, чтобы мои волосы вмѣсто каштановыхъ сдѣлались бы бѣлокурными! Какъ бы я не желалъ угодить вамъ, мой милый другъ, но я не могу переимѣнить религіи, потому что она тѣсно связана съ моимъ существованіемъ. Съ ранняго дѣтства я привыкъ думать извѣстнымъ образомъ; и если бы мнѣ проповѣдывали двадцать лѣтъ сряду, то я все-таки не повѣрилъ бы, что кусокъ хлѣба безъ дрожжей...

— Молчите и не богохульствуйте! прервала она его раздраженнымъ голосомъ. — Я все перепробовала; ничто не удалось! Вы всѣ, еретники, отличаетесь замѣчательнымъ упрямствомъ и намѣренно закрываете глаза и уши отъ правды, такъ какъ боитесь видѣть и слышать. Наконецъ наступило время, когда вы дѣйствительно лишитесь.

возможности видѣть и слышать... Существуетъ только одно средство, чтобы уничтожить неизлечимую язву нашей церкви и теперь рѣшено прибѣгнуть къ этому средству.

Она съ волненіемъ сдѣлала нѣсколько шаговъ по комнатамъ и продолжала:

— Менѣе нежели черезъ часъ однимъ ударомъ снесены будутъ семь головъ дракона ереси. Шаги наточены и вѣрующіе на-готовѣ. Нечестивцы исчезнутъ съ лица земли. Затѣмъ, указывая на часы, стоявшіе въ углу комнаты, она добавила: — Ты видишь, тебѣ осталось нѣсколько минутъ для раскаянія. Когда стрѣлка дойдетъ до двѣнадцати, твоя участь будетъ рѣшена...

Она не успѣла кончить послѣдней фразы, какъ вдали послышался глухой шумъ, похожій на гулъ толпы, которая собралась вокругъ огромнаго пожара. Шумъ, сначала неясный, быстро увеличивался; можно было слышать вдали звонъ колоколовъ и ружейные выстрѣлы.

— Что это значить? воскликнулъ съ удивленіемъ Мержи.

Графиня Тюржи бросилась къ окну и открыла его.

Шумъ съ улицы, до этого заглушенный стеклами и тяжелыми занавѣсами, сдѣлался явственнѣе. Мержи показалось, что онъ слышитъ одновременно крики боли и ревъ ликванія. Красное пламя поднималось къ небу со всѣхъ частей города, насколько можно было окинуть глазомъ. Запахъ смолы, сразу наполнившій комнату, доказывалъ, что это не пожаръ и что свѣтъ, вѣроятно, происходитъ отъ массы зажженныхъ факеловъ. Въ этотъ моментъ на улицѣ раздакъ мушкетный выстрѣлъ и освѣтилъ стекла сосѣдняго дома.

— Началась рѣзня! воскликнула графиня, не помня себя отъ ужаса и хватаясь обѣими руками за голову.

— Какая рѣзня? Что вы хотите этимъ сказать?

— Въ эту ночь, по приказанію короля, убиваютъ гугенотовъ! Всѣ католики взяли за оружіе; ни одному еретнику не дадутъ пощады. Церковь в Франціи спасена, но ты погибъ, если не откажешься отъ протестантскаго лжеученія!

Мержи почувствовалъ, что у него на всемъ тѣлѣ выступилъ холодный потъ. Онъ угрюмо смотрѣлъ на Діану, выраженіе лица которой представляло смѣсь ужаса и какого-то дикаго торжества. Оглушительный шумъ, который раздавался въ его ушахъ и нагонялъ городъ, краснорѣчиво свидѣтельствовалъ о правдивости сообщеннаго ею извѣстія. Діана стояла нѣсколько минутъ неподвижно и пристально смотрѣла на своего возлюбленнаго; рука ея была протянута къ окну, какъ будто съ цѣлью подѣйствовать на его воображеніе и нарисовать еще болѣе яркими красками кровавыя сцены, о которыхъ можно было догадываться по уличному шуму и злобщей иллюминаціи, освѣщавшей городъ. Но мало-по-малу, вмѣсто прежняго торжествующаго вида, лицо ея приняло страдальческое,

испуганное выраженіе. Она упала на колѣни и проговорила сквозь слезы:

— Бернаръ! умоляю тебя, спаси свою жизнь и сдѣлайся католикомъ! Ты этимъ спасешь не только свою жизнь, но и мою...

Мержи бросилъ на нее суровый взглядъ и молча подошелъ къ креслу, на которомъ лежала его шпага.

— Что ты дѣлаешь, несчастный? воскликнула графиня.

— Ты видишь, беру свою шпагу! Я не имѣю никакого желанія, чтобы меня зарѣзали какъ барана.

— Никакія шпаги не спасутъ тебя! Весь городъ вооруженъ: королевская гвардія, швейцарцы, всѣ буржуа и народъ участвуютъ въ рѣзнѣ; въ эту минуту противъ каждаго гугенота направлены сотни кинжаловъ. Тебѣ не осталось другаго средства, чтобы спасти себя отъ смерти, какъ сдѣлаться католикомъ.

Мержи не былъ трусомъ; но представивъ себѣ всѣ опасности, которымъ онъ подвергался въ эту ночь, онъ почувствовалъ малодушный страхъ, такъ что мысль спасти свою жизнь отступничествомъ промелькнула въ его головѣ съ быстротой молніи.

— Я ручаюсь, что ты останешься живъ, если примешь католичество!

— Если я отрекусь отъ своей религіи, подумаешь Мержи,—то я буду презирать себя всю жизнь! Смерть не такъ страшна, какъ кажется издали...

Этой мысли было достаточно, чтобы возвратитъ ему мужество, тѣмъ болѣе, что его мучило сознаніе своей минутной слабости. Онъ нагнувъ на голову шляпу, застегнулъ португезъ и, свернувъ плащъ вокругъ лѣвой руки, въ видѣ щита, направился къ двери рѣшительнымъ шагомъ.

— Куда ты идешь, безумный?

— На улицу. Я хочу избавить васъ отъ непріятнаго зрѣлища, да и вы сами врядъ ли желаете, чтобы меня убили на вашихъ глазахъ и въ вашемъ домѣ.

Въ тонѣ его голоса было столько презрѣнія, что у Діаны болѣзненно сжалось сердце. Она хотѣла загородитъ ему дорогу, но онъ грубо оттолкнулъ ее отъ себя.

— Оставьте меня! воскликнулъ онъ.—Не желаете ли вы сами предать меня въ руки убійцъ? Возлюбленная гугенота можетъ искупить свои грѣхи, пожертвовавъ своимъ любовникомъ.

— Остановись, Бернаръ!.. Мое единственное желаніе спасти твою жизнь. Живи для меня, мой дорогой! Умоляю тебя, во имя нашей любви, произнеси одно слово, и я клянусь, что ты будешь спасенъ.

— Я никогда не соглашусь принять религію убійцъ и разбойниковъ. Примѣръ нашихъ святыхъ мучениковъ поддержитъ меня и дастъ мнѣ силу мужественно встрѣтитъ смерть.

Съ этими словами онъ быстро подошелъ къ двери и уже соби-

рался открыть ее; но Діана предупредила его; она бросилась къ нему и крѣпче обняла его, нежели это могъ сдѣлать самый сильный мужчина.

— Бернаръ! воскликнула она, не помня себя отъ горя;—теперь я еще больше люблю тебя... я почти довольна, что ты не сдѣлался католикомъ.

Она притянула его къ кушеткѣ и, усадивъ рядомъ съ собой, покрывала его руки поцѣлуями и слезами.

— Останься здѣсь, со мной мой, милый и дорогой Бернаръ; только тебя одного могла я полюбить всѣмъ сердцемъ...

Говоря это, она сжимала его въ своихъ объятіяхъ, обвивая руками его шею.

— Они не станутъ отыскивать тебя здѣсь въ моихъ объятіяхъ; или имъ придется убить меня вмѣстѣ съ тобой. Прости Бернаръ, что я не предупредила тебя раньше объ угрожавшей тебе опасности: я была связана страшной клятвой. Но я спасу тебя или погибну вмѣстѣ съ тобой!

Въ эту минуту кто-то сильно постучалъ въ дверь, выходящую на улицу. Діана громко вскрикнула отъ ужаса, а Мержи, освободившись изъ ея объятій, быстро вскочилъ на ноги; въ эту минуту онъ чувствовалъ въ себѣ столько силы и рѣшительности, что не задумываясь бросился бы среди сотни убійцъ, если бы они очутились передъ нимъ.

Въ тѣ времена, почти во всѣхъ парижскихъ домахъ у главнаго входа сдѣлано было квадратное отверстіе, съ частой желѣзной рѣшеткой, чтобы обитатели дома могли заранѣе удостовѣриться: безопасно или нѣтъ впустить посѣтителя? Нерѣдко массивныя дубовыя двери, окованныя желѣзомъ и большими желѣзными гвоздями, казались недостаточно надежными предусмотрительнымъ людямъ, которые не хотѣли осады. Въ виду этого по обѣимъ сторонамъ дверей устраивались узкія бойницы, изъ которыхъ можно было свободно стрѣлять въ осаждающихъ, оставаясь невидимымъ.

Старый конюхъ графини, котораго она удостоивала особеннымъ довѣріемъ, отправился по ея порученію къ главному входу, внимательно разглядѣлъ посѣтителя черезъ рѣшетчатое отверстіе и послѣ подробнаго допроса доложилъ своей госпожѣ, что капитанъ Жоржъ де-Мержи настоятельно проситъ впустить его.

Графиня приказала немедленно принять неожиданнаго посѣтителя.

ГЛАВА XXII.

Двадцать-четвертое августа.

Капитанъ Жоржъ, бросивъ свой отрядъ, поспѣшилъ на свою квартиру, въ надеждѣ увидѣть брата, но уже не засталъ его и узналъ отъ слугъ, что онъ не вернется раньше утра. Сообразивъ безъ труда, гдѣ могъ быть Бернаръ въ этотъ часъ ночи, онъ тотчасъ же отправился къ графинѣ Тюржи.

Между тѣмъ рѣзня уже началась; шумъ, давка на улицахъ и протанутыя цѣпи останавливали его на каждомъ шагѣ. Ему пришлось идти мимо Лувра, гдѣ всего болѣе свирѣпствовали фанатизмъ. Значительное число протестантовъ жило въ этомъ кварталѣ, который былъ теперь въ рукахъ буржуа католиковъ и гвардейскихъ солдатъ. Они явились сюда съ огнемъ и мечемъ въ рукахъ, и, по выраженію одного современнаго писателя д'Обинье, „кровь текла здѣсь со всѣхъ сторонъ сливаясь, въ рѣку“. Всякій, кто переходилъ улицу, подвергался опасности быть раздавленнымъ трупами, которыхъ выбрасывали изъ оконъ.

Большая часть лодокъ, обыкновенно стоявшихъ вдоль Лувра, были изъ предусмотрительности перевезены на другой берегъ. Такимъ образомъ, многіе изъ бѣжавшихъ къ Сенѣ, въ надеждѣ переплыть рѣку и избавиться этимъ путемъ отъ ударовъ непріятеля, были обречены на вѣрную гибель, такъ какъ имъ оставался только выборъ между волнами и алебардами преслѣдовавшихъ ихъ солдатъ. Въ это время, по рассказамъ очевидцевъ, Карлъ IX-й стоялъ у окна своего дворца и прицѣливался въ прохожихъ изъ длиннаго мушкета.

Капитанъ Мержи, шагая черезъ трупы и лужи крови, продолжалъ свой путь, рискуя ежеминутно сдѣлаться жертвой какого нибудь истребителя гугенотовъ. Онъ замѣтилъ, что у cadaго изъ солдатъ и вооруженнаго буржуа былъ бѣлый шарфъ на рукѣ и бѣлый крестъ на шляпѣ. Онъ могъ легко одѣть на себя эти отличительные признаки католиковъ; но отвращеніе, какое онъ чувствовалъ къ убійцамъ, простиралось и на знаки, по которымъ они узнавали другъ друга.

На берегу Сены, близъ Châtelet, онъ услышалъ, что кто-то называлъ его по имени. Оглянувшись, онъ увидѣлъ челоука, вооруженнаго съ головы до ногъ и съ бѣлымъ крестомъ на шляпѣ, но который, повидимому, не дѣлалъ никакого употребленія изъ своего оружія и съ развязнымъ видомъ свергивалъ между пальцами клочки бумаги. Это былъ Бевилль. Онъ хладнокровно смотрѣлъ на окружающіе его трупы и на людей, которыхъ бросали въ Сену съ моста au Meunier.

— Чортъ побери, какъ ты попалъ сюда, Жоржъ? Нужно ли приписать чуду, или тебя вдохновила благодать, что ты также вздумалъ охотиться за гугенотами!

— А ты самъ, что дѣлаешь тутъ среди этихъ негодяевъ?

— Я? Развѣ ты не видишь? Я смотрю на то, что творится здѣсь. Ты знаешь Мишеля Корнабона, этого стараго ростовщика гугенота, у котораго я столько разъ занималъ крупныя суммы?..

— И ты убилъ его, несчастный?

— Фи! за кого ты меня принимаешь! Я не вмѣшиваюсь въ религіозныя дѣла; и не только не убилъ его,—но даже спряталъ въ моемъ погребѣ; онъ былъ такъ тронутъ этимъ, что далъ росписку въ полученіи всѣхъ денегъ, которыя я задолжалъ ему. Такимъ образомъ, я сдѣлалъ доброе дѣло и получилъ достойную награду. Правда, чтобы побудить его скорѣе подписать квитанцію, я раза два приставилъ пистолеть къ его головѣ, хотя, чортъ возьми, я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія стрѣлять въ него... Вотъ, взгляни-ка сюда, ты видишь, какая-то женщина зацѣпилась юбками за бревно моста. Она сейчасъ упадетъ въ воду... нѣтъ, пожалуй удержится!.. Тьфу, пропасть, это настолько любопытно, что стоитъ взглянуть поближе!

Жоржъ отошелъ отъ него съ тяжелымъ чувствомъ.

— Вотъ чѣмъ забавляется одинъ изъ самыхъ честныхъ дворянъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться въ Парижѣ! — подумалъ онъ.—Можно себѣ представить, что дѣлаютъ остальные!..

Онъ вошелъ въ улицу Saint-Josse, которая была темна и пустынна, вѣроятно, вслѣдствіе того, что ни одинъ изъ протестантовъ не жилъ въ ней. Но и здѣсь слышенъ былъ шумъ изъ сосѣднихъ улицъ. Черезъ минуту бѣлыя стѣны домовъ неожиданно освѣтились красноватымъ свѣтомъ факеловъ. Жоржъ услышалъ пронзительные крики и увидѣлъ полунагую женщину съ распущенными волосами, которая держала ребенка на рукахъ. Она бѣжала съ невѣроятной быстротой; двое мужчинъ преслѣдовали ее, ободря другъ друга дикими возгласами, на подобіе охотниковъ за звѣремъ. Женщина хотѣла было броситься въ сосѣднюю аллею; но одинъ изъ преслѣдовавшихъ ее людей выстрѣлилъ въ нее изъ мушкета. Зарядъ попалъ въ спину и опрокинулъ ее; она машинально поднялась на ноги, сдѣлала одинъ шагъ и снова упала на землю; затѣмъ съ видимымъ усиліемъ подняла ребенка, и указывая на него глазами капитану Мержи, какъ будто поручала его великодушнѣе беззащитное существо. Она умерла, не сказавъ ни одного слова.

— Вотъ еще спровадилъ одну изъ этихъ проклятыхъ еретичекъ!—воскликнулъ человекъ, выстрѣлившій изъ мушкета.—Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не отправлю дюжины ихъ на тотъ свѣтъ!

— Негодай! — воскликнулъ капитанъ, выстрѣливъ въ него въ упоръ изъ пистолета.

Голова злодѣя ударилась о стѣну. Онъ широко раскрылъ глаза,

выпрямился и, соскользнувъ на землю, какъ плохо прислоненная доска, упалъ навзничь мертвый.

— Что это значитъ? Запрещено бить католиковъ!—воскликнулъ товарищъ убитаго, который держалъ факель въ одной рукѣ и окровавленную шпагу въ другой! — Кто вы такой? Господи помилуй, да вы, кажется, изъ легкой кавалеріи его величества. Чортъ возьми, это странное недоразумѣніе, г. офицеръ!

Жоржъ вынулъ изъ-за пояса другой пистолетъ и зарядилъ его. Это движеніе и легкое шелканье спускаемаго курка привело въ ужасъ истребителя гугенотовъ. Онъ бросилъ свой факель и убѣжалъ со всѣхъ ногъ. Жоржъ не счелъ нужнымъ преслѣдовать его; онъ наклонился къ женщинѣ, лежавшей на землѣ, и осмотрѣвъ ее, убѣдился, что она мертвая. Пуля пробила ее насквозь; ребенка спасся какимъ-то чудомъ; весь обрызганный кровью, онъ обнималъ шею матери, громко кричалъ и плакалъ. Жоржъ съ трудомъ оторвалъ его отъ трупа, къ которому онъ прижался изо всѣхъ силъ, и завернувъ въ плащъ, взялъ къ себѣ на руки. Избѣгая новой непріятной встрѣчи, онъ поднялъ шапку убитаго, снялъ съ нея бѣлый крестъ и прикололъ къ своей шляпѣ. Благодаря этой предосторожности, ему удалось пройти безъ всякихъ препятствій къ дому графини.

Оба брата бросились другъ другу въ объятія и нѣкоторое время не могли выговорить ни одного слова отъ волненія. Наконецъ, капитанъ разсказалъ въ короткихъ словахъ о томъ, что дѣлалось въ городѣ, и видѣнныхъ имъ сценахъ. Бернаръ проклиналъ короля, гизовъ и католическое духовенство, и хотѣлъ во что бы то ни стало выйти изъ дому и присоединиться къ своимъ собратіямъ по религіи въ надеждѣ, что имъ удалось сплотиться въ какомъ нибудь пунктѣ города противъ своихъ враговъ. Графиня со слезами упрашивала его остаться; ребенокъ громко плакалъ на рукахъ капитана, и звалъ свою мать.

Прошло довольно много времени, пока капитану удалось успокоить графиню и уговорить брата принять болѣе благоразумное рѣшеніе. Что же касается ребенка, то конюхъ графини вызвался отнести его къ надежной женщинѣ, живущей по сосѣдству, и отдать на ея попеченіе.

Бернаръ, по мнѣнію капитана, долженъ былъ пока отложить всякую мысль о бѣгствѣ. Куда могъ онъ отправиться въ данный моментъ? Кто поручится ему въ томъ, что рѣзня не происходитъ повсемѣстно съ одного конца Франціи до другого. Многочисленные отряды гвардіи заняли всѣ мосты, черезъ которые протестанты могли пробраться въ Сель-Жерменское предмѣстье, откуда имъ было легко бѣжать въ южные провинціи, гдѣ населеніе дружелюбно относилось къ нимъ. Съ другой стороны было не только бесполезно, но и опасно обратиться къ помощи короля въ тотъ моментъ, когда разгоряченный рѣзней онъ думалъ только о томъ, чтобы увеличить ее новыми

жертвами. Домъ графини, которая была извѣстна своей набожностью, не могъ подвергнуться строгому обыску со стороны убійцъ, тѣмъ болѣе, что она была увѣрена въ преданности своихъ слугъ. Такимъ образомъ, Мержи нигдѣ не могъ найти болѣе безопаснаго убѣжища, какъ въ домѣ графини. Рѣшено было, что онъ останется тутъ до тѣхъ поръ, пока это будетъ необходимо по ходу событій.

Съ наступленіемъ дня рѣзня продолжалась съ удвоенной силой и приняла болѣе правильный характеръ. Каждый католикъ, надѣвъ на себя бѣлый крестъ, изъ боязни быть заподозрѣннымъ въ ереси, считалъ своимъ долгомъ вооружиться или взять на себя роль доносчика относительно уцѣлѣвшихъ гугенотовъ. Въ это время король заперся въ своемъ дворцѣ, и только главные участники рѣзни имѣли къ нему доступъ. Народная толпа, привлеченная надеждой поживиться грабежемъ, примкнула къ буржуа и солдатамъ, между тѣмъ какъ проповѣдники въ церквахъ увѣщевали свою паству преслѣдовать враговъ съ удвоенной жестокостью. „Уничтожимъ разомъ всѣ головы гидры, говорили они,—и положимъ навсегда конецъ междоусобнымъ войнамъ!“ Чтобы еще болѣе убѣдить народъ, алчущій крови и чудесъ, что небо одобряетъ уничтоженіе гугенотовъ, они указывали на неслыханное чудо, совершившееся въ ночь на 24-е августа: „Идите на кладбище des Innocents! восклицали они,—вы увидите тамъ боярышникъ, который зацвѣлъ вторично, обновленный кровью еретиковъ!“

Многочисленныя процессіи вооруженныхъ фанатиковъ торжественно шли одни за другими на поклоненіе къ святому кусту и возвращались оттуда воодушевленные новымъ рвеніемъ. Теперь никакія сомнѣнія не могли помѣшать имъ отыскивать и убивать тѣхъ, которыхъ небо такъ явно осуждало на неминуемую смерть. Изреченіе Благерини Медичи было въ устахъ всѣхъ; его повторяли, убивая женщинъ и дѣтей: *Che pietà lor ser crudele, che crudeltà lor ser pietoso* („теперь человѣколюбиво быть жестокимъ и жестоко быть человѣколюбивымъ“).

Замѣчательно, что среди протестантовъ было очень много такихъ, которые были на войнѣ и участвовали въ кровопролитныхъ битвахъ, гдѣ они нерѣдко пытались противопоставить доблесть перевѣсу численности; между тѣмъ, во время этой человѣческой бойни только двое оказали нѣкоторое сопротивленіе убійцамъ. Быть можетъ, привычка сражаться въ войскѣхъ и въ правильномъ бою лишила протестантовъ индивидуальной энергіи, которая могла побудить каждаго изъ нихъ защищаться въ своемъ домѣ, какъ въ крѣпости. Не только женщины и молодежь, но старые, заслуженные воины, въ видѣ смиренныхъ жертвъ подставляли свои шеи негодьямъ, которые еще накануне трепетали бы передъ ними. Они принимали свою покорность судьбѣ за мужество и предпочитали ореолъ мучениковъ военной славы.

Когда жажда крови была нѣсколько утолена, наиболѣе милосердые изъ убійцъ заявили своимъ жертвамъ, что готовы даровать имъ жизнь подѣ условіемъ отреченія отъ ихъ вѣры. Самое незначительное число кальвинистовъ воспользовалось этимъ предложеніемъ и избавило себя отъ смерти или долгихъ мученій ложью, выполнѣ извинительною въ ихъ положеніи. Но рядомъ съ этимъ многія женщины и дѣти упорно держались своей религіи, и умирали подѣ ударами убійцъ, не произнося ни одной жалобы.

Черезъ два дня король сдѣлалъ попытку прекратить рѣзню, но безуспѣшно: давъ волю страстямъ толпы, онъ уже былъ не въ состояніи остановить ихъ. Убійства продолжались по-прежнему, и даже самъ монархъ подвергся нареканію за свое нечестивое состраданіе, такъ что ему пришлось отречься отъ сказанныхъ имъ милостивыхъ словъ и вновь проявить свою жестокость, которая составляла отличительную черту его характера.

Впродолженіе первыхъ дней, слѣдовавшихъ за Варроломеевской ночью, капитанъ аккуратно навѣщалъ своего брата въ его убійщицѣ и вслѣдствіе разъ сообщалъ ему новыя подробности объ ужасающихъ сценахъ, при которыхъ онъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ.

— Господи, какъ бы мнѣ хотѣлось уѣхать куда нибудь, чтобы не видѣть всѣхъ этихъ преступленій и убійствъ, говорилъ Жоржъ.— Я скорѣе согласился бы жить среди дикихъ звѣрей, нежели съ французами.

— Не хочешь ли отправиться со мной въ Ла-Рошель? предлагалъ Мержи.—Быть можетъ, истребители гугенотовъ еще не успѣли овладѣть имъ. Если намъ суждено умереть, то умремъ вмѣстѣ! Защищая этотъ послѣдній оплотъ нашей религіи, ты возстановишь свою репутацію и заставишь забыть твое отступничество.

— Поѣдемъ лучше въ Германію или въ Англію! отвѣчалъ Жоржъ, — тамъ, по крайней мѣрѣ, мы будемъ въ безопасности отъ убійцъ и сами не будемъ никого убивать...

Этимъ проектамъ не суждено было осуществиться. Жоржа посадили въ тюрьму за неисполненіе королевскихъ приказаній; графиня, опасаясь, что рано или поздно фанатики откроютъ убійщище ея возлюбленнаго, употребила всѣ усилія, чтобы доставить ему возможность бѣжать изъ Парижа.

ГЛАВА XXIII.

Два монаха.

Въ жалкомъ трактирѣ, стоявшемъ на берегу Лоары, въ недалекомъ разстояніи отъ Орлеана, сидѣлъ за столомъ молодой францисканецъ въ коричневой монашеской одеждѣ, лицо котораго было на половину покрыто большимъ капিশономъ. Глаза его были устремлены на молитвенникъ и онъ, повидимому, весь погрузился въ чтеніе, хотя для этого благочестиваго занятія онъ выбралъ слишкомъ темный уголь. У его пояса висѣли четки изъ зеренъ, величиною въ голубиное яйцо, и множество образковъ въ металлической оправѣ, нанизанныхъ на шнуры. Когда онъ поднималъ голову, чтобы взглянуть на дверь, то видѣнъ былъ красиво очерченный ротъ, съ закрученными усами, которые были настолько щеголеваты, что сдѣлали бы честь любому капитану. Руки его были замѣчательно бѣлыя, съ продолговатыми, тщательно остриженными ногтями, такъ что трудно было предположить, что онъ когда нибудь брался за лопату или грабли, сообразно правиламъ францискайскаго ордена, къ которому онъ принадлежалъ.

Дородная крестьянка съ одутловатыми щеками, исполнявшая обязанность служанки и кухарки, была въ то же время хозяйкой трактира. Она подошла къ молодому монаху и, сдѣлавъ передъ нимъ неловкій реверансъ, сказала:

— Не прикажете ли, отецъ мой, подать вамъ что нибудь къ обѣду? Вѣдь уже давно пробило двѣнадцать!

— Не можете ли вы мнѣ сказать: скоро ли приѣдетъ лодка, которая должна сегодня отправиться въ Боженсъ?

— Кто ее знаетъ! Рѣва обмелѣла, ѣдешь какъ Богъ дастъ, а не такъ какъ хочется! Но во всякомъ случаѣ еще слишкомъ рано; она не можетъ такъ скоро быть здѣсь. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я непременно пообѣдала бы здѣсь.

— Ну, такъ и быть, дайте мнѣ что нибудь поѣсть. Только нѣтъ ли у васъ другой залы. Здѣсь какой-то отвратительный запахъ.

— Какой вы нѣженка, отецъ мой! Я ничего не слышу.

— Не опаливаютъ ли гдѣ нибудь свиней около гостинницы?

— Свиней? Вотъ еще, что выдумали. Пожалуй, они не многимъ лучше свиней, хотя при жизни одѣвались въ шелкъ; но эти свиньи не годятся для ѣды. Съ позволенія сказать, это жарять гугенотовъ на берегу рѣки, въ ста шагахъ отсюда. Отъ этого вы и слышите такой запахъ, отецъ мой.

— Гугенотовъ!..

— Да, гугенотовъ. Надѣюсь, что это не можетъ огорчить васъ и лишить аппетита. Что же касается того, чтобы я подала вамъ обѣдъ

въ другой залѣ, то у меня всего одна столовая и вы должны довольствоваться ею, тѣмъ болѣе, что запахъ вовсе не такъ дурень. Если бы не жгли гугенотовъ, а оставили ихъ гнить на берегу, то зловоніе было бы еще сильнѣе. Сегодня утромъ цѣлая куча ихъ лежала на пескѣ, вотъ какая... выше этой печки!

— И вы ходили смотрѣть на эти трупы?

— Вамъ это не по вкусу, потому что они всѣ были голые. Но вѣдь мертвецы не то, что живые, отецъ мой. Я смотрѣла на нихъ такъ же хладнокровно, какъ на кучу мертвыхъ лягушекъ. Во всякомъ случаѣ наши должно быть хорошо поработали вчера въ Орлеанѣ, потому что Луара страхъ сколько нанесла намъ этой рыбы, но такъ какъ въ этомъ году мало воды въ рѣкѣ, то множество мертвецовъ найдено на пескѣ... Вотъ еще вчера сынъ мельника вытащилъ изъ рѣки сѣти въ надеждѣ, что попался линь, а вмѣсто этого нашелъ мертвую женщину, у которой животъ былъ насквозь пробитъ алебардой, отсюда до плечъ. Разумѣется, онъ еще больше обрадовался бы, если бы въ сѣтяхъ оказалась настоящая рыба, тѣмъ не менѣе... Но что съ вами, отецъ мой!.. Вы такъ поблѣднѣли, какъ будто сейчасъ упадете въ обморокъ! Не хотите ли, я принесу вамъ стаканчикъ вина, только-что полученнаго изъ Боженси? Это согрѣетъ васъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Ну, скажите, по крайней мѣрѣ, что вамъ изготовить къ обѣду.

— То, что попадется вамъ подъ руку... мнѣ все равно!

— Все-таки закажите сами. Да будетъ вамъ извѣстно, что у меня въ кладовой вдоволь всякихъ запасовъ.

— Пожалуй, дайте мнѣ къ обѣду цыпленка, и не мѣшайте мнѣ читать молитвы.

— Цыпленка! Что съ вами, отецъ мой? Вотъ уже не ожидала! Видно, на вашихъ зубахъ пауки не сплетутъ паутины во время поста. Развѣ папа далъ вамъ разрѣшеніе ѣсть цыплятъ въ пятницу?

— Господи, до чего я расцѣянъ!.. Да, разумѣется, сегодня пятница... въ пятницу запрещено ѣсть мясо. Ну, дайте мнѣ яиць. Благодарю васъ, что вы предостерегли меня отъ такого ужаснаго грѣха!

— Нечего сказать, хороши эти господа! пробормотала трактирщица сквозь зубы. — Если вы не предупредите ихъ, то они готовы ѣсть цыплятъ въ постъ, а не приведи Богъ, если въ постный день увидятъ у насъ грѣшныхъ кусочекъ сала въ супѣ: они поднимутъ такой шумъ, что у бѣдной женщины вся кровь бросится въ голову.

Съ этими словами она ушла въ кухню, чтобы заняться приготовленіемъ яиць.

— Ave Maria! Господь да благословитъ васъ, сестра, сказалъ другой монахъ, входя въ залу въ тотъ моментъ, когда трактирщица, держа въ рукѣ огромную сковороду, собиралась выложить на блюдо яичницу.

Вошедшій монахъ былъ красивый старикъ съ сѣдой бородой, вы-

сокаго роста и очень плотный; полное лицо его было багрового цвѣта; но что всего больше бросалось въ глаза,—это былъ большой кусокъ пластыря, которымъ былъ закрытъ лѣвый глазъ и половина щеки. Онъ свободно говорилъ по-французски, хотя съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ.

Трактирщицу особенно удивило то обстоятельство, что молодой монахъ закрылъ тотчасъ же свое лицо, какъ только вошелъ старикъ, и что этотъ въ свою очередь, замѣтивъ своего собрата, поспѣшилъ накинуть на голову кашпопъ, снятый по случаю жары.

— Вотъ и отлично! сказала трактирщица. — Вы послѣли къ самому обѣду, отецъ мой; вамъ не придется ждать ни одной минуты, вдобавокъ у васъ будетъ здѣсь хорошій товарищъ. Затѣмъ, обращаясь къ молодому монаху, она добавила:—Не правда ли, мой почтенный отецъ, вы будете очень рады пообѣдать вмѣстѣ съ нимъ? Запахъ моей яичницы привлекъ ихъ милость. Ну, да вѣдь я не скуплюсь на масло!

Молодой монахъ видимо смутился и отвѣтилъ заикаясь:

— Разумѣется, но я боюсь стѣснить почтеннаго отца.

Старикъ, низко опустивъ голову, сказалъ:

— Я бѣдный монахъ изъ Эльзаса... я плохо говорю по-французски... и не знаю, насколько мое общество можетъ быть пріятно...

— Бросьте эти церемоніи! У монаховъ одного и того же ордена долженъ быть одинъ столъ и одна постель.

Съ этими словами она взяла скамью и приставила ее къ столу прямо противъ молодаго монаха. Старикъ сѣлъ бокомъ и, казалось, чувствовалъ себя очень неловко; стремленіе утолить голодъ, повидимому, боролось въ немъ съ нежеланіемъ оставаться лицомъ къ лицу съ своимъ собратомъ.

Трактирщица поставила на столъ яичницу.

— Ну, отцы мои, читайте скорѣе молитву, а затѣмъ скажите мнѣ: хороша ли моя яичница?

Монахи окончательно смутились при этихъ словахъ. Молодой сказалъ старому:

— Не угодно ли вамъ прочитать молитву? Вы старше меня; не вправѣ присвоить себѣ эту честь.

— Нѣтъ, извините. Вы пришли сюда раньше меня, и вамъ слѣдуетъ прочитать молитву.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста.

— Я ни за что не рѣшусь...

— Но это необходимо!

— Вотъ наказаніе, воскликнула трактирщица.—Они до тѣхъ поръ будутъ спорить, пока не простынетъ яичница. Видалъ ли ктонибудь двухъ такихъ церемонныхъ францисканцевъ? Пусть старикъ прочтетъ молитву передъ обѣдомъ, а вы благодарственную молитву послѣ обѣда.

— Я могу прочесть молитву только на моемъ языкѣ, сказалъ старикъ.

Молодой монахъ казался удивленнымъ и взглянулъ украдкой на своего товарища. Послѣдній, набожно скрестивъ руки, пробормоталъ сквозь зубы нѣсколько невпятихъ словъ. Затѣмъ онъ сѣлъ на свое мѣсто, и молча въ нѣсколько секундъ уничтожилъ двѣ трети личницы и опорожнилъ стоявшую передъ нимъ бутылку. Его товарищъ, не спуская глазъ съ тарелки, также ѣлъ, не говоря ни слова. Когда личница была окончена, онъ всталъ и, сложивъ руки, произнесъ скороговоркой нѣсколько латинскихъ словъ, изъ которыхъ послѣднія были: *Et beata viscera virginis Mariae.*

Это было все, что могла слышать трактирщица.

— Позвольте вамъ замѣтить отецъ мой, что вы прочли довольно странную молитву! сказала она.—Мнѣ кажется, что она вовсе не похожа на тѣ, которыя читаетъ нашъ приходскій священникъ.

— Эта благодарственная молитва принята въ нашемъ монастырѣ, отвѣтилъ молодой францисканецъ рѣшительнымъ тономъ.

— Скоро ли пріѣдетъ лодка? спросилъ другой монахъ.

— Потерпите немного. Она должна быть здѣсь черезъ нѣсколько минутъ.

Молодой францисканецъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе головой, но не позволилъ себѣ ни малѣйшаго замѣчанія и, взявъ свою книгу, принялся читать съ удвоеннымъ вниманіемъ.

Эльзасецъ съ своей стороны, повернувъ спину къ товарищу, началъ перебирать зерна своихъ четокъ между большимъ и указательнымъ пальцами, шевеля губами, хотя не слышно было никакого звука.

— Что за странные и молчаливые монахи! мнѣ никогда не приходилось видѣть такихъ! подумала трактирщица, садясь за свою прелеку и приводя ее въ движеніе.

Впродолженіе получаса ничего не было слышно, кромѣ однообразнаго шума прелеки; но тутъ неожиданно открылась дверь, и въ комнату вошли четверо людей весьма подозрительной наружности. Увидя монаховъ, они слегка приподняли свои шляпы; между тѣмъ какъ одинъ изъ нихъ фамиллярно поздоровался съ трактирщицей, и, назвавъ ее милой Марго, сказалъ повелительнымъ тономъ:

— Ну, поворачивайся скорѣе! Сперва давай вина, и торопись съ обѣдомъ; у меня горло поросло мохомъ отъ долгаго поста!

— Вина! Давайте ему вина! ворчала Маргарита.—Вамъ легко говорить это, г-нъ Буа-Дофинъ. Но отдадите ли вы мнѣ по счету? Мы всѣ люди смертные, а ждать расплаты на томъ свѣтѣ слишкомъ невыгодно. Вы и безъ того должны мнѣ больше шести экю за обѣды и вино; и это также вѣрно, какъ то, что я честная женщина!

— Да, то и другое одинаково вѣрно, возразилъ со смѣхомъ Буа-Дофинъ; я знаю, что долженъ вамъ всего два экю и больше ни одного су. Убирайтесь ко всѣмъ чертямъ и не приставайте ко мнѣ!..

Буа-Дофинъ кончилъ свою фразу площаднымъ ругательствомъ.

— Господи Иисусе Христе! воскликнула трактирщица.—Да развѣ говорятъ такія вещи...

— Ну, не горлань, моя милая старушка. Пусть будетъ по твоему, Марготонь; я заплачу тебѣ шесть эку, а также за все, что мы выпьемъ и съѣдимъ здѣсь. Я сегодня неожиданно разбогатѣлъ, хотя вообще наше ремесло идетъ изъ рукъ вонъ плохо. Не знаю, куда эти негодяи прячутъ свои деньги!

— Они вѣроятно проглатываютъ ихъ! замѣтилъ одинъ изъ бандитовъ.

— Чортъ возьми, мы будемъ имѣть это въ виду! сказалъ Буа-Дофинъ.

— Нужно хорошенько потрошить животы еретиковъ, и не выбрасывать цѣликомъ трупы собакамъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ.

— Ну, кричала же сегодня утромъ дочь этого пастора! замѣтилъ третій.

— А самъ пасторъ! добавилъ одинъ изъ его товарищей.—Я хотѣлъ до упаду; онъ былъ такъ толстъ, что держался на водѣ какъ бочка, такъ что мы съ трудомъ могли утопить его.

— Вы, должно быть, славно поработали сегодня утромъ? спросила Маргарита, возвращаясь изъ погреба съ полными бутылками.

— Особенно хвалиться нечего! отвѣтилъ Буа-Дофинъ. Мы всего побросали въ воду и въ огонь не больше дюжины мужчинъ, женщинъ и маленькихъ дѣтей. Къ несчастью, моя милая Марго, ни у кого изъ нихъ не оказалось ни полушки денегъ, кромѣ одной женщины, на которой было нѣсколько бездѣлушекъ, такъ что вся эта дичь не стоила выѣденнаго яйца. Да отецъ мой, продолжалъ онъ, обращаясь къ молодому монаху,—мы заслужили это въ утро не одну индульгенцію за избіеніе этихъ проклятыхъ еретиковъ, которыхъ вы не даромъ считаете вашими врагами!

Молодой монахъ взглянулъ мелькомъ на Буа-Дофинъ и опять принялся за чтеніе, хотя молитвенникъ дрожалъ въ его лѣвой рукѣ, а правая сжалась въ кулакъ, какъ у чловѣка, который хочетъ пересилить свое волненіе.

— Вотъ я заговорилъ объ индульгенціяхъ, сказалъ Буа-Дофинъ, обращаясь къ товарищамъ,—и у меня явилось желаніе чтобы мнѣ дано было разрѣшеніе, ѣсть мясо по пятницамъ. Я видѣлъ здѣсь въ курятникѣ цыплятъ, которые сильно соблазняютъ меня.

— Чортъ возьми, кто намъ мѣшаетъ съѣсть ихъ, сказалъ другой;—насъ изъ-за этого не пошлютъ въ адъ. Завтра же пойдемъ къ исповѣди и дѣло въ шляпѣ.

— Знаете ли, друзья мои, воскликнулъ третій,—какая прекрасная мысль пришла мнѣ въ голову! Попросимъ этихъ монаховъ, чтобы они дали намъ разрѣшеніе ѣсть скоромное.

— Да, если бы они могли сдѣлать это! возразилъ его товарищъ.

— Я заставлю ихъ выкинуть еще не такую штуку! воскликнулъ Буа-Дофинъ.—Подвиньтесь ближе, я скажу вамъ на ухо въ чѣмъ дѣло.

Всѣ четверо наклонили другъ къ другу головы и Буа-Дофинъ шепотомъ объяснилъ имъ свой проектъ, который былъ принятъ громкими взрывами хохота; только одинъ изъ бандитовъ выразилъ относительно этого нѣкоторыя сомнѣнія:

— Ты не кстати придумалъ такую вещь, Буа-Дофинъ, сказалъ онъ;—это можетъ принести намъ несчастье! Во всякомъ случаѣ я желаю остаться въ сторонѣ.

— Молчи, пожалуйста, Гильменъ! Не великъ грѣхъ поднести кому нибудь къ носу лезвее кинжала.

— Да, но вѣдь это служители церкви!

Они говорили въ полголоса; оба монаха прислушивались къ разговору съ напряженнымъ вниманіемъ, стараясь угадать смыслъ по нѣкоторымъ словамъ, пойманнымъ на-лету.

— Что за пустяки! Тутъ нѣтъ никакой разницы, возразилъ Буа-Дофинъ, возвысивъ голосъ. — Вдобавокъ этимъ способомъ онъ согрѣшитъ, а не я.

— Да, разумѣется! онъ правъ! воскликнули въ одинъ голосъ оба бандита.

Буа-Дофинъ всталъ и вышелъ изъ залы. Черезъ минуту послышалось отчаянное кудактанье куръ и визгъ, послѣ чего онъ вернулся, держа въ каждой рукѣ по убитой птицѣ.

— Ахъ ты каторжный! воскликнула трактирщица. — Смотрите, пожалуйста, зарѣзалъ моихъ бѣдныхъ пѣтуховъ, да еще въ пятницу! Ну, что ты хочешь съ ними дѣлать, разбойникъ?

— Сдѣлай одолженіе, замолчи Марготонъ и не надоѣдай мнѣ. — Ты знаешь, я не отличаюсь кротостью. Приготовь мнѣ два вертела и не вмѣшивайся въ мои распоряженія. Я буду дѣлать то, что мнѣ вздумается! — Затѣмъ, обращаясь къ старому монаху, онъ сказалъ:—Ну, отецъ мой, удостойте взглянуть на этихъ невинныхъ тварей. Я желалъ бы, чтобы вы сдѣлали мнѣ милость и окрестили ихъ.

Старый монахъ попытался назадъ отъ удивленія; товарищъ его закрылъ книгу, между тѣмъ какъ трактирщица осыпала бранью Буа-Дофина.

— Вы хотите, чтобы я окрестилъ ихъ? спросилъ монахъ.

— Да, отецъ мой. Я буду крестнымъ отцомъ, а Марго крестной матерью. Вы видите, это два пѣтуха: одного вы назовете карпомъ, другого окунемъ. Неправда ли, я придумалъ отличныя имена для моихъ крестниковъ?

— Вы хотите, чтобы я окрестилъ пѣтуховъ? повторилъ со смѣхомъ монахъ.

— Ахъ ты злодѣй! кричала трактирщица, не помня себя отъ ужаса.

— Ты воображаешь, что я позволю творить такіа дѣла въ моемъ домѣ? Развѣ ты у жидовъ или на шабашѣ, что вздумалъ крестить куръ?...

— Заткните глотку этой крикуньѣ! сказалъ Буа-Дофинъ товарищамъ;—а вы, отецъ мой, не можете ли вы прочесть имя фабриканта, сдѣлавшаго это лезвее.

Съ этими словами онъ поднесъ обнаженный кинжалъ къ носу стараго францисканца. Молодой монахъ быстро поднялся съ скамьи, но почти тотчасъ же сѣлъ опять на прежнее мѣсто, какъ бы рѣшившись изъ осторожности вооружиться терпѣніемъ и ждать, что будетъ дальше.

— Теперь объясните мнѣ, сынъ мой, какимъ образомъ долженъ я окрестить птицъ?

— Чортъ возьми, нѣтъ ничего легче этого! окрестите ихъ тѣмъ же способомъ, какъ вы крестите насъ, грѣшныхъ. Полейте имъ немного воды на голову и скажите: *Baptizo te Carpat et Perchat*, только, разумѣется, скажите это своимъ языкомъ. Ты, Жанъ, принеси стаканъ воды, а вы, друзья мои, снимите шляпы и ведите себя, какъ прилично истиннымъ католикамъ.

Старый францисканецъ къ общему удивленію взялъ немного воды, полилъ головы пѣтухамъ и произнесъ скороговоркой, сквозь зубы, нѣчто похожее на молитву, которую окончилъ словами: *Baptizo te Carpat et Perchat*. Затѣмъ онъ снова сѣлъ на свое мѣсто и взялъ чашку съ такимъ спокойнымъ видомъ, какъ будто сдѣлалъ самую обыкновенную вещь.

Трактирщица оцѣмѣла отъ удивленія. Буа-Дофинъ былъ въ полномъ восхищеніи.

— Ну, Марго, сказалъ онъ, бросивъ на столъ убитыхъ птицъ, — приготовь намъ къ обѣду карпа и окуна; изъ нихъ выйдетъ отличное постное кушанье.

Однако, несмотря на крещеніе, трактирщица упорно отказывалась считать пѣтуховъ постнымъ кушаньемъ, годнымъ для христіанъ въ пятницу, такъ что нужно было прибѣгнуть къ угрозѣ, чтобы заставить ее насадить на вертелъ эту мнимую рыбу.

Въ ожиданіи обѣда Буа-Дофинъ и его товарищи щедро утопались виномъ, провозглашали тосты и шумѣли.

— Слушайте! крикнулъ Буа-Дофинъ, ударивъ изо всѣхъ силъ кулакомъ по столу, чтобы водворить молчаніе,—я предлагаю выпить за здоровье нашего святого отца папы и за истребленіе всѣхъ гугенотовъ! Марго и оба монаха должны выпить вмѣстѣ съ нами.

Товарищи Буа-Дофина встрѣтили его предложеніе громкими криками одобренія.

Онъ всталъ, пошатываясь, съ своего мѣста и, подойдя къ молодому монаху, налилъ ему стаканъ изъ бутылки, которую держалъ въ рукахъ.

— Ну, отецъ мой—сказалъ онъ,—выпейте за святѣйшество его здоровья... нѣтъ не такъ... за здоровье его святѣйшества! и за уничтоженіе...

— Я пью только за обѣдомъ, отвѣтилъ холодно молодой монахъ.

— Чортъ возьми, вы будете пить или я заставлю васъ силой.

Съ этими словами онъ поставилъ бутылку на столъ и, взявъ полный стаканъ вина, поднесъ его къ губамъ монаха, который наклонился надъ молитвенникомъ и, казалось, читалъ съ большимъ вниманіемъ. Нѣсколько капель вина упало на книгу. Монахъ всталъ съ мѣста и, схвативъ стаканъ, выплеснулъ вино въ лицо Буа-Дофина.

Всѣ захохотали. Францисканецъ прислонился къ стѣнѣ и, скрепивъ руки, пристально смотрѣлъ на своего противника.

— Я долженъ сказать вамъ, отецъ мой, что эта шутка не въ моемъ вкусѣ! сказалъ Буа-Дофинъ.—Если бы вы не были въ монашеской расѣ, то я показалъ бы вамъ, съ кѣмъ вы имѣете дѣло.

Говоря это, онъ протянулъ руку къ лицу монаха и дотронулся кончиками пальцевъ до его усовъ.

Францисканецъ побагровѣлъ отъ гнѣва. Одной рукой онъ сдавилъ горло своему противнику, а другой схватилъ бутылку и ударилъ его изо всѣхъ силъ по головѣ. Буа-Дофинъ упалъ безъ чувствъ на полъ, облитый виномъ и кровью.

— Отлично, вотъ молодецъ! воскликнулъ старый монахъ. — Ну, не ожидалъ я отъ васъ такой удали!

— Буа-Дофинъ умеръ! воскликнули въ одинъ голосъ его товарищи, видя, что онъ лежитъ неподвижно. — Ну, братцы, не отставайте, нужно проучить какъ слѣдуетъ этого негодяя!

Они взялись за свои шпаги; но молодой монахъ предупредилъ ихъ: онъ быстро засучилъ длинные рукава своего монашескаго платья, и, схвативъ шпагу Буа-Дофина, всталъ въ оборонительное положеніе съ рѣшительнымъ видомъ. Въ тотъ же моментъ старый францисканецъ вынулъ изъ-подъ рясы длинный винжалъ и послѣшилъ на помощь своему собрату.

— Вотъ вамъ, каналы! воскликнулъ онъ, бросаясь на бандитовъ: — Знайте, съ кѣмъ имѣете дѣло! Мы не хуже васъ владѣемъ оружіемъ...

Товарищи Буа-Дофина потерпѣли полное пораженіе и, кинувъ шпаги, выскочили одинъ за другимъ изъ окна.

— Господи Иисусе Христе! Пресвятая Богородица! повторяла трактирщица, всплеснувъ руками отъ удивленія.—Какъ вы отлично деретесь, отцы мои! Наша религія должна гордиться такими бойцами... Но здѣсь все-таки на мою бѣду мертвое тѣло! Что я буду дѣлать съ нимъ! Вѣдь это погубитъ репутацію моего дома.

— Нѣтъ, онъ не думалъ умирать! возразилъ старый монахъ. — Смотрите, онъ шевелится! Вотъ я сейчасъ причащу его передъ смертью!

Съ этими словами онъ взялъ раненаго за волосы и поднесъ кинжалъ къ его горлу. Трактирщица успѣла во-время остановить его.

— Ради Бога, не дѣлайте этого! воскликнула она. — Теперь не время убивать человѣка изъ-за такихъ пустяковъ, а тѣмъ болѣе католика, хотя его нельзя считать истиннымъ христіаниномъ; и онъ достаточно доказалъ это...

— Если не ошибаюсь, сказалъ молодой монахъ, обращаясь къ своему собрату, — то вы также, какъ и я, сибшите въ Боженси по важнѣму дѣлу. Вотъ причалила лодка. Уйдемте скорѣе отсюда!

— Вы правы, я готовъ послѣдовать вашему совѣту.

Онъ вытеръ кинжалъ и спряталъ его подъ расу. Затѣмъ оба монаха, заплативъ деньги за обѣдъ и выпитое вино, отправились вдвоємъ на берегъ Луары, оставивъ Буа-Дофина на попеченіе трактирщицы, которая сперва тщательно обшарила его карманы и затѣмъ уже стала собирать куски стекла съ головы раненаго, чтобы сдѣлать перевязку по правиламъ, принятымъ кумушками въ подобныхъ случаяхъ.

— Я почти увѣренъ, что гдѣ-то видѣлъ васъ, сказалъ молодой монахъ, обращаясь къ старому францисканцу.

— Чортъ возьми, я также готовъ держать пари, что мнѣ знакомо ваше лицо. Но...

— Только мнѣ кажется, что вы не носили тогда этой расы.

— Если не ошибаюсь, то вы капитанъ...

— Мое имя Дитрихъ Горнштейнъ; а вы тотъ самый молодой дворянинъ, съ которымъ я имѣлъ честь ужинать въ трактирѣ близъ Этампа.

— Я хорошо помню этотъ вечеръ.

— Васъ зовутъ мосье Мержи?

— Да, но теперь у меня другое имя. Называйте меня отецъ Амвросій.

— А вы зовите меня отцомъ Аптоніемъ! Помните, что я изъ Эльзаса.

— Хорошо! Куда же вы отправляетесь теперь?

— Въ Ла-Рошель, если это мнѣ удастся.

— Значитъ, намъ по дорогѣ.

— Очень радъ, что мнѣ удалось опять встрѣтиться съ вами... Клянусь честию, вы чортъ знаете какъ смутили меня сегодня вашимъ предложеніемъ прочесть молитву передъ обѣдомъ. Я не зналъ даже какъ начать ее, и сперва принялъ васъ за настоящаго монаха.

— Также какъ и я васъ.

— Откуда бѣжали вы, мосье де-Мержи?

— Изъ Парижа, а вы?

— Изъ Орлеана. Я принужденъ былъ скриваться болѣе восьми дней. Мои бѣдные рейтары... мой корнетъ... брошены въ Луару.

— Куда дѣвалась Мила?

— Она приняла католичество.

— А гдѣ моя лошадь, капитанъ?

— Ваша лошадь?.. Я прогналъ сквозь строй негоднаго трубача, который украдъ ее у васъ... Но я не зналъ, гдѣ вы, и поэтому не могъ возвратить вамъ ее... Я оставилъ лошадь у себя, въ надеждѣ, что буду имѣть честь возвратить вамъ ее. Теперь она вѣроятно въ въ рукахъ какого нибудь негоднаго паписта.

— Говорите тише, насъ могутъ услышать!.. Итакъ, капитанъ, судьба вновь соединила насъ; пока намъ суждено быть вмѣстѣ, будемъ помогать другъ другу по мѣрѣ силъ, какъ это мы сдѣлали сегодня.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! Будемъ драться вмѣстѣ, пока у Дитриха Горнштейна останется капля крови въ жилахъ.

При этомъ мнимые монахи крѣпко пожали другъ другу руки.

— Скажите пожалуйста, какую негѣпую исторію сочинили они съ этими пѣтухами и ихъ Саграмъ et Першамъ? Нужно отдать справедливость папистамъ, что это замѣчательно глупая порода людей.

— Еще разъ, прошу васъ говорить тише. Вотъ и лодка!

Разговаривая такимъ образомъ, они сѣли въ лодку и поплыли въ Боженсн, куда доѣхали безъ всякихъ приключеній. Дорогой они встрѣтили множество труповъ своихъ единовѣрцевъ, унесенныхъ теченіемъ Луары.

Одинъ изъ лодочниковъ замѣтилъ, что большая часть ихъ обращена лицомъ къ небу.

— Они молятъ Бога о мести! сказалъ вполголоса Мержи капитану рейтаровъ.

Дитрихъ молча пожалъ ему руку вмѣсто отвѣта.

ГЛАВА XXIV.

Осада Ла-Рошели.

Ла-Рошель, жители которой были почти всѣ протестантскаго вѣроисповѣданія, играла важную роль среди городовъ южныхъ провинцій и представляла собой самый твердый оплотъ протестантской партіи. Обширная торговля Ла-Рошели съ Англіей и Испаніей не только способствовала накопленію богатствъ, но и развитію духа независимости, который не разлученъ съ ними. Буржуа, рыбаки и матросы, нерѣдко занимааясь морскими разбоями и, привыкнувъ съ ранней молодости къ опасностямъ жизни, полной приключеній, обладали той неудержимой энергіей, которая можетъ служить замѣной дисциплины и военнаго навыка. Узнавъ о рѣзнь 24-го августа, они не только не поддались безсмысленной покорности, которая овладѣла

большинствомъ протестантовъ и заставила ихъ потерять вѣру въ успѣхъ дѣла, но отъ перваго до послѣдняго человѣка всѣ были воодушевлены непоколебимымъ мужествомъ, какое является у людей въ минуты величайшей опасности. Рѣшено было съ общаго согласія скорѣе умереть съ голоду, чѣмъ отворить городскіе ворота неприятелю, который представилъ такое очевидное доказательство своей недобросовѣстности и варварства. Въ то время, какъ пасторы старались поддержать мужество народа своими фанатическими проповѣдями, старики, женщины и дѣти работали изо всѣхъ силъ, чтобы возстановить старыя укрѣпленія и воздвигнуть новыя. Въ городѣ постоянно свозились съѣстные запасы и оружіе, снаряжались барки и суда и были приняты всѣ мѣры, чтобы организовать и приготовить возможные средства защиты. Многіе дворяне, избѣжавъ смерти во время рѣзни 24-го августа, присоединились къ рошельцамъ и своими разказами объ ужасахъ Вареоломеевской ночи придали храбрости самымъ робкимъ субъектамъ. Для этихъ людей, спасенныхъ отъ вѣрной смерти, война со всѣми ея случайностями была все равно, что легкій вѣтерокъ для матросовъ, вынесшихъ бурю на морѣ. Мержи и его товарищъ были изъ числа этихъ бѣглецовъ, которые увеличили собой число защитниковъ Ла-Рошели.

Парижскій дворъ, напуганный этими приготовленіями, пожалѣлъ, что не предупредилъ ихъ. Маршалъ Биронъ былъ посланъ къ жителямъ Ла-Рошели съ мирными предложеніями. Король имѣлъ нѣкорныя основанія думать, что выборъ Бирона произведетъ пріятное впечатлѣніе на рошельцевъ, такъ какъ этотъ маршалъ не только не участвовалъ въ вареоломеевской рѣзнѣ, но спасъ отъ смерти нѣсколькихъ знатныхъ протестантовъ и даже направилъ пушки арсенала противъ убійцъ, явившихся съ королевскими значеями.

Биронъ, подойдя къ Ла-Рошели, предложилъ горожанамъ принять его въ качествѣ королевскаго намѣстника, обѣщая съ своей стороны соблюдать права и привилегіи жителей и предоставить имъ свободу религіи. Но послѣ избіенія шестидесяти тысячъ протестантовъ можно ли было довѣрять обѣщаніямъ Карла IX-го? Всѣмъ было извѣстно, что во время переговоровъ рѣзня продолжалась въ Бордо, солдаты Бирона грабили территорію, принадлежавшую Ла-Рошели, а королевскій флотъ задерживалъ ея купеческія суда и блокировалъ портъ.

Рошельцы отказались принять Бирона и отвѣтили, что не могутъ вести никакихъ переговоровъ съ королемъ, пока онъ будетъ плѣнникомъ Гизовъ. Не извѣстно, считали ли они послѣднихъ единственными виновниками страданій кальвинистовъ, или думали съ помощью этой фикціи, столько разъ повторяемой, успокоить совѣсть тѣхъ, которые были убѣждены, что вѣрность королю должна быть поставлена выше интересовъ религіи. Такимъ образомъ, соглашеніе не состоялось, и Биронъ вернулся ни съ чѣмъ. Тогда король выбралъ въ посредники Ла-Ну и послалъ его въ Ла-рошель для переговоровъ. Ла-Ну,

прозванный „Желѣзная рука“ вслѣдствіе вставной руки, которая замѣняла ему потерянную въ битвѣ, былъ ревностный кавальеристъ, имѣвшій замѣчательное мужество и военныя способности во время послѣднихъ междуусобныхъ войнъ.

Самая нѣжная дружба связывала его съ адмираломъ Коллинъ, который цѣнилъ его какъ самаго искуснаго изъ своихъ лейтенантовъ и наиболѣе преданнаго ему. Во время Вареломеевской рѣзни онъ командовалъ мятежными шайками фланандцевъ, возставшихъ противъ ненавистнаго владычества. Счастье измѣнилось ему; онъ принужденъ былъ отдаться въ руки герцога Альби, который довольно милостиво обошелся съ нимъ. Затѣмъ Карлъ IX-й, почувствовавъ нѣкоторые упреки совѣсти послѣ огромнаго количества пролитой имъ крови, призвалъ къ себѣ Ла-Ну и, противъ всякаго ожиданія, чрезвычайно любезно принялъ его. Этотъ король, не знавшій ни въ чемъ мѣры, осмѣлялъ ласками протестанта, хотя за нѣсколько дней передъ тѣмъ по его приказанію истреблены были де шестидесяти тысячъ протестантовъ. Но съ судьбой Ла-Ну былъ связанъ своего рода фатализмъ: во время третьей междуусобной войны онъ былъ дважды взятъ въ плѣнъ, сперва при Жарнакѣ, затѣмъ при Монкотурѣ и оба раза обязанъ былъ своей свободой брату короля ¹⁾, несмотря на протестъ нѣкоторыхъ капитановъ, которые считали необходимымъ пожертвовать этимъ человекомъ, слишкомъ опаснымъ, чтобы оставить его въ живыхъ, и слишкомъ честнымъ для подкупа, Карлъ IX-й, предполагая, что Ла-Ну помнитъ его милости, поручилъ ему уговорить жителей Ла-Рошели покориться королевской власти. Ла-Ну согласился принять на себя это порученіе, но съ условіемъ, что король не потребуетъ отъ него чего-либо несовмѣстнаго съ его честью. Онъ уѣхалъ въ сопровожденіи итальянскаго священника, которому было приказано наблюдать за его дѣйствіями и доносить о нихъ въ Парижъ.

Ла-Ну съ перваго же момента почувствовалъ себя оскорбленнымъ, замѣтивъ, что ему не довѣряютъ. Въ Ла-Рошель его не пустили и назначили мѣстомъ свиданія одну изъ сосѣднихъ деревень. Городскіе депутаты встрѣтили его въ Тадонѣ. Онъ зналъ всѣхъ ихъ, такъ какъ это были его старые товарищи по оружію; но никто не протянулъ ему дружеской руки; ни одинъ не показалъ виду, что узнаетъ его. Онъ представился депутатамъ и изложилъ въ краткихъ словахъ предложенія короля. Сущность его рѣчи заключалась въ слѣдующее: „Повѣрьте обѣщаніямъ короля; междуусобная война — худшее изъ всѣхъ золъ“.

Городской мэръ отвѣтилъ съ горькой улыбкой:

— Мы дѣйствительно видимъ передъ собой человека похожаго на Ла-Ну; но Ла-Ну никогда не предложилъ бы намъ покориться убійцамъ! Ла-Ну былъ другемъ съ покойнымъ адмираломъ и предво-

¹⁾ Герцогъ Анжуйскій, вслѣдствіи король Генрихъ III-й.

«истор. вѣстн.», годъ III, томъ X.

челъ бы отомстить за него, а не вести переговоры съ его убійцами. Нѣтъ, мы не узнаемъ въ васъ стараго товарища.

Упреки эти глубоко оскорбили несчастнаго посла; онъ напомнилъ мѣру услуги, оказанныя имъ дѣлу кальвинистовъ и, указавъ на изувѣченную руку, распространился о своей преданности протестантской религiи. Мало-по-малу недовѣріе депутатовъ разсѣялось; они отворили ему ворота Ла-Рошели, сообщили ему о своихъ планахъ защиты и просили его встать во главѣ ихъ. Предложеніе это было весьма заманчиво для стараго воина. Онъ далъ клятву Карлу служить ему по совѣсти и надѣялся, что, вставъ во главѣ рошельцевъ, онъ будетъ имѣть возможность скорѣе склонить ихъ къ миру и что ему удастся сохранить вѣрность королю и религiи.

Но онъ жестоко ошибался.

Королевская армія осадила Ла-Рошель. Ла-Ну дѣлалъ удачныя вылазки и убивалъ значительное число католиковъ; затѣмъ, по возвращеніи въ городъ, убѣждалъ жителей склониться къ миру. Благодаря такому способу дѣйствій онъ возбудилъ недовѣріе тѣхъ и другихъ. Католики кричали, что онъ нарушилъ слово, данное королю; протестанты обвиняли его въ измѣнѣ.

Ла-Ну, тяготясь своимъ ложнымъ положеніемъ, искалъ смерти въ бою и разъ двадцать на день подвергалъ свою жизнь опасности.

ГЛАВА XXV.

Ла-Ну.

Осажденные только что сдѣлали удачную вылазку противъ аванпостовъ католической арміи. Они завалили на нѣсколько футовъ неприятельскія траншеи и, опрокинувъ габионы, убили до сотни солдатъ. Отрядъ, одержавшій эту побѣду, возвращался въ городъ черезъ ворота Tadop. Впереди всѣхъ шелъ капитанъ Дитрихъ съ своими мушкетерами; ихъ раскраснѣвшіяся усталыя лица и запекшіяся губы ясно показывали, что они не щадили себя во время боя. За ними двигалась огромная толпа буржуа, среди которыхъ можно было различить нѣсколько женщинъ, повидимому также участвовавшихъ въ битвѣ. Затѣмъ слѣдовали плѣнные, ихъ было около сорока чело-вѣкъ, большею частью раненыхъ; они шли среди двойнаго ряда солдатъ, хотя послѣднимъ было очень трудно защитить ихъ отъ ярости собравшагося народа. Около двадцати кавалеристовъ составляли арьергардъ. Ла-Ну, у котораго Мержи былъ адъютантомъ, ѣхалъ позади всѣхъ. Его панцырь былъ пробитъ пулей; лошадь ранена въ двухъ мѣстахъ. Лѣвой рукой онъ держалъ разряженный

пистолеть, а своей правой, вставной рукой, управлять поводомъ лошади посредствомъ желѣзнаго крючка, выходявшаго изъ жогаваго нарукавника.

— Дайте пройти плѣнникамъ! кричалъ онъ ежеминутно. — Пощадите ихъ, друзья мои; они ранены и не могутъ болѣе защищаться; вы не должны считать ихъ вашими врагами.

Народъ отвѣчалъ ему дикими воплями:—На висѣлицу папистовъ. Повѣсьте ихъ!.. Да здравствуетъ Ла-Ну!

Мержи и кавалеристы, разогнавъ толпу прикладами своихъ мушкетовъ, еще больше усилили этимъ впечатлѣнiе, произведенное великодушными увѣщанiями военачальника. Плѣнниковъ отвели въ городскую тюрьму и помѣстили подъ надежной охраной, такъ что имъ болѣе нечего было опасаться ярости толпы. Отрядъ разошелся по домамъ, а Ла-Ну съ нѣсколькими дворянами отправился въ ратушу и сошелъ съ лошади въ тотъ самый моментъ, когда мэръ выходилъ оттуда въ сопровожденiи буржуа и пожилаго пастора по имени Лапласъ.

— Безконечное спасибо вамъ, храбрый Ла-Ну! сказалъ мэръ, подавая ему руку,—вы показали этимъ палачамъ, что еще не всѣ мужественные защитники нашей религiи умерли съ адмираломъ Колиньи.

— Дѣйствительно трудно было ожидать такого благополучнаго исхода, возразилъ скромно Ла-Ну.—У насъ всего пять человѣкъ убитыхъ и очень мало раненыхъ.

— Если вылазка удалась, то благодаря вамъ, мосье Ла-Ну, продолжалъ мэръ,—мы заранѣе были увѣрены въ успѣхъ.

— Ла-Ну не могъ-бы ничего сдѣлать безъ Божьей помощи! воскликнулъ старый пасторъ раздраженнымъ голосомъ.—Всесильный Богъ выигралъ нашимъ молитвамъ и ополчился за насъ сегодня.

— Господь по своей святой волѣ даетъ и отнимаетъ побѣду! сказалъ Ла-Ну спокойнымъ тономъ;—и только ему должны мы воздавать благодарность за успѣхи, одержанные на войнѣ! — Затѣмъ, обращаясь къ мэру, онъ спросилъ:—Не можете-ли вы сообщить, милостивый государь, какъ рѣшилъ совѣтъ относительно новыхъ предложенiй его величества?

— Мы только что отослали обратно трубача къ герцогу Анжуйскому, съ просьбой не утруждать себя болѣе новыми требованiями, такъ какъ впредь мы будемъ отвѣчать на нихъ мушкетными выстрѣлами.

— Вы должны были-бы повѣсить трубача! замѣтилъ пасторъ.— Среди насъ явились козлица, они соблазняютъ жителей этого города... Мы должны умертвить ихъ! Въ писанiи сказано: рука избранника Божiя первая поднимется на нихъ, а за нимъ рука всего народа...

Ла-Ну вздохнулъ и молча поднялъ глаза къ небу.

— Намъ нечего думать о едаві продолжалъ маръ, — пока наши стѣны кѣли и непріятель не осмѣливается атаковать насъ въѣномъ, между тѣмъ какъ мы ежедневно нападаемъ на него въ его собственныя траншеи! Пошрыге мѣѣ, моше Ла-Ну, что еслибы въ Ла-Ранолѣ не было солдатъ, то достаточно было бы едлѣхъ женщины чтобы справиться съ этими нарижекими живодеками.

— Мѣѣ кажется, возразилъ Ла-Ну, — что если чувствуешь свою силу, то нужно съ уваженіемъ отзываться о непріятелѣ, а вотда онъ сильнѣе насъ...

— Кто вамъ сказалъ, что онъ сильнѣе насъ? прервалъ Ла-ласъ. — Ранѣ Господь не борется за насъ? Вавоникте Гедсона, который съ тремястами израильтянъ оказался сильнѣе кѣлой арміи ма-данитовъ!

— Вамъ нѣчто лучше чѣмъ тому нибудь, г-нъ маръ, сказалъ Ла-Ну, — какой, у насъ недосаговъ въ провалѣхъ! Паракъ начинають испомнаться такъ, что я долженъ былъ запротить мушкетерамъ стрѣлять на далекомъ разстояніи.

— Монгемери пришлохъ намъ пороку изъ Англии, возразилъ маръ.

— Огонь небесный поразитъ памметовъ! добавилъ Ла-ласъ.

— Хлѣбъ дорожаетъ со дня на день...

— Я жду ежминутно поалаенія англійскаго флота и тогда въ городѣ не будетъ ни въ чемъ недостатка...

— Господь ниспошлетъ манву своему народу, если это онажется нужнымъ! воскликнулъ замачиве Ла-ласъ.

— Что-же насаетъ пемонд, о которой вы говорите, продолжалъ Ла-Ну, — то достаточнаго ежмаго вѣтра въ продолженіи нѣсколькихъ дней, чтобы флотъ не могъ войти въ нашу гортъ. Вдобавокъ онъ можетъ быть взятъ нашими непріятелями.

— Вѣторъ подуетъ съ сѣвера! Я предсказываю тебѣ это, мало-вѣрный! сказалъ пасторъ. — Видѣстѣ съ потерей руки, ты утратилъ и мужество.

Ла-Ну очевидному рѣшился не отвѣчать. Онъ продолжалъ, обращаясь къ миру.

— Намъ тяжелѣе потерять одного человека, нежели непріятель десатерныхъ. Если палачи уславно поведутъ осаду, то, быть можетъ, мы будемъ принуждены принять болѣе жестокія условія, нежели тѣ, которыя вы теперь отвергаете съ презрѣніемъ. Я надѣюсь, что король будетъ довольствоваться тѣмъ, что городъ признаетъ его власть, и не потребуетъ невозможныхъ жертвъ; въ этомъ случаѣ наша прямая обязанность отверить ему ворота, потому что онъ нашъ властелинъ.

— Мы не признаемъ надъ собой никакой власти, кромѣ Господа нашего Исуса Христа! возразилъ пасторъ, бѣшенство котораго еще больше усилилось вслѣдствіе новоземутнаго хладокровія Ла-Ну. —

Только пестивенец может называть своего властелиномъ Карла, этого жестокаго Ахава, пьющаго кровь нашихъ святыхъ мучениковъ!..

— Я хорошо помню, добавлялъ мэръ, — тотъ день, когда адмиралъ проѣзжалъ въ послѣдній разъ черезъ нашъ городъ. Онъ сказалъ намъ „король далъ мнѣ слово не дѣлать никакого различія между своими подданными и относиться одинаково къ протестантамъ и католикамъ“! Не шесть мѣсяцевъ спустя король нарушилъ свое обѣщаніе и велѣлъ убить адмирала! Если вы отворите ему ворота нашего города, то у насъ будетъ таже-же Бароломеевская рѣзня, какъ въ Нарважѣ.

— Король былъ обманутъ Гизами. Онъ раскаявается и желалъ-бы искупить пролитую кровь. Если вы будете упорствовать и незахотите вести переговоры, то вы этиаъ раздражите католиковъ: на васъ обрушатся всѣ силы королевства, и тогда будетъ уничтоженъ послѣдній оплотъ протестантской религіи! Повѣрьте мнѣ, г-нъ мэръ, намъ нѣтъ иного исхода, какъ только согласиться на миролюбивыя предложенія короля.

— Низкій трусъ! воскликнулъ пасторъ; — ты желаешь мира, потому что опасаться за свою жизнь!

— Опомнитесь, что вы говорите, г-нъ пасторъ!.. сказалъ мэръ.

— Однимъ словомъ, продолжалъ спокойно Ла-Ну, — если король согласится не ставить гарнизона въ Ла-Рошелю и не нарушать свободы нашего вѣроисповѣданія, то по моему мнѣнію слѣдуетъ послать ему городскіе ключи съ изъявленіемъ нашей покорности.

— Измѣнникъ! кричалъ Лапласъ, — ты подкупленъ тиранами!..

— Что съ вами, г-нъ пасторъ! Перестаньте ради Бога! прерывалъ его мэръ.

Ла-Ну презрительно улыбнулся.

— Мы живемъ въ странное время, г-нъ мэръ, сказалъ онъ; — военные люди толкуютъ о необходимости мира; священники проповѣдуютъ войну!.. А вамъ, г-нъ пасторъ, я посоветовалъ бы отправиться домой; ваша супруга вѣроятно давно ждетъ васъ къ обѣду.

Эти слова окончательно привели въ бѣшенство Лапласа. Не находя достаточно оскорбительныхъ словъ, онъ съелъ наилучшимъ отвѣтить пощечиной, и ударилъ по лицу заслуженнаго война.

— Господи, что вы дѣлаете? воскликнулъ мэръ. — Кто вамъ далъ право бить лучшаго гражданина и самого храбраго защитника Ла-Рошеля?

Мерзи, присутствовавшій при этой сценѣ, поднялъ руку, чтобы наказать достойнымъ образомъ дерзкаго священника, но Ла-Ну удержалъ его.

Когда рука стараго сумасброда прикоснулась къ сѣдой бородѣ Ла-Ну, глаза его на секунду сверкнули гнѣвомъ. Но вслѣдъ затѣмъ лицо его снова приняло прежнее выраженіе невозмутимаго спокой-

ствія, какое мы встрѣчаемъ на мраморныхъ бюстахъ римскихъ сенаторовъ.

— Отведите этого старика къ его женѣ! сказалъ онъ одному изъ буржуа, которые бросились къ пастору, чтобы скорѣе увести его, — скажите ей, что онъ сегодня несовсѣмъ здоровъ и что за нимъ нуженъ присмотръ... А вы, господинъ мэръ, потрудитесь собрать человекъ полтора ста волонтеровъ; а желалъ бы завтра сдѣлать вылазку передъ восходомъ солнца, пока солдаты, ночевавшіе въ траншеяхъ, еще не успѣли согрѣться отъ холода, какъ медвѣди, на которыхъ нападаютъ во время оттепели. Я замѣтилъ, что люди, которые провели ночь подъ кровлей, легко одолаваютъ тѣхъ, которые спали на открытомъ воздухѣ... Мосье де-Мержи, если вы не очень торопитесь къ обѣду, то не хотите ли сдѣлать со мной прогулку до Евангельскаго бастиона? Мнѣ хотѣлось бы взглянуть, насколько подвинулись работы у непріятеля.

Ла-Ну поклонился мэру и, опираясь на плечо молодого человека, направился къ бастиону.

Они пришли въ тотъ самый моментъ, когда пушечный выстрѣлъ смертельно ранилъ на бастионѣ двухъ человекъ. Камни были обрызганы кровью; одинъ изъ этихъ несчастныхъ умолялъ товарищей, чтобы они скорѣе покончили съ нимъ. Ла-Ну, облокотившись на парапетъ, нѣкоторое время смотрѣлъ молча на работы осаждающихъ, затѣмъ, обратившись къ Мержи, сказалъ:

— Какая ужасная вещь война, а тѣмъ болѣе междоусобная!.. Этотъ выстрѣлъ сдѣланъ изъ французской пушки; французъ приложилъ къ ней фитиль, и двое французовъ убиты этимъ ядромъ. Еще ничего, когда убиваешь людей на разстояніи пол-мили, но ничего не можетъ быть ужаснѣе, когда приходится вонзить шпалу въ тѣло человека, который проситъ о пощадѣ на родномъ языкѣ!.. Однако мы дѣлали это сегодня утромъ...

— Вы не были свидѣтелемъ рѣзни 24-го августа, мосье Ла-Ну! Если бы вамъ пришлось въ это время переѣзжать Сену, когда вода была красная отъ крови и въ ней было больше труповъ, нежели льдинъ во время ледохода, то вы врядъ ли почувствовали сожалѣніе къ людямъ, съ которыми мы сражаемся теперь. Что касается меня лично, то я въ каждомъ папистѣ вижу убійцу.

— Вы клеветаете на вашихъ соотечественниковъ, мосье де-Мержи! Повѣрьте мнѣ, что среди осаждающихъ вы почти не встрѣтите тѣхъ изверговъ, о которыхъ вы говорите. Солдаты эти болѣею частью французскіе крестьяне, которые бросили плугъ, чтобы заработать нѣсколько лишнихъ су, а дворяне и капитаны дерутся потому, что они присягали въ вѣрности королю. Быть можетъ, правда на ихъ сторонѣ, а мы... не болѣе какъ матежники.

— Матежники! Нѣтъ! Я глубоко убѣжденъ въ правотѣ нашего дѣла: мы сражаемся за нашу религію и защищаемъ нашу жизнь.

— Я завидую вамъ, мосье де-Мержи; никакія сомнѣнія не тревожатъ васъ! замѣтилъ Ла-Ну съ глубокимъ вздохомъ.

— Чортъ побери, воскликнулъ стоявшій вождь нихъ солдатъ, выстрѣливъ изъ мушкета;—онъ точно заколдованъ! Вотъ уже третій день, какъ я цѣлюсь въ него и не могу подстрѣлить!

— О комъ вы говорите? спросилъ Мержи.

— Вотъ, видите ли вы тамъ этого молодца въ бѣлой курткѣ, съ краснымъ перомъ на шляпѣ и въ красномъ шарфѣ? Онъ ежедневно прогуливается передъ аванпостами, и точно поддразниваетъ насъ. Это, вѣроятно, кто нибудь изъ придворныхъ франтовъ, пріѣхавшихъ сюда съ герцогомъ анжуйскимъ.

— Расстояніе довольно велико,—сказалъ Мержи,—но все равно—дайте мнѣ зараженный мушкетъ.

Одинъ изъ солдатъ подалъ ему свое ружье. Мержи положилъ дуло на паранетъ и прицѣлился съ большимъ вниманіемъ.

— А если это кто нибудь изъ вашихъ друзей! замѣтилъ Ла-Ну.—Что вамъ за охота убивать такимъ образомъ человѣка? Предоставьте это мушкетерамъ.

Мержи хотѣлъ спустить курокъ, но остановился.

— У меня нѣтъ друзей среди католиковъ!—сказалъ онъ,—кромѣ одного... Но я убѣжденъ, что его нѣтъ среди осаждающихъ.

— Развѣ вашъ братъ не могъ пріѣхать сюда въ свѣтъ герцога?

Рука Мержи дрогнула при этихъ словахъ. Раздался выстрѣлъ; но пуля, какъ видно было изъ поднявшейся пыли, легла довольно далеко отъ цѣли. Мержи не предполагалъ, чтобы его братъ могъ быть между католиками, но тѣмъ не менѣе онъ былъ доволенъ, что пуля пролетѣла мимо. Человѣкъ, въ котораго онъ стрѣлялъ, продолжалъ раскачиваться медленными шагами и, наконецъ, исчезъ за свѣжими земляными насыпями, которыя поднимались со всѣхъ сторонъ города.

ГЛАВА XXVI.

Вылазка.

Впродолженіе всей ночи шелъ непрерывно мелкій и холодный дождь, и прекратился только въ тотъ моментъ, когда наступающій день возвѣстилъ о себѣ тусклымъ свѣтомъ, который съ трудомъ пробивался сквозь густой туманъ, стелющійся по землѣ. Вѣтеръ разрывалъ его мѣстами въ огромные сѣроватые клочки, которые вскорѣ опять соединялись подобно тому, какъ сливаются волны, раздѣленные кормой судна. Поле, покрытое этимъ непроницаемымъ паромъ, кое-гдѣ прорѣзанное верхушками деревьевъ, имѣло видъ обширнаго наводненія.

Неопредѣленный утренній свѣтъ, смѣшанный съ мерцаніемъ факеловъ, освѣщала толпу солдатъ и волонтеровъ, собравшихъ на одной изъ улицъ Ла-Рейвали, ведущей къ Блангольскому бастиону. Они ходили взадъ и впередъ по мостовой и дѣлали различныя глупости, чтобы согрѣться отъ холодной проливающей сырости, которая сопровождаетъ восходъ солнца въ земныя мѣсяцы. При этомъ каждый считалъ своимъ долгомъ послать къ черту или выбрать того, кто заставлялъ ихъ встать за оружіе въ такой ранній часъ утра, хотя въ тонѣ голоса, несмотря на самую энергическую ругательства, предвиднимо хорошее расположеніе духа и надежда на побѣду, которая всегда оживляетъ солдатъ, когда ими предводительствуетъ уважаемый начальникъ. Они говорили подлунта и полусердичнымъ тономъ.

— Этотъ проклятый съ своей жалѣемой рукой, что ему не спится! Едва успѣютъ люди сѣсть за завтракъ, какъ онъ уже велитъ бить утреннюю зорю! Чортъ, а не человекъ! Съ нимъ нивогда спокоено не преспишь ночи. Клянусь бородой покойнаго адмирала, что если сейчасъ не засвѣтятъ пули, то я засну здѣсь стокъ, какъ въ своей постели! Ну, слава Богу, несутъ водку! она отогрѣетъ насъ лучше всякаго лекарства... Немудрено простудиться при такомъ дьявольскомъ туманѣ..

Пока солдатамъ раздавали водку, офицеры окружили Ла-Ну, и съ живымъ интересомъ выслушивали планъ атаки, которую онъ намѣревался сдѣлать противъ осаждающихъ. Въ это время неожиданно раздался барабанный бой; каждый поспѣшилъ къ своему кусту; явился пасторъ, благословилъ солдатъ и уговаривалъ ихъ не падить своей жизни въ предстоящемъ бою, обѣщая карстніе небесное, въ случаѣ если имъ не удастся вернуться въ городъ и получить должно вознагражденіе отъ своихъ согражданъ. Промовѣдь продолжалась всего нѣсколько минутъ, но Ла-Ну назвалъ ее слишкомъ длинной. Это былъ не тотъ человекъ, который еще наканунѣ жалѣлъ каждую каплю французской крови, пролитую въ междоусобной войнѣ. Теперь онъ, повидимому, самъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ начала рѣзни. Когда пасторъ окончилъ свою рѣчь и солдаты отвѣтили: аминь, онъ громко сказалъ имъ: „товарищи! г-нъ пасторъ далъ намъ добрый совѣтъ: поручимъ себя Божему промыслу и нашей саблѣ. Помните, что если я останусь въ живыхъ, то убью всякаго, кто пощадитъ паниста и не всадитъ въ него своего заряда“.

— Что это значить, мосье Ла-Ну? спросилъ вполголоса Мерми,— вы говорите сегодня совѣтъ не то, что вчера?

— Учились ли вы по-латыни? спросилъ Ла-Ну рѣзкимъ тономъ.

— Да, но я не знаю...

— Ну, помните ли прекрасное латинское изрѣченіе: *Age quod agis*.

Онъ подалъ сигналъ; раздался пушечный выстрѣлъ, и весь отрядъ скорымъ шагомъ направился въ поле, между тѣмъ какъ по-

большие вводы солдатъ, выйдя изъ другихъ воротъ, произвели тревогу на многихъ пунктахъ непріятельской линии. Последнее было сдѣлано съ вою далью, чтобы католики вообразили, что ихъ атакують со всѣхъ сторонъ и не посмѣли бы оказывать помощи въ пунктѣ главной атаки изъ боязни оставить безъ защиты какое либо мѣсто или ретраншементовъ, который, повидимому, со всѣхъ сторонъ грозилъ опасностью.

Евангельскій бастионъ, противъ котораго были преимущественно направлены работы инженерновъ католической арміи, подвергался наибольшей опасности отъ пятипушечной батареи, устроенной на небольшомъ возвышеніи, на вершинѣ котораго видѣлись полуразрушенные остатки кирпичной мальнойцы. Ровъ съ землянымъ парапетомъ защищала апроши со стороны города; кромѣ того, передъ ровомъ разставлены были на-караулѣ мушкетеры. Но ихъ мушкетамъ послѣ нѣсколькихъ часовъ сырости оказались почти негодными для употребленія и, какъ предвидѣлъ Ла-Ну, хорошо вооруженные протестанты, заранѣе приготовленные къ атакамъ, нѣгли большое преимущество надъ людьми, захваченными врасплохъ, которые были измучены отъ бессонныхъ ночей и промерзли отъ дождя и холода.

Ближайшіе караульные были перебиты. Случайно сдѣланный выстрѣлъ разбудилъ батарейную стражу, но она поднялась на ноги уже въ то время, когда непріятель овладѣлъ парапетомъ и приближался къ мальнойцѣ. Нѣкоторые изъ солдатъ пытались оказать сопротивление, но оружіе вываливалось изъ ихъ рукъ, ошоченныхъ отъ холода; мушкеты большей частью давали осѣчку, между тѣмъ какъ ни одинъ изъ непріятельскихъ выстрѣловъ не пропалъ даромъ. Побѣда была на сторонѣ протестантовъ, они овладѣли батареей съ громкими криками: Нечего щадить ихъ! Пусть вспомнятъ 24 августа!

Въ уцѣлѣвшей башнѣ прежней мальнойцы помѣщалось пятьдесятъ человѣкъ солдатъ-католиковъ. Каниталь, услышавъ шумъ, появился въ дверяхъ въ ночномъ колпакѣ съ подушкой въ одной рукѣ и саблей въ другой. Не ожидая вылазки, онъ вообразилъ, что шумъ происходитъ отъ ссоры между солдатами, но ударъ алебарды моментально ошеломилъ его; онъ упалъ на землю облитый кровью. Солдаты на-скоро водвигли баррикаду передъ дверью башни и нѣкоторое время удачно отбивали осаждающихъ, стрѣляя изъ оконъ. Но на бѣду ихъ, около самаго строенія были свалены огромныя кучи соломы, сѣна и валежника, приготовленные для габіоновъ. Протестанты подошли къ нимъ; огонь въ нѣсколько секундъ охватилъ башню и поднялся до оконъ. Всворѣ раздались жалобные крики; крыша была объята пламенемъ и грозила обрушиться на головы несчастныхъ осажденныхъ. Между тѣмъ, загорѣлась дверь, заложенная баррикадами, такъ что выходъ былъ окончательно закрытъ имъ съ этой стороны. Если бы они вздумали выскочить изъ оконъ, то упали бы

въ пламя или были бы подняты концами пикъ. Одинъ прапорщикъ сдѣлалъ попытку спуститься изъ окна. Его латы кончались по тогдашней модѣ желѣзной юбкой¹⁾, которая покрывала животъ и верхнюю часть ногъ и расширялась на подобіе воронки, такъ что можно было свободно ходить въ ней. Но окно было слишкомъ узко, чтобы эта часть вооруженія могла пройти черезъ него, и несчастный прапорщикъ такъ стремительно бросился впередъ, что большая часть его тѣла, сжатая какъ въ тискахъ, повисла изъ окна, вслѣдствіе чего онъ не могъ сдвинуться съ мѣста. Пламя все ближе и ближе подступало къ нему; латы его накалились и онъ постепенно жарился въ нихъ, какъ въ знаменитомъ бронзовомъ быкѣ сицилійскаго тирана Фалариса. Громкіе вопли страдальца оглашали воздухъ; онъ размахивалъ руками, какъ бы умоляя о помощи. Наступила минута глубокаго молчанія; затѣмъ осаждающіе, точно стоворившись, подняли воинственный крикъ, чтобы не слышать раздрающихъ стонъ человѣка, горѣвшаго живо. Онъ внезапно исчезъ въ вихрѣ огня и дыма; почти одновременно съ этимъ обрушилась башня, и среди лѣтвѣнныхъ обломковъ упала, раскаленная до-красна, дымящаяся каска.

Но въ разгарѣ битвы не долго длятся ощущенія ужаса и печали; истиннѣе самосохраненія настолько силенъ въ солдатѣ, что чужія бѣдствія не могутъ надолго привлечь его вниманіе. Въ то время какъ часть побѣдителей гналась за бѣглецами, другіе заклепывали пушки, ломали лафеты и бросали въ ровъ габионы захваченной батареи и трупы ея защитниковъ.

Мержи былъ изъ числа храбрецовъ, которые первые перелѣзли ровъ и вошли на насыпь, окружавшую неприятельскую батарею. Довольный побѣдой, одержанной протестантами, онъ остановился на минуту, чтобы вырѣзать книжаломъ имя Діаны на одной изъ взятыхъ пушекъ. Затѣмъ онъ присоединился къ товарищамъ, чтобы помочь имъ въ уничтоженіи неприятельскихъ работъ.

Двое солдатъ, взявъ за голову и за ноги католическаго капитана, не подававшаго никакихъ признаковъ жизни, намѣревались сбросить его тѣло въ ровъ. Но мнимый мертвецъ внезапно открылъ глаза и, увидя Мержи, воскликнулъ:

— Сжальтесь надо мной, мосье де-Мержи! Я плѣнникъ, спасите меня! Развѣ вы не узнаете вашего друга Бевилля?

Лицо несчастнаго капитана было покрыто кровью, такъ что Мержи съ трудомъ узналъ въ немъ блестящаго молодого придворнаго, ко-

¹⁾ Подобныя вооруженія можно видѣть въ парижскомъ артиллерійскомъ музеѣ. Прекрасный эскизъ Рубенса, изображающій турниръ, даетъ понятіе о томъ способѣ, какимъ задели верхомъ въ этой желѣзной юбкѣ. На сѣдлѣ дѣлался родъ табурета, на который садился всадникъ, такъ что его колѣни были почти на одномъ уровнѣ съ головой лошади. См. также „Описаніе человѣка, сожженнаго въ полномъ вооруженіи“, L'Histoire universelle d'Обинье.

тогого онъ видѣлъ въ Парижѣ полнымъ жизни и веселья. Онъ приказалъ солдатамъ опустить его на землю, самъ перевязалъ ему раны и, положивъ на лошадь, отправилъ въ городъ.

Едва успѣлъ онъ окончить эти хлопоты и проститься съ приятелемъ, какъ замѣтилъ толпу кавалеристовъ, ѣхавшихъ рысью по дорогѣ между городомъ и сгорѣвшей мельницей. Повидимому, это былъ отрядъ католической арміи, который намѣревался отрѣзать протестантамъ отступление отъ взятой ими батареи.

Мержи поспѣшилъ къ Ла-Ну.—Дайте мнѣ полсотни мушкетеровъ, сказалъ онъ;—я засаду за этимъ заборомъ, мимо котораго они будутъ проѣзжать, и если мы не обратимъ ихъ въ бѣгство, то приважите меня повѣсить.

— Я ничего не имѣю противъ этого требованія и надѣюсь, что со временемъ ты будешь отличнымъ капитаномъ! сказалъ Ла-Ну и, обратившись къ мушкетерамъ, добавилъ: —Идите за нимъ и исполняйте все, что онъ прикажетъ!

Мержи въ нѣсколько секундъ разставилъ мушкетеровъ вдоль забора и велѣлъ имъ держать ружья на-готовѣ. Неприятельскій отрядъ быстро приближался; уже можно было слышать топотъ лошадиныхъ копытъ по грязной дорогѣ.

— Ихъ капитанъ, сказалъ Мержи вполголоса,—тотъ самый чудакъ, котораго намъ не удалось подстрѣлить вчера. Ну, сегодня онъ не уйдетъ отъ насъ.

Стоявшій возлѣ него мушкетеръ наклонилъ голову какъ бы въ знакъ того, что считаетъ это своимъ дѣломъ. Кавалеристы были на разстояніи двадцати шаговъ; ихъ капитанъ, повидимому, собирался отдать какое-то приказаніе, но Мержи предупредилъ его, громко крикнувъ своимъ людямъ: стрѣляй!

Капитанъ съ краснымъ перомъ въ это время повернулъ голову... и Мержи узналъ своего брата. Онъ протянулъ руку, чтобы остановить мушкетеровъ; но уже было слишкомъ поздно. Раздался ружейный залпъ. Кавалеристы, застигнутые врасплохъ, разсѣялись по полю; капитанъ Жоржъ упалъ съ лошади, прострѣленный двумя пулями.

ГЛАВА XXVII.

Госпиталь.

Старинный католическій монастырь, упраздненный городскимъ советомъ Ла-Рошелли, былъ превращенъ во время осады въ госпиталь для раненыхъ. Изъ часовни былъ вынесенъ алтарь, скамьи и всѣ

украшения и полъ устланы соломою и сѣнцемъ; сюда споспши про-
снхъ солдатъ. Прежняя монастырская трапеза предназначалась для
высшихъ чиновъ. Это была довольно большая зала, украшенная ду-
бовой рѣзкою, съ широкими стрельчатыми окнами, пропускавшими
достаточно свѣта для хирургическихъ операцій, которыя почти без-
прерывно производились здѣсь.

Капитанъ Жоржъ лежалъ на матрацѣ, обгаренномъ его собствен-
ной кровью и многихъ другихъ, которые лежали до него на этомъ
зловонномъ ложѣ. Связка соломъ служила ему изголовьемъ. Съ
него сняли латы и разодрали куртку и рубашку. Онъ былъ обна-
женъ до пояса; но правая рука была въ кожяномъ нарукавникѣ и
въ стальной перчаткѣ. Солдатъ, стоя на колѣннхъ передъ нимъ,
вытиралъ кровь, которая текла изъ его ранъ; одна изъ ранъ была
на животѣ, другая, болѣе легкая, на лѣвой рукѣ. Мержи были на-
столько убиты горемъ, что не могъ оказать никакой существенной
помощи. Онъ или сидѣлъ у постели умирающаго и горько плакалъ;
или же съ воплемъ отчаяннхъ бросался на полъ, упрямая себя въ томъ,
что онъ убилъ любимаго брата. Жоржъ сокрмалъ присутствіе духа
и старался по возможности усномтъ несчастнаго виновника своей
смерти.

Въ двухъ шагахъ отъ него лежалъ Бевиль въ такомъ-же пе-
чальномъ положеніи. Но черты его лица не выражали того сповой-
ствія и покорности судьбѣ, какую можно было видѣть у Жоржа.
Время отъ времени онъ глухо стоиалъ и съ отчаяннмъ глядѣлъ на
своего сосѣда, какъ бы, замудя его храбрости и присутствію духа.

Немного погодя въ залу вошелъ человѣкъ лѣтъ сорока, худоща-
вый и плѣшивый, съ лицомъ покрытымъ глубокими морщинами; онъ
держалъ въ рукахъ зеленый мѣшокъ съ хирургическими инструмен-
тами, одиакъ видѣ которнхъ могъ привести въ ужасъ большихъ.
Это былъ мосье Бризаръ, довольно искусный хирургъ по своему вре-
мени, другъ и ученикъ знаменитаго Амбруаза Парѣ. Онъ помидану
только, что сдѣлалъ какую-то операцію, потому что рукава его были
засучены до локтя, и на немъ была большой фартукъ, весь обрыз-
ганный кровью.

Онъ остановился передъ постелью Жоржа.

— Что вамъ нужно и кто вы? спросилъ Жоржъ.

— Я хирургъ, милостивый государь; если вамъ неизвѣстно имя
Бризара, то это только доказываетъ, что вы не знаете многихъ ве-
щей. Теперь вооружитесь ослиннмъ терпѣннмъ, какъ говоритъ Парѣ!
Слава Богу, я знаю толкъ въ мушкетныхъ выстрѣлахъ, такъ какъ
желалъ-бы имѣть столько тысячъ либръ, сколько вынулъ пулъ на
своемъ вѣку. Въ настоящее время многіе изъ моихъ пациентовъ
также здоровы, какъ вашъ покорный слуга.

— Сдѣлайте одолженіе, г-нъ докторъ, скажите правду! Я убѣ-
денъ, что моя рана смертельна.

Хирургъ сперва осматрѣлъ лѣвую руку больного и сказалъ:— „Пустяки!“ Затѣмъ онъ началъ осматривать рану на животѣ и вызвалъ такимъ образомъ такую сильную боль, что Жоржъ едва не вскрикнулъ, и съ гнѣвомъ оттолкнулъ хирурга своей правой рукой.

— Убирайтесь къ черту! сказалъ онъ раздраженнымъ голосомъ, — дальше смотрѣть нечего! Я вижу по вашему лицу, что дѣло кончено.

— Если я не ошибаюсь милостивый государь, то пуля вѣроятно прошла въ нижнюю часть живота, затѣмъ, поднявшись вверхъ, застряла въ спинномъ хребтѣ, что мы называемъ по гречески *gachis*... У меня явилось это предположеніе на томъ основаніи, что ваши ноги лишены движенія и похолодѣли. Этого болѣзненный признакъ никогда не обманываетъ въ данномъ случаѣ.

— Выстрѣлъ сдѣланъ почти въ упоръ и пуля застряла въ спинномъ хребтѣ... Ну, этого слишкомъ достаточно, чтобы отправить адъ ратца престало смертнаго!... Вамъ нечего больше мучить меня, г-нъ докторъ, дайте мнѣ умереть спокойно.

— Нѣтъ, онъ будетъ жить! спасите его! воскликнулъ Мержи съ растеряннымъ видомъ, хватая за руку хирурга.

— Да, можетъ быть, онъ проживетъ часъ или два, отвѣтилъ холодно Бризаръ, — такъ какъ по видимому это очень здоровая натура.

Мержи бросился на колѣни передъ постелью умирающаго и, схвативъ его руку, накрылъ ее поцѣлуями.

— Часъ или два!.. повторилъ Жоржъ. Тѣмъ лучше, я боюсь, что мнѣ придется дольше страдать.

— Нѣтъ, это невозможно! воскликнулъ съ рыданіемъ Мержи. — Ты не умрешь Жоржъ! Неужели мнѣ суждено быть убійцей роднаго брата.

— Тихе, успокойся, Бернаръ, и не тряси меня такъ!.. Каждое твое движеніе отзывается тутъ... Я чувствую себя теперь гораздо лучше, если только опять не начнется эта невыносимая боль...

Мержи сѣлъ на полъ около матраца и, уткнувъ голову въ колѣни, закрылъ лицо обѣими руками. Онъ не шевелился и только изредка вадрагивалъ вслѣдъ тѣломъ отъ судорожныхъ рыданій и печаловѣческіе стоны вырывались съ усиленіемъ изъ его груди.

Между тѣмъ хирургъ, перевязавъ рану, началъ обтирать зондъ съ невозмутимымъ кладокровіемъ.

— Я собѣтую вамъ, милостивый государь, приготовиться къ смерти, сказалъ онъ. — Если вамъ угодно имѣть пастора, то въ этомъ не можетъ быть недостатка въ нашемъ городѣ, а захотите исповѣдываться у католическаго священника, то я пришлю его къ вамъ. Мнѣ только что попался на глаза монахъ, взятый въ плѣнъ нашими людьми. Вотъ, смотрите: онъ тамъ въ углу бесѣдуетъ съ раненымъ напистою.

— Меня мучитъ жажда; распорядитесь пожалуйста, чтобы мнѣ подали нитья; сказалъ Жоржъ.

— Избави Богъ! Вы умрете часомъ раньше.

— Чась жизни не стоить стакана порядочнаго вина! Однако прощайте, г-нъ докторъ! Вы видите рядомъ со мною лежитъ человекъ, который ожидаетъ васъ съ нетерпѣніемъ.

— Не прислать-ли къ вамъ настора или монаха?

— Я не нуждаюсь ни въ одномъ изъ нихъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?..

— Оставьте меня въ покоѣ.

Хирургъ пожалъ плечами и подошелъ къ Бевиллю.

— Клянусь честью, воскликнулъ онъ, — вотъ здоровая рана! Эти черти волонтеры бьютъ какъ шальные!

— Могу-ли я надѣяться на выздоровленіе? спросилъ раненый слабымъ голосомъ.

— Вздохните, сказалъ Бризаръ.

Послишался родъ слабого свиста отъ воздуха, выходявшаго изъ груди Бевилля, между тѣмъ какъ изъ краевъ раны и изъ рта больного полилась кровь какъ красная пѣна.

Хирургъ свиснулъ какъ-бы въ подражаніе этому звуку; затѣмъ посѣбно наложилъ компрессъ на рану, и, захвативъ свой мѣшокъ съ инструментами, поднялся съ мѣста.

Но глаза Бевилля, сверкавшіе лихорадочнымъ блескомъ, слѣдили за каждымъ его движеніемъ. — Ну, что вы скажете докторъ? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Ваша пѣсна спѣта! отвѣтилъ лаконически хирургъ; и, не поворачивая головы, онъ подошелъ къ другому больному.

— Боже мой, какъ тяжело умирать въ молодости! воскликнулъ несчастный Бевилль, опуская голову на связку соломы, которая служила ему подушкой.

Жоржъ настойчиво просилъ пить, но никто не рѣшался подать ему стаканъ воды изъ боязни ускорить его кончину. Странное человѣколюбіе, которое не имѣетъ другой цѣли, какъ только продлить мученія безпомощнаго страдальца. Въ это время въ залу вошелъ Ла-Ну и капитанъ Дитрихъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, чтобы взглянуть на раненыхъ. Они остановились передъ постелью Жоржа. Ла-Ну, опираясь на рукоатку своей шпаги, попережѣнно смотрѣлъ на обоихъ братьевъ; въ глазахъ его выражалось глубокое сожалѣніе, которое возбуждало въ немъ это печальное зрѣлище.

Жесткая фляжка, висѣвшая у пояса Дитриха привлекла вниманіе Жоржа. — Капитанъ, сказалъ онъ, — вы старый воинъ?..

— Да, вы правы, я самъ считаю себя старикомъ! Борода бы-стрѣе сѣдѣетъ отъ порокового дыма, нежели отъ лѣтъ. Мое имя капитанъ Дитрихъ Горнштейнъ.

— Скажите, что сдѣлали бы вы на моемъ мѣстѣ, если бы васъ ранили такъ, какъ меня?

Капитанъ Дитрихъ наклонился къ больному и осмотрѣлъ его

раны съ видомъ знатока, который видѣлъ ихъ не мало на своемъ вѣку и можетъ судить о степени ихъ важности. Затѣмъ онъ отвѣтилъ серьезнымъ тономъ: — Во-первыхъ, я принялъ бы мѣры, чтобы успокоить свою совѣсть, а во-вторыхъ, спросилъ бы себѣ стаканъ хорошаго рейнвейна, если бы оно было подъ рукою.

— Ну, представьте себѣ, я просилъ ихъ дать мнѣ глотокъ ихъ негоднаго рошельскаго вина, а они лишаютъ меня и этого удовольствія.

Дитрихъ отстегнулъ свою фляжку, которая была довольно почтенныхъ размѣровъ и хотѣлъ передать ее раненому.

— Что вы дѣлаете, капитанъ? воскликнулъ одинъ изъ мушкетеровъ, пришедшихъ съ Ла-Ну,—докторъ сказалъ, что онъ тотчасъ же умретъ, если напьется.

— Часомъ раньше или позже, не все ли равно! По крайней мѣрѣ это доставитъ ему небольшое утѣшеніе передъ смертью. Пейте съ Богомъ, мой храбрый товарищъ! Досадно, что я не могу предложить вамъ болѣе порядочнаго вина.

— Безконечное вамъ спасибо, капитанъ Дитрихъ, сказалъ Жоржъ, утоливъ жажду. Затѣмъ, протянувъ здоровую руку, онъ подалъ фляжку Бевиллю со словами: — На, возьми это, мой бѣдный другъ; ты вѣрно не откажешься послѣдовать моему примѣру.

Бевилль ничего не отвѣтилъ и только покачалъ головой въ видѣ отказа.

— Господи! вотъ еще новое мученіе! воскликнулъ Жоржъ раздраженнымъ голосомъ.—Неужели мнѣ не дадутъ умереть спокойно?

Онъ увидѣлъ пастора, который подходилъ къ нему съ библіей подъ мышкой.

— Мой сынъ, сказалъ пасторъ,—когда вы...

— Довольно! Замолчите, пожалуйста. Я знаю заранѣе, что вы скажете, и поэтому не трудитесь напрасно. Я католикъ.

— Католикъ? спросилъ съ удивленіемъ Бевилль. Значитъ, ты больше не атеистъ?

— Но вы были прежде воспитаны въ реформатской религіи, продолжалъ пасторъ;—и въ этотъ торжественный и страшный моментъ, когда вы должны предстать передъ Верховнымъ Судьею нашихъ поступковъ и совѣсти...

— Я уже говорилъ вамъ, что я католикъ!.. Оставьте меня въ покоѣ.

— Но...

— Сжальтесь надо мной, капитанъ Дитрихъ! Вы уже оказали мнѣ существенную услугу; сдѣлайте мнѣ еще одно одолженіе: избавьте меня отъ всѣхъ этихъ увѣщаній и сѣтованій.

— Я совѣтую вамъ удалиться, сказалъ Дитрихъ пастору, — вы видите, онъ не расположенъ слушать васъ.

Ла-Ну сдѣлалъ знакъ монаху, чтобы тотъ подошелъ къ раненому.

— Вотъ свидѣннѣхъ важной религій, канцелярѣ Жоржъ, сказалъ Ла-Ну;—мы не желаемъ стѣснять васъ, такъ какъ это дѣло собѣсти...

— Моляхъ или пасторъ, не все ли равно! Прогоните ихъ обоимъ! воскликнуть съ досадою Жоржъ.

Но монахъ и пасторъ встали по обѣимъ сторонамъ постели и, конидиному, намѣревались оспаривать другъ у друга умирающаго.

— Этотъ дворянинъ католикъ, сказалъ монахъ.

— Но онъ родился протестантомъ, и я долженъ исповѣдать его...

— Вы забываете, что онъ принималъ католичество.

— Онъ, вѣроятно, желаетъ умереть въ вѣрѣ отцовъ своихъ.

— Приступимъ къ исповѣди, сынъ мой!..

— Прочтите символъ вѣры, сынъ мой!

— Надѣюсь, вы умрете истиннымъ католикомъ!..

— Удалите его, онъ посланъ Антихристомъ, воскликнуть пасторъ, рассчитывая на сочувствіе большинства присутствующихъ.

Одинъ изъ солдатъ, ревностный гугенотъ, схватилъ монаха за носъ и толкнулъ его со словами:—Убрався прочь, бритый висельникъ. У насъ уже давно не поютъ мессъ въ Ла-Рошелі!

— Подождите, сказалъ Ла-Ну, оставивъ монаха.—Если этотъ дворянинъ желаетъ исповѣдываться, то, клянусь честью, никто не помѣшаетъ ему въ этомъ.

— Отъ души благодарю васъ, месье Ла-Ну... сказалъ умирающій.

— Будьте всѣ свидѣтели, прервалъ монахъ, — что онъ желаетъ исповѣдываться!

— Онъ хочетъ вернуться къ вѣрѣ своихъ предковъ, воскликнулъ пасторъ.

— Нѣтъ, чортъ васъ побери! Оставьте меня въ покоѣ. Развѣ я умеръ, что вы, какъ вороны, каркаете надъ моимъ трупомъ. Мнѣ не нужно ни вашихъ мессъ, ни вашихъ исалмовъ.

— Онъ богохульствуетъ! воскликнули въ одинъ голосъ представители двухъ различныхъ религій.

— Нужно же вѣрить во что нибудь, замѣтилъ Дитрихъ съ невозмутимымъ кладнокровіемъ.

— Я вѣрю... что вы, напиганъ, порядочный человѣкъ, сказалъ съ усиліемъ Жоржъ, — и что вы избавите меня отъ нихъ... Уйдите отсюда, кровопійцы, дайте мнѣ умереть, какъ собакѣ, безъ вашей помощи!..

— Да, ты умрешь собачьей смертью! сказалъ съ негодованіемъ пасторъ.

Монахъ набожно перекрестился и подошелъ къ постели Бевилля Ла-Ну и Мержи остановили пастора.

— Сдѣлайте попытку убѣдить его! сказалъ Мержи.—Сжальтесь надъ нимъ и надо мной.

— Месье Жоржъ, сказалъ Ла-Ну умирающему, — повѣрьте старому

солдату, что увѣщанія человѣка, посвятившаго себя Богу, могут усладить послѣднія минуты нашей жизни. Не слушайте совѣтовъ преступнаго тщеславія и не губите своей души ради пустаго хвастовства.

— Я думалъ о смерти не съ сегодняшняго дня, возразилъ Жоржъ, — мнѣ не нужно ни чьихъ увѣщаній, чтобы приготовиться къ ней... Я никогда не былъ склоненъ къ хвастовству, а теперь мнѣ, чѣмъ когда либо. Но, чортъ побери, я не имѣю никакого желанія слушать эту чепуху.

Пасторъ пожалъ плечами и удалился изъ залы вслѣдъ за Ла-Ну, которій шелъ медленными шагами, опустивъ голову.

— Товарищъ, сказалъ Дитрихъ, — вы должно быть чертовски страдаете, если рѣшаетесь говорить такія вещи.

— Дѣйствительно, мои мученія невыносимы.

— Въ такомъ случаѣ, я надѣюсь, что Господь не прогнѣвается на ваши слова, хотя они сильно смахиваютъ на богохульство. Но когда человѣкъ прострѣленъ насквозь, то, чортъ возьми, ему не грѣхъ ругаться, если онъ чувствуетъ отъ этого нѣкоторое облегченіе.

Жоржъ улыбнулся и взялъ фляжку. — Пью за ваше здоровье, капитанъ! Вы отличная сидѣлка для раненаго солдата!

Съ этими словами онъ протянулъ руку капитану Дитриху, которій пожалъ ее съ видимымъ волненіемъ.

— Чортъ знаетъ, пробормоталъ онъ про себя, — въ какомъ бы я былъ скверномъ положеніи, если бы мой братъ Геннигъ былъ католикъ и я всадилъ бы ему, такимъ образомъ, пулю въ животъ... Вотъ когда осуществилось предсказаніе Милы!

— Жоржъ, мой дорогой другъ, проговорилъ съ усиліемъ Бевилль, — скажи мнѣ что нибудь. Мы должны умереть... Скоро наступитъ страшная минута... Неужели ты и теперь думаешь такъ, какъ въ тѣ времена, когда ты мнѣ проповѣдывалъ атеизмъ.

— Разумѣется! Соберись съ мужествомъ. Еще нѣсколько минутъ и нашимъ страданіямъ наступитъ конецъ.

— Но этотъ монахъ толкуетъ мнѣ объ адѣ... чертяхъ... и всякой всячинѣ... Съ этими вещами нельзя шутить!..

— Все это пустая болтовня!

— Но если онъ говоритъ правду?

Жоржъ ничего не отвѣтилъ и, обращаясь къ Дитриху, сказалъ. — Капитанъ, я оставляю вамъ на память мою шпагу и латы; къ сожалѣнію я не могу предложить вамъ ничего лучшаго за превосходное вино, которымъ вы такъ щедро угостили меня.

— Жоржъ, продолжалъ Бевилль жалобнымъ голосомъ, — меня пугаетъ мысль о будущей жизни... вѣчность...

— Трусъ!

— Но вѣдь дѣло идетъ о вѣчномъ мученіи... По неволѣ струсишь!

— Ну, исповѣдуйся, если хочешь и кончимъ этотъ глупый разговоръ.

— Скажи мнѣ только, ты увѣренъ, что адъ не существуетъ?

— Я ни въ чемъ не увѣренъ.

— Значить, у тебя явились относительно этого нѣкоторыя сомнѣнія?...

— Я уже сказалъ тебѣ: исповѣдуйся и оставь меня въ покоѣ.

— Ты будешь насмѣхаться надо мной.

Жоржъ невольно улыбнулся; затѣмъ добавилъ серьезнымъ тономъ:
— На твоемъ мѣстѣ я покаялся бы въ грѣхахъ и соборовался бы масломъ, чтобы быть готовымъ къ смерти.

— Ну, я сдѣлаю такъ, какъ ты совѣтуешь, и буду исповѣдываться послѣ тебя...

— Тебѣ придется слишкомъ долго ждать!

— Чортъ возьми!.. думай, что хочешь, а я хочу умереть истиннымъ христіаниномъ... Ну, отецъ мой, не будемъ терять времени... Только подсказывайте, что я долженъ говорить; я забылъ всѣ молитвы.

Пока монахъ исповѣдывалъ Бевилля, Жоржъ выпилъ еще глотокъ вина и, положивъ голову на подушку, закрылъ глаза. Онъ пролежалъ спокойно около четверти часа; но тутъ вдрогнулъ и застоналъ отъ боли.

Мержи, думая, что онъ кончается, громко вскрикнулъ и приподнял ему голову.

— Опять! сказалъ Жоржъ, отталкивая его руку. — Успокойся, Бернаръ, и не трогай меня.

— Жоржъ, ты умираешь по моей винѣ, я убилъ тебя!..

— Что дѣлать! Я не первый французъ, который убитъ роднымъ братомъ... и, вѣроятно, не послѣдній. Я никого не могу обвинять въ моей смерти... Когда герцогъ Анжуйскій освободилъ меня изъ тюрьмы и предложилъ сопровождать его, я далъ клятву не обнажать шпаги... Но сегодня утромъ, когда я узналъ, что атаковали Бевилля и услышалъ мушкетные выстрѣлы, мнѣ захотѣлось узнать, въ чемъ дѣло...

Онъ закрылъ глаза, но потомъ снова открылъ ихъ и улыбаясь сказалъ своему брату:

— Графиня Туржи поручила мнѣ сказать тебѣ, что она любитъ тебя по-прежнему.

Это были его послѣднія слова. Онъ умеръ черезъ четверть часа и, повидимому, безъ особенныхъ страданій. Почти одновременно съ нимъ скончался Бевилль на рукахъ монаха, который рассказывалъ впоследствии, что онъ явственно слышалъ въ воздухѣ радостный крикъ ангеловъ, принявшихъ душу раскаявагося грѣшника, между тѣмъ какъ подъ землею ликовали нечистые, унося душу капитана Мержи.

Въ любой исторіи Франціи можно встрѣтить описаніе, какъ Ла-Ну

оставилъ Ла-Рошель вслѣдствіе глубокаго отвращенія къ междоусобной войнѣ и упрековъ совѣсти, такъ какъ не могъ простить себѣ, что поднялъ оружіе противъ своего короля. Между тѣмъ католическая армія вынуждена была снять осаду, и заключенъ былъ четвертый миръ, за которымъ вскорѣ послѣдовала смерть Карла IX-го.

Быть можетъ, меня спросятъ: утѣшился ли Мерзи и пользуется ли онъ по-старому привязанностью Діаны? Но я считаю лишнимъ отвѣчать на эти вопросы и предоставляю ихъ рѣшить самому читателю, потому что такимъ образомъ онъ можетъ кончить романъ по своему вкусу.

Конецъ.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ
„Историческаго Вѣстника“

1882 года.

А.

Ааронъ, епископъ норвежскій и ладожскій, т. VIII, 484.

Абаза, Аванасій Андреев., подольскій предсѣдатель, т. IX, 279, 289.

Абамелинъ-Лазаревъ, князь, владѣлецъ кизеловскихъ уральскихъ заводовъ, т. X, 244, 249, 540, 541.

Абдуль, шейхъ, арабскій вождь верблюдовъ, т. VII, 217.

Абдуль-Азисъ, турецкій султанъ, т. VIII, 648.

Абдуль-бекъ, коканскій князь, т. X, 128.

Абердинъ (Эбердинъ), гр. Джоржъ Гамильтонъ Гордонъ, англійскій министръ, т. VII, 217; т. IX, 406.

Аванумъ (Петровичъ), московскій священникъ, расколоучитель, т. VIII, 866—870, 879, 882.

Авдуловскій, ассесоръ тульскаго губернскаго правленія, т. VII, 357.

Авенаріусъ, В. П. Ст. его: В. Л. Пушкинъ. Т. VII, 606—624.

д'Авернь, госпожа, т. VIII, 708.

Авсенева, профессоръ кievской духовной академіи, т. VII, 338.

Агалитовъ, Андрей, т. VIII, 692, 698.

Агапангелъ (Соловьевъ), ректоръ казанской духовной академіи, впоследствии архіепископъ волынскій, т. X, 10, 18, 19, 33, 38, 228, 230, 879.

Ададуровъ, кураторъ московскаго университета, т. IX, 449.

Адамъ:

— Издательница журнала *La Nouvelle Revue*, т. VIII, 416, 416, 607—616.

— Эдмондъ, т. IX, 624.

д'Амоствъ, Гастонъ, коммунарь, т. X, 454.

Аксановы:

— Ив. Серг., редакторъ журнала „Русь“, т. VIII, 698; т. IX, 679; т. X, 409.

— Кост. Серг., т. X, 97.

— С. Т., т. X, 97.

Алава, испанскій посолъ въ Парижѣ, т. X, 208, 209.

Алаамбергъ. См. Даламбергъ.

Александра, герцогиня Кобургская, т. VII, 484.

Александра Николаевна, великая княгиня, супруга принца Фридриха-Вильгельма Гессенъ-Кассельскаго, т. VII, 433.

Александра Федоровна (Шарлотта-Фредерика-Луиза-Вильгельмина, принцесса Прусская), императрица, т. VII, 161, 162, 481; т. VIII, 334, 335; т. IX, 601.

Александръ I Павловичъ, императоръ. Письмо къ нему княг. Е. Р. Дашковой. Т. IX, 675. Къ исторіи его царствованія. Т. X, 719, 720. Упомян. т. VII, 130—137, 148, 154, 201, 212, 428, 432, 486, 487, 661, 711, 720; т. VIII 7—9, 12—14, 17—25, 81, 34, 37, 38, 241—243, 245, 247—250, 257—264, 267, 268, 449; т. IX, 226, 416, 417, 581, 592, 649, 650, 654, 656.

Александръ II Николаевичъ, императоръ. Библиографическая замѣтка: Вѣнокъ царю-великомуученику—Г. М. Швецъ

кова. Т. VIII, 222—225. Изъ жизни его. Т. IX, 596—605. Упомин. т. VII, 114, 156, 161, 162, 481, 482, 695, 696; т. VIII, 849—851, 861, 862, 476, 641, 668; т. IX, 204, 205, 409, 412; т. X, 422, 427, 428, 626.

Александр III Александровичъ, императоръ, т. X, 224.

Александр Карагеоргиевичъ, князь сербскій, т. IX, 418.

Алексеи:

— **Алексъ**, келейникъ новгородскаго архіерейскаго дома, т. VIII, 488—485.

— **Павелъ**, дерптскій протоіерей, т. VIII, 203, 204.

Алексій Алексеевичъ, царевичъ, т. IX, 677.

Алексій Михайловичъ, царь московскій. Приемъ шведскаго посольства въ 1674 г. Т. VII, 652—660. Упомин. т. VIII, 367, 378—380, 383—387, 464.

Алексій Петровичъ, царевичъ, т. VII, 264; т. VIII, 222, 482.

Алексій-чучъ, казенатный служитель новогоріевской крѣпости, т. IX, 100—103, 109, 111—113, 116, 125, 328—332, 384, 389, 347—349, 352, 556—559.

Алессандри, корсиканецъ, начальникъ личной охраны Наполеона III, т. IX, 202, 203, 205.

Альваръ, французскій аббатъ, т. X, 679.

Алепусъ, офицеръ низовскаго полка, т. VIII, 565.

Алферьевы:

— **Ив. Серг.**, чиновникъ московскаго сената, т. X, 398.

— **Петръ Серг.**, т. X, 398.

— **Профессоръ**, т. IX, 441.

Алмешевскій, Николай, авторъ статьи: Что такое истинно-русская государственная программа? т. VIII, 415, 607—616.

Альбертъ, прусскій чиновникъ, телеграфный агентъ, т. VII, 643.

Альбертъ, принцъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, супругъ королевы англійской Викторіи I, т. VII, 221.

д'Альбрэ. См. Иоанна.

Альтенбургскій. См. Теодорикъ.

Амвросій:

— **Дмитровскій епископъ**, викарій московской епархіи. Забѣтка по поводу публичныхъ чтеній его о свободѣ печати. Т. X, 708, 709.

— **(Юшкевичъ)**, архіепископъ новгородскій, т. VII, 501; т. IX, 423.

Аммонъ, живописецъ, т. VIII, 479.

Аммонъ, дѣлопроизводитель московскаго главнаго архива иностранныхъ дѣлъ, т. VIII, 447.

Амосовъ, подполковникъ, т. VII, 371—374, 876—878.

Амуру, коммунаръ, т. X, 677.

Амфитеатровы:

— **Митрополитъ кievскій**. См. Фила-реѣ.

— **Я. К.**, профессоръ кievской духовной академіи, т. VII, 337.

Амслегіи, архимандритъ, настоятель деревенницкаго монастыря, близъ Новгородъ, т. VII, 859.

Анатолій (Мартиновскій), архіепископъ моголевскій. Письмо къ нему В. И. Аскоченскаго. Т. VIII, 697—699.

Ангулемская, герцогиня, т. IX, 678.

Андреевы:

— **Андрей Ив.**, чембарскій исправникъ. Донесеніе ему священника с. Покровскаго, Глѣбова, о канцескомъ бунтѣ. Т. IX, 444—446.

— **Кузьма**, церковный староста с. Покровскаго, чембарскаго уѣзда, т. IX, 446.

Андрей, служитель новогоріевской крѣпости, т. IX, 568, 568, 571.

Андреевны:

— **Елена Ив.**, балерина. Къ биографіи ея. Т. VII, 362.

— **Рижскій штабъ** - офицеръ корпуса жандармовъ, т. VIII, 188.

Андріановъ, вельдѣводитель Кузнецкаго края, т. IX, 677.

Анна Ивановна (супруга Фридриха-Вильгельма, герцога Курляндскаго), императрица, т. VII, 271—285, 479, 502; т. VIII, 144, 145, 479, 486, 487; т. IX, 167.

Анна Леопольдовна (Елизавета-Екатерина-Христина, принцесса Брауншвейгъ-Люнебургская), правительница, т. VII, 497—500; т. VIII, 479.

Анна Петровна, царевна, т. VIII, 144, 479, 703.

Анна Федоровна (Юлія-Генриетта-Ульрика, принцесса Саксенъ-Заальфельдъ-Кобургская), первая супруга цесаревича Константина Павловича, т. VII, 430.

Анненковы:

— **Владим. Егор.**, подольскій губернаторъ, т. IX, 269, 271—276.

— **Генераль-адъютантъ**, т. VII, 14.

— **Софья Савишна**, т. IX, 274—276, 278.

Антоніи:

— **Иеросхимонахъ афонскаго постнаго скита**, т. VII, 697, 699.

— **(Капустинъ)**, архимандритъ, ректоръ кievской духовной академіи, т. X, 99.

— **(Рафальскій)**, архимандритъ, влѣдствіи архіепископъ варшавскій и митрополитъ новгородскій и вѣтебургскій, т. X, 283, 400, 401.

— **(Смирницкій)**, архіепископъ воро-

нежскій и черкасскій, т. VII, 97, 100, 104, 106.

Антонович, В. В., профессоръ кievскаго университета, т. VIII, 288.

Антоновъ, смотритель бани въ новогеоргиевской крѣпости, т. IX, 324.

Антонъ-Ульрихъ, принцъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, супругъ русской правительницы Анны Леопольдовны, т. VII, 499; т. VIII, 480.

Амунгъ, Д. Н., профессоръ московскаго университета, т. IX, 658.

Апперъ, французскій генералъ, т. X, 681.

Апраксинъ, гр. Федоръ Матв., генералъ-адмиралъ, т. VIII, 150; т. IX, 680.

Арачевъ, гр. Алексій Андреев., генералъ-отъ-кавалеріи, военный министр. Анекдоты. Т. VII, 489. Упомян. т. VII, 186, 150, 154, 720; т. VIII, 21, 25, 86, 243, 245, 247—253, 258, 260, 267, 690, 691; т. IX, 653.

Араповъ, Пименъ Никол., писатель и театральнй историкъ, т. X, 140.

Аретинскій, воронежскій архіепископъ. См. Серафимъ.

Арсиевныя, дворяне, т. X, 723.

Аристарховы:

— Барвара Никол., рожденная Балабуха, т. VII, 538—565; т. VIII, 80—109, 270—288, 502—514.

— Никаноръ Ив., рыльскій купецъ, т. VII, 546; т. VIII, 105—109, 278, 281, 283, 285, 503—505.

Аристовы:

— Никол. Яков., статскій совѣтникъ, профессоръ и инспекторъ ижмѣнскаго историко-филологическаго института. Ст. его: Жизнь А. П. Щалова. Т. X, 5—44, 295—336, 576—619. Сообщ. историческіе анекдоты: Воинская повинность евреевъ. Т. VII, 245. Обращеніе въ христіанство еврея. Т. VII, 247. Случайные кантонисты. Т. VII, 248. Побочная дочка. Т. VII, 249—251. Некрологъ его. Т. X, 225. Упомян. т. VIII, 672.

Армавъ-Марастъ, т. IX, 187.

Аригольдъ, Ив., бывший офицеръ 4-го стрѣлковаго баталіона, повстанецъ, т. VII, 364, 393; т. VIII, 568, 569.

фонъ-Аримъ, Бетина, т. VII, 449.

Арно:

— Антонъ, коммунарь, т. X, 454.

— Депутатъ французскаго національнаго собранія, т. X, 191.

Арно, Артуръ, профессоръ иностранной литературы въ Сорбоннѣ, т. X, 692.

Арсеній:

— (Грекъ), ученій, переводчикъ многихъ житій и хронографовъ, т. VIII, 372, 388.

— (Москвитинъ II), кievскій митрополитъ, т. X, 388, 408.

— (Малѣевичъ), митрополитъ тобольскій, потомъ ростовскій, т. VII, 527, 528.

— (Сухановъ), келарь троїцкаго монастыря, т. VIII, 372.

Арсеньевы:

— Генералъ, директоръ военно-сиротскаго дома, вnosлѣд. начальникъ дома умалишенныхъ, т. VIII, 116, 121—123, 344, 346.

— Профессоръ петербургскаго университета, т. VIII, 250, 252.

А'Астуа, графиня. См. Карлъ X, Генрихъ V, гр. Шамборъ.

Архангельскій, А. С. Библиографическій очеркъ о сочин. его: Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Т. IX, 430—434.

Архаревы:

— Ив., московскій военный губернаторъ. Донесеніе его императору Павлу I. Т. IX, 674. Упомян. т. X, 488.

— Никол. Петр., петербургскій обер-полицеймейстеръ, московскій губернаторъ, вnosлѣд. тверской и новгородскій намѣстникъ и петербургскій генералъ-губернаторъ, т. VIII, 500, 501.

Аскошнскіе:

— Аристархъ Ипатьевъ, братъ писателя, т. VII, 90, 96.

— Викторъ Ипатьевъ (Аскошнинъ, Оскошнинъ, Отскоченскій), коллеж. совѣтн., профессоръ кievской духовной академіи, писатель и журналистъ. Дневникъ его. Т. VII, 79—106, 318—344, 534—565; т. VIII, 80—109, 270—288, 502—521; т. IX, 30—52, 259—294, 471—482. Отповѣдь его шефу жандармовъ. Т. VII, 491—493. Эпиграммы его. Т. VIII, 239, 240. Къ біографію его — письмо къ архіепископу Анатолію Мартыновскому. Т. VIII, 697—699. Упомян. т. VIII, 366; т. IX, 442; т. X, 581, 588.

— Ипатьй Ив., отецъ писателя. См. Аскошнинъ.

— Надежда, вторая жена писателя, рожденная Памферова, т. VIII, 519—521; т. IX, 48.

— Софья, первая жена писателя, т. VII, 535.

Аскошныне:

— Ив. Ив. (Поповъ), дьячекъ с. Аскошнаго, землѣнскаго уѣзда, воронежской губ., дѣдушка писателя В. И. Аскоченскаго, т. VII, 89.

— Ипатьй Ив. (Оскошнинъ или Отскоченскій), преподаватель пѣнія воронежской губ., отецъ писателя В. И. Аскоченскаго, т. VII, 89, 91.

Ассн, членъ интернаціонали и президентъ центрального комитета національной гвардіи, т. X, 191, 192, 684, 685.

Аталонъ, начальникъ французской полиціи, т. VIII, 658.

Ауерсвальдъ, австрійскій генералъ, т. VII, 452.

Ахемениды, персидская династія, т. IX, 216.

Ашаръ, французскій генералъ, т. IX, 194.

Афанасій, константинопольскій патриархъ (лубенскій чудотворецъ, сидящій), т. VIII, 883—390.

Асаицъсыны:

— Александръ Степ. (Чужбинскій), писатель, т. X, 97, 579.

— Алексѣй, дьячекъ с. Орѣхова-Погоста, владимірскаго у. Замятка о немъ: Непривзанный авостолъ. Т. VIII, 487—489.

— Библиографъ, т. X, 288.

В.

Вагрянскій, докторъ, т. X, 496, 497, 499.

Важеновъ, Вас. Из., архитекторъ, первый вице-президентъ академіи художествъ, т. X, 485, 486.

База, французскій генералъ, т. IX, 191; т. X, 191.

Базилъ, К. М., авторъ Бесѣды о конституціи и о пригнѣненіи представительныхъ началъ въ государственномъ управленіи. Т. VIII, 415, 607—616.

Базуновичъ, жандармъ въ новогоріевской крѣпости, т. IX, 335, 340, 346, 562.

Байронъ, Георгъ Ноэль Гордонъ, лордъ, англійскій поэтъ, т. VII, 210.

Байскій, Порфирій, писатель. См. Соковъ Орестъ.

Банаровъ, Иванъ, помѣщичій конторщикъ, т. IX, 446.

Банонъ, арестантъ парижской тюрьмы временъ коммуна, т. X, 678.

Балунины:

— Мих. Александр., русскій агитаторъ, т. IX, 13, 205.

— Президентъ россійской академіи наукъ, т. VIII, 184.

Балабухи, купеческое семейство въ Кіевѣ:

— Александръ Семен. т. VIII, 92.

— Варвара Никол. См. Аристархова.

— Марья Ѳеодоров., т. VII, 549, 551, 556—560; т. VIII, 85, 86, 89, 92, 99—101, 272—276, 278, 280—284, 288, 502, 505—509, 514.

— Никол. Семен., т. VII, 565—585;

т. VIII, 80, 89, 91, 96—99, 102, 271—276, 278, 281—287, 503.

Балакиничъ, Михаилъ, страѣлецъ, т. VIII, 481—483.

Балашевъ, Александръ Дмитр., генералъ, министръ полиціи, т. VIII, 268, 260.

Бальи, парижскій меръ, т. IX, 631.

Банбергеръ, Людовикъ, либералъ, т. IX, 609.

Бантышъ-Мамонские:

— Дмитр. Никол., авторъ историческихъ и биографическихъ сочиненій, т. IX, 229.

— Никол. Никол., управляющій архивомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, авторъ Исторіи уни, т. IX, 229.

Баравинскій, Петръ, сержантъ эеельскаго полка, т. VII, 244.

Барагъ-д'Имъ, гр. Аншль, французскій генералъ, т. IX, 194.

Барановскій, Говорать Ксавьеръ, ассесоръ волниискаго губернскаго правленія. Отзаны о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 46.

Барберинъ, другъ Гарибальди, т. IX, 385, 386, 388—390, 393, 394.

Барилей-де-Толли, кн. Мих. Богдан., русскій генералъ-фельдмаршалъ и военный министръ, т. VIII, 258, 259.

Барловъ, режиссеръ петербургскаго театра, т. VII, 439.

Барръ, французскій революціонеръ, т. VII, 192.

Барсуковы:

— А. П. Библиографическая замятка о соч. его: Родъ Шереметевыхъ. Т. X, 213—218.

— Н. П. Библиографическая замятка о его Исторіи русской агиографіи. Т. VII, 470, 471.

Бартоновъ, Петръ Из., редакторъ журнала „Русскій Архивъ“, т. VII, 718, 719.

Бартошева, госпожа, т. IX, 597.

Баръ, французскій генералъ, т. IX, 194.

Барыбинъ, Никифоръ, подъячій, т. IX, 443, 444.

Барятинские, князья:

— Из. Сергѣев., состоявшій при цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, т. IX, 584.

— Яковъ. Просьба его о пожалованіи описныхъ вотчинъ. Т. IX, 443, 444.

Бассо, сподвижникъ и другъ Гарибальди, т. IX, 381, 385, 390, 393, 394.

Батенковъ, Гаур. Степан., подполковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, декабристъ, т. VII, 348.

Батуринъ, подпоручикъ бутырскаго полка, т. VII, 506, 507.

Батюшковъ, Констант. Никол., поэтъ, т. VII, 611, 615.

Бауеръ:

— Каролина, актриса, морганатическая супруга бельгийскаго короля Леопольда I (графина Монгомери), влослѣд. графиня Броэль-Платеръ. Записки ея. Т. VII, 194—224, 426—457.

— Людвигъ, т. VII, 427, 454.

Баумгартенъ, Германъ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Передъ Варолюмеескою ночью. Т. X, 205—211.

Бауровъ, владѣлецъ угольныхъ копей на о. Сахалинѣ, т. X, 177.

Бахиревъ, Як. Исаев., кабинетъ-секретарь, т. VIII, 145.

Бахметевъ, тамбовскій губернаторъ. Замѣтка о немъ. Т. IX, 664.

Балюшевъ, кн. В. И. Замѣтка по поводу историческихъ и юридическихъ матеріаловъ изъ его архива. Т. IX, 498—440.

Б—въ, И. Библиографическая замѣтка его о книгѣ: Родная Старина—В. Д. Сиповскаго. Т. VII, 726—731. Сообщ. некрологъ Н. К. Чупина. Т. VIII, 617—629.

Безилъ, французскій полковникъ, т. IX, 190.

Бегелевъ, Николай, швейцарецъ, воспитатель короля Фридриха-Вильгельма II, т. VII, 461.

Бедо, французскій полковникъ, т. IX, 192.

Безанъ, Софья Никол., рожденная Греть, т. X, 181.

Бендубетовъ, полковникъ, т. VIII, 26.

Беннигамъ, гр., англійскій посолъ въ Петербургѣ, т. VII, 520.

Белларининовъ, Ив. Ив., коллеж. совѣтъ, учитель павловскаго и историко-филологическаго институтовъ, членъ ученаго комитета, т. VIII, 418, 419.

Бендль, Вацлавъ, чешскій священникъ, переводчикъ Пушкина, т. IX, 17.

Беневаленскій, Андрей Игнат., профессоръ казанской духовной академіи, т. X, 12, 21, 22.

Беннигеновъ, баронъ, баденскій аристократъ, т. VII, 216, 217.

Беннигдорфъ, гр. Александръ Христофоровъ, генераль-адъютантъ, шефъ корпуса жандармовъ. Инструкція, данная жандармскому полковнику Бибикову. Т. VII, 489, 490. Упомян. т. X, 187.

Бенин, Аргуръ, русскій добровольецъ въ отрядѣ Гарibaldi, т. IX, 386.

Беннигсенъ, гр. Леоніидъ Леоніев., генералъ отъ кавалеріи, главнокомандующій русскою арміею, т. VII, 184, 185, 146, 483.

Бенратъ, бонскій профессоръ, т. IX, 429.

Бентювскій, авторъ Матеріаловъ для исторіи колонизаціи сѣвернаго Кавказа, т. VII, 477, 478.

Бентъ-Слоунъ, Эмануэль. Библиографическая замѣтка о сочин. его: Новый Израиль и Духовно-библейское братство. Т. X, 705—708.

Беньовскій, смѣльный полякъ, т. IX, 588. **Берви, Аванасій Прокоф.,** т. X, 312, 313.

Бергамъ, камергеръ, оберъ-гофмейстеръ и гротмейстеръ ордена св. Каролины въ Палестинѣ, т. VII, 214, 215.

Бергъ, графъ Фёдоръ Фёдор., генералъ-фельдмаршалъ, намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ, т. VII, 662; т. IX, 211; т. X, 148, 149, 151, 155.

Березовскій, государственный преступникъ, покушавшійся на жизнь Александра II, т. IX, 204, 205.

Берморе, генералъ парижской коммуны, т. X, 195 459.

Бергемъ, баронъ, статскій совѣтникъ, т. VIII, 12.

Бергольцъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, оберъ-камергеръ, т. IX, 424.

Бернаръ, Симонъ, французскій эмигрантъ, участникъ въ покушеніи на жизнь Наполеона III, т. IX, 203.

Бернсторфъ, гр. Логанъ-Гартвигъ-Эрнстъ, первый министръ датскій, т. VIII, 488, 439.

Берсеновъ, русскій гравёръ, т. VII, 255.

Берте, дѣйствительный статскій совѣтникъ, директоръ канцеляріи главнаго цензурнаго управленія, т. VII, 630.

Бертеле, французскій полицейскій комиссаръ, т. IX, 190.

Бергольцъ, гомигитинскій камеръ-юнкеръ, т. VIII, 150; т. IX, 165—167.

Фонъ-Беръ, вѣнскій портной, законодатель моды, т. VII, 445, 446.

Берюковъ, цеворъ, т. VIII, 245.

Бестужевы:

— Александръ Александр., (Маринскій), штабсъ-капитанъ, писатель, декабристъ, т. VIII, 265.

— Александръ Борисов., т. VII, 516.

Бестужевы-Рюмины:

— Гр. Алексѣй Петр., государственный канцлеръ, т. IX, 420, 422—428, 663.

— Гр. Мих. Петр., дѣйствит. тайный совѣтникъ, оберъ-гофмаршалъ, т. IX, 662, 663.

— Констант. Никол., дѣйствительный стат. совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета. Замѣтка по поводу Русскихъ народныхъ картинъ Д. А. Ровинскаго. Т. VII, 496. Библиографиче-

ская записка о его сочинениях: Биография и Характеристики. Т. VIII, 448, 449. Библиографическая записка его: Сочинения С. М. Соловьева. Т. VIII, 670—672.

Бетигеръ, историкъ и критикъ искусства, т. VII, 446.

Бетленъ-Габоръ, князь трансильванскій и король венгерскій, т. X, 211.

Бетлингъ, Александръ Никол., т. VII, 687.

Бехтеевы:

— Дмитр. Оеодор., церемоніймейстеръ, вносилъ воспитатель великаго князя Павла Петровича, т. VIII, 472.

— Екатерина, т. IX, 218, 219.

— Оеодоръ, церемоніймейстеръ, т. IX, 219.

Бецкій, Ив. Изъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, президентъ академій художества, т. IX, 168, 169, 171—176, 178, 182.

Бецъ, Владим. Алексѣев., профессоръ кievскаго университета, т. VIII, 288.

Бечка, правитель канцелярїи подольскаго губернатора, т. IX, 278.

Бибера, владѣлецъ французскаго книжнаго магазина въ Москвѣ, т. IX, 489.

Бибиковы:

— Александръ Ильичъ, генералъ-аншевъ, т. VII, 580; т. IX, 594.

— Дмитр. Гаврил., генералъ-адъютантъ, кievскій генералъ-губернаторъ, вносилъ министръ внутреннихъ дѣлъ, т. VII, 88, 585, 548, 546—548, 551—560; т. VIII, 80, 88 — 89, 91, 93, 97, 100, 109, 247, 272, 278, 277, 282, 515; т. IX, 278—280, 288, 288, 442, 443, 471, 472.

— Жандармскій полковникъ. Инструкція, данная гр. Бенкендорфомъ. Т. VII, 489, 490.

— И. Г., т. X, 820.

— Петръ Алексѣев., писатель и переводчикъ, т. X, 579, 587.

Биллинскій, подольскій депутатъ, т. IX, 269.

Билье, французскій полковникъ, т. X, 201.

Билье, французскій генералъ, т. IX, 624; т. X, 200.

Бильере, комунаръ, т. X, 468, 679, 687.

Билье, французскій министръ, т. IX, 204.

фонъ-Биронъ:

— Бенigna, т. VIII, 145.

— Густавъ, гвардїи подполковникъ, генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, т. VII, 285.

— Юганъ-Эрнстъ, герцогъ курляндскій, правитель Россїи, т. VII, 276, 280—286, 505; т. VIII, 145; т. IX, 420.

Бисмаркъ-Шенгаузенъ, кн. Отто, прусскій государственный человѣкъ. Первыя дѣлѣты его. Т. IX, 408—410. Упомин. т. VIII, 663; т. IX, 615, 616; т. X, 204, 449, 450, 454, 457, 466—468.

Бистромъ. См. гр. Ганъ-Ганъ.

Битнеръ, автомірскій докторъ, т. IX, 51.

Битковскій, Данила, убойца царевича Дмитрія Ивановича Святаго, т. VIII, 703.

Битшофердоръ, Юг. Руд., генералъ и министръ прусскій, мистикъ, т. VII, 462.

Благодушевъ, купецъ, уральскій заводчикъ, т. X, 524.

Благенравовъ, епископъ. См. Велиаминъ.

Благосатловъ, Г. Е., писатель, т. X, 582.

Блашки, комунаръ, т. X, 454.

Блашки, членъ нарьяской коммуны, т. X, 455.

Блокъ, Морисъ, политическій писатель, т. IX, 618.

Блудные, графы:

— Антонина Никол., т. VII, 351.

— Дмитр. Никол., дѣйствит. тайный совѣтникъ, председатель госуд. совѣта и комитета министровъ, писатель, т. VII, 615, 616; т. VIII, 262, 395; т. IX, 676.

Блюмбергъ. Отъ его: Спракумъ. Т. X, 652—661.

Блюхеръ, Гебгартъ-Лебрехтъ, князь Вальштадскій, прусскій генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 707—709, 711.

Бобериницъ, П. Д., писатель, т. X, 582.

Бобринскій, фаворитъ Екатерины II, т. IX, 587.

Бобрининевъ, А. А., профессоръ казанской духовной академїи, т. X, 13, 14.

Бобриницкій, И. М., преподаватель кievской духовной академїи, т. VII, 387.

Бобровъ, Н., сотрудникъ газеты „Съверная Пчела“, т. VII, 346.

Богдановичъ, Модестъ Изъ, генералъ-лейтенантъ, членъ военнаго совѣта, русскій военный историкъ. Некрологъ его. Т. X, 226, 227.

Богдановы:

— Анатолий Петръ, дѣйствит. статскій совѣтникъ, профессоръ московскаго университета, т. IX, 658, 660, 661.

— Модестъ Никол., надв. сов., доцентъ петербургскаго университета, т. IX, 658.

Богомобовъ, капитанъ туркестанскихъ войскъ, т. X, 111, 125, 126, 130.

Богославскій, Н. Библиографическая записка о сочин. его: Аракчеевщина. Т. VIII, 690, 691.

Богусовичъ, членъ вольно-экономическаго общества, т. VII, 897, 898, 404.

- Беданские:**
— Осипъ Максим., профессоръ московскаго университета, т. IX, 229, 364; т. X, 97.
— П. Н. Библиографическая замѣтка о соч. его: Римскія вакханаліи и преслѣдованіе ихъ въ VI вѣкѣ отъ основанія Рима. Т. X, 702—704.
- Бемль, Вильгельмина.** См. Шредеръ.
- Бемлевскій, П. М.,** писатель, т. X, 579.
- Бемль, Эмиль,** берлинскій книгопродавецъ, т. VII, 355.
- Белотевъ, Андрей Тимофеев.,** агрономъ, членъ военно-экономическаго общества и редакторъ журнала „Экономическій Магазинъ“, т. IX, 450.
- Белтингъ, Ив. Никит.,** генералъ-майоръ, историкъ, членъ российской академіи, т. VIII, 448.
- Белокониновъ, Евгеній.** См. Егений.
- Бельмановъ,** собиратель древностей. Замѣтка о рѣдкихъ его приобретенияхъ. Т. X, 728.
- Беналарты.** См. Лудіанъ, Наполеонъ, Наполеонъ-Францъ-Иосифъ-Карлъ, Матильда-Летиція-Вильгельмина, Наполеонъ-Жозефъ-Шарль, Сень-Ле, Жеромъ-Наполеонъ, Пьеръ-Наполеонъ.
- Бенгардъ,** губернаторъ гр. Старжинскаго, т. VII, 389.
- Бениаминъ,** президентъ парижскаго суда, т. X, 679.
- Бенифаций VIII (Бенедиктъ Газтанъ),** папа римскій, т. VIII, 471.
- Бердые,** французскій писатель, т. X, 206.
- Берисовъ, Иванъ.** См. Иннокентій.
- Берисъ Годуновъ,** царь московскій, т. VIII, 708; т. X, 214.
- Берониновскій, Левъ И.,** малороссийскій писатель, т. IX, 242.
- Бергъ, графъ,** воспитатель короля Фридриха Вильгельма II, т. VII, 461.
- Берсукъ, Конст. Вас.,** т. X, 608.
- Берхъ, баронъ,** статскій совѣтникъ, управляющій гатчинскими волостями, т. IX, 598.
- Бессаль-Гауке,** полякъ, т. VII, 455.
- Бетингъ, Сергій Петр.,** тайный совѣтникъ, докторъ медицины, лейбъ-медикъ, профессоръ медико-хирургической академіи, т. IX, 597.
- Бехоневъ, Федоръ,** слуга М. Г. Лебедева. Замѣтка о раздачѣ имъ смоленскимъ чиновникамъ паскальскихъ подарковъ. Т. VIII, 695—697.
- Брандтъ, Ф.,** генералъ, т. IX, 208.
- фонъ-Брандтъ, Эневольтъ,** датскій графъ, камергеръ, т. VIII, 438, 441, 448, 444.
- Браунеръ, Ф.,** чешскій патриотъ, руссофилъ, т. IX, 10, 365.
- Брафмаль, Я. А.,** авторъ Книги Кагала, т. X, 705.
- Брантъ,** ливонскій помѣщикъ, т. X, 728.
- Бреде, актеръ,** т. VII, 432.
- Бретейль,** французскій посолъ въ Петербургѣ, т. VII, 520.
- Брешинскій,** каменецъ-подольскій врачъ, т. IX, 269.
- Брешскій,** отставной поручикъ калужскаго полка, польскій повстанецъ, т. IX, 347, 348, 350.
- Бриннеръ, Алекс. Густавов.,** дѣйствит. стат. совѣтникъ, профессоръ дерптскаго университета, т. VII, 256.
- Бриннеръ,** подполковникъ, ротный командиръ императорскаго военно-сиротскаго дома, вносилъ учитель павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 121, 344, 354, 359.
- Брома, французскій профессоръ,** т. X, 478.
- Брогауэръ,** книгопродавецкая фирма въ Лейпцигѣ, т. IX, 419.
- Брускъ, Криштофъ,** чешскій профессоръ, руссофилъ, т. IX, 367.
- Бручачъ, Иванъ И.,** учитель гимназіи въ Младой-Болеслави, въ Чехіи, т. IX, 7.
- Бромъ-Платеръ, графиня.** См. Бауеръ-Каролина.
- Брукъ, Карлъ-Людвигъ, баронъ,** австрійскій министръ торговли, промышленности и публичныхъ работъ, вносилъ итернуцій въ Константинополѣ, т. VIII, 664.
- Бруннеръ, Андрей Осипов.,** генералъ отъ инфантерій, начальникъ казальскаго военнаго округа, т. VIII, 688; т. IX, 448.
- Бруссе, Пашаль,** делегатъ централнаго комитета парижской коммуны, т. X, 188.
- Брюль, графъ,** т. IX, 425, 427, 428.
- Брюмеръ,** комендантъ новогеоргіевской крѣпости, т. IX, 111.
- Брюмеръ,** голштинскій оберъ-гофмаршалъ, т. IX, 423, 424.
- Брюнелъ,** коммунаръ, нинѣ преподаватель военныхъ наукъ въ Лондонѣ, т. X, 679, 692.
- Брюне, Людвигъ,** т. VII, 456.
- Брюслеръ, графиня.** См. Жавилъ.
- Брусъ, гр. Екатер. Алексеев.,** рожденная княж. Долгорукая, т. VII, 269, 272.
- Буась, ученій,** т. X, 702—704.
- Буатель, префектъ парижской полиціи,** т. IX, 204.
- Бубинио-Швидлій,** запорожець, т. IX, 527.
- Будбергъ, баронъ Андрей Федоров.,** полномочный министръ въ Берлинѣ, вѣнѣ

и потомъ въ Парижѣ. Замѣтка о немъ, т. VIII, 330—333. Упомян. т. VII, 679, 680.

Будовецъ, баронъ, Вацлавъ, предсѣдатель пражскаго апелляціоннаго суда, путешественникъ на Востокъ, т. IX, 11, 15. Бунгенденъ, сектанка. См. Татарнова.

Бугъ, лужичанинъ, священникъ, директоръ дрезденской королевской гимназій, т. IX, 13.

Бумановскій, кременецкій исправникъ, т. X, 283.

Булгановы:

— Мух. Петров. См. Мазарій.

— Петръ Алексѣевъ, табовскій губернаторъ, т. VIII, 473, 474.

— О. И. Предисловіе и объясненія его къ дневнику В. И. Асвовскаго, т. VII, 79—106, 318—344, 534—565; т. VIII, 80—109, 270—288, 502—521; т. IX, 30—52, 259—294, 471—482. Ст. его: Русскій государственный человѣкъ минушихъ трехъ царствованій (гр. П. Д. Киселевъ), т. VII, 128—155, 661—682. Фабрикація учебниковъ исторіи, т. VIII, 417—420. Памяти М. Д. Скобелева, т. IX, 395—402.

Булгаринъ, Фаддей Венидикт., литераторъ и журналистъ. Письмо его къ министру внутр. дѣлъ Перовскому, т. X, 722—724. Упомян. т. VII, 123, 631, 641; т. VIII, 328; т. X, 157, 158, 160, 166—168, 415.

Булгаринъ, греческій министръ, т. X, 194.

Бунзовъ, Христіанъ-Карлъ-Іосія, прусскій государственный человѣкъ и писатель, т. VIII, 668.

Бундъ-фонъ-Шауэнштейнъ, гр. Карлъ-Фердинандъ, австрійскій дипломатъ, т. IX, 404, 408, 409.

Бурбоны, французская династія, т. VII, 208.

Буржуа, кокунальнй сержантъ, т. X, 454.

Бурнашъ Ямчовъ, казакъ, принесшій извѣстіе о Китаѣ, т. VIII, 678.

Бузовъ, Иванъ, прапорщикъ козловскаго пѣхотнаго полка, т. VII, 282—284.

Бурцовъ, Иванъ Григор., адъютантъ свѣтл. кн. П. М. Волконскаго и сподвижникъ гр. Паскевича-Эриванскаго, впоследствии генералъ, т. VII, 142—145.

Бутюговскій, Я. Н. Ст. его: Островъ Сахалинъ. Т. X, 175—186. Изъ недавняго прошлаго. Т. X, 640—651.

Бутюговъ, Владим. Петръ., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, членъ государств. совѣта, т. VII, 113.

Бутуровъ, Александръ Мих., дѣйствит. статскій совѣтникъ, профессоръ казанскаго университета, а потомъ академикъ, т. X, 309.

Бутуны, политическій преступникъ, т. VII, 373, 384.

Бутурлины:

— Графъ, т. VIII, 8.

— Дмитр. Петръ., дѣйствит. тайный совѣтникъ, членъ государств. совѣта, сенаторъ, предсѣдатель не гласнаго комитета для высшаго надзора за печатью, назыв. „апрѣльскій“, т. VIII, 340.

— Из. И., т. VIII, 150.

— Марія Серг., рожд. княж. Гагарина, т. IX, 679.

Бухаревъ, архимандритъ. См. Феодоръ.

Буше-Монвель, Анна-Франсис.-Гипполи-та. См. Марсъ.

Бушковъ, подпоручикъ лейбъ-гв. егерскаго полка, нинѣ генералъ-майоръ, т. X, 646.

Бушневъ, Аван. Феодор., тайный совѣтникъ, академикъ, директоръ публичной библиотеки, т. X, 224.

Бушневскій, капитанъ, жандармскій офицеръ въ новогорьской ерѣвности, т. VIII, 568, 584; т. IX, 89, 99, 110, 120, 121, 351, 556, 557, 566—575, 577—579.

Бушневскій, Виссар. Григ., критикъ, т. VIII, 468; т. IX, 257; т. X, 92.

Бушовъ, И. Д. Замѣтка его по поводу одной любочной картинки. Т. VIII, 702, 703. Ст. его: Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Т. IX, 580—595.

Буслевскіе:

— Никол. Данил., т. X, 94, 96.

— В. М., писатель, т. X, 96.

Бушневъ, В. А., полковникъ, т. X, 607.

Бушны:

— Александр. Петръ., офицеръ гвардейскаго экипажа, декабристъ. Библиографическая замѣтка объ издашихъ его Воспоминаніяхъ о пережитомъ и пережитомъ. Т. IX, 649—658.

— Захаръ Лаваръ, т. VIII, 197.

— Иванъ, кузнецъ, фабрикантъ красокъ, т. VIII, 147.

— И. Д., профессоръ, т. IX, 221.

— Петръ Петръ., мичманъ гвардейскаго экипажа, декабристъ, т. IX, 655.

Бушо, Тома-Робертъ, маркизъ нинверійскій, герцогъ ислійскій, французскій маршалъ, т. IX, 192.

Бушлеръ, баронъ Ф. А., гофмейстеръ, директоръ главнаго архива министерства инстр. дѣлъ, т. VII, 127; т. VIII, 446, 447, 672.

Беловъ, баронъ Фридрихъ-Вил., графъ Денкевицкій, прусскій генералъ, т. VII, 709.

Белозъ, Франсуа, издатель-редакторъ журнала „Revue de deux Mondes“, т. X, 624.

Бюргеръ, ревельскій учитель, издатель русскаго журнала „Радуга“, т. VIII, 268.

Бютонъ, поручикъ парижской комунальной гвардіи, т. X, 456.

В.

Вавженчукъ, Исидоръ, сотскій (sołtys), д. Венгжинова, плодч. у., т. IX, 572.

Вагнеръ, Рихардъ, композиторъ, т. VII, 451.

Валевскіе:

— Гр. Флоріанъ-Алексій-Жозефъ-Колонна, французскій министръ, сенаторъ и дипломатъ, т. VII, 678; т. VIII, 667.

— Графиня, т. VIII, 646.

Валентини, авторъ исторіи русско-турецкой войны 1828 г., т. IX, 207.

Валенштейнъ (Вальдштейнъ), гр. Альбрехтъ, герцогъ фридриндскій, германскій генерал-ссимусъ, т. IX, 10, 15.

Валлесъ, Жюль, журналистъ, комунаръ, т. X, 463—465.

Валуевъ, гр. Петръ Александр., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, министръ внутр. дѣлъ, вполнѣд. государств. имущества и предсѣдатель комитета министровъ, т. VII, 120, 647; т. X, 322.

Вальшъ, докторъ, комунаръ, издатель газеты „Ni Dieu, ni Maître“, т. X, 691.

Вансовичъ, воспитанникъ главнаго инженернаго училища, инж. инженеръ и генералъ-лейтенантъ, т. VIII, 861, 862.

Варленъ, переплетчикъ, комунаръ, т. X, 688.

Василій Ивановичъ:

— Первый царь московскій (въ шочествѣ Барлаамъ), т. VII, 723; т. IX, 432, 433, 677.

— (Шуйскій), царь московскій, т. X, 215.

Васильевы:

— Александръ, протоіерей, священникъ пензенскаго ополченія 1812 г., т. IX, 360.

— Арестантъ штрессельбургской крѣпости, т. X, 498.

— В. А. Воспоминанія его объ В. И. Аскоченскомъ, т. VII, 491—493.

— I. B., протоіерей, т. X, 388.

— Степанъ, придворный музыкантъ, т. VIII, 148.

— Федоръ, дворовый челоуѣкъ. Замятка о немъ: Проворовавшійся пророкъ, т. VIII, 493—495.

Васильчиковы, князья:

— Александръ Илларионов., дѣйствительный статскій совѣтникъ, предсѣдатель славянскаго комитета, земскій дѣлатель. Статъя о немъ: Одинъ изъ немощныхъ, т. VIII, 391—402.

— Викторъ Илларионов., защитникъ Севастополя, т. VIII, 396.

— Илларионъ Вас., предсѣдатель государства совѣта, т. VIII, 393.

— Илларионъ Илларионов., волынской губернаръ. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго, т. IX, 40.

Вассіанъ:

— (Косой), инокъ московскаго синонова монастыря. См. Патрикѣевъ Васил. Иванов.

— (Рыло), игуменъ троицко-сергіевскаго монастыря, вполнѣд. архіепископъ ростовскій, т. IX, 432.

Ватинъ, Яковъ, вогуличъ, т. VIII, 626, 627.

Везинь, журналистъ, комунаръ, т. X, 679, 692.

Вейгаъ, граверъ, т. VII, 724.

Вейнбергъ, П. И., писатель, издатель газеты „Вѣкъ“, т. X, 579.

Вейссе:

— Французъ, авантюристъ, т. X, 667—669.

— Жена предвѣдущаго, т. X, 668.

Велеловскій, маркизъ, графъ Гонзаго-Мишковскій, начальникъ гражданскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ, т. VII, 379; т. VIII, 684—688; т. IX, 412.

Веллингтонъ, Артуръ Веллеслей, князь Ватерлооскій, герцогъ, т. VII, 709—711.

Вельмеръ, Арнольдъ, издатель записокъ Каролины Бауеръ, т. VII, 223, 453—457.

Вельмеръ, Іоганъ-Христіанъ, прусскій министръ, т. VII, 462—468; т. X, 482, 483.

Вельминовъ, генералъ, команд. войсками кавказскаго воен. округа, т. VII, 477.

Вендтъ, Клаусъ, датчанинъ, т. X, 220.

Веніаминъ:

— (Благоуравовъ), архимандритъ, вполнѣд. епископъ камчатскій, т. X, 20, 25, 28.

— (Пудецкъ-Григоровичъ), архимандритъ спасо-казанскаго монастыря, вполнѣд. архіепископъ казанскій и митрополитъ, т. VIII, 473.

Вердеръ, прусскій генералъ, т. IX, 15.

Вердьеръ, учитель, политико-экономистъ, адъютантъ парижской національной гвардіи, т. X, 686.

Вероницъ, русскій офицеръ, т. VII, 448.

Верещагинъ:

— Вас. Вас. Статья о немъ, т. X, 431—442.

— Петръ В., художникъ, т. X, 274.

— Полковникъ, инспекторъ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 344, 345.

Верибидицъ, польскій повстанецъ, т. IX, 350.

Верилитъ, генералъ, наказной атаманъ линейнаго казачьяго войска, т. VII, 477.

Вермиль, журналистъ, т. X, 692.

Вермораль, французскій писатель, редакторъ „*Courrier Français*“, министръ парижской коммуны, т. X, 191, 454, 686.

Вершининъ, Илья, гренадеръ, т. VII, 277, 278.

Веселаго, Феодос. Феодоров., тайный совѣтникъ, членъ совѣта главъ управленія по дѣламъ печати, т. VIII, 334.

Веселескій, Констант. Степ., тайный совѣтникъ, академикъ, непрекѣнный секретарь петербургской академіи наукъ, т. X, 225.

Веселескій, Ф. А. Библиографическая записка о брошюрѣ его: *Примиреніе русскіхъ съ поляками*, т. VII, 226—228.

Вестманъ, Владим. Ильичъ, директоръ канцеляріи, вnosлѣдъ, товарищъ министра инстра. дѣлъ. Письмо его къ Н. И. Гречу, т. VII, 127. Упомян. т. VII, 126, 345, 628; т. VIII, 326.

Вестфаленъ, датскій посланникъ въ Петербургъ, т. VII, 272.

Вечерновъ, алтайскій миссіонеръ. См. Макарій.

Вешинковъ, Семенъ, крестьянинъ с. Лахты, открывшій камень для памятника Петру I, т. IX, 179.

Вигель, Ф. Ф., авторъ *Воспоминаній*, т. X, 470.

Вигура, Иванъ Мартыновичъ, профессоръ кievскаго университета, т. IX, 441.

Викторія I (Александрина), королева Великобританіи и Ирландіи, императрица Индіи, VII, 218.

Викторовъ, А. Е., т. IX, 221, 676, 677.

Викторъ-Эмануэль, итальянскій король, т. IX, 389.

фонъ-Видманъ, Вильгельмъ, прусскій генералъ, управ. герцогствомъ Полянскимъ, вnosлѣдъ, штабгальтеръ Шлезвигъ-Гольштейна, т. IX, 412.

Вильгельмъ:

— I (Фридрихъ), король нидерландскій, вел. герцогъ люксембургскій, герцогъ лимбургскій и принцъ оран-насаускій, т. VII, 212.

— II (Фридрихъ - Георгъ - Людвигъ, принцъ Оранскій), король нидерландскій, вел. герцогъ люксембургскій и герцогъ лимбургскій, т. VII, 211—218.

Вильжинскій, Джемъ, квалерскій проповѣдникъ, т. VIII, 17.

Вильметъ, англичанинъ, т. VII, 451.

Вильминовъ, полковникъ, участвовавшій въ приѣздѣ отъ униатовъ почтеевской лавры, т. X, 283.

Виндерева, Александръ Семен., учитель павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 352.

Винклеръ, Карлъ-Готфридъ-Теодоръ, нѣмецкій поэтъ и беллетристъ, т. VII, 446.

Винне, полковникъ парижской коммуны, т. X, 692.

Виноградовъ, полковой священникъ, т. VII, 364, 373, 881—884, 391.

Винца, французскій генералъ, губернаторъ Парижа, т. IX, 620—623; т. X, 189, 195, 196, 204, 205, 664, 667, 682.

Виритъ, ротный командиръ парижской національной гвардіи, т. X, 680.

Виталий (Гречуленецъ), епископъ, т. X, 404.

Витбергъ, художникъ, т. X, 500.

Витгенштейнъ-Зейль фонъ-Боглербургъ, Петръ Христіановичъ, свѣтлѣйшій князь, генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 135—137, 140, 149, 661.

Виттихъ, Карлъ, докторъ, авторъ сочиненія: *Струэзе*, т. VIII, 432—445.

Вичура, ландартъ, т. VII, 458.

Винновскій, Ф. Г., лейтенантъ гвардейскаго экипажа, декабристъ, т. IX, 656.

Винниковы:

— Владим. Алексѣев., офицеръ военно-сиротскаго корпуса, вnosлѣдъ, генералъ-лейтенантъ, т. VIII, 121, 356.

— Ив., живописецъ, т. VIII, 479.

Вилморскій, графъ, т. IX, 594.

де-Вилъ-Насталь, графъ, французскій писатель, т. VII, 676.

Владиславъ IV (VII), король польскій, т. X, 216, 217.

Власовъ, производившій изслѣдованія на о. Сахалинѣ, т. X, 177.

В-новъ, В. И. Библиографическія записки его: *Археологическій путеводитель по Тифлису*—Ю. Проценко, т. VII, 238—240; *Памятная книжка Кубанской области на 1881 г.*—Фелицианъ, т. VII, 477, 478.

Водовозовъ, В. Библиографическая за-

жѣтка о его Очеркахъ изъ русской исторіи XVIII вѣка, т. VIII, 688, 684.

Возмоны:

— Александръ Ѳеодор. авторъ Дожа Сумасшедшихъ, т. VII, 608, 615.

— Первая супруга Л. С. Пушкина, т. VII, 608.

Вознесенскій, учитель павловскаго кадетскаго корпуса, авторъ учебника по исторіи, т. VIII, 364.

Войно, Антоній, повстанецъ, т. VIII, 565, 577.

Войновичъ, графъ, герой кульмской битвы, т. IX, 365.

Волмоны:

— Евдокія Лукьян., вунуческая дочь, т. VIII, 192.

— Изъ Петр., товарищъ председателя воинской гражданской палаты. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго, т. IX, 44.

— Никонъ Профог., т. VIII, 197.

— Секретарь гр. А. П. Бестужеварумина, т. IX, 427, 428.

— Якимъ, карлъ Петра Великаго, т. IX, 228, 224.

Волмоны:

— Клягилъ, прозелитка, т. VIII, 15.

— Кн. Дмитрій Александр., прапорщикъ лейбъ-гв. преображенскаго полка, IX, 454.

— Петръ Мих., свѣтлѣйшій князь, генераль-фельдмаршалъ, министръ двора, т. VII, 181, 187, 148, 427, 428, 481; т. VIII, 18; т. X, 172.

Володий, архіепископъ. См. Іосифъ.

Вольские:

— Казиміръ, гарибальдиецъ, потомъ польскій повстанецъ, т. VIII, 578, 581.

— Мечиславъ, польскій повстанецъ, т. IX, 106, 107, 112—114, 117, 119.

Вольтеръ, Франсуа-Мари, французскій писатель и энциклопедистъ, т. IX, 588.

Вольфъ:

— Баронъ, англійскій резидентъ, т. IX, 428.

— Берлинское телеграфное агентство, т. VII, 626, 627, 638, 640, 642—646.

— Маур. Осип., петербургскій книгопродавецъ и надатель, т. X, 421.

— Фридрихъ-Августъ, нѣмецкій филологъ и критикъ, т. X, 695.

Вонифатьевъ, московскій священникъ, царскій духовникъ, т. VIII, 865, 868, 370, 379.

Воронинъ, Василій, кабинетъ-курьеръ, т. VII, 248—245.

Воронцовъ, солдатъ володимірскаго пѣхотнаго полка, т. VII, 278.

Воронцовы:

— Гр. Екат. Роман. См. Дашкова.

— Гр. Екатер. Семен., фрейлина, т. VIII, 130.

— Гр. Мих. Илларион., государственнй канцлеръ, т. VIII, 148, 145, 480; т. IX, 428, 424, 668.

— Мих. Семен., свѣтлѣйшій князь, фельдмаршалъ, генераль отъ инфантеріи, генераль-адъютантъ, кавкаскій наместникъ, т. VIII, 254.

— Гр. Семенъ Роман., посолъ при великобританскомъ дворѣ. Библиографическая замѣтка объ изданныхъ его бумагахъ, т. VII, 719—721. Упомян. т. VIII, 129—137.

— Солулякъ, т. IX, 489.

Вортманъ, граверъ, т. VIII, 144, 145.

Востоконъ, Александръ Христофор., основатель русской грамматики, т. VII, 615.

Вранненъ, полковникъ, учитель павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 354, 359, 360.

Врублевскій, генераль парижской комуны, т. X, 668.

Вучкъ, польскій графъ, турецкій посолъ въ Черногоріи, т. IX, 415, 416.

Вульфеггъ, надворный совѣтникъ, редакторъ петербургской нѣмецкой газеты, т. VII, 436.

Вусатый, предводитель разбойничей шайки въ Херсонск. и Екатеринославск. губ., т. IX, 535.

Вуть, голландскій негодіантъ, т. VIII, 132.

Вырубоевъ, бригадиръ, крѣпостной комендантъ, т. VII, 288.

Высоцкій, польскій повстанецъ, т. IX, 95.

Вышатцкій, греко-уніатскій монахъ почаевской лавры, т. X, 232.

Вышеславцева, Капиталина Мих. См. Пушкина.

Вѣра Константиновна, великая княжна, греческая королева, т. VII, 350.

Вольомъ, редакторъ газеты „Père Duchesne“, инженеръ, комунаръ, нийт динамитный фабрикантъ, т. X, 691.

Вяземскіе, князья:

— Андрей Изъ., тайный совѣтникъ, сенаторъ, т. X, 251, 252.

— Пав. Петр., попечитель казанскаго учебнаго округа, впоследствии гофмейстеръ, председатель комитета пензеня иностранной, т. X, 295, 309, 319, 320, 326.

— Петръ Андреевъ., поэтъ и критикъ. Библиографическая замѣтка о его сочиненіяхъ, т. VIII, 450—454. Упомян. т. VII, 352, 610, 611, 615, 621; т. VIII, 382; т. X, 145, 226, 324—326.

Вячеславъ Константиновичъ, великій князь, т. VIII, 558.

Г.

- фонъ-Габеръ, Морицъ, т. VII, 448.
 Габсбурги, династія. Дворецъ въ Вѣнѣ. Т. VIII, 238, 239. Упомян. т. IX, 13, 14; т. X, 212.
 Гаврииль (Городковъ), рязанскій архіепископъ, т. IX, 513, 516.
 Гагарины, князья:
 — Варвара Серг. См. кн. Долгорукая.
 — Г. Г., вице-президентъ академіи художествъ, т. IX, 448.
 — Директоръ петербургскихъ театровъ, т. VII, 428, 438.
 — Ив. Серг., монахъ іезуитскаго ордена. Некрологъ его. Т. IX, 679.
 — Марія Серг. См. Бугурлина.
 — Матвій Петр., первый сибирскій генералъ-губернаторъ, т. X, 727.
 — Мих. Серг., т. IX, 679.
 — Наталья Серг., т. IX, 679.
 — Прозелитка, т. VIII, 15.
 — Сергій, пензенскій вице-губернаторъ, т. IX, 679.
 Фонъ-Гагенъ, Шарлота (въ супружествѣ Овенъ), берлинская актриса, т. VII, 434, 435.
 Гагмалъ, Здуарль Фёдор., генералъ-лейтенантъ, комендантъ ново-георгиевской крѣпости, VIII, 573; т. IX, 569—571.
 Газенауеръ, вѣнскій архитекторъ, т. VIII, 238.
 Газтовъ, смотритель казармъ въ ново-георгиевской крѣпости, т. IX, 102, 327, 352.
 Гайворонскій, волынскій вице-губернаторъ, т. IX, 31, 32.
 Гайдаевъ, жандармъ новогеоргиевской крѣпости, т. IX, 339—343, 351, 354.
 Гален, Людовикъ, французскій литераторъ, т. IX, 622; т. X, 446.
 Галифе, французскій генералъ, т. X, 192, 198, 200, 676.
 Галичскій, почтаевскій греко-униатскій іеромонахъ, т. X, 234.
 Галопень, парижскій докторъ, т. X, 412, 413.
 Гамалея, Сем. Ив., т. X, 499, 500.
 Гамбетта, Леонъ, французскій государственный чело­вѣкъ, т. X, 450, 453.
 Гамбургеръ, Андр. Фёдор., помощникъ цензора, влослѣд. тайный совѣтникъ и русскій посланникъ при швейцарскомъ союзѣ, т. VII, 126.
 Гаммилтонъ, Джорджъ. См. Сеймуръ.
 Ганзенъ. Библиографическій отзывъ о его сочиненіи: Два года военныхъ дѣйствій,—воспоминанія о походѣ русскихъ противъ турокъ 1828 г. и о польскомъ походѣ 1831 г. Т. IX, 207—211.

- Галиа, Вячесл. Вячесл., бібліотекаръ народнаго музея въ Прагѣ, т. IX, 9, 357, 366.
 Гамменонъ, германскій инженеръ, т. IX, 157.
 Гамри, полковникъ, начальникъ штаба парижской ко­мунъ, т. X, 193.
 Ганушъ, Игнатій-Іоаннъ, чешскій ученый, т. IX, 21.
 Ганъ-Ганъ, гр. Ида-Марія-Луиза-Августа (въ супружествѣ Вистромъ), писательница, т. VII, 450.
 Гарбетель, лондонскій ма­клеръ, т. VII, 628.
 Гарденбергъ, кн. Карлъ-Августъ, прусскій государственный канцлеръ. Записка о реформахъ. Т. IX, 641—644.
 Гарибальди:
 — Джузеппо, освободитель Італіи. Жизнь его на о. Капрерѣ. Т. IX, 390—494. Упомян. т. IX, 620; т. X, 197, 666.
 — Ричиотти, сынъ предъидущаго, т. IX, 390, 383, 384, 387, 390.
 — Терезита, дочь предъидущаго. См. Канцио.
 Гарри-Бреслау, берлинскій профессоръ, т. IX, 429.
 Гаррисъ, англійскій посланникъ въ Петербургѣ, т. IX, 589—591.
 Гартиманъ, политическій преступникъ, т. IX, 618.
 Гартунгъ, Н. П., адъютантъ лейбъ-гегерскаго полка, т. X, 642.
 Гаршинъ, Евг. М. Ст. его: Академическій вѣнецъ прошлаго столѣтія. Т. VIII, 127—137.
 Гатуицъ, Н., авторъ сборника малорусской народной поэзіи, т. IX, 229, 231, 258.
 Гауфъ, Густавъ, учредитель русскаго телеграфнаго агентства, т. VII, 648.
 Газтанъ, Бенедиктъ, папа римскій. См. Бонифацій VIII.
 Гегамень, еврей, лавочникъ въ новогеоргиевской крѣпости, т. VIII, 581; т. IX, 324, 325, 557.
 Гведовъ, Ив. Петр., профессоръ кіевской духовной академіи, т. X, 13, 14, 22.
 Геберъ, помощникъ прокурора парижской ко­мунъ, т. IX, 633.
 Гедвига-Элеонора, шведская королева, т. VII, 657.
 Гедесонъ, Александръ Мих., дѣйствительный совѣтникъ, директоръ императорскихъ театровъ, т. VII, 362, 438, 439; т. X, 171, 172, 480.
 Гедиминъ, великій князь литовскій, т. VII, 163—166.
 Гейденъ, гр. одоевскій номѣщикъ, т. VII, 356.

- Гейнефеттеръ:**
— Катерина, пѣвица, т. VII, 446, 447.
— Сабина, пѣвица, т. VII, 446, 447.
- Гейссеръ (Haisser),** профессоръ гейдельбергскаго университета, историкъ. Библиографическая замѣтка о его исторіи реформации. Т. VIII, 470, 471.
- Гекторъ,** комендантъ французской брестской гавани, т. IX, 469, 470.
- Гельмерсенъ,** управлявшій нѣмецкою сценою въ Петербургѣ, т. VII, 428, 429.
- Геннадій:**
— Архимандритъ соловецкаго монастыря, т. VIII, 473.
— Св., архіепископъ новгородскій и псковскій, т. VII, 472; т. IX, 431, 434.
- Генрихъ:**
— III, король французскій, т. X, 206.
— V, король французскій (Генри-Шарль-Фердинандъ-Маріа-Дьедоне д'Артуа, гр. Шамборъ, герцогъ Бордосскій), т. VII, 203; т. IX, 193.
— Принцъ баварскій, т. VII, 163, 164.
- Георги, Иоганъ-Готлабъ,** путешественникъ, профессоръ петербургской академіи, т. IX, 168.
- Георгій-Хадми,** схимонахъ, настоятель скита на Азовѣ, т. VII, 696—699.
- Георгъ:**
— III (Вильгельмъ), курфирстъ, король Великобританіи и Ганновера, т. VII, 209, 215.
— IV (Фридрихъ-Августъ, принцъ Уэльскій), король Великобританіи и Ганновера, т. VII, 207—215, 218—220.
- Герасимовъ, Михаилъ.** См. Михай.
- Герберштейнъ, баронъ Сигизмундъ,** германскій посолъ въ Россіи, т. VII, 723, 724.
- Гергардъ, генераль-майоръ,** директоръ телеграфовъ, т. VII, 638.
- Герднеръ, Иоганъ-Готфридъ,** проповѣдникъ и суперъ-интендентъ въ Бюккебургѣ, знаменитый нѣмецкій писатель, т. IX, 226.
- де-Геріо,** начальникъ артиллеріи въ Ливнѣ, т. VII, 185, 186.
- Герлахъ, прусскій генераль-лейтенантъ,** генераль-адъютантъ, т. IX, 403.
- Германъ:**
— Профессоръ петербургскаго университета, впоследствии инспекторъ классовъ въ смольномъ институтѣ, т. VIII, 250, 252.
— Эрнстъ, марбургскій профессоръ, т. IX, 420—429.
- Гермесь, совѣтникъ бреславльской конскіи,** т. VII, 468.
- Гермогенъ, игуменъ кривола-блудзерскаго монастыря,** т. X, 728.
- Геррессъ, Якобъ-Иозефъ,** нѣмецкій литераторъ и публицистъ, т. VII, 713.
- Герсфельдъ, Э. И.,** генераль-лейтенантъ, т. VII, 112.
- Герценъ, Александръ Ив.,** эмигрантъ, писатель, т. VIII, 832, 463, 470, 586; т. IX, 443; т. X, 327, 590.
- Герье, В. И. Ст. его:** Картина изъ исторіи французскаго террора. Т. VII, 169—194.
- Гессъ, нотарій г. Младой-Болеслави,** въ Чехии, русофилъ, т. IX, 8—10.
- фонъ-Гетце, Петръ,** тайный совѣтникъ русской службы, т. VIII, 6—15, 19—39, 241, 243, 245, 246, 248, 251, 255—261, 263.
- Гейфенъ, Генрихъ,** авторъ сочиненія: Къ исторіи восточной войны 1853—1856, т. VIII, 660—669.
- Гечевичъ, генераль-лейтенантъ,** т. VII, 272, 374, 376, 377.
- Гина, князь, господарь Валахія,** т. VII, 664.
- Гильотенъ, Жозефъ Игнасъ,** докторъ медицины и депутатъ національнаго собранія, изобрѣтатель гильотины, т. IX, 470.
- Гиларевъ-Платоновъ,** редакторъ-издатель газеты „Современныя Извѣстія“, т. VIII, 186.
- Гиндели, писатель.** Библиографическая замѣтка о соч. его: Исторія тридцатилѣтней войны. Т. X, 211, 212.
- Гирстъ, содержатель англійскаго пансіона въ Петербургѣ,** т. VII, 124.
- Гирсъ, Никол. Карловъ,** дѣйстви. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, сенаторъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, т. IX, 597.
- Гиршфогель, нѣмецкій граверъ,** т. VII, 723.
- Гисъ, Ричардъ.** Замѣтка о его сочин. Эдгаръ Кинъ. Т. IX, 638—641.
- Главацкій, Фѣдоръ Вас.,** баталіонный командиръ павловскаго кадетскаго корпуса, впоследствии генераль-лейтенантъ, директоръ новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса, VIII, 344, 358.
- Глаголевскій, митрополитъ петербургскій и новгородскій.** См. Серафимъ.
- Глазовъ, И. А.,** коммерціи совѣтникъ, учредитель русскаго телеграфнаго агентства, т. VII, 648.
- Гларнеръ, купецъ, завѣдывавшій редакціею газеты „Journal de St.-Petersbourg“,** т. VII, 627, 628; т. VIII, 323, 326.
- Гле-Бизуень, французъ,** т. X, 459, 687.
- Глинна:**
— Мих. Пв., русскій композиторъ. Замѣтка объ оперѣ „Жизнь за царя“. Т. X, 161—165. Упомян. т. VII, 121—123.

- **Федоръ Никол.**, писатель. Дополненіе къ біографіи его. Т. VII, 349—354. Упоми. т. VII, 615; т. IX, 229.
- Глисская.** См. Елена Васильевна.
- Глоба, Иванъ Яков.**, послѣдній войсковой писарь войска запорожскаго, т. X, 97.
- Глѣбовъ, Евфимій,** смѣщенникъ с. Поляровскаго, чебарскаго у. Донесеніе его исправнику о кандовскомъ бунтѣ. Т. IX, 444—446.
- Гнейзенау, графъ Нейдгардтъ,** прусскій генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 705—717.
- Г—нъ, Е.** Библиографическая замѣтка объ изданіи бумагъ гр. С. Р. Воронцова и Писмакъ Н. М. Лонгинова. Т. VII; 719—721.
- Глѣдичъ, Никол. Изъ,** писатель, т. VII, 615, 616.
- Гессардъ, Элиза,** кокетка, покровительница Наполеона III, т. VIII, 657.
- Говенне, Джузенне,** итальянскій капитанъ генеральнаго штаба, вполсѣд. генералъ, т. VIII, 666.
- Гогенцоллернскій князь,** т. VIII, 663.
- Гоголи:**
- **Ананасій,** полковой писарь, дѣдъ писателя, т. IX, 246.
  - **Вас. Аванъ,** малороссійскій писатель, отецъ Ник. Вас., т. IX, 246.
  - **Никол. Вас.,** писатель. Предложеніе объ открытіи всенародной подписки на сооруженіе памятника ему. Т. VIII, 700. Школа его въ украинской литературѣ. Т. IX, 225—232, 287—251. Упоми. т. VIII, 450—452; т. IX, 286, 517; т. X, 91, 94—96, 226.
- Гоголице:**
- Преподаватель кievской духовной академіи, т. VII, 339.
  - С. С., писатель, т. X, 96.
- Годзевъ, В. И.,** студентъ казанской духовной академіи, т. X, 18.
- Гезимскій,** польскій повстанецъ, т. IX, 352.
- Голицыны, князья:**
- Русскій княжескій домъ, т. X, 214.
  - **Аделаида-Амалия,** рожденная фонъ-Шметау, супруга Д. А. Голицына, т. IX, 219.
  - **Александра Александр.**, рожденная Хитрово, по второму браку Кологривова, т. VIII, 6.
  - **Александръ Мих.,** генералъ-фельдмаршалъ, т. VIII, 447; т. IX, 182.
  - **Александръ Никол.,** статсъ-секретарь, оберъ-прокуроръ св. синода, главноуправляющій дѣлами иностранныхъ исповѣданій и министръ народнаго просвѣщенія, вполсѣд. канцлеръ россійскыхъ орденовъ. Біографія его. Т. VIII, 5—
- 39, 241—269; т. X, 85. Упоми. т. VII, 486, 785.
- **Анна Серг.,** т. VIII, 23, 24.
  - **Вас. Вас. Старшій,** ближній бояринъ, наместникъ новгородскій, любимецъ царицы Софіи Алексѣевны, т. VIII, 447; т. X, 214, 217.
  - **Дмитр. Алексѣевъ,** тайный совѣтникъ, действительный камергеръ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ Парижѣ, а потомъ въ Гаагу. Письмо его къ барону Гримму. Т. IX, 219, 220. Упоми. т. VIII, 446; т. IX, 168—171.
  - **Дмитр. Мих.,** дѣйствит. тайный совѣтникъ, русскій посолъ въ Парижѣ, а потомъ въ Вѣнѣ, т. VIII, 128.
  - **Дмитр. Мих.,** стольникъ, а потомъ дѣйствит. тайный совѣтникъ, т. VII, 265, 271, 278.
  - **Ник. Серг.,** гвардіи капитанъ, т. VIII, 6.
  - **Н. С. Замѣтка** по поводу статьи его: Почаевская лабра въ концѣ іюля 1855 г. Т. X, 227—236.
  - **Офицеръ** гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка, т. VII, 482.
  - **Федоръ Никол.,** т. VIII, 331.
- Головидъ, Константинъ,** гвѣзецъ и оперный режиссеръ, т. VII, 428, 429.
- Головачевъ, А. Ф.,** писатель и редакторъ, т. X, 579.
- Головинъ, остзейскій генералъ-губернаторъ,** т. VIII, 246.
- Головинныя:**
- **Гр. Михаилъ,** т. IX, 443, 444.
  - **Мих. Гавр.,** вице-канцлеръ, начальникъ моветной канцеляріи, т. VII, 271, 280.
  - **Постельничій,** т. VIII, 704.
- Головинны:**
- **Александръ Вас.,** камергеръ, министръ народнаго просвѣщенія. Письмо его къ П. С. Усову. Т. VII, 118, 119. Упоми. т. VII, 119—121, 346; т. VIII, 189, 819, 820.
  - **Вас. Мих.,** адмиралъ, генералъ-интендантъ флота, т. VIII, 320; т. IX, 678.
- Голета, малороссійскій писатель,** т. IX, 229.
- Голубевы:**
- **А. В.,** авторъ разныхъ монографій и сборниковъ, т. VIII, 391—402.
  - **В. Ф.,** т. X, 274.
- Голубцовы:**
- **Сергій Платонъ,** тайный совѣтникъ, попечитель кievскаго учебнаго округа, т. VIII, 234.
  - **Смоленскій чиновникъ,** т. VIII, 697.
- Голыскій, подоольскій помѣщикъ,** т. IX, 270, 271, 283.

Голышев, И. А., почетный гражданин, археолог и литографъ. Библиографическая записка объ изданияхъ его: Альбомъ русскихъ древностей Владимирской губернии. Т. VIII, 281, 282. Памятникъ русской старини Владимирской губернии и Альбомъ рисунковъ рукописныхъ синодиковъ. Т. IX, 215.

Гольддорфъ, М. Библиографическая записка о сочин. его: Материалы для исторіи Дворянскаго полка до переименованія его въ Константиновское военное училище. Т. VIII, 681—683.

Голышевъ, Викторъ Александр., казначей общества любителей русской словесности, т. VIII, 700.

Гомель, участникъ заговора противъ Наполеона III, т. IX, 208, 204.

Гопуа, гр. Альфонсъ-Гапри, французскій военный министр, вполнѣд. алжирскій генералъ-губернаторъ и сенаторъ, т. IX, 194.

Горбуновъ, Ив. Федор., актеръ-разсказчикъ, т. X, 579.

Горемыкинъ, казанскій помѣщикъ, т. X, 28.

Горюстаевъ, А. М., профессоръ, т. IX, 448.

Горь, А. Е., редакторъ-издатель газетъ „Journal de St.-Petersbourg“, т. VII, 644; т. VIII, 322, 327, 328.

Городецкий, митрополитъ кіевскій. См. Платонъ.

Городиновъ, архіепископъ. См. Гавриилъ.

Городчанинъ, Г. Н., т. X, 144.

Горский, кременецкій засѣдатель, участвовавшій въ приѣздѣ отъ уніатовъ Почаевской лавры, т. X, 238.

Гортензіа, голландская королева. См. Сепъ-Лѣ.

Госсеронъ, коммунаръ, т. X, 692.

Готюшевъ, Дмитр. Валеріан., подольскій губернский прокуроръ, т. IX, 265—278, 282, 283, 285—288.

Готье:
— Теофиль, французскій литераторъ, т. IX, 622.

— Французскій министръ, т. IX, 195.

Горчаковы:
— Кн. Мих. Дмитр., генералъ-отъ-артиллеріи, генералъ-адъютантъ, наместникъ въ Царствѣ Польскомъ, т. VII, 662.

— Свѣтлѣйшій князь Александръ Мих., государственный канцлеръ, т. VII, 115, 116, 126, 345, 346, 625, 628, 647; т. VIII, 327, 333; т. IX, 404.

Горайновъ, А. А., камергеръ, т. VII, 353.

Госсаиъ, записка о русскомъ изданіи публичной его лекціи, т. VIII, 460—463.

Госнеръ, католическій священникъ, т. VIII, 242, 244, 245.

Грабовскій, Ив. Ив., управляющій канцеляріею волнинскаго губернатора, т. IX, 49.

Грабировскій, Стратонъ Тимоф., домашній учитель воронежскихъ семинаристовъ, т. VII, 96.

Граммель, А. Д., бакалавръ кіевской духовной академіи, т. VII, 338.

Граммъ де-Нассаньскъ, Адольфъ, французскій публицистъ и писатель, членъ законодательнаго корпуса, т. VIII, 663. де-ла-Грація, герцогъ. См. Палли.

Гребенна, Евгений Павлов., учитель втораго кадетскаго корпуса и института корпуса горныхъ инженеровъ, писатель. Записка о его литературной дѣятельности. Т. IX, 251—258. Упомян. т. IX, 281, 282.

фонъ-Гребенъ, прусскій генералъ, т. VIII, 663.

Грени, президентъ французскаго національнаго собранія, т. X, 191, 469.

Грей, Чарльсъ, первый лордъ адмиралтейства, потомъ министръ иностранныхъ дѣлъ, т. VII, 210.

Грейгъ, Алексій Самуил., адмиралъ, членъ государственнаго совѣта, т. X, 414.

Грентъ, ученый. См. Арсеній.

Грелетъ, Стефанъ, квакерскій проповѣдникъ, т. VIII, 17.

Грешинскій, Матв. Семен., профессоръ московскаго университета, т. X, 14.

Гречинъ, смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Грочулевичъ, епископъ. См. Виталий.

Гречъ:
— Алексій Никол., т. VII, 347.

— Никол. Ив., писатель и журналистъ. Его связи и знакомства. Т. VII, 345—349. Стихотвореніе его, напечатанное въ одномъ экземплярѣ. Т. VII, 361. Упомян. т. VII, 118, 124, 127, 349, 355, 362, 615, 626, 627, 633; т. VIII, 245, 320, 328—333, 341, 342; т. X, 157—159, 161, 167—171.

— Софья Никол. См. Безаевъ.

Григорій:
— Инокъ. См. Нероновъ.

— (Митковичъ), ректоръ казанской духовной академіи, вполнѣд. архіепископъ калужскій, т. X, 9, 25, 40.

— (Постниковъ), докторъ богословія, казанскій архіепископъ, вполнѣд. митрополитъ петербургскій и новгородскій, т. X, 12, 18, 24, 33.

— (Полетаевъ), монахъ, профессоръ казанской духовной академіи, т. X, 20.

Григоровичъ, В. И., профессоръ казан-

скаго университета, т. VIII, 620; т. X, 25, 26, 295.

Григорьевъ, Вас. Вас., тайный совѣтникъ, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Некрологъ. Т. VII, 494, 495.

Гринь:

— Баронъ Фридрихъ Мельхиоръ. Письмо къ нему кн. Д. А. Голлицина. Т. IX, 219, 220. Упомн. т. VIII, 218—221.

— Нѣмецкій филологъ, т. X, 700.

Гринъ:

— Лейтенантъ, военный уполномоченный Соединенныхъ Штатовъ въ Россіи, т. IX, 397.

— Рижскій полиціймейстеръ, т. VIII, 190, 192, 194.

Гринелли, французскій генералъ, т. IX, 201, 202.

Громбчевскій, Станиславъ, польскій повстанецъ, т. IX, 571, 572; 574—577.

Гросвеноръ, Карлъ, т. VII, 215.

Гроссъ:

— Георгъ, мѣдникъ, т. VIII, 473.

— Посланникъ, т. IX, 662.

Гротъ:

— Дворяне, т. X, 723.

— Константинъ Карл., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта, т. IX, 677; т. X, 224.

— Придворный живописецъ, т. VIII, 480.

— Яковъ Карл., тайный совѣтникъ, академикъ. Пятидесятилѣтній юбилей его. Т. X, 224, 225. Упомн. т. VIII, 218—220, 381; т. X, 418—420.

Грудзинская, Іоанна. См. Ловичъ, княгиня.

Груссъ, Пашаль, парижскій коммунальный министръ иностранныхъ дѣлъ, т. X, 198, 449, 468, 676.

Грюнштейнъ, лейбъ-кампанейцъ, главный дѣлатель при арестѣ семейства Ивана Антоновича, т. VII, 514.

Грязновъ, Петръ Ив., офицеръ Павловскаго кадетскаго корпуса, впоследствии студентъ медико-хирургической академіи, т. VIII, 352, 356.

Г—сий-Д—чь, поручикъ 5-го стрѣлковаго баталіона, т. VII, 372—374, 376, 381, 383, 384, 389—395; т. VIII, 563—567, 570—574, 576, 580, 583, 585, 592; т. IX, 91, 566.

Губертъ, эльзасецъ, т. IX, 187.

Гудима, воспитанникъ павловскаго кадетскаго корпуса, нинѣ кievскій комендантъ, т. VIII, 359.

Гулянь-Артемовскіе:

— А., т. IX, 225.

— П. П., профессоръ, малороссійскій писатель, т. IX, 246, 516; т. X, 96.

Гулдбергъ, Ове Гёегъ, датскій гофмейстеръ, кабинетъ-секретарь и министръ писатель, т. VIII, 443.

Гушловскій, Дмитр. Григ., архіепископъ. См. Филаретъ.

Гупилъ, докторъ, коммунаръ, т. X, 692.

Гуревичъ, составитель историческихъ книгъ для народнаго чтенія, т. IX, 648.

Гуранди, А. П., учитель прутской гимназіи, т. X, 607.

Гурьевы:

— Братя, агитаторы, т. VII, 526.

— Гр. Дмитр. Александр., дѣйствит. тайный совѣтникъ, министръ финансовъ, т. VII, 720; т. VIII, 11.

Гусевъ, Дмитр. Федот., профессоръ кievской духовной академіи, т. X, 13, 20, 21, 29.

Гусевъ, Арсенъ, французскій литераторъ, т. IX, 622.

Гутманъ, управляющій книжными кн. А. С. Голлициною, т. VIII, 14, 15.

Гюбнеръ, баронъ Іосифъ-Алекс., австрійскій дипломатъ, чрезвычайный посланникъ въ Парижѣ, т. VII, 673.

Гюгено, коммунаръ, т. X, 454.

Гюссель, французскій депутатъ, т. IX, 194.

Гютцингеръ, секретарь генерала французской коммуны Домбровскаго, т. X, 667—669.

Д.

Давидъ, Фелицианъ, композиторъ, т. IX, 189.

Даву, Луи Никола, французскій маршалъ. Участіе его мундира въ Россіи. Т. VII, 251.

Давыди, жандармъ въ новогорьской крѣпости, т. VIII, 582, 583.

Давыдовъ, Ив. Ив., ординарный академикъ, директоръ главнаго педагогическаго института, а потомъ сенаторъ. Къ биографіи его. Т. VII, 358. Упомн. т. IX, 228.

Дегерръ, Луи Жакъ Манде, декоративный живописецъ, изобрѣтатель дегертинія, т. X, 159—161.

Дайманъ-Нойона, князь мунгалскій, т. VIII, 673.

Даламберъ (Аламберъ), Жанъ ле-Ронъ, знаменитый французскій математикъ, т. IX, 583; т. X, 411.

Даль (Дугаскій), Владим. Ив., писатель, Замѣтка по поводу новаго изданія его словаря. Т. X, 410—421.

Даммевъ, телеграфное агентство, т. VII, 648.

Дамилевский, Григ. Петр., действит. статский советникъ, редакторъ „Правительственнаго Вѣстника“ и членъ управленія по дѣламъ печати. Библиографическая замѣтка о третьемъ изданіи его сочиненій. Т. VII, 474. Упомян. т. IX, 281, 282.

Даниловъ, Левъ, преподаватель воровскаго духовн. училища, т. VII, 95.

Данильченковы:

— Александра Семенов., т. IX, 266, 269.

— Марья Осип., т. IX, 265—268, 272, 282, 287.

— Осипъ Мвх., советникъ подольской казенной палаты, т. IX, 262.

Данилъ:

— Митрополитъ всяя Руси. Библиографическая замѣтка. Т. VII, 471—474; т. IX, 438.

— Протопопъ московскій, т. VIII, 366.

Дантовъ, Жоржъ, французскій адвокатъ, президентъ кордальерскаго клуба, впослѣд. министръ юстиціи, т. IX, 682.

Дарвинъ, Чарльзъ-Робертъ, знаменитый натуралистъ. Некрологъ его. Т. VIII, 477, 478.

Дарбуа, парижскій архіепископъ, т. X, 201, 454, 679, 680.

Д'Аргу, французскій министръ, впослѣд. директоръ банка, т. IX, 194.

Дардонъ, французскій писатель, т. X, 201.

Даушиа, полякъ, т. X, 607.

Данишевы:

— Васил. Андреев., действит. тайный советникъ, директоръ румянцовскаго музея, т. IX, 221.

— Д. В., т. VII, 615—617.

— Княгиня Екатер. Романов., рожденная гр. Воронцова, президентъ российской академіи наукъ. Къ биографіи ея. Т. IX, 668—675. Упомян. т. VIII, 184.

— Княжна. См. Щербинина.

— Пав. Яков., собиратель русскихъ гравюръ. Сообщ. переписку о сокрытіи запрещенныхъ книгъ. Т. VIII, 235, 236. Упомян. т. VII, 255, 256.

Дверницкій, начальникъ отряда польскихъ повстанцевъ, т. X, 281.

Дверницкій, Адрианъ Ив., полковникъ, впослѣд. генералъ-майоръ, полиціймейстеръ I отдѣленія С.-Петербурга, очевидецъ событія 1 марта 1881 г., т. IX, 600.

Дверницкій, Логинъ, живописецъ, т. VIII, 479.

Деврионъ, Вильгельмина. См. Шредеръ.

Дегерри, священникъ парижской Маргалинской церкви, т. X, 201, 679.

Дейтъ, вѣльскій жидъ, т. VII, 208, т. X, 202.

Деманъ, комунаръ, т. X, 687.

Деларивъ, Теодоръ, женеваскій естествоиспытатель, т. VII, 448.

Делеманъ, комунаръ, т. X, 468, 679, 681—688.

Делуазе, Элеонора, жюиорна, спиритка XVIII-го столѣтія. Замѣтка о ней. Т. VIII, 492, 498.

Дельбромъ, историкъ, т. VII, 705, 706, 710.

Дель-Оуизъ, Робертъ. Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: Спорная область между двумя мірами. Т. VII, 231—234.

Демонъ, гувернантка дѣтей герцога Праленъ, т. IX, 186.

Делановъ, Иванъ Давидъ, действит. тайный советникъ, статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, министръ народнаго просвѣщенія. Телеграмма его по поводу пятидесятилѣтія румянцевскаго музея. Т. IX, 221. Упомян. т. X, 224.

Демаре, капитанъ французскаго войска, т. X, 195—197.

Дембицкій, польскій повстанецъ, т. IX, 94, 107—111.

Демидовъ Самъ-Донато, кн. П. П., т. X, 408, 476.

Демидовы:

— Никита Акинѣев., статскій советникъ, уральскій заводчикъ, т. X, 250—252.

— Никол. Ив., генералъ отъ инфантеріи, главный директоръ наволовскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 344—347, 358.

— Супруга Аналогія. См. Матильда-Леттица-Вильгельмина.

— Уральскіе заводчики, т. X, 519.

Демулемъ, Бенва-Камилль, адвокатъ, дѣлатель французской революціи, т. IX, 469.

Демьянъ, казенатный служитель ново-георгіевской крѣпости, т. IX, 329, 330, 335, 349, 351, 353, 554, 560, 572—576.

Депремониль, парижскій домовладѣлецъ, т. IX, 466.

Деревъ, комунаръ, т. X, 679.

Дерманъ, Гастр. Романъ, позъ и министръ юстиціи, т. VII, 615; т. VIII, 8, 380, 381; т. IX, 594; т. X, 470.

Десницкій, Матвій, митрополитъ. См. Михаилъ.

Дестремъ, инженеръ-генералъ, т. X, 172.

Дженеръ, парижскій банкиръ, т. VIII, 646.

Джерсей, жидъ, любовница короля Георга IV, 208.

Джовіо, Паоло, См. Іовій.

Дмуновский, Александр. Стенан., дѣйствит. статскій совѣтникъ, т. VIII, 842.
Дубичъ-Забаланский, Ив. Ив., генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 668; т. IX, 207, 210, 211.

Дидоро, Дени, французскій энциклопедистъ, т. IX, 170.

Диниенъ, Гюн, англійскій дипломатъ, т. IX, 427, 428.

Дмитревскій, Ив. Аванас, актеръ, членъ российской академіи, основатель русскаго театра, т. X, 140, 141.

Дмитріевъ, Ив. Ив., поэтъ, т. VII, 607, 612, 614, 615.

Дмитріевъ-Мамоневъ, генералъ, т. VII, 264.

Дмитрій:

— Казематный служитель новогорьской крѣпости, т. IX, 844—854, 558—558.

— Святитель Ростовскій. Забѣтка о Забѣденномъ собственноручномъ дневникѣ его. т. IX, 447.

Дмитрій Ивановичъ Свѣтой, царевичъ. набѣтка о лубочной картинѣ объ убіеніи его. Т. VIII, 702, 708.

Дмоховскій, капитанъ паловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 362.

Добровскій, Іосифъ, аббатъ, ректоръ гражданской семинаріи, основатель западно-славянскій филологій, т. IX, 9, 855—858, 363—366.

Добролюбовъ, Никол. Александров., критикъ, т. X, 299.

Добротверскій, И. М., бакалавръ казанской духовной академіи, т. X, 86, 297.

Д—овъ, библиографическая забѣтка его: Новый Израиль и Духовно-библейское братство — Эмануэла Бенъ-Сіона. Т. X, 705—708.

Долгорукие, князья:

— Русскій княжескій домъ, т. VII, 269, 279; т. IX, 420.

— Варвара Серг., рожденная княж. Гагарина, т. IX, 651.

— Вас. Андреев., генералъ-адъютантъ, управлявшій военнымъ министерствомъ, впоследствии шефъ корпуса жандармовъ и управляющій III отдѣл. собственной Е. В. канцеляріи. Письмо его къ Н. И. Гречу. Т. VII, 118. Упомян. т. X, 151.

— Вас. Вас., дѣйствит. тайный совѣтникъ, оберъ-гофмаршалъ, а потомъ вице-президентъ императорскаго вольно-экономич. общества, т. VIII, 340—342; т. IX, 651.

— Вас. Владим., стольникъ, а потомъ генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 281.

— Вас. Лук., дѣйствит. тайный совѣтникъ, т. VII, 271, 272

— Владим. Андр., генералъ-адъютантъ,

московскій генералъ-губернаторъ, т. VIII, 700.

— Екат. Алексѣев., нежѣста императора Петра II. См. Брестъ.

— Ив. Алексѣев., оберъ-камергеръ, генералъ-майоръ, другъ Петра II, т. VII, 280.

— Мих. Юрьев., стольникъ, а потомъ совратитель государства, т. VII, 658.

— Юрій Алексѣев., бояринъ, начальникъ сыскаго и пушкарскаго приказовъ, т. VII, 658.

Демский, Василій, преподаватель вормежскаго духовнаго училища, т. VII, 93, 94.

Демантовичъ, польскій повстанецъ, т. IX, 95.

Деобровские:

— Предводитель разбойничьей шайки въ подольск. и волынск. губер., т. IX, 585.

— Ярославъ, офицеръ русскіхъ войскъ, впоследствии польскій повстанецъ и генералъ арміи французской коммуны, т. IX, 117, 388; т. X, 199, 445, 666—669, 679.

Дерваль, французская актриса, т. VII, 200.

Дерягинъ, т. IX, 624.

Дестовскій, Мих. Мих., писатель т. X, 582.

Драматические:

— Домницяла, польская повстанка, т. IX, 126, 325, 326, 336, 344—347, 351, 353, 354.

— Польскій повстанецъ, т. IX, 354, 553.

Дрездовъ, Вас. Мих., митрополитъ. См. Фларетъ.

Дружининъ, А. В., писатель, т. X, 97.

Друзъ-де-Лон, Эдуардъ, депутатъ, впоследствии предсѣдатель комиссіи иностранныхъ дѣлъ и вице-президентъ сената, т. VIII, 661, 665; т. IX, 195.

Дреперъ, Джонъ-Уильямъ, американскій ученый фзіологъ и историкъ. Некрологъ. Т. VII, 495, 496. Упомян. т. VIII, 470, 471.

Дубасевъ, И. И. Сообщ. забѣтки: Дьячекъ-сутага. Т. VII, 733, 734. Изъ тамбовской народно-отреченной литературы. Т. VIII, 693—695. Тамбовскій губернаторъ Балхетовъ и оставшие приказные. Т. IX, 664.

Дубальтъ, Леонтій Васильев., генералъ отъ кавалеріи, управляющій III отдѣленіемъ собств. Е. В. канцеляріи. Статья его, присланная въ редакцію газеты „Сѣверная Пчела“. Т. VII, 116, 117. Упомян. т. VII, 346, 347.

Дубенскій, инженеръ генералъ-майоръ, т. X, 148—150.

Дубровинъ, казанскій книгопродавецъ, т. X, 40, 313.

Дуброве, директоръ одесскаго рিশельевскаго лицея, т. VIII, 115.

Дувэ, Просперъ, коммунаръ, основатель лондонской газеты „Courcier de l'Europe“, т. X, 692.

Дудышкинъ, литераторъ, т. X, 97.

Дуновъ, Василій, крестьянинъ с. Новотроицкаго, Ардатова тожъ, Адагорской провинци. Записка о немъ: Дугнъ себя на-умъ. Т. VIII, 497—499.

Дурмъ, Осипъ Ив., чешскій патриотъ, руссофилъ, т. IX, 10—12, 14—17, 359.

Дусмеръ-фонъ-Арбергъ, Генрихъ, рыцарь Тевтонскаго ордена, т. VII, 165.

Духонинъ, генералъ, начальникъ штаба 4-го корпуса, т. IX, 397.

Дуз, французскій генералъ, т. X, 664.

Дюбуа-Нрансе, комиссаръ конвента, т. VII, 177, 178.

Дювалъ, генералъ царской коммунъ, т. X, 197, 200, 674.

Довернуа, Клеманъ, т. X, 449.

Докатель, Жюль, т. X, 664, 665, 669.

Дюло, французскій ученый, т. X, 411.

Дюме, Теодоръ, французскій морской министръ, впоследствии сенаторъ и военный министръ, т. VIII, 664.

Дюпре, французскій генералъ, т. X, 460.

Дюудре, французскій изувитъ, т. X, 679.

Дюма, Александръ, французскій романистъ, т. IX, 622; т. X, 446.

Дюпанлу, парижскій епископъ, т. X, 412.

Дюпонъ, Леонъ, французскій журналистъ, т. IX, 622; т. X, 192, 195, 196, 461, 665, 668.

Дюреръ, Альбрехтъ, германскій живописецъ, т. VII, 416, 420.

Дюфюръ, членъ французскаго національнаго собранія, т. X, 200.

Дюфуръ, С., книгопродавецъ и издатель газеты „Journal de St.-Petersbourg“, т. VII, 643; т. VIII, 322—323.

Дюшонуа, Екатерина-Жозефина, рожденная Рафенъ, французская актриса, т. VII, 199.

Дядими:

— Алексій Вас., генералъ-майоръ, учитель павловскаго кадетскаго корпуса, впоследствии генералъ отъ артиллеріи, т. VIII, 353, 360.

— Дочь предъидущаго. См. Роде.

Е.

Евгений:

— Виртембергскій, герцогъ, т. IX, 207.

— (Евоній Волховитиновъ), интронизитъ кievскій и галицкій, т. VII, 341; т. VIII, 266; т. X, 238.

Евонія, Марія де Гусманъ, графиня Монтихо, супруга французскаго императора Наполеона III, т. VII, 676, 677, 679, 680; т. VIII, 646—648; т. IX, 195, 203, 602.

Евдокимовъ, Левъ, священникъ, т. VII, 529.

Евдокия Лукьяновна (Стрѣшневна), вторая супруга царя Михаила Теодоровича, т. IX, 677.

Евдокия Федоровна (Долухина), первая супруга императора Петра I, изъ княжества Елена, т. VII, 270.

Евлогій (Кузмановичъ), игуменъ сербскаго монастыря Велика-Ремета, т. VIII, 210, 212, 213.

Евтихій, ректоръ воронежской духовной семинаріи, т. VII, 104—106.

Екатерина I Алексеевна, императрица, т. VII, 262—270, 272, 478, 479; т. VIII, 144, 152, 479.

Екатерина II Алексеевна, императрица (Софія-Августа-Фредерика, принцесса Ангальтъ-Цербстская). Письма къ ней княгини Е. Р. Дашковой. Т. IX, 670—673. Упомин. т. VII, 517—527, 530—533; т. VIII, 6, 7, 217—221, 227, 228, 449, 480; т. IX, 167—176, 181, 182, 421, 422, 424—426, 428, 451, 532, 533, 535—536, 669; т. X, 481—500.

Екатерина Ивановна, царица, супруга Карла-Леопольда герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, т. VII, 269.

Екатерина Медичи, супруга французскаго короля Генриха II, т. X, 207—211.

Екатерина Павловна, королева Виртембергская, т. VII, 206, 212; т. VIII, 261.

Екатерина, жандармъ новогорьскаго крѣпости, т. IX, 840.

Елагинъ, Николай Вас., писатель и цензоръ, т. VII, 629, 630; т. IX, 261.

Елена Васильевна (Глинская), 2-я супруга великаго князя Василія Ивановича III, праправнучка московскаго государства, т. VII, 262; т. IX, 483.

Елена Павловна (Фредерика-Шарлотта-Марія, принцесса Виртембергская), супруга великаго князя Михаила Павловича, т. VII, 434; т. VIII, 361.

Елизавета, принцесса ангальтъ-цербстская, мать императрицы Екатерины II, т. IX, 422, 424.

Елизавета Алексеевна (Луиза-Марія-Августа, принцесса Баденская), императрица, т. VII, 721.

Елизавета Петровна, императрица. Указъ кабинетъ-курьеру Воронину о П. Ф. Сиверскъ. Т. VII, 243. Указъ о мѣновой торговлѣ въ г. Троицкѣ. Т. IX, 217, 218. Записка о цезольствѣ ев. Т. IX,

218, 219. Указъ о принятіи содержателя итальянской оперы Локателли во дворъ. Т. IX, 662—664. Упомян. т. VII, 270, 283, 498, 500—514; т. VIII, 144—148, 479, 492, 493, 703; т. IX, 164—167, 421—423, 426, 428, 443, 588.

Емстевы:

— Г. З., профессоръ казанской духовной академіи, писатель, т. X, 14, 22, 323, 577, 579, 582, 588.

— Исследователь Сприн, т. X, 677.

Емстайцъ, ученый богословъ, т. VIII, 14, 18.

Енгальчевы, князья:

— Василий, кадомскій помѣщикъ, т. VIII, 695.

— Григорій, помѣщикъ, т. VIII, 693—695.

— Иванъ, шацкій помѣщикъ, т. VIII, 693.

Епифаній (Каневецкій), епископъ воронежскій и черкасскій, т. VII, 94, 100.

Еремичъ, Михаилъ, крестьянинъ чембарскаго уѣзда, т. IX, 446.

Ермакъ Тимофѣевичъ, покоритель Сибири. Официальное празднованіе 300-лѣтія Сибири. Т. X, 725—727. Упомян. т. X, 243, 244, 252, 519.

Ермеловъ, генераль-майоръ, комендантъ варшавской александровской цитадели, т. VII, 365, 366, 383, 389.

Ерсманъ, французскій лейтенантъ, т. IX, 175.

Ершовъ, воспитанникъ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 355.

Есенивъ, Григ. Васил., дѣйстви. стат. совѣтникъ. Сообщилъ замѣтки и матеріалы: „Загадочный арестъ П. О. Сиверса“. Т. VII, 243—245. Письмо князя Д. А. Голицына къ барону Гриму. Т. IX, 219, 220. Къ біографіи княг. Е. Р. Дашковой. Т. IX, 668—675. Документы о пребываніи Новикова въ Шлиссельбургской крѣпости. Т. X, 481—500.

Ефремовъ, П. А., біографъ, т. X, 238.

Ешевскій, С. В., доцентъ казанскаго университета, т. VIII, 448; т. X, 295, 296.

лез-Ешеремъ:

— Александрина, авторъ записокъ: „Судьба одной дворянской семьи во время террора“, т. VII, 170—194.

— Французскій генералъ, командиръ національной гвардіи, т. VII, 173, 177, 186, 192.

Ж.

Жане, парижскій коммунаръ, т. X, 671.

Жанмаръ, полковникъ коммунальныхъ войскъ, т. X, 691, 692.

Жане, коммунаръ, нинѣ секретарь газеты „Journal des Débats“, т. X, 691.

Жанисъ, Стефанія-Фелицита Дюкре де сентъ Обенъ, маркиза Сильери, графиня Брюсларъ, писательница, т. VII, 260.

Желухинъ, Петръ Федор., генерал-лейтенантъ, кievскій военный губернаторъ, вnosлѣд. председатель дивановъ Молдавіи и Валахіи, т. VII, 663, 664; т. VIII, 253.

Желобовъ, Андрей Ив., крестьянинъ с. Николаевки, оодосійскаго у., таурическаго губ., царевубійца, т. IX, 597, 598; т. X, 632.

Жемчужникова, Ольга Иван. См. Щапова.

Жерве, девицъ, т. VII, 127.

Жиробцовъ, смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Жеромъ, французскій живописецъ, т. X, 432, 433.

Жеромъ-Налелеевъ, князь монфортьскій, т. IX, 193.

Живовъ, Иванъ, крестьянинъ с. Покровскаго, чембарскаго уѣзда, бунтовщикъ, т. IX, 445.

Жирарде, Девиерій, содержатель пансіона въ Парижѣ, воспитатель М. Д. Скобелева, т. IX, 396.

Жирарденъ:

— Шарль, коммунаръ, т. X, 45'.

— Эмиль, парижскій журналистъ, т. X, 191.

Жиро, французскій дворянскій докъ, т. VII, 172, 173.

Жиряева, М. П., вдова профессора ветербургскаго университета, т. X, 593.

Житцевскій, П., авторъ „Очерковъ звуковой исторіи малороссійскаго нарѣчія“, т. IX, 231.

Жихаревъ, Степ. Петр., тайный совѣтникъ, сенаторъ и писатель, т. VII, 615, 616.

Жманинъ, Василій. Библиографическая замѣтка о книгѣ его: „Митрополитъ Давидъ и его сочиненія“. Т. VII, 471—474.

Жоаннаръ, коммунаръ, т. X, 679.

Жоржъ, французская актриса, внослѣд. учительница парижской консерваторіи. т. VII, 200, 201.

Жучовскіе:

— Вас. Андреев., поэтъ, т. VII, 122, 615—619; т. VIII, 451; т. IX, 236; т. X, 162—165, 226, 415.

— Генералъ-интендантъ, т. VII, 134, 146.

Журдь, коммунаръ, т. X, 687.

Жучовскій, завѣдывавшій X пансіономъ варшавской александровской цита-

дела, т. VII, 366—371, 378, 880, 888, 885—895; т. VIII, 591.

Мюстесъ, авторъ „Histoire de la commune de Paris“, т. X, 691.

В.

Заблудий-Десятевскій, Андрей Пареев., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, членъ государств. совѣта. Непрологъ. Т. VII, 495. Упомян. т. VII, 128—156.

Забровскій, Идкій, польскій повстанецъ, т. IX, 110, 115.

Завалинскій, Дмитр. Ирнарх., декабристъ, т. IX, 655.

Заведомъ, актеръ, т. X, 114.

Загоскины:

— Мих. Никол., писатель, драматургъ и романистъ, т. X, 144.

— Николай Павл., профессоръ казанскаго университета. Библиографическая замѣтка о соч. его: Материалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа казанскаго двора. Т. IX, 438—440.

Замна, Н. И., директоръ канцеляріи главнаго управ. пуг. сообщ., т. VII, 108, 110, 111.

Зайцевъ, Григорій, т. X, 497, 498.

Запроевскій, гр. Арсеній Андр., генералъ-адъютантъ, московскій генералъ-губернаторъ, т. VII, 130, 136—138, 140, 141, 145, 147—154, 663—665.

Заленская, политическая преступница, т. VII, 385, 386.

Залускій, флигель-адъютантъ, полковникъ русскихъ войскъ, т. IX, 209.

Заминскій, володскій помѣщикъ, т. IX, 269.

Залѣвскій, Б., малороссійскій писатель, т. IX, 229.

Замшевъ, актеръ, т. X, 141.

Замысловскій, Егоръ Егор., дѣйствит. статскій совѣтникъ, магистръ петербургскаго университета, т. X, 726.

Замытнинъ, Гавриил, подъячій, т. VIII, 142.

Зандиарь, московскій книгопродавецъ, т. IX, 458.

Зандъ, Карлъ, студентъ мангеймскаго университета, убійца Августа Коцебу, т. VII, 716.

Заремба, секретарь воинскаго губернскаго правленія, т. IX, 40.

Захарычъ, гардемаринъ, т. VIII, 348.

Зацѣпинъ, Ив. Яков., префектъ духовныхъ училищъ воронежской губ., т. VII, 91, 92.

Збешко-де-Михельсбергъ (Sbeszko de Michelsberg), чешскій папъ, т. IX, 368.

З—въ, Ва. Статскій его: Записки Каролины Бауеръ. Т. VII, 195—224, 426—457. Записки Клода. Т. VIII, 637—659. Закупилная исторія парижской коммуны 1871 г. Т. IX, 617—635; т. X, 187—205, 443—465, 662—698. Библиографическія замѣтки его: Исторія реформаціи Гейссера. Т. VIII, 470, 471. Русскій Литтре; по поводу новаго изданія словаря Дала. Т. X, 410—421. Меттернихъ и европейская реакція—Надлера. Т. X, 710, 711.

Поправка его къ воспоминаніямъ Юрковича. Т. X, 479, 480.

Зебахъ, баронъ, саксонскій посланникъ при французскомъ дворѣ, т. VII, 348.

Земанъ, докторъ, т. VII, 429.

Зейдонъ, Клаусъ, датскій аптекаръ. Извлеченіе изъ его воспоминаній о пребываніи Петра Великаго въ Даніи. Т. X, 219—221.

Зейдлеръ, Фридрихъ, докторъ философіи, пасторъ, т. VII, 484—486; т. IX, 581.

Зейме, Иоганъ-Готфридъ, нѣмецкій писатель и путешественникъ, т. X, 658.

Зеленецкій, К. П., писатель, т. X, 96.

Зеленская, повстанка, т. VIII, 591.

Зеленый, Ив. Ильичъ, капитанъ перваго ранга, редакторъ журнала „Морской Сборникъ“, т. VIII, 320, 321.

Зелькъ, Яковъ, поручикъ невскаго полка, т. VII, 515.

Земперъ, вѣнскій архитекторъ, т. VIII, 298.

Земляничъ, авторъ сборника малороссійской народной поэзіи, т. IX, 229.

Зефировъ, М. М., профессоръ казанской духовной академіи, т. X, 14, 23.

Зибель, директоръ прусскаго тайнаго государственнаго архива, историкъ, т. IX, 408.

Зиберъ, Клара, артистка, т. VII, 436.

Зингеръ, профессоръ нѣмецкой словесности, т. IX, 247, 248.

Зиньковы:

— Екат. Никол. См. кн. Орлова.

— Камергеръ, т. IX, 460.

Зичи-Феррарисъ, гр. Меланія. См. кн. Меттернихъ.

З—нь, Евгенийъ Ив., поручикъ олонскаго пѣхотнаго полка, т. VII, 381, 388, 384, 390, 394; т. VIII, 563, 566, 567, 569, 570, 572—574, 576, 588, 586, 592; т. IX, 91, 122, 326, 327, 336, 558, 563, 566, 572.

Золма, актриса, т. X, 141.

Зонтагъ, Генріетта (графиня Росси), пѣвица, т. VII, 438.

Зорина, актриса, т. X, 141.

Зетемы:

— В. Р., писатель. Ст. его: Одинъ изъ вепоножъ (изъ А. И. Васильчкова). Т. VIII, 891—902.

— Кононъ Никит., контръ-адмиралъ, т. VIII, 140—142.

— Рафаилъ Мих., статскій совѣтникъ, писатель. Записка о немъ. Т. X, 171—174, 479, 480.

Зубаревъ, Ѳбгльнй тобольскій посадскій, потомъ прусскій солдатъ, заговорщикъ, т. VII, 506, 509.

Зубены:

— Ал., граверь, т. VIII, 144.

— Гр. Платонъ Александр., генералъ-адъютантъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, членъ государств. совѣта. Письмо къ нему А. Искри. Т. X, 718, 719. Упомян. т. VII, 167; т. VIII, 258; т. IX, 591, 594.

— Гр. Софья Платон., по первому браку баронесса Пиртъ, по второму Кайсарова, т. VII, 167.

— Ив., граверь, т. VIII, 144.

Зундъ, Оле, датчанинъ, т. X, 221.

И.

Ивановъ, Никол. Дмитр., ректоръ кievскаго университета, т. IX, 441, 442.

Ивановичъ, черногорецъ, т. IX, 415.

Иваномы:

— Парфеній, дьякъ, т. VIII, 693.

— Пляцъ-майоръ новогорьскій крѣпости, т. VIII, 561, 569, 571, 572, 581—583; т. IX, 91, 113, 121, 327—331, 558, 568.

— Составитель книгъ для народнаго чтенія изъ военнаго бита, т. IX, 647, 648.

Иванъ Алексеевичъ, царь московскій, т. VIII, 692.

Иванъ III Антоновичъ, императоръ, т. VII, 504, 505, 507—509, 526; т. VIII, 479.

Иванъ III Васильевичъ, великій князь московскій, т. VII, 723; т. VIII, 464; т. X, 214.

Иванъ IV Васильевичъ Грозный, царь московскій, т. VII, 723, 725; т. X, 218, 723.

Ивановъ, И. Библиографическая записка о его сочиненіи: Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи. Т. VII, 229—231.

Игнатьевъ, Пав. Никол., флигель-адъютантъ, петербургскій военный губернаторъ, т. VII, 114.

Идесъ, шведъ, русскій посолъ въ Китай, т. VIII, 673.

Измайловъ, Мих., главнокомандующій въ Москвѣ. Донесенія его императору Павлу I. Т. IX, 678, 674.

Измосковъ, пляцъ-майоръ новогорьскій крѣпости, т. VII, 595; т. VIII, 567, 562, 568—571, 580—583; т. IX, 90, 94, 96, 106, 108, 110, 112, 113, 121, 326, 380, 563—565, 568, 571, 573.

Измосковскій, учитель ариѳметики военно-спиритскаго корпуса, т. VIII, 122.

Имричъ изъ Мнхова, чешскій паномъ, т. IX, 363.

Илюдеръ (Чистяковъ), епископъ курскій, т. IX, 222.

Илюкъ, Вильгельмъ, квакерскій проповѣдникъ, т. VIII, 17.

Илюваискій, Дмитр. Ив., профессоръ, историкъ. Записка по поводу его фельетона: Нѣчто объ историческихъ руководствахъ. Т. VIII, 417—420.

Ильминскіе:

— К. И., профессоръ казанской духовной академіи, т. X, 14.

— Никол. Ив., студентъ казанской духовной академіи, т. X, 13, 14.

Ильченко, Д. Сообщ. Граноту патриарха Никона. Т. VIII, 692, 693.

Индричъ изъ Михалицъ, чешскій панъ. Младой-Болеслави, т. IX, 368.

Ино, ученый, т. X, 702—704.

Иноземціи:

— (Иванъ Борисовъ), ректоръ кievской дух. академіи, внослѣдствіи архіепископъ херсонскій и тавричскій, краєснорѣчный вѣстн., т. VII, 388, 340; т. IX, 234, 285; т. X, 99.

— (Иванъ), инспекторъ воронежскаго духовнаго училища, внослѣд. архимандритъ и настоятель черногорскаго и скатернолюбязкаго монастыря, т. VII, 94, 97—99.

Иностранцевъ, Александръ Александр., дѣйствиѣ. статскій совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета. Библиографическая записка о соч. его: Доисторическій человекъ каменнаго вѣка на берегу Ладожскаго озера. Т. IX, 658—661.

Иринархъ, іеромонахъ, т. VIII, 491.

Исидоръ (Юзановичъ) сербскій монахъ, т. VIII, 210.

Исра:

— Андрей. Письмо его къ гр. П. А. Зубову. Т. X, 718, 719.

— Майоръ, т. X, 719.

— Пользовникъ, открывшій извѣстную Мазепи, т. X, 718.

Исмаиловъ, Ф. И., секретарь синода. Записка по поводу его воспоминаній. Т. X, 378—409.

Истева, русскій посолъ при дворѣ императора Максимилиана I, т. VII, 724.

Иф—ль. Ст. его: Современная исторіографія: Эпоха паденія Пруссіи. Т. VII,

458—469, 705—717. Даниа. Т. VIII, 482—445, 660—669; т. IX, 207—211. Польскія возстанія съ 1880 года—Э. Кюрра. Т. IX, 411—413. Передъ Варшавскаго вечера ночью—Г. Ваумгартена. Т. X, 206—211. Исторія тридцатилѣтней войны—Гиндери. Т. X, 211, 212. Господственный министр фонъ-Цедангъ и положеніе высшихъ учебныхъ заведеній во времена Фридриха Великаго—Ротвиша. Т. X, 694—696. Jus primaе poestis—Шнидта. Т. X, 696, 697. Исторія англійской революціи—Штерна. Т. X, 697, 698. Опытъ древнѣйшей исторіи учрежденій—Денжина Россиа. Т. X, 698—701.

И.

Иована д'Амбра, правительница Беарна, ренессансная каллиграфка, т. X, 210, 211.

Иованнесъ, епископъ армянскій, т. VIII, 85.

Иванниинъ:

— (Ив. Мамени. Руднева), инспекторъ, впоследствии ректоръ кievской духовной академіи, а потомъ архіепископъ нижегородскій, нинѣ митрополитъ московскій, т. VII, 386; т. X, 99.

— Игуменъ, участвовавшій въ приѣмѣ отъ унiateвъ печаяевской лавры, т. X, 289, 284.

Ивантъ:

— (Непокувъ-Марія-Иосифъ), король саксонскій, т. IX, 13.

— Чешскій король, т. VII, 163.

Ивановичъ, сербскій монахъ. См. Исхоръ.

Иванъ, Павелъ, (Джовио Паоло), епископъ нечерскій, историкъ, т. VII, 723.

Иванъ, московскій митрополитъ, т. VIII, 868.

Исифовъ, Михаилъ, священникъ села Валдая, т. VIII, 483.

Исифъ:

— II, австрійскій императоръ, т. IX, 878.

— 5-й патриархъ московскій и вселя Россіи, т. VIII, 865.

— (Волоцкій), архіепископъ московскій, т. VII, 471; т. IX, 481, 483, 484.

— (Нелбоничъ-Тузалскій), митрополитъ кievскій, т. VIII, 887.

Ис.

Исавель:

— Альбертъ Катериничъ, архитекторъ, т. X, 165.

— Катерина, авторъ оверя Изабль Сушантъ, т. X, 162, 163, 165.

Изабль, гр. Камилъ де-Венсо, италянскій министръ земледѣлія, впоследствии финансовъ и иностран. дѣлъ и президентъ министровъ, т. VIII, 665, 666, 668; т. IX, 687.

Изаверинъ, действит. статскій совѣтникъ, московскій оберъ-полицеймейстеръ, т. VIII, 285.

Изаура, волнинскій губернский казначей. Отзывъ о немъ писателя Асочанскаго. Т. IX, 45.

Изадоръ, батальонный командиръ французской національной гвандри, т. X, 667.

Изаанскій, аудиторъ, преподаватель павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 354.

Изаель фонъ-Нордманъ, лейпцигскій профессоръ, т. IX, 429.

Изаисаровы:

— Александръ, т. IX, 448, 444.

— II. С., сенаторъ, т. VII, 167.

— Софья Петр., по первому браку баронесса Пиртъ, рожденная гр. Зубова, т. VII, 167, 168.

Изаузовъ, Вас. Ив., студентъ казанской духовной академіи, т. X, 5, 30, 34, 43.

Изаимитъ, Гаврило, тверской мѣщанинъ. Забѣта о немъ: Пророкъ сыана. Т. VIII, 499—501.

Изаимоскій, Григ., авторъ „Описанія свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ“, т. IX, 229.

Изауманинъ, прапорщикъ, помощникъ смотрителя политическаго отдѣленія новогеоргиевской крѣпости, т. VIII, 579—581, 586; т. IX, 554, 557, 558, 562—566.

Изаумбергъ, драматургъ, т. VII, 456.

Изаумель, Левъ, т. X, 824.

Изаменские:

— Докторъ немайлевскаго полка, т. VII, 157, 158.

— Петръ, кирсановскій дачникъ, т. VII, 784.

Изаменскій, Дмитр. Из., действит. статскій совѣтникъ, членъ совѣта главнаго управления по дѣламъ печати, т. VIII, 384.

Изаменщичевъ, казакъ псецкой провинціи, распространитель ложныхъ слуховъ, т. VII, 528, 529.

Изаменгаузенъ, баронъ, государственнй контролеръ, т. VIII, 244.

Изамаровъ, жандармъ новогеоргиевской крѣпости, т. IX, 92, 95, 97, 100, 110, 111, 124—127, 325—329, 341—344, 351, 354, 562—564.

Изамауровъ, экономъ военно-сиретскаго корпуса, т. VIII, 123, 124.

Изаменскій, епископъ воронежскій. См. Епифаній.

Наполеон, князь. См. Луидьянъ Бонапартъ.
Канкринъ, гр. Егоръ Францовъ, гене-
ралъ-интендантъ, а потомъ министръ фи-
насовъ, т. VII, 667, 668, 720; т. VIII,
244, 267, 268, 388; т. X, 178.

Кантомери, князь:

— Граверъ, т. VIII, 148.

— Дмитрій, молдавскій господарь,
впоследствии свѣтлѣйшій князь россий-
скій, тайный совѣтникъ и сенаторъ,
т. VII, 9; т. VIII, 479.

Канторъ, Ягъ, пражскій мѣщанинъ,
переводчикъ чешскаго Канціонала, т. IX,
378.

Канцле, Терезита, рожденная Гари-
балди, дочь освободителя Италіи, т. IX,
894.

Кангоръ, петербургскій банкиръ, т. VII,
645—647.

Каннигъ, Василій Васил., русскій пи-
сатель, т. IX, 581.

Канедистры, гр. Ив. Ант., русскій ми-
нистръ иностранныхъ дѣлъ, а потомъ
президентъ Греціи, т. VII, 217.

Канемельманъ, Викторъ, белгидецъ, ре-
дакторъ газетъ „Nord“, а потомъ „Jour-
nal de St.-Petersbourg“, т. VII, 648;
т. VIII, 826—829.

Канюни, Джино, маркизъ, министръ-
президентъ, а потомъ президентъ госуда-
рскаго государственнаго совѣта. Замятка
объ изданной біографіи его. Т. IX,
686—688.

Канустинъ, архимандритъ. См. Антоній.

Канцевичъ, генералъ, т. X, 374.

Кара, учитель французскаго языка
военно-спиротскаго корпуса, т. VIII, 122.

Караваль:

— Гослопа, т. VII, 708.

— Людовикъ, полковникъ, придворный
живописецъ. Статья о немъ. Т. VIII,
138—148. Дополнительная о немъ свѣ-
дѣнія. Т. VIII, 479, 480, 708, 704.

Карамзинъ, Никол. Мих., историографъ,
т. VII, 614; т. VIII, 243, 265, 448, 449,
468, 678; т. IX, 482, 480; т. X, 470,
492.

Каратыгинъ:

— Александра Мих., рожденная Ко-
лосова, русская актриса, т. VII, 435.

— Василій Андреевъ, актеръ-трагикъ,
т. VII, 359, 435.

Карашевичъ, секретарь греко-уніатской
консисторіи, т. X, 238.

Карбури-Кефалонскіе, графини (де-Ла-
скар):

— Марія, полковникъ, полиціймей-
стеръ шляхетскаго кадетскаго корпуса,
т. IX, 178—184.

— Елена, рожденная Хрисокулева,
жена предъидущаго, т. IX, 183, 184.

Карлейл, Томасъ, англійскій писатель.
Извѣстіе объ открытіи памятника. Т. X,
727.

Карль:

— IX, французскій король, т. IX, 208,
210, 211.

— X (Филиппъ, гр. д'Артуа), король
французскій, т. VII, 208.

— XI, шведскій король, т. VII, 657,
658.

— XII, шведскій король, т. IX, 679.

— Принцъ Гессенъ-Кассельскій, т. X,
482, 488, 486.

— Эрцгерцогъ австрійскій, герцогъ
темпельскій, знаменитый полководецъ, впо-
следствіи губернаторъ Майнца, т. VII,
444.

Карль-Леопольдъ, герцогъ мекленбургъ-
шверинскій, т. VII, 270.

Карль-Карнеръ, гр. Иоганъ Гейрихъ-
Канциръ, министръ юстиціи, а потомъ
великій канцлеръ Пруссіи, т. VII, 468.

Карловичи:

— Евг. Петр., литераторъ. Ст. его:
Кн. А. Н. Голицынъ и его время. Т. VIII,
5—39, 241—269. Сообщ. замѣтку: Участъ
мундира маршала Даву въ Россіи. Т. VII,
261.

— Никол. Петр., поручикъ лейбъ-гв.
финляндскаго полка, т. VII, 251.

— Петръ Петр., ротмистръ, т. VII, 251.

— Поручикъ, т. X, 497, 498.

Карелина - Амалія - Емсавета, супруга
принца Уэльскаго, впоследствии короля
Великобританіи Георга IV, т. VII,
207—211, 214, 215.

Карелина-Матильда (принцесса валлій-
ская), супруга короля датскаго Христиана
VII, т. VIII, 436—438, 448.

Карелина-Фердинандина-Луиза, принцесса
неаполитанская, герцогиня Беррійская,
т. VII, 202—204.

Карочинскій, Василій, мяконскій мѣ-
щанинъ, кубанской области, т. VII,
697—699, 702, 708.

Кароцине:

— Марья Андреевъ., т. IX, 37, 38.

— Пав. Ив., совѣтникъ воинскаго гу-
бернскаго правленія, т. IX, 32—39, 48.

Каршловичъ, Парфирій Ив., председа-
тель волынскій уголовной палаты. От-
зывъ о немъ писателя Асоченскаго.
Т. IX, 42, 43.

де-Массаминъ, Адольфъ. См. Гранье.

Кастгоферъ, Розета, швейцарка, т. VII,
428.

Кастеллицо, итальянскій писатель (Ри-
вальтъ), т. IX, 382.

Касторскій, петербургскій цензоръ, т. X,
480.

Касомовъ, Яв. Дмитр., смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Катковъ, Мих. Никиф., дѣйствительн. статскій совѣтникъ, редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, т. VIII, 698; т. X, 327.

Наумъ-Барсы, дворяне, т. X, 728.

фонъ-Наумманъ, Коност. Петр., генералъ-адъютантъ, инженеръ-генералъ, виленскій, а потомъ туркестанскій генералъ-губернаторъ. Некрологъ его. Т. VIII, 700—702. Письма къ нему М. Д. Скобелева. Т. X, 110—180. Упомн. т. X, 434.

Наховскій, Петръ Андреа., отставной гвардія поручикъ, декабристъ, т. VIII, 265.

Началовъ, Никита, убійца царевича Дмитрія Ивановича Святаго, т. VIII, 708.

Начаевскій, В. В., профессоръ, т. VIII, 209.

Начаевскій, Мих. Трофимов., профессоръ, т. VII, 615.

Нахтъ, Оскаръ, волыскій губернский прокуроръ, т. IX, 89.

Нейлъ, англійскій торговый домъ въ Петербургѣ, т. VII, 111, 112.

Неймаръ, швейцарецъ, т. VIII, 14, 28.

Немеловъ, В. И., писатель. Коллекція его для историческаго музея. Т. VII, 736.

Немцовъ, покушавшійся на жизнь Наполеона III, т. VIII, 640.

Нембрэдскій герцога, французскій адмиралъ, т. VIII, 664.

Немигъ-Толертъ, Александръ, инженеръ, послѣдствіемъ режиссеръ нѣмецкаго театра въ Петербургѣ, т. VII, 437, 438.

Нембодъ, инженеръ-генералъ, строитель Николаевскаго моста въ Петербургѣ. Записка по поводу постройки этого моста. Т. X, 171—174.

Нерри, англійскій полковникъ, писатель, т. X, 275, 276, 279—298.

Несслеръ, Карлъ Федор., тайный совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета, т. IX, 658, 660.

Несторъ, К., бібліотекаръ румянцевскаго музея, т. IX, 221.

Нибальчикъ, Т. В., членъ археологическаго института. Сообщилъ инструкцію жандармскому полковнику Вибякову. Т. VII, 489, 490.

Нинъ, петербургскій купецъ, т. VIII, 146.

Нинъ, Эдгаръ, французскій писатель, профессоръ лондонскаго университета. Записка объ изданной біографіи его. Т. IX, 638—641.

Ниррлинъ, святой, митрополитъ всероссійскій. Библиографическая записка о сочиненіи Мансветова: Митрополитъ Ки-

риль въ литургической дѣятельности. Т. X, 711—718.

Ниррлинъ, итальянецъ, секретарь предводителя войскъ парижской коммуны Флуранса, т. X, 196.

Нирриччиновъ, А. И. профес. Статья его: Московскія Вѣдомости въ 1789 г. и начало французской революціи. Т. IX, 449—470.

Фонъ-Нирриштойтъ, Кристіанъ, т. VII, 167.

Нирьяковичъ, служитель казанской духовной академіи, т. X, 15.

Ниртены:

— Д. Библиографическая записка о переводѣ его: „Цезари“ — гр. Ф. Шампань. Т. IX, 434—438.

— Поручикъ корпуса жандармовъ, участвовавшій въ приемѣ отъ убитого почтаевскій лауреа, т. X, 238.

Нисловскіе:

— Архимандритъ при китайскомъ посольствѣ, т. VII, 97.

— Елизавета Алексѣевна, т. VIII, 287.

Нисловъ, гр. Павелъ Дмитр., генералъ-адъютантъ, министръ государств. имущества. Статья о немъ: Государственный человекъ минувшихъ трехъ царствованій. Т. VII, 128—155, 661—682.

Нлардонъ, гр. Георгъ-Вильгельмъ-Фредерикъ, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. VIII, 661, 667, 668.

Нлейншкель, гр. Петръ Андреа., генералъ-адъютантъ, главноуправляющій путями сообщенія. Воспоминанія о немъ П. С. Усова. Т. VII, 107—112. Упомн. т. X, 172—174, 480.

Нлеаля, дочь Гарibaldi отъ гражданской жены Франческа, т. IX, 884, 891—894.

Нлеманъ, Викторъ, комузари, т. X, 687.

Нлементьевскій, митрополитъ. См. Нлеаноръ.

Нлеръ, іезуитъ, т. X, 679.

Нлнчичовичъ, Ксенофонтъ, переводчикъ сочиненій Е. П. Гребенки, т. IX, 268.

Нлннгенбергъ, Карлъ Федоров., генералъ-лейтенантъ, директоръ наалоскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 344, 346, 351, 352, 356, 357, 359—361.

Нлнгеръ, Фридрихъ-Максимиліанъ, русскій генералъ и нѣмецкій поэтъ, т. VII, 428.

Нлель, начальникъ парижской сисейной полиціи. Записки его. Т. VIII, 637—659; т. IX, 185—206.

Нллезере, генералъ, главнокомандующій войсками парижской коммуны, т. X, 197—199, 458, 468.

Нлечаровъ, Алексій Карл., председа-

тель воинской казенной палаты. Отвѣтъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 40.

Ниоръ, Эмилъ. Библиографическая записка о сочин. его: Польскія восстанія съ 1830 г. въ ихъ связи съ общеевропейскими стремленіями къ разрушенію существующаго порядка. Т. IX, 411—413.

Никитинъ, студентъ казанскаго университета, т. X, 587.

Никшевичъ, Александръ Максимовъ, министръ финансовъ, т. VII, 346.

Нобено, Д. Ф. авторъ соч. „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“, т. IX, 682.

Нобыла, Андрей Ив., бояринъ, предокъ Шереметевыхъ, т. X, 216.

Новалевскіе:

— Евгр. Петр., министръ народнаго просвѣщенія, т. VII, 845, 846.

— Никол. Спирид., писатель, т. X, 96, 102.

— Художникъ, т. X, 489.

Новалевскій, инженеръ, политическій преступникъ, т. VII, 376.

Новарько, Ив. Асаян., авторъ патристическаго стихотворенія, т. VII, 860.

Н—овъ, Д. Библиографическая записка: Родъ Шереметевыхъ—А. П. Варукова. Т. X, 216—218.

Новосининовъ, офицеръ възмаловскаго полка, чиновникъ придворной конторы, т. VII, 161.

Новозовъ, генералъ-майоръ, командиръ възмаловскаго полка, т. VII, 159.

Новоделовъ, Осипъ, Петр., сенаторъ, дѣйствит. тайный совѣтникъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, членъ государственнаго совѣта, писатель, т. X, 469—471.

Князь-дворянинъ, гарьбадѣецъ, т. IX, 389.

Новоселовскій, вѣроисовскій благочинный и протоіерей. Ссора его съ дьячкомъ Топицкинымъ. Т. VII, 788, 784.

Новицкіи, гр. Гаспаръ Шатилонскій, французскій адмиралъ, ревностный защитникъ кальвинизма, т. X, 207, 210, 211.

Новле, ученица французскаго скульптора Фальконета, т. VIII, 490; т. IX, 170, 177.

Новогризова, Александра Александр., рожденная Хитрово, по первому браку кн. Голицына, т. VIII, 6.

Новокозминины:

— Мива, живописецъ, ученикъ Караваки, т. VIII, 479.

— Студентъ, т. X, 484.

Новосова, Александра Мих. Сн. Карагигина.

Новичевъ-Умнаго, Федоръ Ив., бояринъ, т. VII, 724.

Новицковъ, Алексій Васильевъ, поэтъ, т. VII, 848, 844.

Нолчугинъ, московская книгопродавческая фирма, т. IX, 487.

Нолеманнъ, шлюссельбургскій комендантъ, т. X, 496—499.

Номинскій, Язъ Амось, епископъ чешской братской общины, реформаторъ еврейской педагогикъ, т. IX, 14, 877.

Нонмартевъ, французскій адвокатъ, т. VII, 447.

Нондорсе, Маріа-Жанъ-Антоанъ-Никола-Карита, маркизъ, французскій ученый, т. VII, 260.

Фонъ-Нонрингъ, подполковникъ прусской службы, уполномоченный конвентнальной телеграфной компаніи, т. VII, 645, 646—648.

Нонстантинова, Василиса, воядуха, т. VIII, 695.

Нонстантинь Николовичъ, великій князь. Къ путешествію его въ 1857 году. Т. VIII, 819, 820. Уломиа. т. VII, 374, 375; т. VIII, 587; т. IX, 99.

Нонстантинь Павловичъ, великій князь цесаревичъ, т. VII, 429, 430; т. VIII, 7, 19, 116, 122, 241, 264; т. IX, 209, 656.

Нонти, принцъ, т. VIII, 708.

Нонъшиль, Антоній, іезуитъ, гонимый чешской братской литературой, т. IX, 378.

Нонимовъ, управляющій уральскими заводами, т. X, 264.

Нонъшинъ, тѣт. совѣт., т. X, 720.

Нореноскій, В., романистъ, т. IX, 230.

Норинъ, запорожецъ, т. IX, 513, 516, 527.

Норинскій, французскій генералъ, т. IX, 198.

Норобинъ, артиллерій поручикъ, возловскій депутатъ, т. VIII, 216, 217.

Норомовы:

— Григорій, копіистъ рензавонъ-конторы. Записка о немъ: Галлоцидентъ. Т. VIII, 495—497.

— Мих. Семен., царскій историкъ, т. VIII, 497.

Норсановы:

— А. Сообщ. поправку о генералѣ Бруннеръ. Т. IX, 448.

— Авторъ сочиненія: Водареніе императрицы Анны Ивановны, т. VII, 272. Т. X, 5.

— М. С., генералъ-губернаторъ восточной Сибири, т. X, 176.

Норсинъ, супругъ архитектора, т. VIII, 842.

Норфъ, бароны:

— Іоганъ Альбрехтъ, русскій посланникъ въ Столгольмъ, вѣдѣль примадентъ-россійскій академіи наукъ, т. VIII, 479.

— Модестъ Андреевъ, членъ государ-

отвѣннаго совѣта, статсъ-секретаря, предсѣдатель негласнаго комитета для высшаго надзора за печатью, казны. „адриальскій“, т. VIII, 340.

Несидеръ, префектъ парижской полиціи, т. IX, 187.

Нестомаровъ, Никол. Ив., действит. статскій совѣтникъ, историкъ, членъ археографической комисіи. Библиографическая замѣтка его: Сборникъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Т. VIII, 446, 447. Упомин. т. X, 97, 329, 577.

Нестренинъ, капитанъ, т. IX, 217.

Нотариусы:

— А. А., профессоръ, т. IX, 379; т. X, 587.

— Ив. Петр., малороссійскій писатель, т. IX, 246.

— К., писатель, т. IX, 280.

Ноховскій, смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Нохъ, капитанъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, свидѣтель себѣтія 1 марта 1881 г., т. IX, 600.

Ноцебу, Августъ-Фридрихъ-Фердинандъ, вѣнскій писатель, т. VII, 486, 716; т. VIII, 21; т. IX, 581.

Ночновскій, смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Ночубинскій, Александръ Александров., профессоръ новороссійскаго университета. Ст. его: „Въ краѣ былыхъ еретиковъ, — въ старихъ воспоминаній о с.-восточной Чехіи. Т. IX, 5—29, 355—379.

Нешомель, А. И., т. X, 417.

Нешера, французъ, приверженецъ Тьера, т. X, 376.

Нравцовъ, авторъ статьи: „Наказаніе атаману бывшаго кавказскаго линейнаго войска“, т. VII, 477.

Нраевскій, Андрей Александр., издатель-редакторъ газеты „Голосъ“ и издатель журнала „Отечественныя Записки“, т. VII, 107, 119, 625, 649, 651; т. VIII, 386, 354; т. X; 323, 576, 582.

Нрашки:

— Адамъ, Карлъ и Фундратъ, чешскіе павы изъ Крайку в Младой-Болеслави, т. IX, 373.

— Чешскіе владѣтельные павы, т. IX, 369.

Нрагюргъ, шведскій генералъ, т. IX, 679.

Нрапухинъ, Никол. Федор., чиновникъ телеграфнаго департамента, т. VII, 650, 651.

Нрауи, американецъ, владѣлецъ угольныхъ копей на о. Сахалинѣ, т. X, 177.

Нрафстремъ, генералъ-лейтенантъ, т. X, 728.

Крейтцеръ, поручикъ, путешественникъ, т. X, 727, 728.

Крейцманъ, докторъ, вѣтовскій поэтъ. Некрологъ его. Т. X, 227.

Кремневъ, Гаврила, бѣглый солдатъ, лже-Петръ III, т. VII, 529.

Кремье, Гастонъ, французъ, т. X, 201.

Кренио:

— Александръ Д., т. VIII, 111—115, 124.

— Анна Никол., рожденная Лавгина, т. VIII, 110, 111.

— В. Д., генералъ-лейтенантъ. Стривокъ изъ воспоминаній его: „Кадетскій бытъ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ“. Т. VIII, 110—126, 344—368. Изъ исторіи войны 1858—1856 г. Т. X, 148—155.

— Д., одесскій городовою врачъ, т. VIII, 110, 111.

— Дмитръ Д., т. VIII, 111—112.

Крестовскій, Всеволо. В., писатель. Ст. его: „Наша будущая война“; военно-политическія письма. Т. VIII, 155—167.

Кречетовъ, арестантъ шлоссельбургской крѣпости, т. X, 498.

Кривановскій, корреспондентъ „Болотола“ и революционеръ, т. VII, 375, 378.

Кривиничъ, сербъ, католическій священникъ, т. VIII, 386.

Кривъ, священникъ ларокетовой тюрьмы, т. X, 201.

Кронебергъ, Андрей Ив., т. X, 96.

Крофтъ, Ричардъ, докторъ, т. VII, 244.

Крузейль, французскій министръ, т. IX, 194.

Крулиновичъ, Янъ, польскій повстанецъ, т. IX, 557.

Крусь, содержатель типографіи въ Петербургѣ, т. VIII, 245.

Крушинскіе:

— Докторъ новогоргиевской крѣпости, т. IX, 338.

— Каменецъ-подольскій чиновникъ, т. IX, 279, 282, 285, 286, 288.

Крыломы:

— Александръ Лук., цевкоръ, т. VII, 681; т. VIII, 341.

— Ив. Андреевъ, баснописецъ. Пенаписанная басня его. Т. X, 156, 157. Упомин. т. VII, 615.

Крыгоръ:

— Берлинскій живописецъ, т. VII, 481.

— Вильгельмъ, трагическій актеръ, т. VII, 434.

фонъ-Креденеръ, Юліана, баронесса, рожденная фонъ-Фитингофъ, истиникъ, т. VIII, 12—24, 257.

Крюковъ, Федоръ, коллежскій ассесоръ, т. X, 498, 499.

Кудашевъ, князь, т. IX, 218.

Мудрищевъ, Матей, діаконъ. Библиографическая записка о сочиненіи его: „Исторія православнаго монашества монашества въ сѣверо-восточной Россіи со времени Сергія Радонежскаго“. Т. VII, 288.

Музеневъ, П. М., казачерный офицеръ, т. VIII, 510.

Музымовичъ, сербскій іеромонахъ. См. Еялогій.

Музычь, Александръ, романистъ, т. IX, 280.

Музыцковы:

— А. С., студентъ казанской духовной академіи, т. X, 89.

— Исследователь обичаевъ черемисъ, т. IX, 677.

— Унтершнейстеръ, т. X, 497; 498.

Мукаловичъ, Несторъ Вас., писатель и журналистъ, т. X, 164.

Мулюевскій, П. Биографическая записка: „П. П. Нѣгомъ, послѣдній владѣлецъ черногорскій“—В. Медковича. Т. IX, 418—419.

Мулюминскій. Записка о найденномъ имъ собственноручномъ дневникѣ Дмитрія Ростовскаго. Т. IX, 447.

Мулюмова, Прасковья Ивановна, по второму браку Самкина. См. Орлова.

Мулювъ, Пантелеймонъ Александръ, писатель, т. IX, 238—242, 246, 247; т. X, 94—96.

Мулюманъ, воспитанникъ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 860.

Мулюшчій, базиларъ польскаго языка, потомъ монахъ, т. VII, 318, 319.

Мулюшчій, А. К., адъютантъ кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова, т. VII, 551—558; т. VIII, 88.

Мулюшчій, мунгалскій князь (Алтинъ-царь), т. VIII, 673.

Мулювъ, Джемсъ-Фениморъ, американскій романистъ, т. VIII, 478.

Мулювы, князья:

— Александръ Борисовъ, оберъ-штаб-мейстеръ, т. IX, 420.

— Алексій Борисовъ, дѣйствит. тайный совѣтникъ, сенаторъ, членъ государственнаго совѣта и кавалеръ россійскихъ орденовъ, т. VIII, 831.

Мулювъ, французскій живописецъ, т. X, 444, 456, 460, 687.

Мулюбскій, кн. Андрей Мих., русскій воевода, эмигрантъ, т. VII, 725.

Мулюевскій, В. Н., преподаватель кіевской духовной академіи, т. VII, 988.

Мулюе, коммунаръ, т. X, 456.

Мулюнатинъ, капитанъ туркестанскихъ войскъ, т. X, 124.

Мулючины:

— Вас. Степанъ, писатель, редакторъ-

издатель журнала „Искра“. Вывозъ на дуэль А. Ф. Писемскаго. Т. VIII, 321, 322. Упомин. т. X, 7, 323, 577, 579, 588, 590.

— Никол. Степанъ, поэтъ и критикъ, т. X, 579.

Мулюдовъ, надзиратель гласовъ, т. VIII, 626, 627.

Мулюверъ, Франсуа, владѣлецъ французскаго книжнаго магазина въ Москвѣ, т. IX, 459.

Мулюсовъ, крещенный турченокъ, т. IX, 598.

Мулюзовъ, главный директоръ кадетскихъ корпусовъ, впоследствии петербургскій военный генералъ-губернаторъ, т. VIII, 116, 122, 344.

Мулюхскій, ксендъ, польскій повстанецъ, т. IX, 99.

Мулюборскій, Теофиль, польскій повстанецъ, т. IX, 338, 558, 559.

Мулюевскій, польскій повстанецъ, т. IX, 116.

Мулюмовичъ, учитель павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 852.

Мулюмовъ, т. IX, 594.

Мулювъ, Е. Библиографическая записка его: „Historisches Taschenbuch“. Т. IX, 419—429.

Л.

Лабзинъ, Алекс. Федоровъ, вице-президентъ академіи наукъ, т. VII, 720.

Лавалеттъ, Шарль-Жанъ-Мари-Феликсъ, маркизъ, французскій дипломатъ, т. VII, 677.

де-Лавеле, Эмиль, авторъ соч. Современный социализмъ, т. IX, 606—616.

Лаверръ, Леонъ, т. X, 666.

Лави, французскій комиссаръ, т. VIII, 221, 222.

Лавровы:

— К. В., чиновникъ казанской контрольной палаты, т. X, 616.

— П. Л., эмигрантъ, т. X, 682.

— Свѣдѣникъ, законоучитель военно-сиротскаго корпуса, впоследствии павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 123, 351, 362.

де-Лагаръ, Фредерикъ-Сезаръ (Петръ Ив.), воспитатель императора Александра I, т. VIII, 242; т. IX, 592.

Лагиттъ, французскій депутатъ, т. IX, 194.

Лаграмитъ, Шарль, начальникъ нарижской тайной полиціи, т. IX, 187.

Ладири, французскій генералъ, т. X, 445.

Ламарейонъ, министр иностранныхъ дѣлъ французской республики, т. VIII, 689.

Ламартигъ, Альфонсъ, французскій поэтъ и государственный человѣкъ, т. IX, 187.

Ламбимы, библиографы, т. VIII, 675, 680.

Ланговичъ, полякъ, революционеръ, т. VII, 455; т. IX, 95.

Ланглюа:

— Граверъ, т. VIII, 140.

— Членъ французскаго національнаго собранія, т. X, 460.

Ланги, Жанъ, герцогъ де-Монтебелло, французскій маршалъ, т. VIII, 9.

Лансиэ, графиня:

— В. С., министр внутреннихъ дѣлъ, т. VIII, 242; т. X, 720.

— Серг. Степан., сенаторъ, членъ государственнаго совѣта и министр внутреннихъ дѣлъ, т. VII, 112—115.

Ланригъ, французскій полковникъ, т. X, 452.

Ларионовы:

— Е. В. Ст. его: По поводу одного острова,—гаданія о будущемъ. Т. IX, 129—163.

— Жандармъ въ новогеоргиевской крѣпости, т. IX, 120.

Ларошфуко-Додевилль, герцогъ, т. VII, 204.

Ларси, французскій министр публичныхъ работъ, т. X, 664.

Ларъ, убійца генерала Бреа, т. IX, 187.

Ласенеръ, Жоржъ, убійца вдовы Ша-Карлсбадъ, т. IX, 401.

Ла-Сесилль, генералъ парижской коммуны, т. X, 668.

де-Ласнари, графиня. См. Карбури-Кефалонскіе.

Лассалъ, Фердинандъ, вристъ, политическій писатель, т. IX, 607; т. X, 714.

Ласунскій, камергеръ, т. VII, 527.

Латасъ, Михаилъ, ренегатъ. См. Омерж-Паша.

Латынины:

— Анна Никол., См. Кренке.

— Илья Никол., т. VIII, 111, 115, 125

— Никол. Никол., т. VIII, 111.

Лауренсъ, Томасъ, живописецъ, т. VII, 209.

де-Лафайетъ, Мари-Жанъ-Поль-Рокъ-Ивъ-Жильберъ, маркизъ, защитникъ американской независимости, начальникъ французской національной гвардіи, т. IX, 468, 469, 681.

Лафаржъ, Марія, жена французскаго фабриканта, т. IX, 186.

Лафатеръ, Юганъ-Каспаръ, цюрихскій священникъ. Письма его къ императрицѣ Маріи Фёдоровнѣ. Т. VII, 487.

Лаферрьеръ, библиотечаръ великаго князя Палла Петровича, т. VIII, 129, 138.

Лаферте, Викторъ, авторъ статьи о жизни императора Александра II, т. IX, 596—605.

Л—въ, Н. Библиографическая замѣтка его: Римскія вакханаліи и преслѣдованіе ихъ въ VI вѣкѣ отъ основанія Рима. Т. X, 702—704.

Лебедени:

— Ал. Ал., протоіерей русской церкви въ чешской Прагѣ, т. IX, 363.

— Алексій Петр., профессоръ воронежской духовной семинаріи, т. VII, 101, 102.

— Д., т. IX, 221.

— Дм. П. Библиографическая замѣтка: Цезарь, соч. гр. Ф. Шампаньи. Т. IX, 484—488.

— Мих. Гринг., премьеръ-маіоръ, главный правитель смоленскихъ дворцовыхъ волостей. Замѣтка о раздачѣ смоленскими чиновникамъ пасхальныхъ подарковъ. Т. VIII, 695—697.

— Н. Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: Маларій, митрополитъ всероссійскій. Т. VII, 724—726.

— Петръ Семенов., полковникъ, редакторъ „Русскаго Иивалида“, вносльдъ генералъ-маіоръ. Промѣненіе его въ главное цензурное управление. Т. VIII, 833—837. Упомян. т. VII, 348, 627.

— Протоіерей русской церкви въ — Сергій Мих., смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Левальтъ, французскій актеръ, т. VII, 430.

фонъ-Левеншольдъ, гр. Карлъ-Густавъ, генералъ-поручикъ, генералъ-адъютантъ, оберъ-штабмейстеръ, т. VII, 281.

Леворье, Урбенъ-Жанъ-Жозефъ, астрономъ, директоръ парижской обсерваторіи, вносльдъ членъ законодательнаго собранія и сенаторъ, т. IX, 195.

Левинскій, польскій повстанецъ, т. IX, 94.

Левинскій-Леонтьевъ, генералъ-маіоръ, т. VII, 381, 382, 385.

Левонскій, польскій повстанецъ, т. IX, 558.

Лешинны:

— Алексій Иракліевъ, тайный совѣтникъ, директоръ департамента сельскаго хозяйства, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, вносльдъ членъ государ. совѣта и сенаторъ, т. VIII, 341.

— Митрополитъ московскій. См. Платонъ.

Легкоступъ, Александра Фёдор. См. Мизко.

Легренъ, Карлъ, живописецъ, т. VIII, 480.

Ледро-Релонъ, Филиппъ, французскій адвокатъ и депутатъ, т. IX, 187.

Лереръ, генералъ, профессоръ академическаго генеральнаго штаба, т. IX, 397.

Лейнингъ, Н. А., писатель, редакторъ журнала „Осколки“, т. VIII, 595, 596.

Лемонтъ, французскій генералъ, т. IX, 621, 623; т. X, 188.

Лелювъ, Иоакимъ, профессоръ виленагскаго университета, т. VIII, 686.

Лемановскій, польскій повстанецъ, т. IX, 385.

Леметръ, Фредерикъ, французскій актеръ и драматургъ, т. VII, 200.

Лемуанъ, Жанъ-Баттистъ, французскій скульпторъ, т. IX, 170.

Леонардъ, авторъ сочиненія: Смута и ея настоящая причина, т. VII, 397, 398.

Леонтьевъ:

— Владим. Никол., редакторъ-издатель газеты „Современное Слово“, т. VII, 120.

— Полковникъ, т. VII, 516, 517.

Леопольдъ I, Георгъ-Христианъ-Фридрихъ, король бельгийцевъ (герцогъ Кобургскій), т. VII, 196—199, 202, 204—207, 209, 212—215, 217—223; т. IX, 406, 407.

Лепонау, банкирскій домъ въ Петербургѣ, т. VII, 648.

Лермонтовъ, Мих. Юрьев., поэтъ, т. VIII, 394.

Лероа, Жакъ. Сж. де-Сентъ-Арно.

Лероа-Боме, Анатолий, французскій писатель. Забѣтка по поводу сочин. его: L'Empire des Tsars et les Russes. Т. X, 624—639.

Леруа:

— Либовица коммунара Юрбена, т. X, 685.

— Французскій генералъ, т. X, 672.

Леси, графъ, генералъ-фельдмаршалъ, римскій генералъ-губернаторъ, т. VII, 243, 244.

Лесницкій, Янъ, врачъ, польскій повстанецъ, т. IX, 838, 844, 847, 852, 853, 555, 559, 60.

Лессаръ, изслѣдователь Сераса, т. IX, 677.

Лессинъ, саперный инженеръ, повстанецъ, т. VIII, 584.

Лестонъ, гр. Германъ, дѣйстви. тайный совѣтникъ, лейбъ-медикъ и президентъ медицинскои коллегии, т. VIII, 146; т. IX, 422—424.

Лефевръ-Рошье, коммунаръ, т. X, 692.

Лефлю, французскій генералъ, военный министр, т. IX, 191, 623; т. X, 204.

Ливень, кн. Карлъ Андреевъ, генералъ отъ инфантеріи, министръ народнаго про-

свѣщенія, вполнѣд. членъ государственно-наго совѣта, т. VIII, 38, 39, 189, 249, 261.

Лидерсъ, гр. Александръ Никол., генералъ-адъютантъ, наместникъ Царства Польскаго, т. VII, 376.

Лилленгофъ, Иоаннъ, ассесоръ шведской коммерцъ-коллегии, посолъ въ Россію, т. VII, 652.

Лилловъ, А. И., бакалавръ казанской духовной академіи, т. X, 25, 35.

Линаръ, графъ, польско-саксонскій посланникъ въ Петербургѣ, т. VII, 493, 499.

Линде, Самуиль-Готтлибъ, польскій филологъ и писатель, директоръ варшавской гимназіи, т. VIII, 685.

Линнебергъ, Ксаверій, отставной поручикъ естляндскаго полка, политическій арестантъ, т. VIII, 557, 558, 560, 565, 571, 576; т. IX, 90.

Линна, кнзъ Мнхова Градинта, чешскій священникъ, т. IX, 378.

Лисбергъ, французскій морской офицеръ, коммунаръ, директоръ театра Bouffe du Nord, т. X, 691.

Лисцианъ, польскій писатель, т. VIII, 684.

Листъ, Францъ, комментаторъ и поэтъ, т. VII, 445, 452.

Лисинскій, Иоаннъ, протоіерей александровскій, т. X, 222.

Литвиновъ, В. И., казначей лейбъ-гв. егерскаго полка, т. X, 642.

Литте, гр. Феоdorfъ Петр., генералъ-адъютантъ, адмиралъ, членъ государственнаго совѣта, воспитатель великаго князя Константина Николаевича Некрологъ. Т. IX, 678, 679; т. X, 474.

Литовъ, И., книгопродавецъ, т. IX, 258.

Литтре, французскій философъ, публицистъ, филологъ и лексикологъ, т. X, 410—413.

Лихачевъ, стольникъ, посолъ XVII в. во Флоренцію, т. VIII, 467.

Лихневскій, Феликсъ, офицеръ, т. VII, 451, 452.

Лянкуръ, французскій графъ, т. IX, 466.

Лувиль, адвокатъ, т. X, 451.

Лобаневъ-Ростевскій, кн. Алексій Борис., тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, товарищъ министра внутр. дѣлъ, а потомъ посланникъ въ Лондонъ, т. VII, 650.

Лобчевская, Юлія Осни., рожденная Нарбутъ. Сж. Шишкова.

Ловестинъ, начальникъ французской національной гвардіи, т. IX, 194.

Ловичъ, княгиня, Жанета Антоновна (Иоанна Грудвинская), супруга цесаревича Константина Павловича, т. VII, 429, 430.

Лоттиновъ, В. М., т. X, 298.

Лоттингъ, московскій протоиерей, т. VIII, 366.

Ледеръ, англійскій торговый домъ, т. VII, 687.

Лешингъ, В. А., студентъ казанской духовной академіи, т. X, 12.

Лезинскій, Ниниофортъ, предводитель разбойничьей шайки, т. IX, 586.

Ломателли, итальянецъ, содержатель комической оперы. Указъ о призывѣ его ко двору. Т. IX, 662—664.

Лонжуа, Эдуардъ, редакторъ газеты „Rapport“, парижскій депутатъ французскаго національнаго собранія, т. X, 200, 446.

Ломоносовъ, Михаилъ Вас., академикъ, писатель. Библиографическая замѣтка о его сочиненіяхъ. Т. X, 471, 472. Уломин. т. VII, 10.

Лонгшевы:

— **Мих. Никол.**, орловскій губернаторъ, впоследствии начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, т. VIII, 596; т. X, 97.

— **Н. М.**, посольскій чиновникъ, впоследствии личный секретарь императрицы Елизаветы Алексѣевны. Библиографическая замѣтка объ издаваемыхъ письмахъ его. Т. VII, 719—721. Отрывокъ изъ письма его къ графу С. Р. Воронцову о Семеновской исторіи. Т. IX, 665, 666.

Лонгфелло, Генри-Вадворсъ, американскій поэтъ. Некрологъ его. Т. VIII, 478, 479.

Лопатинъ, шацкій воевода, т. VIII, 698.

Лопухины:

— **Русскій дворянскій домъ**, т. VII, 518.

— **Ив. С.**, полковникъ, т. VII, 518.

— **Наталья**, т. VII, 518.

— **Отставной бригадиръ**, т. X, 484, 487.

— **Петръ Вас.**, свѣтлѣйшій князь, генералъ-прокуроръ. Письмо къ нему графа И. П. Салтыкова и отвѣтъ его. Т. VIII, 285, 286.

— **См. Евдокія Федоровна.**

Лоранъ, профессоръ, т. IX, 616.

Лорисъ-Меликовъ, гр. Мих. Тариеловъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, министръ внутр. дѣлъ, т. IX, 597—599.

Лосевъ, воспитанникъ павловскаго кадетскаго корпуса, впоследствии офицеръ, т. VIII, 356, 357.

Лосіевскій, М. В. Сообщ. актъ, относящійся до начала жбновой торговли въ городѣ Троицкѣ. Т. IX, 217, 218.

Луцкъ, Пьеръ-Луи, сѣдлащикъ, убійца герцога Беррійскаго, т. VII, 204.

Луганскій, казакъ, псевдонимъ писателя В. И. Дала. См. Даль.

Луцка:

— **Принцесса**, княгиня Радзвилья, т. VII, 713—716.

— **Сукруга** короля бельгійскаго Леопольда I, т. VII, 222.

Лушаневичъ, малороссійскій писатель, т. IX, 229.

Луисбургъ, графъ, директоръ театра въ Карлсруэ, т. VII, 448.

Луцъиновичъ, авторъ статей о военныхъ дѣйствіяхъ 1828 и 1831 г., т. IX, 207.

Луцъиновъ, Яковъ Констант., совѣтникъ волниискаго губернскаго правленія. Отвѣтъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 45.

Луцианъ Бонапартъ, князь Капино, министръ внутр. дѣлъ, посланникъ въ Мадридъ, а потомъ членъ трибуны, т. VII, 201.

Лычовск:

— **Купеческое семейство** въ Кіевѣ, т. VIII, 80, 81, 98, 94, 97, 101, 104, 109, 288, 503.

— **Людмила Семен.**, т. VIII, 503, 506.

— **Надежда Васильев.**, т. VIII, 272.

Лысовъ:

— **Актриса**, рожденная Федерсенъ, т. VII, 437.

— **Дмитр. Серг.**, волниискій вице-губернаторъ. Отвѣтъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 40.

— **Полковникъ**, т. VII, 487.

— **Поручикъ лейбъ-гв. егерскаго полка**, т. X, 642.

— **Штабсъ-капитанъ лейбъ-гв. егерскаго полка**, т. X, 642, 643.

Лысовъ, Николай Семен., писатель. Статьи, замѣтки и поправки его: Борьба эфіоновъ съ ангеломъ, случай изъ явленій русской демономаніи. Т. VII, 697—704. Иродова работа, русскія картины въ Остзейскомъ краѣ. Т. VIII, 185—207. Церковные интриги. Т. VIII, 364—390. Вечерній звонъ и другія средства къ искорененію рагула и безстыдства, справка для свѣдущихъ людей. Т. VIII, 595—606. Официальное буфонство. Т. IX, 441—443. Праздникъ невидѣдъ. Т. X, 221—228. Слѣдъ ноги Богородицы въ Почаевѣ. Т. X, 227—286. Синодальныя персони. Т. X, 373—409. Сообщилъ: Распоряженіе св. синода объ отобраніи у всѣхъ книги театровъ или поворъ историческій. Т. VII, 782, 783. Великопостный указъ Петра Великаго. Т. VIII, 283, 284. Уломин. т. X, 579.

Лысовичъ, подольскій предводитель дворянства, т. IX, 263, 272.

Любомірскій, польскій князь. Замѣтка о его женитбѣ. Т. X, 648, 649.

Любомирскій, Маркъ Никол., действительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, т. X, 224.

Людерсъ, Карлъ Карл., тайный совѣт-

никъ, директоръ телеграфнаго департамента, т. VII, 638.

Лодовиць:

— XIII, король французскій, т. VIII, 221.

— XVI, король французскій, т. IX, 465, 466, 592.

— XVIII (Филиппъ), король французскій, т. VII, 130, 201, 222; т. VIII, 19, 653, 654; т. IX, 192.

Лодовиць-Филиппъ-Юсефъ, герцогъ Орлеанскій (citoyen Egalité), т. IX, 463, 464.

Люве, коммунаръ, т. X, 687.

Линдсаль, английскій миссіонеръ. Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: *Trough Siberia*. Т. VIII, 690.

М.

Маврикій, монахъ, присутствовавшій при сдачѣ уніатами почлевской лавры, т. X, 283.

Магницкій, Мих. Леонт., дѣйстви. статскій совѣтникъ, попечитель казанскаго учебнаго округа, т. VIII, 28—33, 242, 249—257.

Магомедъ-Ягубъ-ханъ, синъ кованскаго хана, т. X, 132.

Мадзини, италіанскій республиканецъ, т. IX, 202, 203; т. X, 690.

Маевскій, Михаилъ, польскій повстанецъ, т. IX, 119.

Мамураничъ, Иванъ, хорватскій поэтъ, т. IX, 418.

Мазовскій, генералъ, т. VII, 483.

Майковъ:

— Л. Н. Библиографическая замѣтка его: *Исторія російской академіи*—М. И. Сухомятнова. Т. X, 469—471.

— Никъ, преподобный Сорскій. См. Никъ.

Майо, лордъ, т. X, 278.

Макарий:

— (Вечерковъ), алтайскій миссіонеръ, т. X, 99, 100.

— Митрополитъ московскій (1542—1564 г.). Библиографическая замѣтка. Т. VII, 724—726.

— (Михаилъ Петр. Булгаковъ), бакалавръ кievской духовной академіи, впоследствии митрополитъ московскій. Некрологъ его. Т. IX, 222. Замѣтка по поводу сочиненія его: *Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ*. Т. VIII, 364—390. Упомян. т. VII, 336, 473; т. IX, 484.

Манаровъ:

— Александръ, чиновникъ тайной экзедиціи, т. X, 497, 498.

— Д. И., преподаватель кievской духовной академіи, т. VII, 337.

— Н. Библиографическая замѣтка о книгѣ его: *Мои семидесятилѣтніе воспоминанія*. Т. VII, 480, 481.

Максимиліанъ:

— I, кievскій императоръ, т. VII, 724.

— I, курфюрстъ баварскій, т. X, 211.

— Императоръ мексиканскій, т. VIII, 647.

Максимиліанъ-Евгеній-Юсефъ-Мавалевъ, герцогъ лейхтенбергскій и эйрландскій, т. VII, 483.

Максимовичъ:

— Александръ Петр., учитель павловскаго кадетскаго корпуса, впоследствии инспекторъ технологическаго института, т. VIII, 352, 353.

— И. П., преподаватель кievской духовной академіи, т. VII, 337.

— Мих. Александр., ректоръ кievскаго университета, писатель. Замѣтка о немъ. Т. IX, 282—287. Упомян. т. IX, 227—230, 232, 242.

Максимовъ:

— Алексій Мих., артистъ Александринскаго театра. Къ биографіи его. Т. VII, 358, 359.

— Сергій Вас., литераторъ и путешественникъ, т. X, 579.

— Фельдфебель тамбовскаго баталіона внутрен. стражи, т. VIII, 474, 475.

Максимъ Гронтъ, ученый, монахъ благоушвенской обители Афонской горы, т. VII, 471—474; т. IX, 484.

Майъ-Магомъ, гр. Мари Эди. Патрисъ-Морисъ, герцогъ мадженскій, французскій маршалъ, т. X, 204, 205, 450, 452, 461, 665, 666, 669, 671, 672, 681.

Малаховскій, предсѣдатель волынской гражданскаго палаты. Отзывъ о немъ писателя Асютченскаго. Т. IX, 42.

Малаховъ, изслѣдователь Урала, т. IX, 677.

Маломъ, чиновникъ министр. иностран. дѣлъ, цензоръ, т. VII, 127.

Мальо, французская актриса, т. VII, 486.

Мальтицъ, баронъ Аполоній, поэтъ, т. VII, 441.

Мамоновъ, графъ, фаворитъ Екатерины II, т. IX, 591, 592.

Маидалена изъ Михаловицъ, жена чешскаго владѣтельнаго бана Яна изъ Цимбурга и Товачова, т. IX, 363, 369.

Мановаръ-Хаджа, чуетскій батыръ-баша, т. X, 129.

Мансветовъ, И. Библиографическая замѣтка о соч. его: *Митрополитъ Кириилъ въ литургической дѣятельности*. Т. X, 711—713.

Мансфельдъ, графиня. См. Монтессъ.

фонъ-Майтфельдъ, баронъ Отто-Теодоръ, прусскій министр иностранныхъ дѣлъ и министр-президентъ, т. VIII, 666; т. IX, 403, 406; т. X, 467.

Маштейнъ, Христофоръ Эрнестовъ, генералъ-адъютантъ, т. VII, 508.

Машьянъ, Бернаръ-Шьеръ, сенаторъ, французскій маршалъ, т. IX, 190, 193.

Мауаль, прокуроръ парижской коммуны, т. IX, 682.

Марианскій, польскій повстанецъ, т. IX, 554.

Марголинъ, П. В. Библиографическая записка о его переводѣ. Три еврейскіе путешествіевника XI и XII столѣтія. Т. IX, 214.

Мардефельдъ, прусскій посланникъ въ Петербургъ, т. IX, 424.

Маренъ, Антонизъ, любунскій священникъ въ Чехіи, патриотъ, славянофилъ, т. IX, 9, 17, 355—364, 366.

Марно, членъ временной лондонской комисіи, т. VII, 178.

Марія Александровна, великая княгиня, герцогиня Эдинбургская, т. IX, 602.

Марія-Анна, супруга Фердинанда I, австрійскаго императора, т. VII, 444.

Марія-Антуанета, французская королева, т. IX, 592.

Марія-Луиза, вторая супруга Наполеона I, правительница Пармы, Пизаченци и Гвасталы, т. VII, 444, 445.

Марія Николаевна, великая княгиня, супруга Максимилиана-Евгенія-Иосифа-Наполеона, герцога лейхтенбергскаго и эйхштедскаго, т. VII, 431—433, 667; т. VIII, 357, 358.

Марія Федоровна (Доротея-Софія-Августа-Луиза, принцесса виртембергская), вторая супруга императора Павла Петровича. Письма къ ней Лафатера. Т. VII, 487. Упомян. Т. VII, 428, 486; т. VIII, 129—131, 133—136; т. IX, 582, 583, 588—590, 592, 593.

Марковичъ, Владиславъ, подпоручикъ витебскаго полка, повстанецъ, т. VIII, 578, 581.

Марковъ, Иванъ, крестьянинъ чембарскаго уѣзда, бунтовщикъ, т. IX, 445.

Марковы:

— Актеръ, т. X, 141.

— В. Л. Историческій романъ его: Дихольтъе (Смутное время). Т. VII, 29—78, 287—317, 566—606; т. VIII, 40—79, 289—317, 522—556; т. IX, 53—87, 295—322, 483—512; т. X, 45—82, 337—372, 542—575.

Марсъ, политическій писатель, т. IX, 612, 613.

де-ля Маръ, Вильгельмъ, графъ, т. X, 209.

Маршионнй, псевдонимъ писателя А. А. Бестужева. См. Бестужевъ.

Мармонтель, секретарь французской академіи, т. X, 411.

Марсоль, Этьенъ, парижскій старшина, т. IX, 630.

Марсъ, Анна-Франс. Гипполита Буше-Монвель, французская актриса, т. VII, 199.

Мартали, скульпторъ, т. IX, 167.

Мартевилль, комунаръ, т. X, 454.

Мартевъ, Фромгольдъ Федоръ, действ. статскій совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета. Библиографическая записка о сочин. его: Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. VIII, 688, 689.

Мартіанъ, святой, игуменъ кырилово-бѣлозерскаго монастыря, т. X, 728.

Мартыновскій, архіепископъ моголевскій. См. Анатолій.

Мартыновы:

— Александръ Евстаф., знаменитый актеръ-комикъ. Записка о похоронахъ его. Т. VII, 359, 360.

— Командиръ семеновскаго полка, т. IX, 666.

— Майоръ, убившій на дуэли поэта Лермонтова, т. VIII, 394.

Маршанъ, французскій нотаріусъ, т. IX, 195.

Масловъ, А. Н. Библиографическая записка о его Очеркахъ изъ послѣдней экспедиціи Скобелева. Т. VII, 721, 722.

Масонъ, комунаръ, т. X, 692.

Массари, авторъ біографіи гр. Кавура, VII, 665, 696.

Матвѣевъ, Артамонъ Сергѣев., близкій болринъ, первый совѣтникъ и другъ царя Алексія Михайловича, т. VII, 658.

Матешинъ изъ Загорья, чешскій храбрый рыцарь, т. IX, 368.

Матильда-Летиція-Вильгельмина (Бонапарте), принцесса монфортская, супруга Анатолія Демидова, т. VII, 676—678.

Матушъ, Карлъ, докторъ, бургомистръ г. Младой-Болеслави, въ Чехіи, т. IX, 8, 368, 379.

Матвѣевскій, политическій преступникъ, т. VII, 378, 887.

Матюшинъ, предсѣдатель подольской казенной палаты, т. IX, 262, 279, 285, 286.

Матюшинъ, Мих. Асман., генералъ-аншефъ, т. VIII, 158.

Мауэрфрекоръ, бонскій профессоръ, т. IX, 429.

Мацковичъ, цензоръ, т. VII, 630.

Мацѣвичи:

— Левъ С. Сообщилъ: Письмо В. И. Аскоченскаго къ архіепископу Анатолію Мартыновскому. Т. VIII, 697—699. За-

жѣтку: Къ исторіи царствованія Александра I. Т. X, 719, 720.

— Митрополитъ ростовскій. См. Арсеній.

Медведевичъ, В., адъютантъ и приближенный чернигорскаго владика Петра II Нѣгома. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: П. П. Нѣгома, послѣдній владика чернигорскій. Т. IX, 413—419.

Медвѣдовъ, учитель русскаго языка военно-сиротскаго корпуса, т. VIII, 122.

Меденъ, графъ, т. VII, 441.

Медичи. См. Екатерина.

Меденскъ, П. Е., антрепренеръ московскаго театра, т. X, 141, 142.

Мемюевскій, Леопольдъ, повстанецъ, т. VIII, 589, 591; т. X, 99, 110, 112, 115, 331, 332, 555, 556.

Мема, парижскій работникъ, т. X, 682.

Мемель, В. И., библиографъ. Библиографическая замѣтка о его Русской исторической библиографіи за 1875—1876 г. Т. VIII, 675—681.

Мезецкій, преподаватель воронежской дух. семинаріи, т. VII, 101.

Мейендорфъ, баронъ, т. IX, 404.

Мейеръ:

— Подполковникъ, начальникъ телеграфной станціи въ Петербургѣ, т. VII, 638.

— Редакторъ газеты „Petersburger Zeitung“. т. VII, 651.

— Эрнстъ. Замѣтка о сочин. его: Реформа государственнаго управленія при Штейнѣ и Гарденбергѣ. Т. IX, 641—644.

Мелетій, іеродиаконъ казанскій, вполнѣ сибирскій миссіонеръ, т. X, 319.

Мельнъ, графъ, т. VIII, 512

Меллеранскій, И. А., протоіерей екатерининской церкви въ Петербургѣ, т. X, 591, 592, 606.

Меллссимо, Ив. Ив., тайный совѣтникъ, кураторъ московскаго университета, т. IX, 449.

Мельгуновъ, Алексій Петр., действит. тайный совѣтникъ, ярославскій и вологодскій намѣстникъ, т. X, 237.

Мелье, Лео, комунаръ, нинѣ учитель въ лансіонѣ въ Глазгоу, т. X, 454, 692.

Мельниковъ, Пав. Ив., писатель-этнографъ (Андрей Печерскій), т. VII, 360; т. VIII, 818.

Менби, англійскій капитанъ, т. VII, 209.

Менгденъ:

— Генералъ-маіоръ, т. VII, 865, 881.

— фонъ, Юліана, баронесса, статсъ-фрейлина, т. VII, 499

Мензениншифъ, дворяне, т. X, 723.

Мененъ, маіоръ русскаго флота, т. IX, 469, 470.

Менендорфъ, гр., австрійскій посолъ въ Петербургѣ, т. VIII, 662.

Меншиковы, князья:

— Александръ Данил., генералиссимусъ и рейхсъ-маршалъ, т. VII, 268; т. VIII, 141, 150, 320, 479, 704; т. IX, 224, 420, 680; т. X, 219.

— Александръ Сергѣев., членъ государственнаго совѣта и адмиралъ, т. VII, 131, 146; т. VIII, 338, 339, 661, 662; т. IX, 208; т. X, 152—155.

Мерзляковъ, профессоръ московскаго университета, т. IX, 232; т. X, 144.

Мерсь, Поль, редакторъ газеты „Le Rappel“, т. X, 687.

Метлинскій, Ал., авторъ сборника малорусской народной поэзіи, т. IX, 229; т. X, 96.

Меттернихъ, князь:

— Австрійскій княгиня, т. VIII, 646.

— Клеменсъ-Венцель-Немоукъ-Лотаръ, герцогъ Портгелла, австрійскій государственный чиновникъ, т. VII, 442, 445, 707, 716; т. VIII, 21, 662; т. IX, 208, 365, 412; т. X, 710, 711.

— Меланія, рожденная гр. Зичи-Феррарисъ, т. VII, 645.

— Паулина, рожденная гр. Шандоръ, т. VII, 448.

Менцеровскіе, князья:

— Владим. Петр., редакторъ газеты „Гражданинъ“, т. X, 407.

— Петръ Сергѣев., оберъ-прокуроръ св. синода, т. VIII, 10; т. X, 374, 376.

Мизио:

— Александръ Ѳеодор., рожд. Легко-стукъ, т. X, 88.

— Георгій Дмитр., екатеринославскій помѣщикъ, т. X, 84, 101.

— Григорій Тимоеевъ., масонъ и мистикъ, попечитель общества израильскихъ христіанъ, т. X, 85, 88.

— Дмитр. Тимоеевъ., действительный статскій совѣтникъ, директоръ екатеринославской гимназіи, т. X, 83—86, 93, 105.

— Надежда Дмитр., т. X, 84.

— Никол. Дмитр., писатель. авторъ Словаря русскихъ писателей. Воспоминаніе о немъ. Т. X, 89—108.

Миньлука-Майлай, Никол. Никол., русскій ученый путешественникъ, послѣдователь Новой Гвиннеи. Замѣтка о публичныхъ его чтеніяхъ. Т. X, 473—479.

Мишиоло:

— Марія, артистка-скрипачъ, т. VII, 450.

— Терезія, артистка-скрипачъ. См. Пармантъе.

Миштина, Екатерина, богатая чешская

вдова, покровительница Братской общины, т. IX, 370, 378, 374, 377.

Миллеръ:

— Московскій книгопродавецъ, т. IX, 458.

— Орестъ Ѳеодор., действит. статскій совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета. Библиографическая замѣтка его о соч. К. Бестужева-Рюмина: Библиографія и характеристики. Т. VIII, 448, 449. Нилъ Сорскій и Вассианъ Пагрильевъ—А. С. Архангельскаго. Т. IX, 480—484. Ст. его: Человѣкъ онъ былъ. (Н. И. Уверскій). Т. X, 620—624. Утом. т. VII, 352.

Милорадовичъ, гр. Мих. Андреев, петербургскій военный генералъ-губернаторъ, т. VIII, 252, 265.

Милутиновичъ, австрійскій генералъ, т. IX, 416, 417.

Мишель, журналистъ, докторъ правъ, парижскій депутатъ французскаго національнаго собранія, т. X, 200, 688.

Милотинъ:

— Гр. Дмитр. Алексѣев., генералъ-адъютантъ, генералъ отъ-инфантерій, членъ государств. совѣта, военный министр, т. X, 428.

— Никол. Алексѣев., товарищъ министра внутр. дѣлъ, выслѣд. статскъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго, членъ государств. совѣта, т. VIII, 687, 688.

Минервинъ, преподаватель кievской духовной академіи, т. VII, 389.

фонъ-Минихъ, графъ:

— Бурхардъ-Христофоръ, генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 277, 281, 499, 505; т. IX, 422.

— Вѣра Никол., рожденная Чоголовова, фрейлинка, т. IX, 585.

Миницкій, Иванъ, шляхтичъ изъ г. Поддубны, самозванецъ (лже-царевичъ Алексѣй Петровичъ), т. VII, 278, 280.

Минкина (или Шумская), Настасья, любовница гр. Аракчеева, т. VIII, 251, 252.

Мирабо, гр. Гоноре Габриэль Викторъ Риветт, предсѣдатель якобинскаго клуба, а потомъ національнаго собранія, т. IX, 464, 469.

Мировичъ, т. VII, 528.

Миткевичъ. См. Григорій.

Митрофанъ, архіепископъ тверской, т. VIII, 478.

Михайловскіе:

— Авторъ статьи по обзору народно-учебной литературы, т. IX, 646.

— В. Библиографическая замѣтка объ Исторіи реформациі Гейссера, изданной въ русскомъ переводѣ подъ его редакціей. Т. VIII, 470, 471.

— Польскій повстанецъ, т. IX, 571, 573.

Михайловы:

— Актриса, т. X, 141.

— Петръ, бамбардирскій капитанъ, т. VIII, 704.

Михаль:

— (Матвѣй Десницкій), членъ російской академіи, митрополитъ новгородскій и петербургскій, т. VIII, 26, 27.

— Сербскій митрополитъ, т. VIII, 218, 214.

Михаилъ Николаевичъ, великій князь, т. VI, 431; т. IX, 211.

Михаилъ Павловичъ, великій князь, т. VII, 494; т. VIII, 255, 345, 348, 361; т. IX, 652, 656, 665; т. X, 642—644.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, московскій царь, т. VIII, 221, 464; т. IX, 677; т. X, 216, 217.

Михальская, польская повстанка, т. IX, 95.

Михей (въ мірѣ Мих. Герасимовъ), кнриловскій монахъ. Замѣтка о пророчествѣ его ваятія Константинополя русскими. Т. VIII, 489—492.

Михневичъ, Вл. Ос. Статьи его: Женское правленіе и его противники. Т. VII, 257—286, 497—538. Исторія мѣднаго всадника. Т. IX, 164—184. Библиографическая замѣтка о сочин. его: Историческіе этюды русской жизни. Т. VIII, 468—466.

Мицкевичъ:

— Адамъ, польскій поэтъ, т. VIII, 685.

— Салерный штабсъ-капитанъ, т. VII, 875, 878.

Мишуль, агрономъ, т. X, 177, 178.

Мишель, Луиза, комунарка, любовница Ферре, т. X, 691.

Мио, комунаръ, т. X, 459.

Млодецкий, помѣщикъ, т. X, 408.

Млодзямевскій, польскій повстанецъ, т. IX, 116.

Мневскій, Андрей Ѳеодор., поручикъ, т. VII, 531—538.

Могиланскій, Евстафій, протопопъ полтавскій. Указъ ему св. синода объ отобраніи у всѣхъ книги Ѳеотрогъ или позоръ историческій. Т. VII, 782, 783. Указъ ему Петра Великаго. Т. VIII, 288, 284.

Мокрицкій, стат. совѣтникъ, правитель канцеляріи об.-полиційн., т. VII, 860, т. VIII, 848.

Молчанскій, польскій повстанецъ, т. IX, 560, 561, 568, 577.

фонъ-Моллеръ, Антоанъ Вас., адмиралъ, морской министръ, т. VIII, 244.

Мельтне, прусскій фельдмаршалъ, т. IX, 207, 209.

Момемери, графиня. См. Бауеръ Каролина.

Монтальве, гр. Марта-Камилла Бешасонъ, французскій министр внутренних дѣлъ, т. VIII, 652.

Монтвидъ, литовскій князь, т. VII, 166.

Монтессъ, Лола (графиня Машефельдъ), танцовщица, т. VII, 449, 450.

Монтико:

— Графиня, мать французской императрицы Евгении, т. IX, 195, 196.

— Евгения, французская императрица. См. Евгения.

Мона, французскій министр полиціи, т. VIII, 688; т. IX, 189, 190, 198.

Мордвиновы:

— Гр. Николай Семен., членъ государств. совѣта, адмиралъ, вице-президентъ адмиралт. коллегіи и морской министр, т. VII, 245—247; т. VIII, 341.

— Смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Мордосецъ, Д. Л., писатель. Ст. его: Бытовые очерки прошлаго вѣка, мнимыя видѣнія и пророчества. Т. VIII, 481—501.

Морель, Фредерикъ, французскій ученый, т. X, 687.

Морри, гр. Шарль-Огюстъ-Луи-Жозефъ, президентъ французскаго законодательнаго корпуса, впоследствии сенаторъ и посланникъ въ Петербургъ, т. VIII, 688, 646, 648; т. IX, 188—190.

Морис, французъ, первый напросникъ фабрикантъ въ Петербургъ, т. X, 159.

Море, артистъ московской французской труппы, т. X, 145.

Морезовъ, Борисъ Ив., болгаринъ, дядька и любимецъ царя Алексѣя Михайловича, т. VII, 735.

Морешима, Е. И. Сообщила: Письмо Андрея Искры къ гр. П. А. Зубову. Т. X, 718, 719. Письмо Вулгарина къ министру внутр. дѣлъ Перовскому. Т. X, 722—724.

Морфиль, Г., профессоръ оксфордскаго университета. Сообщ. извлечение изъ воспоминаній Клауса Зейдена о пребываніи Петра Великаго въ Даніи. Т. X, 219—221.

Москвитинъ, митрополитъ. См. Арсеній.
Моссаковский, повстанецъ, т. VIII, 586, 587.

Метиславскій кн. Федоръ Ив., старѣйшій воєвода московскій, т. X, 215.

Мулемъ, аптекаръ, членъ парижскаго революціоннаго комитета, т. VII, 186.

Мулла-халь-Магомедъ, джигитъ, т. X, 128.

Мулловъ, Павелъ Андреевъ, юридическій дѣятель и писатель, т. X, 322, 579, 586, 608.

Мундтъ, Теодоръ, нѣмецкій писатель, т. VII, 437.

Муравьевы:

— Андрей Никол., действит. статскій совѣтникъ, камергеръ, путешественникъ, ревнитель православія, т. VIII, 388—390; т. X, 385—391, 393, 395, 397, 398, 402—404, 406, 408.

— Гр. Мих. Никол., генералъ отъ инфантеріи, министръ государ. имущества, а потомъ виленскій генералъ-губернаторъ. Вражда его съ кн. А. А. Суворовымъ. Т. X, 422—430. Увоженъ. т. VIII, 206.

— Нижегородскій губернаторъ, т. X, 416.

Муральтъ, пасторъ, т. VII, 427—429, 431, 432; т. VIII, 15.

Муратовъ, Газарло, консисторскій секретарь. Установленная имъ такса на взятки. Т. X, 223.

Муръ, секретарь Ромфора, т. X, 676.

Мусинъ-Пушкинъ Мих. Никол. действит. тайный совѣтникъ, сенаторъ, конечитель петербургскаго учебнаго округа, т. VII, 108.

Мушкетевъ, изслѣдователь Урала, т. IX, 677.

Муллеръ, нѣмецкій скульпторъ, т. VIII, 630.

Мурать, Наполеонъ - Луцианъ - Шарль, принцъ, сенаторъ, т. IX, 195.

Мюфлингъ, Фридрихъ - Фердинандъ - Карлъ, прусскій генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 708.

Н.

Надлеръ, Вас. Карлов., действит. статскій совѣтникъ, докторъ исторіи, профессоръ харьковскаго университета. Библиографическая записка о сочиненіи его: Меттернихъ и европейская реакція. Т. X, 710, 711.

Наполеоны:

— I, Бонапартъ, императоръ французскій, т. VII, 200, 201, 227, 707, 710—712; т. VIII, 9, 17, 258, 674; т. IX, 359, 864.

— III (Людовикъ), императоръ французскій, т. VII, 227, 348, 352, 644, 672—677, 679; т. VIII, 319, 320, 638—651, 653, 654, 656, 661, 663, 664, 666—669; т. IX, 186, 187, 190, 192, 193, 196, 201—206, 383, 405, 407, 611, 623; т. X, 193, 195, 203, 684.

Наполеонъ-Жозефъ-Шарль (Бонапартъ), французскій принцъ, т. VII, 676—678.

Наполеонъ-Францъ-Юзефъ-Карлъ (Бонапартъ), герцогъ Рейхштадскій, король римскій, т. VII, 444.

Нарбутъ, Юлія Осип., по первому браку Лобичевская. См. Шинкова.

Нарушевичъ, Адамъ-Станиславъ, іезуитъ, польскій историкъ и поэтъ, профессоръ вѣдскаго университета, т. VIII, 685.

Нарышкинъ, писатель, т. IX, 229.

Нарышкины:

— В. Л., т. X, 475, 476.

— Дворяне, т. IX, 457.

— Семенъ Карил., генералъ-лейтенантъ, генералъ-аншефъ и оберъ-егермейстеръ, т. IX, 668.

— Софья, т. VIII, 21.

Нассау-Дилленбургъ, графъ, глава гезовъ, т. X, 209, 210.

Наталя Алексѣвна (Августа-Вильгельмина, принцесса Гессенъ-Дармштадтская), первая супруга великаго князя Павла Петровича, т. VIII, 129; т. IX, 588.

Наушевъ, Д. М., офицеръ измайловскаго полка. Записка его: Эпизодъ изъ жизни императора Николая I. Т. VII, 156—162.

Нащенинъ, капитанъ гвардіи, т. VII, 284—286.

Невельской, капитанъ, т. X, 176.

Н-евичъ, Мих. Библиографическая записка его: Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. VIII, 215—222.

Невтроевичъ, Антоній, повстанецъ, т. VIII, 557.

Недоброво, братья, гвардейскіе офицеры, т. IX, 652.

Незеленовъ, А. Статья его: Новизновъ въ шлицельбургской крѣпости. Т. X, 481—500.

Ней, приверженецъ Наполеона III, 195.

Нейбергъ, графъ Адамъ-Альбрехтъ, генералъ-фельдмаршалъ-лейтенантъ и обер-гофмейстеръ имп. Маріи Луизы, т. VII, 445.

Неймеръ, Яковъ, варшавскій банкиръ, а потомъ генералъ-директоръ финансовъ и государственннй министръ, т. IX, 463, 464, 466, 469.

Неклюдовы, братья, т. IX, 439.

Некрасовъ, полковой аудиторъ, т. VII, 364.

Немеловичъ-Тумальскій, кievскій митрополитъ. См. Іосифъ.

Немировичъ-Данченко, В. И., писатель и этнографъ. Ст. его: Рѣка лѣсныхъ пустынь; изъ поѣздки по Уралу. Т. X, 241—274, 501—541. Упомян. т. X, 439.

Немцовичъ, Любомиръ, черногорецъ, т. IX, 419.

Неплюевы:

— Авторъ сочиненія: Историческое призваніе русскаго помѣщика, т. VII, 397, 398, 411.

— Первый оренбургскій губернаторъ, т. IX, 218.

Нереневъ, Іоаннъ, московскій протопопъ, въ иночествѣ Григорій, т. VIII, 365—381.

Нессельроде, гр. Карлъ Васильевъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, т. VII, 126; т. VIII, 244, 661.

Неустровъ, А. Н., библиографъ, т. X, 238.

Нечаяевъ, Степ. Дмитр., оберъ-прокуроръ св. синода, впоследствии сенаторъ, т. X, 376—384, 387, 389—395, 397, 402—404.

Никаноръ:

— (Клементьевскій), архіепископъ варшавскій, впоследствии митрополитъ новгородскій и петербургскій, т. X, 401.

— Уфимскій епископъ, т. X, 409.

Никитенко, А. В., т. X, 97.

Никитины:

— Иванъ, живописецъ, т. VIII, 141.

— Смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Никелавскій, А. А., преподаватель воронежской дух. семинаріи, т. VII, 101.

Николаи, бароны:

— А. Л. (Генрихъ-Людвигъ), страсбургскій профессоръ, воспитатель великаго князя Павла Петровича, впоследствии действит. статскій совѣтникъ и президентъ академіи наукъ. Статья о немъ: Академическій нѣмецъ прошлаго столѣтія. Т. VIII, 127—137.

— Пав. Андр., дипломатъ, т. VIII, 137.

Николай Александровичъ, наследникъ-цесаревичъ, т. VII, 158.

Николай Павловичъ, императоръ. Эпизодъ изъ жизни его. Записка очевидца Д. М. Наумова. Т. VII, 156—162. Упомян. т. VII, 5, 14, 234, 245—250, 431—435, 450, 637, 661, 663, 666—670, 673; т. VIII, 186, 206, 252, 253, 262—268, 320, 332, 334, 338, 340, 343, 343, 357, 358, 394, 452, 662; т. IX, 210, 220, 415, 421, 431, 600, 601, 655, 666, 678; т. X, 149, 151—155, 157, 161, 165, 172, 173, 225, 232, 236, 376, 380, 384, 386, 391, 393, 396, 402, 642, 643, 647, 648.

Никонъ, 6-й патриархъ московскій и всея Россіи. Грамота его. Т. VIII, 692, 693. Упомян. т. VIII, 365—390; т. IX, 677.

Ниль:

— (Майковъ), предодобный Сарскій. Библиографическая записка: Литературные его труды и идеи въ древней Русіи—А. С. Архангельскаго. Т. IX, 430—434.

— Сивайскій, т. IX, 431.

Ничипоренко, сдѣлавшій доносъ на И. С. Тургенева, т. X, 559, 590.

Ничаевъ, хлѣботорговецъ въ Другарьѣ, т. VII, 173.

Незаконичъ, Стефанъ, сербскій министръ народнаго просвѣщенія, т. VIII, 218.

Носимовъ, Никол. Ив., русскій писатель и журналистъ. Пребываніе его въ Шлессбургской крѣпости. Т. X, 481—500. Увоинн. т. IX, 450—458, 457.

Новшціе:

— Викентій Степанов., непрехнній членъ волынскаго приказа обществ. прнрвннн. Отзнвъ о немъ писателя Асоченскаго. Т. IX, 44, 45.

— Орестъ, кіевскій профессоръ, т. VIII, 608.

— Протоіерей, прннмавшій отъ уннатовъ лочасекую лазру, т. X, 288.

Новопрочецннхъ, управлнющій уральскнми заводами кн. Абаменикъ-Лазарева, т. X, 244, 526.

Новосельскій, Н. А., авторъ сочнненія: Соціальные вопросы въ Россіи, т. VIII, 168—184, 408.

Норвалевъ, А. П. Ст. его: Раданскій замокъ. Т. VII, 168—168.

Норвы:

— Авраамъ Сергѣев., министръ народнаго просвѣщенія, путешественнхъ, т. VIII, 451.

— Офндеръ нзмайловскаго полка, т. VII, 157.

Нуаръ, Викторъ, французскій писатель, т. X, 194, 682, 685.

Нуммерсъ, шведскій вице-адмиралъ, т. VIII, 704.

О.

Оберленъ, настоятель, т. VIII, 15.

Оболенскій, кн. М. А., директоръ московскаго архнва нностраннхъ дѣлъ, т. IX, 676.

Обельяшновъ, Петръ Хрнсанфов., генералъ-прокуроръ. Донесеніе ему тамбовскаго губернатара Бахметева объ отставннхъ прнзваннхъ. Т. IX, 664. Упомян. т. VII, 485.

Обручевъ, Владим. Леонасьев., оренбургскій генералъ-губернаторъ, т. VIII, 286.

Обуховъ, псковскій губернаторъ, т. VIII, 399.

Овель, Шарлотта. См. фонъ-Гаагенъ.

Овчарскій, Казнміръ, польскій повстанецъ, т. IX, 106, 119.

Овъ, поручнхъ 6 стрѣлковаго баталіона. Дневннхъ его. Т. VII, 368—395; т. VIII, 557—594; т. IX, 88—128, 323—354, 558—579.

Овчнннновъ, Ив., петербургскій купецъ, т. VIII, 495.

Одифре, французъ, авторъ брошюръ о фннансахъ, т. IX, 195.

Одоевскій, кн. Влад. Федор., сенаторъ и литераторъ. Фантазія его. Т. VIII, 818, 819.

Омечневскій, польскій повстанецъ, т. IX, 116.

Омогнть, актеръ, т. X, 142.

Озеровъ, Владим. Александр., писатель, т. VII, 615.

Оксеншнрнъ, гр. Густавъ, шведскій государственный содѣтникъ, посоль въ Россіи, т. VII, 652, 655, 657—660.

Окуновская, Емнлія, польская повстанка, т. IX, 345, 351, 353, 354, 554.

Олець Ингваревичъ, великій князь разанскій, т. IX, 677.

Олимпъ, Эмнль, членъ парижскаго законодательнаго корпуса, т. VIII, 648, 649; т. X, 195.

Олимпъ, разбойннхъ, т. IX, 536.

Ольга Имелелова, великая княжна, супруга Карла-Фрднха-Александра, наследнаго прннца вуртембергскаго, т. VII, 488; т. VIII, 357, 358.

Ольгердъ, великій князь литовскій, т. VII, 165.

Ольденбургскій, принцъ. См. Петръ Георгіевичъ.

Ольсень, Томасъ, участникъ въ похищеніи на жизнь Наполеона III, т. IX, 208, 204.

Ольшина, М. С., начальница маріинскаго ннстнута, т. X, 428.

Омаръ-бекъ, коканскій князь, т. X, 128.

Омеръ-паша (Мнханъ Логасъ, ресегатъ), турецкій главнокомандующій, т. VIII, 662.

Опоцнн, Ламбертъ Вас., содѣтникъ волынскаго губернскаго правленія. Отзнвъ о немъ писателя Асоченскаго. Т. IX, 46.

Опочнннъ, адъютантъ цесаревича Палаа Петровнча, т. IX, 588.

Оранскій, принцъ. См. Внльгельмъ II. Орденеръ, французскій генералъ, т. IX, 194.

Орель-де-Паладннъ, начальннхъ французской національной гвардіи, т. IX, 620.

Орлай, А. И., другъ Н. В. Гоголя, т. X, 94.

Орель-Чесменскій, гр. Алексій Грнг., т. VIII, 258.

Орловы:

— Гр. Анна Алексѣевна, т. VIII, 241.

— Гр. Грнг. Грнг., генералъ-фельднхмейстеръ, т. VII, 523, 526, 527; т. VIII, 217; т. IX, 585, 587.

— Гр. Ив. Грнг., т. VIII, 217.

— Кн. Алексій Федор., генералъ-адъ-

ютантъ, шефъ жандармовъ, т. VII, 181, 347; т. VIII, 388, 668; т. IX, 210, 408.

— Кн. Екатер. Никол., рожденная Зиновьева, супруга кн. Г. Г. Орлова. Записка о ея портретѣ. Т. VII, 255.

— М., начальникъ 16 дивизій, т. VII, 151—158.

— Прасковья Ил., рожденная Куликова, по второму браку Самина, актриса, впоследствии сестра милосердія, т. VII, 361.

— Ф. Библиографическая записка о сочиненіи его: Очеркъ исторіи с.-петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка. Т. VII, 481—488.

— Фавориты Екатерины II, т. VII, 527.

Ормано, гр. Филиппъ-Автоанъ, генералъ, великій канцлеръ и директоръ ниваллиаго дома, впоследствии французскій маршалъ, т. IX, 194.

Орсини, гр. Феличе, адвокатъ, глава заговора противъ Наполеона III, т. IX, 203, 204.

Орфия, Матъе-Жозефъ-Бонавентура, парижскій химикъ и врачъ, сенаторъ, т. IX, 186.

Осиповичъ, смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Осиповъ, Алексій, оброчный крестьянинъ села Даниловскаго, востром. уѣзда, т. VIII, 473.

Осмонный (Отскоченскій), Ипатій Ив., преподаватель пѣнія, отецъ писателя В. И. Аскоченскаго. См. Аскошный.

Осташевскій, польскій повстанецъ, т. IX, 350.

Остенъ-Саненъ, кн. Фабіанъ Вильгельм., генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 482, 483.

Остерманъ:

— Графиня, т. VII, 720.

— Гр. Ив. Андреев., канцлеръ, начальникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, т. VII, 271, 280, 499, 501; т. VIII, 144; т. IX, 422.

Отточенскіе:

— Вакт. Ипат., писатель и журналистъ. См. Аскоченскій.

— Ипатій Ив. (Аскошный, Осмонный), преподаватель пѣнія, отецъ предъидущаго. См. Аскошный.

Оттонъ I Великій, римско-нѣмецкій императоръ, т. IX, 628.

Очининъ, Аншій Никол., издатель-редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, т. VII, 107, 625, 627; т. X, 167, 588.

II.

Павель:

— Казематный служитель новогоріевской крѣпости, т. IX, 349, 557.

— Коломенскій епископъ, т. VIII, 369.

Павель I Петровичъ, императоръ. Статья объ немъ. Т. IX, 580—595. Донесенія московскаго главнокомандующаго Измайлова. Т. IX, 673, 674. Донесенія военнаго губернатора Архарова. Т. IX, 674. Письмо кн. Е. Р. Дашковой. Т. IX, 674. Упомян. т. VII, 484, 485, 521, 526, 580, 591, 593; т. VIII, 7, 129, 131, 184 — 186, 258; т. IX, 168, 182, 675; т. X, 140, 482, 483, 485, 496, 498, 499.

Павловскій, Левъ Мих., офицеръ военносиротскаго корпуса, впоследствии генералъ-лейтенантъ, т. VIII, 121.

Павловы:

— М. Г., профессоръ московскаго университета, т. IX, 232.

— Платонъ Вас., статскій совѣтникъ, профессоръ кіевскаго университета, т. X, 311.

Палачій, Францъ, чешскій лингвистъ, естествоиспытатель и историографъ, т. IX, 20, 21, 257, 263, 365.

Палембахъ, Густавъ, капитанъ измайловскаго полка, т. VII, 284—286.

Павель, гр. Константинъ Ив., дѣйствит. тайный совѣтникъ, статскій-секретарь, членъ государств. совѣта, министръ юстиціи, т. IX, 602, 603.

Палеологъ. См. Софія.

Палицеевъ. См. Пантелеймонъ.

Палли, Лукези, итальянскій маркизъ, герцогъ де-ла-Грація, т. VII, 203.

Пальмерстонъ, Генри-Джонъ-Темплъ, англійскій министръ, т. VII, 635; т. VIII, 662, 667.

Пальминистъ, Эрикъ, шведскій артиллерійскій капитанъ, военный агентъ при посольствѣ въ Россію, т. VII, 652—657.

Пальшъ, офицеръ лейбъ-гв. егерскаго полка, т. X, 642.

Панамовы:

— В. А., т. VII, 400, 695; т. VIII, 168, 169.

— И. И., т. X, 97.

Панинъ, гр. Никита Ив., обер-гофмейстеръ, наставникъ великаго князя Павла Петровича, впоследствии государственный канцлеръ, т. VII, 521—524; т. VIII, 129, 186; т. IX, 170, 428, 583, 587, 588, 590; т. X, 140.

Паниноточичъ, Павелъ и Наталья, супруги, жители Карловска, т. VIII, 140, 209, 213.

Пантелеймонъ (Палищевъ), инспекторъ астраханской семинаріи, т. VII, 97.

Панферова, Надежда. См. Аскоченская.
Пале, бывший оповиторъ, а потомъ приверженецъ Наполеона III, т. IX, 194, 195.
Парманте, Тереза, рожденная Миланоло, т. VII, 450.

Парсонъ, лондонскій плацъ комендантъ, т. VII, 187.

Парсоній, схимонахъ афонскаго постнаго скита, т. VII, 697, 699.

Пасиаль-Груссе, ученій и журналистъ, комунаръ, т. X, 685, 686.

Паскевичъ, Ив. Ѳеодор., свѣтлѣйшій князь Варшавскій, графъ Эриванскій, генералъ-фельдмаршалъ, наѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ, т. VIII, 346, 662; т. IX, 210, 211.

Патера:

— А. О., чешскій писатель, т. IX, 366.

— Фр., братъ предъидущаго, крестьянинъ, т. IX, 376.

Патриотъ, кн. Василій Ив. Косой, въ вночествѣ Вассианъ, т. IX, 430.

Паттерсонъ, пасторъ, агентъ англійскаго библейскаго общества, т. VIII, 34.

Паулчи, маркизъ, рижскій губернаторъ, т. VIII, 189, 190.

Пауль, Жегота, малороссійскій писатель, т. IX, 229.

Пафнутій св., игуменъ покровскаго монастыря въ Боровскѣ, схимникъ, т. VII, 471.

Пахомовъ, полковникъ, т. VIII, 590.

Паше, Жанъ-Николай, французскій революционеръ, военный министръ, а потомъ парижскій меръ, т. IX, 633.

Пезаровиусъ, редакторъ „Русскаго Инвалида“, т. VIII, 251.

Пенарскій, премьеръ-маіоръ, т. IX, 217.

Пемсье, Эмилъ, Жанъ-Жакъ, герцогъ Малаховскій, маршалъ, т. IX, 204.

Пелле, французскій генералъ, т. IX, 194.

де-Пергелесъ, графиня, супруга баварскаго посланника, т. X, 425, 427.

Перонсихина, Марья Савишна, камеръ-фрау Екатерины II, т. VIII, 6, 7.

Переплетчиновъ, московская книгопродавецкая фирма, т. IX, 457.

Перовъ, Вас. Григ., художникъ. Некрологъ его. Т. IX, 228.

Перовскіе:

— Вас. Алексѣев., генералъ-адъютантъ. оренбургскій, а потомъ самарскій губернаторъ, т. X, 415.

— Гр. Левъ Алексѣев., министръ внутреннихъ дѣлъ. Письмо къ нему Булгарина. Т. X, 722—724. Упомян. т. VIII, 191, 192, 246, 247; т. X, 416.

Пероныи, Жанъ-Жильберъ-Викторъ, герцогъ де-Фіаленъ, французскій министръ внутрен. дѣлъ, потомъ посланникъ въ Лондонѣ, т. VIII, 640; т. X, 203.

Пертцъ, историкъ и издатель, т. VII, 705.

Перье, Казимиръ, основатель банкирскаго дома въ Парижѣ, впоследствии министръ внутреннихъ дѣлъ, т. VIII, 652, 654.

Пестель:

— Адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею, т. VII, 187, 189—142.

— Б. В., т. X, 140.

— И. Б., т. X, 140.

Петіонъ де-Вильневъ, Иеронимъ, французскій адвокатъ, меръ парижскій, впоследствии президентъ, т. IX, 632.

Петимъ, Иванъ, казакъ, посланникъ въ Китай, т. VIII, 673.

Петрашевскій, подпоручикъ лейбъ-гегерскаго полка, т. X, 642.

Петровы:

— Актриса, т. X, 165.

— Антонъ, раскольничій вачетчикъ с. Бездны, Спасскаго у., т. X, 313, 319.

— Иванъ, казакъ, принесшій извѣстіе о Китаѣ, т. VIII, 673.

— Н. П., профессоръ кіевской духовной академіи. Статья его: Очеркъ изъ украинской литаратуры. Т. IX, 225—258, 513—552.

— О. А., актеръ, т. X, 141, 165.

— Преподаватель воронежской духовной семинаріи, т. VII, 101.

Петруччи, флорентійскій посолъ въ Парижѣ, т. X, 209.

Петръ (Платонъ Алексѣев. Троицкій), епископъ аккерманскій, викарій князевскій, т. VIII, 699.

Петръ I Святѣй, чернигорскій владика, т. IX, 415, 416.

Петръ I Алексѣевичъ, императоръ. Статьи по поводу столѣтія открытія наматина на берегу Невы. Т. IX, 164—184. Великопостный указъ его. Т. VIII, 233, 234.

Замѣтка о портретѣ. Т. VIII, 208—214.

Замѣтка по поводу изданія иллюстрированной исторіи его. Т. VII, 255, 256.

Замѣтка о вѣднн Нотебурга. Т. IX, 679, 680.

О пребываніи въ Даніи. Т. X, 219—221. Упомян. т. VII, 6, 262—270;

т. VIII, 189—143, 149, 150, 152, 221, 222, 408, 412, 479, 482, 483, 610, 613, 671, 692, 704; т. IX, 223, 224, 414, 420, 677, 728.

Петръ II Алексѣевичъ, императоръ, т. VII, 269, 279; т. VIII, 144, 674; т. IX, 166, 167.

Петръ II Нѣговъ, чернигорскій князь-митрополитъ, т. IX, 413—419.

Петръ III Бодоровичъ (Карлъ-Петръ-Ульрихъ, герцогъ Голштейнъ-Готторпскій), императоръ, т. VII, 269, 283, 502, 506—508, 521, 528; т. VIII, 494; т. IX, 424, 426, 587.

Петръ-Георгиевичъ Олденбургскій, принцъ, т. VIII, 230.

Петръ-Ульрихъ, герцогъ голштейнскій, т. IX, 428.

Пеке, вѣнская актриса, т. VII, 448.

Печерскій Андрей, посадникъ писателя-этнографа П. И. Мельникова, т. VII, 360.

Пишаръ, французскій министръ внутреннихъ дѣлъ, т. X, 189, 449, 450, 456.

Планинскій, ученый, т. IX, 441.

Плещинскій, Петръ Андреевъ, т. VIII, 190, 197.

Пироговъ, Никол. Ив., тайный совѣтникъ, профессоръ медико-хирургической академіи, т. IX, 384.

Пирхъ, адъютантъ великаго князя Михаила Павловича, т. IX, 665.

Пирчи:

— Баронесса Софья Петровна, рожденная гр. Зубова. См. Кайсарова.

— Баронъ, т. VII, 167.

Писаревскій, Никол., Григ., редакторъ-издатель газеты „Современное Слово“ и редакторъ газеты „Русскій Инвалидъ“, т. VII, 120; т. VIII, 887; т. X, 588.

Писаревы:

— К., председатель временной комисіи для разбора древнихъ актовъ, т. IX, 441.

— Никол. Еварестов., т. VIII, 85, 109; т. IX, 472.

— С. И. Сообщ. замѣтку: Пасхальные подарки, розданные смоленскимъ чиновникамъ въ 1772 году. Т. VIII, 695—697.

— Софья Гавр., т. VIII, 86.

Писемскій, Алексѣй Теофилакт., писатель. Вывозъ его на дуэль В. С. Курочкинымъ. Т. VIII, 321, 322.

Пичуринъ, Василій, рядовой козловскаго пѣхотнаго полка, т. VII, 282—284.

Пичъ, О. В., учитель гимназій въ Младой-Болеслави, въ Чехіи, т. IX, 6, 7, 365, 367—369.

Пла, Феликсъ, комунаръ, издатель газеты „Le Vengeur“, т. X, 464, 469, 686, 691.

Петровскій, Леонъ, повстанецъ, т. VIII, 557, 558, 565.

Плавицкины:

— Васил. Алексѣев., библиографъ, книгопродавецъ и владѣлецъ бібліотеки для чтенія, т. X, 165.

— Петръ Алексѣев., актеръ и писатель, т. X, 141, 143, 144.

Плава, Оскаръ, депутатъ, вѣнскій торговецъ и мѣръ г. Коняла, т. X, 667, 669.

Платеръ, Владиславъ, польскій графъ, эмигрантъ, т. VII, 458—457.

Платоны:

— (Городецкій), рижскій архіепископъ, нинѣ митрополитъ кievскій, т. VIII, 193, 201—204, 234.

— Киевскій митрополитъ, (1845 г.), т. VIII, 85, 87.

— (Левшинъ), законоучитель великаго князя Павла Петровича, вносилъ митрополитъ московскій, т. VIII, 8, 473; т. IX, 451, 584.

Плещинниковъ, русскій посолъ при дворѣ императора Максимилиана I, т. VII, 724.

Плетневъ, Петръ Александр., учитель навловскаго кадетскаго корпуса, вносилъ профессоръ и ректоръ петербургскаго университета, редакторъ журнала „Современникъ“, т. VIII, 353, 354.

Плещеевы:

— Родственникъ Карамзина, актеръ и тѣлецъ, т. VII, 617.

— Сергій Ив., писатель, т. IX, 594.

Плѣшицыны, дворяне, обратившіеся въ крестьянъ, т. IX, 213.

Побѣдинскій, капитанъ московскаго драгунскаго полка, т. VII, 526.

Побѣдоносцевъ, Конст. Петр., тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, оберъ-прокуроръ св. синода, т. VIII, 214.

Поггенель, телеграфное агентство въ Петербургѣ, т. VII, 650.

Погодинъ, Мих. Петр., профессоръ, историкъ и публицистъ, т. VII, 115; т. VIII, 447, 448; т. X, 97.

Погомова, А. Библиографическая замѣтка о сочин. ея: Фабричный бытъ Германіи и Россіи. Т. X, 472.

Погосскій, Александръ Фом., народный писатель, т. VIII, 604.

Пегулявъ, солдатъ владимірскаго пѣхотнаго полка, т. VII, 278.

Подгурскій, Д. А., бакалавръ кievской духовной академіи, т. VII, 338.

Понревскій, Яковъ Фарсов., протоіерей, преподаватель воронежскаго духов. училища, т. VII, 97, 100.

Половой, Никол. Алексѣев., писатель и журналистъ. Замѣтка объ участіи его въ изданіи „Сѣвѣрной Пчелы“. Т. X, 165—171. Упомин. т. IX, 226, 230, 248.

Полетаевъ, монахъ, профессоръ казанской духовной академіи. См. Григорій.

Полсадовъ, Ив., петербургскій протоіерей, т. VII, 232, 233.

Поласертъ, актеръ, т. VII, 438.

Полещевъ, А. А., т. IX, 164, 176.

- Полтавские:**
— Марк Федор., т. IX, 459.
— Сергей Дмитр., библиограф и библиомаг, авторъ „Словаря русских писателей“. Замѣтка о немъ. Т. VIII, 330—332.
фонъ-Воль, цензоръ, т. VIII, 245.
- Полтыны:**
— Д. В., т. VIII, 216.
— Художникъ, т. X, 439.
- Полновъ, исследователь Сахалина, т. IX, 677.**
Попаре, танцовца, т. VIII, 658, 659.
Попель, помощникъ скульптора Фальконета, т. IX, 176.
Попранцовъ, гвардейскій офицеръ, т. IX, 448.
Попиковскій, Янъ, липновскій воевода-благочинный, повстанецъ, т. IX, 338, 347, 555, 559—561.
Попилевскій, Никол. Герасим., писатель, т. X, 6, 577, 578, 592, 599, 600.
Попугевскій, Андрей Степ., учитель, т. X, 89.
- Поповы:**
— Вас. Вас., действит. статскій советникъ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія, т. VIII, 10, 28, 33, 35, 248, 245, 246.
— Гавр. Степан., т. VII, 358.
— Ив. Ив., дѣлчкъ с. Аскошнаго, землевладѣльцъ, воронежской губ., дѣдушка писателя В. И. Аскоченскаго. См. Аскошный.
— Нилъ Ал., профессоръ московскаго университета, т. X, 298, 306—308.
Поповъ, Леопольдъ, основатель телеграфнаго бюро, т. VII, 648.
Порошинъ, Семенъ Андреев., воспитатель великаго князя Павла Петровича, т. IX, 584, 585, 587.
Порталисъ, французскій министръ, т. IX, 194.
Порфирій (Успенскій), епископъ, т. X, 408.
Порфирьевъ, Ив. Як., профессоръ казанской духовной академіи, т. X, 14, 19, 22, 25.
Посниковъ, Петръ Яковлев., волковникъ, командиръ волынскаго гарнизона. Отзывъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 43, 44.
Постоловы, Алексій и Иванъ, живописцы, ученики Каравака, т. VIII, 479.
Постиховъ, Дмитр. Вас., действит. стат. советникъ, помощникъ ректора и ординарный профессоръ кievской духовной академіи. Библиографическая замѣтка о переработанномъ имъ сочиненіи А. Тьерри: Рассказы изъ римской исторіи V вѣка. Т. VII, 240—242.
- Пестиниковъ, митрополитъ петербургскій и новгородскій. См. Григорій.
Пестрихъ, Эдуардъ, защитникъ при мировомъ судѣ въ г. Плоцкѣ, повстанецъ, т. VIII, 578, 584, 585; т. IX, 114.
Петанитъ, исследователь общины Вотяковъ, т. IX, 677.
Петановъ, Александръ Львов., петербургскій оберъ-полиційн., воеводъ начальникой III отдѣленія собственной Е. В. канцеляріи, т. VII, 360.
Петашинъ, Петръ Ив., воевода бороскій, посланникъ въ Испанію, Францію и Англію, т. VIII, 467.
Петашинъ-Тавричскій, кн. Григорій Александръ, фельдмаршалъ, новороссійскій генералъ-губернаторъ, т. IX, 589, 591, 593; т. X, 141.
Петришинскій, М. А., священникъ, преподаватель кievской духовной семинаріи. Библиографическая замѣтка о соч. его: Образцы русской церковной проповѣди XIX вѣка. Т. X, 218.
- Петькины:**
— А. А., писатель. Предложеніе его объ открытіи всенародной подписки на сооруженіе памятника Н. В. Гоголю. Т. VIII, 700. Упомян. т. X, 579.
— Врѣтъ предъидущаго, писатель, т. X, 579.
Петшигеръ, писатель. Библиографическая замѣтка о сочин. его: Пруссія въ собѣтѣ германскаго союза. Т. X, 466—468.
Певъ, Эдгардъ-Аланъ, американскій поэтъ и романистъ, т. VIII, 478.
- Праленъ:**
— Шарль-Гюль-Теобальдъ, герцогъ Шуазель, оберъ-камергеръ, перъ Франціи, депутатъ, т. IX, 185, 186.
— Герцогиня, рожденная Себастьянъ, жена предъидущаго, т. IX, 185, 186.
Прасновья Иваномна, царевна, супруга генералъ-аншефа Ив. Ил. Дмитриева-Мамонова, т. VII, 270.
Прасновья Федоровна (Салтыкова), супруга царя Навана Алексѣевича, т. VIII, 150.
Праховъ, Адр. И., профессоръ, т. X, 231.
Проваль, французскій генералъ, т. IX, 194.
Претлаанъ, австрійскій дипломатъ, т. IX, 427.
Пржевальскій, Никол. Мих., полковникъ, ученый путешественникъ, т. X, 728.
Пржевальскій, Осипъ Антонов., действит. стат. советникъ, членъ главн. цензуры. управленія, т. VII, 125.

Принцъ, докторъ военно-сиротскаго корпуса, т. VIII, 125.

Прозоровскій, кн. Александръ Александровичъ, генералъ-фельдмаршалъ, московскій главнокомандующій, т. IX, 451; т. X, 481, 488, 485, 487, 495.

Прониковичъ, архіепископъ новгородскій. См. Теофанъ.

Пророковичъ, Лазарь, черногоорецъ, т. IX, 418.

Протасовъ, гр. Н. А., оберъ-прокуроръ св. синода, т. VIII, 246, 247; т. X, 376, 391, 398—395, 397—404, 406.

Проте, комузарь, т. X, 456.

Протосеаны:

— Бѣлий сержантъ, т. X, 497, 498.

— Сем. Ив., архимандритъ. См. Серафимъ.

Прохорова:

— Вас. Александръ, археологъ и этнографъ, основатель древне-христіанскаго и русскаго музея и издатель журнала Христіанскія древности. Некрологъ его. Т. IX, 447, 448.

— Д. А., преподаватель воронежскаго духовнаго училища, т. VII, 95.

Процено, Ю., археологъ. Библиографическая записка о его Археологическомъ путешествіи по Тифлису. Т. VII, 238—240.

Прудонъ, Гаэри, французскій полковникъ, т. X, 667.

Примсовъ, авторъ „Исторіи кабаковъ въ Россіи“, т. VIII, 596.

Пуль-Нертъ, французскій государственнй челоувѣкъ, т. X, 457.

Пулатъ, кара-киргизскій бей, т. X, 128.

Пурталесъ, гр. Альбертъ, прусскій дипломатъ, т. VIII, 662, 663.

Пурцеладзе, Д. П. Библиографическая записка объ издаваніи его: Грузинскія крестьянскія грамоты. Т. IX, 215. Записка объ открытіи имъ нечернаго города. Т. X, 728.

Пустовойтова, Анна, ренегатка, адъютантъ по польскаго революціонера Дангевича, т. IX, 95.

Путишовъ, смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Путитинъ, Иванъ, князь, т. IX, 448.

Пушмаревъ, подполковникъ, командиръ 6 стрѣлковаго баталіона, т. VII, 383.

Пушкины:

— Александръ Сергг. поэтъ. Новонайденныя его сочиненія и письма. Т. VII, 718, 719; т. VIII, 468. Упом. Т. VII, 18, 610, 612, 613, 628; т. IX, 285, 286, 248; т. X, 159, 166, 225, 470.

— Алексѣй Мих., т. VII, 611.

— Вас. Львов., поэтъ, дядя А. С. Пум-

кина. Биографическій очеркъ. Т. VII, 606—624.

— Капитолина Мих., рожденная Внѣславлева, супруга В. А. Пушкина, т. VII, 607.

— Левъ Серггевъ, артиллерійскій полковникъ, т. VII, 606.

— Ольга Вас., рожденная Чичерина, вторая супруга Л. С. Пушкина, т. VII, 606.

— Рожденная Воейкова, первая супруга Л. С. Пушкина, т. VII, 606.

— Серг. Львов., дядя поэта А. С. Пушкина, т. VII, 607, 610.

Пуцень-Григоровичъ, нитрополитъ. См. Веніаминъ.

Пфелеръ, т. IX, 279.

Пфелдереръ. Ст. его: Мнѣ о Прометѣ. Т. VIII, 630—636.

Пфуль, лужицкій филологъ, профессоръ дрезденской королевской гимназіи, т. IX, 18.

Плещинъ, А. Н. Библиографическая записка о его Старообрядческомъ синодикѣ. Т. VII, 484. Упом. т. X, 577.

Пьери, членъ тайнаго общества Молодая Италия, т. IX, 197—198, 203, 204.

Пьеръ-Наполеонъ Бонапарте, т. X, 682, 685.

Пьетри, префектъ парижской тайной полиціи, т. IX, 198.

де-Понъ, Гаэри, редакторъ „Paris Journal“, т. IX, 625.

Р.

Раваа, офицеръ, т. VII, 391, 392.

Рагузинскій, графъ, т. VIII, 674.

Радинскій, княгиня. См. Дуна.

Радинская, польская революціонерка, т. IX, 578.

Радловичъ, штабъ-капитанъ, смотритель политическаго отдѣленія новогорьской крѣпости, т. VIII, 587—589, 591; т. IX, 88, 90—93, 96, 97, 99, 100, 108—105, 107—111, 116, 119, 122, 126, 127, 325—328, 331, 336, 341—345, 347, 351, 352, 353, 554, 563—565, 567, 571—579.

Радлинскій, И. Библиографическая записка о соч. его: „Написки персидскихъ царей изъ рода Ахеменидовъ“. Т. IX, 216.

Раевскіе:

— Госпожа, т. X, 476.

— Маіоръ 28-го егерскаго полка, т. VII, 151, 153.

— Петръ, малороссійскій писатель. Записка о немъ. Т. IX, 541—552. Упом. т. IX, 531, 532.

- Разинъ, Степъля, донской казакъ, са-
мованецъ, т. X, 513.
- Разуа, варшавскій депутатъ француз-
скаго національнаго собранія, т. X, 200.
- Разумовскіе, графы:
— Алексій Григ., фельдмаршалъ, т.
VII, 506, 513—515; т. VIII, 129, 480;
т. IX, 428, 588.
- Кирилл Григ., камеръ-инженеръ,
президентъ академіи наукъ, послѣдній
тетманъ Малороссіи, т. VIII, 480.
- Развай, баронъ, генералъ, начальникъ
архангальскаго военнаго округа, т. VII,
378.
- Рамерино, Джироламо, т. IX, 211.
- Равель, коммунаръ, т. X, 454, 459,
679.
- Равикъ, Осипъ В., чешскій писатель, т.
IX, 366.
- Раггцау-Ашебергъ, гр. Карлъ, т. VIII,
487, 488, 442—444.
- Распайль, Франсуа-Венсанъ, химикъ,
докторъ, политикъ и издатель газеты „La
Tribune“, т. VIII, 652, 656; т. IX, 186.
- Растрелли, гр., архитекторъ, т. VIII,
148; т. IX, 165—167.
- Растуль, коммунаръ, т. X, 687.
- Ратсбонъ, Луи, редакторъ „Journal
des Débats“, т. X, 446.
- Рауверъ, Фридрихъ, нѣмецкій историкъ,
основатель „Historisches Taschenbuch“,
т. IX, 419.
- Рафенъ, Екатерина-Жозефина. См. Дю-
шенуа.
- Рахальскій, шляхтичъ, нодольскій раз-
бойникъ, т. IX, 536.
- Рахинъ-шаль, правитель Каратигена,
т. X, 125—127.
- Рахинбай, генералъ-майоръ коканскихъ
войскъ, т. X, 118.
- Регалъ, послѣдователь Каратигена и
Дарваа, т. IX, 677.
- Ремьеръ де Шенмеръ, докторъ медицины
и ветеринаръ, коммунаръ, т. X, 679,
686.
- Реймонъ, писатель. Замятка о его соч.
„Джидно Капюни“. Т. IX, 686—688.
- Рейнбольтъ, пасторъ, т. VII, 486; т. VIII,
14.
- Рейдль, капитанъ, т. VII, 444.
- Рейтеръ:
— Рижскій балкиръ, т. VII, 441.
— Юліусъ, баронъ, основатель и глава
телеграфнаго агентства въ Лондонѣ, т.
VII, 685—686, 639, 640, 642—644, 648.
- Реманъ, Эрнестъ, французскій ученій,
т. X, 418.
- Ремгартенъ, подполковникъ, т. VII, 382,
384, 385.
- Ремье, французскій живописецъ, т. X,
439.
- Ремье-де-Сонъ-Мавъ-д'Анжелъ, француз-
скій депутатъ, влослѣдствіи военный ин-
женеръ и маршалъ, т. IX, 194.
- Ретинъ. Библиографическая замятка
о сочин. его: „Министръ фонъ Цедлицъ
и положеніе высшихъ учебныхъ заведе-
ній во времена Фридриха Великаго“. Т.
X, 694—696.
- Реттхъ, Юлія, актриса, т. VII, 446.
- Рехневскій, редакторъ „Журнала инжи-
стерства народнаго просвѣщенія“, т. X,
582.
- Рибие, Николай, пасторъ, штудистъ,
VIII, 890.
- Ривальтъ, псевдонимъ итальянскаго пи-
сателя Кастелладо, т. IX, 388.
- Риге, Рауль, журналистъ, начальникъ
поліціи парижской коммуны, т. X, 201,
454, 455, 463, 674, 675.
- Ридигеръ, владѣлецъ нѣмецкаго книж-
наго магазина въ Москвѣ, т. IX, 459.
- Ринердъ, Петръ Из., адмиралъ, т. VIII,
320.
- Риттеръ, Морицъ, профессоръ ботани-
ко университета, т. IX, 429.
- Рифальтъ-Папа (Саднъ), турецкій ин-
женеръ иностранныхъ дѣлъ, членъ совѣ-
та танзимата и президентъ военнаго со-
вѣта, т. VIII, 662.
- Робеспьеръ, Максимилианъ-Франсуа-
Исидоръ, IX, 638; т. X, 205.
- Роминскій, Дмит. Александр., тайный
совѣтникъ, сенаторъ. Замятка по поводу
его „Русскихъ народныхъ картинокъ. Т.
VII, 496; т. VIII, 702, 703. Библиогра-
фическая замятка объ изданіи его: „До-
стоѣнныя портреты московскихъ госу-
дарей. Т. VII, 722—724. Упомян. Т. VII,
256; т. VIII, 149.
- Роге, гр. Франсуа, французскій гене-
ралъ, перъ и сенаторъ, адъютантъ Напо-
леона III, т. IX, 203.
- Родбертусъ Ягетцовъ, германскій поли-
тический писатель, т. IX, 612, 614, 615.
- Роде, супруга генералъ-лейтенанта,
рожденная Дадина, т. VIII, 853.
- Роденсъ, жандармскій унтеръ-офи-
церъ новогеоргіевской крѣпости, т. IX,
564, 566—570.
- Рождествовскіе:
— Учитель петербургской VI гимна-
зій, т. VIII, 418, 419.
— Яковъ Григор., учитель казанской
гимназій, т. X, 5, 9, 14, 27, 29, 305,
306, 312.
- Роминовъ, Ештеп. Петр., генералъ-лей-
тенантъ, полцій, а потомъ варшавскій
губернаторъ, влослѣд. сенаторъ, т. VIII,
578.
- Розенбаумъ, т. IX, 266—268, 289, 473.

Резенфельдтъ, Эверъ, почтмейстеръ въ Никюбингѣ, т. X, 220.

Резень:

— Баронъ, казанскій губернаторъ, т. VIII, 253.

— Е. О., баронъ, писатель, авторъ либретто оперы „Жизнь за царя“, т. VII, 121—123; т. X, 164.

Резовъ, поручикъ, т. VII, 364—367.

Рейлеръ, Андрей Адамовичъ, художникъ, профессоръ декорационной живописи, т. X, 165.

Ремановы:

— Русскій боярскій домъ, т. X, 214, 216.

— Фодоръ Никитичъ, патриархъ. См. Фигаретъ.

Ремодановскій, кн. Фодоръ Юрьевъ, князь-кесарь, начальникъ преображенскаго приказа, т. VIII, 150.

Ресновичево, подольскій директоръ, т. IX, 279.

Рессель:

— Джонъ, лордъ, англійскій первый министръ, впоследствии министръ иностранныхъ дѣлъ, т. VIII, 661.

— Президентъ военнаго отдѣла парижской коммуны, т. X, 444, 452—454, 463.

Рессетъ, Александра Осип. См. Смирнова.

Рессю, графиня. См. Зонтагъ.

Рессювъ, студентъ казанской духовной академіи, т. X, 40.

Рессъ, Денманъ, ученый. Библиографическая записка о соч. его: „Опытъ по древнѣйшей исторіи учрежденій“. Т. X, 698—701.

Рестиславичъ, А. В., писатель, т. IX, 280.

Рестновскій, повстанецъ, т. VIII, 568, 569.

Рестовцевъ, Яковъ Ив., главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній и председатель комитета объ устройствѣ крестьянъ, т. VII, 848; т. VIII, 845—849, 851, 852, 855; т. IX, 602; т. X, 156, 157.

Рошфоръ, Генри, французскій публицистъ, т. X, 194, 195, 198, 456, 462, 676, 677, 686, 691.

Ртищевъ, Фодоръ Мих., постельничій царя Алексѣя Михайловича, основатель преображенской пустыни, т. VIII, 381, 382.

Рудзевичи:

— Александръ Яковл., генералъ, т. VII, 662.

— Начальникъ штаба 2 арміи, т. VII, 134, 137, 141.

Руденко, Ив. Григ., писатель подъ

псевдонимами: Баронъ фонъ-Козъ, Пслѣдній Трубадуръ и Страстнующій Ридаръ, т. VII, 356.

Руде-да-Сильва, итальянскій революціонеръ, т. IX, 203, 204.

Рудневъ, Ив. Макс., архіепископъ, а потомъ митрополитъ. См. Іоаннншій.

Рудеффовы:

— Священникъ саратовской епархіи, т. X, 307.

— Я. В., бакалавръ казанской духовной академіи, т. X, 35, 307.

Рудченко, И., собиратель памятниковъ народной украинской словесности, т. IX, 516.

Рудневскій, Ед., авторъ сборника малорусской народной поэзіи, т. IX, 229.

Румовскій, академикъ, т. VIII, 187.

Румищевы, графы:

— Александръ Ив., сенаторъ, генералъ-аншефъ, т. VII, 516.

— Никол. Петр., государственный канцлеръ, основатель музея его имени. Записка о пятидесятилѣтн этомъ музее. Т. IX, 221.

Румичъ, попечитель петербургскаго учебного округа, т. VIII, 28—30, 33, 34, 250, 252.

Рупрехтъ, академикъ, т. X, 420.

Руссе, Камилъ, членъ французской академіи, т. VIII, 664.

Руссо, Жанъ-Жакъ, энциклопедистъ, т. VII, 260.

Русъ, бонапартистъ, т. X, 450.

Рузъ, французскій министръ, т. VIII, 640.

Рыло, архіепископъ ростовскій. См. Вассіанъ.

Рылъ, Людвигъ, политическій преступникъ, т. VII, 379.

Рылъевы:

— Александръ Мих., генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, комендантъ импер. глав. квартиры, т. IX, 597.

— Петербургскій полиціймейстеръ, т. VIII, 500.

— Поэтъ, т. X, 328.

Рыдовскій, Никол. Семен., т. X, 86.

Рѣпинъ, князь, т. X, 483.

Рябининъ, Д. Д. Ст. его: „Воспоминаніе его о Н. Д. Мизко. Т. X, 83—108.

С.

Сабантьевъ, Ив. Вас., генералъ-лейтенантъ, командиръ 6-го корпуса, т. VII, 138, 143, 151—153.

Сабатье де-Набрь, французскій посланникъ въ Петербургъ, т. IX, 586, 587.

- Саблуновъ, Гордій Семен., профессоръ казанской духовной академіи, т. X, 22.
- Савватій, монахъ ярославскаго толскаго монастыря, государственній преступникъ, т. VII, 511, 512.
- Савельевъ, Викторъ Констант., музикаль, членъ русскаго археологическаго общества. Некрологъ его. Т. VIII, 477.
- Савина, Прасковья Ив., рож. жена Куликова. См. Орлова.
- Савченко, Петръ, священникъ г. Александро-вола, т. VIII, 598—600.
- Сазимовъ, мануфактуръ-совѣтникъ, т. VII, 650, 651.
- Салтыковы:**
— Генералъ-адъютантъ, т. VII, 492.
— Гр. Ив. Петр., московскій генералъ-губернаторъ, впоследствии фельдмаршалъ. Діясмо его къ П. В. Лопухину. Т. VIII, 236, 286.
— Мих. Габбоъ, русскій бояринъ и воєвода, т. X, 216.
— Сергій, камергеръ, т. IX, 425, 426.
— Царца. См. Прасковья Федоровна.
- Самаринъ, Юрій Федор., товарищъ министра внутр. дѣлъ, послѣд. статъ-секретарь по дѣламъ Ц. П., т. VIII, 187, 201, 892; т. IX, 679.
- Самойловъ, Александръ Никол., генералъ-прокуроръ, X, 496—499.
- Самковскій, Вас. Демьян., секретарь ярославскаго приказа общественаго призрѣнія, стихотворецъ, основатель перваго провинціального журнала Уединенный Помехонецъ, т. X, 237—240.
- Салещій, волынский совѣстный судья. Отзавъ о немъ писателя Аскоченскаго. Т. IX, 43.
- Сансонъ, французскій актеръ, т. VIII, 655.
- Салченко, Петръ, священникъ, т. X, 221.
- Сантга, польскій графъ, т. VII, 201.
- Сафьянниковъ, Петръ, протоколистъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, т. IX, 664.
- Сахаровъ, Семенъ, московскій мѣщанинъ, т. VIII, 235.
- Свадьбинъ, Василій, крестьянинъ с. Покровскаго, чембарскаго уѣзда, т. IX, 446.
- Свиданская, дѣвица, сочувствовавшая повстанцу Домбровскому въ Сибирь, т. X, 666.
- Свидницкій, Антоній, малороссійскій писатель. Замѣтка о немъ. Т. IX, 529—540. Упомян. т. IX, 231, 232.
- Свѣтловъ, священникъ рижской епархіи, т. VIII, 193—195.
- Свѣтзаровъ, Ефимъ Егор., воспитанникъ воронежской духовной семинаріи, т. VII, 105.
- Свѣтушниковъ, коллеж. ассес., содержа-
- тель московской университетской типографіи, т. IX, 451, 452.
- Свѣтцы:**
— Госпожа, провѣстка, т. VIII, 15.
— Начальникъ отдѣленія канцеляріи министерства императорск. двора, т. VII, 350.
- Себастьян. См. Прагелъ.
- Себастьянъ, доузъ, король португальскій, т. X, 208.
- Севастьяновъ, П. И., т. IX, 221.
- Сегюръ д'Огессе, графъ Луи-Филиппъ, французскій поэтъ, историкъ и дипломатъ впоследствии въръ, т. IX, 195.
- Семидъ-Мугаммедовъ, правитель Каратигена т. X, 125, 126.
- Сеймуръ, Джорджъ Гамилтъонъ, англійскій посланникъ въ Петербургъ, а потомъ въ Вѣнѣ, т. VIII, 662.
- Семинъ III, турецкій султанъ, т. IX, 415.
- Семинъ, Александръ Ив., профессоръ кіевскаго университета, членъ временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ, т. IX, 441; т. X, 97, 99.
- Семевскіе:**
— Вас. Ив., магистръ русской исторіи, писатель. Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Т. VIII, 226—230.
— Мих. Ив., тайный совѣтникъ, редакторъ-издатель „Русской Старини“, т. X, 577.
- Семена, генералъ-лейтенантъ, т. IX, 342.
- Семеновъ, воспитанникъ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 355.
- Семеновскій, Н., т. X, 97.
- Семеновскій, Осипъ Ив., профессоръ петербургскаго университета, писатель и критикъ (баронъ Бранбеусъ), т. X, 159.
- Семъ-Ле, Гортензія, герцогиня, бывшая голландская королева, т. VIII, 653, 654.
- Семъ-Симонъ, французскій генералъ, т. IX, 194.
- де-Семъ-Арие, Жакъ Лероа, французскій маршалъ, т. VIII, 664; т. IX, 190—193, 197—199.
- Семъ-Жоржъ, французская актриса. т. VII, 199.
- Семъ-Илеръ, Бартеlemi, секретарь Тьера, т. X, 461, 462.
- Семъ-Олеръ, гр. Луи-Бонапаль, членъ французской академіи, французскій посланникъ въ Римъ, Вѣнѣ и Лондонѣ, т. VII, 445.
- Семисманъ, Иосифъ, польскій повстанецъ, т. IX, 99.
- Серафимъ:**
— (Аретинскій), ректоръ казанской духовной академіи, послѣд. архіепископъ воронежскій, т. X, 17.

- Бакалавръ кievской духовной академіи, т. VII, 336.
- (Глаголевскій), митрополитъ номгородскій и петербургскій, т. VIII, 35, 242, 243, 248, 249, 266; т. X, 393—400, 407.
- (Семень Изъ Протопопова), архимандритъ, инспекторъ казанской духовной академіи, т. X, 19, 28.
- Сербиновичъ, синодальный чиновникъ, т. X, 402—404.
- Сергій, святой, игумень и чудотворецъ Радонежскій, основатель Троицко-Сергiевской лавры, т. VII, 238.
- Сергій Максимилановичъ, герцогъ Лейхтенбергскій, т. IX, 604.
- Сергѣевичъ, Вас. Изъ., дѣйствит. статскій совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета, т. VIII, 216—218.
- Серъизъ, командиръ баталіона парижской національной гвардіи, т. X, 677, 678.
- Сессе, французскій адмиралъ, т. X, 667, 681.
- Сестреничъ-Богущъ, римско-католическій митрополитъ въ Россіи, т. VIII, 35.
- Сецидскій (Сецидскій), Константинъ, отставной офицеръ, польскій повстанецъ, т. IX, 398, 558—560.
- Сечени, графъ, путешественникъ по Китаю, т. X, 727, 728.
- Сиверсъ, Петръ Федор., секретарь великаго князя. Загадочный арестъ его. Т. VII, 243—245.
- Сигизмундъ II Августъ, король польскій, т. VII, 167.
- Сигизмундъ III (Ваза), король польскій, т. X, 216.
- Сидорчукъ, часовая въ новогоріевской крѣпости, т. VIII, 578, 586, 592.
- Синевичъ, В. М., редакторъ „Петербургскаго Листка“. Изъ воспоминаній его: Два врага (Суворовъ и Муравьевъ). Т. X, 422—430.
- Симорскій, польскій повстанецъ, т. IX, 116.
- Синстъ, изъ Оттерсторфа, чешскій издатель, т. IX, 370, 373.
- Сильверстовъ, капитанъ, плацъ-адъютантъ въ новогоріевской крѣпости, т. VIII, 567, 576; т. IX, 565.
- Сильвестръ, священникъ Благочинскаго собора въ Москвѣ, а потомъ монахъ, наставникъ царя Ивана Грознаго, авторъ Домостроя, т. VII, 260.
- Сильери, маркиза. См. Жанильс.
- Симонъ, Жюль, французскій государственный человекъ, т. X, 448, 464, 676.
- Синицынъ, Д., начальникъ стола департамента полиціи исполнительный и. в. д., т. X, 720.
- Сиповскій, В. Д. Библиографическая записка объ изданіи его: Родная Старина. Т. VII, 726—731.
- Сире, брисселльскій адвокатъ, т. VII, 447.
- Сиретинъ, корнетъ, т. VII, 836, 873.
- Сирскій, Сава, малороссіяннинъ, т. X, 497, 498.
- Сиссе, французскій генералъ, т. X, 672, 675.
- Смальковскій, А., т. X, 97.
- Сиверцовы:
- И. М., профессоръ кievской духовной академіи, т. VII, 338.
- Подполковникъ, подоольскій жандармскій штабъ-офицеръ, т. IX, 283.
- Силаревъ, прапорщикъ, александровскій уѣздный стряпчій, т. X, 221, 222.
- Сибеловы:
- Дмитръ И., генералъ, т. IX, 395, 396.
- И. Н., генералъ, шефъ рязанскаго полка, т. IX, 395.
- Мих. Дмитръ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи. Записка о завоеваніи Ахаль-Теке. Т. VII, 721, 722. Памяти его. Т. IX, 395—402. Посмертныя бумаги его. Т. X, 109—138, 275—294. Упомян. т. VIII, 155, 166.
- Сковскій, греко-уніатскій архимандритъ почаевской лавры, т. X, 232.
- Скосырева, Анна Павлов., т. IX, 269.
- Скирминскій, генералъ польскихъ войскъ, т. IX, 210.
- Славицкій 2-й, офицеръ 4-го стрѣлковаго баталіона, повстанецъ, т. VII, 364, 393; т. VIII, 568, 569.
- Слѣпцовъ, Пав. Никол., генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, т. IX, 597.
- Смирдинъ, Александръ Филипп., книгопродавецъ и издатель, т. X, 165—171.
- Смирницкіе:
- Архіепископъ воронежскій. См. Антоній.
- В. Н., авторъ сборника малорусскихъ пословицъ и поговорокъ, т. IX, 229.
- Смирновы:
- Александра Осип., рожденная Росеть, фрейлина. Некрологъ ея. Т. X, 225, 226.
- Д. А., московскій артистъ-моделировщикъ. Записка о его модели царскаго дома. Т. VII, 735, 736.
- Никол. Мих., калужскій, а потомъ петербургскій губернаторъ, т. X, 226.
- Смиттъ, Ф. Ф., авторъ исторіи военныхъ дѣйствій 1831 г., т. IX, 207, 211.
- Смитъ, Вильямъ Сидней, британскій адмиралъ, т. VII, 209.
- Смолинскій, Ипполитъ, польскій повстанецъ, т. IX, 557, 573.
- Смысловы:
- Анисимъ, московскій купецъ, т. VIII, 235, 236.

— Н. К., воспитаникъ воронежской духовной семинари, т. VII, 102.

Собенячь, Антошъ Из., преподаватель воронежской семинари, т. VII, 101.

Собинъ, Н. П. Ст. его: Французскіе художники въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, живописецъ Людовикъ Караважъ. Т. VIII, 138 — 148. Сообщилъ: Дополнительныя свѣдѣнія о Л. Караважѣ. Т. VIII, 479, 480, 703, 704. Географическій снимокъ съ портрета Н. В. Гоголя, рисованнаго Иваномъ И. Т. IX, 225.

Собелескій, А. И. Библиографическія замѣтки его: Исторія православнаго монашества въ сѣв.-восточной Россіи—М. Кудрявцева. Т. VII, 288. Митрополитъ Давидъ и его сочиненія. Т. VII, 471—474.

Собрія, французскій коммунаръ, т. IX, 633, 634.

Солелескіе:

— Н. М., т. X, 587.

— Янъ, польскій повстанецъ, т. IX, 338, 341, 559.

Соломы:

— Авторъ, т. X, 141.

— Из., граверъ, т. VIII, 145, 147.

— Из. Федор., смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

— Іоаннъ, ректоръ казанской духовной академіи, т. X, 297, 298.

— Нафанякъ, профессоръ казанской духовной академіи, т. X, 22.

Солугубы:

— Графъ, т. VIII, 195, 196.

— Гр. Владим. Александр., дипломатъ и писатель. Неурологъ его. Т. IX, 223.

Солыщевъ, кременецкій засѣдатель, участвовавшій въ приѣмѣ отъ униатовъ почтаевской лавры, т. X, 233.

Сольевы:

— Баронъ, командиръ лейбъ-гв. егерскаго полка. Ошибка его. Т. X, 641—646.

— Владиміръ, т. X, 409.

— Волынкскій архіепископъ. См. Ага-вангель.

— Сергій Мих., историографъ, профессоръ. Библиографическая замѣтка о его сочиненіяхъ. Т. VIII, 670 — 672. Упомян. т. VIII, 443; т. X, 381.

— С. О., профессоръ кievской духовной академіи, т. VII, 339.

— Учитель исторіи военно-сиротскаго корпуса, т. VIII, 123.

— Яковъ Александр., тайный совѣтникъ членъ, завѣдывавшій дѣлами учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ, сенаторъ, т. VIII, 396.

Сомовы:

— Слуга „чернаго кабинета“ французскаго правительства, т. VIII, 350.

— Орестъ М. (Перфирій Байскій), писатель, т. IX, 229, 230.

Сорокинъ, Григорій, барабанщикъ. Записка о немъ: Неудавшіяся мощи. Т. VIII, 486, 487.

Сотниковъ, т. IX, 279.

Софиско-Сухоминновъ, капитанъ, ротный командиръ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 352.

Софія:

— Австрійская эрцгерцогиня, т. VII, 444.

— Великая герцогиня, правительница Бадена, т. VII, 448.

— (Палеологъ), греческая царица, супруга московскаго князя Ивана III, т. X, 214.

Софія Алексѣевна, царица, соправительница, въ вѣнчествѣ Сусанна, т. VII, 262; т. VIII, 692.

Спасовичъ, Владим. Давидъ, адвокатъ-писатель. Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: Жизнь и политика маркша Велепольскаго; изводъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Т. VIII, 684—688.

Спасоскій, Петръ. См. Фотій.

Спераскій, гр. Мих. Мих., русскій юристъ, государственный секретарь. Служба изъ жизни его. Т. X, 721, 722. Упомян. т. VII, 12, 19, 667—669; т. VIII, 253; т. X, 727.

Срезневскіе:

— Авторъ сборника малорусской народной поэзіи (1833 г.), т. IX, 229.

— Измаиль Из., тайный совѣтникъ, заслуженный профессоръ, академикъ, деканъ и ординарный профессоръ петербургскаго университета, т. IX, 364; т. X, 97.

С—ский, А. Библиографическія замѣтки его: Макарій, митрополитъ всероссійскій—Н. Лебедева. Т. VII, 724—726. Митрополитъ Кипріянь въ литургической дѣятельности—Мансветова. Т. X, 711—713.

Старовскій, М., профессоръ кievскаго университета, членъ временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ, т. IX, 441.

Стандровскій, тамбовскій священникъ, т. VII, 733, 734.

Старицкій, лейтенантъ, т. X, 176, 177.

Стариковъ, посолъ къ мунгалскому князю Даянъ-Нойону, т. VIII, 673.

Стародубцовъ, самозванецъ (же-царевичъ Петръ Петроичъ), т. VII, 279.

Стасовъ, Владим. Вас., действит. статскій совѣтникъ, бібліотекаръ императорской публичной бібліотеки. Замѣтка его: Сербскій портретъ Петра Волынаго. Т. VIII, 208—214. Упомян. т. VIII, 140.

Степановы:
 — Актриса, т. X, 165.
 — Василий, придворный музыкантъ, т. VIII, 148.
 — Иванъ, секунд-майоръ, алексопольскій городничій, т. VIII, 598.
 — Полковникъ, т. IX, 457.
 — Провинціальнѣй секретарь, старшина мѣстечка Орлика. Т. X, 221, 222.
 Стефани, телеграфное агентство, т. VII, 648.
 Стефанія, великая герцогиня баденская, т. VII, 214.
 Стопановскій, М. М., писатель, т. X, 579.
 Стороженко, Алексѣй Петров., чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ вн. дѣлъ и виленскомъ генераль-губернаторѣ, впоследствии предводитель дворянства, малороссійскій писатель. Записка о немъ. Т. IX, 518—529. Упомян. т. IX, 291, 292, 245.
 Стоюнинъ, В. Я., Ст. его: Консерватори сороковыхъ годовъ. Т. VII, 5—28.
 Стояновскій, Никол. Ив., тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, т. X, 224.
 Страмовъ, Павелъ, канцеляристъ государственной иностранной коллегіи, т. IX, 219.
 Страусъ, секретарь дерптскаго ордунасъ-герихта, т. X, 728.
 Страховъ, Н. Библиографическая записка о соч. его: Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ. Т. VIII, 466—470.
Строгановы:
 — Гр. Александръ Григ., генераль-адъютантъ, генералъ отъ артиллеріи, членъ государств. совѣта, т. IX, 865.
 — Гр. Александръ Сергѣев., действительный камергеръ, членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, т. IX, 584.
 — Гр. Сергѣй Григор., генераль-адъютантъ, попечитель москов. учебнаго округа, членъ государств. совѣта, воспитатель цесаревича Николая Александровича. Некрологъ его. Т. VIII, 476, 477.
 — Семенъ Анкиев., колонизаторъ велико-пермской земли, т. X, 252.
 — Сергѣй, т. VII, 284.
 Стровъ, Владим. Мих., писатель и переводчикъ, т. X, 168.
 Струве, Карлъ Вас., действит. статскій совѣтникъ, камергеръ, дипломатъ, т. X, 183.
 Струнзе, гр. Юганъ-Фридрихъ, докторъ медицины, лейбъ-медикъ датскаго короля, впоследствии министръ кабинета, т. VIII, 435—444.
 Стрѣшнова, т. VIII, 150.
 Стурдза:
 — Александръ Скарлатов., русскій

дипломатъ, господарь Молдавіи, т. VII, 664.
 — Фрейлина. См. гр. Эдлингъ.
 Субботинъ, Ник. Ив., профессоръ московской дух. академіи, т. VIII, 195, 198.
 Суворинъ, Алексѣй Сергѣев., издатель газеты „Новое Время“, т. VII, 256.
Суворовы-Рымникскіе:
 — Гр. Александръ Аркадьев., князь Италійскій, генераль-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, генераль-инспекторъ пѣхоты. Дѣятельность его въ остзейскомъ краѣ. Т. VIII, 185—207. Вражда его съ гр. М. Н. Муравьевымъ. Т. X, 422—480. Упомян. т. IX, 597.
 — Любовь, супруга предъидущаго. Т. X, 424—427.
 Сугорскій, князь, т. VII, 724.
 Судминскій, польскій повстанецъ, т. IX, 388.
 Сулейманъ-Удайча, коканскій князь, т. X, 128.
 Сумароковъ, Петръ, т. VII, 284—286.
 Суслевъ, актеръ, т. X, 141.
 Суссень, Августъ-Фридрихъ, герцогъ, т. VII, 218.
 Сутерландъ, банкиръ, т. IX, 598.
 Сухановъ, келарь троицкаго монастыря. См. Арсеній.
 Сухаревъ, Петръ, купецъ, фабрикантъ красокъ, т. VIII, 147.
 Сухозановъ, генералъ, главный директоръ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 347, 348, 360.
 Сухомлиновъ, Мих. Ив., действит. статскій совѣтникъ, академикъ, заслуженный профессоръ петербургскаго университета. Библиографическая записка о его Исторіи российской академіи. Т. X, 469—471. Упомян. т. X, 224.
 Сухтеленъ, гр. Петръ Корнилов., инженеръ-генералъ, т. VII, 662.
 Сыровъ, жандармъ въ новогоріевской крѣпости, т. VIII, 582, 589; т. IX, 98, 99, 104, 109, 113.
 Стровъ, подполковн., начальникъ военнаго отдѣла въ Самарандѣ, т. X, 132.

Т.

Тавлеть, купецъ, фабрикантъ красокъ, т. VIII, 147.
 Тайлеръ, баронъ, директоръ французскаго театра, т. VIII, 655.
 Тамызинъ, учитель павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 368, 364.
 Тальботъ, единбургскій профессоръ, изобрѣтатель фотографіи, т. X, 161.
 Тамизье, французскій генералъ, т. IX, 623.

Тамъ-бала, намаганскій почетный ж-тель, т. X, 129.

Тамцовъ, Борисъ Матв., смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.

Тамбовъ, Александръ Сергѣй, статсъ-секретарь, сенаторъ, управляющій I отд. собств. Е. В. канцелярн, т. VII, 14.

Тамские, предки писателя Н. Б. Гоголя по женской линіи, т. IX, 246.

Тарановичъ, разбойникъ, т. IX, 586.

Тарнава, И. П. Сообщ. анекдотъ объ Арачсеви. Т. VII, 489.

Тарнава-Борщевскій, Иванъ Петр., начальникъ отдѣленія, вносѣд. директоръ канцелярн главн. управл. нут. сообщ., т. VII, 110.

Тарсий, Варооломей, историческій живописецъ, т. VIII, 480.

Тарховъ, Константинъ, регистраторъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, т. IX, 664.

Татаряновы:

— Валеріанъ Алексѣевъ, тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь, государственнй контролеръ. Оригинальная резолюція его. Т. VII, 486.

— Сektанка (рожденная Бунсгендевъ), т. VIII, 246, 247.

Татищевы:

— Вас. Никит., историкъ, т. VII, 274, 276; т. VIII, 443, 626.

— Н. В., т. VIII, 144.

Теве, путешественникъ VI столѣтія, т. VII, 728.

Теллюсовскій, Аркадій Захар., инженеръ-поручикъ, учитель павловскаго кадетскаго корпуса, вносѣд. инженеръ-генералъ-лейтенантъ, т. VIII, 858.

Теодорикъ (Альтенбургскій), гротмейстеръ рнцарей тевтонскаго ордена, князь Литвы и Жмуди, т. VII, 163, 164.

Теотокн, графиня, по первому браку Эленбороу, т. VII, 215—217.

Терещинна, А., авторъ сборника малорусской народной поэзіи, т. IX, 229.

Терновскій, Фил. Алексѣевъ, профессоръ кіевской духовной академіи, т. X, 378.

фонъ-Тизенгаузенъ, баронъ Гансъ, естляндскій ландратъ, шведскій посолъ въ Россіи, т. VII, 652.

Тиль, Людвигъ, нѣмецкій поэтъ, беллетристъ и критикъ, т. VII, 446, 449, 451.

Тилеманъ-фонъ-Зунлахъ, рнцарь тевтонскаго ордена, т. VII, 165, 166.

Тимашевъ, Александръ Егор., генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, министръ почтъ и телеграфовъ, а потомъ внутреннихъ дѣлъ, членъ государственн. совѣта, т. VIII, 384.

Тимъ, Вас. Ѳеодор., живописецъ и издатель Русскаго Художественнаго Листка, т. VII, 351.

Тимофеевъ, офицеръ, т. VII, 391, 392.

Тиндаль, знаменитый физикъ, т. X, 727.

Тихомирничій, помощникъ военннхъ делъ казанскаго учебнаго округа, т. X, 312.

Тихомировъ, М. Л., т. IX, 658.

Тихоминовъ, Павелъ Андреевъ, полковникъ, ротный командиръ императорскаго военно-сиротскаго дома, т. VIII, 116, 121, 124, 844.

Тининъ, канцеляристъ, т. VII, 280.

Толкино:

— Гапринъ, салтчинникъ, т. VII, 784.

— Иванъ, кирсановскій дьячекъ. Соора его съ своимъ настоятелемъ, протопресвѣ Колмановскимъ. Т. VII, 783, 784.

Тодтъ, восторъ, писатель, т. IX, 608.

Томаронскій, Густавъ, польскій повстанецъ, т. IX, 347.

Толель, парижскій работникъ, депутатъ, т. X, 676.

Толыга, Мих. Ив., офицеръ военно-сиротскаго корпуса, т. VIII, 121.

Толстыя:

— А. К., графиня, т. VIII, 479.

— Гр. Дмитръ Андреевъ, действит. тайный совѣтникъ, сенаторъ, министръ народнаго просвѣщенія, вносѣд. президентъ академіи наукъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, т. VIII, 399, 400, 420; т. X, 224, 388.

— Гр. Ив. Матв., министръ почтъ и телеграфовъ, т. VII, 125, 628, 644, 647; т. VIII, 328.

— Гр. Левъ Никол., писатель, т. VIII, 451.

— Гр., оберъ-гофмаршалъ, т. VIII, 260.

— Юрій Вас., товарищъ оберъ-прокурора св. синода, авторъ синода архіереевъ, т. X, 400.

— Яковъ Нилъ, действит. статскій совѣтникъ, агентъ русскаго правительства въ Парижѣ. Записка о немъ. Т. VIII, 328—330.

— Ѳеодилъ Матв. (Ростиславъ), муанкальнй рецензентъ, т. VII, 121—123, 125, 127.

Толь, графин:

— Генералъ-майоръ, т. VII, 116.

— Карлъ Ѳеодор., генералъ, главноуправляющій путями сообщенія, членъ государств. совѣта и военной академіи, т. IX, 211.

Тона:

— Клеманъ, кирасирскій унтеръ-офицеръ, вносѣд. генералъ, редакторъ газеты „National“, т. IX, 187, 623; т. X, 188, 195.

— Эмиль, директоръ парижскихъ национальныхъ мастерскихъ, вносѣд. управ-

ляющій собственными ивѣнїями Наполеона III, т. IX, 187.

Тоневичъ, Игнатій, повстанецъ, т. VIII, 558.

Тореловъ, подпоручикъ, смотритель политическаго отдѣленія новогорегіевской крѣпости, т. VIII, 561, 563, 587—572, 575, 577, 579, 587; т. IX, 91, 112, 127, 128, 554—556, 564.

Трамповскій, консулъ въ Ригѣ, т. VII, 482.

Трахимовскій, директоръ волниской губернской гимназіи, т. IX, 46.

Трейларъ, инженеръ и артиллеристъ, комунаръ, т. X, 692.

де-Трешумъ, герцогиня, принцесса Тарентская, статсъ-дама Маріи-Антуанеты, а потомъ русскаго двора, т. VIII, 131.

Тремпе, бельгийскій сапожникъ, комунаръ, т. X, 685.

Трефоловъ, Леонидъ Никол. Сообщилъ замѣтку: Похороны гр. А. И. Ушакова. Т. VIII, 472, 473. Императрица Елизавета какъ шеголжа. Т. IX, 218, 219.

Просьба о пожалованіи описныхъ вотчинъ. Т. IX, 443, 444. Матеріалъ для исторіи италянской оперы въ Россіи. Т. IX, 662—664. Такса на взятки. Т. X, 228. Первый провинціальный журналъ—Уединенный Пошехонецъ. Т. X, 237—240.

Трехлѣтовъ, Егоръ Вас., ярославскій купецъ, любитель древностей, т. X, 239.

Тригоговъ, В. Библиографическая замѣтка о его сочин. Община и подать. Т. IX, 212—214.

Тромбидъ, Платонъ Алексѣев., епископъ аккерманскій, викарій кшеневскій. См. Петръ.

Тролонъ, Раймондъ, французскій пріестъ, членъ института и сенаторъ, т. IX, 195.

Тронсень-Дюмерсанъ, французскій докторъ, т. X, 450—452, 461.

Трошо, французскій государственный человѣкъ, т. X, 448, 449, 682.

Трошисскій, Дмитр. Прокоф., статсъ-секретарь, сенаторъ, министръ удѣловъ, а потомъ юстиціи. Письмо къ нему кн. Е. Р. Дашковой. Т. IX, 672, 673.

Трошисскій, А. С., студентъ казанской духовной академіи, т. X, 25.

Трубецкіе, князья:

— Григорій, подпоручикъ, т. VIII, 497.

— Ив. Юрьев., бояринъ, фельдмаршалъ, сенаторъ, т. IX, 420.

— Никита Юрьев., дѣйствит. тайный совѣтникъ, генералъ-прокуроръ, писатель, т. VIII, 488; т. IX, 422—424.

— Никол., дѣйствит. статскій совѣтникъ, т. X, 485, 487, 488.

— Серг. Петр., полковникъ лейбъ-гв.

преображенскаго полка, декабристъ, т. IX, 657.

Трубинновъ, Констант. Вас., редакторъ-издатель „Виржевыхъ Вѣдомостей“. Библиографическая замѣтка о соч. его: Нѣмецъ и іезуитъ въ Россіи. Т. VIII, 459, 460. Упомин. т. VII, 644, 646, 648.

Трушенинъ, Тимофей, самозванецъ (жандаревичъ Алексій Петровичъ), т. VII, 279.

Трусевичъ, X. Библиографическая замѣтка о его сочиненіи: Посольскія и торговля сношенія Россіи съ Китаемъ. Т. VIII, 672—674.

Туманскій, Ѡ. П., статскій совѣтникъ, римскій дворянъ, т. VII, 485; IX, 580.

Тургеневы:

— Александръ Ив., дѣйствит. статскій совѣтникъ, писатель, т. VII, 610, 615; т. VIII, 10, 28, 25, 37, 243.

— Ив. Серг., писатель, т. IX, 10; т. X, 590.

— Никол. Ив., политическій писатель, т. VII, 20, 348.

— Отставной бригадиръ, т. X, 487.

Турчаниновъ, придворный камеръ-лакей, заговорщикъ, т. VII, 508.

Тухлома, политическій преступникъ, т. IX, 347, 561, 568, 579.

де-Тылли, гр. Янъ, повстанецъ, т. IX, 555, 557, 560, 578, 578, 579.

Тьерри, Амадей, членъ французскаго института. Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: Разсказы изъ римской исторіи V вѣка. Т. VII, 240—242.

Тьеръ, Людовикъ-Адольфъ, французскій министръ, впоследств. президентъ республики, т. VIII, 654, 684; т. IX, 187—189, 469, 622; т. X, 189, 190, 201—205, 448—453, 456, 457, 460—462, 665—667, 669, 670, 676, 677, 687, 689.

Тюменецъ, казакъ, посланный къ мунгальскому князю Кунквантшу, т. VIII, 673.

Тютчевъ, Ѡедоръ Ив., чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, поэтъ, т. VII, 126, 127.

У.

Уайтбормъ, предводитель оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ, т. VII, 211.

Уваровы:

— Гр. Алексій Серг., дѣйствит. статскій совѣтникъ, камергеръ. Библиографическая замѣтка о соч. его: Археологія Россіи—каменный періодъ. Т. VIII, 455—458. Упомин. т. VIII, 208, 480.

— Гр. Серг. Семен., дѣйствит. тайный совѣтникъ, членъ государственнаго со-

гѣта, министр народнаго просвѣщенія, т. VII, 14—28, 358; т. VIII, 451.

Уверскіе:

— Ив. Мих., эзекуторъ петербургскаго университета, т. X, 621.

— Никол. Ив., врачъ лейбъ-гв. навогскаго полка. Статьи о немъ. Т. X, 620—624.

У—въ, П. Ст. его: Изъ жизни императора Александра II. Т. IX, 596—605.

Угальковъ, Федоръ, кондукторъ инженернаго корпуса, т. VII, 282—284.

фонъ-Узедомъ, графъ, т. VIII, 666.

Уранищевъ, Савва Игнат., т. VIII, 692.

Умисъ-Парагъ, козунаръ, т. X, 687.

Умьбиновъ, Александръ Дмитр., музыкальный критикъ, т. VII, 121, 122.

Умяновъ, Иванъ, дворовый человекъ, т. IX, 446.

Умницкій, ученый, т. VIII, 446.

Улятовскій, Витольдъ, повстанецъ, т. VIII, 565, 576.

Урмане, генералъ, т. IX, 341, 568, 569.

Усовы:

— Пав. Степ., публицистъ и писатель. Воспоминанія его. Т. VII, 107—127, 345—362, 625—651; т. VIII, 318—343.

Сообщ. Записку Д. М. Наумова: Эпизодъ изъ жизни императора Николая I. Т. VII, 156—162. Оригинальную резолюцію государственнаго контролера В. А. Татаринова. Т. VII, 488. Замятки: по поводу его воспоминаній. Т. VIII, 240. Первые дебюты Бисмарка. Т. IX, 408—410. Случай изъ жизни гр. Сперанскаго. Т. X, 721, 722. Ст. его: Взглядъ французскаго писателя на нынѣшнюю Россію. Т. X, 624—639.

— Степ. Михайл., профессоръ петербургскаго университета, издатель газеты

Посредникъ и редакторъ Земледѣльческой Газеты, т. VIII, 337, 338, 341, 342.

Успенскіе:

— Кіевскій епископъ. См. Порфирій.

— Митрополитъ. См. Филоевъ.

— Н. В., писатель, т. X, 579.

Устиновскій, Петръ Ефремов., преподаватель воронежскаго духовн. училища, т. VII, 99, 100.

Ухтомскій, князь А., поручикъ невагскаго полка, т. VII, 515—517.

Ушаковъ, гр.

— Алексій Павл., тайный совѣтникъ. Письма къ нему Ф. Шварца. Т. IX, 666—668.

— Андрей Ив., генералъ-аншефъ, генералъ-адъютантъ, сенаторъ, начальникъ тайной розыскной канцеляріи. Похороны его. Т. VIII, 472, 473. Упомян. т. VII, 516; т. VIII, 486, 487, 488, 491.

— Командиръ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, т. IX, 420, 424.

Фабриціи, германскій генералъ, т. X, 449.

Фавръ, Жюль, французскій государственный человекъ, т. IX, 187, 205, 619; т. X, 448—450, 456, 457, 677, 682.

Ф—въ, А. Библиографическія замѣтки его: Фабричный бытъ Германіи и Россіи—Погожева. Т. X, 472, Библиотека европейскихъ писателей и мыслителей. т. X, 718, 714.

Фонъ-Фальгерзаль, римскій гражданскій губернаторъ, т. VIII, 189, 190.

Фальме, Яковъ, знатокъ классической древности. Статья его: Историческій городъ (Нюрнбергъ). Т. VII, 413—425.

Фальмонетъ, Этьенъ-Морисъ, знаменитый французскій скульпторъ, т. VIII, 480; т. IX, 170—184.

Фаминцинь, Александръ Сергѣев. Приглашеніе его къ доставленію неизданныхъ памятниковъ народнои поэзіи. Т. VII, 264, 265.

Фаль-Бларенбергъ, миниатюристъ, т. IX, 180.

Фаресовъ, А. И. Ст. его: Россія подъ перомъ новѣйшихъ реформаторовъ. Т. VII, 396—412, 683—696; т. VIII, 168—184, 403—416, 607—616.

Фаригагенъ, Рахель, т. VII, 449, 714.

Федерсенъ, актриса. См. Львова.

Фейгинъ, Я. Я., коммерціи совѣтникъ, т. VII, 650, 651.

Фелмскій, римско-католическій епископъ, т. VII, 876.

Фелицинь, Е. Д., секретарь кубанскаго областного статистическаго комитета. Библиографическая замѣтка о составленной имъ памятной книжкѣ кубан. обл. Т. VII, 477, 478.

Фералонтъ, святой, инокъ кирилово-бѣлозерскаго монастыря, т. X, 728.

Фердинандъ:

— I, король венгерскій, вноспѣд. императоръ австрійскій, т. VII, 444.

— II, римско-германскій императоръ, т. X, 212.

фонъ-Ферзень:

— Германъ, маршалъ шведскаго по-солства въ Россію въ 1674 г., т. VII, 657.

— Графиня, т. VII, 427, 428, 436.

Ферре, Теофиль, членъ парижской коммуны, т. X, 454, 669, 686, 687.

Ферри, Жюль, сенскій префектъ, т. X, 189, 448.

де-ля-Ферроне, графъ, французскій посланникъ въ Петербургъ, т. VIII, 22.

Фехнеръ, А., авторъ біографіи пастора Фридриха Зейдера. Библиографическая записка объ этой книгѣ. Т. VII, 484—486.

Финильмонъ, графиня, супруга австрійскаго дипломата, т. VII, 216.

Филаретовъ, рижскій епископъ. См. Филаретъ.

Филаретъ:

— (Амфитеатровъ), докторъ богословія, митрополитъ кievскій и галичскій, т. X, 99.

— (Василій Мих. Дроздовъ), митрополитъ московскій, т. VIII, 29, 85; т. X, 376—379, 381, 382, 387—390, 398—395, 404.

— (Дмитр. Григор. Гумилевскій), архіепископъ черниговскій, т. X, 99.

— (Филаретовъ), рижскій епископъ, т. VIII, 202; т. X, 230, 406, 408.

— Экономъ казанской духовной академіи, т. X, 19.

— (Федоръ Никитичъ Романовъ), патриархъ всероссійскій, т. IX, 677; т. X, 216—218.

Филиппъ, гравёръ. Записка по поводу его гравюръ: Свадьба карликовъ. Т. IX, 223, 224.

Филиппъ:

— II, король испанскій, т. X, 208.

— IV (Красивый), король французскій, т. VIII, 471.

— Комунаръ, т. X, 692.

Филлипсонъ, Мартинъ, историкъ, т. VII, 458—469.

Филоевъ (Успенскій), кievскій митрополитъ, т. X, 388.

Финке, прусскій государственный чело-вѣкъ, т. IX, 643.

Финкенштейнъ, графиня, т. VII, 446, 449.

Фирисъ, баронъ, финляндскій дворянинъ, офицеръ корпуса путей сообщ., авторъ брошюръ по русскимъ вопросамъ, подъ псевдонимомъ Шедо-Фероттъ, т. VII, 355.

фонъ-Фитинговъ:

— Тайный совѣтникъ, т. VIII, 21.

— Юліанна. См. фонъ-Криденеръ.

Фингербертъ, мистрисъ, т. VII, 207, 208.

Финдларенсъ, англійскій капитанъ, т. VII, 211.

Флавианъ, архимандритъ, принимавшій отъ угличанъ почтаевскую лазарь, т. X, 233.

де-Флессель, Жакъ, парижскій мѣръ, первая жертва французской революціи, т. IX, 466.

Флоре, парижскій депутатъ французскаго національнаго собранія, т. X, 209.

Флерета, Нина, любовница принца Людовика Бонапарта, т. VIII, 656.

Флоринскій, Кирилл, ректоръ московской духовной академіи, т. VII, 510.

Флотева, прусскій министръ финансовъ, вносилъ первый министръ, т. IX, 412.

Флурансъ, Густавъ, профессоръ французской коллегіи, вносилъ. предводитель войскъ парижской коммуны, т. X, 193—196.

Фогтъ, директоръ театровъ въ Познани, т. VII, 441, 442.

Фолле, французскій абатъ, т. X, 677.

Фонзимиасъ:

— Денисъ Ив., русскій писатель. Ст. по поводу обилея Недоросль на сценѣ и въ литературѣ. Т. X, 139—147. Упом. т. VIII, 467; т. X, 493.

— Павл., Ив., братъ писателя, т. X, 142.

Форе, лонскій ткачъ, революционеръ, т. VII, 188—191.

Фотій:

— (Петръ Снасскій), архимандритъ новгородскаго ярьва монастыря, т. VII, 491, 492; т. VIII, '33, 36, 241, 242, 243, 256.

— Преподаватель кievской духовной академіи, т. VII, 336.

Франковскій, арестантъ новогеоргіевской крѣпости, т. VIII, 581.

Францъ II, императоръ германскій, вносилъ австрійскій подъ именемъ Франца I, т. VII, 444; т. IX, 637.

Францъ-Йосифъ, австрійскій императоръ, т. IX, 404, 408.

Франческа, гражданская жена Гарibaldi, т. IX, 384, 393, 394.

Фезе, дѣвица, т. VIII, 26.

Фридманъ, баронъ Платонъ Александр., генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, т. X, 646.

Фридрихъ:

— II, прусскій король, т. VII, 227, 498; т. IX, 590; т. X, 695, 696.

— V, датскій король, т. VIII, 495.

— Великій, германскій императоръ, т. VII 227.

Фридрихъ-Вильгельмъ:

— I, прусскій король, т. IX, 641.

— II прусскій король, т. VII, 458—469.

— III прусскій король, т. VII, 714, 716.

— IV прусскій король, вносилъ императоръ германскій, т. VIII, 662, 663, 666; т. IX, 404, 406, 407.

Фридрихъ-Герль, герцогъ Голштейн-готторпскій, т. VII, 210.

Фриз:

— Ал. Вас., жена учителя, т. X, 607.
— Г. X., частный учитель въ Иркутскѣ, т. X, 607.

Фуль, русский генералъ, учитель Александра I въ военномъ дѣлѣ, т. VII, 720.

Фульдъ, Анриль, французскій министр финансовъ, т. IX, 195.

Фунне, польско-саксонскій посолъ въ Петербургѣ, т. IX, 425—428.

Фюрстенбергъ, графъ, директоръ княжескихъ театровъ, т. VII, 488.

X.

Хавсий, Петръ Вас., т. VII, 358.

Хайловъ, артиллерійскій лейтенантъ, т. IX, 176.

Хамъ, французскій карикатуристъ, т. X, 446.

Харинскій, Степанъ, крестьянинъ. Записка о пророчествѣ его. Т. VIII, 485, 486.

Хвостовъ, гр. Дмитр. Изв., сенаторъ, поэтъ, т. VII, 615; т. X, 166.

Хемъицкій, Петръ, читатель и служитель Яна Гуса, т. IX, 872.

Хераионовъ, Мих. Матв., дѣйствительный тайный совѣтникъ, кураторъ московскаго университета, поэтъ, т. IX, 449; т. X, 488.

Хилковъ, кн. Андрей Яков., т. VII, 658.

Хитровъ:

— Александра Александр. См. Кологривова.

— Учитель павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 854.

Хитровъ, камеръ-дверецъ, т. VII, 527.

Хлопцицъ, польскій полководецъ, т. IX, 209.

Хмелевская, житомирская артистка, т. IX, 45.

Ходуновъ, т. VIII, 88, 91.

Хольмъ, биржевой нотаріусъ, т. VII, 627.

Хоминковъ, Алексій Степан., писатель, т. IX, 284.

Хрисосмулова, Елена. См. Карбури-Кефаловская.

Христианъ VII, король датскій, т. VIII, 435—444.

Хрулевъ, корпусный командиръ, т. VII, 364.

Хрущовы:

— Офицеръ, т. VII, 526.

— Секретарь тайной канцеляріи, т. VII, 278.

Худковъ, С. Н. Записка его: Допол-

нительныя свидѣнія о канцеровскомъ бутлѣ. Т. IX, 444—446.

Художеръ, ханъ коланскій, т. VIII, 701; т. X, 118, 115, 183.

Ц.

Цаѣтаковъ, Д. В. Библиографическая записка о соч. его: Бахадн Шиллера. Т. X, 715—717.

Цаѣтновъ, А. Библиографическая записка о книгѣ его: Образцы новой русской словесности. Т. VII, 285—287.

Цедербаумъ, помощникъ уполномоченнаго русскаго общества народоходства и торговли, т. VII, 649.

Фонъ-Цейдлицъ-Лейбе, Карлъ Абраамъ, прусскій министръ. Библиографическая записка о положеніи учебникъ введенный во время управленія его школами. Т. X, 694—696.

Цельтъ, адъютантъ польскаго повстанца Подлевскаго, т. IX, 106, 107, 117.

Церетелевъ, кн. Н. А., т. IX, 229.

Цеслянский, польскій повстанецъ, т. IX, 350.

Цез, Вас. Андреев., тайный совѣтъ, председатель цензурнаго комитета, т. VII, 121.

Цунато, графъ, генералъ-лейтенантъ, жандармскій генералъ, т. X, 659—660.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковлев., т. VIII, 468.

Чарторьскій, кн. Владиславъ, князь польской аристократической партіи бѣлыхъ, т. IX, 412.

Чеботаревъ, Харитонъ Андреев., статскій совѣтникъ, членъ академіи наукъ, ректоръ московскаго университета, т. X, 141.

Чебышовъ, оберъ-прокуроръ св. синода, т. X, 401.

Чевининъ, Констант. Владимір., генералъ-адъютантъ, сенаторъ, членъ госуд. совѣта, т. VII, 638, 639.

Чегодаевы, князья:

— Москвичъ, т. VIII, 6.

— Ф., прапорщикъ судальскаго полка, т. VII, 515, 516.

Челановскій, чешскій писатель, т. IX, 365.

Чешедановъ, стольникъ, турникъ XVII вѣка, т. VIII, 497.

Черисовъ, баронъ, Изв. Антон., дѣйств. тайн. совѣтникъ, кабинетъ-секретарь, т. VII, 243, 244; т. VIII, 145.

- Черкасские, князья:**
 — Алексѣй Мих., канцлеръ, т. VII 260; т. IX, 420, 422.
 — Ирина Борис. См. Шереметева.
- Чермакъ, Янъ, декабристъ** кнѣзюшка Ровенско, въ Чехіи, т. IX, 18, 28—29, 367.
- Черниковъ, актеръ,** т. X, 141.
- Черникъ, графъ,** директоръ вѣнскихъ театровъ, т. VII, 443.
- Черновъ, Григорій Семен.,** т. VIII, 504.
- Черныиъ, купецъ,** уральскій заводчикъ. т. X, 524.
- Чернышевскій, Н. Г.,** писатель, т. X, 584.
- Чернышевы:**
 — Графиня, любимица императрицы Елизаветы Петровны, т. IX, 422.
 — Кн. Александръ Ив., генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, военный министръ, председатель государственнаго совета, т. IX, 657.
- Чернишскій, Андрей Андреев.,** волнискій прокуроръ. Отзывъ о немъ писателя Асоченскаго. Т. IX, 45.
- Четвертинскій, князь,** т. VII, 876.
- Четырничъ, Ив. Яе.,** директоръ канцлеріи петербургскаго генералъ-губернатора, т. X, 423, 424.
- Чеховичъ, В. П.,** профессоръ кievской духовной академіи, т. VII, 888.
- Чеховскій, В.,** членъ временной комисіи для разбора древнихъ актовъ, т. IX, 441.
- Чериковы:**
 — Г. С., библиографъ, т. VII, 718, 719.
 — Стольникъ, т. VIII, 692.
- Чистовичъ, Иларій Алексѣев.,** дѣйств. статскій совѣтникъ. Библиографическая записка о его Очеркѣ исторіи западно-русской церкви. Т. IX, 216.
- Чистяковъ, епископъ** курскій. См. Илюдоръ.
- Чичерина, Ольга Вас. См. Пушкина.**
- Чглокова, Вѣра Никол. См. Миннихъ.**
- Чувриловъ, Давидъ,** казematный служитель новогеоргиевской крѣпости, т. IX, 100.
- Чумбинскій, писатель.** См. Леонасьевъ.
- Чуйно, В. В.** Библиографическая записка о его изданіи: Библиотека европейскихъ писателей и мыслителей. Т. X, 713, 714.
- Чуманъ, Василій,** разбойникъ, т. IX, 586.
- Чупинны:**
 — Анисимъ, вогуличъ, т. VIII, 627.

- Степанъ, вогуличъ, т. VIII, 626, 627.
- Чупинъ, Наривъ** Константинъ, инспекторъ горнаго уральскаго училища. Некрологъ его. Т. VIII, 617—629.

III.

- Шабданъ, сынъ кара-киргизскаго** Малала Джантала, т. X, 127—129.
- Шабельскій, адъютантъ** петербургскаго генералъ-губернатора, т. X, 649.
- Шалевъ, еврей,** пражскій антикваръ, т. IX, 366.
- Шалье, Мари Жозефъ,** любимица французской революціи, т. VII, 176, 177.
- Шамбергъ, графинъ:**
 — См. Генрихъ V.
 — Претендентъ на французскій престолъ, т. X, 462.
- Шампань, гр. Франсуа,** авторъ сочин. „Цезарь“. Библиографическая записка объ этомъ сочиненіи. Т. IX, 484—488. Упомян. т. X, 412.
- Шампи, комунаръ,** т. X, 687.
- Шангарье, французскій** государственн-ый человѣкъ, т. X, 448.
- Шандоръ, графинъ:**
 — Знаменитый вѣдокъ, т. VII, 442.
 — Паулина. См. Меттернихъ.
- Шанзи, французскій генералъ,** т. IX, 624.
- Шантеренъ, французская** семья, т. IX, 678.
- Шаринскій, Семень** Данил., волнискій ночтмейстеръ. Отзывъ о немъ писателя Асоческаго. Т. IX, 46.
- Шарлотта, супруга** герцога Кобургскаго Леопольда, внослѣдъ короля бельгійскаго, т. VII, 198, 206, 208—215.
- Шаригоретъ, русскій инженеръ** генералъ-лейтенантъ, т. X, 148, 156.
- Шафировъ, баронъ** Петръ Пав., дѣйств. тайный совѣтникъ, т. VIII, 222.
- Шаховские:**
 — Князь, т. VII, 284.
 — Кн. Алекс. Алексѣев., драматургъ, т. VII, 615, 618; т. IX, 229; т. X, 166.
 — Кн., оберъ-прокуроръ св. синода, т. VIII, 257.
- Шацкіе:**
 — Артиллерійскій инженеръ, политическій преступникъ, т. IX, 577.
 — Штабсъ-капитанъ, политическій преступникъ, т. IX, 570, 577.
- Шашковъ, С. С.,** студентъ казанской духовной академіи, т. X, 6, 40.
- Шваинебахъ, Антонъ** Антонов., председатель волниновой палаты государств.

- нижествѣ. Отзывъ о немъ писателя Асиотенскаго. Т. IX, 41.
- Шварцбергъ, кн. Феликсъ-Людвигъ-Юзефъ-Фридрихъ, австрійскій государственный человѣкъ, т. VII, 215, 216.
- Шварцъ:
- Александръ Никол., профессоръ московскаго университета, т. IX, 450.
  - Профессоръ, глава московскихъ масоновъ, т. X, 485.
  - Федоръ, командиръ семеновскаго полка. Записка о событіи 17 октября 1820 г. и письмо его къ А. П. Ушакову. Т. IX, 665—668. Упомян. т. VII, 149.
- Швейковская, полька. Записка о брахѣ ея съ кн. Любомірскимъ, вслѣдствіе расторженіемъ. Т. X, 648, 649.
- Швецовъ, Г. М., простолудникъ. Библиографическая записка о стихотвореніи его: Вѣнокъ царю-великомученику государю императору Александру II. Т. VIII, 222—225.
- Швеченко, Тарасъ Григорьевъ, поэтъ и художникъ. Записка объ исключеніи его изъ состава временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ. Т. IX, 441—443. Упомян. т. VIII, 191; т. IX, 251; т. X, 97.
- Шевыревъ, Степ. Петр., профессоръ, т. IX, 226.
- Шедо-Феретти, псевдонимъ автора брошюры по русскимъ вопросамъ, барона Фиркса, т. VII, 355.
- Шено-д'Эстампъ, адвокатъ, т. VII, 447.
- Шенкъ, адъютантъ 4 стрѣлковаго баталіона, т. VII, 364, 365.
- Шенковъ, актеръ, т. X, 165.
- Шенкингъ, смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.
- Шенингъ, Александръ Федор., помощникъ инспектора военно-спиртскаго корпуса, т. VIII, 123, 345, 346, 353, 355, 359—361.
- Шенъ, прусскій государственный человѣкъ, т. IX, 641—643.
- Шенгалецъ, Дмитрій Андреевъ, генералъ-аншефъ, оберъ-гофмаршалъ, т. VII, 516; т. IX, 663.
- Шерье, баталіонный командиръ французской національной гвардіи, т. X 667.
- Шереметевы:
- Русскій дворянскій домъ, т. X, 218—218.
  - Гр. Мих. Борисовъ, фельдмаршалъ, т. VIII, 704; т. IX, 679, 680.
  - Гр. Н. П., т. X, 217.
  - Гр. Сергій Дмитр., издатель сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. Библиографическая записка объ этомъ изданіи. Т. VIII, 450—454. Упомян. т. X, 217.
- Ирина Борис., рожденная Чернасская, т. X, 216.
- Новгородскій воевода, т. VII, 655.
- Федоръ Ив., московскій бояринъ, т. X, 216, 217.
- Шернваль-Валонъ, баронъ Эмил. Карл., действит. тайный совѣтникъ, министръ статсъ-секретарь великаго княжества финляндскаго, т. IX, 602.
- де-ла-Шетарди, Жанъ-Троттн, маркизъ, французскій посланникъ въ Петербургъ, т. VII, 500; т. IX, 422, 424.
- Шинкельскій, Степ. Ив., начальникъ тайной розыскной канцеляріи, т. VIII, 500; т. X, 483, 487, 496.
- Шинкаевъ, Ив. Ив., московскій купецъ, секретарь старообръческой іерархіи, т. X, 402.
- Шинурскій, греко-уніатскій монахъ, казначей козаческой галеры, т. X, 233.
- Шиняловъ, Іоаннъ-Крестофъ-Фридрихъ, нѣмецкій поэтъ, т. X, 715—717.
- Шиняловъ фонъ-Наштадтъ, Пав. Львовъ, баронъ, основатель восточнаго музея въ Петербургъ, академикъ, строитель телеграфа въ Россіи, т. VII, 625.
- Шиняловскій, Степ. Ив., студентъ казанской духовной академіи, т. X, 16, 48.
- Шиняловъ, генералъ (1825 г.), т. IX, 656.
- Ширъ-Али, ханъ, т. X, 132, 133, 278.
- Шиняны:
- Смоленскій чиновникъ, т. VIII, 697.
  - Управитель лѣвными гр. Аракчеева, т. VII, 489.
- Шиняновъ:
- Александръ Семен., генералъ-адъютантъ, вице-адмиралъ, президентъ російской академіи и министръ народнаго просвѣщенія, т. VII, 609, 614, 615, 618; т. VIII, 15, 16, 242, 244, 245, 247—252, 255—258, 260—262; т. IX, 365; т. X, 418.
  - Юлія Осипов., рожденная Нарбутъ, по первому браку Лобичевская, т. VIII, 256, 261.
- Шнотъ, англичанинъ, управл. имѣніями гр. Л. А. Перовскаго, т. VIII, 191.
- Шининъ, Генрихъ, изслѣдователь классической древности. Записка о томъ, чѣмъ онъ обязанъ Россіи. Т. VII, 252—254.
- Шининенбахъ, баронъ:
- Константинъ Антон., директоръ перваго кадетскаго корпуса. Воспоминаніе о немъ Я. Н. Бутковскаго. Т. X, 646, 647.
  - Шведскій, а потомъ русскій генералъ, т. IX, 679.
  - Шинтто, квакеръ, т. VIII, 243.

Шлеттгеймъ, генераль-маіоръ, управленій квартирною германскаго императора, т. X, 198.

Шмалгаузенъ, Ив. Ѳеодор., коллеж. советникъ, профессоръ кievскаго университета, т. IX, 658.

фонъ-Шметтау, гр. Аделаида-Амалия. См. кн. Голицына.

Шмидтъ:

— Нѣмецкій ученый. Библиографическая замѣтка о соч. его: *Jus primae noctiae*. Т. X, 696, 697.

— Чиновникъ рижскаго генераль-губернатора, т. VIII, 199—202.

Шмидебергъ, еврей, полатическій арестантъ, т. VII, 389.

Шнейдеръ, Луи, чтецъ и библиотечаръ прусскаго короля, т. VII, 626.

Шоде, Густавъ, адвокатъ, республиканецъ, т. X, 675.

Шокуровъ, Иванъ, капитанъ. Указъ на его имя о принатіи содержателя итальянской оперы Локателли ко двору. Т. IX, 662, 663.

Шобургъ, Вильгельмъ, писатель, т. IX, 429.

Шомэттъ, Пьеръ-Гомаръ, прокуроръ парижской коммуны, т. IX, 633.

Шоръ. Ст. его: Художественные сюжеты въ японскомъ искусствѣ. Т. VIII, 421—432.

Шпатный, чешскій лексикографъ, т. IX, 361.

Шпигель, Карлъ, петербургскій negociantъ, т. VII, 648.

Шрамъ, французскій генералъ, т. IX, 194.

Шредеръ:

— Вильгельмина, танцовщица, а потомъ оперная пѣвица, по 1 браку Дерриенъ, по 2 Боккъ, т. VII, 451.

— Директоръ дерптской гимназіи, т. VIII, 203.

— Торговный домъ въ Амстердамѣ, т. VII, 263.

Шрейеръ, Юлій Ѳеодор., писатель и публицистъ. Библиографическая замѣтка о сочиненіи его: „Пятидесятилѣтній юбилей е. и. в. принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго“. Т. VIII, 230.

Шрейнецеръ, капельмейстеръ петербургскаго нѣмецкаго театра, т. VII, 429.

Шренкъ, Леопольдъ Ив., дѣйствительскій совѣтникъ, докторъ философіи, академикъ, т. X, 420.

Штанельбергъ:

— Лифляндскій дворянинъ, т. X, 738.

— Полковникъ, директоръ артиллерійскаго департамента, т. X, 148.

Штейгеръ, баронъ, корреспондентъ телеграфнаго агентства въ Константинополѣ, т. VII, 649.

фонъ-Штейнъ, Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ, баронъ, прусскій государственный государственный чиновникъ и реформаторъ. Замѣтка о его реформахъ. Т. IX, 641—644.

Штоглицъ, граверъ, т. VIII, 147.

Штертъ. Библиографическая замѣтка о сочин. его: „Исторія англійской революціи“. Т. X, 697, 698.

Штеръ, Матвій, директоръ департамента полиціи исполнительной м. в. д., т. X, 720.

Штибельтъ, повстанецъ, т. VIII, 578, 584; т. IX, 107, 111.

Штиглицъ:

— А. Библиографическая замѣтка о сочин. его: „Исслѣдованіе о выдачѣ преступниковъ“. Т. X, 717.

— Банкирскій домъ въ Петербургѣ, т. VII, 681, 682.

— Баронъ, Александръ Львовичъ, дѣйствит. тайный совѣтникъ, придворный банкиръ, т. VII, 631, 640.

— Генрихъ, поэтъ, т. VII, 436, 437.

— Любимъ-Людвигъ-Иванъ, баронъ, основатель банкирскаго дома въ Петербургѣ, т. VII, 456.

— Шарлота Соф'я, жена поэта, т. VII, 436, 437.

Штошмаръ:

— Баронесса, супруга предыдущаго, т. VII, 221.

— Баронъ Христианъ, врачъ и доверенный другъ герцога Леопольда Кобургскаго, т. VII, 196—198, 202, 204—206, 218—223.

Штраденбергъ, шведскій офицеръ, т. X, 217.

Штумцъ, Вацлавъ, чешскій каноникъ, поэтъ, т. IX, 356.

Шуазель-Гуфье:

— Гр. Огюстъ-Лоранъ, французскій посланникъ къ Константинополѣ, потомъ русскій статскій совѣтникъ и директоръ академіи наукъ, впоследствии перъ Франціи, т. VIII, 131.

— Графиня, т. IX, 588.

Шубертъ, Ѳеодоръ Ѳеодор., генералъ отъ инфантеріи, членъ военнаго совѣта и директоръ военно-топографическаго депо, т. VII, 667.

Шубинскій, Сергій Никол. Замѣтка о предположеніи изданіи иллюстрированной исторіи Петра Великаго. Т. VII, 255, 256. Ст. его: „Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году“. Т. VII, 652—660. Московскій маскарадъ 1722 года. Т. VIII, 149—154.

Шуваловы, графы:

- Русский графскій домъ, т. IX, 428.
- Александръ Изъ, генералъ-аишефъ, управлющій тайшою канцелярією, внослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ, т. VIII, 492, 493.
- Изъ Изъ, дѣйствит. тайный совѣтникъ, оберъ-камергеръ, почетитель, основатель и главный кураторъ московскаго университета, т. IX, 449.
- Мавра Егоровна, любовница императрицы Елизаветы Петровны, т. IX, 422.
- Петръ Андреевъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ-кавалеріи, членъ государств. совѣта, т. IX, 603.

Шуйские:

- Русский княжескій домъ, т. X, 214.
- Царь московскій. См. Василий Ивановичъ.

Шумахеръ, инспекторъ классовъ военносиротскаго корпуса, т. VIII, 123, 844.

Шумилинъ, капитанъ павловскаго кадетскаго корпуса, т. VIII, 362.

Шумские:

- Актеръ, т. X, 141.
- Настасья. См. Миккина.

Шурманъ, Анна-Марія, писательница, VII, 260.

Шуфельтъ, американскій командоръ, т. IX, 157.

Щ.**Щаповы:**

— Аванасій Прокофьевъ, профессоръ казанской духовной академіи, а потомъ казанскаго университета, писатель. Биографія его. Т. X, 5—44, 295—336, 576—619.

— Иванъ, войсковой обыватель, депутатъ комисіи уложения, т. X, 5.

— Прокофій, дьячекъ села Анги, Иркутской губ., т. X, 6.

— Ольга Изъ, рожден. Жемчужникова, т. X, 590—595, 600—602, 606, 607, 609, 613—616.

Щепкинъ, Мих. Семеновъ, актеръ, т. X, 92.

Щербатовъ, кн. Мих. Мих., тайный совѣтникъ, сенаторъ, президентъ камеръ-коллегии, историкъ, т. VII, 524, 525; т. VIII, 448; т. IX, 428.

Щербина, Никол. Феодоръ, поэтъ и писатель, т. X, 97.

Щербинина, рожденная княжна Дашкова, т. IX, 669.

Щуръ, повстанецъ, т. VIII, 568, 569.

Э.

Эбердинъ, См. Абердинъ.
Эбершельдъ, Адольфъ, шведскій резидентъ въ Москвѣ, т. VII, 657.

Эгерцъ, Яганъ, столяръ, т. VIII, 472.

Эгидій, Христіанъ, докторъ, т. VIII, 487.

Эдлингъ, графиня, рожденная Стурлаза, т. VIII, 17.

Эйхгольцъ, поручикъ, ординарецъ генерала М. Д. Скобелева, т. IX, 398.

Эишартъ, Ф., дерптскій профессоръ, т. VIII, 189.

Эимертъ, Луиза, рижская актриса, т. VII, 440, 441.

Эленбороу, Леди. См. Теотоки.

Эльмйтъ, гр. Изъ Карповъ, русскій генералъ-фельдмаршалъ, т. VII, 482.

Эмерсонъ, американскій писатель, т. VIII, 478.

Эмма, внучка чешскаго патріота, священника Антоина Марка, т. IX, 362, 363.

Энгельгардтъ, авторъ статей по экономическому вопросу, т. VII, 398.

Эсандеръ Самуилъ, переводчикъ при шведскомъ посольствѣ въ Москвѣ, т. VII, 557.

Эпiniusъ, академикъ, наставникъ цесаревича Павла Петровича, т. IX, 585.

Эрбень, Карлъ-Яроміръ, чешскій поэтъ, хранитель пражскаго городского архива, т. IX, 366.

Эспинасъ, генералъ, французскій министръ внутреннихъ дѣлъ, т. IX, 190, 204.

фонъ-Эссель, гр. Петръ Кирилъ, генералъ отъ-инфантеріи, петербургскій военный генералъ-губернаторъ, внослѣд. членъ государств. совѣта, т. VII, 668; т. VIII, 3 8.

Эстергази графъ, французскій эмигрантъ, т. IX, 593.

Эше, американецъ, владѣлецъ угольныхъ копей на о. Сахалинѣ, т. X, 177.

Ю.

Юдинъ, Андрей, крестьянинъ чембарскаго у., т. IX, 446.

Юліана-Марія (принцесса брауншвейгъ-вольфенбургельская), вторая супруга короля датскаго Фридриха V, т. VIII, 442, 443.

Юнгманнъ, Иосифъ-Яковъ, славянскій филологъ, деканъ философскаго факультета пражскаго университета, внослѣд. ректоръ, т. IX, 356—363, 365, 366.

Юнгъ-Штмлинъ, Иоганъ-Фридрихъ, въ-

мецкій профессоръ, мистикъ, т. VIII, 12, 15, 17.

Юнитъ, старшій плацъ-адъютантъ въ нологеоргиевской крѣпости, т. VIII, 568, 583, 584; т. IX, 103, 119, 328, 351.

Юрбенъ, учитель, комунаръ, т. X, 677, 685.

Юривичъ, П. И. Изъ воспоминаній его. Т. X, 156—174. Забѣтка по поводу этихъ воспоминаній. Т. X, 479, 480.

Юшневичъ, архіепископъ новгородскій. См. Амвросій.

Юшновъ, смоленскій чинovníкъ, т. VIII, 697.

Я.

Языковъ, Д. Д. Сообщ. замѣтку: Изъ записной книжки русскаго библиографа; по поводу одного изъ воспоминаній Усова. Т. VIII, 240. Ст. его: Недоросль на сценѣ и въ литературѣ. Т. X, 189—147.

Якимовы:

— Владѣлецъ угольныхъ копій на о. Сахалинѣ, т. X, 177.

— Профессоръ харьковскаго университета, т. IX, 228.

Якоби, А. Н. Ст. ея: На Капрерѣ у Гарибальди, изъ личныхъ воспоминаній. Т. IX, 380—394.

Яковлевъ, артиллерій генералъ-лейтенантъ, предсѣдатель инженернаго ученаго комитета, т. X, 148, 150.

Якубовичъ:

— Александръ Из., штабъ-ротмистръ нижегородскаго драгунскаго полка, декабристъ, т. VIII, 266; т. IX, 657.

— Надежда Мартыи., т. X, 100

Якубовскій, профессоръ, т. IX, 441.

Янубъ-бенъ, кашгарскій ханъ, т. X, 113, 114, 116, 117.

Янушинъ, Пав. Из., писатель и этнографъ. Письмо его къ П. С. Усову. Т. VII, 116. Упомян. т. X, 318, 579.

Ялычевъ, казакъ, т. VIII, 674.

Яновичъ-де-Мирлево, Федоръ, директоръ народныхъ школъ въ Россіи, т. X, 494.

Яновичъ, Владиславъ, политическій преступникъ, т. VII, 375—380, 382, 385—389.

Янсонъ, Юліи Эдуардъ, дѣйстви. стат. совѣтникъ, профессоръ петербургскаго университета, т. VII, 397, 398, 404.

Янъ изъ Смържиць, чешскій панъ, т. IX, 368.

Янъ изъ Цимбурка и Товачова, чешскій владѣтельный панъ, т. IX, 368.

Янъ Августа, епископъ чешской братской общины, т. IX, 371.

Яловичъ, В., т. VIII, 574, 591.

Ярой, Иванъ, кописъ тайной канцеляріи, т. VIII, 491.

Ярославовъ, сервантъ невскаго полка, т. VII, 515—517.

Ярошискій, варшавскій сапожникъ, повстанецъ, VII, 376, 380, 384; т. VIII, 591.

Ярцовъ, шиктмейстеръ шайтанскихъ заводовъ Демидова, т. VIII, 626.

Яшинъ, Вас. Гавриловъ., товарищъ предсѣдателя волынской уголовной палаты, т. IX, 44.

Ящискій, правитель канцеляріи одесскаго рижельскаго лицея, т. VIII, 115.

Ящурминскій, Я. Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Лрическія малорусскія пѣсни. Т. VII, 475, 476.

Ө.

Өадтевъ, Корнила, дворовый человекъ д. Рогатины, судальскаго у., предсказатель, т. VIII, 481—483.

Өалтевъ, Ө, калужскій старообрядецъ. Забѣтка о листѣ его „За старообрядецъ“. Т. VII, 225, 226.

Өедоровъ, Григорій, священникъ петропавловскаго собора въ Петербургѣ, т. VII, 278.

Өедоръ (Бухаревъ), архимандритъ, инспекторъ казанской духовной академіи, т. X, 28, 38.

Өедоръ Ивановичъ, царь московскій, т. X, 216.

Өеодосій:

— Петербургскій прееосвященный, т. VIII, 473.

— (Яновскій) новгородскій архіепископъ, т. VII, 725.

Өеодостевъ, уральскій лѣсопромышленникъ, т. X, 505—508.

Өеодотовъ, Пав. Андреевъ., художникъ, т. IX, 448.

Өеофанъ (Прокоповичъ), архіепископъ новгородскій, т. VIII, 483.

